

ТВЕРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

11
ВЫПУСК

ТВЕРЬ 2018

Государственное бюджетное учреждение культуры Тверской области
«Тверской государственный объединённый музей»

ТВЕРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

МАТЕРИАЛЫ
18-го–20-го ЗАСЕДАНИЙ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО СЕМИНАРА
«ТВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ
В ДРЕВНОСТИ»

ТВЕРЬ 2018

УДК 902/904
ББК 63.4
Т26

Т26 **Тверской археологический сборник.** Выпуск 11. Материалы 18-го–20-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» / Под ред. И.Н. Черных. – Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2018. – 680 с.; ил.

ISBN 978-5-94789-822-4

В данный выпуск сборника вошли представленные для публикации материалы 18-го (24–28 марта 2015 г.), 19-го (22–26 марта 2016 г.) и 20-го (21–25 марта 2017 г.) заседаний научно-методического семинара с международным участием «Тверская земля и сопредельные территории в древности», действующего на базе Тверского государственного объединённого музея с 1994 года.

Хронологически выпуск охватывает периоды от верхнего палеолита до раннего Средневековья, территориально – тундровую, лесную и лесостепную зоны Восточной Европы и шире – Северную Евразию.

В научный оборот вводятся новые материалы полевых и камеральных, в т.ч. экспериментальных, изысканий, как сугубо археологических, так и произведённых на стыке с другими науками, а также разработки теоретического характера. В статьях отражены современные методы исследований и предлагаются новые методики изучения археологических объектов. Публикуются предметы материальной и духовной культуры разных эпох.

Ряд статей носит проблемный и дискуссионный характер, часть материалов была переработана авторами с учётом исследований последних лет.

В целом сборник имеет непосредственное отношение к изучению древностей Тверской земли и её связей с другими территориями.

Книга предназначена археологам, историкам, музейным работникам, студентам, краеведам и всем интересующимся древнейшим прошлым России, сопредельных государств и Тверского края.

Сборник издан за счёт средств Тверского государственного объединённого музея, в том числе полученных от проведения хоздоговорных археологических исследований.

ББК 63.4

Ответственный редактор выпуска **И.Н. Черных**

Рецензенты:

доктор исторических наук М.Г. Жилин,
доктор исторических наук В.А. Лапшин

ISBN 978-5-94789-822-4

© ГБУК Тверской области «Тверской государственный объединённый музей», 2018 г.

© И.Н. Черных – редактор сборника, 2018 г.

© Авторы статей, 2018 г.

© ООО «Издательство «Триада», 2018 г.

Tver State United Museum

**TVER
ARCHAEOLOGICAL
COLLECTION**

**THE MATERIALS
OF THE 18th–20th MEETINGS OF THE SCIENTIFIC
AND METHODIC SEMINAR «TVER LAND AND NEIGHBOURING
TERRITORIES IN ANCIENT TIMES»**

TVER 2018

Tver Archaeological Collection. Issue 11. The Materials of the 18th–20th Meetings of the Scientific and Methodic Seminar «Tver Land and the Neighbouring Territories in Ancient Times». Edited by I.N. Tchernykh. – Tver: «Triada» Publishers» Ltd, 2018. – 680 p.; ill.

ISBN 978-5-94789-822-4

The present issue of the Collection consists of the materials submitted for publication by the participants of the 18th (March 24 – March 28, 2015), the 19th (March 22 – March 26, 2016) and the 20th (March 21 – March 25, 2017) sessions of the Scientific and Methodic Seminar with international membership «Tver Land and the Neighbouring Territories in Ancient Times», which has been working on the base of Tver State United Museum since 1994.

Chronologically the issue covers periods from the Upper Palaeolithic to the Early Middle Ages, as well as the territories of the tundra, wood and wood-steppe zones of Eastern Europe and wider, Northern Eurasia.

New materials gained from the field and laboratory studies (including experimental) are published. Along with purely archaeological investigations the complex studies made on the junction of sciences as well as theoretical researches are introduced into scientific circulation. The articles reflect modern methods of research and suggest new approaches to the study of archaeological objects. Artifacts connected with material and spiritual culture of various epochs are presented.

Several articles put forward various problems and are disputable. Some materials have been partly revised by the authors who have taken into account recent researches.

The collection on the whole directly relates to the study of antiquities of the Tver land and its connections with other territories.

The book is addressed to archaeologists, historians, museum experts, students as well as to regional researchers and all interested in the most ancient past of Russia and the Tver land in particular, and the neighbouring states.

The publication of the present issue of the Collection was financed by Tver State United Museum, as well as through funds obtained from commercial archaeological investigations.

Chief Editor of the Issue **I.N. Tchernykh**

Readers:

Doctor of History M.G. Zhilin

Doctor of History V.A. Lapshin

ISBN 978-5-94789-822-4

© Tver State United Museum, 2018

© I.N. Tchernykh, Editor-in-Chief, 2018

© Contributors to the collection, 2018

© «Triada» Publishers» Ltd, 2018

В.В. Сидоров

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Археология как познание прошлого по материальным следам – объективна и конкретна, но само такое познание – часть более широкой науки, и объясняться с этнологией мы должны на её языке. Обсуждение имеет смысл, если ведётся на взаимопонятном языке. Поэтому полагаю необходимым обозначить семантические поля основных терминов. Это не так сложно – они составляют систему. Ключевыми словами оказались **Общество** и **Культура**. Человек – животное общественное, благодаря чему он может использовать опыт не только личный, но и общий. А культура и есть общий опыт. То есть это категория информационная, а не материальная или духовная. Просто часть информации направлена на деятельность, преобразующую мир предметов, а часть – на поддержание и развитие самого общества, на взаимодействие членов общества. Археология и нацелена на выявление следов опыта, то есть культуры. Антропология занята совсем иным – биологией, но через неё тоже проходят следы былого опыта, как и через любые науки о человеке.

Но не такая уж большая часть опыта археологизируется, то есть оставляет читаемые следы. Тем не менее это именно следы культуры. В том, что нам удаётся уловить, отпечаталась общая для данного сообщества информация – значит, мы имеем дело именно с культурой. Язык – часть культуры. В нём – тоже следы связей и наследие опыта. Если мы обнаруживаем параллелизм в изменениях признаков, передаваемых через обучение, мы можем быть уверены, что те, кого мы изучаем, друг друга понимали. Язык мы не видим, но видим следы его применения – циркулирующую информацию. Культура не создаётся – она существует, меняясь. У этноса нет начала – это вечное продолжение, хотя возникают ситуации быстрых изменений (именно их принимают за формирование новой археологической культуры), чаще всего – это результат включения в существующую культуру крупных массивов информации другой культуры. Определения В.П. Алексеева этноса как саморазвивающейся системы с избирательными связями [1, с. 32, 66] было бы достаточно, если бы он не добавил список конкретных признаков. Но культуры, развиваясь, претерпевают такие изменения, что списки признаков обрываются. Наша задача – выяснить условия, обстоятельства трансформации.

Этнос и есть среда циркуляции информации – от предков к потомкам и между современниками. Выяснить структуру общностей и характер их контактов – это и есть задача археологического исследования.

Культуру каждый усваивает в общении. Оно происходит во младенчестве – в пределах семьи (в том числе двуязычной), в детстве – в общине, в подростковом возрасте – в сообществе общин и лишь по достижении социального статуса взрослого – в контактных межэтнических и профессиональных связях. То есть объективно есть разные возрастные уровни культуры. То же наблюдается и в усвоении языка, разные пласты которого соответствуют разным возрастным стадиям, как показал К.И. Чуковский (см. «От двух до пяти»): на первом-втором году усваивается фонетика, на втором-пятом – грамматика и первичный – бытовой и семейный – состав лексики. Профессиональная терминология никак не может обозначать/доказывать родство языков. Она легко заимствуется в контактах и легко утрачивается и заменяется.

Определять этнос и культуру через перечень признаков бесполезно – они только описывают явление, а полнота описания переменна и ситуационна. Признаки меняются, а этносы остаются и проявляются с новым набором признаков. Количественное определение сохранения элементов – субъективно и ситуационно. Одни и те же признаки могут быть и значимыми, и второстепенными, и вовсе не значащими. Но что остаётся – это прохождение членов социума через один и тот же опыт. То есть можно говорить о тождестве этноса и культуры.

Через структуру синхронных археологических культур мы узнаём и этническую карту, и характер межэтнических отношений. Диахронные исследования позволяют проследить их генезис, следы былого опыта. Можем ли мы фиксировать иные, кроме этнических, связи (экономические, политические)? Да. Но были ли устойчивыми связи не этнические? Они обладали тенденцией к развитию в этническое единство, но для реализации её требуется или очень высокая интенсивность связей, которой не было в первобытности, или тысячелетия. В первобытности единственная форма поддержания реальных социальных связей – это результат выполнения взаимных обязательств, вытекающих из родственных или ритуализированных отношений.

Но культура ещё делится на субкультуры, отражающие структурированность общества. Древнейшее разделение по гендерному признаку восходит к биологии, на него наслаивается бытовая специализация. Разделение труда образует иррациональную (сакральную) субкультуру, которая требует тоже особых психофизических свойств. Затем формируется субкультура управления, которая требует лидерских качеств, далее – профессиональные субкультуры (воины, мастера). Следы конкретных субкультур фиксируют содержание связей, определяют, в чём именно культуры общались.

Древнейшее разделение труда – по гендерному признаку – открывает возможность непосредственно фиксировать систему родственных связей. Экзогамия вынуждает искать брачных партнёров не только в своём племени, хотя большая часть таких связей замыкается именно в племени. Родственные же связи охватывали почти все строго обязательные социальные связи – предписанные обязанности и права. Общая культура включает и общие предания. Так что даже те социальные связи, которые не являются биологически родственными, приобретали и сохраняли форму и титул вплоть до позднего Средневековья (а где-то и до наших дней) как проекция родовых связей и ими освящены.

Керамика как область женской субкультуры позволяет проследить такие связи. Примеры участия мужчин в изготовлении керамики несколько не меняют это деление – они относятся к ремесленному производству, а значит – к межобщинным связям, которые входили в мужскую субкультуру и не имеют отношения к первобытности. Даже такие виды традиционной женской деятельности, как шитьё одежды и приготовление пищи, попадая в межобщинную сферу, становятся деятельностью мужской.

Высказывается предположение, что внутриплеменные нормы предписывали женщинам в изготовлении посуды определённые каноны, которым она должна была учиться в новом обществе. Но это утверждение ни на чём не основано, кроме авторских взглядов. Впитывание любых культурных влияний, которое отмечено Л.Л. Косинской для зауральского неолита [2], – показатель отсутствия в этой среде регуляции, требующей безукоснительного соблюдения традиционных форм вне пределов своей субкультуры. Вряд ли мужчины мог вмешиваться в то, чем ведала женская субкультура, а в составе женщин каждой конкретной общины были представительницы разных родов и племён. То же самое наблюдается в волосовской культуре, где изготовители керамики принимают в свою орнаментальную систему новации от иноплеменниц.

Появление керамики – новация в культуре. Она сама не совершала революцию в хозяйстве и образе жизни, но появлялась вне зоны её зарождения уже как посуда – информационное заимствование, прошедшее стадии изобретения, выработки приёмов изготовления и пользования в тех областях, где оседлость уже начала формироваться, то есть заимствовалась обществами там и тогда, где и когда её применение как посуды становилось рационально. Это никак не показатель миграции, если под миграцией предполагать перемещение группы, способной сохранять свою культуру. Но стремительность, с какой распространялись эти новации на общества, где оседлость только начинает формироваться, показывает, что к этому моменту связи пронизывали все культуры. Различия в древнейшей керамике указывают на разные начальные центры формирования керамического культурного комплекса, от которых тянутся цепочки связей. Различимы балканско-днепровский путь, куда входит и тип Котчище (который Н.А. Цветкова совершенно напрасно пытается объединить с верхневолжским), донско-средневолжский и прикаспийско-обский.

Амплитуда этих связей может быть зафиксирована, когда начали формироваться заметные локальные особенности керамической культуры. Территория архаичной льяловской керамики охватывает Волго-Окский регион, бассейн пр.Волги, Карелию, Вычегду, Суру, Верхний Дон, Сейм, но совершенно не достигает Валдая и Камы. И всюду это – кратковременные небольшие стоянки, отражающие образ жизни примерно такой же, как в мезолите. Дальнейшее развитие льяловской культуры приводит ко всё большему обособлению локальных вариантов, но не к изоляции. Больше того, некоторые варианты характеризуют регулярная связь с чуждой культурой: валдайско-моложские, московско-белёвские связи создают специфику локальных вариантов.

Каждый сосуд – это комплекс синхронно бытовавших навыков и представлений. Керамика отразила характер взаимоотношений разных культур, передававших друг другу эти комплексы по системам родственных связей через переход женщин в инокультурную среду. Находя на поселениях типичные инокультурные сосуды, мы можем говорить о непосредственном контакте, о присутствии тут иноплеменных женщин. Могут быть зафиксированы случаи импорта конкретных сосудов по использованию чуждой глины. Другой вариант – использование местной глины, а то и местных технологий – показывает адаптацию их в первом поколении. Степень комплексности признаков показывает степень растворённости пришлой культуры (культуры конкретной женщины, привнесённой ею с родины!) в местной среде. Повторяемость сочетаний указывает на сохранение памяти о пришлой культуре. Хаотичный разброс признаков показывает, что она перестала считаться экзотикой и полностью освоена местной культурой. Это требовало смены нескольких поколений.

В конце IV тыс. до н.э. льяловская культура покидает большую часть своих территорий, часть её общин обнаружена на периферии ареала – на Дону, в Карелии. Ранее я предполагал, что произошло их вытеснение волосовцами, но наблюдения над характером слоёв указывают, что волосовцы приходят после некоторого перерыва, когда край оставался незаселённым. Режим озёр в волосовское время был иным, чем во время обитания здесь льяловцев. Какое-то время сосуществуют с общинами волосовской культуры некоторые льяловские локальные варианты (сейчас можно говорить о сосуществовании с ранней волосовской культурой рязанского и сахтышского). Некоторые озёрные системы так и остались не востребованными в волосовское время (исследования М.Г. Жилина стоянок Озерки под Тверью).

Вторая половина III тыс. до н.э. – время сосуществования на одной территории волосовцев и фатьяновцев. Если ранняя группа фатьяновцев, оставившая могильники типа Ханёвского, – это, по-видимому, след разового вторжения среднеднепровцев в один из районов волосовской территории, набег, когда они пытались не контактировать с аборигенами, то поздняя – или серия таких набегов, или попытка захвата территории. Фатьяновские комплексы появляются непосредственно на волосовских поселениях, там же – их могилы, но стоянки на реках указывают на совершенно иной тип хозяйства – это пастушеские лагеря, летники. Следов зимних поселений пока нет, так что остаётся вариант истолкования таких лагерей как следы летних кочёвок на север. Но места стоянок после пребывания на них фатьяновцев снова занимают волосовцы (раскопки В.М. Раушенбах поселения Никола-Перевоз).

Следов взаимовлияния этих культур нет ни в фатьяновской, ни в волосовской. Ничто не заимствовано. Это возможно при враждебных отношениях, когда любой намёк на чужую культуру указывает на присутствие врага. После ош-пандинского этапа фатьяновцев в Волго-Окском междуречье нет. Но они оставили следы за Окой – в Рязанской, Пензенской областях и далее обнаруживаются уже в составе родственной балановской культуры; резко возросло (по наблюдениям А.Х. Халикова) количество памятников, и появляются городища.

Иного рода следы показывают контакт волосовцев с катакомбниками. Возможно, он не был прямым, передающей культурой могла быть иванобугорская или примокшанская, хотя бесспорные катакомбные сосуды первого поколения есть непосредственно на Оке (Ибердус 1, Колтово 7). Похоже, что шагарская культура связана с группой носителей примокшанской культуры, смешавшейся с местными волосовцами. Компактность центрально-мещёрской группы указывает на вероятность такого вторжения.

«Катакомбной» экспансии нет – на 300 км от Оки нет катакомбных погребений [3], но катакомбные сосуды есть. При этом полностью отсутствуют керамические ритуальные сложно орнаментированные формы сосудов, орнаменты – самые простые и массовые. То есть перенос информации от катакомбной культуры редуцированный, не включает сакральную часть. Это можно истолковать как присутствие тут катакомбных женщин, но не проходивших посвящение в эту часть культуры, – женщин юного возраста. Это похоже на умыкание жён без поддерживания связей с «благоприобретёнными» родичами. Но, с другой стороны, волосовская керамика изредка, но встречается на рр. Воронеж и Десна, и тоже в простейших формах.

Характерно, что сосуды с катакомбными орнаментами – в основном мелкие, наиболее тщательно орнаментированные, но формы их вполне волосовские. То есть иноплеменницам не возбранялось орнаментировать посуду по-своему, но в быту она должна была обладать стандартными функциональными качествами. Приобретая новые элементы, местная культура оставалась прежней. При этом не заимствуются никакие компоненты мужской субкультуры – ни металл, ни оружие, ни скотоводство, ни ритуальный комплекс.

Это обнаруживается не только в волосовской среде. «Лапчатая» верхнеднепровская керамика, появляясь на р. Воронеж, могла получать вполне катакомбный орнаментальный шнуровой пояс на венчике (Ксизово 6).

В конце волосовского времени по территории волосовской культуры «прокатывается» миграция верхнеднепровской культуры. Она фиксируется как появление чистых небольших комплексов на реках. В озёрной системе Маслово болота они побывали (оставив братскую могилу) тогда, когда волосовцы её уже покинули (верхний слой Маслово Болото 4). На крупных волосовских поселениях появляются смешанные волосовско-верхнеднепровские комплексы, которые Б.А. Фоломеев определил как дубровичскую культуру. «Лапчатая» керамика на Оке смешивается не столько с волосовской, сколько с имеркской. В Языково (Тверская область) тоже идёт ассимиляция пришельцев, но здесь же волосовская керамическая традиция смешивается и с иванобугорской (с преобладанием скобчатого раковинного штампа в орнаментации керамики).

Лёгкость растворения в волосовской (на Оке – в имеркской) среде верхнеднепровских мигрантов определяется тем, что их родство уходит в предшествовавшие тысячелетия. Различия валдайской, руднянской, неманской культур очень невелики, их специфические черты легко пересекают границы, и эти культуры можно рассматривать как локальные варианты одной. В состав группы, впервые занявшей Маслово болото после льяловцев, входили и верхнеднепровцы при преобладании валдайцев или мало от них отличимых людей руднянской культуры. В керамике имеркской культуры тоже обнаруживаются признаки, восходящие к днепро-донецкой культуре (острое массивное – заполненное – дно, пояски глубоких ямок под венчиком, сделанных углом штампа, с «жемчужинами» на внутренней стороне, отгибающими край венчика). Включение культурно близких, как и по уровню развития, верхнеднепровцев происходило не во всех локальных группах волосовской культуры и не меняло её характера.

Сложнее ситуация с имерско-волосовскими отношениями. В Ибердусе на Средней Оке имеркская культура сменяет волосовскую, при этом никаких следов их взаимодействия нет. А.И. Королёв наблюдает смешение волосовской с имеркской культурой в комплексе Волгапино [4], но это не волго-окское волосово, а средневожское, имеющее иное происхождение, и его надо рассматривать как иную культуру. Имеркская знакома с металлом, но образ жизни и тип хозяйства – те же, что у волосовцев. Только через имеркскую культуру в волосовскую керамическую традицию могли проникнуть плоское дно, наплыв с внутренней стороны венчика и Г-образный венчик. То есть новации из родственной среды принимаются, но принципиально ситуация не меняется.

Трансформация волосовской культуры происходит тогда, когда она приняла в свою среду не отдельных представителей чуждой или родственной культуры, а группы мигрантов с иным уровнем развития, – знакомых с металлом, скотоводством, – связанных друг с другом единством происхождения, то есть такие,

которые могли быть носителями иной культурной системы. Речь идёт о вторжении носителей культуры фатьяноидной, или чирковской, керамики. Эта взаимосвязанность создавала в волосовской среде новые системные связи, способные при усвоении иной формы хозяйства кардинально менять собственную культуру, принимать культуру более продвинутого меньшинства. Произошли смена типов керамики, усвоение, пусть местами и с компромиссом, функционально новых типов, орнаментальной системы; меняется и становится второстепенной частью культуры каменная техника. Появление сетчатой фактуры на сосудах, формы которых заимствованы у пришельцев, – это своеобразный компромисс двух орнаментальных систем.

Фатьяноиды-сейминцы пришли на волосовские поселения с Оки, будучи вытесненными земледельцами-поздняковцами. Часть их вошла в состав поздняковцев, но, по-видимому, большинство было принято волосовцами, став одним из двух главных компонентов культуры сетчатой керамики. То, что в составе поздняковской оказался тот же самый компонент, сыграло определяющую роль в дальнейшей интеграции культуры сетчатой керамики, полностью унаследовавшей волосовскую территорию.

В составе поздняковских комплексов регулярно присутствуют балановские и иванобугорские сосуды как свидетельства контакта первого поколения, катакомбные признаки в них входят как уже ассимилированные. Далее появляются абашевские, как первого поколения, так и уже гибридные. Волосовские признаки улавливаются с трудом. Сетчатые в составе поздняковских комплексов проявляются как контактные, не смешанные. Но затем поздняковские группы оказываются в районах, где сетчатая керамика уже давно существует. Проникновение поздняковцев в лесную зону имело место и как переселение целостных групп, что отражено в виде чистых комплексов Щербинино – на Клязьме, Сокольское 2 – на Волге, но в основном в виде индивидуальных контактов. Такие вторжения на территорию, малоперспективную для земледелия, фиксируются на стадии существования керамики покровского типа, встречающейся в поздняковских комплексах. Она же обязательно присутствует в комплексах поздняковской в глубине территории сетчатой керамики. И далее поздняковская легко смешивается с сетчатой. Полагаю, это стало возможным по той причине, что и в поздняковской, и в культуре сетчатой керамики был общей компонент – фатьяноидно-сетчатой керамики. Исход поздняковских групп в неблагоприятную для земледелия среду мог быть вынужденным, и принудить их могла экспансия носителей срубной культуры, которая не имеет отношения к начальным стадиям формирования поздняковской культуры.

Поздняковские и фатьяноидные компоненты широко расходятся по всей территории культуры сетчатой керамики, вплоть до Финляндии и Карелии. Их присутствие там М.Г. Косменко и др. [5] истолковывают как ананьинские влияния, но это всё те же поздняковцы, которые породнились с “сетчатниками”. Никакой ананьинской миграции на северо-запад не было – были системы связей, которые пронизывали всю лесную зону. Липовка 1 и ПесOSHня 1 содержат полный набор сосудов, которые М.Г. Косменко относит к ананьинским.

Не стоит преувеличивать влияние срубной культуры. Во второй половине II тыс. до н.э. сетчатая и штрихованная керамика в лесной зоне приобретает форму горшков со скошенным наружу венчиком с карнизом, орнаментацию редкими ямочно-жемчужными поясками по тулову. Эти элементы – общие для срубных, приказанских, аким-сергеевских, воронежских и бондарихинских типов керамики. Различия заключаются в количестве сетчатых сосудов и сосудов с яйцевидным дном. Но эти же типы сосудов могут быть обнаружены в любом многослойном памятнике Волго-Окского региона – установление родственных связей между культурами разного происхождения создавало условия для их культурной интеграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. М., 1986.
2. Косинская Л.Л. Неолит Зауралья: интерпретационные модели и теория миграций // ТАС. Вып. 9. Тверь, 2013.
3. Ставицкий В.В. Археология Мордовского края. Бронзовый век // Археология Мордовского края. Саранск, 2008.
4. Королев А.И. Поселение Волгапино и проблема контактов волосовской и имеркской культур на Мокше и Верхней Суре // ТАС. Вып. 3. Тверь, 1998.
5. Косменко М.Г. Бронзовый век // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.

*Институт археологии РАН,
Москва*

V.V. Sidorov

ETHNIC PROCESSES ON ARCHAEOLOGICAL SOURCES

Summary

The ethnos' essence is its culture in the form of its social experience. The archaeological culture is what has remained from the former culture, and the task is to identify social unities – communities, tribes, ethnoses, – in which this experience circulated. Cultures do not arise, but exist, interacting and changing, this being the subject of the ethnic history. The ceramics as the sphere of female subculture allows revealing the existence of marital communications which penetrated all Eastern Europe because of small population density. The genetic proximity worked selectively and promoted completeness of assimilation of innovations, but did not lead to the transformation of culture. The proximity was not always defining – Volosovo and Fatyanovo cultures, occupying the same territory, remained hostile and didn't influence each other. But the acceptance of migrants from the forest-steppe to the Volosovo culture led to cultural transformation and formation of the culture of net ceramics. Later the existence of the mutual ethnic components, that is of family relations, and led to the possibility of infiltration to the north of groups from the forest-steppe zone in Pozdnyakovo culture as well.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences,
19, Dm. Ulyanova St., Moscow, 117036,
Russia
E-mail: gav-lupus@rambler.ru*

Н.Л. Моргунова

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СКОТОВОДСТВА В ВОЛГО-УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ¹

В отечественной науке практически общепризнанной является концепция, впервые разработанная Н.И. Вавиловым, о первичных очагах становления производящего хозяйства, в том числе скотоводства, в которых, помимо культурных предпосылок, имелись необходимые биологические ресурсы для успешной доместикации тех или иных видов растений и животных [1, с. 15–23].

В Волго-Уральском регионе в неолите и энеолите имели место культурные предпосылки для становления производящего хозяйства, но по второму показателю Поволжье, как и вся степная и лесостепная зона Восточной Европы, в число первичных центров не входило. Однако в диком виде, судя по археологическим данным неолита и энеолита, здесь в массовом количестве обитали тур и лошадь.

В решении проблемы становления скотоводства на юге Восточной Европы на первый план выступают вопросы о времени начала его становления и этапах развития, а также об истоках и факторах распространения.

Вероятно, будет правильнее подойти к этим вопросам, обратившись к имеющимся реконструкциям степного хозяйства в бронзовом веке, особенно для раннего периода эпохи бронзы. Начало бронзового века здесь связывают со становлением ямной культуры (ЯК). По современным радиоуглеродным данным, её формирование относится к 1-й пол. – сер. IV тыс. до н.э. (cal) [2, с. 179–187].

До недавнего времени начало производящей экономики, прежде всего скотоводства, на юге Восточной Европы связывалось именно с населением ямной культурно-исторической общности (КИО) [3, с. 101–118]. Ещё ранее считалось, что ямные племена занимались исключительно присваивающими формами хозяйства [4].

Накопление остеологических данных и их анализ в послевоенные годы [5; 6; 7; 8; 9; 10] позволили Н.Я. Мерперту доказать не только производящий характер экономики ямного населения степной Восточной Европы, но и определить её специфику [3]. Исследователем с предельной чёткостью был показан высокий уровень господствующего в хозяйстве скотоводческого направления, причём в подвижной, кочевой форме. Однако на начало 1960-х годов истоки существования столь развитого уровня скотоводства, каковым считается кочевой тип, лишь отчасти были представлены источниками предшествующего времени, причём исключительно в степях Северного Причерноморья (сурская, среднестоговская культуры). При этом они совершенно отсутствовали на территории Волго-Уральского междуречья, где, по мнению Н.Я. Мерперта, в основном и сложилась ЯК и в дальнейшем развивалась стабильно, сохраняя архаичные традиции без принципиальных изменений [3, с. 127].

О доминировании скотоводческого хозяйства уже на раннем, репинском, этапе ЯК свидетельствуют материалы ряда поселений, в том числе таких крупных, как Михайловка II, Репин Хутор, Турганикское и др. [11, с. 32–35; 5, с. 168–173; 12, с. 111–113; 13].

В последние годы получены данные о наличии в ЯК колёсного транспорта, без которого подвижное скотоводство невозможно. Части и даже целые повозки обнаружены в погребальных комплексах от Урала до Поднепровья [14; 15; 16; 17; 18; 19].

Благодаря использованию специальных методов естественных наук показано разнообразие продуктов животноводства у населения ЯК. Так, по данным биоморфного анализа, проведённого на ряде памятников в Приуралье и в Калмыкии, доказано, что широко использовались шерсть и кожа в изготовлении погребальных подстилок, подушек, одежды [19; 20; 21]. В трёх случаях (одиночный курган Шумаево II и курганный могильник Мустаево V) выявлены циновки с хорошо сохранившимся простым переплетением, что может служить свидетельством умения ямного населения создавать тканые изделия и занятий ткачеством. Имеются факты, хотя и немногочисленные, наличия ткачества в хвалынской (ХК) и самарской (СК) культурах. Это находки пряслиц и костяных кочедыков. А технико-технологическим анализом керамики ХК установ-

¹ Работа выполнена при поддержке Госзадания Министерства образования и науки РФ № 33.1389.2017/ПЧ.

лено, что она орнаментировалась при помощи плетёных фактур [22, с. 36; 23; 24]. По данным О.В. Орфинской, изучавшей фрагмент сосуда из Хвалынского могильника, для его орнаментации использовали ткань с перевитой основой либо ткань, полученную путём оплетения утёчной нитью нитей основы по принципу шва «назад иголкой».

Ценные исследования по развитию ткачества у степного населения бронзового века на примере Калмыкии проведены под руководством Н.И. Шишлиной. Ею получены бесспорные доказательства распространения текстильного производства у племён ямной и катакомбной культур [23]. Технологический анализ фрагментов тканей, отпечатков и циновок позволил даже реконструировать ткацкие устройства. Было выяснено, что текстильные изделия изготавливались при помощи как плетения, так и ткачества. Авторы предполагают, что простейшие ткацкие устройства в степи появились уже в энеолите (горизонтальная или вертикальная рама). В ЯК, по их мнению, начинают использоваться ткацкие станки, которые в катакомбное время становятся ещё более разнообразными.

Большую ценность представляют результаты трасологического анализа находок на Михайловском поселении, проведённого Г.Ф. Коробковой [13]. Исследования показали последовательное развитие скотоводческой отрасли хозяйства в Поднепровье от нижнего культурного слоя до верхнего – с позднего энеолита до ямно-катакомбного времени. Выявлена высокая степень развития кожевенного дела, о чём свидетельствуют как многофункциональность орудий труда, так и их приуроченность к специализированным мастерским (Михайловка II-III). Значительный процент орудий связан с производством шерстяной пряжи. Для изготовления тканей использовался простейший ткацкий станок, на существование которого указывают керамические пряслица и грузики для натяжения нитей [13, с. 249–253].

Таким образом, имеющиеся источники достаточно красноречиво свидетельствуют о развитом, многокомпонентном скотоводческом хозяйстве ЯК как в Приуралье, так и по всей области её распространения. Разумеется, в каждом из её вариантов были свои особенности, возникавшие из-за специфики как природно-климатических условий, так и культурных традиций, а также в зависимости от направленности культурных связей. Приуральский регион входил в систему волго-уральского варианта ямной КИО. Вероятно, заволжские (бассейн Самары) и приуральские районы являлись той территорией, где ямные племена в основном находились с поздней весны до ранней осени. С летним сезоном хозяйственного цикла подвижного населения ЯК, скорее всего, была связана и другая важнейшая отрасль экономики – металлургия, получившая развитие в Южном Приуралье уже на репинском этапе [2, с. 293–308]. Металлургия в Волго-Уралье играла большую роль. Её развитый характер также является показателем специализации хозяйственной деятельности, поскольку металлургия как самостоятельная отрасль хозяйства не могла существовать без поддержки скотоводства.

Таким образом, хозяйство ЯК было явно скотоводческим, направленным на получение не только мясной продукции, но и других продуктов и их переработку, оно имело завершённый характер и включало в себя все возможные виды занятий животноводством.

Безусловно, *столь высокий уровень развития скотоводства, достигшего у населения ЯК кочевой формы, указывает на то, что ему должен был предшествовать этап (или этапы) освоения и утверждения производящего хозяйства с исключительно скотоводческой направленностью.* Однако первые материалы, проливающие свет на вопрос о начале становления производящего хозяйства в степной-лесостепной зоне Волго-Уральского региона, стали появляться лишь с середины 70-х годов XX века. На жертвенных площадках энеолитических грунтовых могильников Съезжее и I Хвалынский были обнаружены кости домашних животных. Эти данные позволили И.Б. Васильеву показать ведущую роль скотоводства наряду с охотой и рыболовством в хозяйстве населения СК и ХК [25, с. 66–71]. Подтверждение этот вывод получил на материалах поселенческих памятников энеолита, а также в культурных слоях предшествующего неолитического периода [26; 27].

Материалы не-, энеолитических памятников Самарского Поволжья и Приуралья последовательно обрабатывались и анализировались палеозоологом Института истории и археологии АН республики Татарстан А.Г. Петренко. Результаты её исследований достаточно подробно опубликованы [28; 29; 30; 31; 32; 33]. Они были поддержаны и использовались в специальных работах последних лет [34; 35; 27; 2]. Однако полученные результаты не всегда вызывают согласие, проблема становления производящего хозяйства и его наличия в неолите и энеолите в Волго-Уралье остаётся дискуссионной.

Кратко остановимся на имеющихся данных о начале скотоводства в Самарском Заволжье и Приуралье. Источниковая база по энеолиту представлена остеологическими материалами как поселений (Муллино, Давлеканово, Ивановка, Вилватое), так и могильников (Съезжее, Хвалынские). По радиоуглеродным данным самарская культура датируется от 5100 до 4100–4000 лет BC (cal) [36, с. 19–28].

Результаты проведённых палеозоологических исследований указанных памятников представлены в таблице.

Могильник Съезжее (Самарская область). Памятник относится к раннему этапу энеолита. На жертвенной площадке были обнаружены два черепа и кости конечностей лошадей [37, с. 147]. В могильнике также примечательны хорошо известные амулеты в виде фигурок лошадей и головок быков, вырезанные на костяных пластинах (рис. 1).

Таблица. Видовой состав животных на памятниках энеолита лесостепного Поволжья и Приуралья

Памятник / Вид животного	Могильник Съезжее Васильев, Матвеева, 1979 [37]	Хвалынский могильник Петренко, 2007 [32]	Ивановское поселение Петренко, 1995 [31]		Муллино III (энеолитический слой) Петренко, 2008 [33]	Давлеканово III (энеолитический слой) Петренко, 2008 [33]	Виловатос (неолит- энеолит) Петренко, 2008 [33]	Лебзянка III (энеолит) Овчинникова, 1995 [38]	Лебзянка IV (неолит- энеолит) Косинцев, Варов, 1996 [39]	Какрыбаш (энеолит) Косинцев, Варов, 1996 [39]
			Неолитический слой	Энеолитический слой						
КРС		35-40/ 20-23	193/5	697/13	112/9	43/7	35/7			
МРС		248/66-70	214/6	418/20	15/4	30/9	107/10			
Лошадь	+	33/6-10	584/10	2442/43	43/8	130/9	156/12	34/4	293/13	
Собака			2/1	3/3		1/1	1/1		2/1	
Всего домашних		331/100 100 %	993/22 70/51,5 %	3560/79 58,6/49 %	170/21 23,5/34 %	204/26 59/60 %	299/30 54/46 %	- 44/25 %	34/4 27,4/22 %	295/14 27,4/22 %
Лось			190/4	1035/11	494/20	120/9	71/8	2/2	23/3	588/21
Косуля				4/3	2/1	1/1	3/1	2/2	8/3	10/2
Северный олень					2/1					
Бобр			185/12	1367/51	44/10	12/4	166/20	6/4	6/2	156/16
Суслик/сурок					1/1					10/7
Барсук			1/1	7/5	6/3	1/1		7/3		
Куница					1/1	1/1				
Медведь			6/2	40/5	3/2	1/1	5/2	19/7		16/3
Заяц			10/1	38/10		3/3	4/1	3/2		3/1
Выдра				4/2			2/1	14/9	1/1	1/1
Сайгак							2/1	7/2		
Волк				2/2						
Лиса				1/1						
Кабан				10/5						
Всего диких			392/20 30/48,5 %	2508/95 41,4/54 %	553/39 76,5/66 %	139/20 41/40 %	253/34 46/54 %	53/29 100 %	45/11 56/75 %	784/51 72,6/78 %
Всего		331/100	1385/42	6068/174	723/60	343/46	552/64	53/29	79/15	1079/65
Птица		1		6	4		34	2	?	?
Рыба		1		4	2		3	17	?	?
Черепашка				28			50	92	7	?
Верблюд								2/1		
Бык (тур)								2/1	4/2	8/1

Примечание: в числителе – число костей, в знаменателе – число особей; КРС – крупный рогатый скот; МРС – мелкий рогатый скот

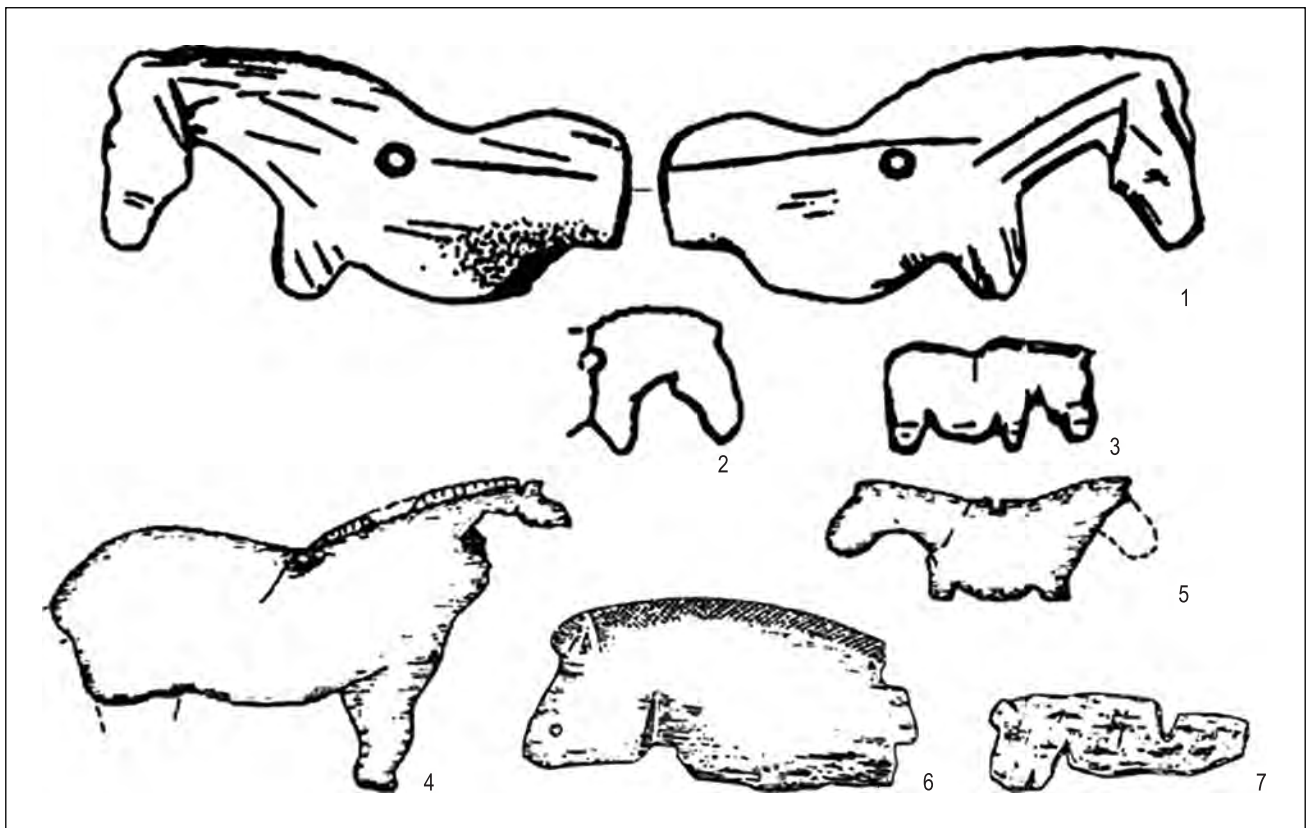

Рис. 1. Изображения лошадей на костяных пластинах: 1–3 – стоянка Варфоломеевка; 4–5 – могильник у с. Съезжее; 6 – могильник Липовый Овраг; 7 – Виловатовская стоянка

I Хвалынский могильник (Саратовская область). Памятник относится к развитому энеолиту [25; 40]. Кости животных были обнаружены как на жертвенных площадках, так и в самих погребениях. Osteологические данные I Хвалынского могильника свидетельствуют об исключительном использовании в погребальных ритуалах животных домашних видов (100 %), в числе которых первое место занимает мелкий рогатый скот (МРС), на втором – крупный рогатый скот (КРС). Достаточно как в погребениях, так и в жертвенниках представлена лошадь. Состав стада, без сомнения, отражает уже высокий уровень скотоводческого хозяйства. Домашние животные не только составляли основной источник питания хвалынского населения, но их образы прочно вошли в ритуальную практику и в сферу искусства. Это заключение проверяется и корректируется на материалах ряда энеолитических поселений.

Ивановское поселение (Оренбургская область). Энеолитический слой относится ко II этапу СК и синхронен ХК, что подтверждается находками в нём керамики и других артефактов хвалынского типа [41; 27; 42]. В слое обнаружены 6068 костей млекопитающих (определены 174 особи), 6 костей птиц, 4 кости одной рыбы и 28 фрагментов панцирей черепах. Останки домашних животных составляют 58,6 %. В их число входят кости крупного и мелкого рогатого скота, лошади и собаки.

К числу домашних животных А.Г. Петренко отнесла останки лошади, причём как из энеолитического, так и из неолитического слоёв [31; 32, с. 27–29]. Кости лошади являются наиболее многочисленными в остеологической коллекции из энеолитического слоя стоянки, составляя около 40 % общего количества костей, 68,5 % – числа костей домашних животных. Кости МРС и КРС представлены по общему количеству костей 11,7 % и 19,5 % соответственно, а по числу особей – 25,3 % и 16,4 %.

В сравнении с неолитическим слоем как видовой состав стада, так и процентное соотношение домашних животных не меняются, но общее количество их заметно возрастает. Однако если исключить лошадь из числа домашних видов, так как более вероятным представляется, что в неолите она ещё была объектом интенсивной охоты, то доля скотоводства составит около 30 %.

Разнообразен видовой состав диких животных как в энеолитическом, так и в неолитическом слоях, соответствующий лесостепной фауне. Кости диких животных составляют 41,4 % общего количества останков в энеолитическом слое. Среди них преобладают кости бобра (54,8 %) и лося (41,4 %). При этом необходимо отметить, что кости лося, бобра, а также лошади в основном использовались для изготовления костяных орудий труда. Кроме того, обнаружены кости зайца, барсука, медведя, кабана, косули, волка, выдры,

лисы, а также в небольшом числе кости птиц и обломки панцирей черепах. Найдены всего 4 кости крупной рыбы.

Таким образом, в хозяйстве жителей Ивановского поселения в энеолите преобладало получение мясных продуктов питания, за счёт как охоты, так и животноводства. Об этом свидетельствует также состав каменных и костяных орудий труда, среди которых присутствуют разнообразные скребки, наконечники стрел, дротиков и др. Значительный интерес представляют находки крупных кинжаловидных изделий из рёбра лося или лошади, которые, по определению Г.Ф. Коробковой и Н.Н. Скакун, предназначались для закалывания скота [42].

Близкие результаты получены на *Виловатовской стоянке* в Самарской области [43]. Культурный слой памятника, к сожалению, переотложен и перемешан, содержит материалы неолита и энеолита, но в сравнении с Ивановским поселением в нём из энеолитических представлений материалы только по I (сьезжинскому) этапу СК, и нет более поздних отложений хвалынского времени.

В целом, количественное и процентное соотношения костей диких и домашних животных в остеологической коллекции с Виловатовской стоянки аналогичны таковым с Ивановского поселения. Здесь представлены останки крупного и мелкого рогатого скота, лошади, собаки, бобра, лося, медведя, косули, зайца, а также птиц, черепах, рыб [31; 33, с. 46].

Поселения Муллино и Давлеканово. Памятники расположены несколько севернее бассейна Самары, в южной части Башкирии. Исследованы Г.Н. Матюшиным [26]. Керамика из энеолитических слоёв здесь полностью идентична керамическим материалам с Ивановского поселения, относящегося ко II этапу СК. Данные по видовому составу животных также практически полностью совпадают с результатами изучения костных остатков Ивановского и Виловатовского поселений.

Здесь зафиксированы кости домашних животных – КРС, МРС, лошади и собаки. На Муллино их найдено чуть более 20 %, на Давлеканово – 59 % всех костей. Основными промысловыми животными являлись лось и бобр. Кости КРС и МРС зафиксированы также в неолитических слоях данных поселений [33].

Большое число энеолитических стоянок, относящихся к разным этапам СК, известно на р. Сок, севернее р. Самары, в пределах Самарской области [44]. Однако палеозоологические исследования, к сожалению, на большинстве памятников не проводились. Исключение составляют стоянки Лебяжинка III и IV. Представленные по ним данные значительно расходятся с результатами исследований А.Г. Петренко.

Стоянка Лебяжинка III предположительно синхронна могильнику Съезжее [38, с. 188–189]. Остеологические материалы представляют животных исключительно диких видов, среди которых лось и бобр не выделяются на фоне других представителей лесостепной фауны – медведя, выдры, барсука, зайца. Найдена одна особь тура, удивительна находка костей одной особи верблюда. Не менее удивительно полное отсутствие костей лошади.

Более близки к данным Виловатовского и Ивановского поселений результаты изучения костей со стоянки *Лебяжинка IV*, где материалы неолита и энеолита (II этап самарской культуры) сильно перемешаны. Определение проводилось П.А. Косинцевым и А.И. Варовым [39]. Ими же изучалась остеологическая коллекция со стоянки *Какрыбаш* в Башкирии, которая наряду с костными остатками животных диких видов содержит значительное количество костей домашней лошади и кости одной особи собаки. По мнению авторов исследования, состав костей на Лебяжинских стоянках и на Какрыбаше доказывает отсутствие у энеолитического населения Поволжья и Приуралья производящего хозяйства [39, с. 29–31]. При этом результатам определений А.Г. Петренко, полученным на значительно более массовом материале, авторы не доверяют.

Тем не менее наличие в хозяйстве основ животноводства на юге лесостепи в ареале памятников СК в энеолите достаточно очевидно, что обосновано источниковой базой четырёх крупных поселений, на которых проанализированы в общей сложности около 8 тысяч единиц костных остатков. При этом истоки практики разведения крупного и мелкого рогатого скота уходят в предшествующее неолитическое время. Что касается противоречащих этому заключению материалов с поселений Лебяжинка III, IV и Какрыбаш, то они малочисленны и поэтому явно нуждаются в проверке и дополнительных исследованиях.

Подтверждением сказанному, возможно, послужат окончательные результаты анализа костных материалов, полученных в 2014–2015 гг. на *Турганинском поселении*.² Памятник – двухслойный, нижний слой относится к энеолиту и по материалам полностью соответствует Ивановскому поселению, в нём также присутствуют сосуды хвалынского типа. Верхний слой оставлен населением раннего периода бронзового века на репинском этапе ЯК. Предварительно в нижнем слое определены кости КРС, МРС, лошади, лося, медведя и бобра. В верхнем слое представители тех же домашних видов животных значительно преобладают, найдены кости верблюда. Среди диких видов, помимо бобра, лося, медведя, достаточно многочисленными костными остатками представлен тур.

Подкреплением данным, полученным на поселениях энеолита на юге лесостепи в Самарском Заволжье и Приуралье, являются результаты исследований многослойного Варфоломеевского поселения в Нижнем Поволжье [34, с. 162]. Здесь начиная со среднего слоя (2А и 2Б) стоянки наблюдается постепенное увеличение костей домашних видов животных. При этом сохраняется устойчивая традиция охоты на такие степные

² Раскопки памятника возобновлены после 30-летнего перерыва [27]. Задача исследований – получение новых данных с помощью методов естественных наук, в том числе по палеозоологии. Остеологические материалы находятся на стадии анализа, пока мы можем говорить только о предварительных результатах. Остеологический анализ проводится Н.В. Росляковой.

виды стадных животных, как кулан и сайга. В отличие от видового состава животных на памятниках лесостепного Волго-Уралья (Ивановка, Муллино и др.) процентное соотношение между дикими и домашними животными на Варфоломеевке склоняется в пользу диких видов, кости КРС и МРС не столь многочисленны. Костные останки лошадей более представительны: по слоям – от 32 до 14 % общего числа особей. Что касается отнесения лошадей Варфоломеевки к домашнему или дикому виду, то А.И. Юдин в подтверждение их принадлежности к домашнему виду приводит ряд фактов из позднеэнеолитического и энеолитического слоёв стоянки, свидетельствующих об особом отношении к лошади в сравнении с такими промысловыми животными, как кулан и сайга. Многочисленные жертвенники, в которых находились исключительно костные останки (в основном зубы и альчики) лошади, овцы и тура, свидетельствуют о культовом значении этих видов, особенно лошади. Этот вывод подтверждают находки на стоянке её скульптурных изображений. В одном из жертвенников медная пластина была обложена зубами лошади.

Таким образом, материалы Варфоломеевского поселения отчётливо свидетельствуют о переходе населения степного Поволжья к скотоводческому хозяйству в среднем и позднем неолите, что подтверждает аналогичный вывод В.И. Цалкина по результатам анализа костных останков на Орловской стоянке, где также были выделены кости КРС, лошади, собаки и сайги [45].

В заключение обзора остеологических материалов из энеолитических памятников Волго-Уральского междуречья следует остановиться на ряде дискуссионных вопросов.

Имеющиеся остеологические материалы свидетельствуют о достаточно развитом характере скотоводческого хозяйства у населения самарской и хвалынской культур в энеолите. Судя по значительной роли скотоводства в экономике в хозяйстве энеолитического периода, а также по находкам костей домашних видов (КРС, МРС, лошади и собаки) в слоях неолита на Ивановском и Варфоломеевском поселениях, первое знакомство и начало производящего хозяйства на данной территории должны были состояться ещё в неолите. Однако даже в энеолите охота и рыболовство продолжают сохранять заметное место.

Этот вывод подтверждается данными о доминировании скотоводческого хозяйства в синхронных энеолитических культурах Северного Причерноморья (азово-днепровской, среднестоговской и трипольской), с которыми у населения самарской, прикаспийской и хвалынской культур отмечаются тесные культурные контакты [46].

Истоки скотоводства здесь также прослеживаются с неолита. На памятниках сурской и буго-днестровской культур зафиксированы кости домашних животных (КРС доминирует, овца-коза, свинья и собака). Кости лошади представляют около 10 % общего числа костей домашних и диких видов [6; 47, с. 116–119]. При этом останки лошади относят к домашнему её виду. Среди костей животных диких видов преобладают кости благородного оленя – как основного объекта охоты. Окончательное утверждение скотоводства, в том числе коневодства, в регионе степного Поднепровья связывают с энеолитическими культурами, особенно со среднестоговской [48; 49].

На территории Нижнего Подонья переход к скотоводству, судя по наличию костей КРС и МРС в слоях поселения Ракушечный Яр, начался в среднем неолите [50, с. 150–153]. По материалам из энеолитических слоёв наблюдается преимущественное развитие скотоводства. По численности и составу животных домашних видов скотоводческое хозяйство Ракушечного Яра сходно с таковым у носителей культур Северного Причерноморья. Лошадь здесь также начинает играть заметную роль только с энеолита [50, с. 150–153].

Показателями в плане хозяйственного использования лошади в энеолите могут быть возрастные данные по костным остаткам. Морфологические исследования, проведённые А.Г. Петренко, показали, что возраст большинства животных на Ивановском и Вилатовском поселениях равен 3–5 годам, но были особи и более старшего возраста (9–10 лет), а также совсем молодые (1–3 года). По остеологическим материалам с поселений Муллино и Ботай средний возраст определён как около 5 лет. Эти факты свидетельствуют о том, что лошадь в основном использовалась для получения мясной продукции, но могли быть и другие варианты [31; 33].

Второй вопрос касается очень важного момента, который связан с формированием трёх культурных ареалов, соответствующих трём природно-ландшафтно-климатическим зонам Волго-Уралья: полупустыне, степи и лесостепи. Они сложились в неолите – энеолите в виде соответствующих культур. Представляется, что именно этот фактор определил в дальнейшем особенности кочевого скотоводства по меридиональной модели в ямной культуре и в более поздних культурах вплоть до казахов в XIX в.

В этом плане представляется, что уже в ЖК, распространившей своё влияние по всему Волго-Уралю и явившейся наряду со среднестоговской культурой основой формирования ЖК, происходили процессы складывания подвижного скотоводства. На этот вывод наводят такие факты, как наличие керамики хвалынского типа и даже поселений в лесостепи – в зоне СК, с одной стороны, а с другой – на юге – в Северном Прикаспии. О том же свидетельствует состав стада, где преобладает МРС, что характерно для кочевого типа хозяйства.

Три ареала культурного и хозяйственного развития на территории Волго-Уральского междуречья уже достаточно отчётливо выделяются в неолите и энеолите. Первый ареал охватывает Самарское Поволжье и Южное Приуралье (юг лесостепи), где наряду с интенсивной охотой на представителей местной фауны: лося, бобра, дикую лошадь – в энеолите практикуется разведение КРС и МРС, а также начинается domestikация лошади. Второй ареал связан со степным Поволжьем, где состав промысловых животных несколько иной – кулан, сайга, тур и лошадь. Однако так же, как на юге лесостепи, параллельно, здесь начиная со среднего неолита идёт процесс формирования скотоводства, включая разведение КРС, МРС, лошадей. Третий

ареал – зона Северного Прикаспия – на протяжении неолита и раннего энеолита представлял собой своеобразную экологическую нишу, удобную для консервации присваивающих форм хозяйства и, прежде всего, для специализированной охоты на таких стадных животных, как кулан и сайга.

При этом необходимо отметить и тот факт, что в неолите – энеолите и в ранний период бронзового века природно-климатические условия несколько отличались от современных. Они были более прохладными и влажными в сравнении с современностью, происходил сдвиг ландшафтов к югу примерно на подзону [51; 52; 53; 54]. Однако вопреки сложившейся в то время благоприятной ситуации для сохранения традиционного типа хозяйства постепенное утверждение скотоводства явилось необратимым процессом. Судя по материалам с памятников самарской и хвалынской культур, в энеолите оно уже занимает ведущее место в получении продуктов жизнеобеспечения, а вокруг самой деятельности возникает ритуально-культульная практика.

В связи с последним заключением следует полагать, что достаточно распространённое мнение [55, с. 14] о переходе к скотоводству в степной зоне Восточной Европы по причине аридизации климатических условий нуждается в серьёзной корректировке. Археологические данные с памятников неолита и энеолита в Волго-Уралье показывают значительное разнообразие и изобилие дикой фауны, являвшейся объектом успешной охоты. Видимо, поэтому и переход к скотоводству не был одномоментным явлением, а растянулся на многие столетия (VI–V тыс. до н.э.) и завершился в раннем бронзовом веке. В период становления ямной культуры скотоводство приобретает наиболее рентабельную для степных условий форму, направленную на получение не только мясной продукции, но и других продуктов и их переработку, а также на активное использование животных в транспортных и военных целях.

Подытоживая рассмотрение материалов по становлению скотоводства в Волго-Уральском степном-лесостепном регионе, можно констатировать, что в энеолите на данной территории население самарской и хвалынской культур совершило решительный поворот в сторону скотоводческой направленности в хозяйственной деятельности. При этом сохранялись и традиционные занятия охотой и отчасти рыболовством. В составе стада домашних животных видное место занимал мелкий и крупный рогатый скот. Но всё большую роль играет коневодство, которое способствовало выработке экстенсивной формы скотоводства, в дальнейшем на века определившей специфику экономики степных культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шнирельман В.А. Производственные предпосылки разложения первобытного общества // История первобытного общества. Эпоха классового образования. М., 1988.
2. Моргунова Н.Л. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург, 2014.
3. Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
4. Круглов А.П., Подгаецкий Г.Б. Родовое общество степей Восточной Европы. М.; Л., 1935.
5. Лагодовська Р.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Л. Михайлівське поселення. Київ, 1962.
6. Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970.
7. Шилов В.П. Проблемы освоения степей Нижнего Поволжья в эпоху бронзы // АСГЭ. Вып. 6. Л., 1964.
8. Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. М., 1975.
9. Бибилова В.И. До історії domestикації коня на південному сході Європи // Археологія. Т. XXII. Київ, 1960.
10. Бибилова В.И. О domestикации лошади на юго-востоке Европы // Матеріали XIII конференції Інституту археології АН УССР 1968 р. Київ, 1972.
11. Синицын И.В. Памятники Нижнего Поволжья и их связь с Приднепровьем // КСИА. Вып. 7. Киев, 1957.
12. Сиволоп М.П. Краткая характеристика памятников ямной культуры Среднего Поднепровья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001.
13. Коробкова Г.Ф., Шапошникова О.Г. Поселение Михайловка – эталонный памятник древнеямной культуры. СПб., 2005.
14. Козенкова В.И. Новые материалы по бронзовому веку в Западном Предкавказье // КСИА. Вып. 134. 1973.
15. Гей А.Н. Новотиторовская культура. М., 2000.
16. Пустовалов С.Ж. Курган «Тягунова могила» и проблемы колесного транспорта ямно-катакомбной эпохи в Восточной Европе // Stratum plus. № 2. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2000.
17. Агульников С.М. Погребения «аристократии» ямной культуры из кургана 10 у пос. Тараклия в Молдавии // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь, 2002.
18. Nikolova, A.V., Kaiser, E. Die absolute Chronologie der Jamnaja-Kultur im nördlichen Schwarzmeergebiet auf der Grundlage erster dendrochronologischer Daten // Eurasia Antiqua (Deutsches Archäologisches Institut). Band 15. 2009.
19. Шумаевские курганы / Н.Л. Моргунова, А.А. Гольева, Л.А. Краева, Д.В. Мещеряков, М.А. Турецкий, М.В. Халяпин, О.С. Хохлова. Оренбург, 2003.
20. Гольева А.А. Особенности использования органического материала в ямных погребениях юга Оренбургской области // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург, 2006.
21. Скворцовский курганный могильник / Н.Л. Моргунова, А.А. Гольева, А.Д. Дегтярева, А.А. Евгеньев, Л.В. Купцова, Н.П. Салугина, О.С. Хохлова, А.А. Хохлов. Оренбург, 2010.
22. Васильева И.И. О технологии керамики I Хвалынского энеолитического могильника // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2. Самара, 2002.
23. Орфинская О.В., Голиков В.П., Шишлина Н.И. Комплексное экспериментальное исследование текстильных изделий эпохи бронзы евразийских степей // Текстиль эпохи бронзы прикаспийских степей. М., 1999. (Тр. ГИМ. Вып. 109)
24. Шишлина Н.И. Текстиль эпохи бронзы прикаспийских степей // Текстиль эпохи бронзы прикаспийских степей. М., 1999. (Тр. ГИМ. Вып. 109)
25. Васильев И.Б. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1981.

26. Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. М., 1982.
27. Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи волго-уральского междуречья. Оренбург, 1995.
28. Петренко А.Г. Костные остатки животных с поселения Муллино // Приложение к кн.: Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. М., 1982.
29. Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М., 1984.
30. Петренко А.Г. Появление животноводческих основ на территории Среднего Поволжья и Приуралья // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы. Оренбург, 1986.
31. Петренко А.Г. Результаты определения археозоологических материалов из раскопок Ивановской стоянки // Приложение к кн.: Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи волго-уральского междуречья. Оренбург, 1995.
32. Петренко А.Г. Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья // Археология евразийских степей. Вып. 3. Казань, 2007.
33. Петренко А.Г. Проблемы становления производящего хозяйства в Волго-Камье // Археология и естественные науки Татарстана. Казань, 2008.
34. Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов, 2004.
35. Наумов И.Н. Неолит поволжско-донских степей (проблемы хронологии, периодизации и культурно-хозяйственного развития): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2004.
36. Хронологическое соотношение энеолитических культур Волго-Уральского региона в свете радиоуглеродного датирования / Н.Л. Моргунова, А.А. Выборнов, Н.Н. Ковалюх, В.В. Скрипкин // РА. 2010. № 4.
37. Васильев И.Б., Матвеева Г.И. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // СА. 1979. № 4.
38. Овчинникова Н.В. Лебяжинка III – поселение эпохи энеолита в лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Заволжья. Самара, 1995.
39. Косинцев П.А., Варов А.И. Ранние этапы животноводства в Волго-Уральском регионе // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии. Самара, 1996.
40. Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов, 1990.
41. Моргунова Н.Л. Энеолитические комплексы Ивановской стоянки // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 1989.
42. Моргунова Н.Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург, 2011.
43. Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье / И.Б. Васильев, А.А. Выборнов, Р.С. Габяшев, Н.Л. Моргунова, Г.Б. Пенин // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.
44. Васильев И.Б., Овчинникова Н.В. Энеолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара, 2000.
45. Мамонтов В.И. Позднеэнеолитическая стоянка Орловка // СА. 1974. № 4.
46. Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев, 1985.
47. Котова Н.С. Неолитизация Украины. Луганск, 2002.
48. Телегин Д.Я. Середньо-стогівська культура епохи міді. Київ, 1973.
49. Котова Н.С. Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск, 2006.
50. Белановская Т.Д. Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья: Поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. СПб., 1995.
51. Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Периодизация неолита – энеолита европейской России по данным палинологического анализа // РА. 1999. № 1.
52. Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А. Результаты палеогеоморфологических исследований на стоянках неолита – бронзы в бассейне р. Самара // Приложение к кн.: Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи волго-уральского междуречья. Оренбург, 1995.
53. Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., Сулержицкий Л.Д. Геолого-палеологические события севера аридной зоны в последние 10 тысяч лет // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998.
54. Хохлова О.С. Палеоклиматические реконструкции для III тыс. до н.э. по данным палеопочвенного изучения курганов ямной культуры в Оренбургском Приуралье // Вестник ОГУ. № 10. Оренбург, 2007.
55. Наумов И.Н. С14 хронология и факторы распространения навыков domestikации лошади на территории Восточной Европы // Происхождение и распространение колесничества. Луганск, 2008.

***Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург***

N.L. Morgunova

**THE FORMATION AND DEVELOPMENT
OF THE CATTLE BREEDING IN THE VOLGA AND URAL REGION**

Summary

High level of nomadic cattle breeding among the population of the Yamnaya (Pit-Grave) culture indicates that it was preceded by the stages of the formation of the productive economy with prevailing stock-raising component. The article discusses the evidence of the beginning and development of the cattle breeding in the Neolithic and Eneolithic on the territory of the Volga-Ural region.

***Orenburg State Pedagogical University,
19, Sovetskaya St., Orenburg, 460014,
Russia
E-mail: nina-morgunova@yandex.ru***

С.Н. Коренюк, А.Ф. Мельничук, М.Л. Перескоков

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДЯЩЕЙ ЭКОНОМИКИ В ТАЁЖНОЙ ЗОНЕ СРЕДНЕГО ПРИУРАЛЬЯ (ПОЗДНИЙ ЭНЕОЛИТ – НАЧАЛО РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ)

Становление и характер развития производящей экономики на территории Среднего Приуралья явно обусловлены физико-географическими особенностями региона. Среднее Приуралье включает в себя в основном территорию Пермского края с мощной развитой гидросистемой среднего и верхнего течений р. Камы и протянулось с севера на юг почти на 600 км, а с запада на восток на 400 км. Западная часть региона расположена на окраине Русской равнины и характеризуется относительно ровным или слабохолмистым рельефом местности, а восточная приурочена к территории западных предгорий Урала, представляющих собой горную местность с развитым карстом. Между ними выделяется переходная холмисто-увалистая полоса Предуралья, имеющая сложный рельеф местности [1, с. 17].

Среднее Приуралье расположено в лесной зоне. Наиболее густая сеть лесов прослеживается на севере и востоке региона. В его южной и западной частях лесистость резко снижается, что связано в основном с антропогенным фактором. Из лесов преобладают тёмнохвойные. На песчаных ледниковых наносах и древних речных отложениях расположены светлохвойные леса, значительная часть которых сосредоточена на северо-западе региона. В его южных районах имеются широколиственные лесные образования европейского характера с преобладанием липы, клёна и даже дуба, которые являются реликтами древних широколиственных лесов, простиравшихся, видимо, в термический максимум атлантического периода далеко к северу, вплоть до верхнего течения р. Печоры [2, с. 4–16].

В своей работе мы будем рассматривать вопросы возникновения и развития животноводства и основ земледелия в Среднем Приуралье в пределах позднего энеолита – раннего Средневековья, не касаясь проблем генезиса и развития в этом регионе цветной и чёрной металлургии. Географически Среднее Приуралье относится к тем территориям лесной зоны Восточной Европы, которые расположены севернее 54 градуса северной широты, где разведение домашнего скота и его содержание не были столь продуктивными, как в более южных лесостепных пространствах, что, естественно, серьёзно сказывалось на времени появления и характере развития производящей экономики в рассматриваемом таёжном регионе [3, с. 19–20].

Неолит и энеолит. К сожалению, для неолитических и энеолитических памятников Среднего Приуралья, обычно приуроченных к верхним песчаным почвенным отложениям I-х надпойменных террас речных долин бассейна р. Камы, свойственна чрезвычайно плохая сохранность органического материала. Эта геоморфологическая особенность археологических объектов региона объективно не позволяет зафиксировать более или менее точный временной период появления на их площадках первых остеологических остатков домашних животных, которые оказались в столь северном таёжном регионе в результате контактов местных древних общин с нео-, энеолитическим населением лесостепных и степных районов Южного Приуралья, где складываются ранние формы животноводства [4, с. 81–85]. Наиболее близки территориально к Среднему Приуралью неолитические памятники Муллино и Давлеканово (бассейн р. Белой в пределах Башкирии), содержавшие в культурных слоях кости домашних животных, среди которых преобладали особи лошадей [5, с. 3–21; 6, с. 306]. В таёжном Прикамье для неолита отмечено лишь одно спорное местонахождение кости лошади (определение Э.А. Вангенгейм) наряду с костями северного оленя и лося, зафиксированное в пределах жилища № 1 Хуторской стоянки [7, с. 67]. В своё время Г.Н. Матюшин выдвинул положение о том, «что в Прикамье памятники с гребенчатой керамикой появились в связи с перемещением туда населения с культурой типа II С, в то время, когда на Южном Урале появились памятники раннеагидельского типа» [8, с. 23]. При этом важным фактом, подтверждающим эти перемещения людей, по мнению исследователя, являлись местонахождения костей домашних животных на неолитических стоянках Хуторская, Гумерово, Мясегутово, Средняя Ока в лесном Прикамье [9, с. 37]. Однако, по современным данным, «версия о появлении гребенчатой керамики в лесном Прикамье, как результате миграции населения из лесостепного Приуралья, не имеет веских доказательств» [10, с. 175].

В своё время один из авторов настоящей работы при изучении памятников Среднего Приуралья с накольчато-прочерченной посудой, материальная культура которых имеет в неолитическом пространстве региона явно инородное южное происхождение, предполагал, что именно её носители могли принести в таёжную полосу Прикамья идею примитивного пастушеского скотоводства [11, с. 140]. Это положение опиралось на данные В.В. Никитина, который при исследовании неолитических поселений с накольчатой керамикой Марийского Поволжья выявил на них явные свидетельства древнего животноводства – кости лошади, мелкого и крупного рогатого скота [12, с. 46; 13, с. 92]. Не исключено, что появление первичного животноводства (например, формирование коневодства) в южнотаёжной зоне Среднего Приуралья соотносится с влиянием лесостепной самарской энеолитической культуры на жизнедеятельность позднеэнеолитических нижнекамских и среднекамских общин [14, с. 13; 15, с. 58–59]. Однако явных свидетельств наличия в неолите в южных районах Среднего Приуралья элементов производящей экономики не существует. Уровень материальной культуры неолитического населения таёжного Прикамья, базирующейся на комплексном присваивающем хозяйстве, характер планировки их поселений и устройства жилищ также не представляют серьёзных доказательств этого.

Первые достоверные факты, свидетельствующие о появлении домашних животных в Среднем Приуралье, отмечены на памятниках позднеэнеолитической гаринской культуры, которые в своё время О.Н. Бадер по разработанной им хронологии связывал с ранним этапом турбинской культуры эпохи бронзы (2-я пол. II тыс. до н.э.) [16, с. 34; 17, с. 155]. Они выявлены на ранних поселениях гаринской культуры Бор I (Чусовское Прикамье) и Ольховско-Первомайское (Осинское Прикамье), где в жилищах обнаружены мелкие фрагменты пережжённых костей крупного рогатого скота, свиньи и лошади [16, с. 34; 18, с. 143; 19, с. 130–131; 20, с. 138–140]. На наш взгляд, эти находки демонстрируют данные о зарождении примитивного пастушеского скотоводства на южной территории Среднего Приуралья в позднем энеолите, навыки которого были привнесены из южных лесостепных пространств Урала и Поволжья, где доминировало население ямной и полтавкинской культур [21, с. 35]. По радиоуглероду ранние гаринские памятники в настоящее время датируются в пределах кон. IV–2-й пол. III тыс. до н.э. [22, с. 158]. Именно появление животноводства в экономике южных гаринских общин синхронизируется с окончательным формированием в Среднем Приуралье собственного очага цветной металлургии, получившего серьёзное развитие в позднегаринский период – в кон. III–1-й четв. II тыс. до н.э. [23; 24]. В это время в регионе, судя по анализу планировки гаринских поселений и конструкций жилищ, явно наблюдается демографический взрыв в виде серьёзного увеличения численности людей в древних общинах в сравнении с предшествующей эпохой (неолитом). Само гаринское общество, если детально рассмотреть облик его материальной культуры, в позднем энеолите обладало чрезвычайно развитым комплексным хозяйством, базирующимся, в первую очередь, на природных ресурсах Среднего Приуралья, где формирующееся животноводство играло ещё незначительную роль в его экономике. О.Н. Бадер, хотя и с серьёзными оговорками, предполагал наличие у гаринского населения примитивного мотыжного земледелия [17, с. 155].

Эпоха бронзы. В позднюю фазу гаринской культуры, уходящую во временном диапазоне палеометалла с позднего периода энеолита в эпоху бронзы, население Среднего Приуралья активно взаимодействовало с разнообразными южными скотоводческими культурами Урала и Поволжья – андроновско-срубно-абашевский мир, балановская культура [22, с. 158–159]. Причём носители балановских древностей, судя по географии распространения сверлённых топоров, явно проникали в южнотаёжное Приуралье, минуя ареал позднегаринских общин – среднее течение р. Буй, верховья р. Очёр [25]. В этот период (нач. II тыс. до н.э.) в центральную часть Среднего Приуралья проникают воинственные группы населения, оставившие некрополи и местонахождения с металлом сейминско-турбинского хронологического горизонта (Турбино I–II, Усть-Гайва, Заосиново IV, Бор-Лёнва). В хозяйственно-культурном плане носителей сейминско-турбинского металла исследователи рассматривают как «металлургов-коневодов». В связи с этим логично заключить, что эти милитаризированные пришельцы могли своими лошадьми несколько увеличить и генетически улучшить состав лошадиного стада, а также принести в Среднее Приуралье новые технологии разведения и ухода за этими животными [26, с. 269–277]. К сожалению, органический материал в песчаных слоях памятников сейминско-турбинского хронологического горизонта не сохраняется. О.Н. Бадер в одном из погребений Турбинского I некрополя выявил сохранившиеся рядом с бронзовыми изделиями фрагменты светлой шерстяной (овечьей) ткани, которая имела импортное происхождение [16, с. 34; 17, с. 156]. Однако следует полагать, что именно в сейминско-турбинскую эпоху животноводство окончательно утверждается в южной и центральной зонах Среднего Приуралья. В этот период в регионе происходит чёткое хозяйственно-культурное размежевание южных (производящая экономика) и северных (присваивающие традиционные промыслы) общин населения эпохи бронзы. Определённой географической границей между этими двумя хозяйственно-культурными системами в таёжном Прикамье в эпоху бронзы являлась р. Чусовая [27, с. 102; 28, с. 114].

В поздний период эпохи бронзы (2-я пол. II тыс. до н.э.) на памятниках ерзовской культуры в домостроительстве чётко проявляется разделение двухкамерных сооружений на жилую и хозяйственные части. Если жилая часть была небольших размеров (40–80 кв. м), то хозяйственное сооружение-пристройка отличалось значительной площадью (свыше 100 кв. м). На поселении Заосиново VI площадь хозяйственной пристройки достигала до 300 кв. м. Обычно в центральной части хозяйственных сооружений не было скопления сосудов и предметов материальной культуры. Не отмечались здесь какие-либо объекты в виде ям или очагов. Очаги и скопления сосудов находились вдоль углублённых стенок этих сооружений. Подобные крупные постройки нами рассматриваются в качестве закрытого утеплённого зимнего хлева для стойлового содержания

скота [29, с. 47; 30]. Объективные археологические материалы, свидетельствующие о наличии в эпоху бронзы примитивного мотыжного земледелия, к настоящему времени не выявлены.

Таким образом, несмотря на немногочисленные остеологические источники (табл. 1–2), следует признать, что в эпоху бронзы в Среднем Приуралье происходит окончательное становление животноводства при сохранении традиционных форм присваивающей экономики [20, с. 138–140]. Появление домашних животных в регионе явно связано с мощными культурными импульсами сейминско-турбинского, андроновского, срубного, абашевского и балановского миров, чей опыт по содержанию и разведению скота могли перенять местные общины. В связи с этим следует обратить внимание на мнение лингвиста В.В. Напольских, который прослеживает заимствование в финно-угорской лексике слова лошадь от одного из древних индоевропейских языков (протохарского), связанного с сейминско-турбинским временным периодом [32, с. 152–156]. Учитывая материалы последующей ананьинской эпохи раннего железного века, следует полагать, что в стаде домашних животных у населения Среднего Приуралья в эпоху бронзы преобладала лошадь.

Таблица 1. Количественный состав костей и особей животных с памятников эпохи бронзы Пермского Приуралья

Памятник (годы исследований) Остеологические материалы	Ольховско-Первомайское, поселение (1956)	Заюрчим I, поселение (1959)	Заюрчим I, поселение (1959а)	Заюрчим I, поселение (1986–1987)	Заюрчим I, поселение (1997–1998)	Заюрчим I, поселение (1986–1987) Раннеананьинское жилище
Всего костей/особей	41/?	869/53	629/?	51/?	325/?	327/?
Домашние	15/?	781/39	602/?	46/?	239/?	239/?
Дикие	26/?	88/14	27/?	5/?	86/?	88/?
Домашние						
Лошадь	8/?	423/16	422/?	15/?	102/?	95/?
КРС	5/?	228/13	120/?	12/?	104/?	94/?
Свинья	–	86/6	20/?	19/?	19/?	14/?
МРС	2/?	44/4	40/?	–	14/?	35/?
Собака	–	–	–	–	–	1/?
Дикие						
Лось	14/?	59/6	9/?	1/1	36/?	4/?
Олень	–	3/2	3/?	–	3/?	7/?
Медведь	–	1/1	–	1/1	10/?	–
Бобр	12/?	24/4	12/?	3/?	34/?	57/?
Заяц	–	1/1	1/1	–	–	16/?
Куны	–	–	2/?	–	3/?	4/?
Определение костей	Е.Г. Андреева	Е.Г. Андреева	О.Г. Богаткина	А.И. Варов	Н.А. Пластеева	А.И. Варов
Автор раскопок	О.Н. Бадер	В.П. Денисов	В.П. Денисов	С.Н. Коренюк	С.Н. Коренюк	С.Н. Коренюк
Источник	[20]	[20]	[31]	[31]	[31]	[31]

КРС – крупный рогатый скот, МРС – мелкий рогатый скот

Таблица 2. Процентное соотношение остатков домашних и диких животных с памятников эпохи бронзы Пермского Приуралья

Археологический памятник	Домашние		Дикие		Всего костей
	кости (ед.)	% всех костей	кости (ед.)	% всех костей	
Ольховско-Первомайское, поселение (1956)	15	36,6	26	63,4	41
Заюрчим I, поселение (1959)	781	89,9	88	10,1	869
Заюрчим I, поселение (1959а)	602	95,7	27	4,3	629
Заюрчим I, поселение (1986–1987)	46	90	5	10	51
Заюрчим I, поселение (1997–1998)	239	73,5	86	26,5	325
Заюрчим I, поселение (1986–1987) Раннеананьинское жилище	239	73,1	88	26,9	327

В финале бронзового века северная часть лесостепи и юг лесной зоны входят в ареал многоотраслевой экономики с динамичным сочетанием производящих и присваивающих занятий с основой на придомном скотоводстве, но отнюдь не земледелии. В южнотаёжном и среднетаёжном районах Прикамья, на Вятке, Ветлуге и Белой главная роль в хозяйственной деятельности по-прежнему принадлежит животноводству, но явно заметна роль «пушной охоты».

Культурно-хозяйственная дифференциация северных и южных районов Среднего Приуралья не менялась на всём протяжении раннего железного века в период существования ананьинской и гляденовской культур (нач. I тыс. до н.э. – I-я пол. I тыс. н.э.) [28, с. 114].

Ананьинская культура. Уровень экономики, в частности животноводства, в самом начале развития ананьинской культуры в Среднем Приуралье, очевидно, мало чем отличался от такового предшествующего позднего периода эпохи бронзы. К сожалению, «чистых» в хронологическом отношении раннеананьинских памятников или жилищных комплексов, содержащих представительные остеологические материалы, изучено немного. Однако благодаря им мы впервые фиксируем в регионе свидетельства принесения в жертву домашних животных, в основном лошадей. На поселении Заюрчим VI получена представительная коллекция остеологического материала, в котором отмечено преобладание костей лошади и крупного рогатого скота. Из грифельных костей этих животных изготавливались шилья и проколки. В жилище № 2 поселения Заюрчим VI было исследовано скопление пяти конских черепов, уложенных полукругом, рядом с которой отмечена нижняя зернотёрочная плита [33, с. 54, 67]. На поселении Заюрчим I изучена раннеананьинская постройка, в которой вокруг очага найдены несколько лошадиных черепов и кости трёх медвежьих лап [34, с. 174]. Кроме того, сложные и многообразные обряды проводились на раннеананьинских могильниках, где в межмогильном пространстве и в погребениях выявлены остатки черепов и зубов лошадей. Материалы раннеананьинских некрополей Среднего Прикамья объективно иллюстрируют формирование социальной стратификации в древнем обществе в виде выделения военной элиты [35, с. 66]. Данные социальные процессы обязаны были базироваться на определённом экономическом фундаменте в виде развивающегося производящего хозяйственного уклада.

Ближе к сер. I тыс. до н.э. в Среднем Прикамье начинаются серьёзные демографические процессы, приведшие к относительному росту ананьинского населения. Они документируются появлением большого количества поселений, образующих отдельные археологические микрорайоны, в которых исследователи видят локализацию определённых крупных ананьинских общин или даже племён [36]. Все эти свидетельства хорошо совмещаются с археозоологическими материалами позднеананьинских поселений Среднего Прикамья, которые показывают динамику животноводства в регионе в VIII–III вв. до н.э. (табл. 3–8). На подавляющем большинстве памятников этого временного диапазона, за исключением поселения Конецгор на р. Чусовой, явно преобладают особи домашних животных (58–76 %). В стаде домашних животных на большинстве позднеананьинских памятников преобладают особи лошадей (31–40 %). Однако на ряде археологических объектов в нём отмечается равное количество особей лошади и крупного рогатого скота (Калиновское городище – 34 %, поселение Скородум – 31 %) или фиксируется серьёзное превышение последнего над поголовьем лошадей (Галкинское городище – 53 %). Остальные виды животных представлены свиньями и мелким рогатым скотом [39, с. 174–180, табл. 2].

В позднеананьинскую эпоху (V–III вв. до н.э.) в Среднем Прикамье формируются и развиваются костеносные святилища, среди которых выделяется культовое место Гремяча. Именно в этот период на площадках высоких мысовидных позднеананьинских городищ происходит становление уникальных жертвенных мест – Гляденовского и Юго-Камского костящ. Эти памятники характеризует наличие следов массовых жертвоприношений животных, среди которых ведущее положение занимает домашний скот. А.В. Шмидт связывал это явление, прежде всего, с развитием производящих форм хозяйства [40, с. 31]. Именно в ходе раскопок жертвенных мест Среднего Приуралья собран остеологический материал, содержащий наибольшее для памятников раннего железного века всего Прикамья число особей домашних животных. В материалах Гремячанского поселения-святилища (раскопки А.Д. Вечтомова 1957–1963 гг. на площади 2463 кв. м) определены кости 583 особей домашних животных [41, с. 122, табл. 1], что является до сих пор непревзойдённым количественным уровнем для остеологических материалов памятников ананьинского культурного мира [42, табл. 4]. На Гремячанском святилище отмечены несколько скоплений конских черепов, иногда в количестве 8 экз. Подобные жертвенные комплексы выявлены и на других позднеананьинских памятниках: Половинное I поселение, Заосиновское IV селище-могильник. Близ некоторых выкладок лошадиных черепов Е.Г. Андреевой отмечены остатки «почти полных скелетиков плодов», что является, по мнению исследователя, большой редкостью при археозоологическом изучении древних памятников. Эти находки свидетельствуют, что позднеананьинское население приносило в жертву жеребых кобыл и не боялось уменьшить число маточного поголовья лошадей в стаде [41, с. 123, 125].

К середине I тыс. до н.э. впервые для древнего искусства Среднего Приуралья в декоративном косторезном творчестве и в цветной металлопластике ананьинского населения появляются образы домашних животных, среди которых, естественно, приоритетными были фигурки лошадей. Самыми ранними металлическими изображениями коней в лесном Приуралье являются бронзовые изделия, найденные на городище Алтен-Тау и поселении Заюрчим I [43, с. 161–162, рис. 7, 12; 44, рис. 35]. В позднеананьинский период лошадь используется не только утилитарно для производства мяса, но начинает приобретать в древнем обществе функции ездового животного, о чём свидетельствуют находки удила и псалий на памятниках Среднего Приуралья. На Половинном I поселении найден костяной гребень, навершие которого декорировано в виде ре-

Таблица 3. Количественный состав костей и особей животных с памятников ананьинской культуры Пермского Приуралья

Памятник (годы исследо- ваний) Остеологиче- ские материалы	Заюрчим I, поселение (1986–1987) Раннеанань- инский слой	Заюрчим I, поселение (1986–1987) Позднеанань- инский слой	Гремяча, поселение (1957–1963)	Половинное I, поселение (1971, 1974)	Заюрчим I, поселение (1959)	Заюрчим I, поселение (1997–1998)
Всего костей/ особей	577/?	244/?	16731/981	1670/204	1369/?	471/?
Домашние	474/?	212/?	13637/583	1467/132	1287/?	389/?
Дикие	103/?	32/?	3094/398	203/72	82/?	82/?
Домашние						
Лошадь	279/?	101/?	6038/201	956/37	722/?	245/?
КРС	164/?	81/?	3827/133	335/45	435/?	108/?
Свинья	23	20/?	2072/131	76/22	76/?	18/?
МРС	7/?	9/?	1618/95	98/27	52/?	15/?
Собака	1/1	1/1	82/23	2/1	2/?	3/?
Дикие						
Лось	58/?	10/?	168/20	114/25	48/?	71/?
Олень	2/?	–	105/34	24/8	4/?	3/?
Косуля	–	–	2/2	–	–	–
Медведь	1/1	–	411/55	19/11	11/?	–
Лисица	–	–	218/30	3/3	–	–
Росомаха	–	–	–	1/1	–	–
Бобр	25/?	18/?	831/82	29/16	18/?	8/?
Заяц	8/?	4/?	917/108	3/3	–	–
Выдра	–	–	5/2	–	–	–
Белка	–	–	3/2	–	–	–
Мелкие грызуны	–	–	280/14	–	–	–
Куны	1/1	–	154/49	4/3	–	–
Барсук	–	–	–	–	–1/1	–
Кабан	8/?	–	–	6/2	–	–
Определение костей	А.И. Варов	А.И. Варов	Е.Г. Андреева	Е.Г. Андреева	О.Г. Богаткина	Н.А. Пластева
Автор раскопок	С.Н. Коренюк	С.Н. Коренюк	А.Д. Вечтомов	А.Д. Вечтомов	В.П. Денисов	С.Н. Коренюк
Источник	[31]	[31]	[20]	[20]	[31]	[31]

КРС – крупный рогатый скот, МРС – мелкий рогатый скот

Таблица 4. Процентное соотношение остатков домашних и диких животных с памятников ананьинской культуры Пермского Приуралья

Археологический памятник	Домашние		Дикие		Всего костей
	кости (ед.)	% всех костей	кости (ед.)	% всех костей	
Заюрчим I, поселение (1986–1987) Раннеананьинский слой	474	82,1	103	17,9	577
Заюрчим I, поселение (1986–1987) Позднеананьинский слой	212	86,9	32	13,1	244
Гремяча, поселение (1957–1963)	13637	81,5	3094	18,5	16731
Половинное I, поселение (1971, 1974)	1467	87,8	203	12,2	1670
Заюрчим I, поселение (1959)	1287	94	82	6	1369
Заюрчим I, поселение (1997–1998)	389	82,6	82	17,4	471

алистичной фигурки лошади, увенчанной сбруей [45, с. 74–77, рис. 3: 1]. О появлении всадничества в культуре позднеананьинского населения свидетельствует выразительное и реалистичное изображение конного наездника, найденное на Гляденовском костыше, по аналогиям и стилистическим особенностям характерное для древностей V–III вв. до н.э. На сегодняшний день это самый ранний известный образ всадника в искусстве таёжного Приуралья [46, с. 56, рис. 1: 1].

Таким образом, исходя из современных знаний, считать, что в ананьинское время животноводство находилось на «довольно примитивном уровне», вряд ли оправдано [47, с. 222]. Отсутствие археологических материалов, свидетельствующих о наличии «специальных помещений для содержания скота» в зимний период, не является важным аргументом в пользу защиты этого тезиса. На памятниках поздней стадии ананьинской культуры таёжного Приуралья к настоящему времени изучены остатки только трёх наземных

Таблица 5. Количественный состав костей и особей животных с памятников ананьинской культуры Пермского Приуралья

Памятник (годы исследований) Остеологические материалы	Галкино, городище (1934)	Конецгор, поселение (1935–1937)	Субботино I, городище (1958)	Скородум, поселение (1951–1952)	Алтен-Тау, городище (1958)
Всего костей/особей	732/41	1673/116	130/14	384/31	341/24
Домашние	696/30	802/29	116/10	313/19	329/18
Дикие	36/11	871/87	14/4	71/12	12/6
Домашние					
Лошадь	260/8	247/10	67/4	136/6	189/7
КРС	396/16	366/8	41/3	126/6	115/5
Свинья	22/4	64/4	6/2	22/4	13/3
МРС	18/2	123/6	2/1	21/2	10/2
Собака	–	2/1	–	8/1	2/1
Дикие					
Лось	18/3	281/8	9/2	22/2	–
Олень	7/4	39/3	–	28/3	1/1
Медведь	1/1	41/4	–	2/1	4/1
Лисица	–	3/1	–	–	–
Бобр	8/1	51/7	5/2	15/3	2/1
Заяц	1/1	170/14	–	–	4/2
Выдра	–	3/2	–	1/1	–
Белка	–	153/27	–	–	–
Куньи	1/1	130/21	–	2/1	1/1
Рысь	–	–	–	1/1	–
Определение костей	В.И. Громова	М.Н. Попова-Серебренникова	Е.Г. Андреева	В.И. Цалкин	В.И. Цалкин
Автор раскопок	А.В. Збруева	А.В. Збруева	В.А. Оборин	О.Н. Бадер	Е.Н. Черных
Источник	[20]	[20]	[20]	[20]	[20]

КРС – крупный рогатый скот, МРС – мелкий рогатый скот

Таблица 6. Процентное соотношение остатков домашних и диких животных с памятников ананьинской культуры Пермского Приуралья

Археологический памятник	Домашние		Дикие		Всего костей
	кости (ед.)	% костей	кости (ед.)	% костей	
Галкино, городище (1934)	696	95,1	36	4,9	732
Конецгор, поселение (1935–1937)	802	47,9	871	52,1	1673
Субботино I, городище (1958)	116	89,2	14	10,8	130
Скородум, поселение (1951–1952)	313	81,5	71	18,5	384
Алтен-Тау, городище (1958)	329	96,5	12	3,5	341

Таблица 7. Количественный состав костей и особей животных с памятников ананьинской и гляденовской культур Пермского Приуралья

Памятник (годы исследований) Остеологические материалы	Гляденовское костыще (1990)	Юго-Камское костыще (1964–1965)	Калиново, городище (1958–1959)	Горюхалиха, городище (1966–1967)	Заосиново I, поселение (1987–1988)	Заосиново IV, поселение (1987–1988)
Всего костей/особей	3575/?	62047/1612	338/42	2256/175	816/?	288/?
Домашние	3282/?	61969/1596	299/32	2127/139	781/?	286/?
Дикие	293/?	78/16	39/10	129/36	35/?	2/2
Домашние						
Лошадь	1133/?	27575/606	112/11	1213/53	425/?	180/?
КРС	1250/?	29000/718	135/11	683/38	235/?	91/?
Свинья	434/?	3382/213	41/7	141/27	90/?	11/?
МРС	465/?	2012/59	10/2	87/18	31/?	1/1
Собака	–	–	1/1	3/3	–	3/?
Дикие						
Лось	168/?	54/7	6/2	44/14	3/?	1/1
Олень	38/?	2/1	–	2/1	–	–
Косуля	–	4/2	–	–	–	–
Медведь	69/?	13/5	2/1	11/2	3/?	–
Лисица	–	–	6/1	–	3/?	–
Росомаха	7/?	–	–	–	–	–
Бобр	1/1	–	21/4	71/18	12/?	–
Зяц	1/1	–	4/2	–	12/?	1/1
Белка	–	–	–	–	1/1	–
Куньи	–	–	–	–	1/1	–
Волк	7/?	5/1	–	–	–	–
Рысь	2/?	–	–	–	–	–
Кабан	–	–	–	1/1	–	–
Определение костей	А.И. Варов	Е.Г. Андреева	Е.Г. Андреева	Е.Г. Андреева	А.И. Варов	А.И. Варов
Автор раскопок	А.Ф. Мельничук	Ю.А. Поляков	В.А. Оборин	Ю.А. Поляков	В.П. Мокрушин	В.П. Мокрушин
Источник	[37]	[20]	[20]	[20]	[38]	[38]

КРС – крупный рогатый скот, МРС – мелкий рогатый скот

Таблица 8. Процентное соотношение остатков домашних и диких животных с памятников ананьинской и гляденовской культур Пермского Приуралья

Археологический памятник	Домашние		Дикие		Всего костей
	кости (ед.)	% всех костей	кости (ед.)	% всех костей	
Гляденовское костыще (1990)	3282	91,8	293	8,2	3575
Юго-Камское костыще (1964–1965)	61969	99,9	78	0,1	62047
Калиново, городище (1966–1967)	299	88,5	39	11,5	338
Горюхалиха, городище (1966–1967)	2127	94,3	129	5,7	2256
Заосиново I, поселение (1987–1988)	781	95,7	35	4,3	816
Заосиново IV, поселение (1987–1988)	286	99,3	2	0,7	288

построек [48, с. 45–46]. Выявить на поселениях раннего железного века фрагменты наземных сооружений для зимнего стойлового содержания скота, которые явно не обладали скоплениями материальных остатков и различными деталями, кроме очагов для обогрева, крайне сложно. Кстати, они до сих пор не обнаружены и на средневековых памятниках ломоватовской и родановской культур с развитым скотоводством и пашенным земледелием. Отсутствие объективных археологических источников (остатки зерновых культур, явные земледельческие орудия) также не свидетельствует о том, что земледелие как подспорье к животноводству в ананьинском социуме не существовало.

На позднем этапе ананьинской культуры в таёжном Приуралье появляются укрепленные поселения-городища, создание которых свидетельствует о начавшихся военно-социальных конфликтах, носивших, скорее всего, не внешний, а внутренний характер, обусловленный борьбой за природные ресурсы, в первую очередь за пастбища, которые стали уменьшаться, очевидно, в связи с серьёзным изменением климатических условий в регионе, что отмечается исследователями на границе суббореального и субатлантического периодов (2500 л.н.) [49, с. 55; 50, с. 680–681; 51, с. 166].

Таким образом, в ананьинскую эпоху в Среднем Прикамье наблюдается поступательное развитие экстенсивного пастушеского животноводства, вероятно, вкуче с мотыжным подсечно-огневым земледелием. Ухудшение климата к концу функционирования ананьинской культуры привело к внутренним миграциям позднеананьинского населения, которое стало более активно осваивать поймы притоков р. Камы.

Гляденовская культура. Хозяйство гляденовского населения в целом продолжает ананьинские традиции. Ю.А. Поляков констатировал наличие у него земледелия и скотоводства при второстепенной роли охоты и рыболовства. Животноводство, очевидно, играло более важную роль, чем земледелие [52, с. 15–17]. Находки зёрен на позднегляденовском Осинском городище (жилище № 2) могут свидетельствовать об уровне земледелия. По мнению А.В. Кирьянова, производившего анализ состава зерна, «ведущее положение занимала полба, затем ячмень. Овес не выступал как самостоятельная культура» [53, с. 176]. Среди зёрен 72,5 % составляет полба, 27,5 % – ячмень; единично встречены зёрна мягкой пшеницы и овса. Как считал Ю.А. Краснов, находки в одном месте в смеси зёрен разных злаков свидетельствуют о смешанном посеве [54, с. 71]. Такой смешанный состав зерновых при высоком удельном весе теплолюбивых культур использовался в лесной зоне Прикамья на протяжении всего I тысячелетия н.э. и, как полагают, был обусловлен подсечно-огневым характером земледелия [49, с. 56].

По мнению Ю.А. Полякова, решить вопрос о том, каким было земледелие у гляденовского населения Среднего и Верхнего Прикамья, могут помочь этнографические данные [52, с. 16–17]. До конца XIX в. у коми-пермяков и коми-зырян наряду с другими приёмами земледелия использовалась и подсека, характерными чертами которой были: 1) использование площади подсеки один год; 2) подготовка земли под посев ограничивается только выжиганием леса и удобрением почвы золой; корчёвка пней и рыхление почвы не производится; 3) незначительные размеры участков; 4) получение высоких урожаев (сам-30 – сам-50); 5) посев в тёплую почву, что сокращает вегетационный период у растений [55, с. 103].

Вполне вероятным кажется предположение о том, что в гляденовское время подсека сочетается с перелогом. При этом ближайšie к поселениям участки подсеки после снятия урожая превращались в пастбища; выпас скота на этих угодьях через 15–20 лет приводил к восстановлению плодородия почвы. Эти участки не требовали расчистки, но здесь также была необходима обработка земли. Обязательные технические условия для этого существовали [52, с. 16]. Для обработки земли использовались железные или костяные мотыги, аналогичные найденным на Скородумском, Коновалытском селищах, Черновском I городище и Гляденовском косте. Кроме того, явные железные миниатюрные копии земледельческих орудий, таких как мотыги, отмечены в культовых комплексах Гляденовского косте [56, с. 162–163, рис. 1, 4, 5]. Этнографической параллелью этим мотыгам является коми-пермяцкий «куштан» – мотыга с железным наконечником, на коленчатой деревянной рукояти, ещё в начале XX в. применявшаяся при расчистке выжженных под пашню участков леса [55, с. 39–40; 57, с. 44]. Для размолы зерна использовались каменные плиты-зернотёрки и песты-тёрочки, находки которых многочисленны на поселениях, как ананьинской, так и гляденовской культур. Земледелие вряд ли могло играть существенную роль в хозяйстве гляденовского населения, так как, несмотря на значительный объём раскопанных в последние годы поселенческих памятников, количество найденных сельскохозяйственных орудий не прибавилось (2 железные и несколько роговых мотыжек) [52, с. 15].

Базой системы хозяйства гляденовского населения являлось скотоводство [58, с. 13]. Состав стада, сложившийся в Среднем Прикамье ещё в ананьинское время, сохранился и на протяжении существования гляденовской культуры [52, с. 16]. Однако в процессе развития животноводства и под влиянием климатических условий в гляденовскую эпоху наблюдаются серьёзные количественные изменения в росте поголовья домашних животных и почти абсолютное преобладание на памятниках их костных останков над останками диких животных (94–100 %) (табл. 7–12).

Самое большое число особей домашних животных (1596) по остеологическому материалу зафиксировано на Юго-Камском косте (раскопки Ю.А. Полякова 1964–1965 гг. площадью до 1000 кв. м). Сравним эти данные с материалами крупнейшего позднеананьинского среднекамского святилища Гремяча, где площадь исследования данного памятника была выше в 2,5 раза и найдены костные останки 583 особей домашних животных. Эти данные свидетельствуют о достаточно резком увеличении объёма домашнего скота в массовых жертвенных церемониях, что можно объяснить только существенным увеличением продуктивности животноводства. Определённые изменения наблюдаются в видовом составе домашнего скота. Впервые

Таблица 9. Количественный состав костей и особей животных с памятников гляденовской культуры Пермского Приуралья

Памятники (годы исследований) Остеологические материалы	Пещеры, городище (1968)	Махони, городище (1960)	Култаево, селище (1963)	Усть-Туй, костище (1953)	Слепушка, костище (1991)
Всего костей/особей	230/33	340/55	391/25	38260/1050	3722/?
Домашние	230/33	318/41	375/22	38057/1022	3692/?
Дикие	–	22/14	16/3	203/28	30/?
Домашние					
Лошадь	105/9	156/14	129/7	15173/379	1339
КРС	79/11	92/12	171/8	15743/419	882
Свинья	8/3	34/7	38/4	4927/192	1151
МРС	34/9	30/6	37/3	2214/32	320
Собака	4/1	6/2	–	–	–
Дикие					
Лось	–	6/3	7/1	182/16	8
Олень	–	5/2	–	–	–
Медведь	–	3/2	9/2	11/5	20
Бобр	–	6/5	–	10/7	2
Заяц	–	2/2	–	–	–
Определение костей	Е.Г. Андреева	Е.Г. Андреева	Е.Г. Андреева	В.И. Цалкин	А.И. Варов
Автор раскопок	Ю.А. Поляков	Ю.А. Поляков	Ю.А. Поляков	В.Ф. Генинг	А.Н. Лепихин, А.Ф. Мельничук
Источник	[20]	[20]	[20]	[20]	[37]

КРС – крупный рогатый скот, МРС – мелкий рогатый скот

Таблица 10. Процентное соотношение остатков домашних и диких животных с памятников гляденовской культуры Пермского Приуралья

Археологический памятник	Домашние		Дикие		Всего костей
	кости (ед.)	% костей	кости (ед.)	% костей	
Пещеры, городище (1968)	230	100			230
Махони, городище (1960)	318	93,5	22	6,5	340
Култаево, селище (1963)	375	96	16	4	391
Усть-Туй, костище (1953)	38057	99,5	203	0,5	38260
Слепушка, костище (1991)	3692	99,2	30	0,8	3722

в Среднем Прикамье, о чём свидетельствуют материалы костищ Юго-Камск и Усть-Туй, в поголовье животных крупный рогатый скот начинает преобладать над лошастью. Свиньи и мелкий рогатый скот значительно уступали по численности крупному рогатому скоту и лошади. При этом А.Г. Петренко отмечала, что «конеvodческое» хозяйство гляденовцев обладало лошадьми, которые имели способность самостоятельно добывать себе пищу в зимние месяцы и тем самым могли уменьшать для своих хозяев проблемы с накоплением кормов [59, с. 73]. Увеличение поголовья крупного рогатого скота над лошастью в раннегляденовское время позволяет говорить об улучшении климата и формировании благоприятных условий для эффективного его разведения.

Как и в лесной полосе в целом, гляденовское животноводство было, очевидно, придомным [60, с. 120]. Практиковался вольный выпас животных вблизи поселений на огороженных участках. Некоторые черты этой примитивной системы животноводства сохранились у коми-пермяков до XX в. [55, с. 193]. Развитие животноводства ограничивалось необходимостью заготовки кормов на стойловый период, продолжающийся в Среднем Приуралье не менее 7 месяцев. Заготовка сена вряд ли могла производиться в значительных масштабах даже после появления у гляденовского населения серпов, что, судя по материалам соседних территорий, могло произойти не ранее III в. н.э. При ограниченных масштабах земледелия не могло играть важной роли в создании запасов кормов для домашних животных. Эти трудности с заготовкой кормов вели к массовому забою скота осенью, по окончании пастбищного периода; свыше 50 % костей лошади и около

Таблица 11. *Количественный состав костей и особей животных с памятников гляденовской культуры Пермского Приуралья*

Памятник (годы исследований) Остеологические материалы	Панкраши, костище (1870)	Останино, костище (1879)	Ильинское костище (1878)	Пьянково, костище (кон. XIX в.)	Гаревское костище (1874)
Всего костей	29	32	226	17	15
Домашние	28	29	197	–	13
Дикие	1	3	29	17	2
Домашние					
Лошадь	6	4	90	–	6
КРС	9	5	33	–	6
Свинья	13	18	43	–	–
МРС	–	2	31	–	1
Дикие					
Лось	–	–	3	16	1
Олень	–	1	1	1	1
Медведь	1	1	23	–	–
Лисица	–	–	1	–	–
Росомаха	–	–	1	–	–
Носорог ¹	–	1	–	–	–
Определение костей	А.И. Варов	А.И. Варов	А.И. Варов	А.И. Варов	А.И. Варов
Автор раскопок	А.Е. Теплоухов	А.Е. Теплоухов	А.Е. Теплоухов	А.Е. Теплоухов	А.Е. Теплоухов
Источник	[37]	[37]	[37]	[37]	[37]

¹ Несколько странной выглядит пятчатая кость шерстистого носорога в материалах Останинского костища. Однако кость зашифрована рукой А.Е. Теплоухова, и поэтому сомневаться в её происхождении нет особых оснований [37, с. 102].

КРС – крупный рогатый скот, МРС – мелкий рогатый скот

Таблица 12. *Процентное соотношение остатков домашних и диких животных с памятников гляденовской культуры Пермского Приуралья*

Археологический памятник	Домашние		Дикие		Всего костей
	кости (ед.)	% всех костей	кости (ед.)	% костей	
Панкраши, костище (1870)	28	96,6	1	3,4	29
Останино, костище (1879)	29	90,6	3	9,4	32
Ильинское костище (1878)	197	87,2	29	12,8	226
Пьянково, костище (кон. XIX в.)	–	–	17	100	17
Гаревское костище (1874)	13	86,7	2	13,3	15

80 % костей свиньи на гляденовских памятниках принадлежали молодым животным [39, с. 177]. Недостаток кормов в стойловый период был, вероятно, причиной малорослости всех видов домашних животных. О стойловом характере содержания скота, очевидно, свидетельствует слабоуглублённая постройка площадью до 265 кв. м на селище Крылово IV, расположенном на участке высокой левобережной поймы р. Тулвы. Памятник относится к позднегляденовскому времени (III–IV вв. н.э.) [61, с. 43, рис. 2].

Ю.А. Поляков отмечал, что потребность в пастбищах для скота была одной из причин, определявших расположение гляденовских поселений вблизи широкой поймы Камы [62, с. 200]. Картографирование памятников финала раннего железного века подтверждает и дополняет это положение [63, рис. 1, 95; 64, с. 31–33, рис. 3]. Памятники в большей степени располагаются по берегам рек, которые имели широкие поймы и речные долины. Такой выбор мест для расположения поселений, очевидно, был обусловлен именно необходимостью наличия пойменных лугов как основного биоресурса для ведения хозяйства. Земледельцы могли заниматься на высоких террасах, которые частично в результате поджигания могли очищать от древесной растительности. При этом группы памятников от 2 до 7 посёлков на небольшом расстоянии друг от друга также представляются не случайными и отражают хозяйственную инфраструктуру гляденовских общин, в которую входит одно или несколько основных постоянных поселений (могут быть и укрепленные), расположенных на коренной террасе реки и окруженных поселениями-сателлитами, располагающимися в пойме

на дюнах или гривистых всхолмлениях и использовавшимися для временного пребывания в период циклической хозяйственной деятельности [61]. Важным элементом хозяйственной системы гляденовского общества является и специализация построек, когда для определённых целей (временное пребывание или длительное всесезонное проживание) использовались различные техники домостроения [65, с. 236].

Представляется важным рассмотреть описанную систему гляденовской производящей экономики в контексте реконструируемых исторических процессов. Расцвет гляденовских костящ приходится на ранний этап существования культуры (II в. до н.э. – II в. н.э.) и соотносится с улучшением климата после похолодания на позднем этапе ананьинской культуры. Очевидно, в этот период развитие скотоводства переживало значительный подъём, что привело к появлению прибавочного продукта в виде массово приносимых в жертву домашних животных. Многие городища в этот период прекращают своё функционирование, что объясняется нецелесообразностью их содержания в относительно мирное время. В тот же период увеличение прибавочного продукта дало толчок к серьёзным демографическим процессам в гляденовском обществе, которые выразились в появлении значительного числа новых поселений в нач. I тыс. н.э. в Среднем Приуралье, чаще всего в ранее необжитых таёжных районах Верхнего и Среднего Прикамья. В связи с этим гляденовские общины начинают колонизационное движение по крупным и мелким притокам р. Камы. В I–II вв. н.э. осваивается нижнее и среднее течения р. Чусовой, Сылвы и Обвы, а также Туйско-Гаревское поречье. Значительные миграционно-демографические процессы наблюдаются в бассейне р. Тулвы. На новых территориях формируются как разнообразные поселения, так и типичные гляденовские святилища-костяща (Ильинское на р. Обве, Усть-Туйское, Гаревское, Панкрашинское в Туйско-Гаревском поречье, Слепушка на р. Сылве, Пьянковское в устье р. Тулвы). Таким образом, к IV в. н.э. сложились все локальные варианты гляденовской культуры, и её памятники заняли значительные пространства Среднего Прикамья [66].

С IV в. можно связать значительное похолодание и увлажнение климата в Среднем Приуралье, что вызвало подтопление пойменных участков р. Камы. Это привело к резкому сокращению пастбищной кормовой базы для домашнего скота, а также сказалось на исчезновении эгалитарных святилищ-костящ. Все эти события затем создали почву для военно-социальных конфликтов между различными общинами, что отразилось в возникновении в регионе значительного количества городищ со сложными фортификациями на территории всех локальных вариантов гляденовской культуры. Вместе с этими процессами прослеживается и то, что система оборонительных сооружений выстраивалась по периметру охраняемого участка древних общин в долине рек, включая как жилые городища, которые были также центрами металлургии (например, Опутята), имеющие сложную многовальную систему укреплений, так и городища-убежища, которые строились на окраинах локальной общинной территории. На эти социально-экономические процессы оказывал влияние и внешний фактор, выразившийся в появлении групп пришлого населения, связанных с культурно-хронологическим горизонтом Тураево – Кудаш [66]. Пришлые воинские отряды с позднесарматским обликом материальной культуры были малочисленны. Они влились в структуру местного населения, вероятно, захватив власть в гляденовских общинах, воевавших между собой. Этот социальный процесс нашёл яркое отражение в материалах Мокинского могильника. Данные события послужили причинами изменения ареала далёких предков современных пермских народов, которые к началу раннего Средневековья в основном заняли территории своего современного расселения в таёжной зоне Верхнего Прикамья. Изменение природно-климатических условий обитания позднегляденовских общин не могло не сказаться на деформации их хозяйственно-культурной жизнедеятельности, которая в это время неуклонно эволюционировала в средневековую производящую экономику, ставшую базой для развития ломоватовской и родановской культур, связанных с этногенезом народа коми.

В культовой металлопластике гляденовской культуры на местной этномифологической основе складывается своеобразная иконография всадников, которая объективно свидетельствует о развитии искусства наездничества в Среднем Прикамье в первых веках I тыс. н.э. [46]. Часть ранних всадников (первые века н.э.) вооружены луком, самый поздний всадник (селище Пеньки – IV–V вв.) снабжён мечом, что, очевидно, свидетельствует о эволюционных изменениях в вооружении небольших отрядов мобильной конницы в регионе [35, с. 68]. Из-за малорослости среднеприуральских лошадей кони, пригодные для наездничества, могли поступать сюда в результате взаимоотношений гляденовских общин с позднесарматским культурным миром или проникновения отдельных воинских групп на территорию Пермского Приуралья, оставивших комплексы культурно-хронологического горизонта Тураево – Кудаш [67].

Таким образом, в статье предложена вероятная модель развития производящего хозяйства в жизнедеятельности населения таёжной зоны Среднего Приуралья с момента его становления в позднем энеолите до начала раннего Средневековья. Важно отметить, что полное понимание и реконструкция процессов, связанных с возникновением и развитием производящей экономики в Среднем Приуралье, ещё далеки от завершения и возможны лишь при комплексном подходе к их изучению с детальным применением естественнонаучных методов исследования и данных смежных наук.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Сандлер И.С., Чазов Б.А. Географическое положение // Пермская область. Пермь, 1959.
2. Николаев С.Ф. Растительность // Пермская область. Пермь, 1959.
3. Антипина Е.Е. Экологические аспекты развития древнего животноводства в лесной зоне Восточной Европы // Динамика современных экосистем в голоцене: Материалы Российской научной конференции 2–3 февраля 2006 г. М., 2006.
4. Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи волго-уральского междуречья. Оренбург, 1995.

5. *Матюшин Г.Н.* О характере экономики неолита и энеолита Южного Урала // *Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала.* Уфа, 1981.
6. *Петренко А.Г.* Костные останки животных поселения Муллино // *Матюшин Г.Н.* Энеолит Южного Урала. М., 1982.
7. *Денисов В.П.* Хуторская неолитическая стоянка // *УЗ ПГУ.* Т. XII. Вып. I. Пермь, 1960.
8. *Матюшин Г.Н.* Каменный век Южного Урала: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1987.
9. *Матюшин Г.Н.* Экологические кризисы и их роль в смене культур каменного века // *Природа и человек.* М., 1988.
10. *Выборнов А.А.* Неолит Волго-Камья. Самара, 2008.
11. *Мельничук А.Ф., Лычагина Е.Л.* Культурные взаимоотношения населения таежных районов Верхнего Прикамья с племенами южных районов Поволжья и Урала в эпоху неолита // *Пути сообщения, коммуникации, научные достижения народов Евразии: Материалы международной научно-практической конференции.* Березники, 1997.
12. *Никитин В.В.* Некоторые проблемы изучения неолита – энеолита Среднего Поволжья // *Энеолит лесного Урала и Поволжья: Материалы II полевого симпозиума по проблемам археологии эпохи камня – бронзы лесной полосы европейской части СССР.* Ижевск, 1990.
13. *Никитин В.В.* Каменный век Марийского Поволжья. Йошкар-Ола, 1996. (Труды Марийской археологической экспедиции. Т. IV)
14. *Васильев И.Б., Синюк А.Т.* Энеолит восточно-европейской лесостепи. Куйбышев, 1985.
15. Неолит Удмуртского Прикамья. Итоги изучения / *В.П. Денисов, А.Ф. Мельничук, П.А. Бальбердина, Э.В. Чурилов* // *Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV-е Бадеровские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции.* Ижевск, 2013.
16. *Бадер О.Н.* Древнейшая история Прикамья: Доклад по опубликованным работам на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1963.
17. *Бадер О.Н.* Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964.
18. *Бадер О.Н.* Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // *МИА.* № 99. 1961.
19. *Андреева Е.Г.* Древняя фауна камских стоянок эпохи неолита и бронзы // *ВАУ.* № 1. 1961.
20. *Андреева Е.Г., Петренко А.Г.* Древние млекопитающие по археозоологическим материалам Среднего Поволжья и Верхнего Прикамья // *Из археологии Волго-Камья.* Казань, 1976.
21. *Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Турецкий М.А.* Ямная и полтавкинская культуры // *История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век.* Самара, 2000.
22. *Мельничук А.Ф.* Хронология гаринской культуры в Среднем Приуралье // *Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической научной конференции.* СПб., 2013.
23. *Кузьминых С.В.* К вопросу о волосовской и гаринско-борской металлургии // *СА.* 1977. № 2.
24. *Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д., Денисов В.П.* Металлообработка гаринской культуры Верхнего и Среднего Прикамья (по данным аналитического исследования) // *Вестник археологии, антропологии, этнографии.* Тюмень, 2013. № 4 (23).
25. *Денисов В.П., Мельничук А.Ф.* Местонахождения сверленных балановских топоров на территории Пермской области // *Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья: Материалы вторых Халиковских чтений.* Казань, 2002.
26. *Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989.
27. *Мельничук А.Ф.* Этнические процессы и освоение Северного Прикамья в эпоху раннего железного века – позднего средневековья // *Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья: Материалы международной научной конференции (к 30-летию Камско-Вятской экспедиции).* Ижевск, 2002.
28. *Мельничук А.Ф., Майстренко Д.А.* Культурно-хозяйственный тип населения Северного Прикамья в эпоху бронзы – раннем железном веке // *III Северный международный конгресс. Ханты-Мансийск; Екатеринбург,* 2010.
29. *Денисов В.П.* Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры // *УЗ ПГУ.* № 148. Пермь, 1967.
30. *Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф.* Заосиновское VI поселение в урочище «Красава» // *Материалы по археологии Южного Урала.* Уфа, 1992.
31. *Косинцев П.А., Пластеева Н.А.* Археозоологические материалы поселения Заюрчим I // XVII Уральское археологическое совещание: Материалы научной конференции (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г.). Екатеринбург; Сургут, 2007.
32. *Напольских В.В.* Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997.
33. *Денисов В.П.* Заюрчимское VI поселение – памятник раннего железного века в Среднем Прикамье // *УЗ ПГУ.* № 191. 1968.
34. *Коренюк С.Н., Оборин В.А.* Работы Камской экспедиции // *АО–1986.* М., 1988.
35. *Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф.* «Переселение народов» в археологии Среднего Приуралья // *Вестник Пермского университета. История и политология.* Пермь, 2007. Вып. 3 (8).
36. *Вечтомов А.Д.* К вопросу о племенной организации населения Среднего Прикамья в эпоху раннего железа // *УЗ ПГУ.* № 191. Пермь, 1968.
37. *Лепихин А.Н.* Костища гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. Березники, 2007.
38. *Варов А.И.* Костные остатки из комплекса археологических памятников Заосиново // *Проблемные вопросы истории, культуры, образования, экономики Северного Прикамья. Материалы докладов Всероссийской научно-практической конференции.* Березники, 1994.
39. *Андреева Е.Г.* Животные Прикамья ананьинского времени по костным остаткам из археологических памятников // *УЗ ПГУ.* № 148. Пермь, 1967.
40. *Шмидт А.В.* Жертвенные места Камско-Уральского края // *Известия ГАИМК.* Т. XII. Вып. 1–2. Л., 1932.
41. *Андреева Е.Г.* Фауна из раскопок Гремячанского поселения // *УЗ ПГУ.* № 191. Пермь, 1968.
42. *Петренко А.Г.* Археозоологические материалы к изучению истории животноводства и охоты у ананьинского населения Волго-Камья и Предуралья // *Археология и естественные науки Татарстана.* Казань, 2004.
43. *Черных Е.Н.* Городище Алтен-Тау // *Отчеты К(В)АЭ.* Вып. 1. М., 1959.
44. *Оборин В.А.* Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь, 1976.
45. *Коренюк С.Н.* Символика сюжетов звериного стиля на костяных гребнях у пермских финнов Среднего Прикамья в VIII–III вв. до н.э. // *Исследования по археологии и истории Урала: Межвузовский сборник научных трудов.* Пермь, 1998.
46. *Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л.* Всадники гляденовской культуры // *Вестник Пермского университета. История.* Пермь, 2008. Вып. 7 (23).
47. *Оборин В.А.* К истории охоты и скотоводства у древних коми-пермяков // *УЗ ПГУ.* Т. XII. Вып. 1. Пермь, 1960.

48. Черных Е.М. Жилища Прикамья: эпоха железа. Ижевск, 2008.
49. Черных Е.М. О жилищах глядендовской культуры и некоторых аспектах адаптации древних пермян к природным условиям и особенностям хозяйственной деятельности (возвращаясь к исследованиям В.Ф. Генинга середины прошлого века) // Поволжская археология. Казань, 2014. № 1 (7).
50. Изменение климата на западе европейской части России в позднем голоцене / В.В. Клименко, В.А. Климанов, А.А. Сирин, А.М. Слепцов // Доклады Российской Академии наук. Т. 376. № 5. М., 2001.
51. Бакин О.В. Краткий очерк динамики природных условий юга Вятско-Камского междуречья в голоцене // У истоков археологии Волго-Камья (К 150-летию открытия Ананьинского могильника). Елабуга, 2009. (Серия «Археология Евразийских степей». Вып. 8)
52. Поляков Ю.А. Глядендовская культура // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. 1. Березники, 2001.
53. Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 2. Казань, 1959.
54. Краснов Ю.А. К истории раннего земледелия лесной полосы Европейской части СССР // СА. 1965. № 2.
55. Белицер В.Н. Очерки по этнографии коми XIX – начала XX в. М., 1958.
56. Генинг В.Ф., Оборин В.А. К вопросу о глядендовской культуре // УЗ ПГУ. Т. XII. Вып. 1. Пермь, 1960.
57. Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // МИА. № 22. 1951.
58. Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века (первая половина – середина I тыс. н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013.
59. Петренко А.Г. Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам). Казань, 2007. (Серия «Археология Евразийских степей». Вып. 3)
60. Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. II тыс. до н.э. – I-я пол. I тыс. н.э. М., 1971.
61. Васильева А.В., Перескоков М.Л. Охранные археологические работы в зонах реконструкции магистральных нефтепродуктопроводов в Пермском крае в 2011–2012 гг. // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV-е Бадеровские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск, 2013.
62. Поляков Ю.А. Итоги изучения памятников глядендовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье // УЗ ПГУ. № 148. 1967.
63. Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века (первая половина – середина I тыс. н.э.): дис. ... канд. ист. наук. Рукопись. Т. II. Йошкар-Ола, 2013.
64. Голдина Р.Д. В.Ф. Генинг и проблемы изучения глядендовско-пьяноборского времени в Приуралье // Поволжская археология. Казань, 2014. № 1 (7).
65. Перескоков М.Л. Древнепермское жилище в финале раннего железного века // Преподаватель XXI век. Вып. 3. Ч. 2. М., 2011.
66. Перескоков М.Л. Территория и локальные варианты позднего этапа глядендовской культуры в Пермском Прикамье // Вестник Пермского университета. Серия История. Пермь, 2013. Вып. 1 (21).
67. Перескоков М.Л. Культурно-хронологический горизонт Тураево – Кудаш: теоретический аспект // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II. Казань, 2014.

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь*

S.N. Korenyuk, A.F. Melnichuk, M.L. Pereskokov

**THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF PRODUCTIVE ECONOMY
IN THE TAIGA ZONE OF THE MIDDLE URALS
(LATE ENEOLITHIC – BEGINNING OF EARLY MIDDLE AGES)**

Summary

The article is the analysis of features of formation of producing economy in the taiga zone of the Middle Urals in chronological period from the Late Eneolithic to the beginning of the Early Middle Ages, affected by natural and landscape characteristics of the region.

*Perm State National Research University,
15, A.I. Bukireva St., Perm, 614990,
Russia*

*S.N. Korenyuk – E-mail: korenyuk_sn@mail.ru
A.F. Melnichuk – E-mail: dmelnichuk@mail.ru
M.L. Pereskokov – E-mail: pereskokoff@yandex.ru*

К. Нордквист

РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДЯЩЕГО ХОЗЯЙСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ФИНЛЯНДИИ В КАМЕННОМ, БРОНЗОВОМ И РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКАХ

Введение¹

В статье представлен обзор развития производящего хозяйства на территории Финляндии начиная с неолитического периода каменного века и до начала среднего железного века по финской периодизации (или до начала раннего Средневековья согласно российской периодизации), до конца IV в. н.э.² Под производящим хозяйством здесь подразумеваются земледелие и скотоводство в наиболее широком понимании этих терминов. В работе кратко рассмотрены палинологические и остеологические данные, результаты анализа растительных макроостатков, липидов и крахмалов, а также другие археологические свидетельства, проливающие свет на этот вопрос (по состоянию на 2016 г.). Приведены критика и обсуждение представленных данных в контексте связанных проблем и исследований.

Земледелие

К настоящему времени наиболее ранние свидетельства земледелия происходят из Юго-Восточной Финляндии и относятся к периоду 5300–5200 лет до н.э. [1, p. 12, table 1], т.е. к тому же времени, когда здесь происходит усвоение, например, керамической традиции и возникает наскальное искусство. Несколько случаев выявления пыльцы культурных злаков, датируемой V–IV тыс. до н.э., отмечено в Северной Остроботнии, в юго-восточной и внутриматериковой Финляндии [1, p. 12–14; 2, s. 72; 3, s. 8] (рис.). Во всех случаях в образцах с ранними датировками выявлены лишь отдельные зёрна пыльцы, и возможность основываться на этих данных дискутируется [4; 5; 6].³

Тем не менее вдобавок к спорово-пыльцевым данным проанализированные колонки образцов показывают, что к тому же времени относится появление открытых участков ландшафта, возрастание свидетельств горения и почвенной эрозии, что можно принять как индикаторы возросшей антропогенной активности [1; 11; 12; 13]. В дальнейшем пыльца культурных злаков всё чаще присутствует в пыльцевых спектрах с соседних областей, особенно после 4000 лет до н.э., что может рассматриваться как признак более значительной роли земледелия на этих территориях [14; 15; 16; 17; 18].

Традиционно появление производящего хозяйства в регионе связывается с культурой шнуровой керамики, при том что на территории Финляндии отсутствуют несомненные свидетельства существования земледелия у носителей этой культуры [см. 19, s. 53; 20, p. 24; 21, s. 6–7; 22, s. 264]. Тем не менее отдельные палинологические подтверждения наличия земледелия датируются III тыс. до н.э. как минимум для территории Северной Остроботнии и внутриматериковой Финляндии, а к концу тысячелетия – и вблизи юго-западного побережья Финляндии [1, p. 14–16; 3, s. 8; 12, s. 146–147; 23, p. 78–79; 24, p. 579; 25, p. 147]. Свидетельства существования земледелия на прибрежных территориях связываются с культурой киукайнен, которая часто рассматривается как, по крайней мере частично, земледельческая культура [26, s. 112; 27, s. 28–29; 28, s. 218]. Первые макроостатки культурных злаков также происходят из комплекса культуры киукайнен, прямое радиоуглеродное датирование позволило отнести их к рубежу позднего неолита и раннего этапа эпохи бронзы [29; 30, s. 153]. И хотя надёжность полученных датировок, как и наличие производящего хозяйства

¹ Статья написана в рамках научного проекта «The use of materials and the Neolithisation of north-east Europe (с 6000–1000 BC)» при поддержке Академии наук Финляндии и Университета Оулу, Финляндия, проект № 269066.

² В настоящей работе используется следующая периодизация: неолит – 5200–1800 лет до н.э. (ранний – 5200–3900 лет до н.э., средний – 3900–2800 лет до н.э., поздний – 2800–1800 лет до н.э.), эпоха бронзы – 1800–500 лет до н.э. (ранний этап – 1800–1000 лет до н.э., поздний – 1000–500 лет до н.э.), ранний железный век: предримское время – 500–0 лет до н.э., римское время – 0–400 лет н.э., средний железный век – 400–800 лет н.э., поздний железный век – 800–1100/1200 лет н.э.

³ Подробный обзор дискуссии представлен в [3, s. 6–11]; в [7; 8; 9; 10] – обсуждение проблемы в общеевропейском масштабе.

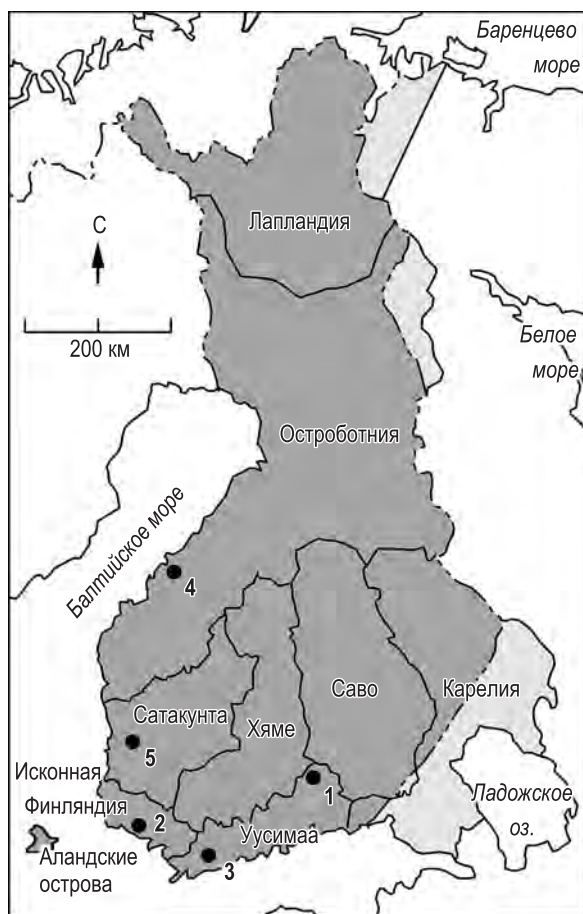

Рис. Карта Финляндии с указанием исторического районирования и упомянутых в тексте объектов: 1 – оз. Хундасъярви; 2 – Ниускала; 3 – Бяльярс 2; 4 – Кварннаба; 5 – Вииккала и Риескаронмякки

во время распространения культуры киукайнен, недавно были подвергнуты сомнению [6; см. также 21], новый анализ фрагментов сосудов типа киукайнен показал наличие на них гранул крахмала культурных злаков (*Cerealia*): пшеницы (*Triticum* sp.), проса (*Setaria italica*?) и гречишных (*Polygonaceae*, возможно, гречихи – *Fagopyrum*) [31, p. 86–91].

Для раннего этапа эпохи бронзы в целом свидетельства земледелия становятся более многочисленными. Традиционно территориями, где было распространено земледелие в эпоху бронзы, считаются южное и западное побережья Финляндии, а также примыкающие к ним внутриматериковые области, откуда происходят многочисленные палинологические данные, свидетельствующие о присутствии культурных злаков и значительном антропогенном воздействии на природное окружение [12, s. 147–148; 24, p. 579–580; 27, s. 28–29; 32, p. 110; 33, p. 134–139]. Тем не менее зачаточное земледелие также практиковалось и в юго-восточных районах страны, во внутриматериковой части и в Северной Остроботнии [12, s. 148–149; 13, p. 1253]. Палинологические данные также подтверждаются несколькими находками макроостатков [33, p. 135; 34, s. 50; 35, p. 42].

Число свидетельств существования земледелия возрастает для позднего этапа эпохи бронзы и предримского времени раннего железного века. В южных и западных прибрежных районах присутствие пыльцы культурных злаков в палинологических спектрах этого времени – уже обычное явление, и в ряде регионов наблюдаются свидетельства продолжительной сельскохозяйственной деятельности [1, p. 15–16; 12, s. 148–149; 24, p. 578–580; 27, s. 29; 32, p. 110–111]. К этому же времени относятся и древнейшие поля (см. ниже). Ещё более многочисленными и выразительными становятся свидетельства (пыльца и макроостатки) сельскохозяйственной активности для первых веков нашей эры, то есть для римского времени [12, s. 148–149; 23, p. 79; 24, p. 580; 27, s. 32–34; 32, p. 110; 36, p. 55–57; 37, p. 29; 38, p. 100; 39, p. 50, fig. 11]. Для внутриматериковой Финляндии возрастает число свидетельств подсечно-огневого земледелия [1, p. 15–16; 13, p. 1253; 25, p. 148–149; 40, p. 158], но они значительно более спорадичны и обычно не указывают на существование продолжительной сельскохозяйственной деятельности. Схожие наблюдения были сделаны и для Карельского перешейка [27, s. 33; 41; 42].

Что же выращивали первые земледельцы? Интересно, что самый ранний идентифицированный образец пыльцы культурных злаков оказался гречихой (*Fagopyrum esculentum*) (6276±55 ВР, Ua-42029, оз. Хундасъярви [1, p. 12, table 1]). Однако в дальнейшем пыльца гречихи появляется лишь в спектрах, относящихся к поздне-неолитической фазе киукайнен и к позднему железному веку [31; 43, s. 48]. Среди культивируемых в доисторическое время злаков наиболее широко представлен ячмень (*Hordeum* sp.) [39, p. 45–46, table 2] – появление в спектрах пыльцы ячменя датируется V тыс. до н.э. [1, p. 13–14]. Самые ранние из найденных макроостатки в Финляндии относятся к голозёрному ячменю (*Hordeum vulgare*, var. *nudum*) (3200±170 ВР, Ua-338, памятник Ниускала [29; 30, s. 153; см. также 33, p. 135; 34, s. 50; 35, p. 42]), но начиная с предримского времени широкое распространение получает двурядный ячмень (*Hordeum vulgare* var. *vulgare*) [31, p. 91; 33, p. 136; 37, p. 29; 39, p. 49–50]. Пшеница (*Triticum* sp.) встречается реже, но всё же присутствует в пыльцевых спектрах, хотя анализ макроостатков показывает культивирование пшеницы-двузернянки и карликовой пшеницы (*Triticum dicocum* и *Triticum compactum*) начиная с предримского времени, а начиная с римского времени – пшеницы летней и спельты (*Triticum aestivum* и *Triticum spelta*) [30, s. 153; 37, p. 29; 39, p. 49–50; 44, s. 148, abb. 4; 45, p. 297], тем не менее следы пшеницы-двузернянки обнаружены при анализе фрагмента сосуда типа киукайнен [31, p. 86–91]. Самая ранняя пыльца ржи (*Secale cereale*) относится к эпохе бронзы и к предримскому времени [39, p. 45–46, table 2; 44, s. 148, abb. 4; 45, p. 298]. Однако рожь всегда присутствует в спектрах с другими культурными злаками (как и в образцах с макроостатками [46, s. 36]), и, следовательно, весьма вероятно, что на протяжении раннего железного века рожь являлась сорным растением и лишь к позднему железному веку была воспринята как важный источник зерна [45, p. 299; 46, s. 36]. Овёс (*Avena* sp.) также представлен в пыльцевых спектрах уже на позднем этапе эпохи бронзы и в предримское время, но являлся скорее сорняком или кормовым растением, чем продуктом питания человека [33, p. 135–136; 39, p. 45–46, table 2; 44, s. 148, abb. 4; 45, p. 298]. Отпечатки зёрен проса, как и липиды гречихи, были выявлены на керамике из юго-западной островной Финляндии, датируемой II тыс. до н.э. [47, p. 95, 100, 109–110], и хотя она рассматривается как импортная, недавно проведённый анализ остатков крахмала позволил выявить возможные следы итальянского проса (*Setaria italica*) и на керамике киукайнен [31, p. 88]. В прибрежных районах начиная со среднего железного века встречаются и другие виды культурных растений, такие как горох (*Pisum Sativum*) и чечевица (*Lens culinaris*) [43, s. 49; см. также 37, p. 17; 47, p. 100].

Среди неолитических материалов отсутствуют артефакты или орудия, которые без сомнений могли использоваться только для земледелия. Кремнёвые серпы, камни-тёрочки и некоторые топоры (использовавшиеся для обработки почвы) из комплексов культуры киукайнен традиционно рассматриваются как земледельческие орудия [27, s. 30; 45, p. 251–252, 292; 48]. Однако крупные точильные камни, серповидные кремнёвые бифасы, камни с отверстиями, а также иные разнообразные каменные орудия, пригодные в том числе и для обработки почвы, известны и в неолитическую эпоху. До настоящего времени не были проведены трасологические или иные анализы с целью проверки гипотезы об использовании этих орудий в качестве земледельческих. Серпы становятся значительно более многочисленными только когда их начинают изготавливать из железа, в предримское и особенно в римское время – тогда же в археологических контекстах появляются и косы [43, s. 52; 45, p. 243–244]. Вместе с другими данными это указывает на растущую роль производящего хозяйства.⁴ Вместе с тем можно предположить, что значительная часть сельскохозяйственного инвентаря в пору зарождения земледелия изготавливалась из дерева и потому не сохранилась.

Дополнительными свидетельствами сельскохозяйственной деятельности являются поля. Поскольку в раннем земледелии использовались небольшие участки, расчищавшиеся подсечно-огневым способом и не оставившие значительных или хорошо заметных следов, археологические свидетельства существования таких полей не найдены. Конечно, порой крупные каменные кучи в финских лесах, связанные с очисткой леса при подсечно-огневом земледелии, могут относиться к весьма отдалённым доисторическим временам, однако датирование этих куч камней крайне затруднительно.⁵ На протяжении длительного времени древнейшие археологически достоверные остатки полей датировались средним и в особенности поздним железным веком [43, s. 42; 45, p. 295; 51, s. 41; 52, p. 171]. Однако недавно остатки поля предримского времени со следами борозд от сохи были найдены в Южной Финляндии (памятник Бяльярс 2) [39, p. 41]. Данная находка является несомненным свидетельством того, что плужное земледелие, как и огневая очистка, а возможно, и использование удобрений, было известно в прибрежных районах Финляндии в бронзовом веке и в предримское время, как и предполагалось ранее на основании данных палинологии. В любом случае подсечно-огневое земледелие продолжало существовать в прибрежных районах на протяжении столетий, а во внутриматериковой Финляндии оно доминировало на протяжении почти двух тысячелетий.

Скотоводство

Несомненные находки костей домашних животных, связанных с неолитическими комплексами, на территории Финляндии отсутствуют. Конечно, в коллекциях есть некоторое количество костей домашних животных, однако эти коллекции происходят с памятников со смешанным культурным слоем или с признака-

⁴ Возрастание количества железных топоров в раннем железном веке также рассматривается как свидетельство расширения площадей вырубок и развития подсечно-огневого земледелия. Наиболее ранние находки элементов сохи и мотыг относятся только к позднему железному веку [43, s. 46–47].

⁵ В целом в Финляндии отказались от исследований предположительных древних полей или систем возделанных участков, однако см. [49; 50].

ми человеческой деятельности более позднего времени [53, s. 55]. Кроме того, многие из предположительно относящихся к неолитическим контекстам костей домашних животных были за последнее время датированы радиоуглеродным методом, и оказалось, что они относятся к историческому времени или к современности [54, p. 1649–1650, table 1]. Выказывалось предположение о наличии скотоводства у носителей культуры шнуrowой керамики, в первую очередь потому, что свидетельства скотоводства были найдены в комплексах этой культуры в Прибалтике [55], но на территории Финляндии достоверные палеозоологические свидетельства этого отсутствуют. Тем не менее проведённый недавно анализ липидов, сохранившихся на шнуrowой керамике, показал наличие остатков молочных продуктов, что свидетельствует об использовании молока носителями культуры шнуrowой керамики [56, p. 3–4].

Древнейшие датированные радиоуглеродным методом кости домашнего животного, овцы/козы (*Ovis aries/Capra hircus*), происходят из комплекса позднего неолита культуры киукайнен (3679±33 ВР, Ua-43043, памятник Кварннабба [54, p. 1651]). Другие признаки скотоводства фиксируются лишь для эпохи бронзы и раннего железного века, кости домашних животных начинают обнаруживаться как в поселенческих, так и в погребальных комплексах [53, s. 56; 54, p. 1652–1653, table 5–6]. Наиболее часто встречающимися видами являются корова (*Bos taurus*) и овца/коза. Согласно имеющимся прямым радиоуглеродным датировкам по костям коров разводили уже с эпохи бронзы (наиболее ранняя дата относится к памятнику Вииккала: 3086±30 ВР, Hela-2496 [54, p. 1652–1655, table 5–6]). Кроме того, на нескольких фрагментах керамики раннего железного века были выявлены жиры, являющиеся остатками молочных продуктов [56, p. 7]. Овца/коза присутствует в комплексах позднего этапа эпохи бронзы, где также появляются кости лошади (2578±43 ВР, Ua-42073, находка на памятнике Риескаронмяки [54, p. 1652–1655, table 5–6]).

Радиоуглеродные даты по костям свиней (*Sus scrofa domesticus*) из ранних контекстов отсутствуют, но кости свиней выявлены в комплексах предримского времени [53, s. 66, kuvu 2; 54, p. 1652, table 5]. В отличие от материковой Финляндии на Аландских островах кости домашних животных – как и остатки культурных растений – присутствуют начиная уже с позднего неолита, с сер. III тыс. до н.э. [45, p. 292; 47; 57, p. 70–72, fig. 6]. Вместе с тем, высказывалось и предположение об импортном происхождении этих свидетельств, и тогда первые несомненные свидетельства производящего хозяйства датируются здесь только предримским временем [27, s. 33; 48, p. 136].

Все достоверно ранние кости домашних животных происходят из Западной и Южной Финляндии. Во внутренних районах столь древние кости домашних животных неизвестны, хотя это может быть также результатом неравномерной исследованности территории: до настоящего времени лишь небольшое количество древних костей домашних животных датировано радиоуглеродным методом, и существенная проблема заключается в концентрации исследовательских усилий, а также в определении и сохранении остеологического материала (см. ниже). Более того, остеологические находки не обязательно являются хронологическим маркером появления скотоводства, как уже было продемонстрировано выявлением липидов на более ранних материалах. Также упомянутые выше данные об увеличении площади открытых участков ландшафта и процента луговой растительности в пыльцевых диаграммах могут рассматриваться как косвенные свидетельства скотоводства: помимо земледелия, это может означать и расчистку лугов под пастбища уже в неолите. Помимо этого, изменения в системе расселения и перенос поселений из участков ландшафта, очевидно предпочтительных для системы жизнеобеспечения охотников-собирателей, может также указывать на появление земледелия или скотоводства. Эти изменения происходят во время распространения культуры шнуrowой керамики (или даже раньше [см. 58]) и снова проявляются начиная с эпохи бронзы. Далее, серпы и косы могли использоваться для заготовки сена для скота, а не только для жатвы. Также и топоры, ножи и серпы могли использоваться для заготовки кустарника и веток на корма, и настоящие сучкорезы появляются только в материалах римского времени [43, s. 54]. Древнейшие ножницы для стрижки овец и остатки шерстяных тканей датируются также римским временем, но в целом артефакты, непосредственно связанные со скотоводством, появляются лишь в конце железного века [43, s. 55–56].

Критика

История земледелия в Финляндии в основном изучалась на основании палинологических данных. В сравнении с современными методами исследований проводившиеся в прошлом анализы были менее точны, то есть число учитывавшихся зёрен пыльцы и спор на кубический сантиметр было меньше, а расстояние между анализируемыми образцами по разрезу больше. Также на результаты анализов, выполненных в предыдущие десятилетия, и на интерпретацию полученных данных, как кажется, могли повлиять существовавшие тогда представления о времени появления сельского хозяйства в Финляндии: признаки земледелия не ищались всерьёз в контекстах, связанных с поселениями каменного века, а в случаях их выявления могли быть отвергнуты как невозможные. С другой стороны, современная методика палинологического анализа колонок с высоким разрешением направлена на выявление первых случаев появления пыльцы культурных злаков (так называемый абсолютный предел, C⁰), а не продолжающегося или возрастающего присутствия пыльцы в разрезе (эмпирический и рациональный пределы, C⁺ и C⁺⁺). Следует также принять во внимание, что в Финляндии земледелие долгое время практиковалось на малых площадях, далеко не являясь широкомасштабным полевым земледелием. В основном выращивание культурных растений происходило на небольших участках земли, расчищенных в сомкнутых лесных массивах, что резко ограничивает возможность распространения пыльцы по воздуху. Далее, подсеčno-огневое земледелие было мобильным, то есть сельскохозяйственная деятельность на одном участке продолжалась лишь на протяжении несколь-

ких лет. Следовательно, возможность проследить такого рода деятельность посредством аналитики весьма мала – и в любом случае не представляется возможным получить столь же явные признаки земледелия, как для менее залесённых территорий и для территорий, где использовались иные методы земледелия. Кроме того, разные растения используют разные способы опыления (самоопыление, воздушное опыление, опыление только при обмолоте), что оказывает огромное влияние на возможность выявления отдельных видов в палинологических спектрах, в особенности на залесённых территориях [3, s. 19; 12, s. 144; 27, s. 31, 37; 32, p. 111–112; 36, p. 54]. Следовательно, в дополнение к палинологическим свидетельствам большое значение имеют и другие следы деятельности человека. И даже теперь, в случаях, когда использование сельскохозяйственных практик на малых площадях подтверждается историческими свидетельствами, эти случаи отражаются в палинологических спектрах лишь единичными проявлениями, примером чему является недавнее исследование земледелия у саамов в Северной Швеции [59; 60].

Исследования, проводимые в разных частях света, показывают, что данные анализов изотопов, фитолитов, крахмала и макроостатков обычно свидетельствуют о значительно более раннем появлении земледелия, чем по палинологическим данным [61; 62; 63]. Следовательно, появление и интенсивность сельскохозяйственных практик могут предстать в ином свете после проведения любого количества таких анализов в Финляндии. До настоящего времени было выполнено лишь несколько анализов макроостатков из культурных слоёв каменного века (большинство таких исследований было проведено для памятников раннего железного века и более позднего времени из Южной Финляндии) [31, p. 154; 46, s. 34; обзор – см. 64], опубликовано единственное исследование по остаткам крахмала [31], исследования фитолитов не проводились вовсе. В дополнение к проблематике существования раннего земледелия подобные исследования могут также ответить на другие вопросы, касающиеся использования растений, такие как обработка и употребление дикорастущих растений.

Также проблематичен и остеологический материал. Поскольку почвы Финляндии кислые, любая органика обычно разлагается – лишь пережжённые или пригоревшие кости сохраняются (те же условия влияют и на сохранность растительных материалов). Соответственно, поведенческие практики могли оказывать критическое влияние на формирование источниковой базы – лишь кости, которые попали в огонь, могли – в теории – сохраниться. Мелкие частички пережжённых костей являются собой образцы, представляющие материал для выявления и идентификации. Значительная степень фрагментации делает различие костей диких и домашних животных затруднительным, часто невозможным [53, s. 66]. Кроме того, результаты датирования костей из смешанных комплексов показали, что внешняя критика источников является весьма существенной в данном вопросе.

Обсуждение

Благодаря новым аналитическим методам старая картина развития системы жизнеобеспечения и расселения на территории Финляндии в неолите, эпоху бронзы и в раннем железном веке начала меняться и приобретать более стройные очертания. Всё же во многих отношениях изучение данной проблематики находится в зачаточном состоянии, а существующие исследования единичны. Следовательно, значительная часть приведённой здесь информации может устареть в ближайшем будущем (данная статья включает в основном лишь сведения, опубликованные до 2016 г.).⁶

Земледелие было известно уже в неолите: возможно в его начале и определённо – в IV и III тыс. до н.э. и позднее. Признаки наличия земледелия зафиксированы в разных частях страны южнее полярного круга, но нельзя говорить о значительности этого явления: свидетельства маловыразительны, редки и территориально рассеяны. Признаки скотоводства появляются с III тыс. до н.э., но, опять же, они весьма скудны. Иными словами, производящее хозяйство играло незначительную роль в системе жизнеобеспечения и расселения людей в каменном веке, основу жизнеобеспечения составляли охота, собирательство и рыболовство. Смешанная система жизнеобеспечения была и у носителей неолитических культур, по распространённому мнению, использовавших производящие формы хозяйства, – шнуровой керамики и куккайнен. Всё же имеющиеся данные могут показывать лишь часть существовавшей картины: зачаточное земледелие и производство продуктов питания могло включать уход за дикорастущими растениями и даже их активное окультуривание.

К эпохе бронзы и особенно к раннему железному веку относится значительно больше признаков существования земледелия и скотоводства. В первую очередь это справедливо для южных и западных прибрежных районов Финляндии, где в это время были расчищены первые настоящие поля, и, соответственно, поменялась система расселения. Возрастающая роль производящего хозяйства заметна и по резкому увеличению числа сельскохозяйственных орудий из железа в первых веках нашей эры. Можно с уверенностью утверждать, что начиная с этого времени на рассматриваемых территориях существуют сельскохозяйственные поселения, хотя подсечно-огневое земледелие продолжало использоваться здесь параллельно с другими способами получения продуктов питания. Земледелие распространилось также и в других частях страны, хотя ситуация в них была весьма отлична, и система жизнеобеспечения часто основывалась не столько на мобильном подсечно-огневом земледелии, сколько на использовании иных ресурсов.

⁶ В дополнение к вышеупомянутым методикам развитие производящего хозяйства также изучено с применением лингвистики (см. [44; 65; 66]).

Вопрос о том, откуда пришло земледелие в Финляндию, закономерен, но сложен. Первые признаки земледелия хронологически связаны с процессами неолитизации в масштабах Европы и Евразии, но указать конкретный источник инноваций затруднительно. К примеру, появление окультуренной гречихи связывают с Китаем и Тибетом [1, р. 12; см. также 67], но маршруты и более близкие территориально свидетельства распространения её остаются неизвестными. Начало производства продуктов питания в среде носителей позднелитской культуры киукайнен – как и позднейшего населения эпохи бронзы и раннего железного века в прибрежных районах – могло быть связано с контактами через Балтику, в особенности с территорией Швеции, но также и с Прибалтикой, где к тому времени земледелие уже было достаточно развито. Вопрос о юго-восточных и внутренних районах более сложен, но территории современных Эстонии и Северо-Западной России представляются возможной зоной контактов. Таким образом, производящее хозяйство в Финляндию пришло не из одного определённого центра, но его распространение отражает направленность контактов, преобладающую в разное время для разных территорий: разные элементы культуры были заимствованы с разных территорий в разное время. Развитие земледелия происходило не по единому сценарию, но имело множество различий в регионах, а также внутререгиональных вариаций и отличий. Более того, новые элементы жизненного уклада не были импортированы и включены в существовавшую социокультурную систему все вместе как готовый «пакет», но воспринимались по отдельности – судя по имеющимся данным, земледелие могло быть освоено раньше, чем скотоводство.

Пример Финляндии показывает, что не существует лишь двух взаимоисключающих вариантов жизненного уклада – охотников-собирателей и земледельцев-скотоводов, но есть множество промежуточных вариантов между этими крайностями. Но когда же Финляндия стала сельскохозяйственной страной? Масштабное становление и распространение производящего хозяйства в основном приходится на время моложе, чем верхняя хронологическая граница настоящего исследования. В некоторых районах производящее хозяйство становится основой системы жизнеобеспечения уже начиная с позднего этапа эпохи бронзы и с предельного времени, но развитие производящего хозяйства продолжается и в среднем железном веке, и изменения в культуре становятся существенными с началом позднего железного века, с IX в. н.э. В это время существенно увеличиваются площади участков, расчищенных под поля, и происходит переход от мобильного земледелия к долгосрочному возделыванию полей, результатом чего стало распространение сельскохозяйственных поселений, совершенствование сельскохозяйственных орудий, расширение набора культивируемых растений, увеличение количества скота и т.д. Распространение этих явлений происходило в первую очередь в так называемых центральных районах (Исконная Финляндия, Сатакунта, Хяме и Южная Остроботния на юге и на западе, а также Саво и Карелия на востоке). За пределами этих центральных районов значительные по площади внутриматериковые территории на севере и востоке демонстрируют совершенно иную картину [68; 69; 70]. И хотя зачатки земледелия во многих местах могут быть прослежены уже как минимум со среднего и позднего железного века, подсечно-огневое земледелие и содержание небольшого количества скота оставались дополнением к составлявшим основу хозяйства охоте, рыболовству и собирательству на столетия, на протяжении всего исторического времени, а в некоторых районах вплоть до XIX и начала XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Alenius, T., Mökkönen, T., Lahelma, A.* Early Farming in the Northern Boreal Zone: Reassessing the History of Land Use in Southeastern Finland through High-resolution Pollen Analysis // *Geoarchaeology*. 28 (1). 2013.
2. *Reynard, C., Hjelmoors, M.* Myöhäiseltä mesoliittiselta ajalta lähtien siitepölyanalyysillä todistettu ja radiohiilimenetelmällä ajoitettu ihmisen vaikutus luontaiseen metsäkasvillisuuteen Pohjois-Pohjanmaan alueella // *Faravid*. 4. 1980.
3. *Mökkönen, T.* Kivikautinen maanviljely Suomessa // *Suomen Museo*. 116 (2009). 2010.
4. *Simola, H.* Kivikautista maanviljelyä ei voi todistaa siitepölyanalyysillä: kommentti Teemu Mökkösen artikkeliin // *Suomen Museo*. 117 (2010). 2011.
5. *Luoto, J.* Kivikautisesta maanviljelyksestä // *Suomen Museo*. 118 (2011). 2012.
6. *Lahtinen, M., Rowley-Conwy, P.* Early Farming in Finland: Was there Cultivation before the Iron Age (500 BC)? // *European Journal of Archaeology*. 16 (4). 2013.
7. *Behre, K.E.* Evidence for Mesolithic Agriculture in and around Central Europe? // *Vegetation History and Archaeobotany*. 16 (2). 2007.
8. *Behre, K.E.* Comment on: «Mesolithic Agriculture in Switzerland? A Critical Review of the Evidence» by W. Tinner, E.H. Nielsen and A.F. Lotter // *Quaternary Science Reviews*. 27 (13–14). 2008.
9. *Tinner, W., Nielsen, E.H., Lotter, A.F.* Mesolithic Agriculture in Switzerland? A Critical Review of the Evidence // *Quaternary Science Reviews*. 26 (9). 2007.
10. *Tinner, W., Nielsen, E.H., Lotter, A.F.* Evidence for Late-Mesolithic Agriculture? A Reply to Karl-Ernst Behre // *Quaternary Science Reviews*, 27 (13–14). 2008.
11. *Donner, J.* Some Comments on the Pollen-analytical Records of Cereals and their Dating in Southern Finland // *Fennoscandia Archaeologica*. I. 1984.
12. *Vuorela, I.* Viljelytoiminnan alku Suomessa paleoekologisen tutkimuksen kohteena // *Pohjan poluilla: suomalaisten juuret nykytutkimuksen mukaan*. Helsinki, 1999. (Bidrag till kännedom av Finlands natur och folk. 153)
13. *Augustsson, A., Gaillard, M.J., Peltola, P., Mazier, F., Bergback, B., Saarinen, T.* Effects of Land Use and Climate Change on Erosion Intensity and Sediment Geochemistry at Lake Lehmilampi, Finland // *The Holocene*. 23 (9). 2013.
14. *Königsson, L.-K., Possnert, G., Hammar, T.* Economical and Cultural Changes in the Landscape Development of Novgorod // *Tor*. 29. 1997.
15. *Vuorela, I., Saaristo, M., Lempiäinen, T., Taavitsainen, J.-P.* Stone Age to Recent Land-use History at Pegrema, Northern Lake Onega, Russian Karelia // *Vegetation History and Archaeobotany*. 10 (3). 2001.

16. Poska, A., Saarse, L. New Evidence of Possible Crop Introduction to North-eastern Europe during Stone Age // *Vegetation History and Archaeobotany*. 15 (3). 2006.
17. Kriiska, A. The Beginning of Farming in the Eastern Baltic // *The East European Plain on the Eve of Agriculture*. Oxford, 2009. (BAR International Series. 1964)
18. Kulkova, M.A., Gusentsova, T.M., Sapelko, T.V., Nesterov, E.M., Sorokin, P.E., Ludikova, A.V., Ryabchuk, D.V., Markova, M.A. Geoarchaeological Investigations on the Development of the Neva River Delta (Gulf of Finland) during the Holocene // *Journal of Marine Systems*. 129. 2014.
19. Edgren, T. Studier över den snörkeramiska kulturens keramik i Finland. Helsinki, 1970. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikauskirja. 72)
20. Siiriäinen, A. On the Cultural Ecology of the Finnish Stone Age // *Suomen Museo*. 87 (1980). 1981.
21. Meinander, C.F. Om introduktionen av sädesodling i Finland // *Finskt Museum*. 90 (1983). 1984.
22. Carpelan, C. Käännekohtia Suomen esihistoriassa aikavälillä 5100–1000 eKr. // Pohjan poliilla: suomalaisten juuret nykytutkimuksen mukaan. Helsinki, 1999. (Bidrag till kännedom av Finlands natur och folk. 153)
23. Tolonen, M. On the Prehistoric Agriculture in Sääksmäki, S Finland // *Finskt Museum*. 83 (1976). 1979.
24. Alenius, T. Appendix 2: the Palaeoecological Study of Three Mires of the Island Kemiönsaari, SW Finland // *Kymittä: Sites, Centrality and Long-term Settlement Change in the Kemiönsaari Region in SW Finland*. Turku, 2008. (Annales Universitatis Turkuensis, Sarja-Ser B, Osa-Tom. 321. Humaniora)
25. Alenius, T., Lavento, M., Saarnisto, M. Pollen-analytical Results from Lake Katajajärvi: Aspects in the History of Settlement in the Finnish Inland Regions // *Acta Borealia*. 26 (2). 2009.
26. Edgren, T. Den förhistoriska tiden // *Finlands historia I*. Helsinki, 1992.
27. Huurre, M. Maatalouden alku Suomessa // *Suomen maatalouden historia I: perinteisen maatalouden aika: esihistoriasta 1970-luvulle*. Helsinki, 2003. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia. 914)
28. Pesonen, P., Leskinen, S. Vantaan esihistoria. Vantaa, 2009.
29. Vuorela, I., Lempiäinen, T. Archaeobotany on the Site of the Oldest Cereal Grain Find in Finland // *Annales Botanici Fennici*. 25. 1988.
30. Lempiäinen, T. Kommentti: hiiltyneet viljanjyvät ja maanviljelyn alku Suomessa // *Pohjan poliilla: suomalaisten juuret nykytutkimuksen mukaan*. Helsinki, 1999. (Bidrag till kännedom av Finlands natur och folk. 153)
31. Juhola, T., Etu-Sihvola, H., Näreöja, T., Ruohonen, J. Starch Analysis Reveals Starchy Foods and Food Processing from Finnish Archaeological Artefacts // *Fennoscandia Archaeologica*. XXXI. 2014.
32. Alenius, T. From Forest to Farmland: Palaeoenvironmental Reconstruction of the Colonization of Western Uusimaa // *Maritime Landscape in Change: Archaeological, Historical, Palaeoecological and Geological Studies on Western Uusimaa*. Helsinki, 2011. (Iskos. 19)
33. Holmblad, P. Coastal Communities on the Move: House and Polity Interaction in Southern Ostrobothnia 1500 BC – AD 1. Umeå, 2010.
34. Lavento, M. Sisämaan vanhemman metallikauden väestö tutkimusongelmana // *Muinaistutkija*. 4. 1998.
35. Lehtosalo-Hilander, P.-L. Dates // *Dig It All: Papers Dedicated to Ari Siiriäinen*. Helsinki, 1999.
36. Tolonen, K., Siiriäinen, A., Hirviluoto, A.-L. Iron Age Cultivation in SW Finland // *Finskt Museum*. 83 (1976). 1979.
37. Luoto, J., Pärssinen, M., Seppä-Heikka, M. Grain Impressions in Ceramics from Ristimäki, Vammala, Finland // *Finskt Museum*. 88 (1981). 1983.
38. Alenius, T., Haggrén, G., Oinonen, M., Ojala, A., Pitkänen, R.-L. The History of Settlement in the Coastal Mainland in Southern Finland: Palaeoecological, Archaeological, and Etymological Evidence from Lohjansaari Island, Western Uusimaa, Finland // *Journal of Archaeological Science*. 47. 2014.
39. Vanhanen, S., Koivisto, S. Pre-Roman Iron Age Settlement Continuity and Cereal Cultivation in Coastal Finland as Shown by Multi-proxy Evidence at Bäljars 2 Site in SW Finland // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 1. 2015.
40. Alenius, T., Laakso, V. Palaeoecology and Archaeology of the Village of Uukuniemi, Eastern Finland // *Acta Borealia*. 23 (2). 2006.
41. Taavitsainen, J.-P., Ikonen, L., Saks, A. On Early Agriculture in the Archipelago of Lake Ladoga // *Fennoscandia Archaeologica*. XI. 1994.
42. Miettinen, A., Grönlund, E., Simola, H., Huttunen, P. Palaeolimnology of Lake Pieni-Kuuppalanlampi (Kurkijoki, Karelian Republic, Russia): Isolation History, Lake Ecosystem Development and Human Impact // *Journal of Paleolimnology*. 27 (1). 2002.
43. Huurre, M. Viljanviljelyn varhaisvaiheet // *Suomen maatalouden historia I: perinteisen maatalouden aika: esihistoriasta 1970-luvulle*. Helsinki, 2003. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia. 914)
44. Häkkinen, K., Lempiäinen, T. Die ältesten Getreidepflanzen der Finnen und Ihre Namen // *Finno-Ugrische Forschungen*. 53. 1996.
45. Asplund, H. Kymittä: Sites, Centrality and Long-term Settlement Change in the Kemiönsaari Region in SW Finland. Turku, 2008. (Annales Universitatis Turkuensis, Sarja-Ser B, Osa-Tom. 321. Humaniora)
46. Lempiäinen, T. Kasvimakrofossiilitutkimuksen viimeiset vuosikymmenet // *Suomen keskiajan arkeologian seura*. 2006. 1.
47. Gustavsson, K. Otterböte: New Light on a Bronze Age Site in the Baltic. Stockholm, 1997. (Theses and Papers in Archaeology. B:4)
48. Núñez, M. Role of Food Production in Stone Age Finland // *Pohjan poliilla: suomalaisten juuret nykytutkimuksen mukaan*. Helsinki, 1999. (Bidrag till kännedom av Finlands natur och folk. 153)
49. Roeck Hansen, B., Nissinaho, A. A Fossil Landscape in Salo, Laitila, SW Finland // *Karhunhammas*. 16. 1995.
50. Taivainen, J. Ajatuksia Retulansaaren rautakauden-keskiajan asutuksesta ja elinkeinoista // *Arx Tavastia*. 12. 2005.
51. Mikkola, E. Kaskesta peltoon: rautakautisen maanviljelyn tutkimushistoriaa // *Arkeologipäivät*. 2008. Helsinki, 2009.
52. Alenius, T., Mikkola, E., Ojala, A.E.K. History of Agriculture in Mikkeli Orijärvi, Eastern Finland as Reflected by Palynological and Archaeological Data // *Vegetation History and Archaeobotany*. 17. 2008.
53. Mannermaa, K., Deckwirth, V. Suomen varhaisin karjatalous: tutkimuksen nykytila ja ongelmat // *Varhainen viljely Suomessa*. Loimaa, 2010.
54. Bläuer, A., Kantanen, J. Transition from Hunting to Animal Husbandry in Southern, Western and Eastern Finland: New Dated Osteological Evidence // *Journal of Archaeological Science*. 40 (4). 2013.
55. Löugas, L., Kriiska, A., Maldre, L. New Dates for the Late Neolithic Corded Ware Culture Burials and Early Husbandry in the East Baltic Region // *Archaeofauna*. 16. 2007.
56. Cramp, L.J.E., Evershed, R.P., Lavento, M., Halinen, P., Mannermaa, K., Oinonen, M., Kettunen, J., Perola, M., Onkamo, P., Heyd, V. Neolithic Dairy Farming at the Extreme of Agriculture in Northern Europe // *Proceedings of the Royal Society*. B. 281. 2014.
57. Storå, J. Sealing and Animal Husbandry in the Ålandic Middle and Late Neolithic // *Fennoscandia Archaeologica*. XVI. 2000.
58. Mökkönen, T. Studies on Stone Age Housepits in Fennoscandia (4000–2000 cal BC): Changes in Ground Plan, Site Location, and Degree of Sedentism. Helsinki, 2011.

59. Hörnberg, G., Josefsson, T., Liedgren, L. Revealing the Cultivation History of Northernmost Sweden: Evidence from Pollen Records // *The Holocene*. 24 (3). 2014.
60. Josefsson, T., Ramqvist, P.H., Hörnberg, G. The History of Early Cereal Cultivation in Northernmost Fennoscandia as Indicated by Palynological Research // *Vegetation History and Archaeobotany*. 23 (6). 2014.
61. Yang, X., Wan, Z., Perry, L., Lu, H., Wang, Q., Zhao, C., Li, J., Xie, F., Yu, J., Cui, T., Wang, T., Li, M., Ge, Q. Early Millet Use in Northern China // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 109 (10). 2012.
62. Hart, J.P., Lovis, W.A. Reevaluating What We Know about Histories of Maize in Northeastern North America: a Review of Current Evidence // *Journal of Archaeological Research*. 21 (2). 2013.
63. Liu, L., Duncan, N.A., Chen, X., Liu, G., Zhao, H. Plant Domestication, Cultivation, and Foraging by the First Farmers in Early Neolithic Northeast China: Evidence from Microbotanical Remains // *The Holocene*. 25 (12). 2015.
64. Vanhanen, S., Pesonen, P. Wild Plant Gathering in Stone Age Finland // *Quaternary International*. 404 (A). 2016.
65. Salo, U. Astian kulttuurihistoriasta Suomessa ja naapurialueilla // *Suomen Museo*. 96 (1989). 1989.
66. Häkkinen, K. Esisuomalainen pyyntikulttuuri ja maanviljely sanastohistorian kannalta // *Pohjan poluilla: suomalaisten juuret nykytutkimuksen mukaan*. Helsinki, 1999. (Bidrag till kännedom av Finlands natur och folk. 153)
67. Janik, L. Wandering Weed: the Journey of Buckwheat (*Fagopyrum* sp.) as an Indicator of Human Movement in Eurasia // *Ancient Interactions: East and West in Eurasia*. Cambridge, 2002.
68. Alenius, T., Grönlund, E., Simola, H., Saks, A. Land-use History of Riekkalansaari Island in the Northern Archipelago of Lake Ladoga, Karelian Republic, Russia // *Vegetation History and Archaeobotany*. 13 (1). 2004.
69. Taavitsainen, J.-P. Wide Range Hunting and Swidden Cultivation as Prerequisites of Iron Age Colonization in Finland // *Suomen antropologi*. 4. 1987.
70. Taavitsainen, J.-P., Simola, H., Grönlund, E. Cultivation History beyond the Periphery: Early Agriculture in the North European Boreal Forest // *Journal of World Prehistory*. 12 (2). 1998.

**Университет Оулу,
Оулу, Финляндия**

K. Nordqvist

DEVELOPMENT OF PRODUCTIVE LIVELIHOODS IN FINLAND DURING THE STONE, BRONZE AND EARLY IRON AGES

Summary

This paper presents an outline of the development of productive livelihoods in Finland from the Neolithic until the beginning of the Middle Iron Age, ca 5200 BC – 400 AD. Productive livelihoods mean here cultivation and animal husbandry in their widest sense. The article shortly lists the available palynological and osteological evidence, the results of macrofossil and incipient starch and lipid analyses, as well as other archaeological finds, which shed light on the matter (the situation as in 2016). This is followed by a short discussion of problems related to the research – such as poor organic preservation and particular cultivation practices in forested environments – and a general overview. To sum up, the oldest signs of cultivation are provided by single pollens dating to the Early Neolithic, the late 6th and 5th millennium BC. The cogency of these early appearances has been questioned, although *Cerealia* pollens seem to occur sporadically ever since. The first identified macrofossils (as well as starch granules) of cultigens date to the Final Neolithic and the Early Bronze Age, i.e. the late 3rd and 2nd millennium BC. The indicators of cultivation increase during the Bronze and Pre-Roman Iron Ages – also the oldest known fields date to the latter period. The oldest identified pollen is buckwheat (*Fagopyrum esculentum*), but otherwise barley (*Hordeum* sp.) dominates the stage. Wheat (*Triticum* sp.) is present during the Late Neolithic and the Early Bronze Age, but gets more common with the onset of the Pre-Roman and Roman Iron Ages. This is also the time rye (*Secale cereale*) appears, although its intensive cultivation for human nutrition is a later event. The oldest signs of animal husbandry – dairy lipids – derive from the mid-3rd millennium BC, and the oldest osteological evidence of sheep/goat (*Ovis aries/Capra hircus*) also dates to the transition from the Late Neolithic to the Early Bronze Age. Cattle (*Bos taurus*) and a bit later horse (*Equus caballus*) appear during the Bronze Age, but pig (*Sus scrofa domesticus*) apparently only during the Pre-Roman Iron Age. Thus, it seems, that by the last millennium BC agricultural way of life had been established. However, this applies only to particular regions in the southern and western parts of the country. Outside these ‘heartlands’, the wilderness areas of northern and eastern inland present quite a different picture, and their productive livelihoods remained subsidiary to hunting, fishing and gathering for centuries, in some regions far into the early modern period.

**University of Oulu,
P.O. Box 1000,
90014 Oulun yliopisto,
Finland
E-mail: kerkko.nordqvist@gmail.com**

К. Нордквист, Т. Мёккёнен

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ХРОНОЛОГИИ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ: АМС-ДАТИРОВКИ НЕОЛИТА – ЭНЕОЛИТА КАРЕЛИИ

Введение: радиоуглеродные даты по археологическим материалам из Республики Карелия

Ровно за 25 лет до написания этой статьи вышла из печати книга *Хронология и периодизация археологических памятников Карелии* [1]. В ней были собраны 112 радиоуглеродных дат с археологических памятников Карелии от мезолита до раннего Средневековья. Примерно десятилетие спустя М.Г. Косменко [2; 3] продолжил эту работу и представил имеющийся на то время свод радиоуглеродных датировок [см. также 4]. Согласно его утверждениям, как минимум четверть из представленных датировок являются недостоверными из-за неясного контекста происхождения образцов и других компрометирующих факторов. Хронологическая схема Косменко, таким образом, была построена на 90 датировках, признанных достоверными, из которых 50 соответствовали периодам неолита и энеолита, то есть 6500–3500 л.н. (около 5500–1800 кал. лет до н.э.). Все приведённые в этой работе датировки были получены конвенционным методом. Первые АМС-датировки по остаткам пригоревшей органики на фрагментах глиняных сосудов были сделаны в конце 1990-х гг. в связи с международным *Онежским проектом* (датировки опубликованы в [5, с. 261; см. также 6, с. 113]), и с тех пор были получены лишь несколько новых дат [6; 7; 8]. Таким образом, датировки многих типов керамики и большинства ключевых археологических комплексов основаны практически исключительно на радиоуглеродных датах из сходных контекстов, типологии и, в ряде случаев, на береговой хронологии.

В данной работе мы представляем новую серию радиоуглеродных датировок, сделанных по образцам с фрагментов неолитической и энеолитической керамики с территории Республики Карелия. Датирование было проведено в рамках исследовательского проекта «*The use of materials and the Neolithisation of north-east Europe (c 6000–1000 BC)*», выполняемого на базе Университета Оулу, Финляндия, и финансируемого Академией наук Финляндии (проект № 269066). В данном проекте основное внимание уделено материалам по каменному веку из трёх регионов: регион озеро Сайма и Северная Остроботния в Финляндии и Республика Карелия в России. Одной из задач проекта является совершенствование локальных и региональных хронологических схем – с этой целью было получено около 100 новых АМС-датировок керамики каменного века [см., например, 9; 10].

Данные по Карелии включают 41 датировку по образцам из районов близ Онежского озера и из Юго-Западного Прибеломорья (рис. 1–10; табл.; Прил.). Помимо публикации полученных дат и датированных фрагментов керамики, мы также рассматриваем в целом соответствие новых датировок существующим хронологическим схемам, культурному контексту, а также некоторые потенциальные проблемы, связанные с дальнейшим использованием этих датировок. Калиброванные даты, опубликованные в этой статье, получены с помощью программы OxCal 4.2 и представлены с доверительным интервалом 2σ.

Новые датировки и общая хронологическая схема

Сперрингс 1, сярйсниemi 1, ямочно-гребенчатая керамика

Наиболее древняя керамика с территории Карелии, сперрингс 1, представлена в наших результатах лишь пятью датировками по материалам из Прионежья (рис. 2; Прил.: табл. 1, рис. 1).¹ Наиболее ранняя дата была получена по образцу с памятника Уя III, откуда также происходит самая ранняя дата по углю, полученная конвенционным методом (6770±80 BP, TA-2352), хотя её связь с контекстом сперрингс 1 небезоснователь-

¹ Тем не менее керамика, относящаяся ко времени, предшествующему появлению керамики типа сперрингс 1, известна в Юго-Восточном Прионежье [11; 12]: получены две даты по нагару на керамике с поселения Тудозеро V – 6660±32 BP (AAR-17174) и 6241±30 BP (AAR-17173), более молодой хорошо соответствует серия радиоуглеродных дат с памятника, полученных конвенционным методом [13, с. 257].

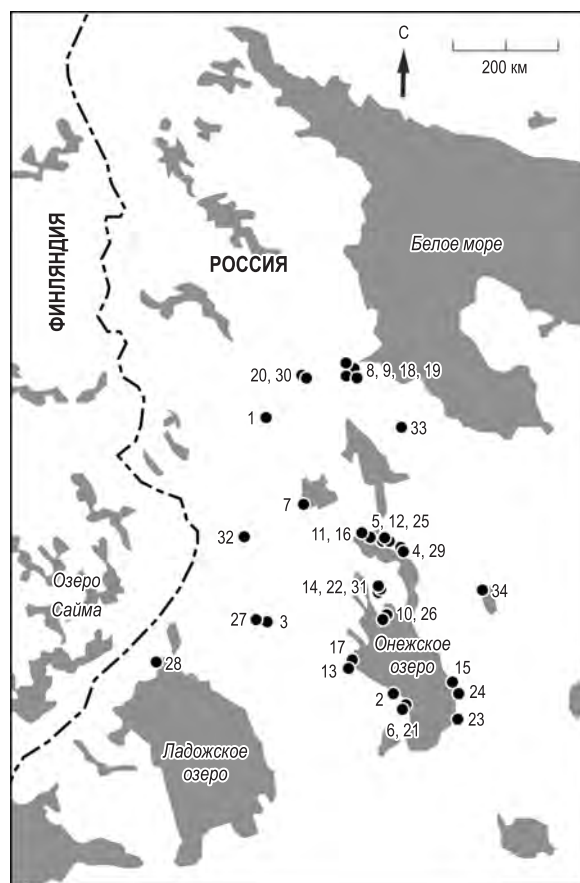

Рис. 1. Карта неолитических и энеолитических памятников Карелии, по материалам которых получены АМС-датировки (1–21), а также других археологических памятников и местоположений, упомянутых в тексте (22–34):

- 1 – Калмозеро II; 2 – Уя III; 3 – Сулгу 2; 4 – Чёрная Губа III; 5 – Оровнаволок V; 6 – Шёлтозеро V; 7 – Панозеро I; 8 – Бесовы Следки II; 9 – Бесовы Следки; 10 – Вожмариха 26; 11 – Войнаволок XXIX; 12 – Оровнаволок XVI; 13 – Вигайнаволок I; 14 – Пегрема I; 15 – Первомайская I; 16 – Войнаволок XXVII; 17 – Фофаново XIII; 18 – Золотец XX; 19 – Залавруга I; 20 – Тунгуда XV; 21 – Шёлтозеро XII; 22 – Пегрема IX; 23 – Тудозеро V; 24 – Чёрная Речка I; 25 – Оровнаволок VII; 26 – Воробьи 4; 27 – Лакшозеро II; 28 – Мейери II; 29 – Чёрная Губа IX; 30 – Тунгуда XVII; 31 – Палайгуба X; 32 – Кудомгуба VII; 33 – Сумозеро XV; 34 – Келка III

Oxcal v4.2.4 Bronk Ramsey (2013); r:5 IntCal13 atmospheric curve (Reimer et al 2013)

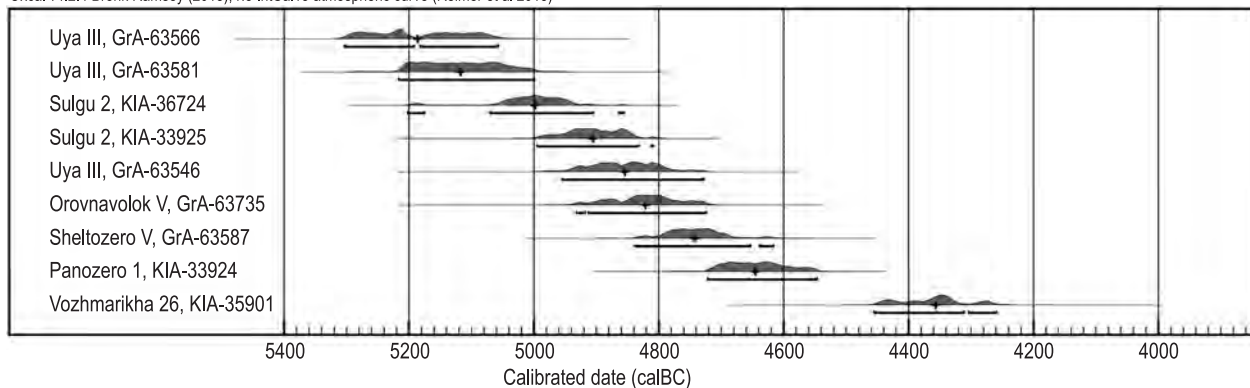

Рис. 2. Вероятностное хронологическое распределение АМС-датировок по материалам из Республики Карелия: керамика типа сперрингс 1

Таблица. АМС-датировки неолита – энеолита Карелии (Россия)

№ на карте	Индекс	Поселение	BP	±	Максимум (2σ)	Минимум (2σ)	Медиана	δ ¹³ C	Датированный материал	Тип керамики	Публикация
1	KIA-35899A	Калмозеро 11	6340	70	5478	5081	5326	-	нагар	сярайсниеми 1	7
2	GrA-63566	Уя III	6225	40	5304	5059	5187	-28,26	нагар	сперрингс 1	9
2	GrA-63581	Уя III	6160	40	5217	5000	5118	-26,63	чёрная краска(?)	сперрингс 1	9
3	KIA-36724	Сулгу 2	6085	30	5202	4857	4999	-	нагар или дёготь	сперрингс 1	7
1	KIA-35899B	Калмозеро 11	6080	45	5207	4846	4994	-	нагар	сярайсниеми 1	7
4	GrA-63539	Чёрная Губа III	6060	40	5195	4842	4966	-27,84	дёготь	гребенчато-ямочная	-
3	KIA-33925	Сулгу 2	6015	30	4995	4810	4906	-	дёготь	сперрингс 1	7
2	GrA-63546	Уя III	5970	40	4956	4729	4855	-28,77	дёготь	сперрингс 1	9
5	GrA-63735	Оровнаволок V	5945	40	4932	4725	4822	-27,23	дёготь	сперрингс 1	9
6	GrA-63587	Шёлтозеро V	5870	40	4839	4617	4744	-27,20	нагар	сперрингс 1	9
7	KIA-33924	Панозеро I	5795	35	4722	4548	4646	-	дёготь	сперрингс 1	7
8	GrA-63547	Бесовы Следки II	5775	70	4783	4465	4626	-26,76	нагар	сярайсниеми 1	9
8	GrA-63681	Бесовы Следки II	5635	40	4542	4367	4466	-24,06	нагар	ямочно-гребенчатая	9
9	GrA-63549	Бесовы Следки	5550	40	4458	4338	4397	-26,30	нагар	ямочно-гребенчатая	9
10	KIA-35901	Вожмариха 26	5505	50	4456	4260	4357	-	нагар	сперрингс 1	7
8	GrA-63548	Бесовы Следки II	5410	40	4348	4076	4280	-28,16	нагар	ямочно-гребенчатая	9
4	GrA-63538	Чёрная Губа III	5155	35	4042	3811	3969	-29,19	нагар	гребенчато-ямочная	-
6	GrA-63588	Шёлтозеро V	5045	35	3956	3715	3868	-27,99	нагар	гребенчато-ямочная	-
11	GrA-63560	Войнаволок XXIX	5030	35	3946	3713	3856	-28,99	дёготь	гребенчато-ямочная	-
12	Beta-117964	Оровнаволок XVI	4970	50	3939	3650	3751	-	нагар	ромбоямочная	5
13	KIA-33930	Вигайнаволок I	4940	30	3777	3654	3709	-	нагар	ромбоямочная	6
4	GrA-63540	Чёрная Губа III	4925	35	3775	3646	3696	-26,94	дёготь	гребенчато-ямочная	-
4	GrA-63537	Чёрная Губа III	4895	35	3762	3637	3678	-28,07	дёготь	гребенчато-ямочная	-
12	Beta-117962	Оровнаволок XVI	4870	50	3771	3530	3663	-	нагар	ромбоямочная	5
12	Beta-117963	Оровнаволок XVI	4840	50	3748	3518	3635	-	нагар	ромбоямочная	5
14	GrA-63684	Пегрема I	4825	35	3694	3523	3580	-27,21	дёготь	ромбоямочная	42
8	GrA-64331	Бесовы Следки II	4785	45	3653	3381	3568	-27,39	нагар	ямочно-гребенчатая	9
12	Beta-117966	Оровнаволок XVI	4770	40	3644	3381	3566	-	нагар	оровнаволок	6
14	GrA-63686	Пегрема I	4730	35	3635	3377	3528	-28,91	дёготь	ромбоямочная	42
13	KIA-33931	Вигайнаволок I	4725	30	3634	3377	3522	-	нагар	ромбоямочная	6
14	GrA-63733	Пегрема I	4720	35	3634	3375	3512	-27,00	дёготь	ромбоямочная	42
15	GrA-63682	Первомайская I	4710	35	3632	3373	3490	-27,14	нагар	войнаволок	-
14	GrA-63734	Пегрема I	4695	35	3630	3370	3453	-27,75	нагар	ромбоямочная	42
16	HelA-2428	Войнаволок XXVII	4693	35	3629	3370	3453	-	нагар	войнаволок	8
17	GrA-62060	Фофаново XIII	4685	35	3627	3369	3451	-28,03	нагар	войнаволок	-
15	GrA-63592	Первомайская I	4685	35	3627	3369	3451	-27,85	нагар	войнаволок	-

Таблица (окончание)

№ на карте	Индекс	Поселение	BP	±	Максимум (2σ)	Минимум (2σ)	Медиана	δ ¹³ C	Датированный материал	Тип керамики	Публикация
15	GrA-63683	Первомайская I	4615	35	3517	3144	3452	-27,92	нагар	войнаволок	-
15	GrA-63590	Первомайская I	4610	35	3516	3136	3446	-27,68	нагар	войнаволок	-
18	GrA-63550	Золотец XX	4610	35	3516	3136	3446	-28,16	дэготь	залавруга	-
16	GrA-63565	Войнаволок XXVII	4605	35	3515	3128	3433	-27,49	нагар	войнаволок	-
17	GrA-62059	Фофаново XIII	4585	35	3501	3112	3356	-27,50	нагар	войнаволок	-
19	GrA-63559	Залавруга I	4580	35	3499	3111	3349	-29,15	нагар	залавруга	-
20	GrA-63583	Тунгуда XV	4570	35	3496	3104	3313	-29,16	нагар	оровнаволок	-
19	GrA-63551	Залавруга I	4570	35	3496	3104	3313	-25,30	нагар	залавруга	-
20	GrA-63582	Тунгуда XV	4515	35	3357	3097	3212	-26,63	нагар	оровнаволок	-
19	GrA-63555	Залавруга I	4495	35	3352	3037	3217	-27,20	нагар	залавруга	-
17	GrA-62484	Фофаново XIII	4470	60	3355	2934	3176	-30,00	нагар	войнаволок	-
17	Hela-2812	Фофаново XIII	4454	42	3341	2937	3164	-27,50	нагар	войнаволок	8
20	GrA-63584	Тунгуда XV	4435	35	3330	2926	3085	-26,12	нагар	оровнаволок	-
12	Beta-117961	Оровнаволок XVI	4390	50	3325	2901	3016	-	нагар	оровнаволок	6
16	GrA-63562	Войнаволок XXVII	4365	35	3090	2903	2978	-28,15	нагар	войнаволок	-
19	GrA-63552	Залавруга I	4295	35	3012	2878	2908	-26,13	нагар	залавруга	-
19	GrA-63557	Залавруга I	4285	35	3013	2873	2902	-24,85	нагар	оровнаволок	-
19	GrA-63558	Залавруга I	4255	40	3007	2694	2885	-24,18	нагар	оровнаволок	-
21	GrA-63585	Шёлтозеро XII	3815	35	2452	2140	2257	-27,9	нагар	палайгуба	-
21	GrA-63586	Шёлтозеро XII	3725	35	2275	2024	2120	-28,98	нагар	палайгуба	-

но подвергалась сомнению [2, с. 32; 14, р. 273–274]. Всё же, основываясь на датировках из других контекстов, появление керамики сперрингс в Карелии и на Карельском перешейке относится к сер. VI тыс. до н.э., дата 6510±90 BP (TA-1161) по образцу из Пегремы IX обычно указывается как самая ранняя [2, с. 32; 15, с. 78; 16, с. 265, табл. 1; 17, с. 149]. Однако контексты, откуда происходят образцы, по которым получены наиболее ранние датировки, далеко не однозначны, и, основываясь на АМС-датировках материалов с территории Карелии, Финляндии и Карельского перешейка, временем появления этой керамики следует считать 5300–5200 лет до н.э. [9, с. 204; 18, р. 664, table 2; 19, s. 198–199, abb. 170]. Оставшиеся из новых АМС-датировок относятся к 1-й пол. V тыс. до н.э. Самая молодая дата из Уи III в целом соответствует дате для Оровнаволок V, где также имеются две датировки по образцам из культурного слоя (5850±80 BP, TA-2265 и 5720±60 BP, TA-2266). Самая молодая из серии новых датировок (ок. 4700 лет до н.э.) связана с образцом из материалов памятника Шёлтозеро V. Таким образом, полученные нами результаты не дают новой информации относительно вопроса о конце бытования керамики сперрингс в Карелии. На основании сделанных ранее АМС-датировок он может быть отнесён ко времени около 4400 лет до н.э., что соответствует данным по сопредельным территориям [18, р. 664, table 2; 19, s. 199, abb. 170; 20, р. 110].

Практически одновременно с керамикой типа сперрингс 1 распространяется керамика типа сярэйсьнеми I, для которого нами получена лишь одна датировка по образцу с памятника Бесовы Следки II в Прибеломорье. Эта дата, относящаяся к сер. V тыс. до н.э., моложе двух полученных ранее АМС-датировок по образцам из Карелии (рис. 3; Прил.: табл. 2, рис. 2), но соответствует временному интервалу 5300–4500 лет до

Oxcal v4.2.4 Bronk Ramsey (2013); r:5 IntCal13 atmospheric curve (Reimer et al 2013)

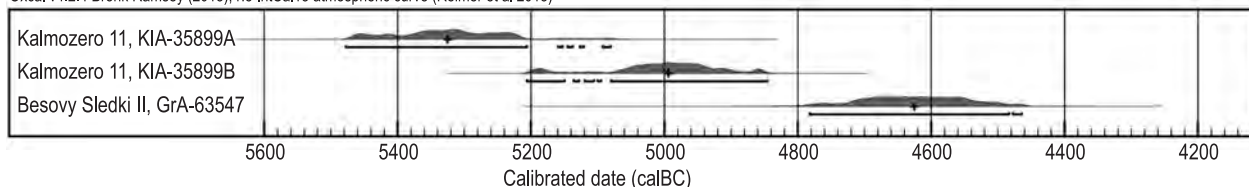

Рис. 3. Вероятностное хронологическое распределение АМС-датировок по материалам из Республики Карелия: керамика типа сярэйсьнеми I

н.э., предложенному для керамики типа сярэйсьніеми 1 [9, с. 204; 18, р. 664, table 2; 19, s. 208–209, abb. 174].² Учитывая новые даты для керамики сярэйсьніеми 1 и сперрингс 1 с территории Финляндии, отсутствие существенной разницы во времени появления этих типов на севере представляется весьма правдоподобным, а в некоторых районах керамика сярэйсьніеми 1, похоже, могла предшествовать появлению керамики сперрингс 1 [см. также 18, р. 670]. Это дополнительно подтверждает высказанное недавно предположение о том, что сярэйсьніеми 1 не является просто северным вариантом керамики сперрингс 1 [см. также 14, р. 275; 22, р. 16; 23, р. 300], но эти типы керамики имеют различное происхождение и историю развития [19, s. 208–209]. Более того, отдельные датировки свидетельствуют, что в некоторых районах использование керамики типа сярэйсьніеми 1 могло продолжаться до нач. IV тыс. до н.э. [9, с. 204; 19, s. 244; 24, р. 238; 25, р. 29].

В Финляндии на смену керамике сперрингс 1 пришли так называемая младшая ранняя гребенчатая керамика (т.е. стиль I:2 или сперрингс 2), а также ранняя асбестовая керамика (керамика с примесью асбеста стиля I:2 и керамика типа кауниссаари, подробнее о терминологии и сокращениях см. [26]). Лишь несколько достоверных датировок получены для этих типов керамики, но, основываясь на некоторых АМС- и конвенционных датировках, первый датируется в Финляндии и на Карельском перешейке промежутком 4400–4000 лет до н.э. [9, с. 204–205; 18, р. 664, table 2], а второй – 4300–3800 лет до н.э. [9, с. 204–205; 27, р. 4, table 1]. Оба типа редко встречаются в Карелии: небольшое количество фрагментов ранней гребенчатой керамики было выделено и отнесено к стилю I:2 [28]³, в нескольких случаях выявлена также ранняя асбестовая керамика [29, р. 24]; к востоку от Онежского озера, по видимому, в это же время параллельно была распространена так называемая каргопольская керамика [30, с. 93; 31]. В целом в это время преобладает ямочно-гребенчатая керамика. Полученные нами датировки включают четыре, сделанные по образцам керамики этого типа, все из материалов Бесовых Следков в Прибеломорье (рис. 4; Прил.: табл. 2, рис. 2). Это первые АМС-датировки ямочно-гребенчатой керамики из Карелии [но см. 9, с. 204–205; 32, р. 141] и даты, относящиеся ко 2-й пол. V тыс. до н.э., иными словами, к периоду времени, которым в большинстве случаев и датируется данный тип керамики [2, с. 32; 5, с. 254, 259]. Основываясь на датировках по образцам из культурного слоя, наиболее ранняя из которых 6200±100 BP (ТА-1634) происходит с памятника Чёрная Речка I, появление ямочно-гребенчатой керамики может быть отнесено к рубежу VI/V тыс. до н.э. [30, с. 103; 5, с. 254, 259–261], хотя многие из этих дат могли быть или были связаны с более ранними этапами обитания памятников [16, с. 264; 33; см. также 34, с. 103–105]. Кроме того, ревизия хронологической схемы для Верхневолжского региона показала, что появление и распространение льяловской культуры, с которой так или иначе связано проявление ямочно-гребенчатой керамики, относится к самому концу VI и к рубежу VI/V тыс. до н.э. [35, с. 180–182; 36, р. 1045] – косвенно это может свидетельствовать в пользу того, что наиболее ранние из представленных дат с территории Карелии не связаны с ямочно-гребенчатой керамикой.

Также неясным остаётся и время, когда ямочно-гребенчатая керамика прекратила своё бытование. Типология даёт основания полагать, что финальная стадия существования этой керамики хронологически совпадает со временем бытования гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамики [5, с. 261], но в пользу этого предположения представлено недостаточно данных (даты). Соответственно, смена керамических типов датируется рубежом V/IV тыс. до н.э. (наиболее поздняя дата – 5260±70, ТА-2267 – получена по образцу из культурного слоя поселения Оровнаволок VII [см. также 6, с. 117]). Интересно отметить, что серия из десяти радиоуглеродных дат была недавно получена конвенционным методом по остаткам нагара на фрагментах керамики с памятника Воробьи 4 на Заонежском полуострове [37]: даже с учётом большого стандартного отклонения, увеличивающего доверительный интервал до столетий, эти датировки в целом приблизительно на 500 лет моложе, чем другие, полученные для ямочно-гребенчатой керамики. Является ли это результатом контаминации образцов или проблемой использовавшейся методики, или это проявление некоего со-

Oxcal v4.2.4 Bronk Ramsey (2013); r:5 IntCal13 atmospheric curve (Reimer et al 2013)

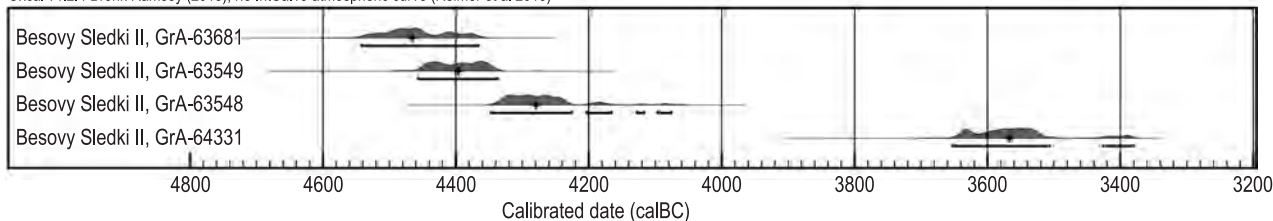

Рис. 4. Вероятностное хронологическое распределение АМС-датировок по материалам из Республики Карелия: ямочно-гребенчатая керамика

² Для керамики сярэйсьніеми 1 были получены и более ранние даты (например, 6570±60 BP, TUA-3018 и 6330±50 BP, TUA-3021 [21, р. 356, table 12:1]), но эти датировки удревлены в результате резервуарного эффекта [см. 18, р. 667–668; 19, s. 208].

³ Тип ранней гребенчатой керамики был выделен в Юго-Восточном Прионежье как более древний, чем сперрингс 1 [11; 13], однако такое противоречие могло возникнуть в результате терминологического наложения.

циокультурного феномена, остаётся вопросом будущего. Также и наиболее ранняя из полученных нами датировок на столетия моложе, чем предполагавшийся временной интервал. Эта датировка получена по фрагменту донца с памятника Бесовы Следки II и указывает на сер. IV тыс. до н.э. По информации из лаборатории, проводившей анализ (Центр изотопных исследований Университета Гронингена, Нидерланды), какие-либо технические проблемы при получении датировок по представленным образцам отсутствовали. Не приходится ожидать и влияния пресноводного резервуарного эффекта: фрагмент датирован более поздне, но не более ранним временем против ожидаемого. Это, по большому счёту, оставляет нам альтернативу: либо период бытования ямочно-гребенчатой керамики продолжался много дольше, чем предполагалось, либо датированному фрагменту дано неверное типологическое определение. Фрагмент с Бесовых Следков может также относиться к гребенчато-ямочной керамике, в этом случае полученная датировка хорошо соответствует имеющейся хронологической схеме, но, насколько нам известно, в материалах с памятника не была выделена гребенчато-ямочная керамика [см. 38, с. 54].

Гребенчато-ямочная и ромбоямочная керамика

Шесть новых дат получены по образцам гребенчато-ямочной керамики из Прионежья (рис. 5; Прил.: табл. 3, рис. 3). Большинство датировок сделаны по материалам памятника Чёрная Губа III. Одна, – очевидно, спорна (см. ниже), но все остальные приходятся на рубеж V/IV тыс. до н.э. или немного моложе и хорошо соответствуют полученным ранее датировкам по образцам из культурного слоя этого памятника, которые часто рассматриваются как датирующие появление гребенчатой керамики (4950±100 BP, TA-1890 [38, с. 140]). Две другие датировки получены по образцам со стоянок Шёлтозеро V и Войнаволок XXIX. Все эти датировки хорошо согласуются с полученными ранее датами по образцам из культурного слоя памятников Карелии с гребенчато-ямочной керамикой, которые, правда, имеют весьма широкие доверительные интервалы. Что более важно, – они хорошо согласуются с АМС-датировками, полученными по образцам типичной гребенчато-ямочной керамики с территории Финляндии: 3900–3400 лет до н.э. [39, р. 90; неопубликованные данные авторов]; типичная гребенчато-ямочная керамика Финляндии может рассматриваться как региональный вариант гребенчато-ямочной керамики (или как общее обозначение для нескольких региональных вариантов [см. 40; 41]).

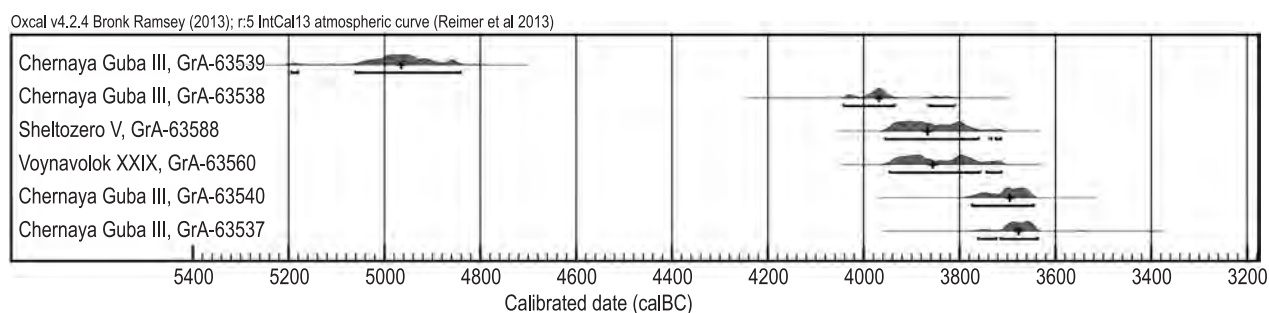

Рис. 5. Вероятностное хронологическое распределение АМС-датировок по материалам из Республики Карелия: гребенчато-ямочная керамика

Чаще вместе с гребенчато-ямочной керамикой в Карелии встречается ромбоямочная керамика, для которой получены четыре новые датировки, все по образцам с памятника Пегрема I на Заонежском полуострове (рис. 6; Прил.: табл. 4, рис. 4 [см. также 42]). Эти датировки соответствуют довольно узкому временному интервалу, указывая на период бытования ромбоямочной керамики на памятнике в промежутке 3700–3400 лет до н.э. Как и несколько полученных ранее АМС-датировок, датировки материалов Пегремы указывают на наиболее вероятный период бытования ромбоямочной керамики – 3800–3400 лет до н.э. [см. также 6, с. 116]. Всё же конвенционные датировки по образцам из культурного слоя, многие из которых были получены для памятников района Пегремы, предполагают значительно более широкие временные рамки бытования ромбоямочной керамики: часто упоминаемые наиболее ранняя и наиболее поздняя датировки – 5145±110 BP (TA-541) и 4200±50 BP (TA-493) – получены по образцам с Пегремы I [38, с. 141, табл. 6; 43, с. 126–127]. Как показывают результаты наших исследований, указанные полученные конвенционным методом датировки могут относиться не ко времени бытования ромбоямочной керамики [см. также 2, с. 25], хотя две датировки по образцам из культурного слоя Пегремы I хорошо соответствуют новым АМС-датировкам (4980±60, LE-1029 и 4780±50 BP, TA-492).

Датировки подтверждают также недавно высказанное мнение о длительном совместном бытовании гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамики [6, с. 117; 44, с. 25], хотя, судя по АМС-датировкам карельских материалов, начало и конец периода бытования гребенчато-ямочной керамики датируются несколько раньше, чем начало и конец бытования ромбоямочной керамики. Таким образом, как в Финляндии, так и в Карелии время исчезновения обеих этих традиций остаётся неустановленным. И хотя период, определяемый

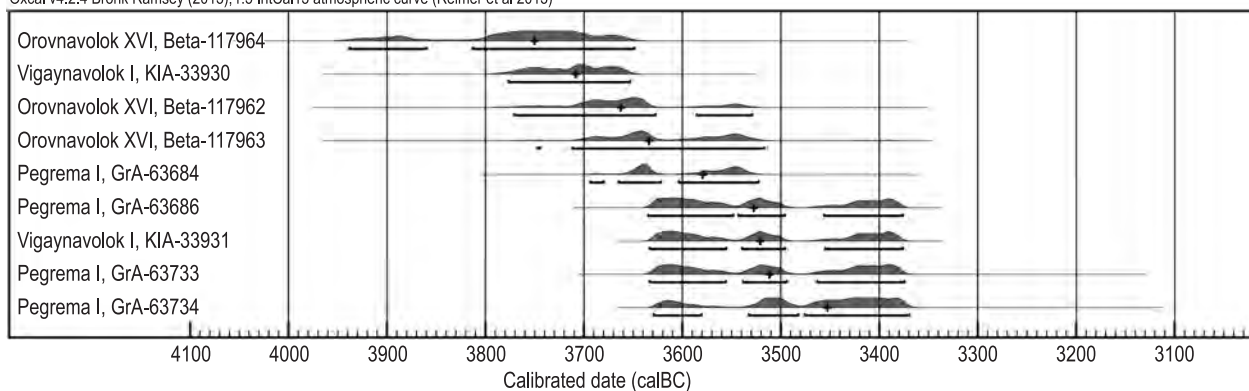

Рис. 6. Вероятностное хронологическое распределение АМС-датировок по материалам из Республики Карелия: ромбоямочная керамика

на основе АМС-датировок, завершается в середине или в самом начале 2-й пол. IV тыс. до н.э., есть данные, указывающие на продолжение бытования гребенчато-ямочной керамики в некоторых районах на протяжении ещё нескольких столетий. К сожалению, обычно приводимые в подтверждение этого датировки по образцам из культурного слоя, такие как 3920 ± 60 ВР (ТА-1520) для памятника Лакшозеро II и 4300 ± 100 ВР (ТА-1518) для памятника Мейери II [38, с. 142], вызывают сомнения. К этому времени частично относятся несколько из представленных недавно новых датировок [37], но эти даты требуют столь же осторожного к себе отношения, как и упомянутые выше новые датировки из Заонежья.⁴

Завершая этот раздел, следует кратко остановиться на обсуждении датировки по фрагменту венчика из Чёрной Губы III. Поскольку его возраст получается почти на 1000 лет древнее, чем можно было ожидать, представляется возможным присутствие фактора резервуарного эффекта, хотя прямых свидетельств этому нет (см. ниже). Но, опять же, имеющееся несоответствие может быть связано с типологическим определением образца: возраст указывает на время бытования керамики типа сперрингс 1 или сярйскими 1, но морфологические признаки датированного фрагмента не соответствуют ни одному из этих типов, и нет сведений о находках керамики этих типов на памятнике. Если же фрагмент относится к ямочно-гребенчатой керамике, представленной в очень небольшом количестве в материалах Чёрной Губы III [38, с. 29], то полученная датировка на данный момент является самой ранней для керамики этого типа (см. выше).

Керамика типов залавруга, войнаволоок, оровнаволоок и палайгуба

Рассматривая керамику с примесью асбеста и пористую керамику, мы следуем типологии, разработанной А.М. Жульниковым на карельских материалах [44; 45]. Для первого из этих типов, керамики типа залавруга, получено пять новых датировок по образцам с эпонимного поселения Залавруга I, а также с памятника Золотец XX в Юго-Западном Прибеломорье (рис. 7; Прил.: табл. 5, рис. 5). На основании типологии ранее этот тип керамики датировался между временем существования ромбоямочной керамики и керамики

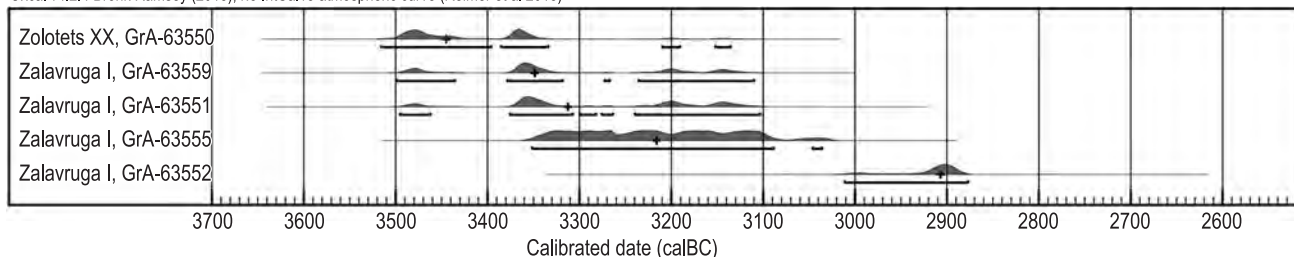

Рис. 7. Вероятностное хронологическое распределение АМС-датировок по материалам из Республики Карелия: керамика типа залавруга

⁴ Опубликованы ещё две даты образцов из культурного слоя комплексов с ромбоямочной керамикой – 4240 ± 90 ВР и 4200 ± 90 ВР (ТА-813 и без индекса), – но в публикациях имеются расхождения касательно происхождения датированных образцов и индекса лаборатории [см. 4; 38; 43], что не позволяет в полной мере основываться на этих датировках.

типа оровнаволоков [45, с. 49, 76–78]. В целом большинство полученных нами АМС-датировок, которые стали вообще первыми радиоуглеродными датировками для керамики типа залавруга, как и ожидалось, попадает в промежуток 3500–3100 лет до н.э. Однако наиболее молодая дата из тех, что получены по материалам Залавруги I, указывает на несколько более позднее время, что, возможно, свидетельствует о более длительном периоде её бытования и/или некотором типологическом совпадении с керамикой типа оровнаволоков, поскольку эта датировка соответствует датировкам, полученным по фрагментам керамики типа оровнаволоков (см. ниже).

Считается, что керамика типа залавруга появилась на основе гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамики в результате заимствования с востока традиции использования органических примесей [44, с. 27; 45, с. 49]. Тем не менее эта керамика имеет также определённые параллели с пористой гребенчатой керамикой Северной Финляндии, но датировки по карельским материалам относятся к несколько более позднему времени, чем по материалам из Финляндии [см. 39, р. 92–93; неопубликованные данные авторов].

Предполагается, что схожим образом появилась и керамика типа войнаволоков, относящаяся к тому же хронологическому горизонту. Девять новых дат получены нами по образцам этой керамики, происходящим с памятников с северного и западного побережий Онежского озера, а также с памятника Первомайская I на восточном берегу озера (рис. 8; Прил.: табл. 6, рис. 6). Распределение этих датировок показывает два пика. Первая группа датировок хорошо соответствует интервалу 3600–3400 лет до н.э., включая все новые датировки по образцам с Первомайской I, две датировки по образцам с эпонимного памятника Войнаволоков XXVII и две датировки с Фофаново XIII. Это хорошо соответствует высказывавшемуся ранее предположению о коротком периоде бытования этого типа керамики, лишь в несколько столетий в сер. IV тыс. до н.э. [45, с. 47, 76–78; также 46, с. 262]. Однако существует вторая группа датировок, три АМС-датировки с Фофаново XIII и датировка с Войнаволока XXVII, которые попадают на промежуток 3400–2900 лет до н.э. Эти датировки относятся к тому же времени, что и новые АМС-датировки керамики типа оровнаволоков, а также несколько дат по образцам из культурного слоя (4410±50 BP, TA-1748 и 4280±80 BP, TA-1726 для Войнаволока XXVII; 4340±80 BP, TA-2140 для Чёрной Губы IX) и дата, полученная конвенционным методом по нагару на керамике с памятника Охта I в Санкт-Петербурге (4390±100 BP, SPb-39) [47]. Таким образом, имеются явные свидетельства того, что периоды бытования разных типов керамики хронологически перекрывались, но также это может указывать и на некоторое наложение типологических определений.⁵ С другой стороны, коллекция керамики с памятника Первомайская I рассматривалась как состоящая из двух разных групп керамики: первая – с примесью асбеста (войнаволоков) и вторая – с органической примесью [45, с. 54–55]. Согласно новым датировкам, эти типы керамики бытовали одновременно. Более того, керамика типов залавруга и войнаволоков существует одновременно с так называемой керамикой типа кьерикки на территории Финляндии, которая датируется промежуток 3600–3000 лет до н.э. [39, р. 90, 92; неопубликован-

Oxcal v4.2.4 Bronk Ramsey (2013); r:5 IntCal13 atmospheric curve (Reimer et al 2013)

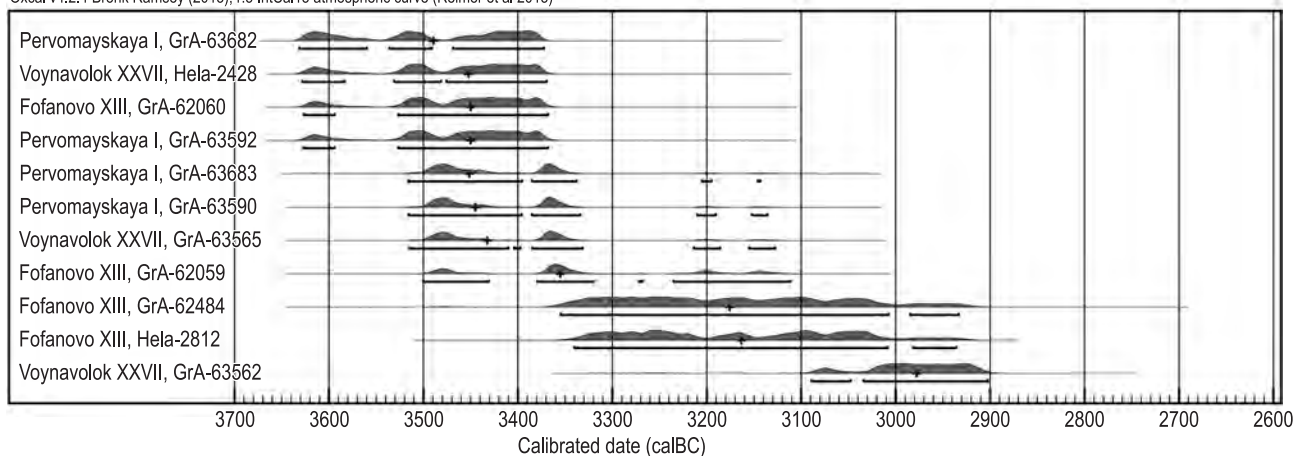

Рис. 8. Вероятностное хронологическое распределение АМС-датировок по материалам из Республики Карелия: керамика типа войнаволоков

⁵ К примеру, выпадающая из основной серии (слишком молодая) новая датировка по образцу из Войнаволока XXVII может быть связана с керамикой типа войнаволоков или оровнаволоков. С точки зрения датирования, последнее представляется более вероятным, но сведения о находках керамики типа оровнаволоков на памятнике отсутствуют [45, табл. 1], хотя предварительное ознакомление с коллекцией даёт основания полагать, что на памятнике представлены два комплекса. Также и молодые датировки по материалам с Фофаново XIII могут быть связаны с типом оровнаволоков, поскольку керамика на памятнике, вероятно, относится к двум комплексам или представляет переходную фазу между двумя этими типами [46, с. 261; 48, с. 250].

ные данные авторов]. Однако никаких прямых соответствий между этими типами не выявлено, в том числе потому, что определение типа киерикки остаётся весьма расплывчатым – можно даже поставить под сомнение существование такого типа керамики. Тем не менее, некоторое хронологическое соответствие имеется, поскольку фрагмент с памятника Вуопайя, по которому была получена одна из наиболее ранних датировок для керамики «типа киерикки» в Финляндии (4805 ± 85 BP, Ua-4364 [25; также 39, p. 90]), был затем обоснованно идентифицирован как относящийся к типу войнаволок [8, p. 127, table 1].

Для керамики типа оровнаволоков имеются пять новых АМС-датировок по образцам из Юго-Западного Прибеломорья (рис. 9; Прил.: табл. 7, рис. 7). Самые ранние датировки связаны с образцами с памятника Тунгуда XV и хорошо соответствуют друг другу. Более молодые, но также хорошо соответствующие друг другу даты получены по образцам нагара с внутренней поверхности одного фрагмента керамики из Залавруги I. Кроме того, две АМС-датировки были ранее получены по образцам с эпонимного памятника Оровнаволоков XVI. Первая из них в целом совпадает с датировками из Тунгуды, но другая определённее древнее и перекрещивается с датировками керамики типов войнаволок и залавруга: к сожалению, дата опубликована без указания конкретного типа керамики, к которому относится датированный фрагмент с примесью асбеста [6, с. 113]. Однако другой керамики с примесью асбеста, кроме керамики типа оровнаволоков, на памятнике выявлено не было [45, табл. 1], следовательно, мы здесь имеем дело либо с влиянием пресноводного резервуарного эффекта, либо с проблемой типологического определения керамики. Всё же в целом АМС-датировки керамики типа оровнаволоков соответствуют интервалу 3400–2900 лет до н.э.⁶ Это значительно сужает предлагавшиеся прежде хронологические рамки бытования керамики типа оровнаволоков: с кон. IV и до II тыс. до н.э. Прежние хронологические оценки основывались на датировках по образцам из культурных слоёв (крайними в серии являются даты 4370 ± 60 BP, TA-2289 по Тунгуде XVII и 2670 ± 120 BP, TA-1444 по Палайгубе X), а также на представлениях о генетической преемственности и некотором периоде одновременного бытования керамики типов оровнаволоков и палайгуба [45, с. 51–52, 76–78]. Основанные на АМС-датировках более узкие хронологические рамки бытования керамики типа оровнаволоков также не позволяют рассматривать возможность предполагавшегося [45, с. 54] влияния носителей культуры шнуровой керамики (фатьяновской) на эту традицию. Известно несколько случаев выявления керамики типа оровнаволоков также в Восточной и Северной Финляндии [44, с. 29; см. также 8]. В целом этот тип бытовал одновременно с керамикой типа пёлья на территории Финляндии. На основании прямых дат по фрагментам эта керамика существовала в пределах 3500–2500 лет до н.э., но с учётом датировок по образцам из культурного слоя период её бытования расширяется до приблизительно 1900 лет до н.э. [39, p. 90, 92; неопубликованные данные авторов]. Но, опять же, если не считать некоторых общих черт, керамику пёлья и оровнаволоков нельзя признать одним типом и, следовательно, использовать для прямого взаимного датирования.

Oxcal v4.2.4 Bronk Ramsey (2013); r5 IntCal13 atmospheric curve (Reimer et al 2013)

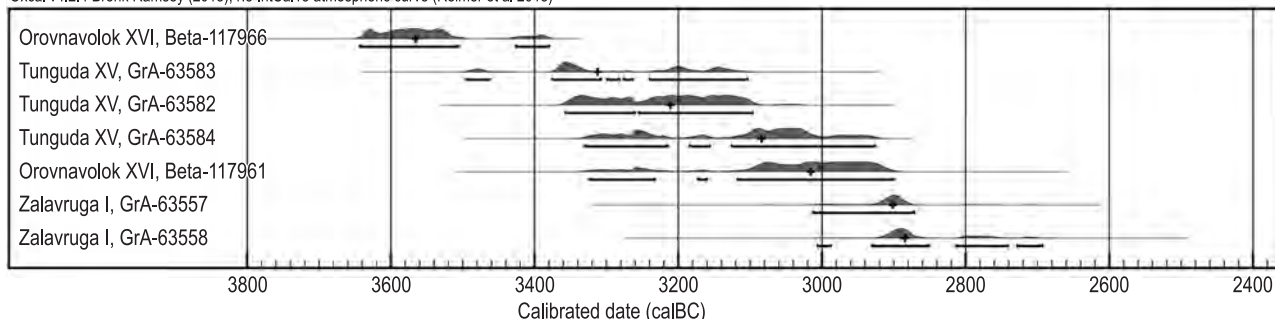

Рис. 9. Вероятностное хронологическое распределение АМС-датировок по материалам из Республики Карелия: керамика типа оровнаволоков

Датировки для керамики типа палайгуба, последнего из рассматриваемых типов, крайне немногочисленны. Нами получены лишь две даты по фрагментам этой керамики из материалов с памятника Шёлтозеро XII, показавших временной интервал 2500–2000 лет до н.э. (рис. 10; Прил.: табл. 7, рис. 7). Таким образом, если основываться лишь на АМС-датировках, период бытования этого типа керамики не перекрывается периодами бытования предшествовавших типов. Однако с учётом датировок по образцам из культурного слоя (от 4010 ± 80 BP, TA-1893 по образцу из Кудомгубы VII и до 2925 ± 105 BP по образцу из Сумозера, лабораторный индекс не указан), предполагаемого развития из керамики типа оровнаволоков и связи с носителями культуры шнуровой керамики (фатьяновской), в пользу чего свидетельствует керамика типа палайгуба,

⁶ Единственная новая датировка для керамики типа оровнаволоков, озвученная К.Э. Германом [37], хорошо соответствует предлагаемому интервалу, тогда как представленные им датировки для других типов керамики противоречат другим датировкам.

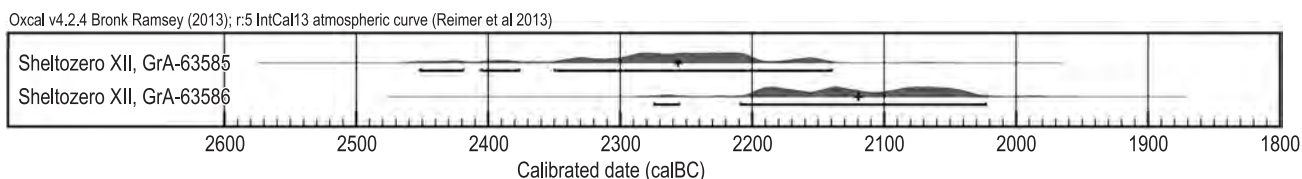

Рис. 10. Вероятностное хронологическое распределение АМС-датировок по материалам из Республики Карелия: керамика типа палайгуба

период бытования этой керамики ранее был датирован от нач./сер. III тыс. до н.э. и до II тыс. до н.э. [44, с. 23–24; 45, с. 54, 76–78]. В любом случае полученные датировки представляют интерес, поскольку они – немногие, попадающие во 2-ю пол. III тыс. до н.э. Как было сказано выше, датировки керамики пелья, которая также в определённой степени является аналогом керамики типа палайгуба, для внутриматериковой Финляндии редко бывают моложе сер. III тыс. до н.э. Остаётся невыясненным, когда завершилось бытование керамики типа палайгуба, как и то, существовала ли она на определённом этапе с пришедшей ей на смену текстильной керамикой. В Карелии самые ранние датировки по образцам из культурного слоя с памятников с текстильной керамикой относятся к рубежу III/II тыс. до н.э. или к 1-й пол. II тыс. до н.э. (3520±80 ВР, ТА-2269 и 3100±70 ВР, ТА-2268, обе – по образцам с памятника Келка III [45, с. 77]) и хорошо соответствуют наиболее ранним АМС-датировкам по текстильной керамике с территории Финляндии, от нач. II тыс. до н.э. и далее [49, р. 102, 106, fig. 6:11].

Сомнительные датировки?

Основной корпус радиоуглеродных датировок с территории Карелии по-прежнему составляют датировки, полученные в предыдущие десятилетия конвенционным методом. Древесный уголь, использовавшийся для датирования, часто происходит с памятников со смешанными разновременными археологическими материалами, раскопки которых проводились без детального документирования планиграфии и микростратиграфии и без подробной фиксации находок. В результате проверка контекста образцов и их достоверности часто весьма затруднена и может быть выполнена лишь в некотором приближении (слишком часто сведения о происхождении образца, например, «уголь из культурного слоя», «ямы», «кострища», различаются в разных источниках). Неясности относительно происхождения образцов ведут к неоднозначности соотношения временных периодов, поскольку полученные датировки могут быть интерпретированы в контексте того или иного изучаемого явления, – следовательно, во многих случаях одни и те же датировки рассматриваются разными исследователями как соответствующие разным этапам археологической периодизации. Ещё одна проблема заключается в технической точности проводившихся измерений. Стандартное отклонение для датировок, получаемых конвенционным методом, как правило, весьма велико, в пределах от 20 до 200 (иногда даже 600) лет, а среднее и медиальное (медиана стандартного отклонения) составляют около 80–90 радиоуглеродных лет. В результате калиброванный возраст представляет достаточно большой временной интервал, в некоторых случаях растянутый до тысячи лет. Более сложно оценить неопределённости, связанные со спецификой отдельных лабораторий, но поскольку практически все полученные прежде конвенционные радиоуглеродные датировки (более 98 % всех датировок, собранных в [1; 2]) были выполнены в одной лаборатории – Лаборатории радиоуглеродного датирования Института геологии Тартуского университета [см. 50], – их можно считать единообразными. Как бы то ни было, поскольку качество этих датировок изначально оценено как не слишком высокое, никакой систематической оценки их надёжности не проводилось [см. например, 20; 51; 52].

Полученные нами датировки сделаны по образцам с фрагментов керамики: 30 – по образцам нагара (73 %), 10 – по остаткам берёзового дёгтя (24 %) и одна – по образцу чёрной субстанции, напоминающей краску. Нагар с внутренней поверхности глиняных сосудов, скорее всего, является остатками пищи (или иной органики), приготавливавшейся или хранившейся в сосудах. На внешней поверхности также может присутствовать нагар, наиболее вероятно, копоть. Берёзовый дёготь даже визуально отличается от нагара и, как правило, чётко соответствует трещинам или разломам сосудов на обеих поверхностях. Даже если АМС-датировки можно уверенно связать с датируемым артефактом, они вовсе не однозначно указывают на возраст датируемого объекта. Одним из основных источников ошибок при АМС-датировании костей, органического нагара или дёгтя является морской или пресноводный резервуарный эффект. Эта проблема активно изучается в последнее время в Европе и повсюду в мире с привлечением археологических, экспериментальных и даже этнографических данных [например 53; 54; 55; 56; 57; 58; 59].

Для карельских материалов влияние пресноводного резервуарного эффекта на датировки обсуждалось, прежде всего, в связи с вопросами хронологии пористой и асбестовой керамики [8]. Это изучение привело к предварительному заключению, что присутствует систематическое влияние пресноводного резервуарного эффекта на все результаты датирования по нагару, поскольку все они древнее датировок по углю [8, р. 130]. Однако использованный в указанном исследовании материал практически не содержит сопоставимых

АМС- и конвенционных радиоуглеродных датировок с одного памятника, не говоря уж об одном контексте.⁷ Также и представление о том, что датирование древесного угля автоматически даёт правильный возраст, иллюзорно: если порода и возраст дерева не определены, одним из источников ошибки может быть так называемый эффект «старого дерева», а, кроме того, древесный уголь часто попадает в культурный слой в результате различного рода нарушений и перемешивания после его археологизации, особенно на нестратифицированных памятниках.

На данный момент и АМС-датировки, и конвенционные имеются для девяти памятников с территории Республики Карелия. Две АМС-датировки, полученные по образцам с памятника Оровнаволок XVI, не соответствуют одна другой (расхождение составляет около 400 радиоуглеродных лет) и отстоят на 200–1800 радиоуглеродных лет от более молодых датировок по образцам из культурного слоя (кроме того, есть ещё три АМС-датировки по образцам ромбоямочной керамики на несколько сотен лет старше); тем не менее две датировки по образцам угля, происходящим из одного жилищного контекста [45, с. 76], дали расхождение около 1100 радиоуглеродных лет (конвенционные даты по образцам с памятника: 4200±20 BP, TA-828; 3060±70 BP, TA-827; 3050±60 BP, TA-829). Две хорошо соответствующие друг другу АМС-датировки по образцам из материалов с памятника Войнаволок XXVII на 200–400 лет древнее двух датировок по образцам из культурного слоя (4410±50 BP, TA-1748; 4280±80 BP, TA-1726) и ещё одной АМС-датировки по образцу из того же памятника. В серии датировок по памятнику Чёрная Губа III три АМС-датировки и одна конвенционная попадают в промежутки времени в 250 лет (конвенционная датировка 4950±100 BP, TA-1890). Единственная АМС-датировка по материалам памятника Оровнаволок V приблизительно на 100 и 200 лет древнее датировок, полученных по образцам из культурного слоя, при том что расхождение между АМС-датировкой и ближайшей к ней конвенционной меньше, чем расхождение между этой и ещё одной конвенционными датировками (5850±80 BP, TA-2265; 5720±60 BP, TA-2266). В серии датировок по памятнику Пегрема I лишь одна или две датировки по образцам из культурного слоя соответствуют АМС-датировкам (в интервале в 150 лет), остальные на 200 радиоуглеродных лет старше или на 500 радиоуглеродных лет моложе (5145±110 BP, Ta-541; 4980±60 BP, LE-1029; 4780±50 BP, TA-492; 4200±50 BP, TA-493). В серии датировок по памятнику Уя III датировка по образцу из культурного слоя (6670±80 BP, TA-2352) как минимум на 600 лет старше, чем АМС-датировки, которые расходятся между собой на 50–200 радиоуглеродных лет. Для памятников Залавруга I и Золотец XX связь между датировками по образцам из культурного слоя и каким-то определённым типом керамики вызывает сомнения: в первом случае датировки по образцам из культурного слоя (4775±70 BP, TA-393; 4010±70 BP, GIN-130) на минимум 200 радиоуглеродных лет старше либо моложе любой из АМС-датировок, во втором датировка по образцу из культурного слоя (3670±80 BP, TA-792) на 1000 радиоуглеродных лет моложе АМС-датировок. С другой стороны, в серии датировок с памятника Фофаново XIII конвенционные датировки по образцам угля (5220±80 BP, SPb-784; 5150±80 BP, SPb-783; 3158±80 BP, SPb-782; 3288±70 BP, SPb-784) оказались на 600 радиоуглеродных лет старше или на 1200 радиоуглеродных лет моложе, чем АМС-датировки фрагментов керамики из того же культурного слоя, которые укладываются в интервал около 250 радиоуглеродных лет [48, с. 249–250, табл. 2].

Суммируя, расхождение для этих памятников между АМС-датировками и конвенционными составляет от 0 до 500–600 радиоуглеродных лет и даже более. Всё же нельзя утверждать, что АМС-датировки всегда оказываются старше датировок, полученных по образцам из культурного слоя, – может быть и ровно наоборот, что также подчёркивает ненадёжность датировок, полученных по образцам из культурного слоя для ряда объектов. Иными словами, из-за неуверенности в связи между датированными образцами угля и явлениями, которые хотели датировать, отсутствует и надёжный способ установить, какая датировка достоверна, а какая нет. Следовательно, эти датировки могут рассматриваться лишь как предварительные данные, но никак не противоречивые (если они таковыми являются) свидетельства.

На многих памятниках АМС-датировки для одной и той же культурной фазы представляют временной интервал в 50–200 радиоуглеродных лет – вопрос в том, свидетельствует ли это о социокультурных обстоятельствах, способствовавших продолжающемуся длительному использованию определённых участков для обитания, о методологических проблемах, влияющих на точность измерений при датировании и на результат при использовании разных калибровочных кривых для определения абсолютного возраста, либо о влиянии резервуарного эффекта. Есть множество примеров высокой чувствительности АМС метода ко внешним воздействиям и зависимости его от многих факторов – датирование двух образцов от одного объекта, например одного фрагмента керамики, может показать разный возраст. Свидетельством этого на карельском материале являются две датировки по образцам с внутренней и внешней поверхностей фрагмента керамики типа сяржайскими I с памятника Калмозеро 11, которые дали расхождение в 2–3 столетия [7, с. 69, abb. 2; 36, р. 1043]. С другой стороны, две даты, полученные по образцам с одного фрагмента керамики типа оровнаволок с памятника Залавруга I (внутренняя поверхность и дно), расходятся лишь на несколько десятков лет. Одна из датировок для памятника Первомайская I была сделана по объединённому образцу, содержащему материал с внутренней и внешней поверхностей фрагмента сосуда: результат не отличается от

⁷ Проанализированный материал включает лишь три памятника с территории Финляндии, откуда были получены как АМС-датировки (3), так и конвенционные датировки по углю (7); расхождение между датами по нагару и по углю составляет от нуля до 350 радиоуглеродных лет. Кроме того, использованный в исследовании материал включает несколько датировок, которые были исключены из анализа в цитируемой авторами публикации [39, р. 90, 97], поскольку их связь с определённым типом керамики была неочевидна.

других датировок, полученных по образцам с этого памятника. Датировки по образцам с внутренней и внешней поверхностями разных фрагментов керамики с памятников Залавруга I и Пегрема I не показали расхождений, в то время как датировки фрагментов из материалов с памятников Уя III и Чёрная Губа III показывают весьма существенное расхождение. Однако при сопоставлении имеющихся датировок важно также принимать во внимание, что даже если датируемые фрагменты происходят из материалов с одного и того же памятника, они вовсе не обязательно относятся к одному и тому же хронологическому эпизоду его обитания. К сожалению, во многих случаях недостаточно детальные полевая документация и каталогизация находок не позволяют точно установить контекст, откуда происходят датированные фрагменты.

Одним из способов контроля наличия резервуарного эффекта являлся общий анализ стабильных изотопов: хотя этот способ менее точен в сравнении с более сложным анализом состава изотопных соединений, это, тем не менее, позволяет в некотором приближении оценить состав компонентов датируемого образца. В серии полученных нами АМС-датировок значения $\delta^{13}\text{C}$, которые, по-видимому, позволяют оценить долю морских либо наземных/пресноводных компонентов в датируемом веществе – и, таким образом, предположить возможный резервуарный эффект, – составляет от -24‰ до -30‰, среднее значение -27,47‰ (среднее значение для образцов по нагару -27,35‰, для образцов по дёгтю/смоле -27,91‰).⁸ Согласно результатам проведённых исследований, граница между морским и наземным происхождением остатков органики в пищевом нагаре на керамике помещается вблизи значения $\delta^{13}\text{C}$, равного -26‰ [53, р. 460]. Поскольку большинство датированных нами образцов показало более низкие значения, они, по-видимому, могут содержать компоненты наземной или пресноводной органики. Всё же в среднем значение $\delta^{13}\text{C}$ минимально ниже предложенной границы, и также отсутствуют явно выбивающиеся из серии датировки (см. ниже). В целом принято считать, что в Северо-Восточной Европе, где мало природного известняка, отклонение результатов датирования под воздействием резервуарного эффекта незначительно [18, р. 665], но специально этот вопрос ещё не изучался – недавно проведённые исследования показали, что низкое содержание щелочей в водной системе не означает автоматически отсутствие воздействия пресноводного резервуарного эффекта на датировки образцов из неё, поскольку это явление оказалось зависимым от ряда других факторов, таких как глубина водоёма, продолжительность периода замерзания, поступление талых вод [58, р. 160]. На севере Центральной Европы, в Южной Скандинавии и в юго-восточной части Балтийского региона оценочные и измеренные отклонения датировок под воздействием резервуарного эффекта составляют от нескольких столетий до тысяч лет [например, 36, р. 1041; 53, р. 461; 54, р. 640; 56, р. 1098; 59, р. 539].⁹ В любом случае эти поправки неприменимы напрямую к рассматриваемому материалу, поскольку значение отклонения сильно зависит от географического положения, геологического строения конкретной местности и природного окружения, а также от возраста датируемого образца [например, 55, р. 1314; 58, р. 160–162].

Среди датировок по карельским материалам датировки с низкими значениями $\delta^{13}\text{C}$ не выбиваются из серии и часто практически совпадают с другими датировками по тому же памятнику (см. Уя III, Тунгуда XV, Залавруга I, Фофаново XIII). Для нескольких спорных датировок резервуарный эффект вряд ли может рассматриваться как основной фактор отклонения, по крайней мере, в случае слишком молодой даты с Бесовых Следков II (-27,39‰, по образцу нагара). Дата с Чёрной Губы III (-27,84‰, по образцу берёзового дёгтя), судя по значительному отклонению в возрасте, могла быть удревнена под воздействием некоего фактора, хотя другие образцы, давшие «правильный» возраст, имели такие же или даже более низкие значения $\delta^{13}\text{C}$. Также и «слишком древняя» датировка по фрагменту с Оровнаволока XVI могла, возможно, получиться в результате влияния пресноводного резервуарного эффекта, но поскольку у нас нет данных о конкретном характере этого эффекта и о соотношении стабильных изотопов в образце, этот вопрос остаётся открытым. Нерешённым остаётся и вопрос с двумя перекрывающимися АМС-датировками по образцам из Вигаинаволока I.

В завершение этой темы следует отметить, что значения $\delta^{13}\text{C}$ в датированных нами образцах существенно не различаются между регионами и хронологическими периодами. Единственным исключением является Юго-Западное Прибеломорье: все высокие значения $\delta^{13}\text{C}$ (-26,30‰ и выше) измерены для образцов, происходящих из этого региона, что указывает на выраженное в диете использование морских ресурсов. Но, опять же, для некоторых памятников (Бесовы Следки II, Залавруга I, Тунгуда XV) получены более-менее близкие датировки по образцам со значительно более низкими значениями $\delta^{13}\text{C}$, и датировки по образцам с «морской» органикой, полученные с этих памятников, также не противоречат временным рамкам, установленным для датируемого культурно-хронологического явления на соседних территориях. Резервуарный эффект должен присутствовать во внутренних районах с многочисленными озёрами, но он также варьирует от региона к региону и от памятника к памятнику (рис. 11). Не наблюдается существенных различий в значениях $\delta^{13}\text{C}$ между датировками по образцам берёзового дёгтя и датировками по остаткам нагара.

⁸ На основании одних лишь общих измерений значений $\delta^{13}\text{C}$ не может быть получено более точных результатов, для этого их необходимо проводить вместе с измерением значений $\delta^{15}\text{N}$, а также соотношения долей углерода и азота (C/N), однако это является задачей на будущее.

⁹ Для сравнения, среднее отклонение под воздействием морского резервуарного эффекта в мировом масштабе оценивается в примерно 400 лет [60], но, опять же, существуют региональные отличия и различия между образцами разного возраста. К примеру, для Литоринового/Балтийского моря для периода неолита были предложены значения отклонений 279 ± 100 и 190 ± 43 лет [18, р. 665; 59, р. 548], для Северного Ледовитого океана – 370 ± 77 [18, р. 665]. Насколько нам известно, для Белого моря такие исследования не проводились.

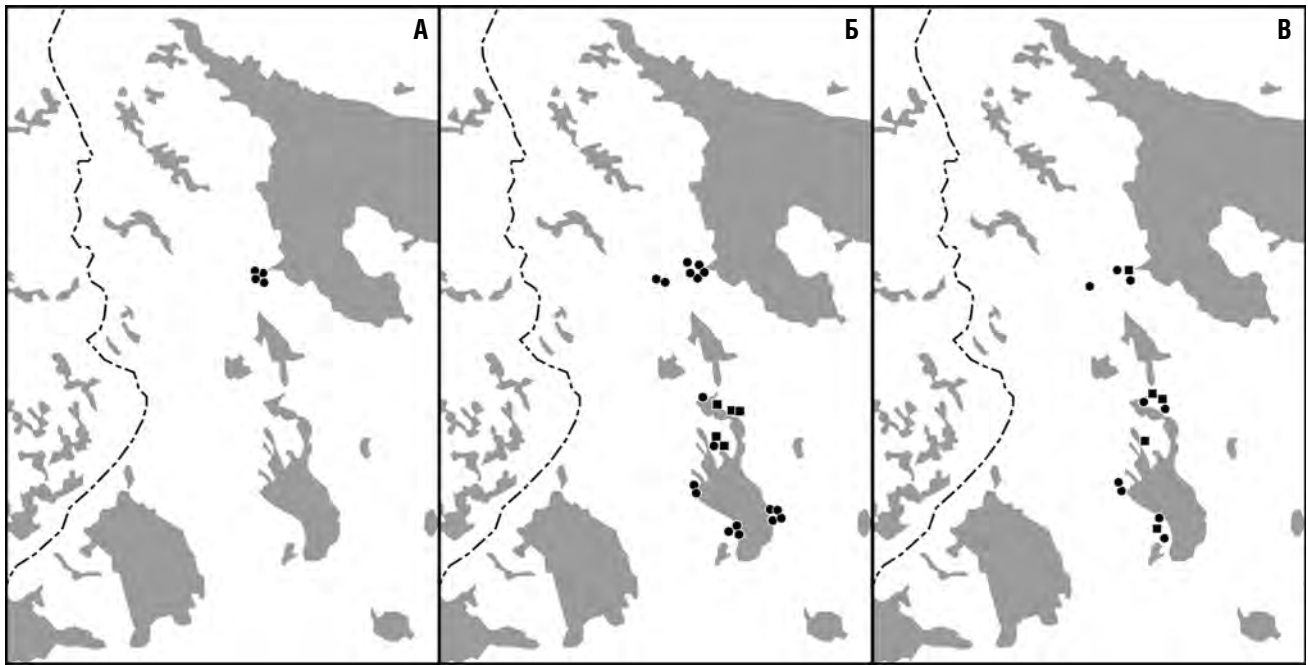

Рис. 11. Значения содержания стабильных изотопов $\delta^{13}\text{C}$ в датированных АМС методом образцах с территории Карелии:

А – $> -26,00\text{‰}$ (максимум $-24,06\text{‰}$); Б – $-26,00 - -28,00 \text{‰}$; В – $< -28,00\text{‰}$ (минимум $-30,00\text{‰}$).
Точками указаны датировки, полученные по нагару, квадратами – датировки по берёзовому дёгтю

Определению отклонений датировок под влиянием резервуарного эффекта препятствует то, что для многих контекстов получены одиночные даты, которые не с чем сравнивать, и для территории Карелии отсутствуют данные об изотопном составе природных компонентов. В действительности, также крайне мало датировок по образцам из надёжно документированных контекстов, что не позволяет получить сравнительные данные: в целом имеющиеся датировки по углю слишком неточны и неприменимы для оценки возможного резервуарного эффекта, а остеологические материалы, которые могли бы быть использованы для этой цели [см. например, 54; 56; 58; 59], практически отсутствуют. Другими словами, наличие отклонений датировок под воздействием резервуарного эффекта и его величина не могут быть установлены на имеющемся материале: это требует новых археологических данных из надёжных контекстов, где присутствуют как органические остатки/нагар на керамике, так и другие материалы (кости, древесный уголь) для АМС-датирования.

Заключительные замечания

Полученные новые АМС-датировки соответствуют имеющейся хронологической схеме, разработанной для территории Республики Карелия. Нам известны лишь 15 опубликованных ранее АМС-датировок с территории Карелии, относящихся к периодам неолита и энеолита, и потому представляемый материал является существенным дополнением к имеющемуся корпусу датировок, а также позволяет уточнить существующую хронологию и выявить потенциальные проблемы в разработках вопросов хронологии. Всё же даже если полученные данные позволили изучить некоторые явления и хронологию сменяющихся этапов керамических традиций более детально, чем прежде, они, тем не менее, немногочисленны и ограничены во временном и территориальном охвате (то есть разные территории и периоды представлены неравномерно). Соответственно, имеющиеся данные пока не позволяют подробно изучать временные различия в распространении отдельных культурных явлений в разных регионах или использовать статистические методы для выделения отдельных периодов или последовательностей событий. Точно так же, имеющихся данных недостаточно для обоснованного подтверждения хронологической разницы в периодах бытования некоторых типов керамики, как это предполагается на основании типологических исследований. Также потенциальные источники ошибок в датировках – такие как (пресноводный) резервуарный эффект – должны быть приняты во внимание и стать предметом изучения в будущем. Всё же даже при наличии спорных вопросов при интерпретации АМС-датировки дают крайне необходимую информацию для создания устойчивой хронологической схемы, а также являются прекрасной проверкой надёжности датирования периодов функционирования некоторых опорных археологических комплексов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кочуркина С.И.* (ред.) Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991.
2. *Косменко М.Г.* Проблемы датирования и хронология памятников Карелии (каменный, бронзовый, железный века) // РА. 2003. № 3.
3. *Kosmenko, M.G.* The Chronology of the Stone – Iron Ages of the Karelian Republic // Fenno-ugri et Slavi 2002: Dating and Chronology. Helsinki, 2002. (Museoviraston arkeologian osaston julkaisuja. 10)
4. Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии / *В.И. Тимофеев, Г.И. Зайцева, П.М. Долуханов, А.М. Шукуров.* СПб., 2004.
5. *Лобанова Н.В.* Хронология и периодизация памятников с ямочно-гребенчатой керамикой на территории Карелии // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб., 2004.
6. *Хорошун Т.А.* Памятники с ямочно-гребенчатой и ромбо-ямочной керамикой на западном побережье Онежского озера (конец V – начало III тыс. до н.э.): дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2013.
7. *Piezonka, H.* Neue AMS-Daten zur frühneolithischen Keramikentwicklung in der nordosteuropäischen Waldzone // Estonian Journal of Archaeology. 12 (2). 2008.
8. *Zhulnikov, A., Tarasov, A., Kriiska, A.* Discrepancies between Conventional and AMS-dates from Complexes with Asbestos and Porous Ware: A Probable Result of 'Reservoir Effect'? // Fennoscandia Archaeologica. XXIX. 2012.
9. *Nordqvist, K., Mökkönen, T.* New Radiocarbon Dates for Early Pottery in North-Eastern Europe // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики: Материалы международной научной конференции 24–27 мая 2016 года, Санкт-Петербург, Россия. СПб., 2016.
10. *Нордквист К., Мёккёнен Т.* Периодизация и радиоуглеродная хронология раннего неолита и начала среднего неолита в Финляндии // Радиоуглеродная хронология в Восточной Европе VIII/VII–III тыс. лет до н.э. СПб., 2017.
11. *Иванищев А.М., Иванищева М.В.* Тудозеро V – поселение мезолита – раннего неолита в Южном Прионежье // ТАС. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.
12. *Иванищев А.М., Иванищева М.В.* Поселение раннего неолита на Кемском озере // ТАС. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.
13. *Иванищева М.В.* Ранне-неолитические памятники юго-восточного Прионежья // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 16. № 3. 2014.
14. *German, K.* Early Hunter-gatherer Ceramics in Karelia // Ceramics before Farming: The Dispersal of Pottery among Prehistoric Eurasian Hunter-gatherers. Walnut Creek, 2011.
15. *Витенкова И.Ф.* Культура сперрингс // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
16. *Герман К.Э.* Хронология и периодизация культуры сперрингс в Карелии // ТАС. Вып. 5. Тверь, 2002.
17. *Верещагина И.В.* Поселение Хепо-ярви в южной части Карельского перешейка // Неолит – энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб., 2003.
18. *Pesonen, P., Oinonen, M., Carpelan, C., Onkamo, P.* Early Subneolithic Ceramic Sequences in Eastern Fennoscandia: A Bayesian Approach // Radiocarbon. 54 (3–4). 2012.
19. *Piezonka, H.* Jäger, Fischer, Töpfer: Wildbeutergruppen mit früher Keramik in Nordosteuropa im 6. und 5. Jahrtausend v. Chr. Bonn, 2015.
20. *Seitsonen, O., Nordqvist, K., Gerasimov, D.V., Lisitsyn, S.N.* «The Good, The Bad, The Weird»: Stone Age and Early Metal Period Radiocarbon Dates and Chronology from the Karelian Isthmus, North-West Russia // Geochronometria. 39 (2). 2012.
21. *Skandfer, M.* 'All Change?' Exploring the Role of Technological Choice in the Early Northern Comb Ware of Finnmark, Arctic Norway // Ceramics before Farming: The Dispersal of Pottery among Prehistoric Eurasian Hunter-gatherers. Walnut Creek, 2011.
22. *Torvinen, M.* Säräisniemi I Ware // Fennoscandia Archaeologica. XVII. 2000.
23. *Pesonen, P., Leskinen, S.* Pottery of the Stone Age Hunter-gatherers in Finland // Ceramics before Farming: The Dispersal of Pottery among Prehistoric Eurasian Hunter-gatherers. Walnut Creek, 2011.
24. *Torvinen, M.* Jokkavaara: An Early Ceramic Settlement Site in Rovaniemi, North Finland // Dig It All: Papers Dedicated to Ari Siiriäinen. Helsinki, 1999.
25. *Carpelan, C.* Environment, Archaeology and Radiocarbon Dates: Notes from the Inari Region, Northern Finnish Lapland // Early in the North. Volume 5. Helsinki, 2004. (Iskos. 13)
26. *Нордквист К.* Неолитическая керамика Финляндии: Вопросы хронологии, распространения и терминологии // ТАС. Вып. 10. Т. I. Тверь, 2015.
27. *Oinonen, M., Pesonen, P., Alenius, T., Heyd, V., Holmqvist-Saukkonen, E., Kivimäki, S., Nygrén, T., Sundell, T., Onkamo, P.* Event Reconstruction through Bayesian Chronology: Massive Mid-Holocene Lake-burst Triggered Large-scale Ecological and Cultural Change // The Holocene. 24 (11). 2014.
28. *Герман К.Э.* Ранняя гребенчатая керамика в бассейне Онежского озера // ТАС. Вып. 3. Тверь, 1998.
29. *Pesonen, P.* Early Asbestos Ware // Pithouses and Potmakers: Reports of the Ancient Lake Saimaa Project. Helsinki, 1996. (Helsinki Papers in Archaeology. 9)
30. *Лобанова Н.В.* Культура ямочно-гребенчатой керамики // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
31. *Недомолкина Н.Г., Андрианова Л.С.* Каргопольская неолитическая керамика со стоянки Устье Шолы-1 на Белом озере // Неолитические культуры Восточной Европы: Хронология, палеоэкология, традиции: Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию В.П. Третьякова. СПб., 2015.
32. *Seitsonen, O., Nordqvist, K., Gerasimov, D.V.* Stone Age and Early Metal Period Archaeology and Settlement Patterns in Lake Pyhäjärvi Micro-region, Karelian Isthmus, Russia // New Sites, New Methods: Proceedings of the Finnish-Russian Archaeological Symposium, Helsinki, 19–21 November 2014. Helsinki, 2016. (Iskos. 21)
33. *Филатова В.Ф.* Мезолитические памятники Карелии: Каталог. Петрозаводск, 2012.
34. *Сидоров В.В.* Взгляд на мезолит и неолит Карелии из Волго-Окского междуречья // Археология Севера. Петрозаводск, 1997.
35. *Зарецкая Н.Е., Костылёва Е.Л.* Новые данные по абсолютной хронологии льяловской культуры // ТАС. Вып. 8. Т. I. Тверь, 2011.
36. *Hartz, S., Kostyleva, E., Piezonka, H., Terberger, T., Tsydenova, N., Zhilin, M.G.* Hunter-gatherer Pottery and Charred Residue Dating: New Results on Early Ceramics in the North Eurasian Forest Zone // Radiocarbon. 54 (3–4). 2012.
37. *Герман К.Э.* Новые радиоуглеродные определения по нагару с неолитической керамики Карелии. Доклад на 19-м заседании научно-методического семинара с международным участием «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь, 25 марта 2016 г.

38. *Витенкова И.Ф.* Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск, 2002.
39. *Pesonen, P.* Neolithic Pots and Ceramic Chronology: AMS-Datings of Middle and Late Neolithic Ceramics in Finland // *Fenno-ugri et Slavi* 2002: Dating and Chronology. Helsinki, 2004. (Museoviraston arkeologian osaston julkaisuja. 10)
40. *Nordqvist, K., Mökkönen, T.* Ayräpää's Typical Comb Ware: An Umbrella Term for the Early 4th Millennium BC Pottery in Northeastern Europe? // *Fennoscandia Archaeologica*. XXXII. 2015.
41. *Нордквист К., Мёккёнен Т.* Переосмысление типичной гребенчатой керамики по А. Эйряпя // *Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований*. СПб., 2015. (Замятнинский сборник. Вып. 4)
42. *Nordqvist, K., Mökkönen, T.* A Stone Age Strainer from the Northern Boreal Zone: A Find from Pegrema I (Karelian Republic) // *Fennoscandia Archaeologica*. XXXIII. 2016.
43. *Журавлев А.П.* Пегрема (поселения эпохи энеолита). Петрозаводск, 1991.
44. *Жульников А.М.* Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск, 2005.
45. *Жульников А.М.* Энеолит Карелии. Петрозаводск, 1999.
46. *Жульников А.М., Тарасов А.Ю.* К вопросу о керамике «переходного» типа (по материалам поселения Фофаново XIII) // *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани 2014 г.* Т. I. Казань, 2014.
47. Некоторые результаты изучения поселения Охта I в Санкт-Петербурге. Эпоха неолита – раннего металла / *П.Е. Сорокин, Т.М. Гусенцова, В.О. Глухов, А.А. Екимова, М.А. Кулькова, В.П. Мокрушин* // *Археологическое наследие Санкт-Петербурга*. Вып. 3. 2009.
48. *Тарасов А.Ю.* Фофаново XIII: Пример интенсивной производственной деятельности эпохи раннего металла в лесной зоне // *Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований*. СПб., 2015. (Замятнинский сборник. Вып. 4)
49. *Lavento, M.* Textile Ceramics in Finland and on the Karelian Isthmus: Nine Variations and a Fugue on a Theme of C.F. Meinander. Helsinki, 2001. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. 109)
50. *Ливва А.А., Ильвес Э.О., Пуннинг Я.-М.К.* Радиоуглеродные исследования в лаборатории геобиохимии. Тарту, 1975.
51. *Kuzmin, Y.V., Tankersley, K.B.* The Colonization of Eastern Siberia: An Evaluation of the Paleolithic Age Radiocarbon Dates // *Journal of Archaeological Science*. 23 (4). 1996.
52. *Pettitt, P.B., Davies, W., Gamble, C.S., Richards, M.B.* Palaeolithic Radiocarbon Chronology: Quantifying our Confidence beyond Two Half-lives // *Journal of Archaeological Science*. 30 (12). 2003.
53. *Fischer, A., Heinemeier, J.* Freshwater Reservoir Effect in ¹⁴C Dates of Food Residue on Pottery // *Radiocarbon*. 45 (3). 2003.
54. *Olsen, J., Heinemeier, J., Lübke, H., Lüth, F., Terberger, T.* Dietary Habits and Freshwater Reservoir Effects in Bones from a Neolithic NE German Cemetery // *Radiocarbon*. 52 (2–3). 2010.
55. *Keaveney, E.M., Reimer, P.J.* Understanding the Variability in Freshwater Radiocarbon Reservoir Offsets: A Cautionary Tale // *Journal of Archaeological Science*. 39 (5). 2012.
56. *Philippsen, B., Heinemeier, J.* Freshwater Reservoir Effect Variability in Northern Germany // *Radiocarbon*. 55 (2–3). 2013.
57. *Lovis, W.A., Hart, J.P.* Fishing for Dog Food: Ethnographic and Ethnohistoric Insights on the Freshwater Reservoir in Northeastern North America // *Radiocarbon*. 57 (4). 2015.
58. *Philippsen, B.* Hard Water and Old Food: The Freshwater Reservoir Effect in Radiocarbon Dating of Food Residues on Pottery // *Documenta Praehistorica*. XLII. 2015.
59. *Piličiauskas, G., Heron, C.* Aquatic Radiocarbon Reservoir Offsets in the Southeastern Baltic // *Radiocarbon*. 57 (4). 2015.
60. *Reimer, P.J., Baillie, M.G.L., Bard, E., Bayliss, A., Beck, J.W., Blackwell, P.G., Bronk Ramsey, C., Buck, C.E., Burr, G.S., Edwards, R.L., Friedrich, M., Grootes, P.M., Guilderson, T.P., Hajdas, I., Heaton, T.J., Hogg, A.G., Hughen, K.A., Kaiser, K.F., Kromer, B., McCormac, F.G., Manning, S.W., Reimer, R.W., Richards, D.A., Southon, J.R., Talamo, S., Turney, C.S.M., van der Plicht, J., Weyhenmeyer, C.E.* IntCal09 and Marine09 Radiocarbon Age Calibration Curves, 0–50,000 Years cal BP // *Radiocarbon*. 51 (4). 2009.

**Университет Оулу,
Финляндия**

Приложение

Датировки, полученные в рамках проекта «The use of materials and the Neolithisation of north-east Europe (с. 6000–1000 ВС)»: каталог датированных фрагментов керамики

Таблица 1. Керамика типа *сперрингс 1*

Индекс	ВР	±	Поселение	$\delta^{13}C$	Образец (№)	Тип керамики	Часть сосуда	Датированный материал	Образец / поверхность	При-месь	Ориентация / поверхность	Элементы орнамента / венчик	Форма венчика	Форма дна	Толщина (мм)	Диаметр венчика (мм)	Примечание
GrA-63566	6225	40	Уя III	-28,26	№ 2437/315, 666	сперрингс 1	дно	нагар	внешняя	толчёный камень	внешняя	оттиск рыбьего позвонка	-	круглое	7 (тулово), 8 (дно)	-	-
GrA-63581	6160	40	Уя III	-26,63	№ 2437/445	сперрингс 1	венчик	чёрная крас-ка(?)	внешняя	толчёный камень	внешняя	круглая ямка, угловое вдавление	прямой / округлый	-	10–11 (тулово), 8–9 (венчик)	невес-тен	чёрная краска на внешней поверхности
GrA-63546	5970	40	Уя III	-28,77	№ 1444/700	сперрингс 1	тулово	дэготь	внутренняя	песок (крупный)	внешняя	прочерченная линия, «отступающая линия»	-	-	7	-	-
GrA-63735	5945	40	Оровнаволок V	-27,23	№ 2368/71	сперрингс 1	тулово	дэготь	внешняя	песок (мелкий)	внешняя	круглая ямка, оттиск рыбьего позвонка	-	-	7–9	-	-
GrA-63587	5870	40	Шёлтозеро V	-27,20	№ 803/-	сперрингс 1	тулово	нагар	внутренняя	толчёный камень	внешняя	округлое вдавление, оттиск рыбьего позвонка	-	-	8–9	-	-

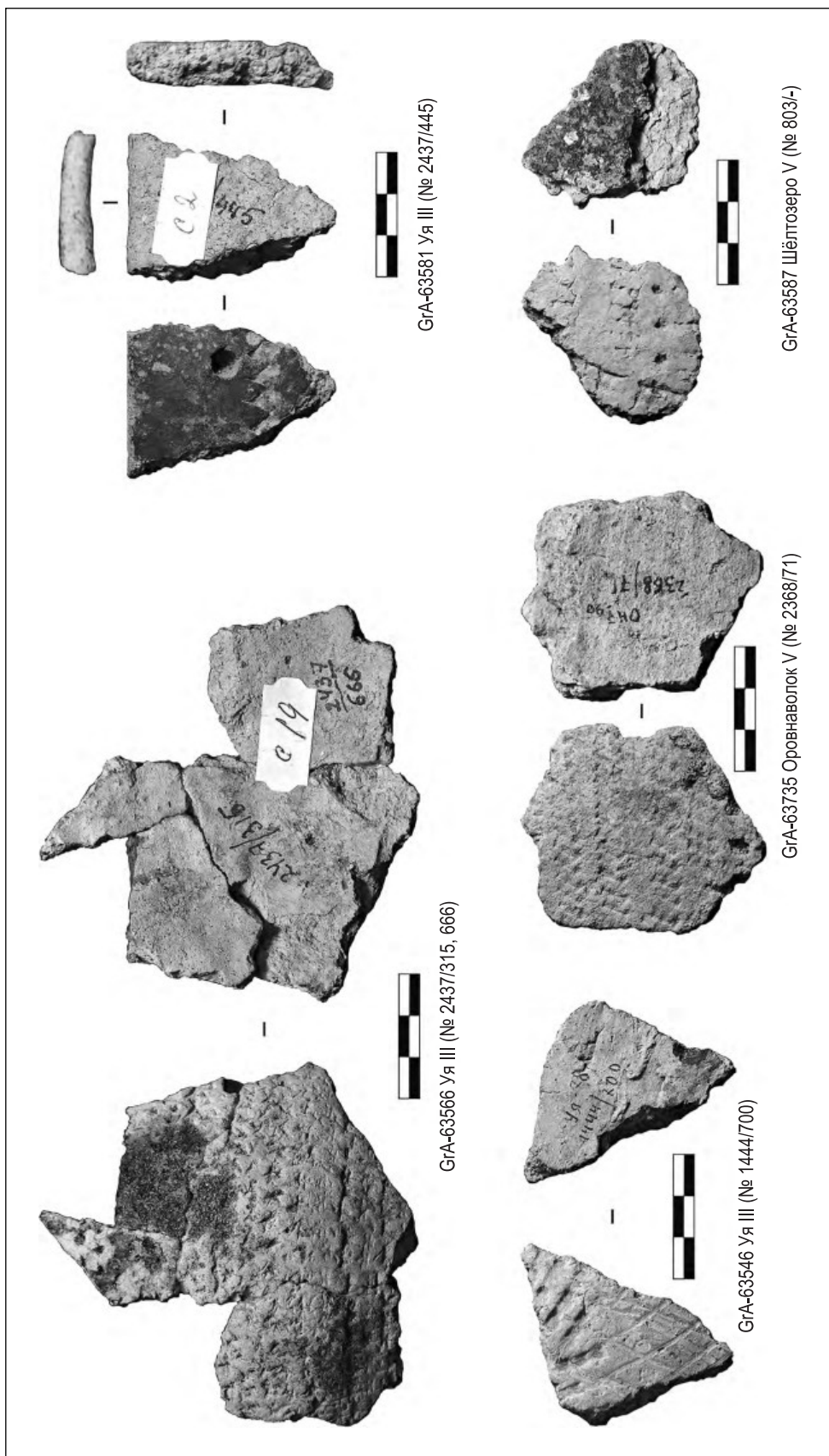

Рис. 1. Керамика типа сперрингс I

Таблица 2. Керамика типа сярэйсьцеми I и ямочно-гребенчатая

Индекс	ВР	±	Поселение	δ ¹³ C	Образец (№)	Тип керамики	Часть сосуда	Датированный материал	Образец / поверхность	При- месь	Ори- ментация / поверхность	Элементы орна- мента / венчик	Форма венчика	Форма дна	Толщина (мм)	Диаметр венчика (мм)	Приме- чание
GrA-63547	5775	70	Бесовы Следки II	-26,76	№ 149/511	сярэйсьцеми I	венчик	нагар	внутренняя	песок (крупный)	внешняя	круглая ямка, округлое вдавление, отгиск палочки с намотанной верёвкой	прямой	-	10 (тулово), 10 (венчик)	26	красная краска на внешней поверхности
GrA-63681	5635	40	Бесовы Следки II	-24,06	№ 149/152	ямочно-гребенчатая	венчик	нагар	внутренняя	песок (крупный)	внешняя	без орнаментации	прямой	-	7 (тулово), 7 (венчик)	26	-
GrA-63549	5550	40	Бесовы Следки	-26,30	№ 366/1, 45	ямочно-гребенчатая	венчик	нагар	внешняя	песок (мелкий)	внешняя	без орнаментации	прямой, угловатый и скошенный	-	6-7 (тулово), 10-11 (венчик)	34	-
GrA-63548	5410	40	Бесовы Следки II	-28,16	№ 149/124	ямочно-гребенчатая	венчик	нагар	внутренняя	песок (крупный)	внешняя	отгиск чатого штампа	внутрь	-	6-7 (тулово), 7 (венчик)	18	-
GrA-64331	4785	45	Бесовы Следки II	-27,39	№ 149/431	ямочно-гребенчатая	дно	нагар	внутренняя	песок (мелкий)	внешняя	отгиск чатого штампа, прочерченная линия	-	круглое	8-9 (дно)	-	-

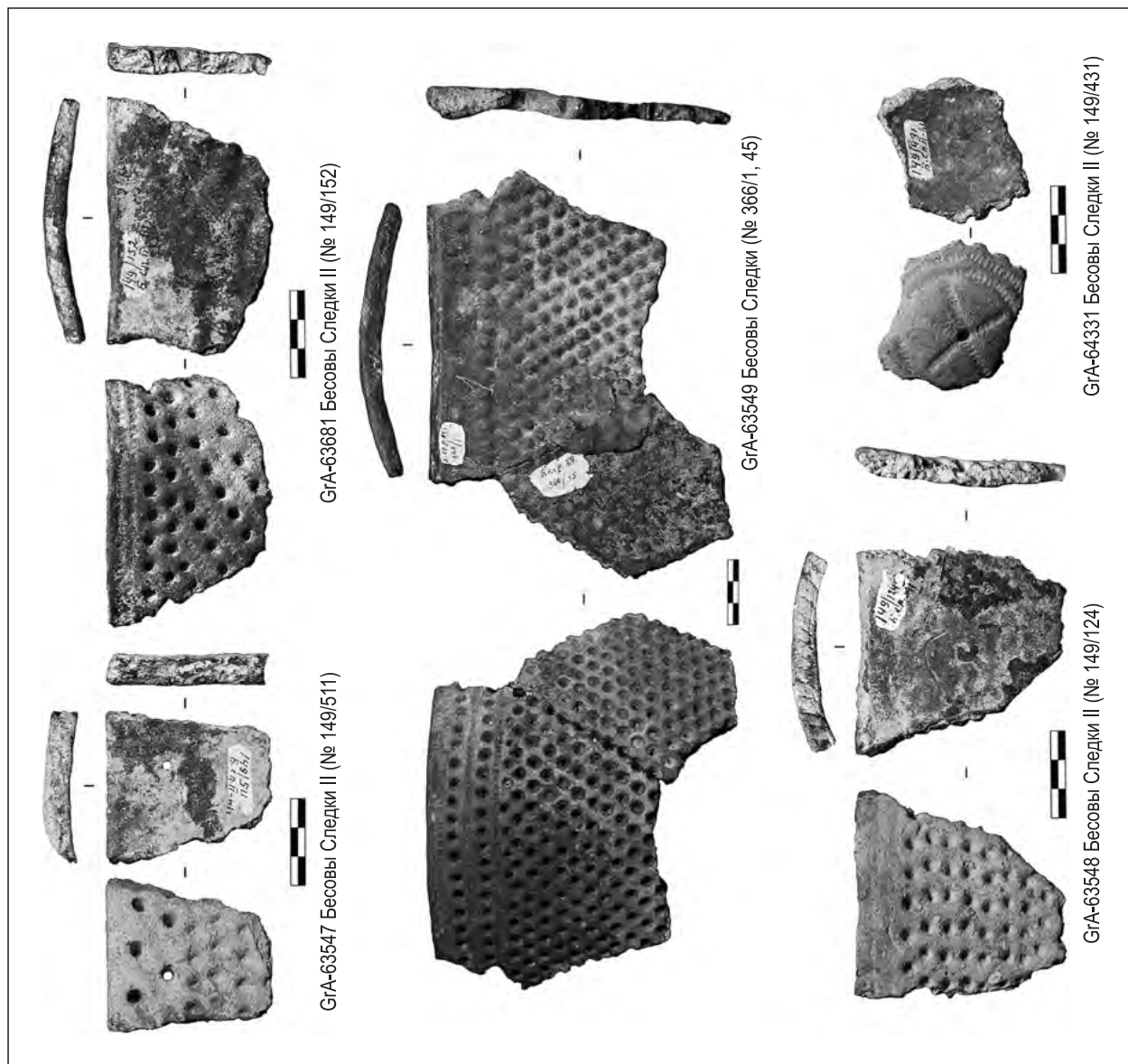

Рис. 2. Керамика типа сярэйсьніеми I (GrA-63547) и ямочно-гребенчатая

Таблица 3. Керамика гребенчато-ямочная

Индекс	ВР	±	Поселение	$\delta^{13}C$	Образец (№)	Тип керамики	Часть сосуда	Датированный материал	Образец/поверхность	Примесь	Орнаментация/поверхность	Элементы орнамента/тулово	Элементы орнамента/венчик	Форма венчика	Форма дна	Толщина (мм)	Диаметр венчика (мм)	Примечание
GrA-63539	6060	40	Чёрная Губа III	-27,84	№ 2091/856	гребенчато-ямочная	венчик	дѣготь	внутренняя	песок (крупный)	внешняя	круглая ямка, оттиск рыбьего позвонка	оттиск рыбьего позвонка, и скошенный внутрь	прямой, углощённый	-	5–7 (тулово), 17 (венчик)	неизвестен	-
GrA-63538	5155	35	Чёрная Губа III	-29,19	№ 2091/338	гребенчато-ямочная	тулово	нагар	внешняя	песок (крупный)	внешняя	круглая ямка, оттиск гребенчатого штампа, оттиск рыбьего позвонка	-	-	-	8	-	-
GrA-63588	5045	35	Шёлтозеро V	-27,99	№ 803/15 (№ 803/81 – иллюстрация керамики)	гребенчато-ямочная	венчик	нагар	внутренняя	песок (мелкий)	внешняя	круглая ямка, оттиск гребенчатого штампа	без орнаментации	волнообразный	-	7–8	неизвестен	-
GrA-63560	5030	35	Войнаволок XXIX	-28,99	№ 223/379	гребенчато-ямочная	венчик	дѣготь	внутренняя и венчик	песок (крупный)	внешняя	круглая ямка, оттиск гребенчатого штампа	оттиск гребенчатого штампа	прямой, углощённый и скошенный внутрь	-	7–8 (тулово), 13–14 (венчик)	неизвестен	-
GrA-63540	4925	35	Чёрная Губа III	-26,94	№ 2226/593	гребенчато-ямочная	тулово	дѣготь	внешняя	песок (крупный), толчёный камень	внешняя	круглая ямка, овальное вдавление	-	-	-	9–10	-	-
GrA-63537	4895	35	Чёрная Губа III	-28,07	№ 1677/33	гребенчато-ямочная	тулово	дѣготь	внешняя	песок (мелкий)	внешняя	круглая ямка, оттиск гребенчатого штампа	-	-	-	11	-	-

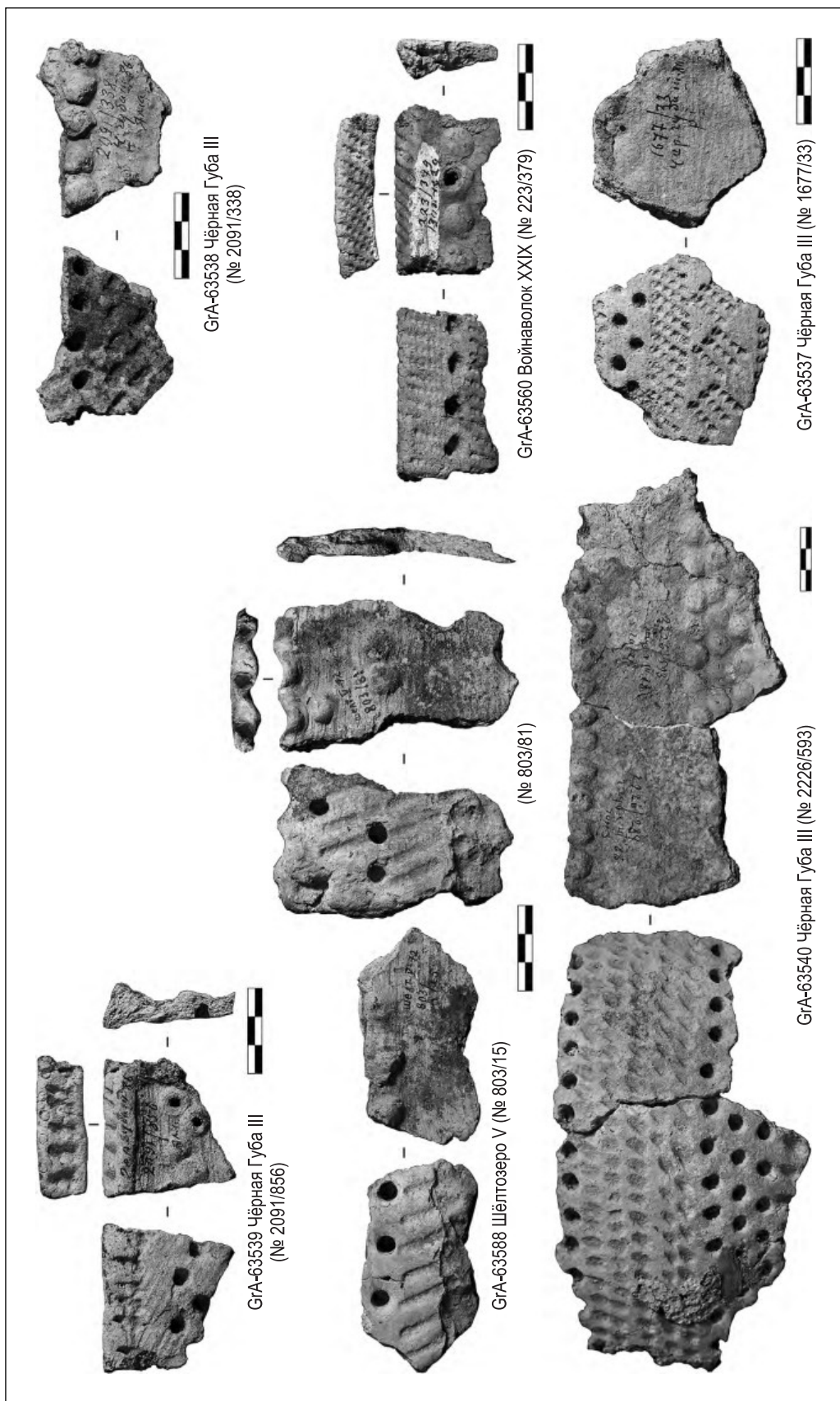

Рис. 3. Керамика гребенчато-ямочная

Таблица 4. Керамика ромбо- и ромбо(овально)ямочная

Индекс	ВР	±	Поселение	δ ¹³ C	Образец (№)	Тип керамики	Часть сосуда	Датированный материал	Образец / поверхность	Примесь	Ориентация / поверхность	Элементы орнамента / тулово	Элементы орнамента / венчик	Форма венчика	Форма дна	Толщина (мм)	Диаметр венчика (мм)	Примечание
GrA-63684	4825	35	Петрема I	-27,21	№ 784/1074	ромбо-ямочная	тулово	дѣготь	внешняя	песок (крупный)	внешняя	ромбическая ямка	-	-	-	11-15	-	-
GrA-63686	4730	35	Петрема I	-28,91	№ 784/855	ромбо(овально)-ямочная	тулово	дѣготь	внешняя	песок (крупный)	внешняя	овальная ямка	-	-	-	8	-	-
GrA-63733	4720	35	Петрема I	-27,00	№ 721/1090	ромбо(овально)-ямочная	венчик	дѣготь	внутренняя и венчик	песок (крупный)	внешняя	крутая ямка, отгиски гребенчатого штампа и двухрядного гребенчатого штампа	отгиски двухрядного гребенчатого штампа	приоттрѣнный, углощённый внутрь	-	8-10 (тулово), 14 (венчик)	32	-
GrA-63734	4695	35	Петрема I	-27,75	№ 784/1682, 1690, 1692, 1693	ромбо-ямочная / "дуршлаг"	тулово	нагар	внешняя	песок (крупный)	-	-	-	-	-	8-11	-	"дуршлаг", поверхность, заполненные круглыми отверстиями

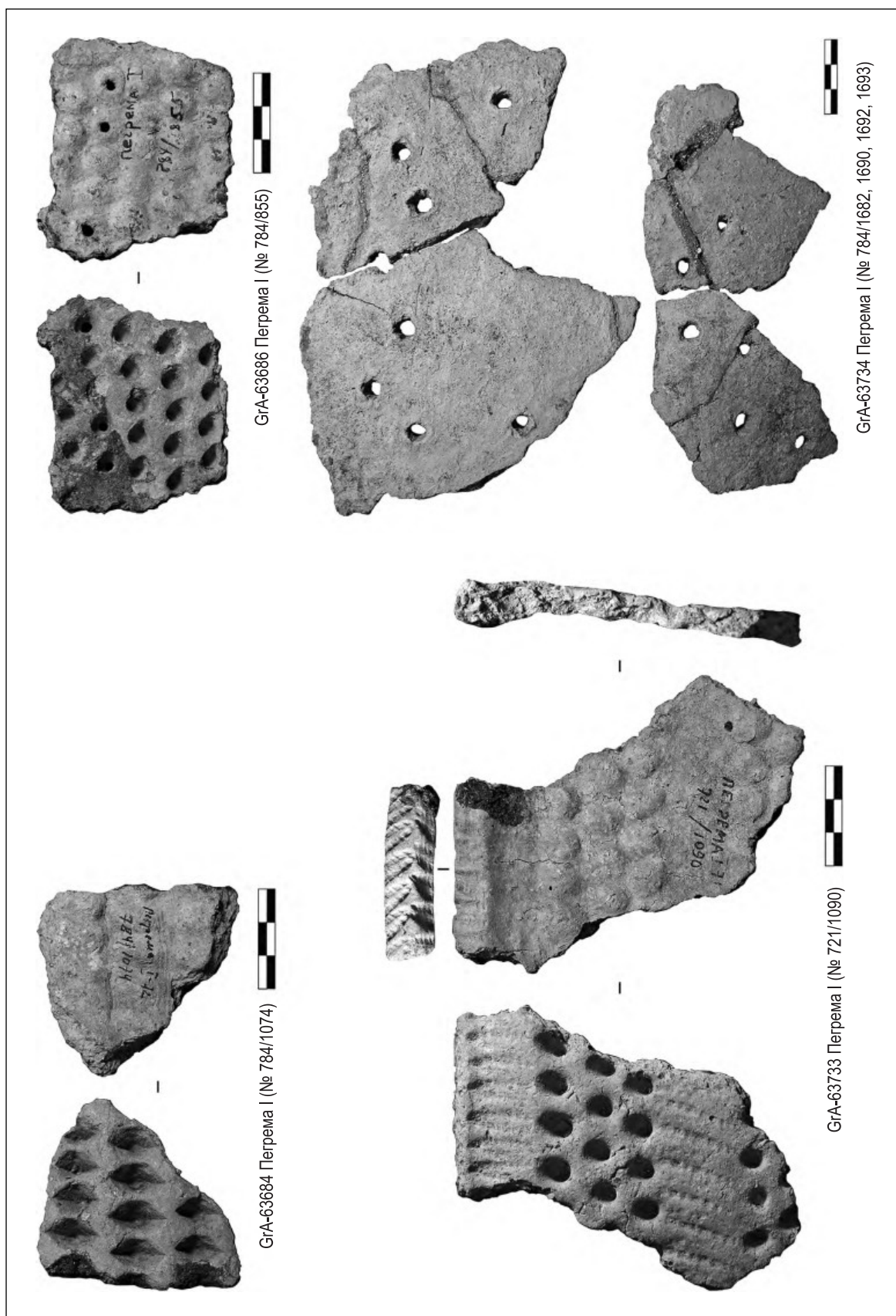

Рис. 4. Керамика ромбо- и ромбо(овально)ямочная

Таблица 5. Керамика типа залавруга

Индекс	ВР	±	Поселение	δ ¹³ C	Образец (№)	Тип керамики	Часть сосуда	Датированный материал	Образец/поверхность	При-месь	Ориентация/поверхность	Элементы орнамента/тулово	Элементы орнамента/венчик	Форма венчика	Форма дна	Толщина (мм)	Диаметр венчика (мм)	Примечание
GrA-63550	4610	35	Золотец XX	-28,16	№ 284/833	залавруга	венчик	дѣготь	внутренняя	органика	внешняя	овальная ямка, отгиски гребенчатого штампа, двухрядного гребенчатого штампа	отгиск двурядного гребенчатого штампа	прямой, утолщённый внутри, скошенный наружу	-	6–7 (тулово), 9–10 (венчик)	неизвестен	чёрная краска на внешней поверхности
GrA-63559	4580	35	Залавруга I	-29,15	№ 378/297	залавруга	венчик	нагар	внутренняя	песок (мелкий), органика	внешняя	круглая ямка, отгиск гребенчатого штампа	отгиск гребенчатого штампа	прямой	-	10–11 (тулово), 9–10 (венчик)	40	-
GrA-63551	4570	35	Залавруга I	-25,30	№ 281/455	залавруга	тулово	нагар	внешняя	органика	внешняя	округлое вдавление, отгиск гребенчатого штампа	-	-	-	9	-	-
GrA-63555	4495	35	Залавруга I	-27,20	№ 378/532	залавруга	дно	нагар	внутренняя	песок (крупный)	внешняя	отгиск гребенчатого штампа, неясный элемент (отгиск позвонка/кости?)	-	-	круглое (?)	7 (тулово), 11 (дно)	-	-
GrA-63552	4295	35	Залавруга I	-26,13	№ 281/58	залавруга	венчик	нагар	внутренняя	органика	внешняя	отгиск гребенчатого штампа	отгиск гребенчатого штампа	прямой	-	8–9 (тулово), 9 (венчик)	неизвестен	-

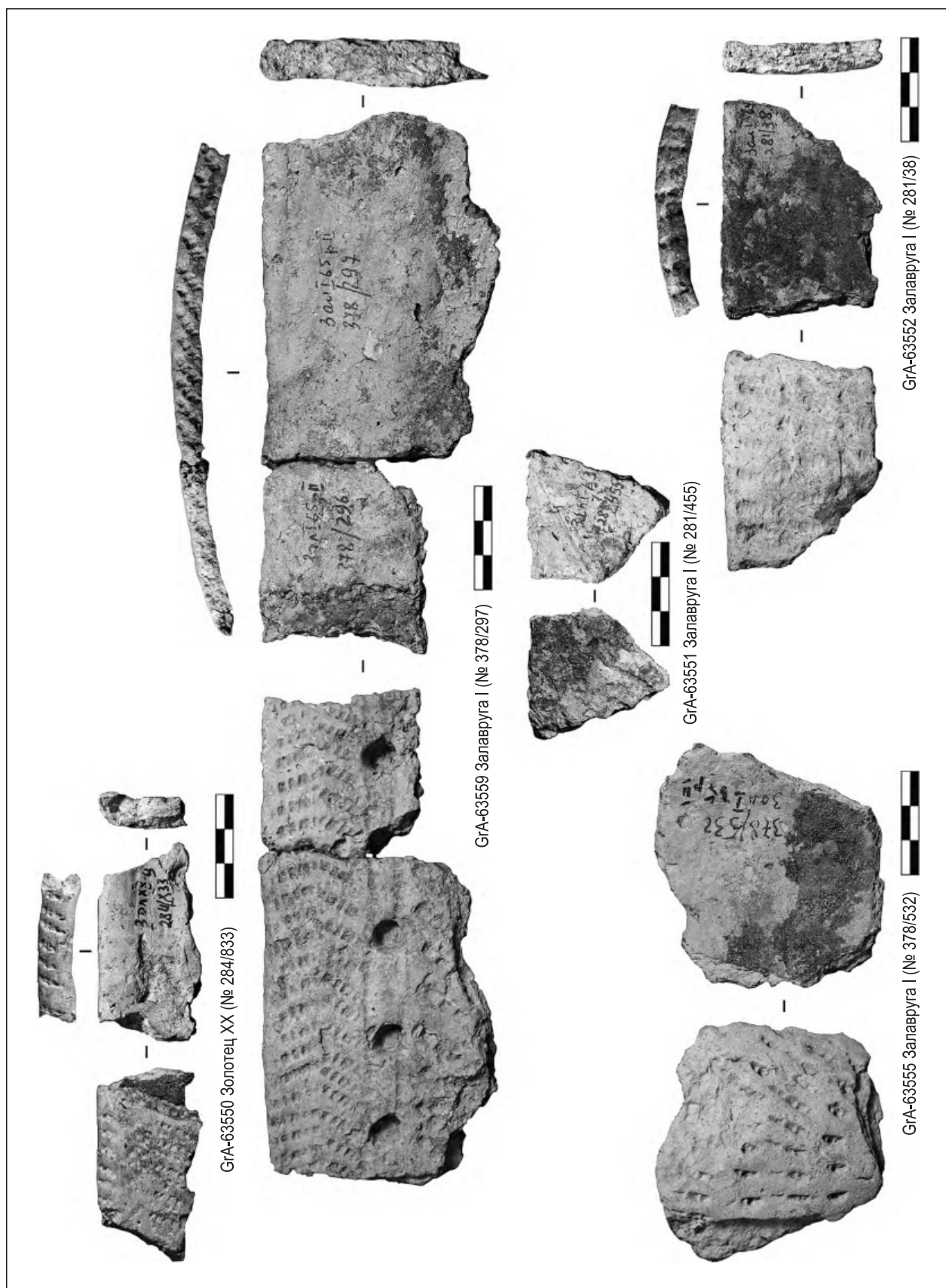

Рис. 5. Керамика типа залавруга

Таблица 6. Керамика типа войनावолок

Индекс	ВР	±	Поселение	$\delta^{13}C$	Образец (№)	Тип керамики	Часть сосуда	Датированный материал	Образец / поверхность	Примесь	Ориентация / поверхность	Элементы орнамента / тулово	Элементы орнамента / венчик	Форма венчика	Форма дна	Толщина (мм)	Диаметр венчика (мм)	Примечание
GrA-63682	4710	35	Первомайская I	-27,14	№ 2410/9	войнаволок	тулово	нагар	внутренняя	асбест	внешняя	округлое вдавление, отгиск гребенчатого штампа	-	-	-	6-7	-	-
GrA-62060	4685	35	Фофаново XIII	-28,03	№ 3301/из 4753-4759	войнаволок	тулово	нагар	внутренняя	асбест	внешняя	округлое вдавление, отгиск гребенчатого штампа	-	-	-	10 (тулово)	-	-
GrA-63592	4685	35	Первомайская I	-27,85	№ 2410/81	войнаволок	венчик	нагар	внутренняя	органика	внешняя	круглая ямка, отгиск гребенчатого штампа	отгиск гребенчатого штампа	прямой, скошенный наружу	-	8 (тулово), 13 (венчик)	неизвестен	-
GrA-63683	4615	35	Первомайская I	-27,92	№ 2410/421	войнаволок	тулово	нагар	внутренняя	асбест	внешняя	отгиск гребенчатого штампа	-	-	-	7	-	-
GrA-63590	4610	35	Первомайская I	-27,68	№ 2410/135	войнаволок	тулово	нагар	внутренняя и внешняя	асбест	внешняя	округлое вдавление, отгиск гребенчатого штампа	-	-	-	6	-	-
GrA-63565	4605	35	Войнаволок XXVII	-27,49	№ 2PGU/ "1458"	войнаволок	тулово	нагар	внутренняя	асбест	внешняя	округлое вдавление, отгиск гребенчатого штампа	-	-	-	6-7	-	-
GrA-62059	4585	35	Фофаново XIII	-27,50	№ 3301/5141	войнаволок	венчик	нагар	внутренняя	асбест	внешняя	отгиск палочки с намотанной веревочкой	отгиск гребенчатого штампа	прямой, утопленный внутрь и наружу	-	7 (тулово), 9 (венчик)	-	-
GrA-62484	4470	60	Фофаново XIII	-30,00	№ 3301/4818	войнаволок	тулово	нагар	внутренняя	асбест	внешняя	круглая ямка, отгиск гребенчатого штампа	-	-	-	8-9	-	-
GrA-63562	4365	35	Войнаволок XXVII	-28,15	№ 2PGU/ 1473	войнаволок	венчик	нагар	внутренняя	асбест	внутренняя и внешняя	отгиск гребенчатого штампа	отгиск гребенчатого штампа	округлый	-	4 (тулово), 14 (венчик)	неизвестен	-

Таблица 7. *Керамика типов орознаволоков и палайгуба*

Индекс	ВР	±	Поселение	$\delta^{13}C$	Образец (№)	Тип керамики	Часть сосуда	Датированный материал	Образец / поверхность	При-месь	Ориентация / поверхность	Элементы орнамента / тулово	Элементы орнамента / венчик	Форма венчика	Форма дна	Толщина (мм)	Диаметр венчика (мм)	Примечание
GrA-63583	4570	35	Тунгула XV	-29,16	№ 2418/250, 867	орознаволоков	венчик	нагар	внутренняя	асбест	внешняя	округлое вдавление	овальное вдавление	круглый	-	6-7 (тулово), 6-8 (венчик)	16	-
GrA-63582	4515	35	Тунгула XV	-26,63	№ 2418/468	орознаволоков	венчик	нагар	внутренняя	органика	внешняя	оттиск гребенчатого штампа	оттиск гребенчатого штампа	прямой, утопленный внутрь	-	7 (тулово), 12-13 (венчик)	34	чёрная и красная краска на внешней поверхности и на венчике
GrA-63584	4435	35	Тунгула XV	-26,12	№ 2418/572	орознаволоков	тулово	нагар	внутренняя	органика, асбест	внешняя	оттиск гребенчатого штампа	-	-	-	9-10	-	-
GrA-63557	4285	35	Залавруга I	-24,85	№ 378/392	орознаволоков	тулово	нагар	внутренняя	песок (крупный), асбест	внешняя	оттиск гребенчатого штампа	-	-	-	7-9	-	-
GrA-63558	4255	40	Залавруга I	-24,18	№ 378/392	орознаволоков	тулово	нагар	внутренняя	песок (крупный), асбест	внешняя	оттиск гребенчатого штампа	-	-	-	7-9	-	-
GrA-63585	3815	35	Шёлтозеро XII	-27,9	№ 896/252	палайгуба	венчик	нагар	внутренняя	органика, асбест	внешняя	оттиск гребенчатого штампа	без орнамента	прямой	-	6-7 (тулово), 8 (венчик)	22	-
GrA-63586	3725	35	Шёлтозеро XII	-28,98	№ 896/232	палайгуба	тулово	нагар	внутренняя	асбест	внешняя	овальное вдавление	-	-	-	8	-	профилированный

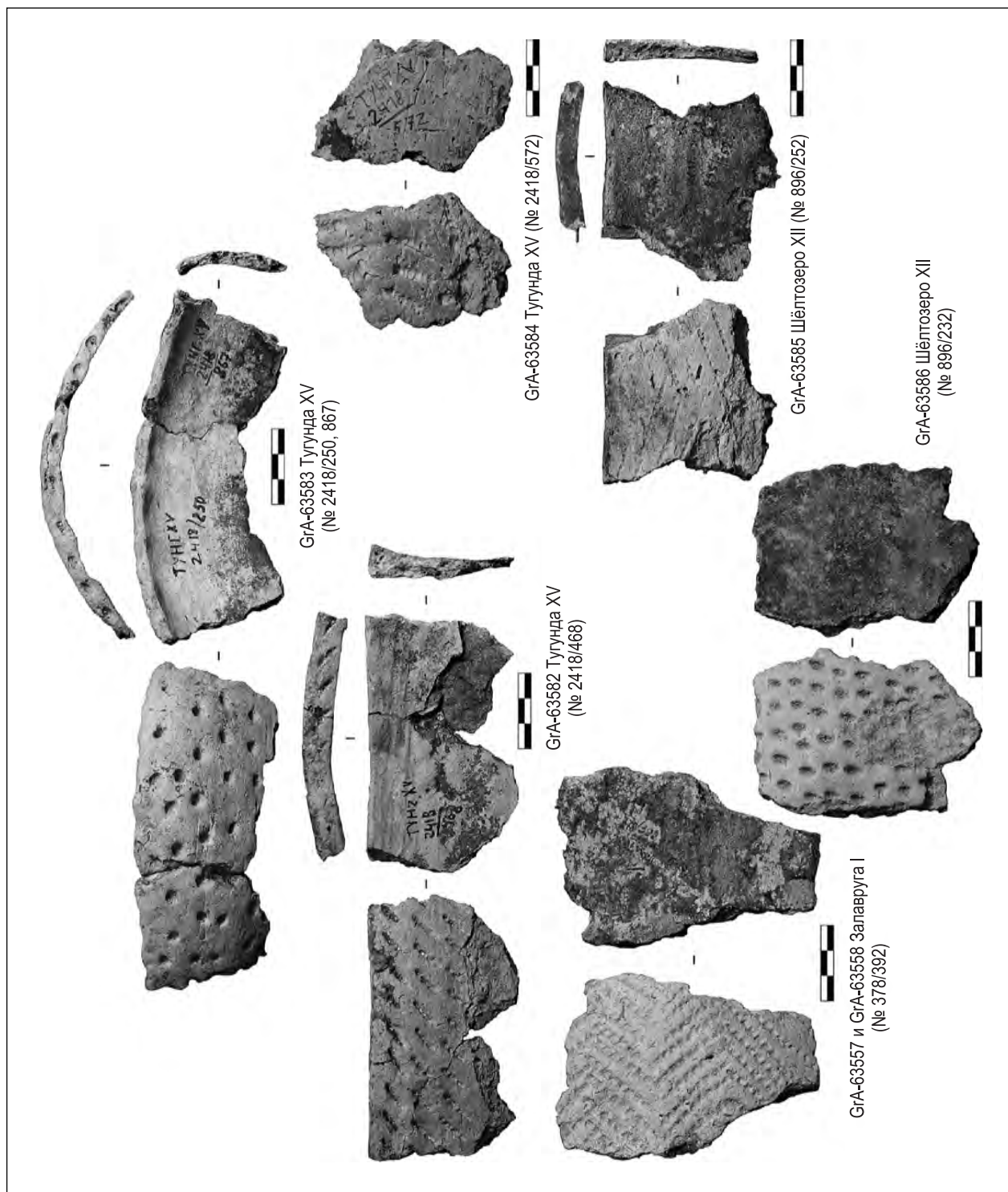

Рис. 7. Керамика типа оровнаволок и типа палайгуба (GrA-63585 и GrA-63586)

K. Nordqvist, T. Mökkönen

**NEW DATA ON ARCHAEOLOGICAL CHRONOLOGY OF NORTHWEST RUSSIA:
AMS-DATINGS OF THE NEOLITHIC – ENEOLITHIC IN THE KARELIAN REPUBLIC**

Summary

Until recently, the absolute chronology of the Neolithic and Eneolithic periods (c 5300–1800 BC) in the Republic of Karelia (North-West Russia) was based on a fairly limited amount of conventional datings made of wood charcoal samples, often troubled by various quality- and provenience-related issues. The first AMS-dates of charred residues attached on ceramic shards were made in the late 1990s, and since then just a handful of additional datings (15) have been reported. This paper presents a new series of 41 AMS-dates obtained on Neolithic and Eneolithic pottery (organic residues, birch bark tar) found at sites located in the Lake Onega environs and the southwestern White Sea region. The studied pottery types include Sperrings 1, Säräisniemi 1, Pit-Comb, Comb-Pit, Rhombpit, Zalavruga, Voynavolok, Orovnavolok, and Palayguba Wares. Alongside presenting the dates and the dated shards, the compatibility of the new age determinations with the existing chronologies, as well as their typological and cultural contextualisation and certain potential problems related to their use are discussed. In general, the new AMS-dates do not contradict the wide chronological frames previously presented for the Karelian Republic, and they fit well within the chronological schemes constructed in the neighbouring areas (especially Finland). In many cases, the present material allows the refinement of local chronology, but also points out problems in temporal constructions and typologies. Overall, the data is still limited, and different areas and periods are unevenly represented. In addition, the likely sources of error must be subjected for detailed studies in the future – this includes the (freshwater) reservoir effect, even if the present data does not give clear evidence of its systematic presence.

*University of Oulu,
P.O. Box 1000,
90014 Oulun yliopisto,
Finland*

*K. Nordqvist – E-mail: kerkko.nordqvist@gmail.com
T. Mökkönen – E-mail: Teemu.mokkonen@gmail.com*

А.Я. Мартынов

ИССЛЕДОВАНИЕ ДОХРИСТИАНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ СОЛОВЕЦКОГО АРХИПЕЛАГА: НЕКОТОРЫЕ ОШИБКИ И ЗАБЛУЖДЕНИЯ

История *полевых* исследований памятников первобытной и средневековой дохристианской культуры Соловецких островов насчитывает 62 летних сезона. Из них на изучение объектов материальной культуры (первобытных стоянок, мастерских и местонахождений отходов каменной индустрии) приходится не более 30 лет.

С 1907 по 2016 гг. дохристианской полевой археологией Соловков занимались 12 исследователей. Перечисленные в хронологическом порядке производства работ это К.П. Рева (1907), Н.Н. Виноградов (1927–1931), А.Я. Брюсов (1930), А.А. Евневич, П.К. Казаринов (1934–1935), К.П. Гемп (1949), А.А. Куратов (1964–1981), И.И. Гохман и Т.А. Лукьянченко (1977), А.П. Скворцов (1988–1989), М.М. Шахнович (2009) и А.Я. Мартынов (с 1984 г. по настоящее время). Двое из них имели учёную степень доктора исторических наук, 1 – доктора филологических наук, четверо – кандидата исторических наук. Наиболее продолжительное время в «поле» на Соловках работали А.А. Куратов (18 командировок) и А.Я. Мартынов (32 полевых сезона). Основные результаты, полученные данными археологами и возглавляемыми ими экспедициями, сводятся к следующему:

- осуществлены третье и четвёртое (после работ Н.Н. Виноградова, А.А. Евневича и П.К. Казаринова) мониторинговые исследования искусственных каменных выкладок Соловецкого архипелага;
- открыты 65 первобытных стоянок, мастерских и местонахождений всех эпох, начиная с финального мезолита и заканчивая Средневековьем, общей площадью более 50 тысяч кв. м, а также 2 объекта средневековой «домонастырской» археологии (рис. 1);
- раскопаны 2200 кв. м культурного слоя первобытных стоянок;
- в фонды Соловецкого музея-заповедника сдано более 30 тысяч предметов древности, в том числе около 1500 фрагментов разновременной керамики и более 1000 изделий из разных пород камня (кварца, кварцита, кремня, сланца, песчаника, метаморфизованного диабазы, долерита);
- получены 45 радиоуглеродных дат угля из культурного слоя памятников дохристианской культуры;
- осуществлены два экспериментальных проекта: реконструкции двух каменных лабиринтов и «символической» выкладки под условным названием «вентерь» [1, с. 13–31; 2, с. 19–21], постройка и испытание в условиях Белого моря трёх возможных типов (берестяной, выдолбленной из ствола осины и кожаной) первобытных лодок [3, с. 64–78];
- опубликованы 7 книг о дохристианской археологии Соловков, в том числе 3 монографии, 3 каталога и научно-популярная книга, изданы около 70 статей;
- созданы 4 временные выставки и стационарная экспозиция «Первобытная археология Соловков: опыт полевых и экспериментальных исследований»;
- сняты 5 документальных фильмов, представляющих историю полевых исследований памятников дохристианской культуры Соловков и рассказывающих об экспериментах Соловецкого музея-заповедника в области реконструктивной археологии.

В целом собран большой и интересный археологический материал, написана в первом приближении история освоения Соловецкого архипелага, начиная с финального мезолита и до середины II тыс. н.э.

Вместе с тем в процессе исследований был допущен ряд методических просчётов, а также теоретических ошибок и заблуждений, которые опубликованы исследователями, а затем широко растиражированы СМИ и авторами различных популярных изданий о Соловках, а также вошли в учётную документацию органов охраны памятников. В разные, преимущественно последние, годы появились данные, позволившие исправить [4, с. 8–19; 5, с. 37–59] либо обязывающие устранить эти ошибки и заблуждения. Исправить методические ошибки в полевой работе некоторых археологов, к сожалению, уже не представляется возможным.

Необходимо особо отметить, что ошибок и заблуждений в изучении дохристианского прошлого Соловков не избежал ни один из исследователей, поэтому никаких иных целей, кроме желания *избавиться от этих ошибок и заблуждений*, у автора статьи нет.

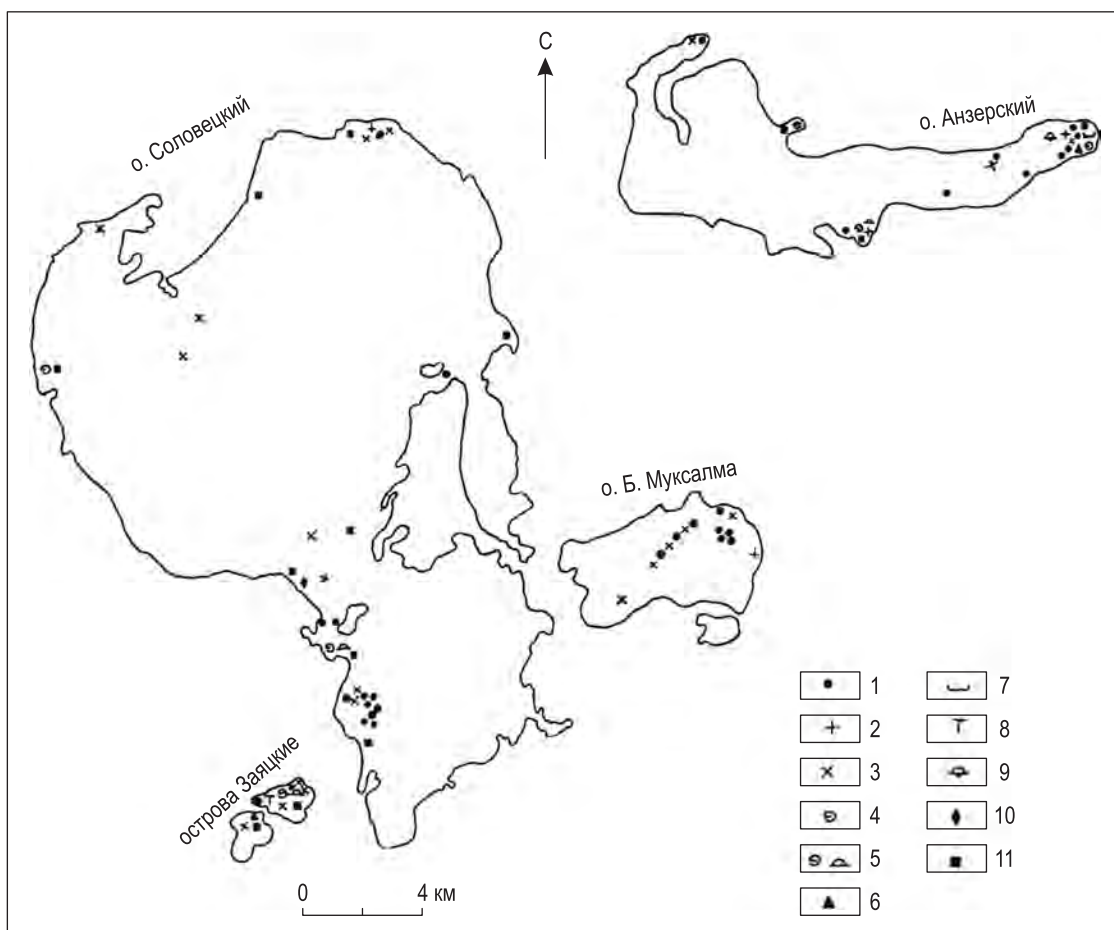

Рис. 1. Археологические памятники Соловецкого архипелага (мезолит – «домонастырское» Средневековье):

- 1 – стоянка; 2 – «мастерские»; 3 – местонахождение кварцевой индустрии; 4 – каменный лабиринт; 5 – «святилище»;
 6 – артефакт (единичная находка); 7 – «саамские могильники»; 8 – «сейды»; 9 – погребение «корелянина»;
 10 – чудское местонахождение; 11 – прочие искусственные сооружения из камня

Основные *методические* просчёты связаны с именами К.П. Ревы и А.Я. Брюсова. Первый из них разобрал 7 каменных насыпей, расположенных в комплексе с лабиринтами № 2 и № 3 на Большом Заяцком острове, не документировал полевые работы и не составил полевого отчёта. В публикации 1907 г. об этих «исследованиях» сообщается только то, что под насыпями ничего не обнаружено [6, с. 107]. Учитывая многочисленные находки отходов кварцевой индустрии и остеологического материала в процессе последующих раскопок, эта информация вызывает большие сомнения. Неясно и то, как поступил К.П. Рева с раскопанными насыпями: то ли они были восстановлены в виде макетов, то ли оставлены в том состоянии, в которое были приведены в процессе разборки. А.Я. Брюсов, по словам А.А. Куратова, раскопавший в 1930 г. две каменные груды в структуре лабиринта № 2 того же острова, также, видимо, не документировал эти работы. Отчёт А.Я. Брюсова за 1930 г., который хранится в ИИМК РАН, сообщает о результатах разведки в Ленинградской области, информация о Большом Заяцком острове в нём отсутствует [7]. По устной информации, дошедшей до автора статьи также через А.А. Куратова, археолог не нашёл под насыпями ни датирующего материала, ни остатков костей, которые подтвердили бы его предположение о лабиринте как о надмогильном сооружении, а также позволили бы датировать данную выкладку. Шурфы А.Я. Брюсова на месте разобранных насыпей остались не законсервированными. Как и при работах К.П. Ревы, неясно, что в действительности было обнаружено исследователем под «шапками» раскопанных каменных груд.

Что касается раскопок остальных археологов, то если в их работах содержались какие-то методические ошибки, то они не носили столь серьёзного характера, на что указывают положительные отзывы экспертов отдела полевых исследований ИА АН СССР (РАН) об их полевых отчётах, принятых Институтом археологии.

Все *теоретические* ошибки и заблуждения исследователей дохристианской культуры Соловков можно условно разделить на уже осознанные и исправленные и на требующие исправления. Нередко уже признан-

ные в специальной литературе, они продолжают тиражироваться интерпретаторами и популяризаторами истории Соловецких островов в многочисленных публикациях, как правило, поверхностных во всём, что касается археологии архипелага.

Наиболее продолжительное заблуждение касается вопроса о датировке **начала процесса древнего освоения** Соловков во II–I тыс. до н.э. Эта широкая дата была предложена А.А. Куратовым после раскопок первой соловецкой стоянки Муксалма-1, в ходе которых были обнаружены однотипная керамика с *гребенчатой* орнаментацией, а также преимущественно кремнёвый инвентарь [8, с. 199–203]. Раскопки стоянки Колгуевская-2 с *ямочно-гребенчатой* керамикой и инвентарём из кварца, кремня, сланца и песчаника позволили отодвинуть начальную дату примерно на тысячу лет, в развитый **неолит** [9, с. 479]. С появлением радиоуглеродной даты угля из кострища со стоянки Соловецкая-4 ($Le\ 7093 - 6460 \pm 80\ BP$) стало ясно, что начало освоения архипелага древним человеком следует отодвинуть к границе двух периодов эпохи камня – **мезолита и неолита** [10, с. 29]. И, наконец, стационарное исследование стоянки (бывшего местонахождения) Муксалма-3 в 2015 г. (рис. 2) дало возможность датировать древнейший *на сегодняшний день* памятник материальной культуры Соловецкого архипелага по пластинчатому инвентарю и радиоуглеродной дате угля из очага ($SPb-1764 - 6785 \pm 70\ BP$) **финальным мезолитом** согласно шкале радиоуглеродных дат с памятников Карелии [4, с. 8–20; 11, с. 31–32]. Отсутствие керамики в материалах двух последних стоянок является дополнительным аргументом в пользу их мезолитического возраста.

Длительное время некоторые карельские и архангельские археологи пребывали в заблуждении по поводу ответа на вопрос **о материковой «родине»** древних людей, осваивавших Соловки. Первые [12, с. 150; 13, с. 78], по-видимому, опираясь на присутствие каменных лабиринтов на северо-западном берегу Белого моря и изображений лодок в петроглифах Залавруги, полагали, что в древности архипелаг посещали охотники с западного побережья Белого моря (территория современной Северной Карелии). Вторые [8, с. 199–203; 14, с. 270] сравнивали инвентарь островных и материковых стоянок и делали вывод, что архипелаг осваивался людьми в основном с восточного (Летнего) берега Онежского полуострова (Архангельская область). Раскопки стоянок всех эпох и периодов от мезолита до раннего Средневековья [15] дали археологический материал, который находит многочисленные аналоги в керамике и устойчивых типах каменных орудий с памятников, открытых в низовьях рек Кемь и Выг на западном побережье, а также на Летнем берегу и в низовьях р. Северной Двины (от Архангельска до Орлецов). Вместе с радиоуглеродными датами эти аналоги позволяют утверждать, что в действительности освоение Соловков шло как **с западного побережья** (начиная со времени около 6800–6700 л.н.), так и **с Онежского полуострова и Северной Двины** (примерно 5300–2500 л.н.). Наиболее продолжительным по времени существования путём, соединяющим побережье Белого моря с Соловецким архипелагом не менее 6700 лет и установленным благодаря археологическим исследованиям в Беломорье, следует считать маршрут из низовьев р. Кемь через архипелаг Кузова.

Ошибки в определении **статуса и потенциала** некоторых памятников первобытной культуры (стоянки Муксалма-1, местонахождений Муксалма-3, Анзерское-16 и др.) можно считать практически закономерными.

Рис. 2. Стоянка Муксалма-3. Раскопки 2015 г. Рабочий момент

ми; основная причина их появления заключается в недостаточной исследованности памятников на момент их интерпретации. Так, фрагментарные раскопки (66 кв. м) стоянки **Муксалма-1** в 1975 и 1977 гг. привели археолога к выводу о малой перспективности их продолжения в связи с незначительной площадью сохранившегося культурного слоя [8, с. 199]. Однако продолжение стационарных исследований памятника в 1987–1988 гг., обусловленное появлением подъёмного материала на площадке стоянки, дало в 2 раза бóльшую по количеству предметов древности коллекцию [16, с. 437–444]. В числе их есть разнотипная керамика, 8 категорий кремнёвого инвентаря, ритуальный топор с пестиковым навершием, орудия из сланца, песчаника и кварца. Вместе с находками из раскопов 1970-х годов они составили наиболее полное для островов Белого моря собрание артефактов эпохи бронзы в количестве 5000 единиц хранения. Не менее выразительный пример являют собой раскопки **местонахождения Муксалма-3** в 2015 г., которые “превратили” неясный по времени и статусу объект, обнаруженный ещё в 2000 г., в древнейшую стоянку архипелага и место неоднократного посещения. Судя по послойному расположению немногочисленного археологического материала в культурных отложениях мощностью около 70 см и трём радиоуглеродным датам (SPb-1764 – 6785±70 BP, SPb-1763 – 5746±80 BP и SPb-1765 – 5722±80 BP), на площадке древнейшей стоянки Соловков первобытные люди останавливались не менее 4–5 раз, перебираясь с Соловецкого острова на Анзерский и обратно. Повторное обследование местонахождений **Анзерское-16**, **Соловецкое-23** и **Муксалма-12** с закладкой шурфов в 2016 г. выявило развалы сосудов с ямочно-гребенчатой (рис. 3) и гребенчато-ямочной (рис. 4) орнаментацией, а также выразительный кварцевый инвентарь. Таким образом, список стоянок островов Анзерского, Большого Соловецкого и Большой Муксалмы пополнился ещё тремя новыми, перспективными для стационарных исследований, стоянками. И, напротив, интерпретированное первоначально как стоянка, местонахождение **Соловецкое-3** в процессе раскопок было определено как место кратковременной *остановки* небольшой группы древних людей для изготовления нескольких орудий из кварца. Нельзя исключать и то, что в интерпретации некоторых местонахождений из числа прочих (**Анзерские 1–15**, **Муксалма 10–11**, **Соловецкие 9–12**) мы также ошибаемся до производства на них раскопок широкими площадями.

Ещё одно заблуждение касается так называемых **саамских могильников**, обнаруженных на мысе Колгуй Анзерского острова после пожара 1975 г. и впервые обследованных И.И. Гохманом, Т.В. Лукьянченко и А.А. Куратовым. На основании сборов подъёмного материала (определённой как лепная и гончарная керамика), а также раскопок одной каменно-песчаной насыпи исследователи предположительно отнесли их к числу древнейших погребений средневековых саамов, проживавших на севере Карелии и Кольском полуострове [17, с. 98–106; 2, с. 30–31]. Более широкие и тщательные раскопки, осуществлённые в 2009 г., не дали никакого материала, подтверждающего интерпретацию выкладок как элементов могильников XII–XV вв. Гончарная керамика XV–XVI вв., жирность почвы и кальцинированные косточки кольчатой нерпы указывают на возможную связь кладок со **зверобойным промыслом** славянского населения Южного Прибеломорья [10, с. 331–338]. Радиоуглеродные даты угля, извлечённого из-под раскопанной насыпи (SPb_108 – 550±30 BP, SPb_109 – 530±25 BP), подтверждают хронологическое определение керамики.

Наибольшее число *мифов, ошибок и заблуждений* связано с **каменными лабиринтами** и «**святилищами**» – памятниками, наиболее трудно поддающимися интерпретации. Неверные представления о них получили и наиболее широкое распространение в связи с большим, иногда явно нездоровым, интересом к загадочным спиралевидным выкладкам. В числе причин, приводящих к появлению ошибок, можно назвать всё ту же недостаточную полевую изученность памятников археологии, некритическое отношение к поспешным выводам и неверным наблюдениям некоторых исследователей, а также невольное преклонение перед «авторитетами». *Ошибки и заблуждения касаются количества выкладок и «святилищ» на архипелаге, их датировок, времени сооружения и назначения каменных насыпей, определения инвентаря, полученного в процессе раскопок каменных куч (предположительно элементов «святилищ»), идентификации остеологического материала и, конечно, интерпретации памятников. До сих пор нет общепризнанной методики исследования лабиринтов.*

Ряд ошибок и заблуждений удалось установить только в самое последнее время благодаря участию в полевых исследованиях лабиринтов специалистов Института географии РАН А.А. Медведева и А.В. Кудикова, а также антрополога Кунсткамеры В.И. Хартановича. В полевые сезоны 2014–2016 гг. совместная экспедиция Соловецкого музея-заповедника и ИГ РАН впервые проверила с использованием беспилотников (с высоты 30–40, 70, 100 м) и тепловизора все места, в которых, по мнению А.В. Елисеева, Н.Н. Виноградова, К.П. Гемп и А.П. Скворцова, были зафиксированы (в основном без должного документирования – А.М.) от 29 до 33 целых или фрагментарно сохранившихся лабиринтов. Необходимо при этом заметить, что в единственном сводном списке лабиринтов архипелага, составленном А.А. Куратовым в 1969 г., напротив 13 выкладок стоят знаки вопроса, свидетельствующие о сомнениях исследователя в достоверности сведений предшественников об этих объектах [18, с. 16–17]. Вся информация о якобы обнаруженных К.П. Гемп 9 лабиринтах Соловков находится в единственном источнике – ссылке на «научные паспорта» К.П. Гемп (Архив Архоблисполкома, без номеров) в полевом отчёте А.А. Куратова о работах Архангельской археологической экспедиции в 1969 г. [18, с. 6, 7, 9].

Аппаратура же распознала во всех местах, где исследователи “зафиксировали” каменные лабиринты или их «остатки», не более полутора десятков выкладок. Нет (и, по всей видимости, изначально не было) лабиринтов:

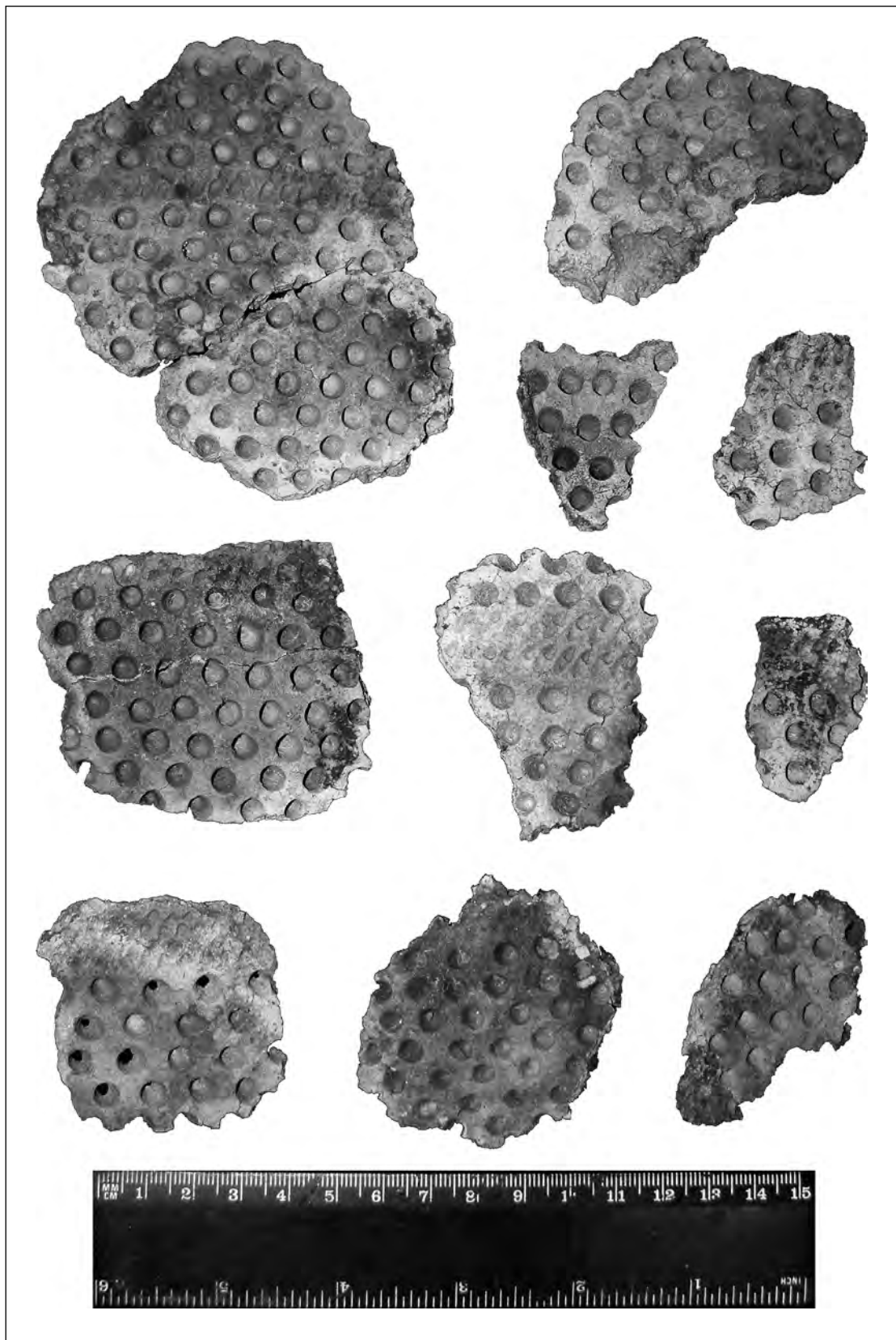

Рис. 3. Керамика со стоянки Анзерская-8. Сборы 2016 г.

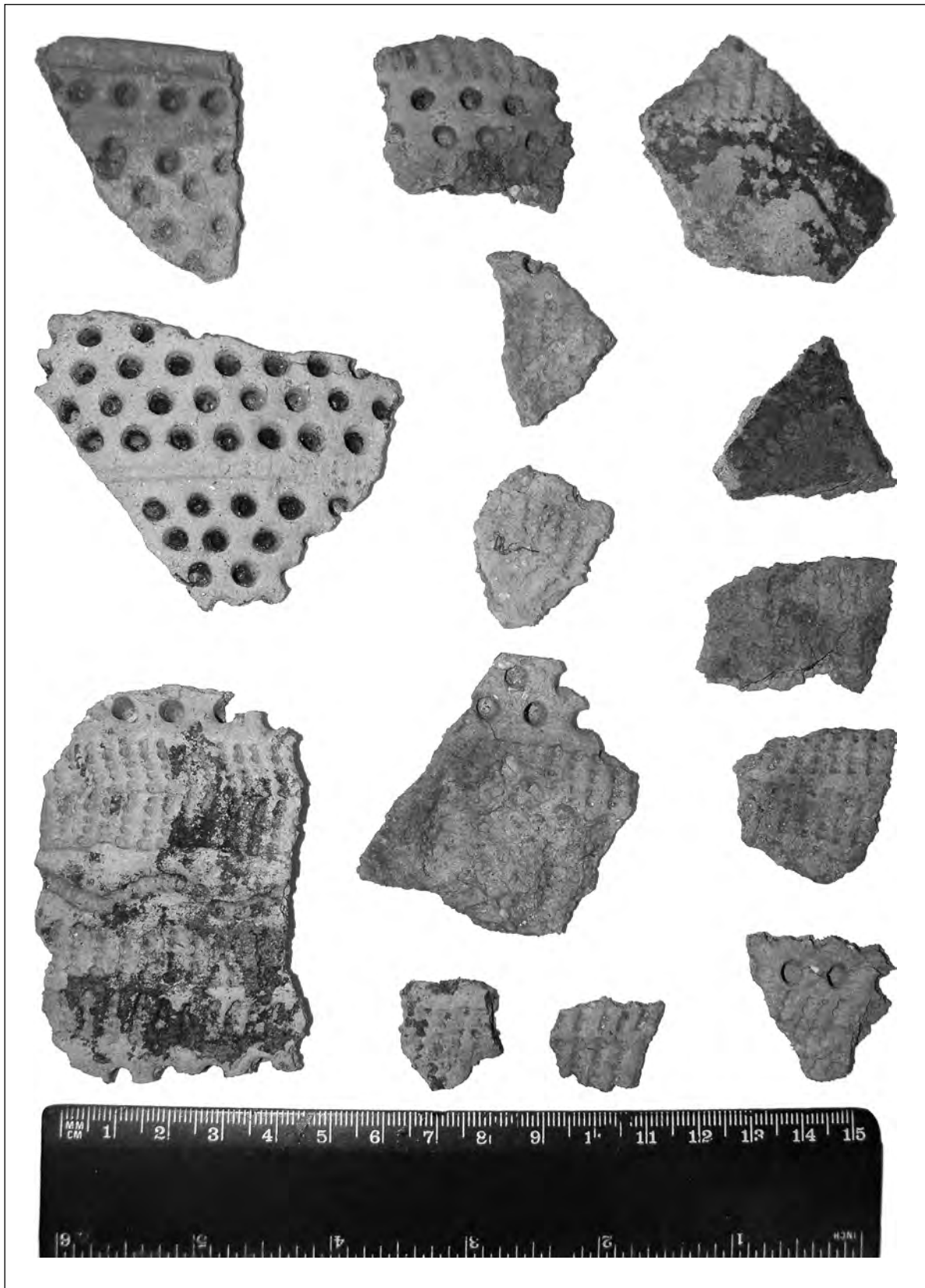

Рис. 4. Керамика со стоянки Соловецкая-23. Сборы 2016 г.

– на Анзерском острове: около переправы Кеньга (четырёх выкладок – по информации К.П. Гемп), на мысе Плотище (одной – по информации К.П. Гемп), в урочище «Могильники» (одной – по информации К.П. Гемп), на мысе Лабиринтов (двух – по данным Н.Н. Виноградова);

– на Большом Заяцком острове: 10 сложений – по подсчётам А.П. Скворцова [19, с. 290–300];

– на Малом Заяцком острове: остатки двух лабиринтов, по информации А.В. Елисеева [20, с. 15] и А.А. Спицына (со ссылкой на Елисеева) [21, с. 109];

– на юго-западном побережье Большого Соловецкого острова в районе Кислой губы и мыса Печак: фрагментов трёх разрушенных лабиринтов (по информации К.П. Гемп).

Заблуждения и ошибки, связанные с исследованиями «**святилищ**» Соловецких островов, заключаются в следующих утверждениях:

– о присутствии на Соловках **3** и даже **4** святилищ, включая разрушенное на мысе Кострище и скопление искусственных выкладок на мысе Колгуй [22, с. 73; 14, с. 268];

– о количестве элементов «святилищ»: 13 лабиринтов, 610 насыпей, дольмены и «символические выкладки» на Большом Заяцком острове, 4 лабиринта и 42 насыпи на мысе Лабиринтов острова Анзер [23; 1, с. 13–31; 14, с. 268];

– о каменных насыпях, которые содержат «остатки погребений, предусматривавших трупосожжение» [22, с. 73];

– о датировке «святилищ» II–I тыс. до н.э. [22, с. 76].

Реальными (проверенными и подкреплёнными полевыми наблюдениями и археологическим материалом) можно считать следующие данные.

О количестве «святилищ». Основываясь на многолетних полевых наблюдениях и археологических материалах из 25 раскопанных каменных насыпей, можно *предполагать*, что на Соловках существовали лишь **2 святилища**: на вершине и склонах горы Сигнальной Большого Заяцкого острова и на мысе Лабиринтов Анзерского острова. Основными аргументами в пользу данного предположения являются следующие факты и вещественный материал:

– близкое (от 5 до 10 м) расположение двух лабиринтов и скоплений каменных насыпей в каждом из «святилищ»;

– присутствие под большей частью раскопанных насыпей остатков кварцевой индустрии (отщепов, сколов, заготовки скребка) и фрагментов костей морских млекопитающих, птиц или рыб (предположительно остатки символических захоронений);

– близкие по размерам и топологически аналогичные лишайники, исследованные на камнях, из которых были сложены раскопанные насыпи и вышеупомянутые лабиринты;

– расположение лабиринтов и насыпей в указанных местах на высотных отметках выше 8 м над уровнем моря, что свидетельствует о возможности их появления в любой период времени, начиная с энеолита.

Оснований для вывода о существовании на Соловках остатков святилищ на мысе Колгуй Анзерского острова и мысе Кострище Большого Соловецкого острова нет. Каменные насыпи на мысе Колгуй находятся на расстоянии 200–300 м от лабиринта, на более низком уровне, не раскапывались, их размеры существенно превышают параметры насыпей предполагаемого святилища на мысе Лабиринтов или Большом Заяцком острове. Два каменных лабиринта, «вентерь» и 5 насыпей на мысе Кострище Большого Соловецкого острова, зафиксированные Н.Н. Виноградовым, были разрушены в 1930-е годы, насыпи не раскапывались, никакого археологического материала в распоряжении археологов не было. Их местонахождение на террасе, превышающей уровень Белого моря на 1,5–2 м, вызывает обоснованное сомнение в принадлежности выкладок к числу первобытных.

Об элементах «святилищ». В проблематике лабиринтов Соловецкого архипелага есть вопрос, который никогда не был предметом обсуждения: что, собственно, могло входить в состав предполагаемых «святилищ», какие искусственные выкладки из камней можно считать элементами «святилищ». Анализируя публикации А.А. Куратова [1, с. 13–31; 2, с. 38; 22, с. 72–73], можно сделать заключение, что он понимал под данными элементами лабиринты, насыпи (кучи, груды), дольмены и прочие каменные выкладки, получившие у археологов разные названия («звезда», «коромысло», «ловушки», «пирамида»). Основанием для такого предположения могло служить только компактное расположение данных выкладок на вершине и склонах горы Сигнальной Большого Заяцкого острова. На мысе Лабиринтов Анзерского острова ни «дольменов», ни иных каменных выкладок, кроме лабиринтов и насыпей, нет. Со временем выяснилось, что интерпретировать две прямоугольные конструкции как дольмены невозможно, так как в них отсутствовали важные элементы, характеризующие данную категорию памятников: верхняя и боковые плиты или уплощённые камни, культурные остатки внутри конструкции. Их размеры значительно уступают самым малым скандинавским или кавказским дольменам [10, с. 209–210; 24, с. 107]. Поскольку ни одна из «прочих каменных выкладок» до сих пор стационарно не исследовалась, ни датировать их, ни включать в состав святилищ до получения датирующего материала также нельзя. Таким образом, в состав предполагаемых «святилищ» Соловков можно включить только некоторые лабиринты и те каменные насыпи, под которыми есть отходы каменной индустрии и кости млекопитающих, птиц или рыб.

О количестве лабиринтов и насыпей. По данным последней съёмки с использованием беспилотников и тепловизора, на Большом Заяцком острове находятся не более **8 лабиринтов**, из которых к числу *первобытных* можно отнести **три** или (максимум) **четыре «вавилон»** (рис. 5). Четыре выкладки едва просматриваются и производят впечатление неумело выполненных более поздних подражательных копий. На мысе

Рис. 5. Большой Заяцкий остров. Лабиринты № 2 и № 3

Рис. 6. Анзерский остров. Мыс Лабиринтов. Лабиринты № 1 и № 2 (не просматривается)

Лабиринтов Анзерского острова аппаратура распознала только **2 лабиринта**, из которых лишь один может быть соотнесён с раскопанными насыпями, второй – поздняя копия, едва фрагментарно просматривающаяся с высоты 30–40 м (рис. 6). По результатам раскопок 1988–1994 гг. из **23** разобранных насыпей **лишь 14** содержат отходы кварцевой индустрии или косточки млекопитающих и птиц, что позволяет *предположительно* отнести их к числу элементов «святылищ», **10** либо не датированы, либо датированы в лаборатории Зоологического института РАН XVI–XVII вв. и, таким образом, не могут быть отнесены к числу древних. Кальцинированные кости, обнаруженные под раскопанными насыпями на мысе Лабиринтов острова Анзер и Большом Заяцком острове [18, с. 21; 22, с. 73], которые были интерпретированы как человеческие, в действительности не принадлежат человеку (заключение В.И. Хартановича). Одна из раскопанных насыпей оказалась «новоделом»: под ней на уровне дневной поверхности морены были обнаружены две монетки копеечного достоинства 1965 и 1972 гг. Наконец, в структуре ряда нераскопанных насыпей (количество, к сожалению, не подсчитано) есть углубления, в которых ещё в 1970-е–1980-е гг. можно было увидеть остатки столбов от православных крестов. Определить, были ли насельниками монастыря сооружены новые каменные насыпи для установки крестов, или для этого использовали более древние груды, невозможно без их стационарных исследований. Что касается общего количества насыпей, которые гипотетически можно связать с древними лабиринтами и стационарно исследовать на предмет наличия или отсутствия под ними археологического материала, то оно ограничивается 380 грудями, находящимися на горе Сигнальной и 30 кучами на мысе Лабиринтов Анзерского острова. Связывать с лабиринтами прочие 210 (по А.А. Куратову) или более 400 (по А.П. Скворцову) насыпей Большого Заяцкого острова, находящихся в отдалении и стационарно неисследованных, нет никаких оснований как минимум *до получения результатов их раскопок*.

О датировках лабиринтов и «святылищ». Вопрос о датировке каменных лабиринтов и «святылищ» Соловецкого архипелага является, прежде всего, методологическим. Попытки «втиснуть» все лабиринты в какой-то относительно узкий хронологический период (II–I тысячелетия до н.э., раннее Средневековье, II тысячелетие н.э.) натываются на отсутствие датирующего материала и всегда вызывают вопрос: на каком основании? Многолетние полевые работы и наблюдения над памятниками Соловков дают право считать, что единой проблемы датировки не существует, но есть десятки (для лабиринтов Северной Европы – сотни) вопросов датирования отдельных лабиринтов, групп «вавилонов», скоплений лабиринтов и каменных насыпей.

Единственные раскопки фрагментов лабиринта № 2 на Большом Заяцком острове, как известно, никакого датирующего материала не дали. Понятно и другое: даже полученный в ходе разборки «вавилонов» какой-либо археологический материал (уголь, каменное орудие, керамика) потребует доказательства того, что он попал на место сооружения лабиринта непосредственно перед его выкладкой, а не 500 или 1000 лет спустя. В такой «методологической ситуации» в настоящее время и применительно к «святылищам» и лабиринтам Соловецкого архипелага можно высказать лишь следующие соображения. Насыпи, содержащие отходы кварцевой индустрии, можно предположительно считать наиболее древними искусственными выкладками из камней на архипелаге. Аморфность сколов и отщепов из кварца позволяет отнести их к первобытной эпохе (а не к Средневековью), но не даёт оснований для датировки более ранним временем, чем ранний железный век. Этому соответствует единственная радиоуглеродная дата угля (1,83 грамма), обнаруженного вместе с отходами кварцевой индустрии и остеологическим материалом под насыпью, раскопанной А.А. Куратовым в 1971 г., но полученная в Изотопном центре РГПУ им. А.И. Герцена только в 2016 г. – 1590 ± 70 ВР. С данными насыпями можно предположительно хронологически соотнести только лабиринты №№ 2 и 3 на Большом Заяцком острове и лабиринт № 1 на мысе Лабиринтов острова Анзер (основание – типологически одинаковые лишайники близких размеров на камнях раскопанных насыпей и данных лабиринтов). Никакие археологические материалы для датировки прочих соловецких лабиринтов к настоящему времени не обнаружены, а существенные отличия данных выкладок от древних (меньшие размеры, отсутствие насыпей в структуре, выкладка в один ряд камней, ошибки в схемах, расположение на более низких террасах, отсутствие поблизости каменных груд) позволяют считать их более поздними.

О связях лабиринтов и стоянок Соловецкого архипелага. К числу возможных ошибок относится предположение о связях древних каменных лабиринтов со стоянками эпохи бронзы Муксалма-1, Колгуевская-1 и Капорская [8, с. 203; 14, с. 278–279]. Основанием для предварительного вывода послужили близкое расположение двух последних стоянок и лабиринтов на мысе Колгуй и мысе Лабиринтов, а также аналогичные высотные отметки террас. Для более категоричного заключения следовало найти одинаковый по сырью и характеру обработки вещественный материал в культурном слое стоянок и под лабиринтами или каменными кучами, сопровождающими «вавилонны». Однако раскопки стоянок и нескольких насыпей на мысе Лабиринтов Анзерского острова дали материал, противоречащий предположению: 98–99 % находок на стоянках Капорская и Колгуевская-1 состояли из *кремнёвых* предметов, под каменными кучами были обнаружены только *кварцевые* отщепы и сколы. Артефакты из кварца в культурном слое стоянок единичны. В такой ситуации, конечно, можно как-то объяснить, почему обитатели стоянок «пожалели» в качестве «погребального» инвентаря для кенотафов отщепы и сколы из *кременя*, а накололи из кварца, но доказать обоснованность такого объяснения нельзя. А радиоуглеродная дата (1590 ± 70 ВР), которую, к сожалению, невозможно соотнести с обнаруженной на стоянках керамикой, делает вывод о связи стоянок с лабиринтами Анзерского острова сомнительным. Единственная стоянка (Андреевская пустынь), которую можно было бы «привязать» к древним лабиринтам Большого Заяцкого острова, датирована с учётом высотной отметки террасы (ок. 1,5 м), чего явно недостаточно для обоснования датировки. А если учитывать опыт реконструкции

лабиринтов, когда для сбора камней и сооружения выкладки диаметром 10 м группе студентов Архангельского государственного педагогического института им. М.В. Ломоносова в количестве 30 человек потребовалось всего 22 часа [2, с. 20], можно предположить, что строители древних «вавилон» не оставляли после себя таких заметных следов кратковременного пребывания, какими являются летние стоянки Соловков.

Основные выводы

Многолетние полевые работы, осуществлённые археологической экспедицией Соловецкого музея-заповедника, дают веские основания для формулировки ряда выводов, касающихся древнего освоения архипелага в целом и проблематики каменных лабиринтов в частности.

Результаты раскопок стоянки Муксалма-3 2015 г. однозначно свидетельствуют о начале освоения Соловецкого архипелага *не позднее 6700 лет назад*. Эта дата может быть ещё более удревлена в ходе будущих полевых исследований.

Соловки осваивались в древности только в летнее время охотниками и рыболовами, заселявшими западное (низовья рек Кемь и Выг) и юго-восточное (Онежский полуостров) побережья Белого моря. Археологические источники (остатки наземных или углублённых в землю жилищ), необходимые для вывода о круглогодичном проживании на Соловках в древности, в процессе раскопок не обнаружены.

Количество каменных лабиринтов, выложенных древним населением Прибеломорья на Соловецких островах, ограничивается, по всей вероятности, шестью или семью выкладками (лабиринты №№ 1–3, 5 Большого Заяцкого острова, лабиринт № 1 на мысе Лабиринтов, сложения в районе мыса Белужий Большого Соловецкого острова и на мысе Колгуй Анзерского острова). Остальные «вавилон» были выложены позднее и, скорее всего, являются только *подражательными копиями* древних выкладок. Оснований для их датировки более конкретным временем у археологов нет.

Гипотеза А.А. Куратова о существовании на Соловках остатков первобытных **святилищ** (*не более двух*) сохраняет за собой право на существование, но с учётом ряда существенных поправок:

– насыпи Большого Заяцкого и Анзерского островов, включённые археологами в состав «святилищ», в действительности сооружены в разное время (от раннего железного века до XX в.), назначение их различно;

– *предположительно* остатками **древних святилищ** можно считать лишь небольшую часть лабиринтов архипелага (№№ 1–3 на острове Большой Заяцкий, № 1 – на мысе Лабиринтов острова Анзер) и часть каменных насыпей, под которыми найдены отходы кварцевой индустрии и косточки морских животных и птиц (если они не датированы Средневековьем);

– насыпи, содержащие отходы кварцевой индустрии, можно датировать временем не ранее конца первобытной эпохи (*в рамках железного века*) – этому соответствует единственная радиоуглеродная дата. Оснований для датировки древних лабиринтов II–I тысячелетиями до н.э. (по А.А. Куратову) нет;

– учитывая отсутствие в остеологическом материале косточек человека, насыпи с отходами кварцевой индустрии и костями ластоногих, рыб или птиц можно *предположительно* считать лишь **символическими погребениями**. Предположение А.А. Куратова об остатках захоронений, «предусматривавших обряд трупосожжения» [21, с. 73], не находит подтверждения до обнаружения под каменными насыпями «святилищ» кальцинированных косточек действительно человека.

Что касается проблематики каменных лабиринтов и связанных с ней гипотез, предположений и выводов, то, вероятно, лучшим выходом из создавшегося, явно неудовлетворительного состояния, в котором пребывает современное «лабиринтоведение» [24; 25, с. 92–99; 26, с. 99–104], было бы продолжение стационарных исследований каменных насыпей «святилищ», а также организация международной научной конференции археологов и представителей иных наук, занимающихся изучением данных памятников с опорой на археологические, этнографические и иные источники.

Ошибки и заблуждения, допущенные в процессе исследований, свойственны представителям любой науки. Причинами их появления чаще всего становятся скудость источников, недостаточная изученность предмета исследований, некритическое отношение к информации и выводам предшественников и своим собственным заключениям. Опыт ошибок, как и опыт безошибочных исследований, очень важен, прежде всего, для начинающих специалистов. Он предостерегает от поспешных, непроверенных и бездоказательных гипотез, погони за сенсациями, присвоения статуса «уникальных» открытиям и находкам, которые таковыми не являются. Его анализ нередко наталкивает на неожиданные идеи и мысли и, таким образом, позволяет сдвинуть с мёртвой точки забуксовавшее исследование той или иной темы. Всё это обуславливает и данный локальный опыт изучения ошибок и заблуждений, допущенных при исследовании памятников дохристианского прошлого Соловецкого архипелага.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Куратов А.А. Соловецкие лабиринты – древние памятники культуры Северной Европы // Культура Русского Севера. Л., 1988.
2. Куратов А.А. Каменные лабиринты в сакральном пространстве Северной Европы. Архангельск, 2008.
3. Мартынов А.Я., Шутихин А.В., Казаков А.А. Первобытное мореплавание в Приполярье: опыт и результаты полевых и экспериментальных исследований // Тверской археологический сборник. Вып. 9. Тверь, 2013.
4. Мартынов А.Я. Мезолит или неолит? (о начале освоения Соловецкого архипелага) // Соловецкий сборник. Вып. 12. Архангельск, 2016.
5. Мартынов А.Я. Первобытная и средневековая (дохристианская) археология Анзерского острова Соловецкого архипелага. Соловки, 2016.

6. *Рева К.П.* О раскопках в 1907 году // Отчет Императорской Археологической комиссии за 1907 год. СПб., 1907.
7. *Брюсов А.Я.* Отчет о разведках в Вытегрском районе Ленинградской области в 1930 году // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Д. 208.
8. *Куратов А.А.* Соловецкие стоянки II–I тыс. до н.э. // СА. 1983. № 4.
9. *Мартынов А.Я.* Древнейший памятник материальной культуры на Соловецких островах // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1990. М., 1992.
10. *Мартынов А.Я.* Первобытная археология островов южной части Белого моря. Архангельск, 2010.
11. *Косменко М.Г.* Проблемы датирования и хронология памятников Карелии (Каменный, Бронзовый, Железный века) // РА. 2003. № 4.
12. *Брюсов А.Я.* История древней Карелии. М., 1940.
13. *Мудло И.М.* Памятники древней культуры на Кузовых островах // Археология и археография Беломорья. Соловки, 1984.
14. *Мартынов А.Я.* О некоторых спорных проблемах соловецких святилищ // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990.
15. *Мартынов А.Я.* Археологические памятники Соловецкого архипелага (мезолит – «домонастырское» Средневековье). Каталог. Соловки, 2013.
16. *Мартынов А.Я.* Стоянки II–I тысячелетий до н.э. на Соловецких островах // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1992. М., 1993.
17. *Гохман И.И., Лукьянченко Т.В.* О предшественниках русских на Соловецких островах // Советская этнография. 1979. № 4.
18. *Куратов А.А.* Отчёт о работе археологической экспедиции АОКМ и АГПИ им. М.В. Ломоносова в 1969 году // Архив АОКМ. № 462а.
19. *Скворцов А.П.* Сколько памятников на Соловках? // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990.
20. *Елисеев А.В.* О так называемых вавилонах на севере России // Известия Географического общества. Т. 19. СПб., 1883.
21. *Спицын А.А.* Северные лабиринты // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 6. СПб., 1904.
22. *Куратов А.А.* Древние лабиринты Архангельского Беломорья (К вопросу о назначении каменных лабиринтов Северной Европы) // Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1973.
23. *Виноградов Н.Н.* Соловецкие лабиринты. Их происхождение и место в ряду однородных доисторических памятников // Материалы Соловецкого общества краеведения. Вып. IV. Соловки, 1927.
24. *Мартынов А.Я.* Археологическое прошлое Заяцких островов Соловецкого архипелага // Соловецкий сборник. Вып. 2. Архангельск, 2005.
25. *Косменко М.Г.* Древности приморской зоны южного и западного Беломорья (Проблемы происхождения и адаптации культуры древнего населения) // Комплексные гуманитарные исследования в бассейне Белого моря. Петрозаводск, 2007.
26. *Мартынов А.Я.* О методологических проблемах изучения каменных лабиринтов Северной Европы // Археология сакральных мест России. Сборник тезисов докладов научной конференции с международным участием (Соловки, 7–12 сентября 2016 г.). Соловки, 2016.
27. *Шумкин В.Я.* Лабиринты – загадочные каменные сложения: изучение, историческая реальность и современная мифологизация // Археология сакральных мест России. Сборник тезисов докладов научной конференции с международным участием (Соловки, 7–12 сентября 2016 г.). Соловки, 2016.

**ФГБУК «Соловецкий государственный
историко-архитектурный и природный музей-заповедник,
Соловки, Архангельская область**

A.Ya. Martynov

INVESTIGATIONS OF PRE-CHRISTIAN PAST OF SOLOVETSKY ARCHIPELAGO: SOME MISTAKES AND DELUSIONS

Summary

Russian archaeologists received very important and interesting results in investigations of prehistoric past of Solovetsky Islands: they found and excavated 65 ancient settlements, examined more than 30000 artifacts, published 80 scientific articles and books about Solovetsky antiquities, created several exhibitions, devoted to archaeology of Solovky.

At the same time they had made serious methodical and theoretical mistakes that were overlooked by authors of many popular books and articles. Thanks to last investigations, it became possible to analyze and improve some of them in this article.

*The State Historical, Architectural and Natural Museum-Reservation
of Solovetsky Islands,
12, 9, Primorskaya St., Solovetsky Settlement,
Primorsky District, Arkhangelsk Region, 164070,
Russia
E-mail: martinov@solovky.ru*

А.В. Трусков

ФИНАЛЬНОПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА РОСТИСЛАВЛЬ 2 (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

Данная предварительная публикация сделана по материалам раскопа 2015 г. с небольшими дополнениями по раскопкам 2016 г., которые могут иметь значение.

Работы автора в районе средневекового городища Ростиславль и на его территории по поиску и изучению памятников каменного века проводятся с 2003 года. Началу этих работ послужило ознакомление автора с каменными изделиями, найденными в культурном городищенском слое во время раскопок городища, проводимых В.Ю. Ковалем, что привело к открытию и дальнейшему исследованию первой Ростиславльской стоянки, в материалах которой присутствовал ряд характерных форм изделий финальнопалеолитических культур Лингби и Арнсбург [1; 2, с. 199–215].

Летом 2014 г. были продолжены работы по поиску и исследованию памятников каменного века в окрестностях городища Ростиславль. Для разведывательного шурфа было выбрано место на террасовидном участке берега высотой до 6 м над уровнем р. Оки, по правому борту крупного оврага, формирующего городищенский мыс. Подобные береговые участки часто использовались в различные периоды каменного века для устройства стоянок древними людьми (рис. 1, 2).

В шурфе 1×2 м был обнаружен богатый культурными остатками слой, залегающий в погребённой почве на глубине около 1,3 м.

Данный памятник представлялся более перспективным в плане дальнейшего изучения, нежели первая Ростиславльская стоянка. Перекрытый значительным слоем балласта, слой нового памятника не был повреждён деятельностью жителей средневекового городища. Это давало возможность также получить фаунистические остатки, образцы грунта для анализов на пыльцу, уголь и др., что отсутствовало на первой стоянке.

Летом 2015 г. при содействии В.Ю. Ковалева на этом мысовидном участке был заложен раскоп 3×4 м. Полностью разобрать культурный слой стоянки тогда не удалось, и была произведена его консервация.

Наклон современной дневной поверхности от квадратов, расположенных выше по склону, к квадратам нижним (с востока на запад) – по линии квадратов В, Б, А – составляет 0,5 м. Это сказалось и на некотором различии в стратиграфии по профилям разных стенок раскопа.

Описание стратиграфии даётся по северной стенке раскопа, по квадрату В, где профиль представляет более полным (рис. 3):

1 – дёрн – 0–0,16 м;

2 – тёмно-серый суглинок с включением обломков белого камня – 0,16–0,36 м;

3 – серый лёгкий суглинок с включением белого камня – 0,36–0,62 м;

4 – тёмно-серый суглинок с включением фрагментов домонгольской керамики и отдельных индивидуальных изделий этого же времени (культурный слой), встречаются отдельные кремнёвые изделия – 0,62–0,76 м. В квадратах, расположенных ниже по склону, выклинивается;

5 – делювиальный коричневый суглинок с обломками белого камня, с включением кремнёвых изделий – 0,9–1,1 м. Между этим слоем и культурным слоем домонгольского времени в северо-восточной части раскопа вклинивается линза светло-серой неслоистой супеси мощностью до 0,2 м (обозначена на разрезе как № 8);

6 – тёмно-серый до чёрного суглинок (погребённая почва) с большим количеством кремнёвых изделий (культурный слой стоянки) – 1,2–1,35 м;

7 – светло-коричневый стерильный суглинок (по восточной стенке он отмечен только по крайним квадратам) – 1,35–1,4 м. Слабый по мощности, по большей части восточной стенки слой стоянки ложится прямо на каменистую осыпь склона меловой горы. Там, где этот суглинок представлен, он прокопан пока только на 5–10 см.

При вскрытии слоя коричневого делювиального суглинка (слой № 5), покрывающего основной культурный слой стоянки, был встречен ряд кремнёвых изделий. Этот материал рассеян в слое, не образует скоплений. Кости животных, угли и охра отсутствуют.

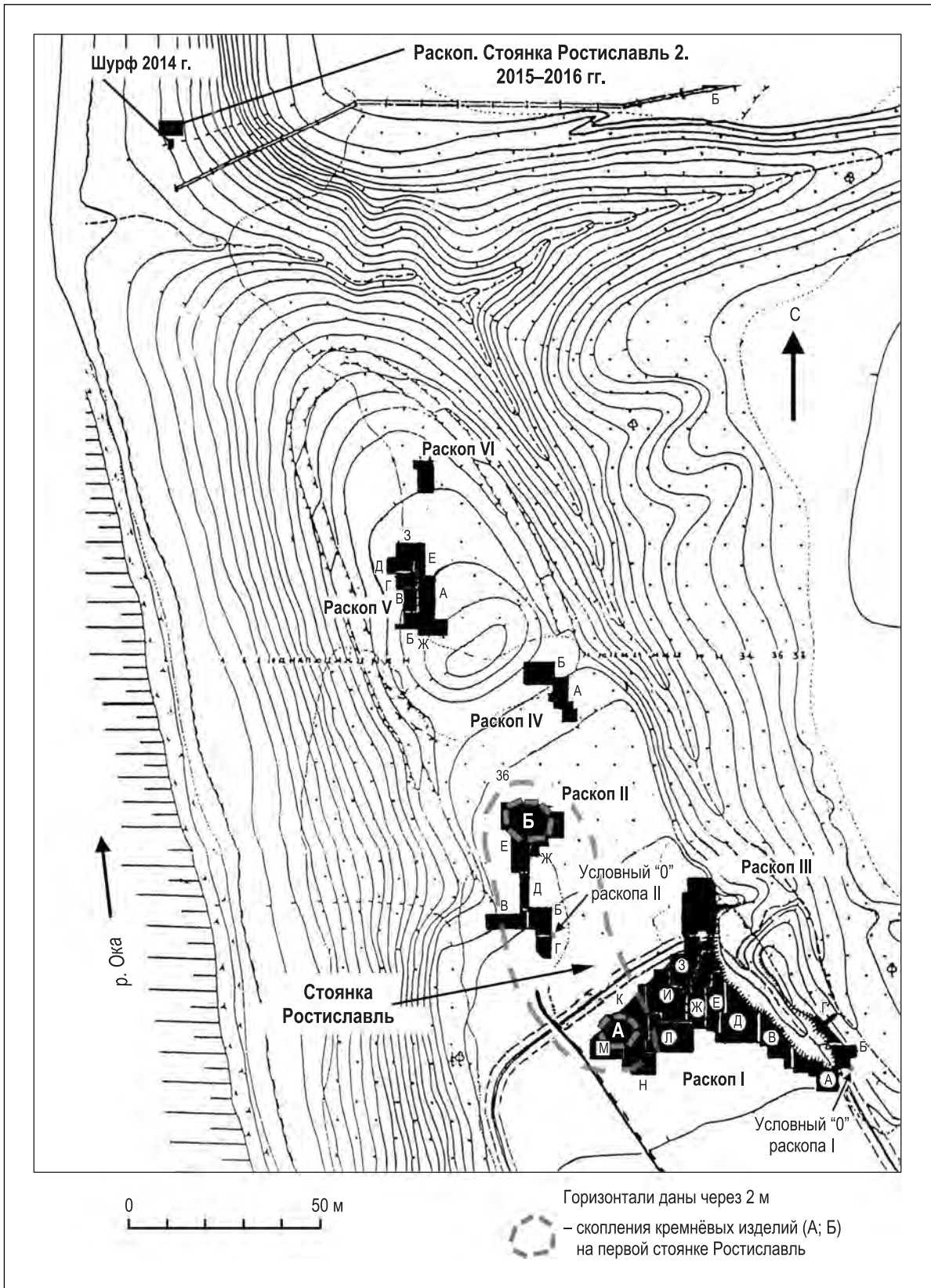

Рис. 1. План места расположения раскопа на стоянке Ростиславль 2 у городища Ростиславль

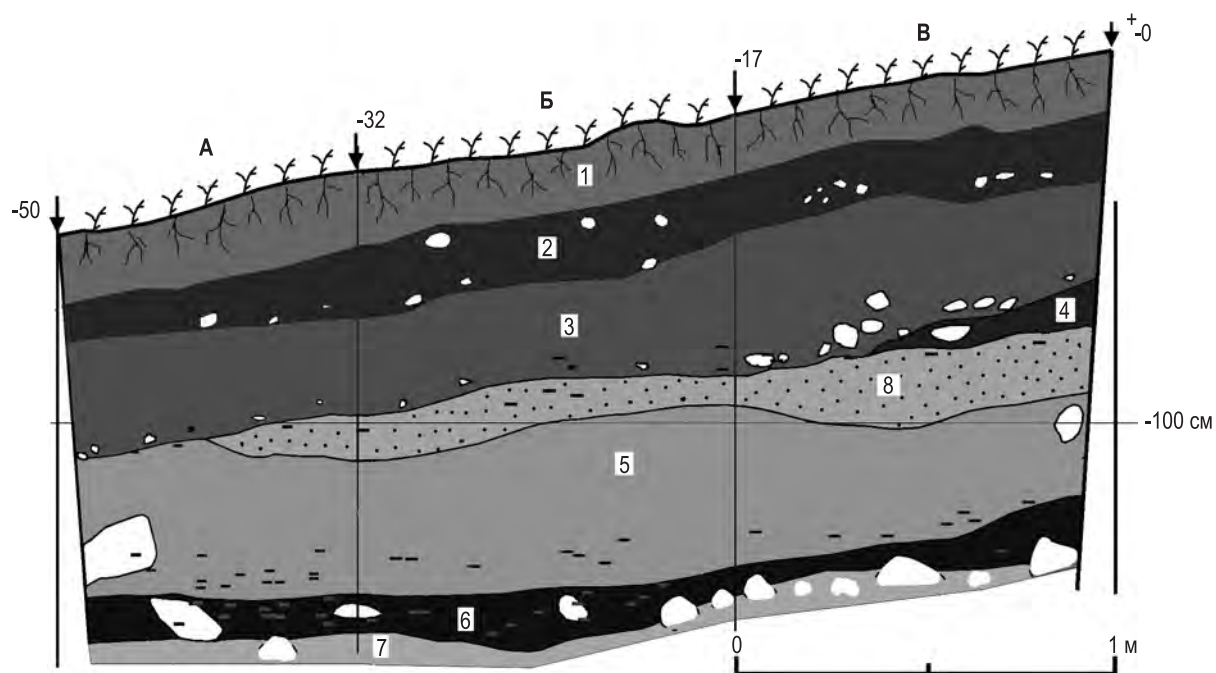

Рис. 3. Стоянка Ростиславль 2. Северный профиль раскопа:

1 – дерн; 2 – темно-серый суглинок с включением обломков белого камня; 3 – серый лёгкий суглинок с включением обломков белого камня; 4 – темно-серый суглинок – культурный слой домонгольского времени; 5 – делювиальный коричневый суглинок с обломками белого камня и с включением кремнёвых изделий; 6 – темно-серый до чёрного суглинок (погребённая почва) – основной культурный слой стоянки; 7 – светло-коричневый стерильный суглинок; 8 – линза светло-серой неслоистой супеси

Основной культурный слой стоянки связан со слоем тёмно-серого до чёрного суглинка – погребённой почвой. Из-за уклона поверхности террасы перепад между верхними по склону квадратами и нижними составляет 20–25 см. Мощность слоя – 10–15 см. Эта почва частично покрывает каменистую осыпь горы карбона. Несколько камней, в том числе достаточно крупных, упав с горы, накрыли часть культурного слоя стоянки (более 1 кв. м), что затруднило расчистку слоя. В 2016 г. эти камни были удалены, и расчистка была продолжена (рис. 5, 6).

Какие-либо сооружения – ямы, очаги и т.п. – пока не выявлены. Всего в этом слое (раскоп 2015 г.) были найдены 802 кремнёвых изделия. Кремнёвый материал распределён неравномерно. Выявлены 5 скопления кремнёвых изделий (рис. 6).

Скопление № 1 найдено в квадрате А3 на глубине -1,44 м от нулевой отметки (уровня дневной поверхности у СВ угла раскопа 2015 г.). Оно имело овальную форму, размеры – 10×15 см и представляло собой линзу мощностью до 4 см, плотно насыщенную кремнёвыми изделиями.

Всего в этом скоплении были найдены 33 кремнёвых изделия (не считая 17 чешуек и мелких осколков). Среди них: отщепы и осколки – 24, микропластинка и пластинка с ретушью.

По характеру находок данное скопление представляет собой место утилизации (выброса) остатков кремнёвого производства.

Скопление № 2 найдено в квадрате Б4 на глубине -1,34 м. Оно также было линзовидным, мощностью до 4 см, округлой формы, диаметром до 12 см.

Из скопления происходят 27 предметов (не считая 35 мелких осколков и чешуек). Из них: отщепов – 20, пластин – 2, микропластинка – 1, резцовый отщепок – 1, отщепов с ретушью – 2, обломок резца ретушного – 1.

По всей видимости, оно, так же как и скопление № 1, является местом утилизации остатков кремнёвого производства.

Скопление № 3 находилось в квадрате В3 у края каменистой осыпи склона на глубине -1,39 м. Скопление имело подовальную форму, его размеры – 22×33 см. Мощность линзы скопления – до 4 см.

В скоплении найдены 42 предмета. Среди них: нуклеус торцевой от пластин (расщеплён морозобоем) – 1, нуклеидный обломок – 1, отщепы – 29, пластины – 10, ретушный резец – 1.

Большая часть отщепов происходит от одного желвака светло-серого полосчатого кремня – есть (по предварительным данным) три случая ремонтажа.

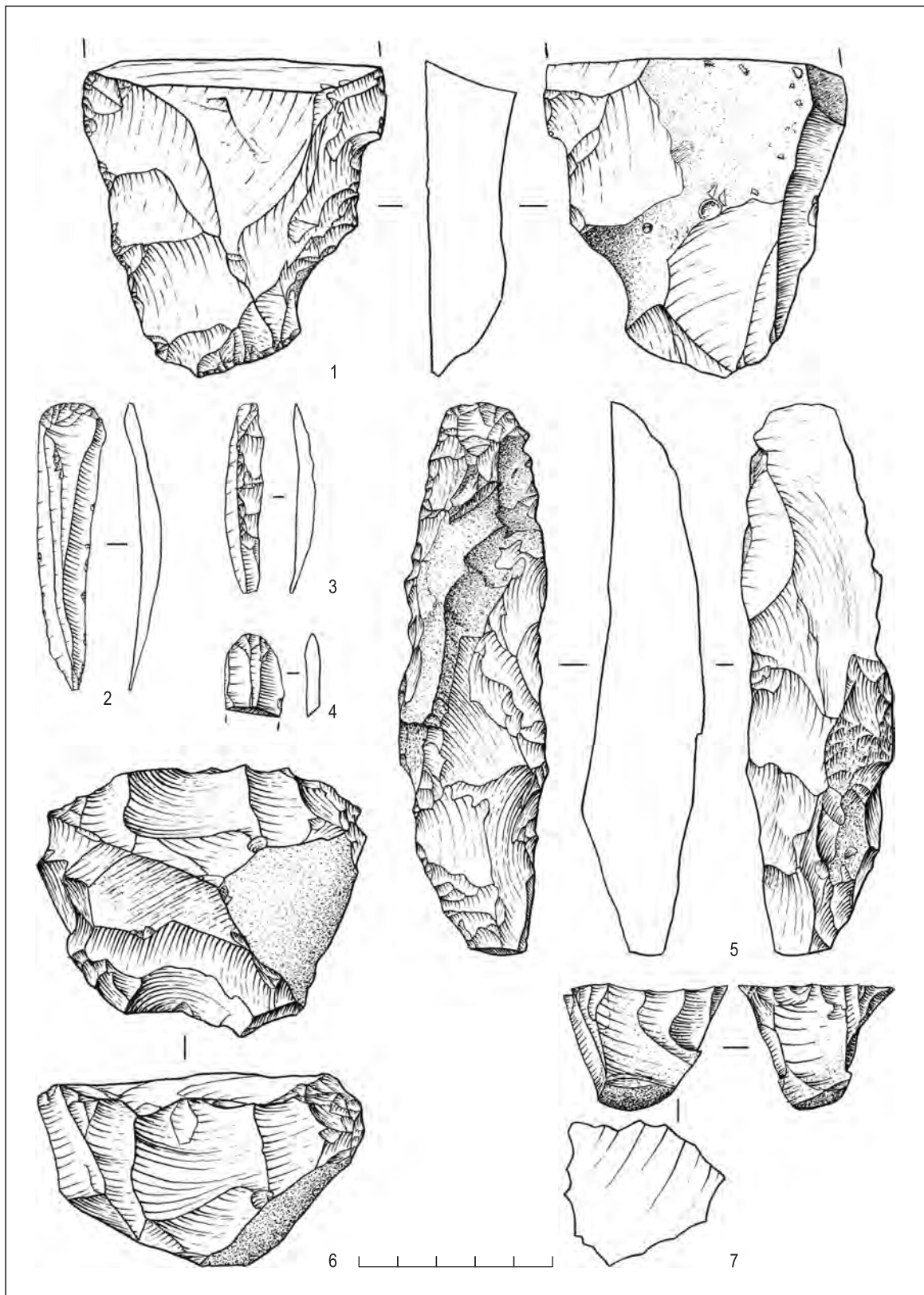

Рис. 4. Кремнёвые изделия со стоянки Ростиславль 2:
 1-4 – из верхнего (мезолитического?) слоя; 5-7 – из слоя погребённой почвы

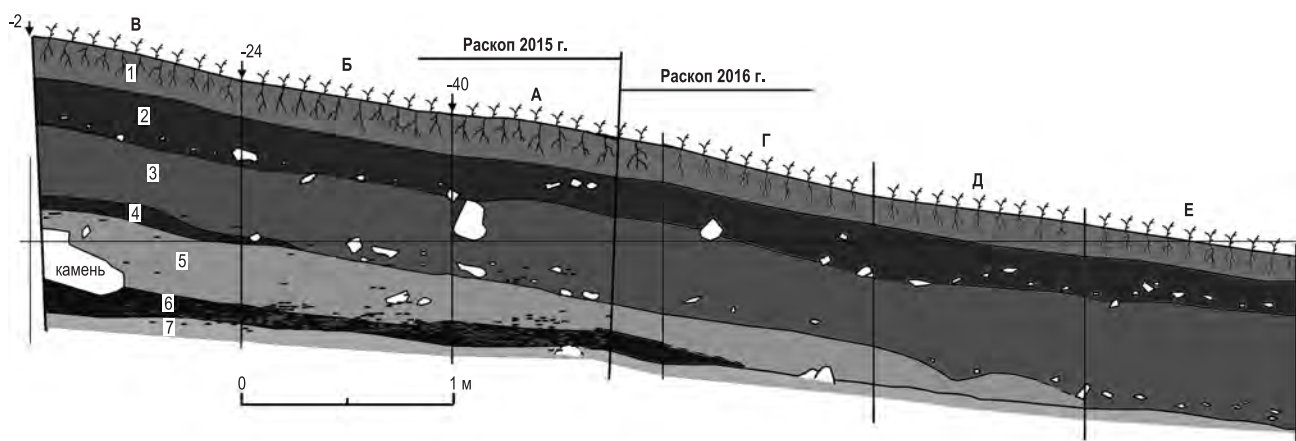

Рис. 5. Стоянка Ростиславль 2. Сводный профиль южной стенки раскопов 2015–2016 гг. (нумерация слоёв соответствует таковой на рис. 3)

Нельзя исключать принадлежность данного скопления к эпизодической мастерской, где был расщеплён один из желваков.

Скопление № 4 выявлено в квадрате Б3 (частично заходит в квадрат В3) на глубине -1,43 м. Скопление имело подовальную форму, размеры – 50×40 см. Линза скопления также была не более 4 см мощностью.

В скоплении были найдены 54 предмета (без 21 единицы мелких осколков и чешуек). Из них: нуклеус аморфный от отщепов – 1, обломок кварцита – 1, отщепов – 44, пластин – 5, микропластинка – 1, отбойник – 1, отщепов с ретушью – 2.

По характеру ряда сколов можно предположить, что на данном месте могло производиться расщепление по крайней мере одного желвака.

Скопление № 5 обнаружено у центральной части квадрата Б3 на глубине -1,44 м. Оно имело неправильную вытянутую форму, размеры – 44×22 см. Линза скопления не превышает 3 см по мощности.

Всего в скоплении найдены 58 изделий (не считая 31 единицы чешуек и мелких осколков). Из них: нуклеус от отщепов – 1, нуклевидный обломок – 1, отщепов – 44, пластины – 3, микропластинка – 1, пластина с ретушью – 1, резцов ретушных – 5, резец двугранный(?) на отщепе – 1.

Отмечены 10 случаев ремонта, в основном от одного желвака коричневого кремня.

Данное скопление, как и скопления № 3 и № 4, – результат расщепления по крайней мере одного желвака.

По сути эти пять скоплений изделий из кремня и весь южный участок раскопа, отличающийся в целом от участка северного обилием расщеплённого кремня, является одной большой мастерской. Расположение зоны первичного расщепления у подножия скальной известняковой карбоновой осыпи оправдано близостью непосредственного места добычи сырья.

Всего на памятнике в 2015 г. (в «инситном» слое финального палеолита) найдены 802 кремнёвых изделия, из них: нуклеусов – 6, нуклевидных обломков – 3, обломок – 1, отщепов – 591, пластин – 74, микропластин – 7, отбойник – 1, резцовых отщепков – 24, отщепов с ретушью – 20, пластин с ретушью – 6, скребков – 4 (рис. 7: 13–15), резцов (преимущественно ретушных) – 24 (рис. 8: 1–11), наконечников черешковых – 2 (рис. 7: 6, 9), наконечник с боковой выемкой – 1 (рис. 7: 7), нож обушковый – 1 (рис. 7: 1), остриё типа Фердермессер – 1 (рис. 7: 4), остриё типа Цунхофен – 1 (рис. 7: 8), пластина с притупленным ретушью концом – 1 (рис. 7: 10).

Относительно острия Цунхофен может возникнуть сомнение в точности атрибуции данного изделия (у некоторых специалистов оно закономерно возникает), поскольку для классических острей Цунхофен ретушью, оформляющей остриё, обрабатывается бугорковая часть изделия, здесь же обработана дистальная часть заготовки. Причиной же оформления острия на бугорковой части заготовки, по всей видимости, является то, что она, как правило, отличается большей массивностью. В нашем же случае более массивной оказалась дистальная часть заготовки, что и определило её выбор для обработки ретушью.

Среди интересных находок надо отметить изделие, выполненное на продолговатом куске кремнёвого желвака, подправленного двусторонней оббивкой, на одном из концов которого выполнено скребковое лезвие. Такие удлинённые массивные скребковые изделия с достаточно узким скребковым лезвием (рис. 4: 5) автору не известны.

Доля орудий, несмотря на наличие скоплений расщеплённых кремней и мастерских, составляет 7,6 %, что позволяет говорить о том, что Ростиславль 2 был обычной стоянкой, включающей и мастерские.

Кроме каменных изделий, в культурном слое стоянки найдены угли (определение каковых пока не производилось), пережжённые кости, крупинки охры, обломки и мелкие осколки костей животных.

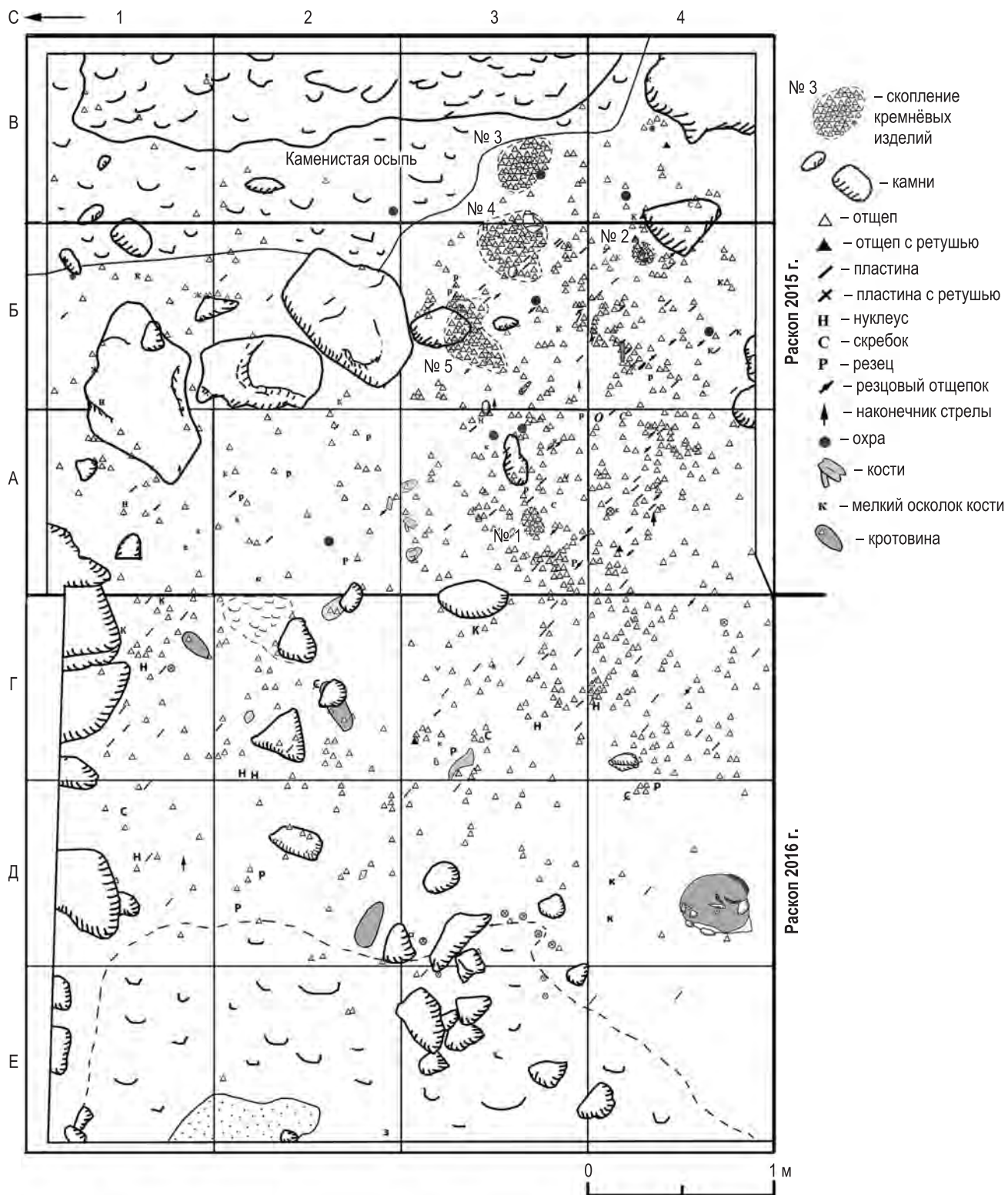

Рис. 6. Стоянка Ростиславль 2. План раскопа 2015–2016 гг.

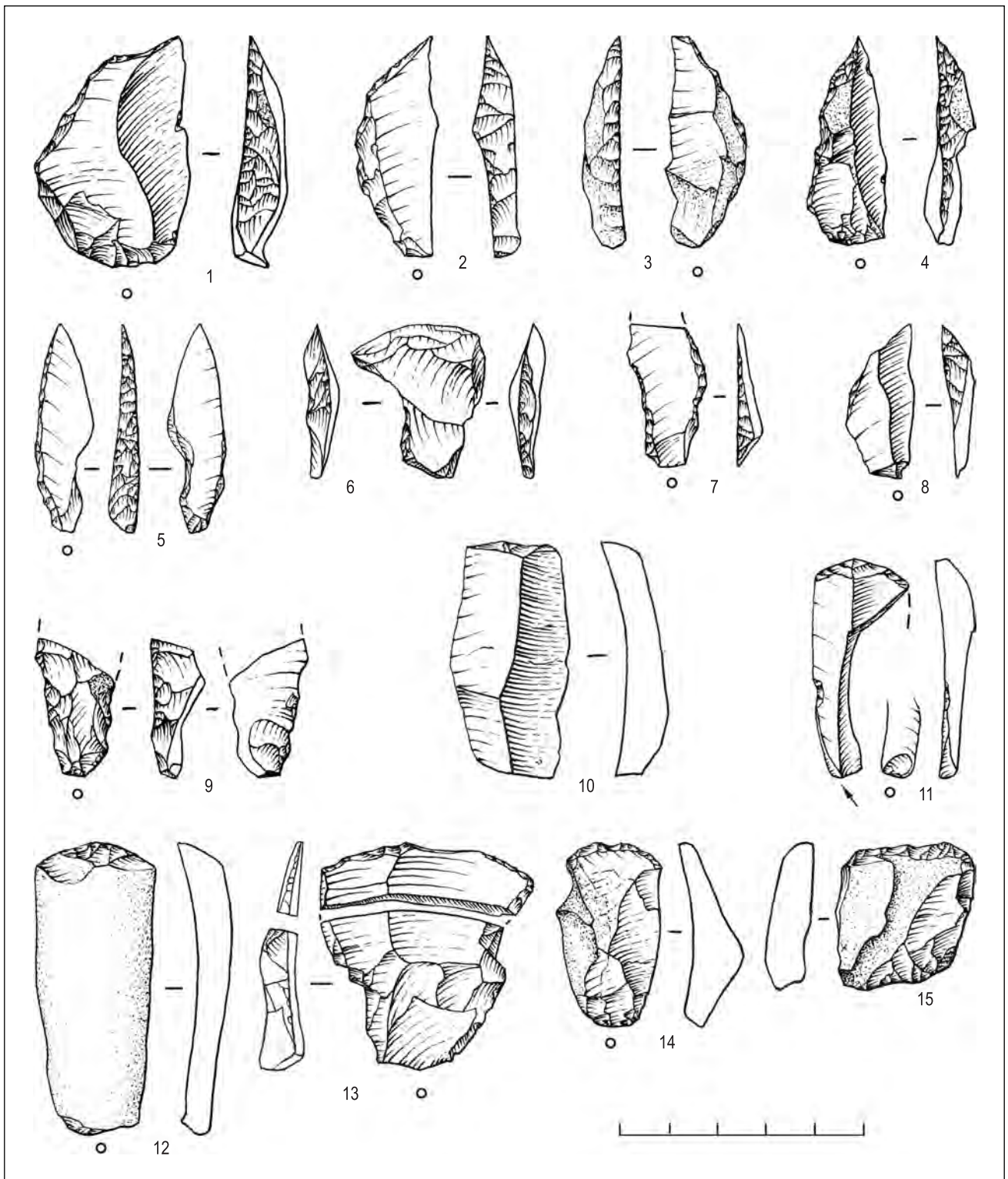

Рис. 7. Стоянка Ростиславль 2. Кремнёвые орудия из слоя погребённой почвы

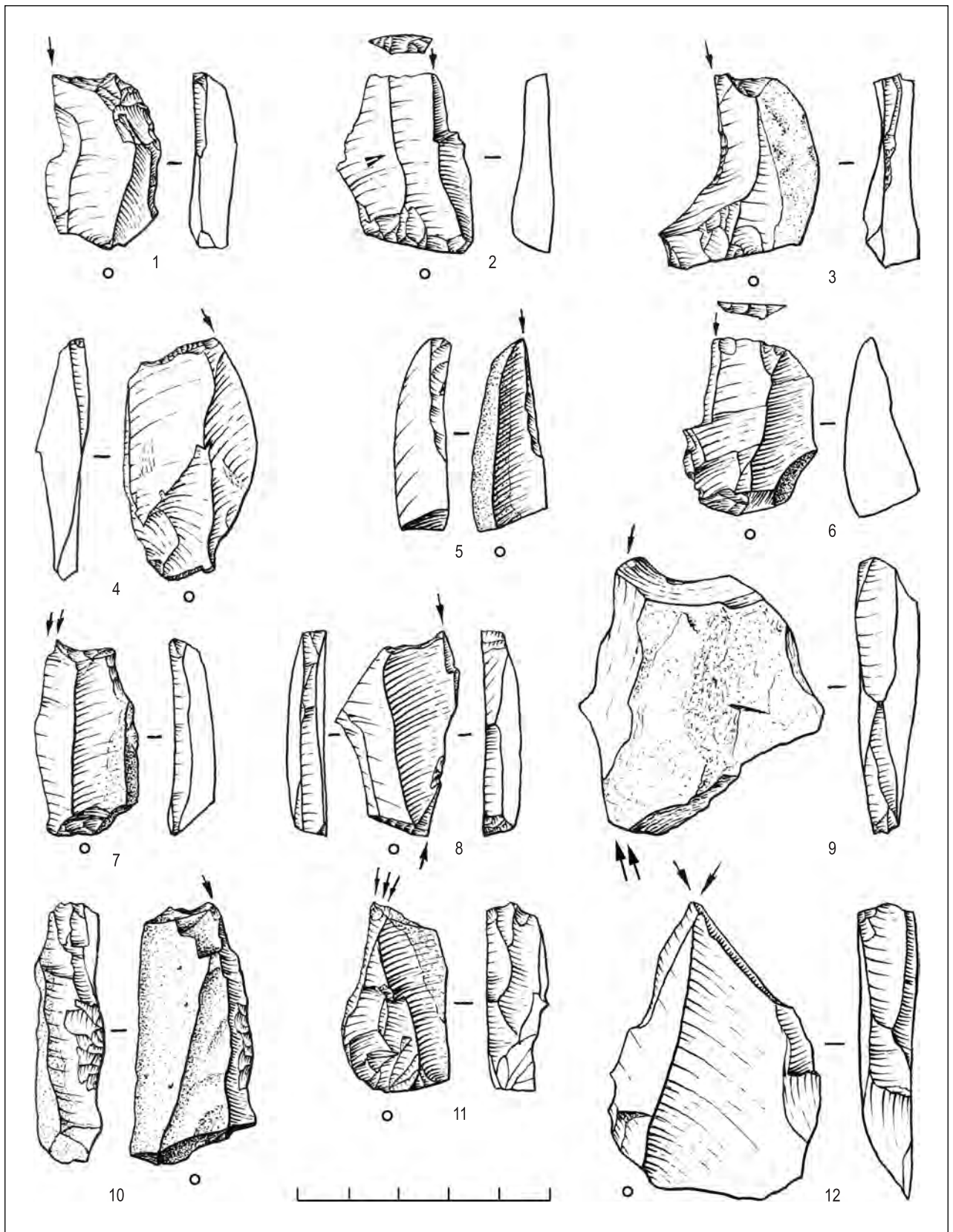

Рис. 8. Стоянка Ростиславль 2. Кремнёвые резцы из слоя погребённой почвы

В 2016 г. была осуществлена прирезка 3×4 м к раскопу 2015 г. с западной стороны (вниз по склону). На этом участке только на первой полосе квадратов (ближней к раскопу 2015 г.) ещё сохранялось разделение на выделенные ранее стратиграфические слои с различным по времени материалом: слой 4 – тёмно-серый суглинок с включением фрагментов домонгольской керамики; слой 5 – делювиальный коричневый суглинок с отдельными кремнёвыми изделиями (мезолит?) и слой 6 – погребённая почва с кремнёвыми изделиями, костями животных, углями и охрой (основной культурный слой стоянки) (рис. 5).

На расположенных ниже по склону квадратах в результате склоновых процессов происходит слияние этих слоёв со смешением разновременных материалов, где средневековая керамика соседствует с охрой и кремнёвыми изделиями. Тем не менее на участках раскопа, где стратиграфия не была серьёзно нарушена склоновыми процессами, были найдены несколько кремнёвых изделий, о которых нельзя не упомянуть и которые хорошо дополняют комплекс находок 2015 г. (остальные материалы раскопа 2016 г. находятся в обработке). Это два концевых скребка на пластинах (рис. 7: 11–12), резец двугранный на отщепе (рис. 8: 12), два острья с дугообразным притупленным краем (сегменты) (рис. 7: 2–3), остриё на пластинке с дугообразным притупленным краем и ретушированной выемкой в основании (наконечник стрелы?) (рис. 7: 5).

Один из образцов погребённой почвы с раскопа 2015 г. был передан на определение сотруднику Геологического института РАН С.В. Наугольных. По его мнению, предварительно можно предположить, что палеопочвенный профиль (слой 6) стоянки Ростиславль 2 был образован в условиях высокой поймы при доминировании травянистых растений семейств Asteraceae (Астровые) и Ranunculaceae (Лютиковые), а также злаков.

Сходная геоморфологическая ситуация наблюдается на стоянке Вашана (бассейн Средней Оки). Памятник, относимый авторами к рубежу плейстоцена и голоцена, располагается на берегу р. Вашана, который представляет собой мощный и крутой известняковый массив высотой 40–45 м, рассечённый оврагами. Он расположен в устье одного из оврагов на мысу, представляющем собой фрагмент низкой – 5–6 м над уровнем реки – террасы, что, по мнению тульских геологов, соответствует первой надпойменной террасе бассейна Средней Оки [3, с. 134]. По костям и углю для стоянки получены две даты – 9600±450 и 9680±160 ВР. Но залегание находок в плейстоценовом суглинке и состав фауны, близкий к позднеплейстоценовому, убеждают авторов в омоложенности этих дат. По их мнению, абсолютный возраст памятника должен быть в пределах 12–10,5 тыс. л.н. [3, с. 138]. Но в отличие от стоянки Ростиславль 2 каменный инвентарь этой стоянки наиболее близок к раннемезолитическим бутовским памятникам [3, с. 141].

Что касается культурной принадлежности стоянки Ростиславль 2, то изготовление орудий осуществлялось как на пластинах, так и на отщепах, причём орудия на отщепах преобладают. Наличие серии ретушных резцов, насада черешкового наконечника и острья типа Цунхофен позволили отнести памятник к тому же кругу памятников, что и стоянка Ростиславль, раскапывавшаяся в 2002–2005 гг., – к группе памятников Лингби-Аренсбург.

Однако найденные острья с притупленной спинкой и сегменты ставят под сомнение это первоначальное предположение.

Подобные предметы на раскапывавшейся ранее первой стоянке Ростиславль отмечены не были. Не характерны они и для памятников культур Лингби-Аренсбург. Но ряд подобных сегментов и острий с притупленной спинкой был отмечен на юге Франции, на азийском памятнике Де Ла Фру [4, р. 323, fig. 2: 3–8]. Есть такие и на памятниках культуры Федермессер: стоянки Цаловане, Катажинув [5, с. 173, рис. 50: 16, 17; с. 178, рис. 55: 9], стоянка Витув 1 [5, с. 174, рис. 51].

К этим сегментам со стоянки Ростиславль 2 надо добавить остриё на пластинке с ретушированным дугообразным краем (рис. 7: 4) и остриё на пластинке, у которого один слабодугообразный край обработан встречной ретушью. В основании с противоположного края выделена небольшая выемка (остриё типа Федермессер, переоформленное в наконечник?) (рис. 7: 5). Острья типа Цунхофен также встречаются на памятниках культуры Федермессер.

Есть подобное остриё и в материалах стоянки Дальний Остров [4, с. 254, табл. 47: 29].

Подобные находки ставят новые вопросы относительно культурной принадлежности стоянки Ростиславль 2. Вполне возможно, что стоянки Ростиславль и Ростиславль 2 – это не памятники одной культуры, расположенные на разных террасах по причине разной сезонности существования, а памятники, относящиеся к разным культурам.

Проникновение таких культурных элементов, как Лингби и Арэнсбург и других, в период финального палеолита в Восточную Европу неоднократно отмечалось различными авторами. По мнению Л.Л. Зализняка, с периода финального палеолита до эпохи бронзы прослеживаются по меньшей мере 15 миграционных волн, которые шли через территорию Польши в восточном направлении. Это – носители традиций культур Гамбург, Лингби, Свицер, а также культуры воронковидных кубков, шаровидных амфор и т.д., что объясняется однотипностью природно-климатических условий этих районов [7, с. 16].

Но если арэнсбургская культура сыграла свою роль в формировании иеневской культуры в Волго-Окском междуречье, свицкая нашла своё продолжение в памятниках бутовской культуры, то, возможно, культура Федермессер своего дальнейшего развития на данной территории не получила. Но отдельные артефакты, наверное, ещё будут найдены, а стоянки – открыты.

Так ли это или нет, покажут дальнейшие исследования. Во всяком случае, стоянка Ростиславль 2 находится пока в самом начале археологического изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Трусов А.В.* Финально-палеолитическая стоянка Ростиславль (предварительное сообщение) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М., 2004.
2. *Трусов А.В.* Палеолит бассейна Оки. М., 2011.
3. *Анисюткин Н.К., Лисицин С.Н.* Стоянка Вашана – памятник рубежа плейстоцена и голоцена в Тульской области // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене. М., 2007.
4. *Pion Gilbert.* L'abri de La Fru a Saint-Christophe-la-Grotte (Savoie): L'Azilien ancien du début de l'aleröd // Bulletin de la société pré-historique Française 1997 / Tome 94, № 3.
5. *Жилин М.Г., Кольцов Л.В.* Финальный палеолит лесной зоны Европы (культурное своеобразие и адаптация). М., 2008.
6. *Кольцов Л.В.* Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР. М., 1989. (Археология СССР)
7. *Зализняк Л.Л.* Западная культурно-историческая провинция Восточной Европы // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы. СПб., 2009.

*ГБУК г. Москвы
«Музейное объединение «Музей Москвы»,
Москва*

A.V. Trusov

FINAL PALAEO-LITHIC ROSTISLAVL 2 SITE (A PRELIMINARY REPORT)

Summary

The archaeological site Rostislavl 2 was found by the author in 2014. As a result of the expedition of 2015–2016 24 m² of the site were researched. The cultural layer is associated with a buried soil located at depth of from 1 to 1.5 m.

More than 1000 flint items, as well as bones, ochre and coal were found. Separate objects, such as the points with the dulled edge (Federmesser type), segments and some others allow assuming, as a hypothesis, the fact of possible penetration of bearers of Federmesser culture into the interfluvium of the Volga and the Oka.

*State Budgetary Institution of Culture
“Museum of Moscow”,
2, Zubovsky Blvd, Moscow, 119021,
Russia
E-mail: Aleksvstrusov@gmail.ru
vfrcbvAchcjd@mail.ru*

М. Жемантаускайте

«ПОСТСВИДЕР»: КОНЦЕПЦИИ И СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕННОСТИ В ЛИТВЕ

Общепринятыми являются группировка и классификация неоднократно встречающихся вместе артефактов в рамках особых единиц – археологических культур. Структурированная таким образом преистория становится более лёгкой для понимания. Кроме того, археологическая культура является удобным инструментом, позволяющим наладить коммуникацию между учёными. Понятие «постсвидер» включает в себя более одной археологической культуры. Оно указывает на генетическую связь и происхождение от предшествующей свидерской культуры Южной и Юго-Восточной Прибалтики. Оно также подчёркивает адаптацию финальнопалеолитических охотников и собирателей к условиям окружающей среды послеледниковья. Тем не менее, не все археологи придерживаются одних и тех же теорий культурного эволюционизма [1]. Парадокс заключается в том, что даже те, кто не поддерживает идею прямой преемственности свидера и постсвидера, иногда пользуются последним термином [2]. В связи с этим представляется важным сделать обзор концепций «постсвидера» или кундской культуры (пуллийский этап), существующих к данному моменту в Литве. В этой статье они представлены и сравнены с новейшими идеями скандинавских археологов. Кроме этого, обсуждены состояния изученности и перспективы дальнейшего исследования «постсвидера».

Определение «постсвидера»

В настоящее время не существует единого устоявшегося термина, который бы подразумевал пребореальных и бореальных охотников и собирателей, использовавших в качестве заготовок для производства орудий отжимные пластины, полученные с конических нуклеусов. В данной статье используется понятие «постсвидер», хотя при этом никакая связь с происхождением археологической культуры не подразумевается. Оно относится к сообществам охотников и собирателей Южной и Юго-Восточной Прибалтики пребореального и бореального периодов, наиболее примечательной чертой материальной культуры которых являются черешковые наконечники стрел на регулярных пластинах. Их черешки обычно выделены с двух краёв двухсторонней ретушью, а перо плоскоретушировано с вентральной стороны. Обычно «постсвидерские» коллекции могут содержать резцы на углу медиальных частей регулярных пластин, большое количество фрагментированных пластин, вкладыши, треугольники. Доисторические сообщества, которые использовали такого рода кремнёвые артефакты, известны в литературе под разными названиями – эписвидер, кундская культура, пуллийский этап или бутовская культура [3; 4; 5; 6].

В целом, с технологической точки зрения, постсвидер ассоциирован с производством пластин. Польский археолог З. Сульгостовска предполагает, что технология получения пластин с одноплощадочных нуклеусов с помощью техники отжима уже использовалась в финальном палеолите Сибири [7]. Вообще считается, что наиболее ранние свидетельства отжимной пластинчатой технологии задокументированы в Монголии в слоях возрастом почти 20000 ВС [8; 9]. С теоретической точки зрения, это наиболее веский аргумент в пользу гипотезы о том, что «постсвидер» не является локальной культурой, адаптировавшейся к условиям послеледниковья [1]. Тем не менее литовские археологи придерживаются мнения, что «постсвидер», называемый кундской культурой, происходит от предшествующей свидерской культуры.

Данная статья направлена на идентификацию «постсвидера» в литовской археологической литературе, посвящённой изучению пребореального и бореального периодов на территории Литвы, и на его обсуждение в более широком контексте, в частности в рамках технологической концепции получения отжимных пластин с конических нуклеусов. Эта концепция была сформулирована группой скандинавских археологов и представлена в совместной публикации 2013 г. [2]. Главное отличие от взгляда литовских исследователей заключается в подходе к проблеме. Скандинавские археологи разработали технологический подход к изучению кремнёвых коллекций и используют динамическую классификацию как метод анализа для определения операционных цепочек комплексов. Это позволяет проследить процесс от получения сырья до финальной стадии – выбрасывания орудий. Технология является неотъемлемой частью социальной системы в доисторическом контексте [10]. И именно социальные аспекты раннемезолитических сообществ являются наиболее важной темой для исследования.

Преимущества и недостатки концепции «археологической культуры» в современной археологии

В современной археологии наиболее частым предметом исследования становятся более мелкие экономические и социальные категории. Тем не менее при изучении археологического контекста пребореального и бореального периодов в Южной и Юго-Восточной Прибалтике археологические культуры должны приниматься во внимание. Концепция археологической культуры была сформулирована в культурно-историческую эпоху развития археологии. В то время преистория рассматривалась через призму крупномасштабного анализа. Гордон Чайльд определял археологическую культуру как материальную культуру, которая может быть распознана по повторяемости взаимовстречающихся артефактов на определённой территории и в определённый период времени [11]. Обычно достаточно одной категории артефактов, чтобы выделить археологическую культуру. Начиная со второй половины XX столетия концепция археологической культуры подвергалась критике за то, что она неспособна объяснять процессы в преистории, например изменения в технологии [12]. Концепция опирается на типологию, и в этом главное её ограничение. В регионах, где преобладают конгломератные памятники, эта слабость особо заметна, поскольку новые археологические культуры выделяются на основании смешанных комплексов. Несмотря на это, концепция археологической культуры широко используется и не нашла достойной замены. Процессуальная и постпроцессуальная археология сместила внимание с крупно- на мелко- масштабные исследования и накопила огромный массив данных, но не смогла выработать методологию, которая позволила бы обобщать и реконструировать крупномасштабные исторические процессы [12]. Поэтому «археологическая культура» и по сегодняшний день остаётся пригодной концепцией, несмотря на её внутренние ограничения.

Проблема доступности источников

Разнообразие археологических культур иногда может быть обманчивым, особенно для исследователей из разных стран. Понимание и интерпретация раннего мезолита также зависит от источников и литературы, на которых археолог основывает свои интерпретации. Приведу пример.

Судя по карте (рис. 1), подготовленной М. Цвелебилем, в Северо-Восточной Польше и Литве в раннем мезолите существовала коморницкая культура, на территории Латвии – нарвская, в Эстонии и на юге Онеж-

Рис. 1. Культуры раннего мезолита в Балтийском регионе. По М. Цвелебилу [13, р. 20]

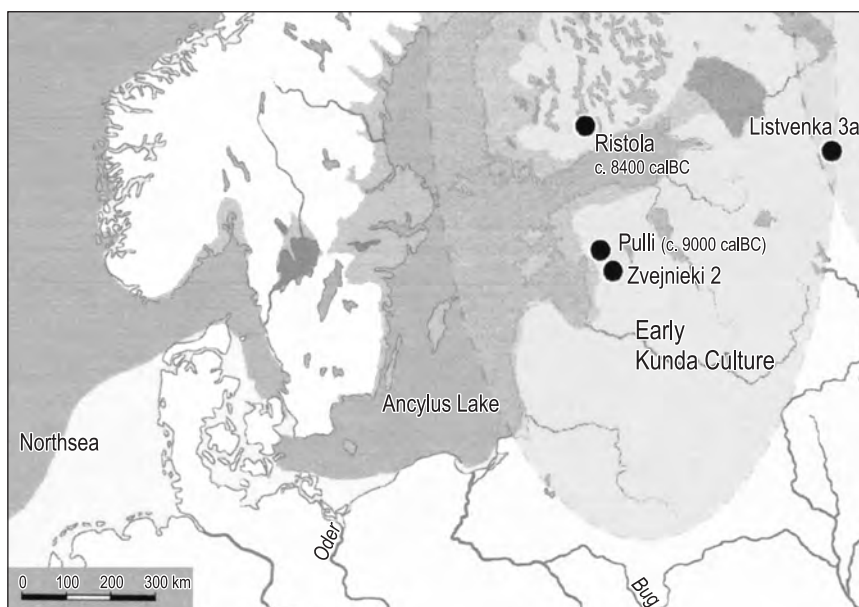

Рис. 2. Ранний мезолит в Восточной Прибалтике. По З. Харцу, Т. Тербергеру и М. Жилину [14, р. 167]

ского озера – кундская, а на северо-западе России – культура Веретье [13, р. 20]. Совершенно другое впечатление о распространении археологических культур в это же время на этой же территории можно получить из карт других авторов, например Hartz *et al* (рис. 2), где кундская культура занимает весь обозначенный регион [14, р. 167]. Как отмечалось выше, такая ситуация может являться отражением проблемы доступности данных. Это показывает, насколько важно для избежания неверного понимания того, как изучаемый регион представляется в широком контексте, публиковать результаты научных исследований не только на локальных языках.

Лишь некоторые работы литовских археологов, касающиеся раннего мезолита, опубликованы не на литовском, а на других языках. Наиболее значительной и широко известной среди них является опубликованная Римуте Римантене в 1971 монография под названием «Палеолит и мезолит Литвы» [5]. Последующие публикации, содержащие новые данные и отражающие развитие её взглядов, вышли на литовском и остаются малоизвестными и слабодоступными для иностранных читателей. Археолог Томас Остраускас опубликовал на английском языке несколько статей по кундской культуре [15; 16].

Концепции «постсвидерских» культур в работах литовских археологов

«Постсвидерские» черты в раннемезолитических культурах проявляются присутствием вышеупомянутых категорий артефактов: черешковых наконечников стрел типа Пулли, регулярных пластин и их делением с помощью интенционального ломания, вкладышей, конических нуклеусов и техники получения пластин отжимом. Далее рассмотрены три концепции «постсвидера», предложенные Р. Римантене, Т. Остраускасом и А. Гирининкасом.

Римуте Римантене была первым исследователем, обобщившим данные по литовскому мезолиту в 1971 г. [5]. Позднее её представления о мезолите были изложены в обобщающих монографиях по каменному веку Литвы, опубликованных в 1984 и 1996 гг. [17; 18]. По меньшей мере три выделенные ею археологические культуры содержат «постсвидерские» черты: эписвидерская, нёманская и кундская. Выделяя и описывая эти культуры, Р. Римантене объясняла их происхождение и смену эволюционистским способом.

Исследовательница считала, что эписвидерская культура есть ничто иное, как продолжение слившихся финальнопалеолитических культур [18, р. 65]. Эта культура была выделена на основании топографического положения памятников: на первой надпойменной террасе, – хотя их инвентарь содержал свидерские артефакты. Эписвидерские материалы сравнивались с комплексами типа Пулли и датировались соответственно [18, р. 67]. Топографическое положение памятников, однако, не может быть надёжным хронологическим индикатором, поскольку понижение уровня Балтийского моря не имело значительного влияния на внутриматериковые реки [3, р. 29]. Также Римантене считала, что патина на кремнёвых изделиях, выделяемых из смешанных комплексов, указывает на их раннемезолитический возраст. Однако очевидно, что использование и этого признака в качестве хронологического маркера является крайне рискованным, ввиду слишком большого разнообразия факторов, вызывающих патинирование кремнёвых артефактов [19, р. 22]. Опираясь на критику источников, можно констатировать, что на сегодняшний день нет надёжного подтверждения существования эписвидерской культуры.

Выделенная Р. Римантене нёманская культура, первоначально имевшая название микролитно-макролитической, также имеет «постсвидерские» черты, но складывается из нескольких компонентов. Один из них – наконечники эписвидерского типа (которые, как было установлено ранее, похожи на найденные в Пулли). Единственное, как считает Р. Римантене, эти наконечники выполнены на очень регулярных пластинах с параллельными краями и заметно сужающимся дистальным концом [18, р. 74]. Кроме этого Р. Римантене полагала, что памятники нёманской культуры имеют сходство с бутовскими бассейна Верхней Волги и Оки. Однако, по мнению исследовательницы, последние не имеют в составе своего инвентаря ланцетов и овальных топориков, что делает сходство комплексов этих культур только частичным. Ключевым элементом этого сходства являются конические (карандашевидные) нуклеусы с подготовленными площадками, которые Р. Римантене относил к нёманской культуре. Следует отметить, что отжимная пластинчатая техника считалась характерным признаком нёманской культуры. По мнению исследовательницы, эта техника была унаследована от свидерской культуры.

В комплексах кундской культуры Р. Римантене находит эписвидерские черты и считает её наследницей свидерской культуры. По её мнению, эписвидер существовал в пребореале, а кундская культура – в бореальном периоде. Хотя она соглашается, что трудно объяснить происхождение кундской культуры по причине малого количества исследованных памятников, при этом ни один из них не был найден в Южной Литве. Поэтому Р. Римантене ограничивает ареал этой культуры территорией Северной Литвы, Латвии и Эстонии.

Очевидно, что в Юго-Восточной и Восточной Прибалтике существовала сложная мозаика раннемезолитических культур. Результатом этого являются конгломератные памятники и смешанные коллекции. Проблема заключается в том, что они воспринимались как однородные комплексы, на основании которых и выделялись эписвидерская и нёманская культуры. Такой подход критиковался археологом Т. Остраускасом.

В 90-е годы XX века Томас Остраускас пересмотрел существующую периодизацию мезолита Литвы. Он критически подошёл к идее эписвидерской культуры, высказываясь в пользу существования на территории Литвы в раннем голоцене поздней свидерской культуры. В то же время, большое количество источников из Южной Литвы позволяло обосновать и присутствие кундской культуры. При этом указанный регион являлся наиболее насыщенным по количеству памятников – стоянок и случайных находок – во всем ареале культуры (рис. 3). Под кундской культурой исследователь понимал памятники типа Пулли, которые определял как появившиеся в результате трансформации небольших групп носителей свидерской культуры [3]. Эволюционным способом он объяснял и изменения в технологии. Опираясь на аргументы украинского археолога Л.Л. Зализняка, Т. Остраускас высказывался в пользу постепенного перехода от двухплощадочных к одноплощадочным нуклеусам, объясняя это эволюцией от менее к более экономной с точки зрения потребления сырья технологии. Переход от свидерской к кундской культуре должен был произойти во второй половине пребореального периода. Позднее кундская культура была вытеснена в северном направлении, на территорию современных Латвии и Эстонии, носителями кудлаевской и коморницкой культур [20].

Концепция раннемезолитического «постсвидера» Т. Остраускаса основана на технологической эволюции и миграции населения. Однако без открытия и изучения гомогенных комплексов и получения радиоуглеродных датировок проверить эти идеи на эмпирическом уровне сложно.

Альгирдас Гирининкас в 2009 г. обобщил исследования каменного века в Литве в монографии «Каменный век» – первом томе серии «Литовская археология». На данный момент это хронологически последнее обобщающее издание, в котором среди прочего рассматривается и ранний мезолит. Позиция этого автора во многом схожа с концепцией Р. Римантене, но содержит и некоторые идеи Т. Остраускаса.

Опираясь на коллекции, в которых присутствуют смешанные – палеолитические и мезолитические – черты, А. Гирининкас выделяет так называемый переходный период. В отношении «постсвидера» исследователь основывается на концепции Т. Остраускаса. Он публикует такую же карту памятников кундской культуры, единственным отличием которой является нанесение четкой границы ареала кундской культуры (рис. 4). Исследователь обрисовывает ситуацию в Юго-Восточной Прибалтике в VIII тысячелетии до н.э., из чего следует, что кундская культура развивалась на юге (в том числе в Литве), а позднее была вытеснена на север (Северо-Западная Россия) в связи с изменениями природной среды [21]. По мнению А. Гирининкаса, это подтверждают радиоуглеродные даты со стоянок Нижнего Веретья. Эти наиболее северные соотносящиеся с кундской культурой памятники имеют более поздний – бореальный – возраст. Исследователь, однако, не упоминает, что в Нижнем Веретье есть ранние даты, приходящиеся на интервал 9180–8830 cal BC [22, с. 27]. В связи с этим данная гипотеза должна быть перепроверена в свете новых данных.

А. Гирининкас не разработал принципиально новой концепции «постсвидера», а обобщил представления Р. Римантене и Т. Остраускаса, выбрав из каждого то, что соответствовало его собственным представлениям. Он также придерживается концепции археологических культур и воспринимает «постсвидер» как кундскую культуру.

Все три представленные выше концепции хорошо демонстрируют, насколько тяжело сформулировать, что такое «постсвидер», и, что ещё более важно, насколько трудно определить его в понятиях «археологических культур».

Концепции литовских археологов относительно раннего мезолита Юго-Восточной Прибалтики основаны главным образом на построениях Р. Римантене. Без них не было бы фундамента для новых. Однако, безусловно, со временем появляются новые данные, и старые представления могут быть пересмотрены, примером чего служит проделанная Т. Остраускасом работа. Подводя итог, необходимо отметить, что представленные концепции построены на основе типологии, а главным аналитическим инструментом является

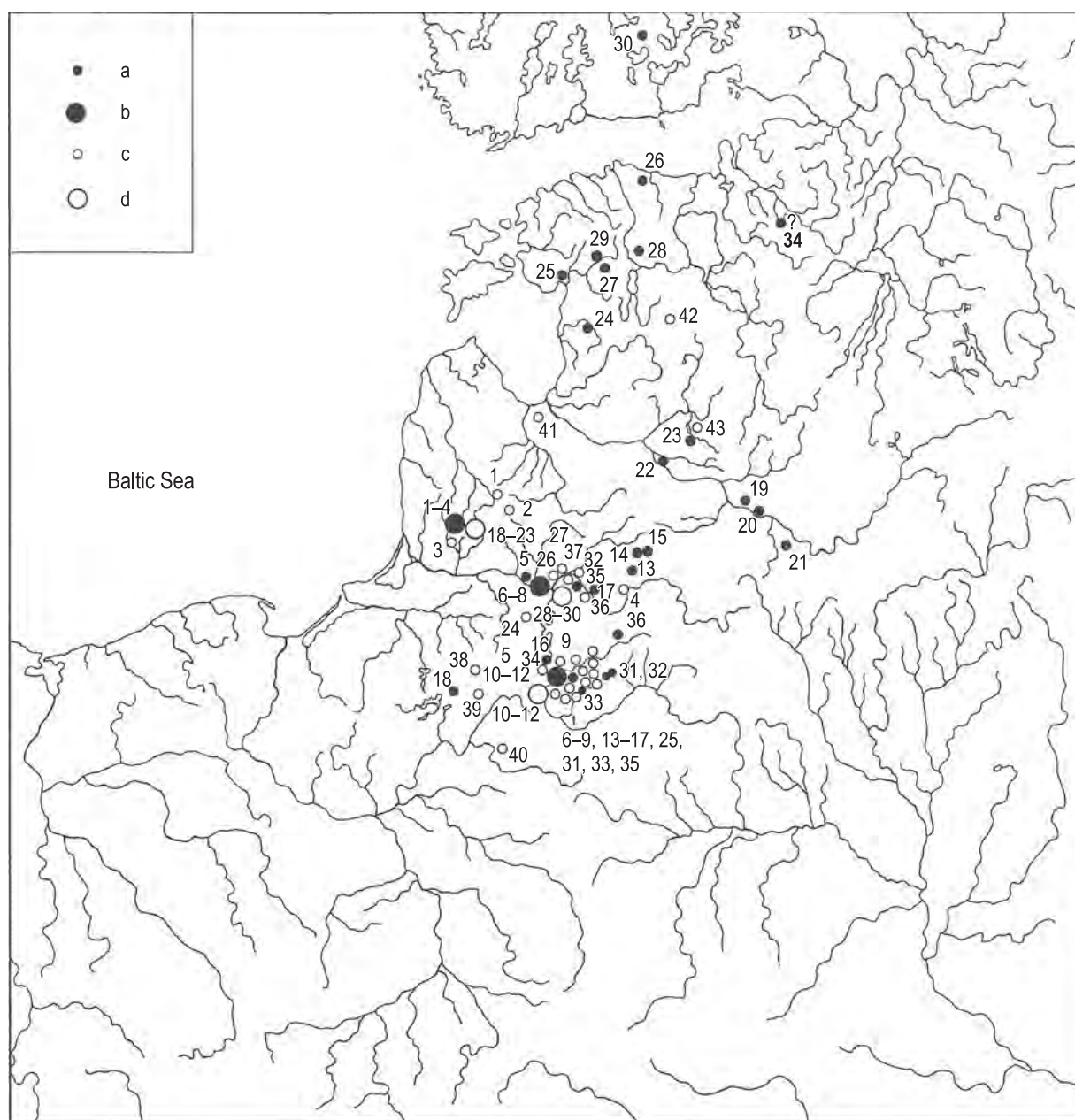

Рис. 3. Распространение поселений раннемезолитической кундской культуры (а – 1 поселение, б – 3 и больше поселений в микрорегионе) и местонахождений наконечников типа Пулли (с – 1 наконечник; d – 3 и больше находок в микрорегионе). По Т. Остраускасу [20, р. 95, рав. 1].

Поселения кундской культуры: 1 – перешеек Биржулис 1С; 2 – Дреняй; 3 – холм Ширме 3; 4 – Скирмантине 1; 5 – Паштува 1В; 6 – Лампеджяй; 7 – Жемией Канюкай 1; 8 – Пипляй 1; 9 – Пувочяй; 10 – Памяркине; 11 – Мяркине 3; 12 – Мяркине 3а (склон Мяркиса); 13 – Шалтялюне; 14 – Пакрятуоне 4; 15 – Рекучяй 1; 16 – Нятисаей 1; 17 – Миткишкес 3; 18 – Милуки 4; 19 – Крумплево; 20 – Замошье 1; 21 – Плусы; 22 – Ерсика; 23 – Сулягалс; 24 – Звейниеки II; 25 – Пулли; 26 – Кунда; 27 – Ялавере; 28 – Умбузи; 29 – Лепакозе; 30 – Лахти Ристола; 31 – Каравишкес 6А; 32 – Каравишкес 6В; 33 – Катра 4; 34 – Соколов; 35 – Скаруляй; 36 – Папишкес 4.

Местонахождения наконечников типа Пулли: 1 – Рингувеняй; 2 – Шяуляй; 3 – Шилале; 4 – Братонишкес; 5 – Ринкотас; 6, 7 – Кашетос; 8 – оз. Дубас; 9 – Катра 3; 10, 11 – Друскининкай; 12 – Балташишкес; 13 – Памяркияй; 14 – Кабяляй 2В; 15 – Кабяляй 5; 16 – Шнипишкес 2; 17 – Кайбучяй; 18 – Дактаришке 1; 19 – Лингенай; 20 – остров Спигинас; 21 – Янаполе; 22 – холм Ширмес 4; 23 – Ожнугарис 1; 24 – Пажарстис; 25 – Манчагаире 3; 26 – Вяршвай; 27 – Линкува (Каунасские пески); 28 – Пакалнишкяй 4; 29 – Якштонис 1А; 30 – Жямеи Пятрашюнай; 31 – оз. Трикампис; 32 – Саленикай 1; 33 – Веюнай 4d; 34 – Мяркине 1; 35 – Бяржупис 10; 36 – Миткишкес 1; 37 – Бартоняй; 38 – Гарбас 1; 39 – Стачи 6; 40 – р. Нарев; 41 – Олайне; 42 – Нынова; 43 – Квапани II

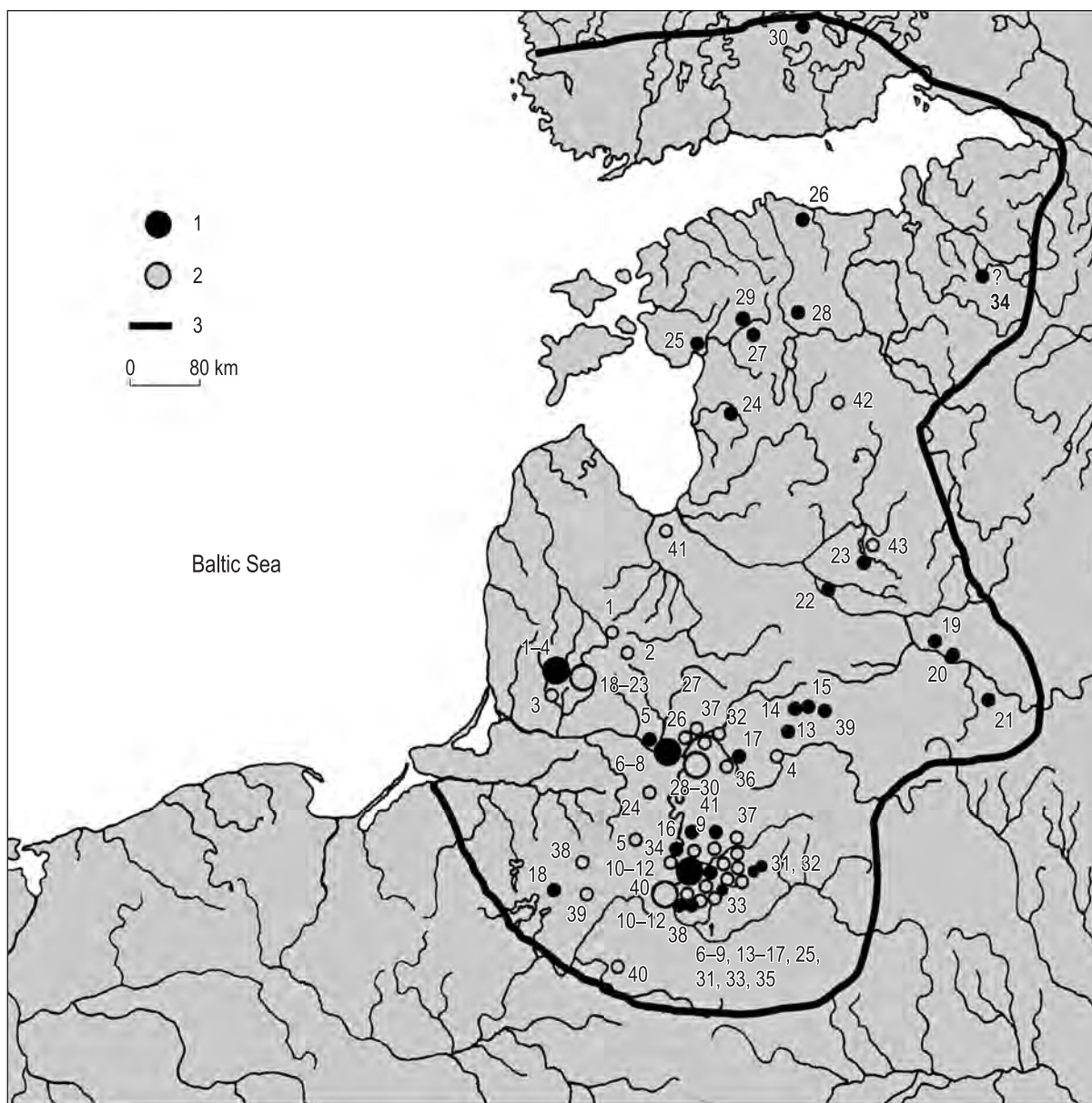

Рис. 4. Распространение пуллийских кремнёвых изделий в Восточной Прибалтике.

На основе карты Т. Остраускаса [20, р. 95, рав. 1] с дополнениями А. Гирининкаса [21, р. 85, рав. 62].

1 – Поселения: 1 – перешеек Биржулис 1С; 2 – Дреняй; 3 – холм Ширме 3; 4 – Скирмантине 1; 5 – Паштува 1В; 6 – Лампеджай; 7 – Жемией Канюкай 1; 8 – Пипляй 1; 9 – Пувочай; 10 – Памяркине; 11 – Мяркине 3; 12 – Мяркине 3а (склон Мяркиса); 13 – Шалтялюне; 14 – Пакрятуоне 4; 15 – Рекучай 1; 16 – Нятиесай 1; 17 – Миткишес 3; 18 – Милуки 4; 19 – Крумплево; 20 – Замошье 1; 21 – Плусы; 22 – Ерсика; 23 – Сулягалс; 24 – Звейниеки II; 25 – Пулли; 26 – Кунда; 27 – Ялавере; 28 – Умбузи; 29 – Лепакозе; 30 – Лахти Ристола; 31 – Каравишес 6А; 32 – Каравишес 6В; 33 – Катра 4; 34 – Соколок; 35 – Скаруляй; 36 – Папишес 4; 37 – Катра 1; 38 – Парамелис 3С; 39 – Рекучай 1; 40 – Латержерис 2; 41 – Кабяляй 5.

2 – Местонахождения: 1 – Рингувеняй; 2 – Шяуляй; 3 – Шилале; 4 – Братонишес; 5 – Ринкотас; 6–7 – Кашетос; 8 – оз. Дубас; 9 – Катра 3; 10–11 – Друскининкай; 12 – Балташишес; 13 – Памяркия; 14 – Кабяляй 2В; 15 – Кабяляй 5; 16 – Шнипишес 2; 17 – Кайбучай; 18 – Дактаришке 1; 19 – Лингенай; 20 – остров Спигинас; 21 – Янаполе; 22 – холм Ширмес 4; 23 – Ожнугарис; 24 – Пажаргис; 25 – Манчагире 3; 26 – Вяршвай; 27 – Линкува (Каунасские пески); 28 – Пакалнишкяй 4; 29 – Якштонис 1А; 30 – Жямейи Пятряшюнай; 31 – оз. Трикампис; 32 – Саленикай 1; 33 – Веюнай 4д; 34 – Мяркине 1; 35 – Бяржупис 10; 36 – Миткишес 1; 37 – Бартоняй; 38 – Гарбас 1; 39 – Стачи 6; 40 – р. Нарев; 41 – Олайне; 42 – Нынова; 43 – Квапани II.

3 – Ареал кундской (пуллийской) культуры.

Размер кружков указывает на количество поселений и местонахождений: маленький – одно, большой – два и более

концепт «археологической культуры». Основное внимание исследователей привлекали вопросы происхождения и исчезновения культур. В нашем случае раннемезолитические культуры описывались как возникшие в результате культурной эволюции. В свою очередь, их исчезновение объяснялось миграцией населения. К сожалению, эти построения не основывались на гомогенных коллекциях и радиоуглеродных датировках.

Взгляды скандинавских археологов на «постсвидер»

В исследованиях, посвящённых заселению Фенноскандии, скандинавские археологи применяют технологический подход. В раннемезолитических комплексах ими была выделена технологическая концепция конического нуклеуса для получения пластин в технике отжима. Радиоуглеродные датировки позволяют отыскать раннее присутствие этой концепции в бутовской культуре [2]. Наиболее ранние свидетельства происходят со стоянки Становое 4, датированной в интервале 9300–7400 cal BC [14, fig. 7], а также с памятников Песчаница и Попово – 9600–9000 cal BC [23, p. 689; 24, table 1]. Стоянка Суяла из северной Лапландии, имеющая возраст 8300–8200 cal BC, подтверждает гипотезу о распространении технологического концепта с востока на запад [25, p. 887]. Только небольшое количество радиоуглеродных дат известно для памятников Восточной Прибалтики. Стоянка Пулли имеет наиболее ранние даты в интервале 8800–8300 cal BC [26, table 2]. Стоянка Звейниски 2 в Латвии может быть датирована концом пребореала [27, p. 100]. «Постсвидерские» памятники с территории Литвы не имеют радиоуглеродных датировок. Единственное исключение составляет стоянка Кабяляй 2, где получены косвенные свидетельства: со среднего слоя памятника происходит артефакт, интерпретированный автором раскопок как атипичный наконечник типа Пулли, а сам слой датирован в широком диапазоне 8300–7000 /6400 cal BC [20]. Для зарубежных исследователей мезолита Литва известна по отдельным находкам, которые пока не могут дать никаких данных для уточнения хронологии.

Скандинавские археологи объясняют «постсвидерскую» технологию, не используя категорию «археологическая культура». Возможно, по этой причине они предполагают иное направление – с востока на запад – распространения «постсвидера». Их построения имеют иную, отличную от характерной для литовских исследователей, точку отсчёта. Их исследование направлено на изучение технологического концепта и, в более широком смысле, технологии, которая даёт больше понимания традиций доисторических сообществ, чем типология. Тем не менее без учёта типологии исследование также нельзя считать полноценным.

Если говорить о территории наиболее раннего присутствия концепции получения отжимных пластин с конического нуклеуса, то её границы, возможно, должны быть расширены. В частности, стоит привлечь внимание Милуки 4 – «постсвидерский» памятник в Северо-Восточной Польше, датированный 8500–8200 cal BC [28]. Ещё одним регионом, достойным пристального внимания, является Восточная Беларусь, где известны «постсвидерские» памятники Криничная и Дедня [29; 30].

Новые «постсвидерские» памятники в Литве

Большинство раннемезолитических стоянок в Литве – это многокультурные памятники на песчаных дюнах со смешанным кремнёвым инвентарём. Типология является главным критерием выделения «постсвидерских» комплексов в полученных с таких памятников коллекциях. Как упоминалось выше, Т. Остраускас в 2002 г. опубликовал карту со всеми известными на тот момент памятниками и местонахождениями кундской культуры. До сегодняшнего дня ситуация кардинально не изменилась. Всего зафиксированы 15 стоянок и 43 местонахождения.

Новые пункты, которые добавились с начала 2000-х гг., были открыты случайно, обычно в ходе раскопок памятников других периодов. Так было с Гуделяй-Ленкишкяй, где исследовались курганы середины – второй половины I тысячелетия н.э. В ходе раскопок найдены мезолитические артефакты, часть из которых можно связать с концепцией получения отжимных пластин с конического нуклеуса [31]. На поселении I–II тысячелетий н.э. в Зубряй [32] также были выявлены несколько артефактов, связанных с кундской культурой (рис. 5). Кроме того, новые материалы получены в Наудварис [33] и Неравай, где, согласно исследователю памятника, «кремнёвый инвентарь неоднороден, судя по типологическим и технологическим критериям, присутствуют два технокомплекса: финальнопалеолитический (11 тысяч лет до н.э.), или ранняя свидерская культура, и пребореально-бореальный комплекс, или кундская культура» [34, p. 29].

Эти несколько примеров отлично показывают несистематичный характер исследований «постсвидера» в Литве на современном этапе. Новые материалы выявляются только в результате раскопок памятников других периодов. Нет нужды говорить, что таким образом полученные кремнёвые комплексы фрагментарны и имеют ограниченную ценность для дальнейших исследований.

Заключение

Понятие «постсвидер» может вводить в заблуждение, поскольку подразумевает связь со свидерской культурой. В то же время генетические отношения между этими двумя явлениями в высокой степени сомнительны. Несмотря на это, сегодня мы продолжаем использовать этот термин, поскольку до сих пор не предложен никакой лучший, который бы позволял однозначно определять группы пребореальных и бореальных охотников и собирателей, для технологической системы кремнеобработки которых характерна концепция получения отжимных пластин с конического нуклеуса.

На территории Юго-Восточной и Южной Прибалтики данная концепция встречается в контексте более чем одной археологической культуры раннего мезолита: кундской, бутовской и некоторых других. Такое

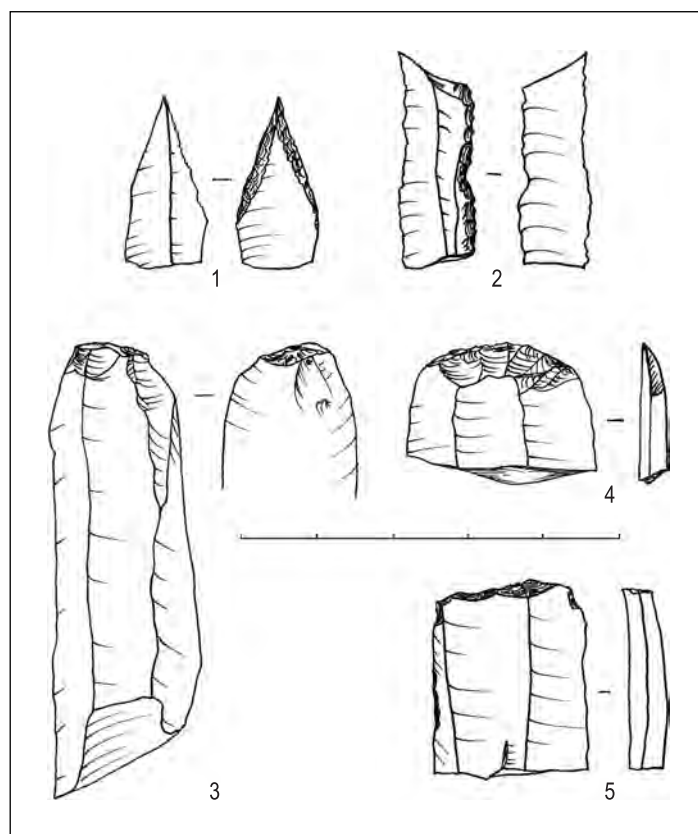

Рис. 5. Раннемезолитические находки из Зубряй (рисунок М. Жемантаускайте)

разнообразии археологических культур и различных критериев их выделения не позволяет увидеть полную картину. Для преодоления этой ситуации типологический подход к анализу кремнёвых комплексов должен быть дополнен технологическим.

Понятие «постсвидера» тем или иным способом разрабатывалось рядом литовских археологов. Первым, кто сформулировал концепцию литовского мезолита была Р. Римантене. «Постсвидерские» черты отмечаются в трёх выделенных ею археологических культурах. Несмотря на определённые методологические недостатки, её концепция является основой для последующих. Т. Остраускас предложил новую, пересмотренную концепцию мезолита Литвы. Он не признаёт существование археологических культур переходного характера, таких как эписвидерская. Кундская культура в его понимании сводится к группе памятников типа Пулли. Относительно недавно А. Гириникасом была представлена обобщающая работа по мезолиту Литвы, в которой автор объединил концепции Р. Римантене и Т. Остраускаса.

Рассмотренные концепции сформулированы исключительно в рамках типологического подхода, который даёт статический образ преистории. Главные вопросы, на которых сосредотачивались литовские исследователи, – это происхождение и исчезновение выделенных археологических культур. Все они придерживались мнения, что «постсвидер» произошёл от свидерской культуры. Несколько иначе на эту же проблему смотрят скандинавские археологи. Они используют технологический подход, фокусируются на концепции получения отжимных пластин с конических нуклеусов и поиске последней в рамках кундской и бутовской культур.

Технологический подход является релевантным для анализа раннемезолитических кремнёвых комплексов из Южной и Юго-Восточной Прибалтики. Применение унифицированной методики позволяет произвести содержательное сравнение. В настоящее время систематическое изучение новых памятников в Литве не ведётся. Перспективным для будущих исследований является поиск новых памятников, содержащих гомогенные комплексы и материалы, по которым можно получить радиоуглеродные датировки. Также стоит обратить внимание на памятники из Восточной Беларуси, которые рассматриваются в качестве периферийных в бутовской/кундской культуре. Результаты повторного изучения этих коллекций могут стать ключом для лучшего понимания раннего мезолита в Юго-Восточной и Южной Прибалтике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Sulgostowska, Z.* Final Palaeolithic Masovian Cycle and Mesolithic Kunda Culture Relations. In Tanged Points Cultures in Europe. Read at the International Archaeological Symposium. Lublin, 1993.
2. *Sørensen, M., Rankama, T., Kankaanpää, J., Knutsson, K., Knutsson, H., Melvold, S., Eriksen, B.V. & Glørstad, H.* The First Eastern Migrations of People and Knowledge into Scandinavia: Evidence from Studies of Mesolithic Technology, 9th-8th millennium BC // Norwegian Archaeological Review, 46 (1). 2013.
3. *Ostrauskas, T.* Lietuvos mezolito gyvenviečių periodizacija. Daktaro disertacija, humanitariniai mokslai, istorija (05 H). Vilnius, 1998.
4. *Кольцов Л.В.* Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М., 1977.
5. *Римантене Р.К.* Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.
6. *Янитс К.Л.* Кремневый инвентарь стоянок Кундаской культуры: дис. ... канд. ист. наук. Таллин, 1989.
7. *Sulgostowska, Z.* Mesolithic Colonization of South-Eastern Subbalticum. In Mesolithic on the move. Papers Presented at the Sixth International Conference on the Mesolithic in Europe. Stockholm 2000. Oxford, 2003.
8. *Sørensen, M.* The Arrival and Development of Pressure Blade Technology in Southern Scandinavia. In The Emergence of Pressure Blade Making. Springer, New York, 2012.
9. *Inizan, M.L., Lechevallier, M., Plumet, P. A.* Technological Marker of the Penetration into North America: Pressure Microblade Debitage, Its Origin in the Paleolithic of North Asia and Its Diffusion // Material Issues in Art and Archaeology III. Material Research Society. Warrendale, 1992.
10. *Sørensen, M.* Rethinking the Lithic Blade Definition: Towards a Dynamic Understanding // Skilled Production and Social Reproduction. Uppsala, 2006.
11. *Childe, V.G.* The Danube in Prehistory. Oxford, 1929.
12. *Roberts, B.W., & Vander Linden, M.* Investigating Archaeological Cultures: Material Culture, Variability, and Transmission. In Investigating Archaeological Cultures. Springer, New York, 2011.
13. *Zvelebil, M.* Innovating Hunter-Gatherers: The Mesolithic in the Baltic. In *Bailey, G.* Mesolithic Europe. Cambridge; New York, 2009.
14. *Hartz, S., Terberger, T. and Zhilin, M.* New AMS-dates for the Upper Volga Mesolithic and the Origin of Microblade Technology in Europe // Quartär, 57. 2010.
15. *Ostrauskas, T.* Mesolithic Kunda Culture. A Glimpse from Lithuania // Muinasaja teadus 8. Tallinn, 2000.
16. *Ostrauskas, T.* On the Genesis of Kunda Culture. A. Sorokin's Hypothesis. Comments // Archaeologia Baltica. T. 6. 2006.
17. *Rimantienė, R.* Akmens amžius Lietuvoje. Vilnius, 1984.
18. *Rimantienė, R.* Akmens amžius Lietuvoje. Vilnius, 1996.
19. *Glaubergerman, P.J., Thorson, R.M.* Flint Patina as an Aspect of «Flaked Stone Taphonomy»: A Case Study from the Loess Terrain of the Netherlands and Belgium // Journal of Taphonomy 10. 2012.
20. *Ostrauskas, T.* Kundos kultūros tyrinėjimų problematika // Lietuvos archeologija. T. 23. 2002.
21. *Girininkas, A.* Lietuvos archeologija. Akmens amžius. I tomas. Klaipėda, 2009.
22. *Ошибкина С.В.* Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье. М., 2006.
23. *Zhilin, M.G.* Early Mesolithic Communication Networks in the East European Forest Zone. In Mesolithic on the move. Papers Presented at the Sixth International Conference on the Mesolithic in Europe, Stockholm 2000. Oxford, 2003.
24. *Oshibkina, S.V.* The Material Culture of the Veretye-type Sites in the Region to the East of Lake Onega. In: C. Bonsall, ed. The Mesolithic in Europe: Papers Presented at the Third International Symposium, Edinburgh 1985. Edinburgh, 1990.
25. *Rankama, T. and Kankaanpää, J.* Eastern Arrivals in Post-glacial Lapland: the Sujala Site 10,000 cal BP // Antiquity, 82. 2008.
26. *Veski, S., Heinsalu, A., Klassen, V., Kriiska, A., Lõugas, L., Poska, A. and Saluäär, U.* Early Holocene Coastal Settlements and Palaeoenvironment on the Shore of the Baltic Sea at Pärnu, Southwestern Estonia // Quaternary International. 130 (1). 2005.
27. *Zagorska, I.* The Mesolithic in Latvia // Acta archaeologica 63. 1992.
28. *Brzozowski, J., Siemaszko, J.* Socjologiczne i środowiskowe uwarunkowania obozowiska mezolitycznego w Milukach. 1998. (Unpublished report. Archive of Muesum in Suwalki)
29. *Липницкая О.Л.* Мезолитическая стоянка Криничная // КСИА. Вып. 157. 1979.
30. *Колосов А.В.* Мезолитическая стоянка Дедня // Acta Archeologia Albaruthenica. 3. 2008.
31. *Kurila, L.* Gudelių (Lenkiškių) pilkapynas // Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 2005 metais. 2006.
32. *Baubonis, Z., Fediajevas, O., Merkevičius, A.* Zubrių neįtvirtinta gyvenvietė // Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 2011 metais. 2012.
33. *Šiaulinskas, R.* Naudvario senovės gyvenvietė // Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 2009 metais. 2010.
34. *Štavičius, E.* Neravų senovės gyvenvietės tyrimai 2009–2010 metais // Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 2010 metais. 2011.

**Институт истории Литвы,
Вильнюс, Литва**

M. Zhemantauskaite

“POST-SWIDERIAN”: THE CONCEPT AND THE STATE OF KNOWLEDGE IN LITHUANIA

Summary

„Post-swiderian“ as a term is used to define Preboreal-Boreal hunter-gatherer groups which used conical core pressure blade concept in their technological system. The term, though, is quite misleading as it is showing its connections with Swiderian culture. Relationships between the two are highly questionable. Despite that, today we use the term since there is no better one found appropriate.

In Southeastern and Eastern Baltic the conical core pressure blade concept is met in more than one Early Mesolithic archaeological culture: Kunda culture, Butovo culture and a few more. The problem is that the diversity of archaeological cultures and different criteria for their definition prevent us from seeing a wider picture of prehistory. To avoid that confusion, typological approach should be supplemented by technological one.

The „post-swiderian“ question in one way or another was tackled by a few Lithuanian archaeologists. R. Rimantienė was the first to define a conception of Lithuanian Mesolithic. „Post-swiderian“ features are found in three archaeological cultures defined by her. Despite methodological problems her conception was a basis for others. T. Ostrauskas offered new revised conception about the Mesolithic in Lithuania. He rejected archaeological cultures of transitional character – like episwiderian. The Kunda culture in his definition means only a group of Pulli type settlements. A. Girininkas, the archaeologist who wrote about the Mesolithic in Lithuania relatively recently, combined R. Rimantienė and T. Ostrauskas conceptions.

Conceptions discussed are based on the typological approach which gives static image of prehistory. The focus of Lithuanian archaeologists is on the origin and the end of defined archaeological cultures. All of them hold to the opinion that „post-swiderian“ derived from the Swiderian culture. Quite differently the same issue is approached by Scandinavian archaeologists. They apply technological approach, focusing on conical core pressure blade concept, and discover it in between the Kunda and Butovo cultures.

This technological approach is relevant to the analysis of Eastern and Southeastern Baltic region flint collections from the Early Mesolithic. Researchers are supposed to establish a uniform methodology which would allow for meaningful comparisons. Today in Lithuania there are no systematical investigations of new sites, that might contribute to the better understanding of the „post-swiderian“.

Most urgent in the future is the systematical search for new sites, the ones with homogenous collections and material suitable for radiocarbon dating. One of the most promising research directions is Eastern Belarus, today considered as a periphery of Butovo/Kunda culture. New research of collections from this region could be the key opening for wider understanding of the Early Mesolithic in Eastern and Southeastern Baltic region.

*Lithuanian Institute of History,
Archaeology Department,
5, Kražių St., LT-01108, Vilnius,
Lithuania
E-mail: istorija@istorija.lt*

А.Ф. Мельничук, Э.В. Чурилов

ПАМЯТНИКИ ФИНАЛЬНОГО ПАЛЕОЛИТА И РАННЕГО МЕЗОЛИТА ПЕРМСКОГО ПРИУРАЛЬЯ С ГЕОМЕТРИЧЕСКИМИ МИКРОЛИТАМИ

В ходе исследований О.Н. Бадером камских памятников с микролитическим инвентарём в 50-е гг. XX в. было выявлено поселение Огурдино, ставшее эпонимным для ранней стадии мезолита региона, в материалах которого отмечены 3 высокие выемчатые трапеции [1, с. 198]. Находки геометрических микролитов в виде трапеций в Пермском Приуралье сразу же привлекли внимание исследователей, в первую очередь, в связи с тем, что они служили основным «маркёром» проникновения в период мезолита в таёжное Прикамье групп южного населения. По мнению О.Н. Бадера, гипотетические носители макролитической ранне-мезолитической культуры Прикамья были вытеснены на север пришельцами «из областей Понто-Каспия и Нижней Волги», сформировав в регионе комплексы стоянок типа поселения Огурдино с микролитическим инвентарём и геометрическими изделиями [2, с. 34–35]. Этот вывод был дополнен исследователем аргументацией в обобщающей статье, где автором отмечалось, что «микролитический характер камского мезолита не вытекает из местного палеолита (*типа стоянки имени Талицкого – курсив наш – авт.*) и его трудно объяснить иначе как этническим сдвигом мезолитических племён из областей Прикаспия, Поволжья, Причерноморья к северу в Среднее Поволжье (?) и Приуралье» [3, с. 98]. Вывод о южных «понто-каспийских» истоках микролитической индустрии камского мезолита декларирован и в других последующих работах О.Н. Бадера [1, с. 197; 4, с. 18]. В связи с открытием новых позднепалеолитических памятников Урала и Западной Сибири О.Н. Бадер отказался от своей гипотезы о макролитическом характере каменной индустрии памятников перехода от палеолита к мезолиту в регионе. Он предположил автохтонную трансформацию материальной культуры позднепалеолитического населения в мезолитическую, что, по его мнению, иллюстрировали пластинчатые комплексы позднеплейстоценовых стоянок типа грота Столбового, Черноозерье II и особенно Шикаевки, где были обнаружены асимметричные трапеции [5, с. 10; 6, с. 46–47].

А.А. Формозов, занимаясь вопросами влияния носителей мезолитических культур юга на древнее население лесной полосы европейской части России, справедливо отмечал сложность проблемы определения направлений этих этнокультурных связей. Обращая внимание на появление геометрических изделий в лесной ландшафтной зоне Восточной Европы как на характерный показатель этих связей, он подчёркивал: «только тщательный анализ разновидностей этих орудий поможет нам решить, откуда – с Кавказа или Прикаспия – проникли геометрические орудия на Среднюю Волгу или в Прикамье» [7, с. 34, 35]. По мнению А.А. Формозова, южные элементы материальной культуры в виде геометрических микролитов могли проникать в ареал камского мезолита «по течению Волги в лесную зону не позднее IV тыс. до н.э.» [8, с. 237–238]. Исследователь, соглашаясь с выводами О.Н. Бадера о появлении этих изделий в Среднем Приуралье в связи «с влиянием южной нижневолжской зоны», указывал на то, что небольшое число геометрических микролитов, найденных в Прикамье, не определяет в целом характер и лицо уральского мезолита [9, с. 88–89].

А.Х. Халиков не согласился с точкой зрения О.Н. Бадера о продвижении в Волго-Камье понто-каспийского населения и выдвинул ценный тезис о том, что появление трапеций и увеличение числа микропластин в инвентаре памятников «на Волге и в Приуралье могло вызваться совершенно иными (не южными) импульсами» и мезолит этих районов развивался на местной основе, «уходящей своими корнями в сибирский лесной эпипалеолит и мезолит». Следует отметить, что исследователь явно не ставил знака равенства между понятиями «эпипалеолит» и «мезолит», подразумевая под первым периодом памятники грани позднего плейстоцена – раннего голоцена, ныне рассматриваемые в рамках финального палеолита. А.Х. Халиков не отрицал возможность и западного влияния на формирование мезолитической культуры Волго-Камья [10, с. 26–27].

Существенные материалы для изучения проблемы генезиса мезолита и его эволюции в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье были опубликованы казанским археологом М.Г. Косменко. Им был выявлен совершенно новый для Волго-Камья пласт выразительных памятников типа Сюкеевский Взвоз, который он датировал концом палеолита – ранним мезолитом. Их, включая и чисто мезолитические поселения, близкие

к стоянке Огурдино, содержавшие в материалах боковые ретушные резцы, усечённые ретушью пластины и трапеции, исследователь выделил в отдельную культуру, разделённую на три хронологических этапа и названную им усть-камской [11, с. 4–7; 12, с. 94–97]. М.Г. Косменко предполагал формирование ранних памятников усть-камской культуры на основе стоянок восточно-европейского палеолита «возможно, на Волге или к западу от неё» [12, с. 95]. Он отрицательно относился к точке зрения А.Х. Халикова о внедрении в конце палеолита – начале мезолита на Волгу групп населения из Сибири. Поздние этапы усть-камской культуры им определялись материалами, сочетающимися в себе как архаичные элементы (боковые резцы, усечённые пластины, высокие симметричные выемчатые трапеции), так и микролитические изделия. Эти памятники, по М.Г. Косменко, относились к бореальному периоду. Вопрос об истоках появления геометрических изделий в Волго-Камье, по его мнению, «не поддается точному определению», так как на памятниках этого региона нет того разнообразия этих орудий, которое характерно для южных районов Европы [11, с. 9–11]. В культурном отношении исследователь отличал каменную индустрию памятников усть-камской культуры от материалов микролитических стоянок приуральского мезолита. По мнению М.Г. Косменко, заселение усть-камской культуры лишь на позднем этапе начинает движение вверх по Каме, что демонстрировали материалы поселения Огурдино. По его гипотезе следовало, что «по мере продвижения усть-камского населения на север степень микролитизации на стоянках с трапециями увеличивается, параллельно уменьшается число архаичных орудий» [12, с. 97]. Однако исследователь, в отличие от взглядов О.Н. Бадера, не рассматривал появление микролитической индустрии в Волго-Камье как результат эволюционной трансформации материальной культуры населения этого региона на базе памятников типа Огурдино и Тетюши III и полагал, что «нет веских оснований считать культуру с трапециями субстратом микролитической культуры на Каме и тем более в Приуралье, хотя она могла явиться одним из компонентов при сложении культур более позднего времени» [13, с. 21].

В своё время Т.М. Гусенцова ставила под сомнение обоснованность выделения ранней огурдинской стадии в развитии камского мезолита, намеченной О.Н. Бадером. Памятники Камско-Вятского междуречья, где были найдены отдельные трапеции с боковыми выемками (Архангельское III, Моторки II), исследовательница считала возможным отнести к заключительной фазе мезолита [14, с. 144]. Публикация новых материалов по финальному палеолиту – раннему мезолиту Волго-Камья позволила Т.М. Гусенцовой в обобщающей работе по каменному веку Камско-Вятского междуречья скорректировать свою точку зрения и более осторожно отнестись к датировке комплексов типа стоянки Архангельское III, которые содержали трапеции с боковыми выемками. Их автор сопоставила с материалами усть-камской культуры в Камско-Вятском междуречье, связь с которыми проявилась «не совсем отчетливо» [15, с. 66–67].

В.Ф. Старков, характеризуя материалы поселения Огурдино в камском мезолите, в отличие от схемы О.Н. Бадера, относил данный памятник к поздней фазе мезолита на основании высокого индекса в его инвентаре орудий на отщепках и крупных пластинах. Находки выемчатых трапеций на памятнике исследователь рассматривал как явление исключительное в мезолите Пермского Приуралья, связывая их появление в этом районе, вслед за М.Г. Косменко, с комплексами средневожских стоянок усть-камской культуры типа Тетюши III, которые «сыграли основную корреспондирующую роль в отношении камско-вятских трапеций» [16, с. 128].

Интересны взгляды Г.Н. Матюшина, который наличие отдельных трапеций в материалах стоянок Пермского Приуралья типа Огурдино объяснял связями с Южным Зауральем (ареал янгельской культуры), для памятников которой характерны геометрические изделия, якобы аналогичные огурдинским [17, с. 47; 18, с. 154]. Согласно исследователю, материалы камских стоянок с микролитическим инвентарём типа Нижнее Адищево и Новожилово по технике обработки пластин и орудий мало отличны от романовско-ильмурзинских комплексов Башкирии, и отсюда декларировался явно, на наш взгляд, необоснованный вывод, что «в Прикамье сталкивались в эпоху мезолита две группы населения – одна шла с юга Предуралья (*видимо, этнический импульс с территории романовско-ильмурзинской культуры – курсив наш – авт.*), а вторая с Южного Зауралья (с территории янгельской культуры), которая находит подтверждение по находкам трапеций на стоянках Огурдино и Пеньки на р. Чусовой» [19, с. 91]. Таким образом, Г.Н. Матюшин практически полностью исключал возможность автохтонного развития классических мезолитических памятников Верхнего и Среднего Прикамья на базе местного позднего палеолита, защищая традиционную точку зрения о привнесении микролитической индустрии в этот регион пришельцами с южных территорий Приуралья и Зауралья.

В ходе изысканий на Среднем Урале Ю.Б. Серикову удалось открыть выразительные комплексы с выемчатыми трапециями типа стоянки Уральские Зори I в бассейне рек Туры и Чусовой [20, с. 37–38]. Первоначально исследователь считал, что они имеют более позднюю хронологическую позицию по отношению к классическим микролитическим объектам Среднего Зауралья. Познакомившись с новыми материалами Пермского Приуралья типа стоянки Горная Талица, Ю.Б. Сериков отметил их определённую близость к материалам стоянки Уральские Зори I и высказал мнение о возможном появлении трапеций с боковыми выемками на восточном склоне Урала по р. Чусовой из области камского мезолита. Это свидетельствовало о явных контактах общин мезолитических охотников Пермского Приуралья и Среднего Зауралья [21, с. 123; 22, с. 189–190].

К настоящему времени количество памятников каменного века, имеющих в составе своих коллекций трапеции, в Пермском Приуралье возросло до 10. На них найдены 26 геометрических микролитов данного типа (рис. 1). Самое северное местонахождение этих изделий на карте региона – поселение Огурдино; самое

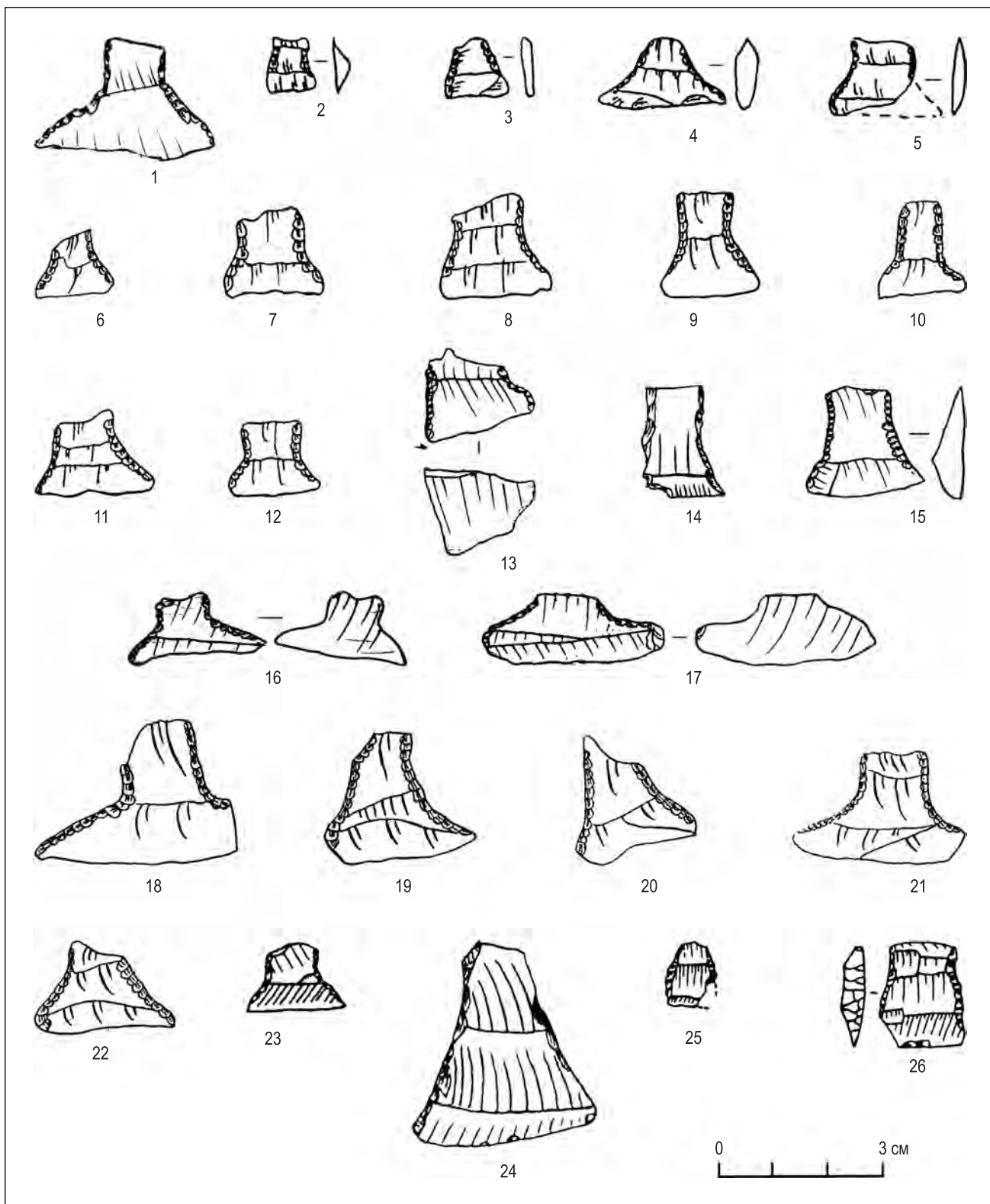

Рис. 1. Трапеции с памятников Пермского Приуралья:

1–5 – поселение Огурдино; 6 – поселение Баской Лог; 7–12 – поселение Шумково; 13 – поселение Крохово I;
 14–15 – стоянка Пеньки; 16–22 – поселение Усть-Сылва; 23 – стоянка Гарчи II; 24 – стоянка Горка;
 25 – стоянка Усть-Пожва V; 26 – стоянка Русское Веретье

южное – поселение Баской Лог, самое восточное – поселение Шумково. Западный ареал трапеций ограничивался только правобережьем р. Камы. В приводимом ниже перечне памятников при описании найденных на них трапеций мы использовали классификацию данного вида изделий, предложенную Г. Кларком и уточнённую Г.Н. Матюшиным [18, с. 53, рис. 5].

1. Стоянка Усть-Пожва V (Юсьвенский район Коми-Пермяцкого автономного округа Пермского края). Памятник открыт в 1989 г. и осмотрен Э.Ю. Макаровым в 1995 и 1998 гг. [23, с. 109]. Он приурочен к северному окончанию II надпойменной террасы правого берега Камского водохранилища, возвышающейся над водоёмом на 7 м. Наблюдается также общий уклон террасы к западу. По мере удаления от реки на ровной поверхности террасы отмечаются песчаные отложения, переходящие в верховую заболоченную котловину, которая, очевидно, является остаточным плейстоценовым озером [24, с. 110]. Э.Ю. Макаровым в северной части памятника, обращённого к лугу, в обнажениях обнаружены каменные предметы, залегавшие в оподзоленном горизонте на глубине 0,4–0,7 м от поверхности.

На памятнике найдены 735 каменных предметов. Преобладающим видом каменного сырья является галечный кремь невысокого качества серо-голубых, зеленоватых оттенков (63 %). Реже использовался серый или тёмный кремнистый сланец (22 %) также низкого качества и кварцитопесчаник (13 %). Остальное каменное сырьё представлено окремнелым известняком (1 %) и габбро-диабазом (1 %). Из 125 орудий 44,8 % оформлены на отщепах. На расколотых гальках и бесформенных сколах изготовлены 29,6 %, на пластинах 21,6 % и на нуклеусах 4 % изделий.

На стоянке найдено одно геометрическое изделие в виде высокой симметричной трапеции без выемки – тип А8 по Г.Н. Матюшину (рис. 1: 25; 2: 17) [18, с. 53, рис. 5]. Ведущей категорией инвентаря памятника являются скребки – 24 %. Преобладают концевые орудия на сечениях пластин, отщепах и сколах случайных очертаний (рис. 2: 1–3, 8, 13). Вторую по количеству группу изделий представляют резцы – 12 %: боковые выемчаторетушные и косоретушные на пластинах (рис. 2: 4, 5, 22, 24), многофасеточные срединные (рис. 2: 7, 11), поперечные (рис. 2: 6) и угловые. Резцово-скребковый показатель памятника – 0,5. Вероятно, близкой в функциональном отношении к резцам категорией являются изделия с «клювом», образованным ретушированной выемкой либо выломом части продольного края близ поперечного слома заготовки. Характерно, что поперечный край изделий также ретушировался (рис. 2: 9), что явно сближает эти изделия с резцами. Интересно изделие с «носиком», которое имеет выступ или угол высокой формы, обработанный на брюшке резцовыми сколами, реже ретушью. Для выделения выступа-«носика» прилегающие стороны ретушировались (рис. 2: 12).

Перфораторы представлены остриями на пластинах и проколкой на крупном отщепе с оформленными ретушью тремя отретушированными жалыцами. В коллекции имеются 2 долотовидных орудия. Среди пластин с вторичной обработкой можно выделить серию сечений с частичной торцевой поперечной ретушью и следами использования в качестве вкладышей для составных орудий в виде ретуши утилизации и выщербин (рис. 2: 20, 21). Обращают внимание пластины с притупляющей вентральной ретушью (рис. 2: 15). Выделяются кварцитовые рубящие орудия с частичной унифасиальной обработкой поверхности и рабочего лезвия.

2. Стоянка Гарчи II (Юсьвенский район Коми-Пермяцкого автономного округа Пермского края). Памятник открыт Э.Ю. Макаровым в 1989 г. и обследовался им в 1990–1994 гг. Он приурочен к отложениям размываемой 12-метровой II надпойменной террасы правого берега Камского водохранилища, у подножия которой собран обильный подъёмный материал конца плейстоцена. Стратиграфия памятника не установлена. Финальнопалеолитический комплекс каменных изделий, найденных на стоянке Гарчи II, явно по всем типологическим характеристикам отличается от костёнковско-стрелецких материалов, выявленных в ходе раскопок близлежащего поселения Гарчи I и приуроченных к погребённой почве, залегавшей на глубине 0,9–1,5–1,8 м от поверхности [25]. Отсюда следует полагать, что финальнопалеолитические артефакты стоянки Гарчи II приурочены к средней и нижней частям подзолистой супеси, а именно к погребённой почве в нижней части слоя 2, что напоминает стратиграфическую ситуацию на стоянках Усть Пожва II – V.

На памятнике собраны 622 предмета. Ведущий сырьевой материал для производства каменных орудий – серый или тёмный кремнистый сланец высокого качества (67,8 %). Из галечного кремня различной цветовой гаммы изготавливались 15,2 % орудий. Таким же количеством представлены в коллекции изделия из серо-жёлтого кварцитопесчаника (15,2 %). Крайне редко использовалась сургучная яшма (1,8 %).

На памятнике найдено одно геометрическое изделие, представляющее собой симметричную выемчатую низкую трапецию – тип А5 по Г.Н. Матюшину (рис. 1: 23; 3: 7). Орудий в коллекции немного – 59 экз. (9,5 %). Удивительно, что в составе каменного инвентаря очень мало скребков (6 экз.), они изготавливались на сколах и отщепах. Орудия имели подпрямоугольные очертания. Среди них выделяется концевой скребок с дуговидным крутым краем на массивной пластине (рис. 3: 6).

Представительную группу составляют резцы на пластинах, среди которых 5 угловых (рис. 3: 5). Интересны два резца на больших массивных пластинах. Первое орудие оформлено на пластине с приострѐнным дорсальной ретушью концом. Косопоставленный резцовый скол отмечается на вентральной плоскости орудия. Противоположный конец резца имеет выемчатое усечение (рис. 3: 3). Второй резец с торца пластины покрыт несколькими фасетками поперечных сколов. У ещё одного бокового поперечно-усечѐнного резца на массивной пластине неоднократно обновлялся рабочий край резцовыми сколами. К нему близок ещё один боковой поперечно-ретушный резец на пластине меньших размеров.

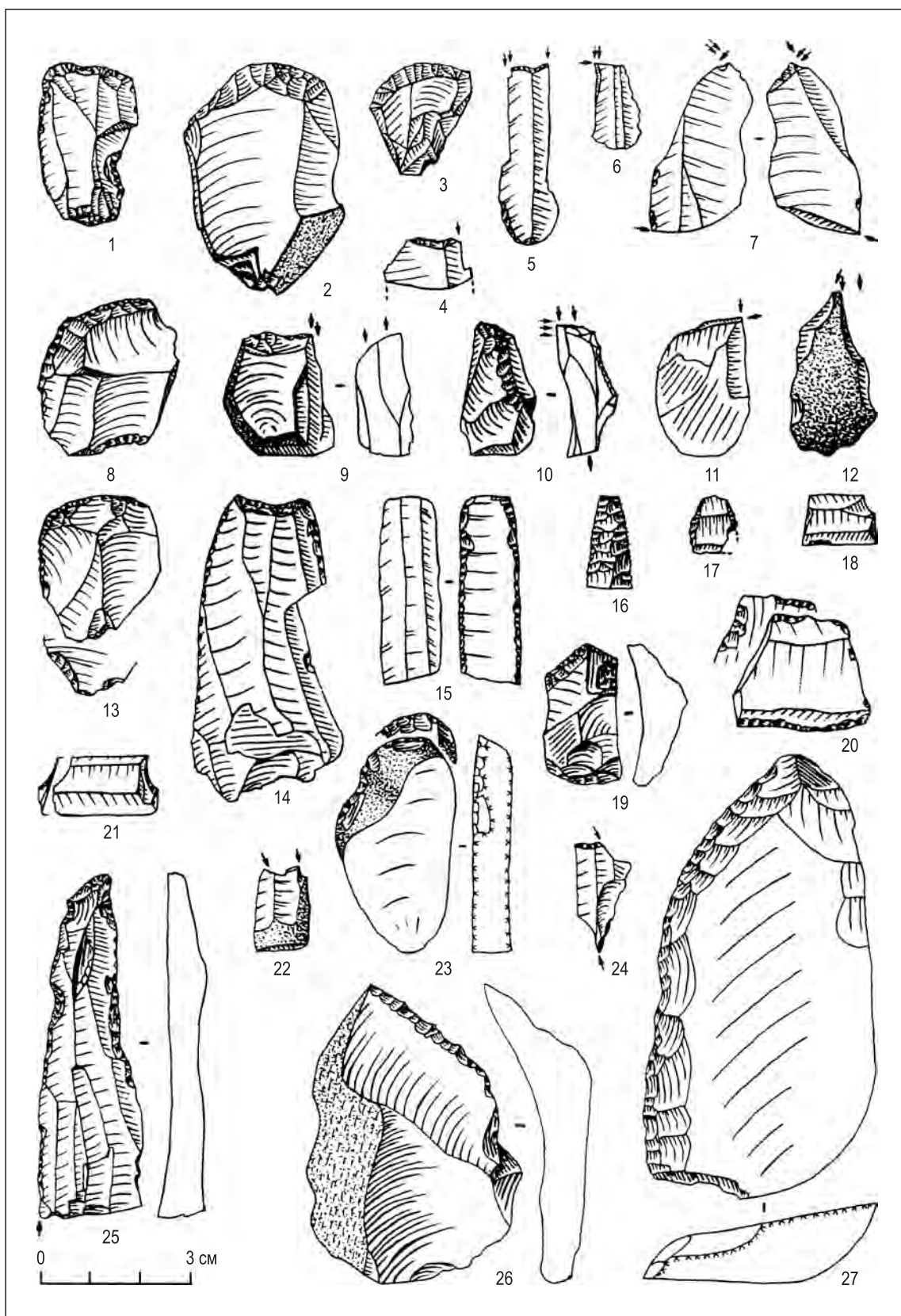

Рис. 2. Стоянка Усть-Пожва V. Кремнёвый инвентарь

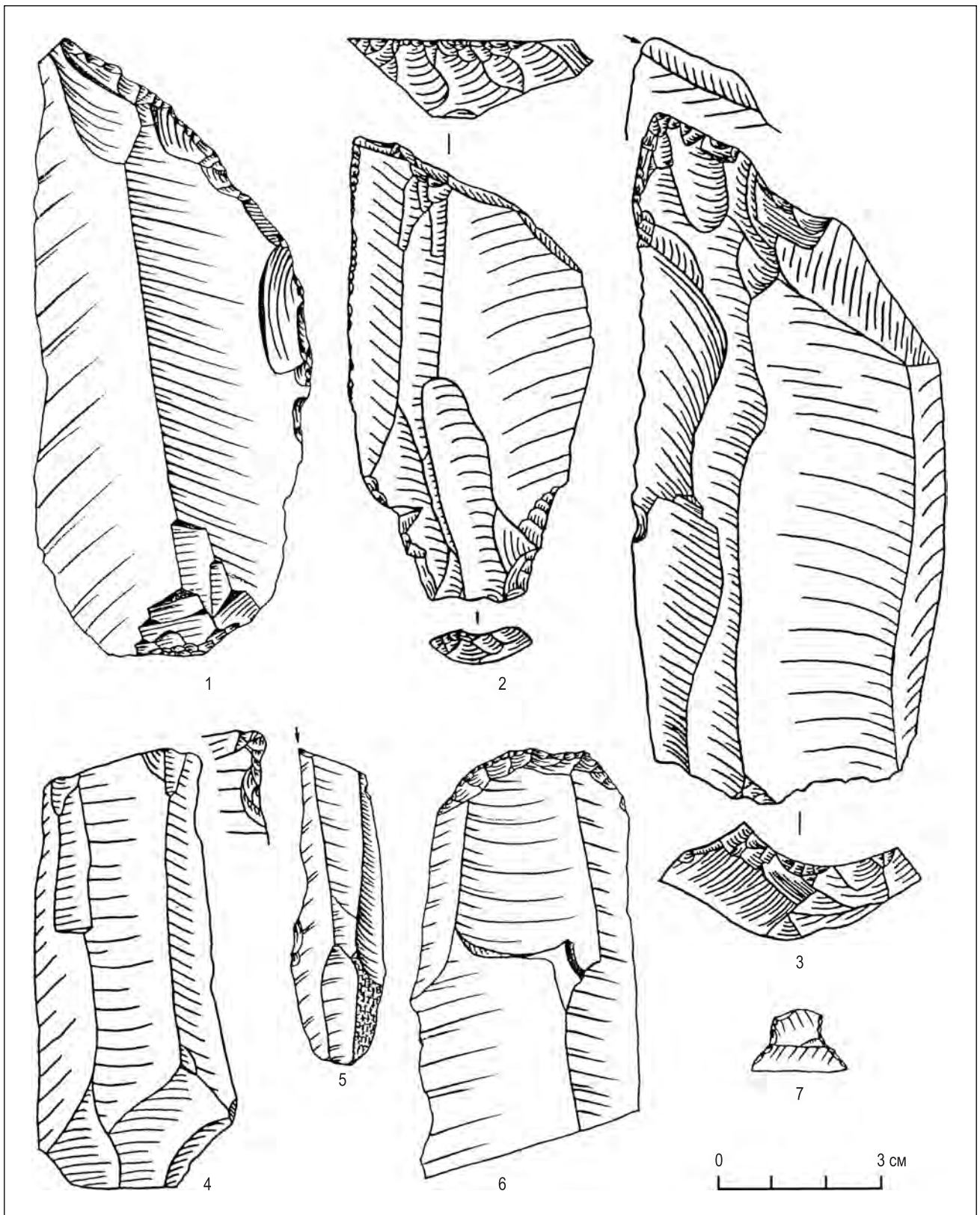

Рис. 3. Местонахождение Гарчи II. Кремнёвый инвентарь

Значительную группу изделий составляют пластины с ретушью – 7 экз. Многие из них покрыты краевой приостряющей ретушью, и их можно квалифицировать как ножи (рис. 3: 1). У одной пластины имеется угол, оформленный выемчатой ретушью на брюшке (рис. 3: 4). На памятнике собрана представительная группа кварцитовых рубящих орудий.

По орудийному набору памятник Гарчи II в значительной степени выделяется среди финальнопалеолитических стоянок камско-пожвинской группы, что явно объясняется его какой-то определённой хозяйственной спецификой.

3. Стоянка Русское Веретье (Юсьвенский район Коми-Пермяцкого автономного округа Пермского края). Памятник выявлен Э.Ю. Макаровым в 1998 г. [26, с. 9]. Артефакты финальнопалеолитического облика собраны на поверхности небольшого возвышения (2000 кв. м), которое является, очевидно, останцом II правобережной надпойменной террасы Камского водохранилища, сложенным бурями, оподзоленными в верхней части, суглинками. По данным Э.Ю. Макарова, многие найденные изделия несли на поверхности железо-марганцевые стяжения, что позволило предположить их первоначальное залегание в подошве оподзоленного горизонта.

Коллекция с памятника состоит из 1185 каменных предметов. В сырьевом спектре в изготовлении орудий преобладает галечниковый кремь (79,1 %). Серый кремнистый сланец невысокого качества применялся реже (10,2 %). Небольшое количество орудий сделано из серо-жёлтого кварцитопесчаника (9,6 %). Единичные изделия изготовлены из серой полосчатой яшмовидной породы и сургучной яшмы (1,1 %).

Орудий в коллекции – 177 экз. (14,9 %). Среди них изготовлены на отщепках 37,2 % всех орудий, на расчёрнённых гальках и сколах 32,2 %, на пластинах 30,6 %.

На стоянке найден геометрический микролит в виде высокой симметричной трапеции без выемок – тип А8 по Г.Н. Матюшину (рис. 1: 26; 4: 8). Ведущая группа орудий – скребки: 20,4 %. Из них лишь три изделия изготовлены на пластинах и относятся к концевым (рис. 4: 12). Остальные скребки оформлены на отщепках, сколах и расчёрнённых гальках. В инвентаре памятника наблюдается высокий удельный вес долотовидных изделий – 20,5 %. Они изготовлены на прямоугольных отщепках и сколах и представляют типичные *rièses écaillées*, часто с двумя лезвиями.

Резцов немного – 5,7 %. Резцово-скребковый показатель невысок – 0,3. Типологически изделия довольно разнообразны. Среди боковых резцов имеются косоретушные, выемчато-ретушные и поперечно-ретушные орудия. Представляют интерес поперечные изделия, рабочие кромки которых ограничены с обеих сторон отретушированными выемками-площадками. Причём снятия произведены с обеих площадок навстречу друг другу. В коллекции имеется 1 многофасеточный срединный резец.

Пластин с ретушью в коллекции 10 экз., большинство из них представлены обломками орудий. Две целые пластины функционально являлись ножами, имея приостряющую ретушь с характерным расположением на проксимальной части заготовки. Три узкие пластины имеют поперечно-усечённую ретушь дистальные концы. Интересны 5 пластин с подтёской торца.

Представляют исключительный интерес наконечники и фрагменты наконечников стрел. Один черешковый наконечник стрелы изготовлен на массивном кремнёвом отщепе с негативами центростремительных снятий на спинке, благодаря чему орудие имеет очень острые края по всему периметру, не тронутому вторичной обработкой. Черешок обработан отвесной усечённой выемчатой ретушью. Вентральная плоскость наконечника не подвергалась вторичной обработке (рис. 4: 1). Данный наконечник явно близок к аренбургским формам, встречающимся на финальнопалеолитических памятниках Русской равнины, в частности в материалах иеневской культуры [27, с. 14, рис. 2: 46–51; 28, с. 77, рис. 3: 1].

Листовидных наконечников с фрагментами найдено 6 экз., из них 2 изготовлены из галечникового кремня и 4 – из серого кремнистого сланца, что свидетельствует об их глубокой древности (рис. 4: 2, 5). Оба наконечника из кремня выполнены на массивных пластинчатых отщепках и листовидной формой обязаны не исходным вытянутым пропорциям заготовок, а предварительной формообразующей обработке поверхности. Окончательно оформлены изделия при помощи краевой ретуши. Оббивка и ретуширование произведены на орудиях очень грубо, с заломами, разными по глубине. Вентральные стороны обработаны подтёской: у обоих орудий – вдоль краёв, у второго – сплошь по всей поверхности. Несмотря на бифасиальность, изделия имеют плоско-выпуклое сечение. В интенсивности обработки также заметна асимметрия – один из краёв обработан более тщательно как со спинки, так и с брюшка.

Наконечники стрел, изготовленные из тёмного кремнистого сланца, фрагментированы. Полностью восстановлено только одно орудие (рис. 4: 6). Оно оформлено на ребристом пластинчатом отщепе. Правый край изделия почти на всю длину «подрезан» полукруглой ретушью, а левый лишь слегка подправлен двумя снятиями и ближе к основанию сохранил негативы подправки площадки нуклеуса. На брюшке орудие также обработано только по одному краю, но по левому. Наиболее крупные и глубокие негативы расположены в нижней части вентральной плоскости, фиксируя следы снятия ударного бугорка. Также ретушью на брюшке скошен конец изделия, вероятно, с целью компенсировать продольный изгиб заготовки.

Второй сланцевый наконечник собран из 4 фрагментов. К сожалению, остриё орудия найти не удалось (рис. 4: 7). Изделие оформлено на пластине. Левый край в нижней трети наконечника скошен дорсальной ретушью, образуя приострённое основание. Этот же край на вентральной плоскости отретуширован на всю длину.

Не исключено, что два скошенных острия (рис. 4: 3, 4) на ножевидных пластинах из серого кремнистого сланца, обработанные по одному из краёв полукруглой дорсальной ретушью, так же являются фрагмента-

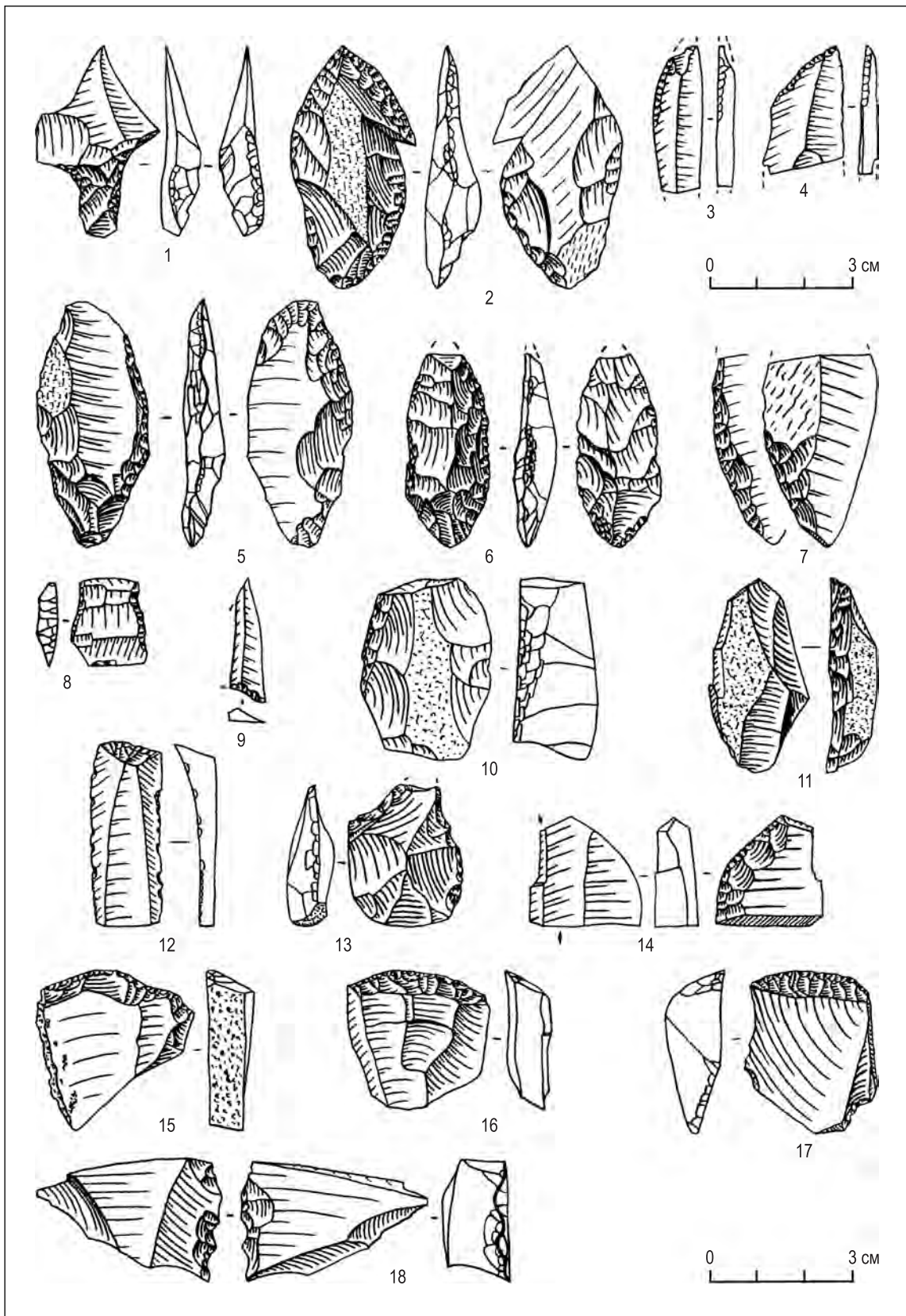

Рис. 4. Стоянка Русское Веретье. Кремнёвый инвентарь

ми наконечников стрел. Выявлены рубящие орудия из кварцитопесчаника в виде чопперов и унифасиальные топоры или тѣсла, иногда с небольшим перехватом.

4. Стоянка Горка (Ильинский район Пермского края). Памятник открыт в 1994 г. Э.Ю. Макаровым [29]. Он расположен в устье р. Иньвы на прирусловом валу II правобережной надпойменной террасы, ныне подтопленной водами Камского водохранилища. В настоящее время памятник находится на острове, имеющем грушевидную форму (70×50–100 м). Площадь распространения артефактов на размытой территории – до 300 кв. м. Стратиграфия памятника не установлена.

В ходе обследования на памятнике собраны 522 предмета. Для производства орудий в качестве каменного сырья применялся галечниковый кремь невысокого качества часто сине-серых или зеленоватых цветовых оттенков (78,8 %), который широко представлен в русловом аллювии р. Камы и её правого притока р. Иньвы. Значительно реже орудия изготовлялись из серого или тёмного кремнистого сланца (14,1 %) и серо-жёлтого кварцитопесчаника (3,8 %). В небольшом количестве (3,3 %) орудия были сделаны из серого пятнистого яшмовидного кремня.

Орудийный набор, выявленный на памятнике, представлен 213 экз. (40,8 %). На отщепах произведено 65,3 % орудий, на расколотых гальках и сколах 20,2 %, на пластинах 13,6 % и на продольных сколах с нуклеусом 0,9 %.

В коллекции привлекает внимание геометрическое изделие, изготовленное на широком сечении пластины в виде высокой симметричной трапеции без выемок – тип А8 по типологии Г.Н. Матюшина (рис. 1: 24; 5: 13). Преобладающей категорией изделий являются скребки – 21,6 %. Большинство орудий изготовлялось на отщепах и сколах овальной, подпрямоугольной или подтреугольной форм, реже – на продольных сколах с нуклеусом. На пластинах изготовлены 5 концевых скребков. Среди концевых скребков отмечаются двойные.

Вторая по количеству категория орудий представлена резцами (12,7 %). Среди них преобладают боковые поперечно-ретушные, косоретушные и выемчато-ретушные резцы, как правило, изготовленные на пластинах, – 8 экз. Среди боковых резцов отмечаются многолезвийные на пластинах с двойным усечением. Среди резцов также выделяются поперечные многофасеточные, срединные и угловые изделия. На некоторых орудиях хорошо представлена техника плоского резцового скола. Резцово-скребковый индекс памятника составляет 0,6.

Привлекают внимание изделия с «носиком» – 10 экз. (рис. 5: 8–11). В отличие этих орудий от более ранних форм, представленных в позднелитическом комплексе стоянки Ганичата II, боковые стороны их не вогнутые, а прямые, рабочая часть в сечении – треугольная, изогнутая в сторону брюшка. Представительна группа пластин с ретушью – 9 экз. Среди изделий привлекают внимание пластины с косо- и поперечно-усечённым ретушью концом – 4 экз. (рис. 5: 1–4, 15) и краевой ретушью (рис. 5: 5, 16, 17).

Проколот найдено 6 экз., они обычно изготовлялись на отщепах. Особый интерес вызывает остриё на пластине, обработанное по боковым краям односторонней крутой дорсальной ретушью. Не исключено, что функционально данное орудие использовалось как наконечник стрелы (рис. 5: 18). Среди крупных орудий из кварцита и песчаника привлекают внимание боковое скребло на массивном отщепе и два рубящих орудия, одно из которых имеет унифасиальную обработку поверхности.

5. Поселение (городище) Усть-Сылва (Пермский район Пермского края). Памятник как городище впервые упоминается в 1775 г. академиком И.Г. Георги [30, с. 90, № 745]. В 20-е–30-е годы XX в. обследовался А.В. Шмидтом [31, с. 296] и Н.А. Прокошевым [32, с. 184]. Он занимает мыс, сложенный известняками, образованный коренным правым берегом р. Сылвы и левым берегом р. Чусовой. Площадка памятника возвышается над уровнем воды от 30 до 40 м. В 1988 г. отрядом экспедиции Пермского пединститута под руководством А.В. Голдобина были проведены раскопки поселения раннего железного века и раннего Средневековья, в ходе которых неожиданно выявлены материалы финальнопалеолитического облика [33]. В 1989 г. работы на городище были продолжены (А.В. Голдобин, А.Ф. Мельничук), в результате чего был получен представительный комплекс каменных изделий, близкий к материалам стоянки Горная Талица, но с выемчатыми трапециями [34, с. 37]. В 2005 г. памятник изучался Э.В. Чуриловым. Всего за все годы исследований на нём вскрыто более 2000 кв. м. Каменный инвентарь по площадке памятника залегал рассеяно и равномерно, не образуя каких-либо серьёзных скоплений, фиксирующих хозяйственные или жилищно-бытовые площадки. В 2005 г. было доказано, что каменные изделия финальнопалеолитического облика распространяются и за пределы городища. В непо потревоженном человеческой деятельностью в раннем железном веке – раннем Средневековье состоянии каменные изделия залегали к глубины 0,4 м от поверхности в слое светло-серого белёсого оподзоленного супесчаного суглинки (слой 4) толщиной до 0,12 м. До появления на месте стоянки поселения железного века мощность этого слоя была наверняка более значительна.

На памятнике найдены 1548 предметов. Наиболее широко для производства орудий применялся тёмно-серый или серый кремнистый сланец – типичная каменная порода, используемая палеолитическим населением Пермского Приуралья (45 %). Остальные орудия изготовлялись из галечникового кремня различных цветовых оттенков (25 %), окремнелого известняка (14 %), полосчатой зелёно-красной, реже – сургучной яшмы (7 %), халцедона (5 %), кварцита (3 %) и раухтопаза (1 %).

Орудий в коллекции памятника – 339 экз. (21,9 %). Они производились на пластинах (68,6 %), на различных сколах (22 %), отщепах (8 %) и на гальках (1,4 %). Преобладающее количество орудий оформлялось дорсальной ретушью (93 %) и крайне редко вентральной (2,3 %) и двусторонней (4,7 %).

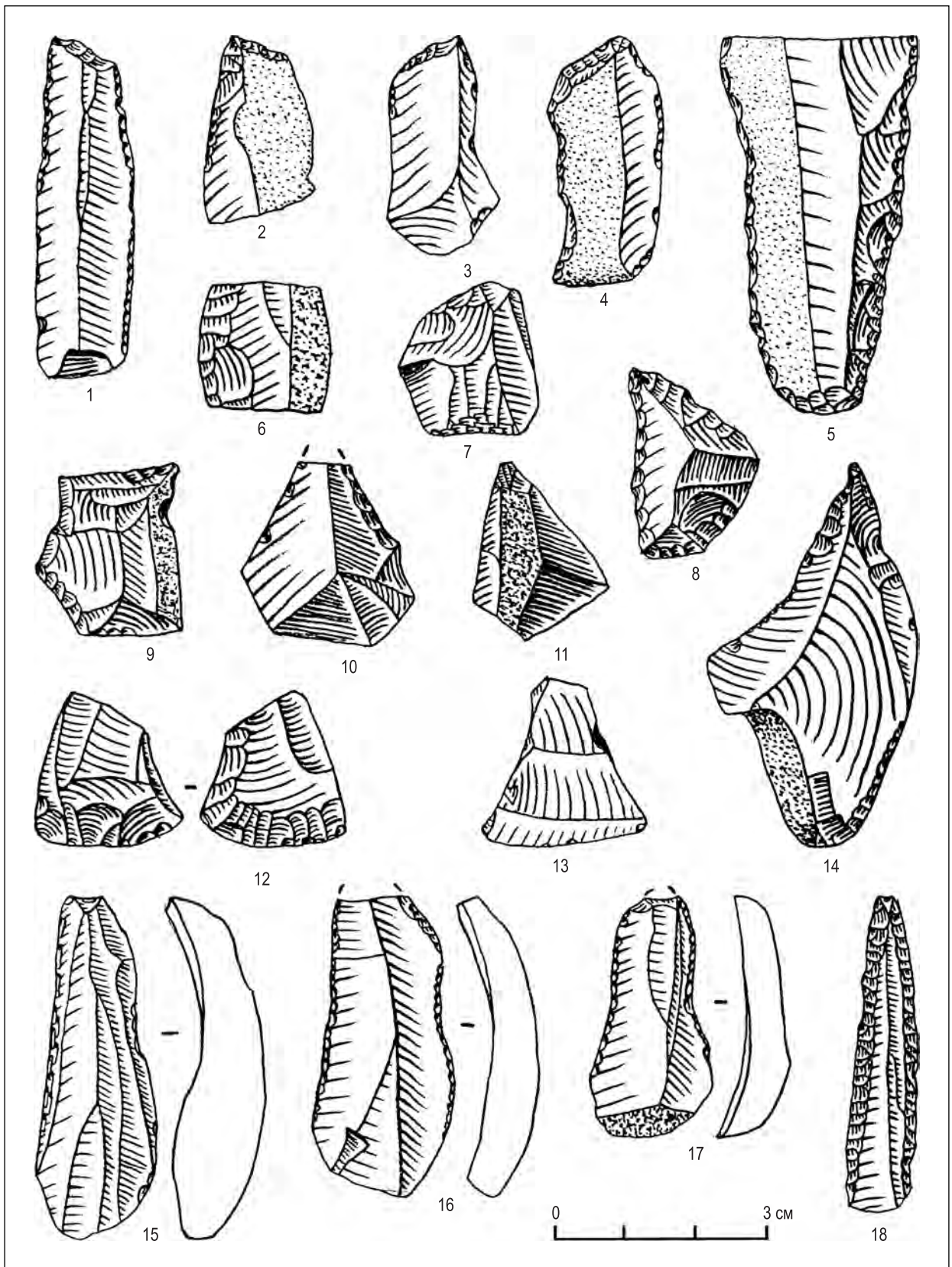

Рис. 5. Стоянка Горка. Кремнёвый инвентарь

Выразительному комплексу Усть-Сылвы сопутствовали геометрические изделия, изготовленные на удлиненных медиальных сечениях средних и широких пластин, – 7 экз. (2,1 %). Типологически они, согласно классификации Г.Н. Матюшина [18, с. 53, рис. 5], подразделяются на следующие формы: 3 выемчатые высокие симметричные трапеции – тип А6, 1 выемчатая высокая асимметричная трапеция – тип А2, 2 низкие симметричные трапеции – тип А5 и 1 низкая асимметричная трапеция с вытянутыми концами – тип А1 (рис. 1: 16–22; 6: 9–15).

Самой значительной категорией орудий являются резцы – 92 экз. (27,1 % всех орудий). Основную группу этих орудий составляют боковые ретушные резцы – 60 орудий (65,3 % всех резцов). Среди резцов, изготовленных на заготовках с ретушированной площадкой скола, определяются выемчато-ретушные, поперечно-ретушные, косоретушные (рис. 6: 17, 18). Интересна группа многолезвийных ретушных резцов, изготовленных на пластинах с симметрично усеченными концами. Лезвия резцов иногда оформлены несколькими сколами. Выявлено одно изделие, изготовленное в технике плоского резцового скола. Вторую группу представляют угловые резцы с одним или двумя рабочими лезвиями – 21 экз. (22,8 %) (рис. 6: 20). Выделяются срединные изделия – 8 экз. (8,7 %) и поперечные резцы – 3 экз. (3,2 %). В целом типологическое разнообразие резцов и техника их изготовления аналогичны таковым у подобной категории орудий на известном поселении Горная Талица.

Скребок обнаружено на поселении 32 экз. (9,4 %). На пластинах обычно изготавливались концевые скребки с прямым или слегка округлым лезвием. У концевых скребков на пластинах часто ретушью оформлялись боковые грани заготовок. На отщепях и сколах создавались изделия овальной или подпрямоугольной формы (рис. 6: 19). Из материалов видно, что, как и на поселении Горная Талица, резцы многократно преобладают над скребками. Резцово-скребковый индекс равен показателю 2,9.

Вторую по количеству группу орудий после резцов составляют пластины с краевой ретушью – 88 экз. (26 %). Ретушь на пластинах оформлялась, как правило, по одному боковому краю. Значительная часть изделий обработана ретушью частично – на углах пластин или на середине их боковых граней (рис. 6: 1, 2, 4, 7). Отмечаются пластины с боковыми выемками, которые, очевидно, использовались в качестве скобелей (рис. 6: 5, 6). В коллекции имеются отдельные короткие медиальные сечения. Выразительную группу изделий составляют пластины с усеченным ретушью концом (рис. 6: 3, 16) – 36 экз. (10,6 %): среди них преобладают с выемчато-усеченным концом – 15 (41,7 %), реже представлены поперечно-усеченные – 12 (33,3 %) и косоусеченные – 9 экз. (25 %). На памятнике найдены также ножи, единичные скошенные острия, обломки наконечников стрел на пластинах, долотовидные орудия (рис. 6: 8). Выделяется одно шиповидное изделие на пластинчатом отщепе, совершенно аналогичное подобным орудиям со стоянки Горная Талица

6. Стоянка Пеньки (Чусовской район Пермского края). В 1978 г. памятник был осмотрен В.П. Мокрушиным, который на месте размытого скопления находок, отмеченного В.П. Денисовым в 1973 г., выявил своеобразный комплекс изделий финальнопалеолитического облика, содержащий высокую выемчатую трапецию. В 1981 г. А.Ф. Мельничуком и И.В. Караваевым на месте этого же скопления собрана представительная коллекция каменных изделий, среди которых имелась ещё одна подобная трапеция [35, с. 160]. Памятник приурочен к размытому водами Камского водохранилища участку II надпойменной террасы левого берега р. Чусовой, к югу-западу сопрягающейся с III террасой, у размываемой подошвы которой были найдены кости мамонта и один окатанный скребок из кремнистого сланца. Близ береговых обнажений, возвышающихся над уровнем воды в водохранилище на 1–1,5 м, зафиксировано скопление каменных предметов площадью до 30 кв. м. Следует отметить, что до создания Камского водохранилища стоянка располагалась в глубине долины р. Чусовой, почти в 0,5 км от её русла, рядом со старичным понижением, отделявшим её от останца II надпоймы. Напротив скопления, которое отстояло от берегового обрыва на расстоянии в 5 м, В.П. Денисовым была произведена в 1973 г. зачистка обнажений. По мнению исследователя, каменные изделия могли залегать в темно-коричневом суглинке с мелкими углистыми вкраплениями на глубине 1,2–1,3 м (слой 7). Однако не исключено, что слой финального палеолита приурочен к погребенной почве (слой 4), залегающей на глубине 0,4–0,5 м от поверхности.

На памятнике собраны 243 предмета. Для производства изделий часто применялся темный кремнистый сланец (24,1 %), зеленоватый кремнистый сланец (51,7 %), кремнецветный известняк (20,8 %), единично – темный непрозрачный кремнецвет (1,7 %) и зеленая полосчатая яшма (1,7 %).

Орудий в коллекции достаточно много – 54 экз. (22,2 %). Среди них на пластинах изготовлены 26 изделий (48,1 %), на отщепях – 18 экз. (33,3 %), на сколах – 7 экз. (13 %), на гальках – 3 экз. (5,6 %). В обработке орудий полностью преобладает дорсальная ретушь (80 %). Вентральное ретуширование имеют 10 % орудий. Остальные изделия ретушированы как с брюшка, так и со спинки.

В коллекции выделяются 2 геометрических изделия. Оба предмета изготовлены из серого кремнистого сланца и принадлежат согласно классификации Г.Н. Матюшина к типу А 6 – высокие симметричные трапеции с выемками [18, с. 53, рис. 5]. Оба орудия сделаны на сечениях широких (1,6 и 1,8 см) пластин (рис. 1: 14–15; 7: 18; 8: 9).

Самую многочисленную категорию орудий представляют скребки – 24 экз. (44,4 %), среди которых преобладают изделия на отщепях: концевые подпрямоугольные и овальные. На пластинах и обломках пластин изготовлены концевые скребки (рис. 7: 9–12; 8: 1–7).

Значительную группу орудий (15 экз. – 12 %) составляют пластины и фрагменты пластин с краевой прерывистой, иногда зубчато-выемчатой ретушью. Часто ретушью оформлялся угол на сломе пластины (рис. 7: 1–8; 8: 13). Кроме того, реже встречаются поперечно-ретушные пластины и изделия с ретуширо-

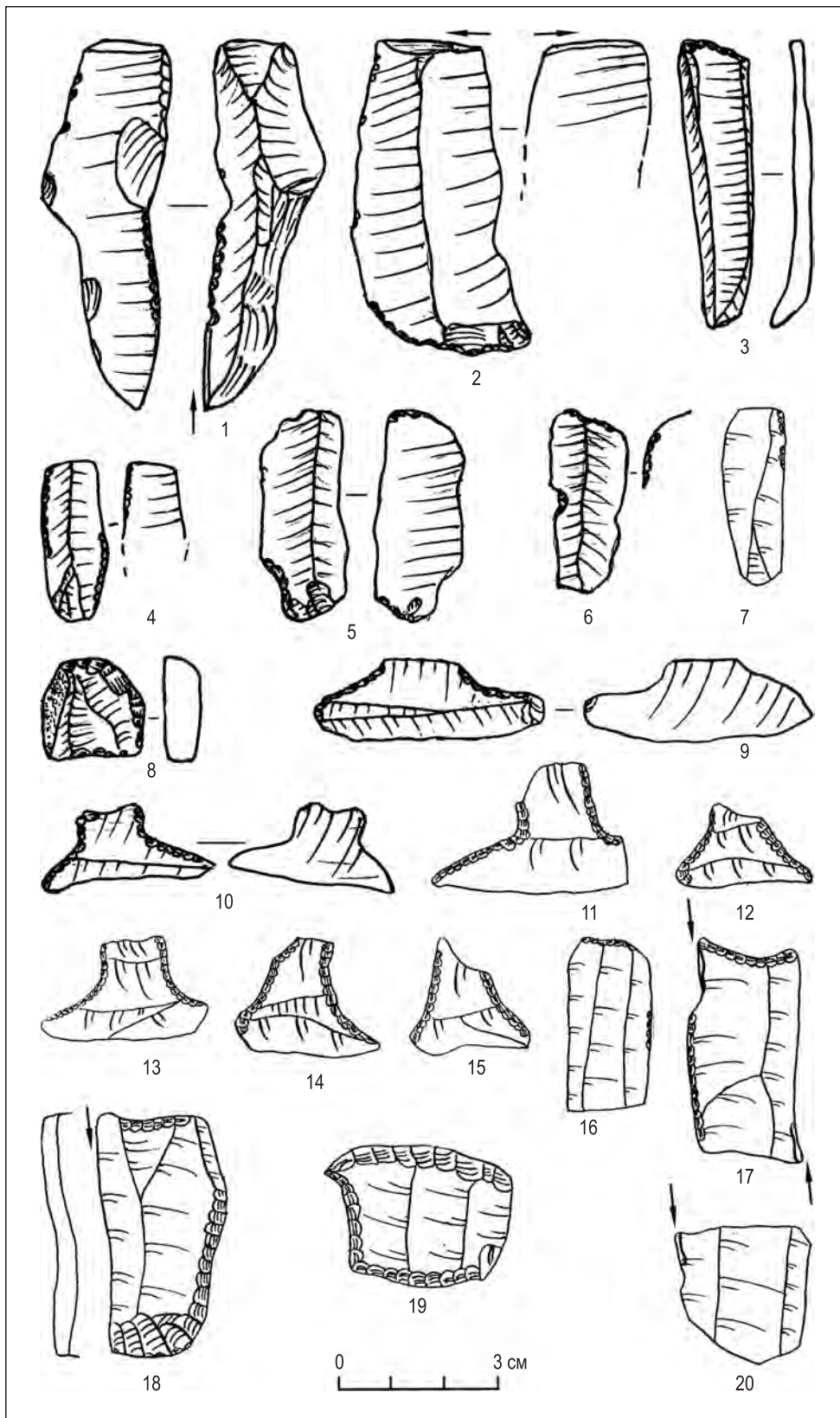

Рис. 6. Поселение Усть-Сылва. Кремнёвый инвентарь

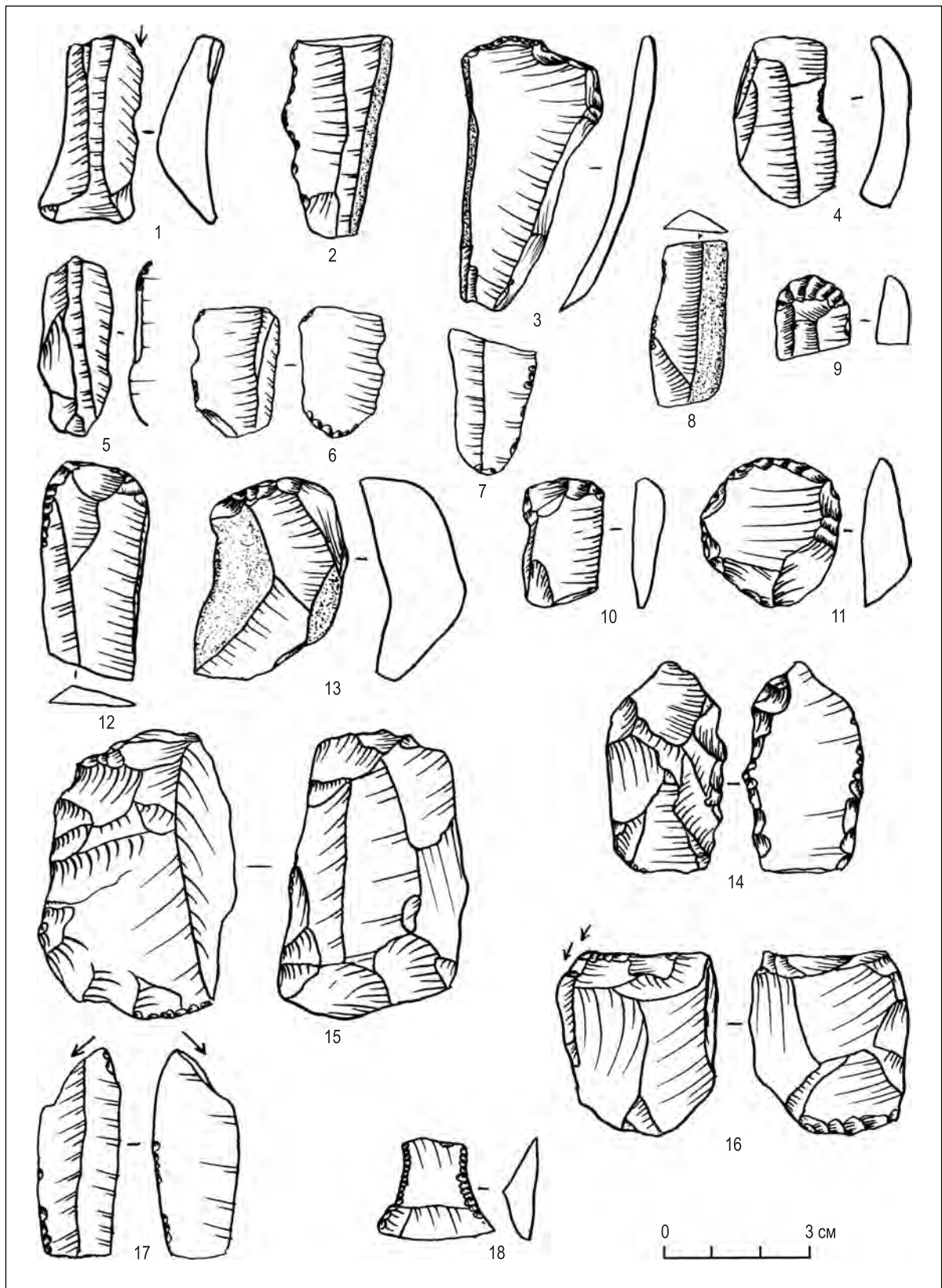

Рис. 7. Стоянка Пеньки. Кремнёвый инвентарь

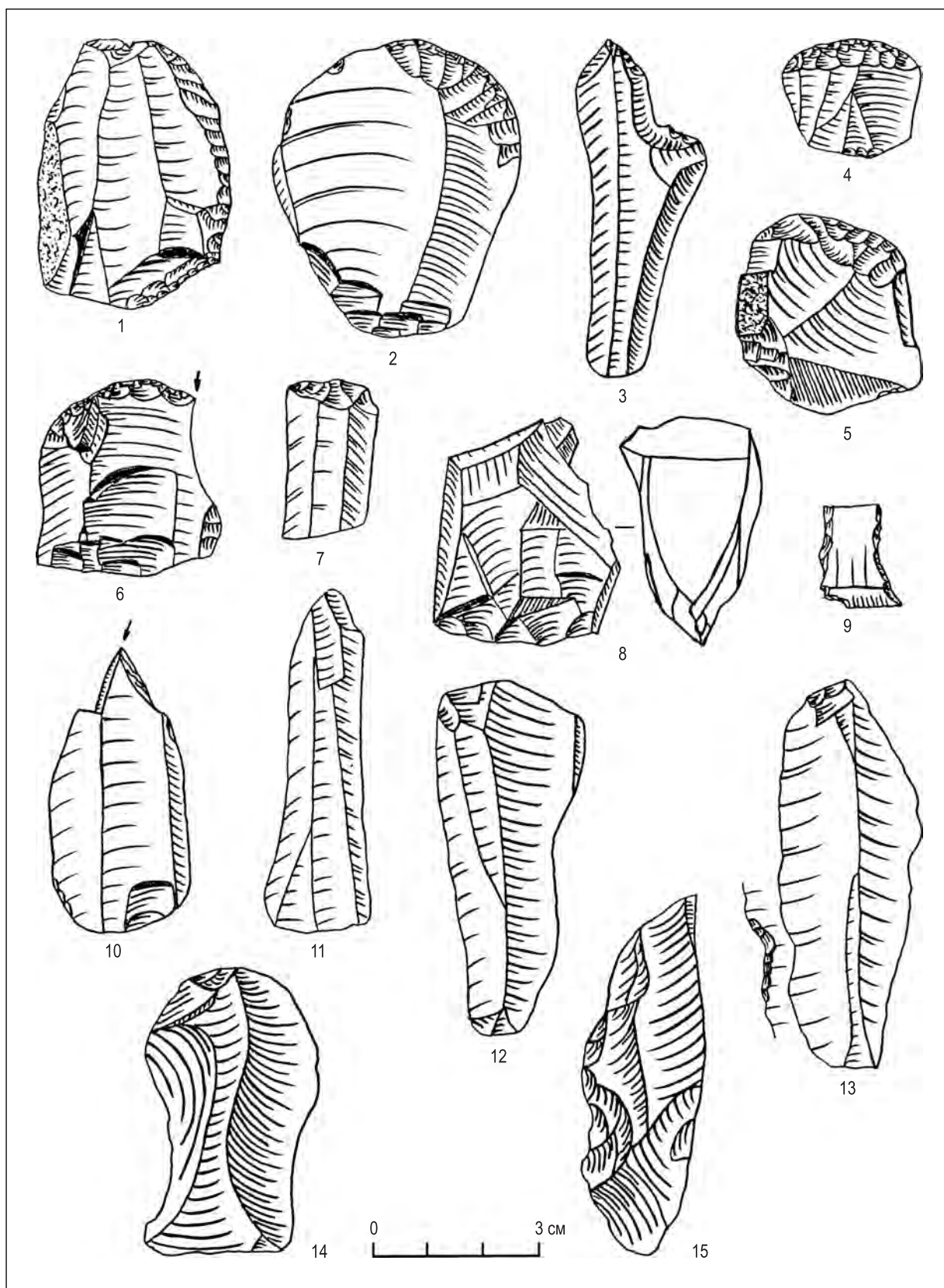

Рис. 8. Стоянка Пеньки. Кремнёвый инвентарь

ванными выемками. Резцов в коллекции немного (4 экз. – 7,2 %): угловой, многофасеточный, срединный и поперечный (рис. 7: 1, 16; 7: 17; 8: 10). Выделяется остриё, изготовленное на подтреугольной пластине из светло-серого кремнистого сланца. В коллекции имеются единичные долотовидные и комбинированные орудия (рис. 7: 14, 15; 8: 8), отщепы с ретушью.

Каменный инвентарь стоянки Пеньки своеобразен и значительно отличается от материалов известной финальнопалеолитической стоянки Горная Талица: преобладание разнообразных скребков в инвентаре, малочисленность резцов, небольшой процент торцового ретуширования пластин, почти полное отсутствие яшмового каменного сырья. Это хорошо иллюстрирует резцово-скребковый показатель, который обладает чрезвычайно низким индексом: 0,1. Однако это явление можно объяснить как определённым хронологическим разрывом между этими двумя чувовскими комплексами финальной стадии позднего плейстоцена, так и хозяйственной спецификой памятника Пеньки, который в отличие от базовой стоянки Горная Талица явно представляет собой остаток кратковременного охотничьего стойбища, расположенного вдали от основного поселения. В определённой степени на характере каменной индустрии сказывалось невысокое качество сырья (небольшой удельный вес тёмного кремнистого сланца: 24,1 %, невысокие изотропные свойства окремнелого известняка и зелёного хлористо-кремнистого сланца). Однако комплексы Горной Талицы и Пеньков сближают преобладающий пластинчатый характер каменного инвентаря и наличие традиции выемчатого усечения пластин.

7. Поселение Крохово I (Пермский район Пермского края). Памятник открыт в 1960 г. В.П. Денисовым и неоднократно осматривался Ю.А. Поляковым, А.Ф. Мельничуком, В.П. Мокрушиным и А.Е. Старковым. Он приурочен к поверхности высокой (до 10 м) II левобережной песчаной надпойменной террасы р. Камы, доминирующей над обширным пойменным массивом «Красава». Мысовидный участок террасы, где собраны каменные изделия, обращён к правому берегу р. Нижней Мулянки, левого притока р. Камы. Памятник – многослойный и содержит материалы камского неолита и раннего железного века. Стратиграфия памятника, к сожалению, осталась неисследованной. Однако при сборах на его поверхности в 1979 г. были найдены изделия раннемезолитического облика, среди которых выделялась низкая асимметричная трапеция без выемки из тёмного кремнистого сланца с резцовым сколом – тип А1 по классификации Г.Н. Матюшина (рис. 1: 13; 9: 10). Явно хронологически с трапецией сопрягаются и другие изделия из тёмного кремнистого сланца – нуклеус, угловой резец на широкой пластине, выемчато-усечённая пластина (рис. 9: 17, 12, 11). Изделия из разноцветного галечного кремня, включая и орудия на пластинах, могут синхронизироваться с гребенчатой керамикой камского неолита, найденной на памятнике. Характерно, что в 2 км к западу от поселения Крохово I в ходе раскопок многослойного памятника Заюрчим I, расположенного на площадке высокого (3 м) древнего руслового вала, в 2009 г. в нижних слоях песчаной дюны, под напластованиями энеолита и неолита найдены два косоретушных резца на широких пластинах из тёмного кремнистого сланца, один из которых по торцу заготовки имел оформленную ретушью выемку. Не исключено, что древние охотники на рубеже позднего плейстоцена – раннего голоцена в определённое время года могли посещать наиболее доступные возвышенные участки формирующейся поймы р. Камы [36, с. 183].

8. Поселение Огурдино (Усольский район Пермского края). Памятник приурочен к поверхности высокой (до 14 м) II правобережной надпойменной террасы, сложенной в нижней толще мощными линзами руслового гравия [37, с. 8] В ходе исследований памятника О.Н. Бадером (1951–1952 гг.) был получен значительный комплекс микролитических каменных изделий, среди которых выделялись архаичные, по мнению исследователя, элементы в материальной культуре в виде ретушных резцов и усечённых ретушью пластин, к которым были отнесены и 3 трапеции [1, с. 198]. Ещё 2 подобных изделия обнаружены на памятнике А.Ф. Мельничуком в ходе работ 1984 и 1993 гг. [1, с. 198; 38; 39]. Все пять трапеций – высокие симметричные, три из них – выемчатые (тип А6), а две – без выемки (тип А4 по Г.Н. Матюшину). Они изготовлены из серого кремня (рис. 1: 1–5; 10: 20–24). Памятник Огурдино как базовое поселение раннеголоценовых охотников, приуроченное к выходу мощного гравийного месторождения с высококачественным галечным сырьём, включающим полупрозрачный халцедон и яшму, стал формироваться в ранний период мезолита. Активное освоение этого природного ресурса явно продолжалось и в другие хронологические фазы развития камского мезолита.

9. Поселение Шумково (Кишертский район Пермского края). Памятник находится на правом берегу р. Сылвы. Он приурочен к высокой (до 9 м) правобережной террасе реки, открыт в 1965 г. В.И. Зуевой. При исследовании многослойного памятника, содержащего, помимо мезолитических материалов, комплексы позднего периода эпохи бронзы и раннего Средневековья, В.Ю. Лещенко в 1966 г., В.П. Денисовым в 1967 г. и Г.Т. Ленц в 1976 и 1984 гг. выявлен значительный микролитический комплекс, содержащий и 6 высоких симметричных трапеций с боковыми выемками – тип А6 по Г.Н. Матюшину (рис. 1: 7–12; 11: 5–10). Две трапеции изготовлены из тёмного кремнистого сланца – каменного сырья, свойственного прикамскому палеолиту, а остальные – из обычного галечного кремня серого цвета. Вместе со стандартным микролитическим материалом, как и на поселении Огурдино, помимо трапеций, в материалах стоянки отмечались различные ретушные пластины и резцы (рис. 11). Учитывая значительные размеры памятника, он функционировал, начиная с раннего мезолита и заканчивая поздним его периодом.

10. Поселение Баской Лог (Частинский район Пермского края). Памятник открыт в 1953 г. Б.Х. Кадиковым. Поселение приурочено к поверхности высокого мысовидного участка II надпойменной террасы. Б.Х. Кадиковым на поселении был заложен шурф, описание которого не сохранилось. В сводные данные по разведкам в Среднем Прикамье поселение Баской Лог вошло как обычное селище ананьинской культу-

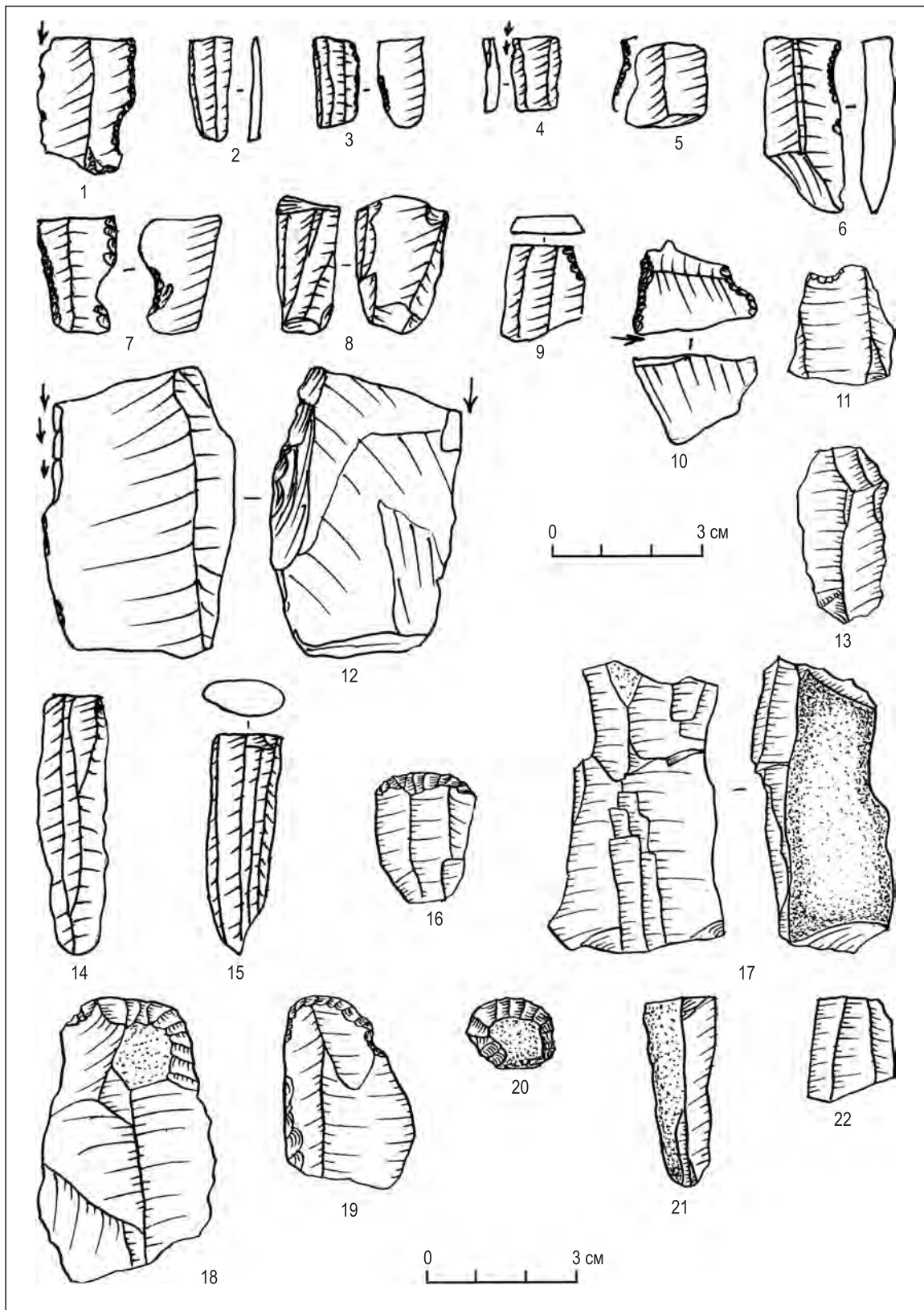

Рис. 9. Поселение Крохово I. Кремнёвый инвентарь

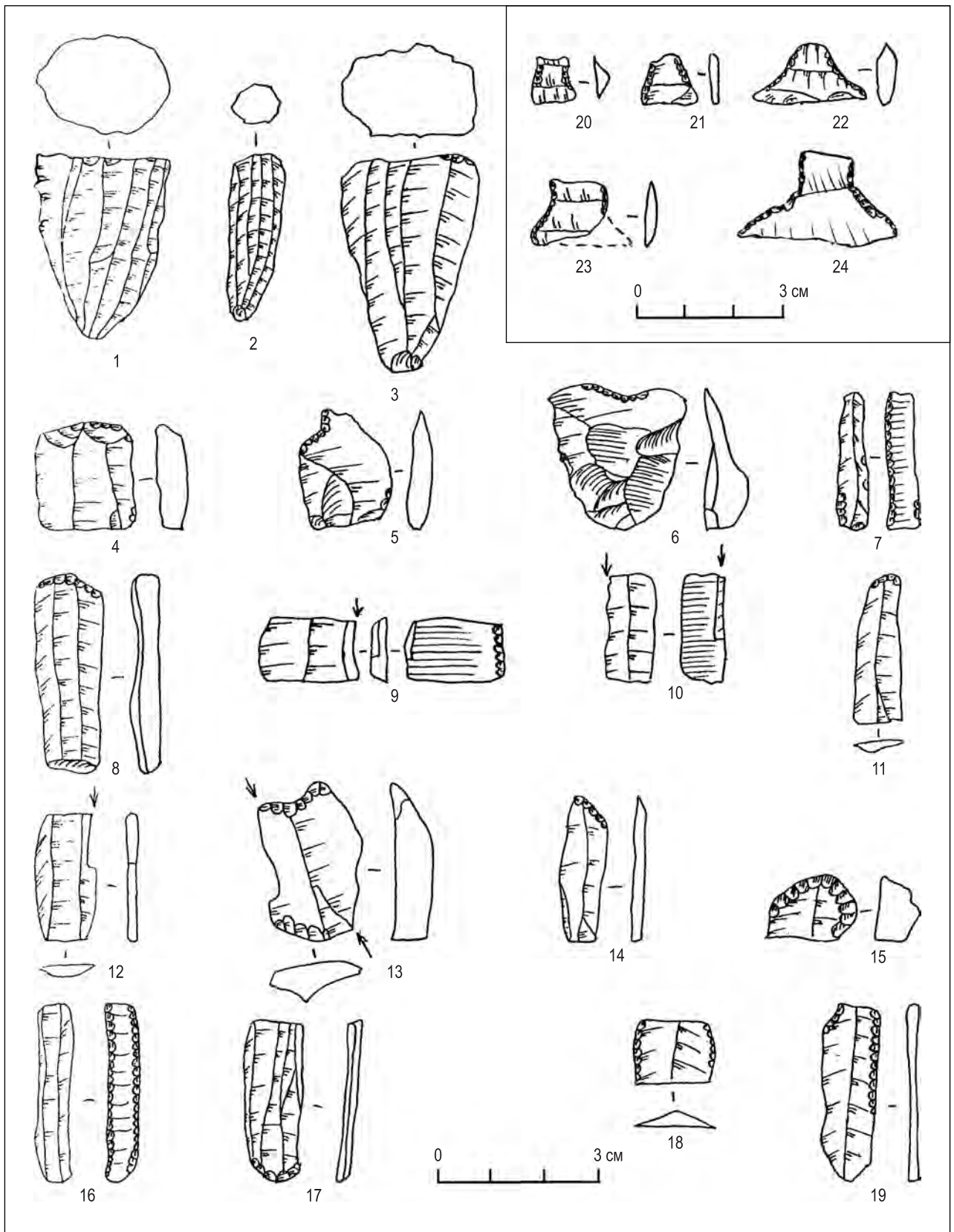

Рис. 10. Поселение Огурдино. Кремнёвый инвентарь

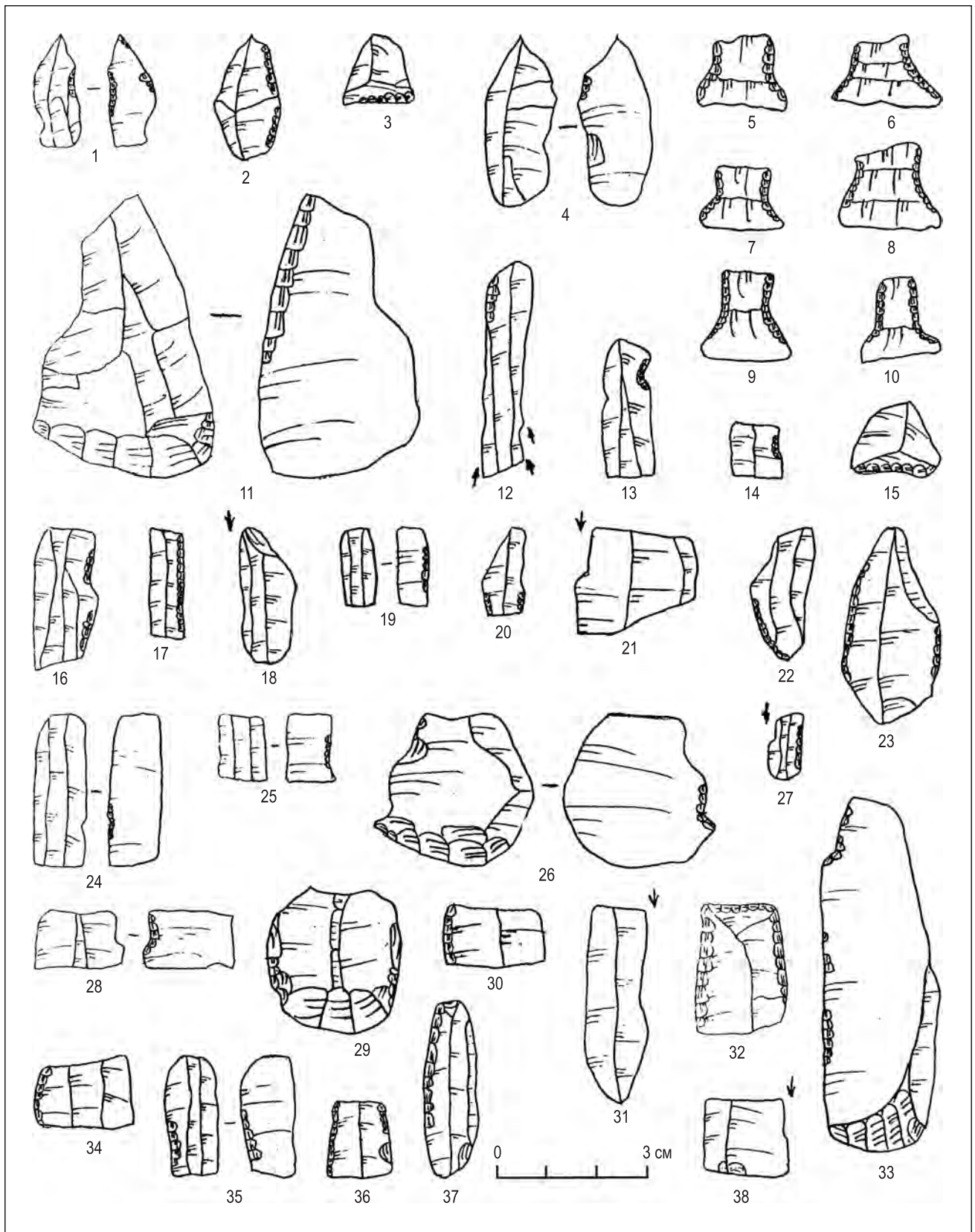

Рис. 11. Поселение Шумково. Кремнёвый инвентарь

ры. К сожалению, О.Н. Бадер детально не ознакомился с результатами разведки Б.Х. Кадикова, и в 1986 г. А.Ф. Мельничук при осмотре разведочных материалов в шурфовочном пакете с селища Баской Лог вместе с керамикой раннего этапа ананьинской культуры нашёл трапецию с выемками, крупные пластины и боковой ретушный резец на пластине из сланца, что позволило отнести этот комплекс к финальному палеолиту – раннему мезолиту.

Следовательно, в 1953 г. в шурфе Б.Х. Кадиковым вместе с фрагментами раннеананьинской керамики был найден небольшой комплекс финальнопалеолитического облика из 5 предметов. Среди них 3 ножевидные пластины, поперечно-ретушный боковой многолезвийный резец из серо-коричневого сланца и низкая асимметричная трапеция с боковыми выемками – тип А1 по Г.Н. Матюшину (рис. 1: 6; 12: 5).

Таким образом, одним из типов изделий, маркирующих культуру поселений финального палеолита и раннего мезолита Пермского Приуралья, являются геометрические вкладыши, среди которых преобладают симметричные и асимметричные трапеции с отретушированными выемками (73 %). В целом резко доминируют изделия высоких и симметричных пропорций (85 %). Здесь необходимо отметить, что усечение ретушью пластин и удлинённых заготовок является важным технологическим элементом в каменной индустрии памятников таёжного Приуралья начиная с поздней поры верхнего палеолита [40, с. 202].

В пребореальный период на территории Среднего Приуралья начинает формироваться камская мезолитическая культура с микролитическим инвентарём. Ранний этап мезолитической культуры Пермского Приуралья представлен памятниками типа Огурдино. Именно комплексы подобных памятников (Огурдино, Шумково, Гремячий Ручей, Бор-Лёнва) дают материалы, которые позволяют говорить об их связи и преемственности с финальнопалеолитическими стоянками Пермского Приуралья. Они проявляются в том, что наряду со стандартным микролитическим комплексом орудий на стоянках огурдинского этапа мезолита присутствуют трапеции с боковыми выемками, боковые ретушные резцы, усечённые ретушью пластины, срединные резцы, скошенные острия, крупные рубящие унифасиальные орудия из кварцитопесчаника, отдельные изделия из тёмного кремнистого сланца. В раннебореальный период архаичные элементы (по О.Н. Бадеру), характеризующие ранний мезолит Пермского Приуралья, постепенно исчезают из состава каменного инвентаря мезолитических комплексов региона. Каменная индустрия мезолитических охотников Пермского Приуралья приобретает стандартный микролитический облик, что хорошо иллюстрируют материалы памятников типа стоянки Нижнее Адищево.

Учитывая, что материалы памятников таёжного Приуралья рубежа позднего плейстоцена – раннего голоцена по многим технико-типологическим показателям, особенно по номенклатуре орудий, включающей, помимо разнообразных ретушных резцов и пластин, симметричные и асимметричные трапеции с выемками и без них, близки к комплексам финального палеолита Русской равнины, логично было бы видеть истоки данного типа геометрических изделий в этом ареале. В 1988 г. один из авторов на X Уральском архе-

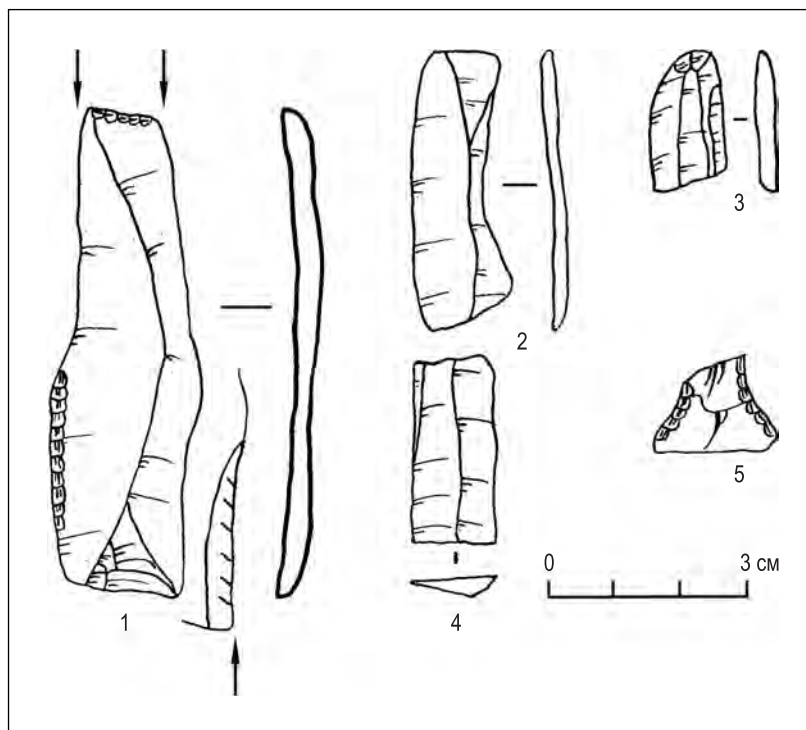

Рис. 12. Поселение Баской Лог. Кремнёвый инвентарь

ологическом совещании высказал мнение о возникновении трапедий в мезолите Пермского Приуралья на базе местной финальнопалеолитической каменной индустрии. К этой мысли он пришёл после находок трапедий с боковыми выемками на финальнопалеолитической стоянке Пеньки, а также на основании того, что для вторичной обработки значительной части орудий на пластинах стоянки Горная Талица использовался метод выемчатого ретуширования, иногда двойного [41, с. 13, рис. 5: 20, 21]. В то время это предположение не нашло должного понимания, так как тогда доминировала концепция Г.Н. Матюшина о южно-уральском (янгельском) происхождении геометрических изделий в мезолите Среднего Приуралья [19, с. 91]. В этот период положение об автохтонном происхождении трапедий в финальном палеолите – раннем мезолите Волго-Камья защищала М.Ш. Галимова [42, с. 16; 43, с. 12–13; 44, с. 45–48]. Позднее, учитывая вариабельность типов геометрических изделий в усть-камской и зимниковской культурах (Днепро-Донецкий регион), М.Ш. Галимова пришла к выводу о том, что генезис этих орудий, возможно, надо выводить из традиций культур с геометрическими микролитами Передней Азии и что «следует рассматривать Днепро-Донецкий и Средне-Волжские регионы как контактные территории» [45, с. 9].

Нам представляется наиболее продуктивной точка зрения исследователей, занимающихся проблемами финального палеолита – раннего мезолита центральных областей Восточно-Европейской равнины, которые рассматривают технологический и хозяйственный аспекты генезиса трапедий на примере финальнопалеолитической иеневской культуры как вполне самостоятельное явление внутри постаренбургской общности, развившееся под влиянием природных и социально-экономических факторов [28, с. 78; 46, с. 40–41].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бадер О.Н. Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита // МИА. № 126. 1966.
2. Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958.
3. Бадер О.Н. Основные этапы этнокультурной истории и палеогеографии Урала // МИА. № 79. 1960.
4. Бадер О.Н. Древнейшая история Прикамья: Доклад ... на соискание ученой степени д.и.н. М., 1963.
5. Бадер О.Н. Палеолит Урала и его значение для изучения древнейшего прошлого Евразии // V Уральское археологическое совещание. Сыктывкар, 1967.
6. Бадер О.Н. Некоторые итоги и перспективы изучения каменного и бронзового веков Урала // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1981.
7. Формозов А.А. О роли закаспийского и приаральского мезолита и неолита в истории Европы и Азии // СА. 1972. № 1.
8. Формозов А.А. Распространение сегментов и трапедий в каменном веке в Европейской части СССР // СА. 1973. № 1.
9. Формозов А.А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М., 1977.
10. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
11. Косменко М.Г. Основные этапы развития мезолитической культуры в Среднем Поволжье // СА. 1972. № 3.
12. Косменко М.Г. Мезолит Среднего Поволжья // КСИА. Вып. 149. 1977.
13. Косменко М.Г. Итоги раскопок Татарско-Азизбейской IV стоянки // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань, 1978.
14. Гусенцова Т.М. Новые поселения эпохи мезолита и неолита в междуречье р. Камы и Вятки // СА. 1983. № 1.
15. Гусенцова Т.М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1993.
16. Старков В.Ф. Мезолит Среднего Приуралья // Мезолит СССР. М., 1989. (Археология СССР)
17. Матюшин Г.Н. О характере материальной культуры Южного Урала в эпоху мезолита // СА. 1969. № 4.
18. Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976.
19. Матюшин Г.Н. Геология, периодизация и хронология каменного века Урала // КСИА. Вып. 181. 1985.
20. Сериков Ю.Б. Геометрические микролиты Среднего Зауралья // Проблемы палеолита и мезолита Волго-Уралья. Тезисы регионального совещания. Саратов, 1992.
21. Сериков Ю.Б. Геометрические микролиты Среднего Зауралья // РА. 1998. № 1.
22. Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил, 2000.
23. Макаров Э.Ю. Финальный палеолит Прикамья в свете новейших данных // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Кудымкар, 1997.
24. Спиринов Л.Н., Шмыров В.А. Основные черты голоценовой тектоники и палеогеографии Пермского Приуралья // Физико-географические основы развития и размещения производительных сил Нечерноземного Урала. Пермь, 1984.
25. Павлов П.Ю., Макаров Э.Ю. Гарчи I – памятник костенковско-стрелецкой культуры на северо-востоке Европы // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. Сыктывкар, 1998. (Материалы по археологии европейского Северо-Востока. Вып. 15)
26. Макаров Э.Ю. Палеолит Приуралья – итоги и перспективы // Оборинские чтения. Вып. 2: Материалы археологической конференции. Пермь, 2002.
27. Зализняк Л.Л. Охотники на северного оленя Украинского полесья эпохи финального палеолита. Киев, 1982.
28. Сорокин А.Н. Мезолит Волго-Окского бассейна // Проблема каменного века Русской равнины. М., 2004.
29. Макаров Э.Ю. Местонахождение Горка – новый мезолитический памятник в Пермском Приуралье // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. 1. Березники, 2001.
30. Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы // МИА. № 27. 1952.
31. Шмидт А.В. Отчет о командировке в 1925 г. в Уральскую область // Сборник МАЭ. Т. 7. Л., 1928.
32. Прокошев Н.А. Из материалов по изучению ананьинской эпохи в Прикамье // СА. № X. 1948.
33. Голдобин А.В. Раскопки Усть-Сылвенского городища в Пермском районе Пермской области // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989.
34. Исследование памятников каменного века в Пермском Приуралье / А.В. Голдобин, В.П. Денисов, А.Ф. Мельничук, В.П. Мокрушин // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск, 1991.
35. Мельничук А.Ф. Исследования в Пермской области // АО–1982. М., 1984.
36. Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф. Жилищные комплексы эпохи палеометалла поселения Заюрчим I // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции). Ижевск, 2010.

37. Лунев Б.С., Кропачев А.М. Месторождения гравия, песка и глин в Пермской области. Пермь, 1959.
38. Мельничук А.Ф. Новые материалы Огурдинского мезолитического поселения // СА. 1989. № 4.
39. Мельничук А.Ф., Волокитин А.В., Лычагина Е.Л. Огурдинское поселение и его место в мезолите Приуралья // Проблемные вопросы истории, культуры, образования, экономики Северного Прикамья. Березники, 1994.
40. Павлов П.Ю. Древнейшие этапы заселения севера Евразии: северо-восток Европы в эпоху палеолита // Северный археологический конгресс: Доклады. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002.
41. Мельничук А.Ф., Павлов П.Ю. Стоянка Горная Талица на р. Чусовой и проблема раннего мезолита в Прикамье // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987.
42. Бутаков Г.Н., Галимова М.Ш., Мозжерин В.И. Геолого-геоморфологические условия и палеогеография палеолитических памятников правобережья Средней Волги // Памятники первобытной истории Волго-Камья. Казань, 1988.
43. Галимова М.Ш. Исследования на Сюкеевском Взвозе в 1984–1990 гг. // Археологические памятники зоны водохранилища Волго-Камского каскада. Казань, 1992.
44. Галимова М.Ш. Тетюшская III стоянка // Новые материалы по мезолиту Волго-Камья. Казань, 1996.
45. Галимова М.Ш. Мезолитические культуры с трапециями в бассейнах Волги и Днепра: Проблемы происхождения и исторических судеб. Научный доклад. Казань, 2001.
46. Мельничук А.Ф. Проблема взаимодействия древних общин Среднего Приуралья с населением центральной части Восточной Европы на грани позднего плейстоцена – раннего голоцена // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Н.Н. Гуриной. СПб., 2009.

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»,
Пермь*

*ГКБУК «Пермский краеведческий музей»,
Пермь*

A.F. Melnichuk, E.V. Churilov

**MONUMENTS OF THE FINAL PALAEOOLITHIC AND EARLY MESOLITHIC
OF THE PERM URALS WITH GEOMETRICAL MICROLITHES**

Summary

One of the interesting types of products marking the culture of the settlements of the Final Palaeolithic and Early Mesolithic of the Perm region are geometric inserts, among which symmetrical and asymmetric trapeziums with retouched recesses prevail. The method of truncating retouched plates and elongated blanks is an important technological element in the stone industry of the monuments of the Urals taiga, beginning with the late period of the Upper Palaeolithic. This gives grounds to position the appearance of trapezoids in the Stone Age of the Perm region on the basis of the local culture of ancient hunters of the Final Palaeolithic of the Gornaya Talitsa type. Geometric products continue to be used by the ancient population in the Middle Urals in the Preboreal period with the formation of the early stage of the Kama Mesolithic culture, represented by monuments like the Ogurдино.

*Perm State National Research University,
15, A.I. Bukireva St., Perm, 614990,
Russia*

A.F. Melnichuk – E-mail: dmelnichuk@mail.ru

*Perm Regional Museum,
15, Sibyrskaya St., Perm, 614990,
Russia*

E.V. Churilov – E-mail: edvchur@yandex.ru

А.Ф. Мельничук, С.Н. Коренюк, Э.В. Чурилов

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ СООРУЖЕНИЯ В ПЕРМСКОМ ПРИУРАЛЬЕ

За полувековой период (середина – конец XX в.) изучения памятников мезолита в Пермском Приуралье О.Н. Бадером, В.П. Денисовым, В.А. Обориным, Р.Д. Голдиной, А.Ф. Мельничуком, Г.А. Бординских, С.Н. Коренюком, В.П. Мокрушиным исследованы остатки 14 сооружений раннеголоценового возраста. Наши коллегами из Республики Коми в своё время был проведён детальный анализ мезолитических жилищ европейского Северо-Востока [1]. В этой работе мы постараемся обобщить данные по всем обнаруженным в Пермском крае сооружениям, являющимся важным источником по изучению культуры мезолитических охотников региона. Хронологически жилища связаны с классическими камскими памятниками с микролитическими комплексами типа стоянки Нижнее Адищево (4 сооружения) и с памятниками позднего мезолита типа стоянки Косинская I (10 сооружений).

Жилища, связанные с микролитическими комплексами, обычно приурочены к однородным, обесцевленным песчаным и супесчаным почвам Верхнего Прикамья, вмещающим культурные отложения раннеголоценового возраста, что затрудняет их обнаружение и характеристику. В начале 50-х гг. XX в. О.Н. Бадером при изучении мезолитических памятников региона была применена методика, по которой проводилась тщательная фиксация кремнёвого материала с поединчными глубинными замерами, целью которой было выявление горизонтов обитания, связанных с чётко локализованными производственными площадками или углублёнными сооружениями. Данная методика позволила О.Н. Бадеру выявить на Огурдинском поселении остатки самой древней на тот период исследований на Урале мезолитической постройки [2, с. 199]. Правда, впоследствии, с накоплением источников по раннеголоценовым памятникам Прикамья, было высказано сомнение в обоснованности вывода о выделении на памятнике Огурдино жилища [3, с. 6]. Однако, как показала долговременная практика изучения Камской археологической экспедицией Пермского государственного национального исследовательского университета памятников мезолита на песчаных борových террасах Прикамья, если выявленные скопления каменных предметов пронизывают горизонт бурых ортозандов и углубляются хотя бы на 10–20 см ниже уровня основного залегания мезолитических изделий на поселениях (горизонта обитания), то эти объекты следует рассматривать как остатки жилищ, хозяйственных построек или ям. Основываясь на методике О.Н. Бадера, нам удалось выявить признаки явных хозяйственно-бытовых объектов на микролитических памятниках мезолита в Пермском Приуралье: 2 сооружения на стоянке Новожилово, остатки постройки на поселении Чашкинское озеро V, яма с “кладом” топоров на поселении Огурдино [4, с. 24; 5, с. 21–23, рис. 2; 6, с. 268]. Микролитические памятники Пермского Приуралья близки к комплексу стоянки Баринка II, исследованной Т.М. Гусенцовой в Камско-Вятском междуречье, для которой получена радиоуглеродная дата 8265±130 лет назад, и к материалам стоянки Лёк-Леса, изученной А.В. Волокитным в Северном Приуралье, имеющим радиоуглеродную дату 9010±10 лет от наших дней [7, с. 94; 8, с. 90].

Поселение Огурдино (Усольский район Пермского края). Памятник находится на поверхности 2-й надпойменной террасы (14–16 м) правого берега р. Камы. Он открыт в 1949 г. В.П. Денисовым и В.А. Обориным. В 1952 г. в ходе исследований поселения выявлено мощное скопление кремня, которое опускалось в глубину ниже основного горизонта обитания мезолитической стоянки на 0,3–0,35 м. Слабоуглублённое сооружение (8×5–1,7 м) площадью до 30 кв. м имело ориентировку восток–запад (рис. 1: 1). В западной части постройки отстал выступ (2,8×1,7 м), направленный в сторону от реки. В пределах сооружения найден микролитический инвентарь, в котором трапеции и ретушные изделия раннемезолитического возраста, известные на других участках памятника (рис. 2), отсутствовали [2, с. 198]. Учитывая внушительные размеры поселения Огурдино и значительное распространение каменного материала по краю террасы (до 3 км), следует полагать, что древние охотники использовали площадку данного памятника, приуроченного к мощному выходу гравийных аллювиальных отложений р. Камы, как в раннем мезолите, так и в период существования микролитических памятников камского мезолита типа стоянки Нижнее Адищево. Кроме мезолитического материала, на памятнике выявлены очень небольшие комплексы позднего неолита и эпохи бронзы, а также раннего железного века и раннего Средневековья. Нам представляется, что огурдинское сооружение соотносится с микролитическими нижнеадишевскими комплексами (рис. 3). Определить время использования

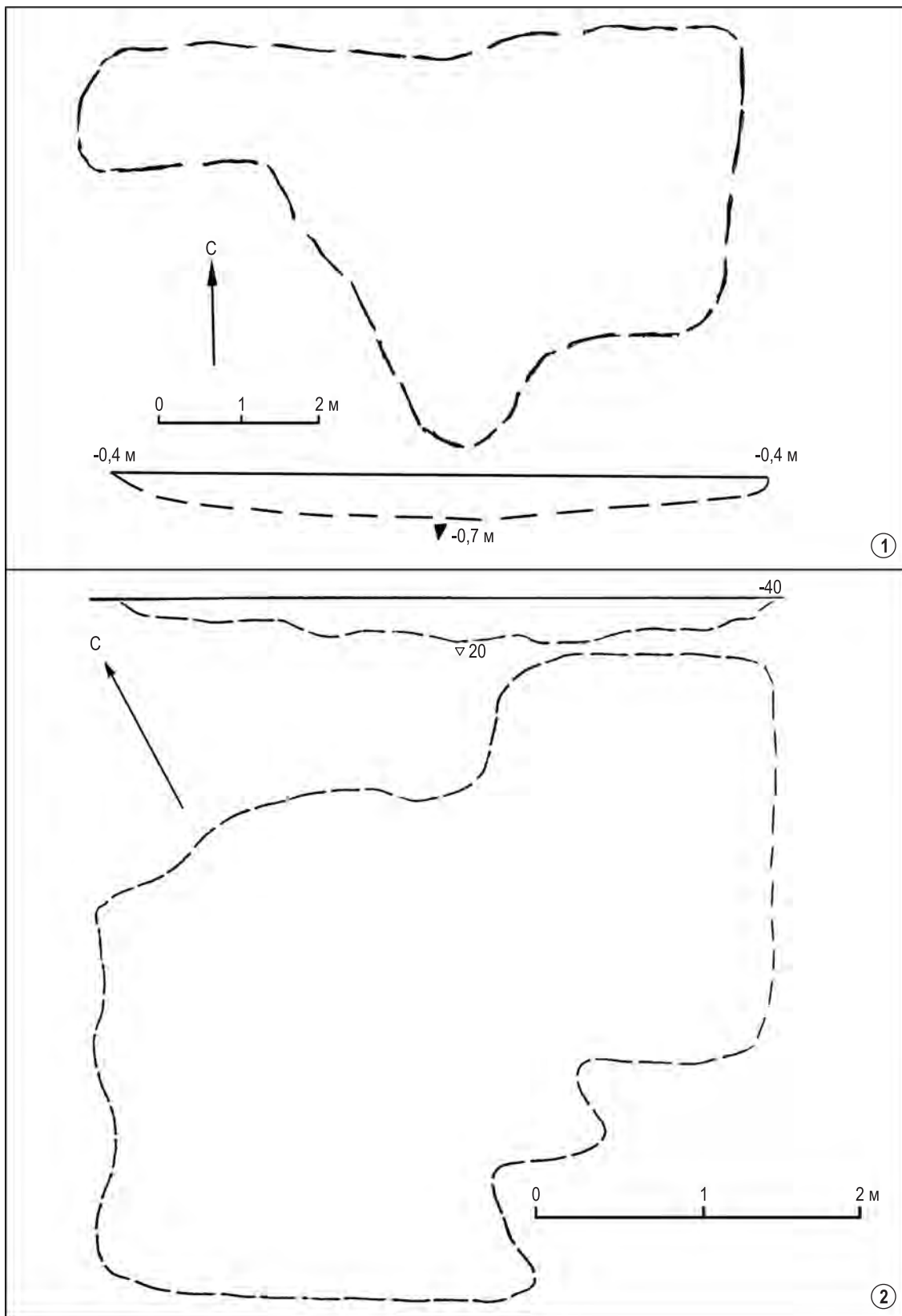

Рис. 1. Жилища: 1 – поселение Огурдино; 2 – поселение Чашкинское Озеро V

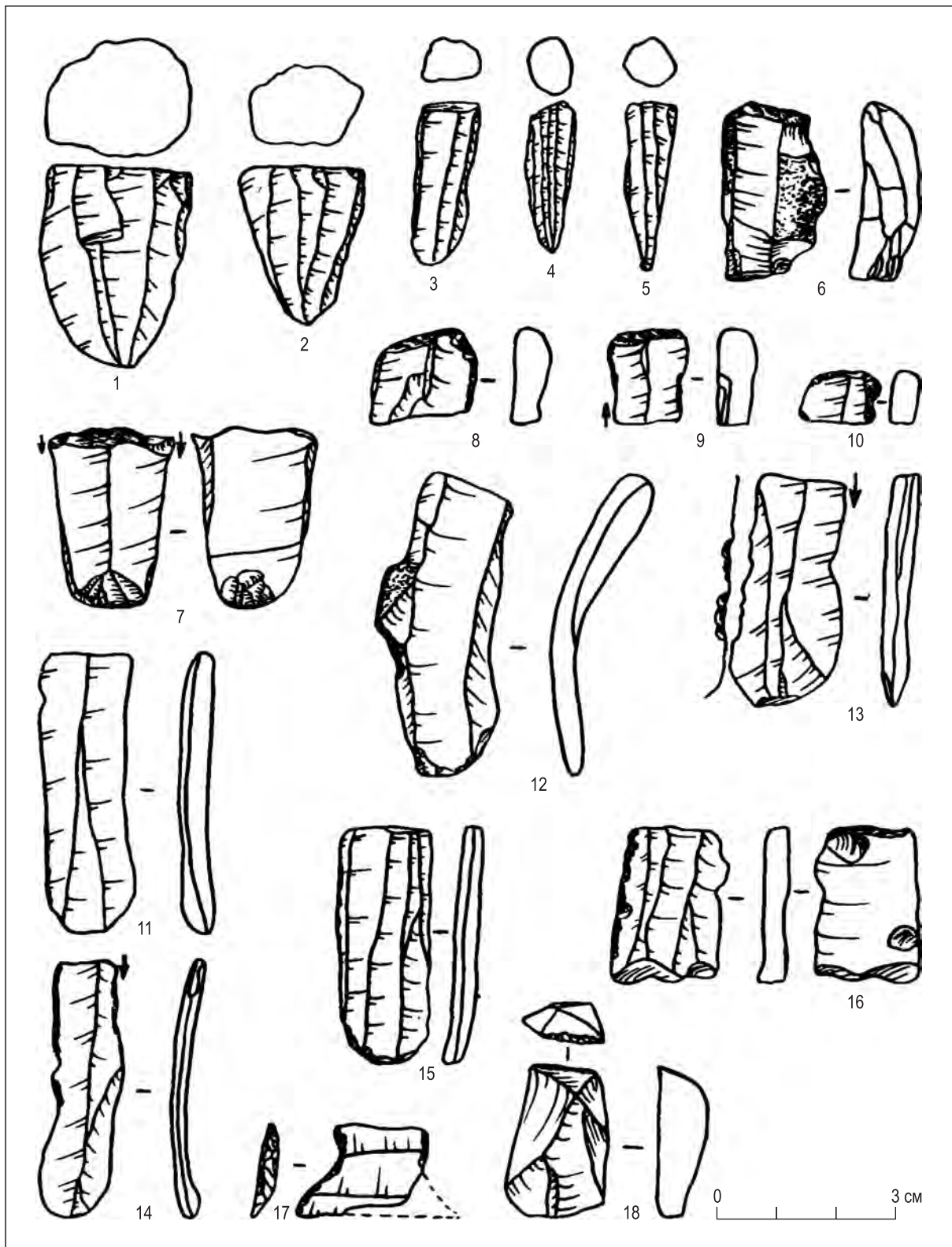

Рис. 2. Поселение Огурдино. Кремнёвый инвентарь

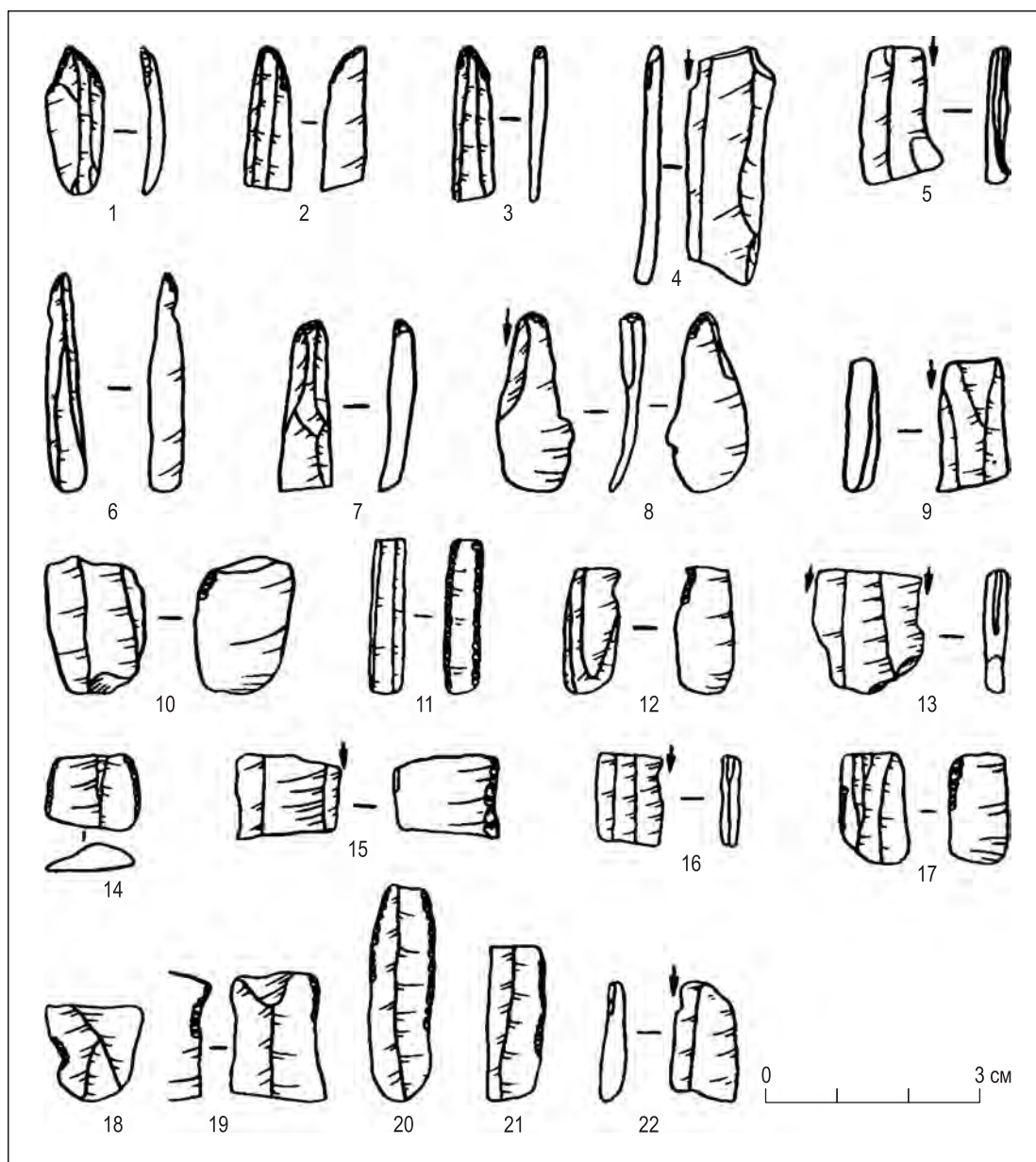

Рис. 3. Поселение Огурдино. Кремнёвый инвентарь

жилища крайне сложно, так как поселение Огурдино являлось долговременным мезолитическим памятником, функционировавшим активно, судя по всему, в тёплое время года, что связано с добычей и первичной обработкой качественного каменного сырья, аллювиальные выходы которого отмечаются в низах террасы. Данное сооружение могло использоваться и в прохладное время года. Учитывая, что в пределах огурдинской постройки не выявлены следы очага или кремнёвые изделия со следами воздействия огня, следует полагать, что она функционировала в основном в беснежный период.

Поселение Чашкинское озеро V (пригородная зона г. Березники Пермского края). Памятник расположен на поверхности бортовой песчаной террасы (6–7 м) восточного берега Чашкинского озера старичного водоёма левобережной поймы р. Кама. Он выявлен в 1975 г. В.П. Денисовым и в 1984, 1991 гг. изучался А.Ф. Мельничуком [4, с. 23–24]. В ходе раскопок (ок. 80 кв. м) изучено значительное подпрямоугольное скопление каменных изделий площадью до 16 кв. м (4×3,9 м). Оно углублялось в песок до 0,2 м ниже основного горизонта обитания мезолитического памятника. Следы очага в сооружении не отмечены. Его ориентировка – северо-восток – юго-запад (рис. 1: 2). В пределах сооружения обнаружено до 1,5 тысячи каменных артефактов, которые включали в себя большое количество отходов производства кремнёвых орудий, коничес-

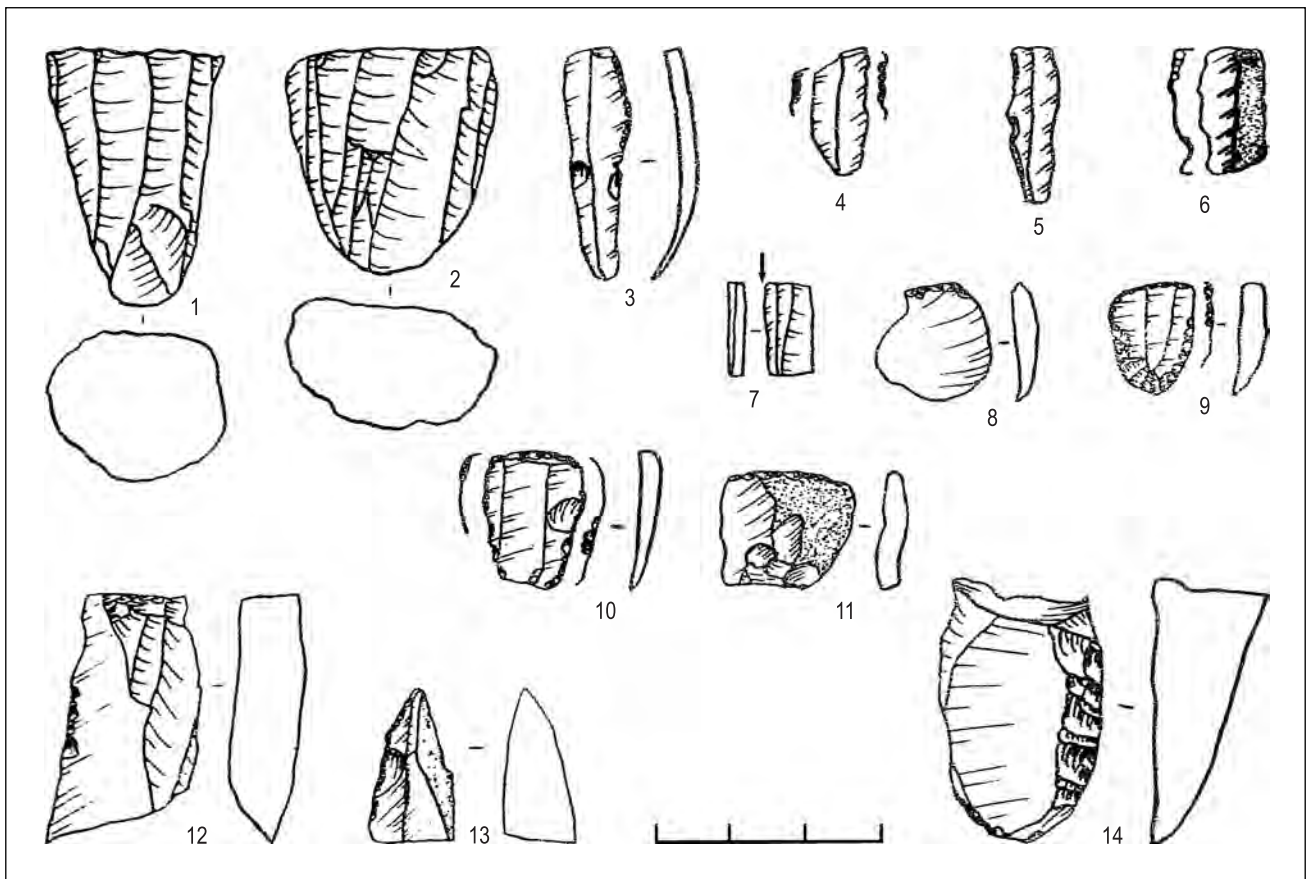

Рис. 4. Поселение Чашкинское Озеро V. Кремнёвый инвентарь жилища

кие нуклеусы, ножевидные пластины и сечения пластин, иногда с ретушью, угловые резцы, свёрла, острия (рис. 4). Помимо мезолитического материала, на обширной площади памятника отмечены небольшие комплексы позднего камского неолита и гаринской энеолитической культуры, которые не сопрягались с выявленным сооружением. На наш взгляд, учитывая характер распространения мезолитического инвентаря по площади памятника, слабоуглублённое жилище без выявленного очага могло существовать в прохладное бесснежное время года: весной или осенью.

Стоянка Новожилово (пригородная зона г. Березники Пермского края). Памятник находится в глубине (0,7 км) от верхнего уступа высокой (до 30 м) древней террасы левого берега р. Быгель, правого притока р. Зырянки, левого притока р. Камы, и приурочен к северо-восточной оконечности заболоченной котловины, которая в настоящее время представляет собой типичное заторфованное верховое болото, характерное для водораздельных пространств Верхнего Прикамья. Побережье котловины со всех сторон оконтурено шлейфом песчаных отложений, очевидно флювиогляциального происхождения. Верховые болота, по данным геоморфологов, являются остаточными плейстоценовыми озёрами [9, с. 110]. Стоянка выявлена в 1976 г. Е.А. Стариковым и исследовалась в 1978, 1980, 1982 гг. А.Ф. Мельничуком [5]. В ходе раскопок (176 кв. м) на памятнике выявлены два мощных скопления кремня (рис. 5).

Первое скопление находилось в южной части раскопа и, судя по характеру распространения кремнёвого инвентаря, имело подпрямоугольные очертания. С востока отмечалось сужение площади концентрации находок, – возможно, выход из сооружения, направленный в сторону от болотной котловины (рис. 5: 1). Данное скопление явно отражает остатки слабоуглублённой, почти наземной постройки (4,4×4–1,6 м). Судя по глубине залегания кремнёвых предметов, выявленный объект площадью до 18 кв. м углублялся на 10–15 см в песчаный грунт. Его ориентировка – восток–запад. В пределах сооружения выявлены 205 артефактов, среди которых 21 % составляют конические, карандашевидные и торцовые подклиновидные нуклеусы параллельного принципа скалывания, узкие ножевидные пластины и единичные орудия на них в виде угловых резцов и сечений с ретушью. Выделяются 1 концевой скребок на отщепе и 1 острие на продольном сколе с нуклеуса с отретушированным черешком, а также фрагменты 7 абразивных инструментов в виде желобчатых шлифовальников из мелкозернистого песчаника (рис. 6: 1–4, 7, 8, 12, 14, 19, 21–23, 25, 27–28). Характерно, что на площади сооружения нуклеусы располагались в его западной и центральной частях, а ноже-

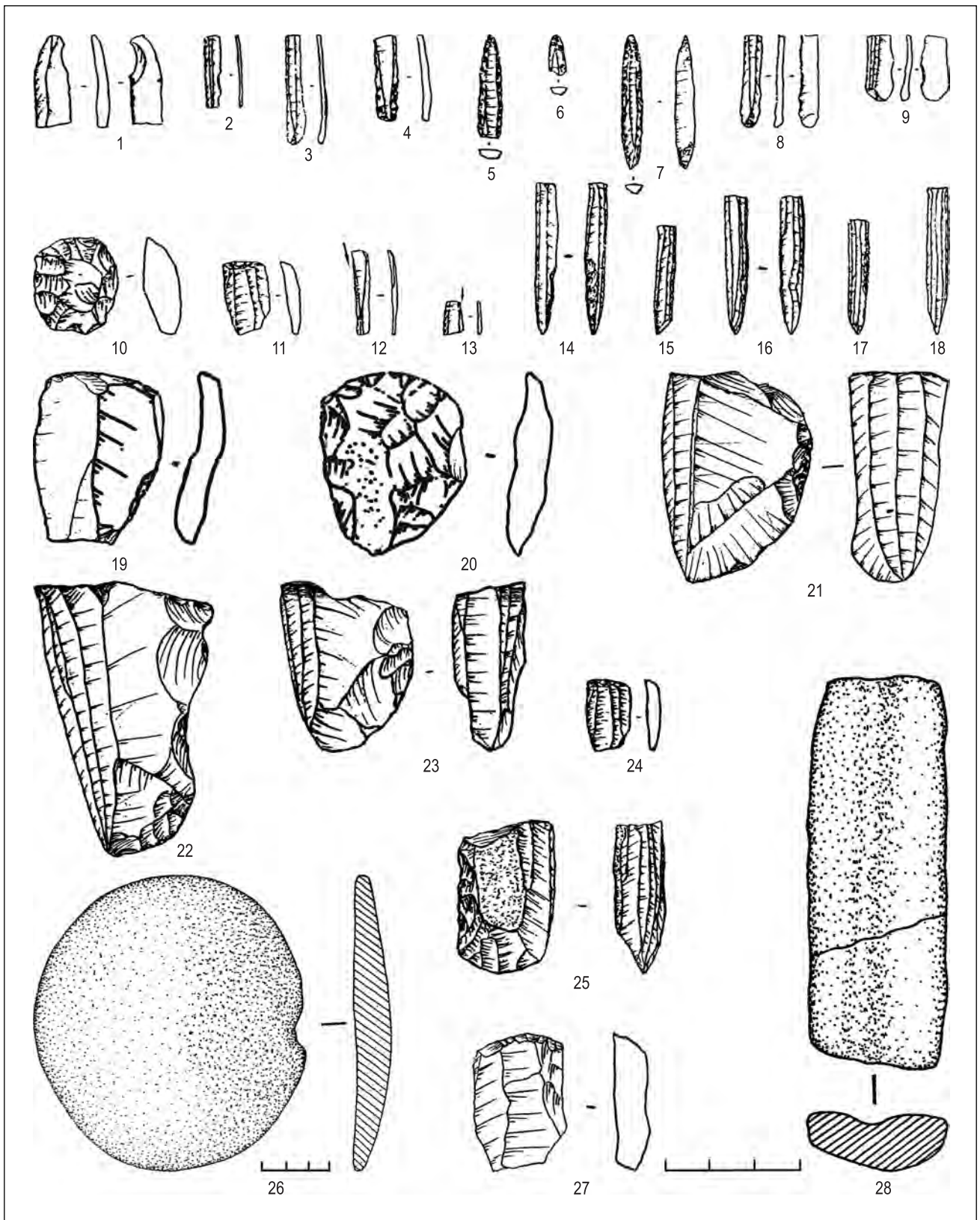

Рис. 6. Стоянка Новожилово. Кремнёвый инвентарь жилищ: 1–4, 7–8, 12, 14, 19, 21–23, 25, 27–28 – жилище № 1; 5–6, 9–11, 13, 15–18, 20, 24, 26 – жилище № 2

видные пластины, в основном без вторичной обработки, – в восточной, где находился выход. Следы очага в пределах сооружения не зафиксированы, но, учитывая находки кремня с воздействием огня и миниатюрных угольков, подвергшихся кристаллизации, следует полагать, что постройка периодически отапливалась.

Второй объект площадью до 20 кв. м (5,2×3,8), чрезвычайно насыщенный кремнёвыми изделиями, выявлен в 5 м к северу от первого (рис. 5: 2). В плане он имел подпрямоугольную форму с небольшим выступом в северной части, направленным вдоль болотной котловины. Вся площадка сооружения сплошь усыпана каменными артефактами, среди которых преобладали отходы вторичной обработки орудий в виде мелких отщепов и чешуек, а также кремнёвая мельчайшая пыль, которая при просеивании песчаного заполнения сооружения забивала ячеи сит. В отличие от первой, вторая постройка, очевидно, являлась небольшой утеплённой полуземлянкой, где велась основная производственная деятельность на стоянке в суровое холодное время года. Предполагаемый пол сооружения углублялся в материковый песок на 0,5–0,7 м. В его центре зафиксирована сильная концентрация обожжённых, иногда растрескавшихся от теплового воздействия кремнёвых предметов мощностью до 15 см. Очевидно, это явные следы овального очага (0,9×0,68 м). В пределах объекта собрано до 6,5 тысячи отдельных изделий, исключая кремнёвую пыль: нуклеусы параллельного принципа скалывания (0,7 %), продольные (1 %) и поперечные (2,1 %) сколы с ядрищ, пластины и изделия на них (16,3 %), мелкие отщепы (1,8 %) и чешуйки (70,4 %). Кроме этого следует отметить скребки и фрагменты скребков, фрагменты желобчатых шлифовальников, оригинальное дисковидное орудие из мелкозернистого песчаника, кусочки бордовой охры (рис. 6: 5, 6, 9–11, 13, 15–18, 20, 24, 26).

Общий облик инвентаря свидетельствует о том, что выявленные объекты синхронны и оставлены представителями одной группы древних охотников. Материалы памятника позволяют квалифицировать его как промысловый лагерь, который функционировал в холодное время года, начиная с поздней осени и заканчивая ранней весной. Почти вся производственная деятельность на стоянке протекала в закрытых сооружениях. Первую, явно наземную, постройку с почти полным отсутствием следов изготовления орудий можно определить как кладовую, в которой хранились запасы отборного каменного сырья в виде нуклеусов из высококачественных каменных пород, включая яшму, подготовленное охотничье вооружение и пищевые припасы. Возможно, этот объект был чем-то схож с промысловыми кладовыми, хорошо отражёнными в этнографии охотников народов коми [10, с. 42, рис. 5]. Второе сооружение можно квалифицировать как стационарное жилище-полуземлянку с долговременным очагом в центре. В жилище постоянно изготавливалось охотничье вооружение.

В целом стоянка Новожилово представляла собой один из своеобразных промысловых лагерей в бассейне р. Зырянки (левобережье р. Камы) среди обширных охотничьих угодий в холмисто-увалистой местности, осваиваемой небольшой группой мезолитического населения Верхнего Прикамья.

Жилища позднего мезолита в отличие от более ранних сооружений, содержащих микролитический инвентарь нижнеадигеянского облика, обладают более или менее выделяемыми, тёмными по цвету чертаниями на фоне материкового песка. В их пределах, хотя и очень плохо, сохраняется остеологический материал, иногда поддающийся видовому определению. По своему облику позднемезолитические материалы Пермского Приуралья сближаются с комплексом стоянки Баринка I Камско-Вятского междуречья с радиоуглеродной датой 7435±170 л.н. [7, с. 94].

Стоянка Голый Мыс (Пермский район Пермского края). Памятник расположен на краю высокой (до 15 м) II надпойменной террасы левого берега р. Камы. Он открыт в 1986 г. П.Ю. Павловым и изучен в том же году А.Ф. Мельничуком [11, с. 144–147, 155, рис. 1–4]. В раскопе (53 кв. м) выявлены остатки жилища-полуземлянки, часть которого уничтожена береговой абразией. Изученная часть сооружения имела ширину от 3,2 до 4,6 м и длину до 4 м. Жилище было заполнено серой супесью, которая хорошо контрастировала с вмещающим объект жёлто-коричневым песком, содержащим небольшую примесь мелкой гальки. Дно сооружения было углублено в материковый слой на 0,7 м. Ориентировка сооружения – северо-восток – юго-запад (рис. 7: 1). Точную площадь жилища установить сложно, но она могла достигать 40 кв. м. В пределах сооружения отмечены 3 грунтовых очага с прокалом мощностью до 8 см. Возле них найдены разнообразные орудия и зафиксированы производственные площадки со скоплениями мелких чешуек и осколков кремня. В хозяйственной яме обнаружены фрагменты костей лося, северного оленя и медведя (определение П.А. Косинцева). Рядом с сооружением выявлена ещё одна хозяйственная яма, возможно, кладовка. Нам представляется вероятным, что жилище функционировало в холодное время года (поздняя осень – ранняя весна). Каменный инвентарь в количестве 519 единиц (рис. 8) концентрировался только в пределах сооружения. Основная категория орудий – пластины с ретушью по краям, среди которых преобладают удлинённые и короткие сечения, оформленные нередко по двум краям с вентральной плоскости. Выделяется крупная ножевидная пластина с тонкой вентральной приострающей ретушью по двум краям – очевидно, нож. Отмечены пластины с поперечно-усечённым ретушью концом, угловые резцы и резчики, отдельные острия. В коллекции преобладают концевые скребки на пластинах, реже – овальные на отщепах и сколах. Из каменных орудий привлекают внимание чоппер и молоток с выемками-перехватами по центру из кварцитовых галек. Оригинальны кварцитовые скребловидные изделия. Найдены небольшое шлифованное тесло и фрагмент абразивного инструмента из мелкозернистого песчаника. Кроме мезолитического материала, в верхнем гумусированном слое памятника найден один фрагмент сосуда позднего периода эпохи бронзы.

Стоянка Усть-Половинная (Пермский район Пермского края). Памятник находится близ г. Перми в левобережной пойме «Красава» р. Камы, занимая участок невысокой (до 2 м) песчаной гряды (русловый вал) аллювиального происхождения. Памятник открыт в 1986 г. В.П. Мокрушиным и исследовался в 1990 г.

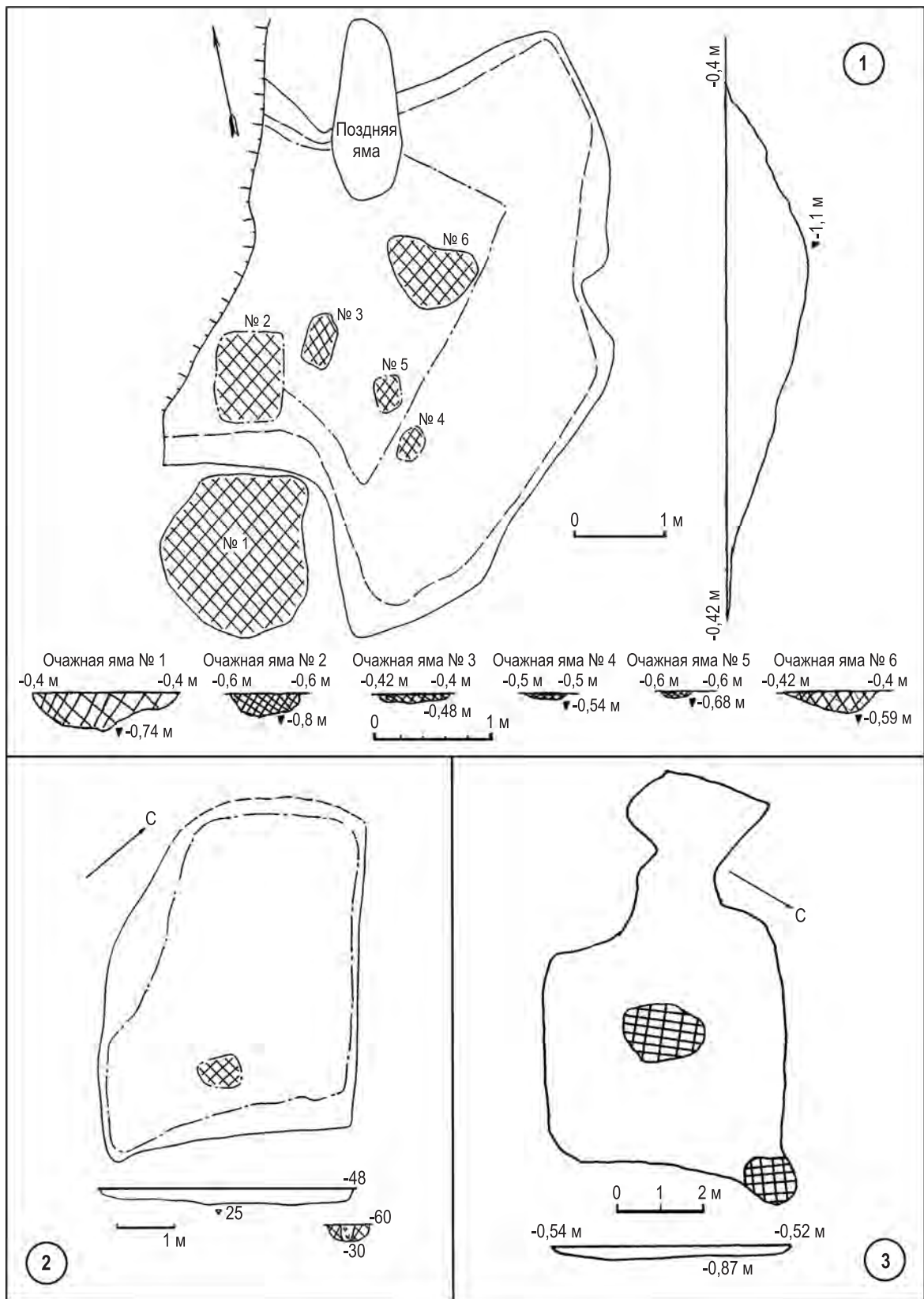

Рис. 7. Жилища: 1 – стоянка Голый Мыс; 2 – стоянка Усть-Половинная; 3 – стоянка Рассолы

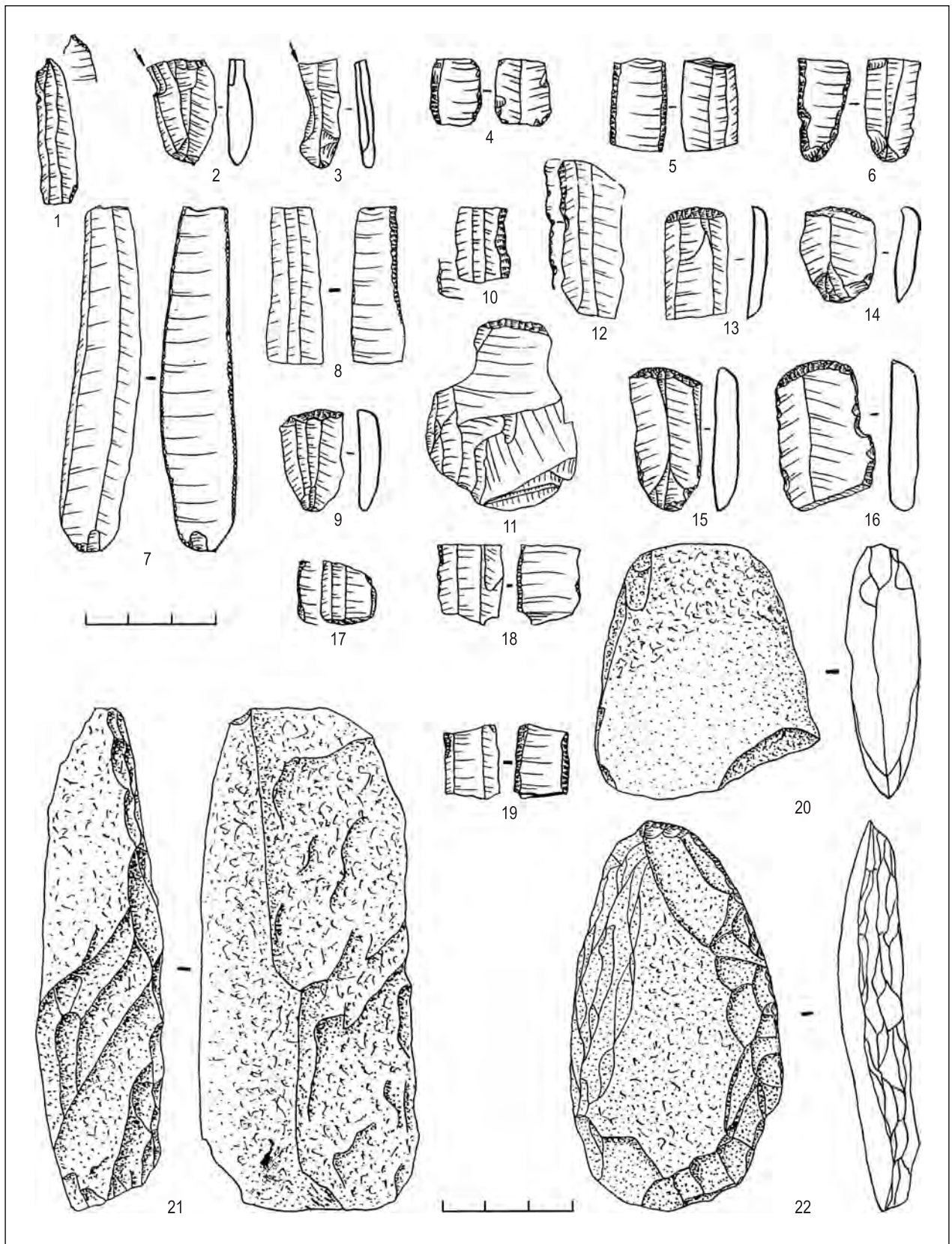

Рис. 8. Стоянка Голый Мыс. Кремнёвый инвентарь жилища

А.Ф. Мельничуком [11, с. 155–157, рис. 5–6]. В раскопе (184 кв. м) изучена небольшая подпрямоугольная слабоуглублённая постройка – 6,4×4,4 м (до 28 кв. м). Её ориентировка – северо-восток – юго-запад. Ровное уплощённое дно сооружения углублялось в материковый жёлтый песок на 15–20 см. Заполнение жилища – коричнево-серый песок с угольками. В его юго-восточной части выявлена овальная очажная яма (0,8×0,6 м) глубиной 0,3 м. Сверху яма перекрывалась скоплением кварцитовых галек, расколотых в результате теплового воздействия (рис. 7: 2). Сооружение использовалось явно в прохладный бесснежный период года (весна или осень), судя по находкам гастролитов, свидетельствующих об охоте мезолитических охотников на дичь в левобережной пойме р. Камы. Жилище и культурный горизонт памятника перекрывались стерильными аллювиальными отложениями позднеголоценового возраста в виде комковатой светло-серой супеси (30–35 см), которые формировались, судя по стратиграфическим наблюдениям на поселении Заосиново VII (сейминско-турбинский хронологический горизонт – 1-я четв. II тыс. до н.э.), очевидно, в результате постоянных весенних наводнений начиная с позднего этапа эпохи бронзы и раннего железного века [12, с. 103]. В пределах жилища найдены 1100 разнообразных каменных изделий. Основную категорию находок составляют различные сечения ножевидных пластин с ретушью. Единично встречаются пластины с поперечно-усечённым ретушью концом. Имеются угловые резцы и резчики, разнообразные скребки, свёрла, долото-видные и скребло-видные изделия (рис. 9).

Стоянка Рассолы (Соликамский район Пермского края). Памятник находится на невысоком (до 4 м) мысовидном выступе правого берега р. Боровой, левого притока р. Камы. Стоянка открыта в 1986 г. Г.А. Бординских и исследовалась им в 1988 и 1994 гг. [11, с. 157–158, рис. 8]. На площади раскопа (160 кв. м) отмечены остатки подпрямоугольного слабоуглублённого (0,3–0,35 м) сооружения (9,5×5,2–3 м). С запада у него отмечался выступ (3×2 м), – возможно, выход из жилища. Заполнение сооружения – серый песок с угольками. В пределах сооружения отмечены два грунтовых очага: первый – в центре постройки (1,8×1,3 м), второй (1,3×1,1 м) находился в её северном углу (рис. 7: 3). Основная часть кремнёвого материала (до 500 экз.) встречена в пределах сооружения, что свидетельствует о его функционировании в холодное время года. Среди орудий преобладают пластины и разнообразные сечения пластин с преобладающей вентральной ретушью, иногда поперечно-усечённые изделия. В коллекции много различных овальных и подпрямоугольных скребков на концах пластин, отщепов и сколов (рис. 10). Мезолитический комплекс перекрывался слом средневекового поселения (X–XVII вв.), связанного с соледобычей.

Стоянка Броды (Кунгурский район Пермского края). В 1979 г. Р.Д. Голдиной в ходе исследования раннесредневекового могильника (правый берег р. Шаквы, правого притока р. Сылвы, левого притока р. Камы) была обнаружена небольшая позднемезолитическая стоянка, в пределах которой отмечены остатки слабоуглублённого подпрямоугольного сооружения площадью 33 кв. м (5,5×6,0 м), глубиной 0,2–0,3 м [13, с. 53; 14, с. 54, 65, рис. 14]. Заполнение жилища – тёмный суглинок. В южной части сооружения отмечается выступ или выход (1,2×1,0 м), обращённый к реке (рис. 11: 1). В его северной части отмечена овальная очажная яма (1,1×0,62 м). В пределах сооружения собран стандартный позднемезолитический материал, состоящий из ножевидных пластин и орудий на них (угловые резцы, скребки, сечения пластин с ретушью). Сооружение явно использовалось в холодное, возможно, бесснежное время года (весна или осень).

Стоянка Косинская I (Косинский район Коми-Пермяцкого автономного округа Пермского края). Памятник занимает край боровой песчаной террасы (6 м) правого берега р. Лолог, левого притока р. Косы, правого притока р. Камы. Памятник выявлен и исследован в 1962 г. В.П. Денисовым [15]. При изучении стоянки двумя раскопами и траншеей вскрыты 260 кв. м. В восточной части раскопа II отмечены остатки подпрямоугольной углублённой (до 44 см) полуземлянки площадью до 12 кв. м (4,8×2,4 м). С северной стороны сооружения прослеживается небольшой выступ (0,6×0,9 м) – возможно, остатки выхода. Заполнение сооружения – серо-коричневый песок. В южной части жилища размещалась крупная (2,2×1,8 м) очажная яма глубиной до 20 см (рис. 11: 2). В пределах объекта и возле него собрана значительная коллекция каменных изделий (рис. 12). Преобладающей группой орудий являются овальные скребки на отщепе и сколах и концевые скребки на пластинах. Найдено много ножевидных пластин и сечений пластин с вентральной и дорсальной ретушью по краям, среди которых встречаются изделия с усечённым ретушью концом. Отмечаются серии острий и угловых резцов на пластинах. Привлекает внимание тесло с частичной пришлифовкой поверхности.

Поселение Гляденово I (Пермский район Пермского края). Памятник находится близ г. Перми на месте бывшей д. Гляденово, давшей имя знаменитому Гляденовскому костылю – крупнейшему святилищу раннего железного века в таёжной Евразии. Памятник примыкает к краю песчаной террасы левого берега р. Нижняя Мулянка (левый приток р. Камы). В месте фиксации мезолитического комплекса высота террасы варьировала от 5 до 7 м над уровнем водоёма. Памятник открыт в 1958 г. Г.И. Власовым, который зафиксировал на его площадке остатки селища раннего железного века. В 1995 г. В.П. Мокрушиным в раскопе площадью 28 кв. м, помимо материалов финала раннего железного века, зафиксирована часть мезолитического сооружения размерами 3,7×1,5 м, ориентированного с севера на юг [16, с. 276]. Ровное уплощённое дно сооружения углублялось в материковый жёлтый песок на 0,13–0,14 м (рис. 11: 3). Заполнение жилища – серый песок с угольками, в котором были собраны значительное число мелких галек-гастролитов, плохо сохранившиеся кальцинированные кости и 188 каменных изделий. Сооружение использовалось явно в прохладный бесснежный период года (весна или осень). Всего, включая жилище, на памятнике был найден 201 предмет из разнообразного галечникового кремня с преобладающей серой расцветкой. Основную категорию находок составляют различные сечения узких ножевидных пластин, иногда оформленные ретушью. Единичны угловые резцы и концевой скребок (рис. 13).

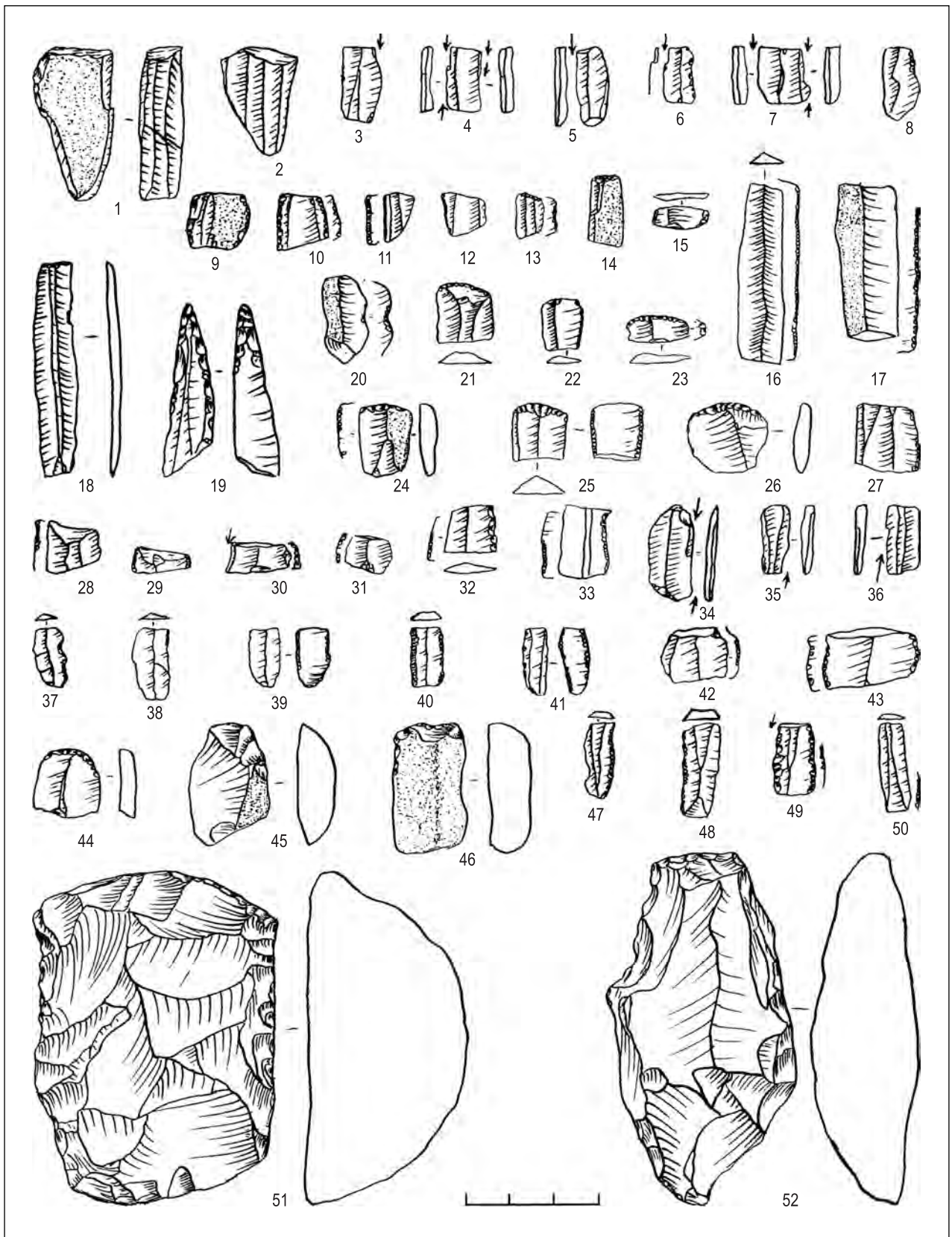

Рис. 9. Стоянка Усть-Половинная. Кремнёвый инвентарь жилища

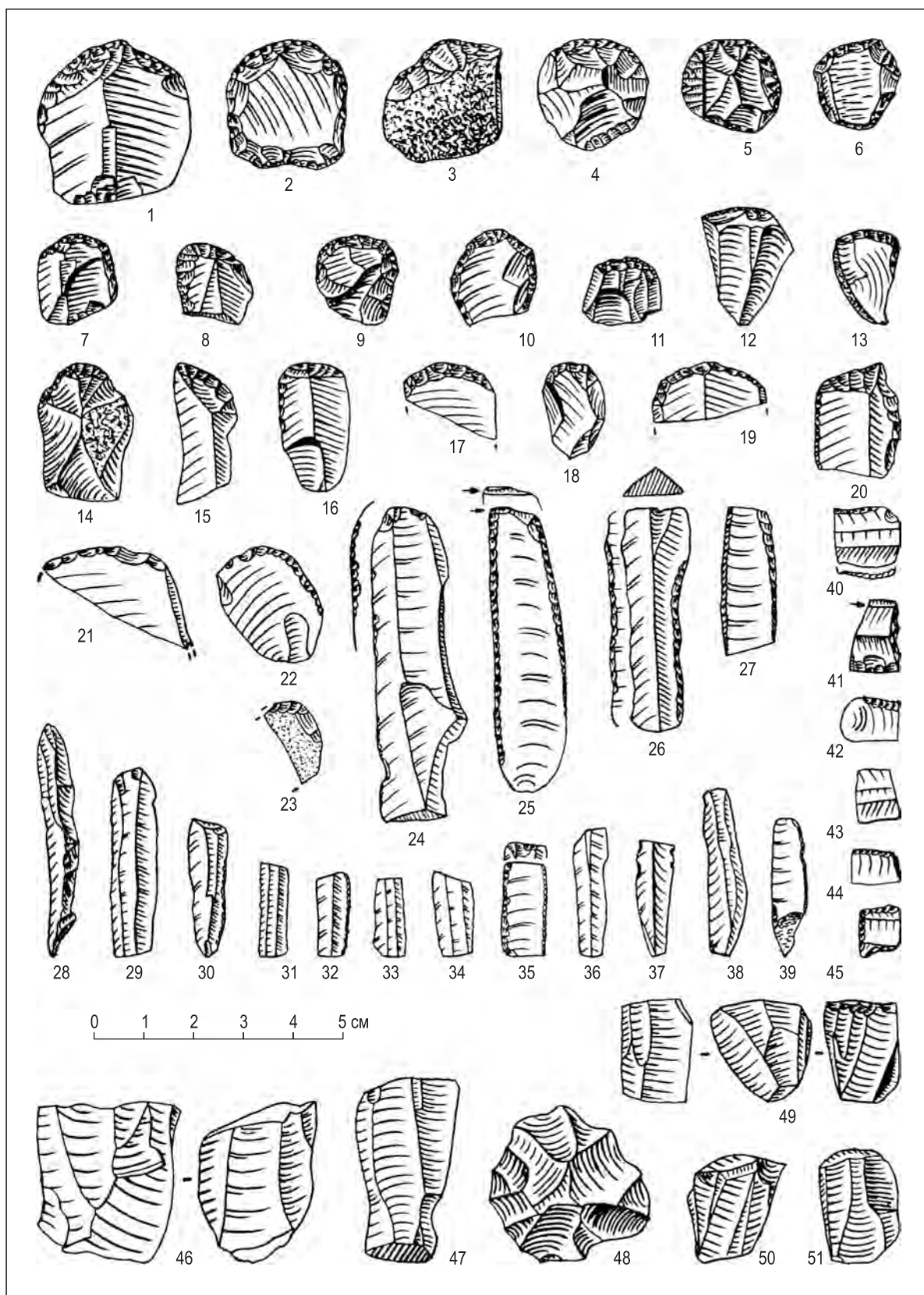

Рис. 10. Стоянка Рассолы. Кремнёвый инвентарь жилища

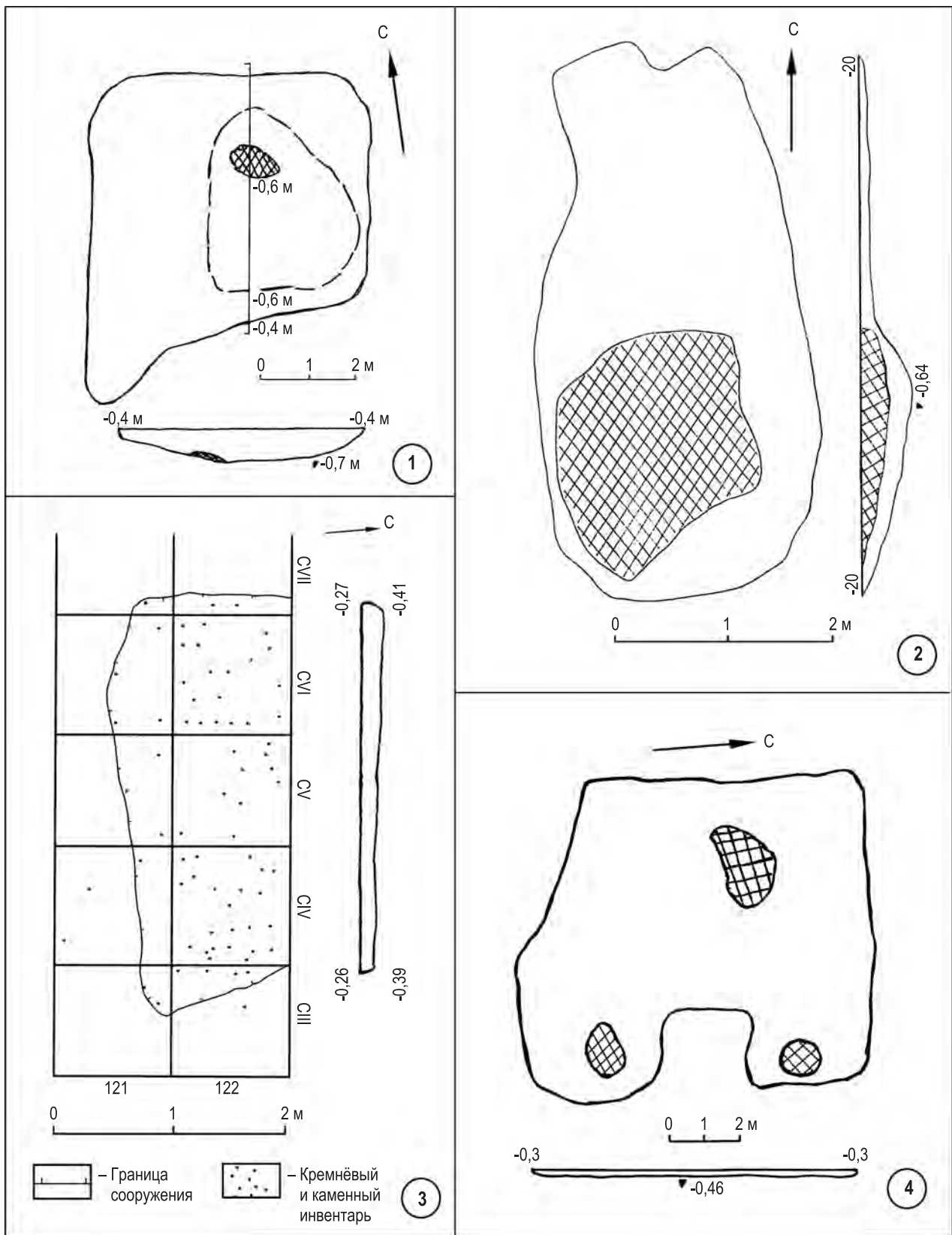

Рис. 11. Жилища: 1 – стоянка Броды; 2 – стоянка Косинская I; 3 – стоянка Гляденово I; 4 – стоянка Шабуничи

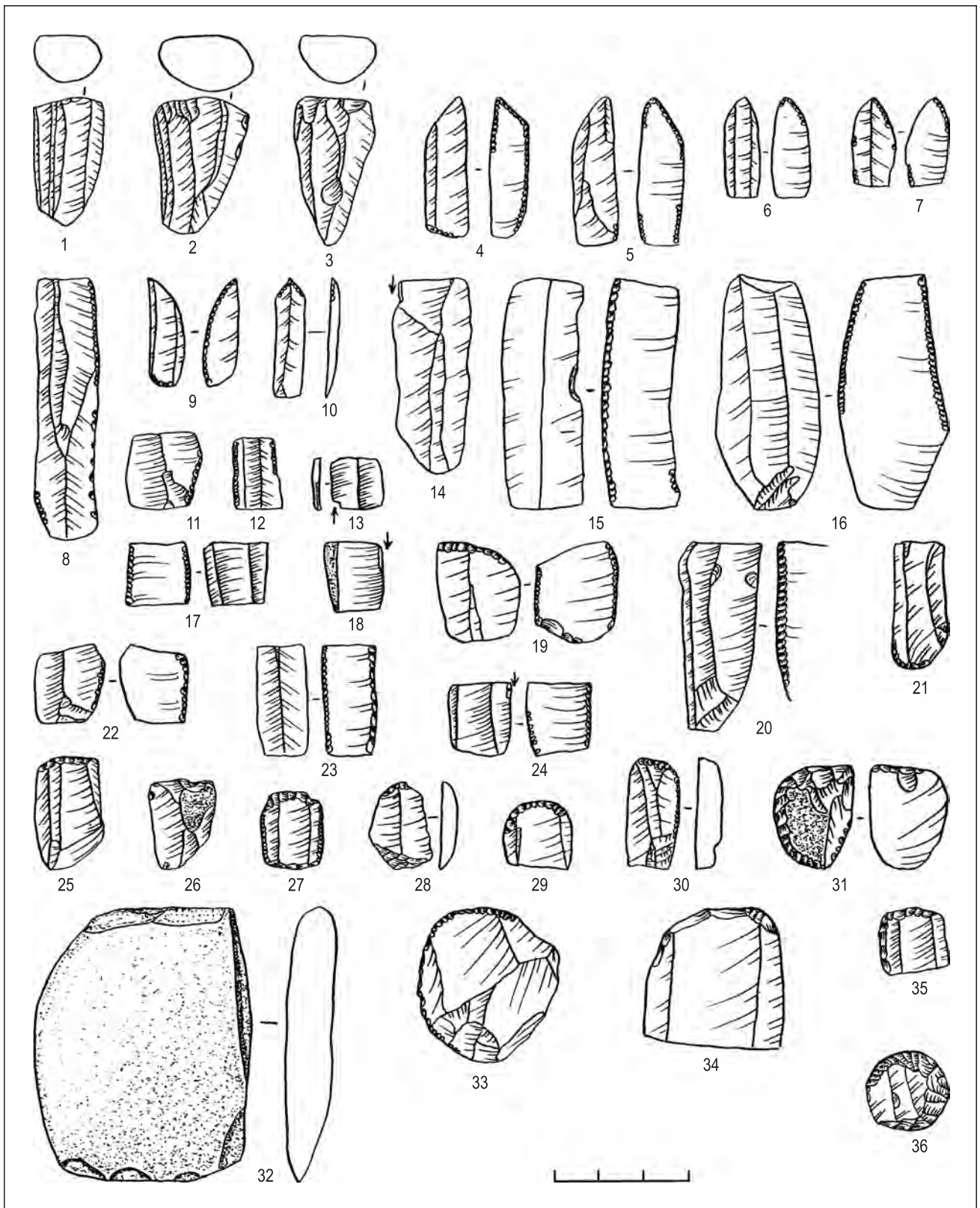

Рис. 12. Стоянка Косинская I. Кремнёвый инвентарь жилища

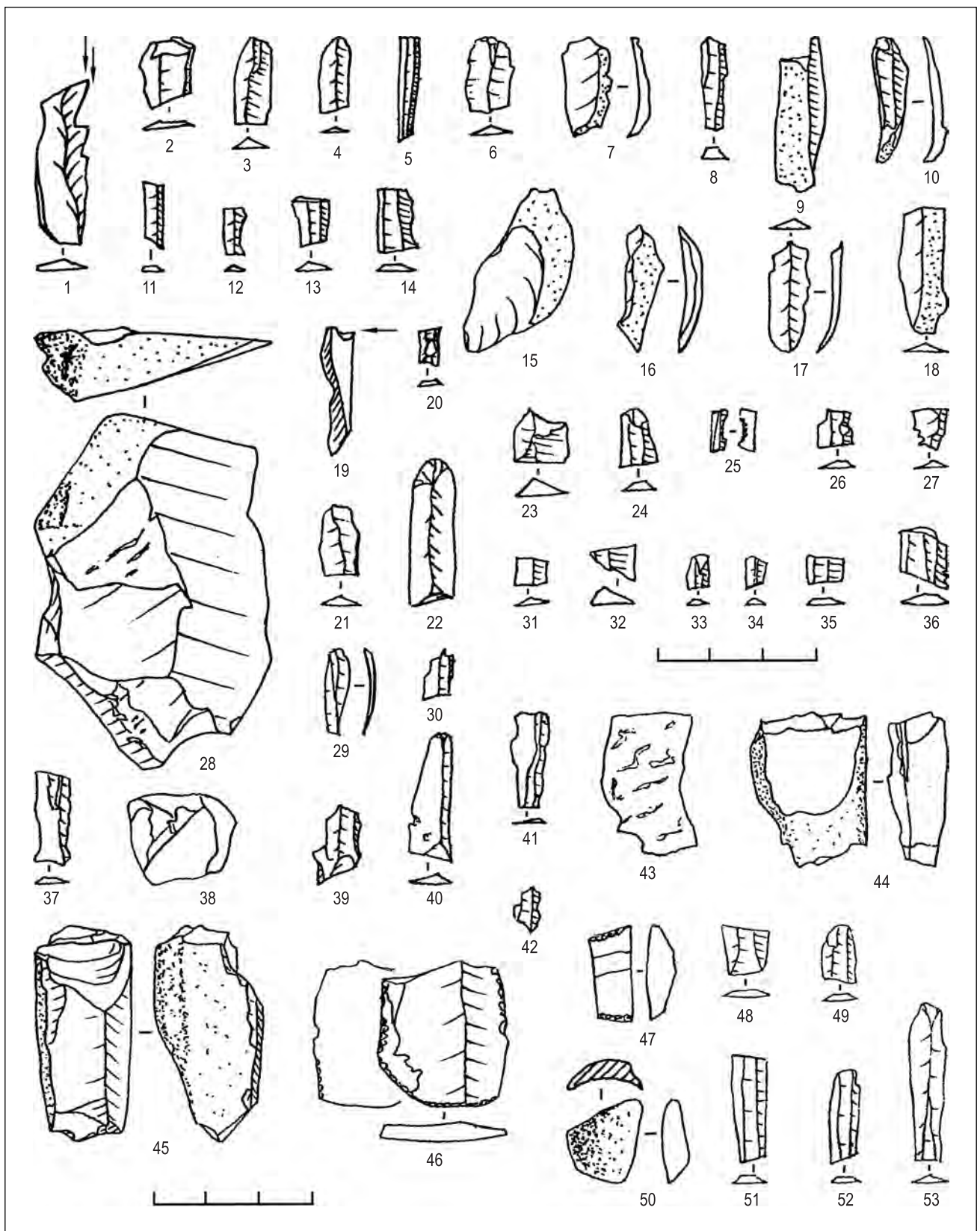

Рис. 13. Поселение Гляденово I. Кремнёвый инвентарь жилища

Стоянка Шабуничи (Краснокамский район Пермского края). Памятник приурочен к невысокому (2–3 м) гривистому всхолмлению, примыкающему к крупному торфянику «Запальтинское болото» в приустьевой части р. Пальты, правого притока р. Камы. Стоянка открыта в 1987 г. В.П. Мокрушиным и И.Ю. Серебровой. В ходе исследования 1990 г. В.П. Мокрушиным на памятнике в раскопе площадью 157 кв. м выявлено наземное (глубиной 10–15 см) сооружение площадью до 20 кв. м (4,5×4,4 м) [11, с. 158, рис. 9–10]. В его пределах, ближе к восточному краю, отмечены остатки двух ям овальной формы, в заполнении которых прослежены прослойки угля, мелкие косточки животных и единичные каменные предметы. Крупная подпрямоугольная очажная яма располагалась в северо-западной части постройки (рис. 11: 4). Каменные изделия (361 экз.) находились в пределах сооружения или на примыкающих к нему участках. Среди орудий преобладают различные скребки: подпрямоугольные концевые, подтреугольные, овальные на отщепах и сколах. Остальные изделия представлены ножевидными пластинами с дорсальной и вентральной ретушью и долотовидными орудиями. Любопытны деревообрабатывающие орудия из зелёного кремнистого сланца (рис. 14). Кроме мезолитических артефактов на памятнике выявлен небольшой комплекс посуды, относящийся к финалу раннего железного века – раннему Средневековью.

Поселение Усть-Очёр I (Оханский район Пермского края). Памятник расположен на останце боровой песчаной террасы (2–3 м) в приустьевой части левого берега р. Очёр, правого притока р. Камы (в настоящее время – Очёрский залив Воткинского водохранилища). Он открыт в 1983 г. С.Н. Коренюком. В 1984 г. на поселении А.Ф. Мельничуком изучены остатки раннеэнеолитического жилища [17]. В 1997 г. С.Н. Коренюком на памятнике проведены охранные исследования, в ходе которых на площади раскопа 2 (60 кв. м) выявлены остатки трёх сооружений [18].

Жилище № 1 имело подпрямоугольную форму. Его размеры – 3,7×2,8–3,0 м, площадь – ок. 11 кв. м. Ориентировка сооружения – северо-восток – юго-запад. Юго-западная часть его частично потревожена карьером. Постройка – слабоуглублённая (до 0,2 м). Наибольшая мощность культурного слоя наблюдалась в центральной части жилища, в которой зафиксирован долговременный очаг овальной формы (1,65×1,0 м), имеющий провал мощностью до 0,2 м. Ниже на 10 см на самом дне постройки с севера-запада к нему примыкала яма грушевидной формы, заполненная тёмно-серым углистым слоем, которая углублялась в материковый песок на 26 см (рис. 15: № 1). В заполнявшем жилище тёмно-сером песке выявлен стандартный комплекс кремнёвых изделий позднеэнеолитического облика.

Жилище № 2 (3,4×2,8 м) имело подпрямоугольную форму и площадь до 10 кв. м. В центре слабоуглублённого (до 0,15 м) сооружения фиксировался долговременный очаг овально-грушевидной формы (1,9×1,0 м) с провалом мощностью до 0,1 м. На самом дне постройки ниже на 10 см по уровню залегания с северо-запада и северо-востока к нему примыкали две вытянутые ямы (первая – 2,0×0,3–0,5 м, гл. 0,26; вторая – 1,6×0,3–0,5 м, гл. 0,2 м), обильно заполненные линзами угля (рис. 15: № 2).

Жилище № 3 (3,2×2,0–1,4 м) площадью до 6 кв. м изучено частично в восточной части раскопа, нарушенного песчаным карьером. Пол жилища углублён в материковый песок на 0,1–0,15 м. Ближе к центру слабоуглублённой постройки находились остатки овального очага (0,75×1 м) с провалом мощностью до 0,1 м. Между очагом и северо-западной стеной сооружения фиксировалась вытянутая канавка (2,2×0,7–0,5 м) глубиной 0,22 м с обильными углистыми включениями. В восточном конце жилища зафиксирована ниша (0,8×0,7 м), в которой выявлена хозяйственная овальная яма (1,0×0,6 м), котловидное дно которой было углублено на 0,3 м (рис. 15: № 3). В заполнении ямы найдены ножевидные пластины.

Почти все кремнёвые изделия собраны в пределах сооружений, что позволяет предположить, что эти хронологически одновременные жилища использовались в относительно прохладное время года. Каменный инвентарь (рис. 16) представлен ядрищами параллельного принципа скальвания, ножевидными пластинами и сечениями пластин, концевыми скребками, угловыми резцами и резчиками. Выделяются рубящие орудия с выемками, изготовленные из кварцита и зелёнокаменной породы. Интересен подтреугольный наконечник стрелы на пластине со слабовыделенным ретушью черешком и вентральным ретушированием боковых краёв и острия. Он напоминает позднеэнеолитические наконечники стрел Нижнего Прикамья типа стоянки Деуково.

Таким образом, все мезолитические сооружения, выявленные на памятниках Пермского Приуралья, имели подпрямоугольную форму и размеры от 6 до 40 кв. м. Остатков овальных или округлых небольших жилищ, аналогичных сооружениям на памятниках европейского Северо-Востока, которые, по данным исследователей, были наземными и явно использовались в тёплое время года [1, с. 29–30], в Верхнем Прикамье нет. Возможно, сооружения подобной формы на территории Пермского Приуралья пока просто не обнаружены, что может быть связано и с трудностью выделения подобных объектов на долговременных памятниках с микролитическим инвентарём (Огурдино, Шумково, Ольховско-Первомайская, Камо-Жуланово), имеющих фактически однородные по цвету и составу отложения, вмещающие сплошной горизонт находок, сформированный неоднократным посещением памятников в период раннего голоцена.

Сооружения мезолита Пермского Приуралья по размерам подразделяются на следующие группы: малые (6–12 кв. м) – 5 жилищ поселений Усть-Очёр I и Гляденово I и Косинской I стоянки; средние (свыше 12 до 40 кв. м) – 8 жилищ поселений Огурдино, Шабуничи, Чашкинское озеро V, стоянок Броды, Голый Мыс, Усть-Половинная I, Новожилово; большие (свыше 40 кв. м) – 1 жилище поселения Рассолы. По глубине мезолитические постройки распределены следующим образом: наземные (до 0,15 м) – 5 жилищ стоянки Новожилово (сооружение № 1) и поселений Шабуничи, Гляденово, Усть-Очёр I (сооружения №№ 2 и 3); слабоуглублённые (0,15–0,3 м) – 6 жилищ стоянок Усть-Половинная I, Броды, поселений Рассолы, Огурдино, Чашкинское

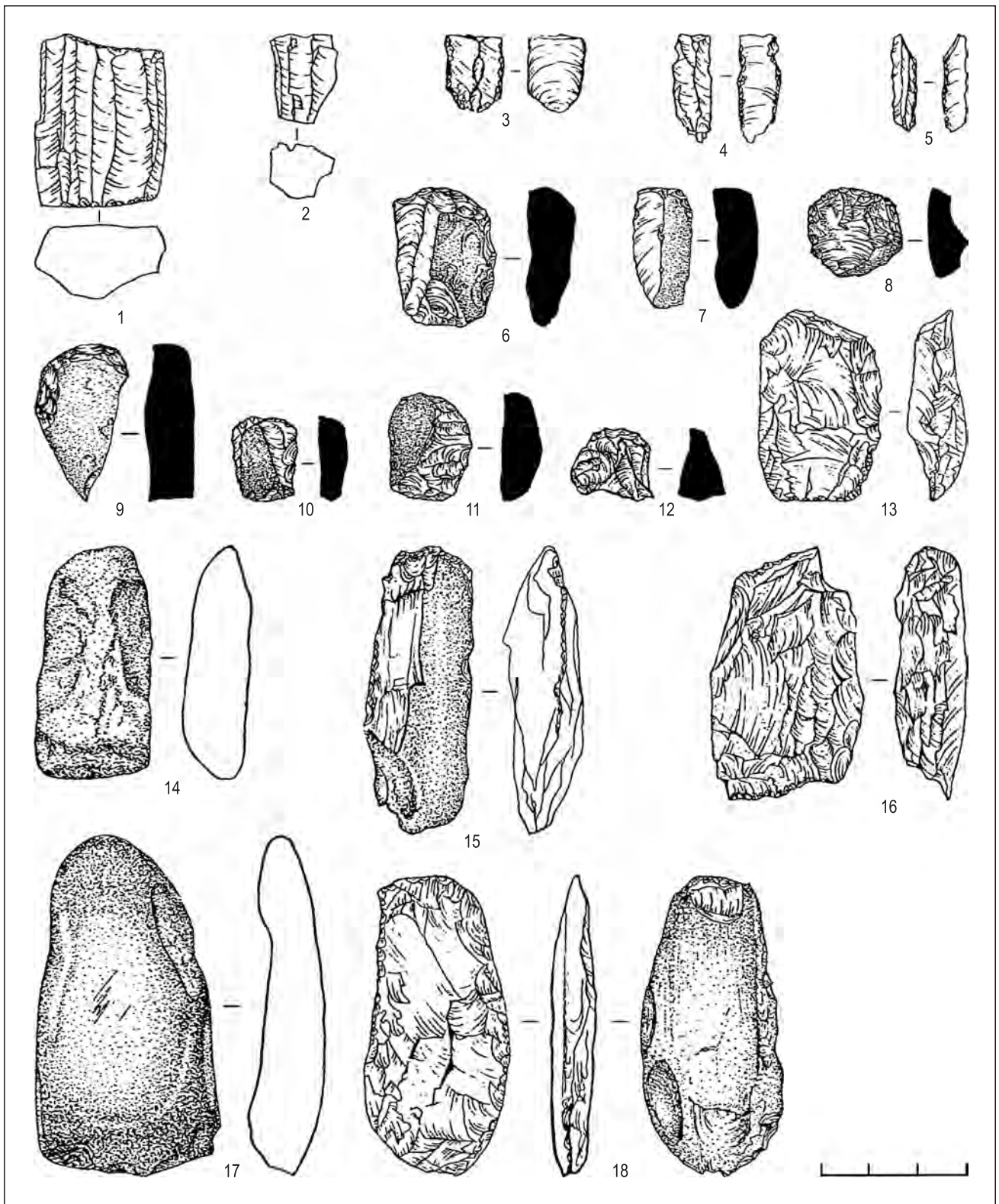

Рис. 14. Стоянка Шабуничи. Кремнёвый инвентарь жилища

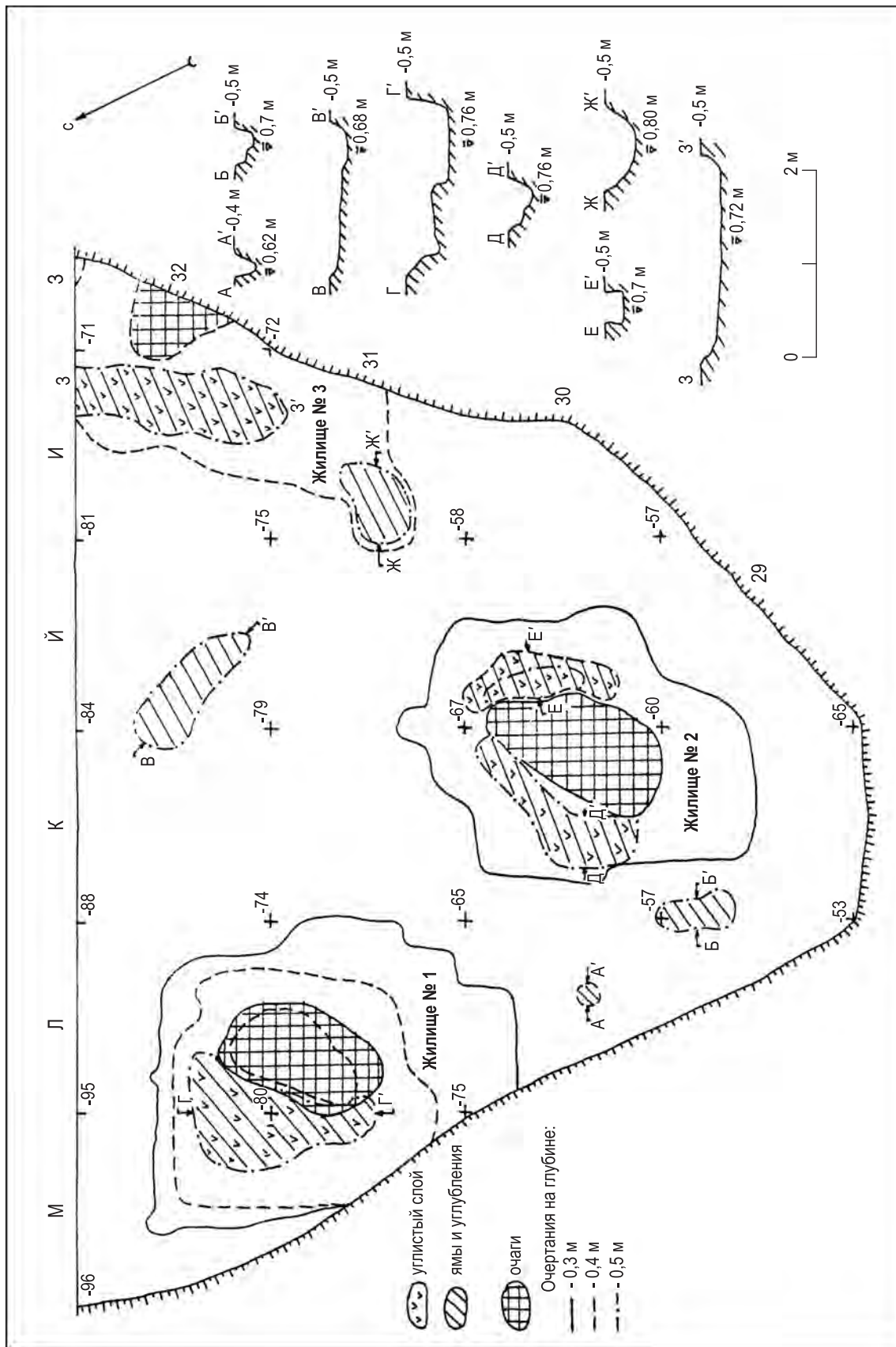

Рис. 15. Поселение Усть-Очер I. Жилища

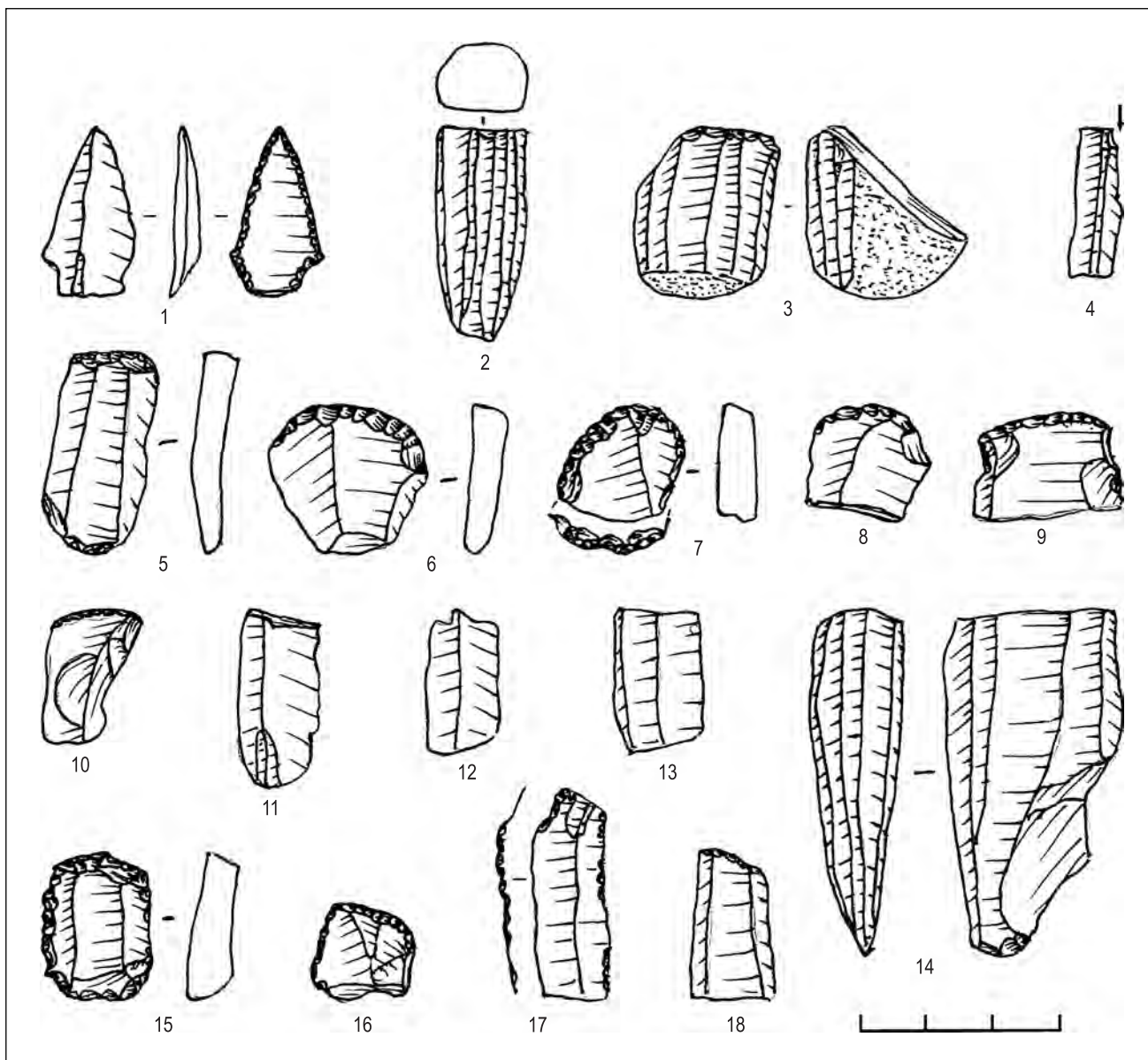

Рис. 16. Поселение Усть-Очёр I. Кремнёвый инвентарь жилищ: 1–6 – жилище № 1; 7–13 – жилище № 2; 14–18 – жилище № 3

озеро V, Усть-Очёр I (сооружение № 1); полуземлянки (свыше 0,3 м) – 3 сооружения стоянок Новожилово (жилище № 2), Косинская I, Голый Мыс.

Вероятно, все жилища, за исключением, возможно, выявленного на Огурдинском поселении, связаны с сезонными стоянками мезолитических охотников, которые функционировали в прохладное время года, так как почти вся производственная деятельность людей была сосредоточена внутри закрытых помещений с очагами и очажными ямами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Волокитин А.В., Косинская Л.Л. Мезолитические жилища Европейского Северо-Востока // Доклад на заседании президиума Коми научного центра УрО РАН: Научные доклады. Вып. 414. Сыктывкар, 1999.
2. Бадер О.Н. Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита // МИА. № 126. 1966.
3. Гусенцова Т.М. Некоторые аспекты изучения поселений эпохи мезолита и неолита бассейна р. Вятки // Новые источники по древней истории Предуралья. Устинов, 1985.

4. Памятники археологии и архитектуры Березниковско-Усольского района: Каталог / *А.Ф. Мельничук, Н.Е. Соколова, В.А. Цыпуштанов, В.В. Шилов*. Усолье, 1994.
5. *Мельничук А.Ф.* Промысловые стоянки мезолитических охотников в бассейне р. Зырянки близ города Березники Пермской области // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 4. Екатеринбург, 2001.
6. *Мельничук А.Ф., Чурилов Э.В.* «Клад» топоров из мезолитического поселения Огурдино // Человек, адаптация, культура. М., 2008.
7. *Гусенцова Т.М.* Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1993.
8. Освоение арктической и субарктической зоны Припечорья в древности и средневековье по данным археологии (часть I) / *И.О. Васкул, А.В. Волокитин, И.В. Жеребцов, В.Н. Карманов, М.В. Кленов, А.М. Мурыгин, П.Ю. Павлов* // Известия Коми научного центра УрО РАН. Вып. 1 (21). Сыктывкар, 2015.
9. *Спирин Л.Н., Шмыров В.А.* Основные черты голоценовой тектоники и палеогеографии Пермского Приуралья // Физико-географические основы развития и размещения производительных сил Нечерноземного Урала. Пермь, 1984.
10. *Конаков Н.Д.* Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX вв. М., 1983.
11. Новые позднемезолитические и раннеолитические памятники в Верхнем и Среднем Прикамье / *А.Ф. Мельничук, Г.А. Бординских, В.П. Мокрушин, М.И. Дегтярева, Е.Л. Лычагина* // Археология и этнография Среднего Приуралья. Березники, 2001. Вып. I.
12. *Денисов В.П., Мельничук А.Ф.* Заосиновское VII поселение и проблема формирования культуры эпохи бронзы в Среднем Прикамье // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. Йошкар-Ола, 1991. (Археология и этнография Марийского края. Вып. 19)
13. *Голдина Р.Д.* Отчет о раскопках Бродовского могильника в Кунгурском районе Пермской области в 1979 г. // Архив кабинета археологии Пермского государственного национального исследовательского университета.
14. *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.
15. *Денисов В.П., Мельничук А.Ф.* Косинская I стоянка – памятник позднего мезолита в Прикамье // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987.
16. *Мокрушин В.П.* Работы в городской черте Перми и ее окрестностях // АО–1995. М., 1996.
17. *Мельничук А.Ф.* Поселение Усть-Очер I – энеолитический памятник в Оханском Прикамье и проблемы изучения поселений новоильинского культурного круга // Вестник Пермского университета: История. Вып. 1 (15). Пермь, 2011.
18. *Кореньюк С.Н.* Мезолитические жилища поселения Усть-Очер I // Обнинские чтения: Материалы археологических конференций. Вып. 1. Пермь, 2000.

*А.Ф. Мельничук, С.Н. Кореньюк – Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
Пермь*

*Э.В. Чурилов – ГКБУК «Пермский краеведческий музей»,
Пермь*

A.F. Melnichuk, S.N. Korenyuk, E.V. Churilov

MESOLITHIC CONSTRUCTIONS OF THE PERM URALS

Summary

In the article constructions of Kama Mesolithic within the Perm Urals are analyzed. The description and systematization of constructions related to microlithic monuments and settlements of the Late Mesolithic Upper Kama region are presented.

*Perm State National Research University,
15, A.I. Bukireva St., Perm, 614990,
Russia*

*A.F. Melnichuk – E-mail: dmelnichuk@mail.ru
S.N. Korenyuk – E-mail: korenyuk_sn@mail.ru*

*Perm Regional Museum,
15, Sibyrskaya St., Perm, 614990,
Russia*

E.V. Churilov – E-mail: edvchur@yandex.ru

К.М. Андреев, А.А. Выборнов, И.Н. Васильева

СТОЯНКА КАЛМЫКОВКА I – НОВЫЙ ПАМЯТНИК НЕОЛИТА ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ

Введение

Стоянка Калмыковка I открыта в 1999 г. А.В. Растороповым [1; 2]. В 2013–2016 гг. археологическим отрядом ПГСГА-СГСПУ под руководством авторов были определены границы археологического объекта, а также осуществлены раскопки северо-западной части стоянки. Общая вскрытая площадь составила 384 кв. м. Некоторые итоги исследований были оперативно введены в научный оборот [3–5].

Керамическая коллекция стоянки Калмыковка I по морфологическим и технологическим признакам разделяется на две группы. Первая проявляет наибольшую близость с керамическими комплексами погребальных и поселенческих памятников срубной культуры позднего этапа бронзового века [6–7]. Вторая обнаруживает сходство с комплексами средневожской культуры, относящейся к развитому и позднему периодам неолита лесостепного Поволжья [8–9]. Данная статья посвящена обобщающей характеристике неолитических материалов памятника, полученных за три полевых сезона. Материалы позднего этапа эпохи бронзы будут представлены в специальной публикации.

Местоположение, стратиграфия и планиграфия

Стоянка Калмыковка I расположена в Красноярском районе Самарской области на первой надпойменной террасе правого берега р. Сок, в 850 м к востоку от восточной окраины с. Калмыковка. Стоянка находится на склоне и вершине террасы, её размеры – 110×40 м (примерно 0,4 га) и вытянута по линии северо-запад – юго-восток, вдоль понижения рельефа местности (старицы р. Сок) (рис. 1).

Раскоп был заложен на ровной площадке террасы и на её склоне. Прослежена следующая стратиграфия (рис. 2). В основании стратиграфической колонки залегает материковый рыжий умеренно плотный суглинок, сильно изрезанный свежими и древними норами землеройных животных. На всей площади раскопа над материком прослежен слой светлой светло-серой супеси мощностью от 5 до 27 см. Над ним зафиксирован слой более тёмной светло-серой супеси мощностью от 19 до 66 см. Контакт между слоями нечёткий: они имеют незначительные различия в цвете и плотности, а также сильно изрезаны норами землеройных животных. Над слоем более тёмной светло-серой супеси располагается чёрная супесь (светлеющая при высыхании) – пахотный слой мощностью от 0 до 22 см, который постепенно выклинивается и не фиксируется в северной линии квадратов раскопа, расположенных на склоне террасы. Венчает стратиграфическую колонку дерновый слой мощностью 5–7 см. Активная деятельность землеройных животных на площади памятника привела к «смазанности» его стратиграфии и значительному перемещению артефактов между слоями.

Планиграфическое распределение материалов на исследованном раскопками участке показало, что неолитическая посуда и кремнёвый инвентарь равномерно размещены по всей площади, образуя единичные скопления из нескольких фрагментов керамики или единиц кремня (рис. 2).

Морфологические группы неолитической посуды

Неолитическая керамическая коллекция со стоянки Калмыковка I представлена 328 крупными и 88 мелкими (неорнаментированные стенки размерами менее 2×2 см) фрагментами. Цвет поверхностей черепков коричневый, светло-коричневый, серый, реже – желтоватый. На части фрагментов имеется известняковая корка. Внешняя и внутренняя поверхности заглаживались, иногда уплотнялись. В тесте большинства черепков визуальнo фиксируется примесь песка, реже она отсутствует, и единично представлены фрагменты с примесью мелкой дроблёной раковины или шамота. Специальное изучение технологии изготовления неолитической керамики на базе историко-культурного подхода осуществлено И.Н. Васильевой и представлено далее. Излом черепков – в основном трёхслойный: центральная часть – чёрного цвета, внешняя и внутренняя поверхности – серого, светло-серого или желтоватого. Толщина фрагментов колеблется в пределах 0,4–1,1 см, в основном составляет 0,6–0,8 см.

По технике нанесения орнамента неолитическая керамическая коллекция (около 70 сосудов) разделяется на четыре типологические группы. Большая часть сосудов представлена одним или парой черепков, в то же время от некоторых выявлены пять и более фрагментов.

- Условные обозначения:
- а – асфальтированная дорога
 - б – разведочные шурфы 2013 г.
 - в – раскоп А.В. Расторопова 1999 г.
 - г – обрывистый берег реки
 - д – лес
 - е – задернованная траншея
 - ж – ЛЭП
 - з – кустарник
 - и – грунтовая дорога
 - к – мост через р. Сок
 - л – граница памятника
 - м – охранный зона
 - н – репер
 - о – раскоп 2014 г.
 - п – раскоп 2015 г.
 - р – раскоп 2016 г.

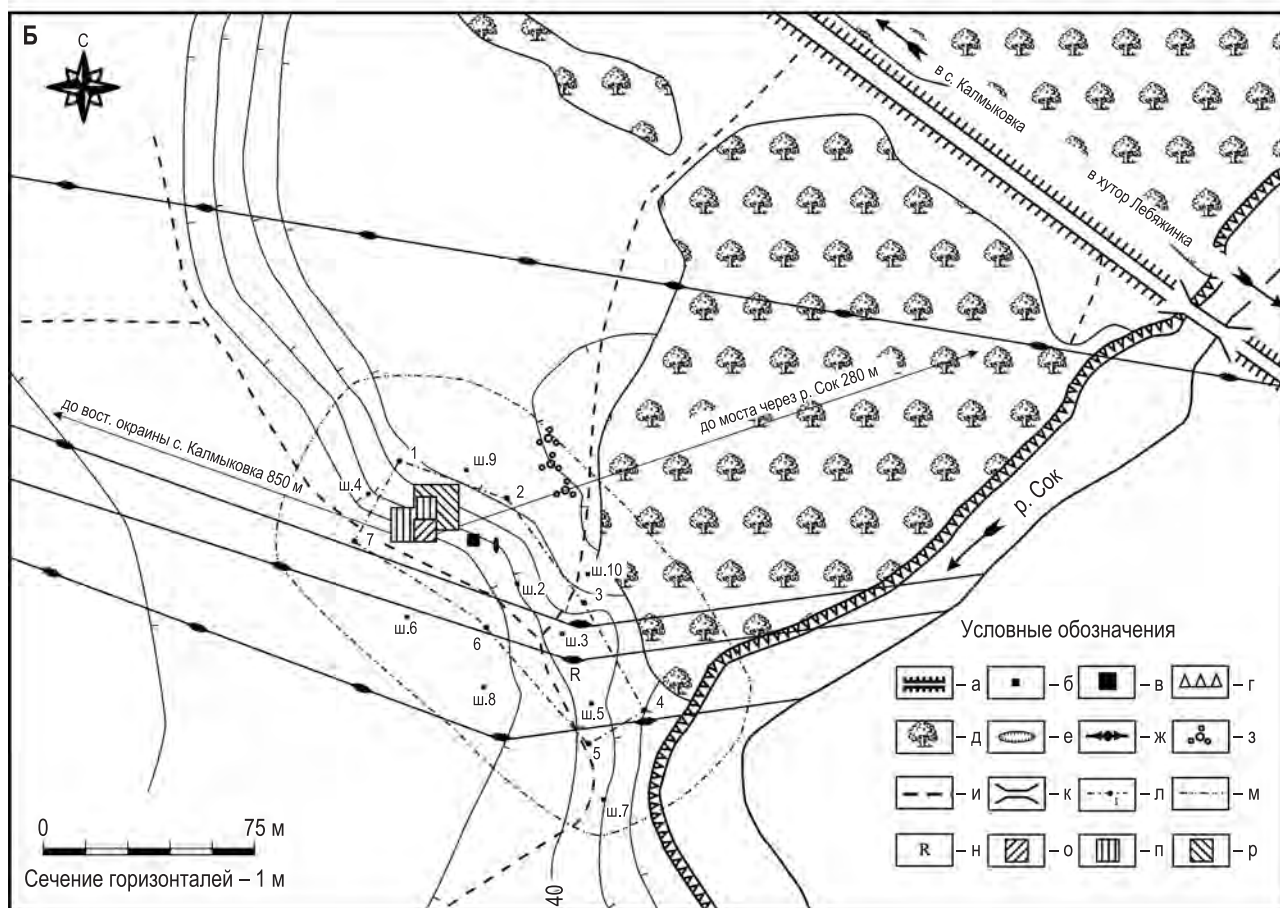

Рис. 1. Поселение Калмыковка I. А – место расположения на карте Самарской области; Б – ситуационный план

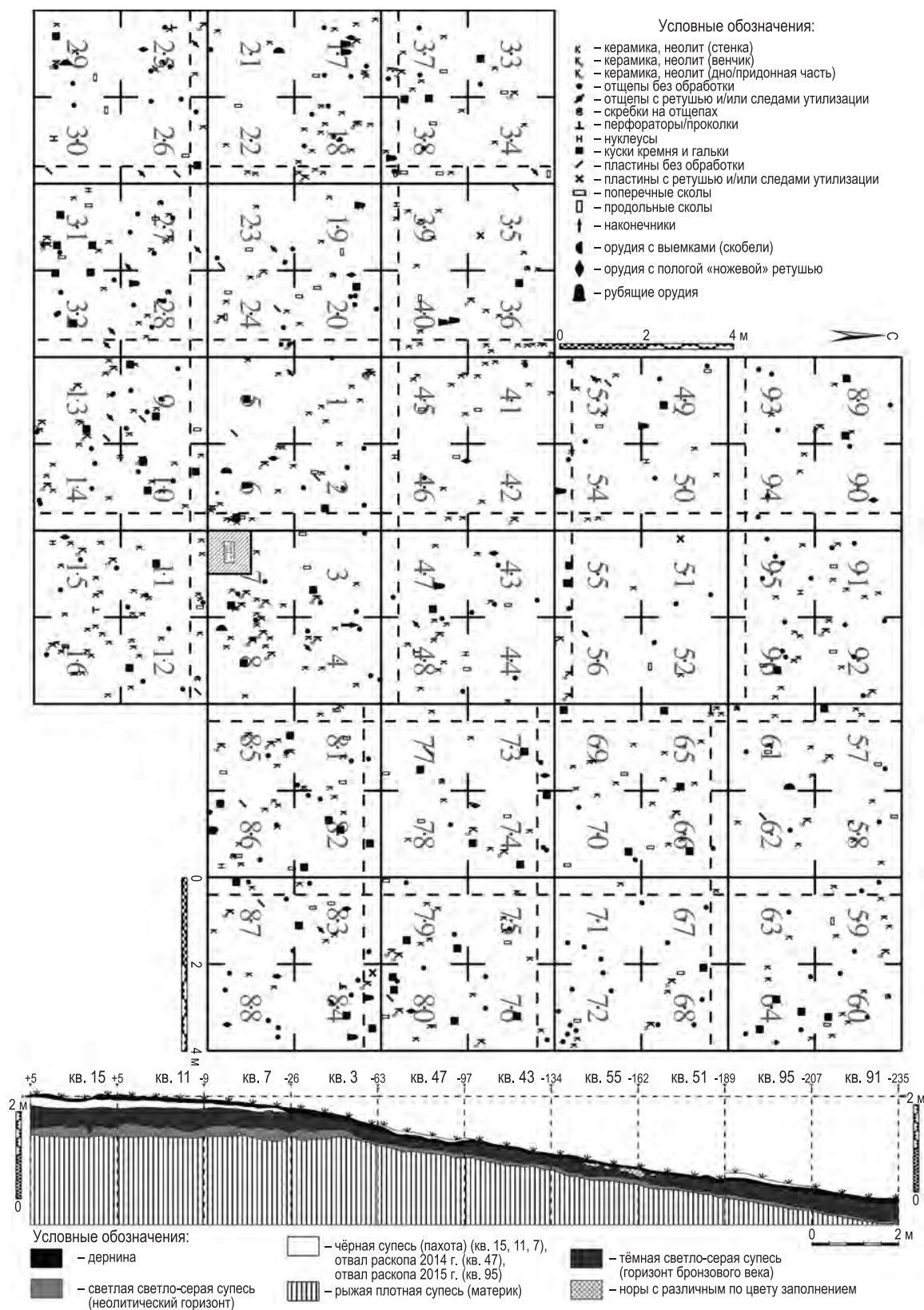

Рис. 2. Поселение Калмыковка I. Планиграфическое расположение неолитических материалов и стратиграфия стоянки по линии север-юг

Первая группа (19 сосудов) представлена неорнаментированными или украшенными лишь поясками жемчужин или ямок (с жемчужинами на внутренней поверхности) венчиками (рис. 3: 1–17, 20, 22). Ямки наносились, как правило, в один ряд с внешней стороны, в двух случаях они образуют два горизонтальных ряда, а ещё в одном – три ряда (рис. 3: 1, 6, 20). Только на одном сосуде данной группы зафиксирован приём нанесения жемчужного пояска изнутри (рис. 3: 12). Два сосуда, помимо ямочного пояска (с жемчужинами на внутренней поверхности), орнаментированы округлыми наколами по срезу венчика (рис. 3: 5–6). Венчики сосудов данной группы прямые, реже слабоизогнутые, с округлым, приостренным или плоским срезом. Диаметр горла сосудов с реконструированной верхней частью варьирует в пределах 26–11 см (рис. 3: 1, 4, 11, 12, 15, 16, 20). Уникальной является неорнаментированная ладьевидная чаша, имеющая следующие размеры: высота около 3 см, ширина около 6 см и длина около 12 см. Она была обнаружена в «кладе» (кв. 17) вместе с двумя деревообрабатывающими орудиями и сколом с пологой «ножевой» ретушью (рис. 2: 3; 22; 7: 5, 6; 10: 11).

Вторая группа (23 сосуда) представлена фрагментами венчиков и стенок сосудов, орнаментированных наколами различной формы (рис. 4: 2–24). Сосуды данной группы в основном прямостенные с венчиками с плоским или округлым срезом, лишь в одном случае венчик имеет приостренный срез. Диаметр горла у трёх сосудов составляет 15–17 см (рис. 4: 9, 17, 20), ещё у одного – около 30 см (рис. 4: 11). К данной группе также относится открытая чаша (рис. 4: 9). В десяти случаях под срезом венчика проходит ямочно-жемчужный поясок, нанесённый как изнутри (6 сосудов), так и снаружи (4 сосуда). Наколы представлены следующими формами: подтреугольные (7 сосудов) (рис. 4: 3, 6, 7, 10, 15–17); округлые/овальные (4 сосуда) (рис. 4: 4, 5, 8, 21); подпрямоугольные/подквадратные (6 сосудов) (рис. 4: 2, 12–14, 18, 22); точечные (1 сосуд) (рис. 4: 19); спаренные различной формы (5 сосудов) (рис. 4: 9, 11, 20, 23, 24). Наколы образуют как простые линейные мотивы в виде горизонтальных (12 сосудов) (рис. 4: 4, 5, 7, 8, 13, 14, 16, 18, 20, 22–24) или диагональных (6 сосудов) (рис. 4: 6, 9, 10, 12, 15, 19) рядов, так и более сложные мотивы в виде висячих треугольников (2 сосуда) (рис. 4: 2, 3), косой решётки (2 сосуда) (рис. 4: 17, 21), горизонтального зигзага (1 сосуд) (рис. 4: 11). Примерно у трети сосудов данной группы наколами (рис. 4: 3, 6, 16–20) или оттисками короткого гребенчатого штампа (рис. 4: 7, 11) орнаментирован срез венчика.

Третья группа (26 сосудов) представлена фрагментами венчиков 2 сосудов и 24 – стенок, орнаментированных оттисками зубчатого и гребенчатого штампов различной формы (рис. 5: 6: 1–8). Один из венчиков – прямой с округлым срезом и пояском ямок (на внутренней поверхности – жемчужин), нанесённых снаружи (рис. 5: 2). Вторым – слабоприкрытый с округлым срезом и жемчужинами, нанесёнными изнутри. Его диаметр составляет примерно 13 см (рис. 5: 1). Большинство сосудов данной группы (17 экз.) орнаментированы коротким (3–5 зубцов) (рис. 5: 1, 3, 5, 6, 9, 10, 13–15, 18; 6: 2–8); три – средним (6–10 зубцов) (рис. 5: 4, 11; 6: 1); четыре – длинным (более 11 зубцов) (рис. 5: 2, 7, 12, 16) гребенчатым штампом. В орнаментации двух сосудов использованы два вида гребенчатых штампов: длинный и короткий (рис. 5: 8, 17). Вдавления гребенчатого штампа, как правило, образуют простые мотивы: горизонтальные ряды диагонально ориентированных оттисков (8 сосудов) (рис. 5: 4, 7, 9, 15, 18; 6: 2, 7, 8), горизонтальные ряды диагонально ориентированных под углом друг к другу оттисков (11 сосудов) (рис. 5: 5, 6, 8, 13, 14, 17; 6: 1, 3–6). Зафиксированы также более сложные мотивы: «шагающая гребёнка» (3 сосуда) (рис. 5: 1, 10, 11), «косая решётка» (2 сосуда) (рис. 5: 2, 12) и горизонтальный зигзаг (1 сосуд) (рис. 5: 3). Особый интерес представляет фрагмент стенки сосуда со сквозным сверлёным отверстием, сочетающий в своей орнаментации гребенчатые и накольчатые элементы (рис. 6: 7).

Четвёртая группа (5 сосудов) представлена фрагментами венчиков и стенок, орнаментированных преимущественно прочерченными линиями (рис. 3: 18, 19, 21, 23). Обнаружены несколько фрагментов венчиков и стенок прямостенного сосуда, орнаментированного ямочным (с жемчужинами на внутренней поверхности) пояском, а также горизонтальным рядом вдавлений трёхзубого штампа и четырьмя горизонтальными поясами прочерченных линий. Срез венчика также украшен вдавлениями трёхзубого штампа (рис. 4: 1). Ещё четыре фрагмента стенок орнаментированы узкими и неглубокими прочерченными линиями, образующими диагональные (рис. 3: 23), горизонтальные (рис. 3: 21) ряды и «косую решётку» (рис. 3: 18, 19).

К неолитической коллекции с памятника также относятся тринадцать неорнаментированных фрагментов днищ диаметром 8–15 см и придонных частей плоскодонных сосудов (рис. 6: 9–14; 10: 31–33; 11: 3, 5–7, 9) и 160 неорнаментированных фрагментов стенок (размерами более 2×2 см).

Технико-технологический анализ неолитической керамики

Технико-технологическому анализу было подвергнуто 80 фрагментов неолитической керамики из коллекции со стоянки Калмыковка I, полученной в результате раскопок 2014–2016 гг. Материал представлен мелкими обломками стенок, верхних частей (венчиков) и придонных участков разных сосудов. Для обобщения данных по гончарной технологии в рамках культурно-хронологических групп керамики были отобраны 64 образца, обладающих чёткими признаками принадлежности к той или иной группе.

В проведённом исследовании использована методика, разработанная в российской археологии А.А. Бобринским [10; 11]. Она базируется на трасологии, бинокулярной микроскопии, физическом моделировании и сравнительном анализе изучаемой керамики с образцами эталонной коллекции по гончарной технологии. Эталонная коллекция создана в Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства и хранится в археологической лаборатории СГСПУ.

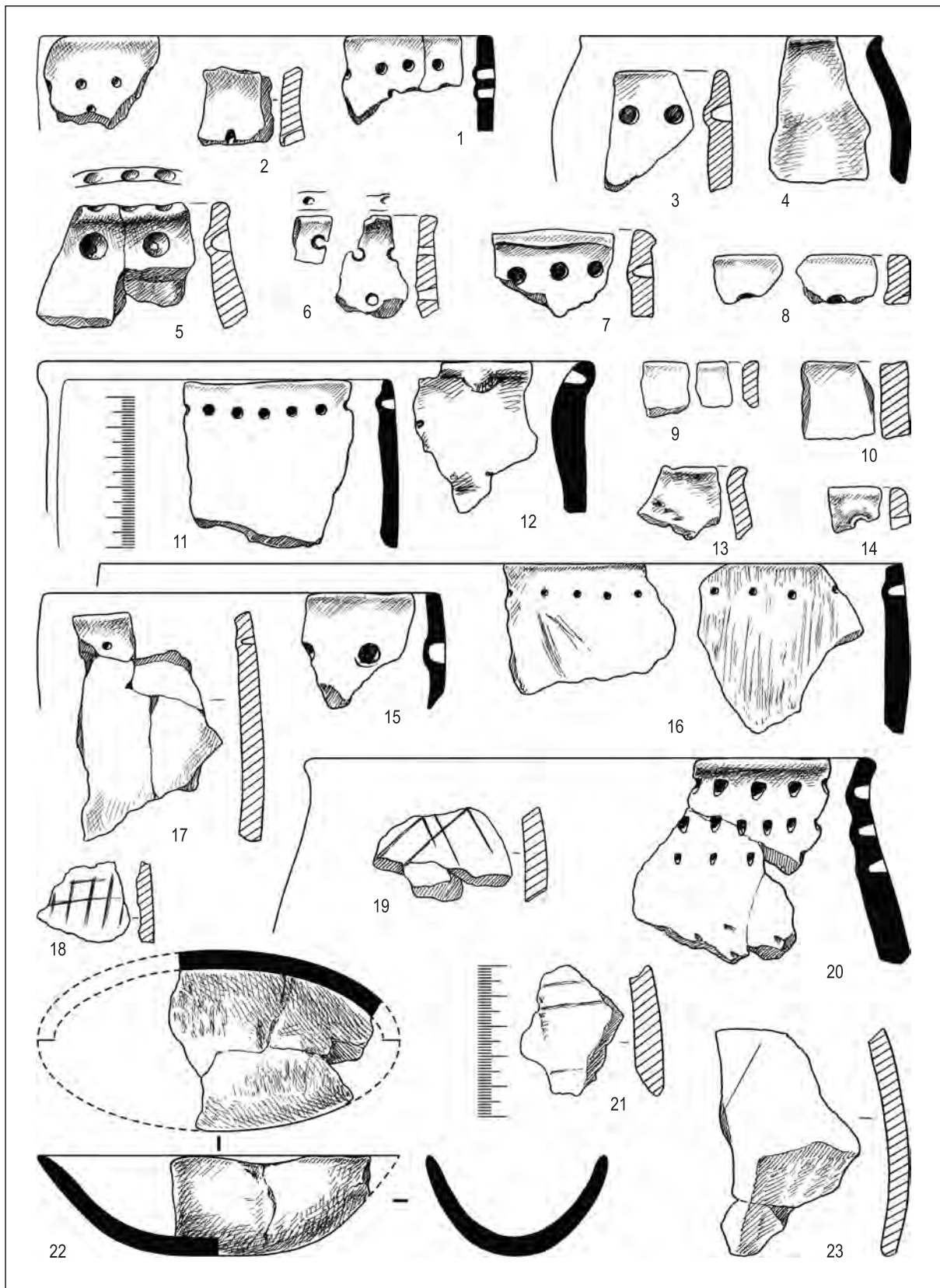

Рис. 3. Поселение Калмыковка I. Неолитическая керамика

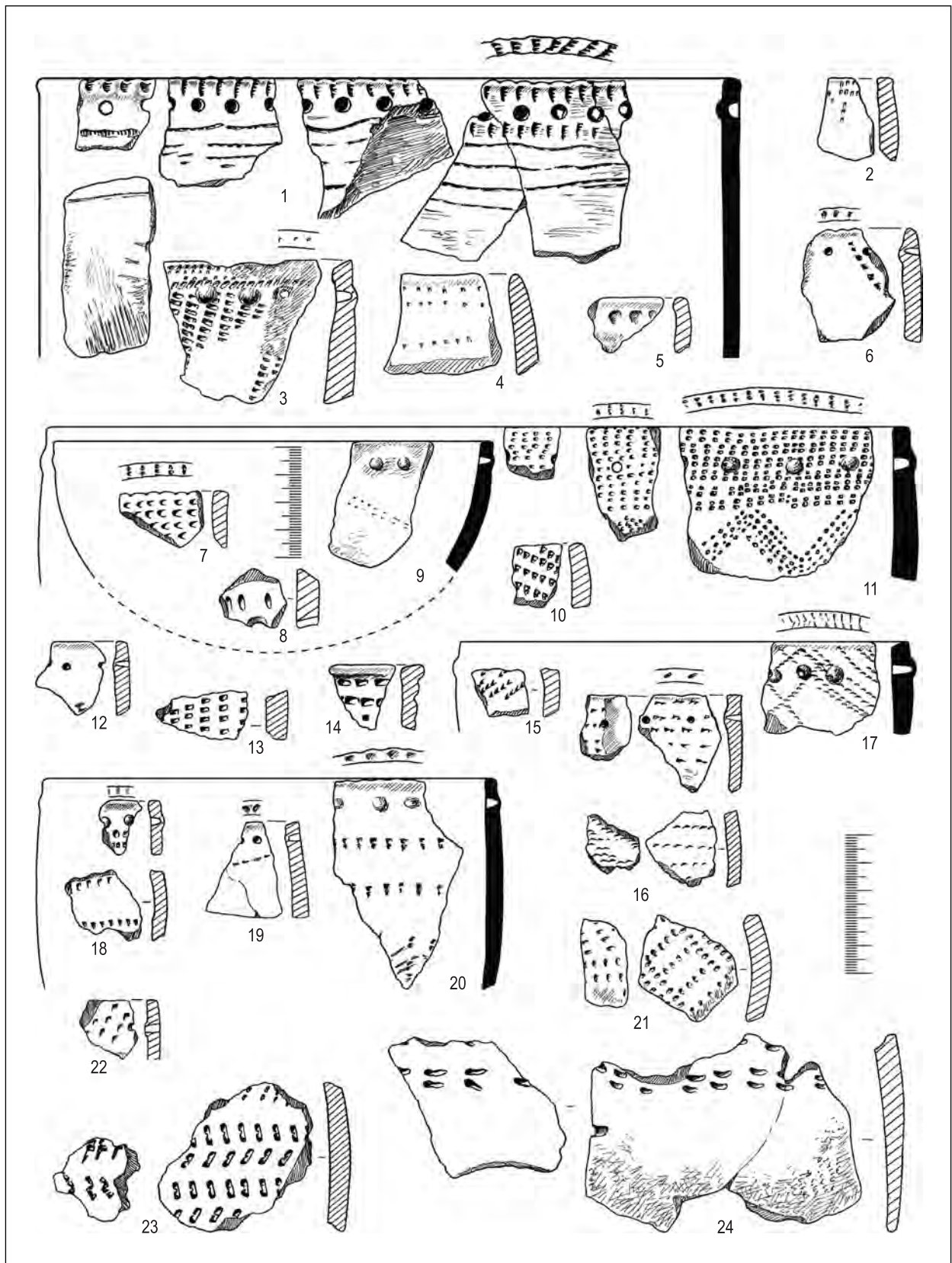

Рис. 4. Поселение Калмыковка I. Неолитическая керамика

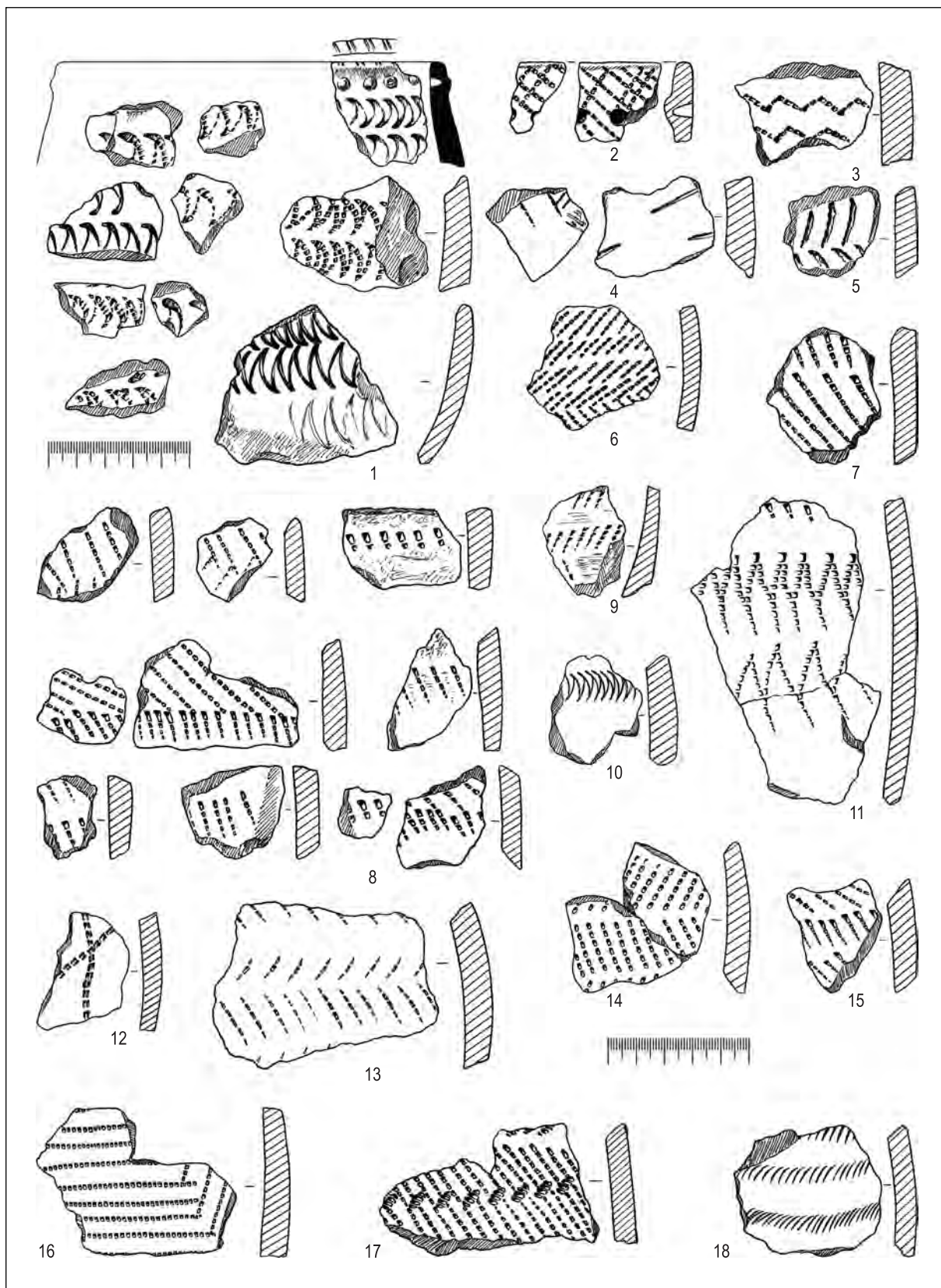

Рис. 5. Поселение Калмыковка I. Неолитическая керамика

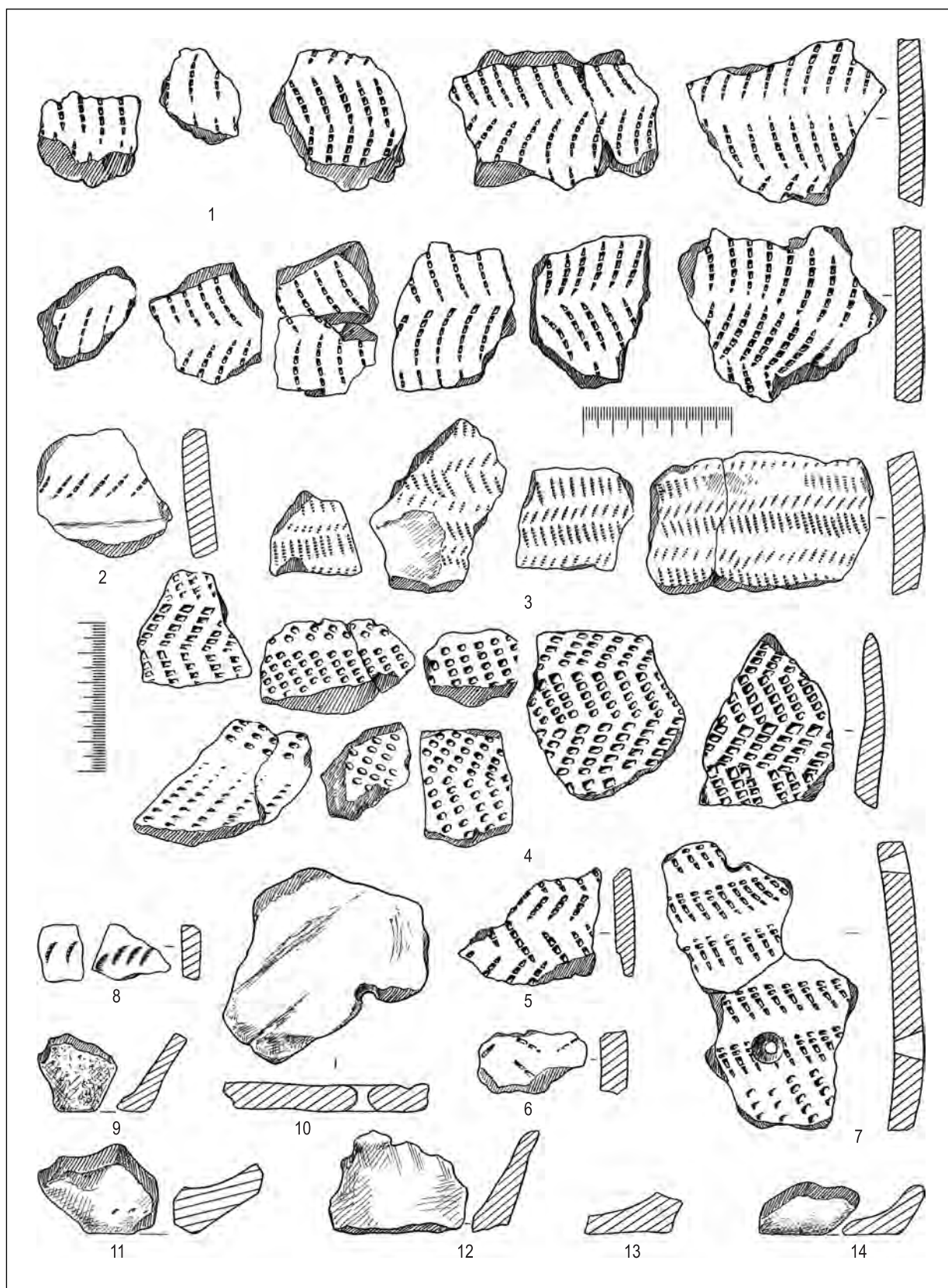

Рис. 6. Поселение Калмыковка I. Неолитическая керамика

Изготовление подвергшихся изучению сосудов производилось в рамках одного варианта структуры гончарного производства, который можно отнести к простым [11, с. 11]. Для него характерны 10 обязательных и 1 дополнительная (орнаментирование) ступени гончарной технологии. Вся неолитическая керамика сделана без использования гончарного круга и специализированных обжиговых устройств: её изготовление происходило в рамках домашних производств для нужд каждого отдельного домохозяйства.

Ниже представлены таблицы, в которых обобщены результаты изучения исходного пластичного сырья (ИПС) и рецептов формовочных масс (ФМ) керамики со стоянки Калмыковка I.

Таблица 1. Результаты изучения исходного пластичного сырья (ИПС) неолитической керамики со стоянки Калмыковка I

Группы керамики	Илы				Илы итого:	Илистые глины (ИГ)				ВСЕГО:	
	I тощие		II жирные			I тощие		II жирные			ИГ итого:
	Рак.	Б/р	Рак.	Б/р		Рак.	Б/р	Рак.	Б/р		
1		1			1 6 %	1	12		2	15 94 %	16 100 %
2		2		1	3 15 %	2	12	1	2	17 85 %	20 100 %
3	5	5	1		11 42 %	1	14			15 58 %	26 100 %
4					–		2			2 100 %	2 100 %
Итого:	5	8	1	1	15 23 %	4	40	1	4	49 77 %	64 100 %

Рак. – раковина; Б/р – без раковины

Таблица 2. Результаты изучения формовочных масс (ФМ) неолитической керамики стоянки Калмыковка I

Группы керамики	Рецепты ФМ										ИТОГО:	
	Б/иск. пр.	ОР	III+OP						Шо/г+OP			
			III <1–2 мм			III <3 мм			Шо/г <1–2 мм			
			Ед.	1:4	1:5	Ед.	1:4	1:5	Ед.	1:4		1:5
1	1	10										16
	6 %	63 %	31 %						–			100 %
2	2	14			2					1	1	20
	10 %	70 %	10 %						10 %			100 %
3	1	13	3		3	1		2			3	26
	4 %	50 %	35 %						11 %			100 %
4	–	2			–							2
		100 %										100 %
Итого:	4	39	3	1	8	1	–	3	–	1	4	64

Сокращения: Б/иск. пр. – без искусственной примеси; ОР – органический раствор; Ш – шамот; Шо/г – шамот-обожжённая глина; Ш <1–2 мм – размер частиц; концентрация: Ед. – единичная; 1:4 – на 4 части сырья – 1 часть примеси; 1:5 – на 5 частей сырья – 1 часть примеси

1. *Группа керамики елианского облика* (неорнаментированная и с ямочным (с жемчужинами на внутренней поверхности) пояском) (16 обр.). По материалам стоянки выделены два вида ИПС: илы (И) и илистые глины (ИГ). Подробная характеристика этих видов сырья неоднократно нами опубликована. Подвиды ИПС (тощие и жирные) маркируют разные культурные традиции, отражавшие различные требования древних гончаров к чистоте сырья. Они выделены на основе определения степени запесоченности сырья: 1) «тощее» сырьё (средне- и сильнозапесоченное) и 2) «жирное» (слабозапесоченное). *Варианты ИПС*: «Рак.» – с естественной примесью раковины пресноводных моллюсков, «б/р» – без раковины. Естественная примесь мелких обломков раковин пресноводных моллюсков визуально чётко фиксировалась и ощущалась руками, то есть выбор такого сырья осуществлялся, несомненно, осознанно, из чего можно сделать вывод об определённом значении раковинной примеси в пластичном сырье. Здесь следует иметь в виду, что раковина была постоянным компонентом илов (по неолитическим материалам Северного Прикаспия и степного Поволжья) и является значимым культурным признаком неолитического гончарства именно Нижневолжско-

го региона. В целом присутствие раковины в ИПС рассматривается нами как важный критерий различения культурных традиций отбора ИПС.

В рамках обозначенных выше позиций интерпретации данных о гончарной технологии можно охарактеризовать керамические традиции елшанского населения стоянки Калмыковка I на подготовительной стадии производства следующим образом. Наиболее массовыми были: 1) распространение взглядов на илстые глины как сырьё для производства посуды; 2) отбор запесоченного ожелезненного сырья без раковины; 3) увлажнённое состояние ИПС; 4) существование двух традиций составления формовочных масс: ИПС+органический раствор (ОР) и ИПС+ОР+Ш (шамот) с явным преобладанием первой традиции.

Исследование приёмов изготовления керамики первой группы затруднено фрагментированным состоянием материала. Можно определить лишь общие навыки изготовления сосудов на созидательной стадии производства: 1) распространение приёмов лоскутного налепливания в качестве способов конструирования сосудов; 2) применение форм-моделей и приёмов выбивания для придания окончательной формы сосудам; 3) простое заглаживание и уплотнение – на ступени обработки поверхностей сосудов.

Придание прочности и устранение влагопроницаемости (закрепительная стадия гончарной технологии) достигались смешанными способами: холодными (введением органических растворов) и горячими (термическими) воздействиями на гончарные изделия, использованием приёмов неполной выдержки изделий при температурах каления глины, в результате чего они приобретали 2-3-слойную окраску в изломе.

Сосуд овальной в плане формы («ладьевидный») выделяется по морфологическим особенностям из совокупности сосудов елшанской группы. Он был изготовлен из илистой запесоченной глины без раковины (качественный состав которой очень близок к изученному сырью других сосудов данной группы), но без примеси ОР. Именно эта черта гончарной технологии отличает его от елшанских традиций.

В целом изучение керамики данной группы со стоянки Калмыковка I подтвердило вывод о значительной консервативности елшанских гончарных традиций и длительности их существования на территории Волго-Уралья.

2. *Накольчатая группа керамики* (20 обр.). Обобщая итоги изучения сосудов данной группы, можно отметить смешанный характер гончарной технологии населения с накольчатой традицией орнаментирования бытовой посуды. Меньшая часть населения (15 %) продолжала использовать илы (жирные и тощие) в качестве сырья для производства бытовой посуды, большая группа перешла на илстые, в основном тощие глины (без раковины), что было характерно для елшанского гончарства. Ни один из изученных сосудов не сделан строго по «орловской» (нижневолжской) технологии – из жирного ила со значительной естественной примесью раковины или из жирной илистой глины с примесью искусственно введённой раковины. В качестве добавок в ФМ использовались органические растворы, что является общей чертой нижневолжского и елшанского гончарств. Можно отметить распространение среди населения данной группы «шамотной» традиции, что также являлось результатом его смешения с елшанскими коллективами.

Обращает на себя внимание тот факт, что в двух сосудах данной группы (10 %) не было обнаружено присутствие органического раствора. Учитывая близость взглядов на ИПС среди населения, оставившего керамику 1-й и 2-й групп, возможно, «ладьевидный» сосуд следует относить к накольчатому комплексу.

Определённая близость технологических приёмов изготовления посуды 1-й и 2-й групп зафиксирована на созидательной и закрепительной стадиях гончарного производства: лоскутный налп; применение форм-моделей и выбивания на ступени придания формы сосудам; простое заглаживание и уплотнение в качестве способов обработки поверхностей; смешанные приёмы придания прочности и устранения влагопроницаемости.

На основании полученных данных можно сделать вывод об отсутствии на стоянке Калмыковка I ранних групп мигрантов из Нижнего Поволжья. Население, продолжавшее в более позднее время орнаментировать свою посуду техникой накальвания, практически полностью перешло на елшанскую гончарную технологию. Процесс активного смешения двух групп населения проходил за рамками изученного памятника.

3. *Группа керамики с гребенчатым штампом* (26 обр.). В результате технико-технологического анализа керамики данной группы, которая относится к самому позднему периоду существования неолитической стоянки, зафиксировано наиболее «архаичное» состояние представлений о ИПС: 42 % сосудов изготовлено из илов, 58 % – из илстых глин. Вторым отличием данной группы по сравнению с предыдущими является факт более массового распространения «шамотной» традиции. Приёмы конструирования, формообразования и придания прочности и влагонепроницаемости сосудам с гребенчатым орнаментом близки к таковым у первых двух групп.

Если рассматривать результаты изучения технологии изготовления сосудов с коротким (зубчатым) и длинным гребенчатым штампом в качестве орнаментов раздельно, то выявляются определённые отличия. Наибольшая смешанность взглядов на ИПС была характерна для изготовителей посуды с коротким гребенчатым штампом (КГШ). Обращает на себя внимание, что эти смешанность и разнообразие были характерны и для других стоянок Самарского Поволжья. Так, керамика с КГШ со стоянки Вилватое полностью изготовлена из илов (100 %), а более трети этих сосудов содержали шамот. Изучение керамики Ильинской стоянки показало почти одинаковое распространение представлений об илах и илстых глинах (45 % – илы, 55 % – илстые глины). По данным стоянок Лебяжинки I, IV, V, фиксировалось преобладание приёмов отбора илстых глин (76 %, 86 %, 93 % соответственно). Рецепты с шамотом были единичны для Лебяжинки I, а в материалах Лебяжинки IV количество сосудов этой группы с шамотом достигало 36 %. Несомненно, такие результаты отражают конкретно-исторические процессы, происходившие в сре-

де изготовителей посуды с КГШ, которые требуют дальнейшего изучения и осмысления. Напротив, группа керамики с длинным гребенчатым штампом в качестве орнамента выделяется однородностью гончарных традиций. Большинство изученных сосудов сделано из тощей илистой глины с примесью шамота (размером менее 2–3 мм в концентрации 1:5) и ОР. Эти особенности гончарной технологии в целом свойственны керамике подобного облика с других стоянок Самарского Поволжья и указывают на близость этой группы населения к носителям волго-камской и средневолжской, а не камской культур.

4. *Группа керамики с прочерченным орнаментом* (2 обр.). Данная группа керамики со стоянки Калмыковка I представлена единичными образцами, что не позволяет сделать определённые выводы. По общим чертам гончарной технологии её можно отнести к елшанскому комплексу.

Кремнёвый инвентарь

Коллекция каменного инвентаря со стоянки Калмыковка I включает в себя 434 единицы (рис. 7–9; 10: 1–30; 11: 1, 2, 4, 8). В качестве сырья использовался «цветной» кремнь различных оттенков плохого качества или серый кремнь хорошего качества. Часть изделий покрыта с одной или двух сторон известняковой коркой. На одном сколе и трёх деревообрабатывающих орудиях фиксируются следы шлифовки (рис. 7: 4–6; 8: 19).

К отходам производства могут быть отнесены 189 отщепов без следов обработки в виде регулярной ретуши, 70 продольных и поперечных сколов и 49 аморфных кусков кремня. На нескольких отщепах и сколах заметны следы мелкой нерегулярной ретуши или выкрошенность, что может свидетельствовать об их использовании в единичных операциях резания или строгания, но не позволяет характеризовать в качестве морфологически выраженных орудий (рис. 8: 4, 12, 22, 23, 37; 9: 7, 16; 10: 19). Выявлено 27 пластин и фрагментов пластин: 6 целых пластин без ретуши, 8 проксимальных, 4 медиальных и 10 дистальных частей пластин без ретуши и с мелкой краевой ретушью (рис. 8: 5–9, 24–28, 31–34, 36, 38; 10: 21–30).

Морфологически выраженные орудия и нуклеусы представлены 72 экземплярами, что составляет около 16 % всех изделий из кремня. Нуклеусов 19 экземпляров: 7 из них торцевые на плитках (5) или куске (2) кремня, 5 – фронтальные и 7 – аморфные (рис. 7: 11–14; 8: 1, 39, 40; 9: 2, 6, 8, 10, 11, 13, 14, 24; 10: 1–3; 11: 8). Весьма представительной является серия из 14 деревообрабатывающих орудий: 6 топоров, изготовленных в технике двусторонней оббивки, некоторые достаточно небрежно, ещё на 2 топорах зафиксированы отдельные следы шлифовки. Помимо топоров, выявлены 1 шлифованное тесло, 1 тесло с отдельными пришлифованными участками поверхности и 4 долота, изготовленных в технике двусторонней оббивки (рис. 7: 1–10; 8: 15, 30; 9: 1, 3, 23). Скребки (16 экз.) представлены несколькими типами (рис. 8: 13, 16, 17, 29; 9: 4, 5, 21; 10: 4–10; 11: 1, 4): концевые-боковые на отщепах с овальным рабочим краем (2) и с жальцем (1); угловой на отщепе с резцовыми сколами и мелкой ретушью по одному из краёв (1); боковые на продольных сколах и отщепе (5); концевые на сколах с жальцем и резцовыми сколами на аккомодационной части (1), со скошенным рабочим краем (2) и с округлым рабочим краем и плечиком (1). Также есть два комбинированных орудия: боковой скребок-провёртка на отщепе и боковой скребок-скобель на отщепе. Одной из представительных категорий орудий на памятнике являются сколы и отщепы с регулярной и нерегулярной ретушью, так называемые ножи (14 экз.), примерно в равном количестве найдены саблевидные и прямолезвийные формы (рис. 8: 12, 14, 20, 26; 9: 5, 15, 17, 26; 10: 11–16; 11: 2). На ряде орудий данного типа на рабочем крае также зафиксированы небольшие выемки, что может свидетельствовать об их использовании и в качестве скобелей. Тремя экземплярами представлены скобелевидные орудия: на сколе с крутой «скребковой» ретушью по краю, на котором оформлены узкие и неглубокие выемки; с ретушью по одной из граней, образующей большую выемку, и на сколе с широкой и неглубокой выемкой (рис. 9: 19; 10: 19–20). Также в трёх экземплярах найдены свёрла и проколки: на сколе со скребковой ретушью по одной из граней; на продольном сколе и на отщепе с мелкой невыразительной ретушью на приострэнном обломанном конце (рис. 8: 10; 9: 18; 10: 17). Кроме того, в коллекции представлены: наконечник (нож ?) на продольном сколе чёрного прозрачного кремня с крутой ретушью по краям на дорсальной стороне и плоской на острие на вентральной (рис. 10: 18), двусторонне ретушированный черешковый наконечник стрелы с обломанным концом (рис. 8: 21) и обломок насада черешкового наконечника с мелкой нерегулярной ретушью по краям (рис. 8: 35). Необходимо отметить, что ряд из рассмотренных орудий имеет ретушь на смежных с рабочим краем поверхностях и, вероятно, использовался не только по своему прямому назначению.

Радиоуглеродное датирование

В радиоуглеродной лаборатории РГПУ им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург) к.г.-м.н. доцентом М.А. Кульковой по неолитическим материалам стоянки Калмыковка I были получены три даты (табл. 3).

По фрагментам неорнаментированных стенок сосудов, относящихся к первой морфологической керамической группе стоянки, технология изготовления которых близка к елшанской, получена калиброванная дата: сер. VI тыс. до н.э. (табл. 3: № 1). Она совпадает с абсолютными определениями времени существования аналогичной керамики на стоянках Ильинка, Лебяжинка IV, Красный Городок и др. [12]. По всей видимости, представленная дата свидетельствует о бытовании елшанской керамической традиции в регионе до сер. VI тыс. до н.э. Однако, принимая во внимание отсутствие на стоянке Калмыковка I сосудов с острыми днищами, а также наличие значительной серии профилированной посуды и совместное залегание керамики всех морфологических групп, нельзя исключать возможность отнесения данного определения и посуды, по которой оно получено, к ранним этапам бытования средневолжской культуры.

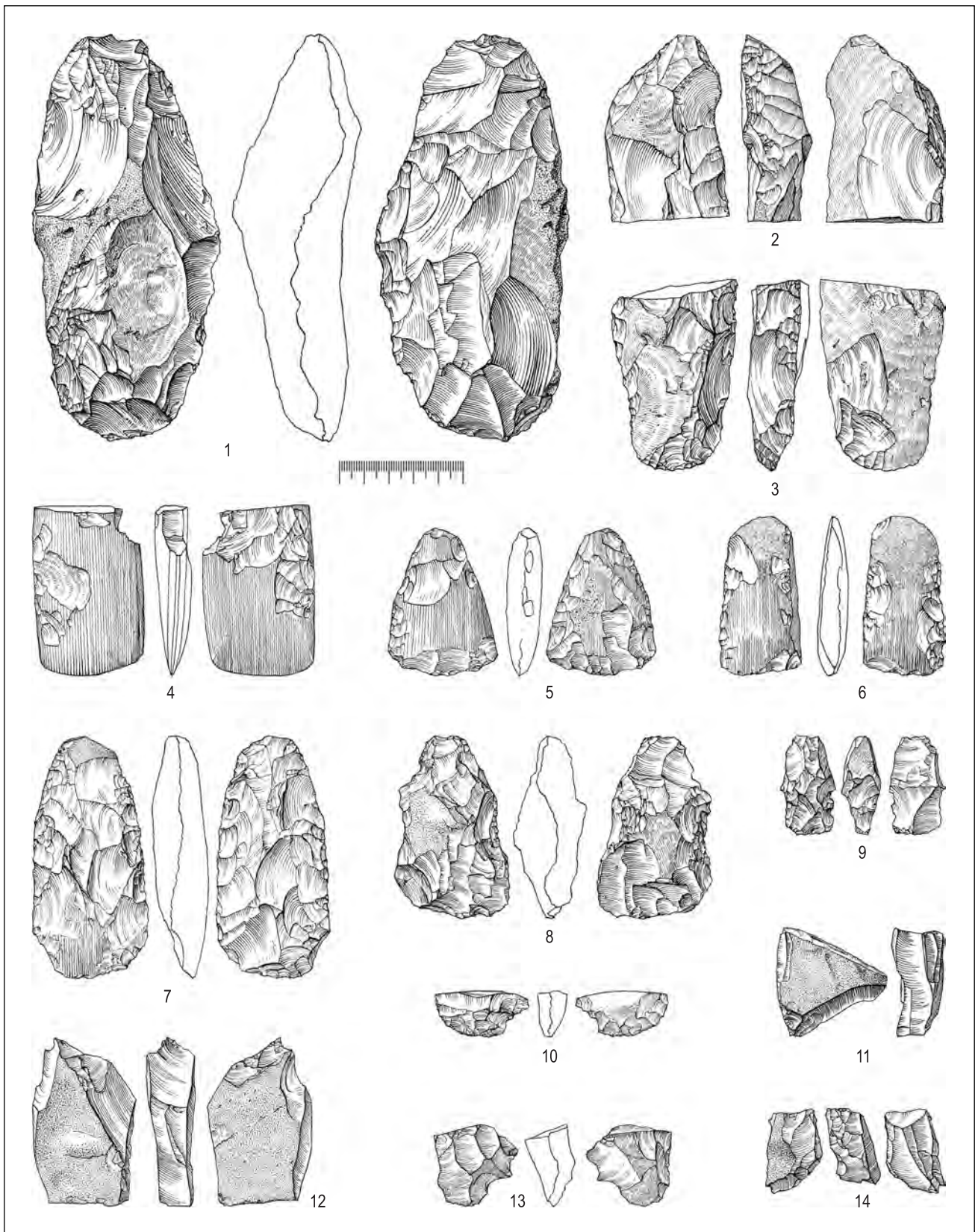

Рис. 7. Поселение Калмыковка I. Кремнёвый инвентарь

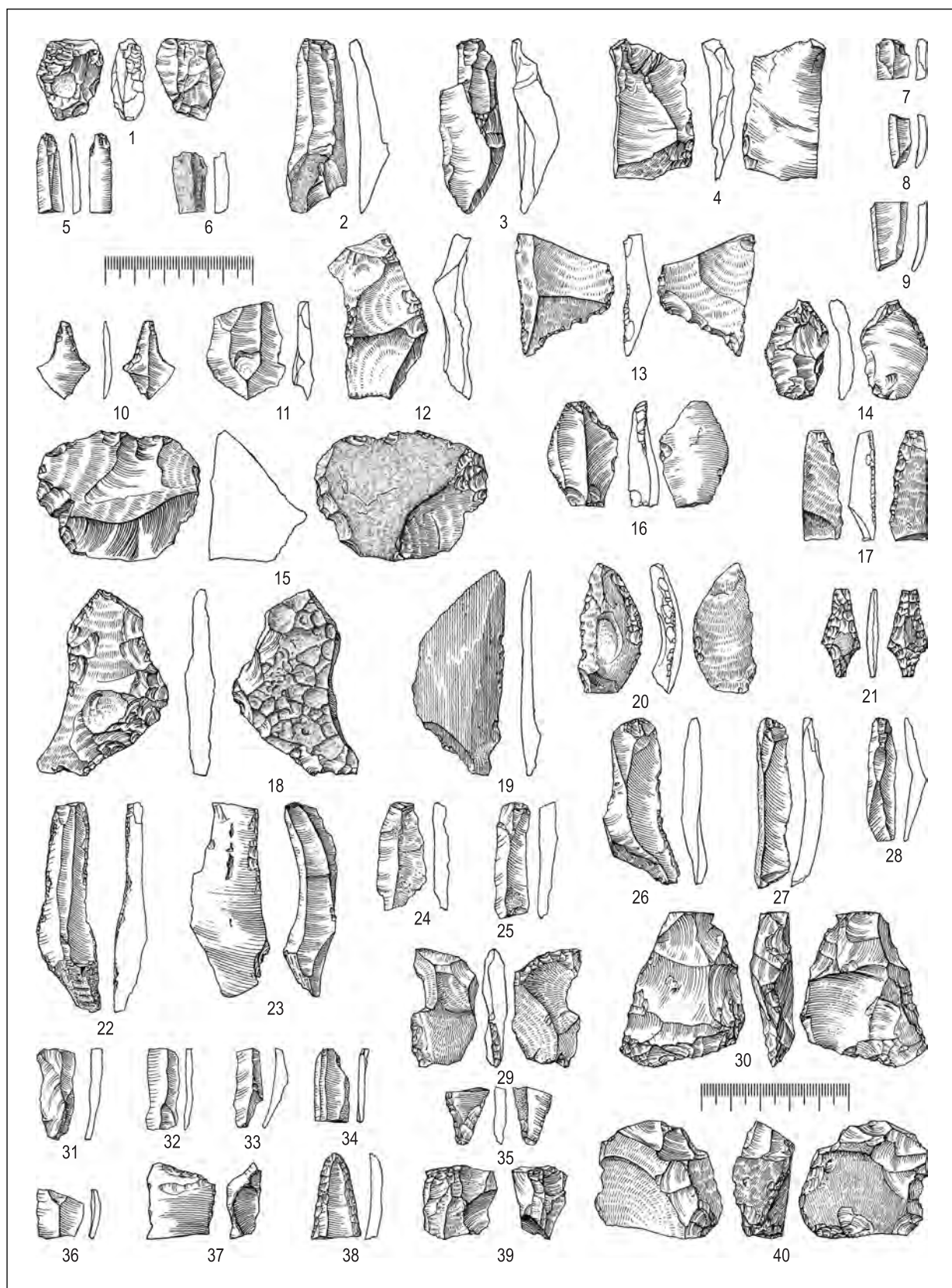

Рис. 8. Поселение Калмыковка I. Кремнёвый инвентарь

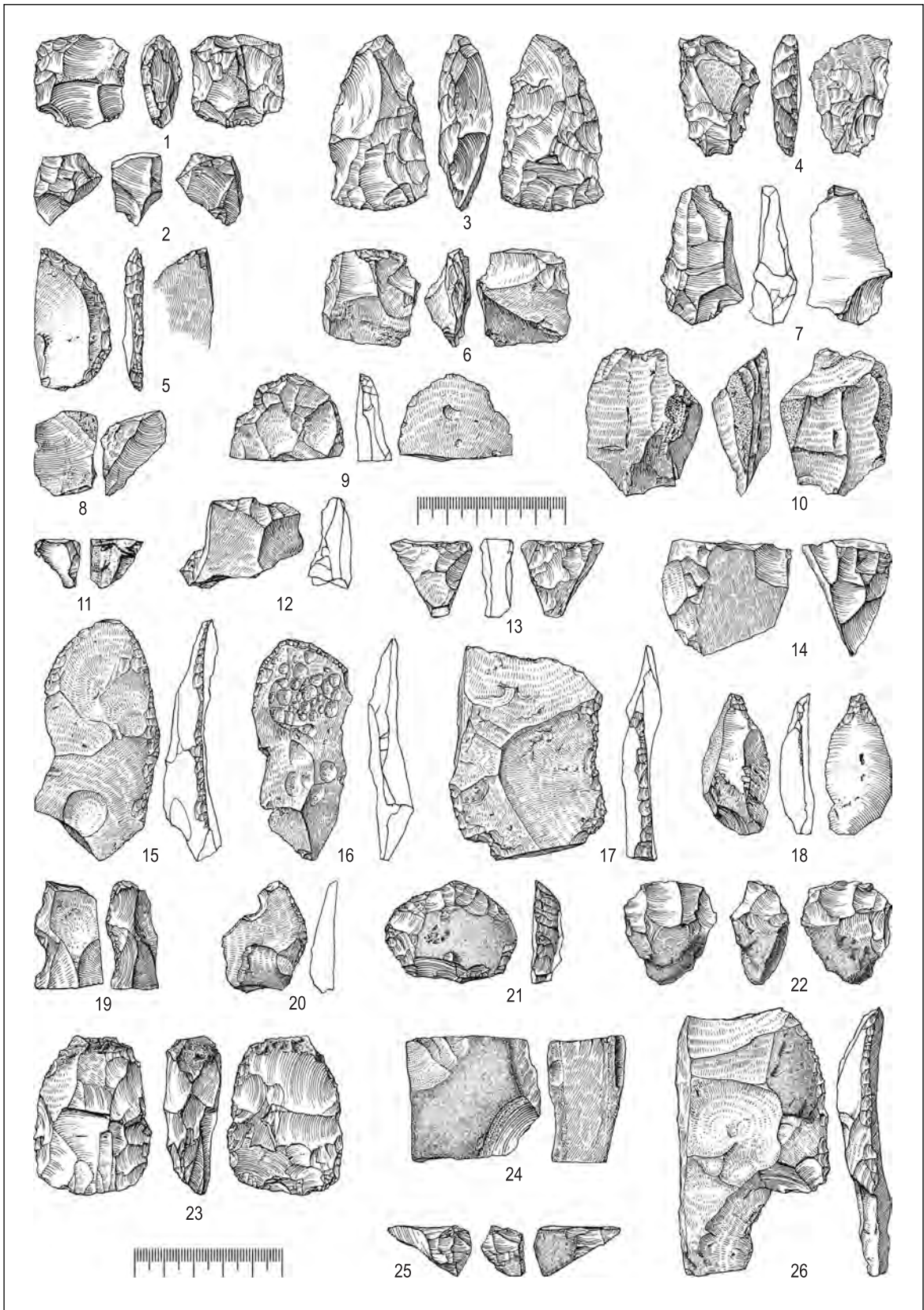

Рис. 9. Поселение Калмыковка I. Кремнёвый инвентарь

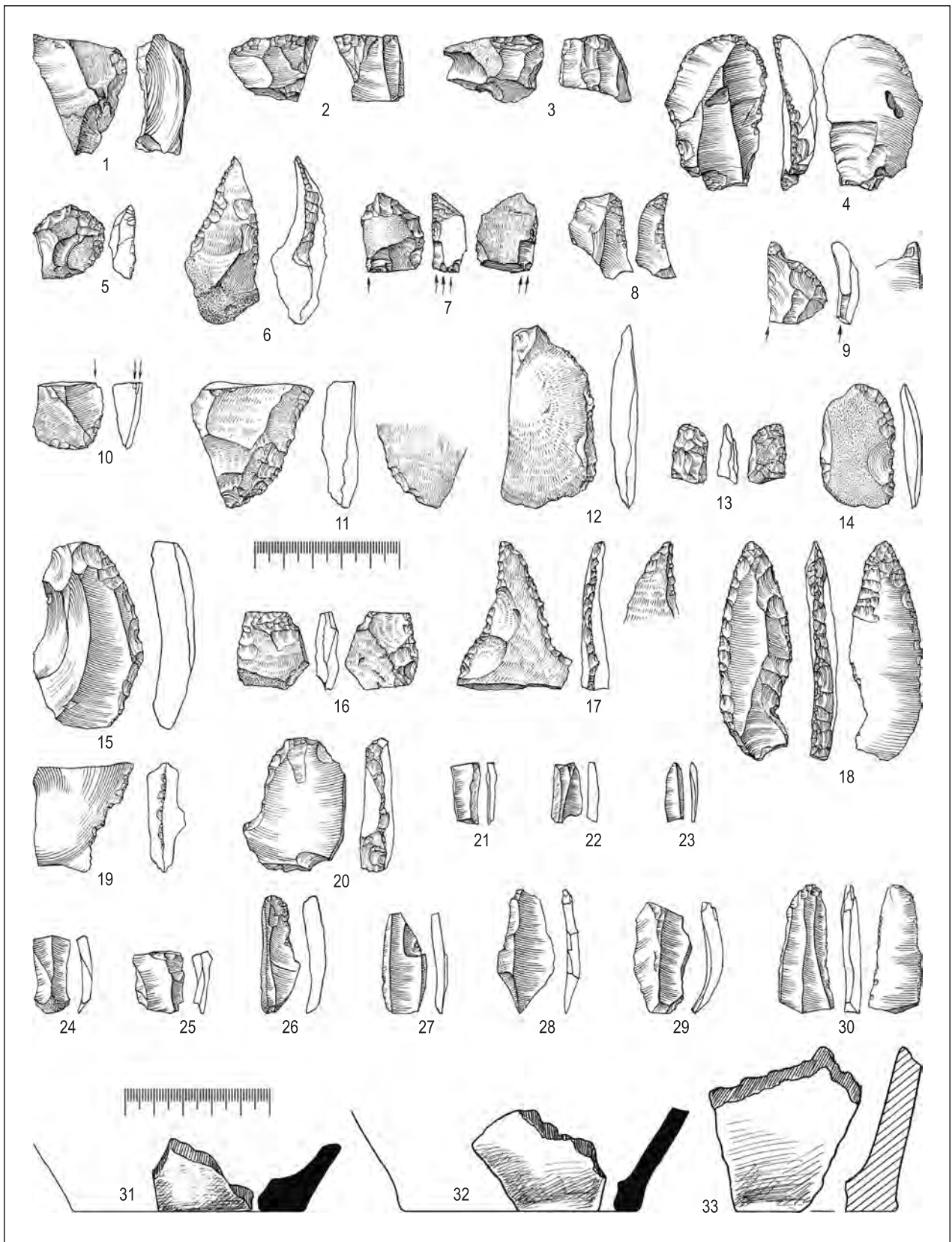

Рис. 10. Поселение Калмыковка I. Кремнёвый инвентарь (1–30) и неолитическая керамика (31–33)

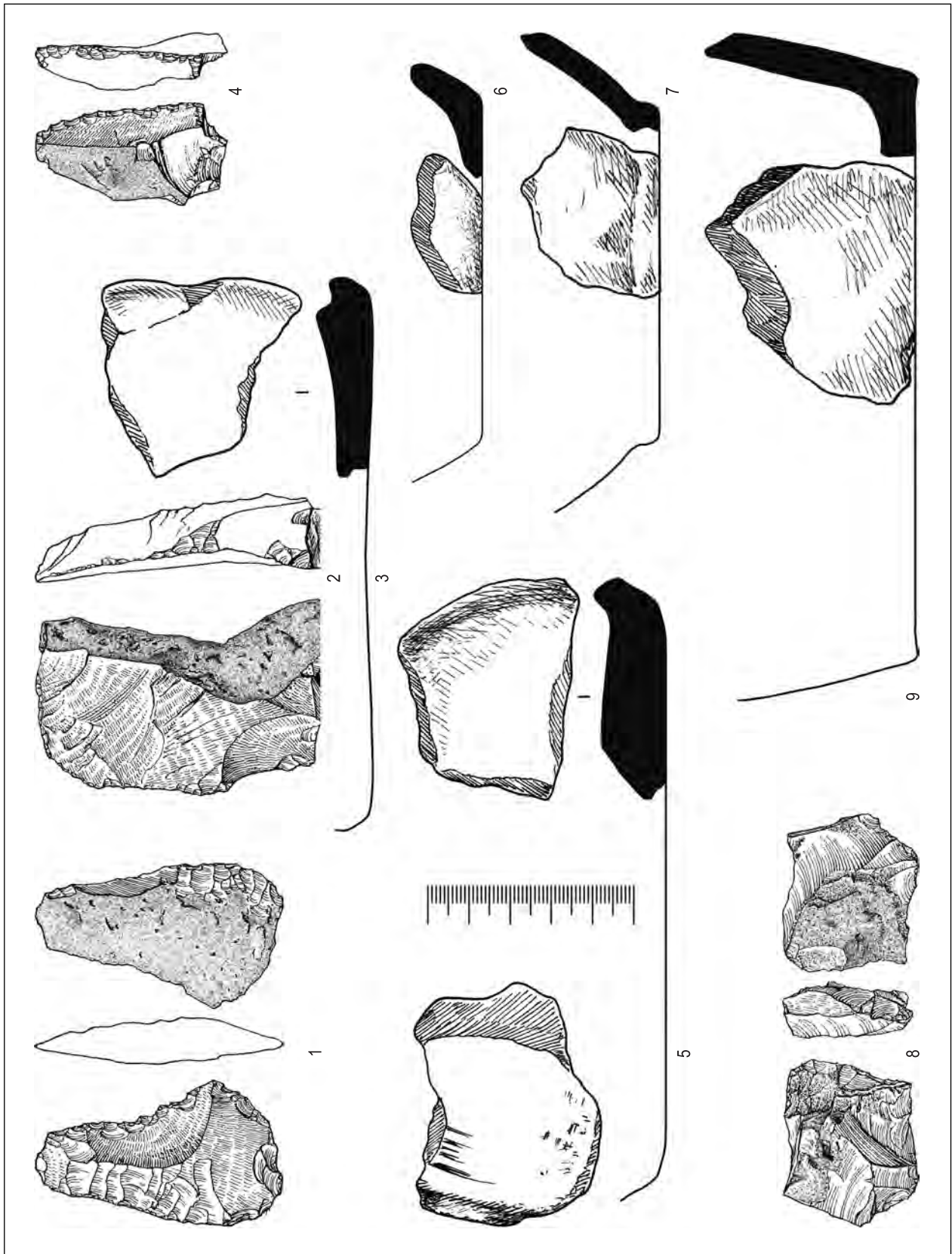

Рис. 11. Поселение Калмыковка I. Кремнёвый инвентарь (1, 2, 4, 8) и неолитическая керамика (3, 5-7, 9)

По фрагментам стенок одного сосуда, орнаментированного отрисками короткого и длинного гребенчатого штампов (скопление на кв. 36, 40, 41, 45) (рис. 2; 5: 8), получена калиброванная дата: 1-я пол. V тыс. до н.э. (табл. 3: № 2). Она совпадает с абсолютными хронологическими определениями посуды с зубчатым орнаментом со стоянки Виловатое, но несколько древнее датировок зубчатой и гребенчатой керамики с других неолитических поселений лесостепного Поволжья (Лебяжинка IV, Ильинка и др.) [9, с. 239–247]. Вероятно, данное определение маркирует наиболее ранний этап бытования гребенчатой керамической традиции в обозначенном регионе. Примечательно, что с этой датой полностью совпала датировка, полученная по костям лося, связанным с описанным выше гребенчатым сосудом (табл. 3: № 3). Таким образом, мы можем лишний раз констатировать приемлемость дат, получаемых по органике из керамики, для определения хронологии археологических культур и типов посуды, подтверждающихся определениями по другим видам датирующих материалов.

Таблица 3. Радиоуглеродные даты неолитического комплекса стоянки Калмыковка I

№	Лабораторный индекс	Возраст (BP)	Возраст (calBC)*	Материал
1	Spb – 1415	6643±110	1σ 5660–5480 2σ 5740–5370	Керамика
2	Spb – 1759	5950±120	1σ 5000–4690 2σ 5250–4500	Керамика
3	Spb – 1876	5989±70	1σ 4980–4790 2σ 5060–4710	Кость лося

* В работе использованы калиброванные значения, полученные при помощи программы OxCal v3.10.

Заключение

Стоянка Калмыковка I – первый неолитический памятник, подвергнутый раскопкам в Самарском Поволжье после 20-летнего перерыва. Археологические исследования, произведённые в последней трети XX в., позволили создать обширную источниковую базу, на основе которой были разработаны общие периодизация и хронология, а также определена культурная специфика неолита данного региона. Однако осталось много не до конца выясненных вопросов, ответы на которые можно получить только с продолжением поиска и раскопок новых памятников.

Результаты исследования новой неолитической стоянки позволяют расширить и конкретизировать представления исследователей о неолите лесостепного Поволжья. Получена представительная керамическая коллекция. Выделенные морфологические группы посуды близки к комплексам ряда стоянок бассейна реки Сок (Красный Яр VII, Ильинка, Большая Раковка II, Лебяжинка IV) [9, с. 83–84, 314–318; 13–16]. Наличие в коллекции с памятника порядка 70 сосудов, имеющих различную орнаментацию, позволяет допустить вероятность неоднократного посещения места стоянки в неолите. Об этом же свидетельствуют и полученные радиоуглеродные определения. Неолитическое население, как минимум, несколько раз посещало место стоянки с сер. VI до 1-й четв. V тыс. до н.э. (в калиброванных датах). К сожалению, хозяйственная деятельность населения позднего этапа бронзового века и активность землеройных животных на площади памятника привели к интенсивному перемещению археологических артефактов и не позволили стратиграфически зафиксировать этапы посещения стоянки неолитическими группами. В ходе раскопок стоянки выявлена репрезентативная кремнёвая коллекция, которая даёт возможность расширить представления исследователей о технологии расщепления кремня и использовавшихся неолитическим населением категориях и типах орудий. Важно, что удалось осуществить новое радиоуглеродное датирование, пополнившее базу источников по абсолютной хронологии неолита Самарского Поволжья, а также уточнить время бытования отдельных морфологических групп керамики на территории одной неолитической стоянки.

Авторами принято решение не продолжать раскопки памятника и сохранить культурный слой, возобновление изучения которого целесообразно лишь после принципиального усовершенствования методик полевой и камеральной археологической работы.

Благодарности

Авторы статьи выражают искреннюю благодарность Алексею Алексеевичу Ластовскому за консультативную помощь при работе с кремнёвой коллекцией и отрисовку кремнёвых орудий; Елене Валерьяновне Хуртиной за рисунки керамики; к.и.н., научному сотруднику археологической лаборатории СГСПУ Наталье Валерьевне Росляковой за остеологические определения; к.г.-м.н. доценту РГПУ им. А.И. Герцена Марианне Алексеевне Кульковой за полученные радиоуглеродные определения, а также всем студентам, аспирантам и выпускникам ПГСГА-СГСПУ, принимавшим участие в исследовании стоянки Калмыковка I.*

* Работа осуществлялась в рамках реализации проекта № 33.1195.2014/К Государственного задания Министерства образования и науки РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Расторопов А.В.* Отчет об археологической разведке в Красноярском районе Самарской области Расторопова Александра Васильевича по Открытому листу № 220 форма № 2, выданному 24 мая 1999 г. Красный Яр, 2000 // Архив ИА РАН. Р-1.
2. *Расторопов А.В.* Разведки в Красноярском районе Самарской области // Археологические открытия 1999 года. М., 2001.
3. *Андреев К.М., Выборнов А.А., Васильева И.Н.* Неолитический комплекс стоянки Калмыковка I // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 17. № 3. Самара, 2015.
4. *Андреев К.М., Выборнов А.А.* Поселение Калмыковка I (некоторые итоги исследований 2013–2014 годов) // Самарский край в истории России. Вып. 5. Материалы Межрегиональной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения П.В. Алабина. Самара, 2015.
5. Новые неолитические материалы стоянки Калмыковка I / *К.М. Андреев, А.А. Выборнов, И.Н. Васильева, А.В. Сомов* // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 18. № 3. Самара, 2016.
6. *Седова М.С.* Поселения срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.
7. *Семенова А.П.* Погребальные памятники срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.
8. *Выборнов А.А.* Средневожская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара, 2000.
9. *Выборнов А.А.* Неолит Волго-Камья. Самара, 2008.
10. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.
11. *Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999.
12. *Андреев К.М., Выборнов А.А., Кулькова М.А.* Некоторые итоги и перспективы радиоуглеродного датирования елшанской культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 14. № 3. Самара, 2012.
13. *Барынкин П.П., Козин Е.В.* Некоторые результаты исследований II Большераковской стоянки // Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара, 1991.
14. Неолитическая керамика стоянки Лебяжинка IV в лесостепном Поволжье / *А.А. Выборнов, А.Е. Мамонов, А.И. Королев, Н.В. Овчинникова* // Вестник СГПУ. Исторический факультет. Самара, 2007.
15. *Мамонов А.Е.* Ильинская стоянка и некоторые проблемы неолита лесостепного Заволжья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск, 1988.
16. *Мамонов А.Е.* Новые материалы Ильинской стоянки в Самарской области // Историко-археологические изыскания. Вып. 5. Самара, 2002.

*Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара*

К.М. Andreev, A.A. Vybornov, I.N. Vasilyeva

KALMYKOVKA I SITE – NEW NEOLITHIC SETTLEMENT IN THE FOREST-STEPPE VOLGA REGION

Summary

The article presents the results of several years of research at the site Kalmykovka I. At the settlement four morphological groups of dishes were found: not ornamented, pinned, comb and incised. Also there has been found a representative series of flint tools and cores. Three absolute dates were obtained on the materials site.

*The Volga Region State Academy of Social Sciences and Humanities,
65/67, Gorky St., Samara, 443099, Russia
K.M. Andreev – E-mail: konstantin_andreev_88@mail.ru
A.A. Vybornov – E-mail: vibornov_kin@mail.ru
I.N. Vasilyeva – E-mail: in.vasil@mail.ru*

А.М. Скоробогатов

ЧЕРКАССКАЯ СТОЯНКА В СРЕДНЕМ ПОДОНЬЕ. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ 2009–2010 гг.

Черкасская стоянка, исследования на которой проводились в 1972, 1976, 1979, 1981, 2009–2010 гг., расположенная в устье реки Битюг, с момента её открытия привлекала к себе внимание многих археологов. Это, прежде всего, её первый исследователь А.Т. Синюк, а также Д.Я. Телегин, И.Б. Васильев, С.Н. Гапочка, А.Е. Мамонов, Н.С. Котова, И.В. Калинина, А.В. Сурков, Р.В. Смольянинов, М. Решель и другие.

Река Битюг является левым притоком Дона длиной 379 км. Река в приустьевой её части протекает по Калачской возвышенности в южной половине Русской равнины. Калачская возвышенность представляет собой юго-восточный отрог Среднерусской возвышенности, замыкающий с юга Окско-Донскую равнину. В приустьевой части реки в пойме уменьшается степень облесённости и заболоченности, увеличивается площадь открытых лугов. Озеровидные расширения, занятые лугами, чередуются с суженными участками.

Целенаправленные крупномасштабные археологические исследования приустьевой части р. Битюг начались в конце 1970-х – начале 1980-х гг. В 1979 г. экспедицией Воронежского пединститута и в 1981 г. совместной археологической экспедицией Воронежского и Куйбышевского педагогических институтов исследовалась Черкасская стоянка неолита – эпохи бронзы, расположенная на оконечности первой надпойменной террасы и в толще береговых отложений р. Битюг в двух километрах от его современного устья [1; 2].

С 2009 г. в связи с критическим падением уровня воды в реке археологическая экспедиция ВГПУ возобновила исследования в приустьевой части реки Битюг. Обнажения берега возле раскопа 1 А.Т. Синюка при визуальном осмотре не показали следов культурных отложений, которые должны чётко выделяться по наличию мощного слоя с раковинной. Вероятно, основная часть культурного слоя возле раскопов 1979 и 1981 гг. была размыва водами реки Битюг. Наибольшая концентрация подъёмного материала (фрагменты керамики, артефакты из камня, остеологический материал, единичные костяные изделия) была зафиксирована нами в 80 м ниже по течению реки от места раскопок А.Т. Синюка на другом её современном берегу.

Раскоп на стоянке Черкасская в 2009–2010 гг. расположен в 0,3 км на северо-восток от моста через р. Битюг, в 1,9 км на север-северо-восток от её устья и в 2,1 км на юго-восток от школы с. Черкаское (рис. 1).

Раскоп 2009 г. размерами 8×3 м, ориентированный длинной стороной по линии запад–восток, представлял собой врезку в левый берег р. Битюг. Северная кромка раскопа примыкала к краю обрыва, который опускался к уровню уреза реки, выходя на слой голубого алевролита. Раскоп 2010 г. был прирезан к восточному борту раскопа 2009 г., в наиболее разрушаемой водами р. Битюг части памятника. Раскоп 2010 г. размерами 7×4 м также был ориентирован длинной стороной по линии запад–восток. В итоге общая вскрытая площадь составила 52 кв. м (рис. 1). Раскоп был разбит на квадраты 1×1 м. Нумерация квадратов обозначалась по линии запад–восток цифрами от 1 до 15, а по линии север–юг – буквами А', А, Б, В.

Стратиграфия наслоений в раскопе была неоднородной, и слои имели различную мощность. Наиболее показательна южная стенка раскопа 2010 г., центральная её часть (рис. 2):

1. 0–0,15 м – дёрн. Находки отсутствовали;

2. 0,15–0,55 м – илстые отложения с луговым чернозёмом и вкраплениями мела. Слой образован при мелиоративных работах. Содержал незначительное количество разновременных артефактов от неолита до современности;

3. 0,55–0,65 м – тёмная гумусированная супесь. Находки отсутствовали;

4. 0,65–0,8 м – илстые отложения с чернозёмом, тёмно-жёлтым суглинком и вкраплениями мела. Слой образован при мелиоративных работах. Содержал незначительное количество разновременных артефактов от неолита до современности;

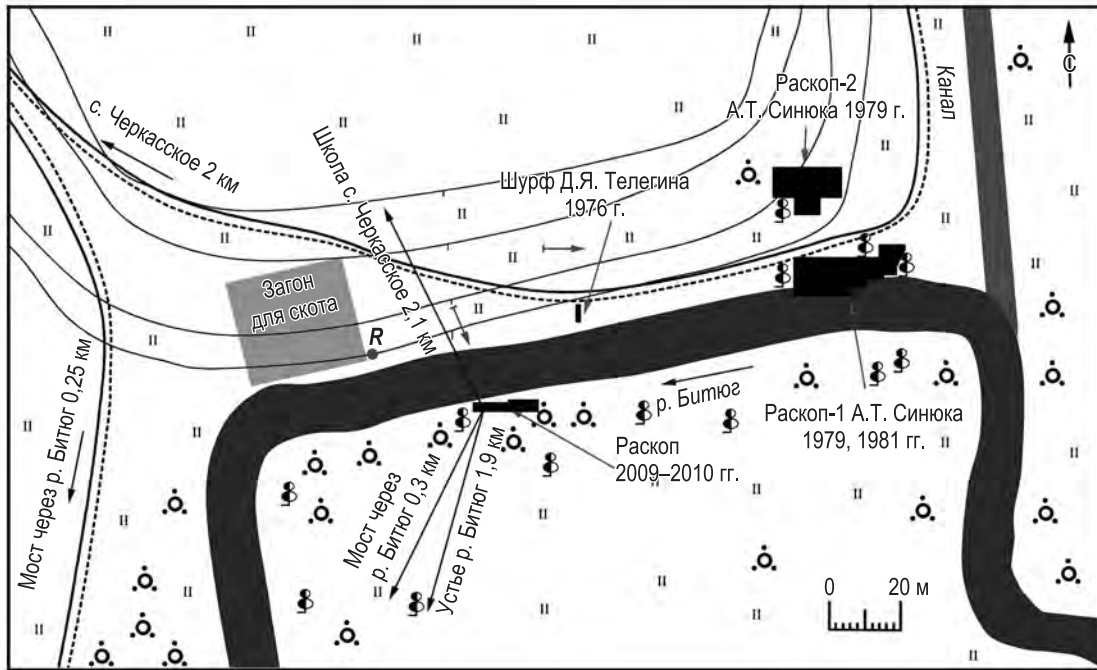
5. 0,8–1,65 м – тёмно-коричневый суглинок столбчатой структуры. Наблюдаются включения светлой мелкозернистой супеси. Находки отсутствовали;

6. 1,65–1,75 м – светлая мелкозернистая супесь. Слой содержал незначительное количество костей, фрагмент керамики XIX в. н.э., а также небольшое количество изделий неолита – эпохи бронзы в переотложенном состоянии;

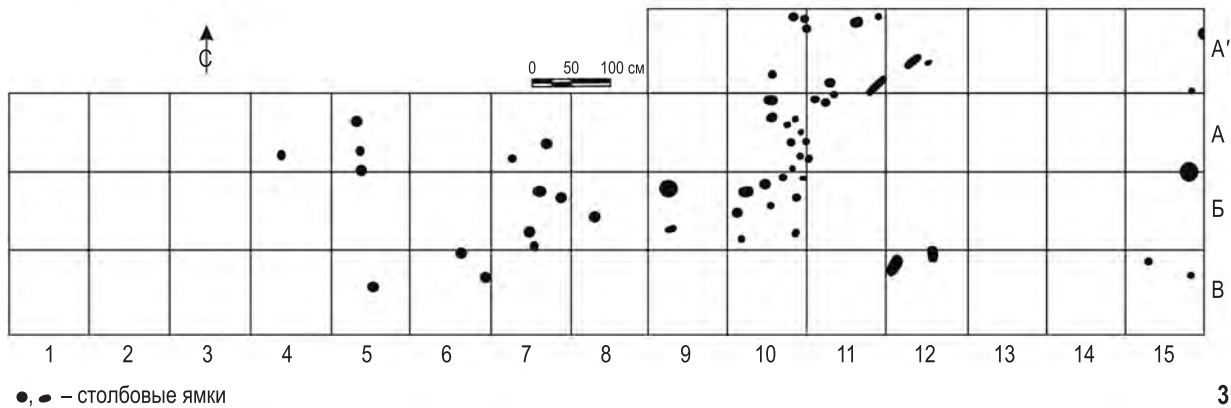
7. 1,75–1,9 м – светлая супесь со значительным содержанием раковин (раковины моллюсков брюхоногих). В слое в незначительном количестве найдены кости и в небольшом количестве артефакты неолита – эпохи бронзы в переотложенном состоянии;

1

2

●, ● – столбовые ямки

3

Рис. 1. Стоянка Черкасская: 1 – место расположения стоянки на карте Днепро-Дона-Волжского междуречья; 2 – топографический план памятника; 3 – план раскопа на материке со столбовыми ямками

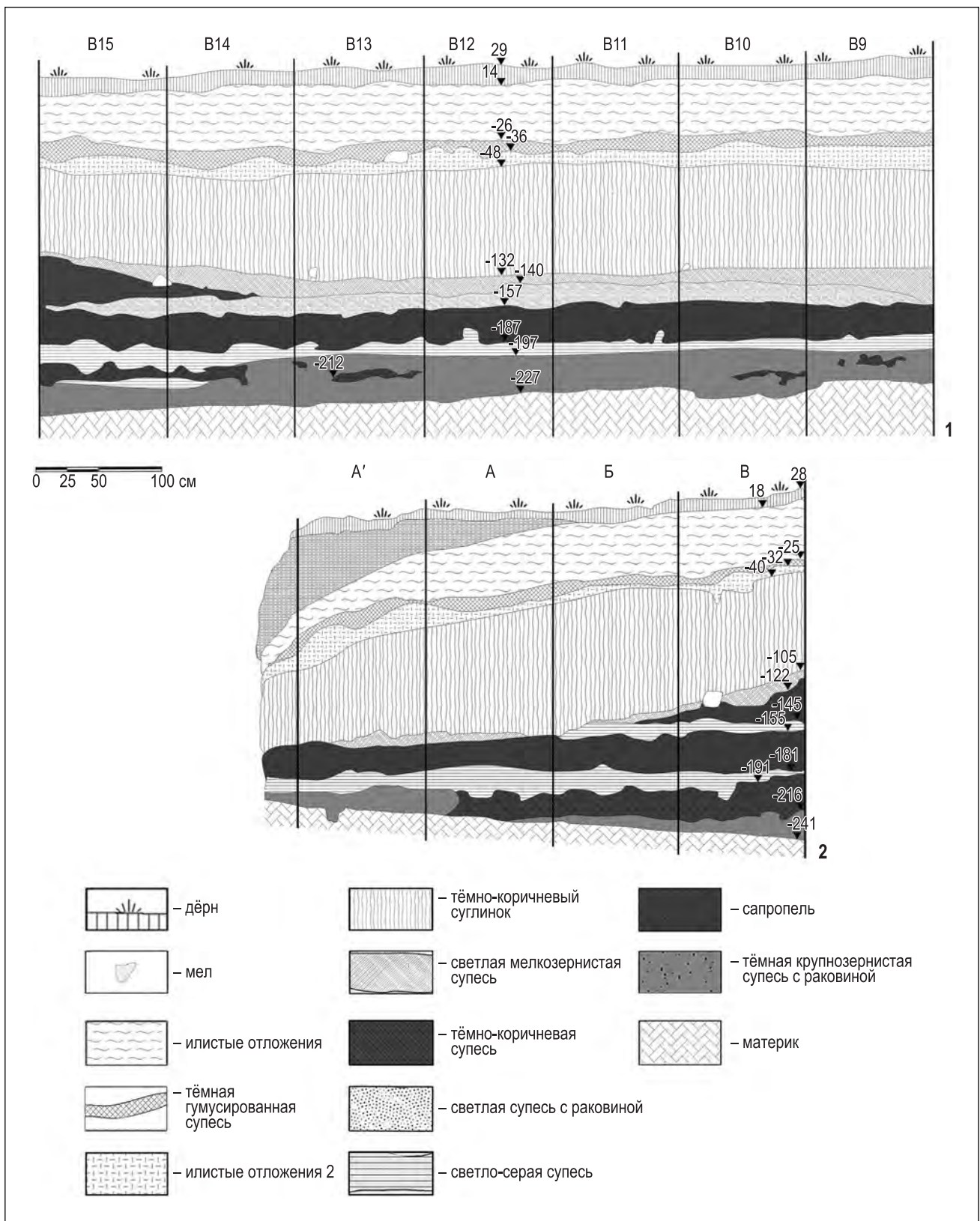

Рис. 2. Стоянка Черкасская. Стратиграфический разрез:
1 – южный борт раскопа 2010 г.; 2 – восточный борт раскопа 2010 г.

8. 1,9–2,2 м (с максимальным утолщением слоя в восточной части раскопа: до 60 см) – тёмно-коричневая супесь. Слой содержал керамику, кости, изделия из камня и кости неолита – энеолита и эпохи бронзы;

9. 2,2–2,3 м – светло-серая супесь. В восточной части раскопа слой увеличивается местами до 0,3 м, но разрывается сапропелевой прослойкой. Слой сапропеля не содержал археологических находок, но имел в своём составе органические остатки – фрагменты растительности. Слой светло-серой супеси содержал артефакты неолита – эпохи бронзы;

10. 2,3–2,6 м – тёмная крупнозернистая супесь с наличием дроблёных раковин (раковины моллюсков двустворчатых, в основном *Unio*). Слой содержал основное количество материалов энеолита и неолита;

11. С 2,6 м – материк (голубой алеврит).

Нивелировка поверхности материка в раскопе показала, что он возвышается в том месте, где были расположены столбовые ямки (рис. 1: 3). Понижение материка прослеживается по линии север–юг от современного русла в сторону поймы, о чём свидетельствует и поглубинное залежание находок.

В целом отметим достаточно сложную литологическую картину, прослеженную по бортам раскопа. Ещё не так давно культурный слой памятника постоянно находился под слоем воды, что связано с повышением уровня реки из-за мелиоративных работ и изменения гидрологического режима. Вероятнее всего, с XVIII–XIX вв. н.э. до современности основное русло реки проходило там же, где и сейчас. Это подтверждают результаты наблюдения за стратиграфией в раскопе (рис. 2), по которой видно, что слой светлой мелкозернистой супеси, а также все вышележащие над ним слои понижаются по линии юг–север, в сторону современного уреза реки. В раскопе этот слой содержал артефакты XVIII–XIX вв. Но ещё ранее русло реки проходило южнее современного, о чём свидетельствует материк и вышележащего слоя тёмной крупнозернистой супеси с наличием дроблёных раковин в сторону южной стенки раскопа, по линии север–юг (рис. 2). Также можно предположить, что в определённые периоды времени часть поверхности стоянки либо была дном водоёма, либо занимала береговую линию, и именно тогда на поверхности памятника скопилось значительное количество раковин и органики (последней – в сапропелевом слое).

Часть памятника, исследованная нами, характеризуется огромным количеством артефактов, обнаруженных в культурном слое: на 52 кв. м приходится 11 тысяч изделий, то есть в среднем 211,5 изделия на кв. м. Основные находки, происходящие из культурного слоя памятника, – изделия из камня, кости, керамика, а также единичные кусочки угля и комочки охры. Планиграфия находок показала, что они практически одинаково рассредоточены по площади раскопа при более плотной концентрации в центральной его части, как раз в том месте, где зафиксированы столбовые ямки (рис. 1: 3).

Изделия из камня. Всего выявлены 2020 изделий из камня (около 19 % общего числа находок). Из них: из кремня – 1429, кварцита – 147, песчаника – 203, сланца – 7, алевролита – 17, диабазы – 1, гранита – 46, кварца – 22, мергеля – 114; шпата – 1; известняка – 1; мела – 1 и 1 белемнит. Данные по изделиям из камня приведены в таблице.

Основной поделочный материал на памятнике – меловой кремень, иногда с участками меловой или карбонатной корки. Все основные категории каменных орудий, кроме деревообрабатывающих (рубящих и долбящих) изделий и различных абразивов, плиток, растиральников и т.д., изготавливались из кремня. Предметы из кварцита, кварца, гранита и проч. представлены в основном гальками, отщепами, осколками. Раскалывание и дальнейшая обработка камня производилась на месте, о чём свидетельствует большое количество галек и желваков со следами пробных ударов либо расколотов (32 экз.), нуклеусов и нуклевидных обломков (51 ед.), отщепов и осколков (1343 ед.), чешуек (41 ед.). Широко представлены отбойники (17 ед., рис. 6: 24–26; 8: 5–6).

Нуклеусы – предельно утилизированные, как одноплощадочные, пирамидальные либо аморфные (рис. 3: 2, 5), так и двухплощадочные, призматические (рис. 3: 3, 4), с негативами снятия как пластинчатых, так и отщеповых заготовок, все прямоплощадочные. Один, наиболее массивный нуклеус – клиновидный (рис. 3: 1). Есть в коллекции «ныряющий» скол с нуклеуса с негативами микропластин (рис. 3: 6).

В целом комплекс имеет пластинчато-отщеповый характер. Пластинчатых сколов 168 ед., из них с ретушью 34. По ширине выделяются группы: до 1 см – 30 экз., от 1 до 1,5 см – 86 экз., свыше 1,5 см – 52 экз. Среди пластинчатых сколов со вторичной обработкой (рис. 3: 7–40) выделяются острия (рис. 3: 10, 20), пластина-анкош (рис. 3: 7), изделия с подретушированным брюшком (рис. 3: 12, 13, 16, 19, 22, 24, 30–33, 35–37), изделие с ретушью на спинке, сходящейся на остром дистальном конце (рис. 3: 21).

Из законченных изготовлением орудий количественно преобладают скребки (68 ед.), выполненные на отщепе, реже – на пластине. Вариации их различны: концевые (рис. 4: 1, 5, 6, 9, 17, 23, 26, 27), боковые (рис. 4: 2–4, 8, 10, 15), концевые-боковые (рис. 4: 11, 13, 16, 20–22, 24, 28, 29), округлые, с ретушью на 3/4 периметра (рис. 4: 12, 18, 19), веероподобные (рис. 4: 14, 25). Все скребки, кроме одного экземпляра, изготовлены из кремня. Один кварцитовый скребок происходит из сборов (рис. 4: 26).

В культурном слое памятника выявлено значительное количество (34 ед.) скобелей и изделий со скоблевыми выемками (рис. 5: 1–9, 24). Возможно, часть из них использовалась как скребки по твёрдому материалу, так как наблюдается выкрошенность и замятость лезвийных частей.

Прокол и развёрток – 12 экземпляров (рис. 5: 10–12, 15–19, 22–23), есть два миниатюрных сверла (рис. 5: 20–21).

Следует отметить тесло, морфологически напоминающее концевой скребок, но с плоской ретушью по лезвию на брюшке (рис. 4: 7).

Таблица. Основные изделия из камня из культурного слоя стоянки Черкасская. Раскопки 2009–2010 гг.

Тип артефакта	Кремень		Кварцит		Прочее		Всего от 2020 ед./100 %
	единиц	процентов	единиц	процентов	единиц	процентов	Единиц/процентов
Сырьё: гальки, желваки, обломки	6	0,29	3	0,15	23	1,14	32/1,58
Изделия без вторичной обработки:	1224	60,59	131	6,49	214	10,59	1569/77,67
Нуклеусы	24	1,19	1	0,05	1	0,05	26/1,29
Нуклевидные обломки	22	1,09	1	0,05	2	0,1	25/1,24
Отщепы, сколы	1020	50,5	114	5,64	209	10,35	1343/66,49
Чешуйки	41	2,03	–	–	–	–	41/2,03
Пластинчатые сколы	117	5,79	15	0,74	2	0,1	134/6,63
Изделия со вторичной обработкой:	199	9,85	13	0,64	207	10,25	419/20,74
Пластины с ретушью	27	1,33	7	0,35	–	–	34/1,68
Скребки	67	3,32	1	0,05	–	–	68/3,37
Скобели	34	1,68	–	–	–	–	34/1,68
Проколки, развёртки	11	0,54	1	0,05	–	–	12/0,59
Свёрла	2	0,1	–	–	–	–	2/0,1
Ножи	8	0,4	–	–	–	–	8/0,4
Пилки	1	0,05	–	–	–	–	1/0,05
Геометрические микролиты	14	0,69	–	–	1	0,05	15/0,74
Наконечники	22	1,09	1	0,05	–	–	23/1,14
Острия	2	1	–	–	–	–	2/1
Резцы	1	0,05	–	–	–	–	1/0,05
Тёсла, топоры	2	0,1	–	–	7	0,35	9/0,45
Прочее	8	0,4	3	0,15	199	9,85	210/10,4
ИТОГО	1429	70,74	147	7,28	444	21,98	2020/100

Выделен всего один резец – двойной нуклевидный (рис. 5: 25).

Ножей – восемь экземпляров, один на пластине (рис. 6: 23); к этой группе можно отнести два комбинированных изделия с проколкой либо провёрткой на конце (рис. 5: 13–14).

В одном экземпляре обнаружены пилка (резчик?) с зубчатой рабочей частью на пластине (рис. 6: 22) и обломок серпа (рис. 6: 21).

Геометрических микролитов 15, из них два сегмента (рис. 6: 1, 2), один параллелограмм (рис. 6: 13), один прямоугольник (рис. 6: 8), остальные – трапеции (рис. 6: 3–7, 9–12). Среди последних всего одно изделие низкой формы (рис. 6: 3), остальные – средневысокие и высокие. Для геометрических микролитов характерно ретуширование спинки (рис. 6: 3–5, 9, 13) либо спинки и брюшка (рис. 6: 1, 6–8, 10–12).

В коллекции насчитываются 22 наконечника стрел и 1 – дротика, из них целых 10 экз., остальные сломаны, в том числе наконечник дротика (рис. 6: 20). Лишь один экземпляр изготовлен из кварцита (рис. 6: 19), остальные – из кремня (рис. 6: 14–18, 20). Одно орудие выполнено на пластине, с приостряющей ретушью на спинке и плоской – на брюшке, треугольной формы с плоским основанием (рис. 6: 14). Остальные экземпляры изготовлены на отщеповых заготовках, имеются треугольные черешковые (рис. 6: 16, 17, 19), асимметричный черешковый (рис. 6: 18), ромбовидный бесчерешковый (рис. 6: 15) со следами макроизноса.

К орудиям для деревообработки можно отнести один топор из валунного кремня, он изготовлен в технике двусторонней оббивки, с одной стороны лезвие пришлифовано (рис. 7: 3). Тёсла, в основном, изготавливались из осадочных пород, лишь один экземпляр выполнен из песчаниковой породы, у него пришлифовано лишь лезвие (рис. 7: 1). Тёсла из мягких пород камня шлифованы, как правило, по всей поверхности орудия (рис. 7: 2, 4–8). На трёх изделиях лезвие сильно скошено от работы (рис. 7: 2, 4, 5).

В коллекции со стоянки имеется обломок молота из песчаниковой породы (рис. 8: 4). В большом количестве выявлены разнообразные плитки – абразивные, шлифовальные, растиральные – и обломки плиток (рис. 8: 1–3).

Интересно изделие из мягкой осадочной породы, предназначенное, вероятно, для обработки древков стрел. Нельзя исключать, что данный предмет мог использоваться и при обработке костяных изделий

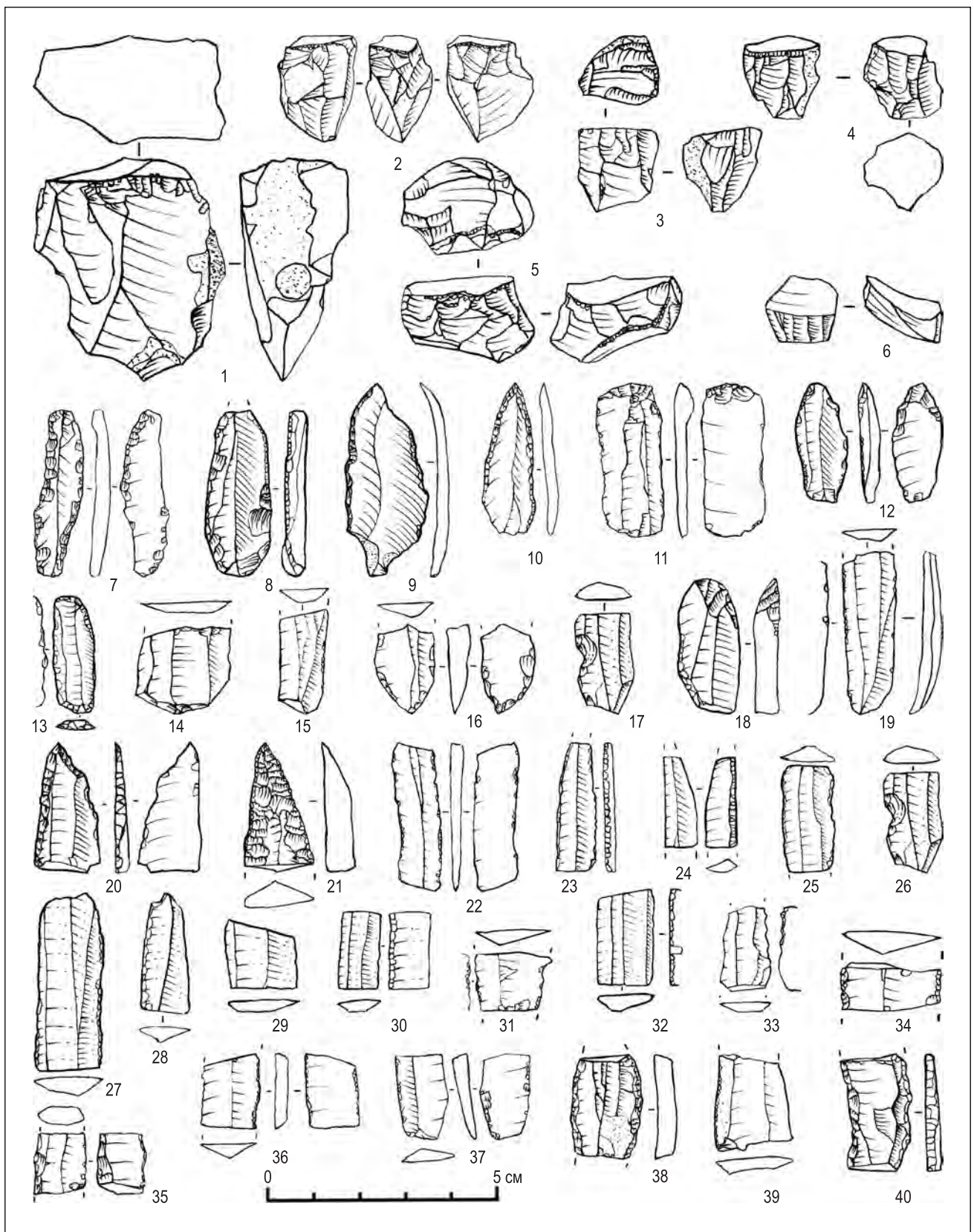

Рис. 3. Стоянка Черкасская. Нуклеусы и изделия на пластинах

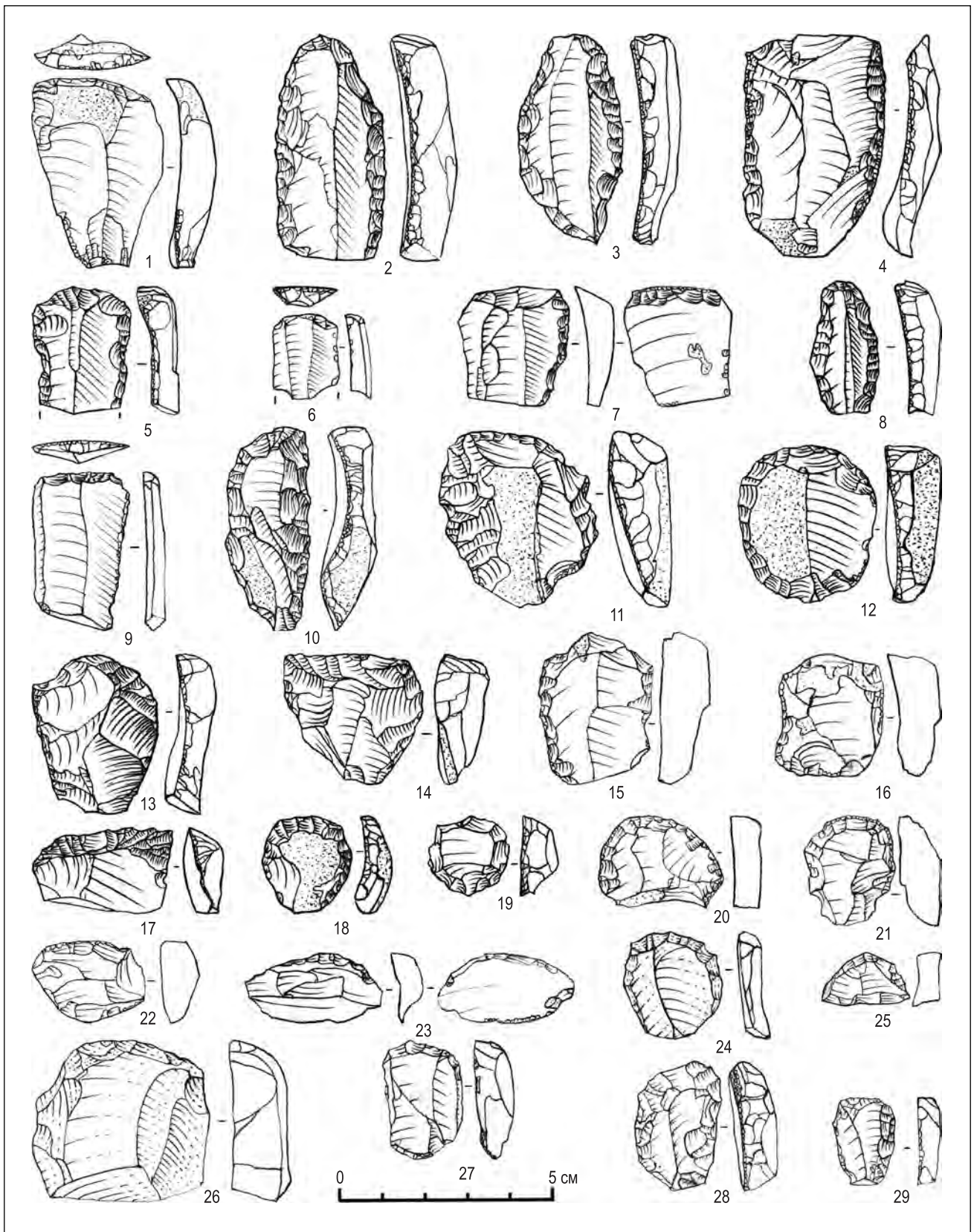

Рис. 4. Стоянка Черкасская. Скребки

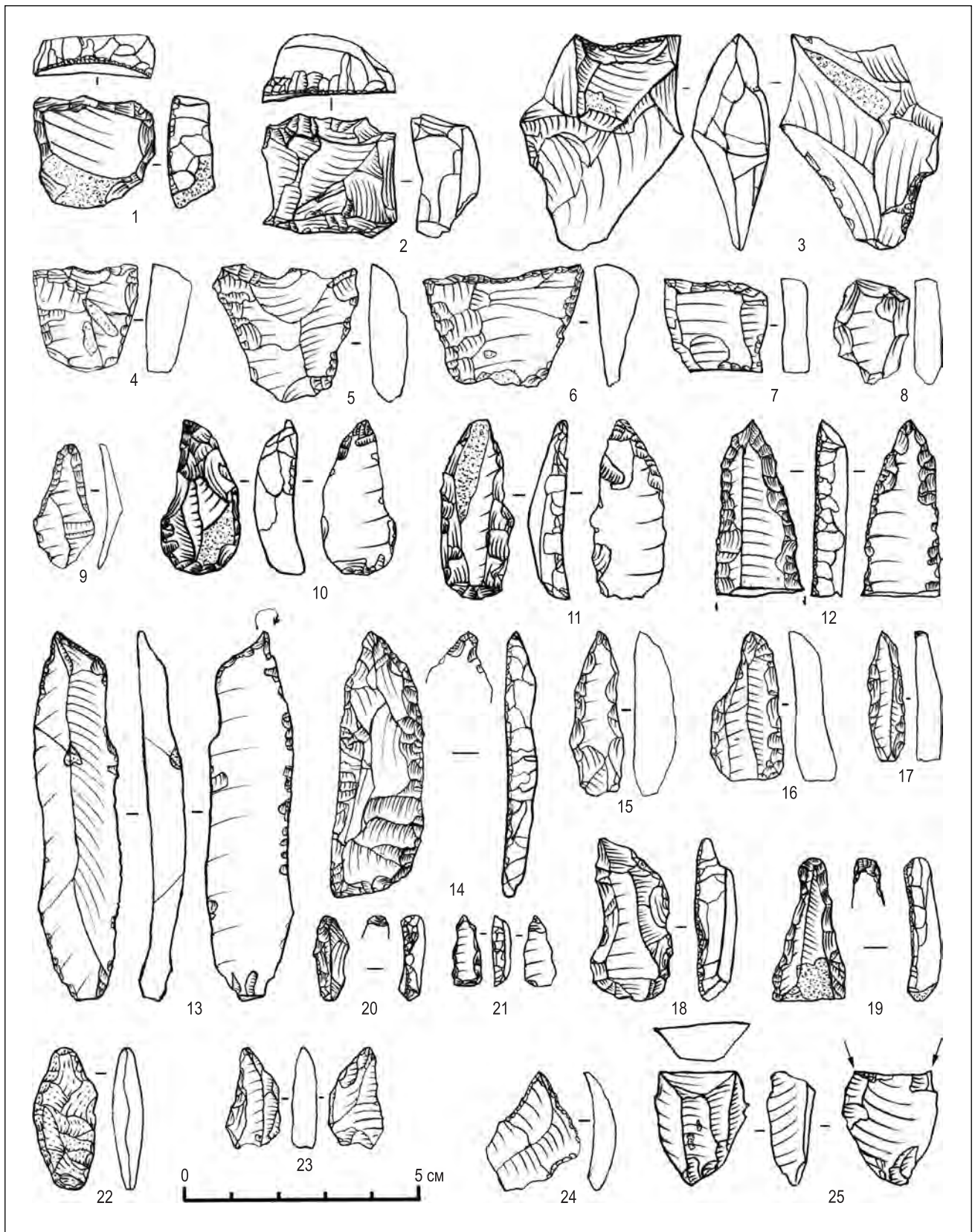

Рис. 5. Стоянка Черкасская. Изделия разных категорий из кремня и кварцита

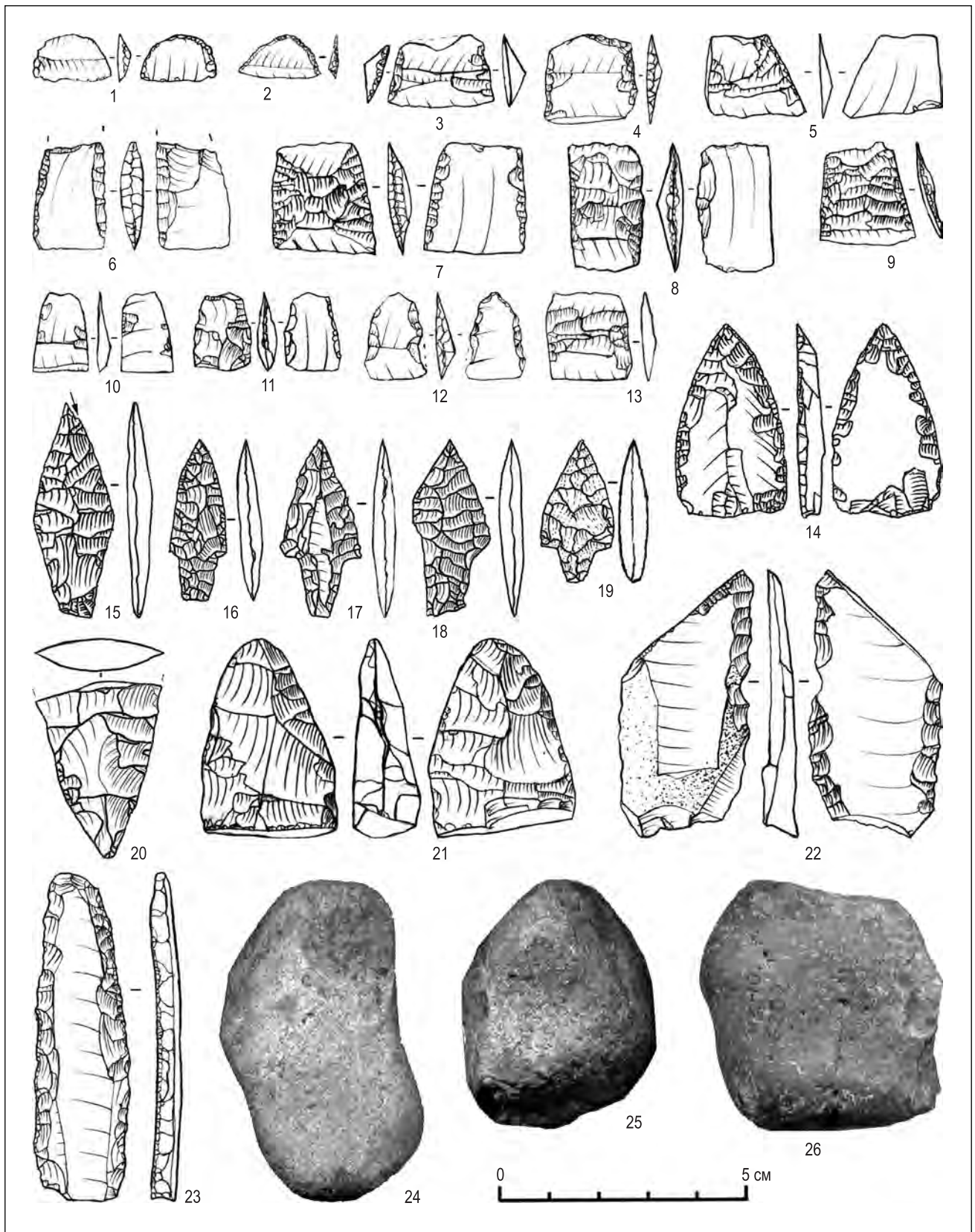

Рис. 6. Стоянка Черкасская. Инвентарь: 1–23 – изделия разных категорий (кремень); 24–26 – отбойники (камень)

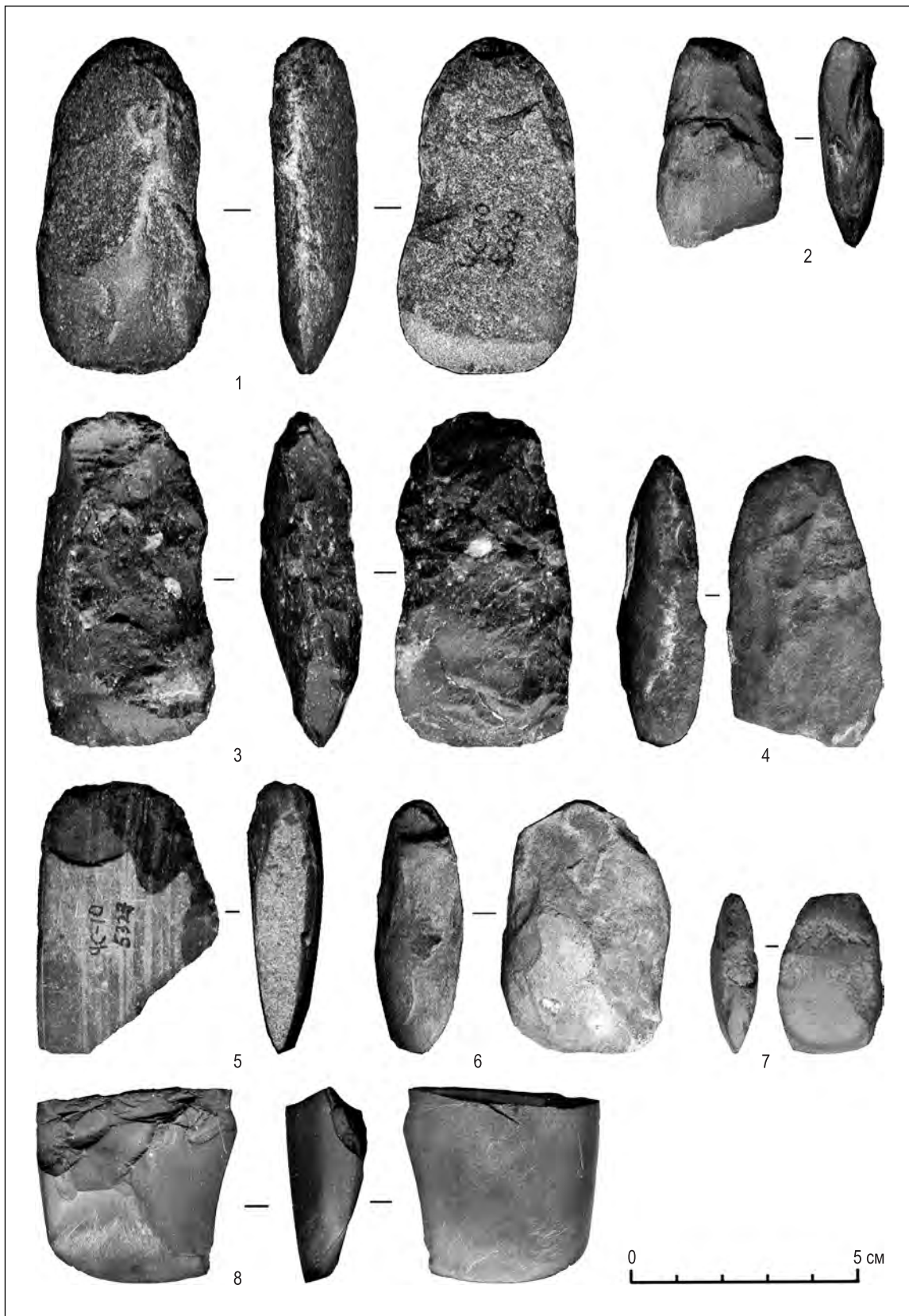

Рис. 7. Стоянка Черкасская. Орудия для деревообработки

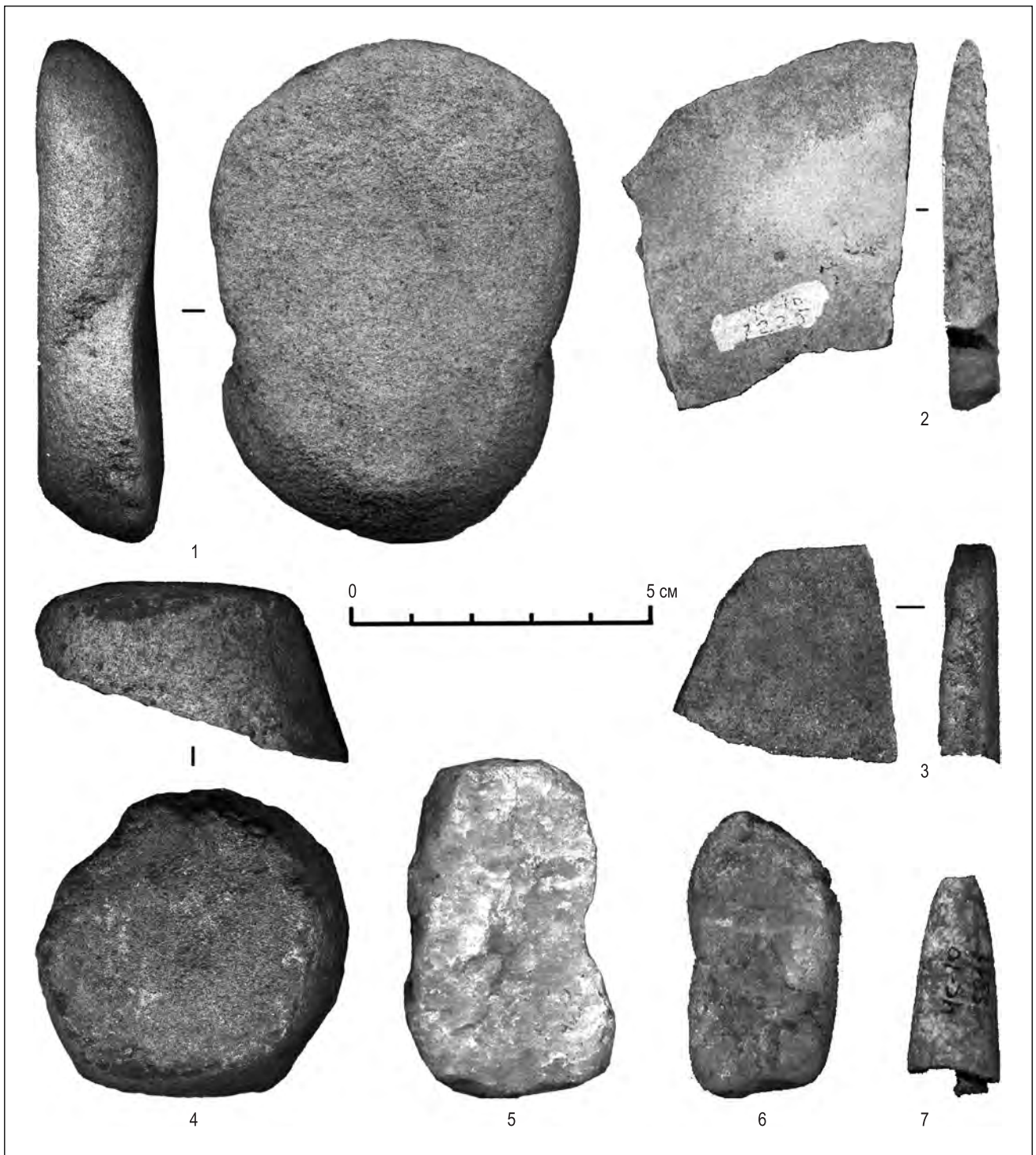

Рис. 8. Стоянка Черкасская. Изделия из песчаника (1–4), отбойники (5, 6), обломок белемнита (7)

(шиллев, прокол, наконечников). С одного торца по центру изделия имеется сильно заглаженный желобок. С обратной стороны через всю плоскую поверхность проходят по диагонали три неглубоких желобка, поверхность которых абразивная. Ещё одна поверхность – плоская, без абразивных свойств, заглажена (рис. 9: 2). Таким образом, можно предположить следующие операции с данным изделием. Первоначально заготовка дровка (либо костяного игловидного изделия) обрабатывалась на абразивной поверхности с диагональными желобчатými углублениями (стадия шлифовки), после чего на широкой плоской поверхности проводилась полировка, а заключительная обработка происходила на торцевом глубоком желобке для придания обрабатываемой поверхности лощения.

Отметим плоское изделие трапециевидной в плане формы, на рабочей части которого нанесён 21 зубчик (рис. 9: 3). Несомненно, это орнаментир для нанесения зубчатого (гребенчатого) штампа на керамику. Данной частью орнамента можно также было обрабатывать («расчѣсывание») поверхность изготавливаемой керамической посуды. Противоположная от зубчиков выпуклая часть изделия сильно заглажена и, возможно, использовалась как ложило для стенок неподсохшей посуды. К орнаментам можно отнести и обломок белемнита из культурного слоя памятника (рис. 8: 7). К изделиям неясного функционального назначения относится плоская плитка из осадочной породы, бывшая, видимо, квадратной в плане формы с закруглёнными углами. В центральной части изделия проточено углубление шириной до 0,8 см и глубиной 0,3 см, прямоугольное в сечении, повторяющее форму изделия. С внутренней стороны на плоской поверхности находятся множество параллельно расположенных проточин и одно углубление шириной до 0,6 см и глубиной до 0,2 см (рис. 9: 1).

Различные категории изделий из камня на исследованной площади памятника распределены неравномерно: если в раскопе 2009 г. выявлен всего один сегмент при отсутствии трапеций, то в раскопе 2010 г. – один сегмент, один параллелограмм и 12 трапеций. В 2009 г. обнаружено одно тесло, в 2010 г. – семь. В целом отметим преобладание крупных (шириной более 1 см) пластинчатых заготовок для изготовления орудий, геометрических микролитов со струганной спинкой, почти полное отсутствие резцов, что позволяет отнести основное количество полученных каменных артефактов к развитому неолиту – энеолиту.

Изделия из кости. Всего в раскопе насчитывается 1621 изделие из кости (15 % общего числа находок): 297 экземпляров – целых, нерасщеплённых и нерасколотых. Из остального остеологического материала выделяется 41 костяное изделие, разделённое нами на три группы: 1. Предметы вооружения или орудия присваивающих отраслей хозяйства; 2. Орудия труда или орудия домашних производств; 3. Украшения и культовые предметы.

1. *Предметы вооружения или орудия присваивающих отраслей хозяйства.* Выделяются категории изделий – наконечники стрел (дротиков), гарпунов и острог, кинжалы, рыболовные крючки.

Наконечники стрел и дротиков – следующих типов: с биконической головкой, без разделителя (рис. 10: 1); узкие плоские черешковые (рис. 10: 2, 7, 11); плоско-выпуклые (рис. 10: 3, 5, 8, 9); трёхгранный (рис. 10: 4).

Наконечники гарпунов и острог – нескольких разновидностей: крупнозубчатые (рис. 10: 14), мелкозубчатые (рис. 10: 15) и однозубчатые (рис. 10: 12). Все изделия однорядные.

Одно массивное изделие отнесено к пешне (рис. 11: 3).

Рыболовный крючок – один, представлен обломком (рис. 10: 10).

2. *Орудия труда или орудия домашних производств.*

К данной категории костяных изделий мы отнесли острия (проколки и шилья), скребки, шпатели, ложила, орудия для обработки почв (совки, мотыги) и прочие.

Острия, представленные различными проколками и шильями, – самая многочисленная группа костяных изделий на памятниках неолита – энеолита Среднего Дона (рис. 10: 6, 13, 21, 22). В большинстве своём изготавливались из фрагментов костей животных, однако одно из них оформлено из зуба животного (рис. 10: 13).

Выделяются всего два изделия, которые можно отнести к ложилам либо шпателям, то есть орудиям для обработки шкур или керамики. На их поверхностях чётко заметны следы залощения и заполировки (рис. 10: 16, 17).

Два крупных изделия можно отнести к совкам, то есть орудиям для выборки грунта. Один экземпляр представлен лопаточной костью крупного животного; рабочая часть – дугообразной формы с кромкой, заострённой приблизительно под 45 градусов (рис. 11: 2). Второй экземпляр представляет собой изделие, одна сторона которого широкая и плоская, а противоположная – заострённым выступом, возможно, предназначенным для рыхления грунта (рис. 11: 1).

Также к этой группе достаточно условно можно отнести вилкообразное изделие – двузубец (рис. 10: 20), полые трубочки из костей птиц (рис. 10: 18, 19).

К третьей категории костяных изделий относятся украшения – подвески и нашивки. Имеющиеся подвески представляют собой зубы животных с нарезками на корневой части (рис. 11: 4). У одного изделия, отнесённого нами к костяной подвеске, нижняя часть обломана. Возможно, это было орудие типа проколки или орнамента, поэтому принадлежность его к категории подвесок весьма условна (рис. 11: 5). Нашивки типа пекторали изготовлены из фрагментов клыков кабана (рис. 11: 7, 8), одна пластинка – «мариупольского» типа (рис. 11: 6). Ещё один обработанный и залощенный фрагмент клыка кабана также мог использоваться как нашивка (рис. 11: 9).

Керамика. Выявлена в количестве 7321 фрагмента (около 66 % общего числа находок). К неолитической керамике нами отнесены 3583 фрагмента (включая керамику черкасского типа), к энеолитической –

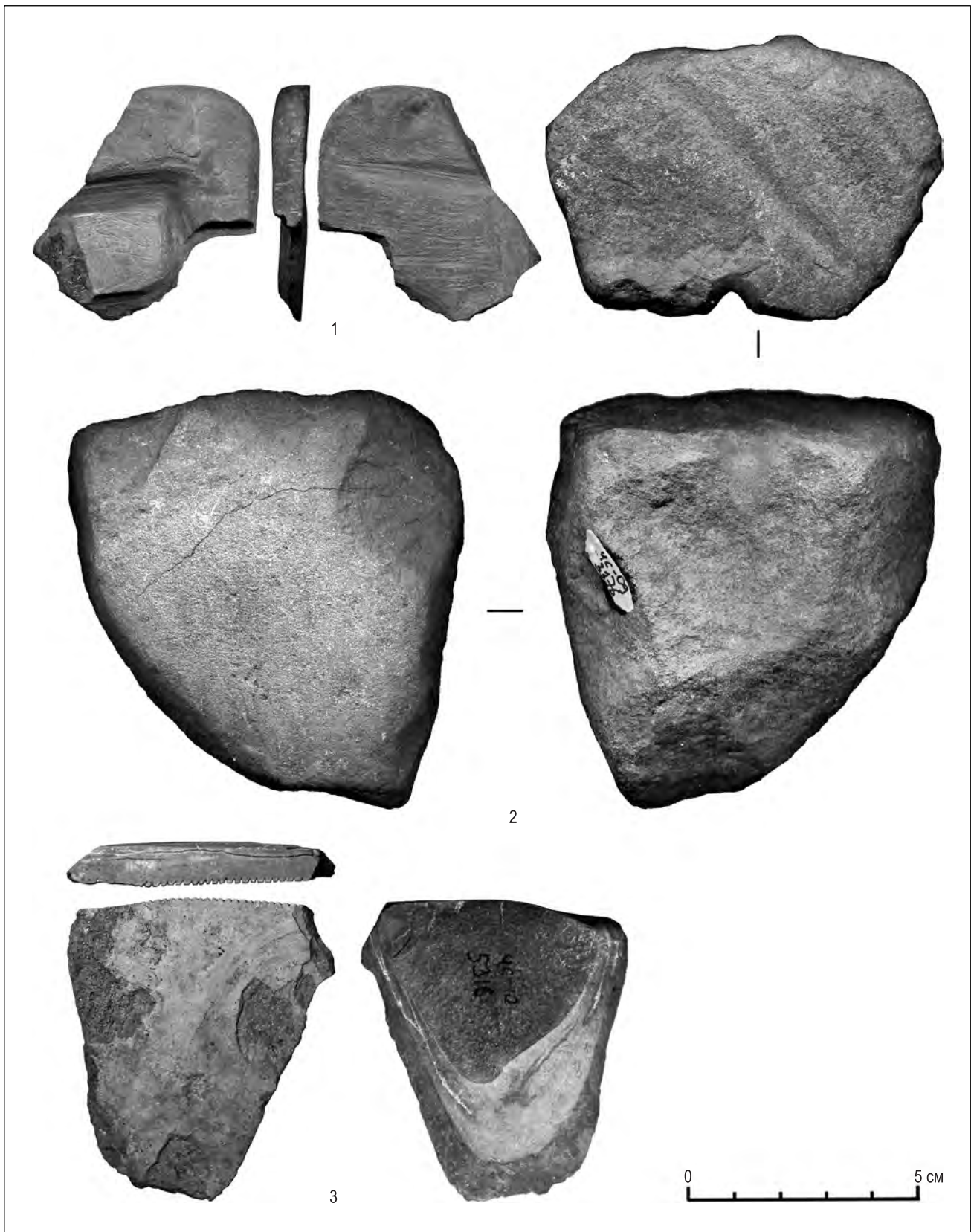

Рис. 9. Стоянка Черкасская. Изделия из мягких пород камня

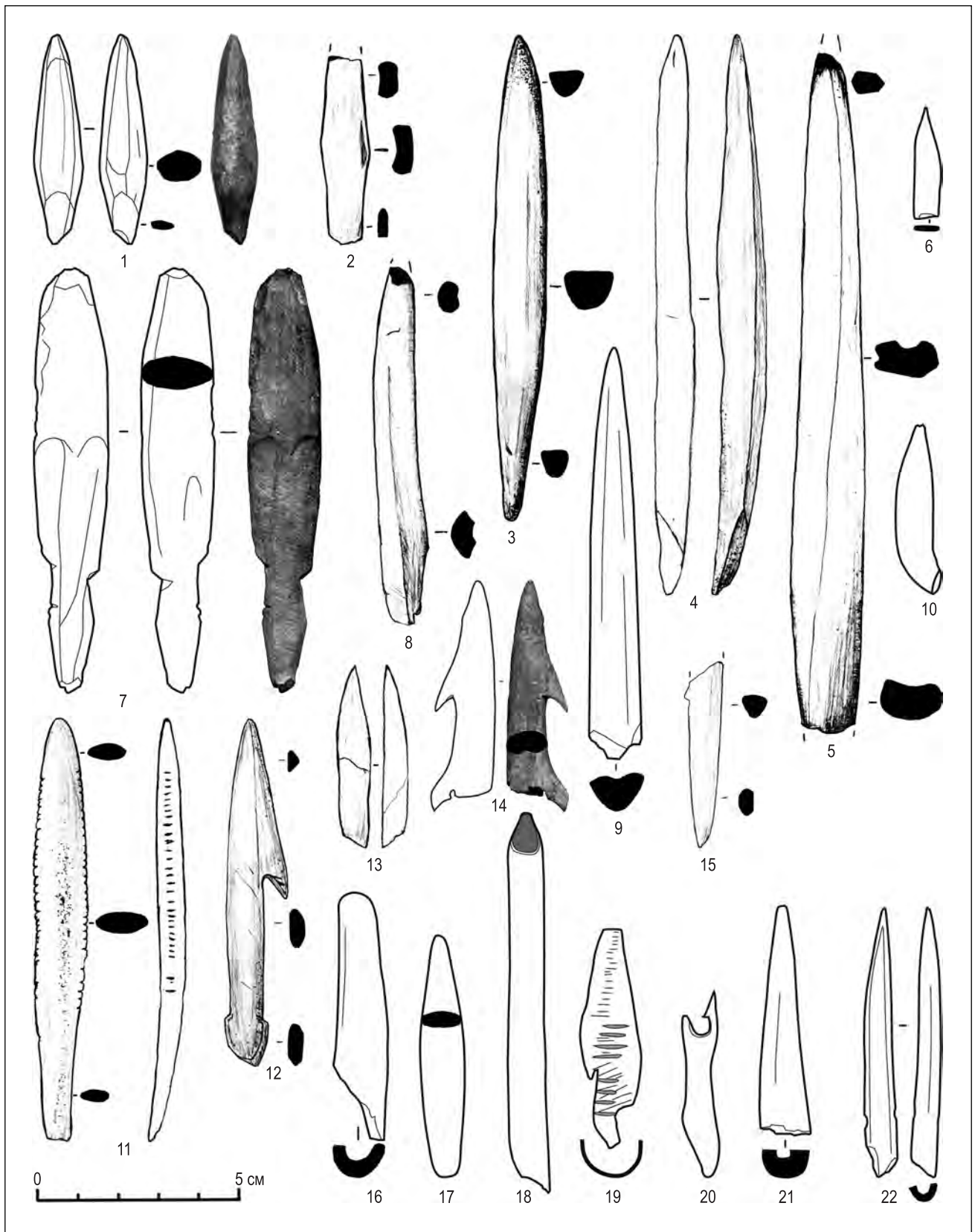

Рис. 10. Стоянка Черкасская. Изделия разных категорий. Кость

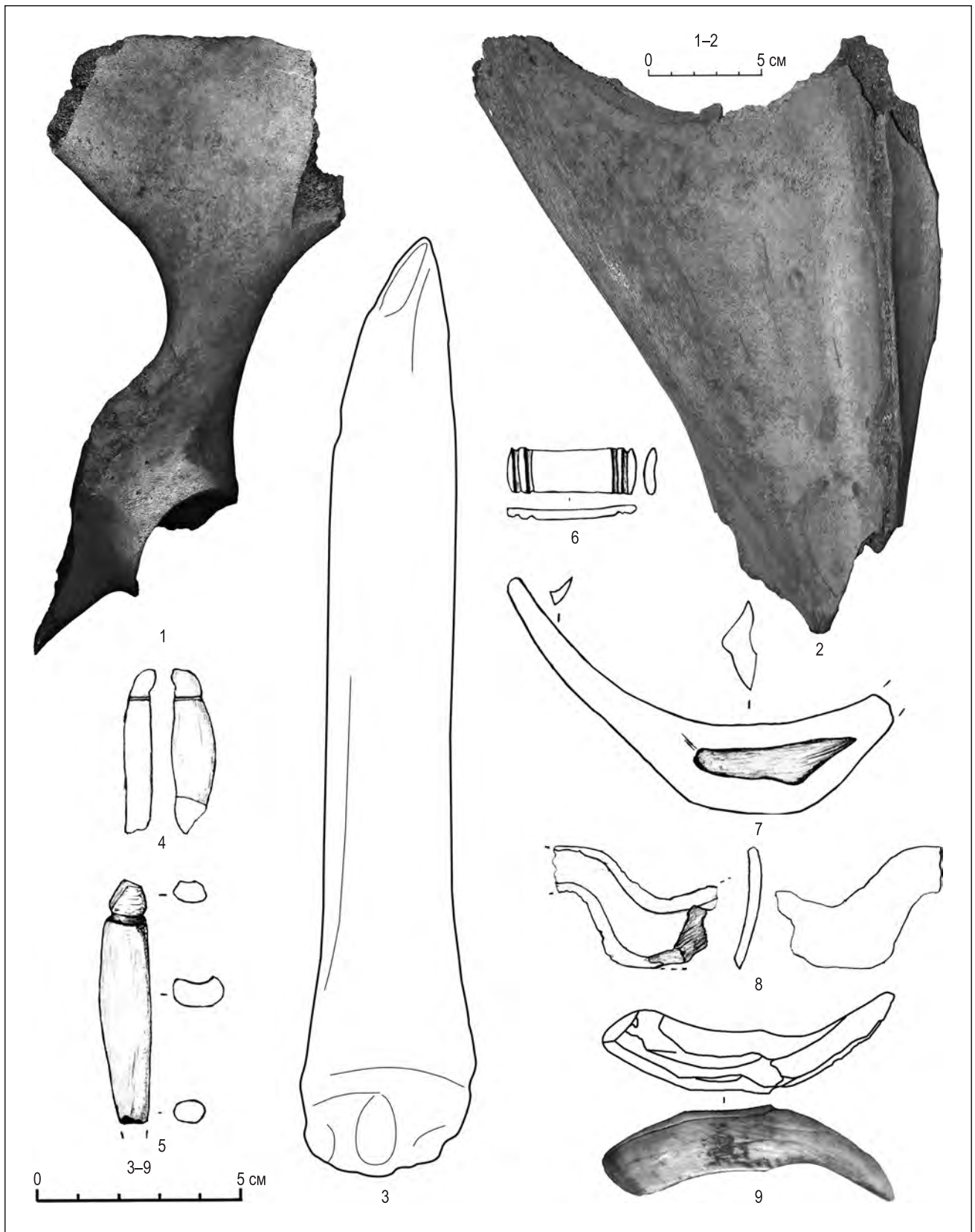

Рис. 11. Стоянка Черкасская. Изделия из кости разных категорий (6–9 – клыки кабана)

3501 фрагмент, к эпохе бронзы – 206 фрагментов; керамика раннего железного века (12 фрагментов) и XVIII–XIX вв. н.э. (19 фрагментов) малочисленна. Керамический материал зачастую сильно фрагментирован, поэтому при статистических выкладках будут указываться количественные данные по сосудам, подсчёт которых проводился по наличию венчиков достоверно различных сосудов.

Неолитическая керамика. Представлена фрагментами не менее чем 212 сосудов. Самая многочисленная группа неолитической керамики (приблизительно 180 сосудов) отнесена мной к *среднедонской* культуре. Данная керамика характеризуется запесоченным тестом, в редких случаях – сочетанием песка и органики. Внешние поверхности сосудов, как правило, – без расчёсов, внутренние – покрыты горизонтальными либо геометрически выстроенными расчёсами. Цвет фрагментов – в основном серый, иногда коричневый, красно-коричневый или жёлто-коричневый, в изломе черепки чёрного либо серого цвета. Венчики принадлежали, как правило, прямым сосудам, имели один или два горизонтальных ряда ямочных вдавлений (рис. 12: 1–4, 5, 8, 10, 11, 14; 13: 1, 4). Всего в коллекции имеются венчики 34 сосудов без ямочных поясков (рис. 12: 4, 7, 9, 12, 13, 15, 16, 18, 20, 21). Ямочные вдавления – в основном овальной в плане формы, реже – круглой; иногда наносились очень глубоким наколом в основном прямоугольной либо трапециевидной формы (рис. 12: 6; 13: 2). Имеются (5 экз.) желобчатые венчики (рис. 13: 14). Встречен приём сглаживания на внутренней поверхности сосудов негативов ямочных вдавлений. Срез венчиков – в основном округлой формы, уплощён либо приострѐн.

Основной элемент орнамента – накол (рис. 12; 14: 1–7). Преобладает мелкий накол треугольной формы, в том числе и спаренный, реже встречен крупный треугольный накол; имеющийся трапециевидный накол – также в основном крупных размеров. Редко посуда орнаментировалась коротким зубчатым штампом в 3–6 зубцов (рис. 13: 1, 3–5, 12; 14: 3), прочерченными линиями (рис. 13: 2, 10), гладким изогнутым штампом (рис. 13: 11), их сочетанием. Один крупный фрагмент округлого донца и фрагмент придонной части можно отнести к среднедонской керамике (рис. 14: 1, 3). В орнаментальном построении господствует горизонтальная зональность (рис. 12: 1, 2, 4, 5–9, 11–18, 20–23, 26; 13: 1, 2, 12, 14; 14: 1, 3, 7) с проявлением геометрических мотивов (рис. 12: 3, 10, 19, 24, 25, 27; 13: 2, 10; 14: 4–6). В целом отметим, что керамика среднедонской культуры типична для развитого и позднего её этапов. По нагару с фрагмента накольчатой керамики среднедонской культуры была получена дата (AMS метод) 5997 ± 33 BP или 4985–4795 CalBC (Hela-3771) [3].

Незначительная часть (фрагменты приблизительно 30 сосудов) неолитической посуды характеризуется несколькими иными технико-типологическими показателями, которые принято соотносить с керамикой местного происхождения. Так, к одной группе я отнёс керамику с примесью дресвы, с наличием в орнаментации «белемнитных» ямок, с «личиночным» или накольчатым орнаментом (рис. 13: 7–9, 15; 14: 8). К этой группе близки фрагменты двух профилированных венчиков, однако их тесто – запесоченное (рис. 13: 4, 5). Подобная керамика характерна для севера лесостепной зоны Подонья и относится к кругу культур с ямочно-гребенчатой керамикой.

Ещё одна группа керамики отличается от типичной среднедонской неолитической обильной примесью органики либо раковины в тесте. Интересны фрагменты биконического сосуда с гребенчато-накольчатой орнаментацией (рис. 13: 6), а также фрагмент шиповидного донца с накольчатым орнаментом (рис. 14: 2). Эта группа керамики нетипично орнаментирована: прочерченные линии, образующие сетку (рис. 13: 13), ёлочку (рис. 14: 9), сочетание прочерченно-накольчатого орнамента при вертикальной зональности (рис. 14: 10), оттиски панцыря улитки (рис. 14: 11). Подобная керамика наиболее характерна для лесостепи и степи к югу и западу от Среднего Подонья.

Керамика черкасского типа. Сочетает в себе признаки среднедонской неолитической культуры (запесоченное тесто, накольчатый орнамент, ямочный пояс) и культур раннего и развитого энеолита (воротничковое утолщение по венчику либо резкая профилировка венчика) при собственном своеобразии (обязателен приём гофрировки или орнаментации среза венчика или, при отсутствии таковых признаков, – орнаментация внутренней поверхности).

Всего в культурных отложениях стоянки выявлены фрагменты не менее чем 80 сосудов черкасского типа, которые можно разделить на две группы: с воротничковым утолщением венчика и без такового. Последние, как правило, с S-видным профилем. Тесто – плотное, запесоченное, иногда в сочетании с органикой или раковиной. Всего 23 сосуда имели следы расчёсов на внутренних поверхностях.

Ямочные пояски, расположенные в месте перехода от венчика к тулову, встречены на 46 сосудах (рис. 15: 1–7, 9–14; 16: 1–5, 7, 8; 17: 1–3, 5–8, 10, 12). Те фрагменты, на которых отсутствует ямочный пояс, в основном обломаны до зоны перехода венчика в тулово (рис. 17: 4, 9, 11). Ямки, как правило, глубокие, округлые, реже – прямоугольной формы, на внутренней стороне сосудов оставляют негативы – жемчужины. Ямки наносились не только по венчику, но и по тулову (рис. 16: 1, 3). Все фрагменты, кроме одного гребенчатого (рис. 15: 3), орнаментированы наколами, в одном случае – сочетанием наколов и прочерков (рис. 17: 3). Наколы – в основном раздельно поставленные, реже – с протаскиванием орнамента по поверхности сосуда (рис. 15: 13; 17: 8, 11). В десяти случаях наколами орнаментировалась внутренняя поверхность венчика (рис. 15: 2, 4, 10; 17: 11, 12). Орнамент образовывал горизонтальные линии, часто чередующиеся с диагональными. Воротничковые утолщения отмечены на фрагментах 51 сосуда. Они – как массивные, так и миниатюрные, едва выделенные, треугольные или широкие уплощённые (рис. 15: 1–4, 6; 16; 17: 1–4, 6–10, 12). Остальная посуда – без воротничков, в одном случае с внутренним наплывом-утолщением (рис. 15: 9).

По нагару с фрагмента сосуда с накольчатым орнаментом черкасского типа с воротничковым утолщением была получена дата (AMS метод) 5763 ± 32 BP или 4710–4535 CalBC (Hela-3884) [3].

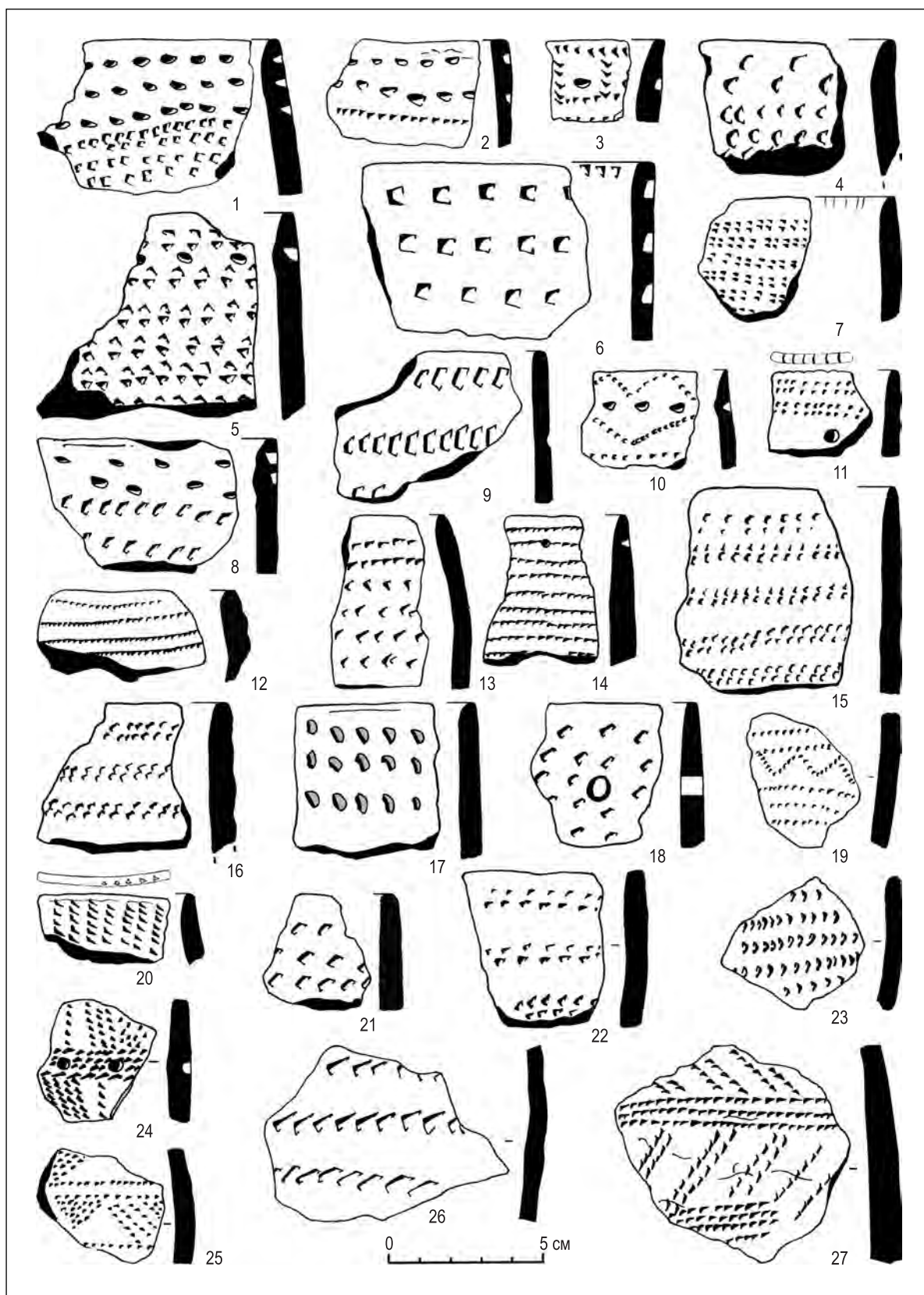

Рис. 12. Стоянка Черкасская. Неолитическая керамика с накольчатым орнаментом

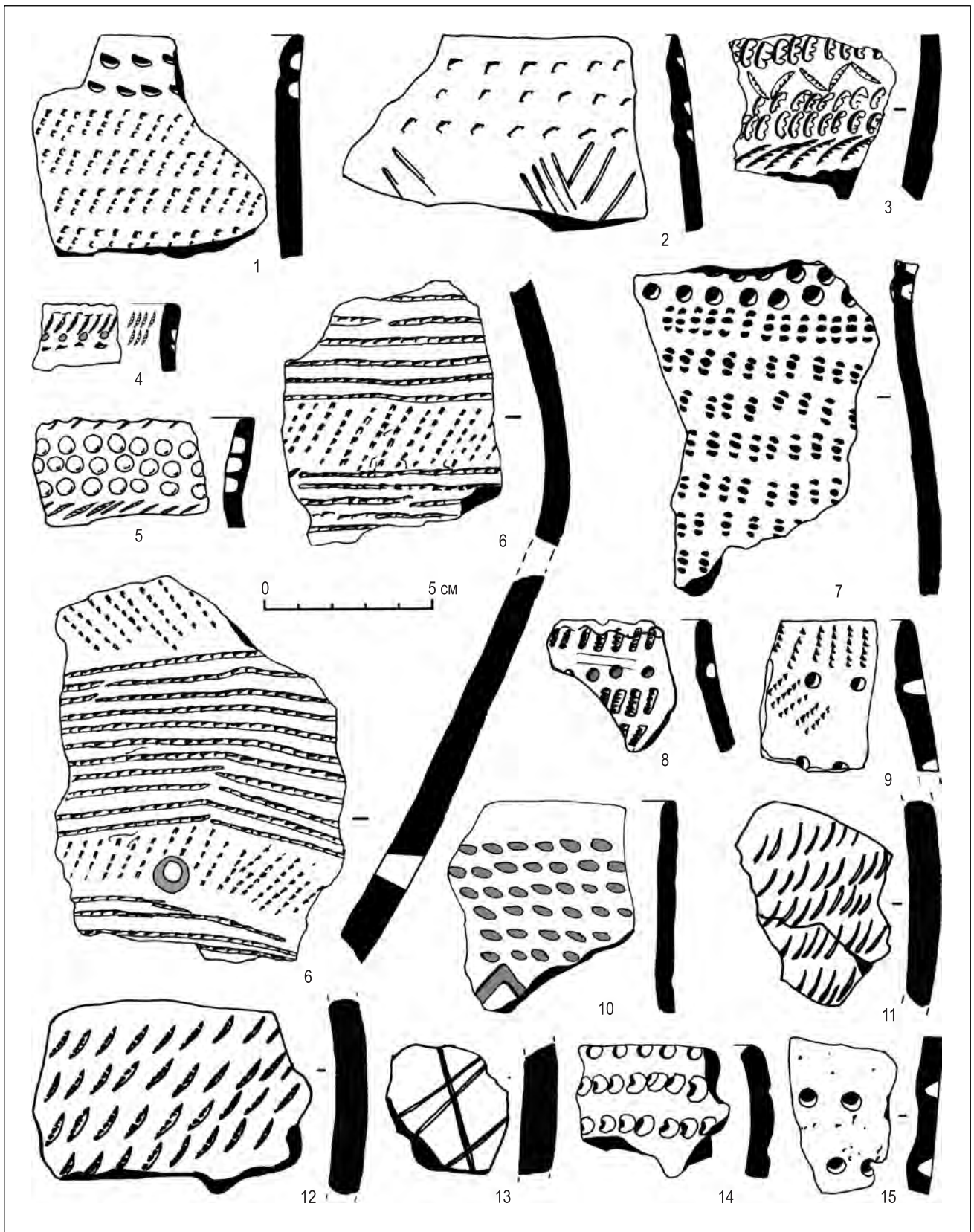

Рис. 13. Стоянка Черкасская. Неолитическая керамика

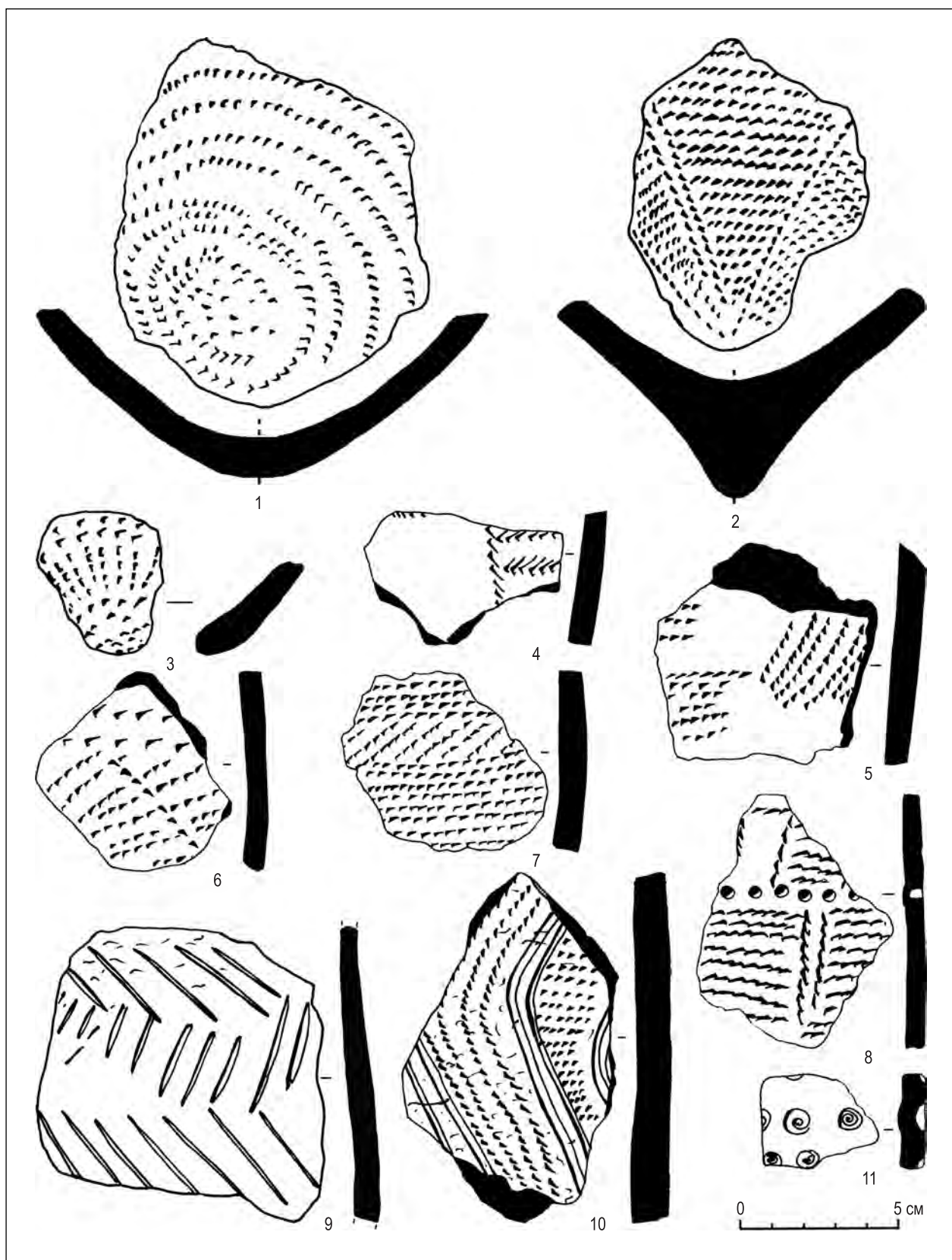

Рис. 14. Стоянка Черкасская. Неолитическая керамика

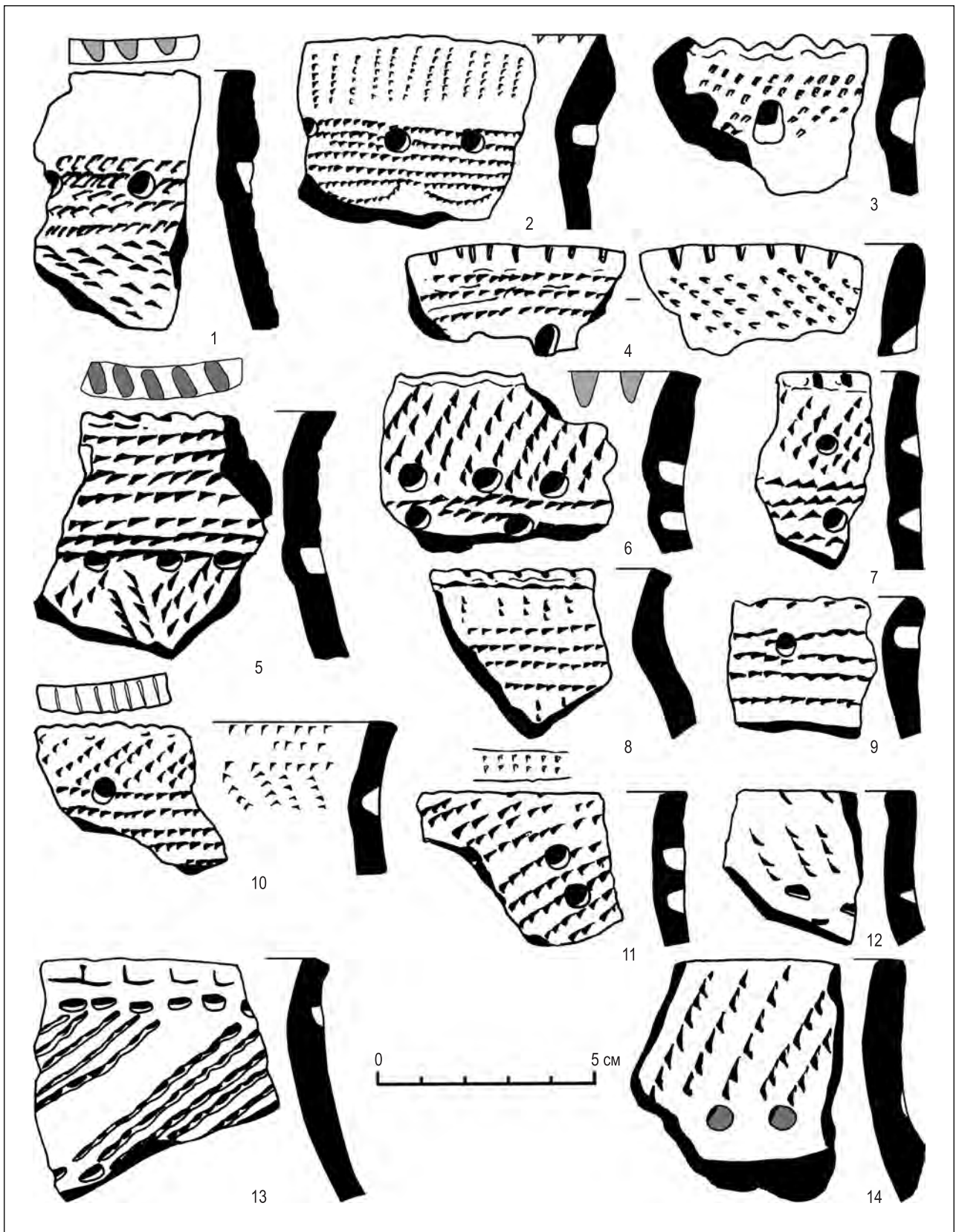

Рис. 15. Стоянка Черкасская. Керамика черкасского типа

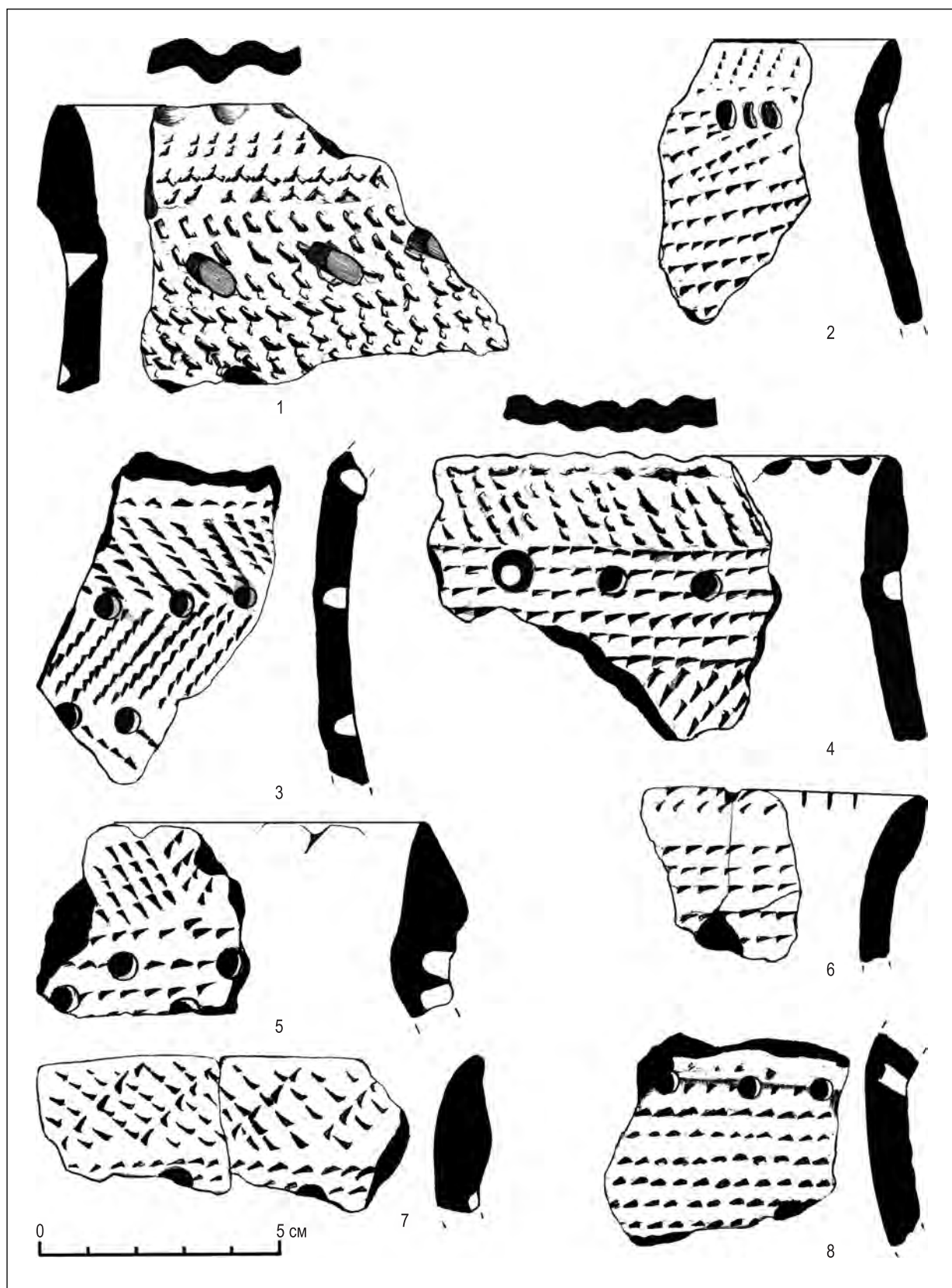

Рис. 16. Стоянка Черкасская. Керамика черкасского типа

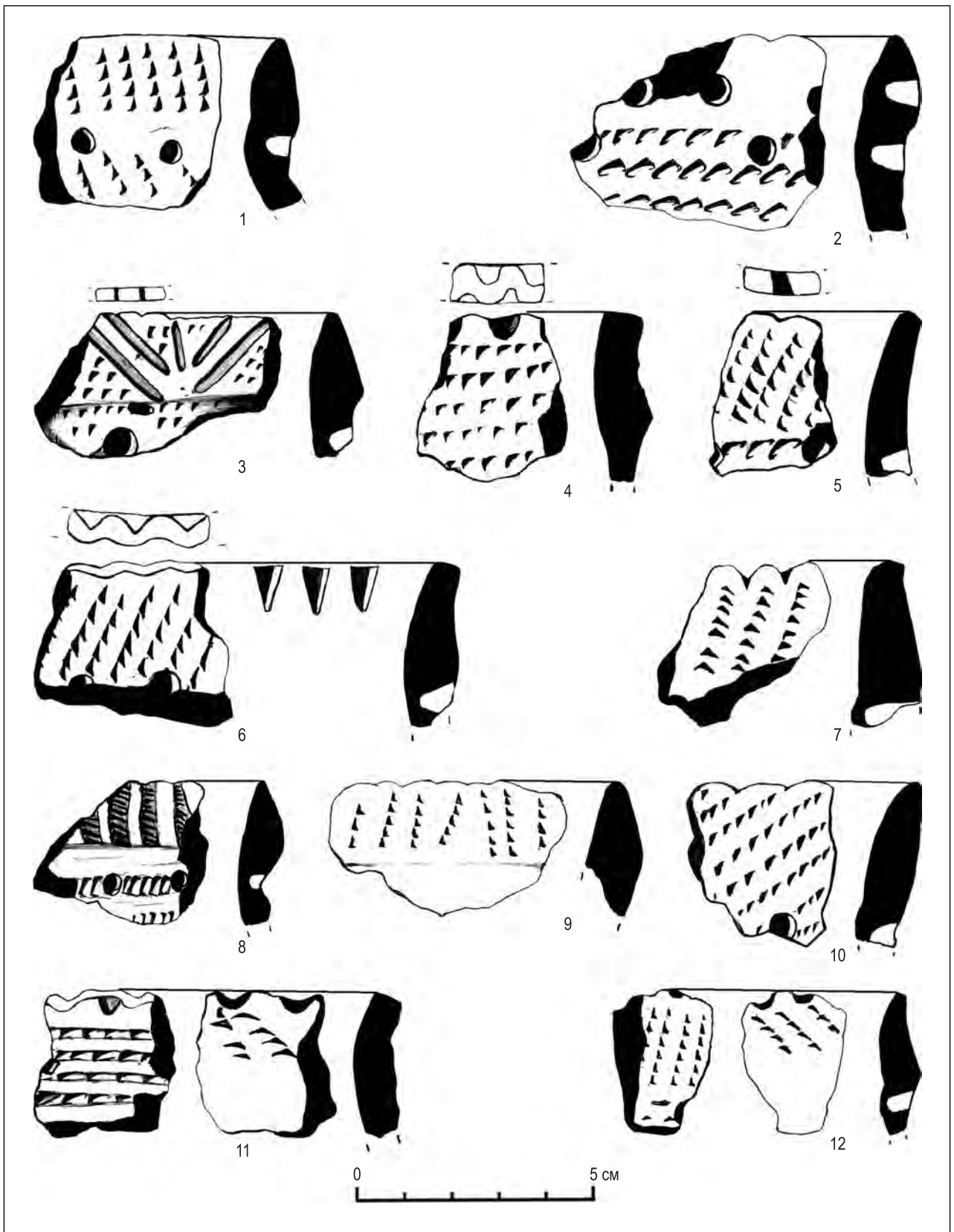

Рис. 17. Стоянка Черкасская. Керамика черкасского типа

Энеолитическая керамика делится на три культурно-хронологических группы: нижнедонскую, средне-стоговскую и репинскую.

Керамика **нижнедонской** культуры включает в себя фрагменты 114 сосудов. Она характеризуется лёгким, пористым тестом с содержанием примеси раковины либо органики, иногда мелкого песка, или же сочетанием вышеотмеченных отощителей. Особенностью этой керамики следует считать следы на поверхностях от выгоревшего вещества, возможно перьев, травы или водорослей. Цвет керамики – серый, реже серо-жёлтый, в изломе – чёрный. Керамика толстостенная, в основном без расчёсов (многие фрагменты сильно замыты) или же с крупными горизонтальными расчёсами на внутренней поверхности.

Типология керамики мариупольской культурно-исторической области (КИО) Днепро-Донского междуречья была разработана Н.С. Котовой [4], причём первоначально применена именно на материалах Черкасской стоянки [5]. Вся раннеэнеолитическая керамика стоянки Черкасская разделена (по типологии Н.С. Котовой) на две группы: воротничковую (рис. 18–19) и безворотничковую (рис. 20), с выделением внутри групп типов и вариантов [4, рис. 7]. Для статистической обработки нами были выбраны фрагменты 80 сосудов, размеры которых позволяли уверенно не только соотнести их с той или иной группой, но и разделить на типы и варианты внутри групп.

К первому типу воротничковой группы, по типологии Н.С. Котовой, относятся сосуды с узким валикообразным воротничком, ко второму – сосуды с широким плоским воротничком с отношением ширины к высоте воротничкового утолщения 1:2 и более. Внутри типов были выделены по два варианта. Первый вариант – воротничок сделан на кососрезанном вовнутрь крае, однако такая керамика в раскопе 2009–2010 гг. не выявлена. Второй вариант первого типа – сосуды без косого среза на внутренней стороне венчика, которые поделены на две разновидности: с профилированным (34 сосуда) либо непрофилированным (5 сосудов) венчиком. У данного варианта керамики тесто сосудов изготавливалось с примесью органики либо сочетания органики и раковины (приблизительно в одинаковой пропорции), в единичных случаях – только раковины, или сочетания органика+песок, раковина+песок.

Второй тип воротничковой группы также делится на два варианта по наличию или отсутствию косого среза внутрь сосуда. Аналогично первому типу воротничковой группы, керамики второго типа с широким и плоским воротничком при косом срезе воротничка (1 вариант) не встречена. Имеются 12 сосудов второго варианта второго типа с профилированным венчиком и всего один сосуд этого же варианта второго типа с прямым венчиком. Сосуды второго варианта изготовлены в основном с примесью органики, по два образца – с примесью органика+песок и раковина+песок, в одном случае – только раковины.

Во второй, безворотничковой, группе выделяются два типа – непрофилированные и профилированные сосуды. Первый тип разделён на три варианта: с кососрезанным вовнутрь краем венчика, иногда с напылом внутри (3 образца; рис. 20: 2, 8), с кососрезанным вовнутрь краем венчика, немного оттянутым наружу (4 образца; рис. 20: 1, 3, 5, 10), без косого среза вовнутрь (7 сосудов; рис. 20: 7). Сосуды второго типа обладают высокими венчиками, отогнутыми наружу. Их первый вариант отличается краем, который тоньше перехода тулова к венчику (10 сосудов), у второго варианта край венчика одинаковой толщины с переходом в тулово (6 сосудов, рис. 20: 4). Есть один безворотничковый фрагмент венчика сосуда, выбивающийся из данной типологии, у которого край толще его основания (рис. 20: 6). Среди безворотничковой группы керамики по примесям количественно выделяются сосуды только с органикой или с органикой и раковинной, единично применение остальных видов примесей (раковина, раковина+песок, органика+песок).

Диаметр сосудов не показывает чёткой стандартизации: есть сосуды диаметром по венчику как свыше 30 см (рис. 18: 1, 2; 19: 10, 13; 20: 4), так и менее 14 см (рис. 18: 3; 19: 1, 7; 20: 6, 7).

На значительной части керамики (25 %) под венчиком имеется ямочный пояс (рис. 18: 1, 5, 6; 19: 1, 3, 5–7, 14; 20: 1, 2). Редок приём орнаментации среза венчика (рис. 19: 1, 3, 6; 20: 4), причём для воротничковой группы почти во всех случаях он сочетается с ямочным пояском. Единоразы орнаментировалась внутренняя часть воротничкового венчика (рис. 19: 13).

Донце в коллекции нижнедонской керамики одно: острое, орнаментированное гладким коротким изогнутым штампом (рис. 19: 9).

Для нижнедонской керамики преобладающим (62 %) орнаментом выступал гребенчатый (рис. 18: 2, 6, 7; 19: 1, 2, 7, 8, 12, 13; 20: 3, 6, 8). Значительная часть (20 %) фрагментов керамики, включённых в анализ, не орнаментировалась (рис. 18: 4; 19: 3, 5, 11; 20: 7). Прочерченные линии, наборы, ямчатые вдавления, а также сочетания этих элементов (гребенчато-накольчатое, гребенчато-прочерченное, гребенчато-ямчатое, прочерчено-накольчатое) составляют орнаментацию оставшейся части (18 %) керамики (рис. 18: 1, 3, 5; 19: 4, 6, 9, 10, 14; 20: 1, 2, 4, 5, 10–12). Следует отметить два фрагмента одного сосуда, орнаментированного диагональными рядами двузубого гребенчатого штампа и маленькими ямчатыми вдавлениями, расположенными концентрически (рис. 20: 9).

Стратиграфически воротничковая и безворотничковая нижнедонская керамика не разделяются.

Для вышеописанной керамики раннего энеолита отметим важную особенность: высокий процент (25 %) ямочных поясков под венчиком и применение крупного накольчатого орнамента, что, безусловно, является местным неолитическим влиянием. Два фрагмента керамики нижнедонской культуры были продатированы в Киевской радиоуглеродной лаборатории: 5930±90, 1σ 4940–4690 BC (K1-16641) (см. рис. 19: 2) и 5710±90, 1σ 4690–4450 BC (K1-16642) (см. рис. 19: 5).

Керамика **средне-стоговской** культуры представлена фрагментами 82 сосудов. Она имеет примесь измельчённой раковины в тесте, поверхности серого цвета, иногда со следами расчёсов. Толщина стенок – от 0,5 до 1 см. Реконструируемый диаметр сосудов по венчикам – в среднем от 18 до 24 см.

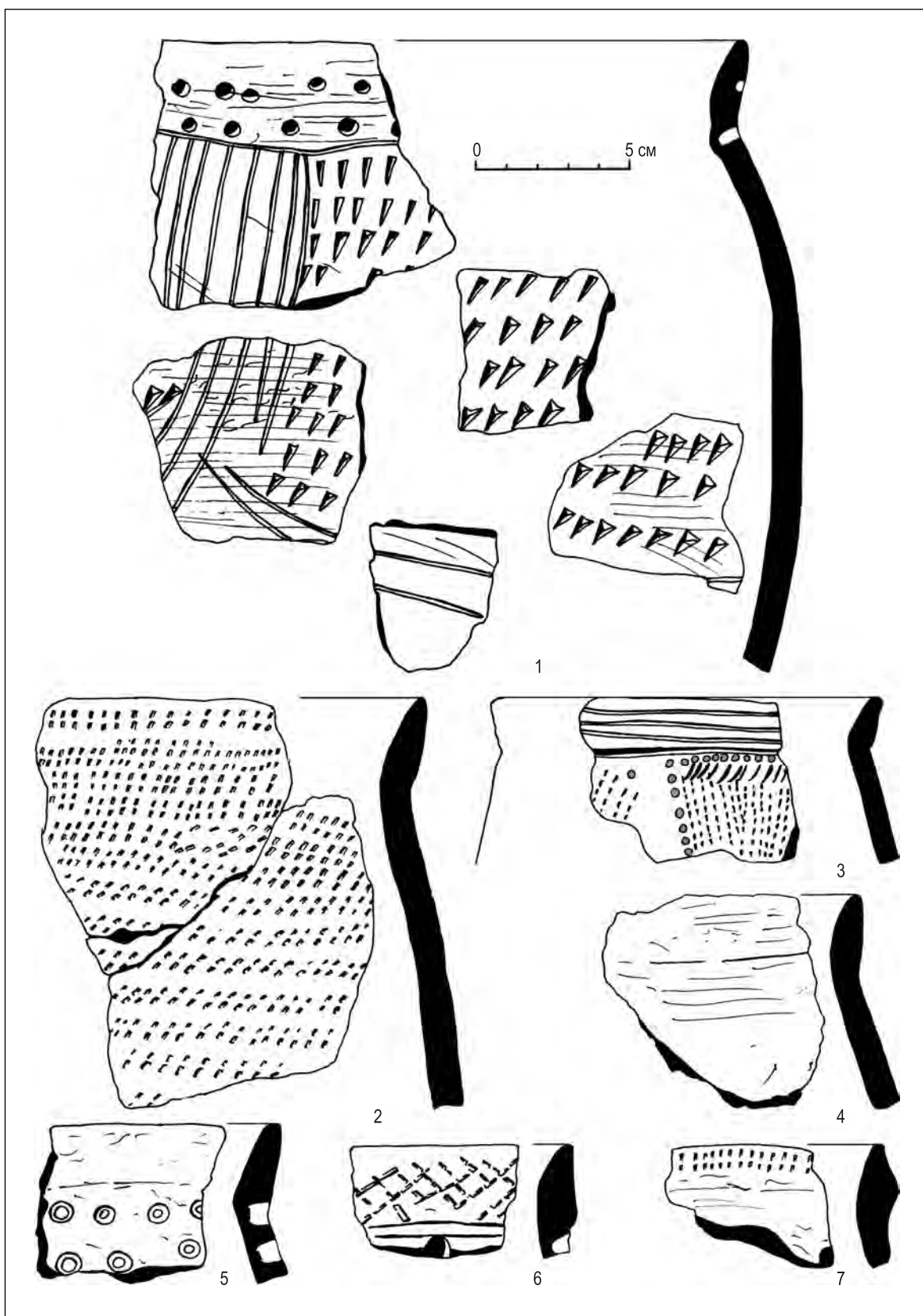

Рис. 18. Стоянка Черкасская. Энеолитическая керамика. Нижнедонская культура

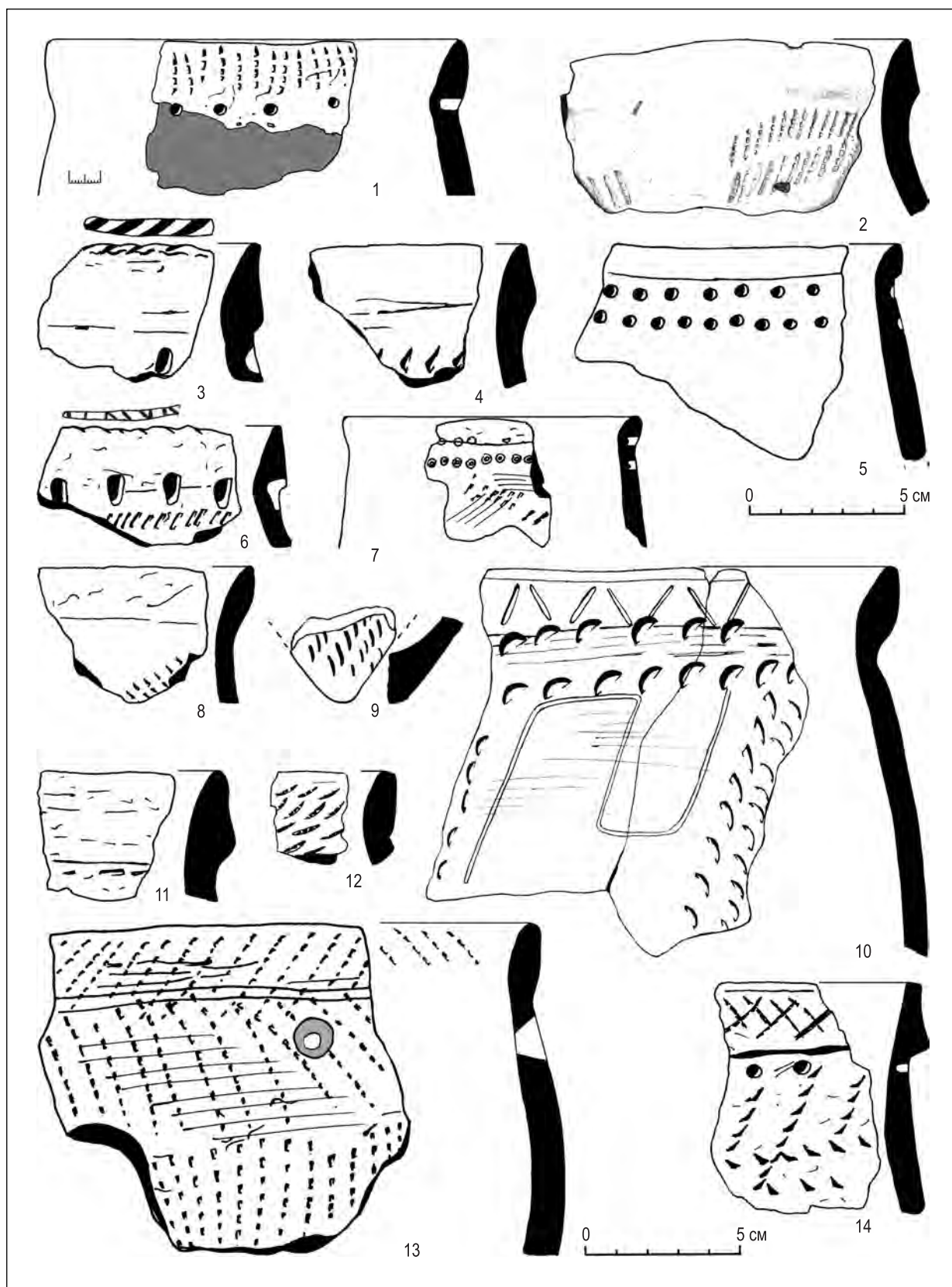

Рис. 19. Стоянка Черкасская. Энеолитическая керамика. Нижнедонская культура

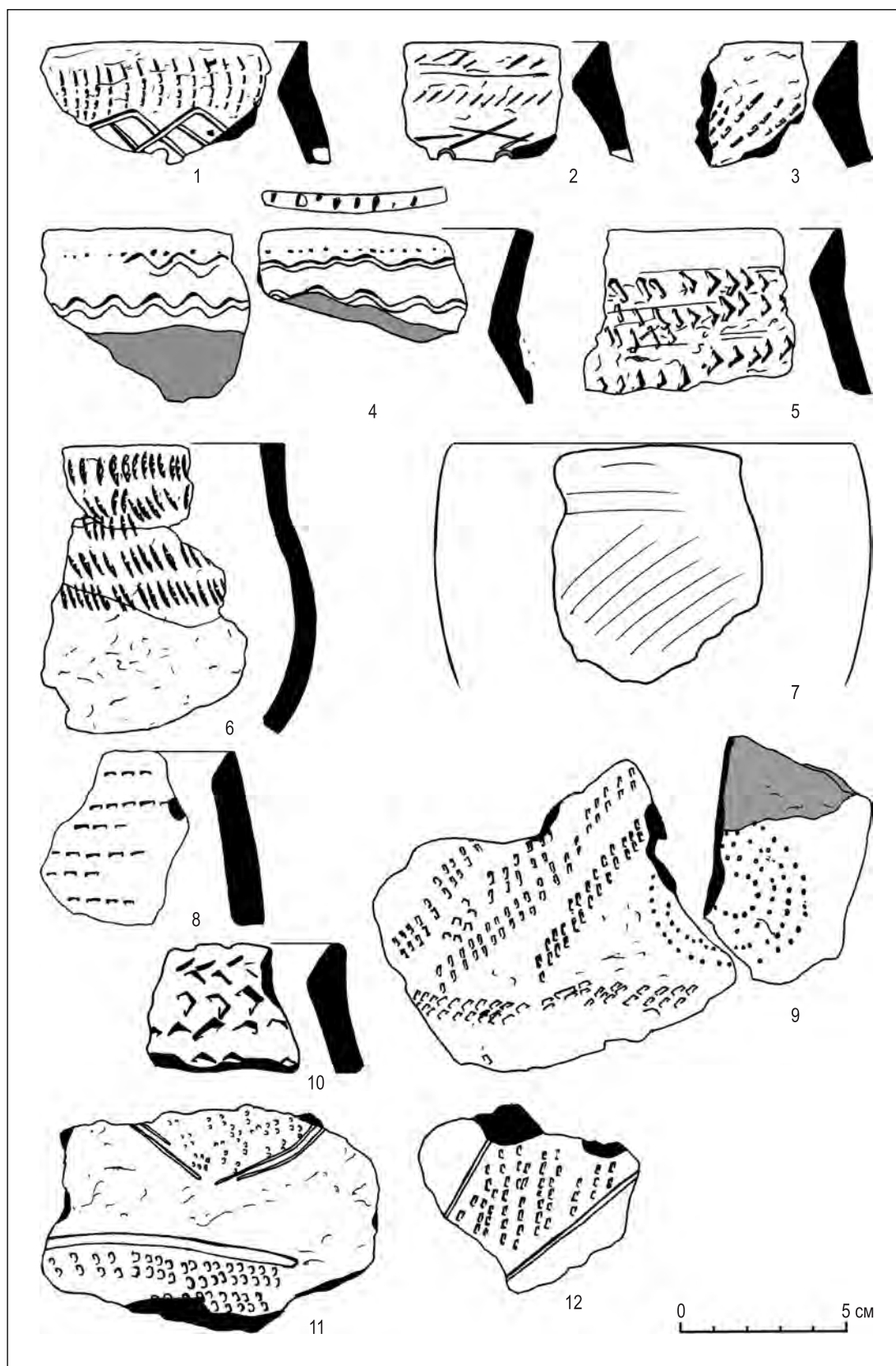

Рис. 20. Стоянка Черкасская. Энеолитическая керамика. Нижнедонская культура

По высоте венчиков среднестоговская керамика делится на три группы: до 3 см (44 сосуда, или 54 %), от 3,1 см до 5 см (16 сосудов, или 20 %) и свыше 5 см (4 сосуда, около 5 %), – остальные фрагменты венчиков сильно фрагментированы и в данном контексте не учитывались (18 сосудов, или 21 %).

Горло сосудов – трёх основных форм: S-видное плавно отогнутое (16 сосудов, или 20 %), резко отогнутое, с внутренним ребром (48 сосудов, или 58 %) и желобчатое (5 сосудов, или 5 %). Обломки ещё 13 сосудов (15 %) не были включены в анализ ввиду сильной фрагментации. Сосуды с внутренним ребром, в свою очередь, делятся на две подгруппы: с вертикальным горлом (13 сосудов, или 15 %) и резко отогнутым наружу горлом (35 сосудов, или 43 %).

Срез венчиков орнаментирован у 26 сосудов, в основном (17 сосудов) – оттисками зубчатого штампа.

Среди анализируемых 82 фрагментов 49 (60 %) орнаментированы оттисками гребёнки (рис. 21: 1–12, 14–17, 23, 24; 22: 16, 18, 19, 21, 22), 19 фрагментов были без орнамента (23 %; рис. 22: 9, 10, 13), остальные в единичных случаях украшались различными наколами (рис. 22: 1–8, 15, 17), оттисками шнура или личинки (рис. 21: 25; 26; 20: 11, 12), ямчатыми вдавлениями (рис. 21: 21; 22: 14), прочерченными линиями (рис. 21: 18–20; 22: 20), насечками (рис. 21: 13, 22).

Среди орнаментальных мотивов преобладают горизонтальные ряды, присутствуют диагональные ряды, «ёлочка», «сетка», зигзаг, треугольники. В единичных случаях орнамент наносился на внутреннюю сторону венчика (рис. 21: 17; 22: 15).

В целом, характеризуя среднестоговскую керамику, следует обратить внимание на крайне малое количество высоких (выше 5 см – 4 %) венчиков при преобладании коротких (до 3 см – 54 %). Более половины сосудов имели резкий переход от тулова к горлу с образованием внутреннего ребра. Значительное присутствие длинного гребенчатого (пунктирного) штампа и встречаемость прочерченной орнаментации также свидетельствуют о раннем характере данной керамики среди среднестоговских древностей региона, особенно на фоне материалов со стоянки Ямное с ярко выраженными «деревскими» признаками [6].

Керамика **репинской** культуры – самая малочисленная среди неолитической на памятнике, представленная фрагментами минимум 38 сосудов (взяты для статистического анализа). Керамика по технологическим признакам практически не отличается от вышеописанной среднестоговской: та же раковинная примесь, иногда в сочетании с песком; внешние и внутренние поверхности покрыты крупными разнонаправленными расчёсами. Керамика толстостенная (1–1,5 см). Тулово сосудов – яйцевидной формы, венчики отогнуты наружу. Срез венчиков в основном трёх разновидностей: плоский, округлый либо приострѐнный.

Для керамики этой группы характерен ямочный (12 экз., или 31,5 %) или жемчужный (23 экз., или 60,5 %) поясок по венчику или в зоне перехода от венчика к тулову. Лишь в трёх случаях ямочно-жемчужный поясок отсутствовал. Ямки или жемчужины наносились инструментом с округлым окончанием, реже ямки в профиль были конической формы и, как исключение, – с гофрированным профилем, возможно, отпечатавшейся намотанной на какую-то основу верёвочкой (рис. 24: 6).

На фрагментах венчиков в орнаментации доминируют оттиски гребенчатого штампа (26 сосудов, или 68,5 %) (рис. 23: 1, 2, 4–11, 13, 16, 19; 24: 1, 6), в четырёх случаях встречен только накольчатый орнамент (рис. 23: 15), в двух случаях наносились оттиски шнура (рис. 24: 3), отмечены сочетания использования при орнаментации гребёнки и накола (рис. 23: 12, 14, 17), гребёнки, накола и шнура (рис. 23: 18), накола, гребёнки и гладкого штампа (рис. 24: 5), по одному разу отмечены пальцевые/ногтевые защипы (рис. 24: 2), отпечатки полой кости (рис. 24: 4), два сосуда были без орнамента. Иногда орнаментировался плоский срез венчика (рис. 23: 1, 6, 8), чаще – внешний (рис. 23: 4, 5, 7, 14, 16, 17) или внутренний (рис. 24: 1, 5) косой срез венчика, в одном случае – срезы сосуда сразу и внутрь и наружу (рис. 23: 18).

К репинской керамике отнесены фрагменты трёх мисок диаметром от 16 до 20 см (рис. 23: 13–15).

Тулово репинских сосудов орнаментировалось, как и их верхние части, оттисками гребенчатого штампа, наколами, оттисками шнура, прочерченными линиями, оттисками гладкого штампа (рис. 24: 7–17).

В орнаментации встречена только горизонтальная зональность – при построении орнамента в линии, зигзаг, «ёлочку». В отличие от нижнедонской и среднестоговской керамики на репинской керамике с Черкасской стоянки отсутствуют диагональные ряды, не выражены треугольные мотивы. Безусловно, интересны сосуды типа мисок, которые в регионе были встречены лишь на поселении Университетское-3 [7].

Следующая незначительная группа керамики (206 фрагментов), происходящая из напластований памятника, относится к раннему и среднему периодам эпохи бронзы. Ещё одна часть керамики, полученная со стоянки, рассматривается в рамках древнеямной культурно-исторической общности раннего этапа эпохи бронзы. Подобная керамика впервые была опубликована А.Д. Пряхиным и А.Т. Синюком по материалам Шиловского поселения в устье р. Воронеж и названа керамикой ямно-репинского типа [8]. Следует заметить, что подобный керамический материал трудно типологически разделить на ямно-репинский или собственно ямный. Керамика эпохи бронзы залежала компактно исключительно в верхней части культурного слоя, не превышая глубинных отметок в минус 200 см от нулевой отметки.

Керамика *древнеямной КИО*, судя по сохранившимся фрагментам венчиков, насчитывающая приблизительно 50 сосудов, обладает следующими показателями. Тесто – с примесью измельчённой раковины, зачастую в сочетании с песком, иногда количество раковины минимально. Толщина фрагментов – от 0,7 до 1,5 см, со средним показателем 1–1,2 см. Внутренние (изредка – и внешние) поверхности покрыты разнонаправленными расчёсами. Сосуды – двух основных форм: яйцевидной со стянутым верхом без выраженного горла и с выделенным коротким горлом, прямым либо слегка отогнутым наружу венчиком. Ямочно-жемчужный поясок не встречен лишь в единичных случаях (рис. 25: 6, 10, 19–26; 26: 8). Диаметр сосудов по

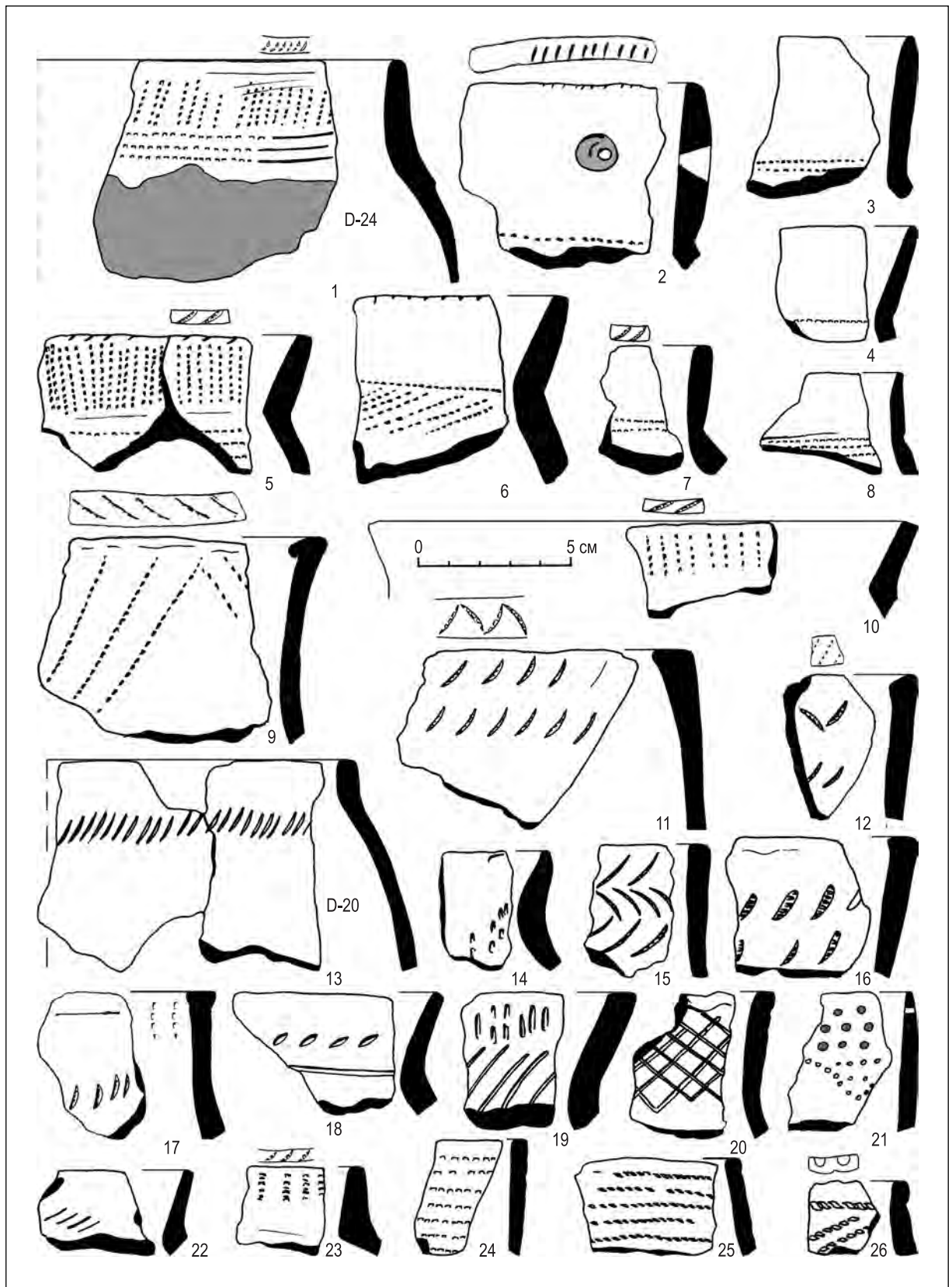

Рис. 21. Стоянка Черкушская. Энеолитическая керамика. Среднепестовская культура

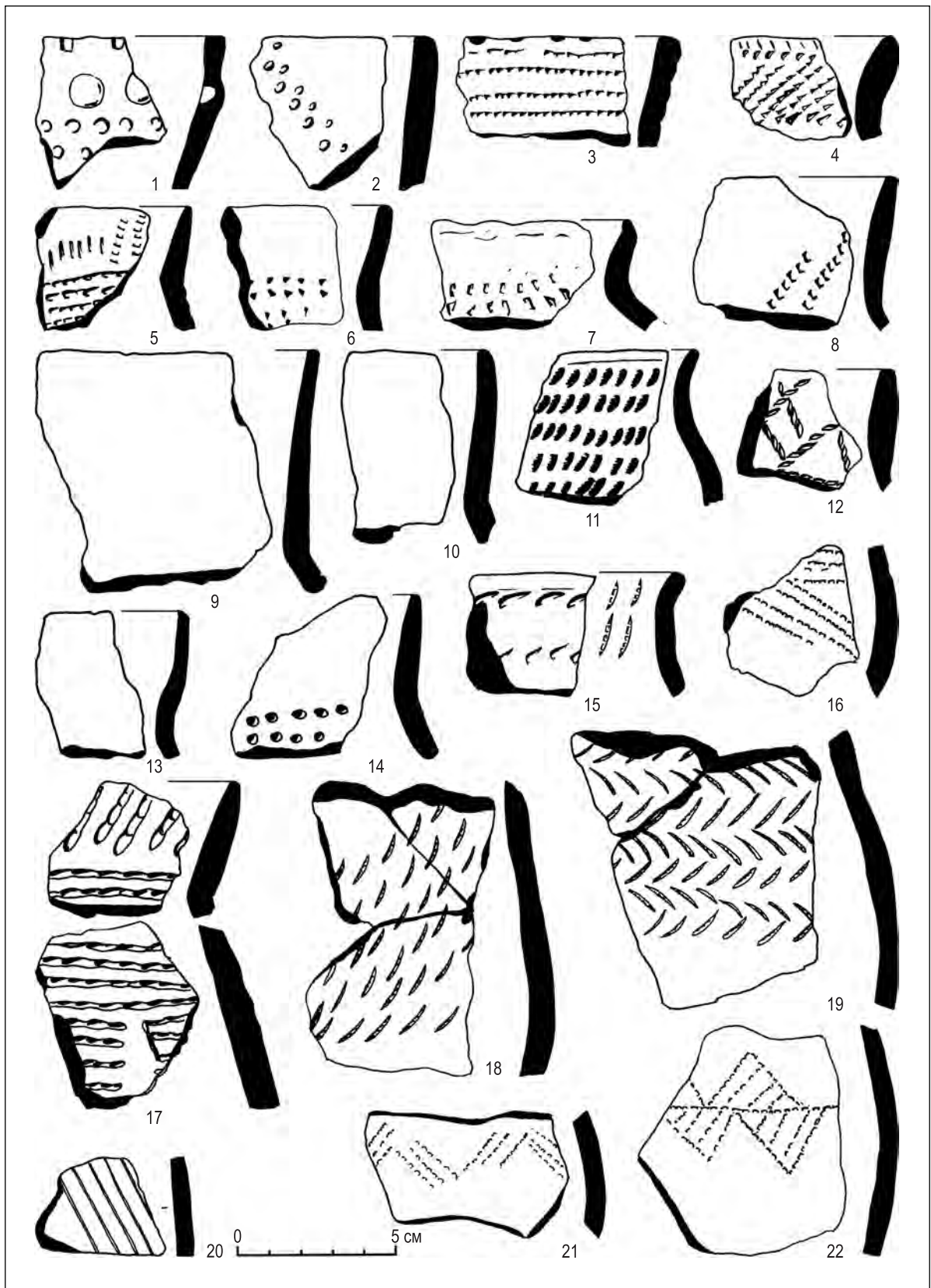

Рис. 22. Стоянка Черкушская. Энеолитическая керамика. Среднепестовская культура

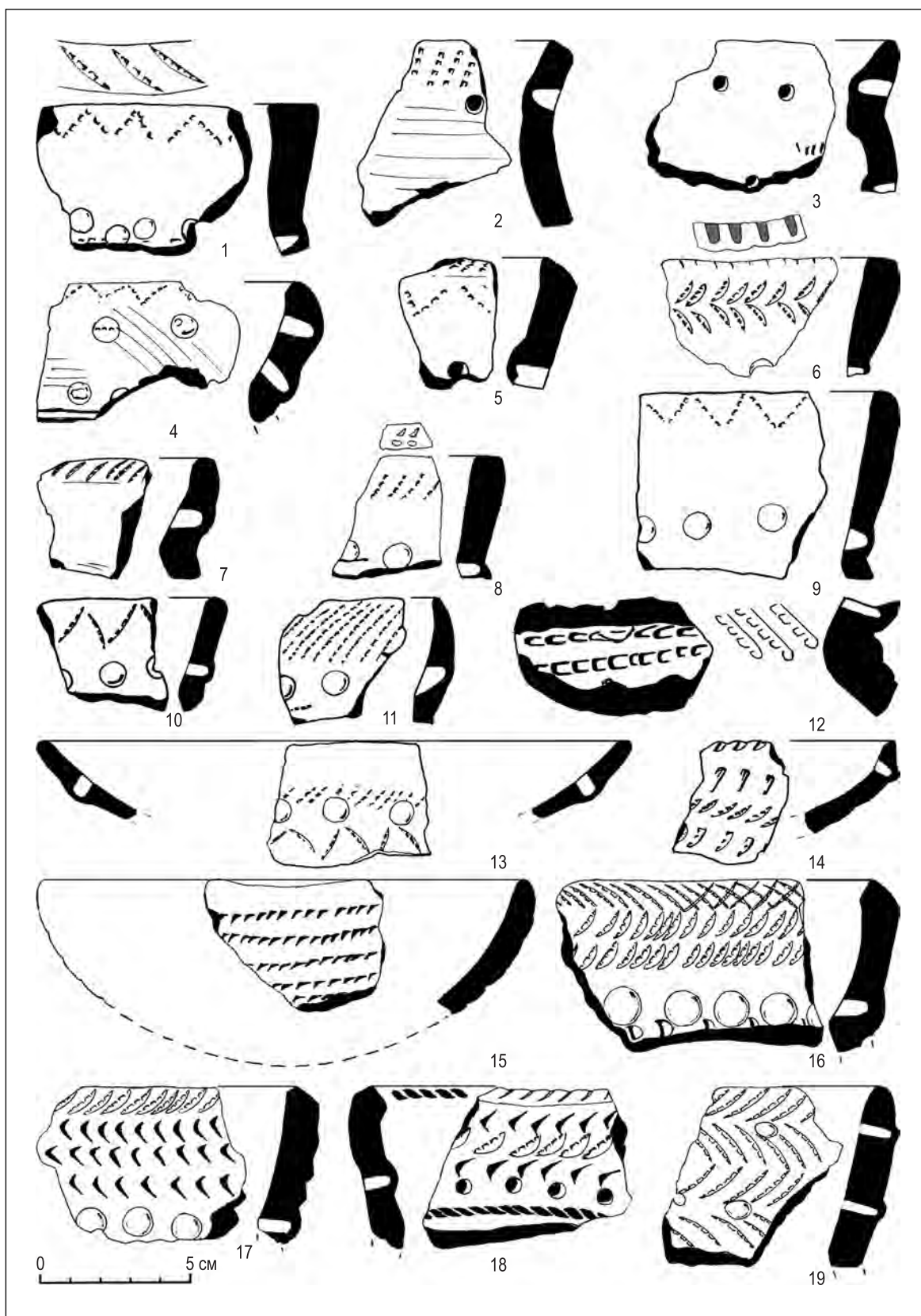

Рис. 23. Стоянка Черкасская. Энеолитическая керамика. Репинская культура

Рис. 24. Стоянка Черкасская. Энеолитическая керамика. Репинская культура

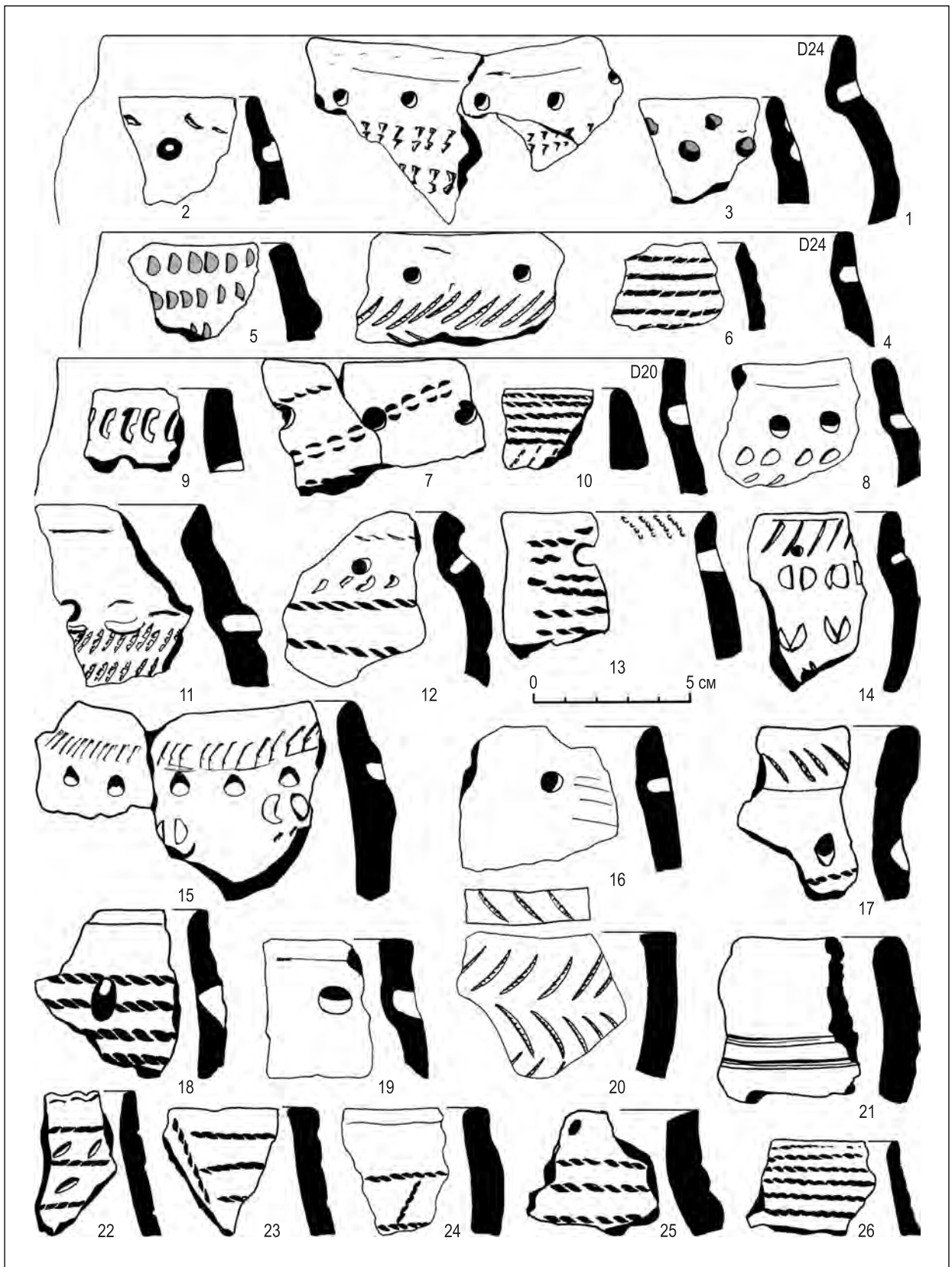

Рис. 25. Стоянка Черкасская. Керамика эпохи бронзы

Рис. 26. Стоянка Черкасская. Керамика эпохи бронзы

венчику, если он восстанавливается, составляет от 18 до 24 см. Срез венчиков – уплощенный или округлый, реже – приостренный. Преобладает орнамент из оттисков гребенки (21 сосуд, рис. 25: 4, 11, 17, 20; 26: 8, 9), шнура (14 сосудов, рис. 25: 6, 10, 12, 13, 18, 22–26; 26: 6), встречены накол, ямки, пальцевые защипы, прочерченные линии (рис. 25: 1–3, 5, 7–9, 14, 15, 21; 26: 7). В некоторых случаях орнамент ограничивался ямочным либо жемчужным пояском (рис. 25: 16, 19; 26: 1, 3–5).

Также к эпохе бронзы отнесена небольшая группа керамики, находящая аналоги в *среднедонской катакомбной культуре*. Керамика этой группы насчитывает не более 10 сосудов с плотным запесоченным тестом. Венчики отогнуты наружу, S-образные в профиль. Орнамент представлен оттисками короткозубой гребенки (рис. 26: 10), тесьмой (рис. 26: 12), насечками (рис. 26: 14), наколами (рис. 26: 16) либо отсутствует (рис. 26: 2, 15). В трёх случаях орнаментировался срез венчика (рис. 26: 12, 13, 17), в четырёх – фиксировался ямочно-жемчужный пояс (рис. 26: 12–14, 17).

Возвращаясь к стратиграфии памятника, следует отметить, что в данном случае мы имеем дело с разнокультурными сезонными стоянками, подвергавшимся постоянным горизонтальным размывам, расположенными, к тому же в одном месте возле береговой полосы. О бытовании в непосредственной близости от береговой полосы позволяет говорить факт наличия множества небольших (размером в среднем от 5 до 10 см при глубине до 50 см) углублений в материковой почве, являющихся, скорее всего, остатками колов (один сохранился) от мостков либо настилов [9, с. 33]¹. Как раз в месте локализации ямок фиксируется приподнятость материковой поверхности, что не противоречит нашему предположению. О наличии активной деревообрабатывающей деятельности, которая могла быть связана со строительством и ремонтом деревянных конструкций на исследованном участке памятника, свидетельствует присутствие в коллекции сработанных тесел и топоров (см. рис. 7). Совершенно очевидно, что культурный слой памятника, находящийся целиком в отложениях аллювиального происхождения, периодически подвергался водному переотложению. Как подтверждение – большое количество «замытых» фрагментов керамики, расположение некоторых артефактов во «взвешенном» состоянии (с наклоном по диагонали либо вообще в вертикальном положении), а также наличие тонких прослоек однообразно измелченного ракушечника. Как сейчас представляется, раскопы А.Т. Синюка охватили основную часть именно жилой сезонной площадки стоянки (вернее, серии разновременных стоянок) с хозяйственными комплексами (хозяйственные постройки, ямы, очаги). В нашем же случае мы имели дело с периферийной частью памятника, переотложенной за несколько тысячелетий водными горизонтальными размывами.

Подводя итог публикации, отметим широкий хронологический диапазон основных полученных материалов, датированных от V тыс. до н.э. до II тыс. до н.э. по некалиброванной шкале.²

¹ Автор выражает огромную признательность В.В. Сидорову, который любезно поделился своими представлениями о стратиграфической ситуации стоянки Черкасская.

² Исследование выполнено при грантовой поддержке Российского научного фонда (проект № 17-78-20048).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев И.Б., Синюк А.Т. Черкасская стоянка на среднем Дону // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984.
2. Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.
3. Хронология неолитических памятников лесостепного Подонья / А.М. Скоробогатов, Р.В. Смольянинов, А.В. Сурков, М. Ойнонен, Г. Посснерт // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э.: коллективная монография / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск, 2016.
4. Котова Н.С. Мариупольская культурно-историческая область (Днепро-Донское междуречье) // Археологічні пам'ятки та історія стародавнього населення України. Вип. 1. Луцьк, 1994.
5. Котова Н.С. Опыт типологии керамики нижнедонского типа Черкасской стоянки // Древние памятники на территории Восточной Европы. Воронеж, 1983.
6. Сурков А.В., Скоробогатов А.М. Многослойная стоянка Ямное. Материалы исследований. Воронеж, 2012.
7. Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита – бронзы в бассейне Дона // СА. 1981. № 4.
8. Пряхин А.Д., Синюк А.Т. Новые материалы по неолиту и энеолиту Среднего Дона с Шиловского поселения // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.
9. Сидоров В.В. Реконструкции в современной археологии. М., 2009.

ООО «Терра»,
Воронеж

A.M. Skorobogatov

SITE CHERKASSKAYA IN THE MIDDLE DON BASIN. RESULTS OF STUDIES 2009–2010

Summary

The presented article aims at introducing into scientific use the materials obtained during excavations at the Cherkasskaya site in the Middle Don basin, undertaken in 2009–2010 under supervision of the autor of the present article. The majority of finds is made up of fragments of the Neolithic and Eneolithic ceramics, stone and bone artifacts, waste of their production, and bones. In the absence of clear stratigraphic horizons all the material from the relic is classified typologically.

*“Terra” Ltd
Office 1, 24, “20 years of October” St.,
Voronezh, 394006, Russia
E-mail: a.m.skorobogatov@mail.ru*

В.В. Сидоров

ПОЛЕЦКАЯ СТОЯНКА

Неолит западных районов Волго-Окского междуречья – верховьев р. Москвы исследован слабо, что затрудняет выявление характера связей между бассейнами Волги и Днепра в это время. Здесь в 1969–1970 гг. раскапывалась стоянка Полецкая 1, давшая представительную коллекцию. Она находится на северном берегу оз. Полецкого, из южного конца которого вытекает р. Нара. Озёрная котловина имеет площадь около 6 кв. км. На озере при истоке Нары были и другие стоянки, разрушенные при строительстве плотины и дачных посёлков. Ниже по течению Нары есть ещё два озеровидных расширения, занятых рыбными прудами, так что это была группа озёр. На Наре известны единичные местонахождения неолитической керамики и орудий. В 2 км к северу начинается долина р. Москвы. Нара – кратчайший путь от верховий Москвы на Оку. Стоянки верховий р. Москвы – Григорово [1] и Звенигородская [2], практически полностью раскопанная Н.А. Кренке [3], – входили в ту же локальную группу, что и Полецкая.

Стоянка Полецкая занимала конец узкой гривы на краю дельты речки Польги. Грива тянется от подножия холмов коренного берега на 100 м. Исследование стоянки велось во время строительства дачного посёлка, множество ям, котлованов, огороды позволили определить характер её расположения, особенности культурного слоя, но и осложнили проведение раскопок. Удалось вскрыть отдельными участками 88 кв. м в наиболее насыщенной находками мысовой части при общей площади распространения находок 12–25×45 м (не более 800 кв. м). Представление о памятнике получено полное. Шурфы закладывались также у подножия берега, но на хорошо “читаемом” песчаном озёрном дне шлейф культурного слоя не формировался, немногочисленный материал сильно окатан: во время существования стоянки волновая эрозия была довольно сильна, сформировав чёткий береговой уступ.

Культурные напластования памятника делятся на три литологических слоя, с которыми связаны разные культурно-хронологические комплексы. Смешанность материала невелика. Торф, перекрывающий слой, находок не содержал. Верхний культурный слой – торфянистая супесь, сильно ожелезнён, насыщен гравием, мощность – 14–20 см. Вероятно, он бывал подтоплен: обилие промытого гравия – признак водной эрозии, но археологический материал не окатан, хотя заметно ожелезнён, керамика от этого расслаивается. Только этот слой включает материал позднего этапа волосовской и верхнеднепровской (дубровичской) культур. Были найдены фрагменты 3 фатьяновидных сосудов. Под ожелезнённым песком – чёрный гумусированный песок с гравием, мощность – 10–14 см. Слой включал материал позднего этапа льяловской культуры при обильной примеси белёвской керамики как с классическим, так и с рубчатым ромбом, а также гребенчатой валдайской. На площадке имеется переходный слой – тёмно-гумусированного суглинка, в прибрежной части он отсутствует – здесь слои контрастно различаются (результат размыва). В слое много осколков камней, растрескавшихся в огне. Нижний слой – тёмно-серый суглинок мощностью в прибрежной части до 25 см, на площадке – 6–10 см. Он содержал только среднельяловский материал. Материк – очень плотный светло-серый иловатый суглинок озёрного дна, на фоне которого “читались” любые нарушения слоя, трещины усыхания. Ни одной столбовой ямки на площадке поселения в раскопе и в многочисленных обнажениях не было. Только на самом краю берега оказалась единственная яма, судя по профилю, столбовая: диаметр 35 см, глубина в материке 60 см. Столб был забутован крупными черепками льяловского сосуда, который удалось реставрировать.

Сосуд из этой ямы (рис. 1: 16) сложно орнаментирован: гребенчатые пояски образуют ленты зигзага, от венчика спускаются треугольники, выполненные цепочками оттисков зубчатого штампа, заполненные ямками и оттисками ногтя. В средней части этим же штампом выполнены ромбы. Гребенчатые пояски зигзага разделены парными строчками белемнитных ямок. Сосуды с поясками зигзага характерны для редкочечной керамики Замостьинских стоянок, есть они в Языково. Один сосуд с подобным орнаментом лежал на боку в крупной яме в жилище на стоянке Луково 3. Различие – только в меньшей плотности ямочного поля полецкого сосуда, а гребенчатый штамп крупнее.

В слое совершенно отсутствуют уголь, зола, единично сохранилась кость только в верхнем слое (всего 3 птичьи кости и зуб бобра). Нижний слой отложился на луговой почве, участок, вероятно, подтапливался, керамика заметно окатана. Об этом же свидетельствуют и тонкие линзы белёсого промытого песка на границе чёрного песка с гравием и суглинка. Ниже культурного слоя в белёсом суглинке была найдена единственная ножевидная пластина – след посещения этого участка берега в мезолите или начале неолита.

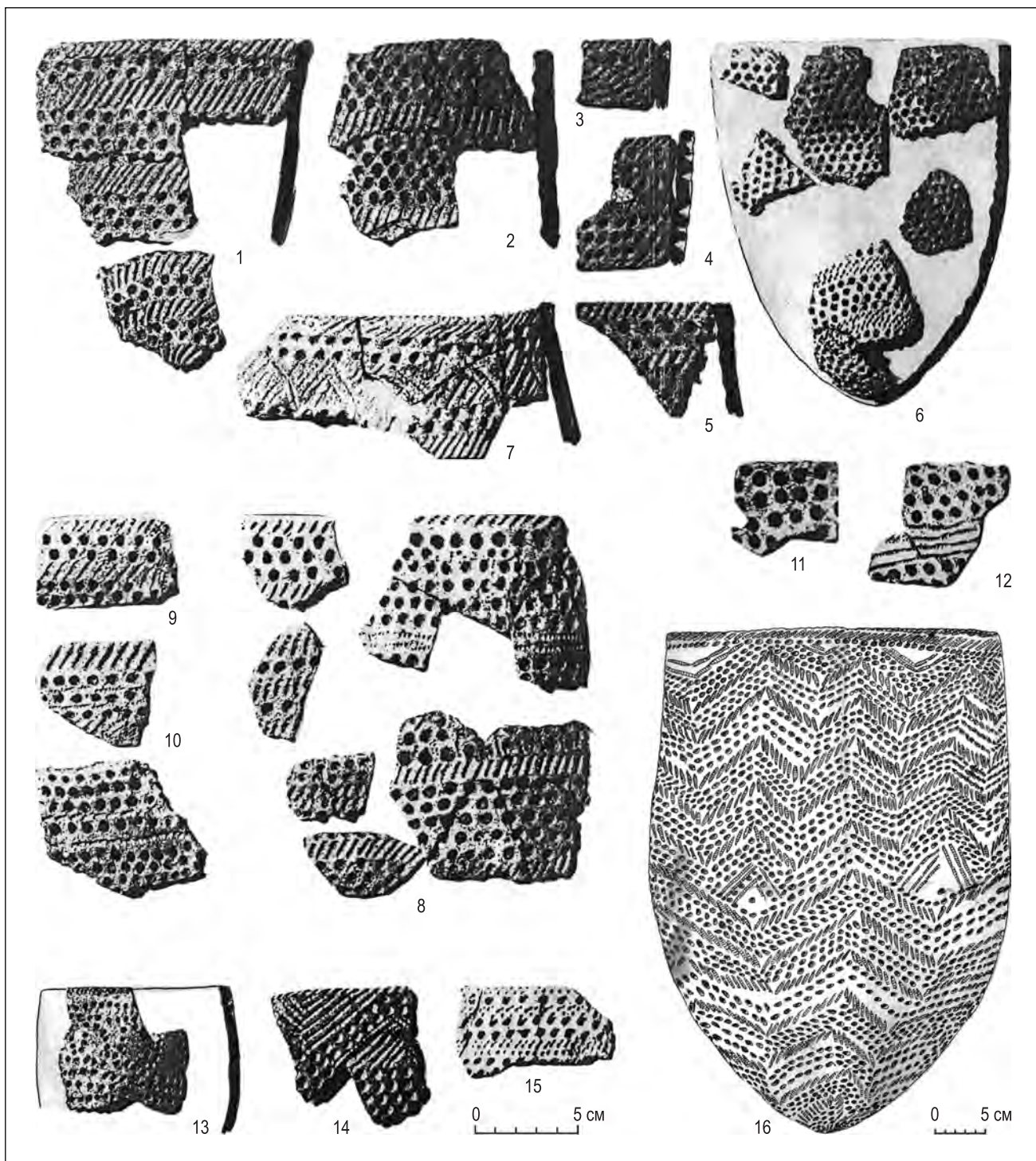

Рис. 1. Полецкая стоянка. Льяловская керамика (16 – сосуд из ямы)

Сколько-нибудь заметного смещения материала не происходило – мастерские по обработке кремня на контакте верхнего и среднего слоёв были очень компактны и занимали площадь в 9 кв. м. Тысячи отщепов образовали сплошной слой толщиной до 3 см. В этом скоплении было до 900 заготовок – массивных отщепов с начатой обработкой (рис. 2). Весь кремень – местный, происходит из месторождений, вскрывающихся оврагами по берегам правого берега р. Москвы в районе Звенигорода. Цвет – коричнево-жёлтый с чёрными пятнами, нередко поры с хрустальными шётками. Этот кремень использовался и на стоянках Тростенского

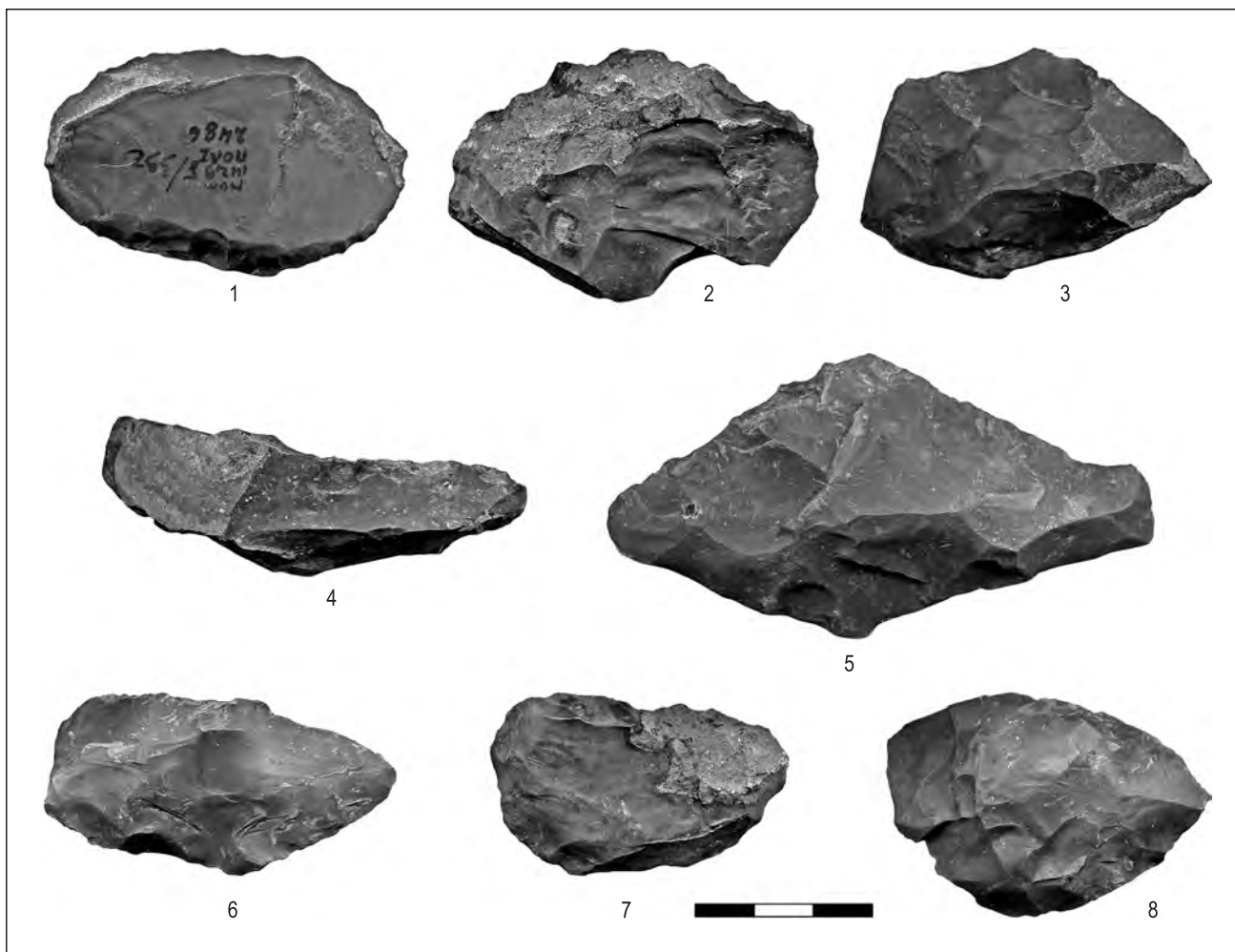

Рис. 2. Полецкая стоянка. Мастерская. Заготовки копий и дротиков. Кремь

озера, и на стоянках р. Москвы. Кремь оббивался крупными округлыми кварцевыми гальками, которые встречались тут же. Ни одного нуклеуса в скоплении не найдено. Здесь готовились наконечники копий и дротиков (рис. 2), некоторые оказались близки к завершению, в частности почти законченный наконечник копья, глубоко воткнувший в материк (рис. 3: 1). На площади мастерских встречаются и законченные, использованные орудия, орудия, побывавшие в огне. Характерно, что среди орудий есть изготовленные из иных сортов кремня – чёрного, лилового, жёлтого, но заготовок и отщепов такого кремня нет.

Насыщенность керамикой в прибрежной зоне – 10–15 фрагментов на кв. м, в глубине площадки – 4–6. Керамика нижнего слоя (по венчикам выделяются 70 сосудов) – обычных для льяловской культуры типов (рис. 1: 1–3) – яйцевидные прямостенные котлы и чаши, тесто – с примесью мелкой дресвы, плотное, стенки довольно тонкие – 6–7 мм, полосы горизонтального расчёса внутри чаще всего идут по орнаментальным пояскам снаружи и совпадают со стыками лент. Ямочные поля выполнены белемнитом. Чисто ямочные сосуды не доказаны – почти все имеют орнаментальные пояски. Форма доньшек – приострѐнная. Редкоямочные не встречаются, если не считать сосуды с пояском зигзага под венчиком, выполненного ямками.

Штампы – зубчатые средние и короткие, глубоко вдавленные. На втором месте – плюсовые (рис. 1: 7). Специфика Полецкой стоянки – частое использование метаподиев мелких животных (не крупнее куницы) и очень редкое – относительно крупных (бобр). В качестве штампа могла использоваться лапа с оторванными когтями и концевыми фалангами. Далее – немногочисленные случаи использования полулунного штампа – это белемнит, поставленный краем, нередко – продольным участком с желобком, что даёт сдвоенный полулунный рисунок оттиска. И.В. Калинина [4] истолковывает такие оттиски как отпечаток края проксимального эпифиза фаланги, что не обоснованно: костные штампы любого вида совершенно одинаковы на разных сосудах, а излом белемнита всегда случаен, не бывает одинаковых. К тому же белемниту присущ продольный желобок, который нередко фиксируется и в полулунных оттисках как разрыв дуги. Немногочисленны прочие костные штампы, отсутствуют верѐвочные, аммонитные. Изредка встречается орнамент,

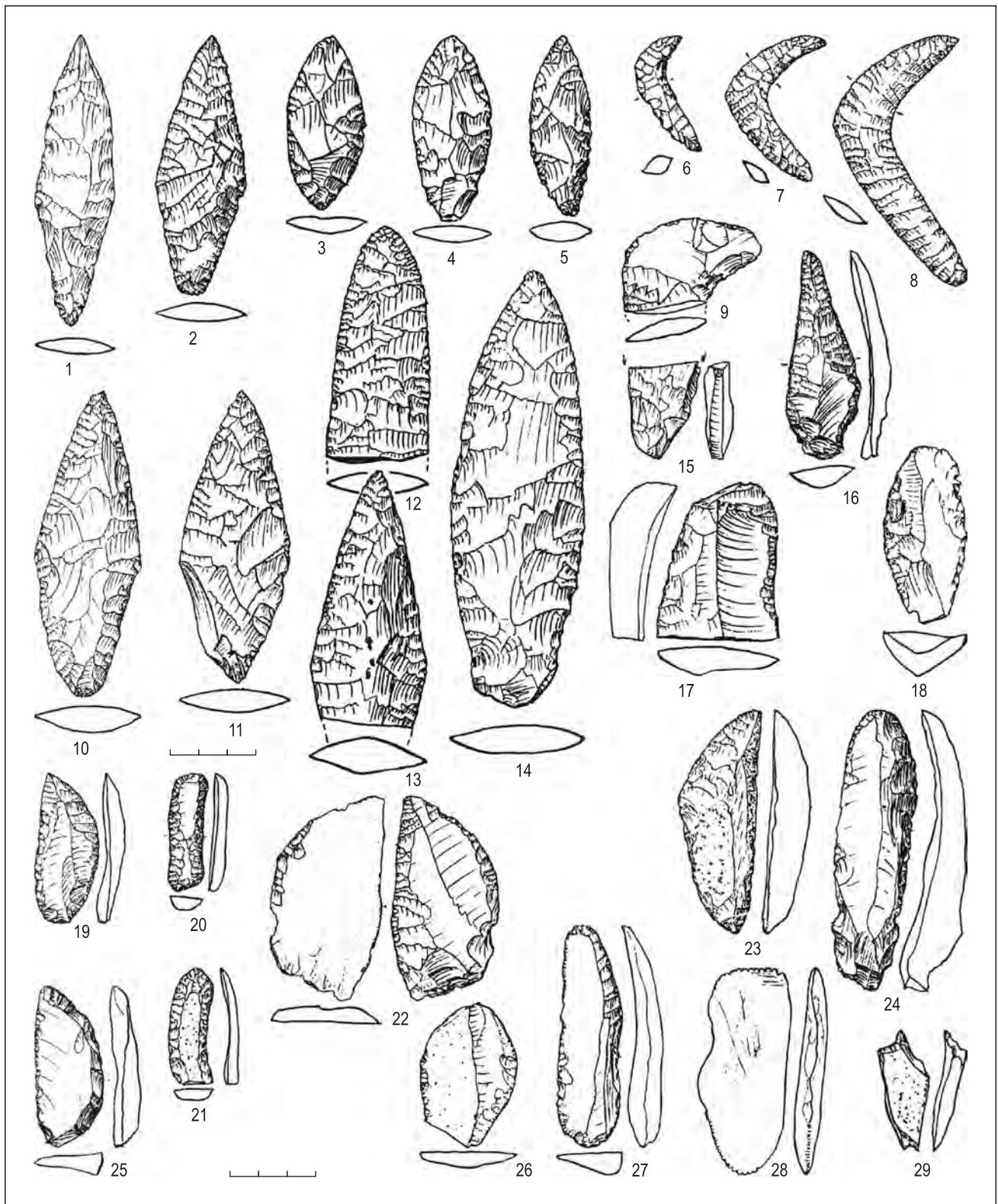

Рис. 3. Полецкая стоянка. Орудия:

1–5 – наконечники дротиков (1 – из мастерской); 6–9 – серповидные ножи; 10–13 – наконечники копий; 14 – кинжал; 15 – резец на обломке наконечника копия; 16, 17, 22, 25, 26 – ножи; 18 – рубящее орудие; 19–21, 23, 24, 27 – ложки; 28 – штамп для орнаментации керамики; 29 – сверло. 1–27, 29 – кремль, 28 – сланец

выполненный ямками (рис. 1: 11). Обычные орнаментальные мотивы – пояски наклонных оттисков, пояски горизонтальных полей разного наклона и размера оттисков.

Наиболее интересен комплекс позднельяловский, залегающий в слое чёрного песка с гравием. Он включает как позднельяловскую, так и белёвскую (рис. 4, 5) и гребенчатую керамику. Присутствие ромбоямочной белёвской керамики в составе льяловских комплексов известно давно. На Льяловской 1 стоянке её 7 % [5]. На Полецкой, как и в льяловском слое прибрежного участка Никольской-Правой на Тростенском озере, она составляет до трети керамики неолитического комплекса. Всего по венчикам выделяются 56 ромбоямочных сосудов (рис. 4–5), в том числе 13 – с рубчатым ромбом. Близка к ней гребенчато-ямчатая (24 сосуда). Вся эта керамика образует единую технологическую группу, залегающая в одном слое. Синхронна ли она финальному этапу льяловской культуры или перекрывает его? Можно, однако, отметить, что сохранность гребенчато-ямчатой керамики лучше, многие сосуды представлены десятками черепков. Оригинальны два фрагмента разных сосудов – поле заполняют круглые ямки, но в одной из строчек ямочного поля вместо круглых ямок оттиснут правильный ромб (рис. 4: 9).

Сосуды с ромбоямочной орнаментацией лепились из жирной глины с примесью дресвы, нередко крупной и обильной – её больше, чем в льяловской керамике, которая делалась из более тощей глины. Примесь песка только у трёх, у 5 присутствует органика, один – без видимых примесей. Стенки – тонкие, пропорциональны размеру сосуда – 4–8 мм. Расчёс отмечен только у 8 сосудов. При насыщенности дресвой теста на изломе она редко выступает на поверхность, что может быть объяснено ангобированием сосуда глиной без примеси. Но более вероятен «ложный ангоб» – тщательное заглаживание поверхности шпателем до орнаментации, что топило в тесте зёрна дресвы (подсказано Ю.Б. Цетлиным).

Форма сосудов – котлы и чаши. Прямостенные и открытые представлены одинаковым количеством, слабозакрытых – 5, с намеченной профилировкой – 3 сосуда. Малые – преимущественно открытые. Мелкие – диаметром 11–17 см (18 сосудов), средние – 20–26 см (31 сосуд; средние образуют два пика: диаметром около 20 см, их – треть от числа средних, и около 25 см). Крупные – диаметром около 30 см (всего 9 сосудов, что значительно меньше, чем количество крупных для льяловских сосудов этого же слоя). Количественное соотношение сосудов разного размера сильно зависит от степени их измельчённости: крупные сосуды оставляют меньше определимых фрагментов, чем мелкие. То есть приведённые цифры не отражают этнографической реальности. Форма дна – приострённо-параболоидная, дно не утолщено. Особая орнаментальная зона (наклонные наколы, выполненные широкой палочкой, – приём, характерный для донских культур неолита и энеолита) на дне есть только у одного сосуда.

Венчики большинства сосудов имеют одинаковую толщину со стенками, лёгкая утолщённость есть у 8. Верхний край прямо срезан, округлён (12) или слегка приострён. У всех сосудов он несёт орнамент, у приострённых он поставлен по скосам, трёхсторонняя орнаментация есть у трёх. Венчик орнаментирован мелким зубчатым штампом, изредка – ямками. Поясок крупных ямок под венчиком довольно редок (13 сосудов). Ямки делались тем же штампом, каким наносился ромбический рисунок фона, но вдавлены глубже. Есть и особые штампы, в том числе один белемнитный. Иногда поясок образуют горизонтально поставленные оттиски ромбического штампа.

Зубчатым штампом выполнены повторяющиеся пояски на тулове у 23 сосудов (рис. 4: 5, 7; 5: 1). При этом у 8 зубчатый штамп образует поясок наклонных линий или зигзаг, на который ориентировано ямочное заполнение фона, у 7 штамп поставлен горизонтально. Оба эти мотива характерны и для поздней льяловской керамики. Изредка встречается заполнение фона чёткими наклонными рядами ямок («многозаходная спираль») (рис. 5: 18), но абсолютно преобладает шахматное их расположение. Кроме зубчатого штампа встречены по одному случаю использование метаподия, неизвестного костного штампа, ископаемого коралла, наклонные наколы округлой палочкой. Шнуровых оттисков нет.

Гребенчатая (протоволосовская) посуда (по венчикам 24 сосуда, рис. 6, 7) залегающая в одном слое с поздней льяловской – в чёрном песке. По технологии она близка к белёвской. В тесте обязательна примесь дресвы, чаще встречается расчёс внутренней стороны стенок, стенки довольно тонкие – 4–7 мм. Здесь ещё меньше крупных сосудов – только у одного определён диаметр в 28 см, проявляются группы миниатюрных диаметром 10–12 см (3), малых – 15–17 см (8), средних – 18–22 см (13) сосудов. По форме 9 относятся к открытым чашам, 5 – к прямостенным, намечена профилировка горла у 3, закрытые – 5 сосудов. Высокий процент открытых форм – это отражение преобладания мелких сосудов. Оформление края венчика – то же, что у ромбоямочных: преобладает прямо срезанный (11), остальные – округлены, приострены или скошены внутрь; орнаментация по обрезу обязательна, у двух отсутствует поясок орнамента на наружной стороне венчика, у двух орнаментированы три стороны. Характерны пояски глубоких ямок под венчиком (13 сосудов), как и у ромбоямочных, встречается поясок с горизонтальной установкой штампа. Донышки – парабоидные.

Орнаментация выполнена зубчатым штампом, на одном сосуде встречаются пояски оттисков короткого и длинного штампов, широкого – редки. Единичные случаи – использование рамчатого, оттиснутого углом, двухдольного, округлого разделённого, округлого с веерной нарезкой штампов, штампа сложной формы. Ямки под венчиком делались углом того же штампа, которым орнаментировались стенки сосуда, или округлым без насечек. Орнаментальные мотивы – вертикальный зигзаг, выполненный длинным и средним зубчатыми штампами, заполнение поля – в шахматном порядке и ровными плотными строчками. Более сложные композиции есть у 4 сосудов (полосы горизонтального зигзага, заполненные треугольниками).

Не меньшую, чем с ромбоямочной керамикой, гребенчатая посуда имеет близость с валдайской. Это проявляется не только в массовых признаках (использование зубчатых штампов, ямки под венчиком, зигзаг),

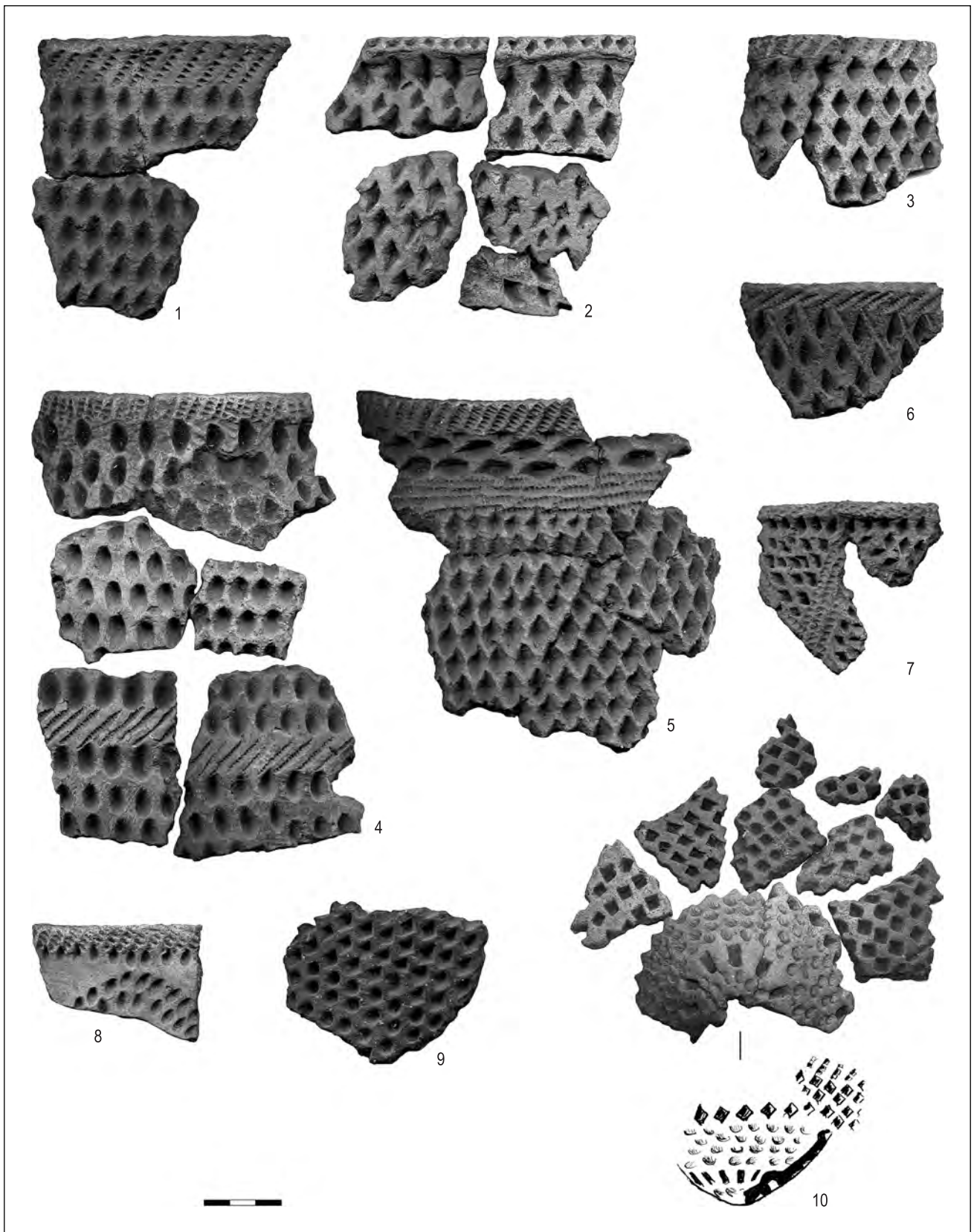

Рис. 4. Полецкая стоянка. Ромбоямочная (белёвская) керамика

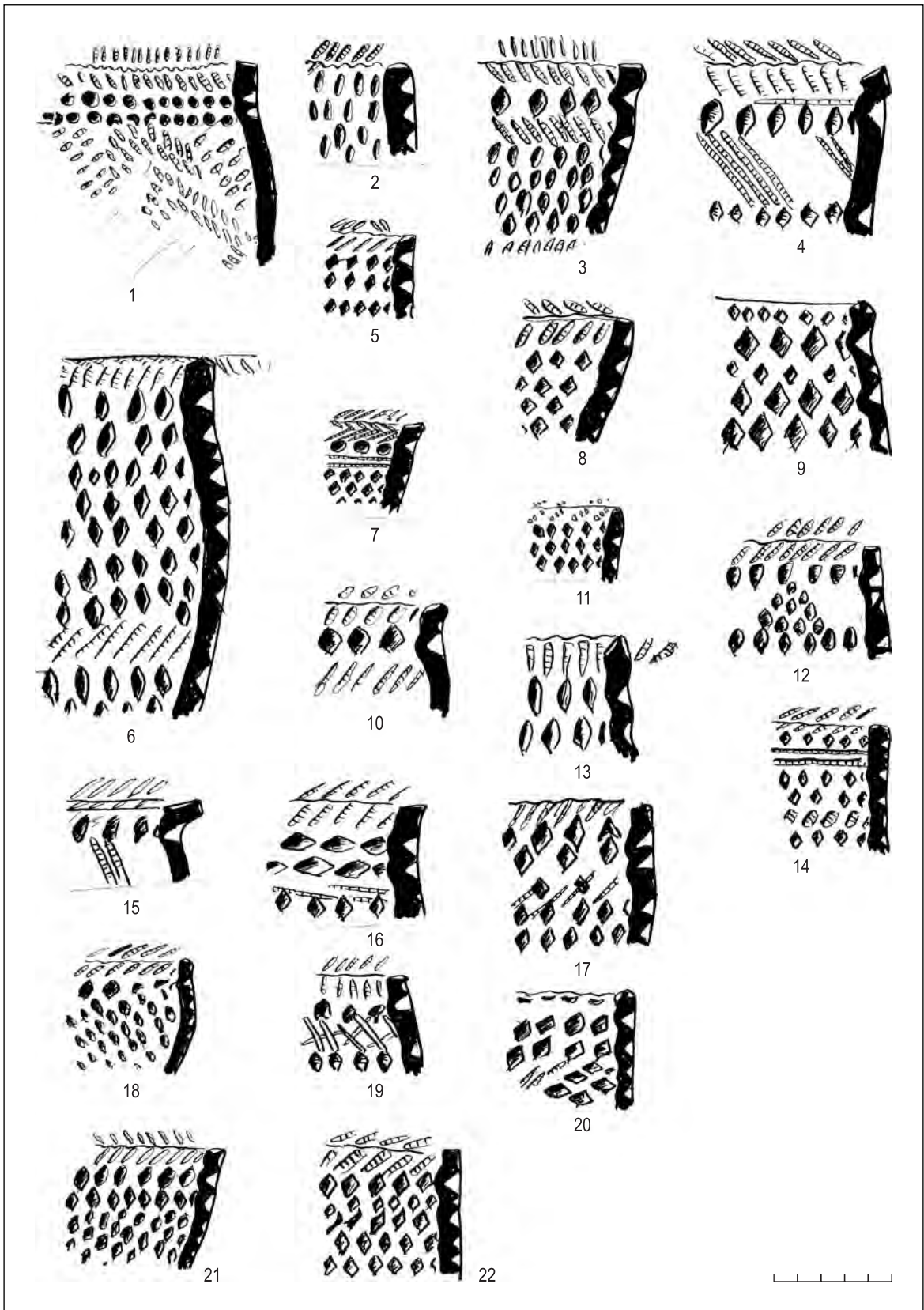

Рис. 5. Полецкая стоянка. Ромбоямочная (белёвская) керамика

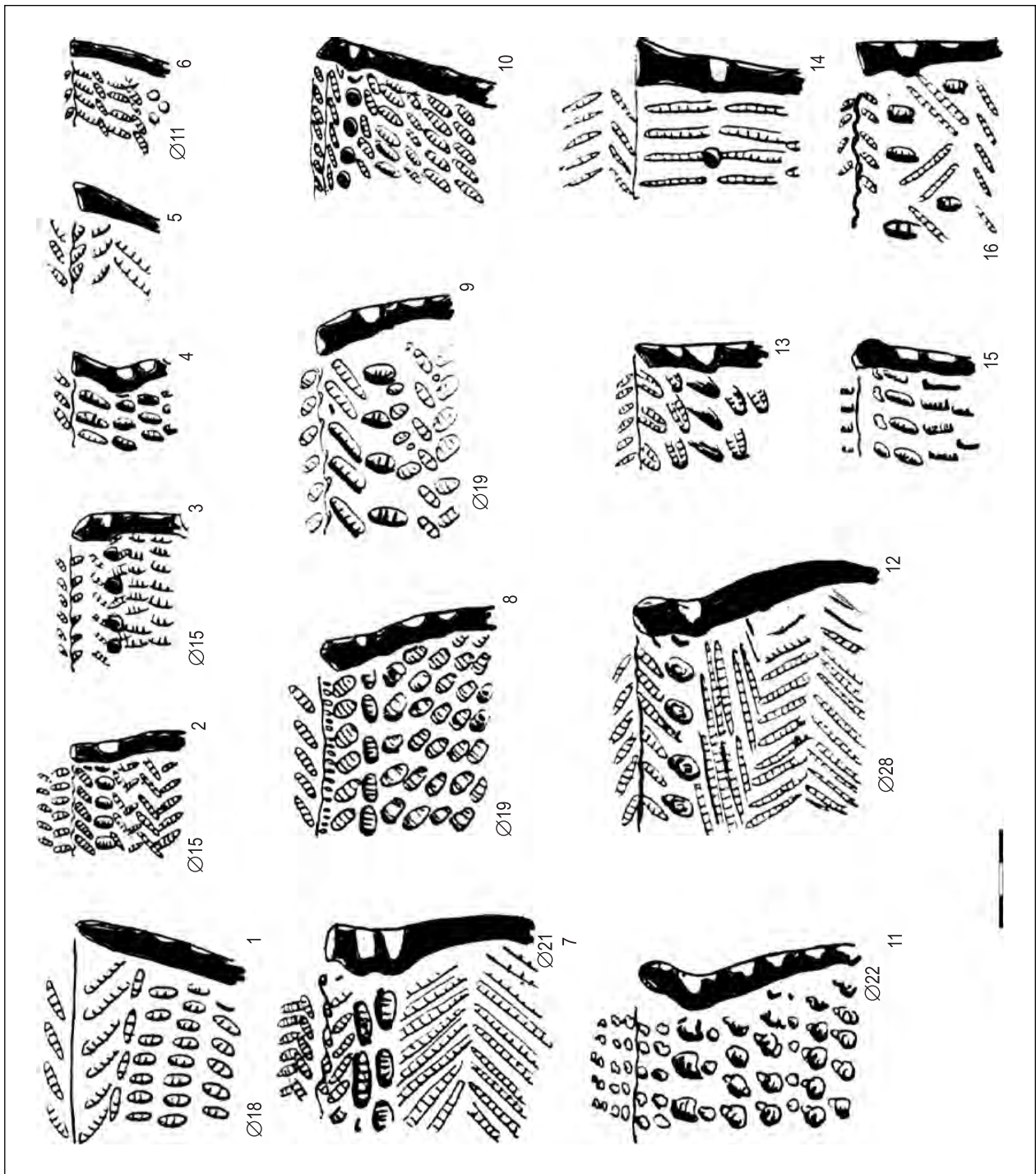

Рис. 6. Полещая стоянка. Гребенчатая (прогволосовская) керамика

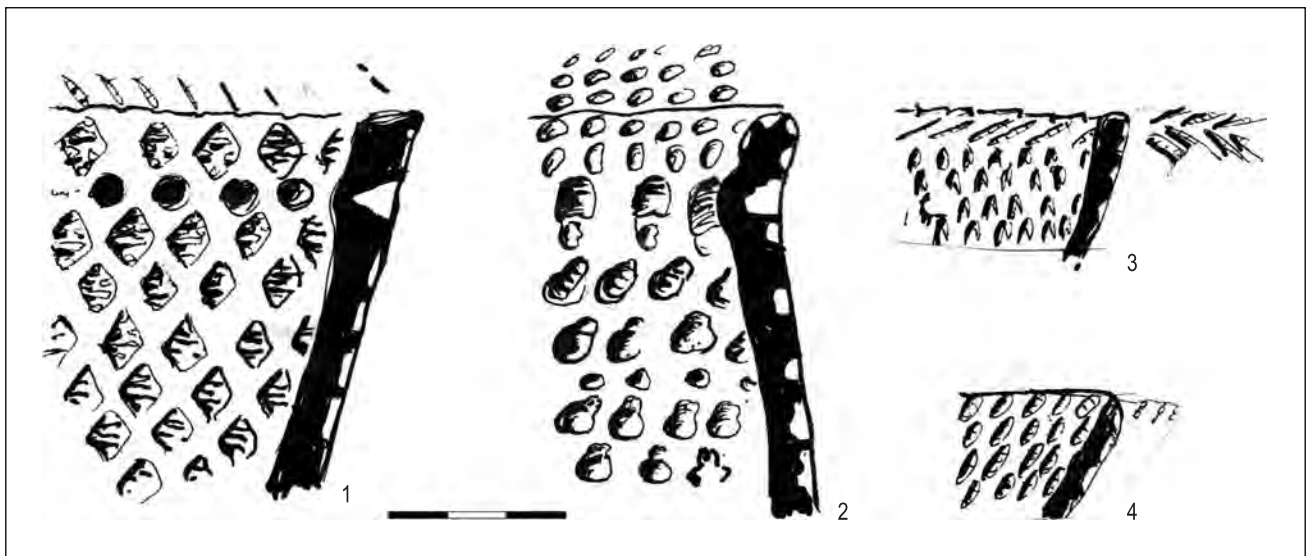

Рис. 7. Полецкая стоянка. Протоволосовская керамика

которые не достаточно специфичны, но и в редких элементах (оттиски рамчатого и двудольного штампов, фигурные пояски оттисков штампа со сложной нарезкой).

Слой чёрного песка с гравием весьма насыщен находками обработанного кремня (рис. 3, 7). В прибрежной части отмечена мастерская меньшей площади, чем в льяловском слое. Здесь также велась оббивка заготовок наконечников копий, отходы, получаемые при этом, – крупные плоские отщепы, – служили полуфабрикатами мелких орудий. Состав орудий обычен – наконечники стрел листовидной и ромбической форм, наконечники копий, в основном листовидные, ножи с мелкой нерегулярной ретушью, скребки короткие и широкие, рубящие, в основном сланцевые. Обращает на себя внимание малое количество резцов, что несколько необычно. Восточнее, в Мещёре, они по количеству превосходят остальные категории орудий. Обилие примитивных угловых и нуклеидных резцов там определяется использованием низкосортного кремня. На памятниках с качественным сырьём доля резцов невелика.

В этом слое был найден двухконечный зубчатый штамп из сланцевой гальки (рис. 3: 28). Оттиски широкого и плоского конца гальки – длинные зубчатые, массивного – не вполне правильные ромбические с зубчиками (рубчатый ромб).

Материал верхнего слоя – волосовская (рис. 8) и лапчатая (рис. 9, 10) керамика – стратиграфически не делится. Эти комплексы отложились на стоянке в условиях начавшегося заболачивания озера – наступления ожелезнённого торфа. У нас нет данных для их хронологического расчленения, не исключается их синхронность, по крайней мере, – минимальный хронологический разрыв. В то же время здесь нет признаков их смешения, как это наблюдается в Языково, Воймежной. Более близка ситуация, характерная для верхнего слоя поселения Маслово Болото 4 – комплекс с лапчатой керамикой непосредственно сменяет поздне-волосовский.

Волосовский материал встречается только на конце мыса, в прибрежной части, площадь его распространения не более 150 кв. м. Керамика (рис. 8) сохранилась довольно плохо, хотя ряд сосудов представлен скоплениями. При 176 определимых фрагментах по венчикам выделяются 13 сосудов. По особенностям орнамента выделяются ещё два. Вся керамика – с примесью пуха в тесте, толстостенна. Следы мелко толчёной раковины имеются только у трёх сосудов. Посуда – в основном открытые котлы, крупных (диаметром 30–42 см) среди них довольно много – 8, мелких (диаметром 15–20 см) – только 2. Несмотря на рыхлость теста, стенки довольно тонкие – 7–8 мм, толстостенный только один. Внутренняя поверхность имеет расчёс. Судя по характеру расслаивания, ленты нередко крепились внахлест, особенно это характерно для ленты венчика.

Венчики крупных сосудов слегка утолщены, изредка приплюснуты сверху, но Г- или Т-образные отсутствуют. У мелких и средних венчики имеют толщину, равную толщине стенок. Орнаментация по венчику идёт как по верху (во всех случаях), так и внутри сосуда. При этом внутренний пояс орнамента бывает довольно широкий.

Орнаментация – разреженная. Это – неплотные пояски разнонаклонных оттисков, образующих зигзаг, пояски вертикальных оттисков, некоторые фрагменты показывают наличие геометрических рисунков – наклонные и пересекающиеся пояски оттисков. Редкий мотив – косая решётка из наложенных друг на друга довольно коротких оттисков.

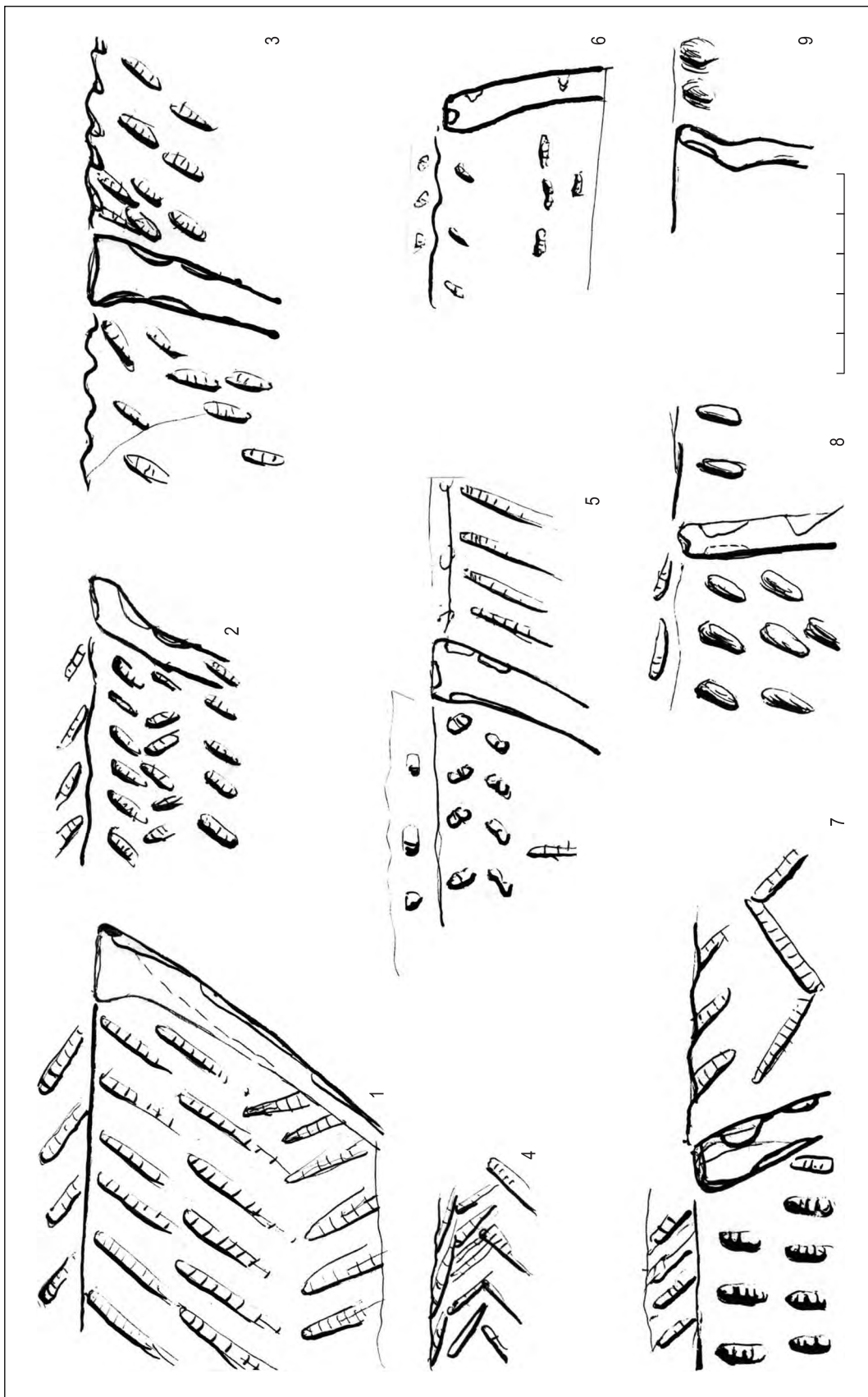

Рис. 8. Полецкая стоянка. Волосовская керамика

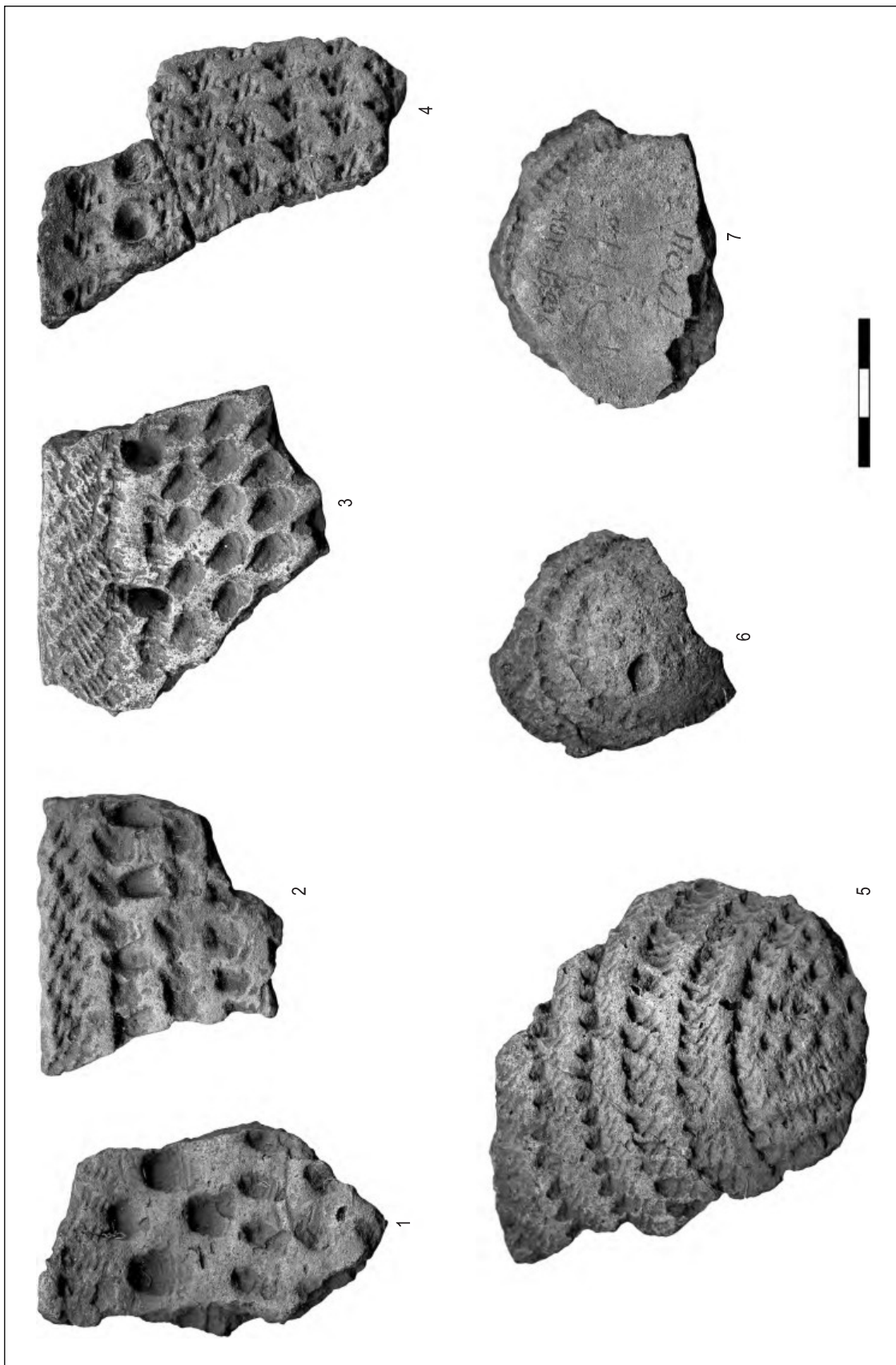

Рис. 9. Полецкая стоянка. Лапчатая керамика (верхнеднепровская культура)

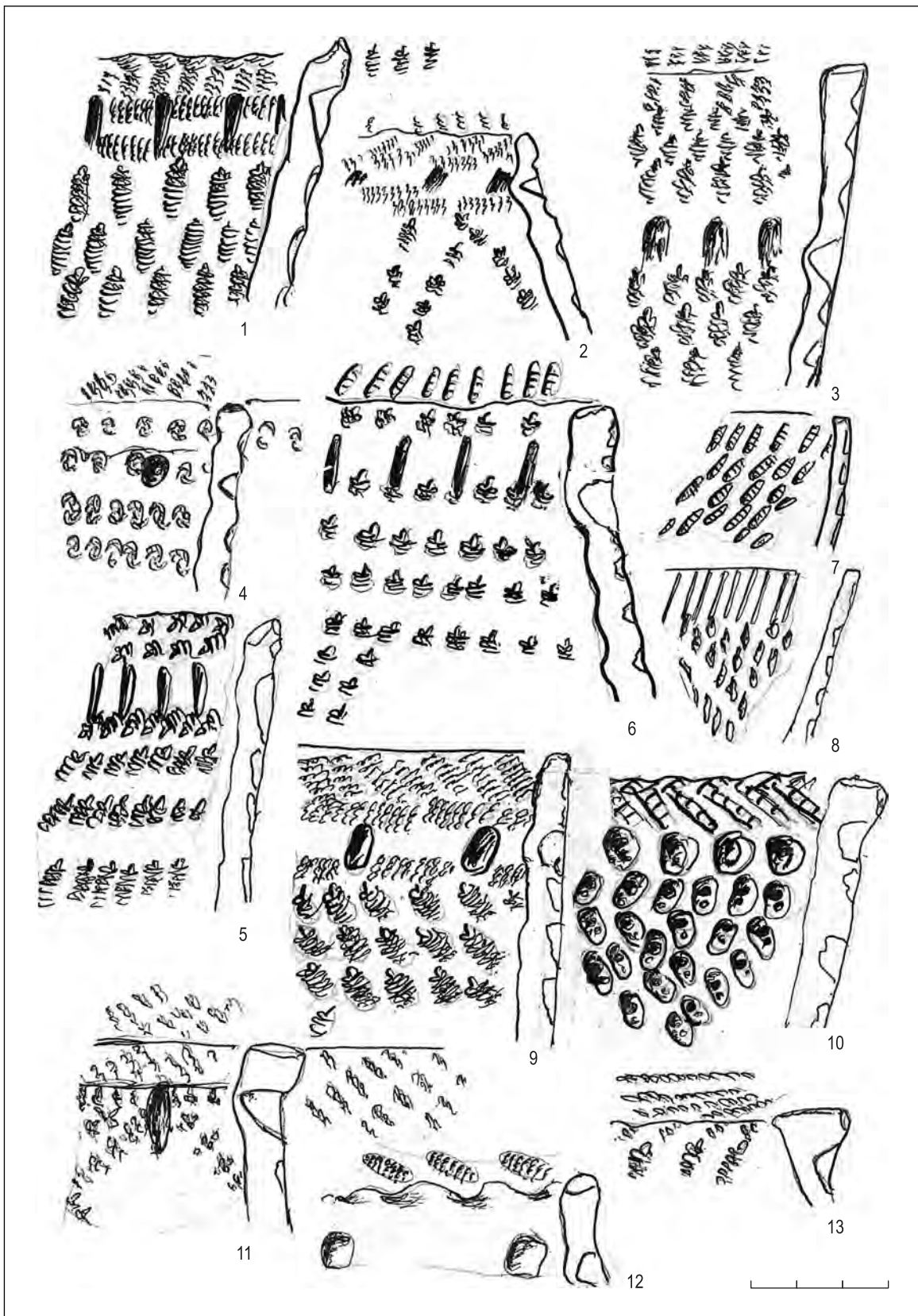

Рис. 10. Полецкая стоянка. Лапчатая керамика (реконструкция частей сосудов)

Штампы – короткие и средней длины зубчатые, крупнозубых штампов нет. Имеются сосуды с использованием в орнаментации штампов разной длины. Один из малых сосудов орнаментирован глубоко вдавленным мелким зубчатым штампом, у другого на внутренней стороне венчика – отпечатки торца пальца с ногтем. Возможно, внешняя поверхность этого сосуда не орнаментирована. Немногочисленные неорнаментированные фрагменты показывают, что есть сосуды с широкими гладкими (неорнаментированными) зонами. Оттиски рамчатого штампа есть только у одного сосуда (венчик не найден). Один сосуд отличается использованием кольцевого штампа при его орнаментации.

Волосовская керамика весьма однородна и производит впечатление целостного разового комплекса, относящегося к позднему этапу волосовской культуры. В пользу такой датировки – небольшое количество сосудов с раковиной в тесте, разреженность орнамента. Для позднего этапа характерен также кольцевой штамп. Спецификой является малое количество сосудов с оттисками рамчатого штампа, характерно также отсутствие орнаментального выделения венчика.

Из волосовского слоя происходят антропоморфные кремнёвые фигурки (рис. 11: 12, 18; 13: 1–2). Высота их 44 и 42 мм. Первая выполнена из плоского отщепа краевой контурной ретушью, довольно примитивна. Голова имеет треугольную форму. Это, по мнению А.В. Уткина и Е.Л. Костылёвой [6], позволяет отнести её к изображениям медведей. Я не считаю это определяющим признаком. Более значимо положение ног. Этот признак даёт устойчивое повторение. Здесь ноги – расставленные (рис. 11: 17; 13: 1). Вторая – из плоского отщепа, с круглой головой, ноги параллельны, на боках выемками обозначены прижатые руки и груди или округлый живот (рис. 11: 18; 13: 2).

В этом слое также найден изогнутый, утолщающийся в середине стержень, по форме, размерам и изгибу повторяющий стержни составных рыболовных крючков, встречающихся в волосовских комплексах. Они шлифованы, но делались из серого сланца, этот – из яшмовидного красного кремня. Оформлен отвесной ретушью по четырём граням, поверхность отшлифован (кроме концов). Специфической детали – продольного желобка для крепления острия – у него нет, возможно не закончен. Головка для привязывания лески на тонком конце угадывается по ретушным выемкам (рис. 11: 17; 13: 3).

Лапчатая керамика (рис. 9–10) встречается только в верхнем слое. На 342 фрагмента (не считая 120 мелких – до 4 кв. см) приходится 48 фрагментов венчиков 32 сосудов и 8 фрагментов донышек. Сосуды в среднем мельче льяловских. Мелких (диаметром 16–19 см) – 8, средних (20–26 см) – 14, крупных (30–36 см) – 9. Форма однообразна – преобладают прямогорлые сосуды без профилировки, более или менее открытых – 8, закрытых – не более трёх. Оформление края венчика разное: округлённые, прямо срезанные, утолщённые, скошенные по внутреннему краю. Все венчики орнаментированы – как по верху (все), так и по внутреннему скосу и наружной стороне. В оформлении венчика используется тот же шнуровой штамп, каким выполнен орнаментальный фон. Единственное исключение – поясок оттисков узкого гладкого штампа по наружной стороне венчика у одной небольшой чаши. Особенностью лапчатой керамики является поясок глубоких ямок под венчиком, оставляющих бугорки-жемчужины с внутренней стороны (у 24 из 32 сосудов). Ямки выполнялись тем же шнуровым штампом, узлом, а также – палочкой. Ямки у 7 сосудов – узкие, щелевидные, у 5 – широкие, сделаны углом штампа. Такие ямки характерны для крупнокольчатой керамики Ибердуса, Дубровичской стоянки, керамики имеркской культуры. В бассейне Днепра керамика с такими оттисками включается в днепро-донецкую, но такие оттиски остаются и в бондарихинской керамике. Треть сосудов имеет под венчиком одинарный или двойной поясок оттисков поставленного горизонтально плашмя шнурового штампа.

Орнаментальный фон выполнен шнуром, намотанным на тонкую палочку и установленным углом. Оттиски – узкие, что характерно, например, на стоянке Маслово Болото 4 для её верхнего слоя, который перекрывает волосовский слой. Встречаются шнуровые оттиски, поставленные без наклона, а также торцом, иногда оттиски узла. Орнаментальная система – сплошное заполнение поля. При этом равно представлены заполнение поля в шахматном порядке, строчно и в виде треугольных фестонов, зигзага, наклонных полос. Помимо ямочного заполнения и рисунка, встречаются пояски оттисков иных штампов – щепки, зубчатого штампа (на 8 фрагментах).

Лепились сосуды из лент средней ширины – порядка 3,5 см, встык (нахлест крайне редок). Толщина стенок – 5–8 мм. Большинство имеет расчёт внутренних поверхностей. В качестве примеси у большинства (не менее 19) присутствует птичий пух, имеются следы шерсти и какой-то иной органики, оставляющей крупные округлые поры. Реже встречается примесь дресвы, изредка крупной (достоверна дресва у 13 сосудов). Примесь песка может иметь и естественный характер, встречается редко. Интересно присутствие раковины в тесте трёх сосудов. При этом пористость теста у них невелика. Некоторые сосуды не имеют видимой примеси. Лапчатая керамика Полецкой стоянки не обнаруживает признаков гибридизации с волосовской, исключение – 3 сосуда с примесью раковины. Она гораздо ближе к деснинско-окской, чем к верхнеднепровской.

Интересен сосуд диаметром около 23 см шлемовидной формы, отличающийся и по орнаменту, и по характеру теста (рис. 12). Он рассеян в позднельяловском слое чёрного песка, но его фрагменты есть и в оторфованном верхнем слое. Именно этот сосуд имеет крупнопористое тесто (поры округлые), заметна примесь кровавика, поверхность сосуда окрашена охрой (мажется). В орнаменте сочетаются зоны лапчатых и кругло-конических (льяловских) ямок – в 2–3 строчки, а орнаментальные пояски выполнены перевитым шнуровым штампом, поставленным плашмя, оттиски длинные – до 6 см, при этом концы штампа оттиснуты глубже, чем середина (штамп покачивался). Такого теста и длинного перевитого оттиска нет больше ни у одного сосуда.

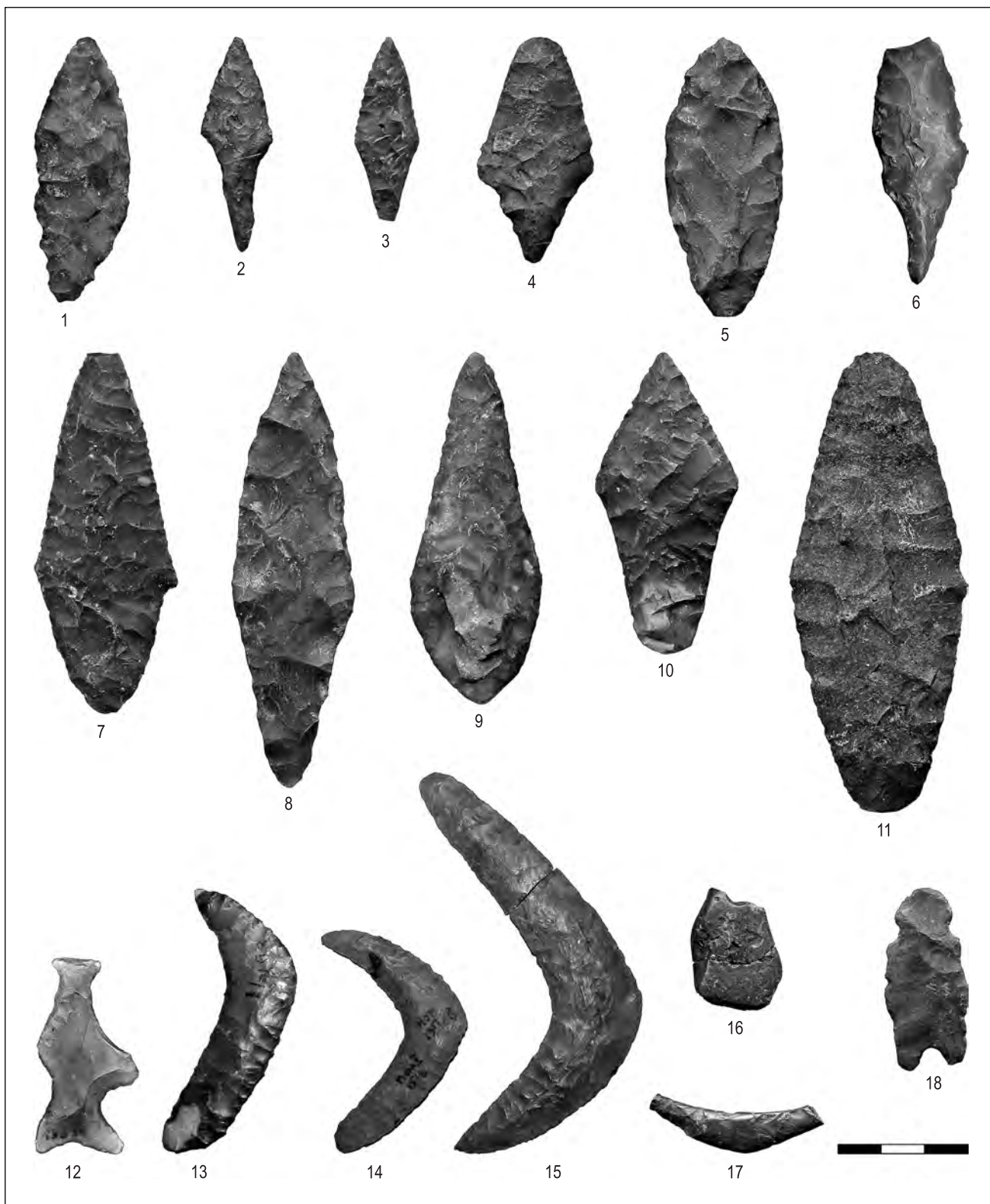

Рис. 11. Полецкая стоянка. Орудия и украшения-амулеты:

1 – наконечник дротика (в процессе перделки); 2 – сверло на наконечнике стрелы; 3 – наконечник стрелы; 4–5, 7–10 – наконечники дротиков; 6 – сверло; 11 – наконечник копья; 12, 18 – антропоморфные фигурки; 13–15 – серповидные ножи; 16 – подвеска; 17 – шлифованный стержень. 1–15, 17–18 – кремь; 16 – янтарь

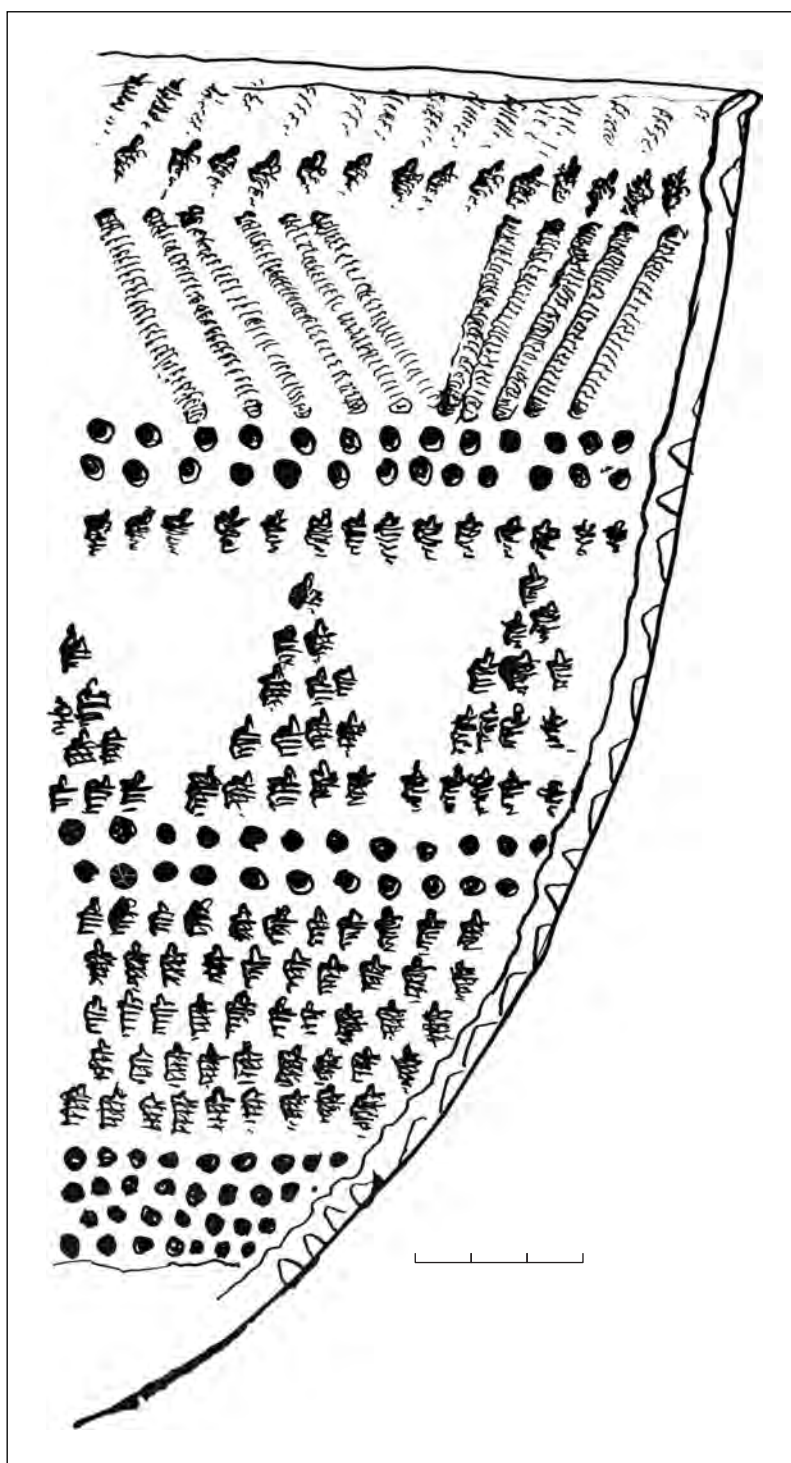

Рис. 12. Полецкая стоянка. Гибридный льяловско-лапчатый сосуд. Керамика

Кремнёвый комплекс верхнего слоя содержит обычный волосовский набор орудий (рис. 3, 11). Скрепки – геометризованных очертаний с длинной плоской ретушью, имеются зубчатые, а также шлифованные лезвия; ложки – с округлым и острым скребковым концом, ножи – из плоских отщепов, свёрла – с подправкой жальца резцовым сколом, в том числе из наконечника стрелы (рис. 11: 2). Среди наконечников копий следует отметить крупный листовидный наконечник с намеченными выемками у насада. Это может быть

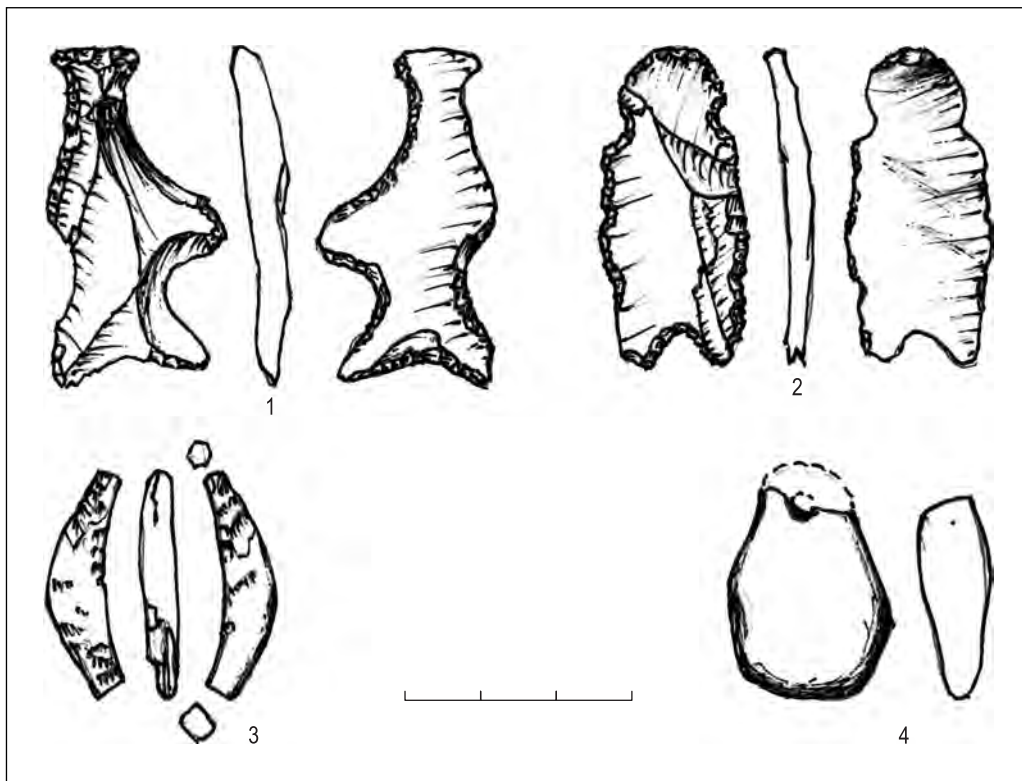

Рис. 13. Полецкая стоянка. Украшения-амулеты:

1–2 – антропоморфные фигурки; 3 – шлифованный стержень; 4 – подвеска. 1–3 – кремень; 4 – янтарь

кинжал (рис. 3: 14). Один из наконечников имеет почти параллельные боковые зубчатые лезвия – форма необычная (рис. 3: 12). Один из крупных наконечников, по форме близкий к ромбическим, имеет скруглённые концы, на которых видны следы износа в работе, – он использовался как скребок (рис. 11: 11). Скруглённый и сточенный конец имеет также один из треугольно-черешковых наконечников дротиков.

Выразительны серповидные ножи с ровной двусторонней ретушью, не уступающей ретуши лучших наконечников (рис. 3: 6–8; 11: 13–15). Назначение этих орудий неясно. Это наверняка не серпы (те легко определяются по характерной заполированности). У этих ножей лёгкий износ заметен только на выпуклом лезвии. Это оружие: подобная обработка имеется только на наконечниках. Такие ножи встречаются в бассейне Днепра, на Верхней Оке. На стоянках Мещёры и Нижней Оки они есть там, где имеется лапчатая керамика. Они могут служить маркерами контактов с бассейном Днепра.

Несмотря на то, что именно из волосовского слоя происходят почти все тщательно обработанные орудия, в этом же слое был максимум отщепов случайной формы со следами износа – эрзац-орудий, служивших ножами, скребками, резцами без дополнительной обработки или с минимальной подправкой. Здесь их вдвое больше, чем всех остальных орудий (в льяловском слое такие орудия составляют менее четверти общего количества). Это – возможный показатель появления металла, что согласуется с поздним обликом волосовской и лапчатой керамики на памятнике, которая может датироваться финальным этапом волосовской культуры – ок. 4000 л.н.

Янтарная подвеска – простая овальная галечка без шлифовки – была найдена в верхнем слое (рис. 11: 16; 13: 4).

Керамические комплексы Полецкой стоянки показали следующую схему культурогенеза. На начальном этапе существования она использовалась льяловской группой. Инородных элементов нет. Затем, на поздней стадии развития льяловской культуры, отмечены контакт с носителями верхнеднепровской (гибридный сосуд) и интенсивные контакты с носителями белёвской (окский локальный вариант) культур. Для более позднего времени можно говорить только о белёвско-валдайском смешанном типе керамики или проникновении сюда валдайской группы. После довольно длительного перерыва, связанного с подтоплением площадки и заболачиванием котловины, это место занимает волосовская группа. Последний этап освоения площадки связан с появлением здесь группы людей верхнеднепровского происхождения, которая, по-видимому, не имела здесь контакта с волосовцами. Верхний слой формировался в условиях нарастающего оторфовывания и подъёма воды в озере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дукельский В.Ю. Отчет о работах Музея истории и реконструкции г. Москвы на территории Рузского и Чеховского районов Московской обл. в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6684.
2. Краснов Ю.А., Краснов Н.А. Новые памятники льяловской культуры // СА. 1959. № 1.
3. Новые исследования 1-й Звенигородской неолитической стоянки на Москве-реке / Н.А. Кренке, А.Л. Александровский, А.А. Войцик, И.И. Елкина, И.Н. Еришов, Е.Г. Еришова, А.В. Лазукин, А.Н. Мазуркевич, А.В. Панин, А.А. Кудрявцев, М.В. Лавриков, В.А. Воронин // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 8. М., 2012.
4. Костылёва Е.Л., Калинина И.В. Использование костей животных для орнаментации ямочно-гребенчатой керамики // ТАС. Вып. 5. Тверь, 2002.
5. Жуков Б.С. Неолитическая стоянка у с. Льялова Московского уезда // Труды Антропологического института. Вып. 1. Прил. к Русскому Антропологическому Журналу. Т. XIV. Вып. 1-2. М., 1926.
6. Уткин А.В., Костылева Е.Л. Антропоморфные изображения волосовской культуры // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.

**ФГБУН «Институт археологии РАН»,
Москва**

V.V. Sidorov

POLETSKAYA SITE

Summary

The site on Lake Poletskoye in the Upper Nara is included into the group of neolithic relics of the river Moscow basin where identical flint raw materials were used. Complexes of medium and late stages of Lyalovo culture of the middle and the end of IV millenium BC are divided on the relic on the basis of the stratigraphic analysis. At the later stage Belyovsky ceramics with a rhombic pit and comb ceramics, enter the complex. There are no holes for posts at the archaeological monument, except for a pit with a vessel in its filling. The workshop for processing flint can be also connected with a later Lyalovo complex. The settlement of the later stage of Volosovo culture arises here after bogging of the lake on the peat coast took place. In the same layer materials of the Upper Dnieper culture whose bearers migrated to the territory of Volosovo culture in its final period, is found.

***Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences,
19, Dm. Ulyanova St., Moscow, 117036,
Russia
E-mail: gav-lupus@rambler.ru***

Н.А. Цветкова

**РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА
НИЛОВА ПУСТЫНЬ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ В.И. ТИМОФЕЕВА
В ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ)¹**

Ранний неолит в Тверской области представлен материалами примерно 130 памятников [1–4]. Это стоянки, в культурных отложениях которых каменный инвентарь сопровождается керамикой ранненеолитического времени. Стоянки и местонахождения без глиняной посуды в культурных горизонтах, относимые к этому периоду по облику изделий из камня, во внимание не принимаются из-за общего типологического тождества каменного инвентаря финального мезолита и раннего неолита региона [5; 6]. В культурных горизонтах большей части известных памятников не сохраняются артефакты из органических материалов. Такие стоянки приурочены к отложениям субаквального и субаэрального генезиса и известны в литературе как «дюнные» памятники, стоянки «на песке» или «на минеральных грунтах». Они, как правило, не обладают чёткой стратификацией, а разновременные и разнокультурные материалы, залегающие в их подпочвенных горизонтах, зачастую перемешаны. Исключение составляют многослойные торфяниковые поселения Озерецкого торфяника и стоянки группы Языково. Часть из них чётко стратифицированы, что даёт возможность выделить «чистые» комплексы материалов различных археологических культур или их этапов [7–9].

Данные из раскопок ранненеолитических памятников опубликованы выборочно. В основном это касается стоянок с территории Валдайского поозерья [например: 7, 8; 10–26]. Анализ и оценка территориального распространения материалов, накопленных к настоящему времени, позволили установить, что в раннем неолите территория современной Тверской области достаточно чётко распадается на две культурные зоны – западную и восточную. Памятники раннего неолита западной зоны расположены в бассейне Западной Двины. Ранненеолитические стоянки восточной части Тверской области относятся к зоне бассейна Волги. Последние изучены гораздо лучше по сравнению с первыми [1].

Чёткое географическое разделение ранненеолитических стоянок Тверской области не обязательно обуславливает подобное разделение их в культурном отношении. Считается, что на территории Тверского региона изучены памятники, оставленные носителями традиций двух ранненеолитических археологических культур – валдайской и верхневолжской [27; 28]. Н.Н. Гурина, обследовавшая значительную часть Тверской области, считала все стоянки местного неолита входящими в ареал валдайской культуры, в материальной культуре которой исследовательница отмечала сходные черты с материалами археологических культур этого времени на территории Западной Белоруссии и Литвы, Верхнего и Среднего Поднепровья [14]. Д.А. Крайнов полагал, что стоянки раннего неолита Тверской области входят в круг верхневолжских древностей Волго-Окского междуречья и представляют собой западно-верхневолжский локальный вариант верхневолжской культуры – «окраину ..., где происходили контакты ранненеолитического населения различных культур» [28, с. 173]. Существует ещё одна точка зрения, состоящая в том, что в западной части Тверской области стоянки раннего неолита оставлены носителями традиций валдайской (моложской – в интерпретации Ю.Н. Урбана [29, с. 243–244]) культуры, а восточная часть области входит в ареал верхневолжской культуры [1, с. 35].

Материальная культура раннего неолита региона реконструируется по находкам глиняных сосудов, каменных и костяных орудий, наборов костей животных, птиц и рыб, а также остатков жилищ [1, с. 35–37; 30].

В целом, по раннему неолиту Тверского Поволжья существует немало спорных вопросов, основной из которых – культурная принадлежность стоянок неолита Валдайского поозерья [подробнее об этом см. 31; 32]. На основании имеющихся данных, в результате сравнения материалов однослойных ранненеолитических

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Археологические культуры Евразии в контексте системного анализа: новые перспективы осмысления истории по археологическим данным» (рук. Н.И. Платонова) по программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Историческое наследие Евразии и его современные смыслы».

ких «валдайских» стоянок Котчище I и II с коллекциями с памятников раннего этапа верхневолжской культуры автору удалось установить их тождество как по керамике, так и по каменному инвентарю [32]. Однако данный тезис по-прежнему нуждается в подтверждении и возможной корректировке. С учётом того, что данная территория находится в зоне водораздела [33], вполне вероятно, например, что только часть стоянок Валдайского поозерья действительно входит в круг верхневолжских древностей, тогда как остальные оставлены носителями валдайской культуры.

Все спорные или нерешённые ещё вопросы связаны, в первую очередь, со степенью изученности Тверского региона. Некоторые районы области до сих пор мало обследованы. Лакуной для раннего неолита, в частности, является вся юго-западная часть региона [1, с. 34]. Неполнота археологической карты существенно тормозит развитие представлений о раннем неолите не только Тверской области, но и всего Верхневолжского региона. Поэтому сейчас как никогда актуальным и первоочередным является ввод в научный оборот неопубликованных материалов ранне-неолитических стоянок, на основании которых стало бы возможно подтвердить, опровергнуть или же скорректировать имеющиеся представления.

Одним из таких памятников является однослойная стоянка **Нилова Пустынь**, открытая В.И. Тимофеевым при проведении разведочных работ в 1973 г.

Памятник находится в Осташковском районе Тверской области близ д. Светлица и, согласно описанию В.И. Тимофеева, локализуется на узкой стрелке мыса, глубоко вдающегося в оз. Селигер, на его восточной оконечности. Приблизительно в 0,5 км к югу от стоянки находится остров Столбный (Столобенский) с расположенным на нём монастырём Нилово-Столобенская Пустынь [34]. Более точное местоположение стоянки установить в настоящее время затруднительно, поскольку в отчёте В.И. Тимофеева отсутствуют необходимые ориентиры: нет ситуационного плана памятника, и, по-видимому, неверно указано расстояние от стоянки до острова Столбный. Исходя из топографии местности, можно предположить два возможных места нахождения этой стоянки (рис. 1: 2, 3). Расстояние от северной оконечности острова Столбный до первого составляет 640 м, до второго – 920 м (рис. 1: 2).

Сохранился схематический рисунок В.И. Тимофеева на крафтовой бумаге, в которую были упакованы находки из Ниловой Пустыни. На нём обозначен мыс, на котором расположена стоянка, и отмечены шурфы (рис. 1: 4). Судя по тому, что мыс соединён на схеме с островом Столбный линией, логично предположить, что имелась в виду единая береговая линия между островом и мысом. В этом случае получается, что стоянка приурочена к более дальнему мысу, расположенному к северо-северо-востоку от острова Столбный. С другой стороны, ориентировка по сторонам света плана участка берега с заложением на нём рекогносцировочным раскопом (зачистки) и шурфами из полевого отчёта (рис. 1: 5) ясно указывает, что стоянка Нилова Пустынь располагается на мысу 2, более высоком по сравнению с мысом 1 и соответственно более подходящим для проживания.

В издании «Археологическая карта России. Тверская область» стоянка Нилова Пустынь упоминается под вторым названием Светлица (Стоянка I). Согласно данным АКР, этот памятник располагается в 0,7 км к ЮЗ от центральной части д. Светлица, на северо-западном берегу острова на Осташковском плёсе оз. Селигер на территории Нилово-Столобенской Пустыни [4, с. 173]. Очевидно, что это описание местоположения памятника с данными В.И. Тимофеева не совпадает.

Памятник был исследован двумя зачистками и тремя шурфами [34; 35]. Основная часть материала была найдена в зачистке размерами 5×1 м (рекогносцировочный раскоп на плане участка берега – рис. 1: 5). Также находки были в шурфе 1 (1×1 м), заложённом в 4 м к северо-западу от зачистки, и в шурфе 2 (1×0,5 м), заложённом в 10,5 м к западу от зачистки. В шурфе 3 (1×1 м) в 5 м к юго-востоку от рекогносцировочного раскопа и в ещё одной зачистке кромки берега в 12 м к востоку-северо-востоку находки отсутствовали.

Стратиграфия зачистки восточной оконечности мыса (рекогносцировочный раскоп) (рис. 1: 6) [33]:

1. Песок серый задернованный – 4–12 см;
2. Песок интенсивно-тёмного цвета с обильными углистыми включениями – культуросодержащий горизонт – 0–10 см;
3. Песок светло-серый – 5–25 см;
4. Бурый ортштейнированный песок – материк.

В этой зачистке, по свидетельству В.И. Тимофеева, «было отмечено около сотни находок, представленных в основном крупными отщепами, сколами, отдельными пластинами фиолетового и тёмного кремня. Керамика представлена несколькими фрагментами с неорганической примесью в тесте» [34, с. 64]. Остальные находки в сходной стратиграфической ситуации встречены в шурфах 1 и 2.

Находки в совокупности составляют небольшую коллекцию из 139 артефактов.

Керамический комплекс насчитывает семь неорнаментированных фрагментов стенок и один – венчика сосудов (рис. 2: 1–7). Фрагменты стенок принадлежат сосудам, изготовленным из рыже-коричневой глины, по оценке Ю.Б. Целлина, средней ожелезнённости, средней или низкой пластичности, с естественной примесью мелкого песка и бурого железняка и с примесью органики и шамота. Их толщина колеблется от 7 до 4 мм. На внешних поверхностях фиксируется подлощённость и заглаженность, происхождение которых установить не удалось, на внутренних – следы горизонтального заглаживания, выполненого предположительно пучком травы. Один из фрагментов происходит от сосуда, который после обжига был подвергнут обвариванию. Обжиг остальных фрагментов предположительно длительный с полной прокалённостью теста черепка. Такая посуда относится к начальному этапу раннего неолита на Верхней Волге [36] и сопос-

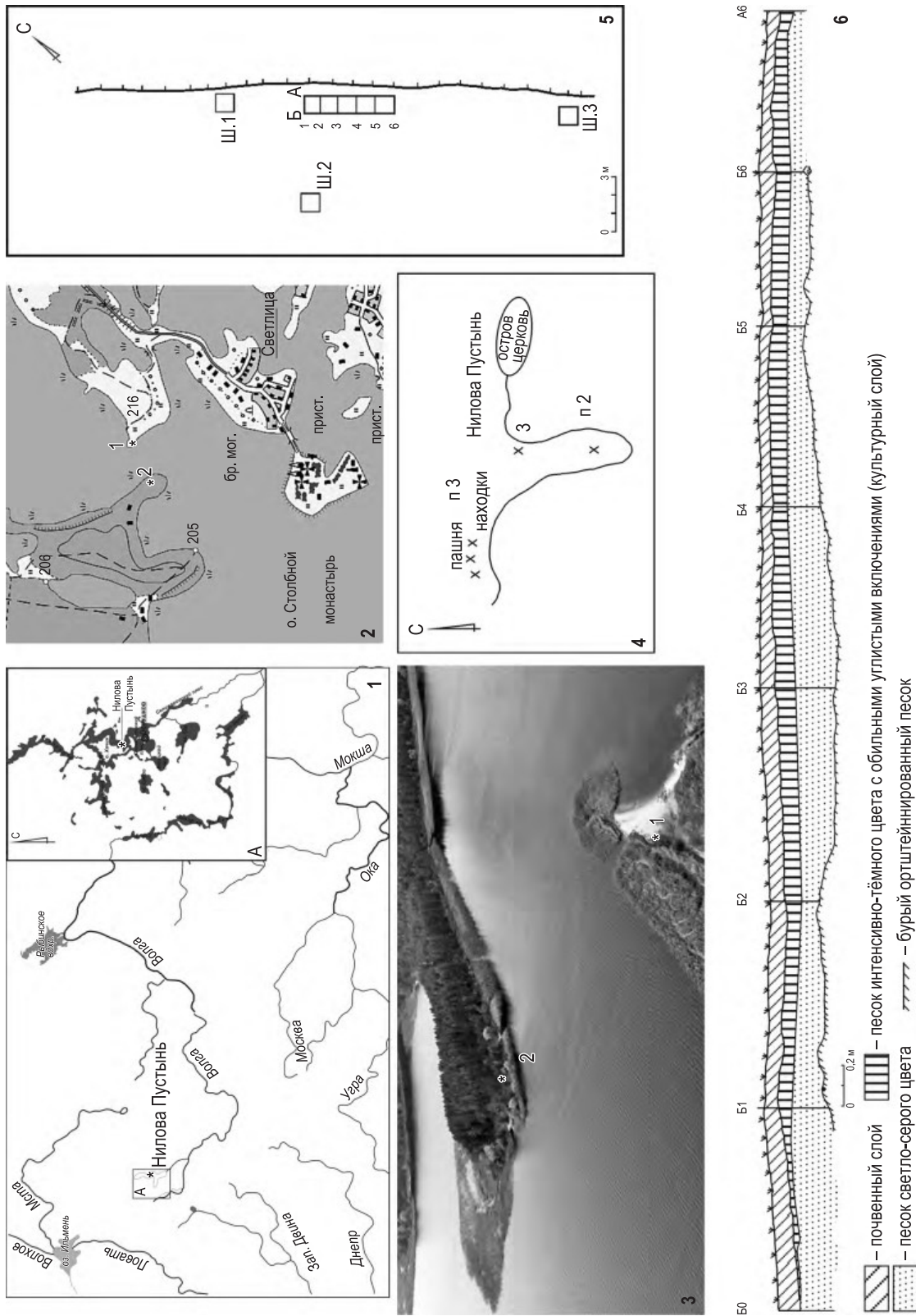

Рис. 1. Стоянка Нилова Пустынь:

1 – схема расположения стоянки Нилова Пустынь в бассейне Верхней Волги; 2 – предполагаемые места нахождения памятника (*1, *2); 3 – вид на предполагаемые места нахождения стоянки Нилова Пустынь; 4 – ситуационный план-схема местоположения стоянки Нилова Пустынь (по В.И. Тимофееву [34]); 5 – стоянка Нилова Пустынь. План участка берега (терраса высотой около 1 м) с заложенными на нём рекогносцировочным раскопом и шурфами (по В.И. Тимофееву [34]); 6 – стоянка Нилова Пустынь. Стратиграфия рекогносцировочного раскопа (зачистка берега восточной оконечности мыса) (по В.И. Тимофееву [34])

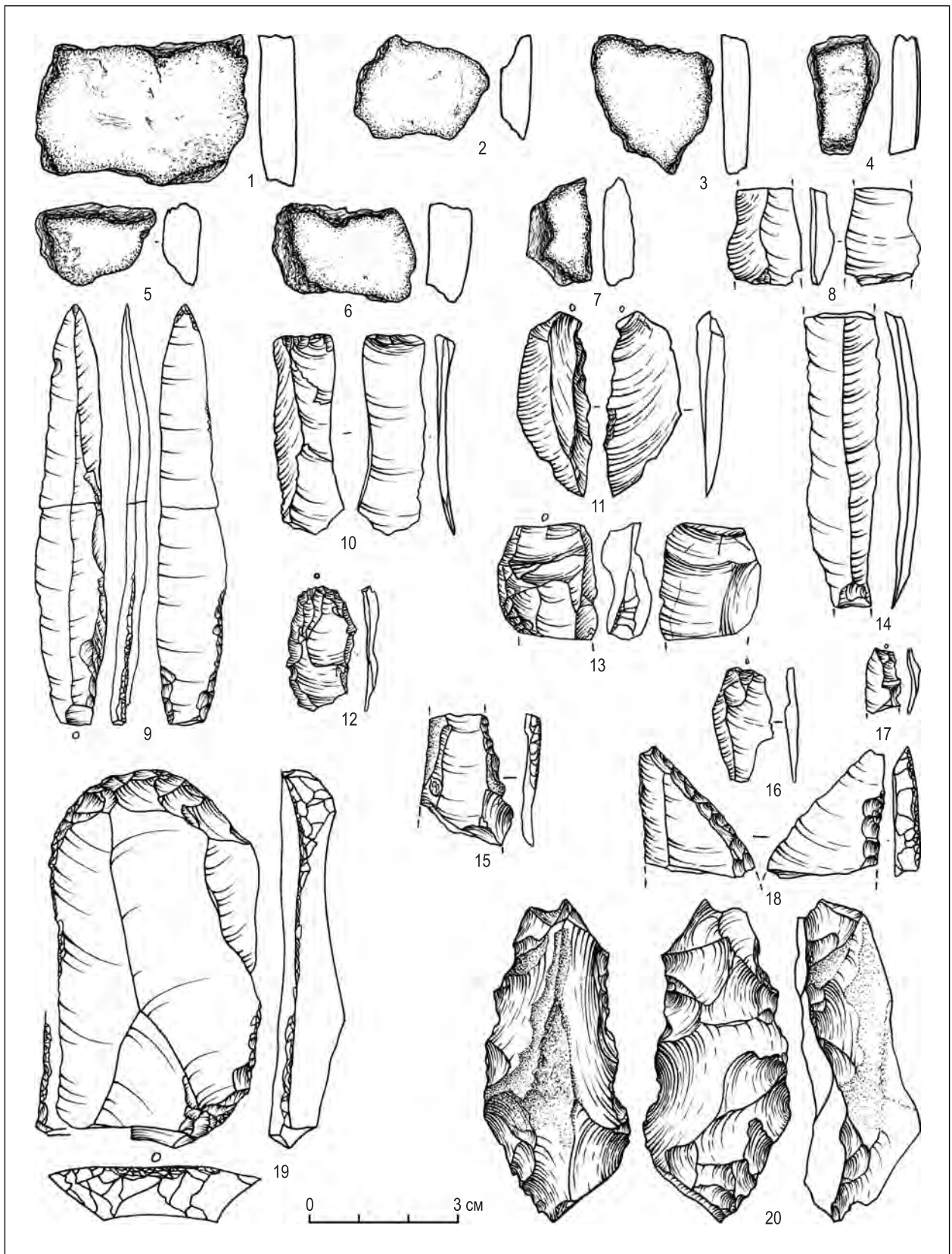

Рис. 2. Стоянка Нилова Пустынь. Каменный инвентарь (рис. Н.А. Цветковой)

тавляется по своим характеристикам с так называемой посудой котчищенского типа [10], с той лишь разницей, что среди фрагментов керамики из Ниловой Пустыни отсутствуют орнаментированные.

Интересен непрофилированный фрагмент венчика сосуда с округлым срезом, резко отличающийся от описанной керамики. Он гораздо более тёмного цвета и производит впечатление сильно обожжённого из-за обилия каверн от выгоревшей органики, присутствовавшей в тесте.

Каменные изделия, найденные в ходе исследования памятника, насчитывают 133 экземпляра. В качестве сырья использовался местный карбоновый кремль различного цвета (преимущественно серых оттенков), среднего и низкого качества.

Большая часть коллекции представлена продуктами расщепления. Отщепы и обломки отщепов – 81 экз., чешуйки – 4 экз., осколки – 3 экз., термические осколки – 12 экз. Пластинчатых отщепов насчитывается 17 экз., технологических сколов – 4. Пластины и части пластин немногочисленны – 3 экз. В коллекции также присутствует нуклеидный осколок.

Орудий всего четыре: крупный наконечник стрелы иволистной формы удлинённых пропорций (94×15 мм) с подработкой пера и насада, разломленный на две части (рис. 2: 9). Подобный тип орудий представлен на стоянках раннего неолита Верхневолжского региона и связывается в первую очередь с начальным этапом верхневолжского неолита. Аналогичные вещи, хотя и чуть меньшие по размеру, представлены в коллекциях со стоянок Озерки 5/к.с. II, Ивановское III/л.г. 3, Сахтыш II, Алексеевское I и Окаёмово 18/ниж. к.с. [25; 37–39]. Алексеевское I и Окаёмово 18/ниж. к.с. – это памятники, относящиеся к начальному этапу неолита: в первом случае – с неорнаментированной, во втором – с накольчатой глиняной посудой. В коллекции с остальных памятников представлены все типы раннеолитической керамики.

Также в коллекции с Ниловой Пустыни присутствуют: концевой скребок с дугообразным лезвием на массивном пластинчатом отщепе (76×42 мм) (рис. 2: 19), отщеп с регулярной дорсальной ретушью (рис. 2: 15) и отщеп («нож») с регулярной противоположающей ретушью светло-сиреневого кремня (рис. 2: 18). Ещё три отщепы с нерегулярной дорсальной ретушью можно отнести к случайным формам. Также в коллекции имеется заготовка, по-видимому деревообрабатывающего орудия на начальной стадии изготовления (рис. 2: 20).

Таким образом, на основании состава инвентаря стоянку Нилова Пустынь следует отнести к раннему этапу неолита, а конкретно – ко времени распространения и бытования в Верхневолжском регионе неорнаментированной/накольчатой керамики (до 6500 uncal BP) [40]. Поскольку никакие типологически инородные элементы в культурном слое памятника не зафиксированы, то очевидно, что находки из Ниловой Пустыни представляют собой «чистый» комплекс. По своему объёму данная коллекция сопоставима с материалами с таких памятников начального этапа неолита, как Алексеевское I (192 каменных изделия и 55 фрагментов сосудов), Окаёмово 18/ниж. к.с. (111 экз. и 15 фрагментов сосудов), Становое 4/к.с. II, раскоп 1998 г. (26 каменных изделий), Кухмарь III (121 каменное изделие). Точное количество фрагментов сосудов в коллекциях с двух последних памятников неизвестно.

В культурных слоях всех перечисленных стоянок представлена только неорнаментированная и/или тычково-накольчатая керамика начального этапа неолита региона (керамика «котчищенского» типа по Н.Н. Гуриной [27] либо I этапа развития верхневолжской археологической культуры [36], она же – посуда волго-окской культуры по Ю.Б. Цетлину [41]).

Количество памятников этого времени без примеси более поздних материалов, в первую очередь керамики с гребенчатыми элементами орнамента, невелико. К памятникам, перечисленным выше, следует добавить стоянки: Давыдовская, Окаёмово 5, Беливо 2 и Альба 1 в Московской области, Озерки 5/к.с. III в Тверской области, Шадрино IV в Ивановской области [40]. Пополнение списка раннеолитических источников даже такими малочисленными коллекциями, как набор артефактов из Ниловой Пустыни, представляется важным с точки зрения раскрытия спорных вопросов культурной истории Валдайского поозерья. В частности, специфика каменного инвентаря начального этапа раннего неолита на Валдае, которая до сих пор имела суммарную характеристику [11; 12; 15; 27], теперь может быть охарактеризована материалами компактной «селигерской» группы стоянок (Нилова Пустынь, Котчище 1 и 2). Последние демонстрируют как типологическое единство между собой, так и явное культурное тождество с территориально удалёнными «восточными» верхневолжскими раннеолитическими памятниками.

Автор выражает благодарность в.н.с. Отдела теории и методики ИА РАН д.и.н. Ю.Б. Цетлину за помощь в обработке керамики из Ниловой Пустыни и м.н.с. Отдела каменного века ИА РАН к.и.н. Д.К. Еськовой за подбор архивных материалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Археологическая карта России. Тверская область. Часть 1. М., 2003.
2. Археологическая карта России. Тверская область. Часть 2. М., 2007.
3. Археологическая карта России. Тверская область. Часть 3. М., 2010.
4. Археологическая карта России. Тверская область. Часть 4. М., 2012.
5. Жилин М.Г. Некоторые вопросы перехода от мезолита к неолиту на Верхней Волге // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 1. Иваново, 1994.
6. Кольцов Л.В., Жилин, М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья (Памятники бутовской культуры). М., 1999.
7. Урбан Ю.Н. К вопросу о раннеолитических комплексах в Калининском Поволжье // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976.

8. *Сидоров В.В.* Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М., 1992.
9. *Жилин М.Г.* Мезолитические торфяниковые памятники Тверского Поволжья: культурное своеобразие и адаптация населения. М., 2006.
10. *Гаврилова И.В.* Неолитическая стоянка Котчище на оз. Селигер // КСИА. Вып. 92. 1962.
11. *Гурина Н.Н.* Валдайская неолитическая культура // СА. 1958. № 3.
12. *Гурина Н.Н.* Неолитическая стоянка Щепочник (к вопросу о происхождении валдайской культуры) // КСИА. Вып. 82. 1961.
13. *Гурина Н.Н.* Верхневолжские макролиты в свете новых исследований // *Studia archaeologica in memoriae Harri Moora*. Tallinn, 1970.
14. *Гурина Н.Н.* Неолитические племена Валдайской возвышенности // МИА. № 172. 1973.
15. *Гурина Н.Н.* К вопросу о раннем неолите Верхнего Поволжья // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.
16. *Гурина Н.Н.* Относительная и абсолютная хронология памятников каменного века Волговерховья. В. Каменный век Верхнего Поволжья // Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2. СПб., 1997. (Археологические изыскания. Вып. 55)
17. *Жилин М.Г., Высоцкая Ю.М.* Стратиграфия и планиграфия многослойного поселения Озерки 5 // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М., 2005.
18. *Жуков Б.С.* Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики // Этнография. 1929. № 1.
19. *Крылова Т.Б.* Неолитическая стоянка Тиница в Калининской области // КСИА. Вып. 193. 1988.
20. *Крылова Т.Б.* Классификация скребков мезолита и неолита памятников Валдайской возвышенности // Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2. И.В. *Верещагина, Н.Н. Гурина, Т.Б. Крылова, Г.В. Сеницына, В.И. Тимофеев, В.Я. Шумкин.* СПб., 1997. (Археологические изыскания. Вып. 55)
21. *Сеницына Г.В.* Ланино I – памятник каменного века // Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2. И.В. *Верещагина, Н.Н. Гурина, Т.Б. Крылова, Г.В. Сеницына, В.И. Тимофеев, В.Я. Шумкин.* СПб., 1997. (Археологические изыскания. Вып. 55)
22. *Тимофеев В.И.* Стоянки Залесья и некоторые вопросы изучения валдайской неолитической культуры // Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2. И.В. *Верещагина, Н.Н. Гурина, Т.Б. Крылова, Г.В. Сеницына, В.И. Тимофеев, В.Я. Шумкин.* СПб., 1997. (Археологические изыскания. Вып. 55)
23. *Верещагина И.В.* Поселения южного побережья Селижаровского плеса оз. Селигер // Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2. И.В. *Верещагина, Н.Н. Гурина, Т.Б. Крылова, Г.В. Сеницына, В.И. Тимофеев, В.Я. Шумкин.* СПб., 1997. (Археологические изыскания. Вып. 55)
24. Каменный век Верхневолжского региона (по материалам исследований Верхневолжской экспедиции ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН, проведенных под руководством Н.Н. Гуриной). Материалы к археологической карте. Вып. 1. СПб., 1995. (Археологические изыскания. Вып. 27)
25. *Крайнов Д.А., Хотинский Н.А.* Верхневолжская раннеолитическая культура // СА. 1977. № 3.
26. *Энговатова А.В.* Неолитическая стоянка Усть-Тудовка 8 // ТАС. Вып. 1. Тверь, 1994.
27. *Гурина Н.Н.* Валдайская культура // Неолит Северной Евразии. М., 1996. (Археология с древнейших времен до Средневековья в 20 томах)
28. *Крайнов Д.А.* Верхневолжская культура // Неолит Северной Евразии. М., 1996. (Археология с древнейших времен до Средневековья в 20 томах)
29. *Урбан Ю.Н.* Стоянка Забелье – памятник раннего неолита Северного Валдая // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.
30. *Цветкова Н.А.* Ранний неолит Верхнего Поволжья: некоторые итоги изучения // Российский археологический ежегодник. № 1. СПб., 2011.
31. *Цветкова Н.А.* К вопросу о раннем этапе валдайской неолитической культуры // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию Н.Н. Гуриной. СПб., 2009.
32. *Цветкова Н.А.* Памятники раннего неолита Верхневолжской системы озер: к вопросу о культурной атрибуции // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. СПб., 2012.
33. *Воробьев В.М.* Великий водораздел Восточной Европы: географо-археологический аспект // ТАС. Вып. 1. Тверь, 1994.
34. *Тимофеев В.И.* Работы Верхневолжской экспедиции на оз. Пено и Краватынском плесе оз. Селигер / *Гурина Н.Н.* Отчет Верхневолжской неолитической экспедиции за 1973 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5949.
35. *Тимофеев В.И.* Отчет об исследовании стоянок у пос. Пено в 1973 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 14.
36. *Костылева Е.Л.* Раннеолитическая керамика Верхнего Поволжья // ТАС. Вып. 1. Тверь, 1994.
37. *Костылева Е.Л.* Остатки раннеолитической верхневолжской культуры на стоянке Сахтыш II // КСИА. Вып. 177. 1984.
38. *Цветкова Н.А.* Однослойные памятники раннего неолита Ивановской области // Материалы и исследования по археологии России и Белоруссии. Культурное взаимодействие древних сообществ кон. VII–II тыс. до н.э. верховья Двины и Днепра (технологические и хозяйственные аспекты). СПб., 2014.
39. *Жилин М.Г.* Памятники мезолита и раннего неолита западной части Дубненского торфяника // Древности Залесского края. Материалы международной конференции «Каменный век Европейских равнин: Объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры» 1–5 июля 1997, Сергиев-Посад. Сергиев Посад, 1997.
40. *Энговатова А.В., Жилин М.Г., Спиридонова Е.А.* Хронология верхневолжской раннеолитической культуры (по материалам многослойных памятников Волго-Окского междуречья) // РА. 1998. № 2.
41. *Цетлин Ю.Б.* Неолит центра Русской равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула, 2008.

**ФБГУК «Российский этнографический музей»,
Санкт-Петербург**

N.A. Tsvetkova

**THE EARLY NEOLITHIC SITE NILOVA PUSTYN'
(BY INVESTIGATIONS OF V.I. TIMOFEEV IN TVER REGION)**

Summary

The paper deals with the inventory of a single-layer site Nilova Pustyn' located in the upper reaches of the river Volga. The assemblage from the excavation area is represented by 8 unornamented ceramic fragments and 133 flint items. According to the ceramic characteristics the habitation on this site should be dated by the initial phase of the Early Neolithic (6500 uncal BP).

*Federal State Budgetary Institution of Culture
"The Russian Museum of Ethnography",
4/1, Inzhenernaya St., Saint-Petersburg, 191011,
Russia
E-mail: n-tsvetkova@yandex.ru*

А.С. Сыроватко

СВИРИДОНОВО III: ПАМЯТНИК-ЗАГАДКА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Городища, как дьяковской культуры, так и соседних с ней, являются в целом понятными археологическими объектами. Облик материальной культуры с учётом локальной специфики не является загадкой. Безусловно, именно в «дьякововедении» существует наибольшее количество проблемных тем, но всё же наше понимание их после работ 1980-х–1990-х гг. находится на качественно новом уровне. Отрадно, что открытие новых памятников, при этом ещё и городищ с развитой системой укреплений, на этом фоне ещё возможно. Ещё более радостно от того, что на этих городищах встречаются необычные находки.

Памятник Свиридоново III расположен на правом берегу р. Оки, административно это Озёрский район Московской области. В настоящее время городище представляет собой очень узкий – не более 20 м – мыс, отделённый двумя линиями валов и рвов от napольной стороны (рис. 1). Вероятнее всего, миниатюрные размеры памятника являются результатом эрозионных процессов в оврагах с восточной и западной сторон площадки, «съевших» её за последние тысячелетия. Однако очевидно, что и в первоначальном виде городище сильно уступало в размерах и мощности укреплений Ростиславлю, расположенному всего в 3 км ниже по течению реки. Условно Свиридоново III можно назвать городищем-спутником Ростиславля.

Городище Свиридоново III было открыто в конце 2009 года жителем г. Коломны О. Нагиным, причём открытие это было ярким – на площадке был обнаружен клад «рубчатых» браслетов (5 экземпляров), сразу же опубликованный [1]. Раскопки были проведены на небольшой площади вокруг места находки с задачей выбрать клад, и в настоящей работе имеется возможность опубликовать клад полностью – он состоял, в итоге, из шести браслетов (рис. 2). Материалы тех раскопок также введены в научный оборот, поскольку с их помощью была обоснована дата находки, сделанной на площадке, в «подъёмке»: подвески-«конька» [2] (рис. 3: 1). Однако не менее значимое открытие было сделано за пределами раскопа. Это открытие заключалось в том, что следы литейного производства были обнаружены практически на поверхности памятника, под опавшими листьями, либо на минимальной глубине, а также на осыпающихся склонах. Увы, мародёрство людей с металлодетекторами стало приметой времени. Чудесным образом они обошли это место стороной, а мы, в свою очередь, в течение ряда лет собирали находки с поверхности, чтобы их опередить. В настоящей работе публикуются все материалы памятника, собранные к настоящему времени¹; кроме того, выносится на обсуждение применённая методика полевого обследования памятника.

Правда, методика эта ничего принципиально нового собой не представляла: всё, что было обнаружено нами на поверхности памятника или под ней, фиксировалось на плане одним из трёх способов: оптическим теодолитом, GPS-приёмником, лазерным тахеометром. Последний – предпочтителен, хотя в условиях конкретного памятника, сильно залесённого, с густым орешниковым подростом, все способы фиксации имели серьёзные ограничения в использовании. Тахеометр перед теодолитом обладает очевидными преимуществами в удобстве применения: ему не требуется фиксированная высота рейки, отражатель может быть установлен на любую высоту, он сканирует быстрее и, главное, точнее теодолита; GPS-приёмник (разумеется, бытового класса) наименее точен из всех, но самый простой и дешёвый. Наш опыт раскопок Щуровского могильника подсказывает, что точная привязка артефактов, собранных на памятнике, со временем позволяет вписать их в раскопы и даже связать с определёнными объектами.

Абсолютное большинство представляемых в работе изделий является материалом, собранным с поверхности памятника или с небольшой глубины. Исключение составляет один «рубчатый» браслет (рис. 2: 1), найденный в раскопе, – он располагался внутри корней крупного клёна, и для его извлечения пришлось распилить пень на части. В целом вся полученная коллекция, вернее, та её часть, которая состоит из узнаваемых предметов, производит впечатление, во-первых, однородной в культурном плане, во-вторых, единого комплекса, сформировавшегося в финальный период функционирования памятника. Верхняя дата городища была обоснована мной ранее, при попытке определить возраст подвески-«конька» (рис. 3: 1). Наш вывод строился на том, что в коллекции керамики – как из раскопа, так и с поверхности памятника – сетчатая ке-

¹ Упомянем также работу по микробиоморфному изучению насыпей валов этого городища и его площадки, для чего А.А. Гольевой (ИГ РАН) было осуществлено бурение валов и повторное вскрытие раскопа 2010 года. Эти данные также частично опубликованы [3].

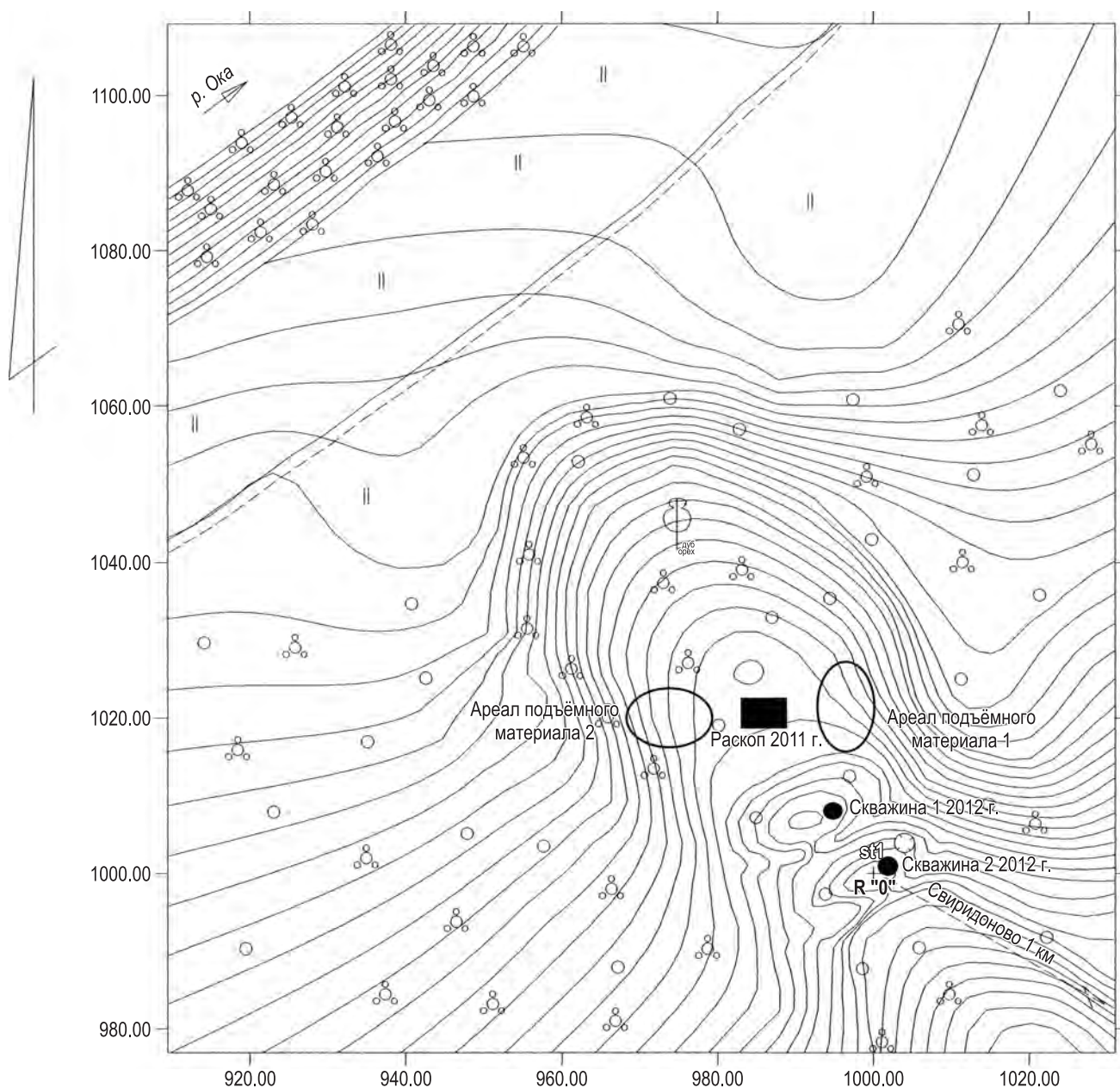

Рис. 1. Городище Свиридоново III. План памятника с указанием скважин.
Сечение горизонталей – 0,2 м. Система высот – условная, система координат – местная

рамика с «нитчатым» отпечатком в большинстве случаев принадлежит к раннему типу, аналогичному Климентовской стоянке [2, с. 176–177]. Следовательно, мы вправе предположить, что городище перестаёт функционировать к началу «второго пришествия» «нитчатой» керамики, случившегося в последние века до н.э. (вероятнее всего, во II–I вв. до н.э.) и ярко проявившегося на соседнем городище Ростиславль [4, с. 131–132; 5, с. 61–62]. Вторым аргументом для датировки, впрочем, также не очень надёжным, является существующая, на мой взгляд, связь «рубчатых» браслетов на городище Свиридоново III как с верхним горизонтом, так и с многочисленными следами литейного производства. Общепринятым временем бытования браслетов латенского стиля считаются IV–III вв. до н.э.

Коротко охарактеризуем клад «рубчатых» браслетов (рис. 2). Он состоял из 6 однотипных предметов (тип 1 по классификации Е.С. Нефёдовой [6, с. 23, рис. 3–7]), причём все они не имели следов «предпродажной подготовки»: гладкие части не полированы, а литники не удалены. Поскольку детальное описание технологии изготовления первых пяти экземпляров, включая состав металла (оловянистая бронза), выполне-

но И.А. Сапрыкиной, нет нужды повторять эти выводы. Шестой браслет принципиально ничего не меняет в представлениях о кладе, так же как условия его обнаружения – внутри пня – ничего не добавляют к пониманию стратиграфии памятника. Отметим, что появление таких браслетов на р. Оке мы связали с Верхним Поднепровьем [1].

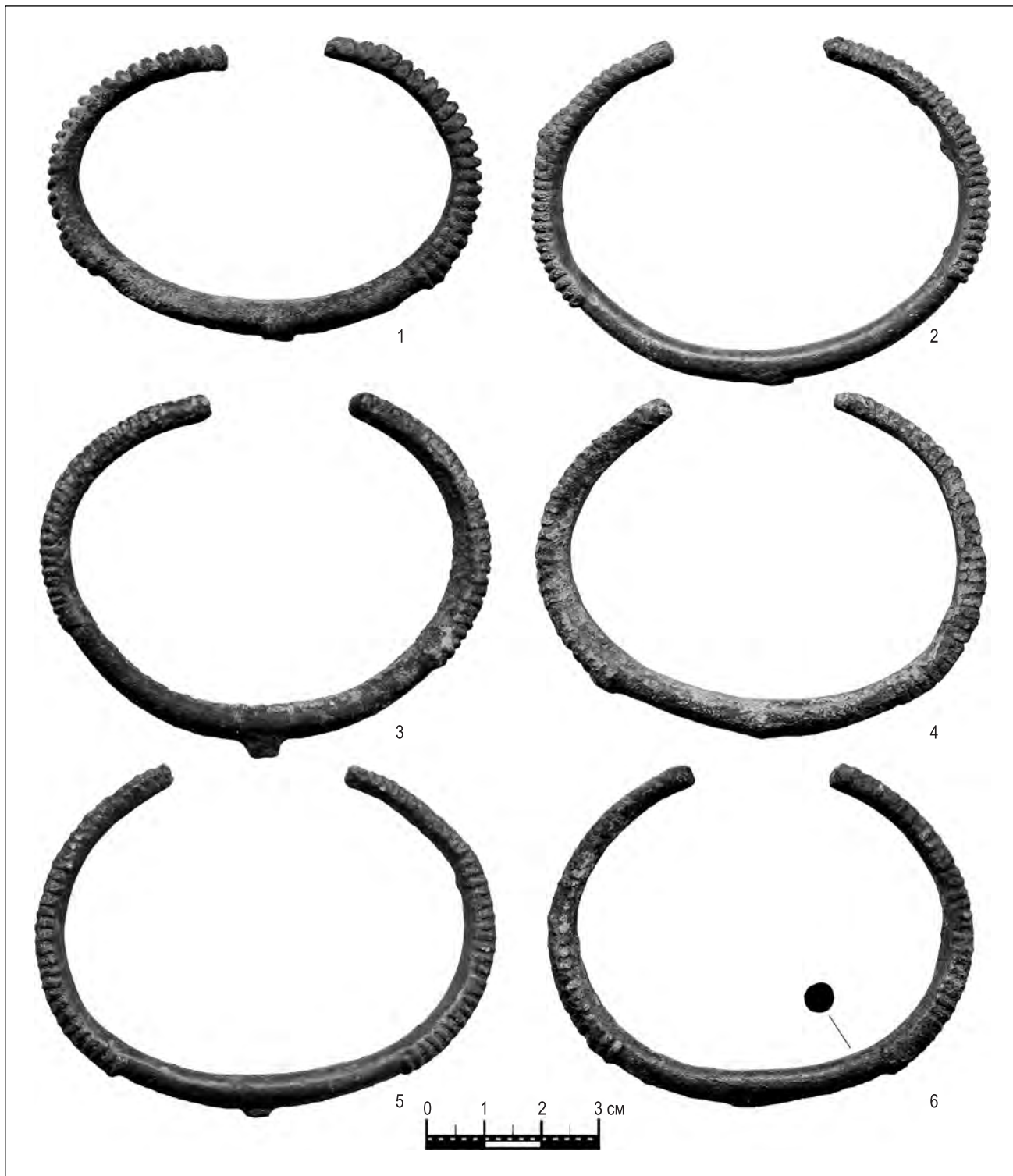

Рис. 2. Городище Свиридоново III. «Рубчатые» браслеты из состава клада 2009 г. и из раскопа 2010 г.

Подвеска-«конёк» (рис. 3: 1) была обнаружена на поверхности городища, к востоку от раскопа. Эта находка стала логотипом Ступинского краеведческого музея, где и хранится коллекция. Основные аналоги приведены при её публикации [2], и они также указывают на территории Верхнего Поднепровья и Верхнего Подонья. Есть только один аналог, обнаруженный восточнее Свиридоновской, который мы можем привести дополнительно к уже опубликованному списку, но это Ростиславль, т.е. памятник, расположенный, повторим, всего в 3 км от Свиридоново. Правда, ростиславльская находка довольно необычна – она выполнена из кручёного дрота. Другие подвески-«коньки», изготовленные в такой технике, неизвестны.

Не менее яркой, чем перечисленные выше, находкой на памятнике стал фрагмент створки плоского браслета (рис. 3: 13). Предмет выполнен в технике литья по восковой модели, и обратная его сторона гладкая. Наружная имитирует сложную плетёную конструкцию – пять ребристых узких полос обрамлены ложновитыми окантовками. Сымитировано переплетение этих полос тремя группами по три «нити» в каждой; каждая группа поперечных «нитей» завершается двойной спиралью с каждой стороны створки. Торцевая часть

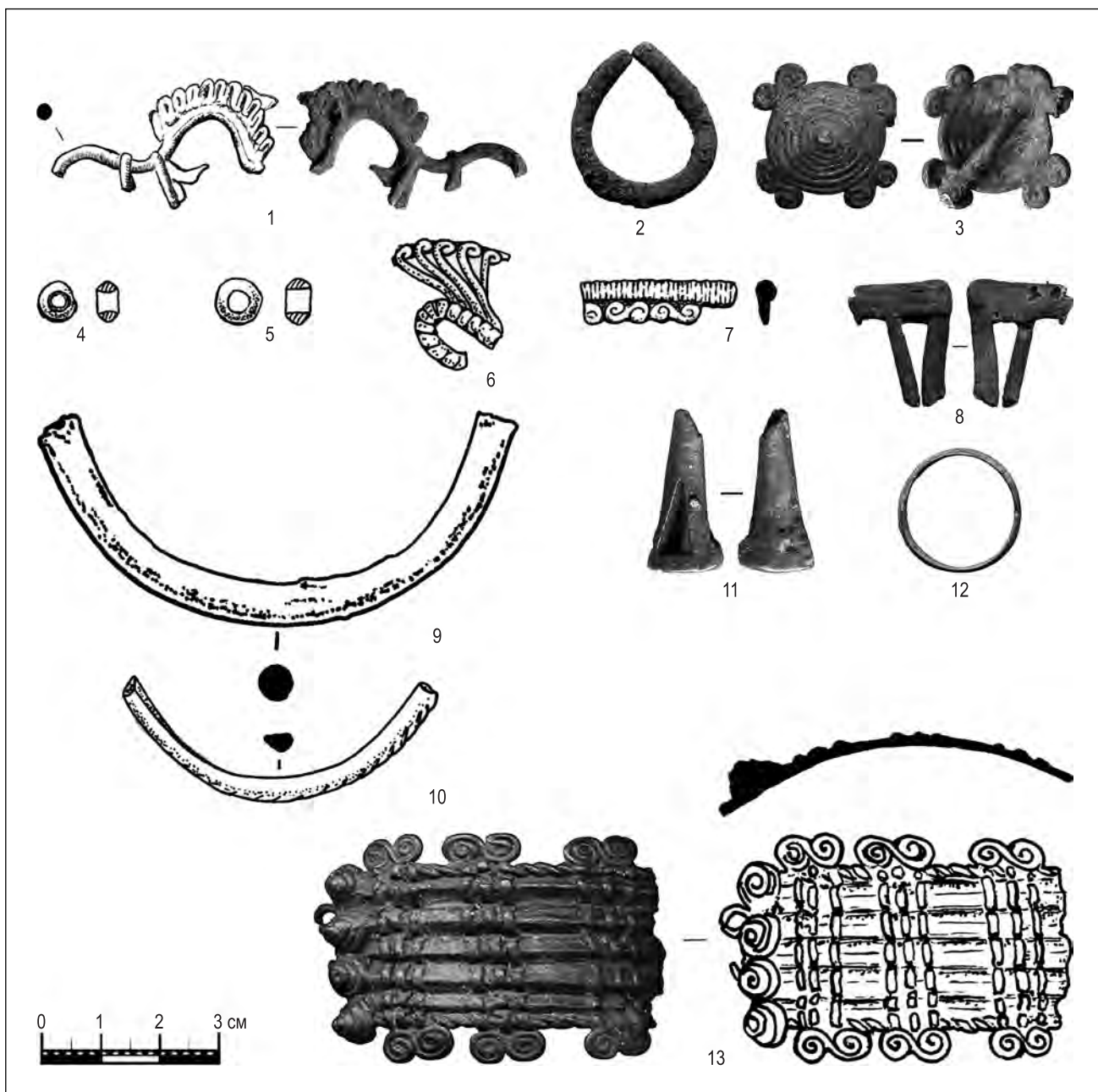

Рис. 3. Городище Свиридоново III. Изделия из цветного металла с поверхности памятника

створки оканчивается четырьмя спиральными «умбонами» и двумя обломанными колечками. Последние, вероятно, служили для застёгивания створки. На предмете присутствуют две узнаваемые детали орнамента, позволяющие говорить о некоем «днепро-двинском стиле» украшения – это двойные спирали и спиральные «умбоны». Сразу оговорюсь, что нам не известны полные аналоги предмету. По форме – широкой и плоской – его можно лишь отчасти сопоставить с некоторыми днепро-двинскими браслетами [7, табл. 9: 11], но наш экземпляр, вероятно, створчатый. Мотивами орнамента – двойными спиралями и «умбонами» – он может быть сходен с другим типом днепро-двинских браслетов – плоским с двойными спиральными конусами на концах [7, табл. 9: 1–7]. Это не полный аналог, хотя явно один стиль. Правда, Е.А. Шмидт считает подобные браслеты ранней формой [7, с. 118–119] на основании совместного нахождения фрагментов форм для них с формами для кельтов на городище Жарынь «в выбросе из бронзолитейной мастерской», но аргументация мне представляется не очень надёжной – во всяком случае не более чем наше обоснование даты мастерской в Свиридоново. Возможно, нечто похожее изготовлялось на Мутёнковском городище – там обнаружен обломок литейной формы плоского ажурного браслета [8, рис. 5: 3], но, увы, очень небольшой.

Менее выразительна серия (4 экз.) обломков бронзовых колец из дрота различного сечения (рис. 3: 2, 9–10). Вероятно, это фрагменты простых браслетов, подготовленные в переделку.

Навершие булавки или щиток серьги (рис. 3: 3) имеет полный аналог щитку в днепро-двинских древностях [7, табл. 14: 19]. Наш предмет, возможно, не являлся серьгой, как приведённый выше аналог – на его обороте присутствует перекладина, возможно, он – обломок булавки. Но в остальном это полное соответствие стилю – спиральный конус-умбон и двойные спирали по краю. Самый близкий аналог территориально происходит из Подмоскovie – это литейная форма с селища Дубровицы 2 [9, с. 79]. Противоречие мне видится в датировке: Е.А. Шмидт, а вслед за ним Н.А. Кренке относят такие украшения к довольно раннему времени [9, рис. 160]. Мне же представляется несколько более поздний – IV–III вв. до н.э. – возраст изделия, исходя из контекста его обнаружения. Ещё одна находка, также имеющая обширные параллели в днепро-двинских древностях [7, табл. 14: 18], – конусовидная подвеска с треугольными вырезами (рис. 3: 11).

Несколько обломков украшений явно происходят от каких-то крупных и ярких предметов: один обломок имеет завитки (рис. 3: 6), весьма сходные с таковыми на знаменитой пекторали с Селецкого городища и обломках гривен с Мокрядинского и Мамонова городищ [10, рис. 3: 10; 11, с. 249]; второй украшен волютой (рис. 3: 7), он может быть частью и булавки, и пекторали; третий обломок ажурного украшения пока не атрибутирован (рис. 3: 8).

Два предмета в коллекции представляют собой обломки литейных форм (рис. 4). Оба принадлежат разным, но однотипным экземплярам, предназначенным для отливки конических, довольно крупных блях, орнаментированных концентрическими линиями и зубчиками. Среди известных в литературе предметов полные аналоги нам не известны. Похожи по форме щитка серьги «скифского» типа, но публикуемые фор-

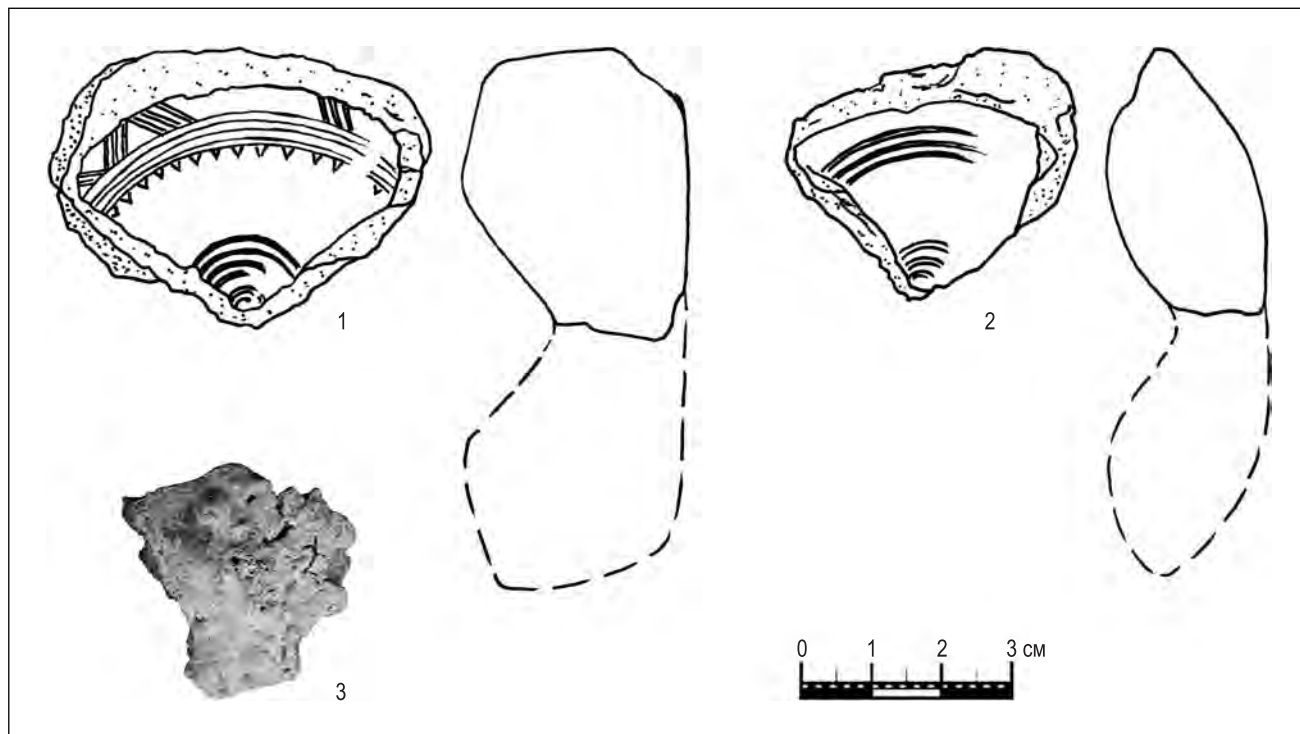

Рис. 4. Городище Свиридоново III. Литейные формы (1–2) и фрагмент тигля (3)

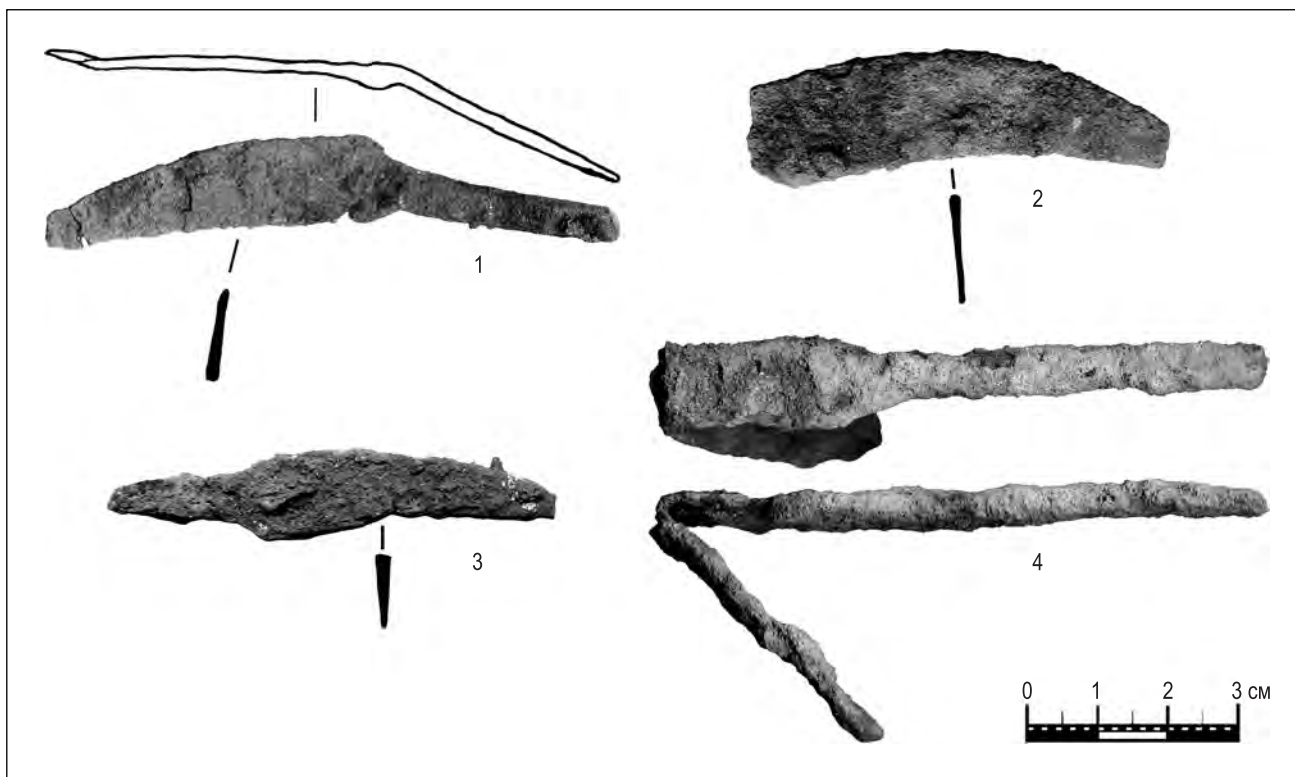

Рис. 5. Городище Свиридоново III. Железные ножи

мы предназначались для более массивных предметов. Однако есть схожие, насколько можно судить по обломкам, фрагменты литейных форм, причём это снова соседний памятник – Ростиславль². Ростиславльские аналоги датированы «последней третью I тыс. н.э.» [12, с. 463–464].

Из украшений, найденных в Свиридоново в разные годы, нам осталось упомянуть только две биконические бусины из медного сплава (рис. 3: 4–5). Есть в сборах с поверхности несколько ножей и обломков ножей (рис. 5). Три из них явно серповидные, но со сравнительно хорошо акцентированным черешком (рис. 5: 1–3). Ещё один нож – и вовсе прямой, с двумя плавными уступами (рис. 5: 4). Отметим, что поздние, XX в., материалы, хотя и редко, но встречаются на площадке, и среди железных предметов, в т.ч. ножей, поздние по бытованию вполне вероятны. Однако самую массовую серию предметов составляют выплески металла (рис. 6). Не сказать о них невозможно, поскольку число их, сконцентрированных в основном в восточной части городища, – несколько десятков (на рис. 6 показаны только примеры подобных артефактов). Это самое яркое свидетельство функционирования литейной мастерской и, хотя большая их часть расположена на склоне, стратиграфически они также тяготеют к поверхности, что указывает на их отложение в финальной стадии существования памятника.

Как видим, наиболее яркие предметы с поверхности Свиридоновского городища представляют собой лом из украшений «ажурного» стиля. Он представлен отдельными предметами и на дьяковских памятниках, но ни на одном из них нет столь яркого скопления. В целом комплекс выглядит «чужеродным» для дьяковских памятников, значительно более «западным». Этому факту можно подобрать несколько объяснений:

1. Состав изделий не отражает собственного ювелирного стиля памятника, это всего лишь лом, маркирующий источники металла. Но в этом случае ломом следует признать и клад рубчатых браслетов, который выглядит, скорее, как готовая продукция. Не укладываются в концепцию лома и литейные формы.

2. Свиридоново III – не вполне дьяковский памятник. Это городище каширского типа (по В.В. Сидорову, каширской культуры). Не исключено, что ювелирный стиль (или направление связей) стал одним из проявлений культурного своеобразия каширской группы памятников.

3. Сложно сравнивать несопоставимые источники между собой – если бы на других городищах дьякова типа находили скопления ювелирного лома, не исключено, что состав его оказался бы подобным. Литейные формы Мутёнковского городища (вероятно также, и Ростиславля) действительно обнаруживают сходство со свиридоновским комплексом [8; 13], а состав ювелирного лома со Старшего Каширского городища также

² Пользуясь случаем, хочу сердечно поблагодарить Е.Ю. Тавлинцеву (МИГМ) за дружеские советы и помощь в поиске аналогий.

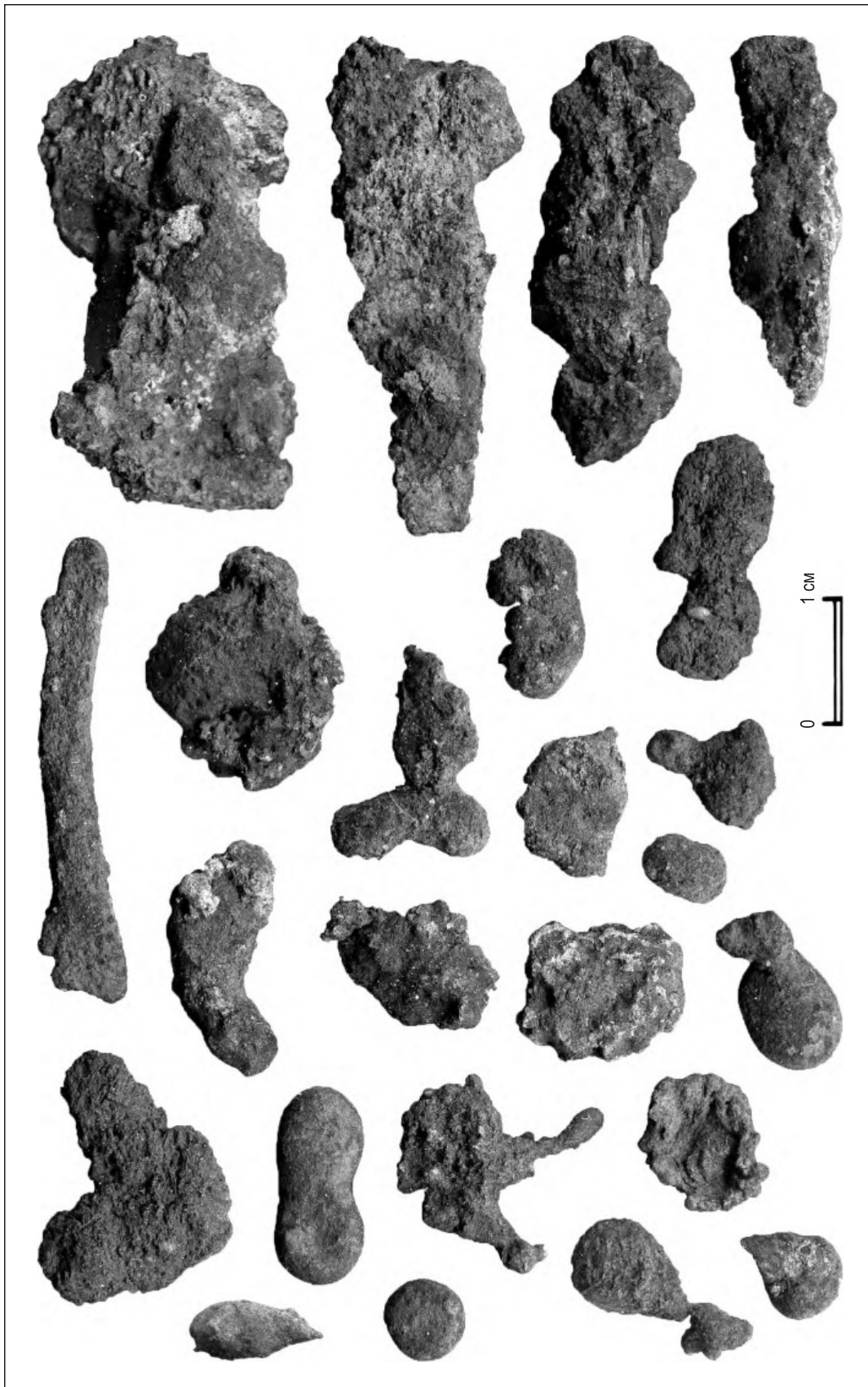

Рис. 6. Городище Свиридоново Ш. «Выплески» – капли цветного металла (подъёмный материал)

включает обломки украшений «ажурного стиля» [14, с. 34], но эти городища входят в одну, «каширскую», группу, а материалов для сравнения с остальными регионами дяковской культуры пока недостаточно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сыроватко А.С., Сапрыкина И.А. Клад рубчатых браслетов на реке Оке // АП. Вып. 7. М., 2011.
2. Обломский А.М., Сыроватко А.С., Сапрыкина И.А. Об одном типе подвесок-коньков на территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы // КСИА. Вып. 226. 2012.
3. Гольева А.А., Сыроватко А.С. Состав насыпей и назначение валов дяковских городищ: естественно-научный подход // ТАС. Вып. 10. Т. II. Тверь, 2015.
4. Сыроватко А.С. Юго-восточное Подмосковье в железном веке. М., 2009.
5. Коваль В.Ю. Фортификация Ростиславльского городища раннего железного века в контексте памятников дяковской культуры // АП. Вып. 8. 2012.
6. Нефедова Е.С. К вопросу о браслетах «латенского стиля» // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. По материалам Первых Тихановских чтений. Ленинград, 1988. СПб., 1992.
7. Шмидт Е.А. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Днепро-двинские племена (VIII в. до н.э. – III в. н.э.). М., 1992.
8. Сидоров В.В., Лопатина О.А. Мутенковское городище // Каширский край. Вып. II. Археология. Кашира, 2006.
9. Кренке Н.А., Тавлицева Е.Ю. Типология и хронология умбонovidных подвесок // Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 2011.
10. Крис Х.И., Чернай И.Л. Городища дякова типа Боршева и Селецкое // КСИА. Вып. 162. 1980.
11. Чернай И.Л. Пектораль из Селецкого городища // СА. 1980. № 4.
12. Тавлицева Е.Ю., Лопатина О.А. Тигли и литейные формы Ростиславльского городища // АП. Вып. 5. М., 2009.
13. Сапрыкина И.А. Производственный ювелирный комплекс. Мутенковское городище // Каширский край. Вып. II. Археология. Кашира, 2006.
14. Сидоров В.В. Археологические памятники окрестностей Каширы // Каширский край. Вып. I. Археология. Кашира, 2002.

*МБУ «Коломенский археологический центр»,
Коломна*

A.S. Syrovatko

SVIRIDONOVO III: ARCHAEOLOGICAL MONUMENT-RIDDLE OF THE EARLY IRON AGE

Summary

The article considers finds from Sviridonovo III hillfort (The Ozyorsk district of the Moscow region) made during excavations carried out there by the author and in the process of collecting lifted materials. According to the author, separate objects (fig. 3), parts of crucibles and mold forms (fig. 4), a hoard of bracelets of Latin type (fig. 2), drops of metal (fig. 6), present the evidence of the jewelry production on the hillfort functioning at the final stage of the existence of the monument. The time of functioning of a jewelry workshop is estimated as the IV–III centuries BC. It is noted that practically all objects are found in fragments and are probably the scrap intended for recycling. Besides, these objects are not characteristic of the Dyakovo culture, but show similarity to the jewelry of the Dnieper-Dvina culture. The author assumes that researches of the hillfort have allowed to reveal one more channel of intake of metal in an area of the Dyakovo culture (devoid of its own resources of non-ferrous metals), or to enrich the ideas of the nomenclature of the jewelry made by the Dyakovo population.

*Municipal Budgetary Institution
“Kolomna Archaeological Centre”,
5, Kremlyevskaya St., Kolomna, Moscow Region, 140400,
Russia
E-mail: arxeolog-net@rambler.ru
sasha.syr@rambler.ru*

В.А. Аверин, А.В. Аверина

РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗВЕДОЧНЫХ РАБОТ НА ОЗЕРЕ ДОЛГОЕ НА ТЕРРИТОРИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО КЛЯЗЬМИНСКОГО ЗАКАЗНИКА В 2013 ГОДУ

Летом 2013 г. на территории Федерального Клязьминского заказника (далее по тексту – Заказник) сотрудниками Ивановской археологической экспедиции были продолжены разведочные работы, начатые в предшествующие годы.

Заказник ведёт свою историю с 1935 г. Нынешний его статус был оформлен распоряжением Совета Министров СССР в 1978 г. Заказник создан с целью сохранения и воспроизводства редкого и находящегося под угрозой исчезновения вида животных – русской выхухолы. Площадь Заказника составляет 21 тысячу га, из них 8,5 тысячи га расположены на территории Ковровского административного района Владимирской области и 12,5 тысячи га – на территории Савинского и Южского районов Ивановской области. Границы Заказника определяются в основном реками: р. Клязьма – примерно 40 км с южной стороны, р. Теза – около 7 км с восточной стороны, р. Уводь – около 15 км с юго-западной стороны. В центральной части Заказника протекает р. Шижегда – 12,5 км. На территории Заказника в пойме р. Клязьмы расположены около 100 озёр старичного типа площадью от 0,1 до 45 га, хорошо развита сеть истоков и ручьёв. Общая площадь озёр составляет 441 га, протяжённость береговой линии рек – 119,6 км, озёр – 116 км.

Экспедиция работает на территории Заказника с 2005 г. За эти годы было открыто более полутора десятков памятников каменного века, на некоторых из них проведены стационарные раскопки. Полученные материалы постепенно вводятся в научный оборот [1–8].

В 2013 г. работы были сосредоточены на оз. Долгое в Савинском районе (рис. 1). Было проведено сплошное обследование западной части его коренного берега. Общая протяжённость маршрута составила около

Рис. 1. Карта восточной части Федерального Клязьминского заказника с указанием места расположения выявленных памятников археологии

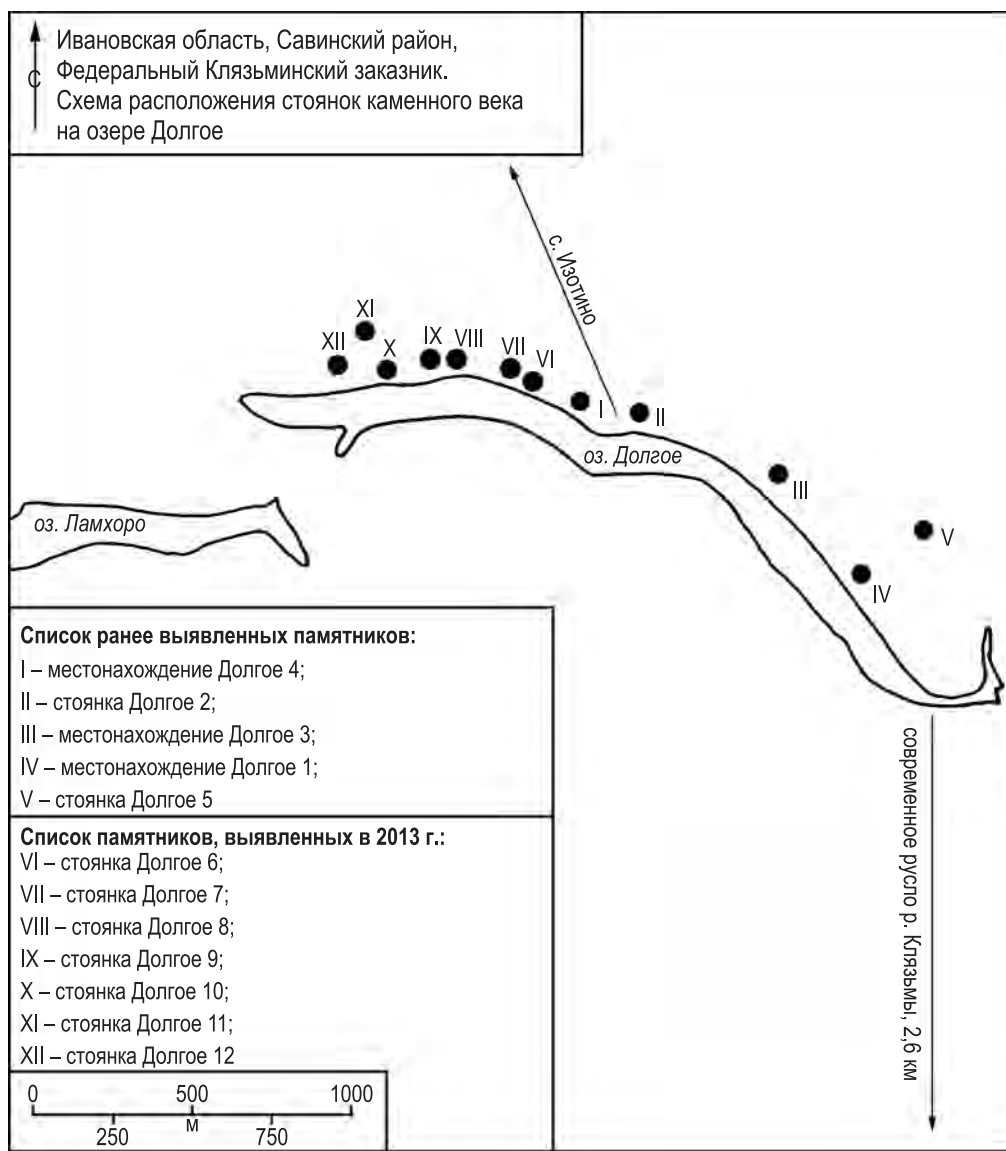

Рис. 2. Схема расположения памятников археологии на оз. Долгое (рис. В.А. Аверина)

3 км, пройденных пешком. Особое внимание уделялось обследованию возвышенностей, которые являются дюнами либо останцами надпойменных террас р. Клязьмы.

Озеро Долгое по своему происхождению относится к типу пойменных старичных озёр, имеет вытянутую форму. Ранее оно входило в крупную озёрную систему, соединяясь протоками с озёрами Ореховое, Некрасово, Печхало и др., возникшую на месте древнего русла р. Клязьмы. В настоящее время часть этих проток пересохла, в результате чего замкнувшиеся озёра (Некрасово, Печхало и др.) начали быстро заболачиваться. Некоторые протоки сохранились и сейчас, хотя процесс их пересыхания идёт довольно быстро.

В ходе проведённой разведки было открыто 7 памятников эпох камня и бронзы (рис. 2). Целью данной публикации является представление кратких сведений о них.

Стоянка Долгое 6 располагается в 3,5 км к юго-востоку от с. Изотино на небольшой песчаной возвышенности. Высота над современным уровнем озера 4 м. Приблизительные размеры памятника, судя по распространению подъёмного материала и особенностям рельефа местности, – 85×40 м. Поверхность нарушена большими, сильно оплывшими западинами подокруглой и подовальной форм, – вероятно, это остатки энеолитических жилищ (подобные ранее были зафиксированы нами при обследовании коренного берега соседнего озера Ореховое). Территория памятника задернована, поросла кустарником и лиственными деревьями, в основном дубами (рис. 3). Никаких повреждений поверхности (не считая кротовин) не зафиксировано. В кротовинах встречен подъёмный материал – мельчайшие фрагменты керамики и отщепы. Для

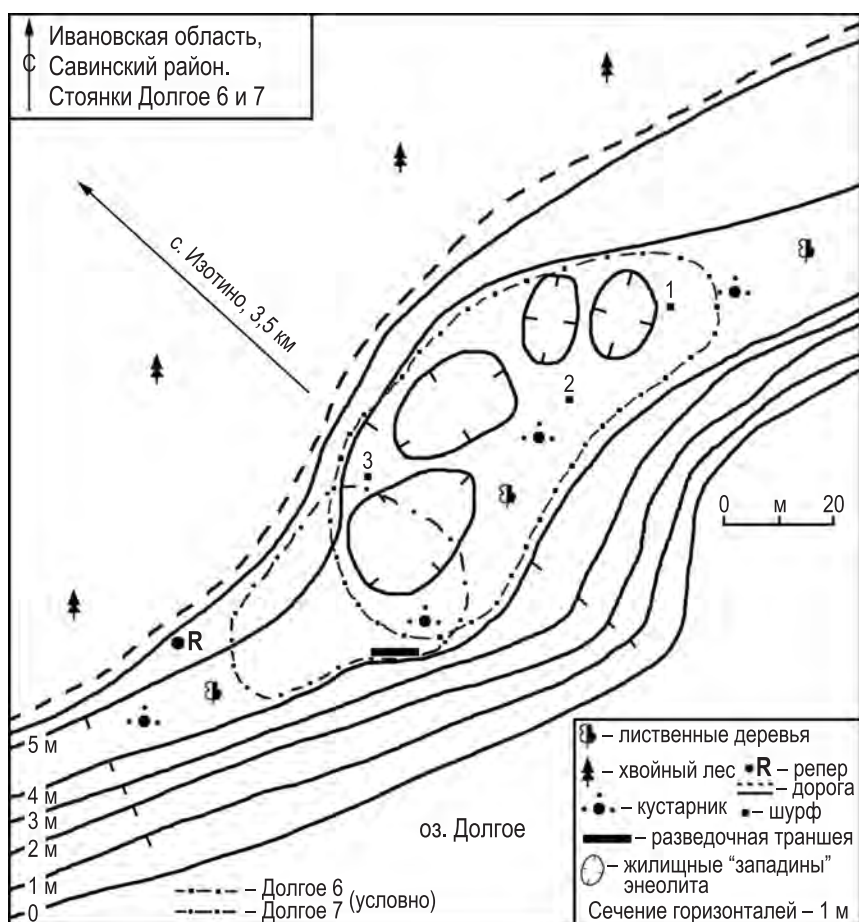

Рис. 3. Топографический план стоянок Долгое 6 и 7 (съёмка А.В. Авериной и В.Ю. Барышникова, 2013 г.)

установления факта наличия, мощности и степени сохранности культурного слоя, а также определения культурно-хронологической принадлежности памятника и примерных границ его территории были заложены разведочные шурфы размерами 1×1 м, три из которых дали археологический материал. Общее количество найденных в шурфах археологических предметов – 76 экземпляров (9 – индивидуальные находки, 67 – массовый материал).

Шурф № 1 заложен на предполагаемой восточной оконечности памятника в 1,5 м от первой жилищной западины, на участке, свободном от кустов и деревьев. Стратиграфия: 1) дёрн – до 6 см; 2) серая супесь – до 12 см; 3) светлый (до белого) песок – до 17 см; 4) рыжий песок – до 32 см; 5) коричневая супесь с примесью угля – до 70 см, внутри этого слоя прослежено чёрное углистое пятно мощностью до 66 см; 6) жёлтый спрессованный песок с ожелезнениями – материк. В слоях 4 и 5 найдены археологические артефакты. В слое 4 обнаружены фрагменты керамики с накольчатым орнаментом, с примесью дресвы и песка в тесте, предположительно датированные эпохой бронзы. В нижележащем слое встречены мелкие фрагменты энеолитической керамики с примесью органики и бурого железняка в тесте (рис. 4: 1–5, 8, 9), а также кремнёвые отщепы (рис. 4: 6, 7, 10, 11). Индивидуальных находок в данном шурфе не было.

Шурф № 2 заложен в 25 м к юго-западу от шурфа № 1, на участке, также свободном от кустов и деревьев. Стратиграфия: 1) дёрн – до 7 см; 2) серый песок – до 42 см; 3) рыжий песок – до 42 см, в этот слой включается линза тёмно-серого песка с корнями (вероятно, остатки дерева) мощностью до 40 см; 4) чёрная углистая прослойка мощностью до 21 см, в восточной части шурфа замещающаяся коричневой супесью той же мощности; 5) жёлто-коричневая супесь с примесью угля – до 50 см, в центральной части шурфа она замещается серо-коричневой супесью также с примесью угля, мощностью до 46 см; 6) жёлто-рыжий рыхлый песок – до 24 см; 7) жёлтый спрессованный песок с ожелезнениями – материк. Первые находки стали встречаться в слое 3, наибольшая их концентрация связана со слоем 4. Из индивидуальных находок – заготовка орудия на отщепе (рис. 5: 3), два аморфных нуклеуса от отщепов (рис. 5: 2, 5) и обломок подобного, концевой скребка на отщепе (рис. 5: 4), а также угловой резец с широкой (6 мм) кромкой (рис. 5: 1). Массовый материал представлен обломком стенки лепного сосуда (предположительно эпохи бронзы) (рис. 5: 7) и череп-

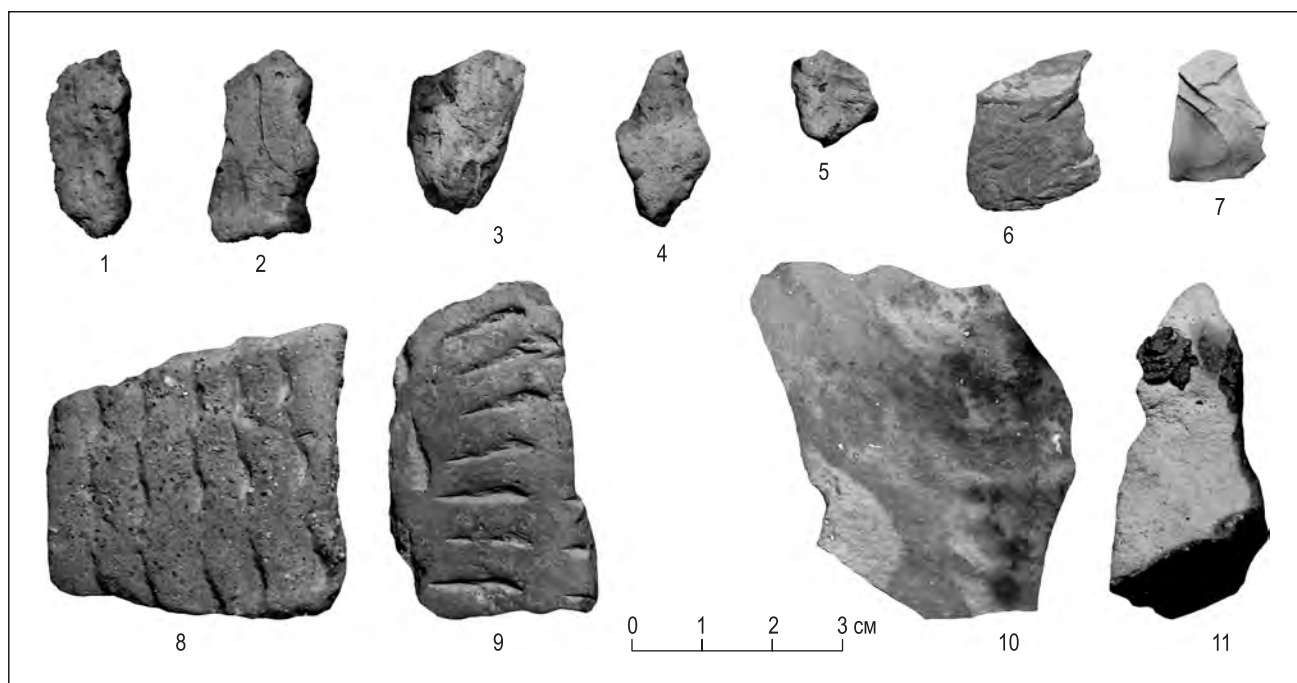

Рис. 4. Стоянка Долгое 6. Шурф 1. Инвентарь:

1–5, 8, 9 – фрагменты керамики; 6, 7, 10, 11 – отщепы кремня (фото В.А. Аверина)

ком кругового сосуда XIV–XVI вв. н.э. (рис. 5: 8). У обоих в качестве примеси в тесте присутствуют дресва и песок. Встречен фрагмент неолитической керамики с шамотом и органикой в тесте (рис. 5: 6). Коллекцию дополняют отщепы кремня.

Шурф № 3 заложен в 40 м к юго-юго-западу от шурфа № 2, на участке, также свободном от кустов и деревьев. Стратиграфия: 1) дёрн – до 5 см; 2) тёмно-серый песок – до 33 см; 3) серый песок – до 32 см; 4) рыжий песок с ожелезнениями – материк. Археологический материал встречался в слое 3, а также в верхней части материкового рыжего песка. Индивидуальных находок – 4 экземпляра: развёртка-орнаментир для керамики, сделанный из наконечника стрелы с двусторонней обработкой (рис. 6: 3); два ножа на отщепах, один из которых двулезвийный (рис. 6: 1, 2); отщеп с ретушью, предназначение которого не установлено (рис. 6: 4). Массовый материал – кремнёвые отщепы и фрагмент неолитической керамики с ямчатым орнаментом и сквозным отверстием в стенке, судя по диаметру, сделанному найденным здесь же орнаментиром. Тесто черепка рыхлое, в качестве примеси использованы шамот и органика (рис. 6: 5).

Таким образом, материалы шурфов свидетельствуют, на наш взгляд, о бытовании на этом месте стационарного (судя по жилищным западинам) неолитического поселения. Впоследствии место посещалось людьми в эпоху бронзы, в раннем железном веке и позднем Средневековье. По нашему мнению, это были кратковременные посещения (охота, рыболовство и т.д.).

Стоянка Долгое 7 располагается в 3,5 км к юго-востоку от с. Изотино на небольшой песчаной возвышенности. Высота над современным уровнем воды в озере – 4–5 м. Приблизительные размеры памятника, судя по распространению подъёмного материала, 45×30 м. Восточная часть памятника, как нам кажется, пересекается с границами стоянки Долгое 6 (рис. 3). В качестве самостоятельного объекта археологического наследия стоянка Долгое 7 была выделена по причине того, что полученный материал в культурно-хронологическом отношении принципиально отличается от найденного в шурфах на стоянке Долгое 6. Вскрытая на памятнике (единым шурфом-траншеей) площадь составила 8 кв. м. Общее количество найденных археологических предметов – 1213 экземпляров (21 – индивидуальные находки, 1192 – массовый материал). Поскольку памятник подробно опубликован [9], мы не будем здесь приводить его описание. Отметим только, что стоянка Долгое 7 представляет собой памятник раннего неолита, точнее – позднего этапа развития верхневолжской культуры.

Стоянка Долгое 8 располагается в 3,5 км к юго-востоку от с. Изотино, приурочена к небольшой песчаной возвышенности (вероятно, развееванной дюне). Высота над современным уровнем воды в озере – около 5,5 м. Размеры памятника, судя по размерам возвышенности, – ориентировочно 15×25 м. Поверхность задернована, поросла кустарником и соснами (рис. 7). Никаких повреждений поверхности не зафиксировано. На восточной оконечности возвышенности был заложен разведочный шурф площадью 4 кв. м. Общее количество найденных археологических предметов – 570 экземпляров (23 – индивидуальные находки,

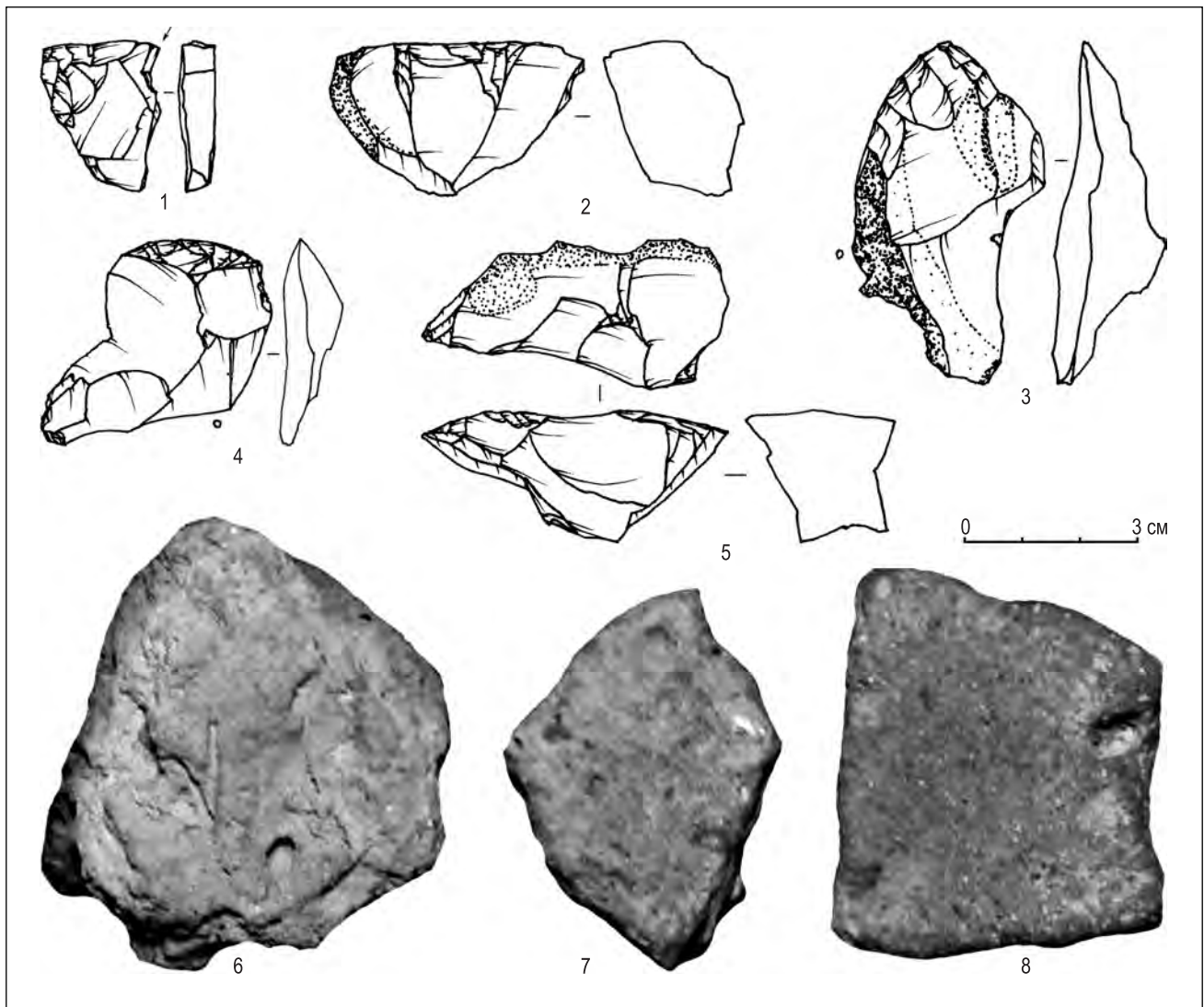

Рис. 5. Стоянка Долгое 6. Шурф 2. Инвентарь:
 1 – резец; 2, 5 – нуклеусы; 3 – заготовка орудия; 4 – скребок; 6–8 – фрагменты керамики
 (рис. А.В. Авериной, фото В.А. Аверина)

547 – массовый материал). Стратиграфия: 1) дёрн – до 8 см; 2) тёмно-серая (до чёрного) супесь – до 22 см; 3) светло-серый (до белого) песок – до 28 см; 4) жёлтый рыхлый песок – до 43 см; 5) рыжий песок с ожелезнениями – материк. Археологический материал встречался во всей толще напластований, единичные артефакты даже слегка просели в материковый песок.

В шурфе прослежены три скопления кальцинированных костей. Первое (12 экз.) было зафиксировано на глубине -82 см от репера. Кости залежали в небольшой ямке аморфных очертаний размерами около 20×16 см, глубиной 4 см, по характеру заполнения практически не отличавшейся от окружающего её песчаного культурного слоя.

На глубине -93 см от репера обнаружено ещё одно небольшое (также 12 экз.) скопление. Кости залежали в небольшой ямке аморфных очертаний размерами около 25×15 см, глубиной всего 2 см, по характеру заполнения мало отличавшейся от окружающего её песчаного культурного слоя.

Третье скопление зафиксировано на глубине -103 см от условного нуля. Кости залежали в ямке аморфных очертаний размерами около 28×26 см, глубиной 11 см. Общее количество обнаруженных здесь фрагментов кальцинированных костей составило 280 экз. (не считая мелкой крошки). Как и в двух первых случаях, заполнение ямы по своему характеру практически не отличалось от окружающего её песчаного культурного слоя.

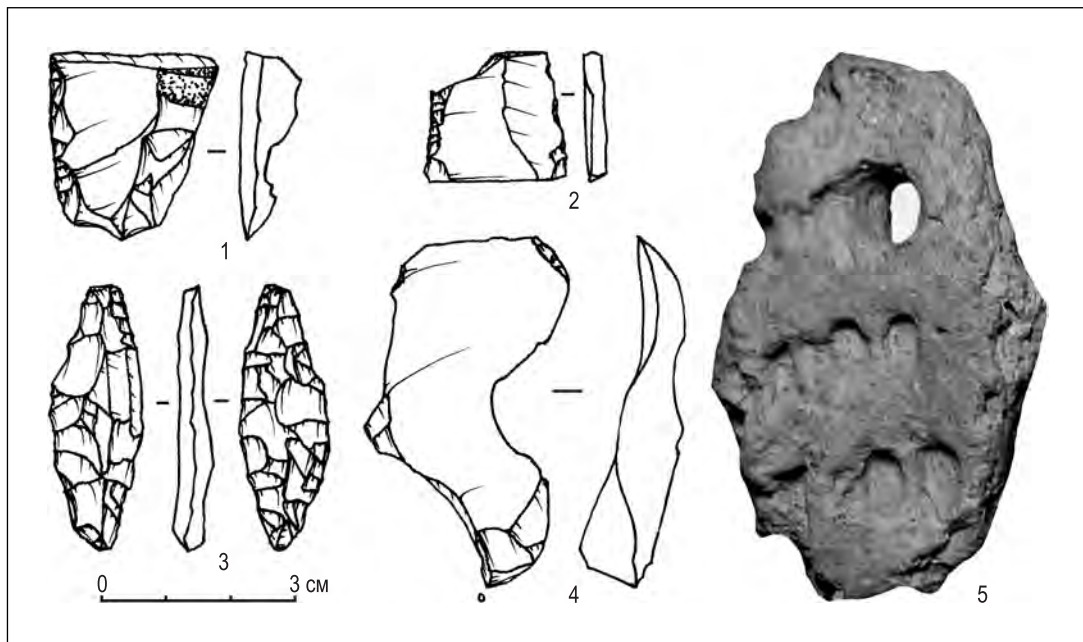

Рис. 6. Стоянка Долгое 6. Шурф 3. Инвентарь:

1, 2 – ножи; 3 – орнаментир для керамики из наконечника стрелы с двусторонней обработкой; 4 – отщеп с ретушью; 5 – фрагмент керамики (рис. А.В. Авериной, фото В.А. Аверина)

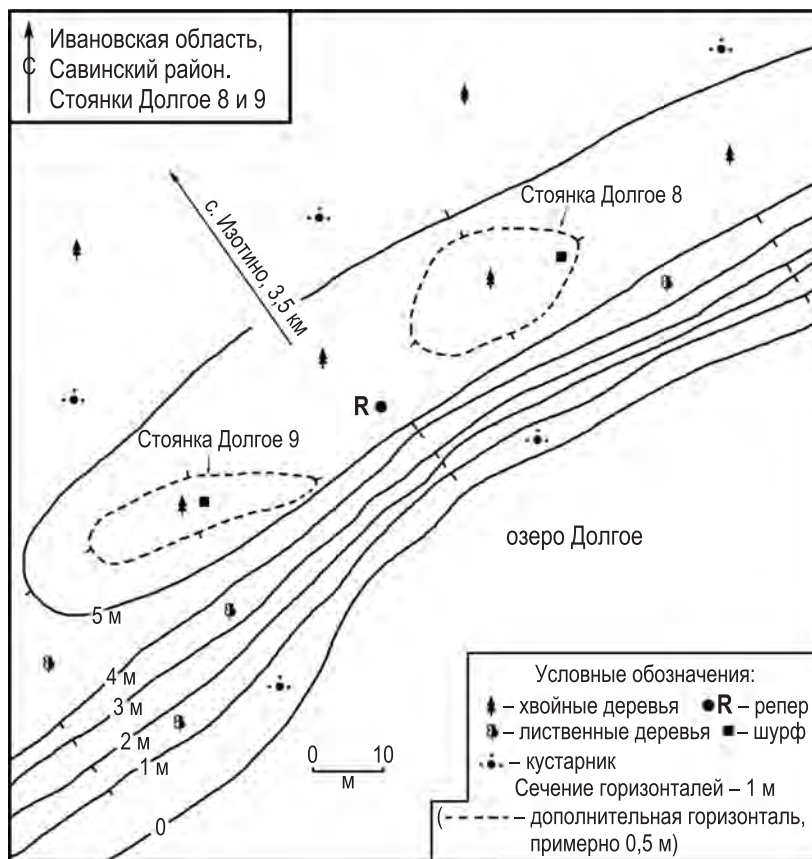

Рис. 7. Топографический план стоянок Долгое 8 и 9 (съёмка А.В. Авериной и В.Ю. Барышникова, 2013 г.)

Сырьём для изготовления большинства каменных орудий служил местный галечный кремль низкого качества, однако ряд изделий выполнен из высококачественного приносного кремня. Наряду с кремнем использовались и другие породы камня, в частности сланец и песчаник. Заготовками для орудий служили как пластины и микропластины (рис. 8: 6, 11, 19, 23), так и отщепы. Полученная коллекция достаточно однородна, ниже приведём её описание.

Единственный целый нуклеус – уплощённый аморфный, от отщепов, сильно сработанный (рис. 8: 9). Найдены также обломки нуклеусов, тип которых определить не представляется возможным.

Преобладающей категорией изделий являются скребки. Среди них: концевой на отщепе, лезвие дугообразное, обработано полукрутой дорсальной ретушью (рис. 8: 3); концевой на отщепе, лезвие скошенное, обработано полукрутой дорсальной ретушью (рис. 8: 15); концевой на обломке пластины, лезвие почти прямое, оформлено полукрутой дорсальной ретушью (рис. 8: 14); боковой на отщепе, лезвие дугообразное, обработано полукрутой дорсальной ретушью (рис. 8: 8); аморфный на отщепе, лезвие дугообразное, обработано полукрутой вентральной ретушью (рис. 8: 25). Также найдены два обломка скребков на отщепах: концевой с дугообразным лезвием, обработанным полукрутой дорсальной ретушью (рис. 8: 1), и подокруглого, лезвие которого обработано полукрутой дорсальной ретушью (рис. 8: 12).

Найдены три сломанных угловых микрорезца с узкими (1 мм) кромками: на микропластине, видны негативы двух резовых сколов (рис. 8: 4); на фрагменте ребристой пластины (рис. 8: 20) и на обломке пластины (рис. 8: 21).

Интерес представляет черешок наконечника стрелы на пластине, обработанный полукрутой противоположающей ретушью по краям (рис. 8: 10).

Комбинированные орудия: боковой скребок-скобель на отщепе, лезвие скребка дугообразное, обработано полукрутой дорсальной ретушью, выемка скобеля широкая и неглубокая, заметна сильная сработанность (рис. 8: 2); скобель с широкой и неглубокой выемкой на лезвии концевой скребка на обломке пластины, скребковое лезвие прямое, обработано крутой дорсальной ретушью (рис. 8: 26).

Развёртки: первая – на продолговатом отщепе, рабочий конец обработан противоположающей ретушью (рис. 8: 7); вторая – с выделенным концом, на обломке неопределимого орудия, конец обработан полукрутой противоположающей ретушью (рис. 8: 16).

Ножи: первый – на обломке пластины неправильной огранки, лезвие (один край) оформлено приостряющей вентральной ретушью (рис. 8: 17). Вторым – также на пластине неправильной огранки, лезвие обработано нерегулярной приостряющей вентральной ретушью, противоположный край подправлен мельчайшей дорсальной ретушью (рис. 8: 27).

Единственный скобель – с узкой неглубокой выемкой на обломке подконического нуклеуса от пластин (рис. 8: 18).

Также найдены обломок пластины неправильной огранки с мельчайшей дорсальной ретушью одного края (рис. 8: 5) и три отщепа с ретушью (рис. 8: 13, 22, 24).

Не вызывает сомнений, что стоянка Долгое 8 относится к мезолиту. Можно отметить, что сочетание пластинчатой и отщеповой индустрий в Волго-Клязьминском междуречье характерно для бореального периода голоцена [10–13]. К сожалению, полученный материал не даёт нам возможности точнее определить его культурно-хронологическую принадлежность. Особого внимания заслуживают выявленные скопления кальцинированных костей. Вопрос об их интерпретации мы пока оставляем открытым.

Стоянка Долгое 9 располагается в 3,5 км к юго-востоку от с. Изотино, приурочена к небольшой песчаной возвышенности (вероятно, развееванной дюне). Высота над современным уровнем воды в озере – около 5,5 м. Приблизительные размеры памятника, судя по размерам возвышенности, – 10–30 м. Территория памятника задернована, поросла кустарником и соснами (рис. 7). Повреждения поверхности не зафиксированы. В центре возвышенности на свободном от деревьев участке был заложен разведочный шурф площадью 4 кв. м. Общее количество найденных археологических предметов – 291 экземпляр (24 – индивидуальные находки, 267 – массовый материал). Стратиграфия: 1) дёрн – до 5 см; 2) серая супесь – до 20 см; 3) светло-серый (до белого) песок – до 37 см; 3а) тёмно-серый песок с углём (остатки сгоревшего пня – корни уходят в материк); 4) жёлтый (до рыжего) рыхлый песок – до 50 см; 5) вертикальные линзы серо-рыжего тлена – остатки корней деревьев (уходят глубоко в материк); 6) рыжий песок с ожелезнениями – материк. Археологический материал встречался во всей толще напластований, единичные артефакты даже слегка просели в материковый песок.

В шурфе прослежены три скопления. В первом, зафиксированном на глубине -66 см от репера, залежали обломки кальцинированных костей (36 экз.). Они находились в небольшой ямке подокруглой формы размерами около 25×20 см, глубиной 9 см, по характеру заполнения мало отличавшейся от окружающего её песчаного культурного слоя.

Второе скопление кальцинированных костей (120 фрагментов) зафиксировано на глубине -90 см от условного нуля. Кости залежали в небольшом заглублении аморфных очертаний размерами около 60×25 см, глубиной всего 5 см. Как и в предыдущих случаях, заполнение ямы по своему характеру практически не отличалось от окружающего её культурного слоя.

Третье скопление состояло из обожжённых камней (16 экз.), залежавших на глубине -69/-77 см от репера. Ещё два крупных камня, найденные на этом же уровне, зафиксированы в 80 см от общего скопления. Антропогенный характер данного объекта не вызывает сомнений, возможно, это – остатки очага.

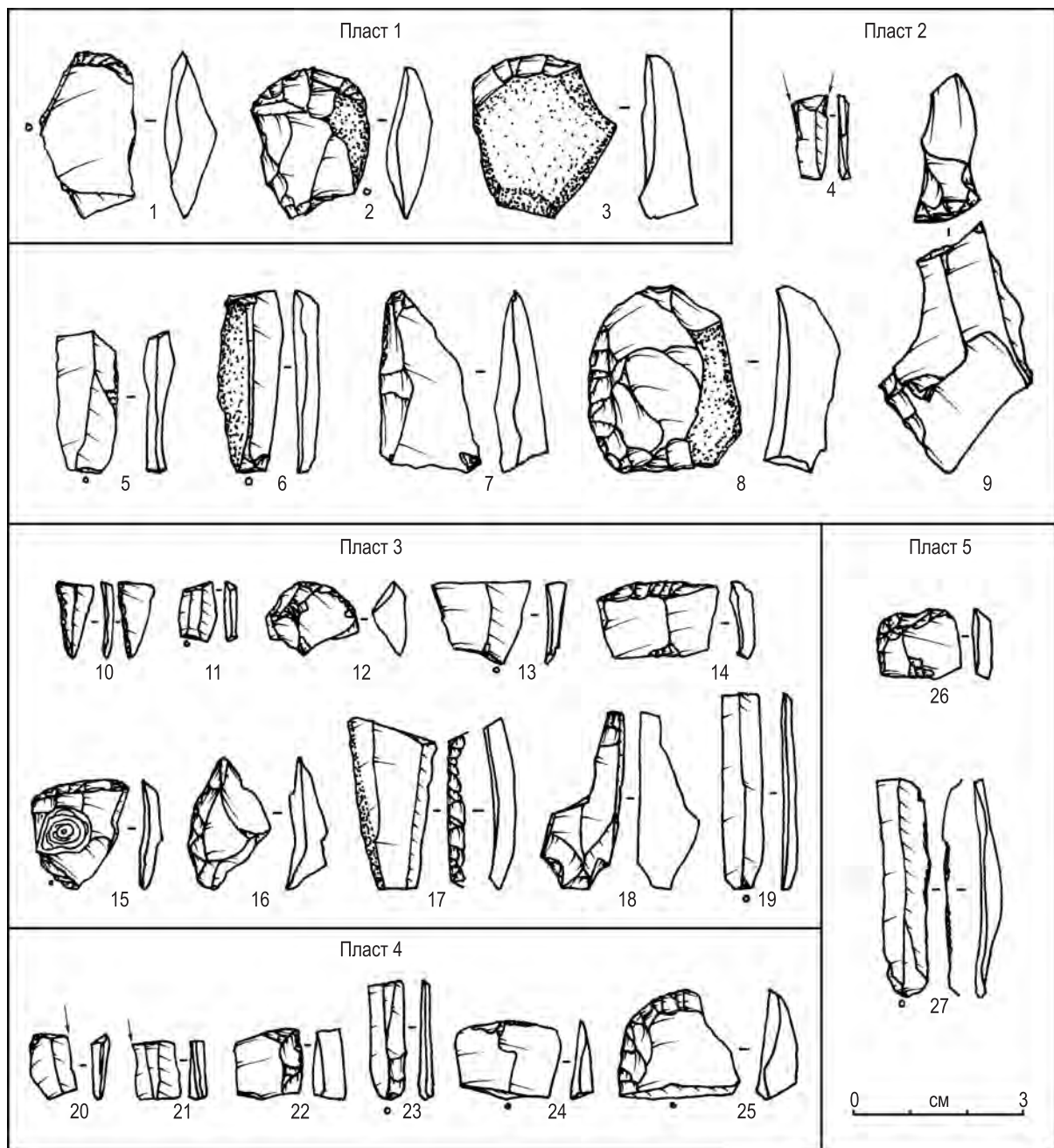

Рис. 8. Стоянка Долгое 8. Каменный инвентарь:

1, 12 – обломки скребков; 2, 26 – комбинированные орудия; 3, 8, 14, 15, 25 – скребки; 4, 20, 21 – резцы;
 5 – обломок пластины с ретушью; 6, 11, 19, 23 – микропластины без обработки; 7, 16 – развёртки; 9 – нуклеус;
 10 – обломок наконечника стрелы; 13, 22, 24 – отщепы с ретушью; 17, 27 – ножи; 18 – скобель (рис. А.В. Авериной)

Сырьём для изготовления большинства каменных орудий служил местный галечный кремь низкого качества, однако, как и на стоянке Долгое 8, ряд изделий выполнен из высококачественного приносного кремня. Наряду с кремнем использовались и другие породы камня, в частности песчаник. Заготовки для орудий служили как пластины и микропластины (рис. 9: 10, 11), так и отщепы. Обратимся к описанию материала.

В коллекции присутствуют 3 нуклеуса, один из которых целый и два – обломки. Целый – подконический нуклеус от пластин и отщепов, площадка скошенная, подправленная (рис. 9: 13). Обломки – подпризма-

тических сильно сработанных нуклеусов от пластин и отщепов, площадки прямые, подправлены поперечными сколами (рис. 9: 9, 18).

Скребок – 5 экземпляров. Среди них: концевой скребок на обломке пластины, лезвие слегка скруглено, обработано полукрутой дорсальной ретушью, оба края пластины оформлены такой же ретушью (рис. 9: 5); концевой скребок на отщепе, лезвие дугообразное, обработано крутой дорсальной ретушью (рис. 9: 12); концевой скошенный скребок на осколке кремня, лезвие оформлено полукрутой дорсальной ретушью (рис. 9: 17); концевой скребок со скошенным лезвием на отщепе, лезвие дугообразное, скошенное, обработано полукрутой дорсальной ретушью (рис. 9: 23); аморфный скребок на отщепе, лезвие дугообразное, обработано полукрутой дорсальной ретушью (рис. 9: 24).

Резцы по количеству уступают лишь скребкам, их 4 экземпляра: микрорезец (кромка 0,5 мм) на обломке неопределимого орудия на отщепе, края которого обработаны противоположащей полукрутой ретушью (рис. 9: 14); угловой ретушный на осколке кремня, скол шириной 3 мм, резцовая кромка подправлена фасетками полукрутой ретуши (рис. 9: 15); угловой резец на отщепе, кромка – средней ширины: 5 мм (рис. 9: 16); «нуклевидный» резец на отщепе с подработанным основанием, кромка (7 мм) сделана при помощи двух резцовых сколов, площадка снята поперечным сколом (рис. 9: 20).

Большой интерес представляют три находки: асимметричное остриё на пластине неправильной огранки, кончик которой обработан крутой дорсальной ретушью (рис. 9: 3); заготовка наконечника стрелы на пластине, насад обработан крутой вентральной ретушью по одному краю, а часть противоположного края оформлена мельчайшей полукрутой вентральной ретушью (рис. 9: 8); а также заготовка топора подтреугольной формы из песчаника, поверхность обработана путём грубой оббивки, по краям лезвия присутствует шлифовка (рис. 9: 21).

Коллекцию дополняют нож на отщепе, край которого приострён и слегка скруглён на конце при помощи дорсальной ретуши (рис. 9: 1); проколка со сломанным концом на отщепе (рис. 9: 2); обломок неопределимого орудия (ножа?) на пластине, оба края обработаны приостряющей дорсальной ретушью (рис. 9: 4); орудия неясного назначения – ребристая пластина, край которой обработан полукрутой дорсальной ретушью (рис. 9: 6), и обломок отщепы, один край которого обработан полукрутой дорсальной ретушью (рис. 9: 19); скобель на осколке кремня с широкой и неглубокой выемкой, оформленной крутой дорсальной ретушью (рис. 9: 7); массивный продолговатый отщеп с фасетками крутой дорсальной ретуши по одному краю (рис. 9: 25); обломок обработанной (разрезанной) кальцинированной кости (рис. 9: 22).

Представляется, что стоянка Долгое 9 является памятником мезолита, аналогичным вышеописанной стоянке Долгое 8, хотя степень пластинчатости орудийного комплекса здесь несколько ниже (что, возможно, связано с незначительной площадью вскрытия). К сожалению, полученный материал не даёт нам возможности точнее определить его культурно-хронологическую принадлежность. Особого внимания заслуживают выявленные скопления камней и кальцинированных костей. Вопрос об их окончательной интерпретации мы пока оставляем открытым.

Стоянка Долгое 10 располагается в 3 км к юго-юго-востоку от с. Изотино, приурочена к высокому песчаному мысу коренного берега. Высота над современным уровнем воды в озере – 5 м. Размеры памятника точно не установлены, однако, судя по отсутствию культурного слоя и археологического материала в контрольных шурфах по краям мыса, они не больше чем 15×15 м. Территория стоянки задернована, поросла кустарником и редкими соснами (рис. 10). Никаких повреждений поверхности не зафиксировано.

На свободном от деревьев участке был заложен разведочный шурф размерами 1×1 м. Общее количество найденных археологических предметов невелико – всего 15 экземпляров (4 – индивидуальные находки, 11 – массовый материал). Стратиграфия: 1) дёрн – до 5 см; 2) серая супесь – до 14 см; 3) светло-серый (до белого) песок – до 15 см; 4) жёлтый (до рыжего) рыхлый песок – до 72 см; 5) рыжий спрессованный песок с ожелезнениями – материк. Археологический материал встречался в слоях 2 и 3, а также на контакте со слоем 4. Максимальная глубина залегания находок – 26 см от дневной поверхности.

Сырьём для изготовления каменных орудий служил как местный галечный кремль низкого и среднего качества, так и высококачественный приносной кремль. Заготовками для орудий служили как пластины и микропластины (рис. 11: 1–4), так и отщепы. Массовый материал представлен пластинами (4) и отщепами (7) кремня. Индивидуальных находок 4 экз. – пластина с приострённым пологой дорсальной ретушью краем (рис. 11: 5), отщеп со скруглённым крутой дорсальной ретушью концом (рис. 11: 6), отщеп с нерегулярной ретушью по краю (рис. 11: 7) и обломок орудия неясного назначения (возможно, ножа) на пластине, края которой приострены пологой ретушью с обеих сторон (рис. 11: 8).

По нашему мнению, стоянка Долгое 10 относится к мезолиту. Более подробную информацию о ней можно будет получить после проведения дополнительных исследований.

Стоянка Долгое 11 располагается в 3 км к юго-востоку от с. Изотино, приурочена к песчаной возвышенности, хорошо “читающейся” в рельефе местности. Высота над современным уровнем воды в озере – 6 м. Приблизительная территория памятника, судя по размерам возвышенности, – 15×34 м. Поверхность задернована, поросла кустарником и соснами (рис. 10). Никаких повреждений не зафиксировано. На восточном краю возвышенности на свободном от деревьев участке был заложен разведочный шурф площадью 4 кв. м. Общее количество найденных археологических предметов – 226 экземпляров (14 – индивидуальные находки, 212 – массовый материал). Стратиграфия: 1) дёрн – до 6 см; 2) тёмно-серый песок – до 16 см; 3) светло-серый (до белого) песок – до 18 см (не считая западин, где его мощность достигала 30 см); 4) серовато-жёлтый

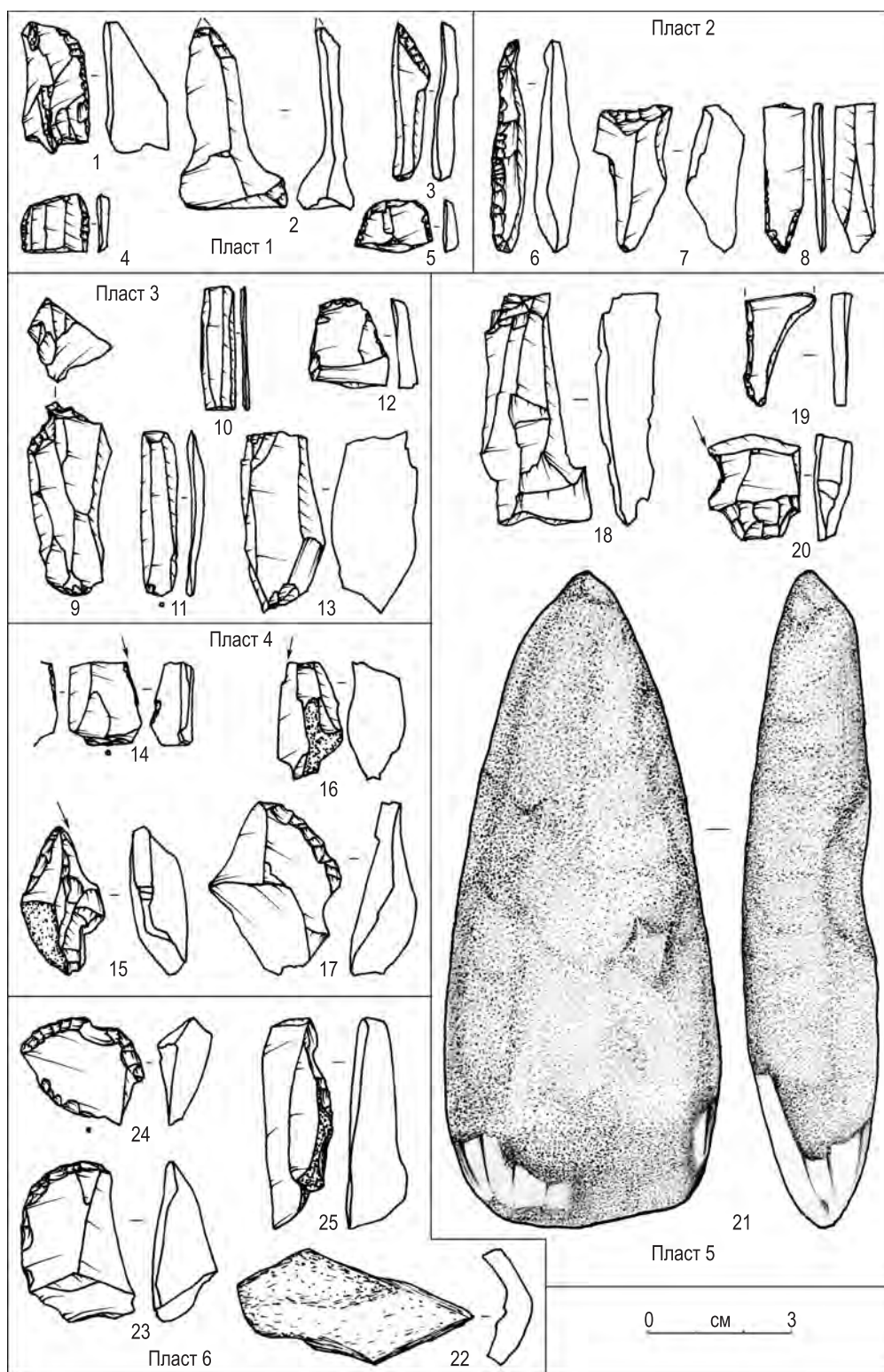

Рис. 9. Стоянка Долгое 9. Каменный инвентарь:

1 – нож; 2 – проколка; 3 – асимметричное острие; 4, 6 – обломки неопределимых орудий; 5, 12, 17, 23, 24 – скребки; 7 – скобель; 8 – заготовка наконечника стрелы; 9, 18 – обломки нуклеусов; 10, 11 – микропластины без обработки; 13 – нуклеус; 14–16, 20 – резцы; 19, 25 – отщепы с ретушью; 21 – заготовка топора; 22 – обломок разрезанной кальцинированной кости (рис. А.В. Аверинной)

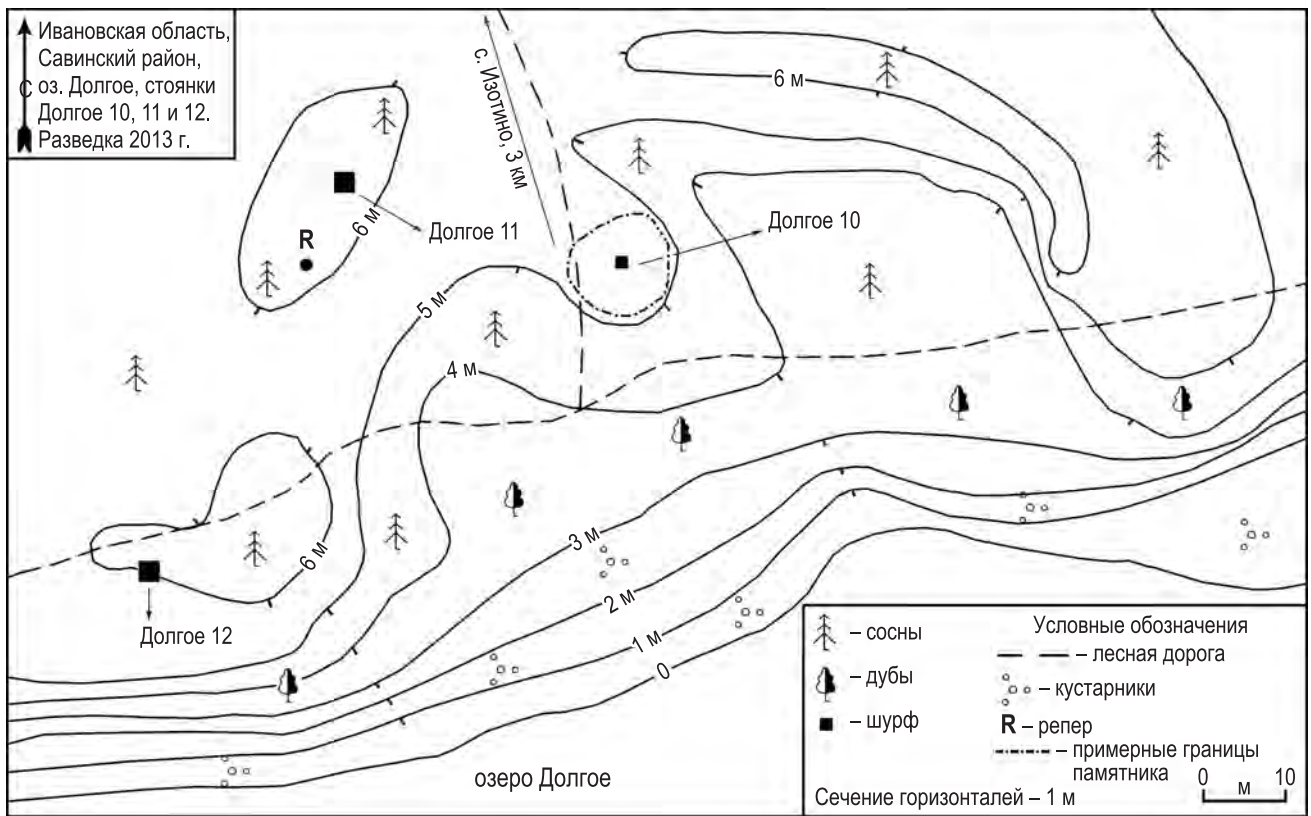

Рис. 10. Топографический план стоянок Долгое 10–12 (съёмка А.В. Авериной и В.Ю. Барышникова, 2013)

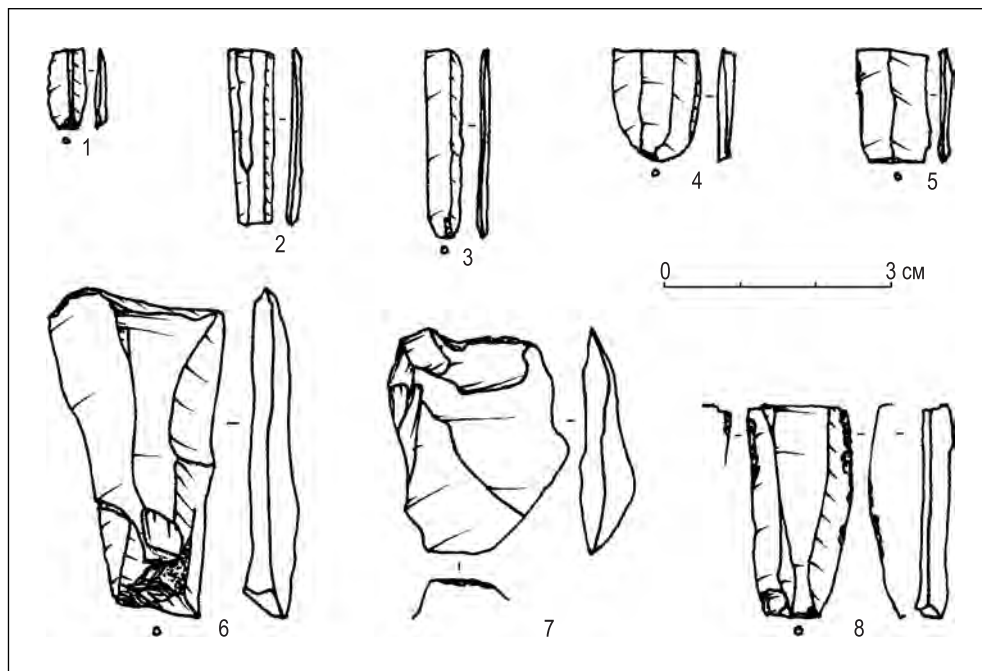

Рис. 11. Стоянка Долгое 10. Каменный инвентарь:
1–4 – пластины и микропластины без обработки; 5 – пластина с ретушью; 6, 7 – отщепы с ретушью;
8 – обломок неопределимого орудия (рис. А.В. Авериной)

рыхлый песок – до 86 см; 5) тёмно-жёлтый (до серого) плотный песок – до 26 см; 6) тёмно-жёлтый (местами коричневатый) спрессованный песок с линзами ожелезнений – материк. Археологический материал начал встречаться с глубины 10–20 см, единичные артефакты слегка просели в материковый песок. Сырьём для изготовления большинства каменных орудий служил приносной высококачественный кремнь различных оттенков с преобладанием серо-чёрного цвета в верхних горизонтах и желтовато-бежевого – в нижних. Полученная коллекция (рис. 12), на наш взгляд, неоднородна. В верхних горизонтах шурфа в большом количестве встречались микропластины, тогда как в нижних пластах преобладали массивные пластины и отщепы и орудия на них. Верхние пласты с находками отделялись от нижних практически стерильным слоем

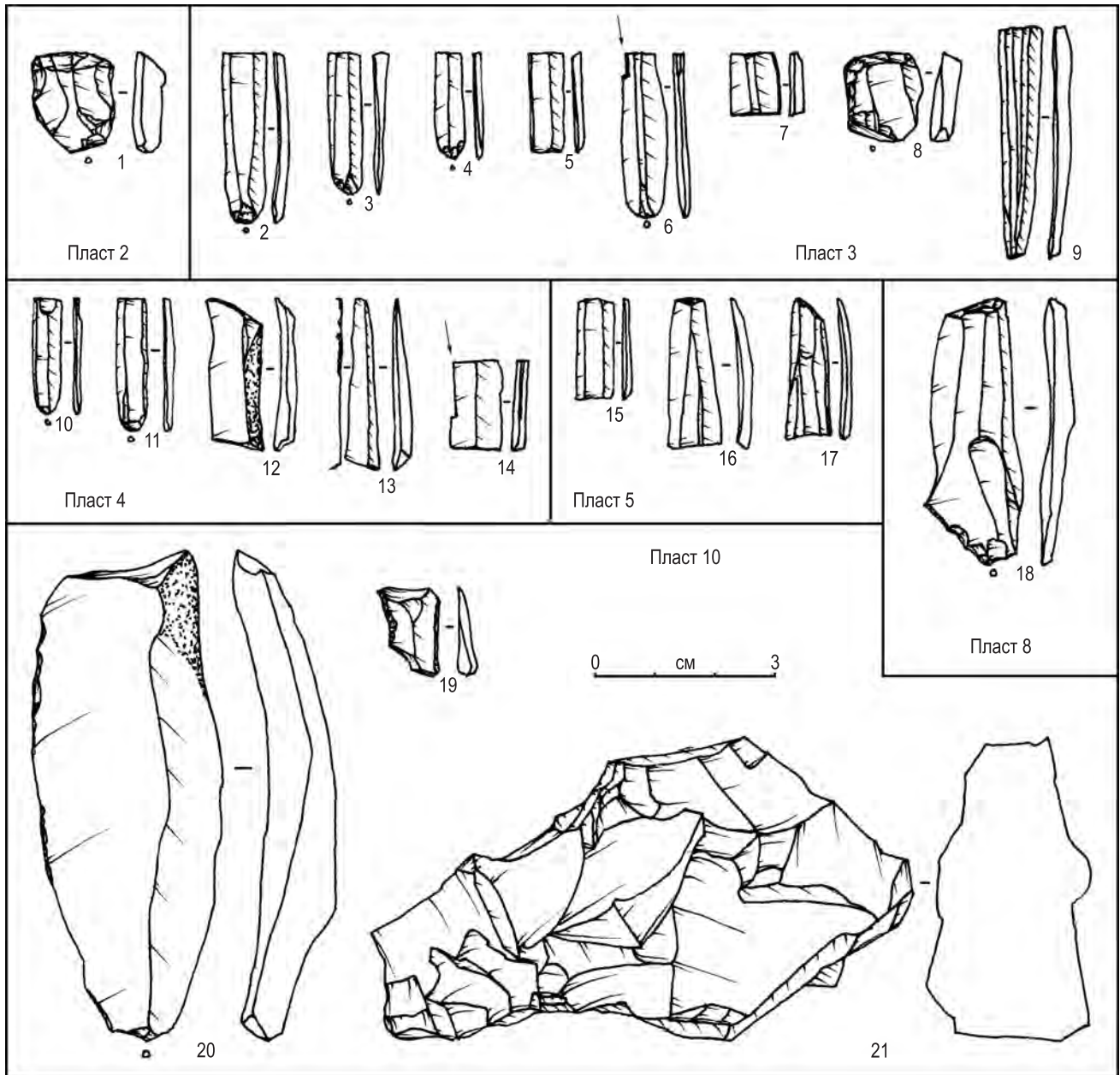

Рис. 12. Стоянка Долгое 11. Каменный инвентарь.

Культурный слой I: 1, 8, 16 – скребки; 2–5, 10, 11, 15 – микропластины без обработки; 6, 14 – резцы; 7 – сечение пластины с ретушью; 9 – обломок нуклеуса; 12, 17 – пластины со скошенным концом; 13 – проколка.

Культурный слой II: 18 – скребок; 19 – наконечник стрелы с поперечным лезвием; 20 – нож; 21 – нуклеус
(рис. А.В. Авериной)

песка (единичные изделия оказались в нём в результате естественных природных процессов). Это позволило нам выделить на памятнике два культурных слоя. Обратимся к их описанию.

Культурный слой I содержал большое количество микропластин правильной и неправильной огранки, полученных путём отжима (рис. 12: 2–5, 10, 11, 15), а также отщепы. Индивидуальные находки немногочисленны: концевой скребок на отщепе, лезвие прямое, обработано полукрутой дорсальной ретушью (рис. 12: 1); угловой резец на микропластине правильной огранки, ширина кромки 1 мм (рис. 12: 6); сечение пластины правильной огранки, один край которой обработан мельчайшей дорсальной ретушью (рис. 12: 7); концевой-боковой скребок на отщепе, лезвия прямые, обработаны полукрутой дорсальной ретушью (рис. 12: 8); обломок карандашевидного нуклеуса от микропластин, ширина негативов снятых пластин – 1–1,5 мм (рис. 12: 9); пластина неправильной огранки, дистальный конец которой скошен мельчайшей дорсальной ретушью (рис. 12: 12); проколка на ребристой микропластине подтреугольной формы с мельчайшей вентральной ретушью по одному краю, кончик сломан (рис. 12: 13); угловой микрорезец на пластине правильной огранки, ширина кромки 0,5 мм (рис. 12: 14); концевой микроскребок на пластине неправильной огранки, лезвие прямое, обработано крутой дорсальной ретушью (рис. 12: 16) и острие со скошенным крутой дорсальной ретушью концом на микропластине правильной огранки (рис. 12: 17).

Культурный слой II содержал меньшее количество находок, представленных в основном массивными пластинами и отщепами, полученными при помощи отбойника (жёсткого или мягкого, пока сказать сложно). Индивидуальных находок – 4 экземпляра. Это концевой скребок на массивной пластине неправильной огранки, лезвие скошено, обработано крутой дорсальной ретушью (рис. 12: 18); наконечник стрелы с поперечным слегка скошенным лезвием (?), края изделия обработаны крутой дорсальной ретушью (рис. 12: 19); нож на массивной ребристой пластине, лезвие обработано мельчайшей дорсальной ретушью и имеет видимые невооружённым глазом следы сработанности (рис. 12: 20) и аморфный одноплощадочный нуклеус от отщепов (рис. 12: 21).

Таким образом, не вызывает сомнений, что стоянка Долгое 11 представляет собой памятник мезолита, судя по всему, более раннего времени, нежели стоянки Долгое 8–10. Как уже было сказано, инвентарь памятника неоднороден, что, на наш взгляд, свидетельствует о неоднократном посещении участка населением, относящимся к разным археологическим культурам. Судя по полученным материалам и стратиграфии, этих заселений было как минимум два. Инвентарь, найденный в верхних пластах, имеет ярко выраженный пластинчатый облик. Памятники с подобным инвентарём в Волго-Клязьминском междуречье сравнительно редки. Они датируются временем пребореала – раннего бореала [10–13] и оставлены населением бутовской культуры. Что касается нижних пластов, то найденный здесь каменный инвентарь имеет преимущественно отщеповый характер. Облик изделий весьма архаичен. Подобные артефакты встречаются на памятниках иеневской культуры, существовавшей в рассматриваемом регионе в пребореальное время и самом начале бореала. Нельзя, правда, исключать и того, что инвентарь из нижних слоёв более древний и оставлен палеолитическим населением (в пользу этого позволяет говорить стратиграфическое положение слоя).

Безусловно, данный памятник представляет большой интерес для исследований. Увеличение площади раскопа позволит подтвердить либо скорректировать или опровергнуть высказанные нами предварительные выводы.

Стоянка Долгое 12 располагается в 3 км к юго-востоку от с. Изотино, приурочена к возвышенности, хорошо “читающейся” в рельефе местности. Высота над современным уровнем воды в озере – около 6 м. Размеры памятника, судя по размерам возвышенности, – ориентировочно 20×22 м. Поверхность задернована, поросла кустарником и соснами (рис. 10). Повреждения не зафиксированы. На краю возвышенности на свободном от деревьев участке был заложен разведочный шурф площадью 4 кв. м. Общее количество найденных археологических предметов – 287 экземпляров (14 – индивидуальные находки, 273 – массовый материал). Стратиграфия: 1) дерн – до 5 см; 2) серая супесь – до 25 см; 3) светло-серый (до белого) песок – до 23 см; 4) жёлтый (до рыжего) рыхлый песок – до 40 см; 5) плотный рыжий песок с ожелезнениями – материк. Археологический материал встречался во всей толще напластований, единичные артефакты слегка просели в материковый песок. Сырьём для изготовления большинства каменных орудий служил местный галечный кремль низкого качества, однако, как и на стоянке Долгое 8, ряд изделий выполнен из качественного приносного кремня серого цвета. Заготовками для орудий служили в основном отщепы, но также встречаются пластины и микропластины (рис. 13: 7–9, 11–14, 17, 21–24). Полученная коллекция достаточно однородна. Обратимся к её описанию.

Нуклеусов 2 экземпляра, оба от отщепов. Первый – торцевой одноплощадочный, площадка подправлена поперечным сколом (рис. 13: 15). Второй – аморфный многоплощадочный, площадки специально не оформлялись (рис. 13: 26).

Резцы представлены двумя угловыми экземплярами. Первый – на отщепе, ширина кромки 5 мм (рис. 13: 1). Второй – на микропластине неправильной огранки, кромка узкая – 1 мм (рис. 13: 20).

Найдены 2 скобеля, оба на отщепках, выемки широкие и неглубокие (рис. 13: 2, 25).

Ножей 2 экземпляра. Первый – на пластине неправильной огранки, лезвие обработано мелкими фасетками вентральной ретуши (рис. 13: 16). Второй – на обломке отщепы, лезвие приостроено дорсальной ретушью (рис. 13: 18).

Также двумя экземплярами представлены развёртки. Первая изготовлена на подтреугольном отщепе, кончик оформлен полукрутой противоположающей ретушью (рис. 13: 4). Вторая также сделана на отщепе, кончик выделен крутой противоположающей ретушью (рис. 13: 19).

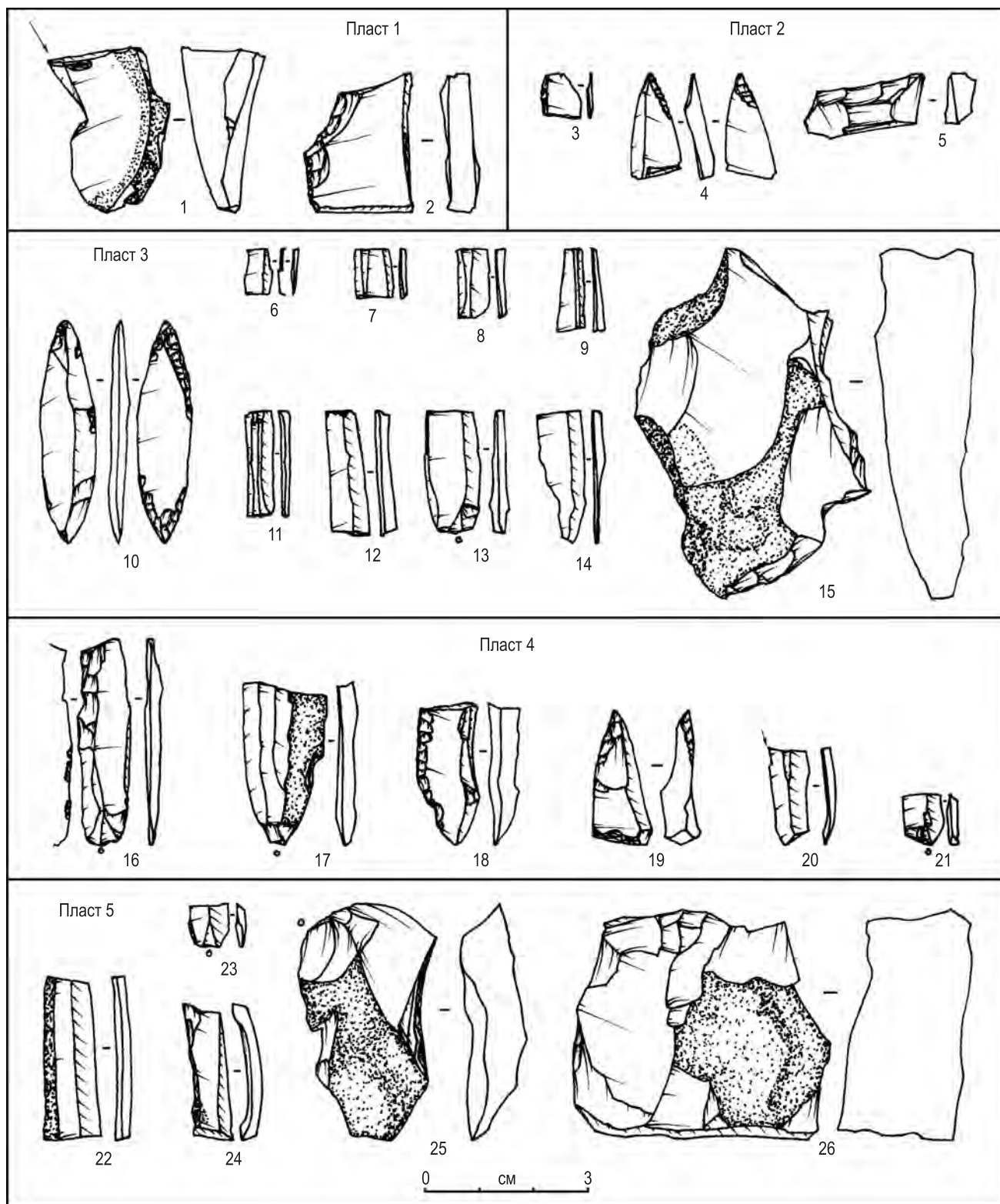

Рис. 13. Стоянка Долгое 12. Каменный инвентарь:

1, 20 – резцы; 2, 25 – скребки; 3 – обломок неопределимого орудия; 4, 19 – развёртки; 5 – обломок скребка; 6 – микропластина с ретушью; 7–9, 11–14, 17, 21–24 – микропластины без обработки; 10 – наконечник стрелы; 15, 26 – нуклеусы; 16, 18 – ножи (рис. А.В. Авериной)

Интерес представляет иволыственный наконечник стрелы на пластине, черешок которого оформлен пологой вентральной ретушью, а остриё обработано пологой вентральной и полукрутой дорсальной ретушью (рис. 13: 10).

Коллекцию дополняют обломок неопределимого орудия на отщепе, один край которого приострѣн при помощи дорсальной ретуши (рис. 13: 3), обломок концевого скребка на отщепе, лезвие прямое, обработано крутой дорсальной ретушью (рис. 13: 5) и обломок микропластины правильной огранки с частично обработанным вентральной ретушью краем (рис. 13: 6).

По нашему мнению, стоянка Долгое 12 также представляет собой мезолитический памятник. Степень пластинчатости орудийного комплекса здесь ниже по сравнению с верхним культурным слоем стоянки Долгое 11 и даже комплексами стоянок Долгое 8 и 9. Типологические характеристики полученного инвентаря позволяют нам предварительно датировать памятник поздним мезолитом. К сожалению, имеющийся материал не даёт возможности точнее определить его культурно-хронологическую принадлежность.

Подведём итоги. В результате разведочных работ 2013 г. в Савинском районе Ивановской области выявлены семь новых памятников каменного века и эпохи бронзы. Все они расположены на северном коренном берегу старичного озера Долгое, на территории Федерального Клязьминского заказника. Из них 5 памятников датируются мезолитом, один – ранним неолитом и ещё один – энеолитом и эпохой бронзы.

Самой ранней, на наш взгляд, является двухслойная стоянка Долгое 11. Верхний культурный слой данного памятника мы можем отнести к раннему мезолиту и предварительно датировать пребореалом – началом boreального периода голоцена. Нижний слой, судя по всему, несколько древнее.

К развитому мезолиту (бореальному времени), вероятно, относятся памятники Долгое 8–10. Стоянка Долгое 12, судя по всему, имеет позднемезолитический возраст.

Важно то, что все эти пять памятников представляют собой относительно чистые мезолитические комплексы, не содержащие, судя по имеющимся на сегодняшний день данным, посторонней примеси.

К раннему неолиту относится стоянка Долгое 7. В качестве поздней примеси здесь присутствуют развалы раннесредневековых и фрагмент позднесредневекового сосудов.

Самой поздней стоянкой является Долгое 6. Судя по всему, она функционировала в энеолите – эпоху бронзы. Скорее всего, с ней связаны крупные жилищные западины, частично повредившие раннеолитическую стоянку Долгое 7.

В завершение отметим, что все обнаруженные нами памятники представляют большой интерес для стационарных исследований. Их изучение предполагается в будущем. Кроме того, планируется продолжение разведочных работ на территории Федерального Клязьминского заказника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверин В.А.* Стоянка каменного века Ореховое 1 в Южском районе Ивановской области // Молодая наука в классическом университете. Иваново, 2006.
2. *Аверин В.А., Аверина А.В.* Кремнёвая фигурка водоплавающей птицы со стоянки Ореховое 1 // Пожарский юбилейный альманах. Иваново; Южа, 2007.
3. *Аверин В.А., Аверина А.В.* Мезолитический комплекс стоянки Ореховое 6 в Южском районе Ивановской области // Тверской археологический сборник. Вып. 9. Тверь, 2013.
4. *Аверин В.А., Аверина А.В., Березин К.Г.* Работы Ивановской археологической экспедиции // Археологические открытия 2008 года. М., 2011.
5. *Аверина А.В., Аверин В.А.* Результаты археологической разведки на территории Клязьминского заказника // Материалы областной краеведческой конференции. Т. 2. Владимир, 2007.
6. *Аверина А.В., Аверин В.А.* Каменный инвентарь раннего облика из коллекции стоянки Ореховое 1 (по материалам раскопок 2006 г.) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 11. Н. Новгород, 2008.
7. *Аверина А.В., Аверин В.А.* Ореховое 1 – новый памятник археологии в Ивановской области // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. I. Тверь, 2011.
8. О работах Верхневолжской экспедиции / *М.Г. Жилин, В.А. Аверин, А.В. Аверина, Н.А. Цветкова* // Археологические открытия 2005 года. М., 2007.
9. *Аверин В.А., Аверина А.В.* Раннеолитическая стоянка Долгое 7 на территории Федерального Клязьминского Заказника // Культурный слой: Сборник научных статей. Вып. 3. Н. Новгород, 2014.
10. *Жилин М.Г.* Адаптация мезолитических культур Верхнего Поволжья к каменному сырью // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1998.
11. *Жилин М.Г.* Хронология и периодизация бутовской мезолитической культуры // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. М., 1999. (Труды ГИМ. Вып. 103)
12. *Аверин В.А.* Мезолит Волго-Клязьминского междуречья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.
13. *Аверин В.А.* Ивановский край в эпоху мезолита. Иваново, 2011.

*ООО «Ивановская Археологическая Экспедиция»,
Иваново*

V.A. Averin, A.V. Averina

**RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL RECONNAISSANCE ON THE DOLGOE LAKE
ON THE TERRITORY OF THE KLYAZMA FEDERAL RESERVE IN 2013**

Summary

In the offered review article the results of the archaeological reconnaissance which were carried out in 2013 by employees of the Ivanovo archaeological expedition in Savinsky district of the Ivanovo region on the radical northern coast of the mortlake Dolgoe are considered. In the process of work 7 relics of the Stone Age – the Bronze Age were revealed, on each of them small volume of earthwork was carried out. It is established that five of them (Dolgoe 8–12) are of Mesolithic age, one is dated to the Early Neolithic (Dolgoe 7), and one – the Aeneolithic – the Bronze Age (Dolgoe 6). All found relics are of great interest to future stationary researches.

*“Ivanovo Archaeological Expedition” Ltd,
Ap. 18, 10, Sovetskaya St., Ivanovo, 153000,
Russia
E-mail: iv-ae@yandex.ru*

И.В. Исланова

ОБЪЕКТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОГО г. РЖЕВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ИНВЕНТАРИЗАЦИИ 2010 г.)

В 2010 г. экспедицией Тверского государственного объединённого музея была проведена инвентаризация объектов культурного (археологического) наследия, стоявших тогда на учёте в Комитете по государственной охране объектов культурного наследия Тверской области. Были обследованы 7 памятников (рис. 1): стоянка и селище Опоки 1 (поселение Опоки 1, Ржев 1)¹, стоянка Опоки 2, стоянка Ржев 3, Ермоловское го-

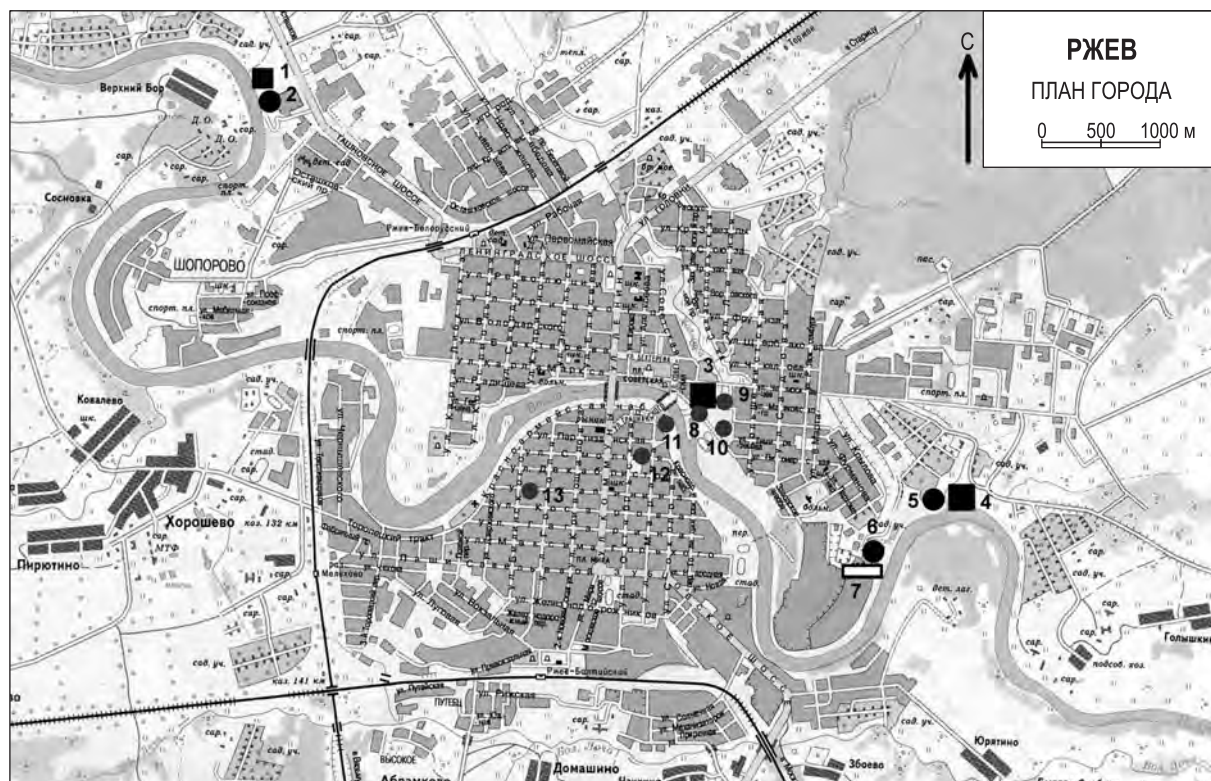

Рис. 1. Обследованные археологические объекты на территории современного г. Ржева:

- 1 – Ермоловское городище (Ржев 3); 2 – Стоянка Ржев 3; 3 – городище Ржев 1 (Соборная Гора); 4 – городище Опоки (Ржев 2); 5 – стоянка и селище Опоки 1; 6 – стоянка Опоки 2; 7 – место предполагаемого грунтового могильника Опоки; 8 – место шурфа и находок кремнёвых артефактов на правом берегу р. Холынки; 9 – место сбора керамики на левом берегу р. Холынки; 10 – место шурфа на правом берегу р. Волги при устье р. Холынки (левый берег); 11 – место сбора керамики на правом берегу Волги напротив городища Ржев 1; 12 – место зачистки на ул. Смольной; 13 – место зачистки на ул. Калинина

¹ В скобках даются другие названия этих памятников.

родище (поселение, городище Ржев 3), городище Опоки (Ржев 2), городище Ржев 1 (Соборная Гора), посад г. Ржева (рис. 1)². Задачей инвентаризации 2010 г. являлось археологическое полевое обследование памятников с локализацией их на местности, выяснением их стратиграфии, фотофиксацией, с нанесением границ на современную топооснову. Определение границ археологических объектов осуществлялось путём сбора подъёмного материала, постановки шурфов и зачисток, анализа рельефа местности, наблюдений за характером верхних почвенных слоёв – выявления окрашенного культурного слоя, имеющего включения в виде кусочков пещины, углей, обожжённых камней; а для стоянок с неокрашенным слоем – выявления наличия в грунте кремнёвого материала, а также с учётом сведений предшествующих исследователей данной территории. Следует, конечно, указать, что обозначенные границы носят предварительный характер, так как истинные размеры памятников можно установить только после раскопок всего объекта.

Основой при проведении инвентаризации служили паспорта памятников, составленные в 70-е–80-е гг. XX в., а в одном случае (посад г. Ржева) – учётная карточка, оформленная А.С. Дворниковым. Один объект – городище Ржев 3 (Ермоловское городище) – не имел специальной учётной документации.

Стоянка и селище Опоки 1 (поселение Опоки 1, поселение Ржев 1)

Этот объект археологического наследия, первоначально как стоянка, был выявлен П.Ф. Симсоном в начале XX в. В 1916 г. Е.Н. Басова провела здесь раскопки: траншея на склоне правого берега ручья Студёный [1, с. 66–67]. В 1977 г. памятник обследовался Историко-археологической экспедицией Калининского (ныне Тверского) государственного университета [2]. Помимо артефактов со стоянки тогда были обнаружены материалы средневекового селища. На стоянку и селище в этом же году Е.В. Бодуновым был составлен паспорт. Сведения об этом объекте (поселение Опоки 1) есть в своде 2007 г. [3, с. 229].

Памятник находится на восточной окраине г. Ржева, в 2,5 км к востоку от городища Ржев 1 (Соборная Гора) и в 100 м к юго-западу от верхней площадки городища Опоки (Ржев 2). Расположен на левом берегу р. Волги при впадении в неё ручья Студёный (правый берег), на первой террасе (выступе-площадке известнякового плато) (рис. 2). Высота площадки памятника над водой – 2–7 м. Поверхность задернована, со стороны ручья растёт кустарник. Центральная часть повреждена ямой (размерами 10×6 м, глубиной 1,5 м), видимо, воронкой от снаряда. Через поселение проходит полевая дорога. Край террасы ранее размывался.

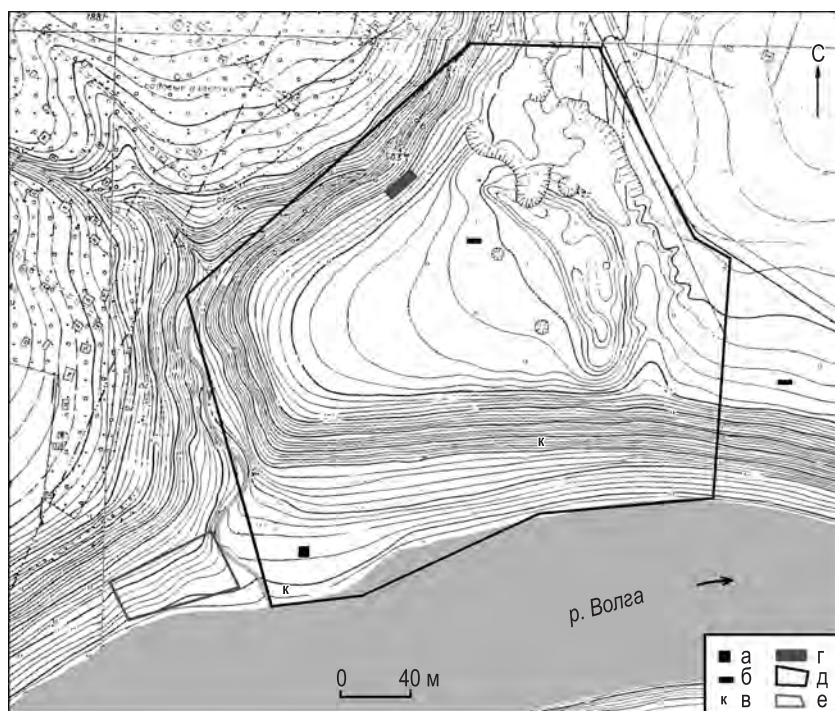

Рис. 2. Городище Опоки (Ржев 2) и стоянка и селище Опоки 1:

а – шурф; б – зачистка; в – места находок кремнёвых артефактов; г – грабительский раскоп;
д – границы городища; е – границы селища и стоянки

² Восьмой обследованный нами объект – курганный могильник Шопорово – находится за пределами административных границ современного Ржева, поэтому в настоящей статье не рассматривается.

При раскопках Е.Н. Басовой была зафиксирована следующая стратиграфия западной части памятника: 0,54 м – «верхний растительный слой» (видимо, гумусированные напластования); на глубине 0,2 м в этом слое на протяжении 4 м обнаружена прерывистая прослойка из угольков; ниже – слой жёлтой глины, которая лежит на красно-бурой глине с валунами (материковые напластования). Верхние отложения – это культурные слои стоянки. В них, на глубине от 0,17 до 0,44 м от дневной поверхности, были найдены кремнёвые осколки, нуклеусы, «незаконченные и законченные орудия», пластины. Цвет кремня – бурый и розовый.

Стратиграфия зачистки, сделанной на краю террасы в 1977 г., следующая: 1. 0,06 м – дёрн; 2. 0,16 м – «почвенный горизонт»; 3. 0,2 м – светло-серый песок; 4. 0,08 м – погребённая почва; 5. Ниже – коричневый суглинок, переходящий в бурую плотную глину (материк). Артефакты во время зачистки были обнаружены в слое 4. Это две ножевидные пластины, отщепы с ретушью, два железных предмета, фрагменты круговых средневековых сосудов с линейным орнаментом. Подъёмный материал в 1977 г. был представлен кремнёвыми ножевидными пластинами и отщепами. Первоначальные размеры стоянки определены как 15×20 м, а перекрывающего её селища – 60×30–33 м.

Подъёмный материал в 2010 г. был собран на полевой дороге на склоне: обломок отщепа, два обломка отщепов с ретушью³, два фрагмента круговых средневековых сосудов. Размеры многослойного поселения определены по характеру рельефа и подъёмному материалу. Его длина с запада на восток 65 м, ширина – 30–35 м. Общая мощность культурного слоя – 0,48–0,54 м.

Стоянка ориентировочно относится к раннему неолиту и датируется примерно VI–V тыс. до н.э. Селище датируется XV–XVI вв. н.э. Оно, по всей видимости, было связано с расположенным поблизости городищем Опоки и являлось частью его посада.

Стоянка Опоки 2

Стоянка выявлена в 1977 г. сотрудниками Историко-археологической экспедиции Калининского (ныне Тверского) государственного университета [2]. В том же году Е.В. Бодуновым был составлен паспорт на памятник.

Стоянка находится в юго-восточной части г. Ржева, в 2,2 км к востоку-юго-востоку от городища Соборная Гора (Ржев 1) и в 0,4 км к юго-западу от городища Опоки (Ржев 2) (рис. 3). Расположена на левом берегу р. Волги, на площадке и уступе первой надпойменной террасы у подножия высокого коренного известнякового плато. Западная часть стоянки повреждена при строительстве очистных сооружений. Дорога, идущая вдоль отстойника, была специально отсыпана; остальная территория памятника изрыта ямами.

При обследовании в 1977 г. были определены размеры стоянки как 50×40 м; стратиграфия тогда не была установлена. Подъёмный материал – несколько пластин и отщепов. В 2010 г. у подножия уступа была сделана зачистка, расширенная до шурфа, его размеры 0,9×0,7 м, прокопан до глубины 1 м (рис. 4). Поверхность в месте шурфа имела наклон с запада на восток. Стратиграфия шурфа: 1. 0,06–0,07 – дёрн; 2. 0,26–0,34 м – коричневый суглинок с камнями и известняком; 3. 0,3–0,35 м – коричневая супесь с линзой серой супеси;

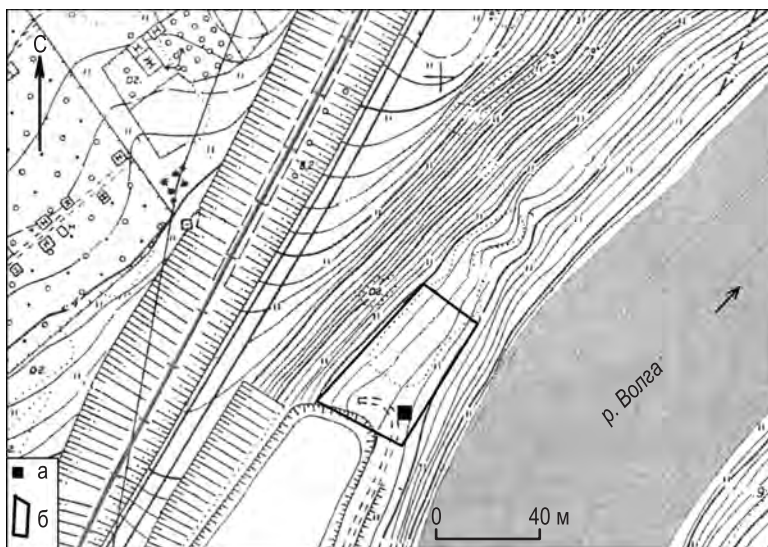

Рис. 3. Стоянка Ржев 2:
а – шурф; б – границы стоянки

³ Здесь и далее определение кремнёвых материалов было произведено И.Н. Черных. Пользуюсь случаем выразить ему благодарность.

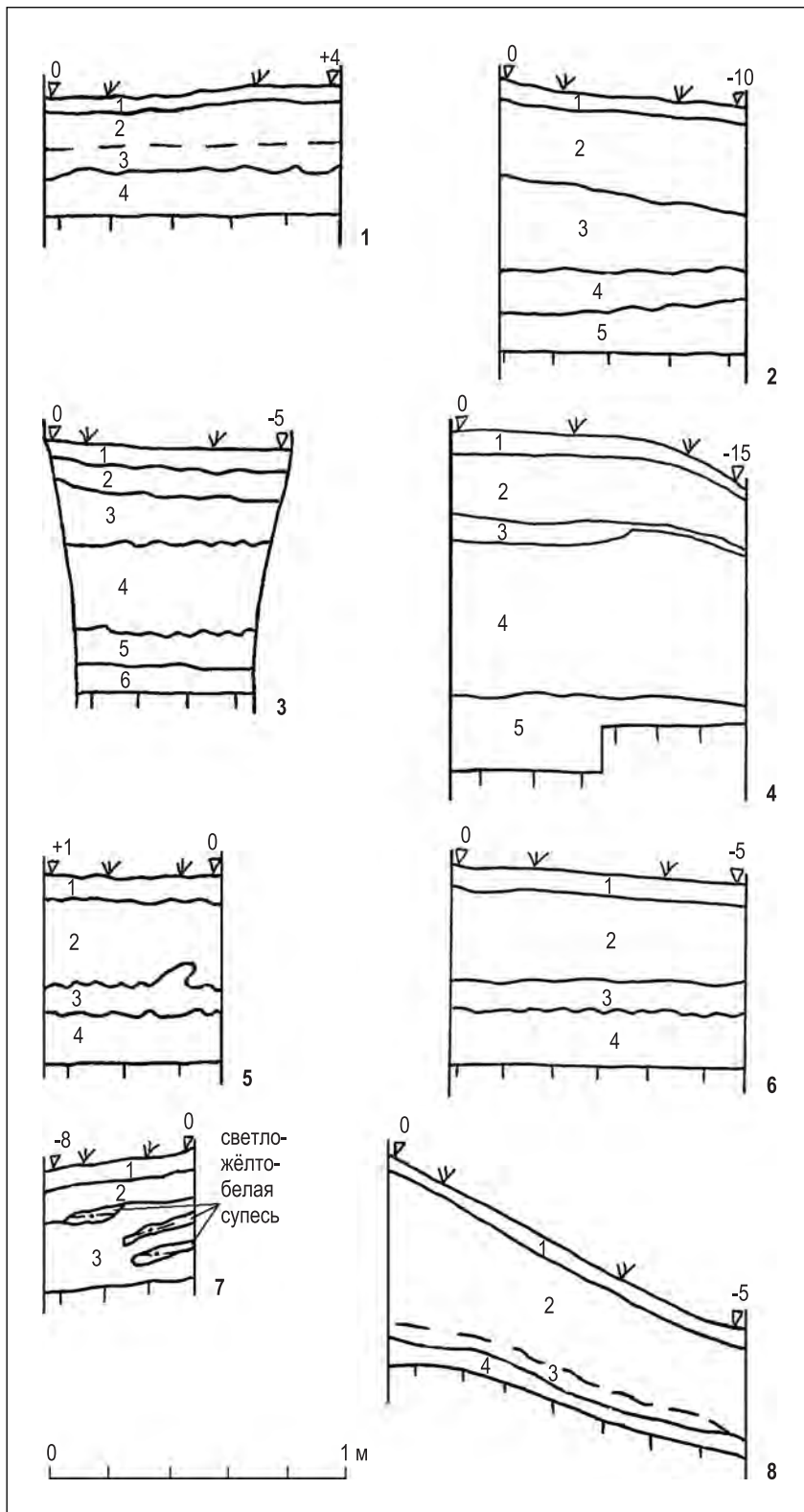

Рис. 4. г. Ржев. Стратиграфия памятников:

1 – зачистка за пределами городища Опoki, С стенка; 2 – шурф на стоянке Опoki 2, СЗ стенка; 3 – зачистка на городище Опoki, СЗ стенка; 4 – шурф на стоянке Ржев 3, С стенка; 5 – шурф на городище Опoki, С стенка; 6 – зачистка на стоянке Ржев 3, СЗ стенка; 7 – шурф на Ермоловском городище, СЗ стенка; 8 – зачистка на Ермоловском городище, СВ стенка

4. 0,1–0,16 м – серо-коричневая супесь; 5. Ниже – светло-жёлтый суглинок. В слое 2 – культурном слое памятника – найдены: 2 фрагмента круговых сосудов, кремнёвые заготовка нуклеуса, массивный скол с известняковой коркой, отщеп и обломок отщепа. На грунтовой дороге собран следующий материал: фрагмент стенки кругового позднесредневекового (?) сосуда, кремнёвые скол с вкраплениями раковин, нуклеидный кусок, отщеп с ретушью, первичный отщеп с ретушью, обломок отщепа с резцовыми (?) сколами, скол.

Судя по подъёмному материалу, найденному на дороге в 2010 г., и рельефу местности, протяжённость стоянки с ЮЗ на СВ – 62–64 м при ширине 27–35 м. Мощность культурного слоя (с дёрном) – 0,4 м. Ориентировочно стоянку можно отнести к неолиту, т.е. к V–IV тыс. до н.э.

Представляются не случайными и найденные здесь фрагменты круговой керамики, которая, видимо, связана с несохранившимся до наших дней памятником. Поблизости или на той же площадке берега, судя по письменным свидетельствам, в 0,5 км выше по течению от городища Опоки находился грунтовой могильник XIV–XVII вв. [3, с. 237]. В 1903 г. Н.Е. Макаренко при разведочных работах, проводившихся по берегу р. Волги, осмотрел здесь каменные плиты с высеченными Т-образными крестами. Количество плит осталось неизвестным, так как «большинство их покрыто растительностью, еле виднеются, и то частями, а другие и совсем незаметны» [4, с. 80–81].

Стоянка Ржев 3

Стоянка Ржев 3 была выявлена в 1987 г. А.В. Мирецким [5]. Тогда же на памятник А.П. Ланцевым был подготовлен паспорт. В 2010 г. установлены границы объекта, собран подъёмный материал, сделаны шурфы и зачистка.

Памятник находится на северо-западной окраине г. Ржева, в 0,26 км к северу от жилых домов, к северо-востоку от бетонной ограды комплекса старого водозабора г. Ржева, в 0,25 км к западу от шоссе Ржев – Осташков (рис. 5). Расположен на мысу левого коренного берега р. Волги, имеющем небольшой уступ, при впадении оврага (левый берег). Высота верхней площадки над водой – 27–28 м. Поверхность задернована,

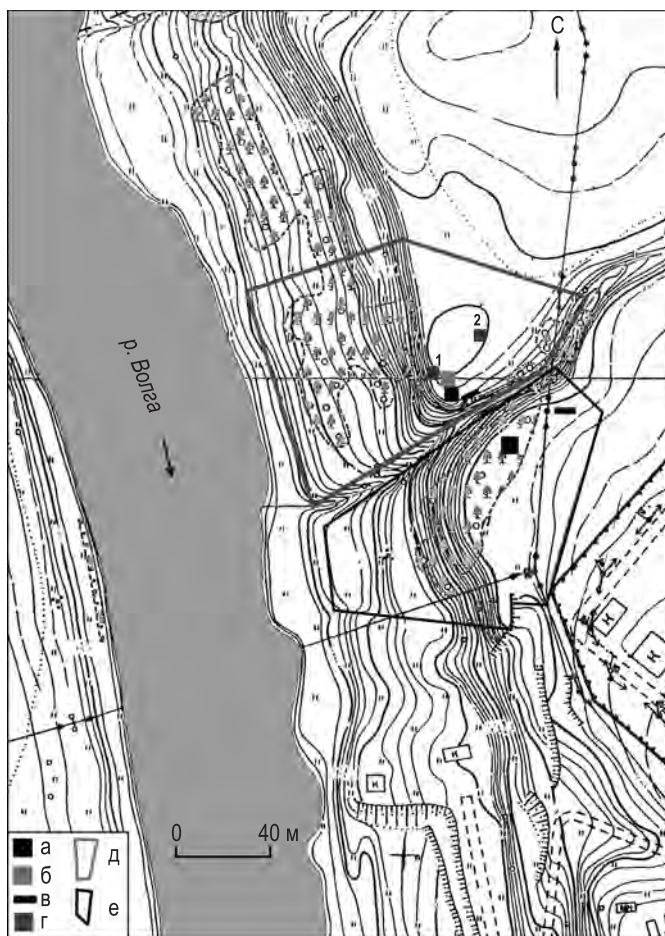

Рис. 5. Ермоловское городище (Ржев 3) и стоянка Ржев 3:

а – шурф 2010 г.; б – шурф 2009 г.; в – зачистка 2010 г.; г – шурфы 2005 г.; д – граница городища; е – граница стоянки

в ЮВ части находится бетонный колодец водозабора, а восточная часть стоянки повреждена проложенными здесь коммуникациями. Склон к Волге повреждён окопом и небольшим карьером, образовавшимся при выемке грунта для устройства водозабора. Мысовой участок и склон оврага поросли деревьями. Восточная часть стоянки ранее распахивалась. На высоте 6–15 м на уступе и склоне находятся выходы известняково-кремня.

Подъёмный материал 1987 г. – это несколько отщепов. В 2010 г. на раздернованных участках верхней площадки около оврага найдены: кремнёвый осколок, фрагмент стенки позднекругового сосуда, две железные пряжки, пуговица и неопределимый предмет XIX–XX вв. (рис. 6: 1–4) и керамический шлак. На уступе собраны кремнёвые осколки. Находки керамики, вещей связаны с непрекращающейся по берегам Волги хозяйственной деятельностью.

В 2010 г. на берегу оврага был заложен шурф и сделана зачистка в небольшой выкопанной кем-то траншее (рис. 4: 4, 6; 5). Шурф размерами 1×1 м прокопан до глубины 1,13 м. Стратиграфия по ЮЗ стенке шурфа: 1. 0,03–0,08 м – дёрн; 2. 0,15–0,2 м – рыжий с жёлтым суглинок (выброс из ямы); 3. 0,01–0,1 м – серая супесь с угольками (погребённый дёрн); 4. 0,55–0,56 м – светло-серая супесь с корнями; 5. Ниже – белёная с включениями жёлтой супесь и ожелезнением (материк). В слое 4 на глубине 0,55 м найден фрагмент позднекругового сосуда (точная датировка неясна), видимо, этот слой следует считать культурными отложениями.

Зачистка длиной 1 м сделана до глубины 0,7 м от дневной поверхности. Стратиграфия следующая: 1. 0,06–0,08 м – дёрн; 2. 0,25–0,3 м – коричневая суглинистая супесь с гравием (слой повреждён пахотой); 3. 0,1–0,12 м – светло-серая супесь с включениями белой; 4. Ниже – жёлтый суглинок. В слое 2 найден кремнёвый нуклеидный кусок. Слои 1 и 2 можно отнести к культурным отложениям стоянки.

Территория стоянки подтрапециевидной формы, протяжённость с ЮЗ на СВ 160 м, с СЗ на ЮВ – 90 м. Судя по найденным в 1987 и 2010 гг. кремнёвым материалам, памятник можно отнести к стоянке-мастерской и датировать широко – мезолитом и неолитом, т.е. VI–IV тыс. до н.э.

Ермоловское городище (поселение Ржев 3, городище Ржев 3)

Городище было выявлено учениками школы д. Шопорова и обследовано в 1924 г. сотрудником Государственного Эрмитажа П.Н. Шульцем и директором Ржевского историко-археологического музея С.Л. Бычинским. Результаты работ были опубликованы в 1926 г. [6, с. 172–194; 7, с. 150–157]. Описание исследований на городище есть в рукописном отчёте П.Н. Шульца, хранящемся в архиве ИИМК РАН [8]. Машинописная копия этого отчёта находится в архиве ТГОМ, причём только в этом архиве сохранилась карта археологических объектов с указанием местоположения Ермоловского городища [9]. К сожалению, остальные иллюстрации (на них есть ссылки в обоих отчётах) отсутствуют.

Городище получило название по расположенному поблизости в сельце Иваново (между дд. Шопорова и Строево) бывшему поместью Ермоловых. В 1924 г. раскопками было изучено несколько квадратных метров («ряд пробных кессонов» по склону оврага). В XX в. памятник больше не исследовался. При разведочных работах 1977 г. городище близ д. Редькино, лежащее на другом (правом) берегу Волги и выше по течению, было ошибочно идентифицировано с Ермоловским городищем [2]. В том же году А.Д. Максимовым был составлен паспорт на этот памятник, где рядом с названием «городище Редькино» дано наименование «Ермоловское» и сообщено о работах П.Н. Шульца и С.Л. Бычинского. Известно, что в 1991 г. А.Д. Максимов знакомился с отчётом П.Н. Шульца и картой, хранящимися в архиве ТГОМ (осталась надпись, сделанная карандашом). На этой карте Ермоловское городище нанесено П.Н. Шульцем на левом берегу Волги. Но в своде 2007 г. Ермоловское городище обозначено в соответствии с данными паспорта как городище Редькино [3, с. 274].

В 2004 г. участок местности на левом берегу, как предполагаемое городище, обследовался Р.А. Оруджевским [10]. Им был снят глазомерный план и собран подъёмный материал: фрагменты венчика и четырёх стенок лепных сосудов (на одном фрагменте имелся орнамент в виде зашипов), 33 фрагмента круговых сосудов, в том числе с орнаментом в виде волны; 9 кремнёвых отщепов. В 2005 г. им закладываются два шурфа (рис. 5) и окончательно выясняется, что памятник многослойный. В шурфе № 1 культурный слой имел толщину 0,23 м. Найдены фрагменты лепных неорнаментированных горшков и один мелкий фрагмент «сеччатого» сосуда. В шурфе № 2 исследователем была частично вскрыта подпольная яма средневековой наземной постройки XV–XVI вв. Материк в шурфе зафиксирован на глубине 1,35–1,43 м. Помимо круговой керамики в верхнем распаханном слое найдены обломки фарфоровой и фаянсовой посуды кон. XIX – нач. XX в. [11].

В 2009 г. в связи с проектируемой реконструкцией водозабора г. Ржева территория городища и местность вблизи него, где был выявлен культурный слой средневекового поселения, обследуются В.А. Шестаковым [12]. Им была сделана инструментальная съёмка территории, заложены три шурфа. В шурфе 1, на мысу (рис. 5), выявлены культурные напластования мощностью 0,23–0,29 м, распаханные до материка. Найдены фрагменты лепной и круговой керамики, а также кремнёвые ножевидная пластина и отщепы. В августе–сентябре 2010 г. в охранный зоне поселения (за пределами территории городища) М.В. Волковой были проведены раскопки [13].

Ермоловское городище (городище Ржев 3) находится на северо-западной окраине г. Ржева, в 110 м к западу от шоссе Ржев – Осташков, в 160 м к СЗ от кирпичного завода, напротив (через овраг) стоянки Ржев 3 (рис. 5). Расположено на мысу левого коренного берега р. Волги при впадении в неё оврага (правый берег). Высота над водой – 25–26 м. Склоны к оврагу и к Волге – крутые.

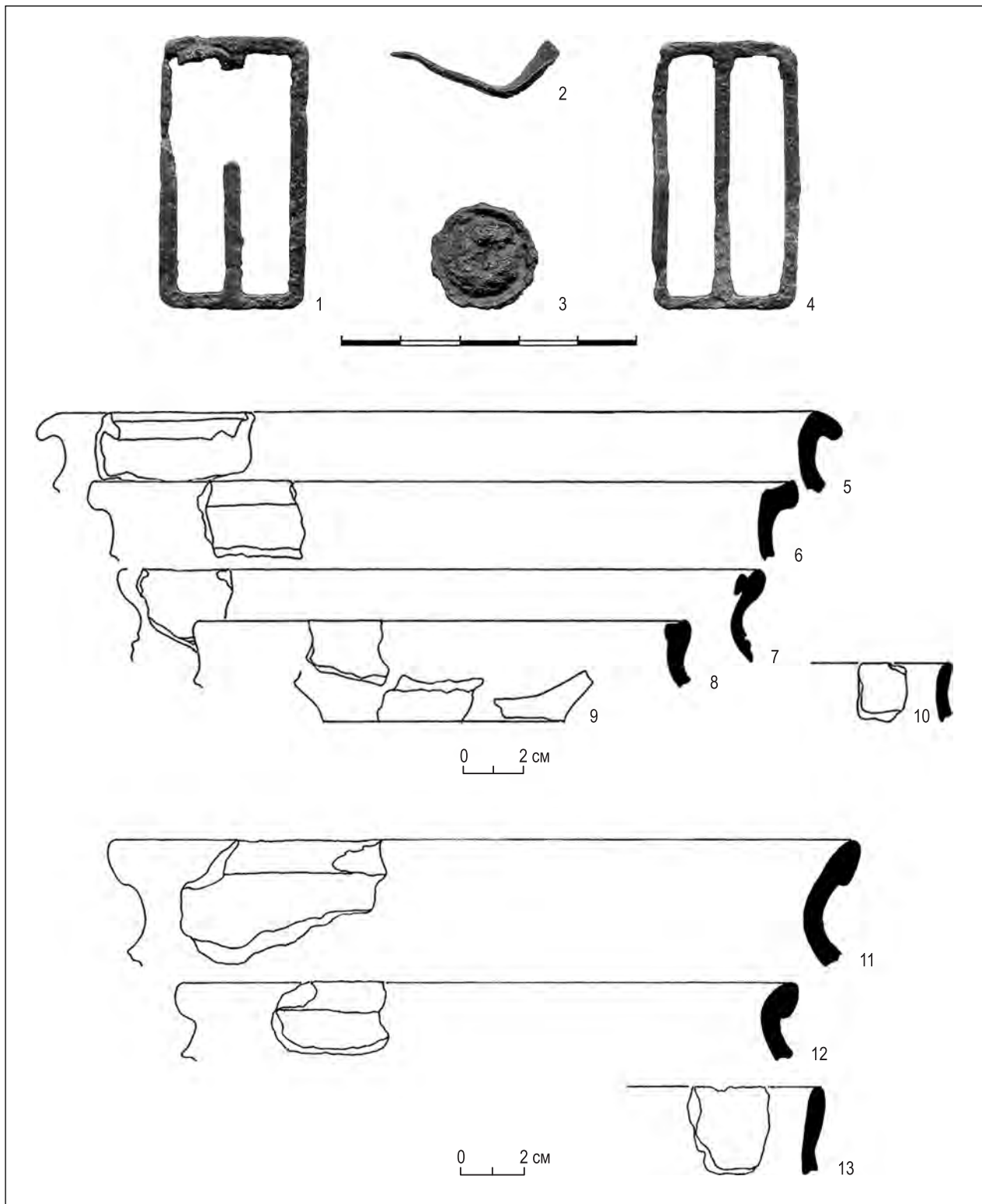

Рис. 6. г. Ржев. Вещевые и керамические находки:

1–4 – железные предметы с территории стоянки Ржев 3; 5–10 – керамика с городища Опoki;
11–13 – керамика с Ермоловского городища.

5–7, 9 – керамика круговая белоглиняная; 8, 11, 12 – керамика круговая красноглиняная; 10, 13 – лепная керамика
(рисунки керамики – Р.А. Оруджев)

В начале XX в. волжский склон интенсивно размывался рекой, а культурный слой оползал в воду, о чём писали исследователи этого памятника. В настоящее время этот склон слабозадернован и происходит дальнейшее оползание грунта. Площадка памятника задернована, но во 2-й пол. XX в., судя по стратиграфии в шурфах, интенсивно распахивалась. По склону оврага растут лиственные деревья.

Городище занимало мысовой участок, частично разрушенный уже ко времени фиксации памятника. По сведениям С.Л. Бычинского и П.Н. Шульца, площадка имела треугольную форму, её размеры – 60×40 или 50×30 м. С напольной стороны находился вал, идущий от оврага до середины площадки. В настоящее время остатки вала не прослеживаются, – видимо, при пахоте он был сnivelирован.

В октябре 2010 г. произведён сбор подъёмного материала на склоне к Волге. Найдены фрагменты лепных сосудов: венчика с нарезным орнаментом и двух стенок; их глиняное тесто имело примесь дресвы (рис. 6: 13). Датировать керамику можно 2-й пол. I тыс. до н.э. – 1-й пол. I тыс. н.э. Помимо лепной керамики, собраны фрагменты позднекургановых красноглиняных венчиков (рис. 6: 11, 12) и стенок сосудов с линейным и волнистым орнаментом XIII–XVI вв., а также кремнёвый первичный тепловой скол с валунной коркой с несколькими фасетками ретуши.

На краю мыса был заложен небольшой шурф, а на склоне оврага в находившейся здесь яме сделана зачистка. Шурф размерами 0,5×0,5 м прокопан на глубину 0,45 м (рис. 4: 7). Дневная поверхность имела наклон с СВ на ЮЗ (соответственно общему наклону площадки), перепад высот – 0,08 м. Стратиграфия шурфа: 1. 0,06–0,08 м – дёрн; 2. 0,1 м – чёрная гумусированная супесь с углями и обожжёнными камнями; 3. Ниже – рыжий суглинок с линзами жёлтого суглинка (материк). В слое 2 найден фрагмент предвенчиковой части лепного неорнаментированного сосуда. Слои 1 и 2 – культурные напластования Ермоловского городища.

Зачистка была длиной 1,2 м (рис. 4: 8). Дневная поверхность в месте зачистки имела наклон с СЗ на ЮВ, перепад высот – 0,55 м (дневная поверхность площадки городища находилась выше на 1,7 м). Стратиграфия по северо-восточной стенке зачистки: 1. 0,05–0,06 м – дёрн; 2. 0,3–0,52 м – тёмно-коричневый супесчаный суглинок; 3. До 0,06 м – перемешанный коричневый и рыжий суглинок; 4. Ниже – рыжий суглинок (материк). Слои 1–3 – культурные отложения поселения. В слое 2 найден фрагмент венчика красноглиняного сосуда XVI–XVIII вв.

В итоге поселение, зафиксированное первоначально как городище раннего железного века, можно считать многослойным памятником, имеющим отложения нескольких эпох: камня (мезолит – неолит), раннего железного века (2-я пол. I тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э.), Средневековья – XIII–XVI вв. н.э.

Средневековые напластования, перекрывавшие слою раннего железного века, фиксировались как на площадке городища, так и за её пределами (раскопки М.В. Волковой). Выяснить, были ли укрепления здесь в средневековое время и являлись ли городище и хозяйственная зона за его пределами единым комплексом, возможно только при дальнейших раскопках.

Мощность культурного слоя на площадке городища, судя по исследованиям разных лет (без учёта углублений в материке), – от 0,1 до 0,5 м. Территория памятника – трапециевидной формы, протяжённость с ЮЗ на СВ – от 85 до 175 м, с СЗ на ЮВ – до 110 м. В территорию городища нами были включены склоны к р. Волге и к оврагу, где находятся сползающие с площадки культурные отложения и где были сделаны основные находки в 1923 и 1924 гг., относящиеся к раннему железному веку.

Городище Опоки (Ржев 2)

Город Опоки, судя по письменным источникам, существовал с 1399 г. по 1613 г. Опоки были сожжены польским отрядом во главе с полковником А. Лисовским и больше не восстанавливались [3, с. 234–235]. Первые сведения о городище как археологическом объекте, видимо, относятся к 1878 г., когда Д.Ф. Щеглов, раскапывая курганы, упоминает об остатках высокого вала и рва близ д. Опоки [14, с. 72]. В 1903 г. городище было осмотрено и подробно описано Н.Е. Макаренко [4, с. 80]. В 1947 г. городище обследовал Э.А. Рикман [15; 16, с. 72]. В 1980-х гг. средневековые городища на Верхней Волге исследовались П.Д. Малыгиным [17]. В 1983 г. им, В.М. Воробьёвым и Е.В. Бодуновым была определена мощность культурных напластований на памятнике – 0,36 и 0,5 м. Зачистки были сделаны на мысу и на площадке у подножия вала. В 1989 г. П.Д. Малыгиным составлен паспорт на городище. Сведения об этом памятнике есть в сводах 1903 г. и 2007 г. [14, с. 71–72; 3, с. 234–235].

В 2004 г. городище Опоки обследовалось Р.А. Оруджевым [10]. Площадка поселения тогда использовалась под огороды, на которых был собран керамический подъёмный материал. В 2006 г. им же совместно с А.С. Дворниковым произведены работы на участке городища, повреждённом грабительским раскопом, имевшем длину 20,5 м и ширину от 3,2 до 6,8 м [18]. Общая мощность культурных напластований там была 0,6–0,8 м. Прослежены три горизонта, различающихся составом культурного слоя, были зафиксированы остатки жилых и хозяйственных построек, отопительных сооружений. Собраны обломки бело- и красноглиняных сосудов XV–XVI вв. В основном это фрагменты, в глиняном тесте которых была примесь песка; единичны фрагменты с линейным (преобладает узкая линия) орнаментом и однорядной волной. Обследование памятника в 2010 г. показало, что грабительские работы на городище не прекратились и культурный слой продолжает уничтожаться многочисленными ямами и траншеями.

Городище Опоки находится на восточной окраине г. Ржева, в 200 м, через овраг, от бывшей д. Опоки (Апоки, Апакино) в урочище Троицкая гора (рис. 2). Оно расположено на мысу левого коренного берега р. Волги (известнякового плато) при впадении ручья Студёного (левый берег). Площадка расположена на

высоте 27–36 м над водой. Она имеет трапециевидную форму и небольшой наклон к юго-западу. Длина площадки с ЮЗ на СВ 180 м, ширина – 100–140 м. Склоны к реке и ручью крутые, почти отвесные, но в мысовой части, вблизи устья ручья прослеживается небольшой уступ протяжённостью 40 м, шириной 15–20 м. С напольной стороны находится вал длиной 130 м, шириной в основании 30–40 м, высотой от поверхности площадки до 4 м. Вал изрыт, ямы задернованы; ранее в центре вала прослеживался въезд на городище. В настоящее время через северную часть вала проложена грунтовая дорога на площадку. За валом – ров шириной около 20 м, глубиной от 2 до 4 м от дневной поверхности (расположенной к востоку). В настоящее время поверхность городища под огородами не используется, но площадка изрыта ямами.

В начале XX в. П.Ф. Симсоном под городищем на берегу Волги были найдены кремнёвые изделия [19, с. 9]. В 2010 г. у подножия на бечевнике (рис. 2) обнаружены кремнёвые заготовка подпризматического нуклеуса с двумя площадками и массивный скол с известняковой коркой. На склоне городища, на высоте около 18–20 м (рис. 2) были найдены дистальная часть пластины со скошенным концом (нож) и обломок первичного отщеп кремня.

При работах 2010 г. в отвалах грабительских ям и траншей подняты фрагменты белоглиняных и сероглиняных сосудов, в том числе с линейным орнаментом, XV–XVI вв., а также три фрагмента лепных сосудов (венчик и две стенки) (рис. 6: 5–10). Датировка лепной неорнаментированной керамики широкая – I тыс. н.э. Данные находки позволяют предположить существование на мысу поселения задолго до возникновения крепости Опоки.

Была зачищена северо-восточная стенка грабительской траншеи (рис. 4: 3). Длина зачистки 0,84 м, глубина 0,87 м. Стратиграфия: 1. 0,06–0,08 м – дёрн; 2. 0,06–0,12 м – тёмно-коричневая супесь; 3. 0,15–0,2 м – тёмно-коричнево-серая супесь с рыжим суглинком; 4. 0,28–0,3 м – тёмно-серая супесь с углями; 5. 0,08–0,16 м – тёмно-коричневая супесь с включениями светло-жёлто-белой материковой супеси (предматерик); 6. Ниже – белёсая супесь. Слои 1–5 – это культурные напластования, общая мощность этих напластований 0,76 м.

В 2010 г. также был заложен шурф на уступе склона городища к р. Волге (рис. 4: 5). Шурф имел размеры 0,6×0,6 м, прокопан до глубины 0,63 м. Стратиграфия по северной стенке шурфа: 1. 0,06–0,08 м – дёрн; 2. 0,2–0,3 м – тёмно-коричневая супесь, в нижней части с мелкими угольками (слой распашки); 3. 0,08–0,15 м – тёмно-коричневая супесь с включениями материковой жёлто-белой супеси. 4. Ниже – светло-жёлто-белая супесь (материк). Слои 1–3 – культурные напластования. В слое 2 найдены фрагмент венчика и 5 фрагментов стенок красноглиняных сосудов XIV–XVI вв. Наличие культурного слоя в этой части мыса позволяет говорить о непосредственной связи этого участка берега с городищем.

Для уточнения границ городища Опоки на площадке коренного берега в 70 м к востоку от рва была сделана зачистка северной стенки задернованной ямы (рис. 2; 4: 1). Культурный слой здесь отсутствовал, не найдены и артефакты. На этом участке берега фиксировались следы стоявших здесь в XX в. строений (подпольные ямы, красный кирпич фундаментов). Участки рядом с этими строениями использовались под огороды.

В территорию городища Опоки включены мысовая площадка коренного берега, вал и ров и примыкающий ко рву участок, склоны до оврага и до р. Волги и её прибрежная часть. Протяжённость памятника с З на В – до 305 м, с С на Ю – до 290 м.

Городище Опоки являлось детинцем средневекового города, при котором располагался посад, занимавший, судя по письменным источникам, оба берега р. Волги, требующий специального исследования. Основные напластования городища датируются от рубежа XIV–XV вв. до начала XVII в.; в I тыс. н.э. площадку занимало поселение, об укреплениях которого ничего не известно. В эпоху камня у подножия коренного плато находились, видимо, стоянки-мастерские.

Городище Ржев 1 (Соборная Гора)

Впервые в летописи город Ржев (Ржева) упоминается под 1216 г. [20, с. 255]. Первые описания городища г. Ржева приводятся Н.Д. Квашниным-Самариным [21, с. 16–17]. Сведения о городище и посаде, о находках на их территории были собраны В.А. Плетнёвым [14, с. 65–70]. Последняя сводка по археологии г. Ржева опубликована В.С. Нефёдовым [3, с. 232–234].

В 1947 г. городище было осмотрено Э.А. Рикманом, произведена фотофиксация памятника [15; 16, с. 72], в 1957 г. обследовалось П.А. Раппопортом [22, с. 166]. В 1958 г. при подготовке новой экспозиции Ржевского краеведческого музея городище обследовалось Ф.И. Ивановым. Совместно с геодезистом О.А. Кочкиным им был снят инструментальный план, сделана графическая реконструкция оборонительных сооружений (рис. 7, 8) [23].

В 1972 г. городище исследует Л.В. Алексеев. Им также был снят план памятника, собран подъёмный материал. Однако заложить шурф, чтобы установить мощность и хронологию культурного слоя, местная администрация не разрешила [24; 25, с. 185]. Найденную керамику определила Г.П. Смирнова. По её мнению, фрагменты посуды были «в основном поздних типов», но среди них были фрагменты, «напоминающие по форме сосуды XII–XIII вв.» [24; 25, с. 185].

В 1979 г. после обследования городища Историко-археологической экспедицией Калининского (ныне Тверского) государственного университета была составлена учётная документация на этот объект П.Д. Малыгиным, неоднократно посещавшим городище и позднее. В 2004–2005 гг. разведочные работы здесь проводил Р.А. Оруджев. На нижней площадке городища им был собран керамический материал [10]. Стационарные раскопки на памятнике не производились.

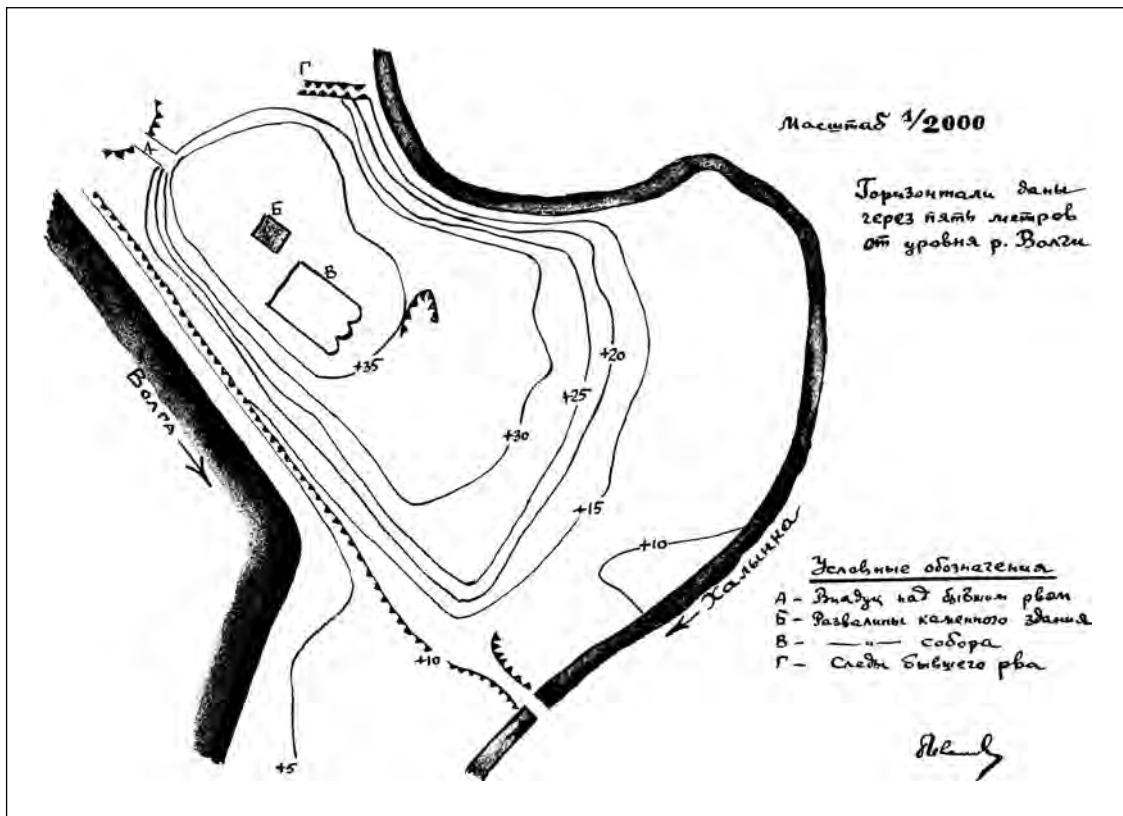

Рис. 7. План городища Ржев (по Ф.И. Иванову [23])

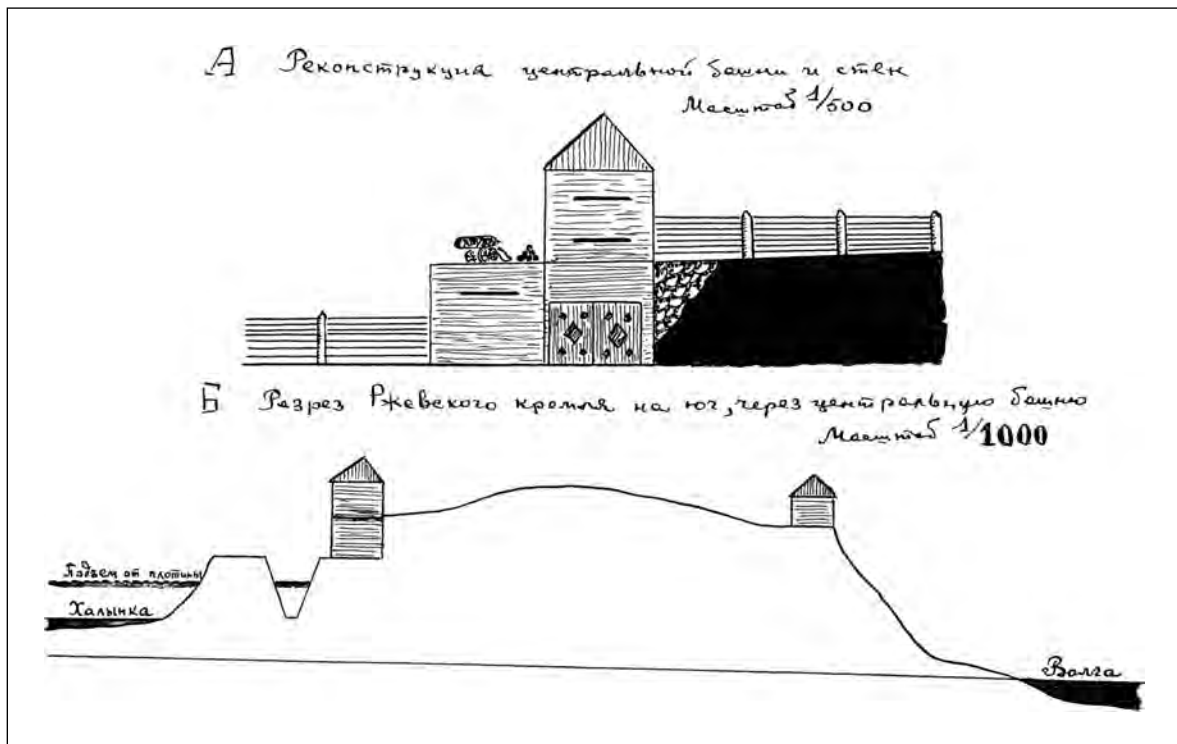

Рис. 8. Реконструкция Ржевского кремля XV в. (по Ф.И. Иванову [23])

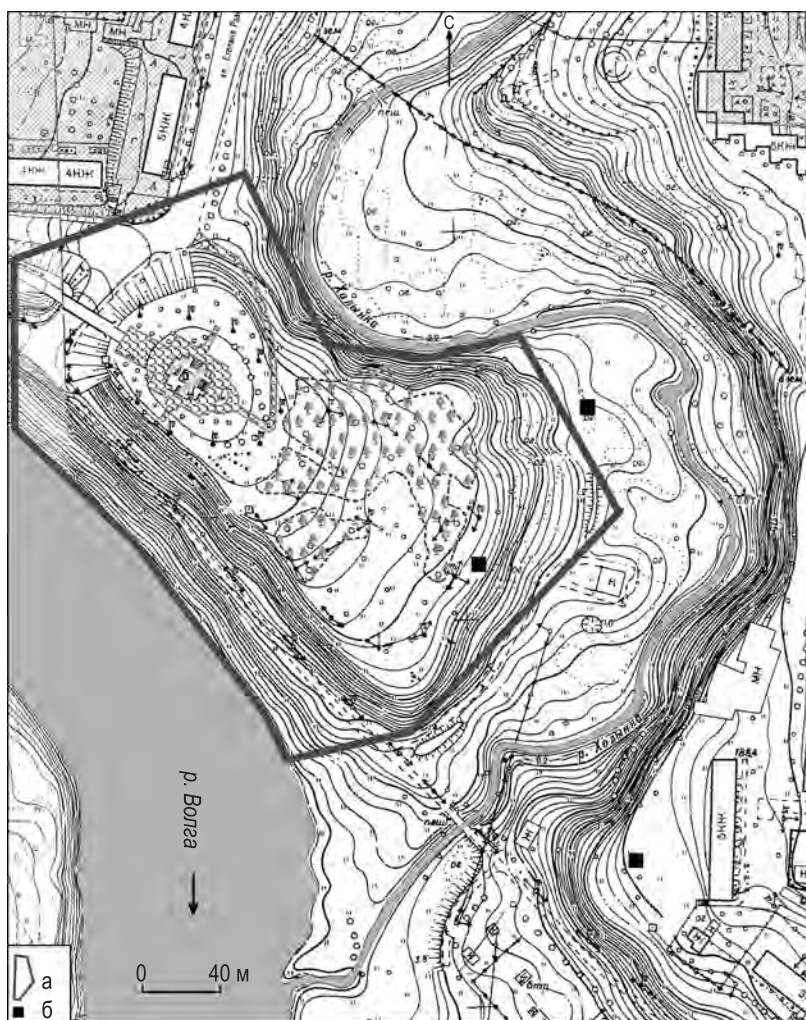

Рис. 9. Городище Ржев 1 (Соборная Гора):
а – границы городища; б – шурф

Городище Ржев – остатки крепости – находится в урочище Соборная Гора на мысу коренного левого берега р. Волги при впадении р. Холынки, на её правом берегу (рис. 9). С юго-запада оно ограничено р. Волгой, с севера-востока – р. Холынкой. Городище имеет две площадки. Верхняя площадка – подпрямоугольной формы, размеры с СЗ на ЮВ 130 м, с ЮЗ на СВ – 60–70 м; высота над водой – 31–33 м. На этой площадке до середины XX в. находились собор Спаса Преображения и колокольня. В 60-е гг. XX в. они (частично разрушенные) были демонтированы, поверхность снивелирована, а в центре площадки установлен обелиск в честь погибших в Великой Отечественной войне воинов.

С юго-востока к верхней площадке примыкает нижняя площадка трапециевидной формы. Протяжённость её с СЗ на ЮВ – 90 м, с СВ на ЮЗ – 130 м; высота над водой – 21–29 м. В XIX – начале XX в. здесь находились строения с фундаментами и, видимо, с подпольями. В настоящее время территория занята парком.

С напольной, северо-западной, стороны верхняя площадка ограничена рвом. Северо-восточный край рва, видимо, соединялся с р. Холынкой, а юго-западный – с р. Волгой. Рельеф рва изменён во 2-й пол. XX в. В настоящее время ширина рва составляет 24 м, глубина – 10 м. Дно рва заасфальтировано для проезда автомашин. Следы вала не сохранились; однако в 1832 г. при постройке соборной колокольни были найдены остатки «крепостных сооружений» [16, с. 72]. По сведениям В.П. Успенского, стены и башни Ржева были деревянными [14, с. 66]. По мнению Л.В. Алексеева, при строительстве обелиска на верхней площадке напольный вал был сдвинут на нижнюю площадку [24]. П.Д. Малыгин считает, что въезд в крепость, очевидно, был с напольной стороны [17].

В 2010 г. на восточном краю нижней площадки (там, где отсутствовали следы поздних перекопов) был заложен шурф размерами 1,8×1 м, прокопанный до глубины 1,4 м (рис. 10: 1). Стратиграфия шурфа: 1. 0,04–

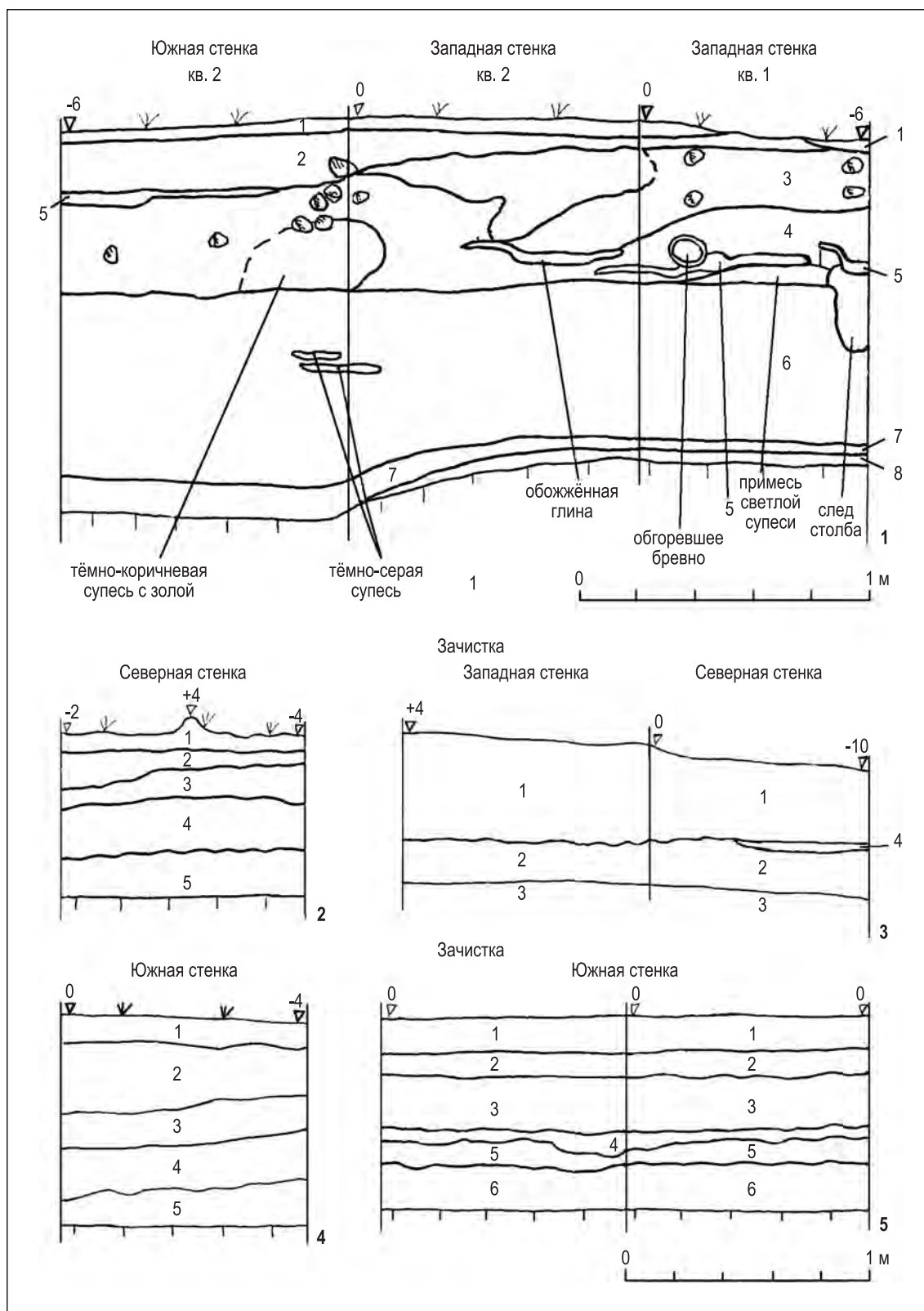

Рис. 10. Стратиграфия городища Ржев 1 и посада г. Ржева:

1 – шурф на городище Ржев 1; 2 – шурф на посаде г. Ржева (левый берег р. Холынки); 3 – шурф у подножия городища Ржев 1; 4 – посад г. Ржева, зачистка на ул. Калинина; 5 – посад г. Ржева, зачистка на ул. Смольная

0,06 м – дёрн; 2. 0,04–0,18 м – тёмно-коричневая гумусированная супесь, увеличивающаяся по мощности к югу, – то есть по склону; 3. От 0,02 до 0,3–0,4 м – рыжий обожжённый суглинок с тёмно-коричневым гумусом; в северной половине шурфа прослеживалось увеличение в этом слое примеси гумуса и обожжённых камней; в центре шурфа этот слой подстилает прослойка толщиной до 0,04 м из обожжённой глины; 4. 0,06–0,35 м – тёмно-серая углистая супесь с обожжёнными камнями и вкраплениями обожжённой глины, увеличивающаяся по мощности в южной части шурфа; в юго-западном углу шурфа в основном слое зафиксирована линза тёмно-коричневой супеси с золой; в северо-западном углу шурфа в тёмно-серой супеси прослеживалась примесь светло-серой супеси, а в самом углу – ещё и с углями (это след столба, частично ушедший за пределы шурфа); 5. 0,02–0,05 м – сплошной слой углей в слое тёмно-серой супеси в западной части шурфа и под слоем тёмно-коричневой супеси в восточной половине шурфа (это, видимо, остатки деревянных конструкций), в центральной части шурфа за его пределы уходят остатки обгоревшего бревна диаметром 0,11–0,12 м; 6. 0,53–0,68 м – переотложенный слоистый грунт из светло-серой и жёлтой супеси с линзами тёмно-серой и белой супеси, с редкими включениями угольков и известняковой крошки, утолщающийся к югу; 7. 0,04–0,14 м и ниже (в южной части шурфа) – тёмно-серая супесь, опускающаяся в сторону склона площадки городища; 8. Ниже – рыжая необожжённая материковая глина.

Таким образом, общая мощность культурного слоя в шурфе, включая дёрн, составляла 1,15–1,38 м. Верхние напластования (слои 2–4) переотложены. Многочисленные обломки керамики встречены преимущественно в слоях 3 и 4. Это фрагменты круговых сосудов XIII–XVI вв., в том числе с линейным и волнистым орнаментом (рис. 11–13). Единичны фрагменты посуды XVIII–XIX вв. и кости животных. В слое 3 также найдены три обломка неопределимых железных предметов, два кованых гвоздя, обломки ножа, трубочки (?) и подковы (рис. 11: 1–8).

Слой 5 – это, возможно, остатки основания деревянных конструкций (укреплений городища?). Слой 6 предположительно – подсыпка, которая была сделана перед сооружением укрепления на краю окольного города. Слой 7, по всей видимости, – погребённые дёрн и почвенный слой. Здесь найдены три фрагмента стенок без орнамента и один фрагмент дна красноглиняных сосудов, в тесте которых встречены песок и небольшие зёрна дресвы. Датировка керамики неясна.

Границы объекта культурного наследия городища Ржев (Соборная Гора) нанесены следующим образом: с юго-востока и северо-востока – это склон окольного города, с севера – берег р. Холынки, с северо-запада и запада – внешний край рва, с юго-запада – склон до р. Волги. Протяжённость памятника составляет: с СЗ на ЮВ 300 м, с ЮЗ на СВ – 140–240 м.

Посад г. Ржева

Сведения об археологических находках на территории посада г. Ржева были представлены в своде В.А. Плетнёва [14, с. 65–70]. Обобщённая краткая характеристика посада приведена В.С. Нефёдовым в своде 2007 г. [3, с. 235]. В 80-е гг. XX в. неоднократно производился визуальный осмотр исторической части города П.Д. Малыгиным [17].

В 1993 г. М.Е. Нестеровой на территории посада (левобережье р. Волги) примерно в 600 м от городища Ржев 1 на Пушкинской набережной, д. 21 производятся первые охранные раскопки [26]. В 1996 г. А.С. Дворниковым была сделана зачистка стенки ранее выкопанного котлована на территории Старого рынка [27, с. 109]. В Учётной карточке на посад г. Ржева, составленной А.С. Дворниковым в 2003 г., границы памятника очерчены в пределах городского вала кон. XVIII – 1-й пол. XIX в.

Посад занимает центральную часть современной территории Ржева (рис. 1): вокруг городища Ржев 1, на обоих – левом (Князь-Фёдоровская сторона) и правом (Князь-Дмитриевская сторона) – берегах р. Волги. Высота левого коренного берега 35–40 м, правого – 10–30 м. В настоящее время на этой территории находятся жилые, административные и прочие постройки города с многочисленными подземными коммуникациями. Территории по р. Холынке и её притокам находятся, как правило, под частной деревянной застройкой. Значительные участки с деревянной одно- и двухэтажной застройкой также расположены в западной и восточной частях Князь-Дмитриевской стороны. При деревянных домах возделываются сады и огороды. Огороды с отдельными строениями находятся в «низинных участках посада» по берегам р. Холынки около её устья. Высота этой местности над водой 2–5 м. Здесь также проложены подземные коммуникации. Участок прибрежной части р. Волги (напротив городища Ржев 1) задернован и занят парком; его высота над водой 4–7 м.

Несмотря на интенсивную техногенную деятельность: разрушения во время Великой Отечественной войны, последующую нивелировку и строительство, включая многочисленные коммуникации, – на территории исторической части Ржева при работах предыдущих лет и в шурфах и зачистках 2010 г. обнаружены напластования средневекового времени (причём не всегда переотложенные), а также артефакты из разрушенных культурных слоёв I тыс. н.э. и эпохи камня. По данным геологобурения, техногенные слои (так преимущественно обозначены антропогенные напластования) на левобережной стороне Волги имеют мощность от 0,4 до 1 м, а аналогичные слои в правобережной части – 1 м (западная половина) и от 0,5 до 1 м (восточная половина)⁴. При археологических работах на Пушкинской набережной, 21 (левобережная сторона) был выявлен сухой культурный слой мощностью до 1,1 м. На территории Старого рынка (правобережная сторона) зафиксирован культурный слой толщиной от 1 до 1,5 м.

⁴ Выражаю благодарность Р.А. Оруджеву за предоставленные сведения.

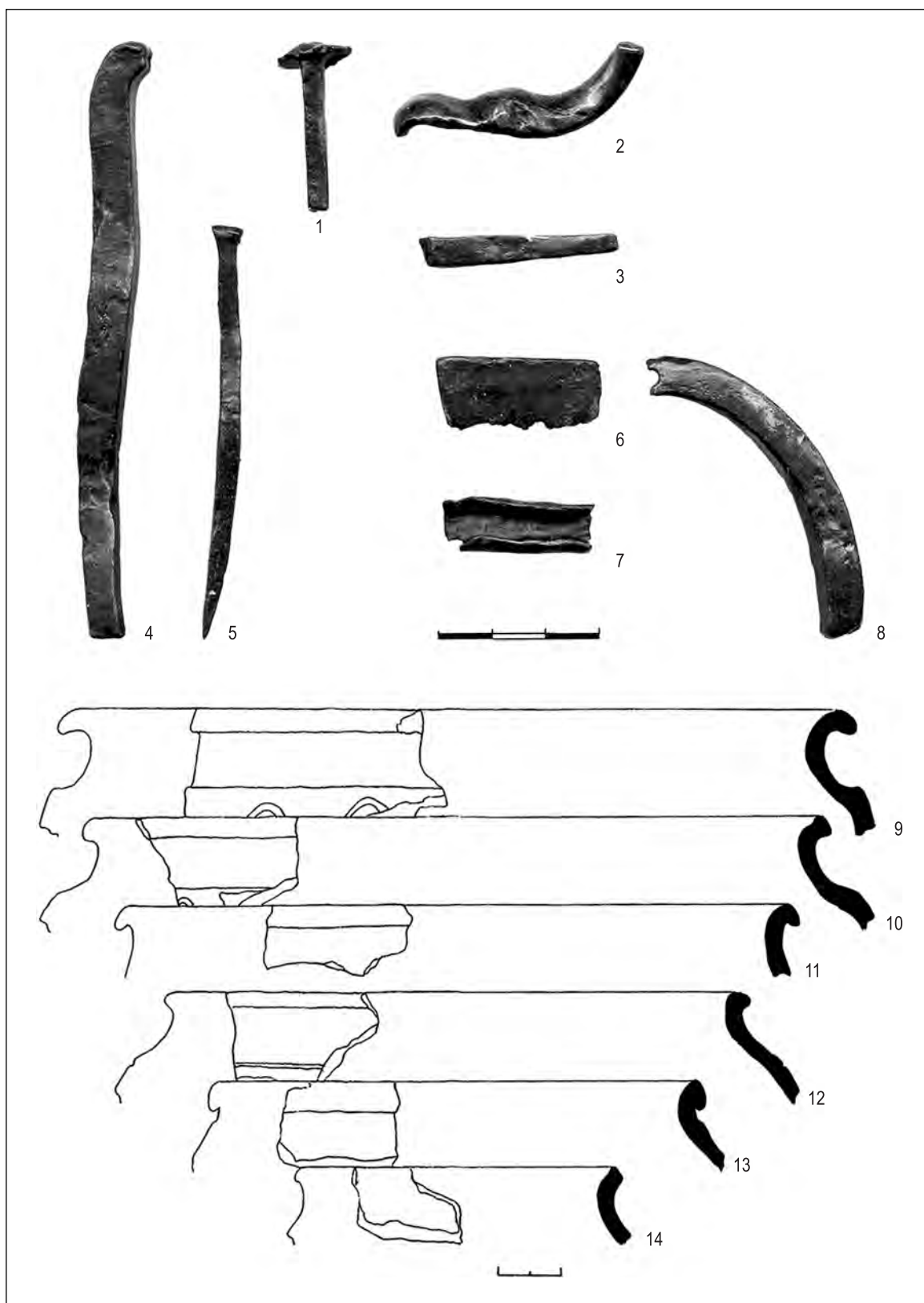

Рис. 11. Шурф на городище Ржев 1. Вещевые находки (1–8) и круговая керамика (9–14):
9–12 – красноглиняная керамика; 13, 14 – сероглиняная керамика

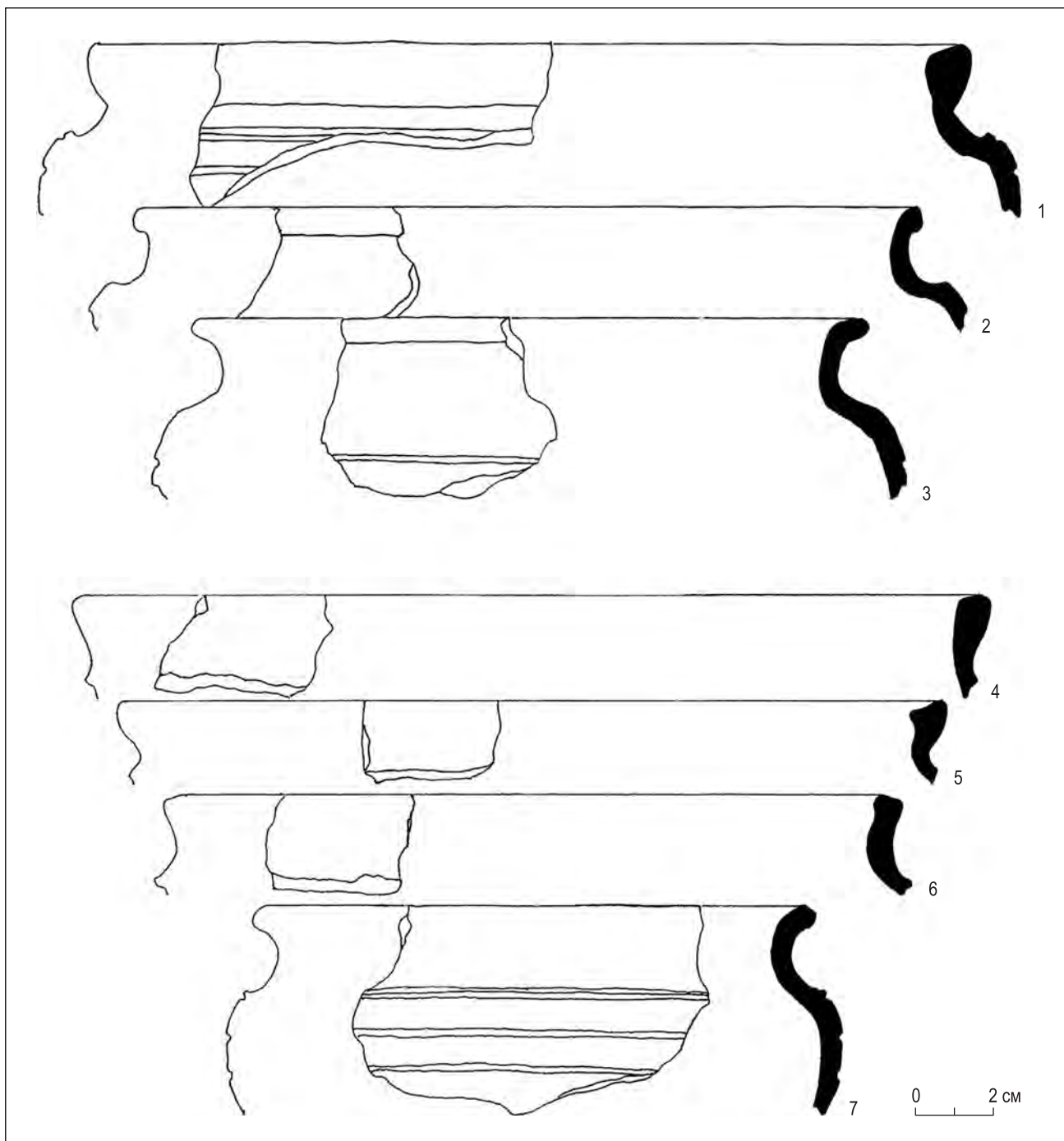

Рис. 12. Шурф на городище Ржев 1. Круговая красноглиняная керамика (рисунки – Р.А. Оруджев)

В 2010 г. на посаде г. Ржева были заложены два шурфа (левобережье р. Волги) и сделаны 2 зачистки в траншеях коммуникаций (правобережная сторона). В отвалах одной из этих траншей, а также на огородах по берегам р. Холынки (вблизи городища Ржев), на коренном левом берегу р. Холынки и на правом берегу Волги напротив городища Ржев был собран керамический подъемный материал.

В 2010 г. под нижней площадкой городища Ржев 1, к юго-востоку от него на огородах найдены 42 фрагмента круговых сосудов XIV–XVI вв. и XVIII–XIX вв. (рис. 14: 3–6). Также обнаружены два кремневых отщепы и осколок кремня. Здесь был заложен шурф размерами 1×1 м, прокопанный на 0,82 м (до известняковой плиты) (рис. 10: 3). Стратиграфия по северной и западной стенкам шурфа: 1. 0,3–0,44 м – темно-коричне-

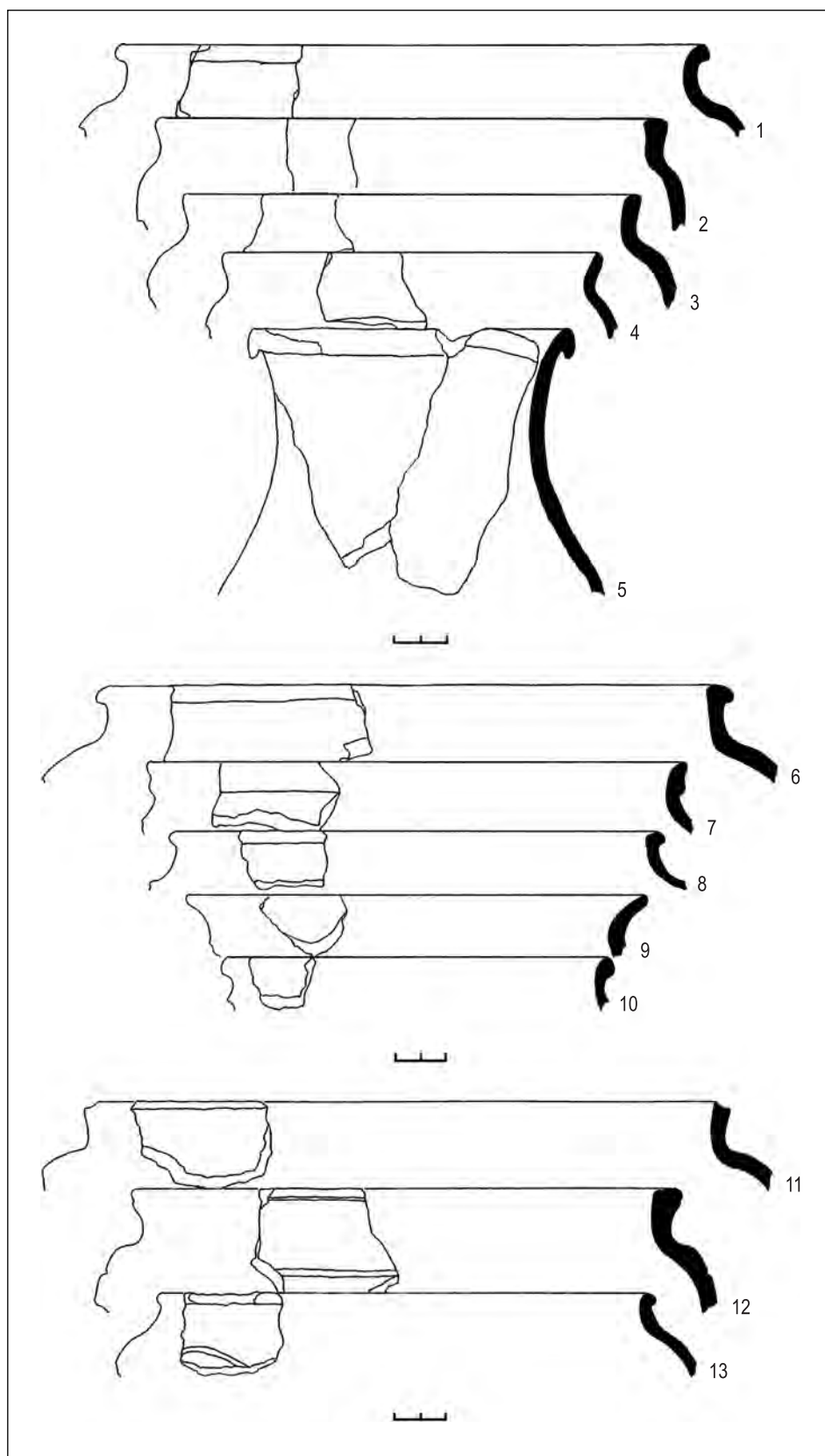

Рис. 13. Шурф на городище Ржев 1. Круговая красноглиняная керамика (рисунки – Р.А. Оруджев)

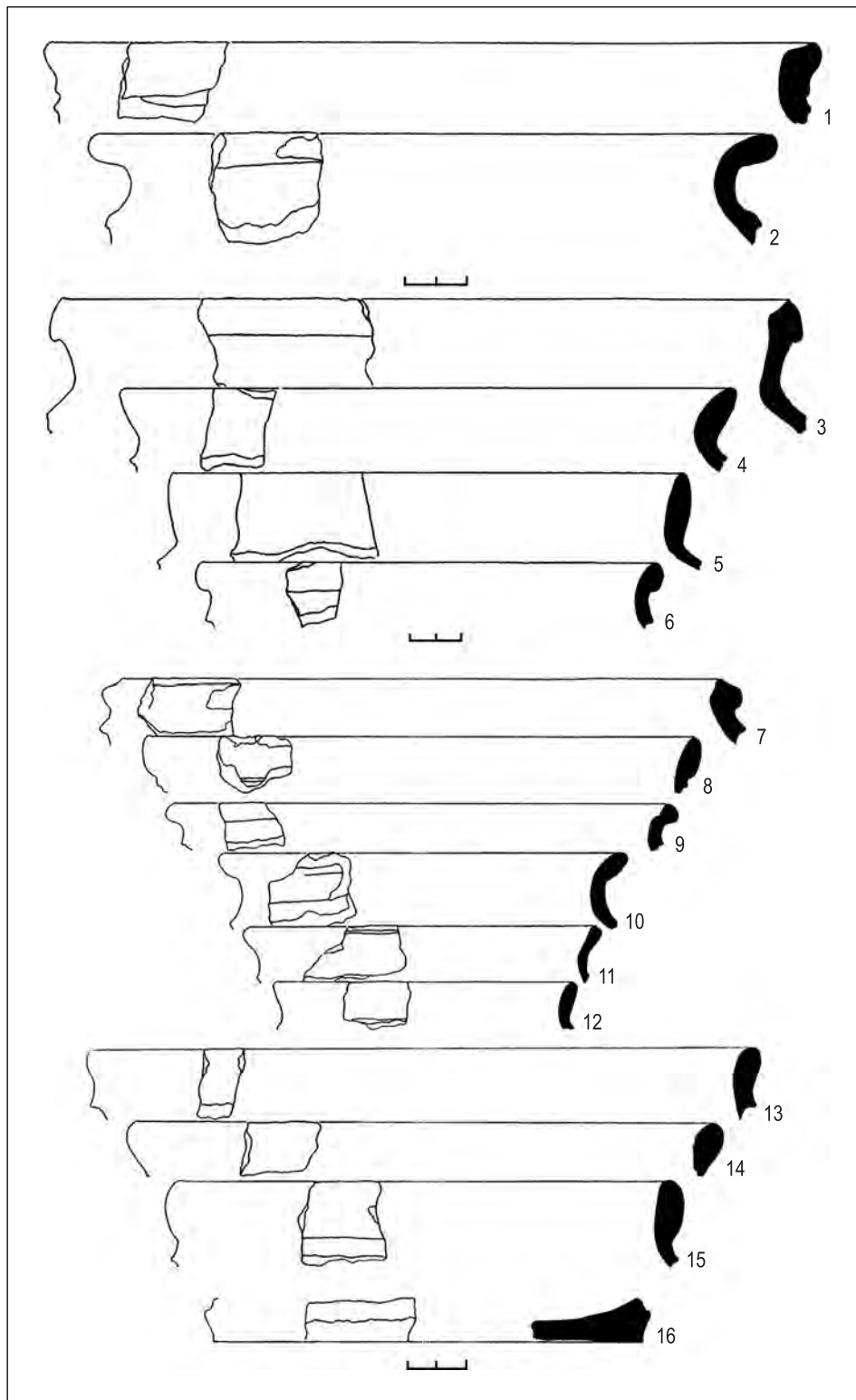

Рис. 14. Посад г. Ржева. Керамика:

1, 2 – зачистка на ул. Смольная; 3–6 – сборы у подножия городища;

7–12 – сборы на левом берегу р. Холынки; 13–16 – подъемный материал из траншеи на ул. Калинина.

1–3, 9, 10, 13, 14, 16 – красноглиняная керамика; 4–8, 12, 15 – белоглиняная керамика; 5, 8, 12, 15 – фрагменты с поливой
(рисунки – Р.А. Оруджев)

вая суглинистая супесь с обожжёнными камнями (слой, повреждённый огородами); 2. 0,18–0,2 м – тёмно-коричневая суглинистая супесь с включениями кирпичной крошки, углей и известняка. (Между слоями 1 и 2 лежит линза известняковой крошки); 3. Ниже – материковая известняковая плита. Слои 1 и 2 – это культурные отложения, их общая мощность достигает 0,62 м. Здесь найдены 22 фрагмента круговых сосудов, из них 4 фрагмента венчиков поливных сосудов XIX – нач. XX в., аналогично датируется ещё один фрагмент венчика из бурой глины. Остальные находки относятся к неорнаментированным стенкам неопределимых по датировке сосудов.

Помимо керамических материалов, в тех же слоях шурфа встречены кремнёвые изделия: отщеп первичный с валунной коркой, обломок пластинчатого отщепа с нерегулярной ретушью, отщеп. В подъёмном материале на огородах также найдены кремнёвые материалы: отщеп-техноскол с площадки нуклеуса, массивный отщеп с нерегулярной ретушью, скол. Находки отщепов на посаде можно предварительно отнести к местонахождению эпохи камня.

Напротив – на левом берегу Холынки – на огородах собраны 27 фрагментов круговых сосудов, среди них один фрагмент ручки кувшина, обломок донца, 4 фрагмента венчиков сосудов XIV–XVI вв., фрагмент стенки сосуда с линейным орнаментом того же времени, фрагменты стенок сосудов XIX – нач. XX в. (рис. 14: 7–12). Наверху, на том же левом берегу Холынки, в том числе и вблизи шурфа, заложенного на мысу коренного берега, найдены 12 фрагментов стенок круговых сосудов XVIII–XIX вв. и 2 фрагмента венчиков поливных сосудов кон. XIX – нач. XX в.

На мысу, образованном левыми коренными берегами р. Волги и р. Холынки, на высоте 30 м над водой был заложен шурф размерами 1×1 м, прокопанный до глубины 0,68–0,74 м (рис. 10: 2). Стратиграфия по северной стенке: 1. 0,6–0,14 м – дёрн; 2. 0,06–0,16 м – тёмно-коричневая супесь с включениями кирпичной крошки и известняка; 3. 0,08–0,16 м – известняковые камни с включениями тёмно-коричневой супеси; 4. 0,2–0,22 м – серый суглинок с редкими включениями кирпичной крошки; 5. Ниже – материковый рыжий суглинок с линзой жёлтого суглинка. Слои 2 и 3 – переотложенные, сдвинутые, видимо, при расчистке площадки для возведения дома. Слой 3 – повреждённый слой посада. Общая мощность культурных напластований – 0,5 м. В переотложенном слое 2 найдены два фрагмента стенок позднекруговых сосудов, в т.ч. поливного, 2 мелких фрагмента изразцов (?) и один фрагмент стенки лепного (?) сосуда. В слое 4 найдены 8 фрагментов стенок позднесредневековых сосудов XV–XVII вв., в том числе с линейным и волнистым орнаментом, четыре фрагмента стенок круговой поливной керамики кон. XIX – нач. XX в., один фрагмент венчика поливного сосуда этого же времени, 4 фрагмента венчиков круговых белоглиняных сосудов.

Таким образом, на этом участке посада встречены культурные отложения от XV–XVI до XX в. и предположительно следы уничтоженного культурного слоя I тыс. н.э.

На правом берегу Волги, напротив городища, в отвалах, оставшихся после прокладки здесь дренажа, найдены два фрагмента днищ и два фрагмента стенок красноглиняных сосудов, один из которых предположительно средневекового времени.

На Князь-Дмитриевской стороне также была сделана зачистка длиной 2 м южной стенки траншеи на ул. Смольной, 65 (рис. 1; 10: 5). Стратиграфия зачистки: 1. 0,12–0,16 м – асфальт; 2. 0,08–0,13 м – коричневая супесь; 3. 0,2–0,24 м – тёмно-серая супесь с кирпичной крошкой; 4. 0,02–0,1 м – светло-коричневая супесь с угольками (почвенный слой); 5. 0,08–0,12 м – коричневый суглинок; 6. Ниже – жёлтый песок с ожелезнениями и известняковой крошкой. В слое 2 найдены обломки фаянсовой посуды и кости животных, в слое 3 – фрагменты стенки и венчиков круговых сосудов XVII–XIX вв. (рис. 14: 1, 2). Слои 2 и 3 – культурные напластования посада, их общая мощность 0,35 м. Слои 5–6 – материковые, 4 – предматериковый.

В траншее на ул. Калинина напротив дома № 35 сделана зачистка длиной 1 м, прокопанная до глубины 0,88 м (рис. 1; 10: 4). Стратиграфия по южной стенке: 1. 0,1–0,12 м – дёрн; 2. 0,16–0,2 м – тёмно-серо-коричневая супесь; 3. 0,14–0,18 м – тёмно-серый суглинок с корнями; 4. 0,2 м – серо-тёмно-жёлтый суглинок с редкими почвенными угольками; 5. Ниже – тёмно-жёлтый со светло-коричневым суглинок. Слои 1 и 2 – культурные напластования посада общей мощностью 0,4 м. В тёмной супеси в отвалах траншеи найдены фрагменты венчика и трёх стенок поливных сосудов XIX – нач. XX в., 10 фрагментов стенок круговых сосудов, 2 фрагмента венчиков сосудов XIV–XVI вв., фрагмент донца кругового сосуда (рис. 14: 13–16). Слои 3–5 – материковые.

Таким образом, на посадах г. Ржева мощность сухого культурного слоя в разных его частях составляет от 0,35–0,4 до 1–1,5 м. На всех исследованных в 2010 г. участках посада, помимо напластований Нового и Новейшего времени, были выявлены слои со средневековыми материалами XIV/XV–XVII вв. На коренном мысу левых берегов Волги и р. Холынки, судя по находке фрагмента лепной керамики в переотложенном слое, можно предполагать наличие остатков напластований I тыс. н.э. и говорить о существовавшем здесь поселении раннего железного века или раннего Средневековья.

В результате проведённой в сжатые сроки (конец октября 2010 г.) инвентаризации были детально (за исключением посада г. Ржева) обследованы стоящие на охране памятники археологии и получены новые материалы по их стратиграфии и хронологии, определены их границы. Окончательно локализовано многослойное Ермоловское городище (нельзя исключать того, что и в XIV–XVI вв. здесь находилось укрепленное поселение). Установлена стратиграфия: нижней площадки городища Ржев 1 (Соборная Гора), а также не изучавшихся ранее участков посада и стоянки Опоки 2. Выявлено местонахождение кремнёвых артефактов на правом берегу при устье р. Холынки. Обнаруженные фрагменты лепных сосудов на городищах Опоки и на левом коренном берегу р. Холынки позволяют предполагать существование здесь поселений в I тыс. н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Басова Е.Н.* Памятники труда человека каменного периода под г. Ржевом // Ржевский край: сборник Ржевского краеведческого общества. № 1. Ржев, 1926.
2. *Воробьев В.М.* Отчет о разведках в Ржевском и Зубцовском районах Калининской области в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6940.
3. Археологическая карта России. Тверская область. Часть 2 / Авт.-сост. В.С. Нефёдов. М., 2007.
4. *Макаренко Н.Е.* Поездка 1903 г. по верхнему течению р. Волги // Известия Археологической комиссии. Вып. 6. СПб., 1904.
5. *Мирецкий А.В.* Отчет о разведочных работах в Ржевском районе Калининской области в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12262.
6. *Шульц П.Н.* Разведки в Ржевском уезде в 1924–25 гг. // Ржевский край: сборник Ржевского краеведческого общества. № 1. Ржев, 1926.
7. *Бычинский С.Л.* Ермоловское городище // Ржевский край: сборник Ржевского краеведческого общества. № 1. Ржев, 1926.
8. *Шульц П.Н.* Раскопки П.Н. Шульца в Ржевском уезде Тверской губ. Отчет об археологической экскурсии и переписка // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925. № 142.
9. *Шульц П.Н.* Отчет об археологической экскурсии на Верхнюю Волгу (Ржевский уезд) с 15 июля по 1 августа 1925 г. // Отчеты и описания раскопок и находок археологических экспедиций музея за 1933–1938 гг. Архив ТГОМ. Р-1. Оп. 1. Ед. хр. 273. Св. 32.
10. *Оруджев Р.А.* Отчет о разведочных работах на территории современного г. Ржева в 2004 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 31562.
11. *Оруджев Р.А.* Отчет о разведочных работах на территории современного г. Ржева в Тверской области в 2005 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 28027.
12. *Шестаков В.А.* Отчет об археологической разведке в Тверской области в 2009 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 38221.
13. *Волкова М.В.* Отчет об археологических раскопках поселения Ржев 3 (Ермоловское городище) в г. Ржев Тверской области в 2010 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 40146–40159.
14. *Плетнев В.А.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии. К археологической карте губернии. Тверь, 1903.
15. *Рикман Э.А.* Отчет о разведках на территории бывшего Тверского княжества в 1947 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 417.
16. *Рикман Э.А.* Обследование городов Тверского княжества // КСИИМК. Вып. 41. М., 1951.
17. *Малыгин П.Д.* Отчет о разведках в Калининской области в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12985.
18. *Оруджев Р.А.* Отчет о работах на участке городища Ржев 2 (Опоки), разрушенном грабительскими раскопками, в г. Ржеве Тверской области в 2006 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 28189.
19. *Симсон П.Ф.* Каменный век под г. Ржевом. Опыт разработки доисторической археологии России по местным находкам и изысканиям. Тверь, 1903.
20. Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2000.
21. *Квашнин-Самарин Н.Д.* Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. Тверь, 1887.
22. *Раппопорт П.А.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси в X–XV вв. М., 1961. (МИА. № 105)
23. *Иванов Ф.И.* Текст отчета о произведенных обследованиях и раскопках археологических памятников в районе г. Ржева и Калининна в 1958 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 1682.
24. *Алексеев Л.В.* Отчет о раскопках, проведенных летом 1972 г. Днепро-Двинским отрядом Прибалтийской экспедиции АН СССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 5471.
25. *Алексеев Л.В.* Смоленская земля в IX–XIII вв. М., 1980.
26. *Нестерова М.Е.* Отчет об охранных исследованиях на территории г. Ржева и Затверецкого посада г. Твери в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17990.
27. *Дворников А.С.* Разведка в Тверской области // АО – 1996. М., 1997.

*Институт археологии РАН,
Москва*

I.V. Islanova

**THE OBJECTS OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE ON THE TERRITORY OF MODERN RZHEV
(IN THE RESULTS OF 2010 INVENTORY)**

Summary

In 2010 an inventory was made of the archaeological monuments placed on a list on the territory of modern Rzhev: site and settlement (ancient village) Opoki 1, site Opoki 2, site Rzhev 3, Ermolovskoye hillfort (Rzhev 3), hillfort Opoki (Rzhev 2), hillfort Rzhev 1 (Sobornaya Gora), the suburb (posad) of the city Rzhev. The stratigraphy and the chronology of the monuments were defined and specified, their borderlines were defined and localized.

Site Opoki 1 seems to relate to the Early Neolithic, while the ancient village 1 of XV–XVI was a part of the suburbs of the city Opoki. Site Opoki 2 with its major part destroyed, is approximately dated to the Neolithic. Site Rzhev 3 refers to the Mesolithic or the Neolithic. Flakes and other flint artefacts were also found on the left bank of the river Kholynka (Rzhev suburbs), on the Ermolovskoye hillfort area, as well as in the sondage at hillfort Rzhev 1, at the foot of Opoki hillfort. On the lower area of hillfort Rzhev 1, in the sondage a cultural layer of from 1,15 to 1,38 metres thick was found with material finds and ceramics belonging to XIII–XVI and XVIII–XIX centuries. Judging by the cultural deposits, there were also remains of the lower part of wooden constructions (fortification of the hillfort?) set on the make-up.

Investigations carried out at Ermolovskoye hillfort lead to the conclusion that this settlement existed as a hillfort not only in the Early Iron Age, but in XIV–XVI centuries as well. Judging by the finds of the hand-made pottery at hillfort Opoki and on the promontory near the Kholynka river inflow into the Volga (Rzhev suburbs), we may suppose that there might be located settlements in I millennium AD too.

*Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences,
19, Dm. Ulyanova St., Moscow, 117036, Russia
E-mail: ivisl@mail.ru*

В.В. Линкевич

МОНИТОРИНГ НЕКОТОРЫХ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В БАССЕЙНЕ ОЗЕРА ОХВАТ (ТВЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ, АНДРЕАПОЛЬСКИЙ РАЙОН)

Озеро Охват расположено в западной части современной Тверской области, административно входя в состав её Пеновского и Андреапольского районов. Площадь составляет 13,6 кв. км, длина – 9,6 км, ширина – до 1,5 км [1]. Водоём имеет вытянутую, полого изогнутую форму с преобладающим направлением с северо-востока на юго-запад или с востока–северо-востока на запад-юго-запад. Ещё один из первых исследователей озера, Д.Н. Анучин, рассматривал его как «ряд соединенных между собой проливами плесов с наибольшими глубинами, варьирующими от 14 м в 3-м плесе и до 25 м – во 2-м» [2, с. 60], с большим количеством мысов, перетяжек, лук. Озеро проточное, в него впадают более десятка ручьёв и речек (самые крупные – Волкота и Нетесьма), а вытекает Западная Двина. Берега местами высокие, представлены песчаными или слабосуглинистыми моренными грядами.

Нахождение крупного водного массива в самых верховьях одной из трёх великих рек Русской равнины, на водоразделе, вблизи непосредственного соприкосновения с бассейнами рр. Ловати и Пола, р. Волги, не могло оставаться без внимания в любую историческую эпоху. Не случайно полевыми исследованиями сотрудников Калининского государственного университета, Калининского государственного объединённого музея, Верхневолжской археологической экспедиции в 1972–1973 и в 1979–1980 гг. (в рамках подготовки «Свода памятников») на берегах озера зафиксированы около 100 археологических объектов, из них 47 – в Андреапольском районе [3, с. 16–27] (рис. 1). Вместе с тем ставить окончательную точку в открытиях было бы опрометчиво даже и в наши дни, а ряд памятников нуждается в уточнении стратиграфии и статуса.

К Андреапольскому району относятся западное и северо-западное побережья Волкотского плёса, северо-западное, западное, восточное и юго-восточное Бобровецкого, западное Нетесьминского и южное в проточной части озера от Нетесьминского к Бобровецкому и Волкотскому плёсам. Эта местность отличается обилием высоких песчаных гряд, составляющих берега и мысы, перемежающихся понижениями с заболоченными березняками и сфагновыми сосняками, а также пойменными полянами. Удобные для рыбной ловли заливы, относительно небольшая глубина у перешейков, наличие оптимальных мест для поселений и кратковременных стоянок по берегу, а также добычи кремнёвого материала, необходимого для производства орудий, на относительно недалёком расстоянии, способствовали заселению края в глубокой древности. Не случайно, из 47 отмеченных 37 памятников отнесены к неолиту (из которых 2 – предположительно мастерские по обработке кремня), 2 – к неолиту – эпохе бронзы. Из оставшегося числа 5 – курганные могильники с небольшим количеством насыпей и 3 – стратиграфически разновозрастные объекты, на которых был собран подъёмный материал с датировкой от неолита до сер. – 2-й пол. I тыс. н.э. и XI–XIII вв. н.э. [3].

Накопленные за последнее время артефакты с озера Охват позволяют внести некоторые уточнения в уже известные сведения о памятниках археологии. Разрушение песчаных берегов в результате охотничье-рыболовной и туристической деятельности человека, активное строительство в посёлке Бобровец и его ближайших окрестностях, природные факторы, такие как засухи, без которых почти подряд не обходилось ни одно лето второй половины 2000-х гг., помогают выявлять интереснейшие археологические материалы.

Так, из-за угрозы возникновения пожаров в сосновых борах вдоль всего побережья озера, часто в непосредственной близости от воды, от Бобровецкого до Нетесьминского плёсов протянулась почти сплошная противопожарная борозда. Безусловно, она затронула все археологические объекты, с какими вошла в тесное соприкосновение. В отвалах этой регулярно обновляемой траншеи достаточно часто встречаются кремнёвые предметы и обломки керамических сосудов (последние как раз очень точно указывают на неоднократно используемое место поселения в разное историческое время). Можно сказать, что кроме ранее выявленных противопожарная полоса даёт разрез и неизвестных местонахождений. Впрочем, зачастую идентифицировать тот или иной объект сложно из-за неточности или несоответствия географических привязок, сделанных при составлении документации на них полевыми исследователями и перешедших затем в «Археологическую карту России. Тверской область. Часть 2» (далее – Археологическая карта). Но большинство всё же узнаваемы.

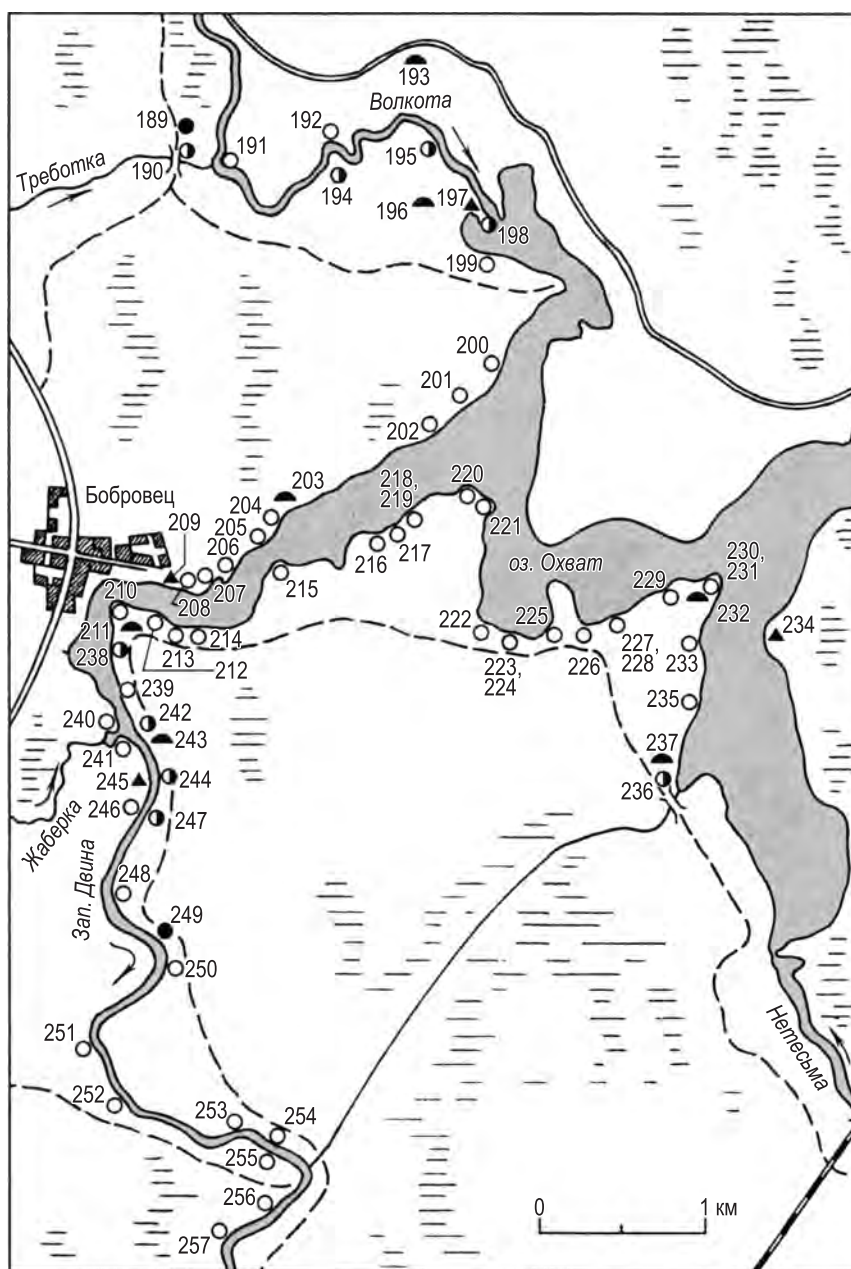

Рис. 1. Озеро Охват. Археологические памятники, открытые к 2007 г. в Андреапольском районе (по [3, с. 16])

Обращает на себя внимание обилие в борозде и отвале из неё кремнёвого материала. В большинстве своём он отмечен вне внесённых в Археологическую карту стоянок. По характеру залегания его можно разделить на две взаимосвязанные группы. Во-первых, это локальные местонахождения, характеризующиеся обилием побочных продуктов каменной индустрии (отщепов, в том числе очень мелких, со спичечную головку и менее (чешуек), технологических сколов, заготовок или обломков заготовок орудий) и, изредка, единичными фрагментами керамики неолита – бронзового века, а также кремнёвыми орудиями (в основном скребками, скрёблами, отщепами с ретушью) и обломками орудий. И, во-вторых, это отдельные артефакты (нуклеусы и нуклеидные куски, заготовки рубящих орудий, обломки скребков, топоров и тёсел и прочее)¹. Рассматривать их вне связи с компактно расположенными на высоких берегах озера Охват археологическими объектами совершенно неправильно.

¹ Здесь и далее – атрибуция зам. генерального директора ГБУК ТГОМ по археологии И.Н. Черных.

Но отвалы траншеи дают и другой материал, дополняющий наши сведения об освоении человеком бассейна озера Охват. Это, конечно, обломки керамических изделий. Вообще, кроме уже названных выше фрагментов посуды неолитической и бронзового века, весь имеющийся на сегодня с берегов озера керамический материал можно условно отнести к двум комплексам: лепной посуде с присутствием дресвы в тесте 2-й пол. I тыс. н.э.² и гончарной древнерусского времени без декора или орнаментированной одинарной «волной»³. Последние встречаются значительно реже и, по всей вероятности, относятся к расположенным где-то поблизости ещё не найденным одновременным селищам.

Пока напрашивается вывод о том, что крупных поселений древнерусского времени на «андреапольской» территории оз. Охват не было. Вместе с тем некоторые указания на то, где можно искать небольшие селища по берегам, имеются. Так, в 3,5 км восточнее пос. Бобровец, на мысу, разделяющем Нетесьминский и Лещёвецкий плёсы, имеется объект, в Археологической карте зарегистрированный под № 1260 (230; он же «Стоянка 23», он же «Бобровец 29»). Во время полевых исследований 1979 г. там был зафиксирован культурный слой мощностью около 0,3 м, содержащий кремнёвые отщепы и пластины неолитического облика [3, с. 20]. В настоящее время памятник активно разрушается туристами и отдыхающими (как и многие другие прибрежные поляны на озере, удобные для проезда и отдыха). В осыпи песка на образовавшемся береговом обрыве-спуске к воде постоянно встречаются обломки кремнёвого инвентаря и керамики (датированной бронзовым веком, относящейся к культуре, близкой к фатьяновской¹, что уже расширяет или уточняет временные границы памятника).

Кроме этого, здесь же в воде у берега найдены несколько тонкостенных фрагментов древнерусской керамики с примесью мелкого песка в тесте, в том числе венчика с привенчиковой частью, орнаментированной одинарной «волной»³. Поляна с соснами, на которой расположена стоянка, сейчас очень загрязнена и имеет несколько кострищ, вырытую яму-помойку, видимо, несколько уже зарытых ям с мусором. Всё это затрудняет идентификацию памятника на предмет связи с древнерусским поселением. Вместе с тем нельзя не обратить внимание на имеющиеся на поверхности две четырёхугольные (подквадратные) насыпи размерами около 1,5×1,5 м, высотой относительно современной поверхности вокруг от 0,4 до 1,2 м. При ближайшем рассмотрении нарушенного на них дёрна выясняется, что они сложены из спрессованной глиняной массы светло-розового и розового цветов с белыми прослойками, без видимого добавления песка. Возможно (и это лишь предположение), эти насыпи каким-то образом (поды глинобитных печей?) связаны с небольшим древнерусским поселением.

Идентичные насыпи мы наблюдаем и на других археологических объектах на озере Охват. Так, например, в около 2,7 км к северо-востоку от посёлка Бобровец, на южном берегу Волкотского плёса находится памятник, в «Археологической карте Тверской области» зарегистрированный под № 1247 (199; он же «Стоянка 10», он же «Бараниха 1, 2»). При его описании в 1972 г. исследователи указали на наличие культурного слоя в виде светло-серого и тёмно-серого песка и найденные кремнёвые скребки, скобели, пластины, фрагменты лепной керамики с примесью песка в тесте и ямочно-гребенчатым орнаментом на поверхности. Весь комплекс отнесён к кон. III – нач. II тыс. до н.э. [3, с. 18].

Однако в воде, в 1,5–2 м от берега и на приплёске, в настоящее время собраны фрагменты стенок и донцев лепных неорнаментированных сосудов с примесью дресвы в тесте, отнесённых ко 2-й пол. I тыс. н.э.² Встречены также невыразительные обломки керамики, которые можно условно отнести к древнерусскому времени³. На берегу в южной части поселения мы видим такую же насыпь почти квадратной формы, представленную спрессованной глиной. Конечно, только серьёзные археологические исследования смогут уточнить предположения о связи уже имеющихся находок с возможными древнерусскими поселениями на озере.

Уникальным археологическим памятником является безымянный остров на Лещёвском плёсе. В настоящее время его площадь составляет около 180 кв. м (вероятно, в неолитическое время была значительно больше), форма – подковообразная, поверхность заросла ивняком и лиственными деревьями. Во время летней жары обнажается приплёсок у западного и частично северного берегов острова, что позволяет собрать здесь и на мелководье в 1,5–2 м от берега интереснейшие артефакты. В коллекции Андреапольского музея имеются тёсла, в том числе с подшлифованными обуховой и лезвийной частями (рис. 2). Но больше всего собрано заготовок и обломков заготовок рубящих орудий (топоров, тёсел) и бифасиальных орудий (типа наконечников дротиков). В отделе археологии ТГОМ предметы датированы мезолитом – неолитом¹. Можно с осторожностью предположить, что остров мог быть мастерской по изготовлению кремнёвых орудий, но отсутствие на приплёске отщепов и типичных технологических сколов, характерных для каменной индустрии, не подтверждает, но и не опровергает эту версию.

Об использовании острова в последующие исторические периоды свидетельствуют и другие находки. В первую очередь, это немногочисленные фрагменты керамики, которые также можно разделить на 2 группы: 2-й пол. I тыс. н.э.² и древнерусского³ времени. Но, пожалуй, самым уникальным из найденных предметов является рабочий железный топор X–XIII вв. [4, табл. XVI, рис. 29: 11] (рис. 3). Он обнаружен в воде, на мелководье, частично погружённым в донный песок, в 1,5 м от северо-западного берега. Вероятнее всего, его владельцами и были люди с одного из пока не известных нам древнерусских поселений на Бобровецком, Лещёвском, Нетесьминском или Волкотском плёсах.

² Здесь и далее – атрибуция с.н.с. Института археологии РАН к.и.н. И.В. Ислановой.

³ Здесь и далее – атрибуция руководителя ООО «Археология и реставрация» (г. Тверь) К.П. Попова.

Рис. 2. Тесло (инвентарный номер музея КМА/1765). Кремь. IV–II тысячелетия до н.э.

Рис. 3. Рабочий топор (инвентарный номер музея КМА/НВ/2879). Железо. X–XIII вв. н.э.

Рис. 4. Топор с закраинами (инвентарный номер музея КМА/4558). Бронза. Конец бронзового века

Несколько слов следует сказать об отдельных предметах с берегов озера Охват, которые поступили в музей от местного населения. К сожалению, для большинства из них невозможно установить точное место нахождения. В лучшем случае нашедшие называют примерную географическую точку по отношению к известным ориентирам (например, Дому отдыха за пос. Бобровец). Иногда это связано либо с тем, что находки были сделаны несколько лет, а то и десятилетий назад, либо с тем, что предметы обнаружены случайно грибниками, рыбаками или отдыхающими, плохо разбирающимися в окружающей местности. Вместе с тем эти артефакты существенно дополняют нашу копилку археологических знаний.

Уникален для нашего края бронзовый топор, найденный местным жителем в окрестностях пос. Бобровец (рис. 4). Рентгенофлуоресцентный анализ этого топора с закраинами сделан С.В. Кузьминых. «Топор отлит из высокооловянистой бронзы, “загрязнённой” повышенными концентрациями цинка и никеля». Исследователь считает, что это – наиболее восточная из известных ему находок таких топоров, не принадлежащих по своему типу к орудиям Евразийской металлургической провинции позднего этапа эпохи бронзы и культурам восточного (верхневолжского, волго-окского и т.д.) круга. Много подобных изделий в циркумбалтийском регионе, и бобровецкий топор может отражать балтийские связи насельников западных районов Тверского края в конце бронзового века⁴.

О двух кремнёвых орудиях, переданных в музей населением, хотелось бы также упомянуть. Первое – это топор¹ из серого кремня, подтреугольной формы, двусторонне оббитый, с чуть скошенным лезвием, с подретушированием лезвийного края, длиной 18,3 см (рис. 5). Предмет обнаружен в кротовине на одной из полян на северо-западном побережье озера восточнее-северо-восточнее пос. Бобровец. Вероятно, из тех же мест происходит наконечник копья или дротика бронзового века¹ длиной 9,5 см из светлого кремня, с ретушированными краями в колющей части (рис. 6). Его нашли в непосредственной близости от берега (вероятно, на приплёске) при купании в 1990-е гг.

⁴ Благодарю с.н.с. ИА РАН к.и.н. С.В. Кузьминых за выполненное им исследование.

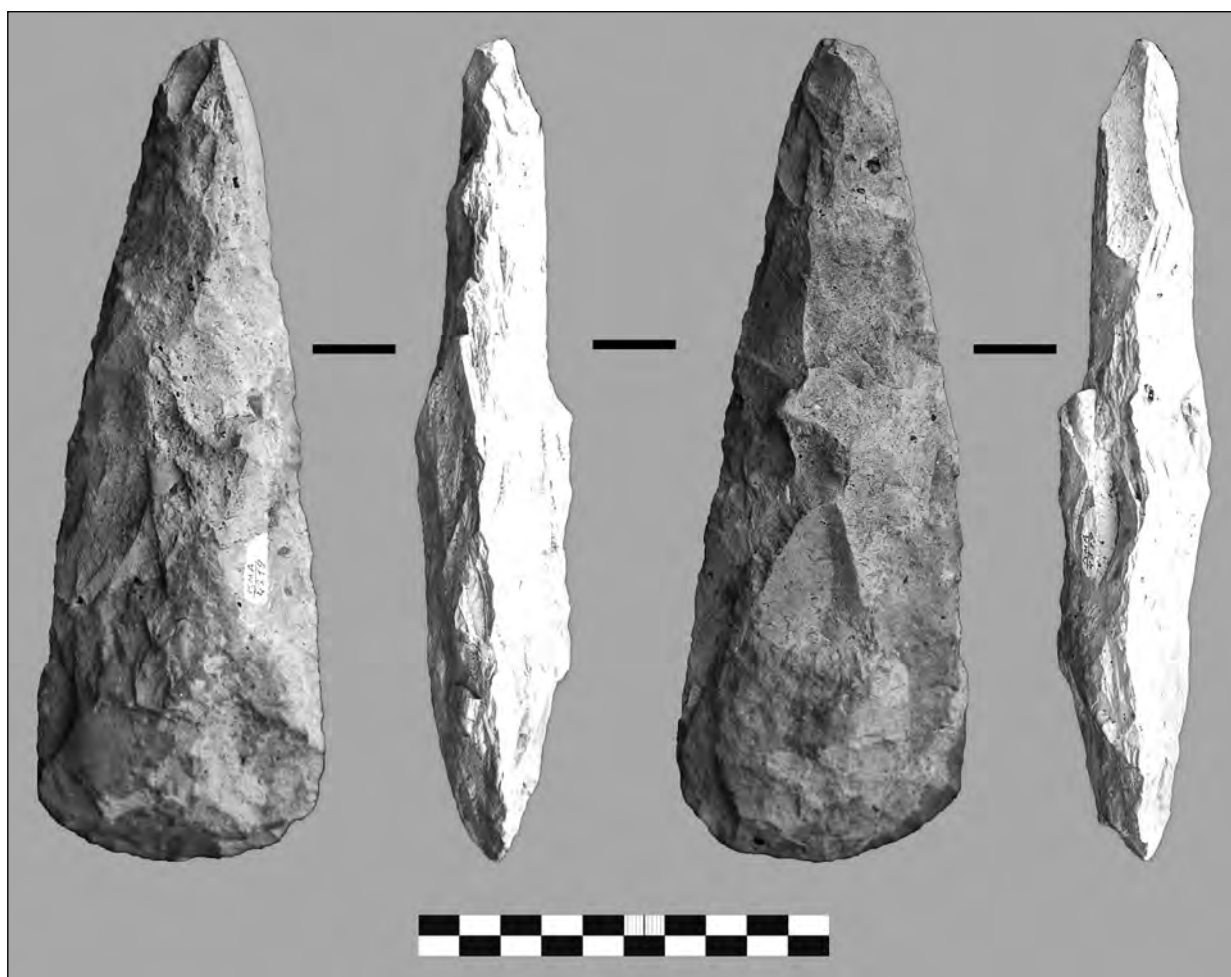

Рис. 5. Топор (инвентарный номер музея КМА/4319). Кремь. Мезолит – неолит

Рис. 6. Наконечник копья или дротика (инвентарный номер музея КМА/4320). Кремь. Бронзовый век

Подводя итог, остановлюсь на том, что весь бассейн озера Охват нуждается в полноценных археологических исследованиях, которые позволят уточнить стратиграфию и культурно-хронологическую принадлежность ряда уже известных археологических объектов, выявить и зафиксировать ранее неизвестные и в конечном итоге пересмотреть представления об освоении человеком водоёма на протяжении нескольких тысяч лет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Охват (озеро) [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия. Режим доступа: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Охват_\(озеро\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Охват_(озеро)) (дата обращения: 12.01.2017).
2. *Анучин Д.Н.* Верхневолжские озера и верховья Западной Двины. Рекогносцировки и исследования 1894–1895 гг. М., 1897.
3. Археологическая карта России. Тверская область. Ч. 2 / Под ред. А.В. Кашкина. М., 2007.
4. *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2. М.; Л., 1966.

*МКУК «Андреапольский районный краеведческий музей имени Э.Э. Шимкевича»,
Андреаполь, Тверская область*

V.V. Linkevich

THE MONITORING OF SOME ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS IN THE BASIN OF LAKE OKHVAT (TVER REGION, ANDREAPOLSKY DISTRICT)

Summary

This article is devoted to the monitoring of some archaeological monuments in the basin of Lake Okhvat (Tver region, Andreapolsky district). The attention of the researchers is drawn to the previously known and newly discovered archaeological monuments with the aim of clarifying their stratigraphy and cultural and chronological affiliation. The part of the lifted material collected here is analyzed. The author comes to the conclusion that the basin of Lake Okhvat requires full-fledged archaeological studies that will allow us to clarify the stratigraphy of already known archaeological sites and record previously unknown ones.

*Municipal Governmental Institution of Culture
“Andreapolsky district local history Museum named after E.E. Shimkevich”,
3, Klenovaya St., Andreapol, Tver region, 172800,
Russia
E-mail: linkevichvalerij@rambler.ru*

И.В. Калинина

МЕТОД И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ А.А. БОБРИНСКИМ ТЕХНОЛОГИИ ПРОИЗВОДСТВА ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ

В российской науке существуют два подхода¹ к изучению технологии древнейшей керамики: историко-культурный и «традиционный типологический подход с использованием технологических и геохимических анализов» [1, с. 120], по определению Ю.Б. Цетлина – «формально-классификационный подход» [2, с. 118]. При формально-классификационном подходе анализ ведётся по «формальным морфологическим, естественно-научным или техническим параметрам» [2, с. 118]. Отличительной же особенностью историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским, является то, что древняя глиняная посуда рассматривается как «результат действия определенных навыков труда» [2, с. 119]. Для определения технологических признаков используются естественно-научные методы, для выявления следов технологических действий – экспериментально-физическое моделирование и бинокулярная микроскопия.

Сведения по гончарной технологии в настоящее время признаются неотъемлемой частью исследований керамики как исторического источника, гончарство в первую очередь рассматривается как культурный феномен [3, с. 118]. Оба подхода, претендующие, если и не на монопольное, то, по крайней мере, на ведущее направление в изучении культурно-исторических процессов в древности, могли бы быть названы историко-культурными, различающимися по методам исследования. Интерпретация данных, полученных тем или иным методом, зависит от контекста исследования, в методе заложена возможность будущей интерпретации. Встаёт вопрос о соотношении метода и предмета исследований.

Многие археологи используют понятия «технологическая традиция» и «культурная традиция» как равнозначные, поскольку полагают, что, «превратившись в традицию, гончарные приемы приобретали характер особенностей культуры тех групп населения, к которым принадлежали гончары» [4, с. 5]. Используется также понятие «культурная традиция в гончарстве» [5, с. 285], или отмечается устойчивость «культурной традиции» в «технологии изготовления керамики» [6]. Новые понятия потеснили ранее основное понятие «археологическая культура» и меняют, в рамках обоих подходов, представления о культурных процессах в древности. Традиционное понимание целостности археологической культуры уже трудно согласовать с «мозаичным характером керамических традиций» [7, с. 139] или с тем, что отдельные керамические традиции, их составляющие, прослеживаются в археологических культурах, удалённых на значительные расстояния друг от друга [8, с. 219–233; 9, с. 19]. Проблемы, связанные с изучением гончарной технологии, заметим, намного шире узко понимаемой этнокультурной проблематики. В частности, у технологий по сравнению с отдельными культурами и этносами другой масштаб бытования во времени.

А.А. Бобринский, приступая к изучению древнейших гончарных технологий, ставил две задачи: во-первых, создать систему технико-технологического анализа керамики, во-вторых, обосновать возможность привлечения данных такого рода анализа к исследованию истории восточноевропейского населения [10, с. 1]. Параллельно с изучением археологических артефактов А.А. Бобринский выступил инициатором и организатором сбора этнографического материала по гончарству Восточной Европы. В итоге многолетних комплексных исследований он пришёл к выводу, что «по результатам технико-технологического анализа керамики возможно... проследить генетическую преемственность между хронологически разными группами древнего населения, исследовать процессы смешения между носителями разных традиций изготовления керамики» [10, с. 4].

А.А. Бобринский исходил из естественной последовательности «технологических задач, которые неизменно возникают и реализуются в любых гончарных производствах» [11, с. 9]. Он рассматривал гончарную технологию «как системное иерархически структурированное образование» [11, с. 106], в котором отдельные стадии и ступени могут быть предметом самостоятельного изучения. Разработанная А.А. Бобринским

¹ Подход в широком смысле – научный «угол зрения», отражение в научном знании предмета исследований. В узком смысле подход – процедура исследования.

ким методика технико-технологического анализа «достаточно сложна и требует длительного освоения под контролем специалистов» [5, с. 289]. Несомненное достоинство этой методики в том, что учебные и исследовательские программы экспериментально-физического моделирования по структуре совпадают, поэтому в ходе обучения не только обретается умение распознавать уже выявленные ранее «следы» навыков труда, но и предоставляется возможность перейти от учебной программы к проведению самостоятельного экспериментально-трассологического исследования.

Обосновывая концепцию генезиса и развития гончарного производства, А.А. Бобринский опирался на археологические источники преимущественно с территории европейской части СССР [12, с. 3], а также на «данные о закономерностях организации, функционирования и изменения навыков труда в гончарных производствах, выявленные по доступным... материалам этнографии» [11, с. 6]. Опыт применения предложенной методики показал надёжность идентификации «следов» на фрагментах археологической керамики. Выяснилось, что для составления программ экспериментального моделирования оправдано привлечение этнографических источников. А.А. Бобринским и его учениками был сделан ряд открытий относительно древнейших навыков разных ступеней гончарного производства, не известных в этнографическом гончарстве. Не столь бесспорно использование этнографических источников в исторических реконструкциях, другими словами, на уровне интерпретации (по А.А. Бобринскому, интерпретация – это «извлечение по находкам керамики историко-культурной информации» [12, с. 3]).

Особое внимание А.А. Бобринский уделял проблеме функционирования и распространения систем гончарной технологии [11, с. 48–74]. По его мнению, в условиях устойчивого состояния гончарного производства гончары «избегают вводить новшества в используемую систему технологии» [11, с. 63]; «в каждом новом цикле производственного процесса используются одни и те же... навыки реализации узких технологических задач» [11, с. 49], «что неизбежно вело к консервации определенных приемов работы и сложению традиционных способов изготовления керамики» [12, с. 242]. А.А. Бобринский, отмечая, что «устойчивое состояние систем технологии характеризует относительную замкнутость по отношению к окружающему миру» [11, с. 52], предполагал, что «в древности, особенно в эпоху первобытности... связь с внешним миром жителей отдельных поселков регламентировалась несравненно строже, чем в наши дни» [11, с. 52]. К такому выводу А.А. Бобринский пришёл на основании изучения «навыков труда, какими пользовались деревенские гончары вплоть до начала 80-х годов XX в., на территории европейской части СССР, а также в пределах Азербайджана, Грузии, Армении и Узбекистана» [11, с. 49]. Многие гончары, с которыми ему доводилось общаться, «утверждали, что они делают посуду точно так же, как делали ее отцы и деды» [11, с. 49]. А.А. Бобринский полагал, что исторические закономерности развития гончарных технологий обусловлены эмпирическим характером производственных знаний, транслируемых в поколениях гончаров. «Механизм передачи навыков работы от одного поколения к другому», по его мнению, складывается уже на ранних этапах развития гончарного производства [11, с. 50]. В 1983 году мне удалось побывать в некоторых очагах гончарного ремесла в Белоруссии, Прикарпатье и Закарпатье. Расспросы гончаров, собственные наблюдения очевидной стандартизации, единообразия приёмов изготовления керамики убеждали в правоте концепции А.А. Бобринского.

Привлекая этнографические сведения из других регионов, археологи пришли, однако, к иному заключению, а именно, что «традиции распространяются не только от поколения к поколению... керамисты зачастую находятся под влиянием с разных сторон и обучаются у многих мастеров. Поэтому мастера могут рассматриваться не только как пассивные хранители традиционного знания, но и как активные передатчики и трансформаторы своих навыков изготовления посуды» [7, с. 135]. Можно было бы игнорировать такого рода примеры современного этнографического гончарства, относя их к стадияльно более позднему «возрасту»; не случайно, возможно, в приведённой цитате использовано слово «керамисты» вместо «гончары». Однако без анализа конкретных исторических реалий это было бы явным упрощением.

В исследованиях тенденций развития гончарных навыков А.А. Бобринский придерживался принятой в отечественной этнографии теории эволюционно-стадиального развития гончарного производства. Так, на материалах из Средней Азии Е.М. Пещерова выделяла женское домашнее гончарное производство и мужское ремесленное производство. По её сведениям, она имела «возможность наблюдать... различные стадии развития от самых примитивных форм и кончая применением высокоразвитой техники»; «наблюдать гончарство на самых ранних его стадиях, а также пути развития его техники»; производство посуды без применения гончарного станка было сосредоточено «исключительно в женских руках» [13, с. 3]. Если же посмотреть в мировом контексте, то известно многообразие этнографических вариантов организации гончарного производства. В Костромской области (1928–1929 гг.) изготовлением посуды занимались только мужчины – это был мужской промысел, и «сесть за круг женщина считала для себя позором» [14, с. 149]. Два способа изготовления глиняной посуды: ручной (налепом) и на гончарном круге – одновременно используют, к примеру, в Египте. «На гончарном круге работают только мужчины; ручным способом пользуются преимущественно женщины. Иногда мужчины и женщины работают вместе. Женщины заняты ручной работой, а мужчины на гончарном круге доделывают еще несовершенное изделие» [15, с. 195–196]. В Декане (Индия) изготовление посуды на медленно вращающемся круге (шефта) или вообще без круга – «исключительно женское занятие». Мужчины доделывают сосуды, но гончарный круг не используют. Они «сглаживают неровную поверхность горшка, постукивая по нему снаружи деревянной лопаточкой, в то время как в другой руке они держат небольшую – величиной с кулак – каменную “наковаленку”, прижимая ее изнутри к стенке сосуда» [16, с. 55]. В 2014 г. мне представилась возможность посетить в составе этнографической экспе-

диции керамические центры на Шри-Ланке. В некоторых местах на Шри-Ланке ещё есть целые деревни семей, занимающихся гончарным производством. В одной мастерской довелось увидеть в рабочем состоянии гончарные круги разного устройства. Гончары помнят, что ножной круг появился 25 лет назад, электрический – 15 лет назад. На Шри-Ланке в ремесленном производстве заняты не только мужчины, но и женщины, при этом мужчины выступают организаторами ремесленного производства. Работая с мужчинами в одной мастерской, женщины делают по ассортименту другую посуду.

Проблема соотношения производственных и этнокультурных традиций остаётся недостаточно изученной. Согласно концепции А.А. Бобринского, внутри используемой гончаром системы навыков труда действуют «естественные механизмы... взаимодействия, адаптации и самоорганизации навыков труда» [11, с. 48, 73]. Через механизм адаптации – «встраивание в действующие системы технологий новых образцов орудий в готовом виде... без участия создателей или их бывших владельцев» [11, с. 53–69] – происходят изменения в навыках труда. На изменения в навыках выбора исходного сырья, как справедливо указывалось, могли влиять в том числе и природно-климатические факторы [7, с. 137]. Основные же причины, по А.А. Бобринскому, вызывающие самые частые изменения в навыках труда были связаны «с пространственными перемещениями отдельных гончаров или коллективов, в которых находились носители навыков изготовления керамики» [11, с. 69]. А.А. Бобринский был убеждён, что встраивание новых навыков в действующие системы технологии «почти всегда предполагает возникновение хотя бы непродолжительных контактов между двумя гончарами, так как освоить новые навыки путем наблюдений за работой или распросами почти невозможно» [11, с. 63]. Другими словами, профессиональные контакты между гончарами являлись определяющими для появления смешанных приёмов «выполнения какой-либо узкой технологической задачи. Они становились обязательной частью его системы и в этом качестве могли быть переданы по наследству следующему поколению гончаров», «становились традиционной нормой» [11, с. 64, 71]. Поэтому, с точки зрения А.А. Бобринского, «выявление и изучение по керамическим находкам процессов смешения открывает возможности для предметного обсуждения различных вопросов культурной и этнокультурной истории древнего населения» [11, с. 66].

Теоретическое наследие А.А. Бобринского, собранные им уникальные этнографические материалы требуют углублённого изучения. А.А. Бобринский писал, опираясь на сведения информаторов, что «в семьях потомственных гончаров обучение начинается с детского возраста» [11, с. 49–50]. С другой стороны, он отмечал, что у мордовского населения в первые десятилетия XX века, «когда в дом мастерицы приходила по браку женщина из другой мордовской семьи, то ее далеко не сразу посвящали в секреты изготовления керамики. Соблюдались обычаи, согласно которым этой женщине надлежало вначале родить ребенка, вырастить его примерно до трех-пяти лет (пока не начал ходить самостоятельно), и только тогда ее могли посвящать в технологию производства посуды. Существовало поверье, что всякий человек, нарушивший этот обычай, должен преждевременно умереть» [11, с. 51]. Остаётся неясным, как в этом случае складывается система традиционных навыков гончарства?

Исследования археологами древних ручных технологий вместе с этнографами позволяют формировать единый предмет исследований, получать информацию, побуждающую иначе посмотреть на свой материал, интерпретировать его с других позиций. Для обоснования предложенной интерпретации, первоначально рассматриваемой только как рабочая гипотеза, требуется разработка соответствующей методики исследования археологической керамики. А.А. Бобринским была с применением компьютерных программ разработана методика изучения отпечатков пальцев на фрагментах древней керамики. В результате использования этой методики на глиняных изделиях из разных археологических памятников эпохи бронзы и эпохи железа было выявлено наряду с женскими отпечатками наличие также мужских и детских отпечатков пальцев. И.А. Гей был сделан вывод, что «таким образом ставится под сомнение бытующее среди археологов представление о том, что гончарством в ранние эпохи владела только женщина» [17, с. 307].

А.А. Бобринский рассматривал развитие навыков гончарной технологии как эволюционный процесс. Исходя из наблюдений, базирующихся на этнографических материалах восточноевропейского гончарства, он считал, что можно «с большей уверенностью говорить о медленном ходе эволюционного освоения круга» [11, с. 59]. По мере освоения круга ручные навыки постепенно утрачивают черты местных культурных традиций [11, с. 61]. Не стоит, однако, забывать, что в древности человек жил в мире ручных технологий, когда разные навыки производственных действий осваиваются «играючи» уже с детства. Согласно П.М. Кожину, «перенос приемов одного вида производства на другое – явление, типичное для неремесленных, домашних производств» [18, с. 122]. «Гончарство вообще, – писал П.М. Кожин, – в своем происхождении и развитии тесно связано с целым рядом производств: корзиноплетением, ткачеством, деревообработкой, даже отчасти обработкой камня и... металлургией». Приём «выбивки сосудов... в Евразии обнаруживает прямую зависимость от изготовления металлических изделий, в частности сосудов методомковки» [18, с. 123, 122]. По наблюдениям Г.Н. Поплевко, «процесс формовки сосудов с помощью техники выколотки напоминает процессковки металлической формы и растягивания исходной заготовки путем проковки стенок всей формы» [6, с. 153]. Это послужило для неё основанием замены термина «выбивка» на «технику выколотки» при формовке профилированной керамики, «которая наряду с лепной до сих пор используется у народов Африки, Юго-Восточной Азии и Южной Америки» [6, с. 153]. Замена термина, возможно, не оправдана, если учесть, что приём выбивки глиняной посуды не везде связан, как отмечалось исследователями, с развитием металлургии. В Океании металлургия не была известна «до появления европейцев. В то время как... техника выбивки применялась здесь в гончарстве изначально» [18, с. 123]. П.М. Кожин и Л.А. Ива-

нова предположили, что «техника выбивки была заимствована гончарством из производства тапы. <...> ... средства и цели техники выбивки в обоих производствах одинаковы» [18, с. 123].

Исследования соотношения гончарного производства с другими древнейшими технологиями являются перспективным источником информации для решения некоторых вопросов, относящихся к социальной и духовной сфере жизнедеятельности первобытных обществ. Проведённые археологические эксперименты, по мнению А.А. Бобринского, свидетельствуют, что «в арсенале знаний изготовителей посуды из догончарных составов... отсутствовали какие-либо представления о термической обработке с помощью температур каления как особом звене технологии. И тем не менее керамика с аналогичными составами из ближневосточных памятников оказалась со следами термического воздействия» [11, с. 97]. Результаты экспериментов и анализ археологической керамики склонили А.А. Бобринского «к мысли о необходимости искать объяснение фактов использования столь высоких температур... за пределами технологии – в сфере представлений древнего населения об огне» [11, с. 97]. А.А. Бобринский, обсуждая причины, вызвавшие появление обжига керамических изделий, писал об особом отношении в древних обществах к огню как объекту почитания, обладавшему очистительными и другими магическими свойствами [11, с. 97]. Иная версия, несколько неожиданная, но весьма правдоподобная в свете взаимосвязей ручных навыков, высказана Р. Армиран, которая предположила, что «обжиг керамики возник в местах, где огонь впервые использовался для выпечки хлеба». <...> «Приготовление хлеба и крупяных каш аналогично производству керамики в приготовлении, дроблении, смешивании с водой, замешивании, формовке и обжиге» [19, с. 244, 240].

В изучение исторических реалий, связанных с гончарным производством, входит и осмысление мастером своей деятельности, то есть отражение в гончарных технологиях мировоззрения древних социумов. Для понимания архаических образных представлений недостаточно изучения производственной лексики, прямого опроса гончаров. И дело не в «забывании» или недоверии, нежелании посвящать этнографов в «секреты» изготовления керамики. В традиционных культурах другое отношение к производственной деятельности, другой тип мышления, соответствующий иным жизненным реалиям [20]. Поиск ответов на вопросы, возникающие при исследовании древнейших технологий, способствует переходу от изучения предметной деятельности к пониманию истории.

В методологическом подходе А.А. Бобринского исследовательская процедура включает постановку вопроса и формирование рабочей гипотезы возможного ответа. Далее либо следует выбор методики из имеющихся в распоряжении исследователя, либо предстоит разработка новой методики для получения достоверной информации, позволяющей предметное обсуждение исторических вопросов. На уровне интерпретации археологические и этнографические материалы выступают равноправными источниками, звеньями единого исторического процесса. Получаемая в результате археологических исследований новая информация ставит под сомнение приоритет этнографов перед археологами в исторических реконструкциях жизнедеятельности первобытных обществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лозовский В.М. Древнейшая керамика Восточной Европы. Комментарии // Российский археологический ежегодник. № 3. СПб., 2013.
2. Цетлин Ю.Б. Основные направления и подходы к изучению органических примесей в древней керамике // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара, 1999.
3. Васильева И.Н. Древнейшая керамика Восточной Европы. Комментарии // Российский археологический ежегодник. № 3. СПб., 2013.
4. Мыльникова Л.Н. Керамика переходного времени от бронзового к железному веку лесостепной зоны Западной Сибири: диалог культур: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 2015.
5. Цетлин Ю.Б. Эксперимент в изучении древнего гончарства: теория и практика исследований // Українська керамологія: Національний науковий щорічник. За рік 2008: Експеримент у сучасній керамології. Кн. IV. Т. 1. Опішне, 2013.
6. Поплевко Г.Н. Об устойчивости культурной традиции в технологии изготовления керамики (на примере данных археологии и этнографии) // Культура русских в археологических исследованиях. Сборник научных статей. Т. I. Омск; Тюмень; Екатеринбург. 2014.
7. Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., Кулькова М.А. Подходы к изучению древнейшей глиняной посуды Восточной Европы (ответ оппонентам) // Российский археологический ежегодник. № 3. СПб., 2013.
8. Калинина И.В. Антропология движения и археологическая традиция // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. I: Материалы V Тверской археологической конференции и 16-го и 17-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь, 2015.
9. Долбунова Е.В. Древнейшие керамические традиции в Днепро-Двинском междуречье (7–6-го тыс. до н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015.
10. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1979.
11. Бобринский А.А. Структура гончарной технологии и методические приемы выделения информации // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара, 1999.
12. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978.
13. Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии. М.; Л., 1959. (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия, Т. XLII)
14. Китицина Л.С. Прimitивные формы гончарства Костромской области // СА. 1964. № 3.
15. Народы Африки. М., 1954.
16. Косамби Д. Культура и цивилизация древней Индии. Исторический очерк. М., 1968.

17. Гей И.А. Определение пола индивидов по отпечаткам концов пальцев на археологических предметах из обожженной глины // Українська керамологія: Національний науковий щорічник. За рік 2008: Експеримент у сучасній керамології. Кн. IV. Т. 1. Опішне, 2013.
18. Кожин П.М., Иванова Л.А. Океанийская керамика в собраниях МАЭ // Культура народов Австралии и Океании. Л., 1974. (Сб. МАЭ. Т. XXX)
19. Amiran, R. The Beginnings of Pottery – Making in the Near East // Ceramics and Man Viking Fund Publications in Anthropology. № 41. Chicago, 1965.
20. Калинина И.В. Очерки по исторической семантике. СПб., 2009.

*Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург*

I.V. Kalinina

**METHOD AND INTERPRETATION IN A.A. BOBRINSKY'S RESEARCHES
ON PRODUCTION TECHNOLOGY OF THE MOST ANCIENT CERAMICS**

Summary

A.A. Bobrinsky considered potter's technology as a systematic hierarchically structured phenomenon in which separate stages and steps can be a subject of independent studying. The results of application of the methods of the technical and technological analysis developed by him have shown reliability in identification of "traces" on fragments of archaeological ceramics.

A variety of ethnographic options of the organization of potter's production is observed in the worldwide context. A.A. Bobrinsky adhered to the theory of evolutionary-stadial development of potter's production accepted in home ethnography. The theoretical heritage of A.A. Bobrinsky, the unique ethnographic materials collected by him demand profound studying.

The methodological approach of A.A. Bobrinsky comprises the following research procedures: formulation of the question, formation of a working hypothesis of the possible answer. Further comes either the choice of methods, from those available to the researcher, or the development of a new method for receiving the reliable information allowing for the concrete discussion of historical questions. At the level of interpretation archaeological and ethnographic materials act as equal sources, as links of the uniform historical process.

*Federal State Budgetary Institution of Culture
"The State Hermitage",
34, Dvortsovaya Emb., Saint-Petersburg, 190000,
Russia
E-mail: irkalinina@yandex.ru*

Е.Л. Костылёва, А.В. Уткин, И.В. Калинина

ГРЕБЕНЧАТЫЕ ШТАМПЫ САХТЫШСКИХ СТОЯНОК (УСЛОВИЯ НАХОЖДЕНИЯ И КАТАЛОГ)

Настоящая статья посвящена публикации гребенчатых штампов для орнаментации керамики. Они происходят из раскопок памятников, расположенных в Центре Русской равнины близ оз. Сахтыш (Тейковский район Ивановской области), которые исследовались Верхневолжской экспедицией Института археологии АН СССР (РАН) с 1962 по 2006 г. сначала под руководством Д.А. Крайнова, а затем, с 1994 г., – М.Г. Жилина. Штампы были обнаружены в ходе раскопок Д.А. Крайновым, О.С. Гадзяцкой, Е.Н. Ерофеевой, Е.Л. Костылёвой и А.В. Уткиным стоянок Сахтыш I, II, III, VIII и X. Всего их найдено более 60¹. Лишь 5 из них (с Сахтыша I – 3 экз., с Сахтыша II – 1 экз. и с Сахтыша X – 1 экз.) опубликованы [1–4]. Необходимо отметить, что работ, специально посвящённых штампам для орнаментации керамики неолита – эпохи бронзы, сравнительно немного [5–10]. Чаще встречаются публикации отдельных находок штампов в контексте более широких исследований [11–20].

В задачи нашей работы входило:

- обобщение сведений по сахтышским штампам;
- создание каталога зубчатых орнаментов²;
- культурно-хронологическая атрибуция гребенчатых штампов на основе анализа планиграфии и стратиграфии их местонахождения.

Основными источниками являются музейные коллекции, описи предметов, научные отчёты о результатах раскопок, а также полевая документация (дневники и зарисовки предметов). Коллекции хранятся в фондах Археологического музея Ивановского государственного университета и Ивановского государственного историко-краеведческого музея им. Д.Г. Бурылина. Местонахождение ряда штампов, отражённых в полевой документации, отчётах или публикациях, неизвестно.

Сахтышские стоянки являются многослойными памятниками и содержат материалы мезолита (бутовская культура), неолита и «лесного энеолита» (верхневолжская, льяловская и волосовская культуры), эпохи бронзы и раннего железа (фатьяновская, абашевская, дяковская и др. культуры), а также древнерусского времени. Однако на большей части исследованной площади нет чёткого разделения слоёв с разнокультурными остатками, поэтому судить о культурной принадлежности штампов можно лишь на основе учёта и сопоставления сведений об их стратиграфии, планиграфии и данных экспериментального моделирования.

Сахтыш I. На Сахтыше I исследована площадь более 1100 кв. м. Мощност культурного слоя – от 0,9 до 2,1 м. Со стоянки происходят 15 гребенчатых штампов (№№ 1–15)³, из них 3 костяных и 12 каменных. Они были найдены в разных стратиграфических и планиграфических условиях⁴. Так, шесть орнаментов (№№ 1, 2, 10–12, 15) были обнаружены в раскопе 3-а 1972–1973 гг. в пределах жилища, имеющего четыре строительных горизонта, связанных с льяловской и волосовской культурами [23]. Три из них (№№ 10–12) были найдены в 1-м–2-м строительных горизонтах, относящихся к льяловской культуре [1, с. 177, рис. 56: 23–25]. Ко 2-му строительному горизонту относится и штамп № 15. Стратиграфическое положение штампа № 1 связано с перемешанным слоем, в котором находилась волосовская, льяловская и верхневолжская керамика, а орнамента № 2 – со слоем, где были встречены керамика эпохи бронзы, а также обломки поздних волосовских и льяловских сосудов [24]. Четыре орнамента (№№ 3, 6, 8, 9) были найдены в верхних слоях памятника: три из них (№№ 3, 8, 9) происходят из поддёрнового слоя (глубина 0–20 см) и могут быть связа-

¹ Состояние источников не позволяет дать более точные сведения по количеству штампов.

² Понятия «гребенчатые штампы», «зубчатые штампы», «гребенчатые орнаменты», «зубчатые орнаменты» используются нами в этой статье и статье И.В. Калининой, Е.Л. Костылёвой, А.В. Уткина «Зубчатые орнаменты Сахтышских стоянок (опыт экспериментального исследования)» в настоящем сборнике как синонимы.

³ Номера штампов здесь и далее даются по прилагаемому каталогу.

⁴ Планы раскопок на стоянках Сахтыш I, II, III и VIII уже неоднократно публиковались, в том числе в Тверском археологическом сборнике, адресуем читателя к соответствующим публикациям [21, с. 397, рис. 6, с. 399, рис. 7, с. 401, рис. 8, с. 403, рис. 9; 22, с. 71, рис. 6, с. 99, рис. 36, с. 134, рис. 71].

ны с волосовской культурой или культурами эпохи бронзы. Штампы найдены на площадке, примыкающей с юго-востока к жилищу № 1, на расстоянии около 2 м друг от друга. Стратиграфически несколько ниже был найден штамп № 6 (глубина 20–40 см), который, скорее всего, может относиться к волосовской культуре. Два штампа (№№ 13 и 14) обнаружены в раскопе 5 в одном квадрате и на одной глубине (70–80 см) в перемешанном слое, где присутствовали все виды керамики – от раннеолитической до позднего периода эпохи бронзы⁵. По морфологическим признакам и экспериментальным данным эти штампы могут быть связаны только с волосовской культурой⁶. Ещё один штамп (№ 7) найден примерно на той же глубине (80 см) также в перемешанном слое в раскопе 1⁷. Точное местонахождение двух штампов (№№ 4 и 5) неизвестно⁸. Однако визуальное сравнение их с другими штампами позволяет предположить, что штамп № 4 со стоянки Сахтыш I из тёмно-сиреневого сланца, близкий по своему оформлению к штампу № 57 со стоянки Сахтыш VIII (аналогичны заточка, зубцы и отверстие), может быть связан с верхневолжской раннеолитической культурой⁹, а штамп № 5, скорее всего, с льяловской.

Таким образом, большинство зубчатых орнаментов по их местонахождению в культурном слое может быть отнесено к волосовской и льяловской культурам.

Сахтыш II. На памятнике многолетними раскопками было вскрыто около 1500 кв. м культурного слоя мощностью 0,6–1,1 м, содержащего материалы от мезолита до раннего железного века. Кроме поселенческой части с остатками жилищ на памятнике был исследован могильник с ритуальными площадками и «святыщами», относящимися к финалу развития волосовской культуры [22, с. 15–37]. Здесь были найдены 24 гребенчатых штампа (№№ 16–39): один – керамический, четыре – костяных и девятнадцать – каменных. Планиграфически выделяются три основных участка их концентрации. Первый участок связан с могильником и ритуальными площадками финально-волосовского времени в раскопах 1963, 1964 и 1984 (раскоп 2) гг., второй – с береговой зоной р. Койки в раскопах 1963, 1966, 1986 (раскоп 1) и 1987 гг., третий участок – с жилыми площадками и домами волосовской культуры в раскопах 1979–1982, 1984 (раскоп 1) гг. На первом участке мощность культурного слоя достигала 50–60 см. Естественная стратиграфия была сильно нарушена могильными ямами и ритуальными комплексами. На этом участке были учтены шесть каменных штампов (№№ 19–23, 39). Четыре из них (№№ 19–22) найдены в межмогильном пространстве, где концентрировались ритуальные клады (раскоп 1964 г.), один (№ 39) – на ритуальной площадке в 1984 г. Условия локализации этих штампов позволяет связать их с волосовской культурой, а конкретнее – с финалом её развития. Ещё один штамп (№ 23) являлся случайной находкой из раскопа 1964 г. и, судя по его морфологии, также, скорее всего, относится к волосовской культуре. И хотя экспериментальные образцы оттисков¹⁰ соответствовали оттискам на льяловской керамике, штамп мог относиться к волосовской культуре, на керамике которой зубчатая орнаментация отличается большим разнообразием.

На втором участке, расположенном в северо-западной части вскрытой раскопами площади, мощность культурного слоя достигала 0,9–1,1 м (в раскопе 1987 г.) и 0,6–0,7 м (в раскопах 1963 и 1966 гг.) [28; 29]. Здесь были найдены девять штампов: два костяных (№№ 16, 17) и семь каменных (№№ 24, 25, 32–36). Костяные штампы найдены в раскопе 1987 г. на глубине 80–100 см, где в сравнительно небольшом количестве встречались все типы неолитической керамики, но абсолютно преобладала ямочно-гребенчатая. По своему стратиграфическому положению (глубина 90–100 см) штамп № 16 может быть связан с верхневолжской культурой, а штамп № 17, обнаруженный выше (глубина 80–90 см), – с льяловской.

Каменные штампы найдены в разных стратиграфических условиях и могут быть связаны с разными культурами. Так, несомненно, к финально-волосовскому времени или к эпохе бронзы относится штамп № 33, найденный в поддёрновом слое. Остальные штампы происходят из смешанных слоёв, где в том или ином количестве представлена керамика разных типов с преобладанием ямочно-гребенчатой [28]. Кроме зубчатых орнаментов в слоях, начиная с глубины 40–50 см и до глубины 80–90 см, были найдены девятнадцать белемнитов для орнаментации ямочно-гребенчатой керамики. Более всего их было обнаружено на глубине от 40 до 70 см, что может являться косвенным свидетельством связи штампов №№ 32 и 35, которые находились в этом же стратиграфическом интервале, с льяловской культурой. Положение штампа № 34 – почти в самых низах культурного слоя (глубина 80–90 см) – может свидетельствовать в пользу отнесения его к льяловской, а возможно, и к верхневолжской культуре.

⁵ Общая глубина раскопа 100 см [25].

⁶ См. в настоящем сборнике статью И.В. Калининой, Е.Л. Костылёвой, А.В. Уткина «Зубчатые орнаменты Сахтышских стоянок (опыт экспериментального исследования)».

⁷ Общая глубина раскопа 180 см [26].

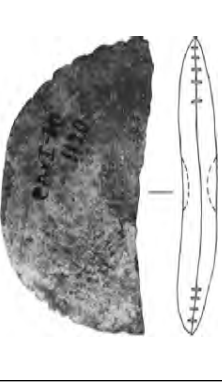

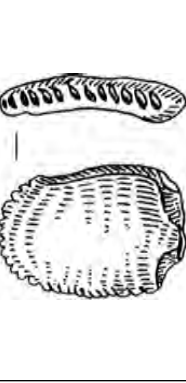
⁸ На штампах указан лишь номер по описи, которая была утрачена. В отчёте о раскопках стоянки Сахтыш I в 1964 г. есть краткое упоминание о каменном штампе, найденном в третьем, самом древнем, ассоциируемом с льяловской культурой из-за обилия обломков ямочно-гребенчатой керамики и развалов сосудов, слое раскопа I [27, с. 17]. В альбоме к отчёту присутствует фотография штампа [27, рис. 40], который представлен в нашем каталоге под № 5.

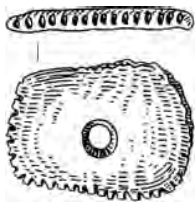
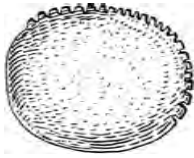

⁹ Штамп № 57 был отнесён к верхневолжской культуре на основе экспериментального моделирования. См. в настоящем сборнике статью И.В. Калининой, Е.Л. Костылёвой, А.В. Уткина «Зубчатые орнаменты Сахтышских стоянок (опыт экспериментального исследования)».

¹⁰ См. в настоящем сборнике статью И.В. Калининой, Е.Л. Костылёвой, А.В. Уткина «Зубчатые орнаменты Сахтышских стоянок (опыт экспериментального исследования)».

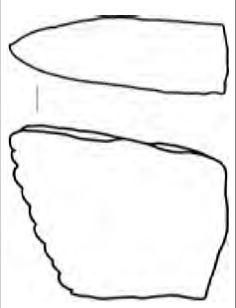
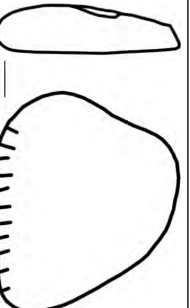

Каталог зубчатых штампов Сахтышских стоянок

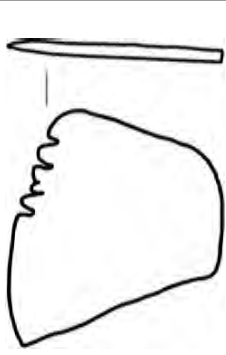

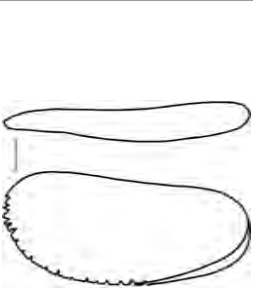

№	Описание	Размер (в мм)	Материал	Местонахождение	Изображение (без масштаба)
САХТЫШ I					
1	Концевой штамп на расколотой вдоль кости оленя, с прямым рабочим краем, оформленным 6 мелкими зубцами. Имеется залощенность по выпуклой и по вогнутой сторонам. Комбинированное орудие, использовавшееся для орнаментации и для обработки поверхности сосуда	140×30	Кость	Сах I-73 № 1842 Р. 3-а, жилище, сектор Ж, кв. 69, гл. 80–90 см	
2	Концевой штамп на расколотом вдоль кабаньем клыке, обточенный изнутри по периметру, с прямым рабочим краем, оформленным 6 мелкими зубцами. Комбинированное орудие, использовавшееся для орнаментации и для обработки поверхности сосуда	52×20	Клык (эмаль)	Сах I-73 № 2018 Р. 3-а, жилище, прирезка к сектору Ж, кв. 88, гл. 50–60 см	
3	Штамп на обломке подшлифованной стенки кости. Рабочий край прямой, с 7 зубцами	24×13	Кость	Сах I-71 № 32 Р. 3-а, кв. 19, гл. 0–20 см	
4	Обломок штампа на тонкой (5 мм) плитке с небольшим (6 мм) односторонне просверленным отверстием. Закругленный рабочий край имеет заточку с обеих сторон и оформлен мелкими подтрапцевидными зубцами. Часть зубцов выкрошилась	30×40	Сланец сиреневато-серый	Сах I-64 № 3314	
5	Штамп на гальке подовальной формы. Рабочий край оформлен 14 зубцами	58×32	Камень серый	Сах I-64 № 3373	

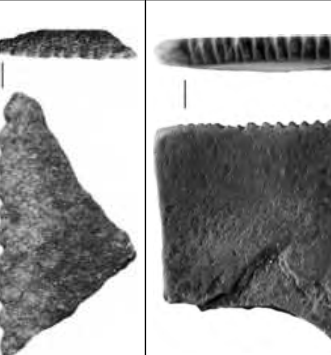

№	Описание	Размер (в мм)	Материал	Местонахождение	Изображение (без масштаба)
6	Штамп на обломке плитки подпрямоугольной формы с двумя прямыми и одним закруглённым рабочими краями	65×45	Сланец серый	Сах I-66 № 523 Р. III, кв. 36, гл. 20–40 см	
7	Штамп на обломке каменного диска-упора для лучкового сверла. Крупные зубцы образованы глубокими нарезками, расположенными по дуге	120×60	Известняк (?) светло-серый	Сах I-70 № 1120 Р. I, кв. 17, гл. 80 см	
8	Штамп на плоской гальке. Дуговой рабочий край оформлен 16 неровными зубцами, которые незначительно заточены	50×40	Сланец серо-зелёный	Сах I-71 № 40 Р. 3-а, кв. 20, гл. 0–20 см	
9	Обломок штампа на отпиленном куске плитки. Рабочий край – с прямыми симметрично заточенными лезвиями, сходящимися под тупым углом, оформлен небольшими ровными зубцами, выполненными глубокими пропилами. Подшлифованная поверхность штампа частично разрушена	75×47	Сланец серо-зелёный	Сах I-71 № 70 Р. 3-а, кв. 21, гл. 0–20 см	
10	Штамп подовальной формы с дугообразным рабочим краем (Опубликован)	30×20	Камень	Сах I-72-73 Жилище I, 1-й–2-й строительные горизонты	

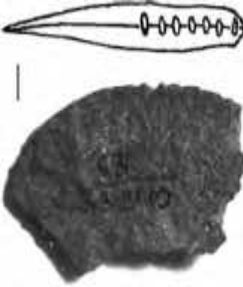

№	Описание	Размер (в мм)	Материал	Местонахождение	Изображение (без масштаба)
11	Штамп подпрямоугольной формы, с отверстием в центре, с двумя сходящимися рабочими краями (Опубликован)	35×27	Камень	Сах I-72-73 Жилище 1, 1-й–2-й строительные горизонты	
12	Штамп овальной формы с дугообразным рабочим краем (Опубликован)	40×33	Камень	Сах I-72-73 Жилище 1, 1-й–2-й строительные горизонты	
13	Штамп на крупной плоской плитке подтрапециевидной формы. Прямой залощенный рабочий край шириной 8 мм оформлен 20 неглубокими скошенными нарезками. Противоположный край орудия также залощен – комбинированное орудие	94×69	Сланец зеленовато-серый	Сах I-81 № 2643 Р. 5, кв. 14, гл. 70–80 см	
14	Штамп на торце плитки подпрямоугольной формы, боковые грани слегка пришлифованы. Рабочий край прямой, оформлен косыми пересекающимися нарезками, залощен	70×20	Сланец тёмно-серый	Сах I-81 № 2642 Р. 5, кв. 14, гл. 70–80 см	

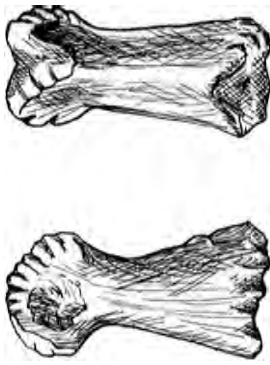
№	Описание	Размер (в мм)	Материал	Местонахождение	Изображение (без масштаба)
15	Штамп на тонком сколе с кремнёвой гальки	66×40	Кремень светло- коричневый	Сах I-73 № 2083 Р. 3-а, жилище 1, 2-й строительный горизонт	
САХТЫШ II					
16	Штамп на фрагменте правой ветви нижней челюсти северного оленя (<i>Rangifer tarandus</i>) с закруглённым приострённым рабочим краем. Зубцы оформлены 7–8 длинными нарезками	75×30	Кость	Сах II-87 № 1248 Кв. 176, гл. 90–100 см	
17	Штамп с 5–6 зубцами на расколотой трубчатой кости с полудуговым рабочим краем, толщиной 3 мм	65×27	Кость	Сах II-87 № 1218 Кв. 189, гл. 80–90 см	

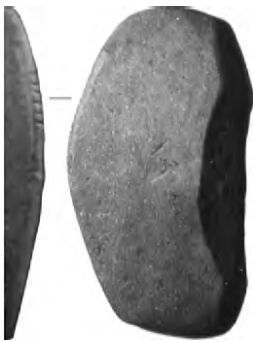

№	Описание	Размер (в мм)	Материал	Местонахождение	Изображение (без масштаба)
18	Штамп на обработанной подпрямоугольной пластине с обломанной трёхгранной рукоятью (?), украшенной сходящимися на грани нарезками (3 и 5). Рабочий конец (торец) и прилегающие края пластины оформлены глубокими пропилами	72×24 (толщина зубчатого конца – 2,5 мм)	Кость	Сах II-79 № 1098 Кв. 42, гл. 60–70 см	
19	Штамп подтрапециевидной формы со скошенным рабочим краем (Из описи)	52×35	Камень (песчаник)	Сах-2-64 Кв. 45, гл. 50–60 см	
20	Штамп с прямым рабочим краем на гальке (Из описи)	33×29	Камень	Сах-2-64 Кв. 46, гл. 30 см	
21	Штамп на торце пластины со скошенным рабочим краем	48×26	Сланец	Сах-2-64 Кв. 53, гл. 50 см	

№	Описание	Размер (в мм)	Материал	Местонахождение	Изображение (без масштаба)
22	Штамп на плоской гальке (Из описи)	31×30	Камень	Сах-2-64 Кв. 63, гл. 40–50 см	
23	Штамп на обломке плитки, оформленный зубцами по противоположным краям	60×55	Сланец серо-коричневый	Сах-2-64 Случайная находка, гл. 20–30 см	
24	Штамп на гальке овальной формы с дугообразным рабочим краем (Из описи)	46×20	Камень	Сах-2-66 Кв. 31, гл. 60–70 см	
25	Штамп на плитке подтрапцевидной формы с двумя прямыми приострѐнными рабочими краями	53×37	Сланец	Сах-2-66 Кв. 31, гл. 60–70 см	

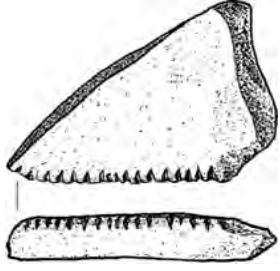

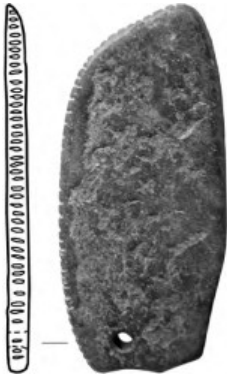
№	Описание	Размер (в мм)	Материал	Местонахождение	Изображение (без масштаба)
26	Штамп на плоской плитке, расколотой на 2 части. Заточенный с одной стороны закруглённый рабочий край оформлен 20 зубцами	67×52	Сланец серовато-зелёный	Сах II-80 № 346 Кв. 55, гл. 20–30 см (<i>большой фрагмент</i>) Сах II-81 № 150 Р-1, кв. 88, гл. 20–30 см (<i>малый фрагмент</i>)	
27	Штамп на обломке кольца, подпрямоугольного в сечении, по внешней дуге которого расположены 8 глубоких нарезок	Длина по внешней окружности – 57 мм, по внутренней – 40 мм	Сланец серый	Сах II-81 № 1401 Р. 1, кв. 109, гл. 70–80 см	
28	Обломок штампа на плитке подтреугольной формы. Рабочий край прямой с 10 закруглёнными залощёнными зубцами	33×16	Песчаник серо-розовый	Сах II-81 № 713 Р. 1, кв. 98, гл. 50–60 см	
29	Штамп на плитке подтрапециевидной формы с прямым рабочим краем с 25 неглубокими зубцами	46×32 (толщина 3 мм)	Сланец тёмно-серый	Сах II-82 № 453 Кв. 128, гл. 60–70 см	

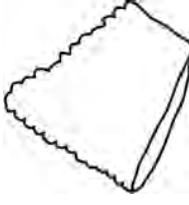
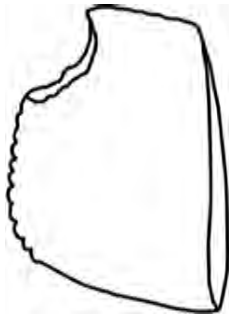

№	Описание	Размер (в мм)	Материал	Местонахождение	Изображение (без масштаба)
30	Штамп на отщепе подтреугольной формы. Рабочий край оформлен 8 неровными зубцами	68×46	Сланец серый	Сах II-82 № 354 Кв. 124, гл. 60–70 см	
31	Штамп на небольшом тонком сколе с гальки с неровными зубцами на двух участках дугообразного края	35×25	Камень коричневый	Сах II-84 № 185 Р. 1, кв. 129, гл. 40–50 см	
32	Штамп на плоской гальке подтреугольной формы с закругленным рабочим краем, оформленным 12 зубцами	32×31 (толщина 2 мм)	Камень серовато- зелёный	Сах II-86 № 1091 Кв. 161, гл. 40–50 см	
33	Штамп на плитке подтрапецевидной формы с прямым рабочим краем, оформленным 16 глубокими нарезками	43×32	Сланец серый	Сах II-87 № 40 Кв. 183, гл. 0–20 см	
34	Штамп на округлой уплощённой гальке. Один дугообразный рабочий край оформлен 11 трапецевидными зубцами, противоположный край – двумя трапецевидными зубцами	37×32	Камень серо- зелёный	Сах II-87 № 1059 Кв. 179, гл. 80–90 см	

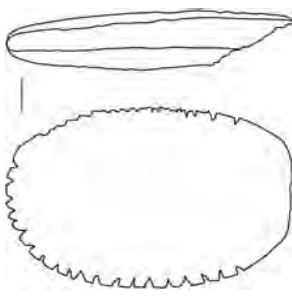
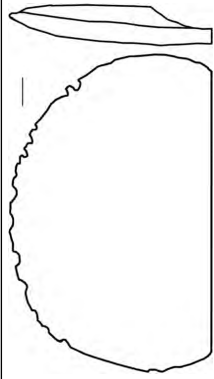

№	Описание	Размер (в мм)	Материал	Местонахождение	Изображение (без масштаба)
35	Штамп-подвеска на гальке каплевидной формы с двусторонним сверлением, оформленный 10 зубцами по закруглённому торцу	47×32	Камень серо-зелёный	Сах II-87 № 694 Кв. 179, гл. 60–70 см	
36	Штамп на плитке удлиненной подтрапециевидной формы с округлым рабочим краем (Опубликован)	57×45	Сланец	Сах II-63 Без № Кв. 28, гл. 40–60 см	
37	Штамп из фрагмента венчика сосуда, срез которого оформлен глубокими, образующими зубцы нарезками, а противоположный ему край – косыми неглубокими нарезками	40×30	Глина	Сах II-86, № 55 Р. 2, кв. 46, гл. 0–20 см	
38	Штамп из фаланги оленя, оформленный по обоим концам зубчатыми нарезками (Опубликован)	40 мм по высоте	Кость	Сах II-82 № 186 Кв. 123, гл. 40–50	

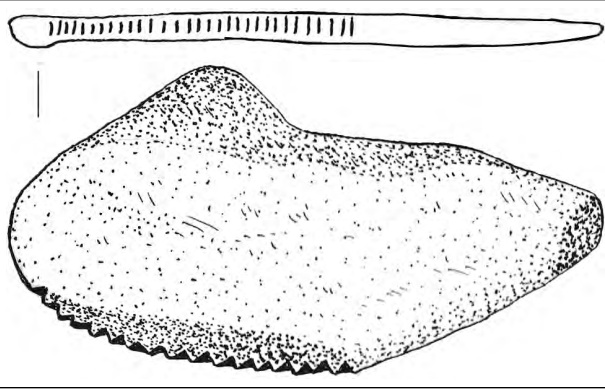
№	Описание	Размер (в мм)	Материал	Местонахождение	Изображение (без масштаба)
39	Штамп на плитке удлиненной подтрапециевидной формы со скошенным рабочим краем, оформленным 4 неровными зубцами	57×47×22	Сланец коричнево-чёрный	Сах II-84 № 122 Р. II, кв. 3, гл. 20–30 см	
САХТЫШ IIa					
40	Штамп на утолщённом крае обломка кости подпрямоугольной формы (каплевидное сечение). Рабочий край – прямой с зубцами	41×12	Кость	Сах IIa-93 № 809 Кв. 115, гл. 30–35 см	
41	Штамп на обломке плитки подпрямоугольной формы с неровным рабочим краем, небрежно оформленным 5–6 зубцами	44×33	Сланец серый	Сах IIa-88 № 334 Кв. 34, гл. 0–20 см	
42	Штамп на продолговатой гальке, обточенной по дуге, на небольшом участке которой нанесены 6 зазубок. Торец гальки сильно залощен	75×37	Камень серо-зелёный	Сах IIa-88 № 121 Кв. 24, гл. 0–20 см	
43	Штамп на небольшом обломке плоской подтрапециевидной плитки. Прямой рабочий край подточен, имеет 9 заполированных зубцов	28×18	Сланец тёмно-серый	Сах IIa-88 № 601 Кв. 44, гл. 20–30 см	

№	Описание	Размер (в мм)	Материал	Местонахождение	Изображение (без масштаба)
44	Штамп на сегментовидной обточенной по дуге плитке. Прямой рабочий край имеет 11 неглубоких сработанных залощенных зубцов	32×30	Сланец серый	Сах Па-88 № 238 Кв. 50, гл. 0–20 см	
45	Штамп на отпиленном куске плоской плитки подпрямоугольной формы. Рабочий край имеет 4 сработанных залощенных зубца	32×11	Сланец серо-бурый	Сах Па-89 № 242 Кв. 81, гл. 0–20 см	
46	Штамп на обломке кольца подтреугольного сечения, оформленный 21 нарезкой по внешней дуге, 9 и 7 нарезками по двум граням с внутренней стороны	Длина внешней окружности – 31 мм, внутренней – 26 мм	Камень серый	Сах Па-89 Без № Кв. 66, гл. 30–40 см	
47	Штамп на сегментовидном обломке, оформленном по окружности неровными зубцами	33×15	Сланец голубовато-серый	Сах Па-89 Кв. 60, гл. 20–30 см	
48	Штамп на округлой гальке с дуговым рабочим краем, оформленным 19 зубцами	37×29 (толщина 4–5 мм)	Камень серый	Сах Па-91 № 254 Кв. 146, гл. 0–20 см	
49	Штамп на удлиненной подтрапещевидной подшлифованной с двух сторон плитке. Закругленный подточенный рабочий край оформлен 12 зубцами	44×23	Сланец тёмно-серый	Сах Па-91 № 915 Кв. 131, гл. 30–40 см	

№	Описание	Размер (в мм)	Материал	Местонахождение	Изображение (без масштаба)
50	Штамп на плитке подтреугольной формы, подшлифованной с обеих сторон, с прямым рабочим краем	58×39	Сланец серо-синий	Сах-Па-92 № 686 Кв. 159, гл. 40–45 см	
51	Штамп на скошенном торце прямоугольной плитки. Рабочий край подтёсан и оформлен 6 зубцами	55×18 (толщина 7 мм)	Сланец светло-серый	Сах Па-93 № 662 Кв. 187, гл. 25–30 см	
52	Штамп на плоской плитке подтреугольной формы, с подшлифованными участками поверхности. Приостренный дугообразный рабочий край оформлен 12 подтрапедцевидными зубцами	60×60	Сланец серый	Сах Па-93, № 94 Кв. 171, гл. 10–15 см	
53	Штамп-подвеска на плоской галечке подовальной формы, со сквозным отверстием одностороннего сверления. Рабочий край пришлифован, оформлен 40 нарезками, нанесёнными по боковому краю и скошенному торцу	82×36	Сланец серовато-зелёный	Сах Па-94 № 305 Кв. 192, гл. 30–35 см	

№	Описание	Размер (в мм)	Материал	Местонахождение	Изображение (без масштаба)
САХТЫШ VIII					
54	Штамп на обломке плитки подтрапещиевидной формы с просверлённым отверстием	33×20	Сланец (шифер?) тёмно-красный	Сах-VIII-65 № 247 Кв. 13 (6э), гл. 0–20 см	
55	Штамп на обломке плитки подтрапещиевидной формы (Из описи)	20×20	Сланец?	Сах-VIII-65 № 883 Кв. 2 (5и), гл. ?	
56	Штамп на обломке плитки подпрямоугольной формы с округлым рабочим краем (Из описи)	50×33	Сланец?	Сах-VIII-65 № 667 Кв. 38 (11в), гл. 0–20 см	
57	Штамп на тонкой плитке с небольшим (5 мм) двусторонне просверлённым отверстием по середине. По всему периметру плитки имеется двусторонняя заточка. Штамп имеет три тупых угла. Скошенный край, сходящийся под тупыми углами. Скошенный край полностью, а прилегающие края – на половину оформлены подтрапещиевидными зубцами шириной от 2 до 8 мм	112×67	Сланец коричневый	Сах VIII-73 № 450 Подъёмный материал на пожарище 1972 г.	

№	Описание	Размер (в мм)	Материал	Местонахождение	Изображение (без масштаба)
58	Штамп на небольшой плитке подтреугольной формы с двумя рабочими краями на торцах: прямое – с 8 зубцами, имеет двустороннюю заточку, на скошенном конце – оформлено тремя неровными зубцами	42×20	Сланец тёмно-коричневый	Сах VIII-75 № 265 Кв. 90, гл. 0–20 см	
59	Штамп овальной формы с дугообразным рабочим краем на гальке (Из описи)	49×21	Камень зеленовато-серый	Сах-VIII-76 № 189 Кв. 178, гл. 20–30 см	
60	Штамп на округлой гальке (?) с полудуговым рабочим краем (Из описи)	54×40	Камень	Сах-VIII-76 № 19 Кв. 168, гл. 0–20 см	
61	Штамп на обломке двусторонне шлифованной подромбической формы «мотыжки» с заточенными с обеих сторон по периметру краями с мелкими частыми нарезками	50×40	Сланец серый	Сах VIII-75 № 271 Кв. 51, гл. 30–40 см	

№	Описание	Размер (в мм)	Материал	Местонахождение	Изображение (без масштаба)
62	Штамп на удлинённой гальке неправильной формы. Рабочий край оформлен 17 поперечными надпилами (Опубликован)	83×42	Камень серо- зелёный	Сах X-96 № 124 Кв. 19, гл. 30–35 см	

САХТЫШ X

Сах – Сахтыш; Р. – раскоп; кв. – квадрат; гл. – глубина

С третьим участком можно связать восемь штампов: два костяных (№№ 18, 38) и шесть каменных (№№ 26–31). Костяной штамп № 18 был найден у края волосовского жилища в раскопе 1979 г. Он может быть отнесён к волосовской культуре, несмотря на глубину его залегания (60–70 см), так как в районе волосовских жилищ мощность культурного слоя достигала 80 см [30]. Несомненно, с волосовской культурой можно связать расколотый на 2 части штамп № 26, найденный в раскопах двух лет (1980 и 1981 гг.) на значительном (около 10–12 м) расстоянии друг от друга на глубине 20–30 см, где находился пик встречаемости поздневолосовской керамики [31; 32]. Из прочих орнаментов выше всего по своему положению в слое были каменные штампы №№ 31 и 28 (глубина 40–50 и 50–60 см) и костяной орнамент (№ 38), сделанный из фаланги оленя (глубина 40–50 см). На этой глубине в раскопах 1981, 1982 и 1984 гг. находилась керамика всех типов – от верхневолжской до позднего периода эпохи бронзы – с преобладанием ямочно-гребенчатой [31–33]. Культурную принадлежность их можно установить только с помощью эксперимента. Местонахождение штампов №№ 29 и 30 в раскопе 1982 г. связано с пиком ямочно-гребенчатой керамики на глубине 60–70 см (более 2000 обломков), наряду с которой в слое были найдены несколько фрагментов волосовских сосудов и немногим более 4 десятков верхневолжских. Штампы, скорее всего, могут быть связаны с льяловской и верхневолжской культурами [34]. Найденный в раскопе 1981 г. в предматериковом слое штамп № 27, сделанный из обломка сланцевого кольца, может быть связан с льяловской культурой.

Несколько особняком стоит керамический орнамент (№ 37), сделанный из фрагмента венчика сосуда, по основным характеристикам похожего на верхневолжский. Он найден в раскопе 2 в 1986 г. в поддёрновом слое (глубина 0–20 см) и может быть связан с поздневолосовской культурой.

Таким образом, как и на стоянке Сахтыш I, большинство зубчатых орнаментов по их местонахождению в культурном слое может быть отнесено к волосовской и льяловской культурам. Однако здесь более чётко в рамках волосовской культуры можно выделить штампы ранне- и поздневолосовского времени, благодаря не только стратиграфии, но и их планиграфической связи с финальноволосовским могильником и относящимися к более раннему времени волосовскими жилищами¹¹.

Сахтыш Па. На памятнике двумя раскопами было вскрыто более 800 кв. м культурного слоя [36]. Зубчатые орнаменты были обнаружены лишь в раскопе 1, где мощность культурного слоя была сравнительно малой (около 0,5 м), однако в нём вмещались материалы от мезолита до бронзового века. Такая «спрессованность» культурных отложений за несколько тысячелетий в небольшом объёме затрудняла стратиграфическую интерпретацию находок. Кроме того, большую часть исследованной площади памятника занимали могильники льяловской и волосовской культур, представленные 72 захоронениями, совершение которых также немало способствовало нарушению поселенческой стратиграфии [22]. Всего на памятнике были найдены четырнадцать штампов: один костяной (№ 40) и тринадцать каменных (№№ 41–53). Непосредственно на территории волосовского могильника обнаружены три штампа: №№ 38, 46 и 48. Один из них (№ 48) был найден в поддёрновом слое на глубине 0–20 см и, возможно, был выброшен из нижележащего льяловского слоя при рытье могильной ямы. Другие (№№ 40, 50) находились ниже уровня совершения захоронений и, скорее всего, также относятся к льяловской культуре. Остальные штампы найдены вне зоны совершения захоронений в условиях ненарушенной захоронениями стратиграфии. Восемь из них планиграфически как бы оконтуривали территорию могильника с юго-востока (№№ 41–47, 49), а три находились на северо-западном участке раскопанной площади (№№ 51, 52, 53). Пять штампов (№№ 41, 42, 44, 45, 52) были найдены на глубине до 20 см и могут относиться к поздневолосовскому времени или к эпохе бронзы. Штампы, найденные на глубине 20–30 см (№№ 43, 47, 51), также могут относиться к волосовской культуре, а обнаруженные в нижележащих слоях (№№ 46, 49, 53), скорее всего, связаны с льяловской культурой.

Таким образом, на стоянке Сахтыш Па зубчатые орнаменты по их местонахождению в культурном слое могут быть отнесены к эпохе бронзы, волосовской и льяловской культурам.

Сахтыш VIII. На памятнике вскрыто около 1200 кв. м культурного слоя при мощности его в 50–60 см. Однако штампов и предметов, которые могли использоваться как орнаменты, было найдено сравнительно немного – 8 экз. Какая-либо закономерность в планиграфии штампов не выявлена. Более половины штампов (№№ 54, 56, 58, 59, 60) происходят из верхних слоёв (глубина 0–20 и 20–30 см). Они могут быть связаны с волосовской культурой или с эпохой бронзы. У двух штампов (№№ 55, 57) стратиграфическое положение неизвестно. Учитывая, что последний из них – самый выразительный штамп из всех найденных на стоянке (№ 57) – был поднят на пожарище¹², можно предположить, что он также происходит из верхних слоёв. Единственный предмет, который по стратиграфии и морфологии может быть связан с льяловской культурой, – так называемая мотыжка (№ 61).

Таким образом, мы должны констатировать отсутствие штампов, связанных с нижними пластами культурного слоя, где доминировала ямочно-гребенчатая керамика и присутствовала керамика верхневолжской культуры. Это возможно объяснить тем, что штампы могли быть сделаны из кости, которая на Сахтыше VIII практически не сохраняется.

Сахтыш X. На исследованном небольшой площадью (112 кв. м) памятнике был обнаружен только один, но достаточно выразительный штамп (№ 62). Он был найден в слое, на который приходился пик ямочно-

¹¹ Обоснование хронологии волосовских могильника и жилищ стоянки Сахтыш II см.: [35].

¹² Территория стоянки горела во время торфяных пожаров 1972 г.

гребенчатой керамики, хотя достаточно много было также обломков сосудов волосовской культуры и эпохи бронзы [2]. Скорее всего, этот штамп связан с льяловской культурой.

Подводя итог достаточно краткому анализу локализации зубчатых орнаментов сахтышских стоянок, отметим, что для более объективного выявления их культурной принадлежности и присущих им морфологических особенностей необходимы более тщательное изучение контекста нахождения каждого из штампов и проведение исследования по соотношению экспериментальных отпечатков штампов с орнаментами на керамике разной культурной принадлежности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Гурина Н.Н., Крайнов Д.А. Льяловская культура // Неолит Северной Евразии. М., 1996. (Археология с древнейших времен до Средневековья в 20 томах)
2. Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Многослойная стоянка эпохи первобытности Сахтыш Х // Вестник Ивановского государственного университета. Иваново, 2016. № 4.
3. Костылёва Е.Л., Калинина И.В. Использование костей животных для орнаментации ямочно-гребенчатой керамики // ТАС. Вып. 5. Тверь, 2002.
4. Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Неолитические скульптурные орнаменты с Сахтышских стоянок // Вестник Ивановского государственного университета. Иваново, 2012. № 4.
5. Бадер М.А. Каменный штамп со стоянки Бор II на Чусовой // БКИЧП. № 15. М., 1950.
6. Молодин В.И. К вопросу о штампах для орнаментации древней керамики // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. Новосибирск, 1990.
7. Недомолкина Н.Г. Гребенчатые штампы поселения Векса // Вестник Карельского краеведческого музея. Вып. 3. Петрозаводск, 1995.
8. Калинина И.В., Устинова Е.А. (Гаджиева) Использование челюстей животных для орнаментации древней керамики // РА. 1995. № 2.
9. Сидоров В.В. Орнаменты и орнаменты льяловской керамики // ТАС. Вып. 8. Т. I. Тверь, 2011.
10. Куличков А.А., Смольянинов Р.В. Искусственные орнаменты на памятниках неолита – бронзы лесостепного Подонья // Археология Восточноевропейской лесостепи: Сб. материалов. Вып. 3. Пенза, 2013.
11. Гадзяцкая О.С., Крайнов Д.А. Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья // КСИА. Вып. 100. М., 1965.
12. Никитин А.Л. Многослойное поселение Польцо // СА. 1975. № 3.
13. Сидоров В.В., Трусов А.В. Луково озеро I – стоянка льяловской культуры // СА. 1980. № 2.
14. Уткин А.В. Костяные изделия со стоянок Берендеево IV и VIII // КСИА. Вып. 177. М., 1984.
15. Калинина И.В., Устинова Е.А. Технологическая классификация орнаментов неолитической-энеолитической керамики Уральского региона: Материалы и исследования // АСГЭ. Вып. 30. 1990.
16. Уткин А.В. Стоянка Щербинино I на Малой Нерли // Археология Верхнего Поволжья. Вып. I. Н. Новгород, 1991.
17. Сидоров В.В. Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М., 1992.
18. Гурина Н.Н. Валдайская культура // Неолит Северной Евразии. М., 1996. (Археология с древнейших времен до Средневековья в 20 томах)
19. Иванцев А.М. Древности Вытегории // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1997.
20. Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Неолитическая стоянка Ивановское V // Вестник Ивановского государственного университета. Иваново, 2010. № 3.
21. Тарасов А.Ю., Костылёва Е.Л. Рубящие орудия из волосовских комплексов Сахтышских стоянок. Технично-типологический и планиграфический анализ // ТАС. Вып. 10. Т. I. Тверь, 2015.
22. Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: Планиграфические и хронологические структуры. М., 2010.
23. Крайнов Д.А. Неолитическое жилище на стоянке Сахтыш I // КСИА. Вып. 177. М., 1984.
24. Крайнов Д.А. Исследования стоянок на берегах оз. Сахтыш в Тейковском р-не Ивановской области // Отчёт Верхневолжской археологической экспедиции за 1973 г. // Архив Археологического музея Ивановского государственного университета.
25. Крайнов Д.А., Уткин А.В. Раскопки стоянки Сахтыш I // Отчет Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР за 1982 г. // Архив Археологического музея Ивановского государственного университета.
26. Крайнов Д.А. Раскопки стоянки Сахтыш I // Археологические исследования Верхневолжской экспедиции в 1970 г. // Архив Археологического музея Ивановского государственного университета.
27. Крайнов Д.А. Стоянка Сахтыш I // Результаты работ Верхневолжской экспедиции за 1964 г. // Архив Археологического музея Ивановского государственного университета.
28. Крайнов Д.А., Костылёва Е.Л. Отчёт о раскопках стоянки Сахтыш II в 1987 году // Отчет Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР за 1987 г. // Архив Археологического музея Ивановского государственного университета.
29. Гадзяцкая О.С. Раскопки стоянки Сахтыш II в Тейковском районе Ивановской области // Отчет Верхневолжской экспедиции о результатах археологических работ в 1966 г. в Ивановской, Костромской, Ярославской и Калининской областях // Архив Археологического музея Ивановского государственного университета.
30. Крайнов Д.А. Продолжение исследования стоянки Сахтыш II // Отчёт Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР за 1979 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 7548.
31. Крайнов Д.А. Отчет о раскопках стоянки Сахтыш II летом 1981 года // Отчет Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР за 1981 г. // Архив Археологического музея Ивановского государственного университета.
32. Крайнов Д.А. Продолжение исследования стоянки Сахтыш II // Отчет Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР за 1980 г. // Архив Археологического музея Ивановского государственного университета.
33. Крайнов Д.А. Отчет о раскопках стоянки Сахтыш II летом 1984 г. // Отчет Верхневолжской экспедиции об археологических исследованиях в Ярославской – Ивановской областях летом 1984 года // Архив Археологического музея Ивановского государственного университета.

34. *Крайнов Д.А.* Отчет о раскопках стоянки Сахтыш II летом 1982 года // Отчет Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР за 1982 г. // Архив Археологического музея Ивановского государственного университета.
35. *Костылева Е.Л., Уткин А.В.* Проблема пространственно-хронологического соотношения поселений и могильников волосовской культуры (по материалам поселений Сахтыш II, IIa и VIII) // Археология озерных поселений IV–II тыс. до н.э.: хронология культур и природно-климатические ритмы: Материалы международной конференции, посвященной полувековому исследованию свайных поселений на Северо-Западе России. Санкт-Петербург, 13–15 ноября 2014 г. СПб., 2014.
36. *Костылева Е.Л., Уткин А.В.* История и основные результаты изучения поселения и могильника Сахтыш IIa // Самарский научный вестник. Самара, 2014. № 4 (9).

*Ивановский государственный университет,
Иваново*

*Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург*

E.L. Kostlyeva, A.V. Utkin, I.V. Kalinina

**COMB STAMPS OF SAKHTYSHSKY SITES
(CONDITIONS OF LOCATION AND CATALOGUE)**

Summary

At the excavation of ancient settlements Sakhtysh I, II, IIa, VIII and X near the Lake Sakhtysh (Teykovsky district of the Ivanovo region) there have been found more than 60 comb stamps for ceramics decoration. They are presented in the catalogue attached to the article. The analysis of the planigraphy and stratigraphy of stamps has allowed to reveal their cultural and chronological context. The majority of stamps belong to L'yalovo and Volosovo cultures, there are stamps of the Upper Volga culture and the cultures of the Bronze Age.

*Ivanovo State University,
39, Ermaka St., Ivanovo, 153025,
Russia*

*E.L. Kostlyeva – E-mail: elkos-ty-le-va@mail.ru
A.V. Utkin – E-mail: u.twoss55@mail.ru*

*Federal State Budgetary Institution of Culture
“The State Hermitage”,
34, Dvortsovaya Emb., Saint-Petersburg, 190000,
Russia
I.V. Kalinina – E-mail: irkalinina@yandex.ru*

И.В. Калинина, Е.Л. Костылёва, А.В. Уткин

ЗУБЧАТЫЕ ОРНАМЕНТИРЫ САХТЫШСКИХ СТОЯНОК (ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

При раскопках древних поселений на берегах озера Сахтыш в Тейковском районе Ивановской области были найдены несколько десятков гребенчатых штампов¹ для орнаментации керамики. Все памятники являются многослойными, содержат материалы различных археологических культур, относящихся к мезолиту, неолиту, эпохе бронзы и раннему железному веку. Соотнесение штампов по их стратиграфическому положению с керамикой верхневолжской, льяловской, волосовской культур или керамикой, относящейся к эпохе бронзы, достаточно сложно, поскольку нет чёткого разделения слоёв с разнокультурными остатками, имеются нарушения, связанные со строительной деятельностью, а также совершением в древности захоронений.

Для определения и уточнения культурно-хронологического контекста штампов нами было проведено экспериментальное моделирование на глине отпечатков штампов с последующей идентификацией их на фрагментах керамики. Целью создания контрольных образцов отпечатков штампов явилось, во-первых, изучение характерных морфологических особенностей рабочего края штампов, определяющих формы оттисков, во-вторых – определение культурных традиций в использовании тех или иных форм зубчатых орнаментов, в-третьих – выделение штампов для керамики среди зубчатых предметов, в том числе подвесок, которые не использовались как орнаменты. При этом, заметим, задача выявления конкретных сосудов, для орнаментации которых использовались те или иные штампы, не ставилась. На приведённых в настоящей статье иллюстрациях (рис. 1–11) представлены орнаменты, экспериментальные отпечатки и сопоставимые с ними образцы орнаментов, встречающиеся на фрагментах керамики с разных сахтышских стоянок.

Проделанная работа позволила определить или уточнить в ряде случаев культурно-хронологический контекст штампов, а также поставить вопрос о возможности использования морфологически сходных орудий для орнаментации керамики разной культурной принадлежности.

Выводы

Для орнаментации **верхневолжской керамики** в качестве штампов использовались:

1. Кости животных: продольно расколота кость оленя (рис. 1: 1), кабаний клык (рис. 1: 3). Рабочий край этих штампов с 6 мелкими зубцами оформлен приостряющей заточкой зубчатого конца орнамента. Оба штампа на одном из боковых краёв имеют искусственные выемки. Ещё один штамп выполнен из фрагмента правой ветви нижней челюсти северного оленя (*Rangifer tarandus*)², зубцы на нём оформлены 7 длинными нарезками, нанесёнными на естественно приостранный край кости (рис. 1: 2).

2. Тонкие сколы с галек с острым краем (рис. 2: 2, 3).

3. Отщеп сланца с приостранным сточенным краем с 8 неровными зубцами (рис. 2: 4).

4. К верхневолжским штампам может быть отнесена тонкая шлифованная плитка из коричневого сланца длиной 112 мм и шириной 67 мм с двухсторонней заточкой края по всему периметру, имеющая в центре двусторонне просверлённое отверстие диаметром 5 мм, – случайная находка со стоянки Сахтыш VIII. При прокатывании получают длинные тонкие, так называемые пунктирные отпечатки (рис. 2: 1). По форме этот штамп напоминает так называемые сланцевые ножи Оленеостровского могильника, которые в качестве подвесок украшали костюм погребённых, очевидно, имеющих при жизни особый статус [1, с. 22].

¹ Понятия «гребенчатые штампы», «зубчатые штампы», «гребенчатые орнаменты», «зубчатые орнаменты» используются нами как синонимы, так же как в статье: Костылёва Е.Л., Уткин А.В., Калинина И.В. «Гребенчатые штампы Сахтышских стоянок (условия нахождения и каталог)» в настоящем сборнике.

² Определение выполнено к.б.н., старшим научным сотрудником Лаборатории териологии Зоологического института РАН М.В. Саблиным, которому авторы статьи выражают искреннюю признательность.

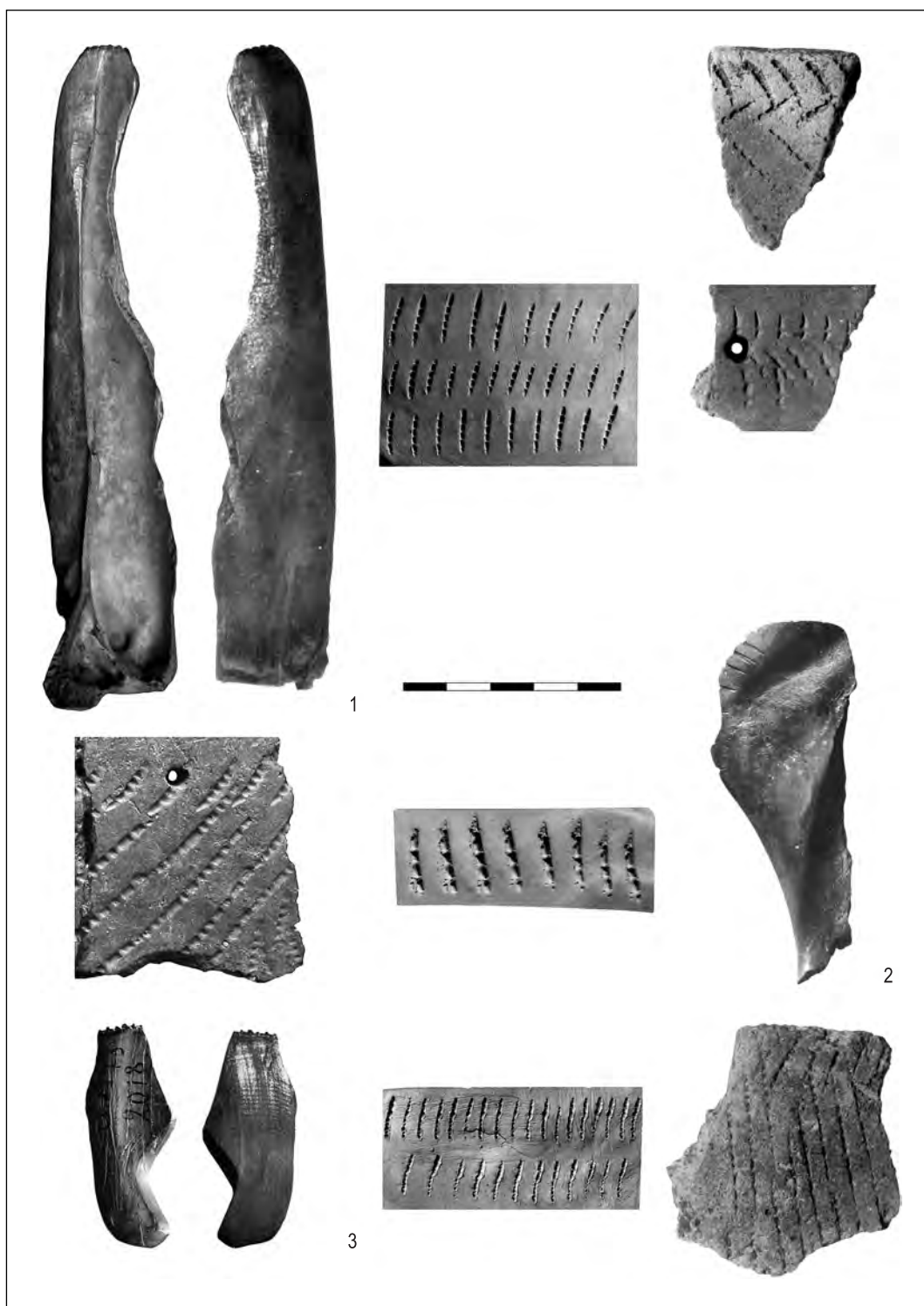

Рис. 1. Верхневолжские костяные штампы, экспериментальные образцы, орнаментальные мотивы на фрагментах керамики:

1 – Сах I-73, № 1842 (по каталогу № 1³); 2 – Сах II-87, № 1248 (по каталогу № 16); 3 – Сах I-73, № 2018 (по каталогу № 2)

³ Здесь и далее см. каталог в статье Е.Л. Костылёвой, А.В. Уткина, И.В. Калининой «Гребенчатые штампы Сахтышских стоянок (условия нахождения и каталог)» в данном сборнике.

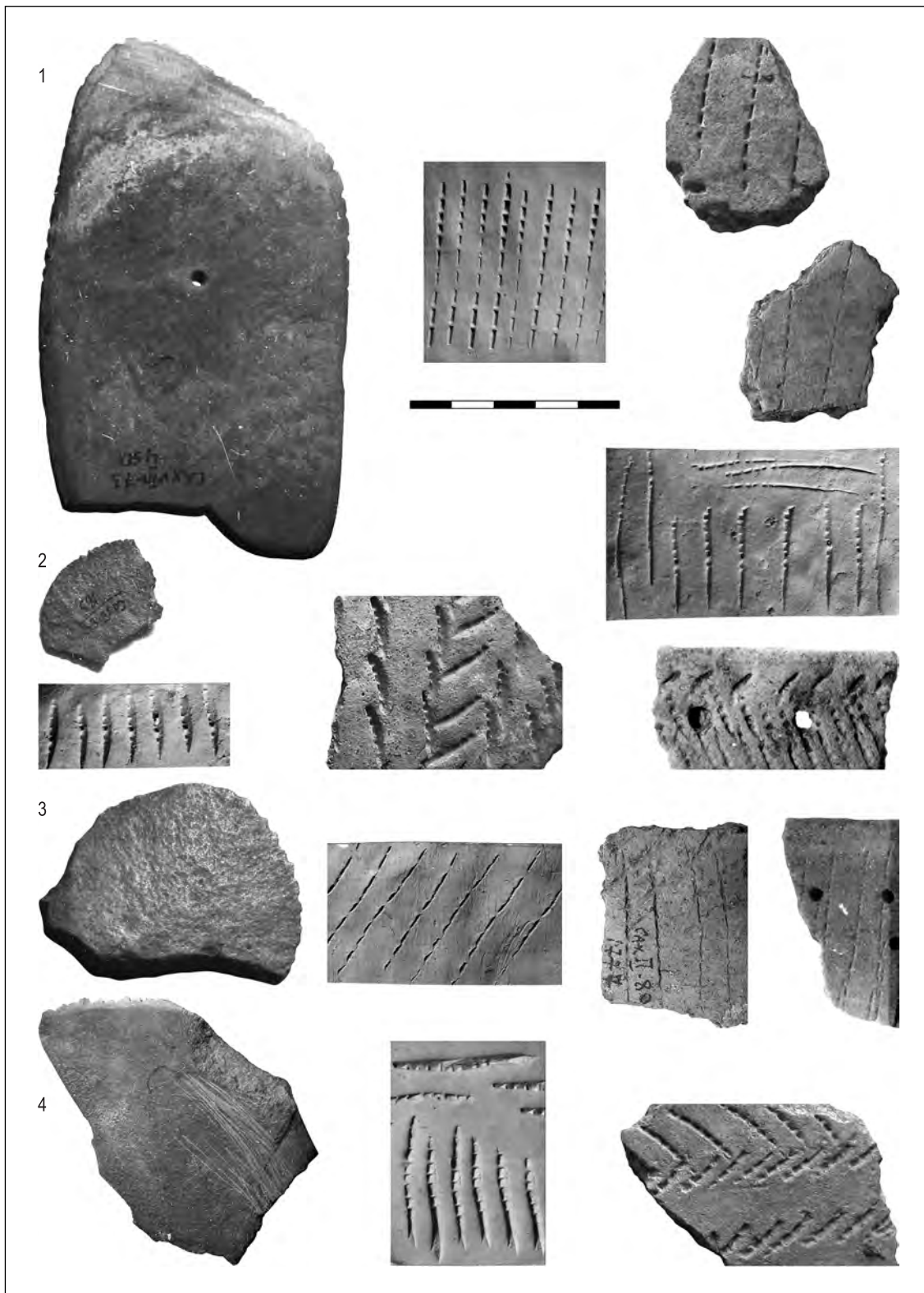

Рис. 2. Верхневолжские каменные штампы, экспериментальные образцы, орнаментальные мотивы на фрагментах керамики:

1 – Сак VIII-73, № 450 (по каталогу № 57); 2 – Сак II-84, № 185 (по каталогу № 31); 3 – Сак I-73, № 2083 (по каталогу № 15); 4 – Сак II-82, № 354 (по каталогу № 30)

Общим признаком, объединяющим верхневолжские орнаменты, является острый рабочий край – естественный или искусственно приострѐнный. Орнамент на керамике из длинных тонких гребенчатых оттисков перекликается с также очень тонким мезолитическим орнаментом, выполняемым каменными резцами на костяных изделиях.

Стандартизация форм отличает костяные орнаменты от каменных. Целенаправленный отбор отдельных костей диких животных определял естественные контуры костяных заготовок орнаментов, но на тщательно подтѐсанных боковых краях различающихся по форме орудий имеется искусственная выемка, предназначенная, по-видимому, для обработки поверхностей сосуда. Залощѐнность и характерный блеск зубчатого торца и краѐв выемки свидетельствуют о неоднократном использовании орудий. Целесообразность, неслучайность форм костяных штампов подтверждаются находкой на Ивановском торфянике в Переславском районе Ярославской области аналогичного орнамента из клыка кабана (рис. 3).

Рис. 3. Орнамент из клыка кабана (Ивановский торфяник, Ярославская область)

При изготовлении штампов для орнаментации **ляловской керамики** предпочтение отдавалось плоским галькам удлинѐнной, вытянуто-овальной, округлой и каплевидной форм.

В случаях, когда край гальки был тоньше требуемого, он стачивался до необходимой толщины. Форма гальки определяла форму орнамента, округлый рабочий край штампа. Из-за более выпуклой верхней поверхности гальки рабочий край мог быть асимметричным в сечении (рис. 4: 1–3; рис. 5: 1–3).

Получение оттисков достигалось штампованием и прокатыванием штампа по дуге рабочего края. При орнаментации использовался также залощѐнный естественно закруглѐнный угол гальки (рис. 4: 2). У двух штампов, как у подвесок, проделано у края отверстие: двухсторонним (рис. 4: 1) и односторонним (рис. 4: 2) сверлением.

На стоянке Сахтыш II в разные годы раскопок (в 1980 и 1981 гг.) в волосовском горизонте на глубине 20–30 см были обнаружены два обломка штампа на расстоянии 14 м друг от друга. Один из обломков был найден в пределах волосовского жилища⁴. Экспериментальные образцы оттисков штампа соответствуют форме зубчатых отпечатков, встреченных на фрагментах ямочно-гребенчатой керамики, однако по типологическим признакам – это волосовский штамп: вместо гальки использовалась тонкая плитка сланца с неровным рабочим краем (рис. 5: 1).

Ведущим элементом в орнаментации ямочно-гребенчатой керамики является ямка. Зубчатые оттиски выполняли декоративную роль, дополняя («украшая») ямочные узоры. Выбору плоских галек с округлым краем наряду с аммонитами в качестве зубчатых орнаментов, полагаем, уделялось особое внимание.

В **волосовское время** зубчатые штампы отличаются разнообразием форм. Это могут быть:

1. Небольшие сланцевые гальки или обломки плиток с неровными зубцами (рис. 6: 1, 2). О неоднократном использовании орнамента (рис. 6: 1) свидетельствует залощѐнность рабочего края.

2. Обломки подшлифованных сланцевых плиток с приострѐнным закруглѐнным рабочим краем с подтрапециевидными зубцами (рис. 6: 3; 10: 1).

3. Тщательно выполненные штампы с мелкими трапециевидными зубчиками на небольших сланцевых плитках толщиной около 3 мм, рабочий край имеет прямое с закруглѐнным углом лезвие (рис. 7: 1, 2); штамп на отпиленном куске шлифованной сланцевой плитки с двумя симметрично зашлифованными, сходящимися под тупым углом лезвиями (рис. 7: 3).

4. На торцах отпиленных кусков прямоугольной формы плиток сланца выполнены: штамп с прямым рабочим краем, оформленным косыми пересекающимися пропилами (рис. 8: 1), и штамп с подтѐсанным, скошенным рабочим краем с 6 зубцами (рис. 8: 2).

5. Для нанесения орнамента и, видимо, для обработки поверхностей сосуда использовалась массивная, толщиной 7 мм, сланцевая плитка (рис. 8: 3), так как прослеживается залощѐнность прямого, оформленного 20 насечками-пропилами рабочего края орнамента и противоположного естественно вогнутого края плитки.

⁴ Статья в настоящем сборнике: Костылёва Е.Л., Уткин А.В., Калинина И.В. «Гребенчатые штампы Сахтышских стоянок (условия нахождения и каталог)».

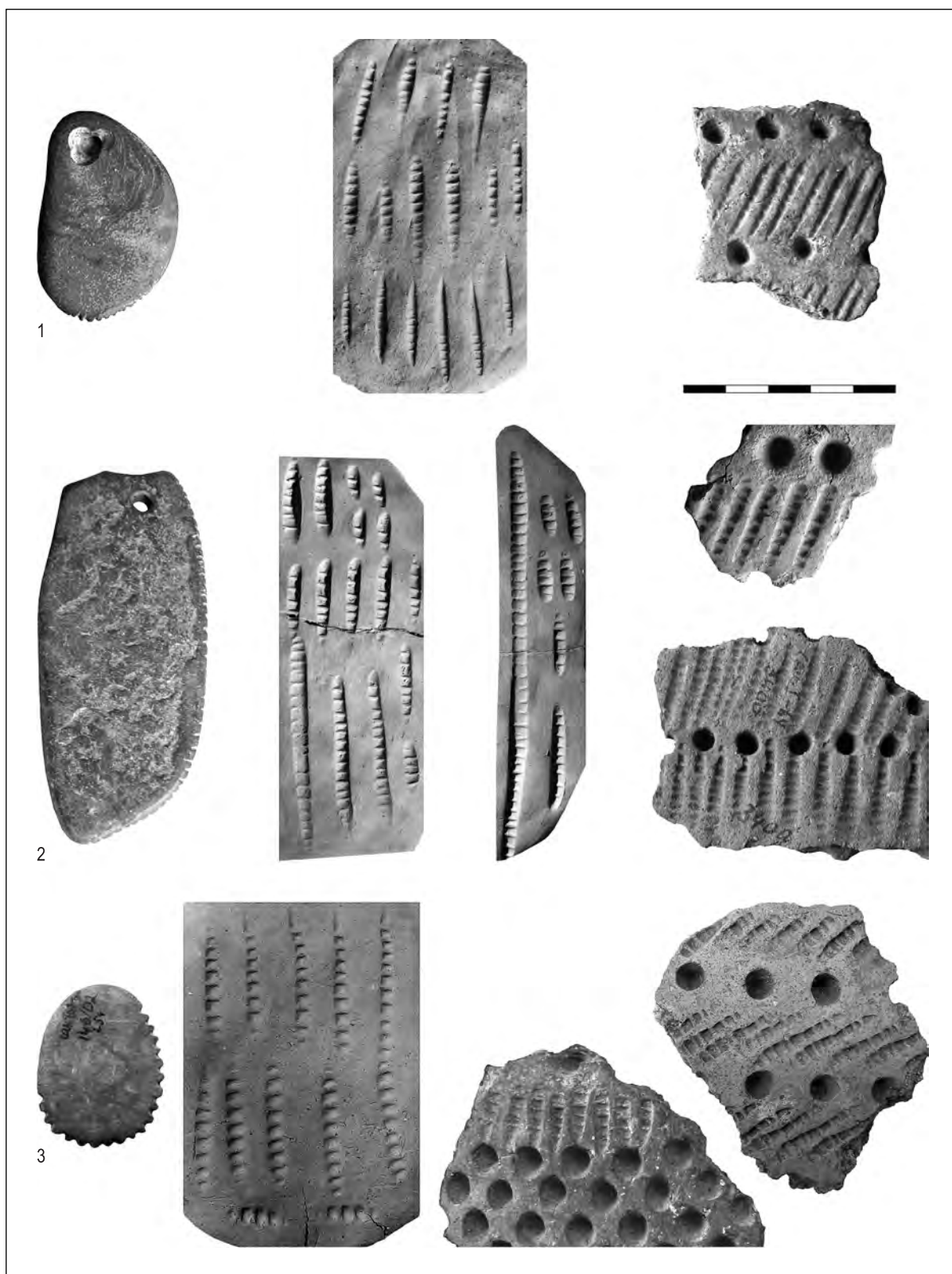

Рис. 4. Льяловские каменные штампы, экспериментальные образцы, орнаментальные мотивы на фрагментах керамики:

1 – Сах II-87, № 694 (по каталогу № 35); 2 – Сах IIа-94, № 305 (по каталогу № 53); 3 – Сах IIа-91, № 254 (по каталогу № 48)

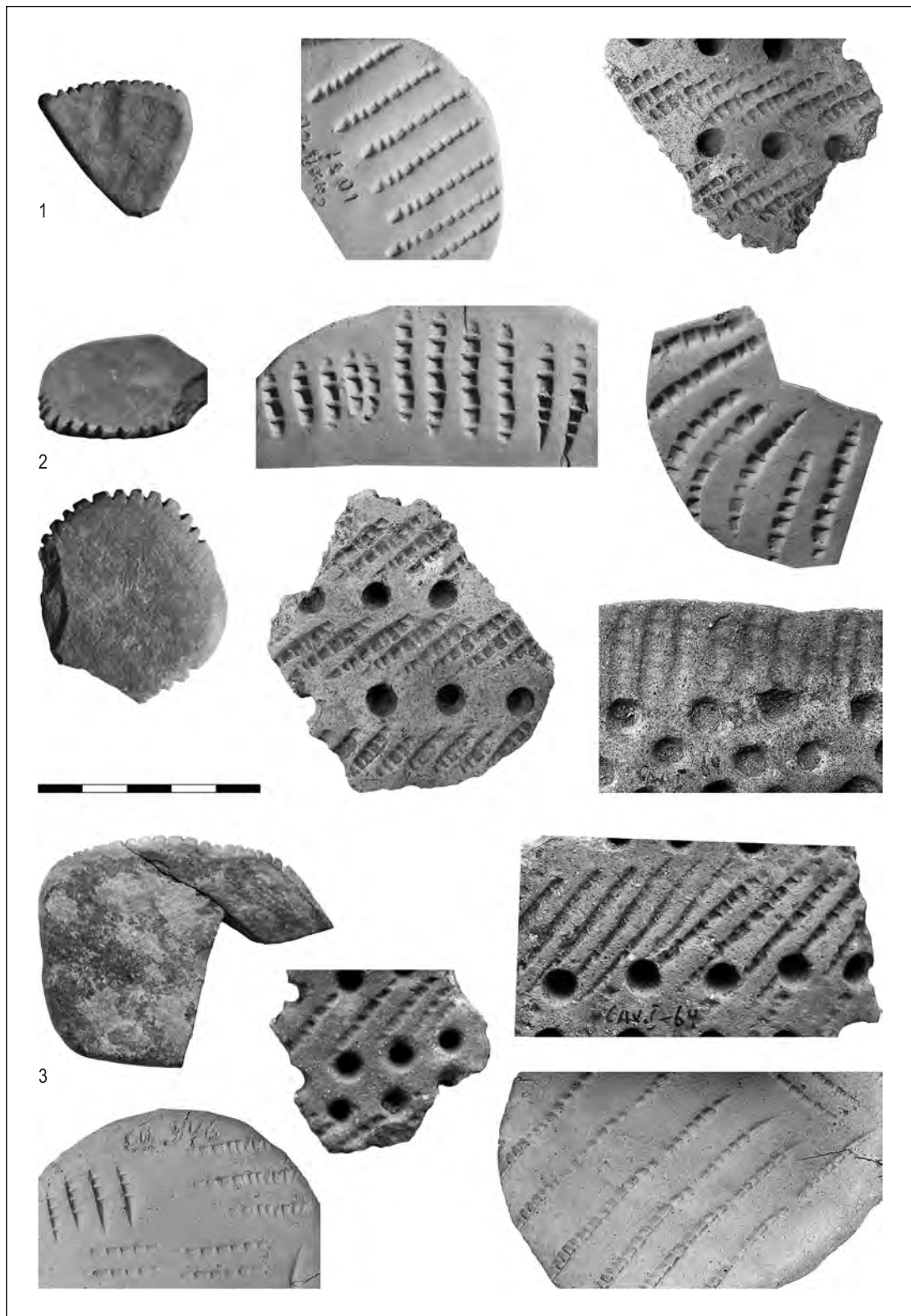

Рис. 5. Льяловские каменные штампы, экспериментальные образцы, орнаментальные мотивы на фрагментах керамики:

1 – Сах II-86, № 1091 (по каталогу № 32); 2 – Сах II-87, № 1059 (по каталогу № 34); 3 – Сах II – 80, № 346 и Сах II – 81, № 150 (по каталогу № 26)

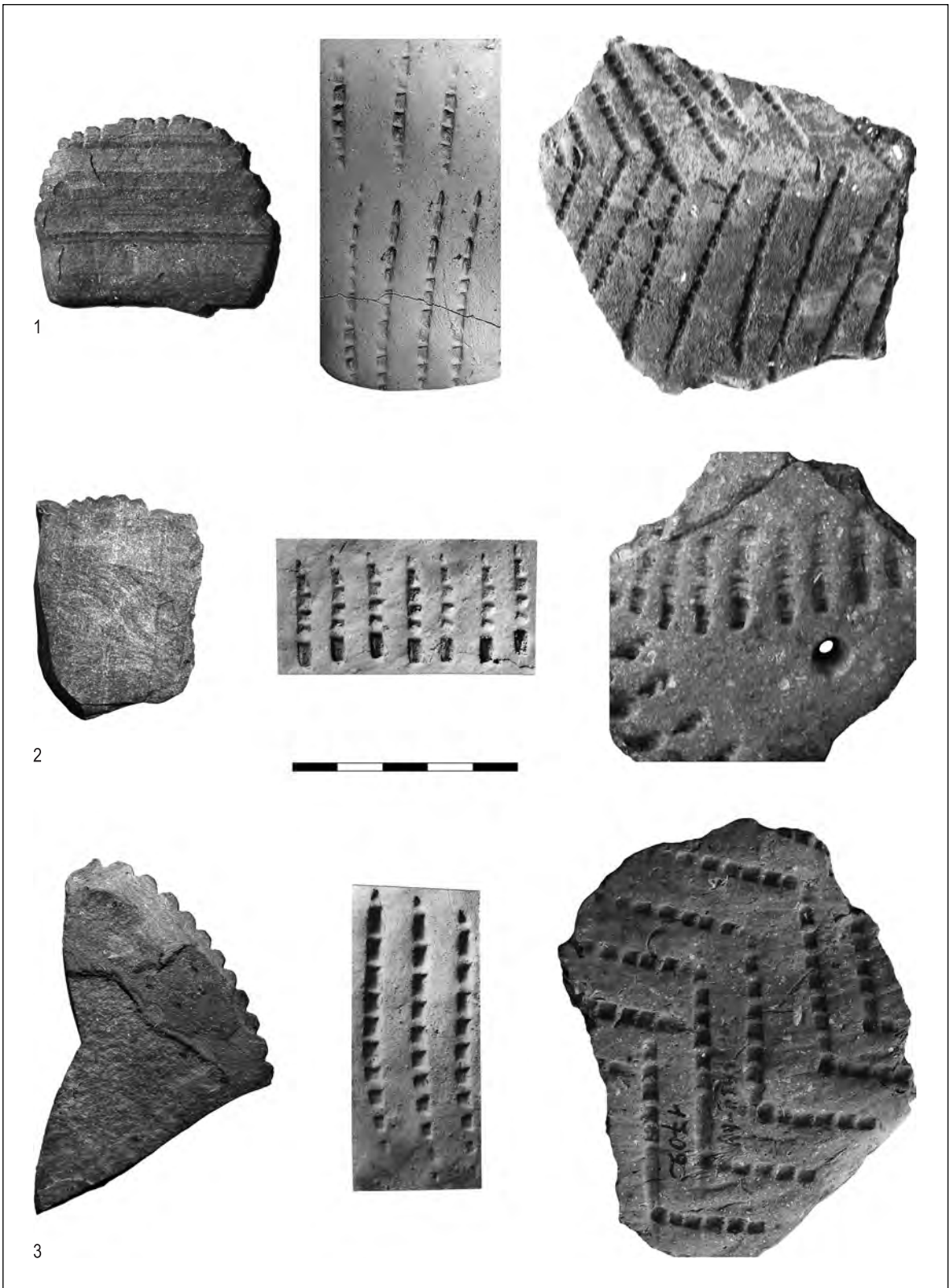

Рис. 6. Волосовские каменные штампы, экспериментальные образцы, орнаментальные мотивы на фрагментах керамики:

1 – Сах I-71, № 40 (по каталогу № 8); 2 – Сах IIa-93, № 809 (по каталогу № 41); 3 – Сах IIa-93, № 94 (по каталогу № 52)

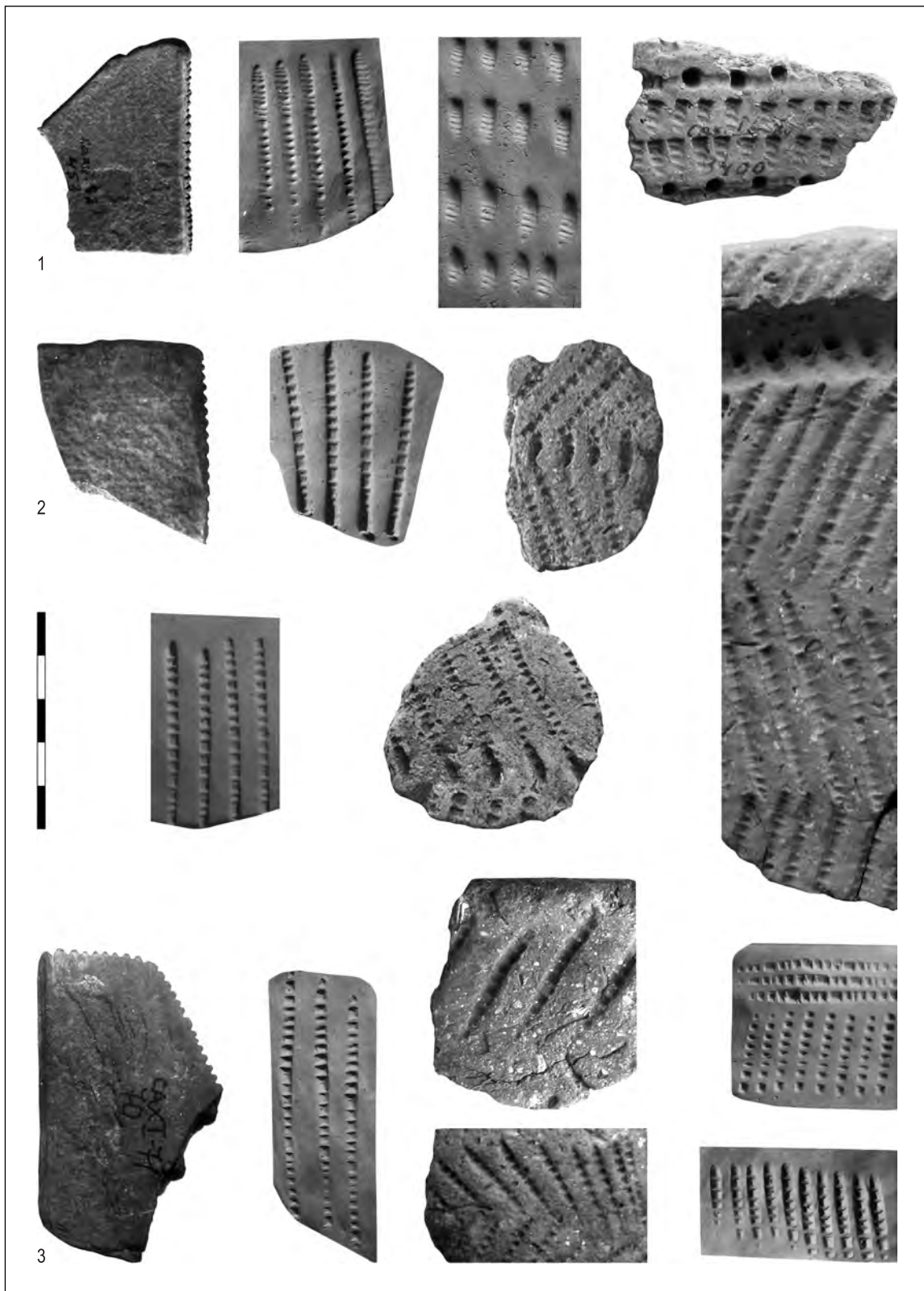

Рис. 7. Волосовские каменные штампы, экспериментальные образцы, орнаментальные мотивы на фрагментах керамики:

1 – Сах II-81, № 713 (по каталогу № 29); 2 – Сах II-87, № 40 (по каталогу № 33); 3 – Сах-2-64 (по каталогу № 23)

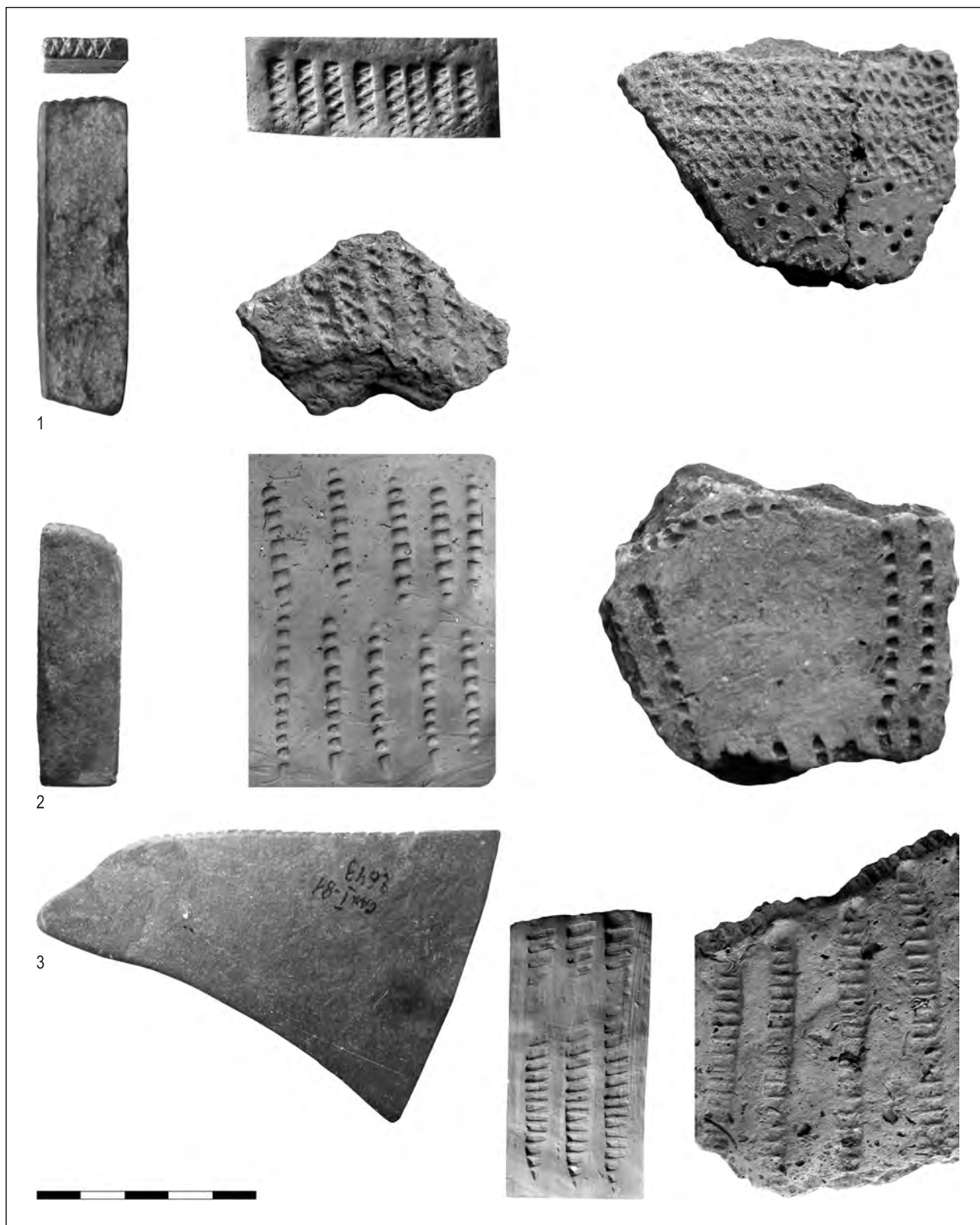

Рис. 8. Волосовские каменные штампы, экспериментальные образцы, орнаментальные мотивы на фрагментах керамики:

1 – Сак I-81, № 2642 (по каталогу № 14); 2 – Сак IIа-93, № 662 (по каталогу № 51); 3 – Сак I-81, № 2643 (по каталогу № 13)

6. К волосовским штампам принадлежат, возможно, костяной штамп на утолщённом крае каплевидного в сечении обломка кости (рис. 9: 1) и костяной штамп из стенки трубчатой кости крупного млекопитающего с дугообразно оформленным рабочим краем. Оттиски этого штампа по форме похожи, но несколько более вытянутые по отношению к ширине по сравнению с овальными зубчатыми отпечатками, характерными для ямочно-гребенчатой керамики (рис. 9: 2).

7. Для ornamentации сосудов, судя по форме оттисков, могли использовать найденные обломки каменных изделий с насечками, такие как: обломок каменного кольца (рис. 9: 3), половина диска-упора для лучкового сверла (рис. 10: 2), обломок сланцевой «мотыжки» подромбической формы (рис. 10: 3). Сланцевые кольца известны в культурах с ямочно-гребенчатой и пористой керамикой [2, с. 53, рис. 21: 9–11; 3, с. 287, рис. 62; 4, с. 44, kuva 36: 2; 5, табл. XXXVI: 8–10; 6, с. 36, рис. 5; 7, с. 210, табл. 39: 10, 11; 8, рис. 12: 13–17; 9, lpp. 135, att. 10: 8, lpp. 137, att. 13: 1, lpp. 173, att. 29, lpp. 181, att. 39: 1, 2]. Подромбические «мотыжки» с просверлённым отверстием в центре, распространённые среди культур с ямочно-гребенчатой керамикой, в постъльдовское время уже не встречаются [10, с. 56–57; 11, с. 22].

В литературе отмечалось, что в волосовское время «в индустрии камня часто можно наблюдать переделку первоначальной формы орудий и специальное приспособление их к новой функции» [12, с. 151]. Вместе с тем в это время наблюдается увеличение ассортимента и усовершенствование каменного инвентаря. Возможно, обломки сланца, которые использовались как заготовки для орнаментиров, являются отходами производства орудий из сланца. Обломками сланцевых плиток, даже в случаях, казалось бы, несколько небрежного нанесения зубчиков, орнаментировался не один глиняный сосуд, о чём свидетельствует залощённость рабочего края (рис. 6: 1).

В эпоху металла параллельно изменениям в ornamentации сосудов – появлению разреженных композиций и знаков – происходит переход от естественных форм орнаментиров [13, с. 83–94] к искусственным штампам, в том числе на торцах отпиленных шлифованных плиток сланца.

Для ornamentации сосудов в культурах эпохи бронзы, возможно, применялись штампы с мелкими зубчиками на небольших тонких отпиленных/обломанных каменных плитках (рис. 11: 1–4; рис. 12: 2) или костяных пластинках (рис. 12: 1). Залощённость зубчиков свидетельствует об интенсивном использовании орнаментиров.

По форме оттисков можно предположить, что к этому же времени относится и массивная обточенная со всех краёв галька с 6 зарубками на небольшом участке, которая была комбинированным орудием, поскольку один из её торцов залощён (рис. 12: 3).

Предметы с зубчиками или нарезками, не являющиеся орнаментами

Особый интерес представляет костяной предмет прямоугольной формы со стоянки Сахтыш II (рис. 13). Одна сторона его аккуратно подтёсана, рабочий конец оформлен мелкими округлыми зубцами. На оставшейся не подтёсанной поверхности противоположного конца, представляющего собой сломанную рукоять, нанесены нарезки, предназначенные, видимо, для укрепления обмотки. Есть сомнения (И.В. Калинина) в достоверности использования этого орудия для ornamentации керамики. С одной стороны, тщательность обработки, сама форма предмета – наличие рукояти – свидетельствуют о том, что предполагалось неоднократное его использование. С другой стороны, наблюдается отсутствие залощённости рабочего края. Глина является абразивом, и при работе костяными штампами очень быстро появляется характерный блеск, который на данном предмете отсутствует. Поэтому либо это гребенчатый штамп, которым глиняные сосуды по какой-либо причине не орнаментировались, либо это орудие предназначалось для других целей. Согласно мнению Е.Л. Костылёвой и А.В. Уткина, трёхгранная рукоять была характерна для волосовских ретушёров из рога, кости и дерева, найденных в основном в составе ритуальных «кладов» стоянок Сахтыш II и Ивановское III [14, с. 102, рис. 136, с. 103, рис. 138, с. 104, рис. 139, рис. 140:2; 15, с. 113, рис. 2; 13, с. 348, рис. 7: 11, с. 356, рис. 15: 5]. «Штамп» мог быть изготовлен специально для помещения в «клад» и преднамеренно сломан. На это может указывать и планиграфия находки на Сахтыше II: примерно в 3 метрах от юго-восточного конца ямы «святилища» и в 5 м от «клада» № 11, в котором среди прочего находился роговой ретушёр со сломанной рукоятью.

В волосовское время появляются тщательно заполированные тонкие (толщиной 1–1,5 мм) костяные подвески⁵, которые не использовались как штампы, хотя ими возможно получение зубчатых оттисков (рис. 14).

Таким образом, на основании сделанных во время экспериментальной работы наблюдений выяснилось, что штампы с прямым, округлым и приострэнным рабочими краями – это разные орудия, которыми можно получать оттиски путём штампования, прокатывания или накальвания. От естественных форм заготовок зачастую зависят формы орнаментиров, их рабочих краёв, что подтверждает выводы, полученные в ходе экспериментальных исследований, проводившихся ранее [16, с. 7–19]. Удалось наметить тенденции в развитии зубчатых орнаментиров для керамики от неолита до эпохи бронзы. Однако представленная типология штампов не завершает исследование сахтышских орнаментиров. Необходимо возвращение к изучению с новых позиций сахтышских керамических комплексов с целью уточнения, с какими группами кера-

⁵ В культурах с ямочно-гребенчатой керамикой бытовали подвески естественных форм из костей животных.

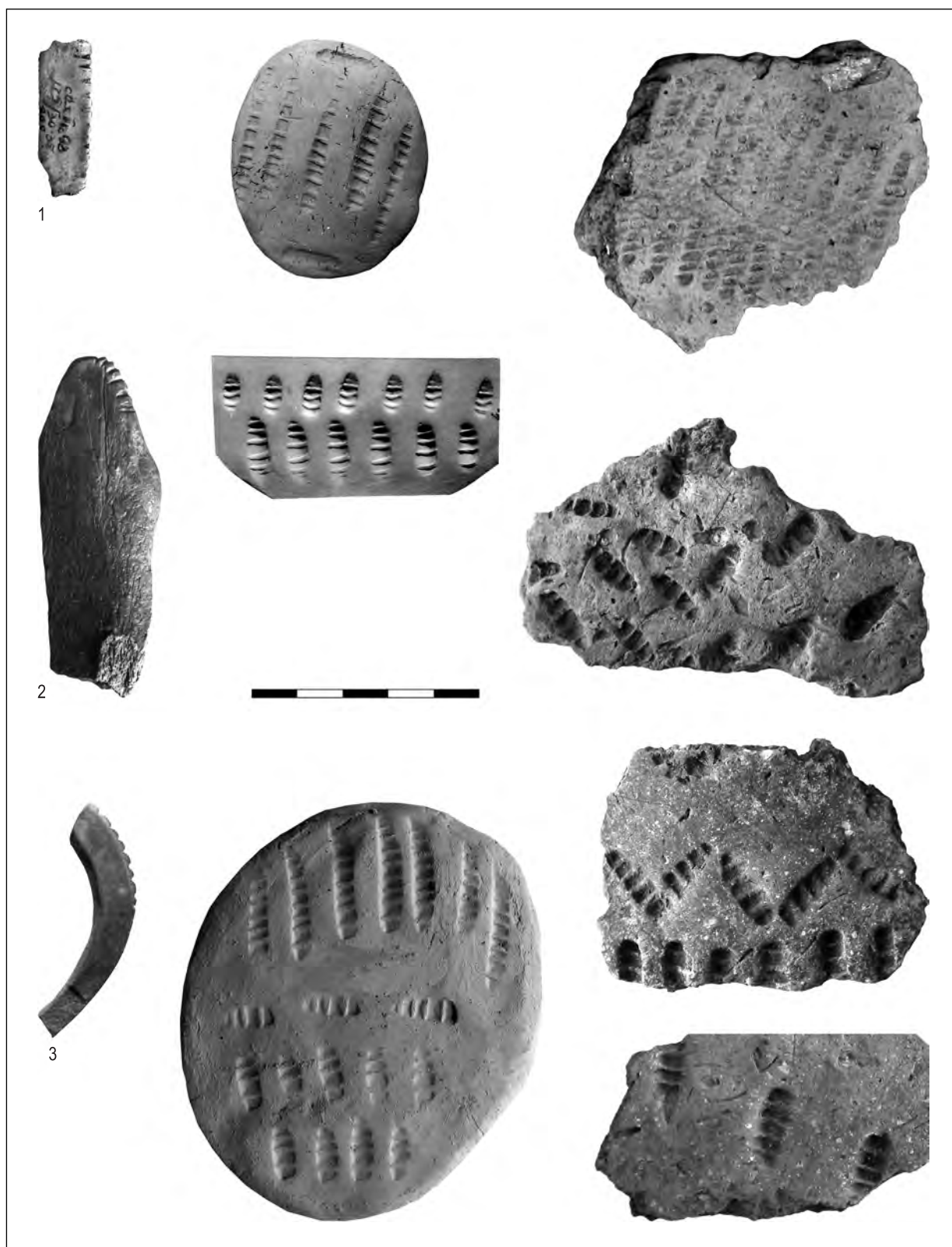

Рис. 9. Волосовские костяные (1, 2), каменный (3) штампы, экспериментальные образцы, орнаментальные мотивы на фрагментах керамики:

1 – Сах Па-93, № 809 (по каталогу № 40); 2 – Сах II-87, № 1218 (по каталогу № 17); 3 – Сах II-81, № 1401 (по каталогу № 27)

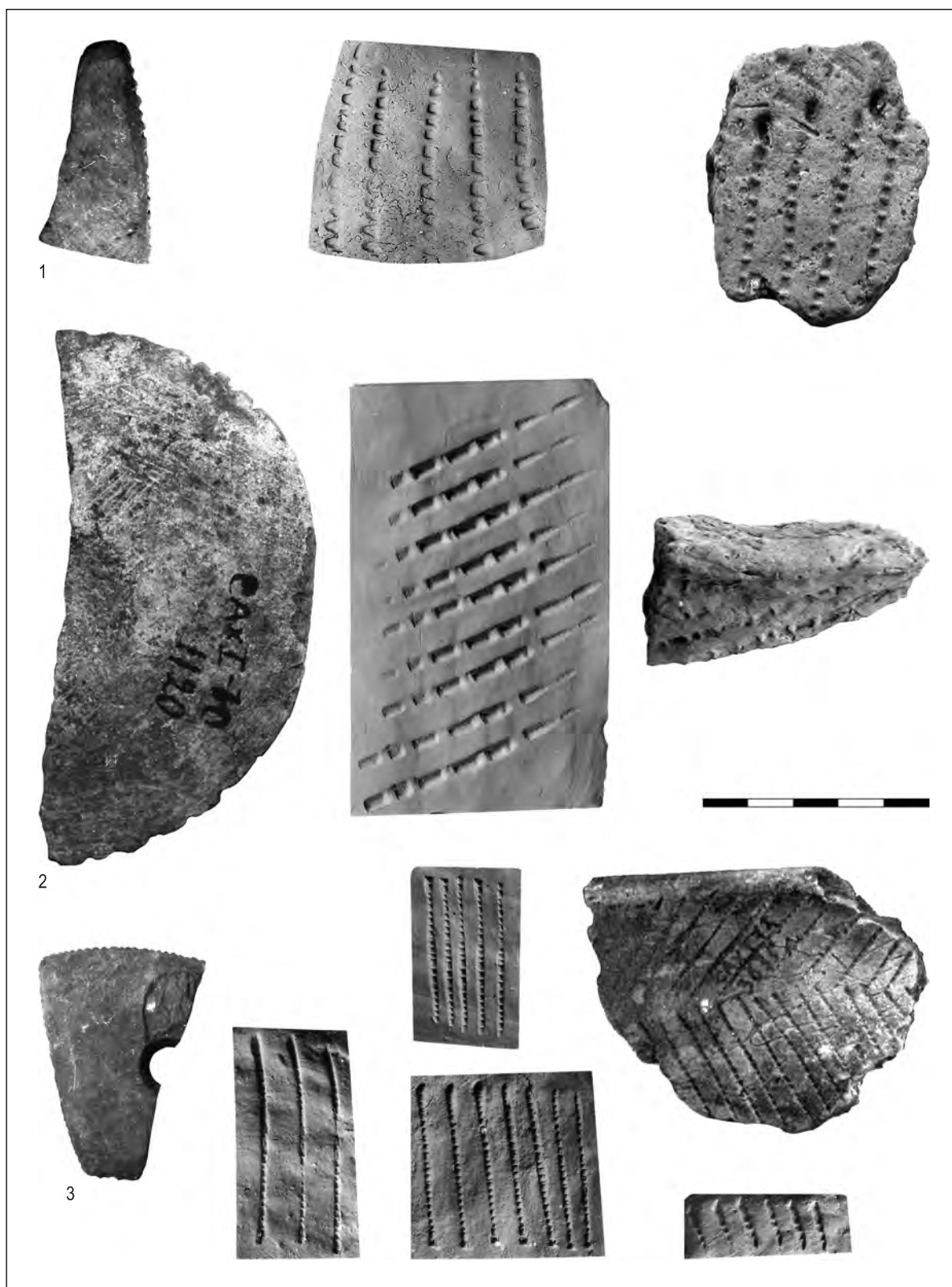

Рис. 10. Волосовские каменные штампы, экспериментальные образцы, орнаментальные мотивы на фрагментах керамики:

1 – Сак IIa-91, № 915 (по каталогу № 49); 2 – Сак I-70, № 1120 (по каталогу № 7); 3 – Сак VIII-75, № 271 (по каталогу № 61)

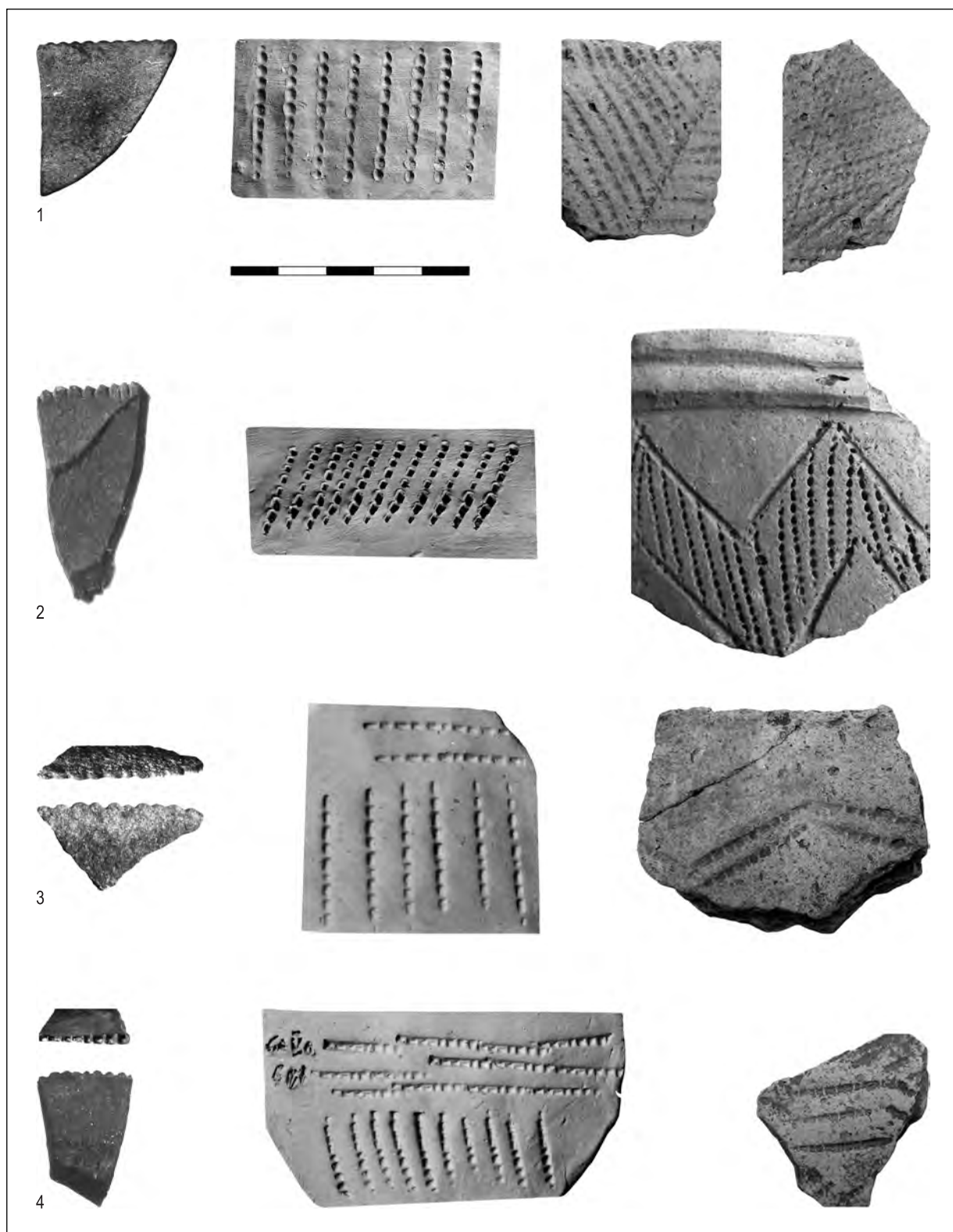

Рис. 11. Каменные штампы эпохи бронзы, экспериментальные образцы, орнаментальные мотивы на фрагментах керамики:

1 – Сак IIa-88, № 238 (по каталогу № 44); 2 – Сак VIII-75, № 265 (по каталогу № 58); 3 – Сак II-81, № 713 (по каталогу № 28); 4 – Сак IIa-88, № 238 (по каталогу № 43)

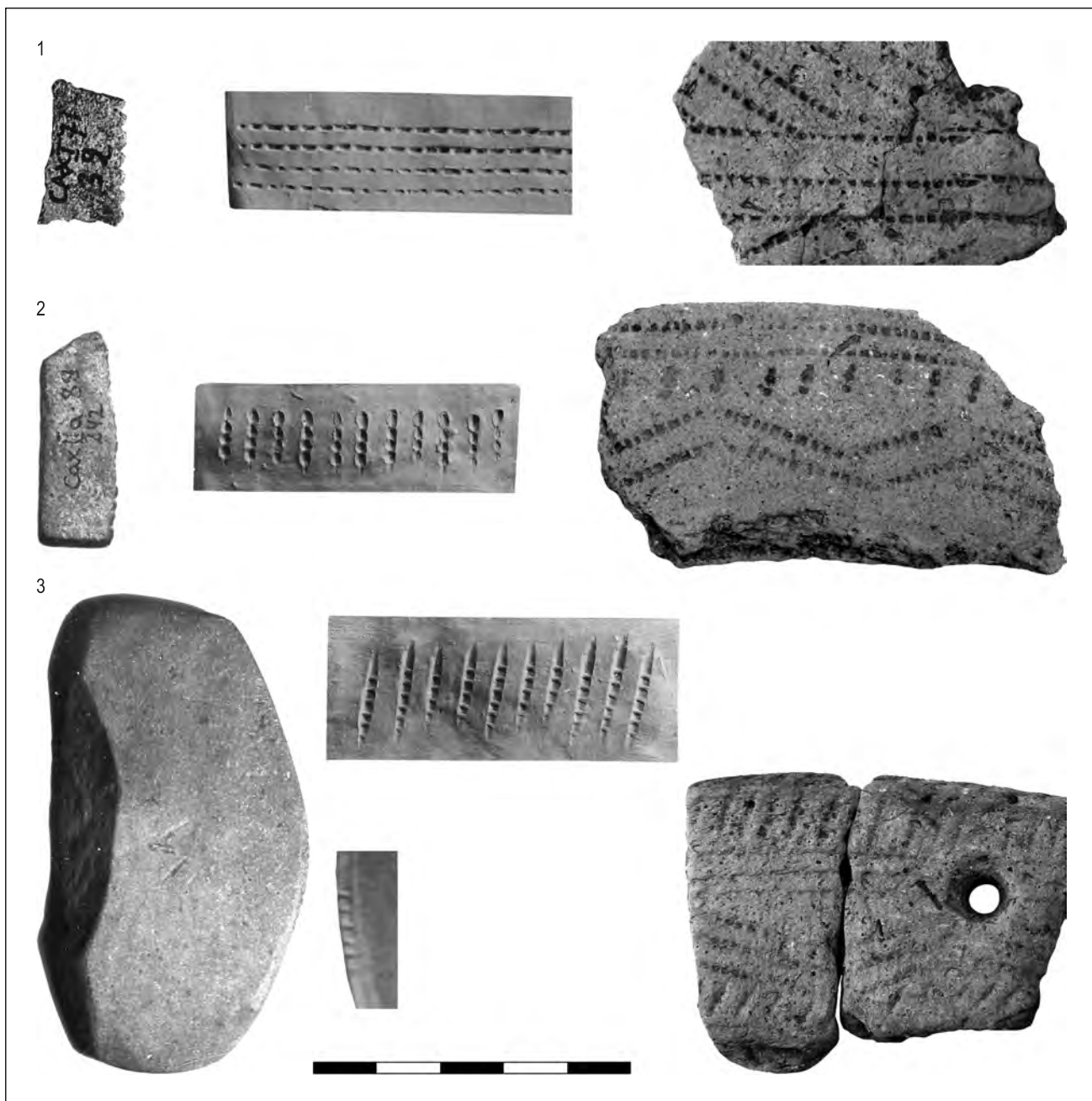

Рис. 12. Костяные (1, 2) и каменный (3) штампы эпохи бронзы, экспериментальные образцы, орнаментальные мотивы на фрагментах керамики:

1 – Сах I-71, № 32 (по каталогу № 3); 2 – Сах Па-89, № 242 (по каталогу № 45); 3 – Сах Па-88, № 121 (по каталогу № 42)

мики в рамках той или иной культуры связан орнаментир. Возможно по элементам орнамента на керамике выявление и новых штампов. Так, на волосовской керамике, к примеру, присутствуют отпечатки так называемого рамчатого штампа, не найденного во время раскопок. В свою очередь, изучение штампов, технологии орнаментации⁶ несомненно будет способствовать более глубокому пониманию истории развития керамических традиций.

⁶ Дальнейшее проведение экспериментальных работ возможно только после изготовления аналогов археологическим орнаментирам.

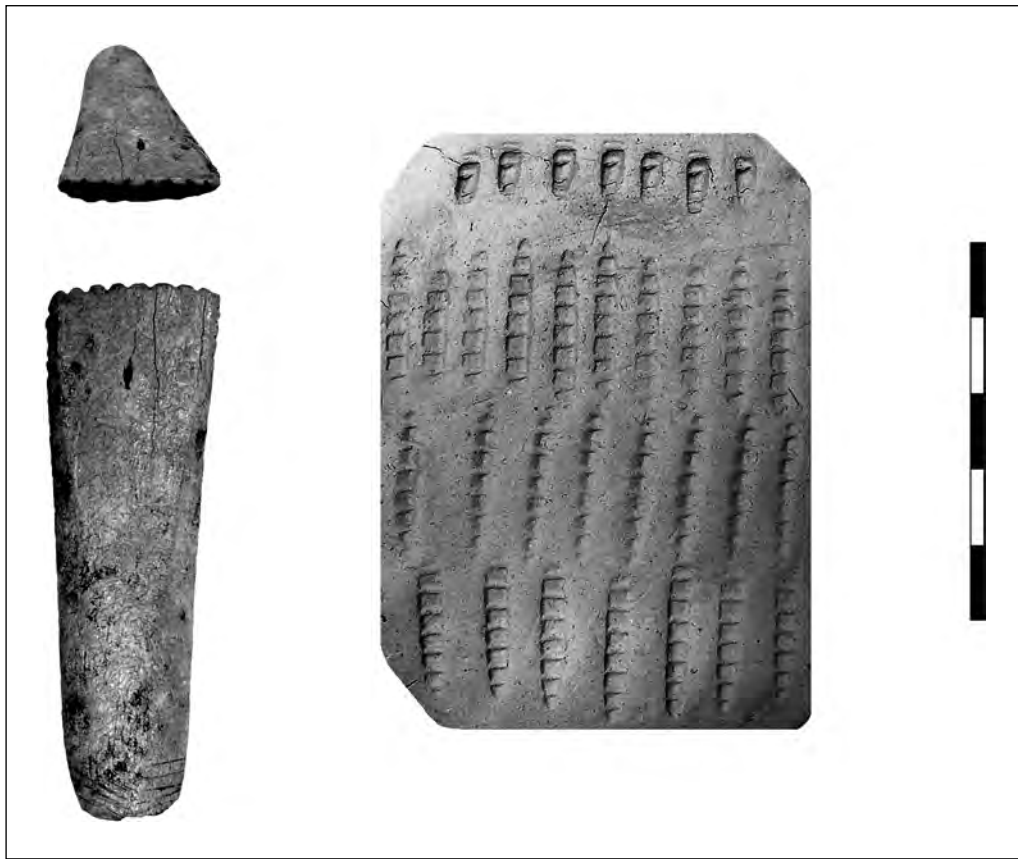

Рис. 13. Костяной “штамп” (по каталогу № 18) и экспериментальный образец оттиска

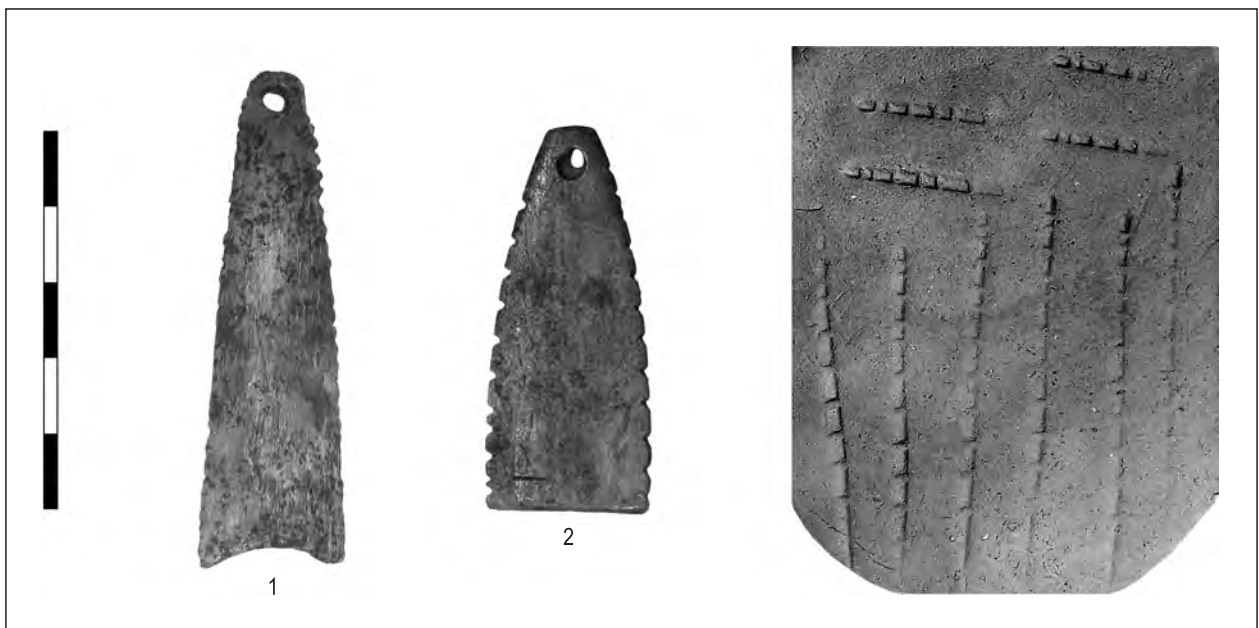

Рис. 14. Костяные волосовские подвески и экспериментальный образец оттисков подвески 2

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уткин А.В. К вопросу о сланцевых «ножах» Оленеостровского могильника // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего Средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. II. Иваново, 1995.
2. Фосс М.Е. Древнейшая история Севера европейской части СССР. М., 1952. (МИА. № 29)
3. Янитс Л.Ю. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайгы. Таллин, 1959.
4. Kivikoski, E. Suomen Esihistoria. Helsinki, 1961.
5. Ванкина Л.В. Торфяниковая стоянка Сарнате, Рига, 1970.
6. Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970.
7. Ошибкина С.В. Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.
8. Панкрусиев Г.А. Мезолит и неолит Карелии. Т. 2. Неолит. М., 1978.
9. Loze, I. Lubāna mitrāja apdzīvotība akmens laikmetā. Rēzeknes novada mezolīta un neolīta apmetnes. Rīga, 2015.
10. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. По материалам стоянки Ивановское VII / М.Г. Жилин, Е.Л. Костылева, А.В. Уткин, А.В. Энговатова. М., 2002.
11. Костылева Е.Л., Уткин А.В. К вопросу о происхождении льяловской культуры // Юбилейный сборник, посвященный 85-летию со дня рождения профессора Ю.А. Яковсона. Иваново, 2000.
12. Шахнович М.М., Тарасов А.Ю. Пилы и пиление: некоторые наблюдения относительно технологии и особенностей бытования в каменном веке Карелии // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.
13. Калинина И.В., Гаджиева Е.А. Архаические орнаменты для керамики // AD POLUS. Памяти Л.П. Хлобыстина. СПб., 1993. (Археологические изыскания. Вып. 10)
14. Уткин А.В., Костылева Е.Л. Волосовские скульптурные модели фаллоса // ТАС. Вып. 3. Тверь, 1998.
15. Костылева Е.Л., Уткин А.В. Волосовские ритуальные клады в составе погребальных комплексов (хронология и типология) // ТАС. Вып. 8. Т. I. Тверь, 2011.
16. Калинина И.В., Устинова Е.А. Технологическая классификация орнаментов неолитической – энеолитической керамики Уральского региона // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 30. Л., 1990.

*Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург*

*Ивановский государственный университет,
Иваново*

I.V. Kalinina, E.L. Kostylyeva, A.V. Utkin

COGGED STAMPS OF SAKHTYSHSKY SITES (RESULTS OF EXPERIMENTAL STUDIES)

Summary

For the specification of cultural and chronological attribution of the stamps found at the excavation of ancient settlements in the Centre of the East European Plain near the lake Sakhtysh experimental modeling on clay of prints of stamps with the subsequent identification of them on ceramics fragments has been carried out. As the result of the work done we managed to develop the typology of stamps, to define the signs of cogged ornamenters characterizing stamps of the Upper Volga, L'yalovo, Volosovo cultures and also to allocate the stamps relating to the Bronze Age.

*Federal State Budgetary Institution of Culture
“The State Hermitage”,
34, Dvortsovaya Emb., Saint-Petersburg, 190000,
Russia
I.V. Kalinina – E-mail: irkalinina@yandex.ru*

*Ivanovo State University,
39, Ermaka St., Ivanovo, 153025,
Russia
E.L. Kostylyeva – E-mail: elkos-ty-le-va@mail.ru
A.V. Utkin – E-mail: u.twoss55@mail.ru*

К. Нордквист, Т. Мёккёнен

КЕРАМИКА ТИПА КИЕРИККИ: ДАТИРОВКА И ПАРАЛЛЕЛИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Введение

Согласно финской периодизации керамика Киерикки (Kierikki) является типом керамики с асбестовой (и органической) примесью, относящимся к среднему неолиту. Впервые она была выделена в 1960-х гг. на материалах памятника Киериккисаари в Северной Остроботнии, Финляндия (рис. 1). Поскольку материалы, представленные на памятнике, не находили соответствия с известными к тому времени типами асбестовой керамики – Каунисаари (Kaunissaari) и Пёлья (Pöljä) [1, с. 160; 2, с. 165; 3], – они были описаны Ари Сириайненом и выделены им в отдельную группу, названную «Киерикки» [4].

В первой публикации не было представлено типологическое определение, а лишь дано описание примерно 15 сосудов, найденных на памятнике (рис. 2). Однако, поскольку в дальнейшем специальные исследования по этой теме не велись, это нечёткое описание легло в основу определения керамики Киерикки в финской археологии. По мнению многих специалистов, неоднозначность определения этого типа стала причиной многочисленных сложностей с классификацией и атрибуцией археологических находок [например, 5; 6; 7; 8]. Нам, однако, представляется, что причиной этих сложностей является не только нечёткость первоначального описания типа, но и изначальная разнородность этих материалов.

Целью настоящей статьи является разъяснение хронологической позиции керамики типа Киерикки на основании серии недавно полученных АМС радиоуглеродных дат. Далее при сравнении керамики Киерикки с другими синхронными типами асбестовой керамики Северо-Восточной Европы, в основном с керами-

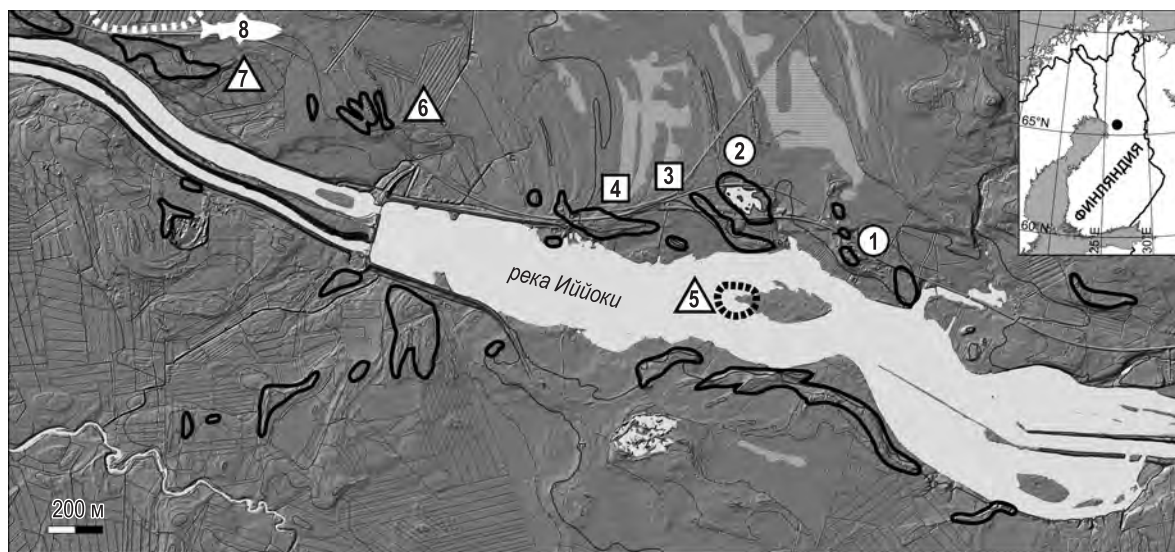

Рис. 1. Расположение памятника Киериккисаари и других археологических памятников в микрорегионе Киерикки (ок. 3900–2800 лет до н.э). Поселения только с гребенчатой керамикой: 1 – Киерикин Соракуоппа; 2 – Киерикинкангас С. Поселения с гребенчатой керамикой и керамикой типа Киерикки: 3 – Киерикинкангас Ю; 4 – Кууселанкангас. Поселения только с асбестовой и пористой керамикой: 5 – Киериккисаари; 6 – Войма-Куусела; 7 – Пуркаясу-Корвала. Деревянные рыболовные сооружения: 8 – Пуркаясу (Т. Мёккёнен. Базовая карта © Управление геодезии и землеустройства Финляндии 10/2016)

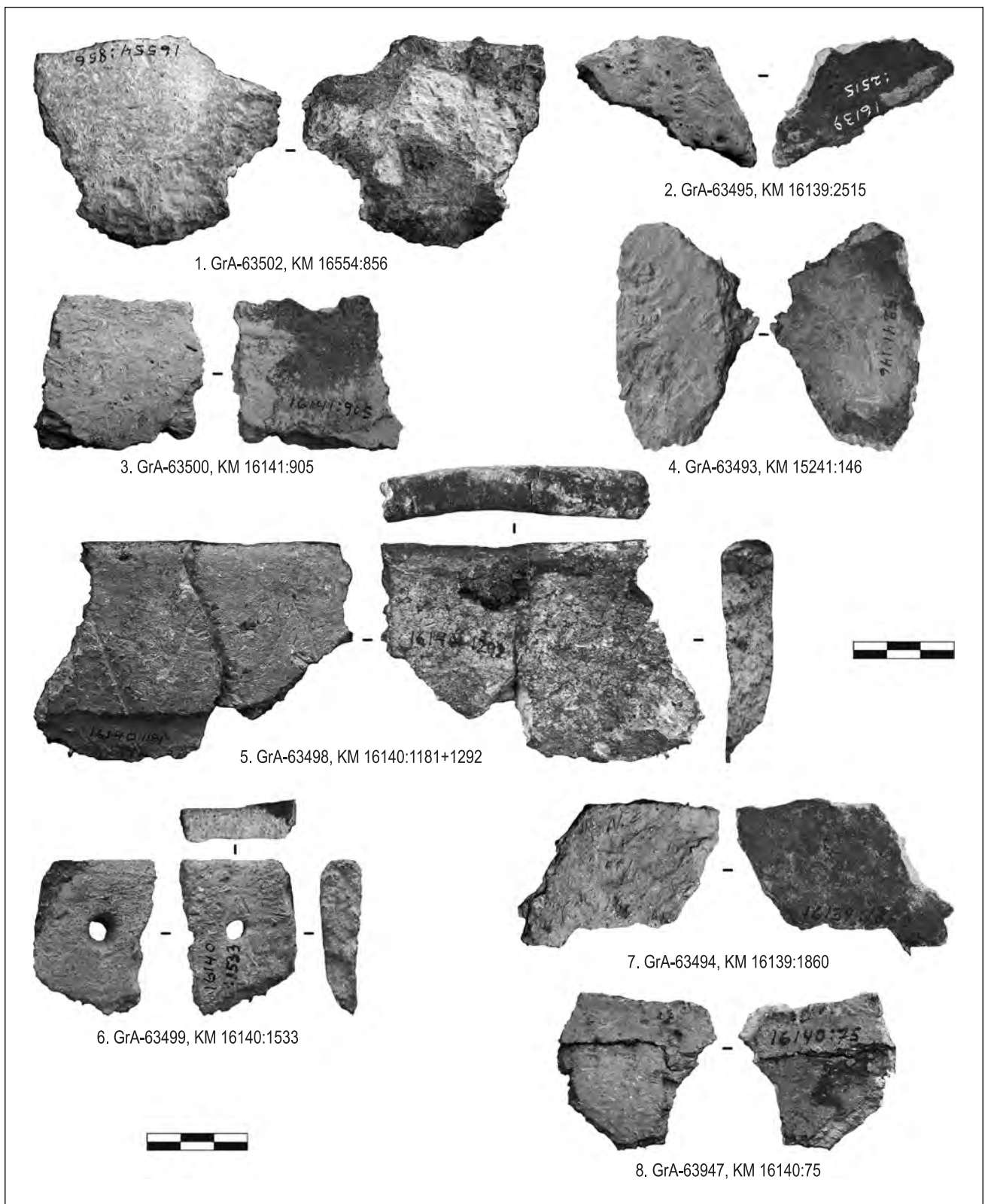

Рис. 2. Датированные фрагменты керамики типа Киерикки из эпонимного памятника Киериккисаари.
 Фото: Т. Мёккёнен
 (KM – Национальный музей Финляндии)

кой типа Войнаволок и Оровнаволок в Карелии, обсуждаются проблемы, связанные с пористой и асбестовой керамикой IV–III тыс. до н.э.

Датировка

Всего с керамикой Киерикки надёжно соотносятся 14 АМС-датировок по остаткам нагара и берёзового дёгтя на керамике (табл.; рис. 2). Ещё несколько АМС-датировок, связываемых с этим типом, приведены в публикациях, но нет возможности проверить надёжность этих датировок [см. 10, р. 97; 11, fig. 10:32; 12, р. 127–128, table 1–3]. Восемь из представленных датировок получены в ходе выполнения настоящего исследования и публикуются впервые. Они сделаны по материалам из эпонимного памятника Киериккисаари и являются первыми радиоуглеродными датировками, полученными для этого памятника.

Таблица. АМС-даты, связанные с керамикой типа Киерикки из Финляндии и с Карельского перешейка (Россия)

Индекс	Поселение (№ образца)	BP	±	calBC (2σ)	δ13C	Материал	Публикация
Hela-465	Вянтси (КМ 9406:188)	4870	85	3935–3379	-25,50	нагар	9
Hela-51	Кууселанкангас	4800	115	3937–3347	-23,40	нагар	10
GrA-63502	Киериккисаари (КМ 16554:856)	4765	35	3641–3382	-23,64	нагар	Данная статья, рис. 2:1
GrA-63495	Киериккисаари (КМ 16139:2515)	4705	35	3632–3372	-25,89	нагар	Данная статья, рис. 2:2
GrA-63500	Киериккисаари (КМ 16141:905)	4705	35	3632–3372	-25,74	нагар	Данная статья, рис. 2:3
GrA-63493	Киериккисаари (КМ 15241:146)	4675	35	3625–3366	-28,34	нагар	Данная статья, рис. 2:4
GrA-63498	Киериккисаари (КМ 16140:1181+1292)	4675	35	3625–3366	-28,73	нагар	Данная статья, рис. 2:5
GrA-63499	Киериккисаари (КМ 16140:1533)	4645	35	3519–3358	-26,44	дёготь	Данная статья, рис. 2:6
GrA-63494	Киериккисаари (КМ 16139:1860)	4540	35	3366–3102	-28,62	нагар	Данная статья, рис. 2:7
GrA-63947	Киериккисаари (КМ 16140:75)	4490	35	3349–3033	-28,61	нагар	Данная статья, рис. 2:8
Hela-138	Калмосярккя (КМ 14829:106)	4485	100	3498–2906	-29,00	нагар	10
Hela-360	Ахвенсаари (КМ 13391:37)	4450	60	3341–2929	-28,70	нагар	10
Hela-52	Кууселанкангас	4420	90	3358–2902	-23,20	нагар	10
Hela-139	Калмосярккя (КМ 14829:103, 116)	4370	90	3354–2872	-27,20	нагар	10

Калиброванные даты, представленные в этой таблице и статье, получены с помощью программы OxCal 4.3.

Как видно на диаграмме (рис. 3), керамика Киерикки датируется в целом IV тыс. до н.э., в основном его второй половиной. Если исключить датировки с относительно большим стандартным отклонением (более чем ±70 лет), временные рамки сужаются до приблизительно 3650–2950 лет до н.э. Датировки, полученные в рамках настоящего исследования, не противоречат полученным ранее (3800/3600–2900 лет до н.э. [7; 10; 13]). Они показывают, что функционирование свайного поселения Киериккисаари датируется в пределах столетия до и после середины IV тыс. до н.э., и предполагают две фазы обитания.

Если сравнить датировки с Киериккисаари и керамики типа Киерикки с другими датировками материалов среднего и позднего неолита из микрорегиона Киерикки, то обнаруживается, что керамика Киерикки сосуществует с типичной гребенчато-ямочной керамикой (ок. 3900–3500/3400 лет до н.э) на протяжении как минимум столетия, а возможно, и дольше. С другой стороны, она также сосуществует на протяжении столетия или двух с керамикой типа Пелья (ок. 3400–2500/1900 лет до н.э). Эти выводы достаточно хорошо соотносятся с наблюдаемой повсеместно картиной, но, конечно, присутствуют и локальные различия. Далее, везде бытование керамики Пелья продолжается явно дольше, чем даты, полученные для микрорегиона Киерикки (ок. 3400–2900 лет до н.э).

Параллели

Некоторые параллели керамике Киерикки могут быть найдены среди керамических типов, выделенных на северо-западе России. Поскольку керамика Киерикки рассматривается как продолжение традиции гребенчато-ямочной керамики [4; 5; сравни 13; 14], неудивительно, что у неё есть некоторые общие черты с северными типами пористой гребенчатой керамики, также как и с керамикой типа Залавруга [15, с. 117, 135], хотя взаимосвязь этих традиций до настоящего времени остаётся неясной.

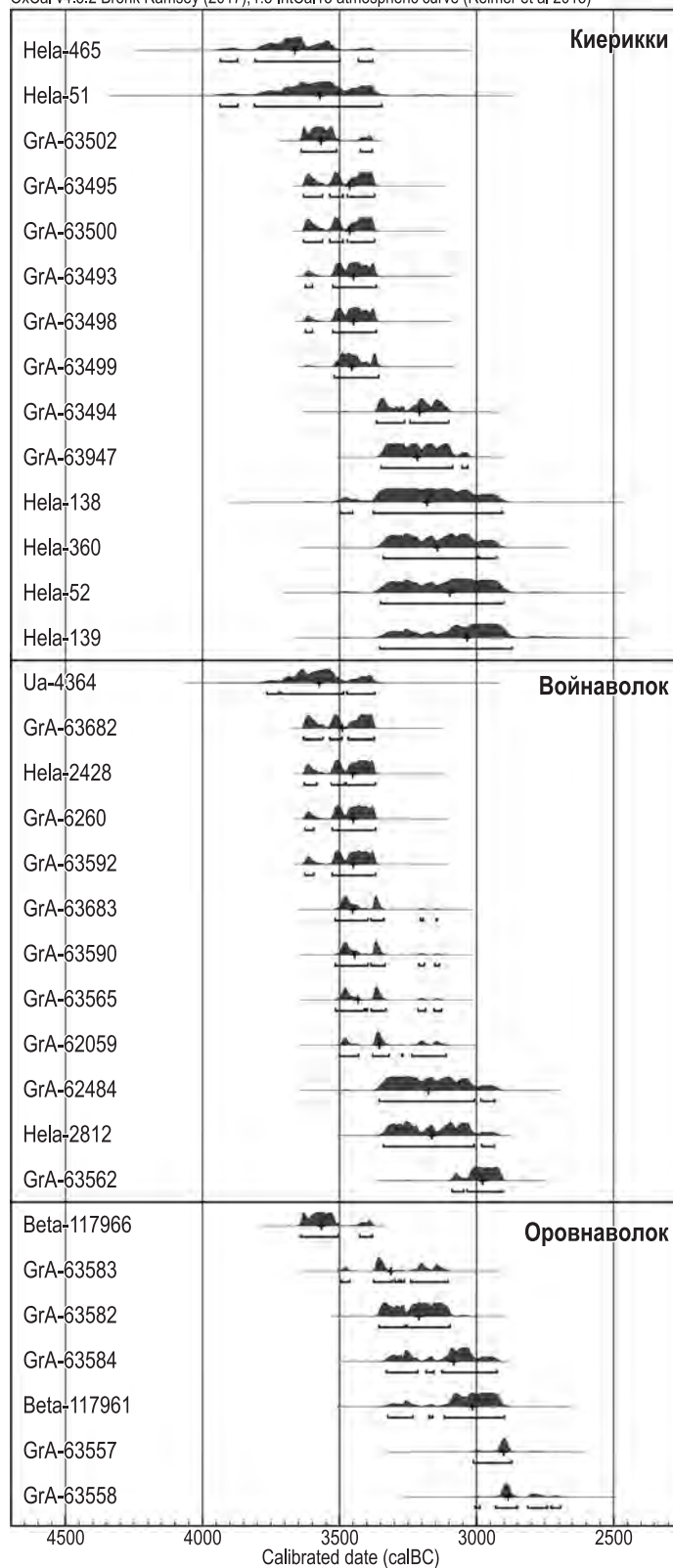

Рис. 3. АМС-датировки, полученные для керамики типа Киерикки, Войнаволок и Оровнаволок (по: [10; 12; 17; 18; 9; 22])

Керамика Киерикки имеет много общего с карельской керамикой типа Войнаволок [12; 16, с. 46]. Сходство можно обнаружить в используемых примесях (асбест, изредка органика), формах венчиков и орнаментации срезов венчиков, способе орнаментации тулова (поверхностные неглубокие отпечатки) и т.д. Ранее при сравнении керамики типа Войнаволок и Киерикки было отмечено, что Киерикки представляет финский вариант асбестовой керамики с геометрическим орнаментом, весьма распространённым на керамике типа Войнаволок [16, с. 46]. Однако геометрический орнамент не является наиболее важной отличительной чертой керамики Киерикки. В орнаментальных мотивах наблюдаются как сходства, так и различия. Кроме того, в Финляндии известны сосуды, прежде отнесённые к типу Киерикки, которые явно представляют керамику типа Войнаволок, – наиболее очевидным примером является сосуд из Вуопая в северной части страны [10, р. 90; 12, р. 127, table 1; см. также 17, р. 29]. В дополнение, керамика Киерикки во многих отношениях схожа с керамикой типа Оровнаволок, особенно с её ранней фазой [см. 16, с. 50]. К примеру, для обоих типов характерны разреженная композиция и пустые пространства, включённые в орнаментальную композицию, что также встречается и на керамике типа Войнаволок.

Если рассмотреть датировки этих керамических типов, керамика Киерикки полностью синхронна керамике типа Войнаволок (ок. 3600–3400/2900 лет до н.э) (рис. 3). Их появление практически одновременно, и, кроме того, первая фаза обитания памятника Киериккисаари соответствует времени бытования керамики Войнаволок (даты для карельских типов керамики основаны на датировках, представленных в [18; см. также 19]). Тем не менее период бытования керамического типа Киерикки также прекрасно соответствует периоду бытования керамики типа Оровнаволок (ок. 3600–2900/2500 лет до н.э), включая вторую фазу обитания памятника Киериккисаари.

Даже если тип Киерикки имеет хронологическое и стилистические соответствия с типом Войнаволок, эти типы не следует рассматривать как один. Керамика Киерикки имеет много соответствий и с типом Оровнаволок – так же как соотносятся типы Войнаволок и Оровнаволок между собой. Всё это свидетельствует о гетерогенности, столь типичной для пористой и асбестовой керамики IV–III тыс. до н.э. Эти типы трудны для изучения, поскольку материалы локальные и очень разнообразны – но, в то же время, некоторые черты могут быть присущи нескольким разным типам керамики. Из-за значительного разнообразия материала крайне проблематично создание типологически значимых единиц классификации, которые были бы, с одной стороны, применимы для практического использования, а с другой – представлены достаточным количеством материала. В качестве примера можно привести обсуждаемую здесь керамику Киерикки и хронологическое и типологическое соответствие типов Войнаволок и Оровнаволок. Проблему наглядно иллюстрирует дискуссия о некоем «переходном типе» в связи с этими типами и их датировками [см. 20; 21]: все фрагменты керамики типа Войнаволок, для которых получены датировки моложе условно 3400 лет до н.э., могут быть также отнесены к типу Оровнаволок [18]. Не углубляясь далее в эту проблему, можно сказать, что различия между этими типами керамики далеко не определены.

О неоднозначности материала свидетельствуют и некоторые сосуды, которые нельзя непосредственно отнести ни к одному из известных типов, даже если они явно относятся к тому же хронологическому контексту. Такие случаи могут рассматриваться как примеры локальных проявлений общих тенденций того времени. В действительности мы полагаем, что понимание наличия локальных и пан-региональных различий, общего «стилистического и технологического котла», которые являлись характерной особенностью того времени, более важно, чем расфасовывание отдельных горшков по ячейкам классификационных схем.

Заключение

В завершение изначальной темы вернёмся к керамике Киерикки. В финской археологии изучение пористой и асбестовой керамики развитого и позднего неолита десятилетиями определялось фактически условным разделением керамики на типы Киерикки и Пёлья. По сию пору отсутствуют современные основанные на фактическом материале исследования этих типов, и их определения остаются расплывчатыми и не взаимоисключающими. Следовательно, во многих случаях определения типов керамики делались по принципу исключения: если керамика явно не соответствовала типу Пёлья, она определялась как Киерикки, и наоборот. Определения в действительности столь неясные и не взаимоисключающие, что даже часть материалов с эпонимного для керамики Пёлья памятника может быть определена как тип Киерикки.

Следовательно, материалы, которые были отнесены к этим типам, весьма разнородны – большинство керамики, определённой как Киерикки, имеет мало общего с первыми описанными материалами с памятника Киериккисаари. Дополнительно следует отметить, что коллекция керамики с памятника Киериккисаари не однородна [см. также 5] и не представляет какой-то один определённый тип, но включает материалы, накопившиеся здесь на протяжении долгого периода времени. Просто читая о том, что некая керамика относится к типу Киерикки, читатель в действительности не получит представления, о какой керамике на самом деле идёт речь. Таким образом, мы должны завершить нашу статью заключением о том, что керамического типа Киерикки в том смысле, в каком он был выделен, воспринят и использовался в финской археологии, не существует.

Благодарности

Работа была проведена в рамках исследовательского проекта «The use of materials and the Neolithisation of north-east Europe (с 6000–1000 BC)», выполняемого на базе Университета Оулу, Финляндия, и финансируемого Академией наук Финляндии (проект № 269066).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Pälsi, S.* Riukjärven ja Piiskunsalmen kivikautiset asuinpaikat Kaukolassa. Helsinki, 1915.
2. *Meinander, C.F.* Die Kiukaiskultur. Helsinki, 1954. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. 53)
3. *Edgren, T.* Jysmä i Iidensalmi // Finskt Museum. 71. 1964.
4. *Siirriäinen, A.* Yli-Ii Kierikki: Asbestikeraaminen asuinpaikka Pohjois-Pohjanmaalla // Suomen Museo. 74. 1967.
5. *Siirriäinen, A.* On the Late Stone Age Asbestos Ware Culture of Northern and Eastern Finland // Fenno-ugri et slavi 1983. Helsinki, 1984. (Iskos. 4)
6. *Lavento, M.* A Preliminary Analysis of the Ceramics of the Ruhtinansalmi Dwelling-site Complex in Kainuu, Northern Finland // Fennoscandia Archaeologica. IX. 1992.
7. *Pesonen, P., Leskinen, S.* Pottery of the Stone Age Hunter-gatherers in Finland // Ceramics Before Farming: the Dispersal of Pottery Among Prehistoric Eurasian Hunter-gatherers. Walnut Creek, 2010.
8. *O’Ceallacháin, S.* Pöjlä, keramiikkaryhmä vai reunamuoto? Pöjlän keramiikkaa Outokummun Laavussuolla. Неопубликованная магистерская работа. Helsinki, 2014.
9. *Huurre, M.* Viipurin läänin kivikausi // Viipurin läänin historia. 1: Karjalan synty. Joensuu, 2003.
10. *Pesonen, P.* Neolithic Pots and Ceramics Chronology: AMS-datings of Middle and Late Neolithic Ceramics in Finland // Fenno-ugri et slavi 2002: Dating and Chronology. Helsinki, 2004. (Museoviraston arkeologian osaston julkaisuja. 10)
11. *Hallgren, F.* Identitet i praktik: Lokala, regionala och överregionala sociala sammanhang inom nordlig trättbägarkultur. Uppsala, 2008. (Coast to coast-book. 17)
12. *Zhulnikov, A., Tarasov, A., Kriiska, A.* Discrepancies Between Conventional and AMS-dates from Complexes with Asbestos and Porous Ware: a Probable Result of ‘Reservoir Effect’? // Fennoscandia Archaeologica. XXIX. 2012.
13. *Carpelan, C.* Käännekohtia Suomen esihistoriassa aikavälillä 5100... 1000 eKr. // Pohjan poluilla: Suomalaisten juuret nykytutkimuksen mukaan. Helsinki, 1999. (Bidrag till kännedom av Finlands natur och folk. 153)
14. *Carpelan, C.* Om asbestkeramikens historia i Fennoskandien // Finskt Museum. 85. 1979.
15. *Жульников А.М.* Памятники с керамикой типа Залавруга 1 в Прибеломорье и некоторые вопросы изучения беломорских петроглифов // Кольский сборник. СПб., 2007.
16. *Жульников А.М.* Энеолит Карелии. Петрозаводск, 1999.
17. *Carpelan, C.* Environment, Archaeology and Radiocarbon Dates: Notes from the Inari Region, Northern Finnish Lapland // Early in the North. Volume 5. Helsinki, 2004. (Iskos. 13)
18. *Нордквист К., Мёккёнен Т.* Новые данные по археологической хронологии Северо-Запада России: АМС-датировки неолита–энеолита Карелии // В данном сборнике.
19. *Tarasov, A., Nordqvist, K., Mökkönen, T., Khoroshun, T.* Radiocarbon Chronology of the Neolithic – Eneolithic Period in Karelian Republic (Russia) // Documenta Praehistorica. 44. 2017.
20. *Жульников А.М., Тарасов А.Ю.* К вопросу о керамике «переходного» типа (по материалам поселения Фофаново XIII) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани 2014. Т. I. Казань, 2014.
21. *Тарасов А.Ю.* Фофаново XIII – пример интенсивной производственной деятельности эпохи раннего металла в лесной зоне // Древние культуры Восточной Европы: Эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований. СПб., 2015. (Замятинский сборник. Вып. 4)
22. *Хорошун Т.А.* Памятники с ямочно-гребенчатой и ромбо-ямочной керамикой на западном побережье Онежского озера (конец V – начало III тыс. до н.э.): дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2013.

*Университет Оулу,
Оулу, Финляндия*

K. Nordqvist, T. Mökkönen

KIERIKKI WARE: DATING AND PARALLELS IN NORTHEASTERN EUROPE

Summary

In Finnish periodization, Kierikki Ware is classified as a Middle Neolithic asbestos (and organic) tempered pottery type. It was originally introduced through materials found at the Kierikkisaari site, Northern Ostrobothnia, Finland, but since its tentative description in the 1960s no further research on this type has been done. This article presents the chronological context of Kierikki Ware based on a series of recently obtained AMS-dates, and discusses its parallels among the contemporary potteries from Finland and Republic of Karelia (Russia). As a conclusion it is argued that the ceramic assemblage accumulated at the Kierikkisaari site cannot be comprehended as a separate, clearly-defined pottery type but rather represents the general characteristics of cultural fragmentation in Northeastern Europe during the middle and second half of the 4th millennium BC.

*University of Oulu,
P.O. Box 1000,
90014 Oulun yliopisto,
Finland*

*K. Nordqvist – E-mail: kerkko.nordqvist@gmail.com
T. Mökkönen – E-mail: Teemu.mokkonen@gmail.com*

Н.С. Батуева, Е.Л. Лычагина

ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ КАМСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ)

Введение

Основным районом исследования является территория Среднего и Верхнего Прикамья в пределах Пермского края (рис. 1). На этой территории известны памятники двух неолитических культур – камской и волго-камской. Понятие камская неолитическая культура было введено в науку О.Н. Бадером [1]. Им же были определены характерные черты керамики камской культуры [2; 3]. К ним относятся: распространение сосудов полуяйцевидной формы с чуть прикрытым или подцилиндрическим горлом, орнаментированных гребенчатым штампом. Керамика толстостенная, венчики часто имеют наплыв на внутренней стороне, в формовочной массе визуально фиксируется примесь шамота (рис. 2).

Целью данной работы было проведение технико-технологического анализа керамики камской культуры¹. Одной из задач исследования было уточнение типологических характеристик камской культуры (т.е. мы хотели посмотреть, насколько характеристика, данная О.Н. Бадером, соответствует современным представлениям). Это достигалось в том числе и с помощью анализа керамики эталонных памятников, таких как Хуторская стоянка. Второй задачей исследования было получение сведений о технологии изготовления керамики камской культуры.

В технологическом анализе основное внимание было уделено определению исходного пластичного сырья (ИПС) и состава формовочных масс (ФМ). Это было сделано по двум причинам: во-первых, для их анализа достаточно иметь небольшие части сосуда, что актуально при значительной фрагментированности посуды с ряда памятников, во-вторых, представления о пластичном сырье относятся к наиболее устойчивым элементам гончарной технологии, которые способны сохраняться без изменений очень длительное время [5].

Изучение технологии изготовления сосудов было проведено в рамках историко-культурного направления, разработанного А.А. Бобринским и основанного на методике бинокулярной микроскопии, трасологии и физическом моделировании [6; 7].

Для анализа использовались керамические комплексы с 10 памятников камской культуры, расположенных на территории Верхнего и Среднего Прикамья, – стоянок Мокино, Хуторская, Чашкинское Озеро I, Чашкинское Озеро III(a), Чашкинское Озеро VI, Посёр, Чернашка, Усть-Залазнушка II, поселений Боровое Озеро III, Чернушка (рис. 1). Всего были проанализированы фрагменты 105 сосудов камской культуры.

Технико-технологический анализ

Технико-технологический анализ проводился при помощи бинокулярного микроскопа МБС-9 на базе Лаборатории археологических и этнографических исследований Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета по свежим изломам и поверхностям, предварительно очищенным от солевых и других наслоений.

Анализ исходного пластичного сырья (ИПС) керамики камской культуры показал небольшое преобладание илестых глин в общем объеме ИПС (57 %) при наличии значительной доли сосудов из глин (43 %). Для посуды, изготовленной из илестых глин, было характерно преобладание пластичного (не запесоченного) сырья. Илестые глины в увлажнённом состоянии встречались в 2 раза чаще, чем в сухом (70 %:30 %). В то же время, следует отметить, что использование илестых глин в сухом состоянии зафиксировано только

¹ Работа проведена при поддержке гранта РГНФ, проект № 17-11-59004 «Неолитизация Верхнего и Среднего Прикамья: основные подходы и методы исследования».

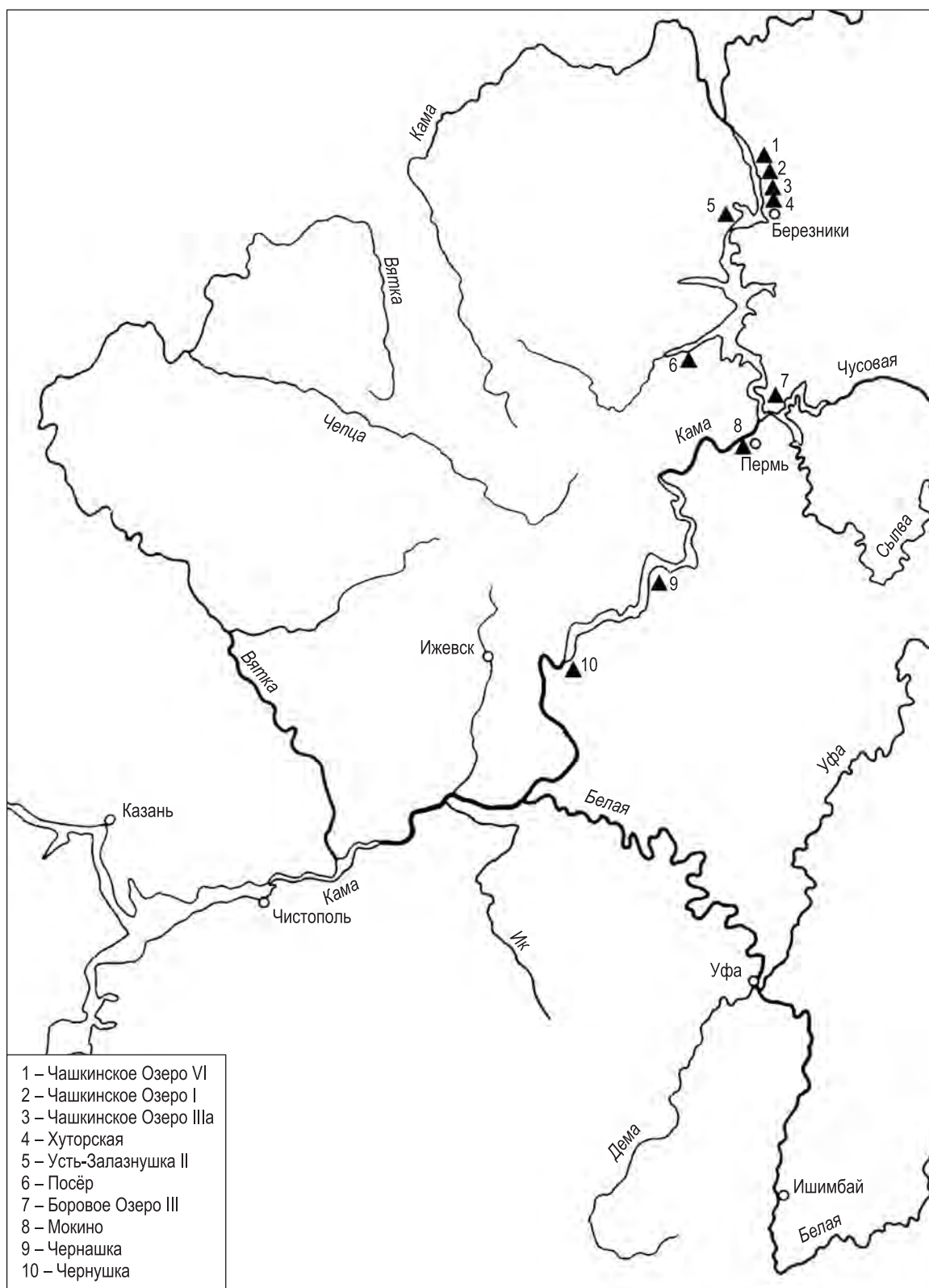

Рис. 1. Карта расположения памятников камской культуры

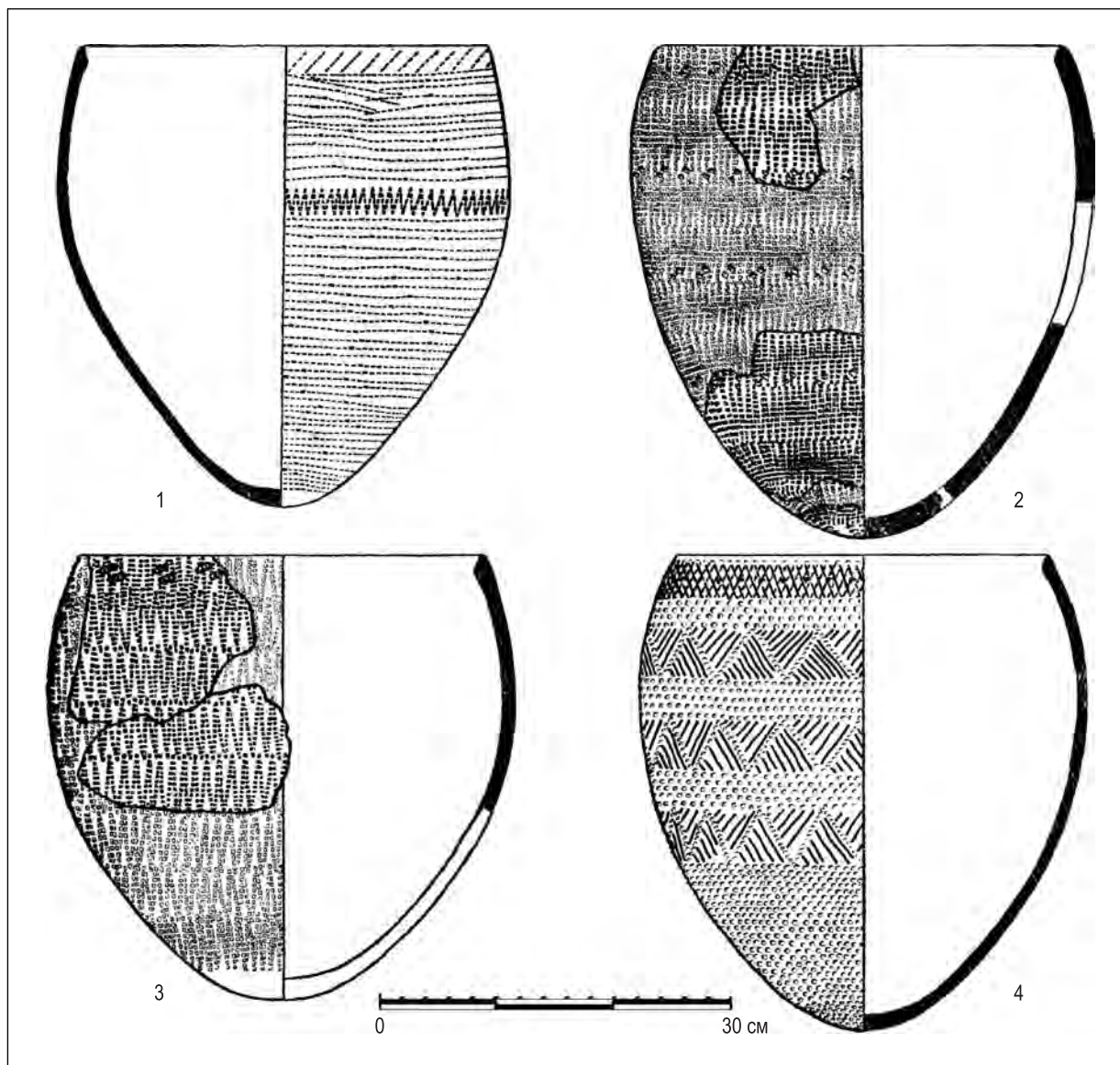

Рис. 2. Керамика камской культуры (по [4, с. 41, рис. 7])

на трёх памятниках – Чашкинское Озеро III(a), Боровое Озеро III и Посёр. На остальных памятниках илистые глины встречались только во влажном состоянии (табл. 1).

В ходе изготовления посуды из глин пластичное сырьё использовалось в 5 раз чаще, чем непластичное (83 %:17 %). Использование глины во влажном состоянии преобладало над использованием сухих смесей (58 %:42 %).

Для изучения навыков труда на ступени составления формовочных масс нами были проанализированы данные о рецептах, которые включают ИПС и искусственные добавки. По составу ФМ можно разделить на 2 группы: с несмешанным двухкомпонентным составом и смешанным многокомпонентным составом [8].

Для керамики камской культуры характерно преобладание ФМ первой группы – с несмешанным двухкомпонентным составом «ИПС + шамот» (73 %) с включениями крупных фракций шамота (88 %) (табл. 2, рис. 3: 1–2). Смешанный многокомпонентный состав представлен сочетанием «ИПС + шамот + органический раствор» – 18 % (рис. 3: 4). В многокомпонентных составах также преобладали крупные фракции шамота (84 %). В небольших количествах представлены сочетания «ИПС + органический раствор», «ИПС + слюда» и «ИПС + шамот + дроблённая глина» (табл. 2, рис. 3: 3). Использование крупных фракций шамота в качестве основной примеси в ФМ является характерной чертой керамики камской культуры [9]. К особенностям изученного комплекса можно отнести широкое распространение несмешанных двухкомпонентных составов (без использования органического раствора).

Таблица 1. Результаты изучения исходного пластичного сырья (ИПС) керамики камской культуры

Памятники	Исходное пластичное сырьё								Итого
	Илистые глины				Глины				
	не запесоченное		запесоченное		не запесоченное		запесоченное		
	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	
1. Мокино	3	–	–	–	–	–	–	–	3
2. Чашкинское Озеро I	1	–	–	–	2	–	2	–	5
3. Хуторская	4	–	–	–	8	1	–	–	13
4. Чашкинское Озеро VI	4	–	–	–	2	5	2	1	14
5. Чашкинское Озеро III(a)	18	15	1	–	3	8	1	–	46
6. Боровое Озеро III	2	1	–	–	2	–	1	1	7
7. Посёр	1	2	–	–	1	1	–	–	5
8. Чернашка	6	–	–	–	–	–	–	–	6
9. Усть-Залазнушка II	2	–	–	–	1	–	–	–	3
10. Чернушка	–	–	–	–	1	2	–	–	3
ВСЕГО	41	18	1	–	20	17	6	2	105
	59		1		37		8		105
	60/57 %				45/43 %				100 %

увл. – увлажнённое; др. с/с – дроблённое в сухом состоянии

Таблица 2. Результаты изучения формовочных масс (ФМ) керамики камской культуры

Памятники	Формовочные массы						Итого	
	Ш		О.Р. + Ш		О.Р.	Шамот + др. глина		
	Ш<2 мм	Ш<3–5 мм	Ш<2 мм	Ш<3–5 мм				
1. Мокино	–	2	–	1	–	–	3	
2. Чашкинское Озеро I	–	2	–	1	2	–	5	
3. Хуторская	2	7	–	3	–	1	13	
4. Чашкинское Озеро VI	3	9	–	2	–	–	14	
5. Чашкинское Озеро III(a)	4	29	3	6	2	2	46	
6. Боровое Озеро III	–	3	–	3	1	–	7	
7. Посёр	–	5	–	–	–	–	5	
8. Чернашка	–	6	–	–	–	–	6	
9. Усть-Залазнушка II	–	3	–	–	–	–	3	
10. Чернушка	–	2	–	–	Шамот + Слюда 1		3	
ВСЕГО	9	68	3	16	О.Р.	Шамот + др. гл.	Слюда	
	77/73 %		19/18 %		5	3	1	105
	77/73 %		19/18 %		5/5 %	3/3 %	1/1 %	100 %

Ш – шамот; О.Р. – органический раствор; др. гл. – дроблённая глина

Типологический анализ

Типологический анализ включал в себя характеристику внешних признаков и проводился по следующим критериям: цвет сосудов, толщина стенок, форма венчиков и характеристика орнамента.

Большинство сосудов имеют песочный цвет (66 %), присутствуют коричневый (22 %) и серый (3 %) цвета. Керамику камской культуры можно считать толстостенной, так как 89 % сосудов имеют толщину стенок от 0,7 см и больше (табл. 3).

Наиболее распространённым типом венчиков являются скошенные внутрь с наплывом (52 %), также встречены прямые венчики и венчики с округлым торцом у сосудов со слегка прикрытым горлом (табл. 4).

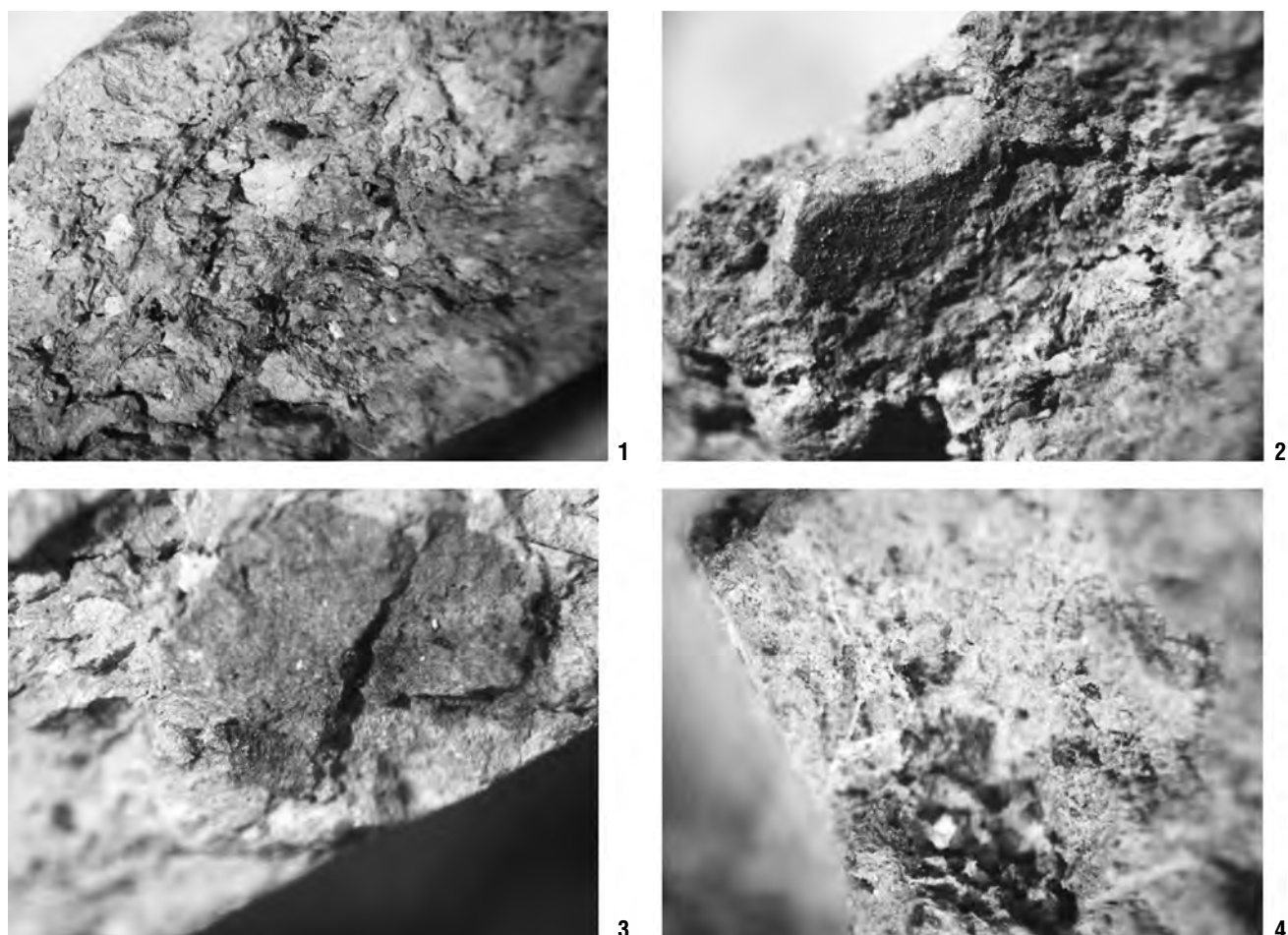

Рис. 3. Состав формовочных масс керамики камской культуры:
1–2 – «ИПС + шамот»; 3 – «ИПС + дроблённая глина»; 4 – «ИПС + шамот + органический раствор»

Таблица 3. Цвет и толщина стенок сосудов камской культуры

Памятники	Цвет				Толщина стенок (см)		Итого
	Песочный	Красный	Коричневый	Серый	0,7 <	0,7 >	
1. Мокино	–	–	3	–	–	3	3
2. Чашкинское Озеро I	3	–	2	–	–	5	5
3. Хуторская	10	2	1	–	–	13	13
4. Чашкинское Озеро VI	13	–	1	–	2	12	14
5. Чашкинское Озеро III(a)	29	6	9	2	9	37	46
6. Боровое Озеро III	5	2	–	–	–	7	7
7. Посёр	5	–	–	–	1	4	5
8. Чернашка	3	–	2	1	–	6	6
9. Усть-Залазнушка II	–	–	3	–	–	3	3
10. Чернушка	1	–	2	–	–	3	3
ВСЕГО	69	10	23	3	12	93	105
	66 %	9 %	22 %	3 %	11 %	89 %	100 %
	105/100 %				105/100 %		100 %

Таблица 4. *Формы венчиков сосудов камской культуры*

Памятники	Венчики				Итого
	Скошенный внутри	Прямой	С округлым торцом у сосудов с прикрытым горлом	Нет	
1. Мокино	1	–	–	2	3
2. Чашкинское Озеро I	–	1	–	4	5
3. Хуторская	8	–	1	4	13
4. Чашкинское Озеро VI	2	2	2	8	14
5. Чашкинское Озеро III(a)	20	4	4	18	46
6. Боровое Озеро III	1	5	1	–	7
7. Посёр	–	3	1	1	5
8. Чернашка	1	4	1	–	6
9. Усть-Залазнушка II	–	–	–	3	3
10. Чернушка	–	–	1	2	3
ВСЕГО	33	19	11	42	105
	52 %	30 %	18 %	40 %	100 %
	63/100 %				

Для всей керамики камской культуры характерна достаточно плотная орнаментация.

Нами было отмечено несколько способов нанесения орнамента: оттискивание, прокатывание, отступление и протаскивание, кроме того, часто встречаются отдельные ямочные вдавления. Наиболее распространённым способом нанесения орнамента является оттискивание (36,7 %). Оно встречено практически на всех памятниках. Вторым по распространённости является прокатывание (28,7 %), выполненное гребенчатым или же (в единичных случаях) гладким штампом. Отступление, которое выполнялось в виде «качалки», в небольшом количестве присутствует практически на всех памятниках, причём на стоянке Чашкинское Озеро VI была зафиксирована «качалка», нанесённая как гребенчатым, так и гладким штампом. Протаскивание было встречено только в одном случае на стоянке Чашкинское Озеро VI (табл. 5). В целом можно считать этот способ нанесения орнамента не характерным для камской культуры.

Таблица 5. *Характеристика орнаментации сосудов камской культуры*

	Способы нанесения орнамента									Итого
	Оттискивание		Прокатывание		Отступление («качалка»)		Ямочные вдавления		Протаскивание	
	Гладкий	Гребенчатый	Гладкий	Гребенчатый	Гладкий	Гребенчатый	округлые	углом штампа		
1. Мокино	–	2	–	–	–	–	1	–	–	3
2. Чашкинское Озеро I	–	3	–	3	–	–	1	–	–	7
3. Хуторская	–	6	–	9	–	2	2	1	–	20
4. Чашкинское Озеро VI	–	6	–	5	2	2	–	2	1	18
5. Чашкинское Озеро III(a)	1	28	1	13	–	5	10	5	–	63
6. Боровое Озеро III	–	–	–	4	–	3	–	2	–	9
7. Посёр	–	3	–	2	–	1	1	–	–	7
8. Чернашка	–	1	–	1	–	3	–	–	–	5
9. Усть-Залазнушка II	–	1	–	–	–	1	–	2	–	4
10. Чернушка	–	1	–	2	–	1	–	–	–	4
ВСЕГО	1	51	1	39	2	18	15	12	1	140
	0,7 %	36 %	0,7 %	28 %	1,4 %	13 %	11 %	8,5 %	0,7 %	100 %
	36,7 %		28,7 %		14,4 %		19,5 %		0,7 %	100 %

Ямочные вдавления представлены в двух видах – округлые (овальные) (11 %) и ямки, выполненные углом штампа (8,5 %) (табл. 5). Округлые, в свою очередь, делятся на глубокие с конусовидным дном и поверхностные. Ямки, выполненные углом штампа, обычно имеют подчетырёхугольную или сегментовидную форму и неровные края, иногда фиксируются отпечатки 1–3 зубцов штампа.

Основным мотивом в орнаментации керамики камской культуры являются ряды узоров, выполненных гребенчатым штампом, поставленным вертикально (28 %), горизонтально (22,6 %) и диагонально (18 %). Такие ряды проставлялись оттискиванием или прокатыванием. Ещё одним из основных мотивов является «шагающая гребёнка» – «качалка» (11,6 %). Реже были встречены такие мотивы, как «жучковый» (4 %), паркетный (0,8 %), «ёлочка» (6 %), геометрические фигуры (4 %), Х-образный (2 %) и зигзаг (3 %), ряды ямочных вдавлений.

Проведённый нами типологический анализ показал устойчивость тех черт, которые О.Н. Бадер выделял в качестве основополагающих при характеристике керамики камской культуры. К ним относятся: песочный цвет посуды, толстостенность, преобладание скошенных внутрь венчиков, плотная орнаментация, широкая распространённость таких мотивов, как ряды штампа, поставленного вертикально, горизонтально и диагонально, «шагающая гребёнка».

На основе итогов технологического анализа можно выделить черты, которые, вероятнее всего, свидетельствуют о традиционных навыках гончарного производства населения камской культуры: использование в основном пластичного (не запесоченного) сырья во влажном и сухом состоянии и составов ФМ «ИПС + шамот» и «ИПС + шамот + органический раствор». Сходные результаты по итогам анализа керамики камской культуры были получены И.Н. Васильевой [8].

В связи с выделением характерных черт керамических комплексов камской культуры интересно посмотреть, насколько они типичны для всех регионов распространения культуры, включая Нижнее Прикамье.

Типологический анализ гребенчатой керамики бассейна Нижней Камы выявил следующие характерные черты: доминирование прямостенных полуячевидных сосудов, низкий процент напылов на внутренней стороне венчика, распространение ямочных вдавлений под срезом венчика, большой процент тонкостенных сосудов, незначительная распространённость «шагающей гребёнки» [9].

Технико-технологический анализ керамики был проведён И.Н. Васильевой. Анализ ИПС показал преобладание пластичных (не запесоченных) глин и илистых глин как в сухом (на раннем и позднем этапах), так и во влажном состоянии. Анализ ФМ выявил наличие одной традиции – «ИПС + шамот + органический раствор». Однако было отмечено уменьшение концентрации шамота в ФМ от раннего этапа к позднему.

По итогам изучения керамики Нижнего Прикамья И.Н. Васильева выделила 2 группы родственного населения, изготавливавшего керамику с гребенчатым орнаментом. Первой группе были свойственны несмешанные гончарные традиции, изначально присущие населению, изготавливавшему посуду с гребенчатым орнаментом (камская культура). Для второй группы были характерны смешанные гончарные традиции, появившиеся в Нижнем Прикамье в результате культурных контактов [10]. Таким образом, несмотря на некоторые различия в формах сосудов, орнаментации, составе ФМ, мы можем говорить о том, что для Нижнего Прикамья характерны те же традиции изготовления керамики камской культуры, что и для Верхнего и Среднего Прикамья.

Для выявления возможных культурных контактов необходимо рассмотреть керамические комплексы средневожской культуры, существовавшие, судя по результатам радиоуглеродного анализа, одновременно с комплексами камской культуры [11–13].

Для средневожской культуры характерны прямостенные сосуды с коническими или плоскими днищами, толщиной 0,7–0,9 см. На внешней, реже на внутренней, стороне проходит горизонтальный ряд ямочных вдавлений. Представлен прочерченный и накольчатый способы нанесения орнамента. Помимо них, имеется посуда с зубчатыми оттисками и ногтевидными насечками. Посуда с гребенчатым орнаментом традиционно относится к позднему этапу существования культуры [14].

Технико-технологический анализ средневожской керамики поселения Лебяжинка I позволил выявить следующее. В качестве ИПС использовались запесоченные илистые глины с естественной примесью раковины и илы. В ФМ присутствует органический раствор, в редких случаях шамот в незначительной концентрации и дроблённая раковина [15]. Схожие результаты были получены и в ходе анализа материалов других памятников.

Проведённый анализ показывает наличие серьёзных различий между керамическими комплексами камской и средневожской культур как на типологическом, так и на технологическом уровнях. Возможно, более широкое распространение илистых глин в качестве ИПС и использование примеси шамота на поздних этапах существования средневожской культуры связаны с влиянием носителей камской керамической традиции.

В то же время мы можем отметить смешение камских и средневожских традиций в керамике в бассейне Нижней Камы, которое проявилось в уменьшении концентрации шамота на поздних этапах и увеличении использования низкопластичного (запесоченного) сырья [16].

Итоги

Таким образом, результаты изучения керамических комплексов камской культуры свидетельствуют о существовании самостоятельного ареала неолитических гончарных традиций. Эти традиции были основаны на представлениях о пластичном сырье, которое смешивалось с шамотом и «склеивалось» органичес-

ким раствором. Можно предполагать изначальную связь этих технологических приёмов с традициями орнаментирования керамики гребенчатым штампом. Вслед за А.А. Выборновым [15] мы считаем, что именно территория Верхнего и Среднего Прикамья может рассматриваться как центр формирования камской культуры (так как именно на этой территории были отмечены основные типологические и технологические черты в несмешанном виде), а Нижнее Прикамье – как его периферия.

Мы полагаем, что продолжение исследования керамики камской культуры позволит не только уточнить её характерные черты, но и ответить на вопросы, связанные с происхождением и дальнейшим развитием этой керамической традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бадер О.Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. М., 1970.
2. Бадер О.Н. Хронологические рамки неолита Прикамья и методы их установления // КСИА. Вып. 153. 1978.
3. Бадер О.Н. Некоторые итоги и перспективы изучения каменного и бронзового веков Урала // Вопросы археологии Урала. № 15. Свердловск, 1981.
4. Денисов В.П. Хуторская неолитическая стоянка // Труды Камской археологической экспедиции. Вып. III. Пермь, 1960.
5. Васильева И.Н. О выделении камского ареала гончарных традиций эпохи неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4.
6. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.
7. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Бобринский А.А. (ред.). Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999.
8. Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М., 2012.
9. Васильева И.Н., Выборнов А.А. К разработке проблем изучения неолитического гончарства Верхнего и Среднего Прикамья // Труды КАЭЭ. Вып. VIII. Пермь, 2012.
10. Васильева И.Н., Выборнов А.А. О неолитической гончарной технологии Нижнего Прикамья и времени распространения древнейших керамических традиций // Поволжская археология. 2013. № 1.
11. Радиоуглеродные данные к хронологии неолита лесостепного Поволжья / А.А. Выборнов, К.М. Андреев, М.А. Кулькова, Е.М. Нестеров // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э.: коллективная монография / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск, 2016.
12. Выборнов А.А., Морозов В.В. Радиоуглеродные данные по неолиту Нижнего Прикамья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э.: коллективная монография / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск, 2016.
13. Лычагина Е.Л. Радиоуглеродная хронология неолита Верхнего и Среднего Прикамья и Камско-Вятского междуречья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э.: коллективная монография / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск, 2016.
14. Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара, 2008.
15. Васильева И.Н. Гончарная технология неолитического населения стоянки Лебяжинка I // Самарский научный сборник. 2015. № 3.
16. Выборнов А.А. О центре и периферии камской неолитической культуры // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Ижевск, 2016.

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь*

N.S. Batueva, E.L. Lychagina

TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL ANALYSES OF THE NEOLITHIC POTTERY OF KAMA CULTURE (BASED ON THE POTTERY OF SITES OF THE UPPER AND MIDDLE KAMA REGION)

Summary

The article investigates the results of the technical, technological and typological analyses of the pottery of the Kama culture. The shards of 105 vessels from 10 sites of the Kama culture were subjected to analysis. As a result, ceramic traditions of the Kama culture were singled out.

The technological analysis has shown that the usage of clays and silty clays was typical for vessels manufacture of this period. Both dry and wet raw materials were used. The paste remained unchanged: clay and chamotti mixed with organic solution. Pottery of the Kama culture is characterized by half-egg-shape forms with a slightly rounded or conical bottom and a slightly narrowed neck. The outer surface of all pots was densely decorated; it included comb stamp's impressions along with rounded impressions. The patterns consisted of impressions of "walking comb", zig-zag, vertical, inclined and horizontal lines of the stamp.

*Perm State Humanitarian-Pedagogical University,
24, Sibirskaya St., Perm, 614990,
Russia*

*N.S. Batueva – E-mail: nadiabat@yandex.ru
E.L. Lychagina – E-mail: LychaginaE@mail.ru*

Р.В. Смольянинов, А.А. Куличков, А.Ю. Клоков

КЕРАМИКА С ПОСЕЛЕНИЯ ДОБРОЕ 4 (ПУНКТ 385) НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

Данная публикация посвящена рассмотрению керамических коллекций неолита и энеолита с поселения Доброе 4 (пункт 385) на Верхнем Дону. Все даты в статье даны в калиброванных значениях (CalBC). Памятник находится на останце первой надпойменной террасы правого берега р. Воронеж у с. Доброе Липецкой области. А.Ю. Клоковым в 1987 году на нём исследовано около 100 кв. м. Керамические комплексы в этой статье представлены обломками сосудов десяти культур и культурных типов.

Анализ орнамента производился по методике, предложенной Ю.Б. Цетлиным. Им выделяются следующие стилистические уровни орнамента: элемент, узор, мотив, образ и композиция [1]. Но в связи со значительной фрагментированностью некоторых групп керамики в определённых случаях мы ограничимся только первыми тремя стилистическими уровнями. Выделение технологической информации производилось при помощи бинокулярного микроскопа в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским [2], и выделенной им структуры гончарного производства, состоящей из десяти обязательных и двух дополнительных ступеней, которые объединены в три последовательные стадии: подготовительную, созидательную и закрепительную [3, с. 9–11]. Характеристика форм сосудов ввиду значительной их фрагментированности и отсутствии целых экземпляров в основном включает описание лишь верхних частей сосудов и днищ.

1. Карамышевская культура. В слое поселения были найдены обломки 17 сосудов. Все они прямостенные, десять из них открытой (рис. 1: 2–5; 2: 1, 3, 4; 3: 1, 6, 8), семь – закрытой (рис. 1: 1; 2: 2, 5, 6; 3: 3–5) формы. Пять венчиков имеют овальную симметричную форму (рис. 1: 1, 2; 2: 5; 3: 1, 8), три – овальную внешне симметричную (рис. 1: 3, 5; 3: 6), три – приострённую симметричную (рис. 2: 2, 3; 3: 5), два – скошенную внешне симметричную (рис. 1: 4; 2: 1), два – овальную внутренне асимметричную (рис. 2: 4; 3: 3), а ещё два – прямую симметричную (рис. 2: 6; 3: 4). Диаметры сосудов по венчикам – 16–28 см, толщина стенок – 5–7 мм. Единственное имеющееся дно уплощено (рис. 3: 10).

Элементы орнамента представлены тремя типами, подразделяющимися на подтипы.

I тип. Ямки и плюсневые вдавления. Подтипы: 1 – круглые, диаметром 4 мм (рис. 1: 1, 2, 4; 2: 1, 2, 4, 6, 7, 9, 17, 18; 3: 1–3, 5, 8, 9, 12), их доля составила 63,8 %; 2 – круглые маленькие, диаметром 2–3 мм (рис. 2: 13; 3: 11) – 7 %; плюсневые вдавления (рис. 3: 7, 8) – 5,3 %.

II тип. Нарезки. Подтипы: 1 – короткие, размеры которых 1–2×5–10 мм (рис. 2: 5; 3: 9), – 3,6 %; 2 – длинные, размерами 1–2×20–30 мм и более (рис. 2: 8–10) – 5,3 %.

III тип. Наколы. Подтипы: 1 – треугольные (рис. 3: 13), их доля составляет 3,5 %; 2 – овальные (рис. 2: 11, 14, 15) – 11,5 %.

На керамике зафиксированы пять орнаментальных узоров: 1) два параллельных ряда из шести ямок, расположенных вертикально (рис. 1: 2); 2) ямки, образующие круг (рис. 2: 7); 3) диагональные ряды плюсневых вдавлений, образующие параллелограмм (рис. 3: 7); 4) вертикальные ряды коротких нарезок, образующие прямоугольник (рис. 3: 9); 5) ряды мелких ямок, образующие квадрат (рис. 3: 11).

Простые мотивы из элементов орнамента делятся на четыре типа, три из которых подразделяются на подтипы.

I тип. Мотивы из ямок. Подтипы: 1 – один горизонтальный ряд ямок (рис. 1: 1, 2, 4; 2: 1, 2, 4, 9, 13, 17; 3: 1, 3, 5, 8, 12), наносился в 25,6 % случаев; 2 – два горизонтальных ряда ямок (рис. 2: 6; 3: 2) – 6,4 %; 3 – три горизонтальных ряда ямок (рис. 2: 18) – 3,2 %; 4 – один горизонтальный ряд плюсневых вдавлений (рис. 3: 7) – 1,4 %; 5 – три горизонтальных ряда плюсневых вдавлений (рис. 3: 8) – 4,6 %.

II тип. Мотивы из нарезок. Подтипы: 1 – короткие нарезки, расположенные вертикально, нанесённые в два горизонтальных ряда (рис. 2: 5), составили 2,2 %; 2 – горизонтальный пояс из одного ряда длинных нарезок, расположенных диагонально (рис. 2: 8, 10), – 4,8 %.

III тип. Мотивы из наколов. Подтипы: 1 – один горизонтальный ряд отдельных треугольных наколов (рис. 3: 13), представлен в 3,6 % случаев; 2 – три горизонтальных ряда овальных наколов, нанесённых в отступающей манере (рис. 2: 15), – 4 %; 5 – более трёх горизонтальных рядов овальных наколов, нанесённых в отступающей манере (рис. 2: 14), – 3,2 %.

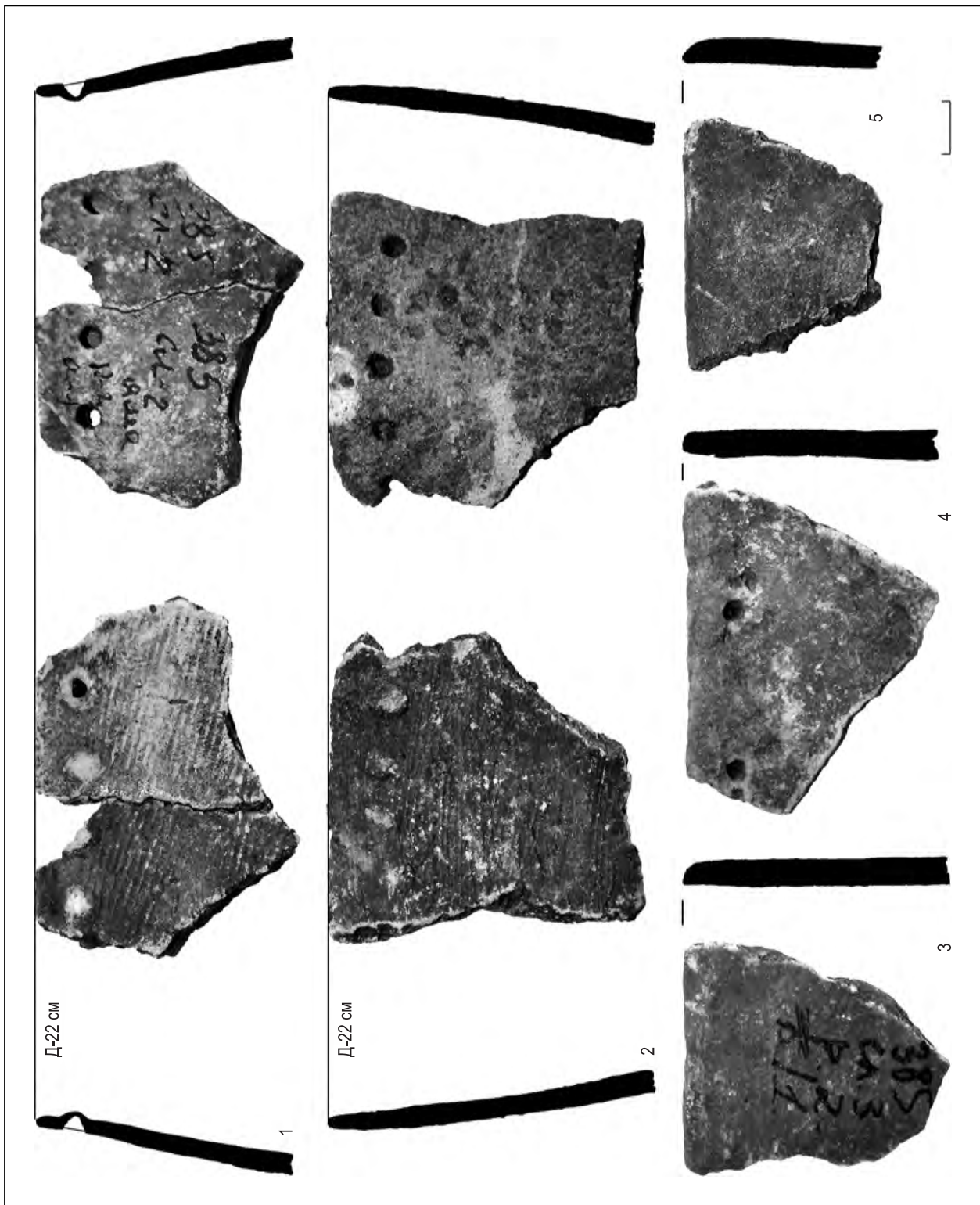

Рис. 1. Поселение Доброе 4 (пункт 385). Керамика карамышевской культуры

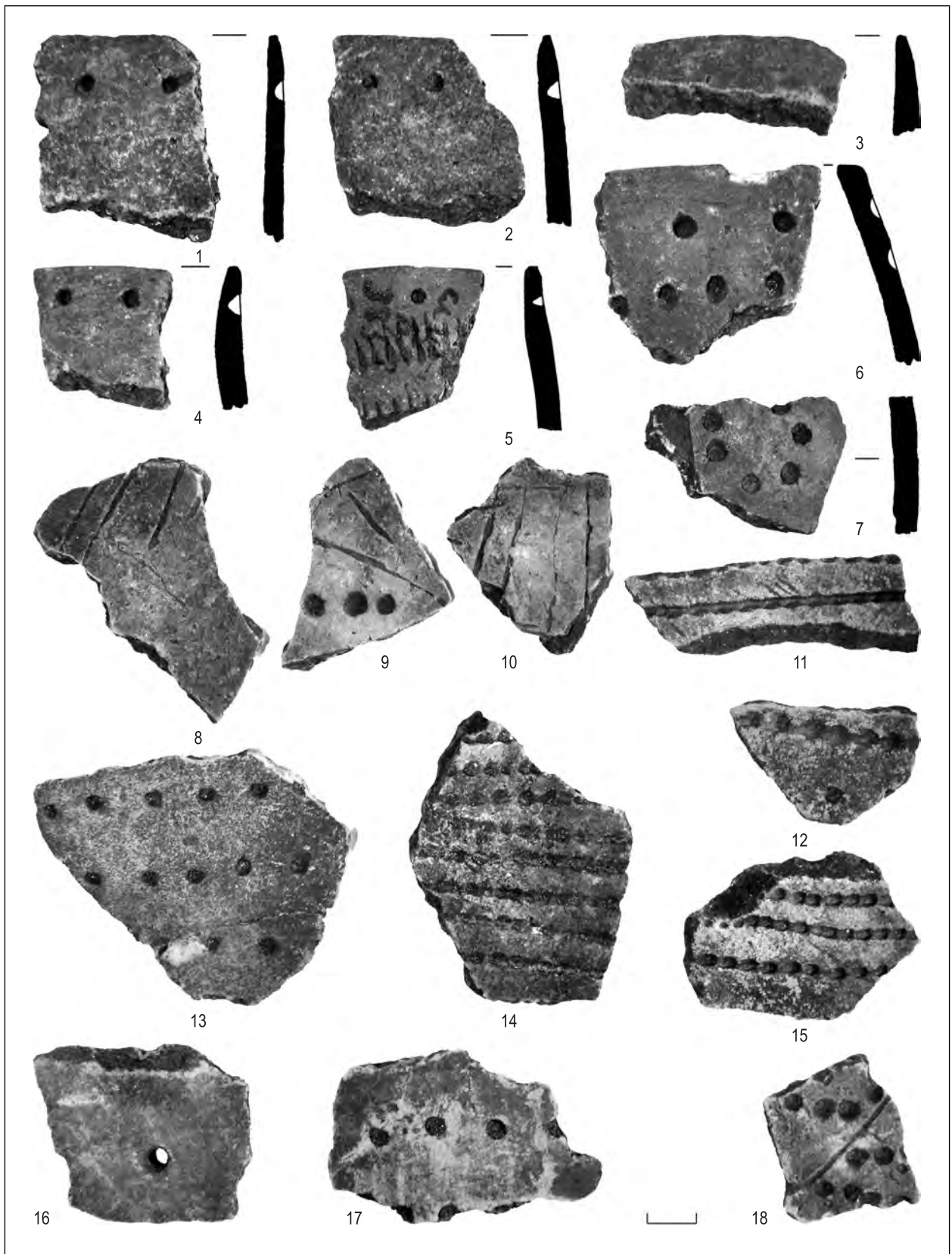

Рис. 2. Поселение Доброе 4 (пункт 385). Керамика карамышевской культуры

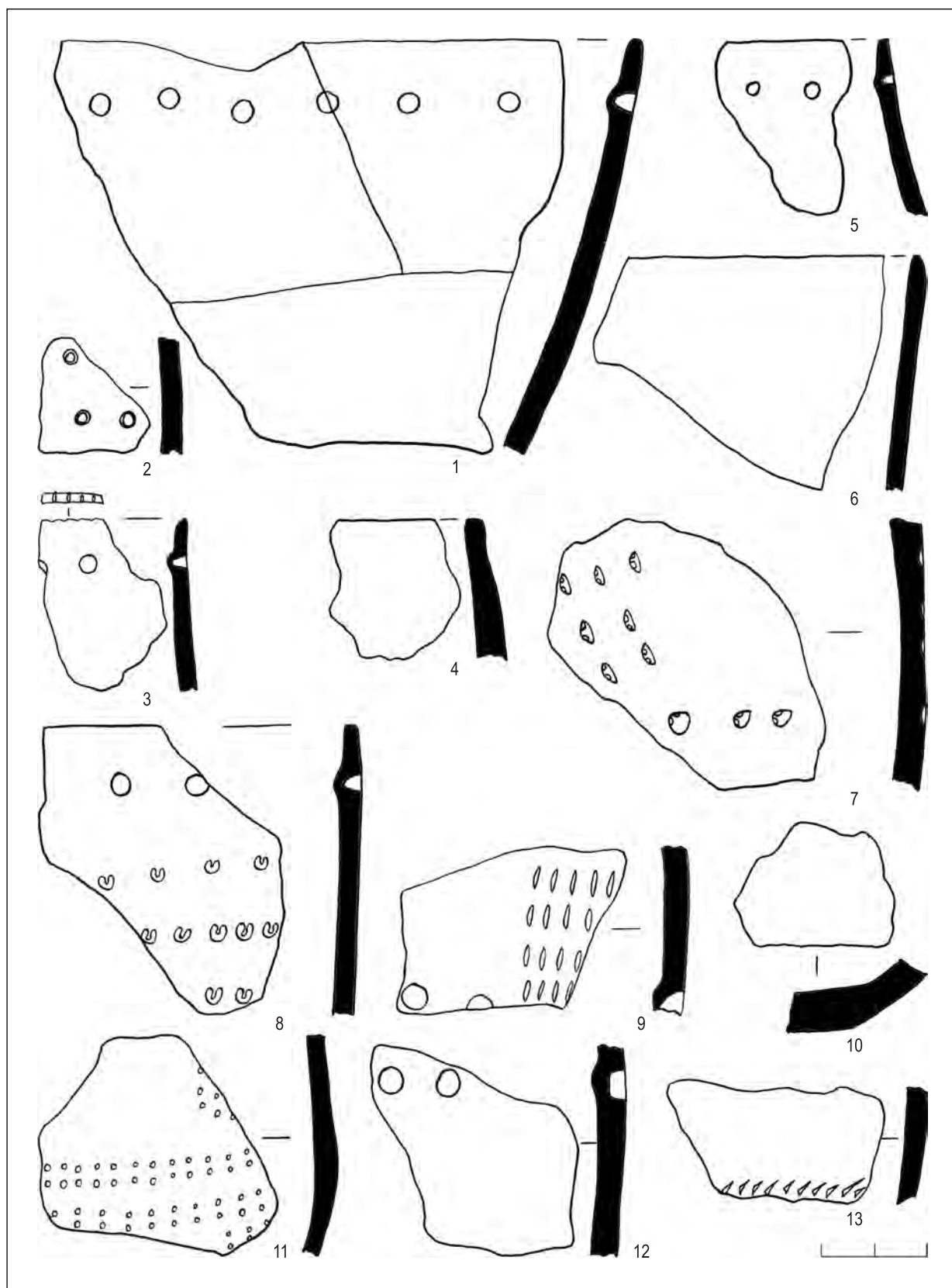

Рис. 3. Поселение Доброе 4 (пункт 385). Керамика карамышевской культуры

IV тип. Мотивы из зон без орнамента (рис. 1; 2: 1–4, 8, 13, 16, 17; 3: 1, 3–13). Доля их в орнаментации на сосудах составила 40 %.

На керамике карамышевской культуры с поселения Доброе 4 (пункт 385) выявлены три сложных пересекающихся (по терминологии Ю.Б. Цетлина [1, с. 23–25]) мотива: первый – чередование узора № 3 с одним горизонтальным рядом плюсовых вдавлений на фоне зон без орнамента (рис. 3: 7); второй – горизонтальный пояс из узора № 4 и горизонтального ряда ямок между зонами без орнамента (рис. 3: 9); третий – чередование узора № 5 и зон без орнамента (рис. 3: 11).

Нами проанализированы фрагменты всех 17 сосудов карамышевской культуры. Было выявлено, что в качестве исходного сырья (далее ИПС) для изготовления 14 сосудов использовалась илистая глина [3], а трёх сосудов – ил. С целью определения ожелезнённости сырья небольшие обломки каждого сосуда были нагреты в муфельной печи до 850°C, в результате чего было выяснено, что все сосуды изготавливались из ожелезнённого сырья. При дожигании в муфеле они приобрели кирпично-красный (5 обр.) и оранжевый (12 обр.) цвета. В образцах, изготовленных из ила, встречены полуразложившиеся фрагменты раковин речных моллюсков размером 0,3–2 мм в концентрации, не превышающей 10–15 включений на кв. см (рис. 21: 4). За исключением примеси раковины по содержанию и характеру естественных примесей ил, использованный для изготовления сосудов карамышевской культуры, идентичен илистой глине. Во всех 17 образцах единично встречены полости от выгоревшей органики: листьев, стебельков растений, нитевидных водорослей. Сырьё – чаще слабо, реже – среднезапесоченное. В среднезапесоченных образцах встречается кварцевый окатанный песок размером 0,2–0,4 мм в концентрации 1:6–1:7. В девяти образцах отмечены твёрдые железистые частицы округлой формы размером от 0,4 до 3 мм. В тесте пяти сосудов встречаются комочки высокопластичной непромешанной глины серого цвета размером от 0,2 до 2,5 мм. Сырьё всех карамышевских сосудов использовалось в естественном увлажнённом состоянии, признаки дробления не зафиксированы.

Вся посуда данной группы была изготовлена способом скульптурной лепки. Зафиксированы признаки конструирования сосудов по ёмкостно-донной программе, кувальцевым налепом из лоскутков размерами от 2×2, 2,5×2,5 до 3×3 см. Выявлены три способа обработки поверхностей: 1 – внешняя поверхность тщательно заглажена грубо выделанной кожей, а внутренняя расчёсана пучком травы (3 обр.); 2 – внешняя сначала расчёсана пучком травы, а затем тщательно заглажена, внутренняя тщательно заглажена грубо выделанной кожей (9 обр.); 3 – внешняя тщательно заглажена грубо выделанной кожей, а внутренняя сначала расчёсана пучком травы, а затем тщательно заглажена (5 обр.).

В качестве приёма придания керамике прочности и влагонепроницаемости применялся обжиг. Механическая прочность сосудов средняя или чуть выше средней. Окраска изломов фрагментов сосудов одно (3 обр.)-, двух (4 обр.)- или трёхслойная (10 обр.). Слои равномерные по толщине, границы между ними у девяти образцов слегка “размыты”, что свидетельствует о том, что сосуды некоторое время оставались остывать в обжиговом устройстве. У пяти образцов они чёткие, что свидетельствует в пользу того, что сосуды были извлечены сразу же после окончания обжига. Полученные данные позволяют предполагать костровой обжиг с недостаточной продолжительной выдержкой при температурах каления 650–700°C, но с плавным повышением и последующим понижением температур, что отразилось в равномерной толщине слоёв. В то же время наличие насквозь прокалённых изломов сосудов свидетельствует о существовании способа термической обработки с более длительной выдержкой при высоких температурах.

Ранняя позиция керамики карамышевской культуры в кругу неолитических древностей региона была подтверждена рядом радиоуглеродных дат от начала VI до первой половины V тыс. до н.э. (CalBC) [4].

2. Среднедонская неолитическая культура представлена фрагментами 38 сосудов. 27 из них – прямостенные, 11 имеют лёгкую степень профилировки, шесть открытой (рис. 8: 1, 4–6; 9: 2, 9), 32 закрытой (рис. 4–7; 8: 2, 3; 9: 1, 4–8) формы. 16 венчиков имеют овальную симметричную форму (рис. 4: 1, 3–5, 10; 6: 1; 7: 4, 5, 10, 14; 8: 4; 9: 2, 5, 6, 9), семь – овальную внутренне асимметричную (рис. 4: 6; 7: 1, 12; 8: 1, 3, 5; 9: 1), шесть – овальную внешне симметричную (рис. 4: 2; 5: 1; 7: 7; 8: 2, 6; 9: 7), четыре – скошенную внешне симметричную (рис. 7: 6, 8, 11; 9: 8), два – приострённую внутренне асимметричную (рис. 4: 8; 7: 9), два – острую симметричную (рис. 6: 3; 9: 4), а ещё один – прямую симметричную (рис. 7: 2). Диаметры сосудов по венчикам – от 10 до 42 см, толщина стенок 4–8 мм. Все имеющиеся днища острые (рис. 4: 13; 6: 2; 7: 3; 8: 7, 9; 9: 3).

Элементы орнамента представлены тремя типами, два из которых подразделяются на подтипы.

I тип. Наколы. Подтипы: 1 – мелкие треугольные наборы (рис. 5: 1, 3, 5, 8, 11; 6: 1, 3, 4; 7: 1–4, 6, 8, 10–12; 8: 1–6, 8; 9: 1, 3–5, 7–11) – 42,4 %; 2 – крупные треугольные наборы (рис. 9: 8) – 0,8 %; 3 – овальные наборы (рис. 6: 2; 7: 9) – 3,2 %; 4 – скобовидные наборы (рис. 5: 10; 8: 9) – 4,8 %; 5 – спаренные наборы (рис. 5: 7), их доля составляет 1,6 %.

II тип. Оттиски гребенчатого штампа. Короткие, размерами 1–2×8–10 мм (рис. 7: 4; 9: 10) – 18,4 %.

III тип. Ямки и плюсовые вдавления. Подтипы: 1 – круглые, диаметром 4–5 мм (рис. 4: 1, 2, 4, 8, 10; 5: 1; 6: 3; 7: 1, 4–10, 13; 8: 2, 4, 5, 6; 9: 1, 2, 5–7, 9) – 20 %; 2 – округлые мелкие, диаметром 2–3 мм (рис. 8: 3; 9: 2) – 3,2 %; 3 – спаренные ямки (рис. 5: 9; 7: 7; 9: 6) – 4 %; 4 – плюсовые вдавления (рис. 7: 14) – 1,6 %.

На керамике выявлены десять узоров орнамента: 1) два параллельных, диагонально расположенных ряда гребенчатых вдавлений (рис. 4: 1, 7); 2) диагонально расположенный ряд мелких треугольных наколов (рис. 5: 1); 3) два диагонально расположенных ряда мелких треугольных наколов (рис. 6: 1; 8: 3); 4) три диагонально расположенных ряда мелких треугольных наколов (рис. 6: 1; 9: 8); 5) две группы наколов по три ряда, диагонально расположенных и образующих букву «V» (рис. 5: 3); 6) шесть рядов наколов, расположен-

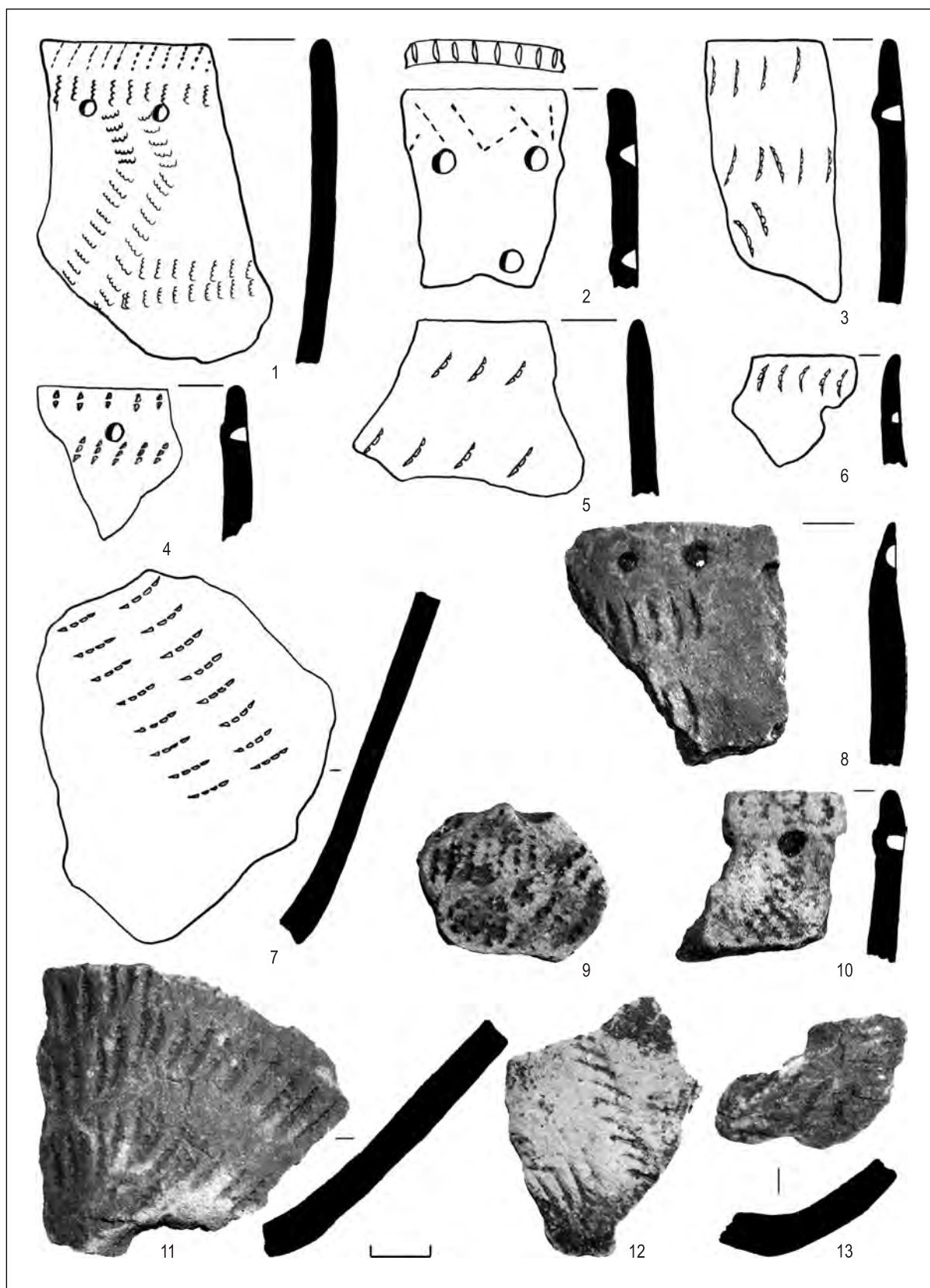

Рис. 4. Поселение Доброе 4 (пункт 385). Гребенчатая керамика среднедонской культуры

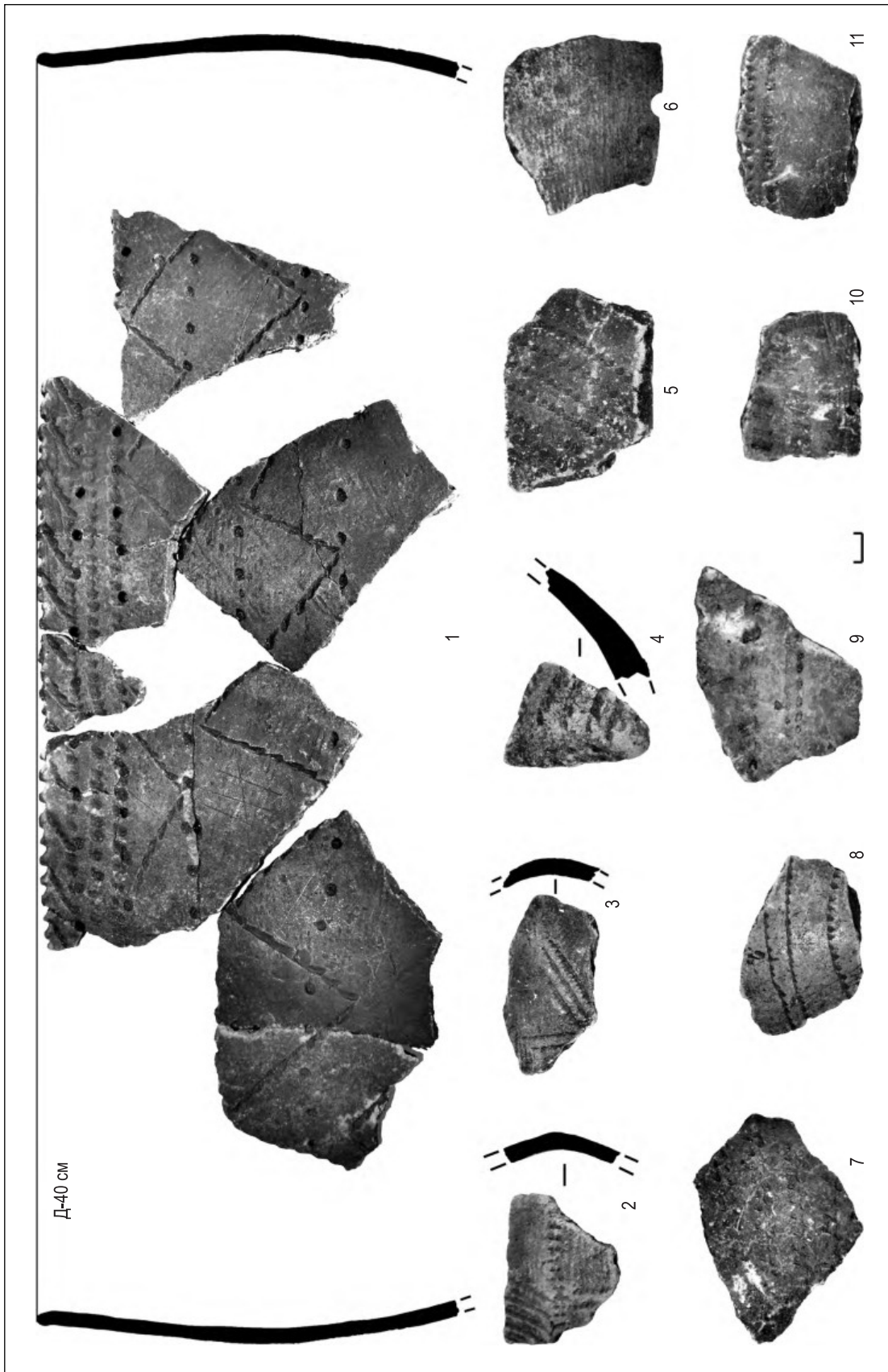

Рис. 5. Поселение Доброе 4 (пункт 385). Керамика среднедонской культуры

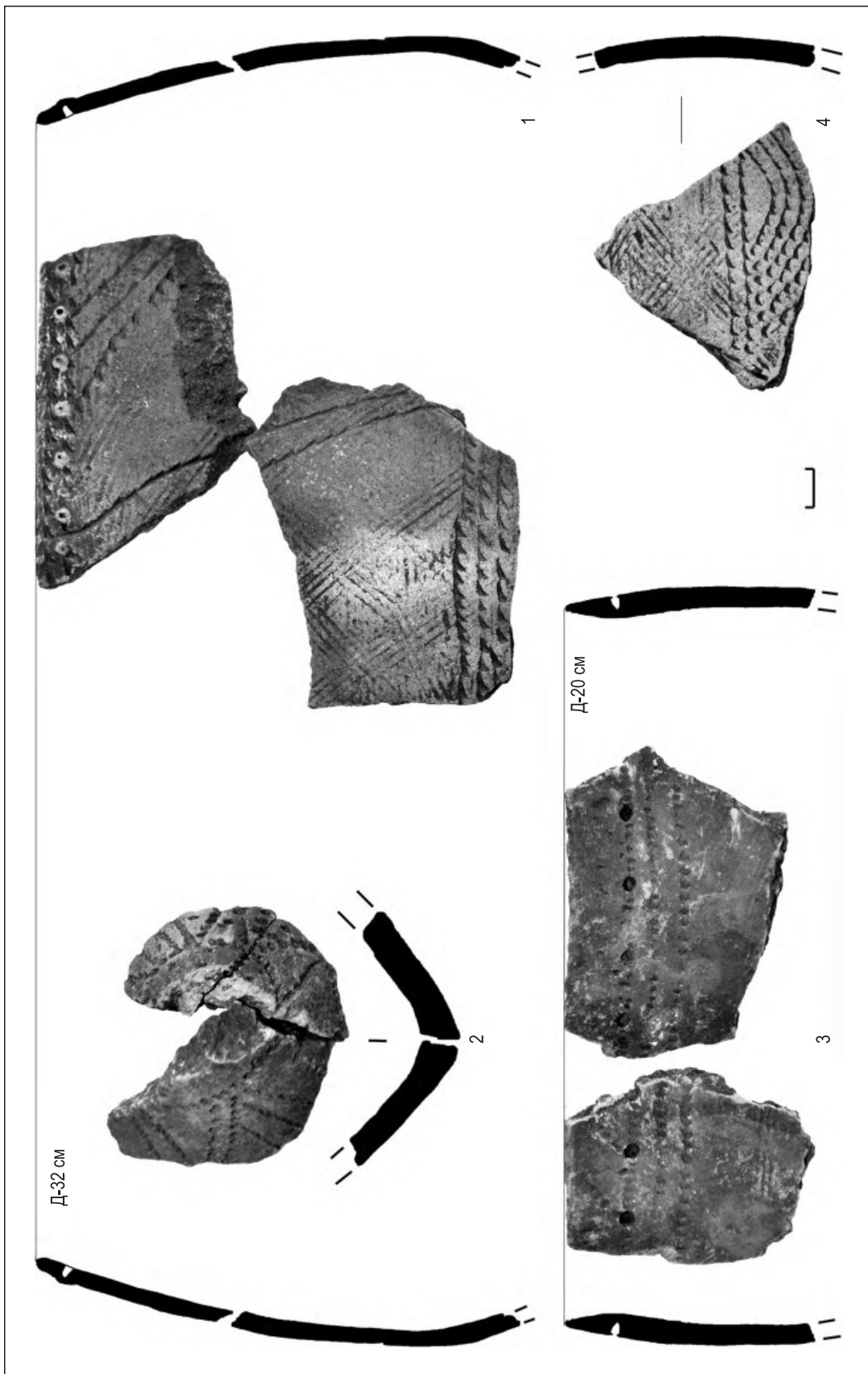

Рис. 6. Поселение Доброе 4 (пункт 385). Керамика среднедонской культуры

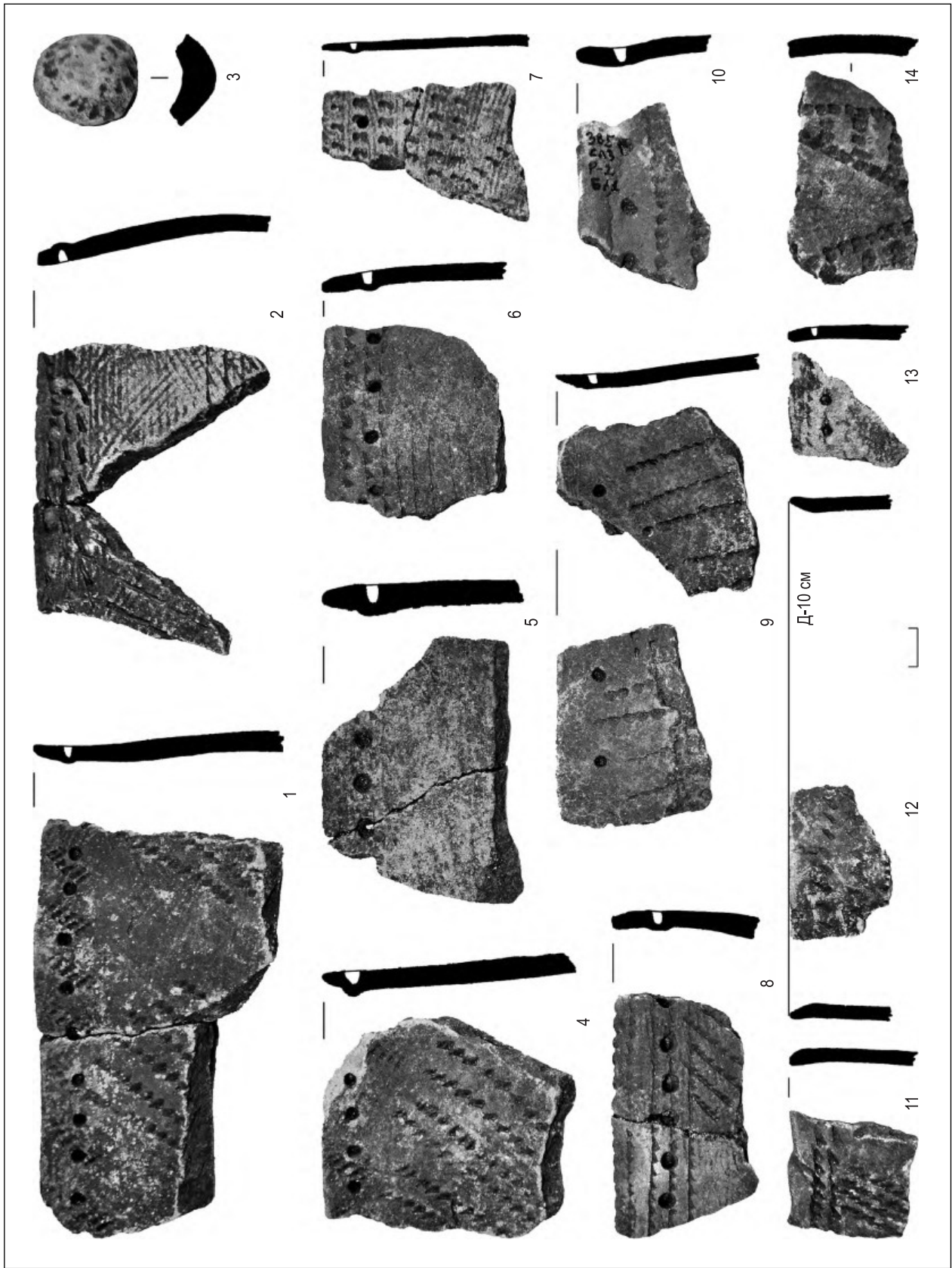

Рис. 7. Поселение Доброс 4 (пункт 385). Керамика среднедонской культуры

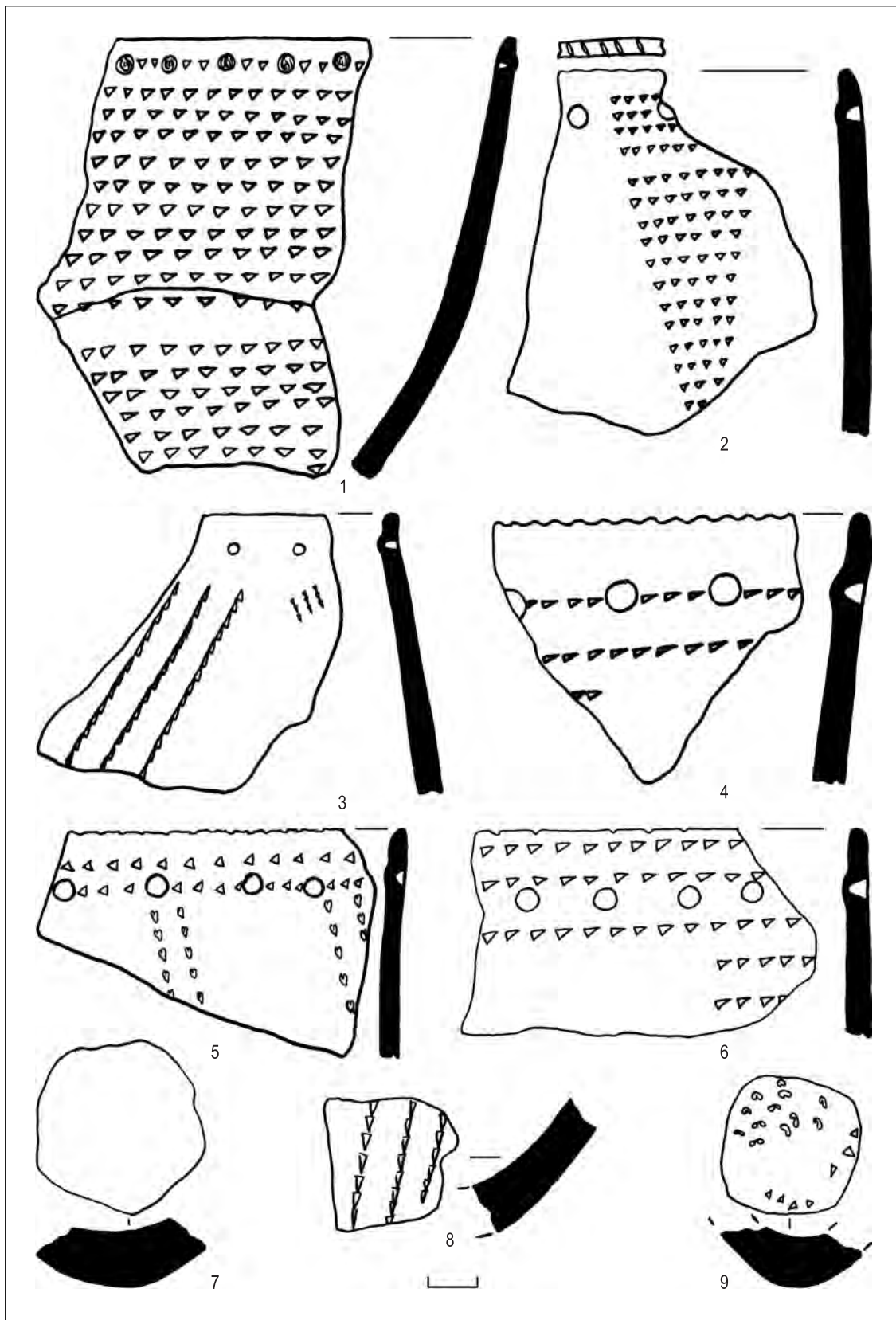

Рис. 8. Поселение Доброе 4 (пункт 385). Керамика среднедонской культуры

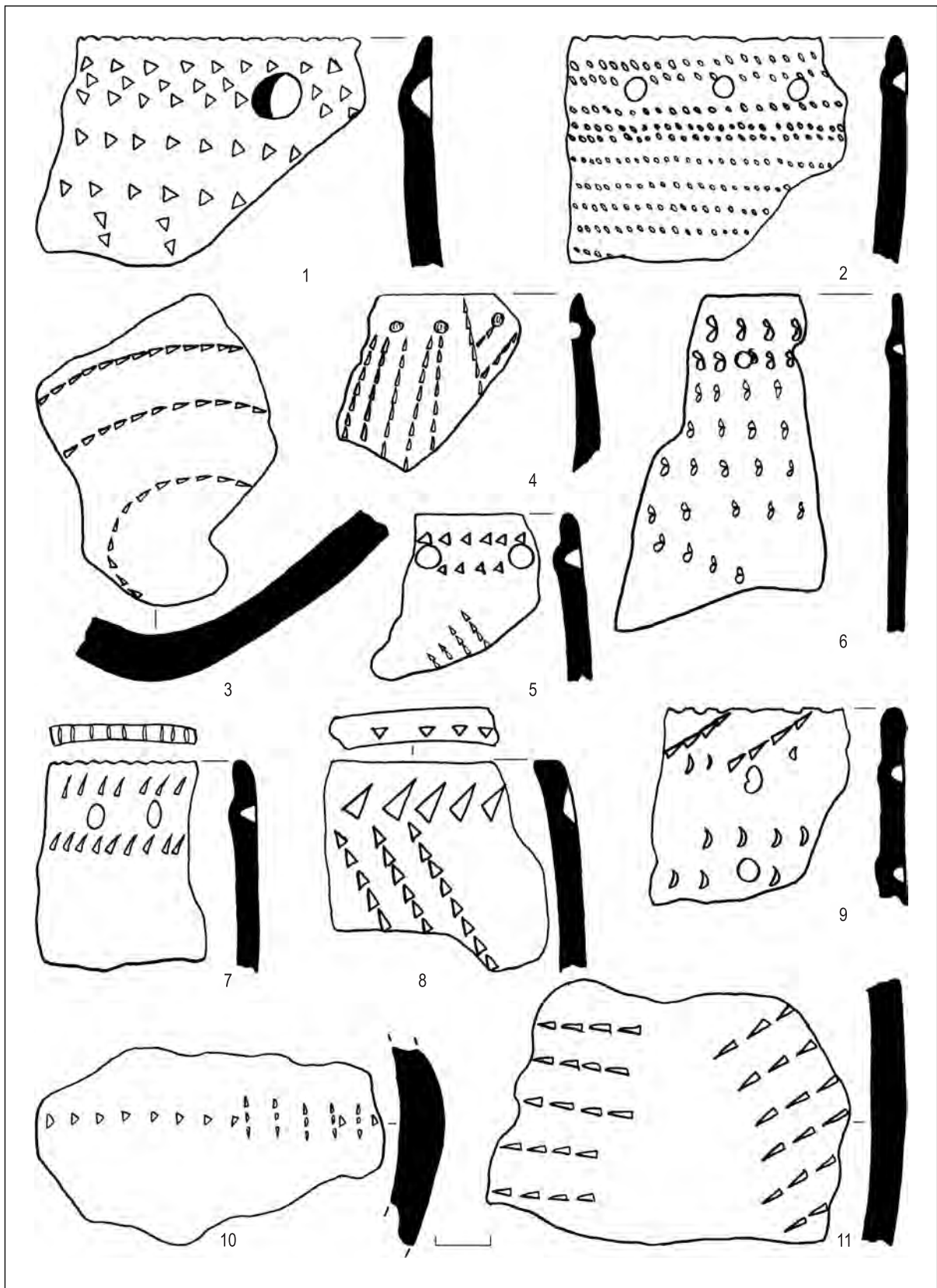

Рис. 9. Поселение Доброе 4 (пункт 385). Керамика среднедонской культуры

ных по дуге параллельно друг другу (рис. 4: 6); 7) несколько рядов наколов, расположенных диагонально относительно оси сосуда и параллельно друг другу, образующих при этом параллелограмм (рис. 5: 2, 5; 7: 1, 8, 11; 9: 5); 8) треугольник из горизонтальных рядов треугольных наколов вершиной вниз (рис. 8: 2); 9) треугольник, состоящий из двух вертикально поставленных рядов плюсовых вдавлений, внутри заполненный неорнаментированными участками и горизонтальными линиями плюсовых оттисков (рис. 7: 14); 10) две короткие параллельные горизонтальные линии из оттисков гребенчатого штампа (рис. 4: 1, 8).

Простые мотивы из элементов орнамента на керамике среднедонской культуры делятся на четыре типа, три из которых подразделяются на подтипы.

I тип. Мотивы из наколов. Подтипы: 1 – один горизонтальный ряд из наколов (рис. 5: 8; 8: 4–6; 9: 3, 7, 8), наносился в 11,2 % случаев; 2 – два горизонтальных ряда наколов (рис. 5: 8, 11; 6: 1, 3, 4; 7: 2, 8, 10, 11; 8: 6) – 17,6 %; 3 – три горизонтальных ряда наколов (рис. 6: 1) – 3,9 %; 4 – более трёх горизонтальных рядов наколов (рис. 5: 7; 8: 1; 9: 1) – 10,4 %.

II тип. Мотивы из оттисков гребенчатого штампа. Подтипы: 1 – один горизонтальный ряд из гребенчатых вдавлений (рис. 4: 4, 6), наносился в 13 % случаев; 2 – три горизонтальных ряда отпечатков гребенчатого штампа (рис. 4: 11) – 2,6 %.

III тип. Мотивы из ямок. Подтипы: 1 – один горизонтальный ряд из ямок (рис. 4: 8, 10; 5: 1; 7: 4, 5, 10, 13; 8: 6; 9: 2, 7), представлен в 13,8 % случаев; 2 – более трёх рядов ямок (рис. 9: 2) – 1,3 %; 3 – два горизонтальных ряда спаренных ямок (рис. 5: 9) – 2,6 %; 4 – более трёх горизонтальных рядов спаренных ямок (рис. 7: 7; 9: 6) – 5,2 %.

IV тип. Мотивы из зон без орнамента (рис. 4: 2; 5: 1, 2, 6, 8–11; 6: 1, 3, 4; 7: 5; 8: 7; 9: 3, 7). Доля их в орнаментации на сосудах составила 18,4 %.

Сложные объединяющиеся (по терминологии Ю.Б. Цетлина [1, с. 23–25]) мотивы представлены горизонтальными линиями из ямок, между которыми находятся несколько наколов (рис. 6: 3; 7: 6, 8; 8: 4, 5), а также чередованием узоров №№ 1–10 и зон без орнамента.

Сложный пересекающийся мотив выявлен только на одном сосуде, он представлен в виде глубоких ямок, поверх которых нанесены неглубокие ямки (рис. 5: 1).

К простым двойным образам орнамента относится сочетание мотивов из гребенчатых оттисков, рядов наколов, ямок, спаренных ямок с зонами без орнамента (рис. 4: 3; 5: 8–11; 7: 5; 9: 3).

К сложным двойным образам орнамента относятся сочетания простого мотива из одного ряда ямок и: 1) сложного объединяющегося мотива из зоны без орнамента и узора № 10 (рис. 4: 8); 2) сложного объединяющегося мотива из зоны без орнамента и узора № 1 (рис. 4: 10); 3) сложного объединяющегося мотива из зоны без орнамента и узора № 7 (рис. 7: 9; 8: 3). Отмечено сочетание простых мотивов из наколов и сложного объединяющегося мотива из зоны без орнамента и узора № 7 (рис. 7: 11; 9: 8).

К простым тройным образам орнамента относится сочетание: 1) простых мотивов из оттисков гребенчатого штампа, ямок и зон без орнамента (рис. 4: 2, 4); 2) простых мотивов из наколов, ямок и зон без орнамента (рис. 9: 7).

К сложным тройным симметричным образам относится сложный объединяющийся мотив из зон без орнамента, узоров № 3 и № 4, сверху и снизу ограниченный простыми мотивами из наколов (рис. 6: 1; 7: 2).

К сложным тройным асимметричным образам относится сочетание сложного объединяющегося мотива, представленного горизонтальными линиями из ямок, между которыми находятся несколько наколов, простых мотивов из наколов со сложными объединяющимися мотивами из зон без орнамента и узоров № 3 и № 7 (рис. 7: 6, 8; 8: 4, 5).

Были проанализированы фрагменты всех 38 сосудов среднедонской культуры. В качестве ИПС для изготовления всех сосудов использовалась средне- или слабозапесоченная илистая глина, 21 образец был изготовлен из ожелезнённого, 17 из неожелезнённого сырья. Во всех изломах в единичной концентрации встречены следы органики в виде полостей от выгоревшей растительности (листьев и стебельков растений), различных по форме и размеру. В среднезапесоченных образцах встречается кварцевый окатанный песок размером 0,2–0,4 мм в концентрации 1:7–1:8. В 29 образцах отмечены твёрдые железистые частицы округлой формы диаметром до 4 мм (рис. 22: 1). Сырьё всех среднедонских сосудов использовалось в естественном увлажнённом состоянии, дробление не зафиксировано.

Выявлены признаки конструирования сосудов по ёмкостно-донной программе, кольцевым налепом из небольших лоскутков размерами от 2×2 до 2,5×2,5 см. Отмечены три способа обработки поверхностей: 1 – внешняя расчёсана пучком травы, внутренняя – тщательно заглажена грубо выделанной кожей (13 обр.); 2 – внешняя поверхность тщательно заглажена грубо выделанной кожей, а внутренняя – расчёсана пучком травы (7 обр.); 3 – обе поверхности тщательно заглажены (возможно, галькой) (2 обр.); 4 – внешняя поверхность тщательно заглажена (возможно, галькой), а внутренняя – расчёсана пучком травы (5 обр.); 5 – внешняя поверхность тщательно заглажена (возможно, галькой), а внутренняя – расчёсана жёстким гребенчатым штампом (11 обр.).

Механическая прочность сосудов средняя. Окраска изломов фрагментов сосудов двух (15 обр.)- или трёхслойная (23 обр.). Слои равномерные по толщине, границы между ними слегка размыты, что свидетельствует о том, что сосуды некоторое время оставались остывать в обжиговом устройстве. У пяти образцов они чёткие, что свидетельствует в пользу того, что сосуды были извлечены сразу же после окончания обжига. Полученные данные позволяют предполагать костровой обжиг с недостаточно продолжительной

выдержкой при температурах каления 650–700°C, но с плавным повышением и последующим понижением температур, что отразилось в равномерной толщине слоёв.

Сейчас на территории лесостепного Подонья к среднедонской культуре отнесены более 100 памятников археологии. Керамика раннего этапа – VI тыс. до н.э. (CaIBC) – синхронна посуде раннего этапа карамышевской культуры. По органике в керамике из нашей коллекции (рис. 7: 8) получена одна радиоуглеродная дата – 6912±120 BP, или 6019–5621 CaIBC (SPb-1287) [4].

3. Керамика раннего этапа льяловской культуры с гребенчато-ямочной орнаментацией представлена фрагментами 14 сосудов. Все они прямостенные, открытой формы. Восемь венчиков имеют овальную внутренне асимметричную (рис. 10: 1, 2, 4), пять – овальную внешне симметричную (рис. 10: 3), один – овальную симметричную форму. Диаметры сосудов по венчикам – от 32 до 38 см, толщина стенок – 4–6 мм. Все имеющиеся днища округлые (рис. 10: 5–9).

Элементы орнамента на гребенчато-ямочной керамике поселения представлены тремя типами, подразделяющимися на шесть подтипов.

I тип. Оттиски гребенчатого штампа. Подтипы: 1 – узкие прямоугольные, размерами 1–2×8–10 мм (рис. 10: 1, 3, 4, 5, 7, 8; 11: 6–8, 19) – 19 %; 2 – нанесённые краем широкого прямоугольного гребенчатого штампа, размерами 2–3×8–10 мм (рис. 11: 1–5, 9–15) – 21,4 %.

II тип. Ямки. Подтипы: 1 – каплевидные, размерами 3–4×5–6 мм (рис. 10: 6; 11: 17), использовались для орнаментации керамики в 5,1 % случаев; 2 – круглые (белемнитные), диаметром 5 мм (рис. 10: 4–9; 11: 1, 5, 9, 14, 15, 17, 18) – 25,6 %; 3 – округлые (диаметром 4–5 мм), нанесённые под небольшим наклоном к поверхности (рис. 10: 1–3; 11: 2–4, 6–8, 10–13, 19), – 27,2 %.

III тип. Оттиски гладкого штампа. Узкие, размерами 1–2×15–20 мм (рис. 10: 2) – 1,7 %.

Простые мотивы из элементов на гребенчато-ямочной керамике делятся на четыре типа, два из которых подразделяются на подтипы.

I тип. Мотивы из оттисков гребенчатого штампа. Подтипы: 1 – один горизонтальный ряд оттисков (рис. 10: 1, 3–5, 7, 8; 11: 2, 6, 7, 8, 9, 11–14, 19) – 28,6 %; 2 – два горизонтальных ряда гребенчатых оттисков (рис. 10: 1; 11: 1–5, 9–15) – 19,8 %; 3 – три горизонтальных ряда оттисков штампов (рис. 10: 1) – 1,7 %.

II тип. Мотивы из ямок. Подтипы: 1 – один горизонтальный ряд ямок (рис. 10: 11: 1–5, 8–15, 17–19), наносился в 33,2 % случаев; 2 – два горизонтальных ряда ямок (рис. 10: 1, 8; 11: 7, 8, 17–19) – 9,4 %; 3 – три горизонтальных ряда ямок (рис. 11: 6, 17) – 1,7 %; 4 – более трёх горизонтальных рядов ямок (рис. 10: 6; 11: 16) – 3,4 %.

III тип. Мотив из оттисков гладкого штампа. Один горизонтальный ряд оттисков (рис. 10: 2) – 1,7 %.

IV тип. Мотивы из зон без орнамента (рис. 10: 9). Доля их в орнаментации на сосудах составила 0,5 %.

Все образы орнамента на гребенчато-ямочной керамике представлены в виде чередования мотивов из ямок и гребенчатых оттисков, а также мотивов из ямок и оттисков гладкого штампа.

Нами проанализированы фрагменты всех 14 сосудов с гребенчато-ямочной орнаментацией. В качестве ИПС для керамики использовалась чаще ожелезненная (9 обр.), реже – неожелезненная (5 обр.) илистая глина. В единичной концентрации встречены полости от выгоревшей органики: листьев, стебельков растений. Сырьё – сильнозапесоченное, с кварцевым окатанным песком размером 0,1–0,5 мм в концентрации 1:4–1:6. В девяти сосудах встречаются рыхлые железистые частицы аморфной формы. Размеры их колеблются от 0,2 до 0,5 мм. В тесте трёх сосудов зафиксированы комочки высокопластичной непромешанной глины светло-серого цвета размером от 0,3 до 1 мм. В формовочной массе всех сосудов имеется примесь остроугольной кварцевой дресвы размером от 0,2 до 3 мм, в концентрации 1:4–1:8 и ниже (рис. 21: 2, 6). В изломах 12 сосудов выявлены тёмные маслянистые пятна диаметром от 0,2 до 1,5 мм, что свидетельствует об использовании органических растворов.

Выявлены признаки конструирования сосудов лоскутным налепом, строительным элементом служили лепёшкообразные лоскутки размерами 3×3 и 3×4 см. Выявлены три способа обработки поверхностей: 1 – заглаживание грубо выделанной кожей; 2 – заглаживание пальцами рук; 3 – расчёсы пучком сырой травы.

Механическая прочность сосудов средняя, у некоторых – низкая. Окраска изломов фрагментов сосудов одно- и двухслойная. Полученные данные позволяют предполагать костровой обжиг с недостаточно продолжительной выдержкой при температурах каления 650–700°C. В то же время наличие насквозь прокалённых изломов сосудов свидетельствует о существовании способа термической обработки с более длительной выдержкой при высоких температурах.

Следует отметить, что технология изготовления, орнаментация и формы гребенчато-ямочной керамики достаточно однородны. Мотивы и элементы орнамента на гребенчато-ямочных сосудах рассматриваемого памятника имеют сходство с мотивами и элементами на керамике раннего этапа льяловской культуры, отличительной чертой является отсутствие отпечатков шнура, намотанного на палочку [5, с. 117–118; 6, с. 243]. Примесь дресвы, характерная для керамики раннего этапа льяловской культуры, в гребенчато-ямочной керамике с поселения Доброе 4 (пункт 385) в разной концентрации встречается в формовочной массе всех сосудов. По аналогии с подмосковными материалами рассматриваемый керамический комплекс можно отнести к раннему этапу льяловской культуры [5, с. 117–118; 6, с. 243].

4. Керамика позднего этапа льяловской культуры с ямочно-гребенчатой орнаментацией представлена 44 сосудами. Все они прямостенные, открытой формы. 13 венчиков имеют овальную симметричную форму (рис. 13: 5; 14: 1, 2, 4), девять – овальную внешне симметричную (рис. 12: 2; 13: 1, 2, 9), пять – прямую симметричную (рис. 14: 3, 5), четыре – приострэнную симметричную (рис. 13: 3, 8), четыре – оваль-

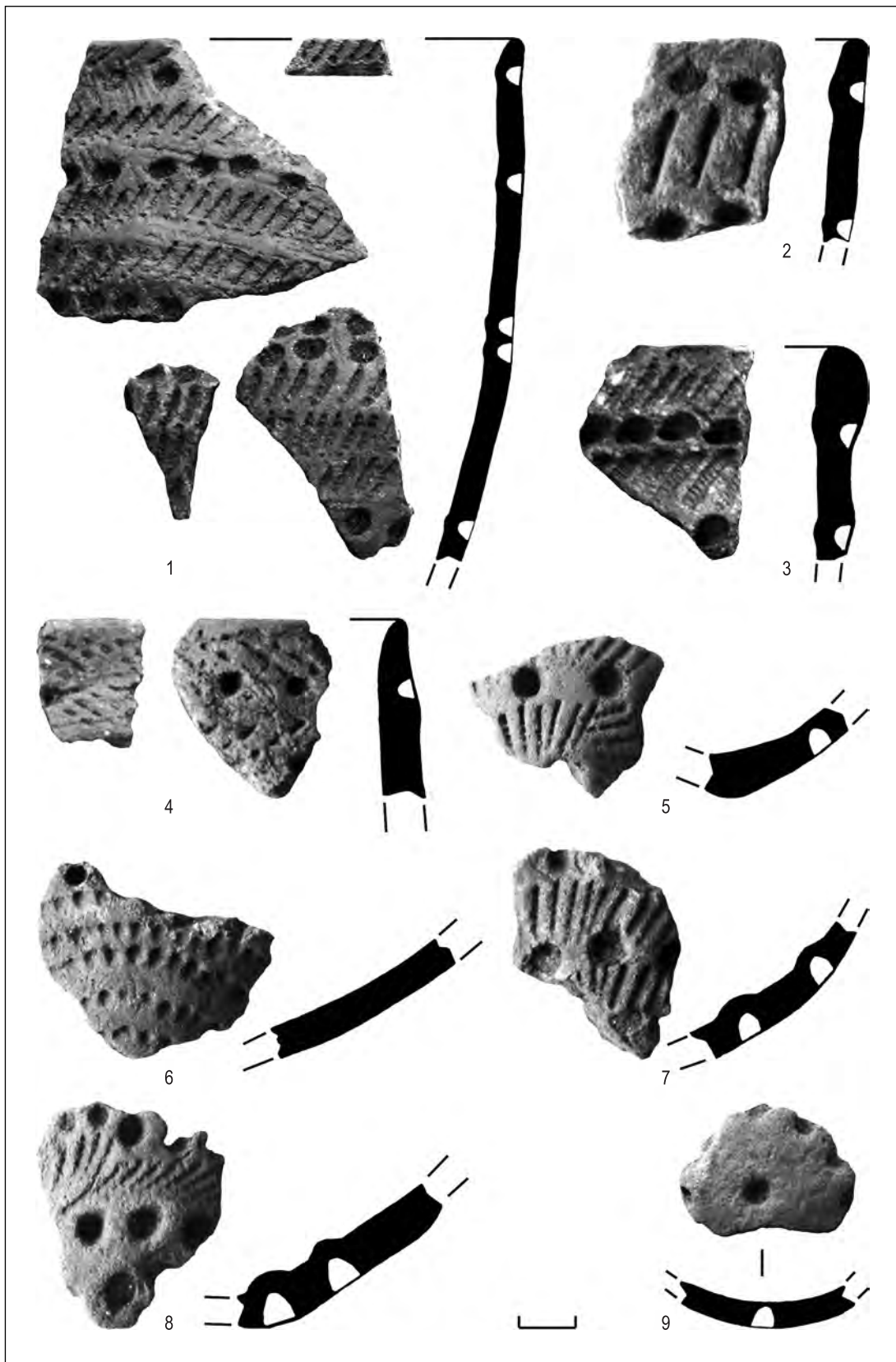

Рис. 10. Поселение Доброе 4 (пункт 385). Гребенчато-ямочная керамика

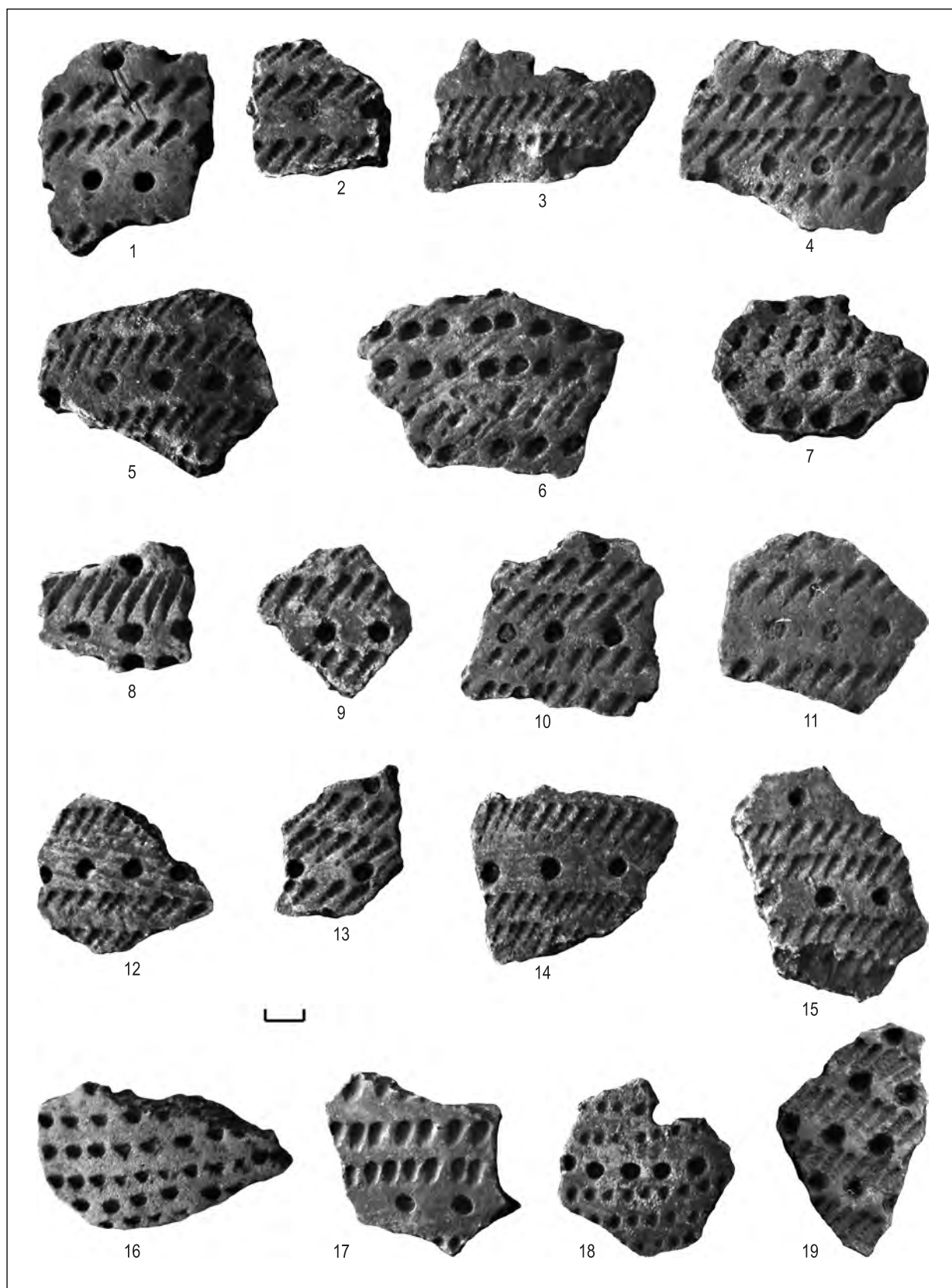

Рис. 11. Поселение Доброе 4 (пункт 385). Гребенчато-ямочная керамика

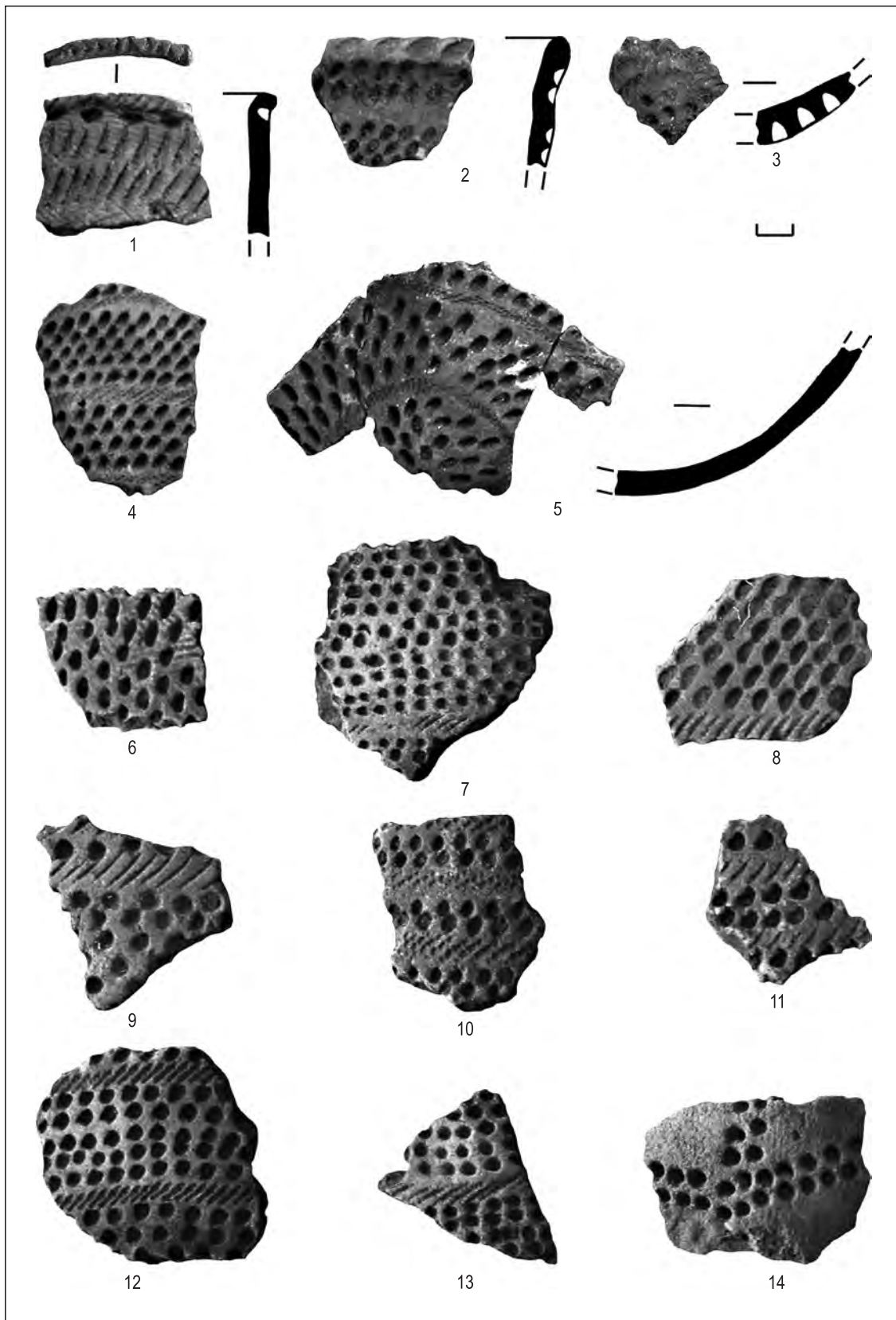

Рис. 12. Поселение Доброе 4 (пункт 385). Ямочно-гребенчатая керамика

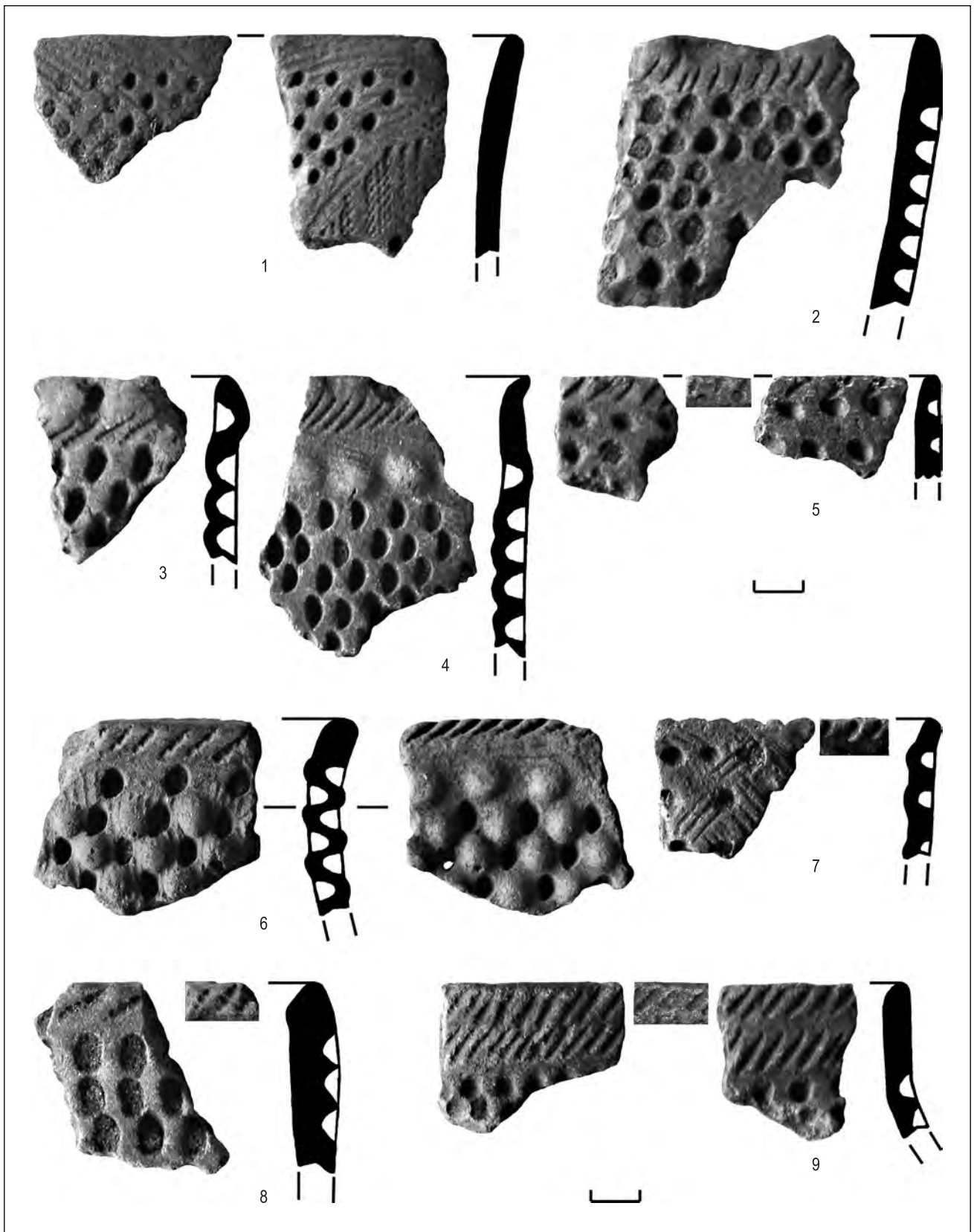

Рис. 13. Поселение Доброе 4 (пункт 385). Ямочно-гребенчатая керамика

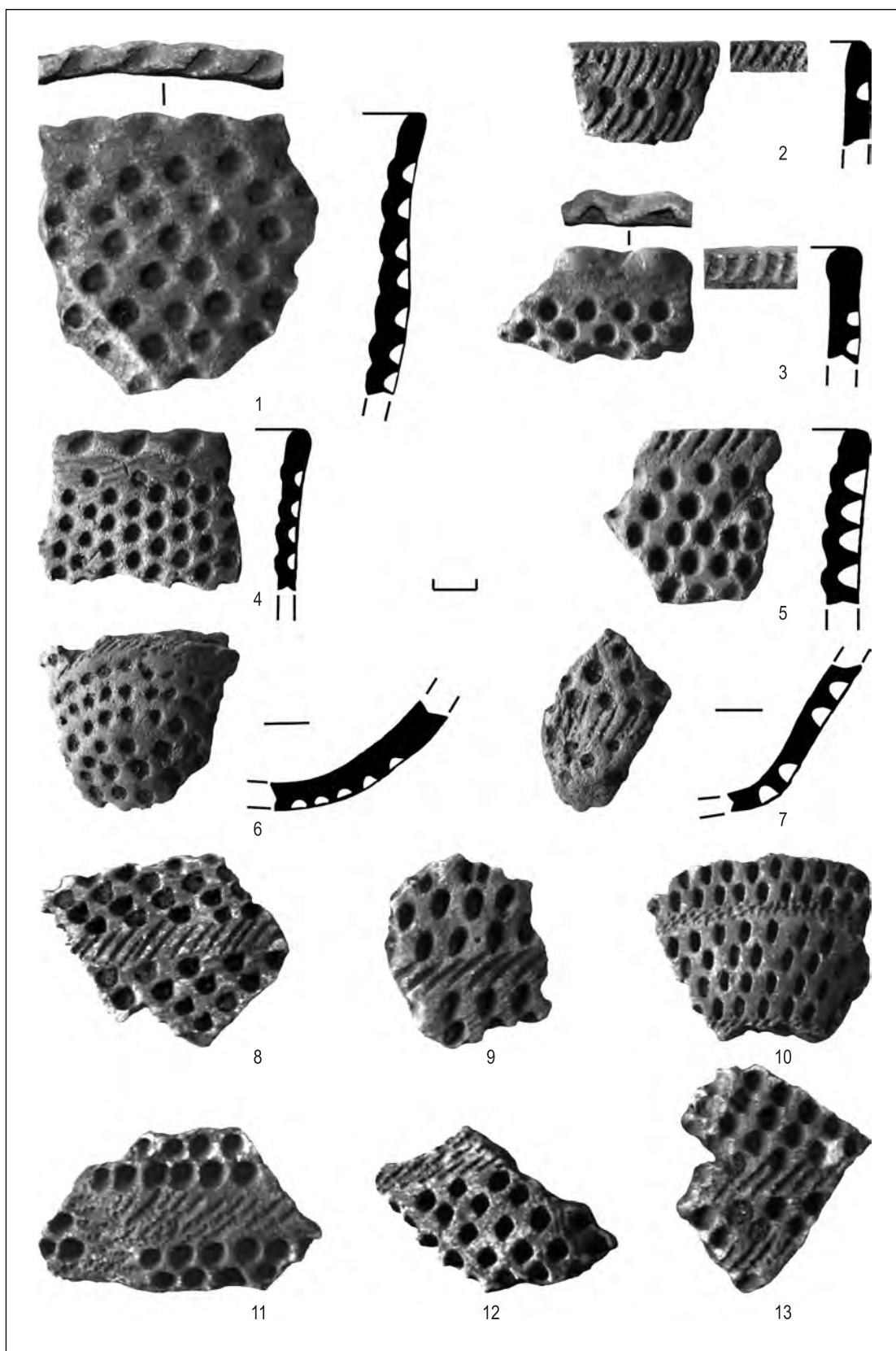

Рис. 14. Поселение Доброе 4 (пункт 385). Ямочно-гребенчатая керамика

ную внутренне асимметричную (рис. 13: 7), три – грибовидную внешне симметричную (рис. 12: 1), три – приотрённую внутренне асимметричную (рис. 13: 4), а ещё три – скошенную внутренне асимметричную (рис. 13: 6). Диаметры сосудов по венчикам – 22–46 см, толщина стенок – 4–8 мм. Все днища – округлые (рис. 12: 3, 5; 14: 6, 7).

Элементы орнамента представлены тремя типами, подразделяющимися на подтипы.

I тип. Ямки. Подтипы: 1 – почковидные, размерами 4–5×6–7 мм (рис. 12: 8; 13: 4), использовались для орнаментации керамики в 3 % случаев; 2 – округлые мелкие, диаметром 2–3 мм (рис. 13: 1) – 2,4 %; 3 – круглые (белемнитные), диаметром 5 мм (рис. 12: 3, 7, 9, 14; 13: 5, 7, 9; 14: 1–4) – 26,1 %; 4 – округлые, нанесённые под небольшим наклоном к поверхности, диаметром 4–5 мм (рис. 12: 1, 2, 4–6, 10–13; 13: 2, 3, 6; 14: 6–9, 11–13) – 34 %; 5 – удлинённые (3×5 мм) (рис. 14: 10) – 1,7 %.

II тип. Оттиски гребенчатого штампа. Подтипы: 1 – узкие прямоугольные, размерами 1–2×8–10 мм (рис. 12: 1, 3–5, 7–13; 13: 3–6, 8, 9; 14: 2, 5–13) – 29,2 %; 2 – длинные, размерами 2–3×20–25 мм (рис. 13: 1) – 1,2 %.

III тип. Нарезки. В орнаментации ямочно-гребенчатой керамики рассматриваемого памятника присутствуют только короткие нарезки длиной 6–8 мм (рис. 13: 2), доля их составляет 2,4 %.

На ямочно-гребенчатой керамике зафиксированы четыре узора: 1) диагонально расположенный ряд длинных гребенчатых оттисков (рис. 13: 1); 2) треугольник из ямок, ориентированный вершиной вниз (рис. 13: 1); 3) три линии из двух параллельных рядов ямок, расходящиеся из одной точки в разные стороны (рис. 12: 14).

Простые мотивы из элементов на ямочно-гребенчатой керамике делятся на четыре типа, два из которых подразделяются на подтипы.

I тип. Мотивы из ямок. Подтипы: 1 – один горизонтальный ряд ямок (рис. 12: 1, 9, 11; 14: 2), наносился в 12,5 % случаев; 2 – два горизонтальных ряда ямок (рис. 12: 2, 10, 11; 13: 9) – 11,9 %; 3 – три горизонтальных ряда ямок (рис. 12: 2, 3, 12; 13: 3, 8; 14: 3, 7, 9) – 14,4 %; 4 – более трёх горизонтальных рядов ямок, диагонально ориентированных относительно вертикальной оси сосуда (рис. 12: 4–9, 12, 13; 13: 4; 14: 1, 4, 6, 10, 12, 13) – 19,7 %.

II тип. Мотивы из оттисков гребенчатого штампа. Подтипы: 1 – гребенчатые вдавления, поставленные в один горизонтальный ряд (рис. 12: 4, 5, 7–13; 13: 3–6, 8; 14: 2, 5–13), составили 35 %; 2 – два горизонтальных ряда гребенчатых вдавлений (рис. 12: 1; 13: 9) – 4 %.

III тип. Мотив из нарезок. Представлен одним горизонтальным рядом нарезок (рис. 13: 2) – 2 %.

IV тип. Мотивы из зон без орнамента (рис. 12: 14). Доля их в орнаментации на сосудах составила 0,5 %.

Все образы на ямочно-гребенчатой керамике представлены в виде чередования мотивов из ямок и гребенчатых оттисков, ямок и нарезок, а также сочетанием узоров друг с другом и мотивов из зон без орнамента.

Данная ямочно-гребенчатая керамика поселения Доброе 4 (пункт 385) близка по морфологическим и технологическим признакам к позднеьяловской [6].

5. Также на памятнике были найдены **фрагменты шести сосудов с гибридной накольчато-ямочной орнаментацией**. Все сосуды прямостенные, открытой формы. Четыре венчика имеют овальную симметричную (рис. 15: 1, 2), два – овальную внешне симметричную форму. Диаметры сосудов по венчикам – от 32 до 44 см, толщина стенок – 5–7 мм.

На накольчато-ямочной керамике выделены десять элементов орнамента, которые образуют три типа, в свою очередь подразделяющиеся на подтипы.

I тип. Ямки. Подтипы: 1 – овальные с округлым дном, размерами 3×5 мм (рис. 15: 8) – 11 %; 2 – округлые мелкие, диаметром 2–3 мм (рис. 15: 1) – 8 %; 3 – круглые (белемнитные), диаметром 5 мм (рис. 15: 3, 5, 9) – 19 %; 4 – округлые, нанесённые под небольшим наклоном к поверхности, диаметром 4–5 мм (рис. 15: 2, 4, 6, 7, 10) – 8 %.

II тип. Наколы. Подтипы: 1 – мелкие наколы треугольной формы (рис. 15: 4, 6, 8, 10). Доля использования их при орнаментации сосудов на поселении Доброе 4 – 24 %; 2 – овальные (рис. 15: 1, 2) – 7 %; 3 – трапециевидные (рис. 15: 9) – 8 %; 4 – наколы в виде подковок (рис. 15: 13) – 8 %.

III тип. Отпечатки гребенчатого штампа. Узкие прямоугольные, размерами 1–2×10–15 мм (очень редко 8–10 мм) (рис. 15: 2, 5) – 7 %.

На накольчато-ямочной керамике зафиксированы три узора орнамента: 1) один диагонально расположенный ряд наколов, нанесённых в отступающей манере; 2) два диагонально расположенных параллельных ряда наколов, нанесённых в отступающей манере; 3) три диагонально расположенных параллельных ряда наколов.

Простые мотивы из элементов на накольчато-ямочной керамике делятся на четыре типа.

I тип. Мотивы из ямок. Подтипы: 1 – один горизонтальный ряд ямок (рис. 15: 9) – 8,6 %; 2 – два горизонтальных ряда ямок (рис. 15: 1, 4, 7, 10) – 23,2 %; 3 – три горизонтальных ряда ямок (рис. 15: 2, 4, 6) – 13,6 %; 4 – более трёх горизонтальных рядов ямок (рис. 15: 5, 8, 11) – 12,3 %.

II тип. Мотивы из наколов. Подтипы: 1 – один горизонтальный ряд наколов, нанесённых отдельно друг от друга (рис. 15: 9) – 4,1 %; 2 – два горизонтальных ряда наколов, нанесённых отдельно (рис. 15: 4, 6) – 9,5 %; 3 – два горизонтальных ряда наколов, нанесённых в отступающей технике (рис. 15: 3), – 12,5 %.

III тип. Мотив из оттисков гребенчатого штампа. Один горизонтальный ряд узких оттисков (рис. 15: 2, 5) – 8,2 %.

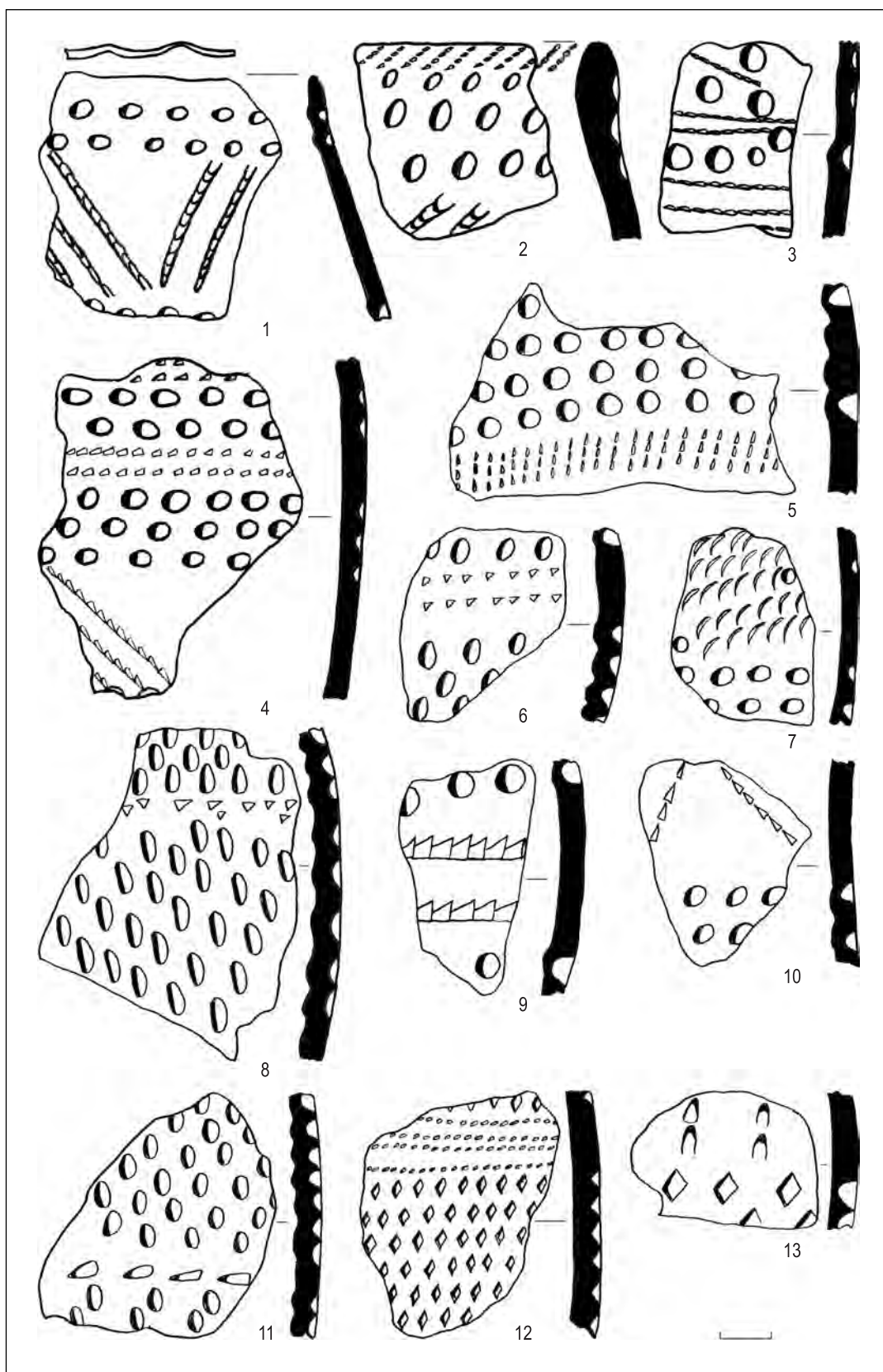

Рис. 15. Поселение Доброе 4 (пункт 385). Накольчато-ямочная керамика

IV тип. Мотив из зон без орнамента (рис. 15: 1, 4, 10). Доля их составила 8 %.

На наш взгляд, первые единичные случаи проявления процесса смешения керамических традиций носителей накольчатой среднедонской культуры и гребенчато-ямочной керамики архаичного этапа льяловской культуры произошли в первой половине V тыс. до н.э. Но наиболее масштабным стал процесс гибридизации накольчатой и ямочно-гребенчатой керамики поздних этапов льяловской культуры во второй половине V – начале IV тыс. до н.э. Ярче всего он проявился на материалах стоянок Университетская 3, Ксизово 6, поселений 1 у Первомайского лесничества, Липецкое Озеро, Васильевский Кордон 1, 5, 7, Савицкое 1, Доброе 4, Ямное [7; 8].

6. Керамика с ромбоямочной орнаментацией представлена 35 фрагментами трёх сосудов. Толщина стенок – 5–7 мм. Горшки орнаментированы ямками ромбической формы, оттисками короткого гребенчатого штампа и наколами (рис. 16: 10–13). На Верхнем Дону есть только одна радиоуглеродная дата по органике в ромбоямочной керамике со стоянок Ксизово 6 – 4630 ± 90 BP (3635–3100 calBC) (Ki-13309) [4].

В связи с большой схожестью в технологии изготовления наиболее целесообразным изложить технико-технологические характеристики ямочно-гребенчатой, накольчато-ямочной и ромбоямочной керамики совместно. Нами проанализированы фрагменты всех 44 сосудов с ямочно-гребенчатой орнаментацией, шести – с накольчато-ямочной и трёх – с ромбоямочной. Было выявлено, что в качестве ИПС для изготовления всей керамики использовалась ожелезненная илистая глина. Единичны следы органики в виде полостей от выгоревшей растительности: листьев, стебельков растений, нитевидных водорослей (рис. 21: 1). Сырьё – сильнозапесоченное, с кварцевым окатанным песком размером 0,1–0,5 мм в концентрации 1:3–1:5 (рис. 21: 1, 3, 5). В 19 сосудах встречаются железистые частицы различных форм и плотности. Зафиксированы следующие формы: окатанные, остроугольные и аморфные. Размеры их колеблются от 0,2 до 1,5 мм (рис. 21: 3). В тесте десяти сосудов выявлены комочки высокопластичной непромешанной глины серого цвета размером от 0,2 до 1,5 мм. Кроме того, в изломах шести сосудов отмечены тёмные маслянистые пятна диаметром до 1 мм, а по толщине совсем незначительные, которые можно интерпретировать как органический раствор.

Вся посуда данной группы была изготовлена способом скульптурной лепки. Выявлены признаки конструирования сосудов лоскутным налепом, строительным элементом служили лепёшкообразные лоскутки различных размеров: от 2×2 до 3×3 см. Выявлены три способа обработки поверхностей: 1 – заглаживание грубо выделанной кожей; 2 – заглаживание пальцами рук; 3 – расчёсы пучком сырой травы.

Механическая прочность сосудов средняя. Окраска изломов фрагментов сосудов одно-, двух- и трёхслойная. Полученные данные позволяют предполагать костровой обжиг с недостаточно продолжительной выдержкой при температурах каления 650–700°C. В то же время наличие насквозь прокалённых изломов сосудов свидетельствует о существовании способа термической обработки с более длительной выдержкой при высоких температурах.

7. Керамика ксизовского типа представлена обломками 10 сосудов. Четыре из них закрытой, шесть – открытой формы. Шесть венчиков имеют овальную симметричную форму (рис. 16: 1, 4), два – овальную внешне симметричную (рис. 16: 2), два – прямую симметричную (рис. 16: 3, 5). Диаметры сосудов по венчикам – 18–34 см, толщина стенок – 5–7 мм.

Элементы орнамента на керамике ксизовского типа представлены четырьмя типами, подразделяющимися на подтипы.

I тип. Ямки. Подтипы: 1 – прямоугольные, с плоским дном, размерами 4–5×7–9 мм (рис. 16: 1–3, 5, 7), использовались для орнаментации керамики в 22,5 % случаев; 2 – округлые, нанесённые под небольшим наклоном к поверхности, диаметром 4–5 мм (рис. 16: 4) – 18,1 %.

II тип. Оттиски гребенчатого штампа. Подтипы: 1 – узкие прямоугольные, размеры – 1–2×8–10 мм (рис. 16: 2) – 3,5 %; 2 – двузубого штампа (рис. 16: 1, 6, 9) – 31,6 %.

III тип. Оттиски гладкого штампа. Короткие, размерами 2×5 мм (рис. 16: 8) – 6 %.

IV тип. Наколы. Подтипы: 1 – скобковидные (рис. 16: 4), их доля составляет 6,2 %; 2 – треугольные (рис. 16: 2, 3, 7) – 12,1 %.

Мотивы из элементов орнамента делятся на пять типов.

I тип. Мотивы из ямок. Подтипы: 1 – один горизонтальный ряд ямок (рис. 16: 1, 2, 4, 7), наносился в 25,4 % случаев; 2 – два горизонтальных ряда ямок (рис. 16: 3, 5) – 6,3 %.

II тип. Мотивы из оттисков гребенчатого штампа. 1 – гребенчатые вдавления, нанесённые в один горизонтальный ряд (рис. 16: 2), составили 8,1 %; 2 – оттиски двузубого штампа, поставленные в один горизонтальный ряд (рис. 16: 1, 9), – 14,5 %; 3 – более трёх горизонтальных рядов оттисков двузубого штампа (рис. 16: 6) – 11,8 %.

III тип. Мотив из оттисков гладкого штампа. Два горизонтальных ряда оттисков (рис. 16: 8) – 5,3 %.

IV тип. Мотивы из наколов. Подтипы: 1 – один горизонтальный ряд наколов (рис. 16: 2, 7), представлен в 13,6 % случаев; 2 – два горизонтальных ряда мелких треугольных наколов (рис. 16: 3, 4) – 4,4 %.

V тип. Мотивы из зон без орнамента (рис. 16: 6, 7). Доля их в орнаментации на сосудах составила 10,6 %.

Были проанализированы фрагменты всех 10 горшков ксизовского типа. Выявлено, что в качестве ИПС использовалась илистая глина. В тесте сосудов в малой концентрации встречается органика, оставившая следы в виде полостей от выгоревшей растительности, найдены два отпечатка нитчатых водорослей. Сырьё – среднезапесоченное, с кварцевым песком 0,1–0,4 мм в концентрации 1:7–1:8.

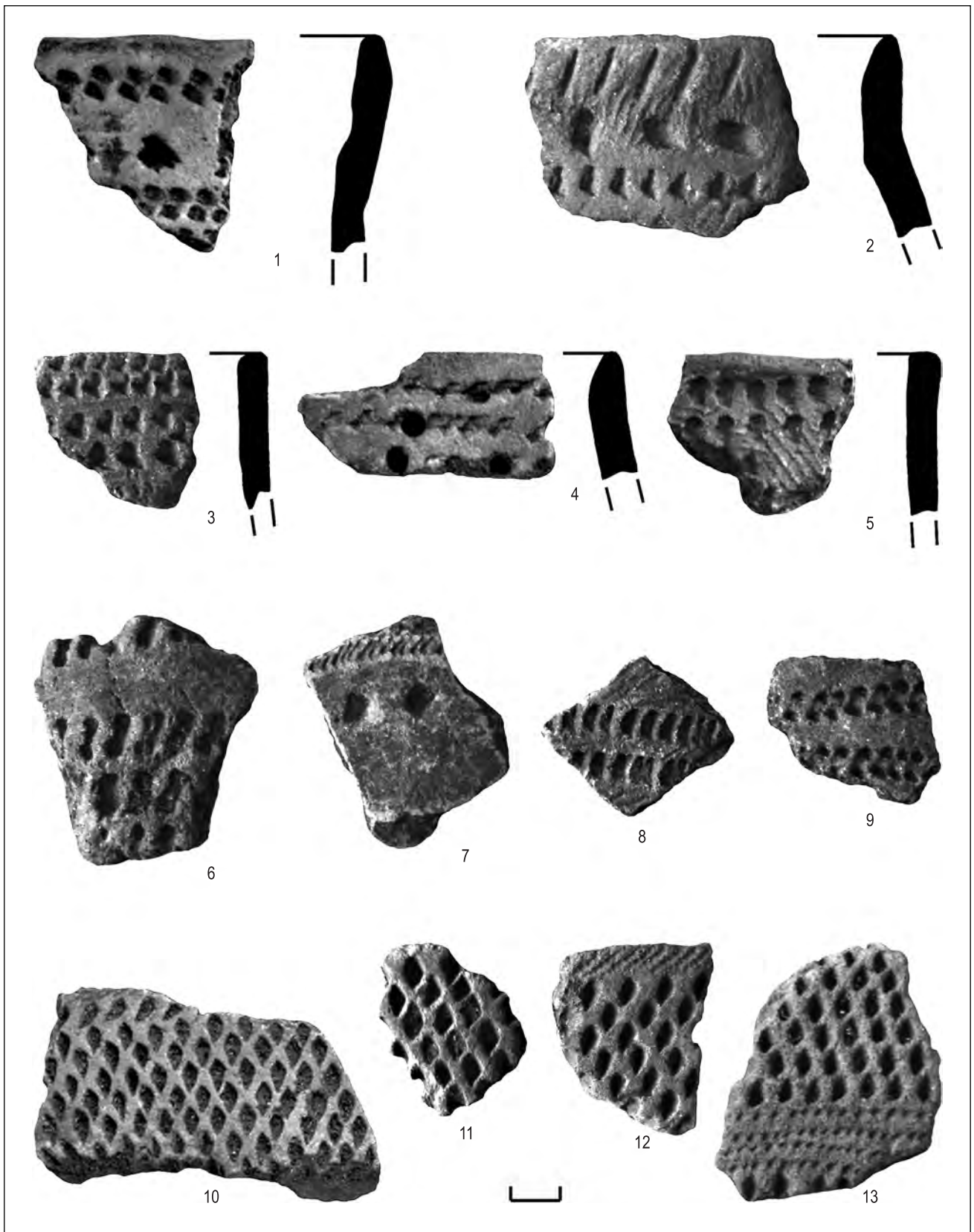

Рис. 16. Поселение Доброе 4 (пункт 385). Керамика: 1–9 – ксивовского типа; 10–13 – ромбожарная

Выявлены признаки конструирования сосудов лоскутным налёпом, строительным элементом служили крупные лепёшкообразные лоскутки размерами около 3×3 см. Основной способ обработки поверхностей – тщательное заглаживание грубо выделанной кожей.

Механическая прочность сосудов низкая, реже – средняя. Окраска изломов фрагментов сосудов двух- или трёхслойная. Предполагается костровой обжиг с недостаточно продолжительной выдержкой при температурах каления.

Керамику ксизовского типа можно датировать 2-й пол. IV тыс. до н.э. по костям животных (лось), полученным в заполнении постройки 1: 4456±60 BP (3347–2931 calBC) (SPB-2101) и постройки 2 – 4557±55 BP (3500–3090 calBC) (SPB-2102); 4753±55 BP (3643–3376 calBC) (SPB-2103); 4711±60 BP (3635–3370 calBC) (SPB-2105) поселения Васильевский Кордон 27 и постройки 4 соседнего поселения Васильевский Кордон 17 – 4684±100 BP (3656–3105 calBC) (SPB-1519) [9].

8. Нижнедонская энеолитическая культура представлена фрагментами двух сосудов. Датируется сер. V тыс. до н.э. (CalBC). У одного горшка удалось реконструировать венчик и тулово (рис. 17: 1), он профилированный, закрытый, его верх овальной внешне симметричной формы, венчик второго – острый внутренне асимметричный (рис. 17: 2). Диаметры сосудов по венчикам – 28 и 32 см, толщина стенок – 5–6 мм.

Один венчик орнаментирован оттисками широкого (2–3 мм) гребенчатого штампа длиной 20 мм (рис. 17: 2). Второй сосуд по верху украшен чередованием из рядов мелких ямок и широких прочерченных линий, тулово сосуда орнаментировано диагональными рядами ямок в виде сетки (рис. 17: 1).

В качестве ИПС для изготовления обоих сосудов использовался слабозапасоченный ожелезнённый ил. В изломах в значительной концентрации встречены следы органики в виде полостей от выгоревшей растительности различной формы, а также остатки полуразложившейся раковины размерами 0,3–1,5 мм по 10–15 включений на кв. см (рис. 22: 2). Сырьё использовалось в естественном увлажнённом состоянии, признаки дробления не зафиксированы.

Целый сосуд сконструирован по ёмкостно-донной программе из крупных лепёшкообразных лоскутков размерами 3×3–4×4 см, которые накладывались по кольцевой траектории. Обе поверхности одного сосуда расчсаны пучком травы, у второго – внешняя поверхность тщательно заглажена, а внутренняя покрыта расчсами.

Механическая прочность сосудов очень высокая. Окраска изломов – трёхслойная. Прокалённые слои очень тонкие, местами почти исчезают, в связи с чем можно предположить кратковременный костровой обжиг без продолжительной выдержки при температурах каления 650–700°C.

9. Среднештоговская энеолитическая культура датируется сер. IV тыс. до н.э. (CalBC). Она представлена обломками 19 сосудов. Семь из них прямостенные (рис. 18: 2, 3, 6–8, 12, 15), 12 – профилированные (рис. 18: 1, 4, 9, 13, 14; 19: 1), десять открытой (рис. 18: 1, 3–5, 9, 12–15; 19: 1), девять – закрытой (рис. 18: 2, 6–8, 10, 11, 16; 19: 2, 3) формы. Четыре венчика имеют овальную симметричную форму (рис. 18: 2, 3, 18; 19: 3), четыре – овальную внешне симметричную (рис. 18: 4, 8, 14; 19: 1), три – прямую симметричную (рис. 18: 1, 10; 19: 2), два – скошенную внешне симметричную (рис. 18: 7, 9), два – овальную внутренне асимметричную (рис. 18: 11, 15), два – грибовидную симметричную (рис. 18: 6, 12), а ещё один – грибовидную внешне симметричную (рис. 18: 5). Диаметры сосудов по венчикам – 16–38 см, толщина стенок – 5–8 мм.

Элементы орнамента на керамике среднештоговской культуры представлены тремя типами, подразделяющимися на семь подтипов.

I тип. Ямки. Подтипы: 1 – каплевидные, размерами 2–3×4–5 мм (рис. 18: 2), использовались для орнаментации керамики в 3,8 % случаев; 2 – округлые мелкие, диаметром 2–3 мм (рис. 18: 14) – 1,9 %; 3 – округлые, нанесённые под небольшим наклоном к поверхности, диаметром 4–5 мм (рис. 18: 3, 15; 19: 3, 14) – 11,4 %.

II тип. Оттиски гребенчатого штампа. Подтипы: 1 – короткие тонкие, размерами 1–2×8–10 мм (рис. 18: 4, 10, 11, 14, 16; 19: 7, 10) – 30,3 %; 2 – короткие широкие, размерами 3–4×5–7 мм (рис. 19: 11–13) – 17,3 %; 3 – двузубого штампа (рис. 19: 4–6, 8, 10) – 22,9 %.

III тип. Прочерченные линии. Широкие, длинные, толщиной 3–4 мм (рис. 18: 1, 5, 6, 12), использовались в 12,4 % случаев.

В орнаментации керамики выявлены всего три узора: 1) два горизонтальных ряда гребенчатых оттисков, расположенных под наклоном и образующих ёлочку (рис. 18: 10, 11; 19: 12); 2) два горизонтальных ряда прочерченных по диагонали линий, образующих ёлочку (рис. 18: 6); 3) две зигзагообразные горизонтально идущие линии из гребенчатых оттисков (рис. 18: 4).

Простые мотивы из элементов орнамента на керамике среднештоговской культуры делятся на четыре типа, три из которых подразделяются на подтипы.

I тип. Мотивы из ямок. Подтипы: 1 – один горизонтальный ряд ямок (рис. 18: 14), наносился в 7,1 % случаев; 2 – два горизонтальных ряда ямок (рис. 18: 2, 15; 19: 3) – 14,2 %.

II тип. Мотивы из оттисков гребенчатого штампа. Подтипы: 1 – гребенчатые вдавления, нанесённые в один горизонтальный ряд (рис. 18: 13, 14, 16; 19: 7, 10), составили 20,8 %; 2 – два горизонтальных ряда гребенчатых оттисков (рис. 19: 11) – 6,2 %; 3 – три горизонтальных ряда гребенчатых оттисков (рис. 19: 13) – 4,7 %; 4 – оттиски двузубого штампа, поставленные в один горизонтальный ряд (рис. 19: 10), – 5,1 %; 5 – два горизонтальных ряда оттисков двузубого штампа (рис. 19: 5) – 7,7 %; 6 – три горизонтальных ряда оттисков двузубого штампа (рис. 19: 6, 8) – 6,3 %; 7 – более трёх горизонтальных рядов оттисков двузубого штампа (рис. 19: 4) – 4,2 %.

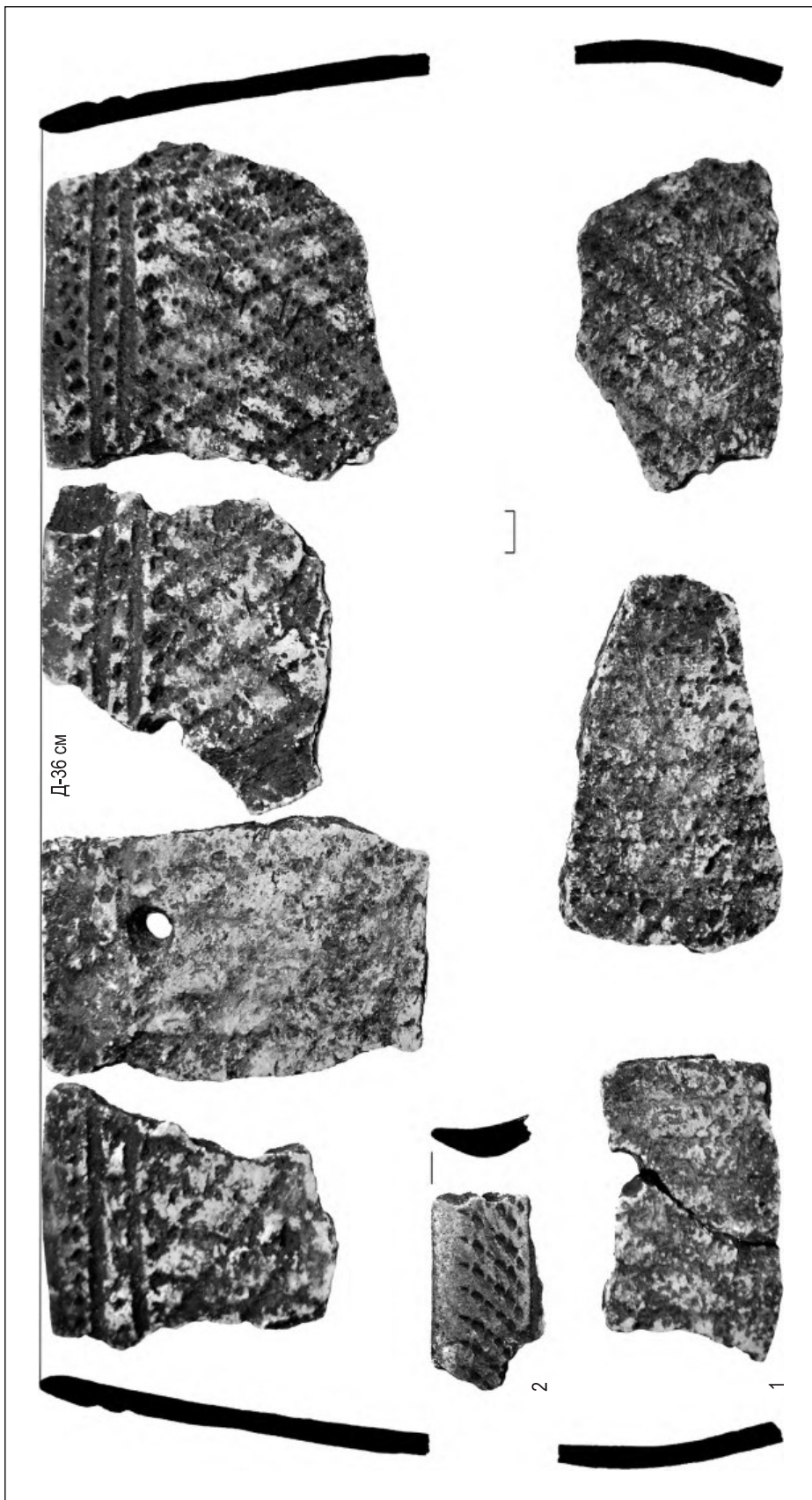

Рис. 17. Поселение Доброе 4 (пункт 385). Керамика нижнедонской культуры

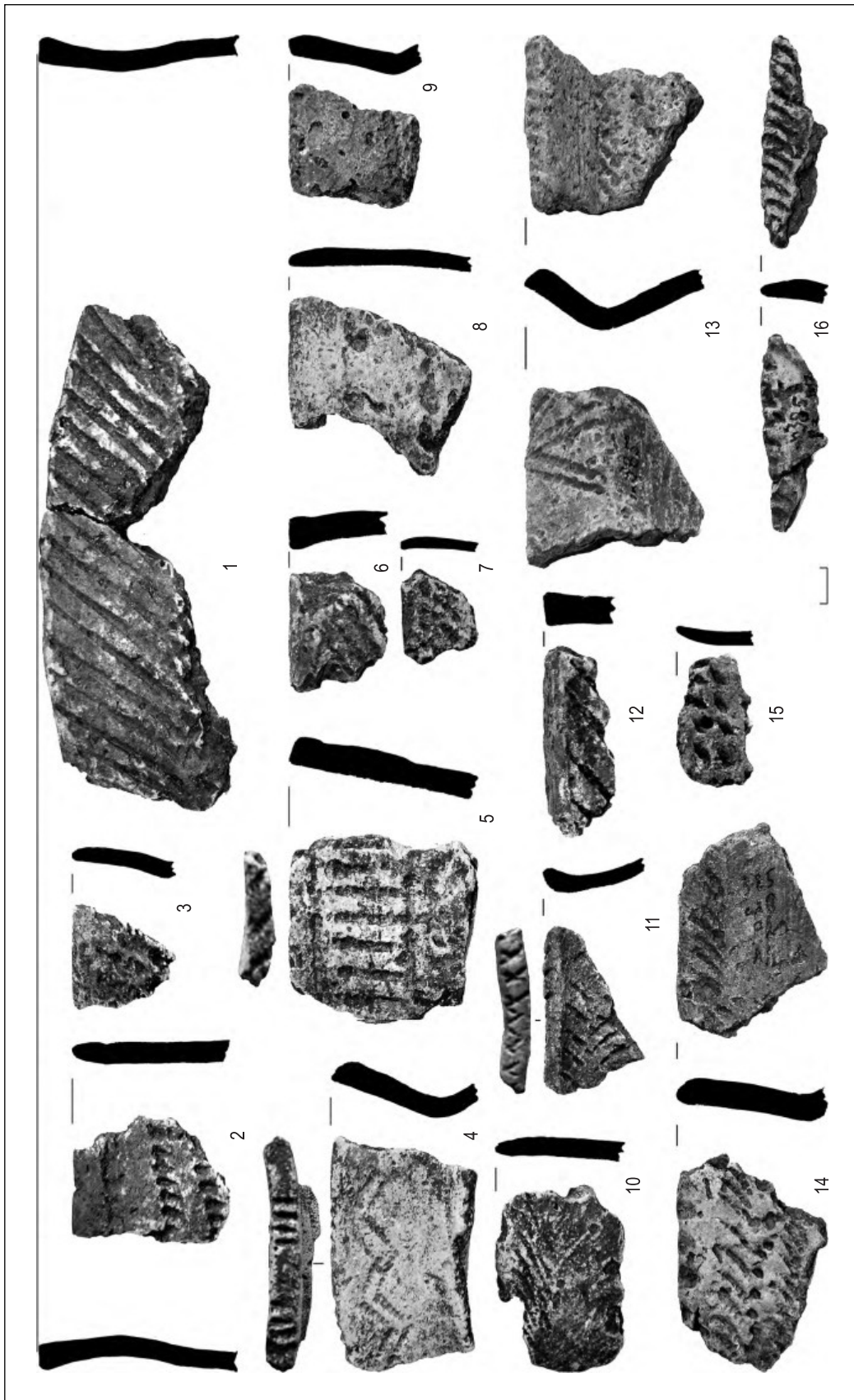

Рис. 18. Поселение Доброе 4 (пункт 385). Керамика среднестоговской культуры

III тип. Мотивы из прочерченных линий. Подтипы: 1 – горизонтальный пояс из прочерченных по диагонали линий (рис. 18: 1, 12) – 8,4 %; 2 – горизонтальный пояс из вертикально прочерченных линий (рис. 18: 5) – 4,2 %.

IV тип. Мотивы из зон без орнамента (рис. 18: 2, 5, 8, 9, 13; 19: 2, 5–8). Доля их в орнаментации на сосудах составила 11,1 %.

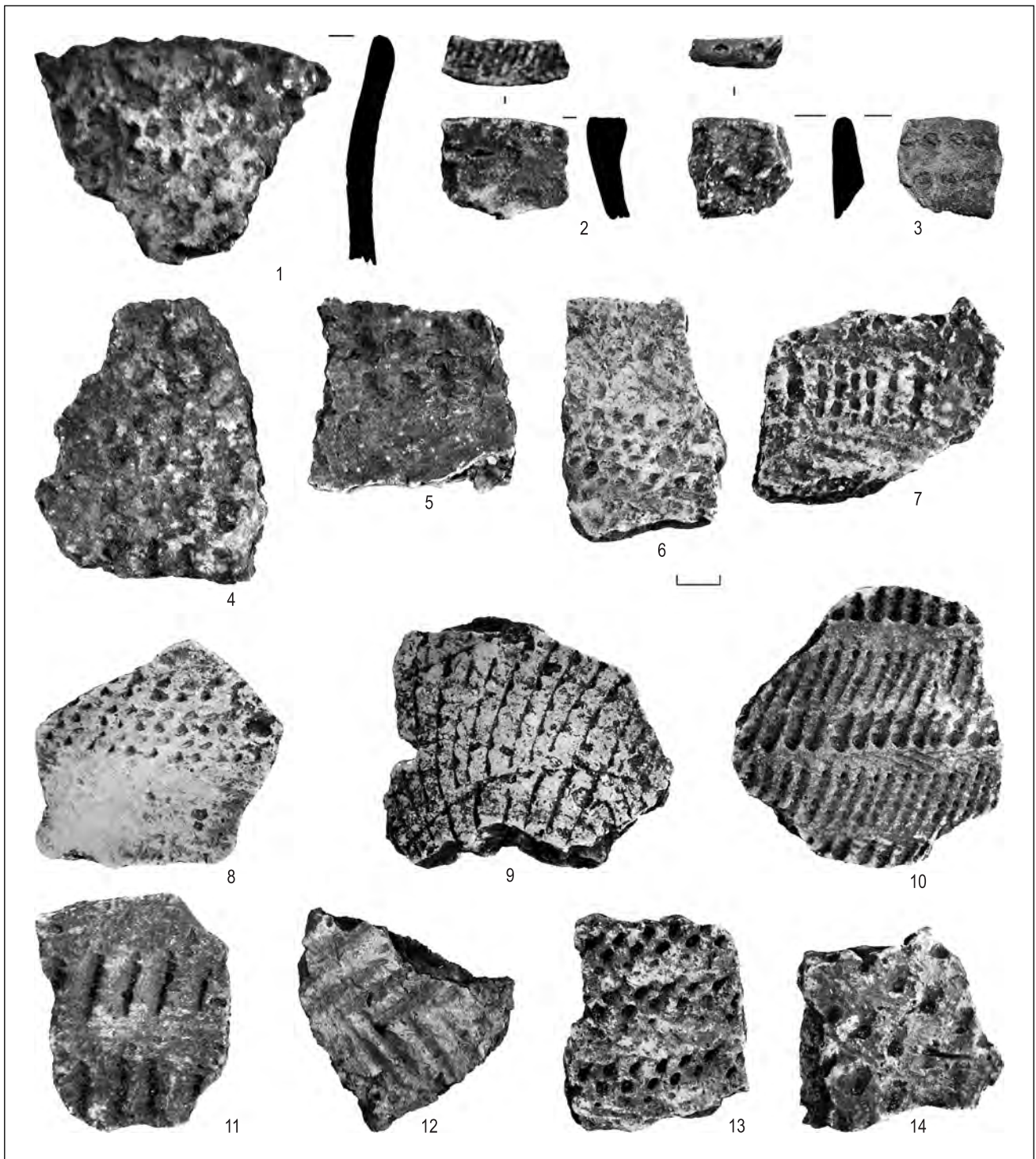

Рис. 19. Поселение Доброе 4 (пункт 385). Керамика среднестоговской культуры

Были исследованы фрагменты всех 19 сосудов среднестоговской культуры. Установлено, что в качестве ИПС для производства среднестоговской керамики использовался ил, чаще всего ожелезненный (11 обр.), чуть реже – неожелезненный (8 обр.). При дожигании в муфеле первые приобрели оранжевый (8 обр.) и кирпично-красный (3 обр.) цвет, а вторые – светло-серый. Горшки изготавливались из слабозапесоченного сырья, в их тесте, кроме глинистого субстрата, в качестве естественной примеси встречаются: 1) кварцевый окатанный песок размером 0,2–0,4 мм, в единичной концентрации; 2) твёрдые железистые соединения округлой или остроугольной формы (0,5–3 мм); 3) полости от выгоревших растений водного и наземного происхождения, различные по форме и размерам; 4) раковины речных моллюсков, представленные измельчёнными или полуразрушенными частицами белого цвета (рис. 22: 3, 4). Чаще всего их размеры колеблются от 0,2–0,5 до 2 мм, но встречаются единичные обломки размером до 4 мм. Концентрация их в сосудах 5–17 включений размером 0,2–2 мм на 1 кв. см. В двух образцах найдены единичные включения комочков высокопластичной глины размером от 0,5 до 3 мм. Сырьё всех среднестоговских сосудов использовалось в естественном увлажнённом состоянии, дробление не зафиксировано.

Технологический анализ позволил выявить общие признаки конструирования сосудов. В качестве строительных элементов для всех сосудов среднестоговской культуры использовались лепёшкообразные лоскуты размерами 3×3, 3×4 см, которые накладывались по траектории, близкой к спиралевидной.

Выявлены три способа обработки поверхности: 1) обе слегка подсушенные поверхности заглажены грубо выделанной кожей (8 обр.); 2) с внешней стороны поверхность заглажена грубо выделанной кожей, а с внутренней – сначала расчёсана пучком сырой травы, а затем заглажена (2 обр.); 3) с обеих сторон поверхности расчёсаны пучком сырой травы (9 обр.).

Механическая прочность всех сосудов высокая, реже – средняя. Окраска изломов фрагментов сосудов двух- (11 обр.) или трёхслойная (8 обр.). Полученные данные позволяют предполагать костровой обжиг с недостаточно продолжительной выдержкой при температурах каления 650–700°С. Об этом свидетельствует ширина прокалённых слоёв, которая колеблется в пределах от 0,5 до 3 мм. У всех образцов границы между слоями нечёткие, сильно “размытые”, что указывает на то, что сосуды оставались остывать в обжиговом устройстве.

10. Репинская энеолитическая культура датируется рубежом IV–III тыс. до н.э. (CalBC). Керамика представлена фрагментами шести сосудов. Все они профилированные, три из них открытой (рис. 20: 1, 2, 5), три – закрытой (рис. 20: 3, 4, 6) формы. Два венчика имеют острую симметричную форму (рис. 20: 1, 6), один – овальную симметричную (рис. 20: 3), один – овальную внешне симметричную (рис. 20: 5), один – прямую симметричную (рис. 20: 4) и ещё один – овальную внутренне асимметричную (рис. 20: 2). Диаметры сосудов по венчикам – 24–36 см, толщина стенок – 5–8 мм.

Элементы орнамента на керамике репинской культуры представлены шестью типами.

I тип. Ямки. Широкие круглые, диаметром 5–7 мм (рис. 20: 3–6), использовались для орнаментации керамики в 36,3 % случаев.

II тип. Вдавления в виде кольца (рис. 20: 7) – 12 %.

III тип. Оттиски гребенчатого штампа. Короткие: 2×8–10 мм (рис. 20: 1) – 11 %.

IV тип. Прочерченные линии. Широкие, длинные, толщиной 3–4 мм (рис. 20: 2, 8, 9), использовались в 33 % случаев.

V тип. Наколы. Овальные (рис. 20: 4), доля их использования составляет 4,3 %.

VI тип. Ногтевые вдавления (рис. 20: 4). Использовались в 3,4 % случаев.

На керамике репинской культуры выявлены только простые мотивы из элементов орнамента.

I тип. Мотив из ямок. Один горизонтальный ряд ямок (рис. 20: 3–6), наносился в 25,3 % случаев.

II тип. Мотив из оттисков гребенчатого штампа. Гребенчатые вдавления, нанесённые в один горизонтальный ряд (рис. 20: 1, 2), составили 20,8 %.

III тип. Мотивы из прочерченных линий. Подтипы: 1 – две параллельные горизонтальные линии (рис. 20: 2, 8) – 14,8 %; 2 – более трёх параллельных горизонтальных линий (рис. 20: 9) – 11 %.

IV тип. Мотив из наколов. Один горизонтальный ряд овальных наколов (рис. 20: 4) – 5,3 %.

V тип. Мотив из ногтевых вдавлений. Два горизонтальных ряда ногтевых вдавлений (рис. 20: 4) – 6,4 %.

IV тип. Мотивы из зон без орнамента (рис. 20: 4). Доля их в орнаментации на сосудах составила 26,2 %.

Были исследованы фрагменты 6 сосудов репинской культуры. В качестве ИПС для производства керамики использовался ил, чаще неожелезненный (4 обр.), реже – ожелезненный (2 обр.). Горшки изготавливались из слабозапесоченного сырья, в их тесте, кроме глинистого субстрата, присутствуют естественные примеси и следы таких примесей: 1) полости от выгоревших растений водного и наземного происхождения, различные по форме и размерам; 2) раковины речных моллюсков, представленные измельчёнными или полуразрушенными частицами белого цвета (рис. 22: 5, 6). Чаще всего их размеры колеблются от 0,3 до 2 мм. Концентрация их в сосудах – 17–30 включений на 1 кв. см. Сырьё для всех репинских сосудов использовалось в естественном увлажнённом состоянии, дробление не зафиксировано.

Технологический анализ позволил выявить общие признаки конструирования сосудов. В качестве строительных элементов для всех сосудов репинской культуры использовались крупные лепёшкообразные лоскуты размерами 3×3–4×4 см, которые накладывались по траектории, близкой к спиралевидной.

Выявлены два способа обработки поверхности: 1) с внешней стороны поверхность заглажена грубо выделанной кожей, а с внутренней – сначала расчёсана пучком сырой травы, а затем заглажена (3 обр.); 2) с обеих сторон поверхности расчёсаны пучком сырой травы (3 обр.).

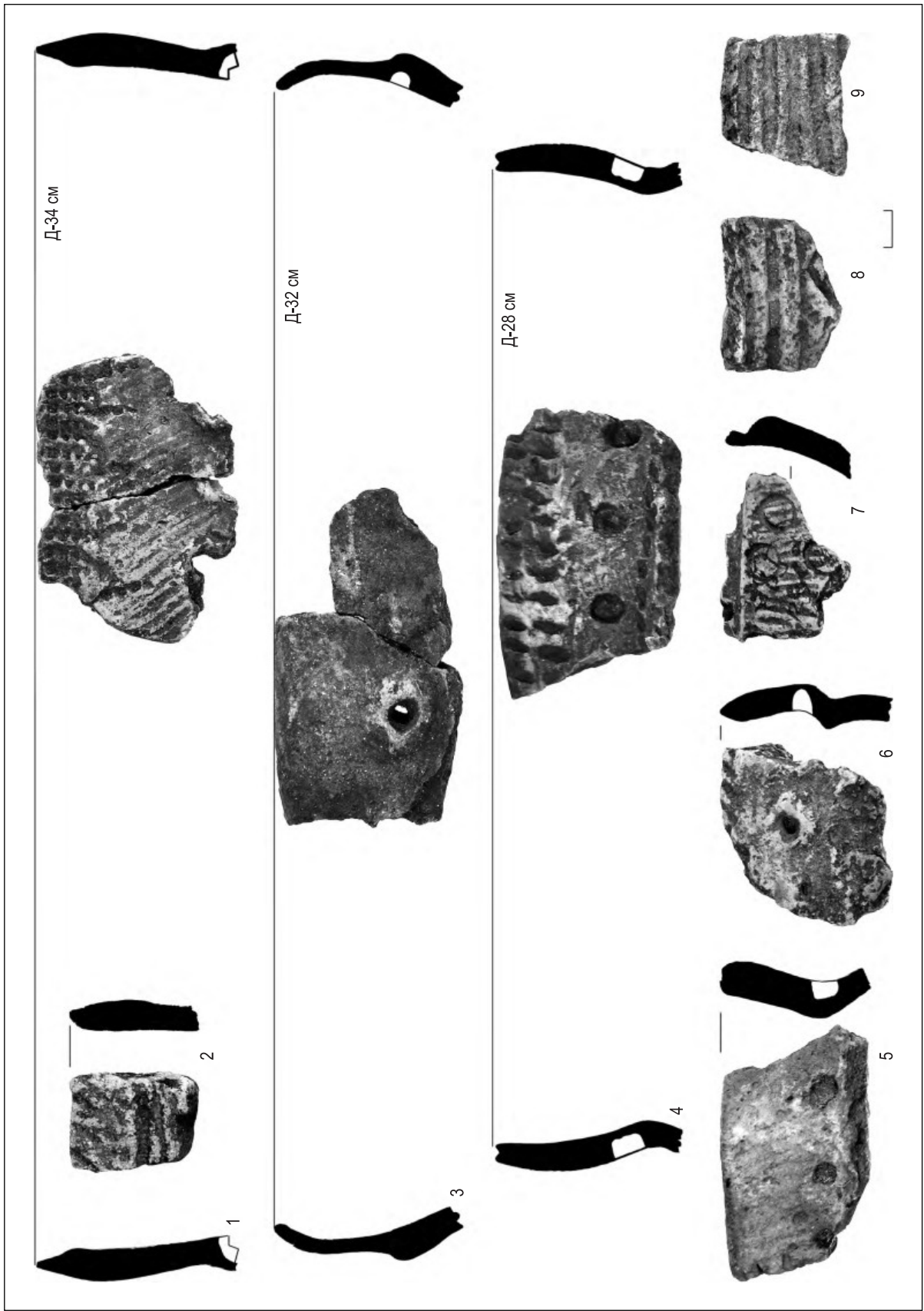
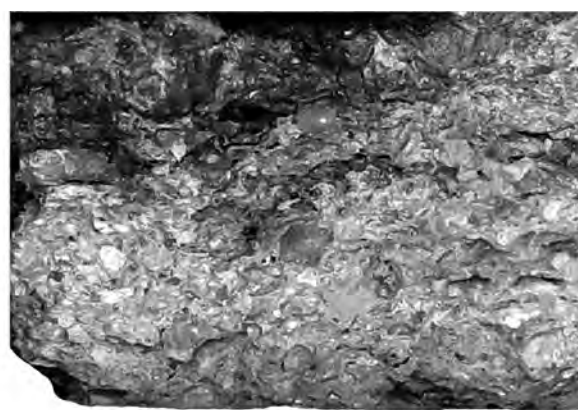

Рис. 20. Поселение Доброе 4 (пункт 385). Керамика репинской культуры

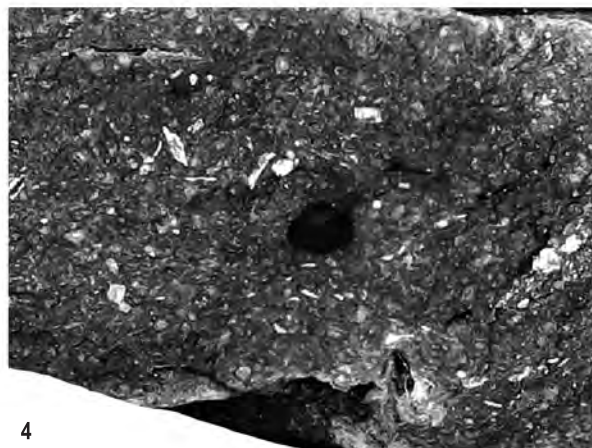
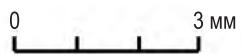
1

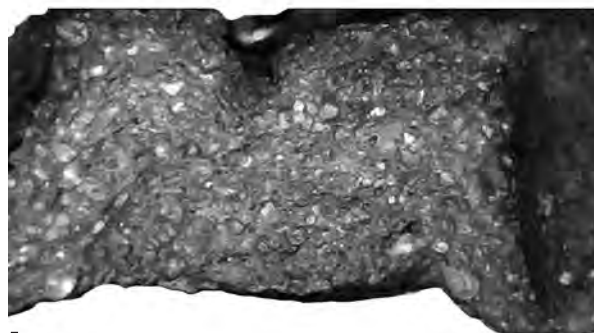
2

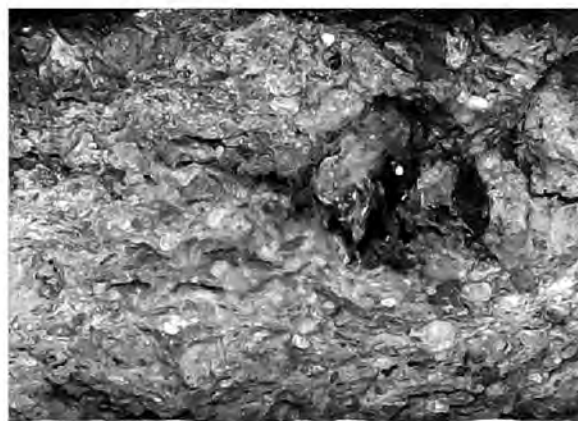
3

4

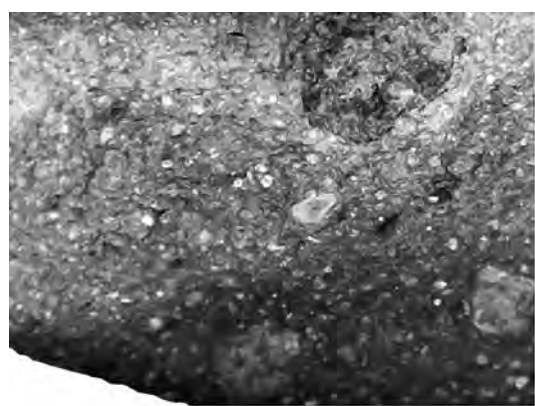
5

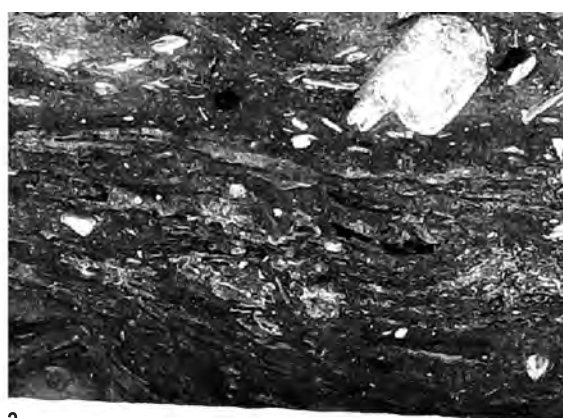
6

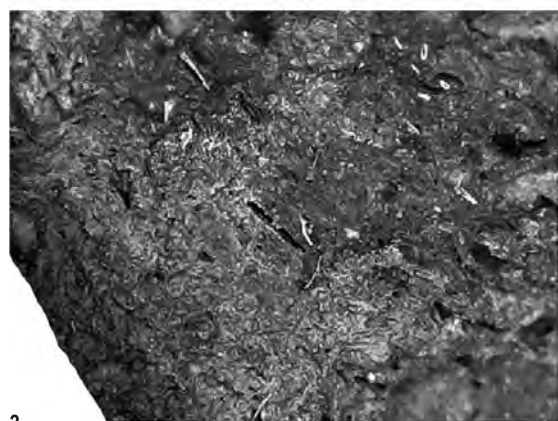
Рис. 21. Поселение Доброе 4 (пункт 385). Микроснимки изломов керамики:
1 – ромбоямочной; 2, 6 – гребенчато-ямочной; 3 – ямочно-гребенчатой; 4 – карамышевской культуры;
5 – накольчато-ямочной

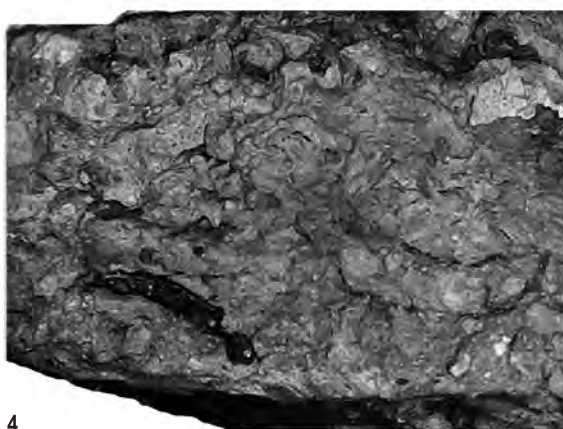
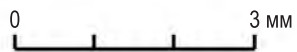
1

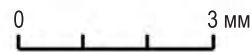
2

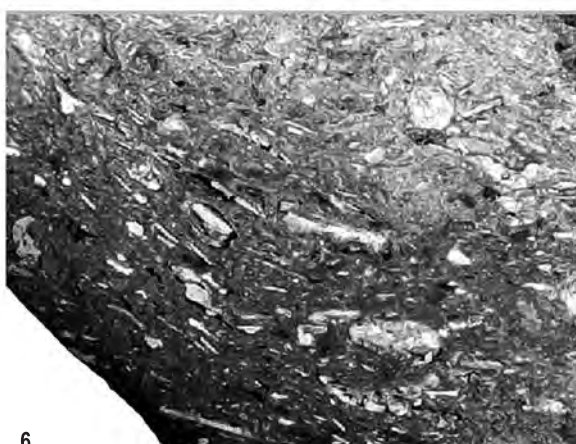
3

4

5

6

Рис. 22. Поселение Доброе 4 (пункт 385). Микроснимки изломов керамики:
1 – среднедонской; 2 – нижнедонской; 3–4 – среднестоговской; 5–6 – репинской культур

Механическая прочность всех сосудов средняя. Окраска изломов фрагментов сосудов одно- (3 обр.) или двухслойная (3 обр.). Полученные данные позволяют предполагать костровой обжиг с недостаточно продолжительной выдержкой при температурах каления 650–700°C. У всех образцов границы между слоями нечёткие, сильно “размытые”, что указывает на то, что сосуды оставались остывать в обжиговом устройстве. Слои неравномерные по толщине, что свидетельствует о резких перепадах температур во время обжига.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Цетлин Ю.Б.* Неолит центра Русской равнины: орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула, 2008.
2. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.
3. *Бобринский А.А., Васильева И.Н.* О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998.
4. Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э.: коллективная монография / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск, 2016.
5. Древние охотники и рыболовы Подмосковья по материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы – Воймежное 1 / ред.-сост. А.В. Энговатова. М., 1997.
6. *Энговатова А.В.* Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.
7. *Смольянинов Р.В.* Памятники эпохи неолита с накольчато-ямочной керамикой на территории лесостепного Подонья // Тверской археологический сборник. Вып. 7. Тверь, 2009.
8. *Скоробогатов А.М.* Энеолит бассейна Верхнего и Среднего Дона в свете новых данных // Тверской археологический сборник. Вып. 9. Тверь, 2013.
9. *Смольянинов Р.В., Яниш Е.Ю., Свиридов А.А.* Верхнедонское поселение Васильевский Кордон 17. Сооружение 4 // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. СПб., 2015.

*Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского,
Липецкая областная научная общественная организация «Археолог»,
Липецкое областное краеведческое общество,
Липецк*

R.V. Smolyaninov, A.A. Kulichkov, A.Yu. Klokov

CERAMICS FROM THE SETTLEMENT DOBROYE 4 (POINT 385) ON THE UPPER DON

Summary

The present article deals with the ceramics collections from the Neolithic and the Eneolithic of VI – the turn of IV–III Millennium BC (CalBC) from the settlement Dobroye 4 (point 385) on the Upper Don. The archaeological monument is located on the residual rock of the first terrace above the flood plain on the right bank of the river Voronezh at the village Dobroye in the Lipetsk Region. A.Yu. Klokov studied about 100 square meters of the territory there. The article presents the ceramics complexes, which consist of fragments of vessels belonging to ten cultures and cultural types. Both morphological (form and ornamentation) and technique and technological characteristics of the vessels were studied.

*Lipetsk State Pedagogical University
of P.P. Semenov-Tyan-Shansky,
Office 312, 42, Lenina St., Lipetsk, 398020, Russia
R.V. Smolyaninov – E-mail: rws17@rambler.ru*

*Lipetsk Regional Scientific
Social Organization “Archaeologist”,
42, Lenina St., Lipetsk, 398020, Russia
A.A. Kulichkov – E-mail: kulichkov.alex@yandex.ru*

*Lipetsk Regional Society for
Local History and Lore Studies,
Lipetsk, Russia
A.Yu. Klokov – E-mail: kraeved@lipetsk.ru*

М.В. Ивашов, А.А. Куличков, Р.В. Смольянинов

НЕО-, ЭНЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА С ПОСЕЛЕНИЯ БУХОВОЕ 10 НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

В 2012 г. археологическим отрядом ФГБОУ ВПО «Липецкий государственный педагогический университет» (далее ЛГПУ) совместно с ЛГНОО «АРХЕОЛОГ» под руководством одного из авторов [1] осуществлялись археологические исследования поселения Буховое 10, которое находится между сёлами Ратчино и Буховое Чаплыгинского района и с. Преображеновка Добровского района Липецкой области¹.

Памятник был выявлен в 1990 г. экспедицией ГИМ под руководством Б.А. Фоломеева [2], в 2005 г. повторно обследовался экспедицией ЛГПУ под руководством А.А. Свиридова [3].

Оно располагается на правом берегу р. Воронеж, на пойменном останце высотой около 4 м, в 0,65 км к югу от русла реки (рис. 1). Останец вытянут по линии северо-запад – юго-восток, его размеры 100×50 м. Поверхность задернована, восточная часть его разрушается ветровой эрозией и многочисленными лисьими норами.

Раскоп 2012 г. (352 кв. м) был разбит вдоль длинной стороны останца. Культурные напластования вскрывались по слоям 0,1 м. Выявленная стратиграфия в целом такова: 0–0,05 м – дёрн; от 0,05 м до 0,4 м – темно-серая супесь; 0,4–0,7 м – серая супесь; 0,7–0,85 м (местами до 1,0 м) – светло-жёлтая супесь; ниже – материк – светло-жёлтый песок.

Поселение многослойное, на нём выявлены материалы неолита, энеолита, бронзового века (среднедонская катакомбная, воронежская и срубная культуры) и городецкой культуры раннего железного века. В данной статье анализу подверглись только керамические коллекции нео-, энеолитического времени.

Среднедонская культура. В слое стоянки и при расчистке хозяйственных объектов выявлены 178 фрагментов 7 сосудов. Всего обнаружены 7 фрагментов венчиков 6 сосудов, пять из которых происходят от 4 прямостенных сосудов (рис. 2: 2, 4, 7; 3: 6, 7), по одному – от слегка профилированного (рис. 2: 3) и открытого (рис. 2: 1). У двух из них срез приотсрэн (рис. 2: 2, 4), у пяти – округлый (рис. 2: 1, 3, 7; 3: 6, 7). Пять из семи фрагментов венчиков в верхней части украшены горизонтальными рядами ямочных вдавлений. В пяти случаях эти ряды нанесены снаружи (рис. 2: 1, 2, 4; 3: 6, 7), в одном – изнутри (рис. 2: 4). Посуда данного типа украшена треугольными наколами (45 фрагментов) и отпечатками мелкой гребёнки (23 фрагмента). Часть поля горшка не орнаментировалась (109 фрагментов).

Керамика среднедонской культуры выявлена в пяти хозяйственных объектах стоянки: яма 4 – 3 фр. (рис. 7: 2–4), яма 9 – 1 фр. (рис. 7: 9), яма 11 – 59 фр. (рис. 3), яма 12 – 2 фр. (рис. 7: 13, 14), постройка 1 – 1 неорнаментированный фрагмент. Только яма 11 является объектом, появившимся в результате хозяйственной деятельности населения среднедонской культуры. Она представляет собой, вероятно, лоток небольшой постройки. Но из-за того, что именно на этом месте лиса устроила себе нору, часть сооружения была разрушена и точно определить его границы не удалось. Примерные размеры этого подовального сооружения составили 3×2,4 м. В яме выявлены фрагменты двух сосудов. Сосуд 1 представлен 15 фрагментами, из которых восемь украшены наколами треугольной формы и семь не имели орнамента. По трём фрагментам (рис. 3: 1–3) можно частично реконструировать биконическую форму этого горшка. Сосуд 2 представлен 44 фрагментами (рис. 3: 4–9), из которых 14 украшены наколами треугольной формы и 30 не имели орнамента. По форме это был прямостенный сосуд, украшенный в верхней части двумя горизонтальными рядами ямок, от которых изнутри остались негативы (рис. 3: 6, 7), и в средней части рядами подтреугольных наколов (рис. 3: 5, 9). Большая часть поля горшка не имела орнамента (рис. 3: 4, 8).

Мотивы из элементов на керамике среднедонской культуры поселения Буховое 10 делятся на четыре типа, два из которых подразделяются на подтипы:

1 тип. Мотивы из отпечатков гребенчатого штампа: 1 – один горизонтальный ряд коротких гребенчатых вдавлений, наклонённых вправо, доля использования его от всех орнаментированных фрагментов керамики среднедонской культуры составляет 12 % (рис. 2: 7, 9, 10); 2 – один горизонтальный ряд коротких отрисков гребёнки, наклонённых влево, – 4 % (рис. 2: 3).

¹ Археологические исследования выполнялись при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Исследование поселения эпохи бронзы Буховое 10 в системе памятников катакомбной культуры верховьев р. Воронеж», проект № 12-11-48601.

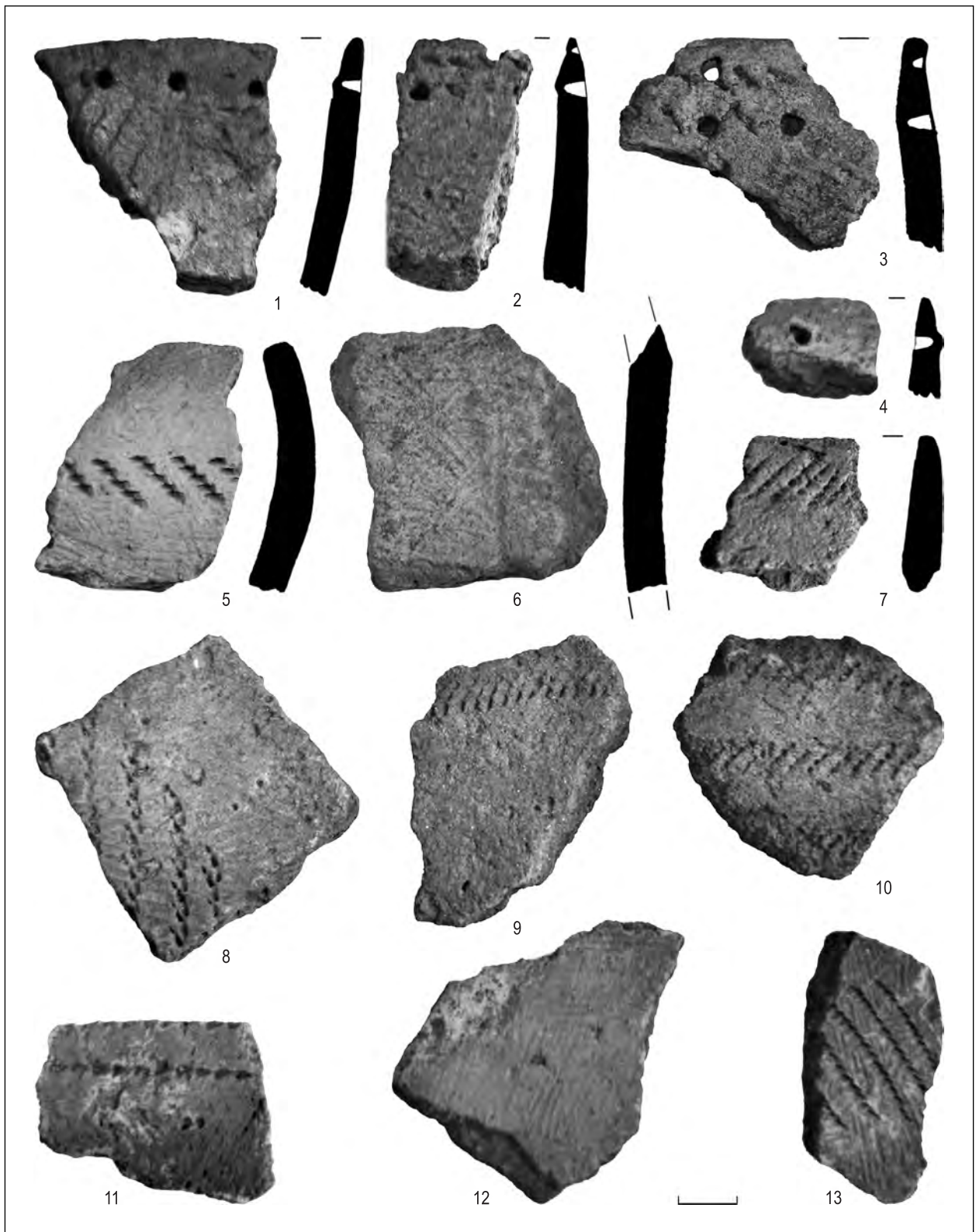

Рис. 2. Поселение Буховое 10. Керамика среднедонской культуры

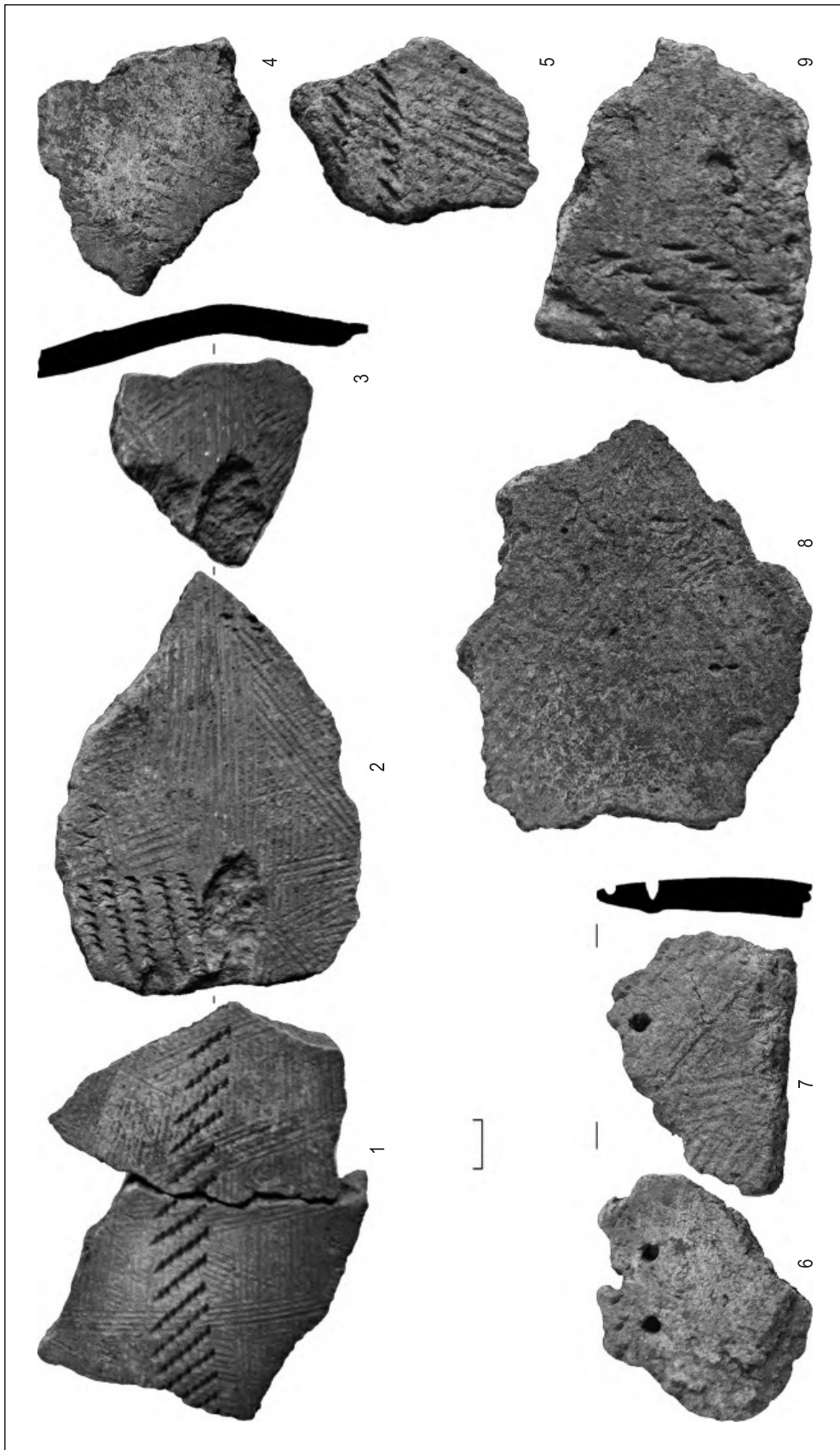

Рис. 3. Поселение Буховое 10. Яма 11. Керамика среднедонской культуры: 1-3 – сосуд 1; 4-9 – сосуд 2

II тип. Мотивы из треугольных наколов: 1 – вертикально расположенные ряды составили 4 % (рис. 2: 8); 2 – один горизонтальный ряд треугольных наколов фиксируется на 10 % орнаментированных фрагментов (рис. 2: 11; 3: 5); 3 – диагональные ряды наколов, наклонённых вправо, – 12 % (рис. 2: 1; 3: 3, 9); 4 – доля диагональных рядов наколов, наклонённых влево, составила 10 % (рис. 2: 5, 13; 3: 1).

III тип. Мотив из ямочных вдавлений. Глубокие ямочные вдавления, находящиеся на расстоянии 1,5 см друг от друга, расположенные в один горизонтальный ряд, были представлены на 15 % орнаментированных фрагментов (рис. 2: 1–3; 3: 6, 7).

IV тип. Мотивы из зон без орнамента. Доля их использования на сосудах составила 33 %.

Технико-технологический анализ всей керамики поселения Буховое 10 проводился по методике, разработанной А.А. Бобринским [4]. Посуда исследовалась с помощью бинокулярного микроскопа.

Для среднедонской культуры проанализированы фрагменты всех семи сосудов, найденных на поселении Буховое 10. Было выявлено, что в качестве исходного сырья для изготовления данной посуды использовался ил. Керамика насыщена органическими остатками, округлыми комочками чистой глины, обломками костей рыб. Сырьё среднезапесоченное, песок кварцитовый окатанный размером 0,2–0,4 мм, в концентрации 1:8 и менее.

Фрагментарность керамического материала позволила дать лишь общую характеристику навыков конструирования сосудов. Вся посуда данной группы была изготовлена способами скульптурной лепки. Выявлены признаки конструирования сосудов только кольцевым налепом из лент. Строительными элементами служили ленты шириной 5–6 см. Основным способом обработки поверхностей служило расчёсывание гребенчатым штампом, не исключено, что расчёсы имели, помимо технологического назначения, и декоративную составляющую в украшении поля сосуда (рис. 2: 6, 12; 3: 1–3, 7).

В качестве приёма придания прочности и влагонепроницаемости применялся обжиг. Механическая прочность сосудов низкая, реже – средняя. Окраска изломов фрагментов сосудов представлена тремя видами: 1) излом двухслойный: внешний слой – коричневый, мощностью 1–2 мм, остальная толща черепка и внутренняя поверхность – тёмно-серого цвета, мощностью 4–5 мм; 2) излом двухслойный: внешний слой – коричневый, мощностью 6–7 мм, остальная толща черепка и внутренняя поверхность – тёмно-серого цвета, мощностью 1 мм; 3) излом трёхслойный: внешний и внутренний слои – коричневые, мощностью 1–3 мм, сердцевина – серая, мощностью 6–7 мм. Полученные данные позволяют предполагать костровой обжиг с недостаточно продолжительной выдержкой при температурах каления 650–700°C. В то же время наличие практически насквозь прокалённых изломов сосудов свидетельствует о существовании способа термической обработки с более длительной выдержкой при высоких температурах.

Данная группа посуды была оставлена населением неолитической среднедонской культуры на втором этапе её существования. Для керамики этого времени наиболее характерным орнаментом являлся треугольный накол, компонованный в строчки, и ряды коротких гребенчатых отпечатков. Подобная посуда с соседнего верхнедонского поселения Васильевский Кордон 7 датируется: 5860±80 BP (1σ 4860–4520 BC) (Ki 15193) и 5770±90 BP (1σ 4810–4440 BC) (Ki 15199).

Рязанско-долговская культура. В слое стоянки и в хозяйственных объектах (яма 11 – два фр. – рис. 7: 11–12) всего выявлены 25 фрагментов 5 сосудов (рис. 4). Обнаружены всего два фрагмента венчиков: один – горшка с намеченной профилировкой (рис. 4: 1), второй – слегка закрытого сосуда (рис. 4: 3). Край их – округлый. В орнаментации преобладают ямочные вдавления. Они присутствуют на 20 фрагментах (рис. 4: 3, 5–11). На трёх они сочетаются с отпечатками гребёнки (рис. 4: 1, 2, 4), один фрагмент имел только гребенчатую орнаментацию. Керамика украшалась горизонтальными рядами ямочных вдавлений различной формы и размеров, нанесённых в шахматном порядке (рис. 4: 3, 5, 8–11), делителем орнаментальных зон выступали горизонтальные ряды отгисков косо поставленного семизубого штампа (рис. 4: 2, 4). В качестве штампов для нанесения ямочной орнаментации использовались стержни (белемнит, заострённая палочка, кость животного), которые оставляли ровную гладкую ямку (рис. 4: 5, 8, 10–11), остриё с подквадратным концом (рис. 4: 1, 3, 6) и плюсны (рис. 4: 2, 4, 9).

Мотивы из элементов на рязанско-долговской керамике поселения Буховое 10 делятся на два типа, один из которых подразделяется на подтипы.

I тип. Мотив из отпечатков гребенчатого штампа. Горизонтальный ряд гребенчатых вдавлений длиной 1,5 см, имеющих наклон вправо, составил 15 % общего количества мотивов (рис. 4: 1, 2, 4).

II тип. Мотивы из ямочных и плюсневых вдавлений. 1 – горизонтальные ряды ямочных вдавлений, наносившихся в шахматном порядке, составили 65 % (рис. 4: 3, 6–11); 2 – почковидные вдавления, наносившиеся плюсневой костью в один горизонтальный ряд, – 15 % (рис. 4: 1, 2, 4); 3 – диагонально расположенные ряды почковидных вдавлений, наносившихся плюсневой костью, имеющих наклон влево, зафиксированы на 5 % орнаментированных фрагментов (рис. 4: 6).

Нами проанализированы фрагменты всех пяти сосудов с ямочно-гребенчатой орнаментацией. В качестве исходного сырья для керамики использовалась илистая глина [5]. В единичной концентрации встречены следы органики в виде полостей от выгоревшей растительности – листьев, стебельков растений, нитевидных водорослей, также в керамике зафиксирован отпечаток ребра маленькой рыбы. Сырьё – как среднезапесоченное с кварцитовым песком размером 0,1–0,5 мм в концентрации 1:8, так и сильно запесоченное с кварцитовым песком размером 0,1–0,4 мм в концентрации 1:4. Кроме того, в сильно запесоченной керамике встречается песок размером 0,6–1 мм в концентрации 1:9, 1:10. В связи с различием в размерах и кон-

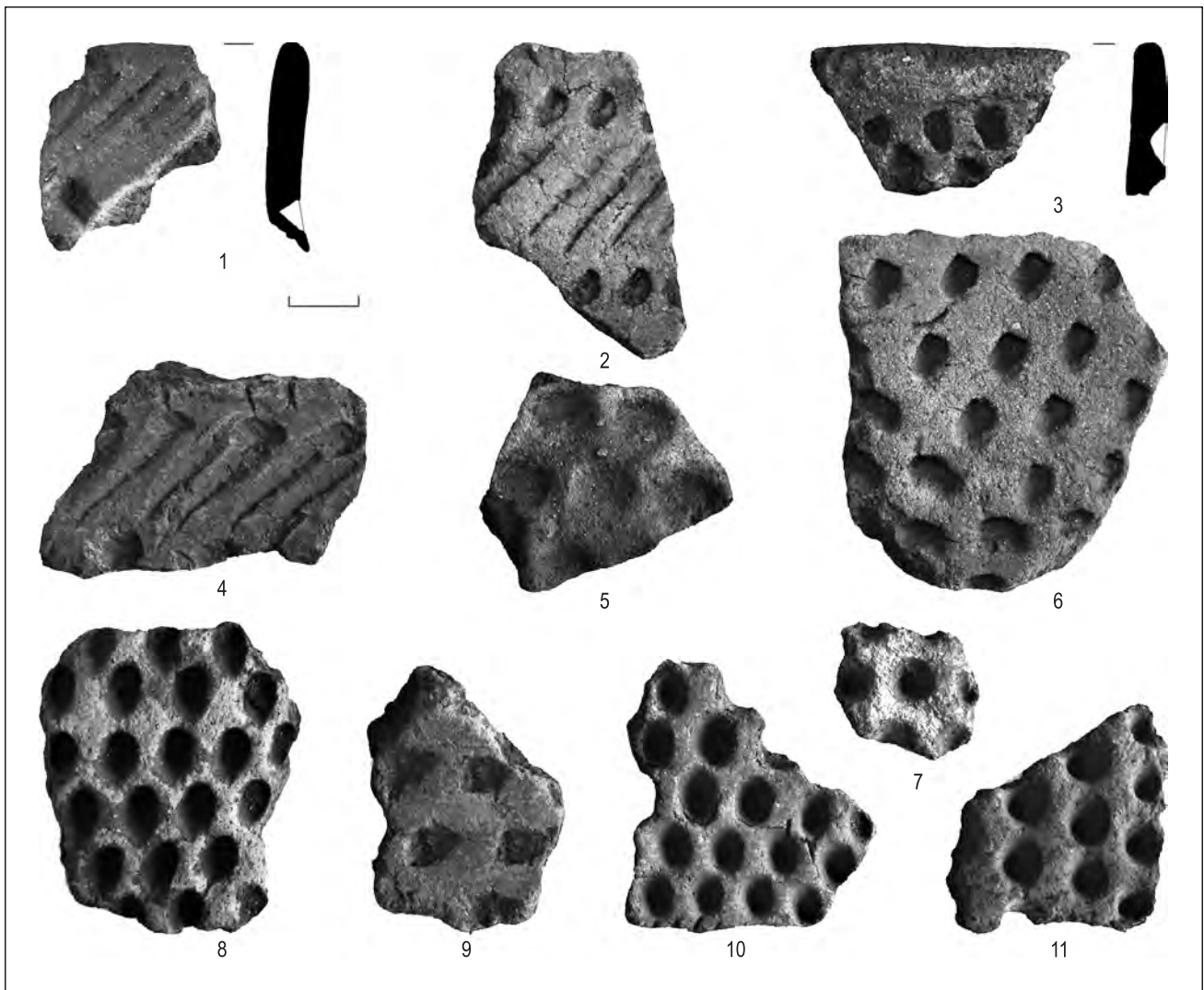

Рис. 4. Поселение Буховое 10. Керамика рязанско-долговской культуры

центрации между двумя фракциями песка возникает вопрос об искусственном характере его примеси. Утверждать с уверенностью, что крупный песок является искусственной добавкой, не позволяет его низкая концентрация [4].

Фрагментарность керамического материала позволила дать лишь общую характеристику навыков конструирования сосудов. Вся посуда данной группы была изготовлена способами скульптурной лепки. Выявлены признаки конструирования сосудов лоскутным налепом, строительным элементом служили крупные лепёшкообразные лоскутки размерами более 4×5 см. Основным способом обработки поверхностей служило заглаживание, судя по следам на поверхности, для этого применялась грубо выделанная кожа. Внешняя поверхность некоторых изученных сосудов подвергалась сплошному уплотнению без блеска (рис. 4: 1, 2, 4, 9).

В качестве приёма придания прочности и влагонепроницаемости применялся обжиг. Механическая прочность сосудов – низкая, реже – средняя. Окраска изломов фрагментов сосудов представлена четырьмя видами: 1) излом двухслойный: внешний слой – светло-коричневый, 2–3 мм, остальная толща черепка и внутренняя поверхность – тёмно-серого цвета, мощностью 5–7 мм; 2) излом двухслойный: внешний слой – серый, мощностью 2 мм, остальная толща черепка и внутренняя поверхность – светло-коричневого цвета, мощностью 5 мм; 3) излом трёхслойный: внешний и внутренний слои – коричневые, мощностью 1 мм, сердцевина – серая, мощностью 4 мм; 4) излом трёхслойный: внешний и внутренний слои – тёмно-серые, мощностью 2 мм, сердцевина – коричневая, мощностью 3 мм. Полученные данные позволяют предполагать костровой обжиг с недостаточно продолжительной выдержкой при температурах каления 650–700°C.

На территории Верхнего Подонья сейчас известны 92 памятника рязанско-долговской культуры. Наиболее полно исследованной донской стоянкой с ямочно-гребенчатыми материалами остаётся Долговская.

Аналогичные буховским материалы на ней занимали самую верхнюю стратиграфическую позицию среди ямочно-гребенчатого комплекса – верхний ярус среднего горизонта – и датировались В.П. Левенком сер. III тыс. до н.э. [6, с. 246]. При этом им отмечалось, что долговской керамике синхронна посуда Подзоровской стоянки [6, с. 243], для которой получена датировка 2820 лет до н.э. [7].

Ямочно-гребенчатая керамика поселения Буховое 10 имеет сходство с посудой позднего этапа льяловской культуры, датированной последней четв. IV – нач. III тыс. до н.э. [8, с. 245].

Ксизовский тип. В слое стоянки и в хозяйственных объектах (яма 11 – 1 фр. (рис. 7: 10), постройка 1 – 3 фр.: рис. 7: 16–18) выявлен 71 фрагмент 4 сосудов (рис. 5). Всего обнаружены четыре фрагмента венчиков: один – профилированного подколоколовидной формы сосуда с приостренным краем (рис. 5: 1), второй – прямостенного со срезанным внутрь краем (рис. 5: 2), третий – открытого с уплощенным краем (рис. 5: 6) и четвертый – профилированного, закрытого, с округлым краем (рис. 5: 7). Три из четырех фрагментов венчиков по краю имели небольшие подворотничковые утолщения разных формы и размера (рис. 5: 1, 6, 7). Все четыре сосуда в верхней части украшены горизонтальным рядом подквадратной формы (рис. 5: 1, 2) и аморфных (рис. 5: 6, 7) ямочных вдавлений. Два из них по краю орнаментированы горизонтальным рядом оттисков косо поставленного семизубого гребенчатого штампа (рис. 5: 2, 7). Основное поле сосудов украшено горизонтальными рядами оттисков различных формы и размера, вероятно, использовались какие-то костяные, естественные орнаменты. По форме их отпечатки напоминают оттиски двузубого штампа с округлыми зубцами (рис. 5: 1–4), двузубого штампа с треугольными зубцами (рис. 5: 5), трёхзубого штампа (рис. 5: 8), ямчатые вдавления (рис. 5: 7).

На керамике ксизовского типа имеются элементы орнамента в виде птичьей лапки, нанесённой гребенчатым штампом в неорнаментированной зоне (рис. 5: 4; 7: 10).

Мотивы на керамике ксизовского типа с поселения Буховое 10 делятся на три типа, один из которых подразделяется на подтипы.

I тип. Мотивы из отпечатков гребенчатого штампа. Горизонтальный ряд гребенчатых вдавлений длиной от 0,5 до 1,5 см, имеющих наклон вправо, составил 25 % общего количества мотивов (рис. 5: 2, 7, 8).

II тип. Мотивы из ямочных, ямчатых и лапчатых вдавлений. Подтип 1 – один горизонтальный ряд ямочных вдавлений, расположенных на расстоянии 1,5 см друг от друга, есть на 8 % такой керамики (рис. 5: 2); подтип 2 – горизонтальный ряд глубоких подквадратных вдавлений составил 20 % (рис. 5: 1, 6, 7); подтип 3 – доля лапчатых вдавлений, сделанных в один горизонтальный ряд, составила 8 % (рис. 5: 3); подтип 4 – горизонтальные ряды из оттисков двузубого штампа с округлыми зубцами – 15 % (рис. 5: 2, 4; 7: 10); подтип 5 – от одного до трёх горизонтальных рядов неглубоких подквадратных вдавлений, нанесённых в скорописной манере, отмечены на 19 % орнаментированных фрагментов (рис. 5: 1, 3, 6, 7).

III тип. Мотивы из зон без орнамента. Доля их в орнаментации сосудов составила 20 %.

Были проанализированы фрагменты всех четырех горшков ксизовского типа. Установлено, что в качестве исходного сырья для их изготовления использовалась илистая глина. Немногочисленные следы органики в виде полостей от выгоревшей растительности, зафиксированы два отпечатка нитчатых водорослей. Сырьё – как среднезапасочное, с кварцитовым песком двух фракций: 1) окатанный размером 0,1–0,4 мм, в концентрации 1:10; 2) остроугольный размером 0,7–1,5 мм, в единичной концентрации, – так и сильно запесоченное, в котором имеется кварцитовый песок двух фракций: 1) окатанный размером 0,2–0,4 мм, в концентрации 1:6; и 2) песок размером 0,5–1 мм, в концентрации 1:9 и 1:10. В связи с различием в размерах и концентрации между двумя фракциями песка, как и в керамике рязанско-долговской культуры, возникает вопрос об искусственном характере его примеси.

Вся посуда данной группы была изготовлена способами скульптурной лепки. Выявлены признаки конструирования сосудов лоскутным налепом, строительным элементом служили крупные лепёшкообразные лоскутки размерами около 5×6 см. Основной способ обработки поверхностей – тщательное заглаживание грубо выделанной кожей. В одном случае обе поверхности были заглажены галькой, до уплотнения, без блеска (рис. 5: 5).

В качестве приёма придания прочности и влагонепроницаемости применялся обжиг. Механическая прочность сосудов – низкая, реже – средняя. Окраска изломов фрагментов сосудов представлена тремя видами: 1) излом двухслойный: внешний слой – коричневый, мощностью 1–2 мм, остальная толща черепка и внутренняя поверхность – тёмно-серого цвета, мощностью 4–5 мм; 2) излом двухслойный: внешний слой – коричневый, мощностью 6–7 мм, остальная толща черепка и внутренняя поверхность – тёмно-серого цвета, мощностью 1 мм; 3) излом трёхслойный: внешний и внутренний слои – коричневые, мощностью 1–3 мм, сердцевина – серая, мощностью 6–7 мм. Полученные данные позволяют предполагать костровой обжиг с недостаточной продолжительной выдержкой при температурах каления 650–700°C. В то же время наличие практически насквозь прокалённых изломов сосудов свидетельствует о существовании способа термической обработки с более длительной выдержкой при высоких температурах.

Анализ исследованной коллекции показал, что эта посуда относится к керамике ксизовского типа (названа по впервые выделенному керамическому комплексу этого типа на поселении Ксизово 6 в Задонском районе Липецкой области). Она представлена на 19 памятниках Верхнего Подонья: поселения Буховое 10, Ратчино 22, Васильевский Кордон 25, 21, 17, 27, Доброе 1, у Сокольского завода, г. Липецк, Ярлуковская Протока (пункт 222), городище Большой Липяг, поселения Красный Бугор, Карамышево 9, I Перехвальское городище, поселения Новиково, Ксизово 6, Ссёлки 11 (пункт 100), Ступино, Доброе 8. На наш взгляд, данный вид керамики не относится ни к одной из известных культур неолита – эпохи бронзы Лесостепного По-

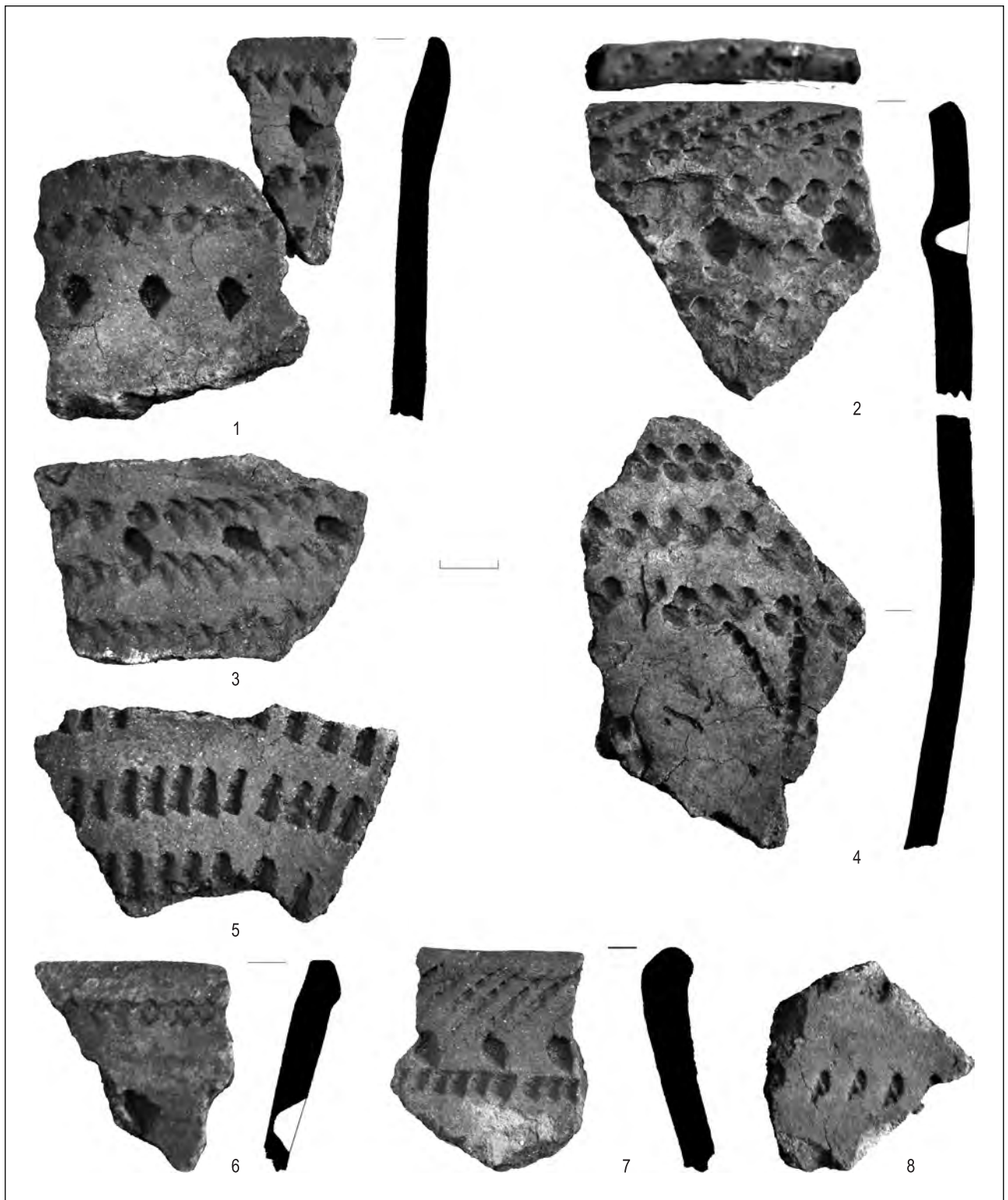

Рис. 5. Поселение Буховое 10. Керамика ксизовского типа

донья. Пока данная керамика выделяется только типологически, нет однослойных памятников с подобной посудой. Стратиграфически на поселении Ксизово 6 она залегает чуть выше и совместно с материалами среднестоговской культуры и ямочной и гибридной накольчато-ямочной керамикой. Генезис и датировка подобной керамики пока неясны. Вероятнее всего, появление подобной посуды стало результатом контактов неолитического населения рязанско-долговской культуры, на самом позднем этапе её развития, и энеолитического – среднестоговского. Формы этой керамики близки к энеолитическим, примеси в тесте характерны для позднэнеолитической посуды, традиции орнаментации – смешанные.

Данная керамика датируется нами сер. IV тыс. до н.э. в связи с тем, что финал бытования населения среднестоговской культуры на территории Лесостепного Подонья, вероятно, определяется временем 4900 лет BP или 3700 лет BC (по аналогии с имеющимися 14С датами для памятников со среднестоговской керамикой дереивского облика на территории Украины [9, с. 277] и поселения Ямное на р. Дон [10, с. 58]). Так же датируется поздняя ямочно-гребенчатая посуда Верхнего Подонья [7; 10, с. 40]. Не противоречит этому и одна радиоуглеродная дата, полученная по кости животного из постройки 4, где встречена эта посуда, поселения Васильевский Кордон 17 – 4684±100 BP (SPB-1519).

Имеркская культура. В слое стоянки и в хозяйственных объектах (яма 2 – 1 фр. (рис. 7: 1), яма 8 – 4 фр. (рис. 7: 5, 6), яма 9 – 2 фр. (рис. 7: 7, 8), яма 11 – 1 неорнаментированный фр., постройка 1 – 1 фр.: рис. 7: 15) найдены 128 фрагментов 9 сосудов (рис. 6; 7: 1, 5–8, 15). Всего обнаружены десять фрагментов венчиков девяти горшков. Шесть из них происходят от профилированных сосудов (рис. 6: 1, 2, 7, 10, 11; 7: 8), два – от прямостенных (рис. 6: 3; 7: 1) и один – от закрытого (рис. 6: 4). У пяти горшков край венчика уплощён (рис. 6: 1, 3, 4, 11; 7: 2), у трёх – он округлый (рис. 6: 7, 10; 7: 8), у одного – приострён (рис. 6: 2). При этом только два были украшены по срезу насечками (рис. 6: 7, 11). Семь из девяти сосудов имели по краю небольшие подворотничковые утолщения: в шести случаях – снаружи (рис. 6: 1–4, 7, 11), в одном – изнутри (рис. 6: 10). На трёх горшках прослежено внутреннее ребро (рис. 6: 2, 11; 7: 8). Один горшок, фрагменты которого обнаружены как в слое стоянки, так и в яме 9, имел желобчатый венчик (рис. 6: 11; 7: 7).

Из 128 фрагментов керамики только 16 не имели орнамента. В орнаментации доминировали прочерченные линии (47 фр.) (рис. 6: 1–3, 6, 8, 9), в десяти случаях использовался лапчатый штамп (рис. 6: 7, 13, 17), в семи – накольчатый (рис. 6: 15), в восьми – ямчатый (рис. 6: 11; 7: 7), в шести – гребенчатый (рис. 6: 14), в семи – верёвочный (очень плохо сохранился) (рис. 6: 4, 5; 7: 1), в шести – гладкий (рис. 6: 10, 16), в четырнадцати – плюсневый (рис. 6: 12), в четырёх – зафиксированы ногтевые и пальцевые защипы (рис. 6: 4, 8, 9).

Орнаментальные мотивы на керамике имеркской культуры поселения Буховое 10 делятся на семь типов, четыре из которых подразделяются на подтипы.

I тип. Мотивы из отпечатков гребенчатого штампа. Вертикальные ряды гребенчатых вдавлений в форме ломаной линии, составили 8 % общего количества мотивов (рис. 6: 14).

II тип. Мотивы из прочерченных линий. Подтип 1 – горизонтальный ряд из диагонально расположенных линий, наклонённых вправо, – 5,5 % (рис. 6: 2, 3, 6); подтип 2 – горизонтальный ряд из диагонально расположенных линий, наклонённых влево, – 5,5 % (рис. 6: 1, 2, 3, 6).

III тип. Мотивы из насечек. 1 – горизонтальный ряд насечек, наклонённых вправо, доля его составляет 8 % (рис. 6: 10, 17); 2 – горизонтальный ряд насечек, наклонённых влево, при орнаментации использовался в 8 % случаев (рис. 6: 10, 17).

IV тип. Мотивы из ямочных и лапчатых вдавлений. Подтип 1 – более трёх горизонтальных рядов ямочных вдавлений, нанесённых в шахматном порядке, составили 4,5 % (рис. 6: 16); подтип 2 – два горизонтальных ряда ямочных вдавлений – 8 % (рис. 6: 1, 15); подтип 3 – один горизонтальный ряд ямочных вдавлений, встречен на 8 % орнаментированной керамики (рис. 6: 6, 11); подтип 4 – горизонтальные ряды лапчатых вдавлений – 12 % (рис. 6: 13).

V тип. Мотивы из ногтевых защипов и вдавлений. Подтип 1 – более трёх горизонтальных рядов ногтевых защипов, составили 8 % (рис. 6: 9; 7: 6); подтип 2 – более трёх горизонтальных рядов ногтевых вдавлений – 5 %.

VI тип. Мотивы из оттисков перевитого шнура. Расположены диагональными рядами, их доля на керамике имеркской культуры составила 8 % (рис. 6: 5).

VII тип. Мотивы из зон без орнамента. Использовались в 11,5 % случаев орнаментации.

Найдены также фрагменты стенок сосудов (типы IV, VI по мотивам орнамента) со сквозными отверстиями (для ремонта?) (рис. 6: 5, 11).

Нами проанализированы фрагменты девяти сосудов имеркской культуры. Было установлено, что в качестве исходного сырья для керамики использовался ил. Кроме глинистого субстрата в нём содержатся: 1) большое количество отпечатков и углефицированных остатков водной (ряска) и подводной (нитчатые водоросли) растительности; 2) округлые комочки чистой глины размером 1–2 мм; 3) мелкие окатанные частицы известняка; 4) обломки костей рыб чёрного цвета (в том числе углефицированный отпечаток ребра рыбы длиной 7 мм, шириной 0,5 мм); 5) отпечаток чешуи рыбы с сохранившимся углефицированным веществом размерами 1×1 мм. Сырьё слабо- или среднезапесоченное. В керамике встречен кварцитовый окатанный песок двух фракций: 1) размером 0,1–0,5 мм в концентрации 1:7, 1:8 и менее; 2) размером 0,7–1,2 мм в концентрации 1:8 и менее. В большинстве сосудов в качестве естественной примеси встречены различные ожелезненные частицы. В керамике с лапчатым орнаментом (рис. 6: 13) встречена примесь мелкого пера. В связи с высокой концентрацией его в формовочной массе не возникает сомнений в том, что оно является искусственно добавленной примесью. На внешней поверхности одного сосуда удалось зафиксировать целый отпе-

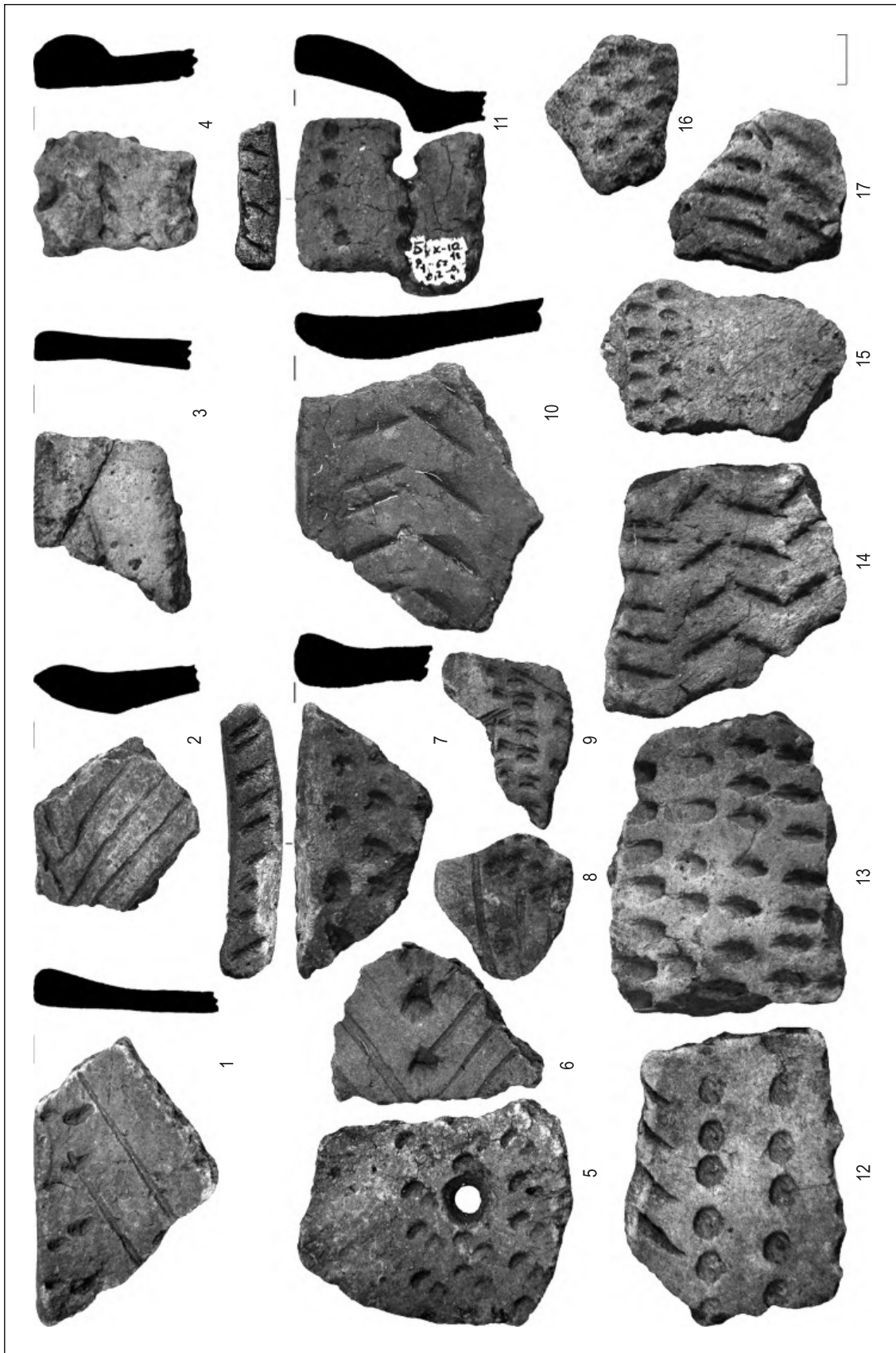

Рис. 6. Поселение Буховое 10. Керамика имеркской культуры

чаток пера. Оно обладает чётко выраженной остью (что не позволяет нам назвать его пухом). Длина – 9 мм, ширина в наиболее широком месте – 4 мм.

Вся посуда данной группы была изготовлена способами скульптурной лепки. Выявлены признаки конструирования сосудов лоскутным налепом, строительным элементом служили крупные лепёшкообразные лоскутки размерами более 4×3 см. Удалось также выявить основной способ обработки поверхностей в виде

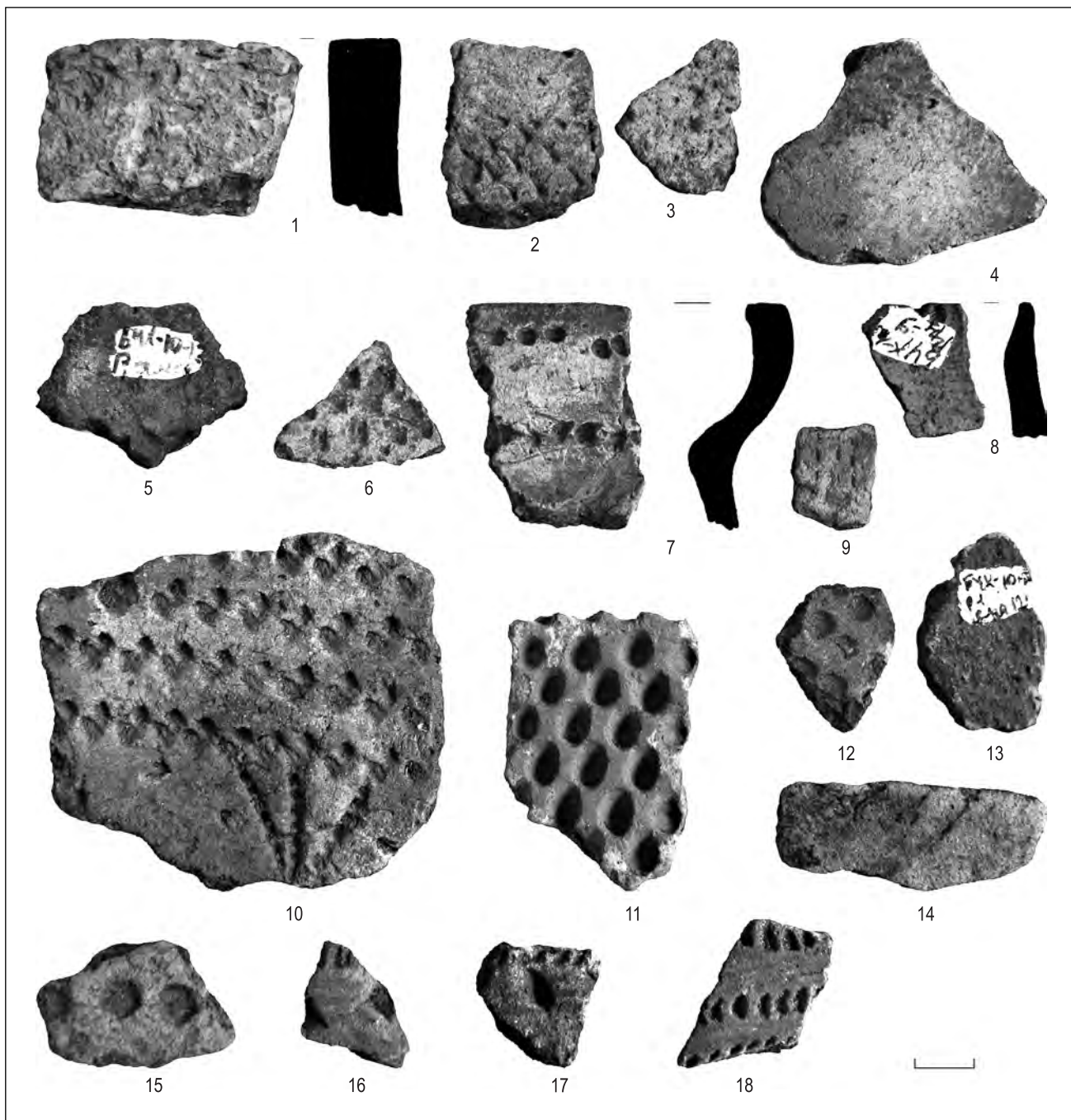

Рис. 7. Поселение Буховое 10. Яма 2 (1 – керамика имеркской культуры). Яма 4 (2–4 – керамика среднедонской культуры). Яма 8 (5–6 – керамика имеркской культуры). Яма 9 (7–8 – керамика имеркской культуры; 9 – керамика среднедонской культуры). Яма 11 (10 – керамика ксизовского типа; 11–12 – керамика рязанско-долговской культуры). Яма 12 (13–14 – керамика среднедонской культуры). Постройка 1 (15 – керамика имеркской культуры; 16–18 – керамика ксизовского типа)

расчёсывания пучком травы, делавшегося в горизонтальном и вертикальном направлениях, кроме того, для обработки внешней поверхности применялось заглаживание кожей (практически до лощения) и пальцами рук.

В качестве приёма придания прочности и влагонепроницаемости керамике применялся обжиг. Механическая прочность сосудов различна: от низкой до высокой. Окраска изломов фрагментов сосудов представлена тремя видами: 1) излом двухслойный: внешний слой – светло-коричневый, мощностью 3 мм, внутренний слой – темно-серого цвета, мощностью 3 мм; 2) излом трёхслойный: внешний и внутренний слои – коричневые или светло-коричневые, мощностью 0,5–2 мм, сердцевина – темно-серая, мощностью 5–6 мм; 3) излом трёхслойный: внешний и внутренний слои – серые, мощностью 1 мм, сердцевина – темно-серая или светло-коричневая, мощностью 5–6 мм. Полученные данные позволяют предполагать костровой обжиг с недостаточно продолжительной выдержкой при температурах каления 650–700°C. В то же время наличие практически наполовину прокалённых изломов сосудов свидетельствует о существовании способа термической обработки с более длительной выдержкой при высоких температурах.

Памятников имеркской культуры на территории Верхнего Подонья нам известно всего три. Раскопками исследовались только вышеописанное и соседнее поселение Васильевский Кордон I. По мнению исследователей, имеркская культура существовала во 2-й пол. III тыс. до н.э., в средне-, поздневоловоское время, и прекратила своё существование с появлением памятников примокшанского типа [11, с. 346].

Таким образом, нами отмечено, что поселение Буховое 10 в нео-, энеолитическое время возобновлялось не менее трёх раз. В целом керамическое производство трёх археологических культур в рамках каждой из них было стандартизировано, при этом мы можем отметить, что по технико-технологическим характеристикам керамика рязанско-долговской культуры и ксизовского типа имеет сходство почти на всех ступенях гончарного производства. Керамика ксизовского типа является частью керамического комплекса рязанско-долговской культуры. Видимо, керамическое производство рязанско-долговской культуры совместно со среднестоговским было в основе сложения керамики ксизовского типа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Ивашов М.В.* Отчет о проведении археологических исследований на многослойном поселении Буховое 10 в Чаплыгинском районе Липецкой области в 2012 году // Архив ИА РАН. Р-1.
2. *Фоломеев Б.А.* Отчет о работе Окско-Донской экспедиции ГИМа за 1990 год // Архив ИА РАН. Р-1.
3. *Свиридов А.А.* Отчет о результатах археологической разведки в бассейне р. Воронеж в пределах Чаплыгинского и Добровского районов Липецкой области в 2005 году // Архив ИА РАН. Р-1.
4. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.
5. *Бобринский А.А., Васильева И.Н.* О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998.
6. *Левенок В.П.* Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону // Палеолит и неолит СССР. Т. 5. М.; Л., 1965. (МИА. № 131)
7. *Долуханов П.М., Тимофеев В.И.* Абсолютная хронология неолита Евразии // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972.
8. *Энгватова А.В.* Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.
9. *Скоробогатов А.М.* Энеолит бассейна Верхнего и Среднего Дона в свете новых данных // Тверской археологический сборник. Вып. 9. Тверь, 2013.
10. *Сурков А.В., Скоробогатов А.М.* Многослойная стоянка Ямное (материалы исследований). Воронеж, 2012.
11. *Фоломеев Б.А., Челябинов В.П.* Этнокультурная ситуация в бассейне Средней Оки в энеолите (середина III – рубеж III–II тыс. до н.э.) // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.

**ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского»,
ООО «Экспертиза Черноземья»,
ОБУК «Липецкий областной краеведческий музей»,
Липецк**

M.V. Ivashov, A.A. Kulichkov, R.V. Smolyaninov

NEO-ENEOLITHIC CERAMICS FROM BUKHOVOE 10 SETTLEMENT AT THE UPPER DON

Summary

Bukhovee 10 settlement is located in between villages Ratchino and Bukhovee of the Chaplyginsky district and village Preobrazhenovka of the Dobrovsky district of Lipetsk region, on the right bank of the Voronezh River flood-plain residual rock 4 meters high.

Materials from the Neolithic, the Eneolithic and the Bronze Age (the Middle Don Catacomb Culture, Voronezh Culture and Srubnaya (Felling) Culture), as well as from Gorodets Culture of the Early Iron Age were found there.

The present article deals only with the analysis of the ceramics collections from the Neolithic and the Eneolithic of V–III millennium BC: the Middle-Don, Ryazan-Dolgovo, Imerka Cultures ceramics, as well as ceramics of the Ksizovo type.

In the Neolithic – the Eneolithic this place was populated no less than three times. Overall, the ceramics production observed within the three archaeological cultures of this monument was standardized, and it is worth noting that the technique and technological characteristics of Ryazan-Dolgovo and Ksizovo type ceramics are similar on almost every level of pottery production. It seems that the joint Ryazan-Dolgovo Cultures and Middle-Stogovo Cultures ceramics production made the basis for the ceramics of the Ksizovo type.

*“Expertiza Tchernozemya” Ltd,
14, Universitetsky proyezd, Lipetsk, 398045, Russia
M.V. Ivashov – E-mail: m-ivashov@yandex.ru*

*Lipetsk Regional Museum of History and Lore,
25, Lenina St., Lipetsk, 398050, Russia
A.A. Kulichkov – E-mail: kulichckov@yandex.ru*

*Lipetsk State Pedagogical University of P.P. Semenov-Tyan-Shansky,
Office 312, 42, Lenina St., Lipetsk, 398020, Russia
R.V. Smolyaninov – E-mail: rws17@rambler.ru*

Д.А. Иванов

КЕРАМИКА АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ С ПОСЕЛЕНИЯ БОРОК 10 НА ДЮНЕ УНДРИХ В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ Р. ОКИ

В эпоху бронзы долина среднего течения реки Оки, богатая природными ресурсами, с широкой поймой, достигающей 15–20 км в поперечнике, была облюбована представителями целого ряда археологических культур. Не обошли её вниманием и абашевские племена. Оставленные ими памятники археологически долгое время были крайне немногочисленны, оторваны друг от друга на значительные расстояния и не образовывали каких-либо компактных групп.

Малочисленность этих древностей заставила исследователей рассматривать Среднее Поочье как северную периферию распространения основного массива абашевских памятников [1, с. 67]. Вместе с тем именно этим землям отводилась роль промежуточной территории, где проходила граница между средневожской и доно-вожской абашевскими культурами, а от изучения расположенных здесь памятников ожидалось решение ряда вопросов о соотношении этих культур и происхождении средневожских абашевцев [2, с. 126, карта 23; 3, с. 18].

В настоящее время объём абашевских древностей на Средней Оке постепенно нарастает, и не только за счёт новых исследований. Так, целенаправленная работа с археологическими коллекциями, хранящимися в фондах Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, позволила выявить целую серию памятников, протянувшихся цепочкой, в основном вдоль долины самой Оки, реже – по её правобережным притокам, где среди прочих присутствуют материалы интересующей нас абашевской культуры (рис. 1). Выявленные памятники постепенно вводятся в научный оборот [4, с. 104–109].

На фоне единичных местонахождений разительно выделяется поселение Борок 10, с которого была получена самая большая по численности для рязанского Поочья коллекция фрагментов абашевской посуды. Это один из немногих бытовых (поселенческих) абашевских памятников, известных в настоящее время в Поочье. На представлении этих материалов и направлена настоящая работа.

Многослойное поселение Борок 10 – по Археологической карте России [5, с. 146, 147] – Борок. Поселение 4 (Ундрих) – находится в 3 км к ССВ от с. Борок Шиловского района Рязанской области на северной оконечности узкого песчаного дюнообразного всхолмления, имеющего в этой части название «Ундрих» (рис. 2). С севера и востока к поселению близко подходит правый берег одной из излучин р. Тырницы (правый приток р. Оки), в 150 м к западу расположено большое старичное озеро Ундрих. Размеры поселения около 75×30 м, высота его над уровнем поймы 6–7 м (рис. 3). На территории памятника располагается грунтовый некрополь V–VII вв. н.э. культуры рязано-окских могильников.

Первые научные исследования на дюне Ундрих были проведены в конце XIX в. В.А. Городцовым, который на основании сделанных им находок предположил наличие здесь неолитического поселения и древнего могильника [6, с. 643–644]. В 1929 г. памятник осматривался Л.А. Клёновым, а в 1978–1979 гг. А.Н. Гавриловым [7]. В 1979 и в 1981 гг. М.М. Макаровым на территории поселения проводились раскопки, основной целью которых было исследование раннесредневекового грунтового могильника [8, с. 35–49]. Раскопками изучено 317 кв. м памятника, где, помимо погребальных комплексов, был получен керамический и вещевой материал неолита, энеолита (волосовская, дубровичская культуры), эпохи бронзы (балановская, абашевская, поздняяковская культуры), раннего железного века, раннего и позднего Средневековья.

В 2015 г. поселение и могильник осмотрены В.М. Буланкиным, осуществлявшим мониторинг объектов археологического наследия Рязанской области [9].

Культурный слой поселения представляет собой тёмно-серую супесь с редкими включениями древесных угольков и мелких кусочков прокалённой глины, мощность его составляла от 30 до 60 см, увеличиваясь с запада на восток. Верхняя часть культурного слоя сильно перемешана. Нарушение целостности слоя началось, видимо, ещё в древности, поскольку данный участок дюны заселялся людьми неоднократно. Особенно сильно он пострадал от располагавшегося на месте памятника грунтового могильника V–VII вв. н.э. Дополняют картину разрушения культурного слоя ветровая эрозия, отмеченная в 70-х гг. XIX в., сосновая посадка и активная кладоискательская деятельность последних сорока лет, следы которой в виде многочисленных ям до сих пор видны на поверхности.

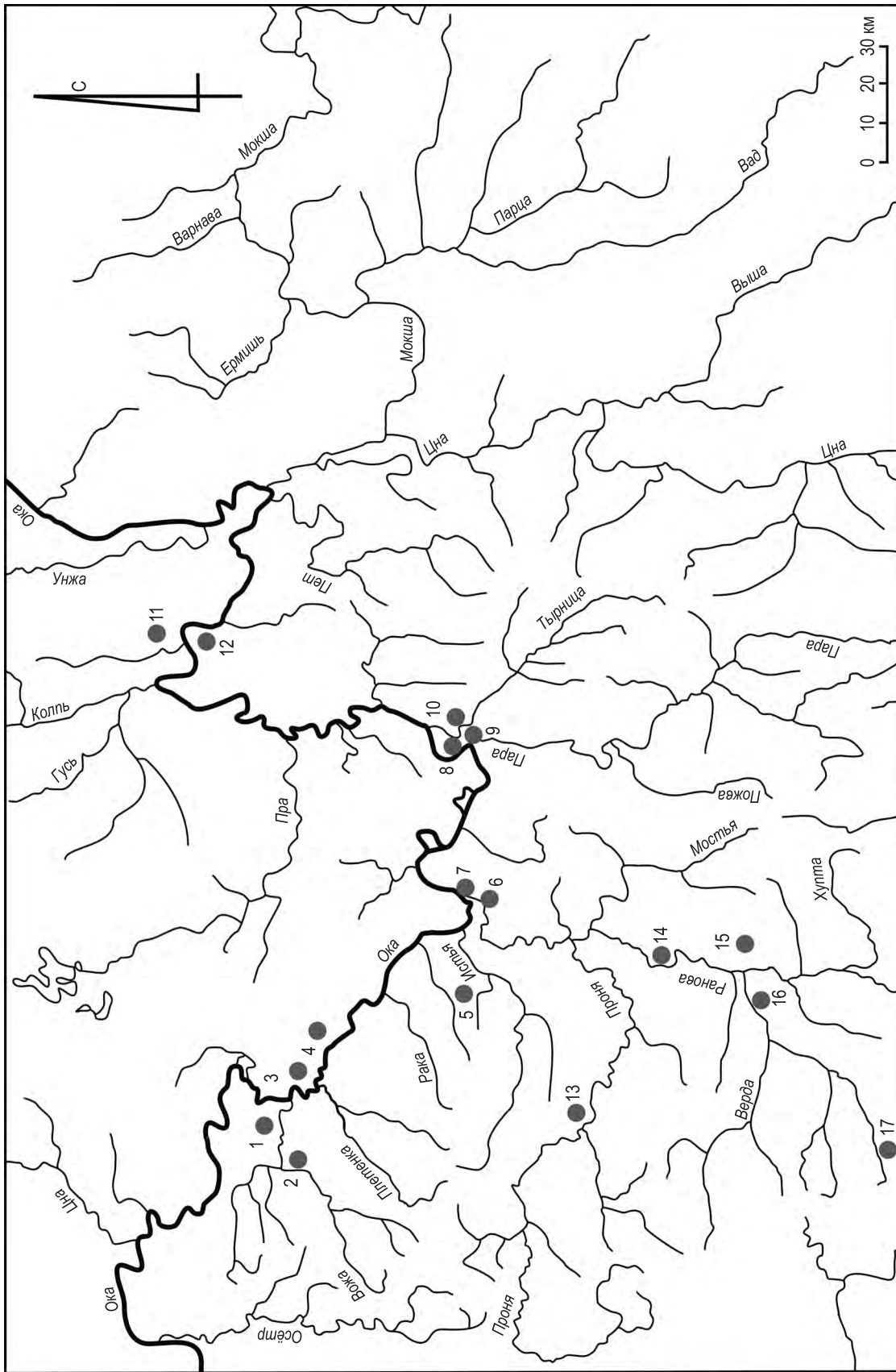

Рис. 1. Карта памятников абашевской культуры на территории Рязанского Поочья: 1 – Перекаль 1 поселение; 2 – Войнуково 1 поселение; 3 – Рыкова слобода местонахождение; 4 – Дубровичи местонахождение; 5 – Медвежье местонахождение вислоубушного топора; 6 – Засечь 3 стоянка; 7 – Старший Никитинский могильник; 8 – Прибрежный 1 поселение; 9 – Борок 10 поселение; 10 – Берёзово 2 поселение; 11 – Земский могильник; 12 – Подборновская стоянка; 13 – Гневна городище; 14 – Пехлец 1 стоянка; 15 – Петрово 1 стоянка; 16 – Александровка 1 стоянка; 17 – Савинка 4 поселение

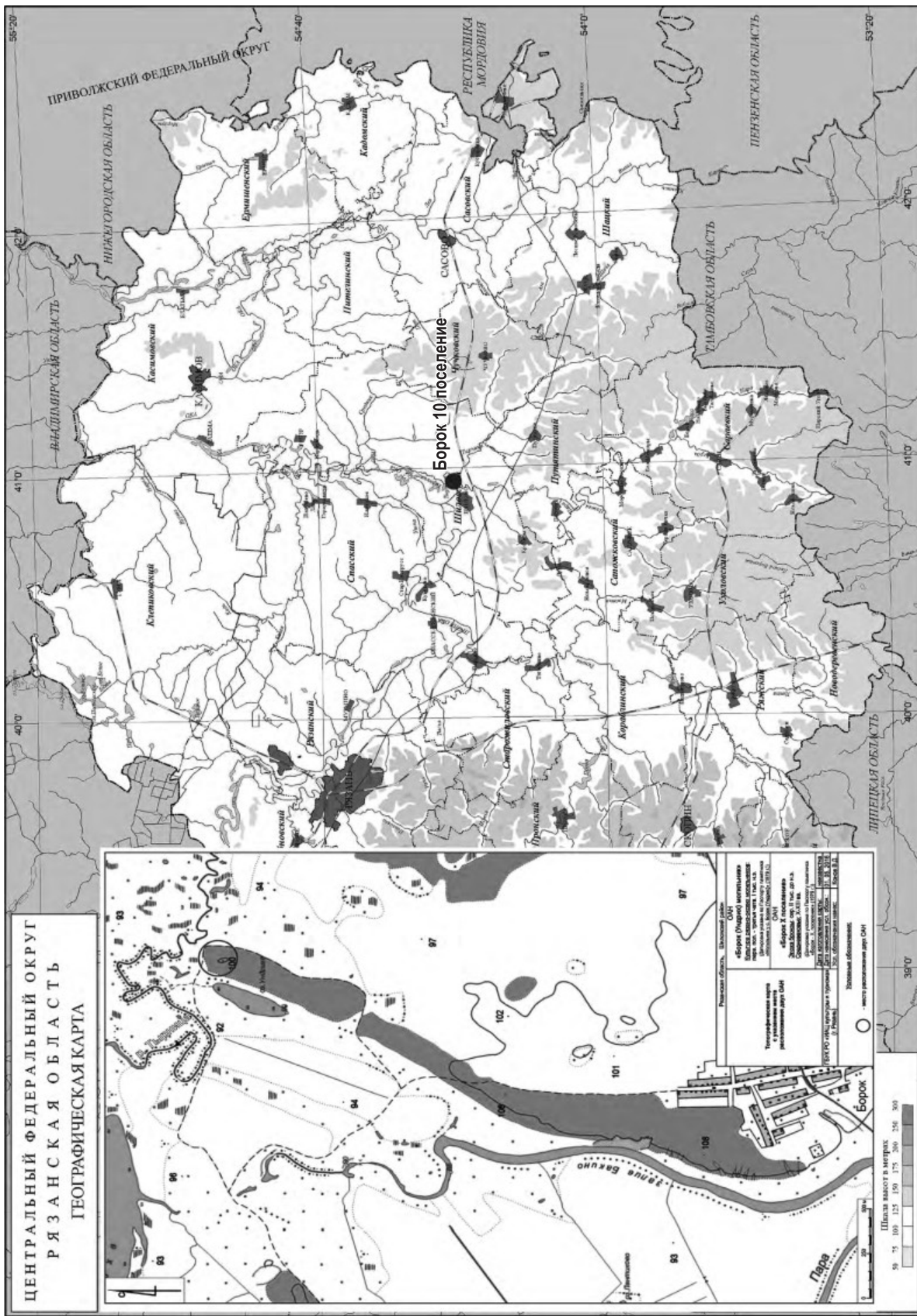

Рис. 2. Поселение Борок 10. Ситуационный план

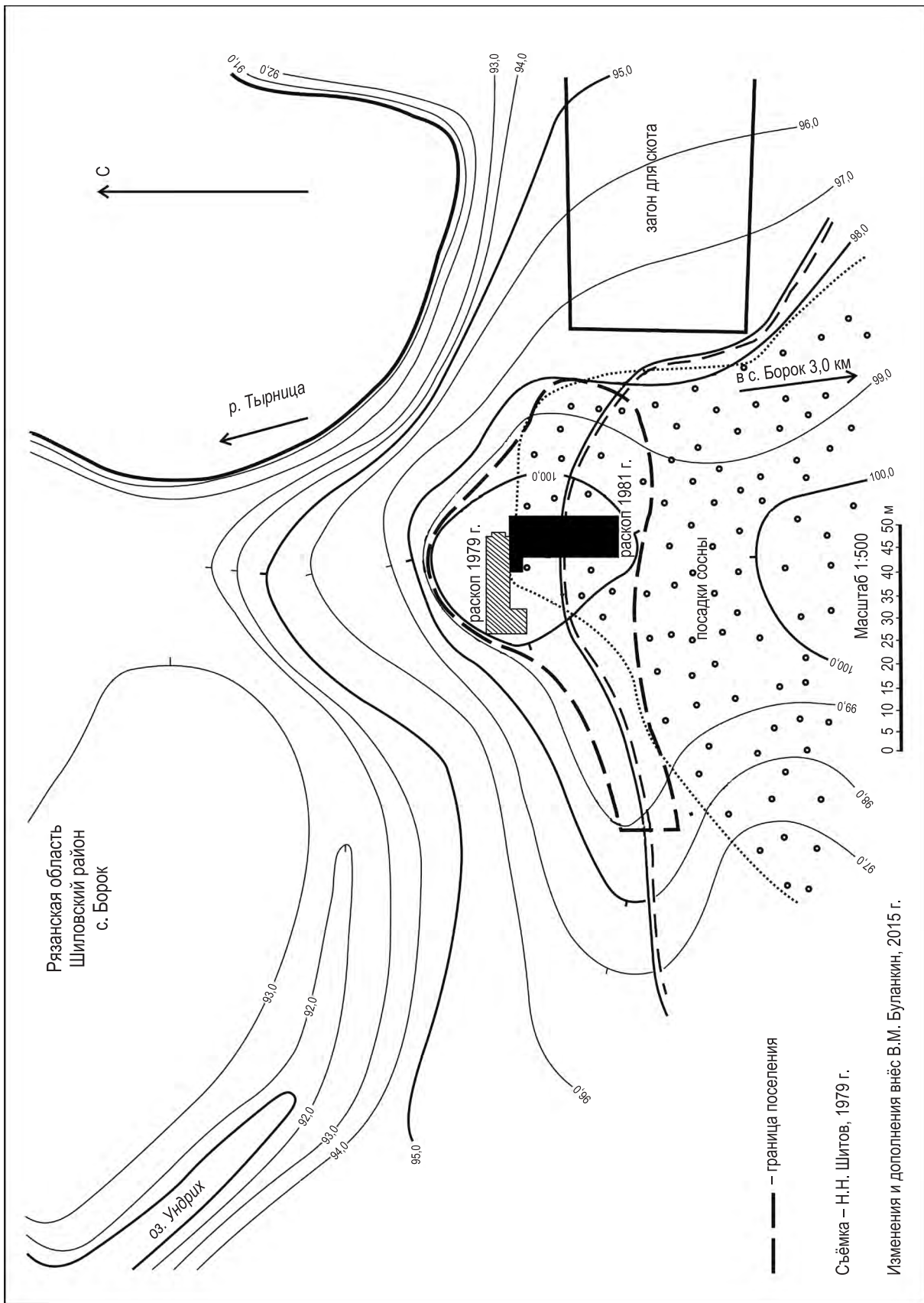

Рис. 3. Поселение Борок 10. Топографический план

В 1979 г. в ходе раскопок найдены 2800 фрагментов керамики. Керамический комплекс хронологически не однороден. Большая часть фрагментов посуды относится к периоду существования городецких городищ и культуры рязано-окских могильников (94,6 %). Около 3,6 % составляет круговая посуда XVI–XVII вв. н.э., 1,4 % приходится на посуду эпохи бронзы и около 0,4 % составляют фрагменты сосудов неолита – энеолита. По площади раскопа керамический материал распределялся равномерно, без заметных скоплений [10, с. 3].

В раскопе 1981 г. найден 6421 фрагмент керамики, однако в статистических подсчётах были использованы только 5658 фрагментов, что составляло 88 % собранной коллекции. Автором раскопок отмечено значительное увеличение процента посуды эпохи бронзы (как минимум в пять раз) в сравнении с показателями раскопа 1979 г. и высказывается предположение о существовании здесь поселения этого времени, без уточнения, правда, его конкретной культурной принадлежности [11, с. 10–11].

Наибольшая концентрация фрагментов керамики эпохи бронзы приходилась на восточную и северо-восточную части раскопов, тяготея к пологому склону левого берега р. Тырница, где, вероятно, и располагалось абашевское поселение. К сожалению, какие-либо ямы или сооружения, связанные с поселенческим слоем эпохи бронзы, обнаружены не были.

Керамика, отнесённая к абашевской культуре, насчитывает 142 фрагмента (в том числе 58 фрагментов от развала одного сосуда) и принадлежит не менее чем 33 сосудам.

Фрагменты абашевской посуды хорошо вычленились по своим внешним морфологическим признакам (форма венчиков, орнаментация) и такому характерному признаку, как обильная примесь в глиняном тесте толчёной раковины (в нашем случае уже полностью выщелоченной), свидетельством которой могут быть многочисленные плоские поры, хорошо «читающиеся» на поверхности и на сломах черепка. В ряде случаев раковинная примесь в посуде дополнялась органикой, песком или шамотом. За счёт сильной пористости керамика отличается значительной лёгкостью.

В целом форма сосудов ввиду их фрагментированности и отсутствию фрагментов днищ в настоящее время реконструироваться не может. Тем не менее, опираясь на профилировку верхних частей посуды, всю её можно разделить на три основные группы: колоколовидные сосуды, подколоколовидные сосуды с выделенной шейкой и баночные сосуды.

К колоколовидным сосудам можно также отнести четыре сосуда, у которых округлый или слегка приплюснутый край сильно оттянут в сторону, образуя широко открытое горло. Верхняя часть этих сосудов лишена орнамента (рис. 4), и только на одном фрагменте отмечен орнамент в виде двух широких горизонтальных прочерченных линий (рис. 4: 1). На внутренней стороне горла одного из крупных колоколовидных сосудов диаметром 26 см хорошо заметен слой чёрного нагара.

Классические колоколовидные чаши представлены четырьмя фрагментами, вероятно одного сосуда. Внешняя и внутренняя поверхности этих фрагментов тщательно заглажены и залощены. Венчик – сосуда с открытым горлом и немного утолщённым плоским краем, на который приходится максимальное расширение сосуда. Максимальный диаметр устья – 18 см. Орнаментация сосуда выполнена резными линиями в сочетании с вдавлениями. Композиция орнамента по венчику состоит из двух горизонтальных параллельных линий, цепочки горизонтальных ромбов с косой решёткой внутри и двумя круглыми неглубокими вдавлениями в месте стыковки ромбов и горизонтальной линии под ромбами (рис. 5: 1, 1а). Ещё один фрагмент украшен группой вертикальных линий, заключённых между горизонтальными линиями, под которыми расположен горизонтальный ряд круглых вдавлений (рис. 5: 3). При сборе подъёмного материала в ходе мониторинга 2015 г. на памятнике был найден фрагмент стенки, вероятно, такой же колоколовидной чаши, украшенный двумя параллельными горизонтальными линиями, под которыми расположен ряд из круглых неглубоких вдавлений. Ниже изображена фигура, по форме напоминающая «лапку», выполненная в виде двух прямых вертикальных линий с отходящими от них с обеих сторон двумя линиями, направленными вниз под углом. Концы парных линий были дополнительно украшены круглыми вдавлениями (рис. 5: 2).

Тщательно обработанные, вплоть до лощения, колоколовидные чаши с богатым и сложным геометрическим орнаментом, где орнаментальная композиция включает в себя сочетание горизонтальных заполненных ромбов, фигур в виде «лапки», групп вертикальных линий, характерны исключительно для погребальных памятников средневожской абашевской культуры. Два таких сосуда происходят из курганов 9 и 44 могильника Пеленгер I [12, с. 149, рис. 32: 3, 4, рис. 61: 1], один сосуд известен из кургана 12 могильника Пикшик [13, с. 129, рис. 11: 2]. Схожий орнамент имеется и на острорёберном сосуде из кургана 9 Абашевского могильника [14, с. 52, рис. 11: 3].

Нужно отметить, что указанные сосуды с Пеленгерского I могильника уже неоднократно использовались для демонстрации существования развитых астрономических знаний, наличия календарной системы и орнаментальной модели мироздания абашевцев. По мнению С.В. Большова, в трёхзональной орнаментальной композиции этих сосудов помимо декоративной хорошо прослеживается семантическая функция орнамента, в котором получает выражение мифологическая модель мира, состоящая из трёх сфер: подземной, земной и небесной. С подземной сферой связывается цепочка ромбов, имеющих отношение к знаку «змеи», а в орнаменте «лапка» усматривается знак «мировое дерево» [15, с. 259; 16, с. 139–140; 17, с. 296–299].

Наибольшую группу керамики (25 сосудов) составляют горшки подколоколовидной формы с выделенной резко отогнутой наружу шейкой, которая при переходе в тулово имеет намечающуюся или ярко выраженную ребристость (рис. 6–12). 11 фрагментов сосудов имеют желобчатые венчики с плоским или приплюснутым краем, часто скошенным наружу (рис. 8, 9). Большинство фрагментов керамики этой группы – довольно крупных сосудов диаметром 18–30 см, толщина стенок сосудов колеблется в пределах 5–9 мм. Цвет повер-

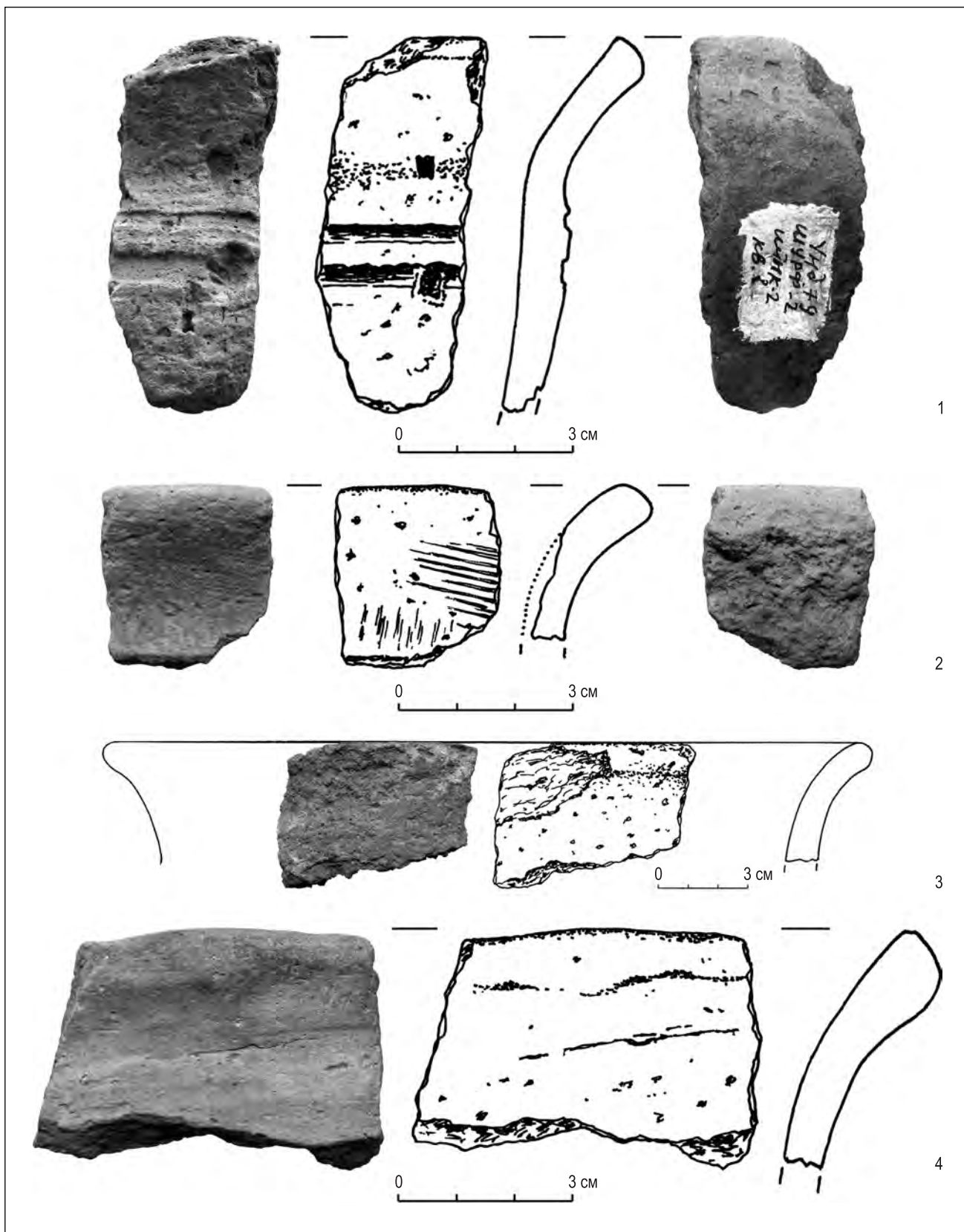

Рис. 4. Поселение Борок 10. Керамика абашевской культуры

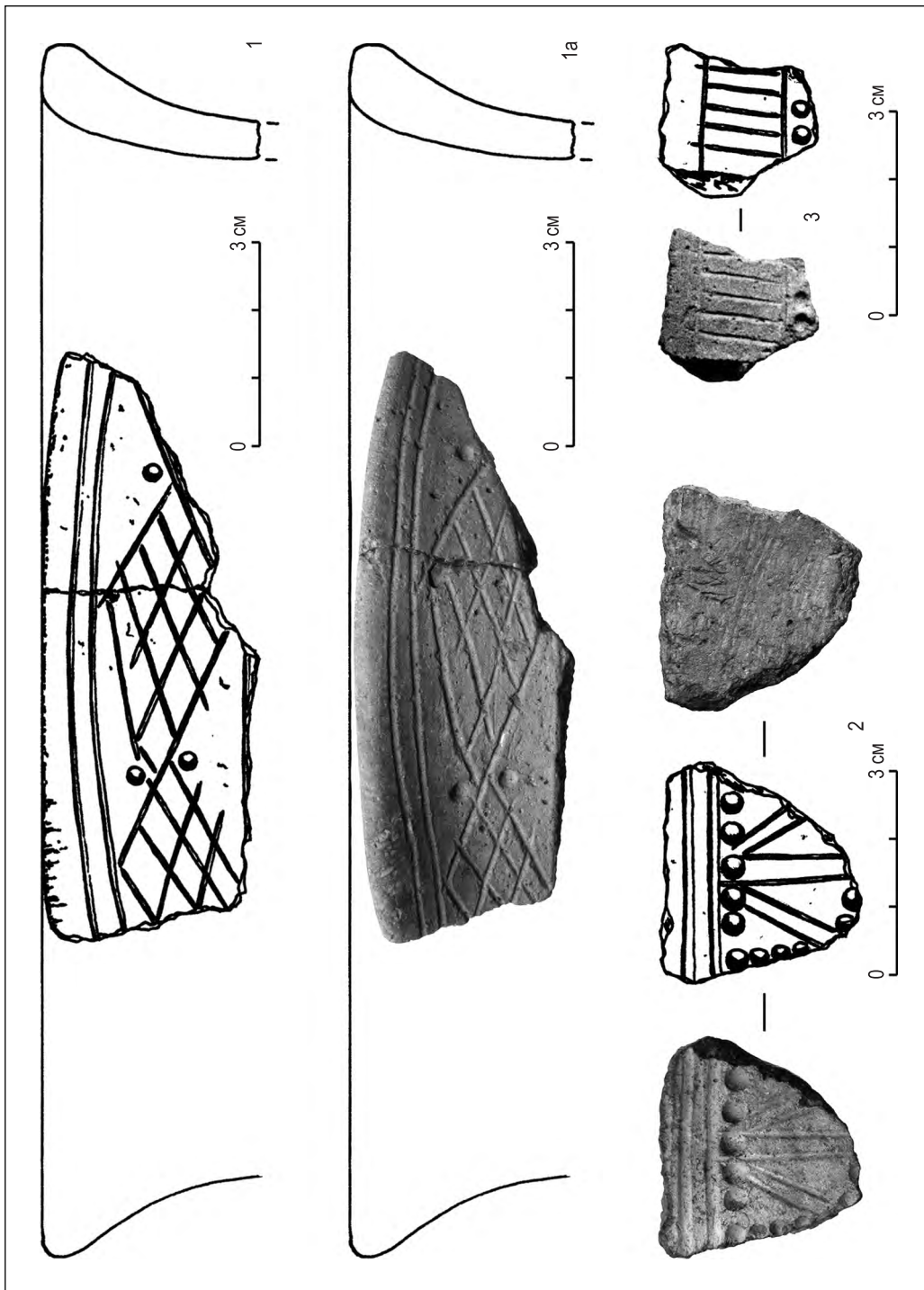

Рис. 5. Поселение Борок 10. Керамика абашевской культуры

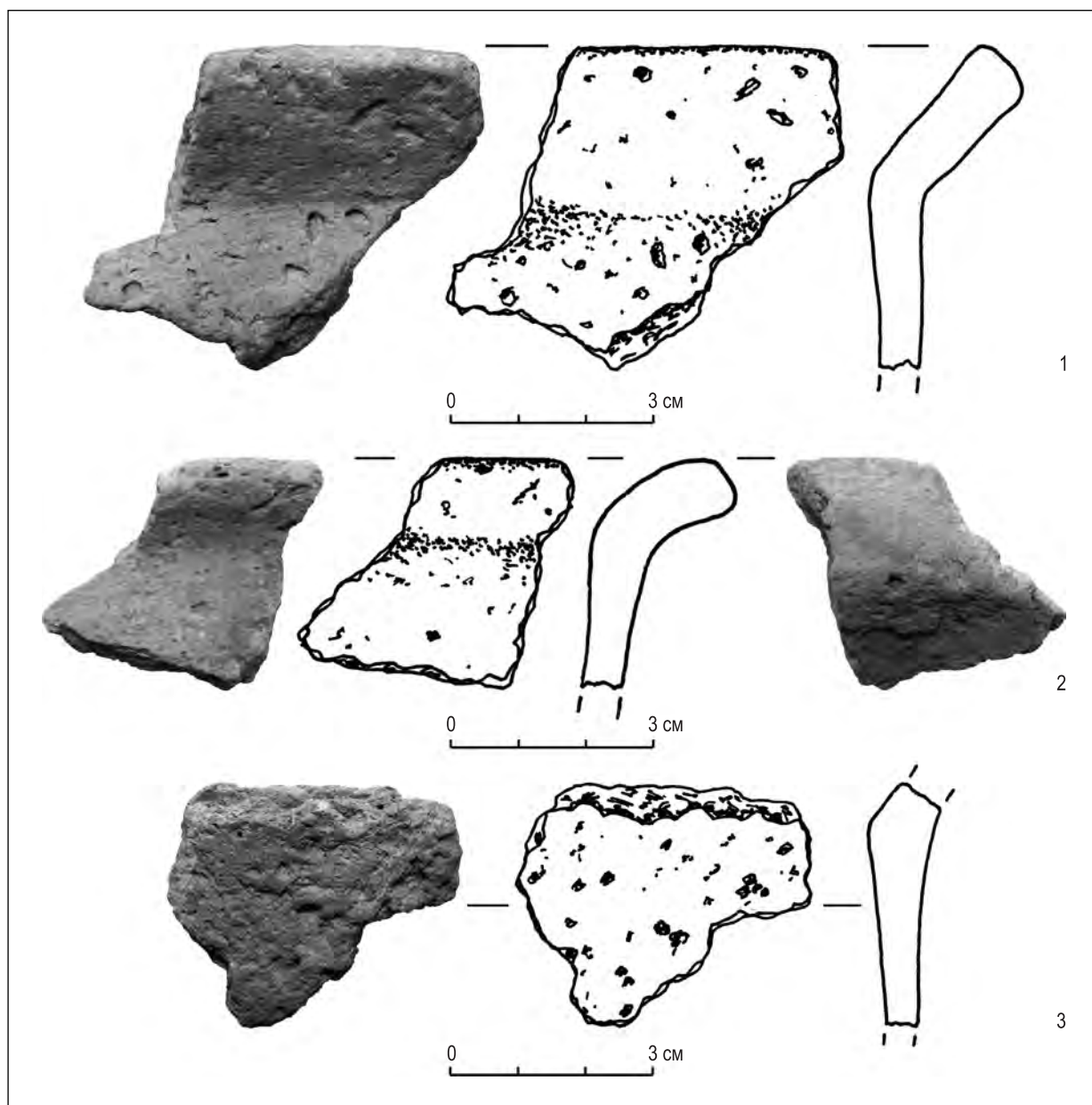

Рис. 6. Поселение Борок 10. Керамика абашевской культуры

хности черепков с внешней стороны светло- или жёлто-коричневый, в изломе – тёмно-серый. Внешняя поверхность посуды – со следами заглаживания, а в некоторых случаях и подлощена. Десять фрагментов с внешней стороны покрыты горизонтальными, вертикальными или наклонными расчёсами, выполненными, вероятно, каким-то зубчатым штампом. Два фрагмента венчиков по шейке имеют следы починки в виде сквозного отверстия. Некоторые обломки венчиков с внутренней, а иногда и с внешней стороны покрыты тонким слоем чёрного нагара, что может характеризовать данную группу сосудов как кухонную посуду.

Большинство сосудов, вероятно, были не орнаментированы, у тех же сосудов, где орнамент имелся, он располагался на перегибе шейки или опускался ниже. Нехитрый орнамент состоял из четырёх-пяти горизонтальных прочерченных линий (рис. 11: 5, 6), горизонтальных оттисков крупнозубчатого штампа (рис. 7: 1; 8: 1). В одном случае на перегибе шейки и плечика с внешней стороны были нанесены два горизонтальных желобка (рис. 11: 2). Ещё у одного фрагмента перегиб шейки подчёркнут длинным горизонтальным оттиском крупнозубчатого штампа (рис. 7: 3). В коллекции также имеется развал (58 фрагментов) очень крупного, диаметром 39 см, сосуда, декорированного в основании шейки двумя широкими и глубокими

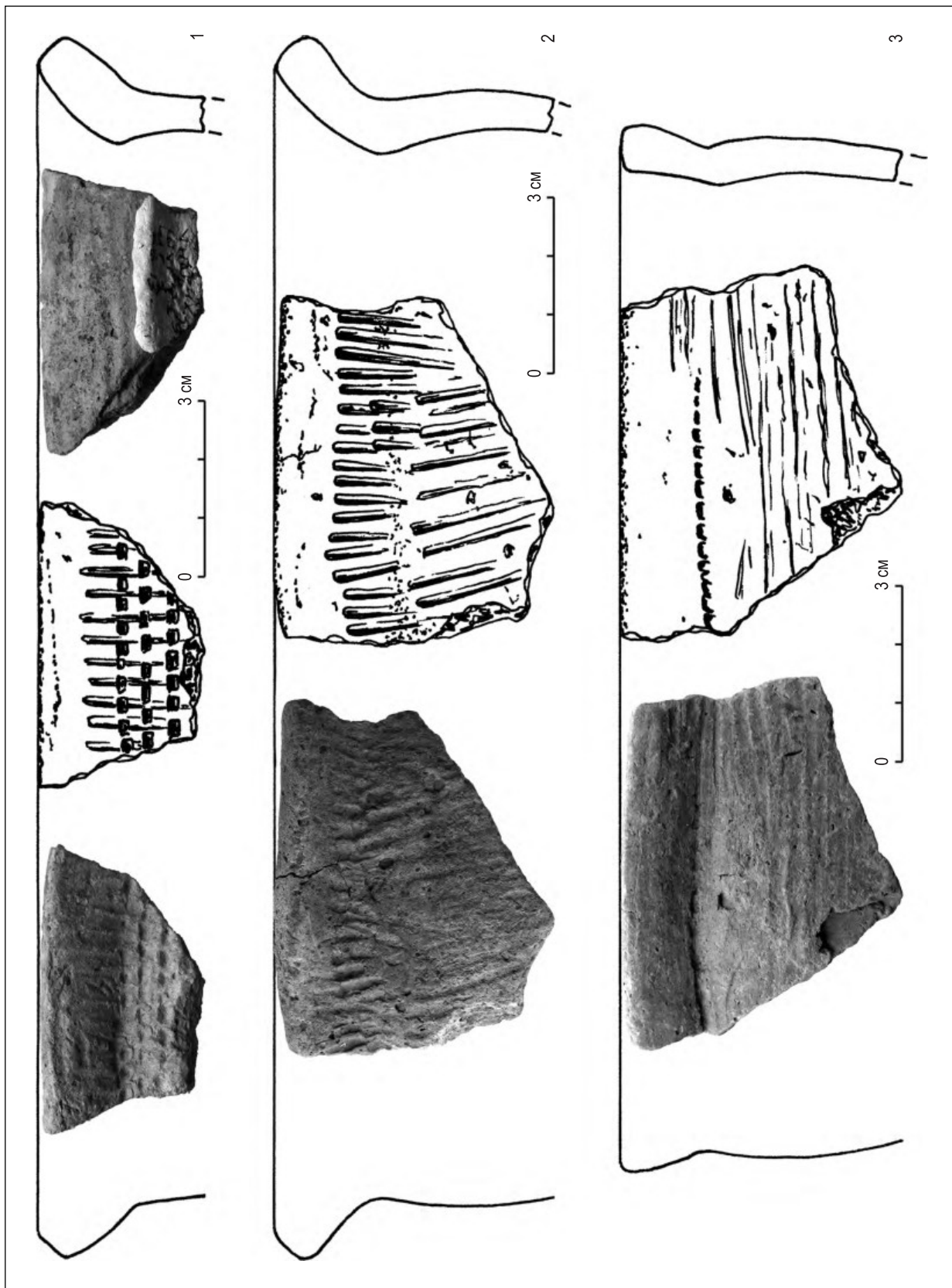

Рис. 7. Поселение Борок 10. Керамика абашевской культуры

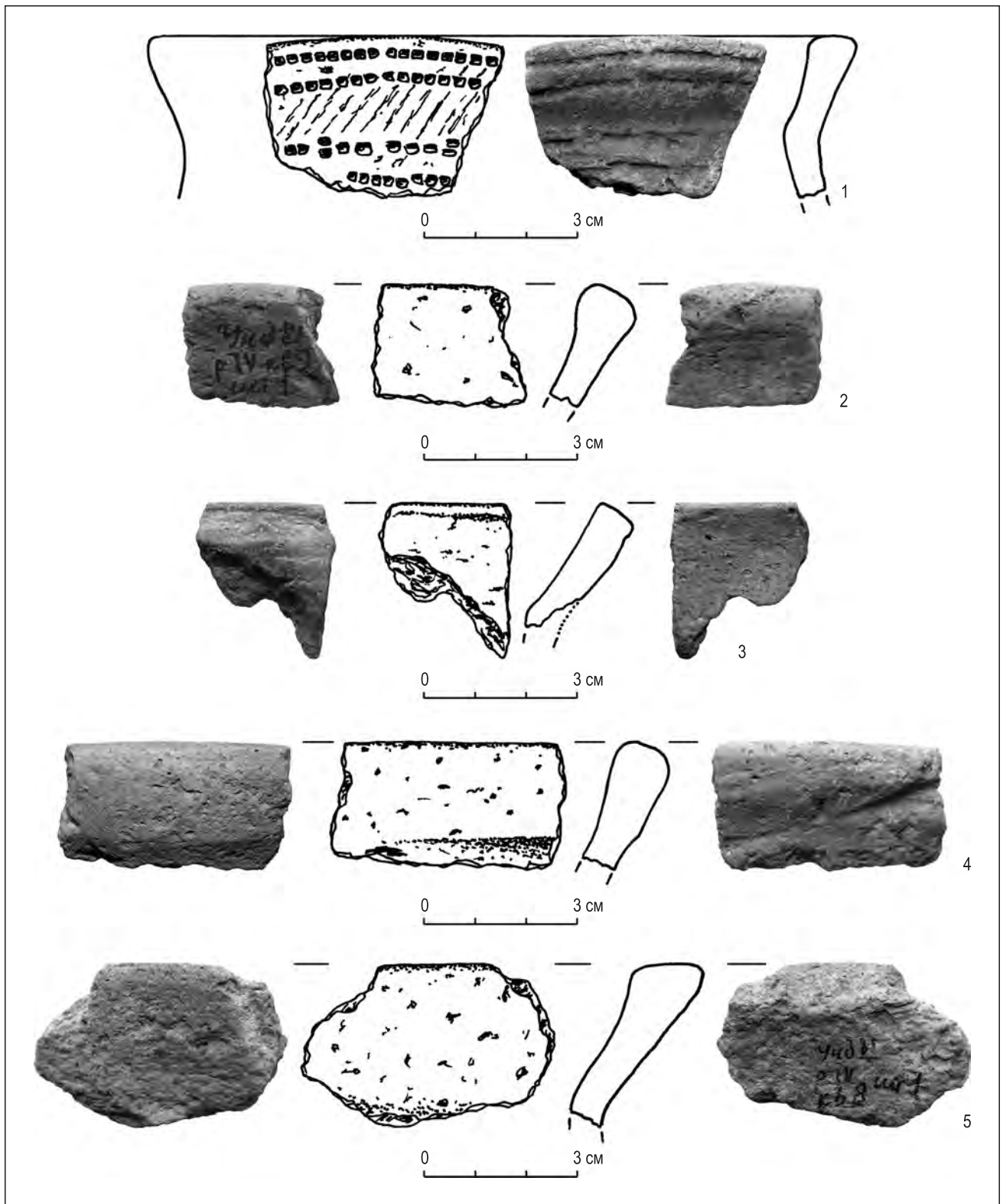

Рис. 8. Поселение Борок 10. Керамика абашевской культуры

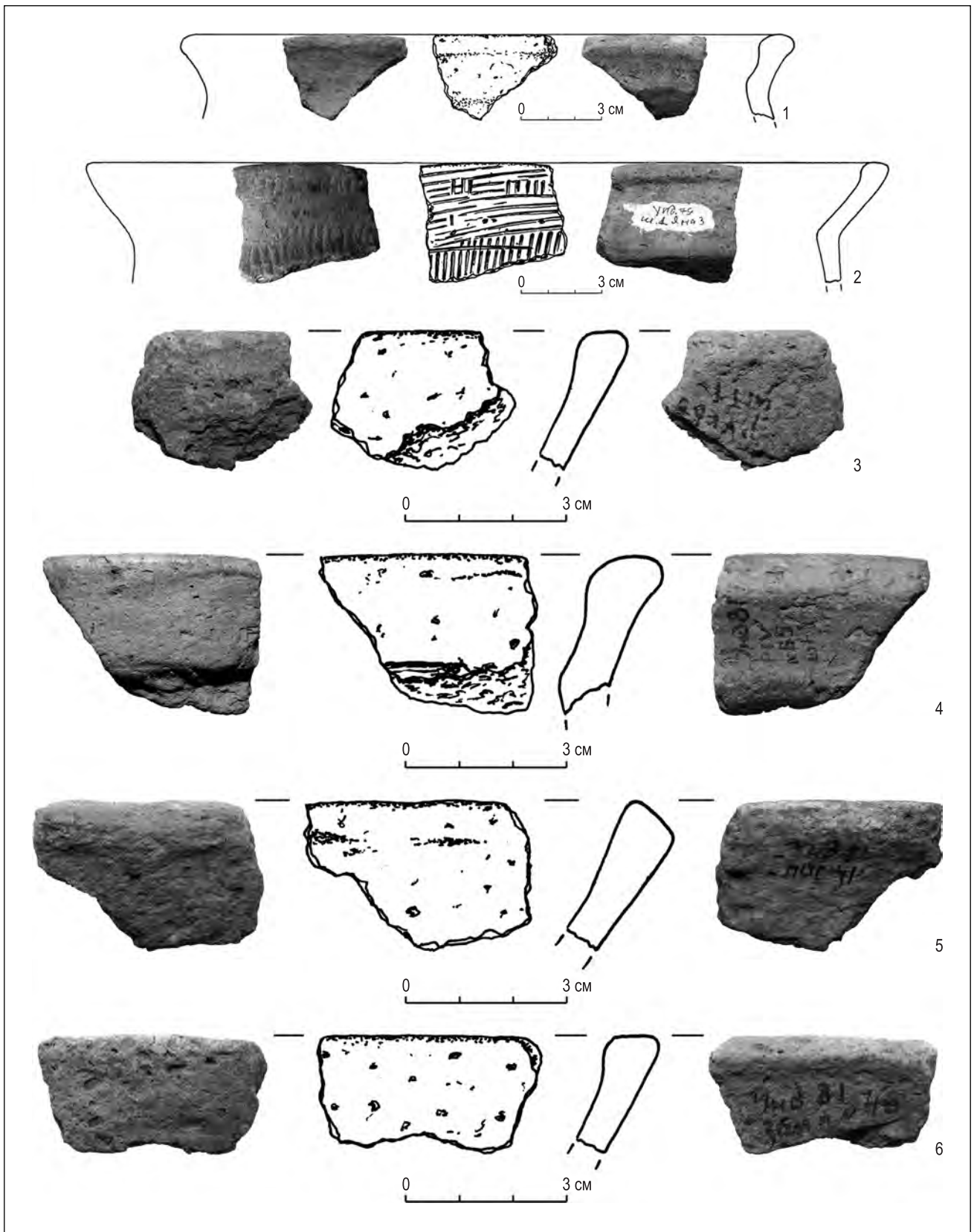

Рис. 9. Поселение Борок 10. Керамика абашевской культуры

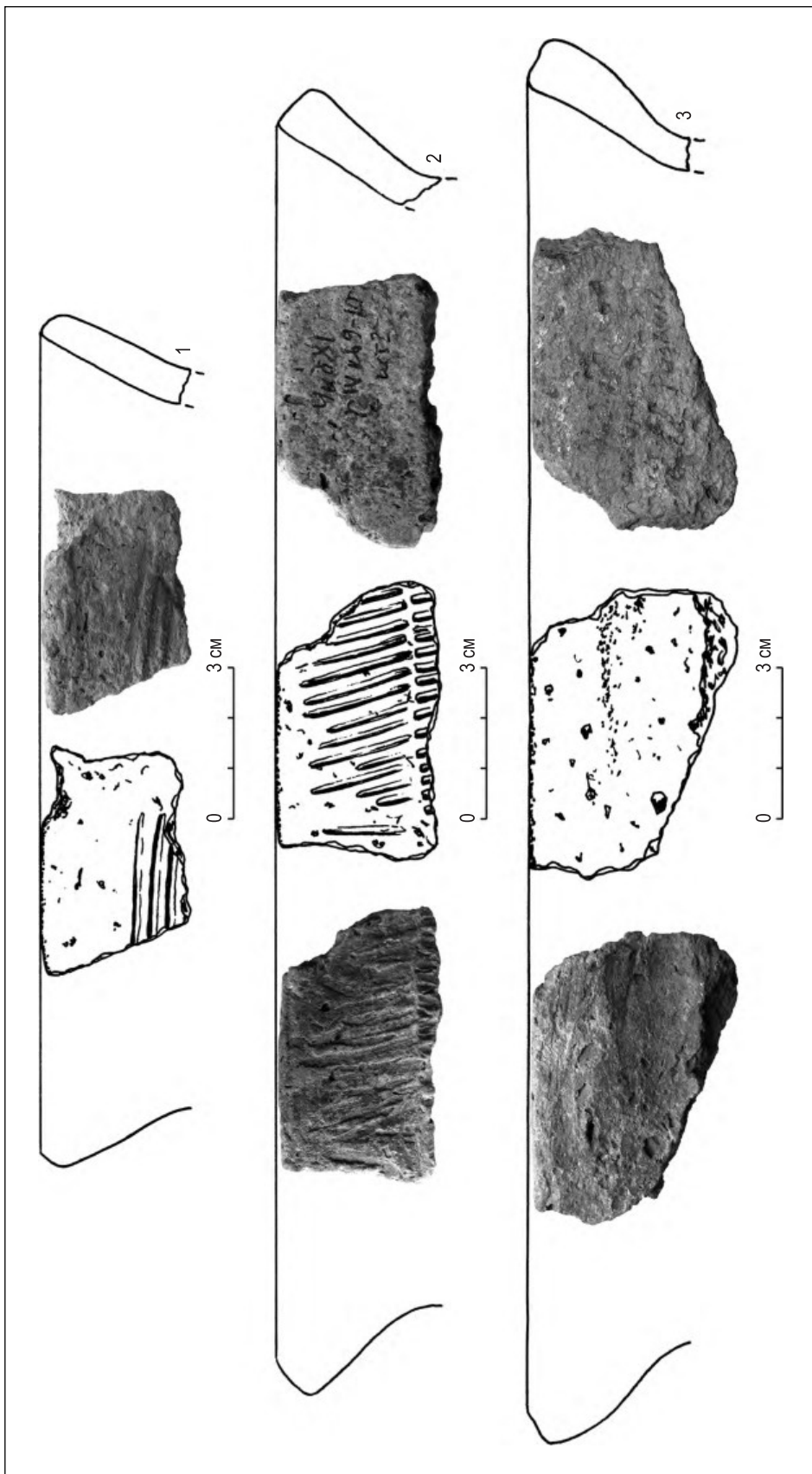

Рис. 10. Поселение Борок 10. Керамика абашевской культуры

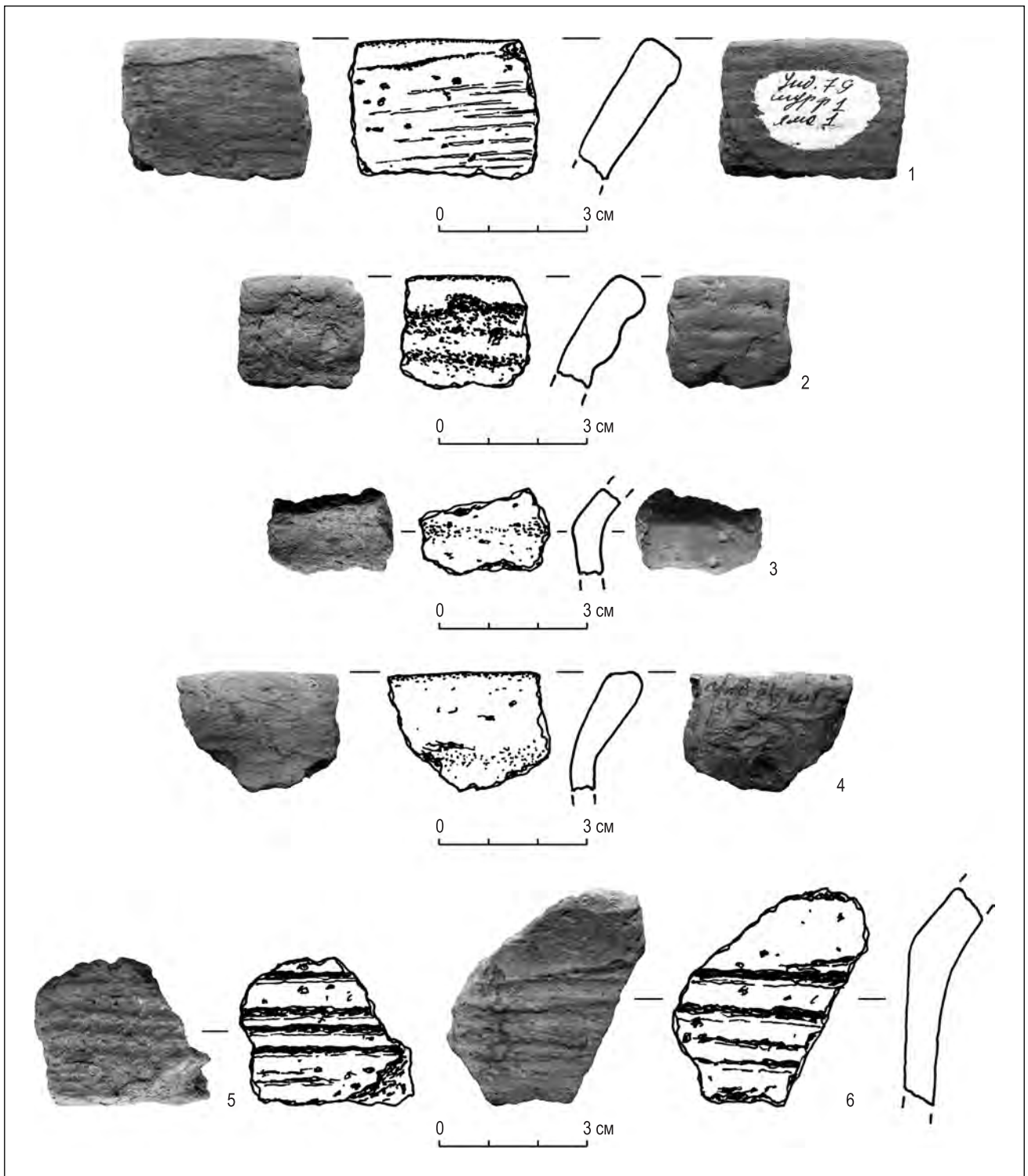

Рис. 11. Поселение Борок 10. Керамика абашевской культуры

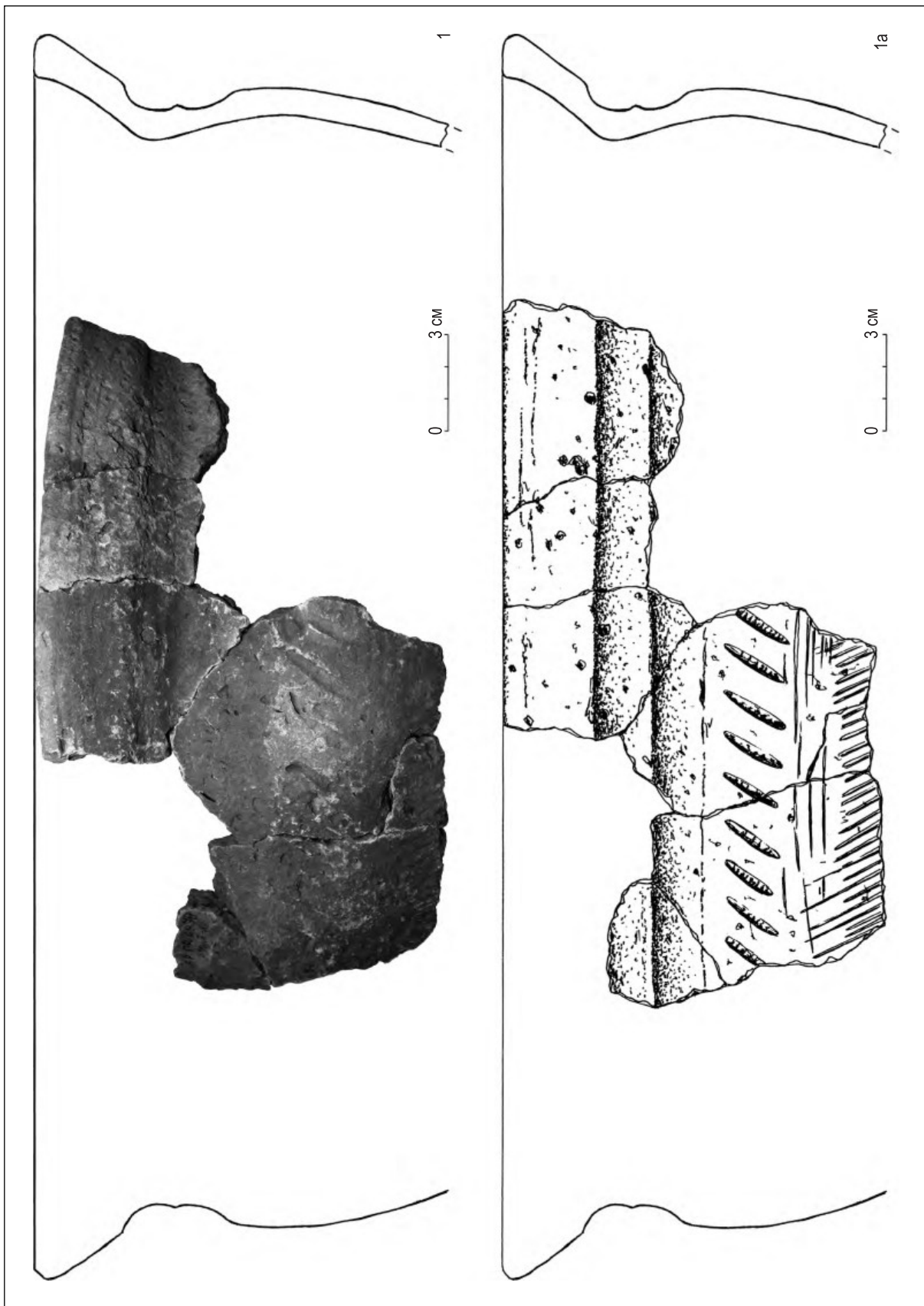

Рис. 12. Поселение Борок 10. Керамика абашевской культуры

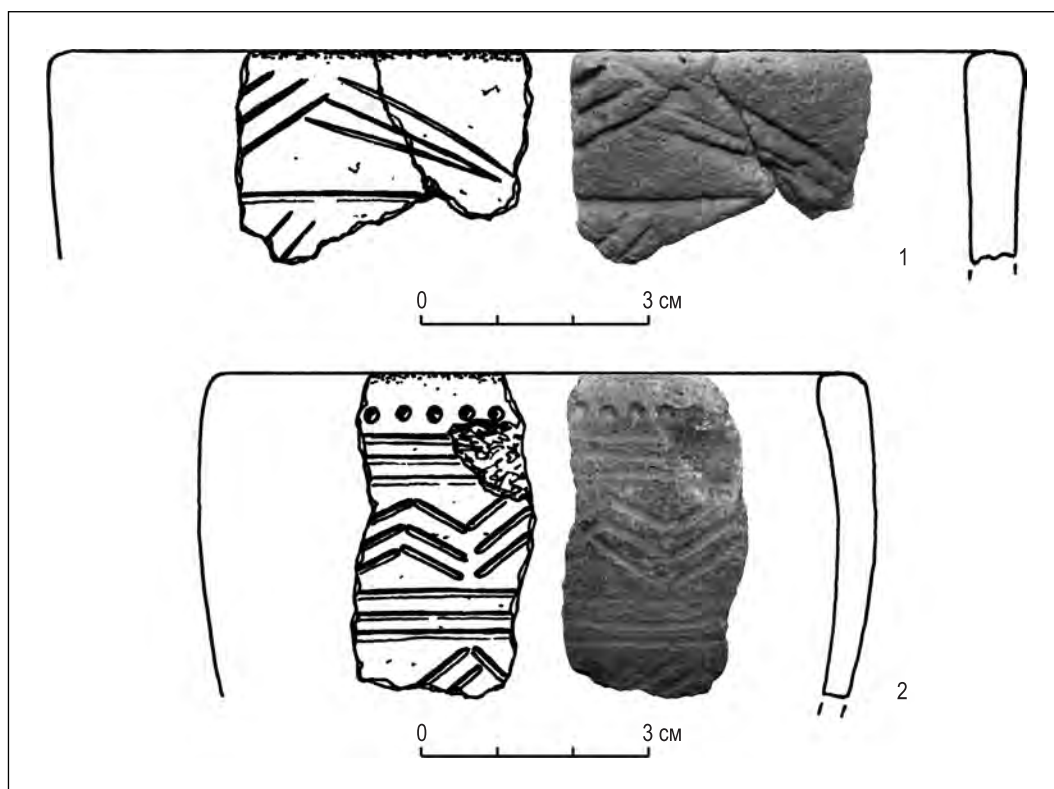

Рис. 13. Поселение Борок 10. Керамика абашевской культуры

горизонтальными желобками, под которыми располагался ряд наклонных оттисков крупного зубчатого штампа, остальная часть тулова была покрыта косыми расчёсами (рис. 12).

Всего тремя фрагментами двух небольших сосудиков представлена посуда баночных форм. Один из них имеет открытое устье с приплюснутым краем диаметром 13 см и прямые стенки. Орнамент на нём выполнен острым инструментом путём прочерчивания и имеет вид двух поясков групп разнонаклонных линий, разделённых горизонтальной прочерченной линией (рис. 13: 1). Другой сосуд по форме представлял собой маленькую баночку с немного стянутым устьем и плоским краем диаметром всего 9 см. Внутренняя и внешняя поверхности изделия тщательно заглажены и подлощены. Поверх лощения был нанесён орнамент, выполненный неглубокими ямочными вдавлениями и прочерчиванием. Композиция сосуда состояла из последовательно спускавшихся сверху вниз пояска круглых вдавлений, трёх горизонтальных линий, тройного горизонтального зигзага, снова трёх горизонтальных линий и пояска зигзага (рис. 13: 2).

Маленькие сосудики баночных форм относятся к характерной категории посуды из погребальных памятников в Поволжье. Наиболее близкие по орнаментации аналоги подлощённому сосудику происходят из могильников средневожской абашевской культуры Кугунур [18, с. 237, табл. IX: 6], Троицкое [19, с. 161, рис. 7: 7], Пеленгер I [12, с. 127, рис. 10: 11] в Волго-Вятском междуречье и могильника Миняшкино [12, с. 127, рис. 10: 5] в Волго-Сурском междуречье.

Помимо общеабашевских культурных признаков, таких как примесь толчёной раковины в глиняном тесте и колоколовидность форм сосудов, посуда с поселения Борок 10 находит почти полные аналоги среди курганных древностей средневожской абашевской культуры позднего этапа, расположенных в основном в Волго-Вятском междуречье, реже – на правобережье Волги. Особенно отчётливо это наблюдается у сосудов с поселения, отличающихся от остальных тщательной выделкой поверхности и богатой орнаментацией. Это небольшой баночный цилиндрический сосудик и фрагменты колоколовидных чаш с характерными средневожскими орнаментальными мотивами и элементами орнамента, в том числе такими как правильные круглые ямочные вдавления.

К кругу памятников средневожской абашевской культуры отнесены исследователями и погребальные памятники, известные в рязанском течении Оки: Земской курганный могильник около г. Касимова и Старший Никитинский могильник в устье реки Прони. Раскопки курганной группы у с. Земское дал материал, аналогичный находкам с Абашевского могильника в Чувашии [20, с. 141]. Исследователи Старшего Никитинского могильника, для которого получена серия радиоуглеродных дат, интервал которых с учётом калибровки соответствует 1950–1740 ВС, по составу погребального инвентаря синхронизировали его с концом классического и поздним этапами абашевских древностей Среднего Поволжья, связывая возникновение самого памятника с процессом продвижения части средневожских племён на запад [21, с. 174–176].

Поселение Борок 10, находящееся между двумя этими могильниками, таким образом, становится ещё одним звеном в цепочке памятников, расположенных по рязанскому течению Оки, и расширяет наши представления об абашевских древностях Среднего Поочья. Комплекс артефактов, полученных на памятнике, может служить дополнительным свидетельством в пользу непосредственных связей между Средней Волгой и Средней Окой, где река Ока выступает в качестве самой связующей нити, основного пути, по которому продвигались абашевцы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970.
2. Пряхин А.Д., Халиков А.Х. Абашевская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. (Археология СССР)
3. Пряхин А.Д. К вопросу об абашевском населении в бассейне Оки // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1992.
4. Иванов Д.А. Абашевская керамика с Пехлецкой стоянки // Древности Поочья: сборник научных работ к 60-летию В.В. Судакова. Рязань, 2016.
5. Археологическая карта России. Рязанская область. Ч. 2. М., 1994.
6. Гордцов В.А. Материалы для археологической карты долины и берегов р. Ока // Труды XII археологического съезда. Т. 1. М., 1905.
7. Гаврилов А.Н. Отчет об археологических разведках на территории Шиловского р-на Рязанской области в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-П. № 7997.
8. Макаров М.М. Раскопки на дуне «Ундрих» близ с. Борок Шиловского района Рязанской области в 1979 году // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1992.
9. Буланкин В.М. Отчет о проведении мониторинга 19 памятников археологии в Рязанской области в 2015 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
10. Макаров М.М. Отчет о раскопках на дуне Ундрих близ с. Борок Шиловского района Рязанской области в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-П. № 7793.
11. Макаров М.М. Отчет о раскопках на дуне Ундрих у с. Борок Шиловского района Рязанской области в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-П. № 9090.
12. Большов С.В. Средневожская абашевская культура (по материалам могильников). Йошкар-Ола, 2003. (Труды МАЭ. Т. VIII)
13. Мерперт Н.Я. Абашевские курганы северной Чувашии (раскопки 1957–1958 гг.) // Абашевская культура в Среднем Поволжье. М., 1961. (МИА. № 97)
14. Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977.
15. Большов С.В. Некоторые закономерности построения орнаментальных композиций абашевских сосудов (по материалам могильника Пеленгер I) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара, 2001.
16. Большов С.В. Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы (проблемы культуругенеза первой половины II тыс. до н.э.). Йошкар-Ола, 2006.
17. Большов С.В. Семантическая функция абашевского орнамента // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 11. № 6. Самара, 2009.
18. Халиков А.Х. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // Абашевская культура в Среднем Поволжье. М., 1961. (МИА. № 97)
19. Халиков А.Х. Новые памятники абашевской культуры в Волго-Вятском междуречье // СА. 1959. № 2.
20. Алихова А.Е. Абашевские курганы близ села Земского Рязанской области // КСИИМК. № 64. М., 1956.
21. Ахмедов И.Р., Луньков В.Ю., Лунькова Ю.В. Абашевские комплексы Старшего Никитинского могильника (по материалам исследований 2002–2004 гг.) // КСИА. Вып. 230. М., 2013.

*ФГБУК «Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник»,
Рязань*

D.A. Ivanov

CERAMICS OF THE ABASHEVO CULTURE FROM THE SETTLEMENT OF BOROK 10 ON A DUNE IN THE MIDDLE REACHES OF THE RIVER OKA

Summary

The given article introduces into scientific circulation the largest by quantity collection of Abashevskaya culture's ceramics from the Middle Oka region found on the settlement Borok 10. The analysis of the ceramics collection has shown the high degree in its resemblance with the pots of Abashevskaya culture from burials in the Middle Volga.

The complex of finds found in the site Borok 10 expands our knowledge of the antiquities of the Abashevskaya culture. It can be an additional proof of relations between the Middle Volga and the Middle Oka, where the river Oka is the main way of migration for the population of the Abashevskaya culture.

*Federal State Budgetary Institution of Culture
“Ryazan Historical and Architectural Museum-reserve”,
15, Kremlin, Ryazan, 390000,
Russia
E-mail: ivanov.ryazan@mail.ru*

А.В. Новиков

**ГРЕБЕНЧАТО-ШНУРОВАЯ И ШНУРОВАЯ
КЕРАМИКА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
ПОСЕЛЕНИЯ ШУНГА КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК Н.Н. ГУРИНОЙ
1954 г.)**

Изучение гребенчато-шнуровых и шнуровых керамических комплексов раннего железного века (РЖВ) поселения Шунга проведено с целью определения участков локализации памятников с керамикой ананьинского облика на территории Костромского Поволжья, которая частично входила в ананьинскую культурно-историческую область (КИО). Имеющиеся в нашем распоряжении керамические материалы и единичные индивидуальные предметы определённо указывают на наличие в западных районах Костромского Поволжья культурной области, отличной от широко представленной в данном регионе области с сетчатой керамикой. Активное её проявление относится к середине I тыс. до н.э. и связано с традицией изготовления гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики, свойственной ананьинскому миру.

В Костромском Поволжье в VI–III вв. до н.э. поселения ананьинской культурно-исторической области с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамической традицией в основном локализируются в приустьевой части реки Костромы на территории Костромской низины и в бассейне Галичского озера, образуя два крупных участка их концентрации. Известны они также в окрестностях Сусанинского болота. На всех без исключения поселениях с такой керамикой есть и сетчатая керамика. В местах локализации памятников с сетчатой керамикой РЖВ в округе Чухломского озера и бассейна реки Унжи (Унженская низменность) такие поселения на сегодняшний день неизвестны.

Поселения ананьинской культурно-исторической области с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой, расположенные на территории Костромской низины, в своём большинстве тяготеют к р. Костроме и к её более мелким притокам, за исключением городищ, которые находятся по основному течению р. Волги (городища в городе Костроме и Минское) (рис. 1).

Посёлки чаще всего располагались на дюнных всхолмлениях, останцах в широкой пойме (Ватажка, Борань, Станок I–II, Хреново) или на краю надпойменной террасы, как, например, Шунга. Городища находятся на коренном высоком берегу р. Волги и принадлежат типу мысовых.

Первоначальный период сбора сведений и материалов, впоследствии соотнесённых с эпохой раннего железа, на территории Костромского Поволжья и Костромской низины, в частности, связан с деятельностью Костромской губернской учёной архивной комиссии в конце XIX – начале XX в. Комиссией, основанной в 1885 г., не только проводился сбор исторических сведений и данных о памятниках, но и выполнялись первые археологические обследования и раскопки, а также предпринимались попытки классификации археологических материалов. В 90-е гг. XIX в. сведения, зафиксированные затем в Материалах для археологической карты Костромской губернии, Костромской уезд, собраны Н.М. Бекаревичем [1, с. 7]. Всего Н.М. Бекаревич сообщает о 419 археологических памятниках [1, с. 9], среди которых встречаются и поселения раннего железного века. Целенаправленное археологическое изучение Костромской низины началось чуть позже, в 20-е гг. XX в., и неразрывно связано с деятельностью Костромского научного общества по изучению местного края (КНО), которое внесло колоссальный вклад в полевое изучение памятников археологии, в том числе содержащих материалы РЖВ, а также в формирование фондов Костромского музея-заповедника. Обществом открыто, обследовано и раскопано не менее 10 памятников археологии, в том числе и поселений с материалами РЖВ, включающими ананьинские древности.

Огромную роль в деятельности общества сыграл В.И. Смирнов – от создания КНО в 1912 г. до его разгрома в 1929 г. В 1921–1929 гг. В.И. Смирнов являлся председателем КНО и определял все ведущие направления научной деятельности организации. По результатам исследований многослойных памятников Костромской низины (Ватажки, Борани, Станка) В.И. Смирнов создал обоснованную стратиграфически культурно-хронологическую шкалу древних поселений восточной части Верхнего Поволжья, последова-

- 1 – поселение Шунга
- 2 – поселение Ватажка
- 3 – поселение Борань
- 4 – поселение Станок II
- 5 – поселение Станок I
- 6 – поселение Хреново
- 7 – городище в Костроме
- 8 – городище Минское
- 9 – поселение Борщино
- 10 – поселение Бораны
- 11 – поселение Емсна
- 12 – поселение Коряково

0 2 4 км

Условные обозначения:

- – памятники с сетчатой керамикой
- – памятники с гладкостенной керамикой
- – памятники с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой
- – памятники со штрихованной керамикой

Рис. 1. Памятники раннего железного века Костромской низины

тельность в которой была представлена следующим образом: ямочно-гребенчатая керамика перекрывается волосовской и фатьяновской, выше располагается текстильная керамика [2, с. 241].

Полевые археологические работы на территории Костромской низины были возобновлены в 1954 г. Горьковской археологической экспедицией под руководством Н.Н. Гуриной в связи с проектированием Костромского водохранилища. В этот период обследовано значительное число памятников неолита, бронзового и раннего железного веков. Целью работ, помимо охранной, ставилось исследование памятников Костромской низины как одного из звеньев в процессе разрешения многих вопросов, важных для изучения древней истории лесной полосы европейской части СССР [3, с. 85]. В результате работ Н.Н. Гуриной получен значительный комплекс источников по РЖВ, в том числе связанный с ананьинской культурно-исторической областью. Среди исследованных памятников особо можно выделить такие поселения, как Станок I и II, Шунга, Борань, Ватажка и Минское городище [3; 4].

Поселение Шунга располагалось на краю первой надпойменной террасы (высота 6 м над урезом воды) р. Костромы (левый приток р. Волги). В 1954 г. Н.Н. Гуриной выполнена зачистка берегового обнажения и заложен раскоп площадью более 50 кв. м (рис. 2), которым фактически была изучена сохранившаяся часть памятника, практически полностью уничтоженного водами р. Костромы. Мощность культурного слоя в основной части поселения в среднем составила не более 0,5 м. В результате работ обнаружены два жилища земляночного типа с очагом в центральной части. Первая жилищная западина имела в диаметре 8 м в верхней части и сужалась до 6 м на глубину 2 м. Размеры второго жилища – не менее 7 м в диаметре и 3 м в глубину [3, с. 138–140]. Описывая керамический комплекс, найденный в раскопе, Н.Н. Гурина отмечает, что внешняя поверхность керамики покрыта сетчатыми отпечатками или штрихована, поверх нанесён орнамент из ямок, отпечатков мелкого гребенчатого штампа и значительно реже – оттисков шнура [3, с. 138–143]. Исследователь делает вывод, что Шунга – памятник эпохи раннего железа в её сравнительно ранней фазе развития. Автор отмечает, что если другие поселения, в частности Борань, Станок I и II, отчасти Ватажка и Минское городище, содержат смешанные разновременные керамические комплексы, то поселение Шунга – единый, наиболее целостный комплекс, характеризующий короткий этап жизни [3, с. 138]. К настоящему времени памятник, к сожалению, утрачен [4, с. 307]. Вся керамика поселения Шунга датирована Н.Н. Гуриной сер. I тыс. до н.э. [3, с. 195–197]. Следует отметить, что в находящихся в Костромском музее-заповеднике коллекционных описях комплексы шнуровой керамики описаны как «с веревочным орнаментом».

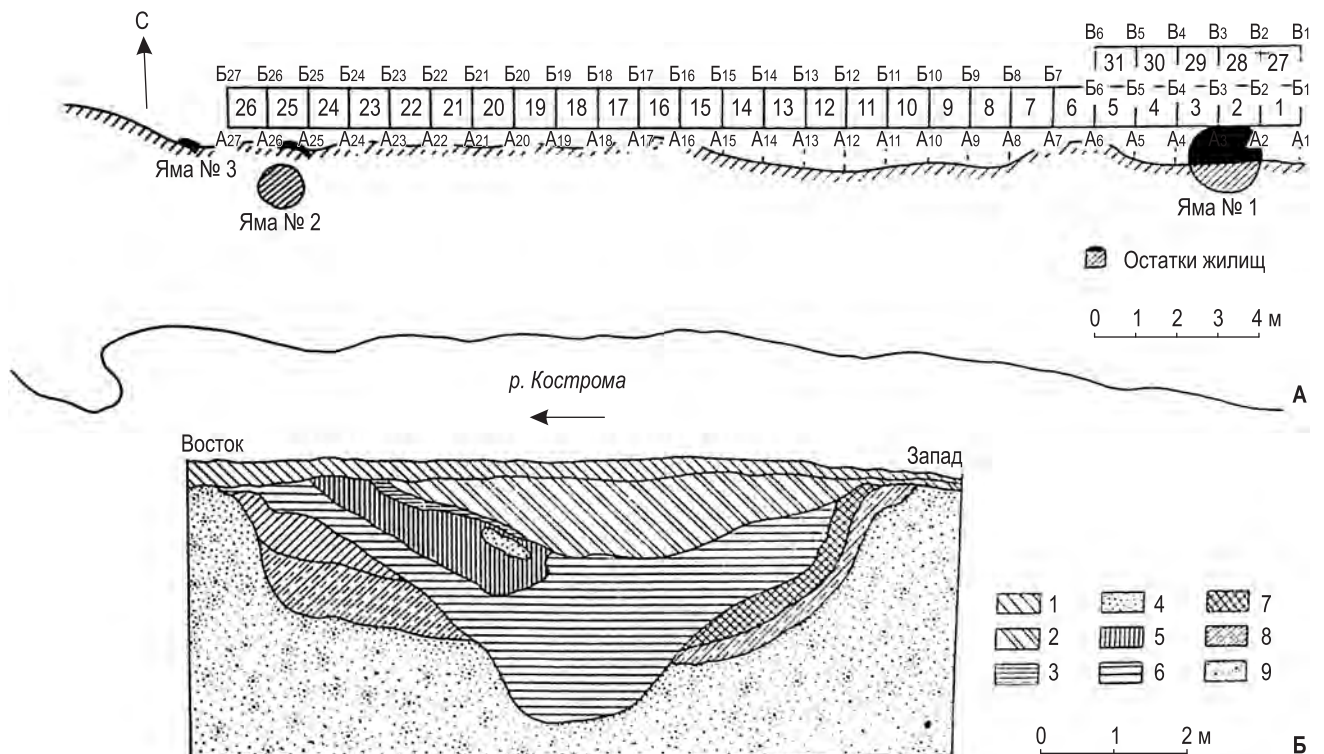

Рис. 2. Участок памятника археологии (поселение Шунга). Выкопировка: [3, с. 139].

А – общий план раскопа на поселении Шунга; Б – разрез углубления:

1 – дёрн и поддёрновый песок; 2 – смешанный культурный слой тёмно-серого цвета; 3 – прослойка менее тёмного цвета; 4 – линза песка; 5 – неперемешанный культурный слой интенсивного чёрного цвета; 7 – подстилающий слой с краплением культурных остатков; 8 – подстилающий слой с едва заметными остатками угольков; 9 – материк

Таким образом, можно констатировать, что Н.Н. Гурина выделяла группу сосудов с характерным орнаментом в виде оттисков шнура на памятниках раннего железного века Костромской низины и считала отпечатки шнура на керамике с костромских памятников доказательством связи и влияния племён, живших по соседству. Распространение ананьинской культурной области она ограничивала рекой Ветлугой, при этом прослеживая связь между костромскими и ветлужским памятниками. Н.Н. Гурина признавала, что на определённом хронологическом этапе здесь нельзя не заметить восточного влияния, в частности ананьинской культуры, но довольно слабого [3, с. 201].

Сейчас коллекция предметов, полученная в результате раскопок поселения Шунга, находится в Костромском музее-заповеднике¹. В коллекционной описи керамика привязана к жилищам. Основная масса шнуровой керамики собрана в жилище № 1, за исключением единичных фрагментов, обнаруженных в жилище № 2.

В настоящем исследовании гребенчато-шнуровая и шнуровая керамика выделена из синкретических керамических комплексов раннего железного века поселения Шунга, в основном представленных сетчатой керамикой, и интерпретирована. Выделяются следующие группы керамики.

Группа слабопрофилированной посуды (рис. 3: 1–5). В данной группе встречаются фрагменты не менее чем пяти сосудов. У четырёх сосудов – плоский край, с небольшими наплывами в обе стороны, один с Г-образной оттяжкой наружу (рис. 3: 4). Шейка сосудов – прямая короткая, реже – высокая, наблюдается слабый выгиб внутрь. Плечики – низкие пологие, практически не фиксируются и плавно переходят в слабо-выпуклое тулово. Цвет черепков коричневый (превалирующий), серый, серо-коричневый, в изломе аналогичен. Внешняя и внутренняя поверхности заглажены, в одном случае отмечена штриховка на внутренней поверхности. Примесь в тесте – мелкозернистый песок, редко встречаются крупные его фракции.

Орнамент у данной группы посуды бедный и представлен одинарными и двойными горизонтальными рядами шнуровых оттисков с наклоном вправо, которые редко дополняются другими элементами – мелкими округлыми (рис. 3: 2) и пятиугольными (неправильными) (рис. 3: 4) вдавлениями.

В орнаменте из шнуровых оттисков выделяются один, два, три, четыре или более горизонтальных рядов, нанесённых вплотную, при этом они отделены друг от друга свободным неорнаментированным пространством или другими элементами орнамента, то есть расположены на определённом расстоянии друг от друга.

Группа плавнопрофилированной посуды (рис. 3: 6, 8, 10). По верхней части выделены три сосуда: с высокой вогнутой шейкой и пологими приспущенными плечиками в двух случаях и округлым плечом – в одном. Венчик одного сосуда – скруглённый (рис. 3: 8), другого – скошен наружу в виде бортика (рис. 3: 6) и третьего – с валиковым наплывом наружу (рис. 3: 10). На срезе венчика одного сосуда отмечены хаотично расположенные неправильные мелкие вдавления (рис. 3: 6). Примесь в тесте – песок, встречаются фракции крупнозернистого песка. Цвет черепков снаружи и внутри серый, коричневый, серо-коричневый, такой же и в изломе. Снаружи поверхность заглажена, в одном случае внешняя поверхность тулова покрыта сетчатыми мелкоячеистыми бессистемно расположенными отпечатками (рис. 3: 8). Внутри посуда заглажена.

Керамика данной группы орнаментирована преимущественно горизонтальными рядами, составленными из шнуровых оттисков с наклоном вправо. В основном представлены тройные горизонтальные ряды шнуровых оттисков. Шнуровой орнамент нередко дополняется неглубокими ямочными вдавлениями округлой и неправильной формы.

Группа профилированной посуды (рис. 3: 7, 9, 11; 4: 10) – формы с глубоко вогнутой короткой шейкой, средней по величине и высокой. Плечо – приподнятое выпуклое, в одном случае в виде сглаженного ребра. Выделяются четыре сосуда (рис. 3: 7, 9, 11; 4: 10). Край у посуды – в виде скошенного бортика, округлый и Г-образный. Цвет черепков коричневый снаружи и серо-коричневый изнутри. В изломе фрагменты коричневые. Примесь в тесте – мелко- и крупнозернистый песок. С внешней стороны сосуда заглажены, один – с сетчатой поверхностью. Внутренняя поверхность заглажена.

Посуда данной группы выглядит наиболее разнообразно украшенной. Орнамент чаще складывается из двойных горизонтальных рядов шнуровых оттисков, встречаются одинарные и тройные ряды оттисков шнура. Горизонтальные ряды шнуровых оттисков зачастую сопровождаются различными неглубокими вдавлениями (округлыми, треугольными, квадратными). Присутствуют в орнаменте и двойная волна из отпечатков шнура с наклоном вправо (рис. 3: 7), и короткие отрезки оттисков гребенчатого штампа (рис. 3: 11).

Один сосуд – **чашевидной формы** с высокой прямой, слегка сужающейся к тулову шейкой и округлым выделенным плечом (рис. 3: 12). Край чаши – плоский. Цвет снаружи серый, изнутри и в изломе – серо-коричневый. Примесь в тесте – песок и дресва. Поверхность заглажена, но содержит и участки с сетчатыми мелкоячеистыми нерегулярно выполненными подзатёртыми отпечатками. Орнамент нанесён по шейке. Сверху орнаментальная композиция начинается горизонтальным рядом, составленным из «жемчужин», в чередовании с различными по форме мелкими вдавлениями (клиновидные, ромбические). Далее нанесены двойные горизонтальные ряды шнуровых правонаклонных оттисков, которые чередуются с выстроенными так же горизонтально рядами подтреугольных и каплевидных мелких вдавлений.

Представленные фрагменты стенок в большинстве случаев происходят от слабопрофилированной и плавнопрофилированной посуды с округлым или пологим приспущенным плечом (рис. 4). Имеется и стен-

¹ ОБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник». Фонд Археология. КМЗ КОК № 17033: Поселение Шунга (раскопки Гуриной Н.Н., 1954 г.).

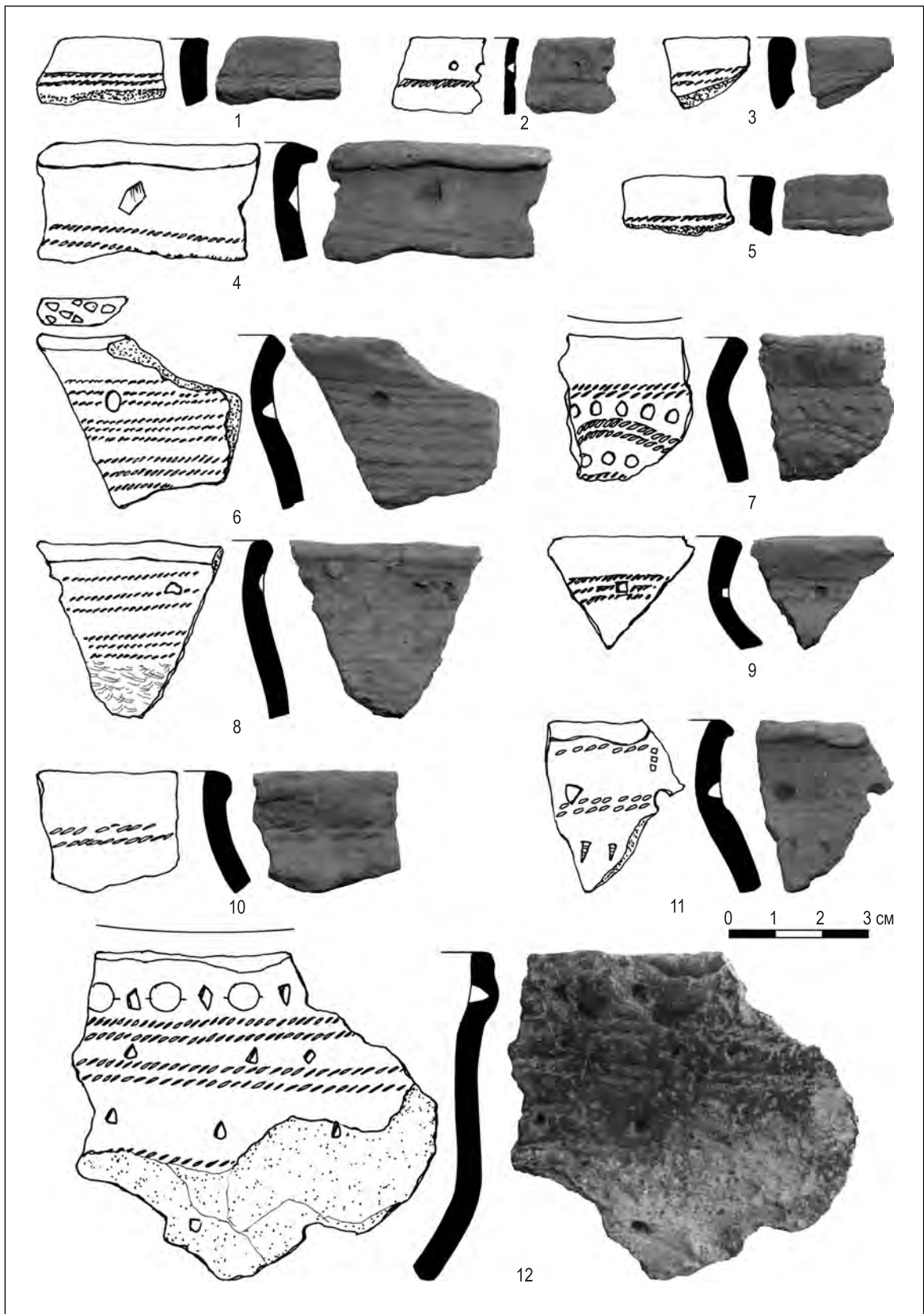

Рис. 3. Поселение Шунга. Раскопки Н.Н. Гуриной 1954 г. Фрагменты керамики РЖВ

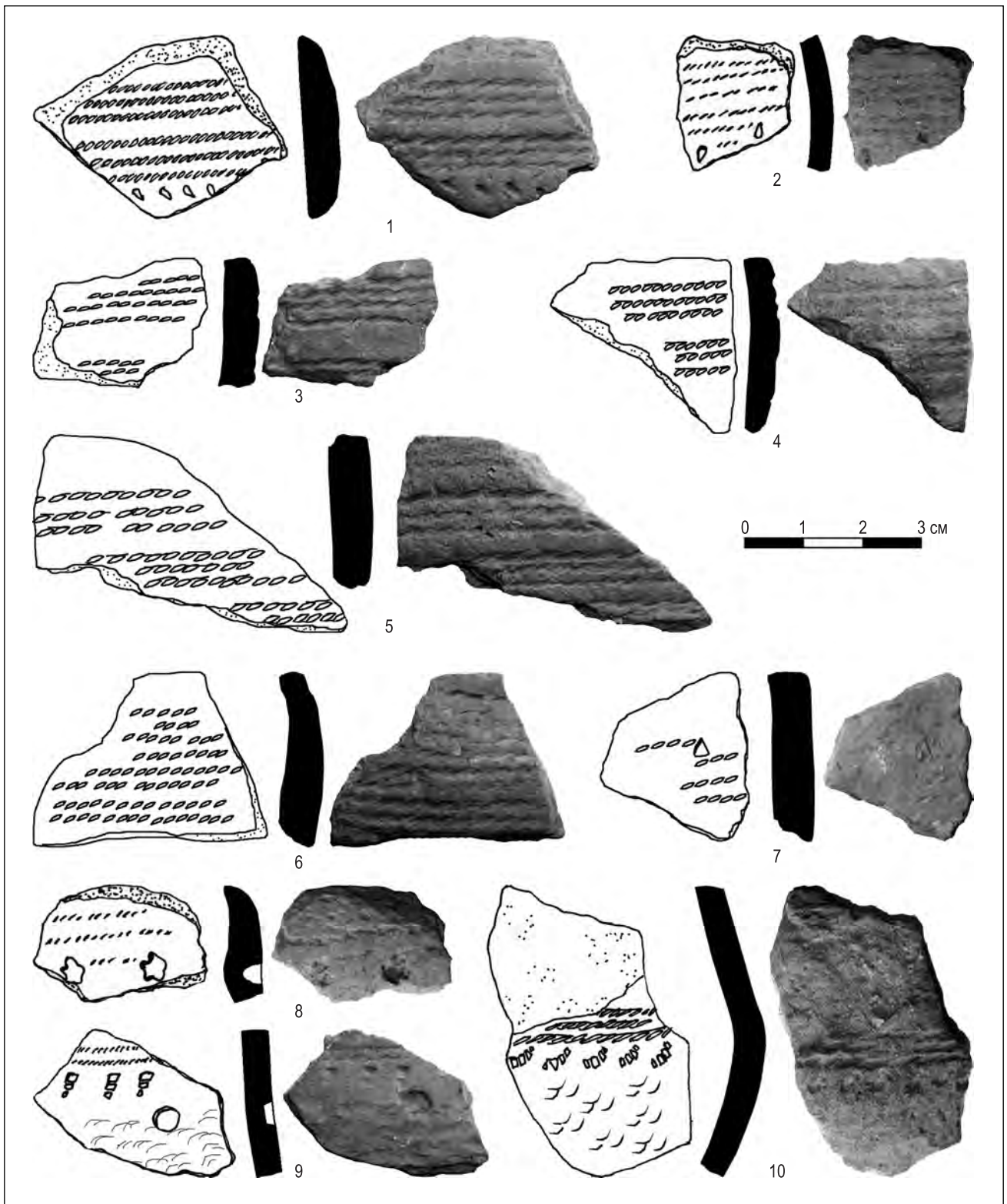

Рис. 4. Поселение Шунга. Раскопки Н.Н. Гуриной 1954 г. Фрагменты керамики РЖВ

ка профилированного сосуда со сглаженным ребристым плечом (рис. 4: 10). Цвет фрагментов с внешней стороны коричневый, реже серый, внутри – серо-коричневый и серо-чёрный. В изломе фрагменты – в основном серых оттенков. Толщина стенок в среднем составляет 0,5–0,6 см. Примесь в тесте – мелкозернистый песок, встречаются крупные фракции песка. В 80 % случаев внешняя поверхность стенок заглажена, в 20 % – покрыта сетчатыми отпечатками (преимущественно мелкоячеистые, встречаются и крупноячеистые). Внутренняя поверхность почти всех фрагментов заглажена, и только один имеет заштрихованную зону.

Участки с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности посуды, как правило, начинаются после окончания зоны, покрытой орнаментом, чаще всего расположенной по шейке сосудов. Орнаментальная композиция главным образом складывается из горизонтальных рядов оттисков шнура (рис. 5). Ряды шнуровых оттисков, как правило, одинарные или тройные, реже нанесены двухрядные оттиски шнура. Шнуровые оттиски во всех случаях правонаклонны. Дополняются они мелкими подтреугольными и каплевидными неглубокими вдавлениями, ямками с «рваными» краями (рис. 4: 1, 2, 8, 9). Редко (единично) отмечаются и элементы из оттисков гребенчатого штампа в виде коротких слабонаклонных отрезков (рис. 4: 9).

В целом можно отметить, что гребенчато-шнуровая и шнуровая керамика РЖВ поселения Шунга обнаруживает некоторые общие черты с керамикой каменоложской стадии ананьинской КИО, датируемой Л.И. Ашихминой VI–V вв. до н.э. [5, с. 74]. В данное время на посуде ананьинского облика с поселения Шунга отсутствуют «воротнички», в орнаментации преобладают шнуровые оттиски над другими элементами орнамента. Встречаются элементы, выполненные гребенчатым штампом, распространены различные вдавления. В композициях присутствует волна из двойных шнуровых оттисков. Распространены плавнопрофилированные и профилированные формы сосудов. Начинает появляться гибридная посуда со шнуровым орнаментом и сетчатыми отпечатками на поверхности. Необходимо акцентировать внимание и на значительном сходстве шнуровой посуды поселения Шунга с ананьинской керамикой последующей ныргындинской стадии, которую Л.И. Ашихмина датирует IV–III вв. до н.э. [5, с. 74].

Особенностью в развитии шнуровой керамики на поселениях Костромского Поволжья (как территории Костромской низины, так и округа Галичского озера) на данном этапе является массовое распространение гибридной посуды с характерным шнуровым орнаментом и сетчатыми отпечатками на внешней поверхнос-

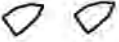
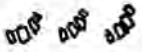
Шнуровой	Вдавления
	
	
	
	
	
Гребенчатый	
	
	
	

Рис. 5. Поселение Шунга. Элементы орнамента

ти. В это время заметно упрощается орнаментация на шнуровой керамике, не применяется в орнаментации гребенчатый штамп, не встречаются широкие орнаментальные зоны, сочетающие несколько техник исполнения орнаментальных мотивов, часты (преобладают) двойные и тройные горизонтальные ряды шнуровых оттисков, нередко сочетаемые с различными вдавлениями, как на памятниках РЖВ бассейна Средней Камы. Преобладают слабопрофилированные формы посуды. Вероятнее всего, поселение Шунга включается в систему расселения ананьинских групп на территории Костромского Поволжья с V в. до н.э., бесспорно, продолжая существовать и в IV–III вв. до н.э. Важно ещё раз отметить, что в V–III вв. до н.э. керамические традиции, свойственные ананьинской культурно-исторической области, в Костромском Поволжье развиваются уже пройдя через фильтр сетчатых керамических традиций. Гребенчато-шнуровая и шнуровая керамика РЖВ Костромского Поволжья претерпевает влияние новых традиций, в результате происходит изменение традиционных культурных ориентиров, процесс сопровождается появлением сетчатых отпечатков на внешней поверхности сосудов начиная уже с V в. до н.э.

Доля гибридной посуды в регионе в целом достаточно высока и составляет 47 %, что указывает на довольно тесные связи, образовавшиеся между населением двух культурных областей (ананьинской и сетчатой керамики) в Костромском Поволжье. На этом этапе керамика обнаруживает определённое сходство со шнуровой посудой верхневолжских городищ – около Калязина и Городок [6, рис. 6: 2, 6; 9: 2, 6, 7, 10; 7, рис. 43: 2]. Аналогична посуда поселений Костромского Поволжья этого этапа и керамика Серюпитинского городища, где также фиксируются одинарные ряды шнуровых оттисков и обработанная сетчатыми отпечатками внешняя поверхность сосудов [8, рис. 4: 1, 4]. Датируется городище IV–III вв. до н.э. – I в. н.э. [8, с. 238]. Отмечается близость в орнаментации к керамике с поселений бассейна Средней Камы: Зуево-Ключевское I, Нырғында I [5, рис. 46, 48, 72], – датируемых Л.И. Ашихминой IV–III вв. до н.э. Наблюдается также сходство с посудой второго слоя Одоевского городища, датированного О.Н. Бадером IV–III вв. до н.э. [9, с. 152]. На данном этапе в керамике Одоевского городища отмечается замена раковинной примеси на минеральную, наличествуют сосуды с невысокой прямой и выраженными плечиками, венчик – округлый, иногда с напыльвом наружу, встречается посуда со слабовыраженной шейкой, наблюдается уменьшение орнаментированных зон, в том числе шнуровой орнамент представлен слабо, на орнаментальном фоне остаются большие чистые поля. Появляется сетчатая керамика [10, с. 160–169]. Всё вышеперечисленное, безусловно, сближает поселение Шунга с Одоевским городищем на отмеченном этапе его развития, наблюдаются идентичные признаки: уменьшение доли шнуровых оттисков, наличие большого процента слабопрофилированной посуды, появление на посуде участков с сетчатой поверхностью.

Таким образом, территория Костромского Поволжья, находясь в культурной области носителей сетчатой керамики, включалась и в пределы ананьинской культурно-исторической области. Памятники раннего железного века в регионе – многокомпонентные, в VI в. до н.э. появляются поселения со смешанными комплексами керамики. В своём большинстве гребенчато-шнуровая и шнуровая керамика раннего железного века Костромского Поволжья имеет генетические истоки как в ананьинской, так и в сетчатой и может быть охарактеризована как гибридная, состоящая из обоих компонентов. Исключением являются чистые ананьинские комплексы плавнопрофилированной посуды гребенчато-шнуровой традиции, в том числе с «воротничком», которые определённо фиксируются на поселениях Ватажка в Костромской низине и Быки (Пуп) в окрестностях Галичского озера, а также присутствуют на других памятниках – городища в Костроме и Минское, поселение Станок I, городища Унорож, Брюхово (Курган). Несомненно, наблюдается подобие костромской керамики ананьинского типа ананьинской посуде с других территорий, прослеживаются общие керамические «корни», свойственные ананьинскому миру. Особенности же такой посуды выражены, в первую очередь, в наличии участков поверхности с сетчатыми отпечатками, в морфологических различиях и в составе примесей в тесте. Бесспорно, традиции изготовления сетчатой посуды сильно повлияли на процесс формирования облика гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики Костромского Поволжья, сетчатая керамика имела широкое распространение и представлена на всех известных памятниках раннего железного века региона.

Сейчас можно говорить о «пограничном» культурном положении территории Костромского Поволжья, и Костромской низины в частности, в раннем железном веке. Начало изменения культурной ситуации в VI–V вв. до н.э. явилось импульсом для развития памятников со смешанными комплексами керамики: с ананьинской и сетчатой традициями. Ранее гибридные комплексы на памятниках раннего железного века Костромского Поволжья не выделялись, исследователи не усматривали единой культурной традиции в раннем железном веке на территории Костромского Поволжья, а пробовали выделять различные варианты в самой сетчатой посуде. Включая поселение Шунга в круг ананьинской культурно-исторической области, отметим, что проблема интерпретации и выделения ананьинских материалов в западной части их распространения крайне актуальна. Бесспорно, необходимо продолжение исследований в этом направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бекаревич Н.М. Материалы для археологической карты Костромской губернии. Костромской уезд (из трудов Тверского археологического съезда). Тверь, 1905.
2. Китицина Л.С., Третьяков П.Н. Памяти Василия Ивановича Смирнова // СА. 1968. № 4.
3. Гурина Н.Н. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (по материалам Горьковской экспедиции) // Археологические памятники Верхнего и Среднего Поволжья. М.; Л., 1963. (Труды Горьковской археологической экспедиции. МИА. № 110)

4. Археологическая карта России. Костромская область / Составитель К.И. Комаров; отв. ред. Ю.А. Краснов. М., 1999.
5. Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) // Археология Евразийских степей. Вып. 19. Казань, 2014.
6. Третьяков П.Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н.э. М.; Л., 1941. (МИА. № 5)
7. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.
8. Столяр А.Д., Хлобыстин Л.П. Городище у дер. Серюпитино // Археологические памятники Верхнего и Среднего Поволжья. М.; Л., 1963. (Труды Горьковской археологической экспедиции. МИА. № 110)
9. Бадер О.Н. Городища Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / Под ред. В.Н. Чернецова. М., 1951. (МИА. № 22)
10. Воеводский М.В. Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / Под ред. В.Н. Чернецова. М., 1951. (МИА. № 22)

**ООО «Костромская археологическая экспедиция»,
Кострома**

A.V. Novikov

**COMB-CORD AND CORD CERAMICS OF THE EARLY IRON AGE
FROM THE SETTLEMENT SHUNGA, KOSTROMA VOLGA REGION
(ON MATERIALS OF EXCAVATIONS N.N. GURINA 1954)**

Summary

In this paper the comb-cord and cord ceramic complexes of the Early Iron Age from the settlement Shunga are analyzed. The study was conducted in connection with the distribution of Anan'yino cultural and historical area throughout the territory of the Kostroma Volga region, aiming at determining areas where sites with such pottery are located within the region. Ceramics selected from syncretic ceramic complexes of the Early Iron Age settlement Shunga are interpreted. The range of sources connected with this problem has never been previously identified in detail and specified.

The beginning of the change of the cultural situation in the territory occurs in the VI–IV centuries BC. In the Kostroma Volga region then appeared monuments with mixed ceramic complexes: Anan'yino and the net ceramic traditions. The settlement Shunga is also included in the circle of the monuments of the Anan'yino cultural and historical area.

**“Kostroma archaeological expeditions” Ltd,
10, Marshala Novikova St., Kostroma, 156013,
Russia
E-mail: novikovarh@kmtn.ru
Kae44@mail.ru**

Н.С. Жеребцова, А.С. Сыроватко

**ОБ ОПЫТЕ ВЫДЕЛЕНИЯ
КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ГРУПП
ПОЗДНЕДЬЯКОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
(НА ОСНОВАНИИ ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА КЕРАМИКИ ЩУРОВСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА)**

В настоящей статье авторы представляют опыт выделения различных традиций изготовления керамики, который был приобретён ими в ходе работы над самым сложным материалом – керамикой позднедьяковского времени. Долгие годы раскопок Щуровского селища и могильников (р. Ока, Коломенский район Московской области) керамике не уделялось должного внимания: отдельные урны и сосуды-приставки из грунтовых кремаций не образовывали серий и не имели аналогов, а массив позднедьяковской керамики из слоя селища, подстилавшего слой могильника на «верхней» и «нижней» площадках, казался однородным и невыразительным. Перелом в отношении к керамическому материалу с памятника произошёл только после попытки провести его технико-технологический анализ, и в публикуемой работе представляются первые итоги такого анализа.

Щуровский археологический комплекс неоднократно становился предметом публикации, хотя раскопки памятника продолжаются и представления о нём всё время корректируются. Прежде чем перейти к описанию результатов исследования, коротко остановимся на топографии объекта, поскольку основной целью анализа керамики было выявление разницы в керамических наборах с разных его частей. Более подробно топография памятника описана в ранее опубликованной работе [1].

«Верхняя» площадка

Центральная в комплексе, условно говоря, «основной памятник» (рис. 1). Он занимает вытянутый вдоль поймы р. Оки холм. Помимо мезолитических и неолитических находок, на верхней площадке представле-

Рис. 1. Щурово. Ситуационный план – расположение площадок

ны: керамика и отдельные артефакты дьяковского времени II–III вв. н.э.; керамика и вещи позднедьяковского облика, датируемые IV–V вв. н.э.; «домики мёртвых» с кремациями VI–VII вв. н.э.; грунтовый могильник с кремациями кон. VIII – I-й пол. X в. н.э.

«Нижняя» площадка

Это второй участок культурного слоя, он был обнаружен в 2013 г. под пойменными отложениями к северо-западу от центра «основного» памятника (рис. 1). Фактически позднедьяковский слой начинается от подножья «верхней» площадки. Он встречается линзами коричневого песка, визуалью хорошо отделяемыми от перекрывающего чёрного углистого слоя грунтовых кремаций. Судя по немногочисленным находкам (шумящие украшения, «шляповидный» бубенчик, пластинчатое кресало с расширяющейся полосой), позднедьяковский слой «нижней» площадки несколько моложе слоя на «верхней», его следует датировать 3-й четв. I тыс. н.э. Погребения грунтового могильника с кремациями эпохи викингов на «нижней» площадке также есть.

«Средняя» площадка

Третий участок был выявлен в 2012 г. к югу от «основного» памятника (рис. 1). На этом участке отмечены: дьяковская керамика, гладкая и сетчатая, позднедьяковская (не датирована) керамика.

Как видим, все три площадки функционировали в разное время:

– в самом начале I тыс. н.э., в финале «классической» дьяковской культуры, существовали все три площадки, включая нижнюю ступень поймы;

– в начале позднедьяковского времени (ок. III в. н.э.) и до середины I тыс. н.э. – «верхняя» площадка;

– в 3-й четв. I тыс. н.э. – «нижняя» площадка. Однако «верхняя» площадка не пустует – на ней в это время возникают «домики мёртвых», которые, вероятнее всего, связаны с поселением;

– в последней четв. I тыс. н.э. могильник с кремациями, но с другим обрядом и обилием салтовских вещей возвращается на «верхнюю» и «нижнюю» площадки.

Для выявления технологической информации о традициях отбора исходного сырья и составления формовочных масс, существовавших у населения Щурово, первоначально была исследована небольшая серия фрагментов керамики (80 образцов) – это все крупные венчики и фрагменты сосудов, сохранившиеся настолько, чтобы по ним можно было судить о форме сосудов. Наш выбор был обусловлен следующими обстоятельствами:

1) профильные части сосудов представляют собой некий конечный объём материала, отобранный по единому принципу из разных частей памятника, что даёт надежду на репрезентативность такого отбора;

2) анализ профильных частей позволит в перспективе соотнести рецептуру с формой сосудов;

3) коллекция керамики Щурово составляет около 22 тысяч фрагментов, а процесс анализа достаточно трудоёмкий и затратный по времени;

4) отчётливых комплексов на памятнике почти нет. Учитывая, что мы имеем дело не просто со смешанным материалом, а с материалом близких периодов (дьяковского, позднедьяковского 2-й четв. I тыс. н.э., позднедьяковского 3-й четв. I тыс. н.э.), полный пофрагментный анализ почти бессмыслен.

Наблюдения велись по методике А.А. Бобринского [2; 3], по свежим сколам с использованием бинокулярного микроскопа МБС-10. В ходе наблюдений для сравнения привлекались экспериментальные образцы из лаборатории «История керамики» ИА РАН.

При анализе исходного глинистого сырья технологическая информация включала в себя сведения об ожелезнённости, качественном составе грубых минеральных примесей и степени запесоченности. Степень запесоченности оценивалась по шкале, предложенной О.А. Лопатиной [4]. Информация об особенностях составления формовочных масс включала в себя учёт качественного и количественного состава искусственных примесей.

«Верхняя» площадка

Изучены 48 образцов – венчики и фрагменты частично сохранившихся сосудов (рис. 2). Вся керамика изготовлена из ожелезнённых красножгущихся глин различной степени запесоченности. По степени запесоченности глинистого сырья выявлено преимущественное использование высоко- и среднезапесоченных глин (рис. 3; табл. 1).

В качестве естественных примесей отмечены включения бурого железняка в виде округлых частиц (25 образцов), в четырёх образцах, помимо окатанных частиц, зафиксированы и оолитовые включения. В пяти образцах зафиксированы включения известняка. Также в шести фрагментах встречены единичные глинистые частицы естественного происхождения. В одном образце отмечены включения окаменелой ракушки (дроблённый ракушечник?).

В составе формовочных масс отмечены следующие компоненты: глина (Г), дресва (Д), шамот (Ш), органика (О), песок (П) и ракушка (Р).

Дресва представлена дроблёной гранитогнейсовой породой камня, не калибрована, размеры её колеблются от 0,5 до 5 мм, хотя преобладает размерность от 1 до 3 мм. Концентрация дресвы в рецептах различна, от 1:3 до 1:6, в большинстве образцов доля дресвы составляет 1:4–1:5.

Шамот представлен остроугольными частицами. В одном образце удалось зафиксировать в составе шамота включения дресвы. Шамот не калиброван. Размеры – от 1 до 8 мм. Наиболее распространённая фракция – от 1 до 3 мм. Шамот использован в концентрации от 1:3/4 до 1:6, чаще встречается 1:5/6–1:6.

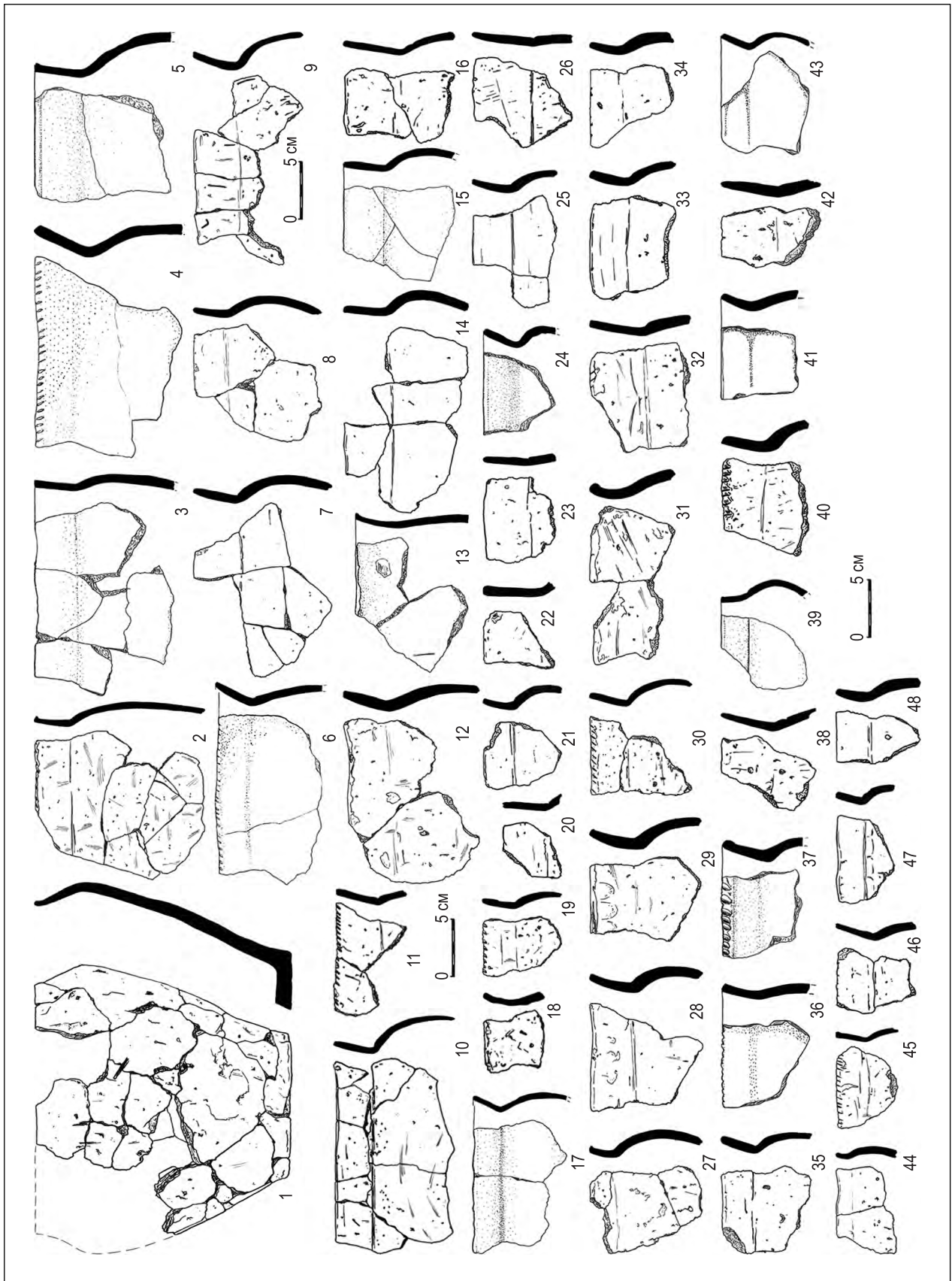

Рис. 2. Шурово. Керамика с «верхней» площадки

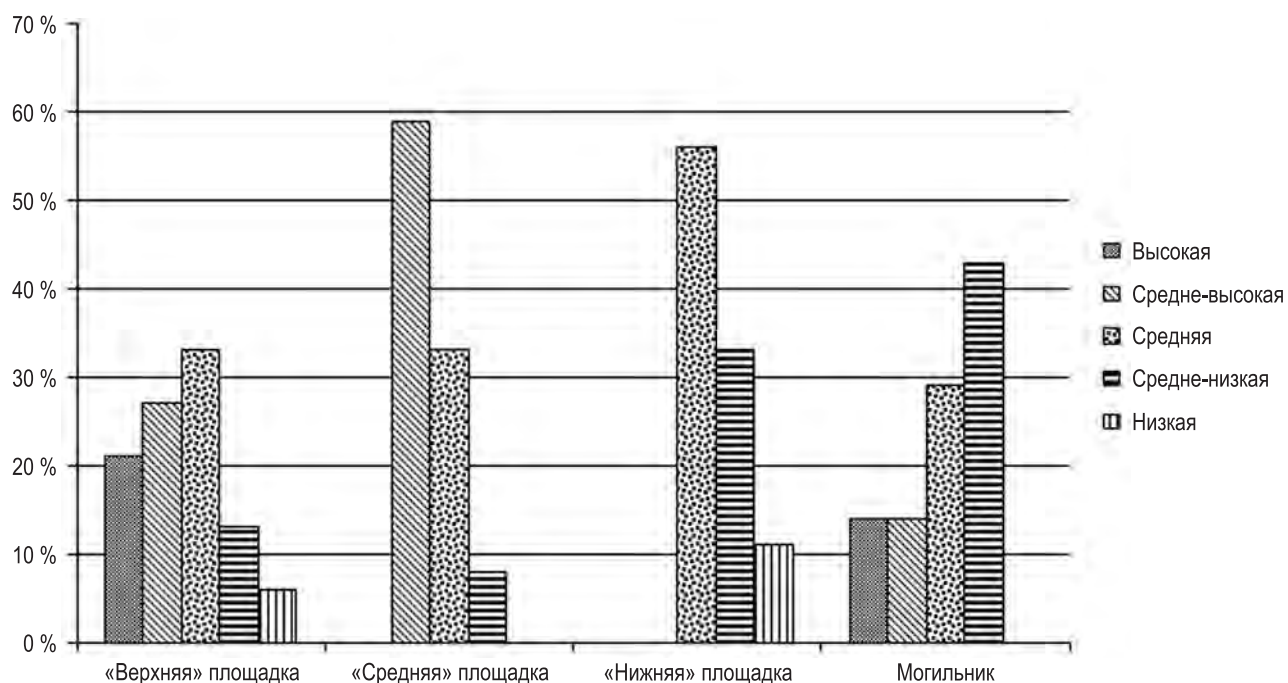

Рис. 3. Щурово. Керамика. Запесоченность исходного глинистого сырья

Таблица 1. Запесоченность исходного глинистого сырья

	«Верхняя» площадка		«Средняя» площадка		«Нижняя» площадка		Могильник	
Высокая	10	20,8 %	–	–	–	–	1	14,3 %
Средне-высокая	13	27,1 %	7	58,3 %	–	–	1	14,3 %
Средняя	16	33,3 %	4	33,3 %	5	55,6 %	2	28,6 %
Средне-низкая	6	12,5 %	1	8,4 %	3	33,3 %	3	42,8 %
Низкая	3	6,3 %	–	–	1	11,1 %	–	–
Всего	48	100 %	12	100 %	9	100 %	7	100 %

Органические примеси в составах формовочных масс представлены различными растительными отпечатками, тёмными округлыми включениями и полостями, тёмным либо светлым налётом. Данный аспект нуждается в дальнейшем специальном изучении. Зависимость между степенью пластичности исходного сырья и добавлением органики не выявлена.

Зафиксированы единичные случаи использования в качестве искусственных примесей песка и ракушки. Песок представлен окатанными частицами размером от 0,5 до 1,5 мм. Примесь дроблёной ракушки отмечена в образце с естественной примесью окаменелой ракушки.

Всего для «верхней» площадки памятника выделены восемь рецептов формовочных масс: ГД, ГШ, ГДО, ГШО, ГДШ, ГШП, ГШР, ГДШО (рис. 4; табл. 2). Как видно на рис. 4, выделить однозначно преобладающий рецепт не удалось.

«Средняя» площадка

Изучены 11 образцов (венчики) (рис. 5).

Все сосуды изготовлены из ожелезнённых красножгущихся глин различной степени запесоченности. Выявлено преимущественное использование высоко- и среднезапесоченных глин (рис. 3; табл. 1).

В качестве естественных примесей в пяти образцах зафиксированы округлые включения бурого железняка.

В качестве искусственных примесей отмечены дресва, шамот и органика.

Дресва также представлена гранитогнейсовой породой камня и также не калибрована. Размерность – от 1 до 6 мм. Чаще использована фракция от 1 до 4 мм. Концентрация примеси – от 1:3 до 1:6, в большинстве случаев доля дресвы составляет 1:4.

Шамот представлен остроугольными частицами, некалиброванный. Размеры – от 1 до 5 мм. Концентрация – 1:5–1:5/6.

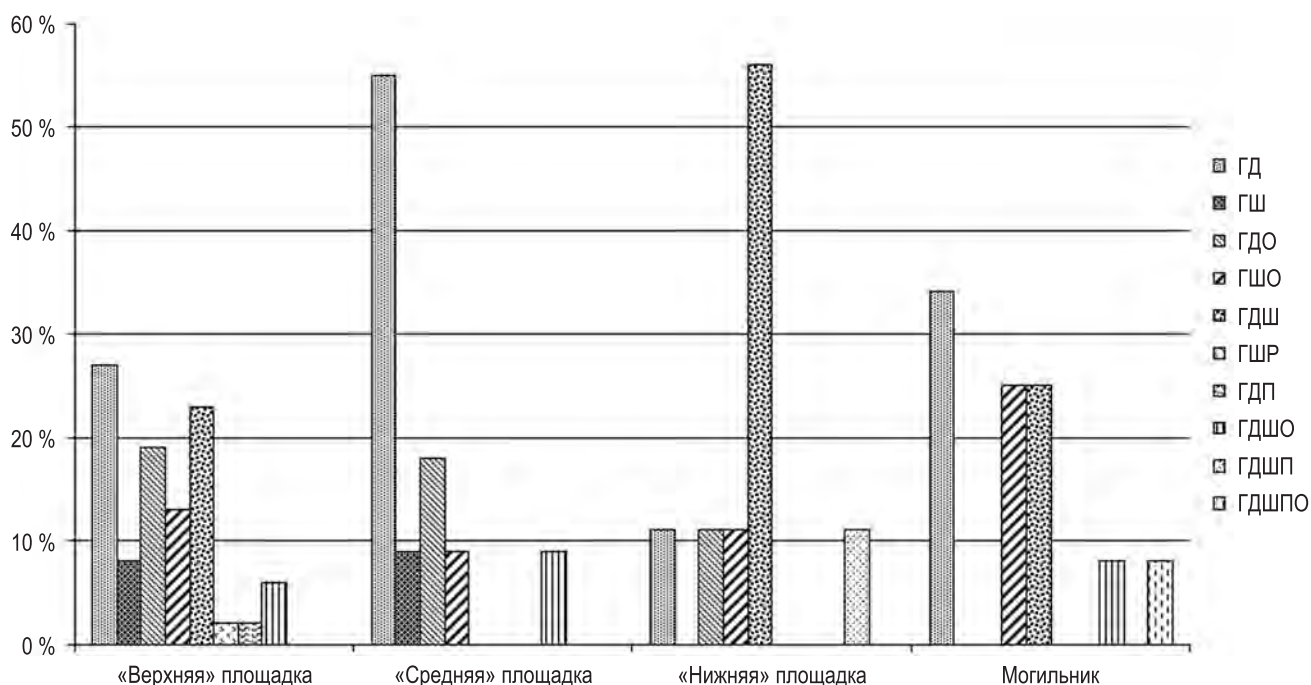

Рис. 4. Щурово. Керамика. Рецепты формовочных масс по результатам технологического анализа

Таблица 2. Рецепты формовочных масс по результатам технологического анализа

	Рецепт	«Верхняя» площадка		«Средняя» площадка		«Нижняя» площадка		Могильник	
1	ГД	13	27,1 %	6	54,5 %	1	11,1 %	4	33,4 %
2	ГШ	4	8,3 %	1	9,1 %	–	–	–	–
3	ГДО	9	18,8 %	2	18,2 %	1	11,1 %	–	–
4	ГШО	6	12,5 %	1	9,1 %	1	11,1 %	3	25 %
5	ГДШ	11	22,9 %	–	–	5	55,6 %	3	25 %
6	ГШР	1	2,1 %	–	–	–	–	–	–
7	ГДП	1	2,1 %	–	–	–	–	–	–
8	ГДШО	3	6,2 %	1	9,1 %	–	–	1	8,3 %
9	ГДШП	–	–	–	–	1	11,1 %	–	–
10	ГДШПО	–	–	–	–	–	–	1	8,3 %
	Всего	48	100 %	11	100 %	9	100 %	12	100 %

Г – глина; Д – дресва; Ш – шамот; О – органика; Р – ракушка; П – песок

Органика представлена растительными отпечатками, тёмными округлыми включениями и полостями.

Для «средней площадки» выделены пять рецептов: ГД, ГШ, ГДО, ГШО, ГДШО (рис. 4; табл. 2). Преобладает рецепт ГД.

«Нижняя» площадка

Изучены 9 образцов (венчики и частично сохранившийся сосуд) (рис. 6).

Кроме одного фрагмента, вся керамика изготовлена из ожелезненных красножгущихся глин различной степени запесоченности. Преобладают средне- и слабоzapесоченные глины (рис. 3; табл. 1).

В качестве естественных примесей отмечены округлые включения бурого железняка (три образца), в одном образце замечены и оолитовые включения. В одном образце отмечено глинистое включение естественного происхождения.

В качестве искусственных примесей встречены дресва, шамот, органика и песок.

Дресва представлена дроблённой гранитогнейсовой породой камня. Размер включений – от 1 до 4 мм. Наиболее распространённая фракция – от 1 до 2 мм. Концентрация дресвы – от 1:3/4 до 1:6, в большинстве образцов доля дресвы составляет 1:4/5–1:5.

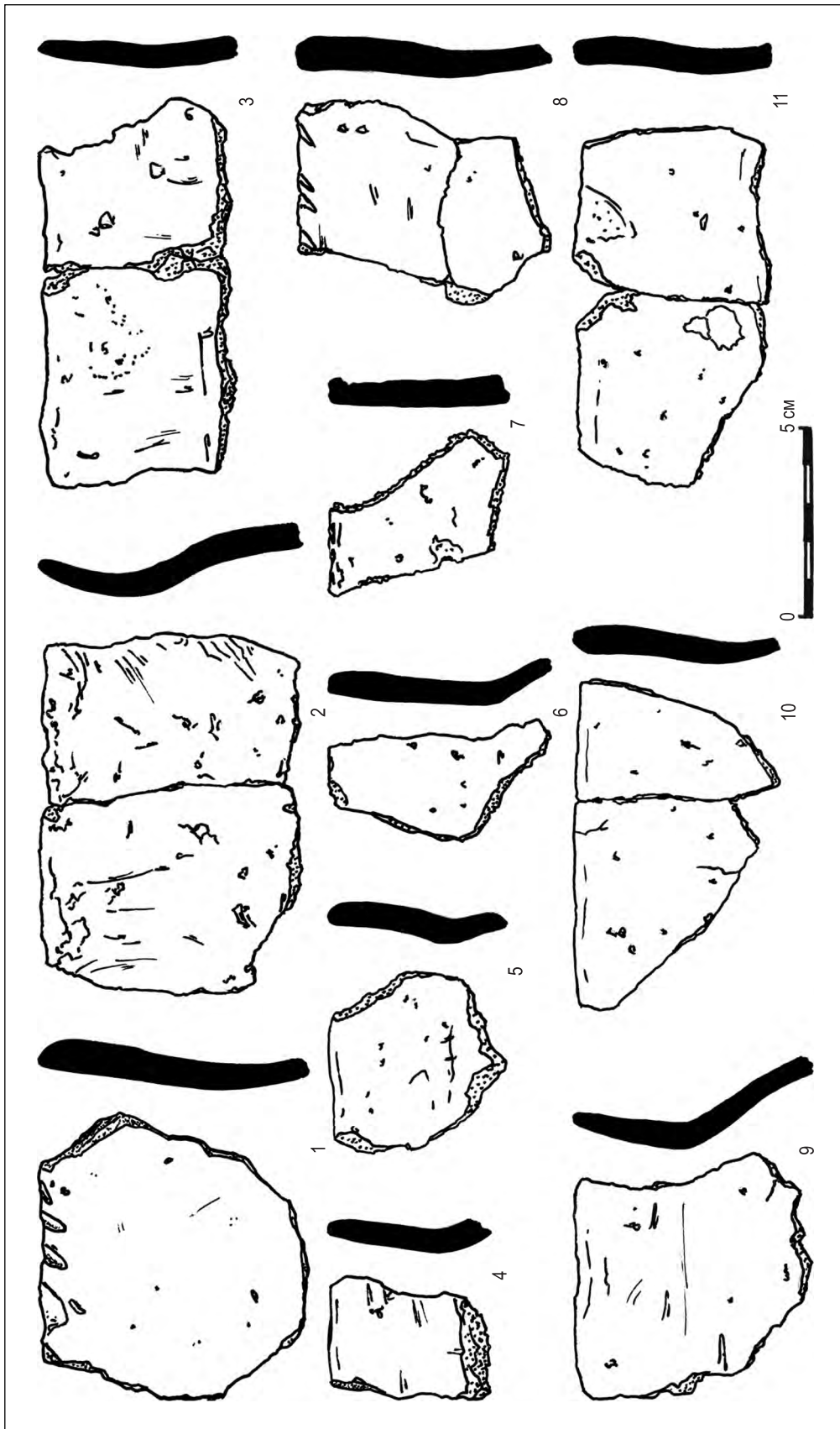

Рис. 5. Щурово. Керамика с «средней» площадки

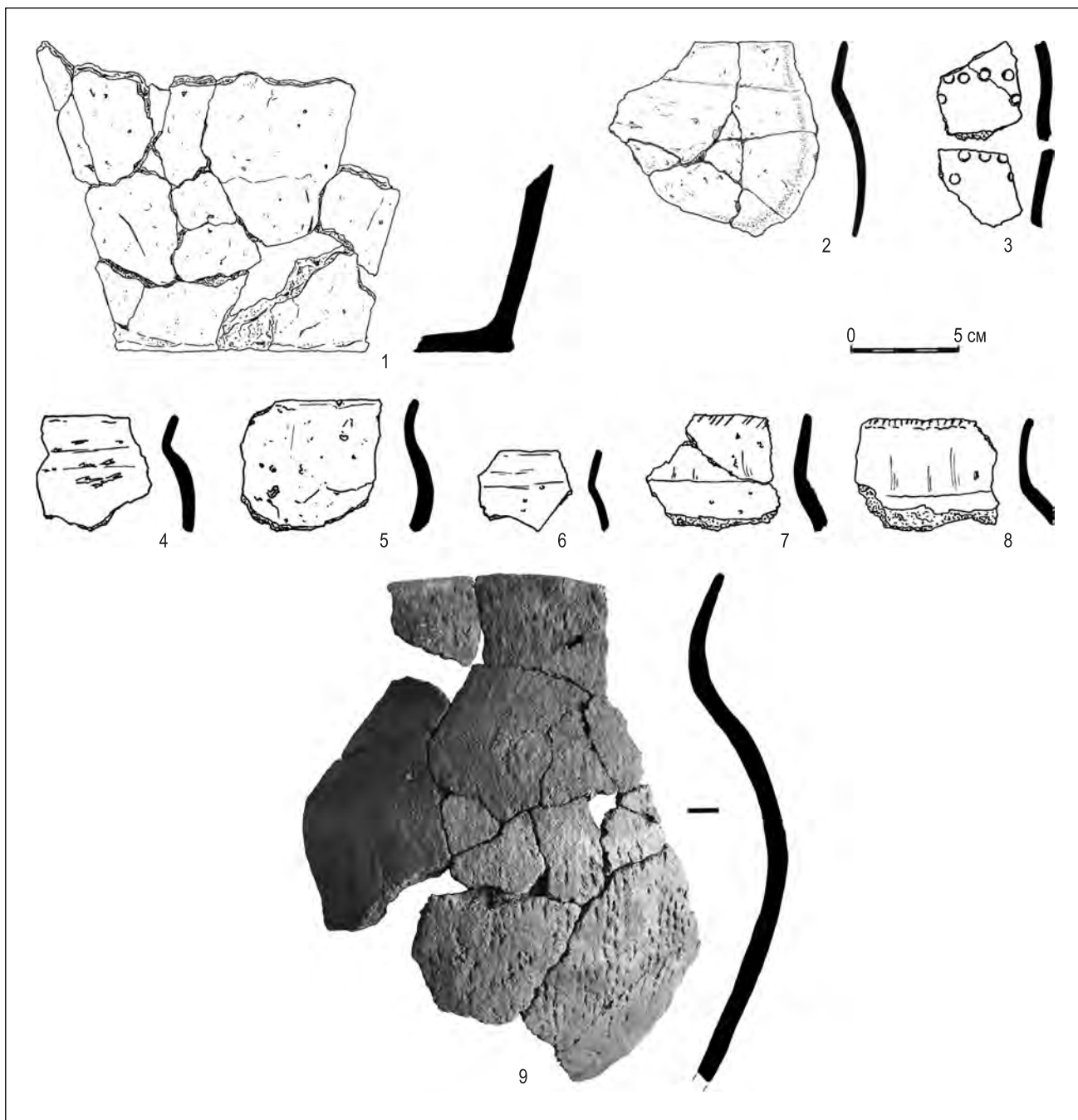

Рис. 6. Щурово. Керамика с «нижней» площадки

Шамот представлен остроугольными частицами, некалиброванный. Размеры – от 1 до 3 мм. Наиболее распространённая фракция – от 1 до 3 мм. Шамот использован в концентрации от 1:4 до 1:6, чаще встречается 1:6. В одном образце в шамоте отмечены включения дровы.

Органика представлена растительными отпечатками, тёмными округлыми включениями и полостями.

Песок как искусственная примесь представлен окатанными частицами размером от 0,5 до 2 мм.

Для «нижней» площадки выделены пять рецептов: ГД, ГДО, ГШО, ГДШ, ГДШП (рис. 4; табл. 2). Преобладает рецепт ГДШ.

Грунтовый могильник

Изучены 12 образцов (урны и сосуды-проставки) (рис. 7). Полноценный технологический анализ сделан для семи образцов. Пять полностью сохранившихся сосудов осмотрены по поверхности.

Полностью изученные образцы изготовлены из ожелезненных красножгущихся глин различной степени запесоченности. Преобладают средне- и слабозапесоченные глины (рис. 3; табл. 1).

В качестве естественных примесей в пяти образцах отмечены округлые включения бурого железняка.

В качестве искусственных примесей встречены дресва, шамот, органика и песок.

Дресва представлена дроблёной гранитогнейсовой породой камня. Размер включений – от 1 до 4 мм. Наиболее распространённая фракция – от 1 до 2 мм. Концентрация дресвы – от 1:4/5 до 1:5.

Шамот представлен остроугольными частицами, некалиброванный. Размеры – от 0,5 до 5 мм. Наиболее распространённая фракция – от 1 до 3 мм. Шамот использован в концентрации от 1:4 до 1:7, чаще встречается 1:4–1:5.

Органика представлена растительными отпечатками, тёмными округлыми включениями и полостями.

Песок как искусственная примесь представлен окатанными частицами размером от 0,2 до 2 мм.

Для могильника выделены пять рецептов: ГД, ГШО, ГДШ, ГДШО, ГДШПО (рис. 4; табл. 2). Отметим, что это довольно много для 12 сосудов, отличающихся друг от друга морфологически.

Этот факт вообще удивителен и нуждается в объяснении. В качестве предварительных гипотез пока могут быть предложены две. Первая проистекает из хронологии памятника – керамическая традиция могла трансформироваться за время существования могильника. Второе объяснение несколько экзотичнее, но также небезосновательно. Не исключено, что грунтовый могильник Щурово и не имел «своего» поселения, а был неким «погребальным центром» для значительной округи. В это предположение факт, выявленный технологическим анализом, укладывается очень хорошо: в Щурово могли быть похоронены люди с разных поселений, и традиция керамического производства у них вполне могла быть у каждого своя.

Результаты технологического анализа профильных частей сосудов

1. Для «верхней» и «средней» площадок характерно использование менее пластичного сырья (средне-высоко- и среднезапесоченные глины), чем для «нижней» площадки и грунтового могильника (средне-низко- и среднезапесоченные глины). Самым важным является сопоставление керамики с «верхней» и «нижней» площадок, как последовательно заселяемых. Разница между ними особенно велика. Использование разных источников сырья является, с нашей точки зрения, аргументом в пользу некоего культурного разрыва между населением «верхней» и «нижней» площадок при формальной принадлежности к позднедьяковской традиции того и другого.

2. В керамике с «верхней» площадки выделить однозначно доминирующую рецептуру формовочной массы затруднительно, но следует отметить некоторое преобладание рецептов с дресвой. Это может быть связано со смешанностью материалов в открытом комплексе.

3. На «средней» площадке в керамике преобладает рецепт ГД. Это, вероятнее всего, связано с высокой долей собственно дьяковской керамики. Гладкостенная всегда сопровождается сетчатой, и высокий процент позднедьяковской керамики с рецептом ГД может в действительности быть результатом примеси гладкостенной дьяковской керамики.

Пофрагментный анализ отдельных комплексов и линз культурного слоя

Как видим, картина получилась выразительная, но недостаточно обоснованная: на «верхней» площадке не выделены комплексы, и её доминанта осталась не установленной; на «нижней» площадке выборка крайне мала. Это стало причиной поиска отдельных комплексов для проведения пофрагментного анализа. Поскольку, повторим, для более чем 20 тысяч фрагментов такой анализ слишком трудоёмок, было принято решение сосредоточиться на выделенных «открытых» комплексах «верхней» площадки, а на «нижней» площадке проанализировать фрагменты из всей коллекции.

Акцент был сделан на выяснение состава рецептов формовочных масс, без учёта особенностей исходного сырья. Для наблюдений отбирались фрагменты размером не менее 4–5 кв. см, так как материал сильно измельчён. Особое внимание уделялось фиксированию в рецептах формовочных масс примесей дресвы и шамота как примесей, выполняющих одну и ту же технологическую задачу [2, с. 90–99, 105–109]. Рецепты с **достоверной** примесью песка и органики (ГДО, ГШО, ГДП, ГДШО) отмечены в незначительном числе случаев, и, чтобы картина была более выразительной, **эти рецепты не приведены в статистике.**

На «верхней» площадке выделены семь комплексов – это предположительно жилые ямы №№ 1 и 2 на раскопе 7, линза культурного слоя на раскопе 6 2011 г., помимо них такими же открытыми комплексами можно считать слои в курганах (или, скорее, под курганами) №№ 1–4. Причём керамика из кургана 1 и из слоя под ним уже проанализирована В.Ю. Ковалем в 1993 г. [5]. Слой 3 (по В.Ю. Ковалю) под курганом 1 мы вправе трактовать как сравнительно чистый позднедьяковский слой, предшествовавший времени сооружения могильника и возникновения поселения на «нижней» площадке. Поэтому слой под курганом можно считать эталонным проверочным комплексом наших выводов по ямам №№ 1 и 2 и курганам №№ 2–4.

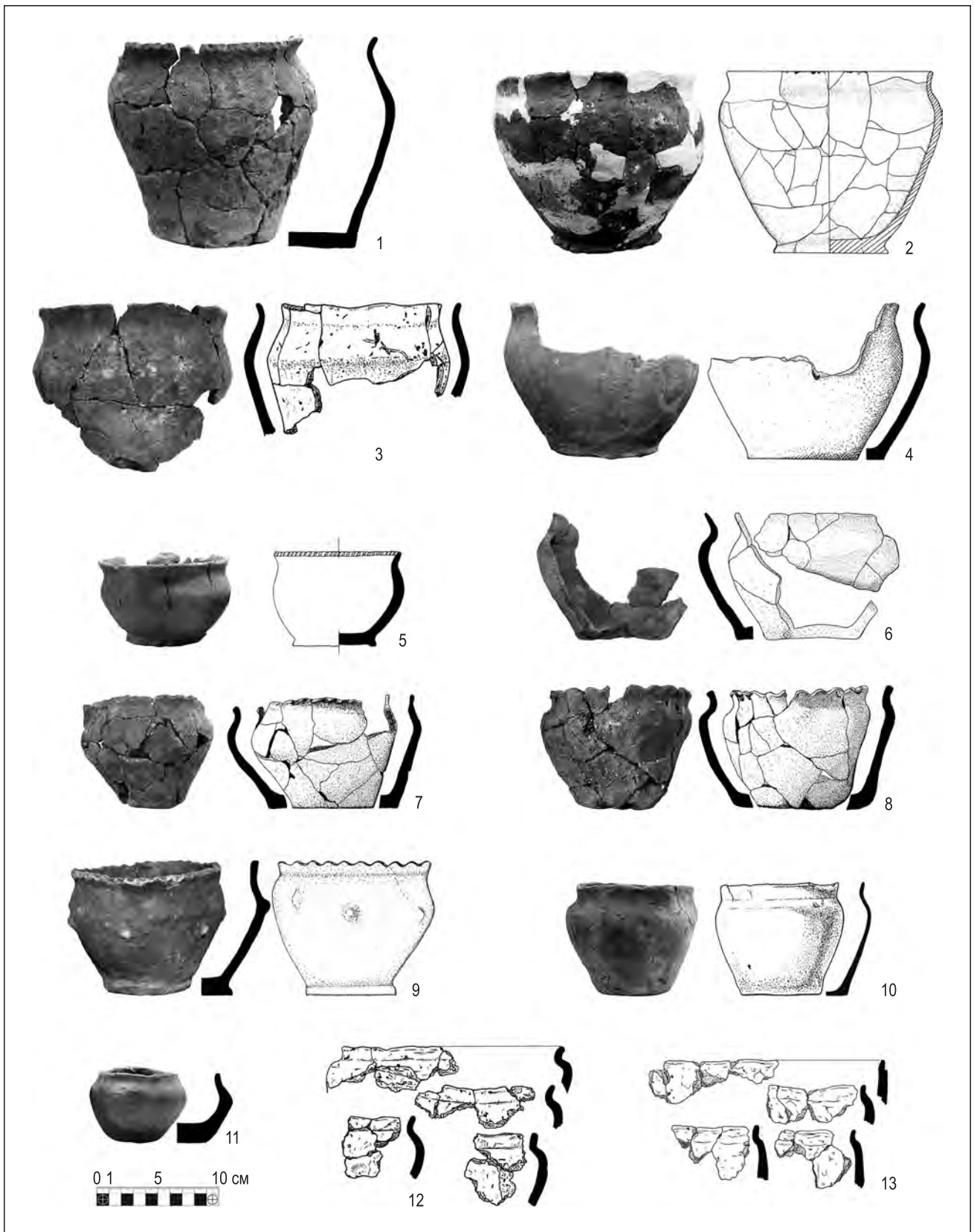

Рис. 7. Щурово. Керамика из могильника

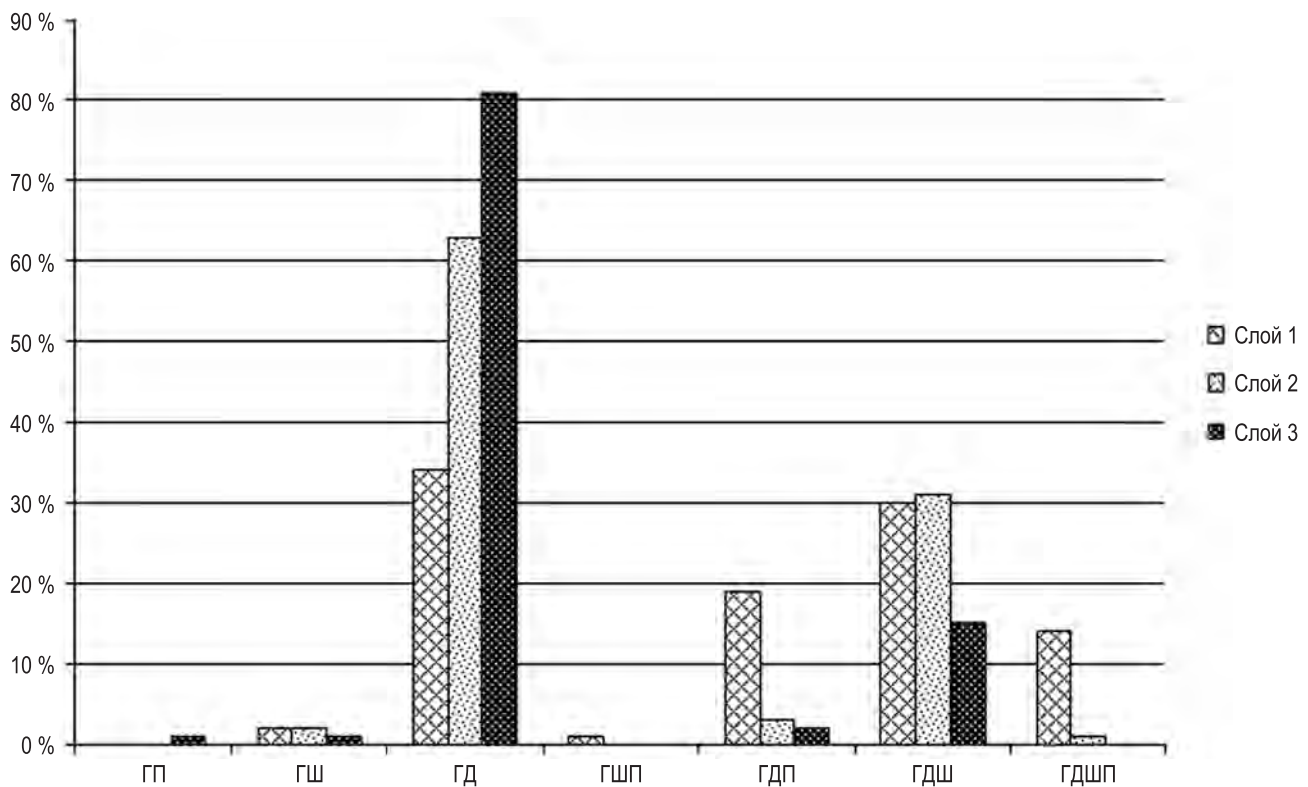

Рис. 8. Щурово. Рецепты формовочных масс керамики из кургана 1 (по В.Ю. Ковалю [5])

Таблица 3. Рецепты формовочных масс керамики из кургана 1 (по В.Ю. Ковалю [5])

Рецепт	Слой 1	Слой 2	Слой 3
1 ГП	1 0,4 %	–	1 0,55 %
2 ГШ	5 2,1 %	8 2 %	1 0,55 %
3 ГД	81 33,9 %	254 63 %	148 81,3 %
4 ГШП	3 1,3 %	1 0,3 %	–
5 ГДП	45 18,8 %	14 3,5 %	4 2,2 %
6 ГДШ	71 29,7 %	123 30,5 %	28 15,4 %
7 ГДШП	33 13,8 %	3 0,7 %	–
Всего	239 100 %	403 100 %	182 100 %

Г – глина; П – песок; Ш – шамот; Д – дресва

Результаты исследования В.Ю. Ковалю таковы: всего выделены семь рецептов керамической массы (ГД, ГШ, ГП, ГДШ, ГДП, ГШП, ГДШП). Самыми важными являются наблюдения по слою 3: преобладание рецепта ГД и небольшая доля рецепта ГДШ (рис. 8; табл. 3).

По нашим наблюдениям, для комплексов «верхней» площадки (рис. 9; табл. 4) характерно доминирование в керамике рецепта ГД и постоянное присутствие невысокого процента шамотосодержащих рецептов. Однако из этой стройной картины выбивается курган 4, в нём доля рецептов с шамотом несколько выше¹.

Анализ отдельных открытых комплексов выявил, таким образом, доминирующую рецептуру, характерную именно для керамики «верхней» площадки, это рецепт ГД. Этот результат противоречит выводу из первой части статьи – об отсутствии на «верхней» площадке преобладающей рецептуры. По всей видимос-

¹ Погребения кургана 4 ранее публиковались [6]. Этот курган заметно отличался по устройству от остальных. Он представлял собой наложение нескольких порций кремнированных костей, одни на другие, «скопление скоплений», и в этой массе костей количество керамики довольно велико. Поскольку курганы, видимо, синхронны поселению «нижней» площадки, вероятно, в курган 4 попадала керамика не только из переложного культурного слоя «верхней» площадки, но и синхронная самим погребениям. Видимо, этим и объясняется высокая доля керамики с примесью шамота в тесте.

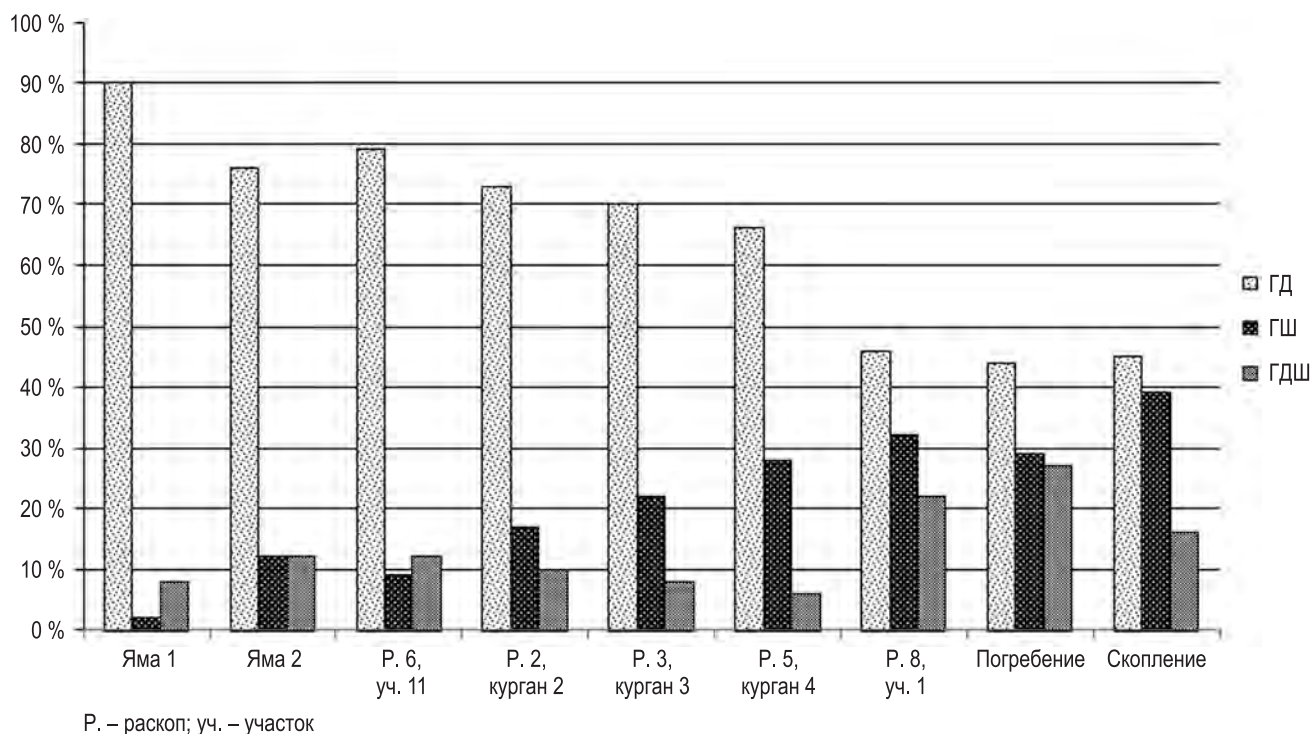

Рис. 9. Рецепты формовочных масс по результатам пофрагментного анализа керамики по комплексам

Таблица 4. Рецепты формовочных масс по результатам пофрагментного анализа керамики по комплексам

	Объект	ГД		ГШ		ГДШ		Всего	
«Верхняя» площадка	Яма 1	38	90,5 %	1	2,4 %	3	7,1 %	42	100 %
	Яма 2	57	76 %	9	12 %	9	12 %	75	100 %
	Р. 6, уч. 11	216	78,5 %	26	9,5 %	33	12 %	275	100 %
	Р. 2, курган 2	97	73,5 %	22	16,7 %	13	9,8 %	132	100 %
	Р. 3, курган 3	166	70,3 %	51	21,6 %	19	8,1 %	236	100 %
	Р. 5, курган 4	101	66 %	43	28,1 %	9	5,9 %	153	100 %
«Нижняя» площадка	Р. 8, уч. 1	70	46,1 %	49	32,2 %	33	21,7 %	152	100 %
	Погребение	37	44 %	24	28,6 %	23	27,4 %	84	100 %
	Скопление	17	44,7 %	15	39,5 %	6	15,8 %	38	100 %

Г – глина; Д – дресва; Ш – шамот; Р. – раскоп; уч. – участок

ти, это означает, что выборка только из венчиков сосудов оказалась недостаточно репрезентативной. Однако, хотя преобладающий рецепт выявлен, ни в одном случае – ни в ямах, ни в слое под курганами – не встречен набор фрагментов, среди которых абсолютно отсутствовали бы фрагменты с примесью шамота. В настоящее время объяснить отсутствие «чистоты» комплексов можно следующим образом: либо это примесь керамики (с шамотом в том или ином сочетании), поступавшей на памятник в результате контактов с территориями, где такая керамика производилась², либо комплексы сами по себе недостаточно изолированы. И, конечно, остаётся возможность параллельного изготовления керамики с шамотом.

Что касается «нижней» площадки, то пофрагментный анализ выявил заметное преобладание доли керамических рецептов с шамотом (ГШ и ГДШ) – их доля выше, чем доля простого рецепта ГД, столь характерного для керамики с «верхней» и «средней» площадок. «Чистый» набор, исключая, например, рецепт ГД, не встречен и здесь. С другой стороны, от слоя поселения мы не вправе ожидать какой-либо чистоты вообще, и большой удачей можно считать хотя бы выявленный тренд.

² Эти территории находятся совсем рядом: во 2-й четв. – сер. I тыс. н.э. позднелужицкого облика керамика с шамотом в тесте как основной добавкой производилась на Ростиславльском городище [7, с. 26–27], а также в Соколовой Пустыни.

Таким образом, анализ керамики позволил говорить о заметных различиях в традиции её изготовления в рамках одного только позднедыяковского периода – для 2-й и 3-й четв. I тыс. н.э. характерны разные рецепты и разные источники сырья. На разрыв, обозначаемый как “война V в.”, указывают и другие данные – от смены топографии и погребального обряда до смены ландшафтов [1, с. 59–61], и анализ керамики эту культурную неоднородность ещё раз подтвердил, повторим, на фоне того, что мы имеем дело всё с той же позднедыяковской культурой. Но анализ исходного керамического сырья позволил установить и ещё одну деталь: видимо, мы имеем дело не просто со сменой культурной традиции, а с хронологическим разрывом в заселении памятника: подмеченная разница в использовавшихся глинах, вероятнее всего, означает, что обитателям «нижней» площадки пришлось заново искать источники сырья, и то, что им удалось найти (а Щурово расположено на правом берегу Оки, террасы которого сложены песками плейстоценового возраста, глины в ближайшей округе нет), отличалось от глин, использовавшихся обитателями «верхней» площадки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Роль палеотопографии и ландшафтно-климатических изменений в формировании Щуровского археологического комплекса / А.С. Сыроватко, А.В. Панин, А.А. Трошина, Н.С. Семеняк // АП. Вып. 12. М., 2016.
2. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.
3. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара. 1999.
4. Лопатина О.А., Каздым А.А. Естественная примесь песка в древней керамике (к обсуждению проблемы) // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М., 2010.
5. Коваль В.Ю. Отчет об археологических разведках в Озерском и Луховицком районах Московской области в 1993 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 17732.
6. Погребальный обряд Щуровского могильника: новые результаты междисциплинарных исследований / А.С. Сыроватко, М.В. Добровольская, А.А. Мальцева, А.А. Трошина // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 3. Тула, 2012.
7. Тавлицева Е.Ю. Городище Ростиславль – горизонт пожара середины I тыс. н.э. // АП. Вып. 6. М., 2010.

*Муниципальное бюджетное учреждение
«Коломенский археологический центр»,
Коломна*

N.S. Zhrebtsova, A.S. Syrovatko

ON THE RESULTS OF DEFINING THE CULTURAL-CHRONOLOGICAL GROUPS OF LATE DYAKOVO CULTURE POPULATION ON THE BASIS OF TECHNICAL-TECHNOLOGICAL ANALYSIS OF CERAMICS FROM SHCHUROVSKY ARCHAEOLOGICAL COMPLEX

Summary

The article presents the results of technological analysis of the ceramics originating from the settlement and burial Shchurovo (the Oka river, near the city of Kolomna). Settlements and one of the burial grounds are of Late Dyakovo time, another burial ground dates to the Viking era. The analysis of urns and vessels-panels from cremation ground dated to the Viking age showed that 12 vessels have 5 different recipes of the molding compositions, and the vessels are extremely different from each other in shape. The authors suggest that at the cemetery people from different groups with different traditions of making pottery could be buried.

The analysis of ceramics of Late Dyakovo time has shown that it is heterogeneous: for the 2nd quarter of the I Millennium AD characteristic (but not only) was the recipe with trace elements of crushed stone in the clay paste; the 3rd quarter is characterized by the use of shammott, sometimes together with crushed stone. Analysis of clays also revealed different preferences or different sources of raw materials for the 2nd and 3rd quarters of I Millennium AD. The authors come to the conclusion that, despite the resemblance of ceramics and a formal affiliation to one culture, at the settlement there was a gap of cultural traditions, changing population and, most likely, the chronological gap appearing in the middle of the 3rd quarter of the I millennium AD.

*Municipal Budgetary Institution
“Kolomna Archaeological Centre”,
5, Kremlyevskaya St., Kolomna, Moscow Region, 140400,
Russia
N.S. Zhrebtsova – E-mail: natashanatasha2110@mail.ru
A.S. Syrovatko – E-mail: arxeolog-net@rambler.ru
sasha.syr@rambler.ru*

А.С. Сыроватко, Н.С. Жеребцова

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЗДНЕДЬЯКОВСКОЙ КЕРАМИКИ РАЗНЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ СХЕМ В КОМПЛЕКСАХ ЩУРОВСКОГО СЕЛИЩА И МОГИЛЬНИКА: НОВЫЕ ДАННЫЕ

Комплекс археологических памятников Щурово представляет собой останец террасы (так называемая верхняя площадка), возвышающийся над поймой («нижней» площадкой). Позднедьяковская керамика есть на обеих площадках, хотя находки указывают, что позднедьяковский слой «верхней» относится преимущественно к IV–V вв. н.э., а «нижней» – к 3-й четв. I тыс. н.э. В 3-й четв. I тыс. н.э. на «верхней» площадке возникают «домики мёртвых» (далее именуемые также курганами) с кремациями, и, исходя из общей логики, мы предполагаем, что слой «нижней» площадки синхронен этим погребениям [1]. Однако очевидной и актуальной задачей оставалось **разделение массива керамики позднедьяковского стиля на два** – второй (до переноса поселения в пойму и строительства «домиков») и третьей (периода строительства «домиков мёртвых») четвертей I тыс. н.э.

Первый опыт осмысления щуровской керамики как источника базировался на обработке венчиков сосудов [2]. Представленное исследование основано на пофрагментном анализе керамики (отбирались обломки сосудов размером не менее 4–5 кв. см, анализ проводился с помощью бинокулярного микроскопа, образцы не обжигались при конечных температурах), наблюдения велись как по раскопам вообще, так и по отдельным объектам – ямам, насыпям «домиков мёртвых», компактным скоплениям. Отметим, что акцент был сделан на выяснение состава рецептов формовочных масс без учёта особенностей исходного сырья. Рецепты с достоверной примесью песка и органики: глина + дресва + органика (ГДО), глина + шамот + органика (ГШО), глина + дресва + песок (ГДП), глина + дресва + шамот + органика (ГДШО) – отмечены в незначительном числе случаев, и, чтобы картина была более выразительной, эти рецепты не приведены в статистике.

Первые результаты исследования позволили предположить, что морфологически однородная коллекция может быть разделена по рецептурам теста: для «верхней» площадки характерна рецептура без применения шамота (глина + дресва – ГД), для «нижней» – с шамотом (глина + шамот – ГШ и глина + дресва + шамот – ГДШ). Продемонстрируем теперь, как эти выводы подтверждаются новыми исследованиями.

1. Гистограммы на рис. 1 расположены в порядке с юга на север (соответствуют табл. 1), участки 10–12 раскопа VI являются условной границей перехода от «верхней» площадки к «нижней». Из рисунка нетруд-

Таблица 1. Распределение керамики различных традиций в объектах «верхней» и «нижней» площадок

Объект	ГД		ГШ		ГДШ		Всего	
Р. 8, уч. 1 и 2	126	46,7 %	97	35,9 %	47	17,4 %	270	100 %
Р. 6, уч. 17	47	39,2 %	50	41,7 %	23	19,1 %	120	100 %
Р. 6, уч. 17. «Восточное» скопление	10	20 %	30	60 %	10	20 %	50	100 %
Р. 6, уч. 17. «Южное» скопление	53	62,4 %	18	21,1 %	14	16,5 %	85	100 %
Р. 6, уч. 10–12	157	51,8 %	116	38,3 %	30	9,9 %	303	100 %
Р. 5. Курган 4	101	66 %	43	28,1 %	9	5,9 %	153	100 %
Р. 2. Курган 2	97	73,5 %	22	16,7 %	13	9,8 %	132	100 %
Р. 3. Курган 3	166	70,3 %	51	21,6 %	19	8,1 %	236	100 %
Курган 1. По В.Ю. Ковалю [4]	152	84 %	1	0,5 %	28	15,5 %	181	100 %
Яма 2	57	76 %	9	12 %	9	12 %	75	100 %
Яма 1	38	90,5 %	1	2,4 %	3	7,1 %	42	100 %

Р. – раскоп; уч. – участок (здесь и далее)

но заметить, что количество керамики с шамотом в тесте возрастает в комплексах или в раскопах именно в этом направлении. Сумма рецептур ГШ и ГДШ (красного и серого цветов соответственно) заметно ниже на «верхней» площадке. Этот вывод уже был озвучен ранее [2].

2. Нигде нет чистого комплекса. В ямах, в насыпях «домиков мёртвых» даже при абсолютном доминировании одной традиции всегда есть примесь – пусть и минимальная – другой.

3. Наличие почти чистых комплексов (ямы 1–2 – гистограммы 11 и 10, основание слоя кургана 1 – гистограмма 9, «южное скопление» – гистограмма 4 на рис. 1) почти без шамотосодержащих фрагментов сосудов свидетельствуют о том, что такая чистота могла иметь место.

4. Наличие «восточного скопления» (гистограмма 3, рис. 1) на «нижней» площадке позволяет говорить о том, что и комплексы керамики с доминирующим шамотом реально существовали.

5. Раскопы на границе «верхней» и «нижней» площадок, то есть у подошвы холма, наиболее нестабильны и смешаны, далее к северу (раскоп 8) доля шамотосодержащей керамики ещё выше. Видимо, этот участок памятника использовался в оба периода его существования.

6. Смешанность двух традиций (ГД и ГШ + ГДШ) в скоплениях не может быть трактована однозначно. Равновероятны период совместного изготовления керамики с разной рецептурой и смешанность открытых комплексов.

7. Эта же смешанность свидетельствует о том, что тенденция преимущественного заселения «верхней» площадки во второй четверти и «нижней» в третьей существует, но лишь как общий тренд – «нижняя» использовалась во 2-й четв. I тыс. н.э., хотя, возможно, ближе к подножью холма, а не в центре поля.

8. Для большинства «домиков мёртвых» отмечено возрастание доли керамики с шамотом от нижних пластов к верхним, что можно объяснить наложением слоя с такой керамикой на слой селища «периода бытования керамики ГД». Этот слой может быть собран с прилегающих к каждому погребальному объекту участков, но может быть также **привнесён с места совершения кремации**. На последнее обстоятельство указывает сходство в составе находок «восточного» скопления, с одной стороны, и «домика мёртвых» № 4 – с другой (подробнее об этих объектах: [3]).

9. Для «домиков мёртвых» отмечено возрастание доли керамики с шамотом с юга на север, что может быть **отражением последовательности их сооружения** (независимо от того, по какой схеме – с прилегающих участков или с места сожжения – эта керамика попадала в насыпи).

10. Любопытной деталью является не просто рост доли суммы рецептур ГШ + ГДШ, но и то, что существует и обратная пропорция возрастания доли ГШ при снижении ГДШ. Пока мы не можем объяснить этот факт, правильнее оставить его без комментариев.

Рассмотрим теперь гистограммы распределения керамики в насыпях «домиков мёртвых».

Керамика кургана 1 (рис. 2, табл. 2)

Керамики с шамотом минимальное количество, оно увеличивается почти от нуля снизу вверх. При этом заметна доля смешанной рецептуры ГДШ, которая уменьшается в остальных объектах по мере возрастания доли керамики по рецепту ГШ.

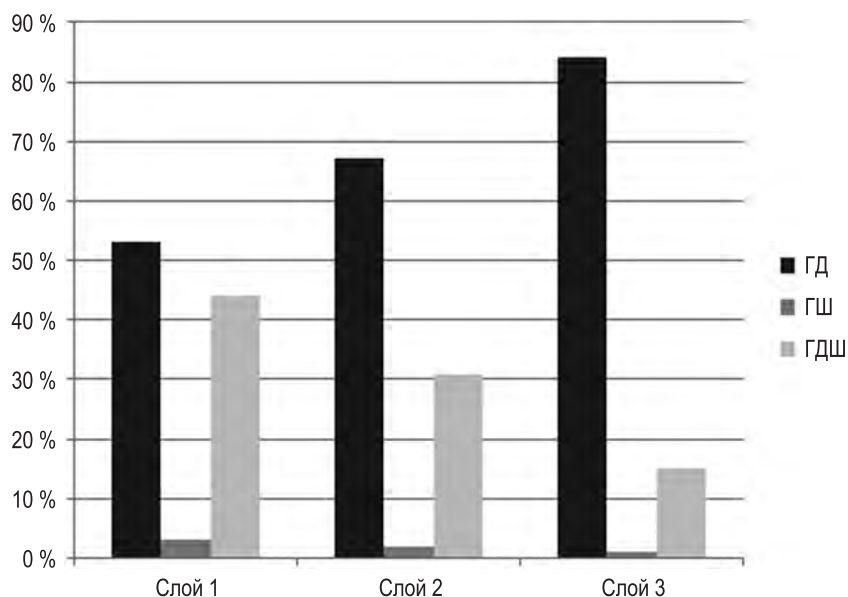

Рис. 2. Распределение керамики различных традиций в кургане 1 (по В.Ю. Ковалю [4])

Таблица 2. *Распределение керамики различных традиций в кургане 1 (по В.Ю. Ковалю [4])*

	ГД		ГШ		ГДШ		Всего	
Слой 1	126	52,9 %	8	3,4 %	104	43,7 %	238	100 %
Слой 2	268	66,5 %	9	2,2 %	126	31,3 %	403	100 %
Слой 3	152	84 %	1	0,5 %	28	15,5 %	181	100 %

Керамика кургана 2 (рис. 3, табл. 3)

Керамика с шамотом присутствует в ядре, в середине насыпи. В самом нижнем слое её нет, в самом верхнем её мало (и только ГДШ).

Какой-то системы в распределении такой керамики в средних слоях нет. Можно предположить, что уменьшение её доли кверху связано с тем, что верх – это наброс слоя с прилегающих участков и из рва, а пласт 5 – слой с погребального костра.

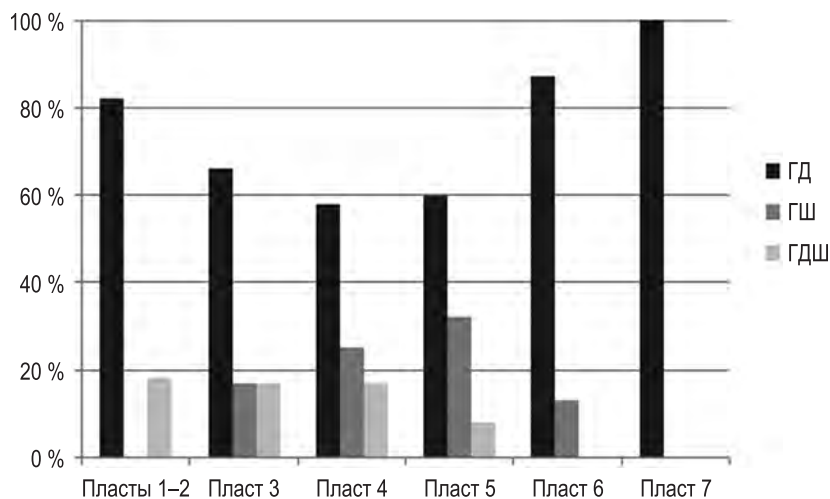

Рис. 3. Распределение керамики различных традиций в кургане 2

Таблица 3. *Распределение керамики различных традиций в кургане 2*

	ГД		ГШ		ГДШ		Всего	
Пл. 1-2	9	81,8 %	–	–	2	18,2 %	11	100 %
Пл. 3	16	66,6 %	4	16,7 %	4	16,7 %	24	100 %
Пл. 4	7	58,3 %	3	25 %	2	16,7 %	12	100 %
Пл. 5	22	59,5 %	12	32,4 %	3	8,1 %	37	100 %
Пл. 6	20	87 %	3	13 %	–	–	23	100 %
Пл. 7	11	100 %	–	–	–	–	11	100 %

Пл. – пласт/пласты (здесь и далее)

Керамика кургана 3 (рис. 4, табл. 4)

Её распределение сходно с таковым в кургане 2 – доля шамотосодержащей керамики постепенно уменьшается снизу вверх, но в предматерике её опять нет. Объяснение – то же?

Таблица 4. *Распределение керамики различных традиций в кургане 3*

	ГД		ГШ		ГДШ		Всего	
Пл. 1-2	21	77,8 %	5	18,5 %	1	3,7 %	27	100 %
Пл. 3	29	70,7 %	7	17,1 %	5	12,2 %	41	100 %
Пл. 4	61	66,3 %	22	23,9 %	9	9,8 %	92	100 %
Пл. 5	38	73,1 %	11	21,1 %	3	5,8 %	52	100 %
Пл. 6	15	68,2 %	6	27,3 %	1	4,5 %	22	100 %
Пл. 7	2	100 %	–	–	–	–	2	100 %

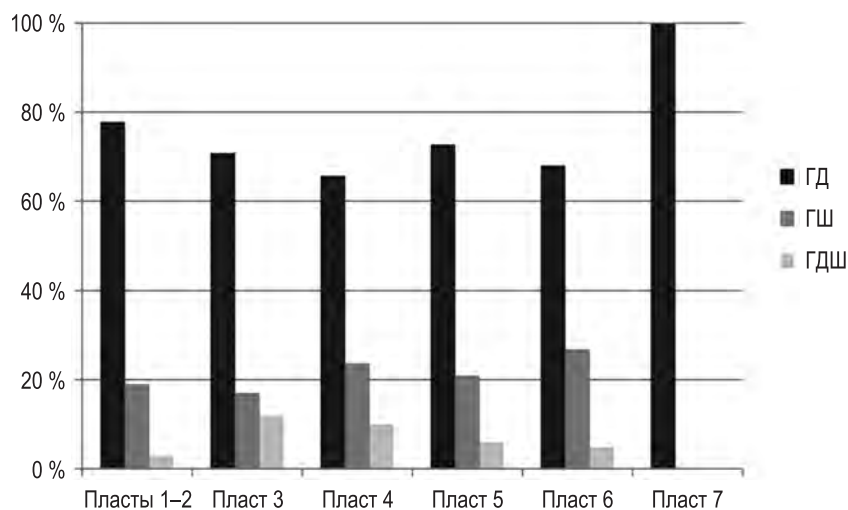

Рис. 4. Распределение керамики различных традиций в кургане 3

Керамика кургана 4 (рис. 5, табл. 5)

Доля шамотосодержащей керамики примерно одинакова во всех горизонтах, небольшим колебаниям вряд ли стоит искать объяснение. Но эта доля выше, чем во всех остальных курганах!

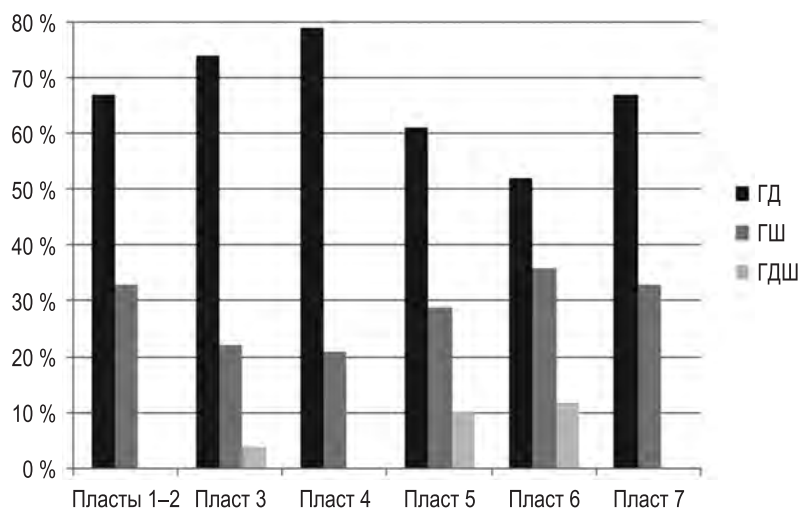

Рис. 5. Распределение керамики различных традиций в кургане 4

Таблица 5. Распределение керамики различных традиций в кургане 4

	ГД		ГШ		ГДШ		Всего	
Пл. 1-2	14	66,7 %	7	33,3 %	–	–	21	100 %
Пл. 3	34	74 %	10	21,7 %	2	4,3 %	46	100 %
Пл. 4	15	78,9 %	4	21,1 %	–	–	19	100 %
Пл. 5	17	60,7 %	8	28,6 %	3	10,7 %	28	100 %
Пл. 6	17	51,5 %	12	36,4 %	4	12,1 %	33	100 %
Пл. 7	4	66,7 %	2	33,3 %	–	–	6	100 %

Из приведённых в таблицах подсчётов следует довольно любопытный факт: возрастание в большинстве случаев доли керамики с шамотом от нижних горизонтов к верхним. Удивительно здесь то, что если бы насыпь состояла только из культурного слоя селища, то никакой системы в распределении керамики не долж-

но было бы быть. Похоже, что статистика улавливает некий «ранний позднедьяковский слой», где керамики с шамотом в тесте нет или почти нет. Но откуда же взялась керамика с шамотом в тесте? Ведь, следуя общей логике, культурный слой «периода бытования позднедьяковской керамики с шамотом в тесте» не должен был откладываться на могильнике, его место на поселении? Одним из вариантов объяснения является факт переноса материала вместе с остатками погребального костра с места сожжения и укладка его в насыпь.

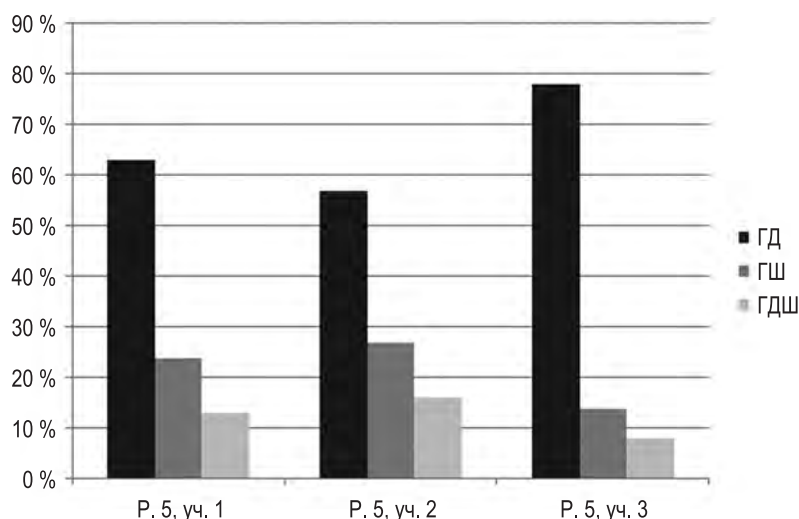

Рис. 6. Распределение керамики различных традиций на участках 1–3 раскопа 5

Таблица 6. Распределение керамики различных традиций на участках 1–3 раскопа 5

Объект	ГД		ГШ		ГДШ		Всего	
Р. 5, уч. 1	127	62,9 %	48	23,7 %	27	13,4 %	202	100 %
Р. 5, уч. 2	32	57,1 %	15	26,8 %	9	16,1 %	56	100 %
Р. 5, уч. 3	92	78 %	16	13,5 %	10	8,5 %	118	100 %

Этот вывод чрезвычайно заманчив, но мы не можем не отметить ещё два участка из трёх на «верхней» площадке, где суммарная доля керамики с шамотом довольно велика, даже больше, чем в кургане 4, – это западная кромка «верхней» площадки, участки 1–2 раскопа 5 (рис. 6, табл. 6). Видимо, это лишнее напоминание, что однозначных выводов по открытым комплексам сделать нельзя – всегда будут некие оговорки, и эти два участка как раз и представляют собой такую оговорку. Конечно, количество керамики с участка 2, например, вообще невелико, к тому же статистика может быть искажена за счёт распаханных сосудов-приставок. Но, повторим, все наши выводы, видимо, ещё долго будут носить характер осторожных предположений, описывающих лишь общие черты всей коллекции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Роль палеотопографии и ландшафтно-климатических изменений в формировании Щуровского археологического комплекса / А.С. Сыроватко, А.В. Панин, А.А. Трошина, Н.С. Семеняк // Археологические исследования в Подмосковье: Материалы научного семинара. Вып. 12. М., 2016.
2. Жеребцова Н.С., Сыроватко А.С. Об опыте выделения культурно-хронологических групп позднедьяковского населения (на основании технико-технологического анализа керамики Щуровского археологического комплекса) // В данном сборнике.
3. Сыроватко А.С., Трошина А.А. Позднедьяковские бусы Щурово: первый опыт разделения коллекции // Оки связующая нить: археология Среднего Поочья: сборник материалов IX и X региональной научно-практической конференции (Ступино, 2016 г.) / Отв. ред. Э.Э. Фомченко. Ступино, в печати.
4. Коваль В.Ю. Отчет об археологических разведках в Озерском м Луховицком районах Московской области в 1993 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 17732.

Муниципальное бюджетное учреждение
«Коломенский археологический центр»,
Коломна

A.S. Syrovatko, N.S. Zhrebtsova

**DISTRIBUTION OF LATE DYAKOVO CULTURE CERAMICS OF DIFFERENT TECHNOLOGICAL
SCHEMES IN COMPLEXES OF THE SHCHUROVSKY ANCIENT VILLAGE AND CEMETERY:
NEW DATA**

Summary

New results of studying ceramics of the Shchurovsky archaeological complex are presented in article. The authors have tried to divide the massif of ceramics material into various traditions of composing forming masses for different areas of Shchurovo. Observations on distribution of ceramics in burial mounds of “mortuary houses” are given. Authors note that externally uniform ceramics set of an era of Great transmigration of peoples is subdivided not less than into two technological traditions – the one with use of crushed stone without chamotti, and another with chamotti use, sometimes in combination with crushed stone.

*Municipal Budgetary Institution
“Kolomna Archaeological Centre”,
5, Kremlyevskaya St., Kolomna, Moscow Region, 140400,
Russia
A.S. Syrovatko – E-mail: arxeolog-net@rambler.ru
sasha.syr@rambler.ru
N.S. Zhrebtsova – E-mail: natashanatasha2110@mail.ru*

Г.В. Синицына, В.Г. Колокольцев

**КРЕМНЁВОЕ СЫРЬЁ В МАТЕРИАЛАХ
СТОЯНОК-МАСТЕРСКИХ ПОДОЛ Ш/1
И ВЫШЕГОРА I НА ВОДОРАЗДЕЛЕ ВОЛГИ
И ДНЕПРА**

Территория Валдайской возвышенности, где расположены богатые выходы кремнёвого сырья, имеет принципиальное значение для рассмотрения вопросов палеоэкономических реконструкций. В финальном палеолите на Валдайской возвышенности сложился центр кремнеобработки. Сырьевая стратегия определяла хозяйственную и культурную специфику и значимость региона, степень плотности заселения территории, коммуникационные пути в различные периоды каменного века. Распространению сырья способствовали география региона, отсутствие топографических препятствий, разветвлённая речная система, охватывающая все направления Великого водораздела.

В тектоническом отношении территория Валдая является северо-западной окраиной Московской синеклизы. Наиболее мощные скопления зон окремнения – желваков, конкреций и плит кремней – картируются в венёвском, тарусском и протвинском горизонтах нижнего отдела, а также в каширском и подольском горизонтах среднего отдела каменноугольной системы. В материалах геологической съёмки подчёркивается парагенетическая связь «темно-серых, почти черных и бурых кремней» с тарусским горизонтом, иногда указывается приуроченность серых, красных и коричневых кремней к протвинскому горизонту. В венёвском горизонте преобладает серый кремень, в каширском – светлоокрашенные породы, в том числе сиреневый кремень, по качеству не уступающий меловому кремню (рис. 1). В целом в этих материалах при картировании содержится очень скудная информация о цветовой гамме кремней, а в ряде случаев при характеристике геологического разреза цвет кремней и кремнистых известняков вообще не указывается.

История изучения сырьевой стратегии в каменном веке насчитывает более сотни лет. Л.Я. Крижевской [2] была проанализирована отечественная и зарубежная литература, посвящённая истории способов добычи сырья в позднем каменном веке, в том числе в Верхнем Поволжье, в совместной работе с М.П. Касымовым ею предпринята систематизация стоянок-мастерских на широкой территории [3]. Эта первая классификация памятников в отечественной литературе, связанных с добычей и обработкой кремня, была построена исключительно на археологическом материале.

Исследования Н.Н. Гуриной Красносельских шахт в Белоруссии и памятников Верхневолжского бассейна, где изучены «ранцевые наборы», способствовали разработке более детальной классификации, в основу которой также были положены признаки по данным археологии (табл. 1) [4].

Таблица 1. Классификация мест добычи и обработки сырья (по [4, с. 5])

Места добычи сырья		Места производства каменных орудий
Открытые выработки	Подземные выработки	
1. Массовый сбор валунного, галечного материала или конкреций на поверхности	1. Горизонтальные выработки пластов или щелей конкреций, скрытых в иной горной породе, – штольни	1. Производственные мастерские на месте массовой добычи сырья:
2. Горные выработки валунного материала или пластов, перекрытых почвой:		а) кратковременные, но в большинстве случаев посещаемые неоднократно
а) открытые округлые или овальные ямы	2. Вертикальные выработки кремня – шахты	б) сезонные мастерские-посёлки, обитаемые относительно длительное время
б) открытые резко удлинённые ямы-траншеи		2. Домашние мастерские – рабочие места мастера на поселении

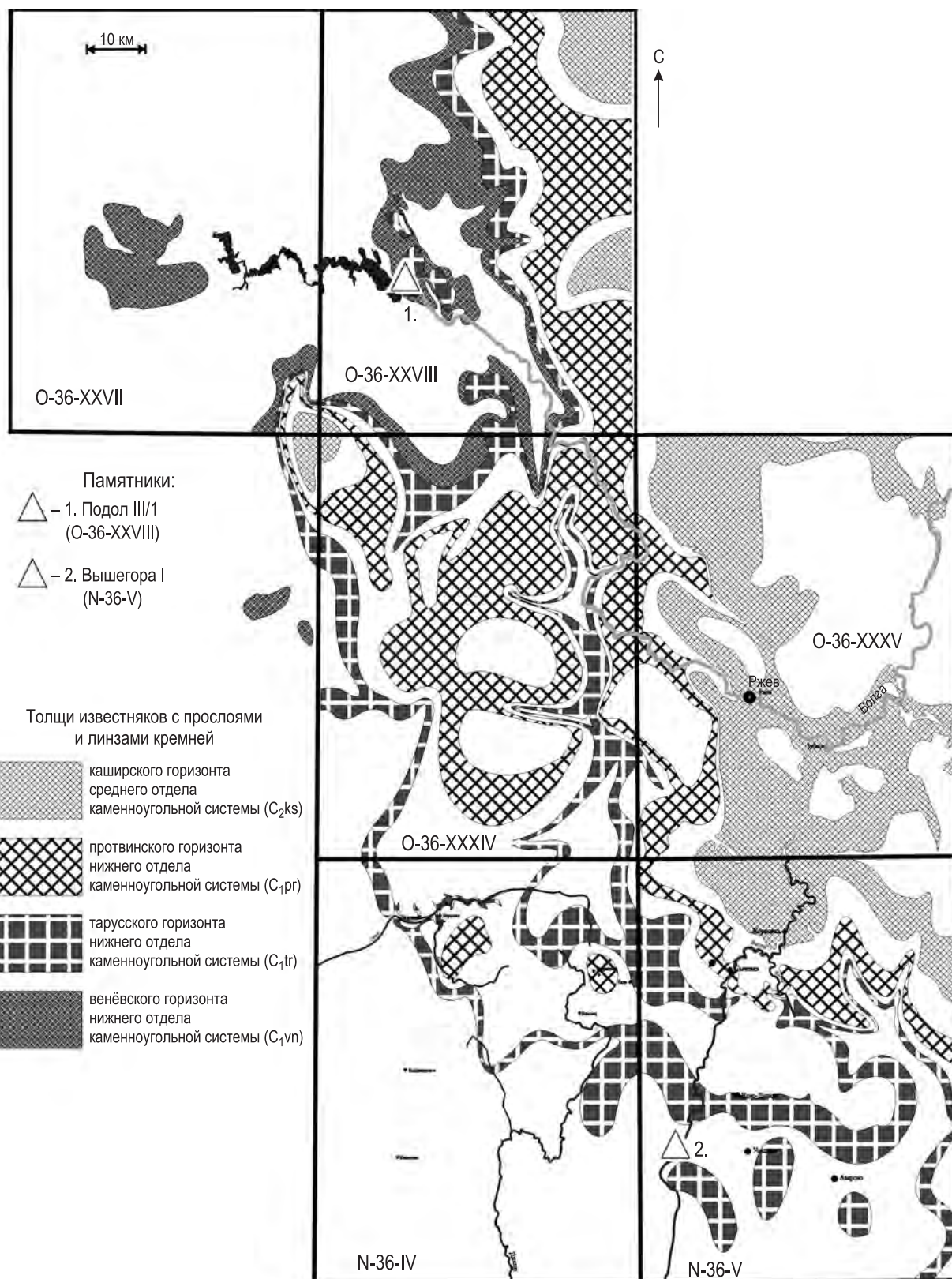

Рис. 1. Размещение каменноугольных известняков с кремнями на дочетвертичной поверхности в верховьях Волги и Днепра (по [1])

Дальнейшая разработка проблематики сырьевых источников связана с изучением их геологической составляющей. Верхневолжской экспедицией ЛОИА АН СССР (руководитель Н.Н. Гурина) были обследованы предполагаемые источники сырья на Верхней Волге. Это было первое профессиональное исследование кремнесодержащих пород (известняков, доломитов, доломитизированных известняков, мергелей), выполненное Н.Б. Селивановой на участке от пос. Селище до г. Старица вдоль Волги.

Н.Б. Селивановой были изучены 16 выходов коренных пород, отобраны пробы по простиранию каждого пласта, что дало возможность В.А. Галибину провести массовый спектральный анализ и охарактеризовать состав каждого месторождения. Породы эти относятся к среднему и нижнему карбону. Геохимический состав кремня каждого месторождения и статистическая обработка данных позволили разработать методику идентификации месторождений кремня и археологического материала. В результате спектрально-количественного анализа в пробах было определено процентное содержание элементов: Al, Na, Ca, Mn, Ti, Fe, Be, Cu, Mo, Pb, V, B, Ag. Сопоставление было проведено с материалами исследованных стоянок, расположенных в районе озера Селигер и на Верхней Волге. Фактологическая база основывалась на данных более 700 результатов спектрального анализа. Результаты совместной работы Н.Б. Селивановой и В.А. Галибина были частично опубликованы в материалах XI конгресса ИНКВА в 1982 году [5]. Более полные данные были представлены Н.Б. Селивановой на конференции, посвящённой источникам сырья, в Пловдиве в 1984 году [6]. В итоге была составлена карта-схема месторождений сырья и памятников, связанных с месторождениями от пос. Селище до г. Старица (рис. 2; табл. 2) [6].

Полученные результаты, по мнению Н.Б. Селивановой, показали, что основными источниками сырья в мезолите – неолите служили месторождения Волго 4, Родня 26, Свёклинская (№№ 9, 10) и Ржевская (№№ 8, 21, 22) группы. На многих стоянках были найдены орудия из кремня, источники которого не определены, по данным геохимии не совпали ни с одним из обследованных месторождений. Работами Н.Б. Селивановой и В.А. Галибина было положено начало созданию литотеки месторождений кремня и схемы его распространения.

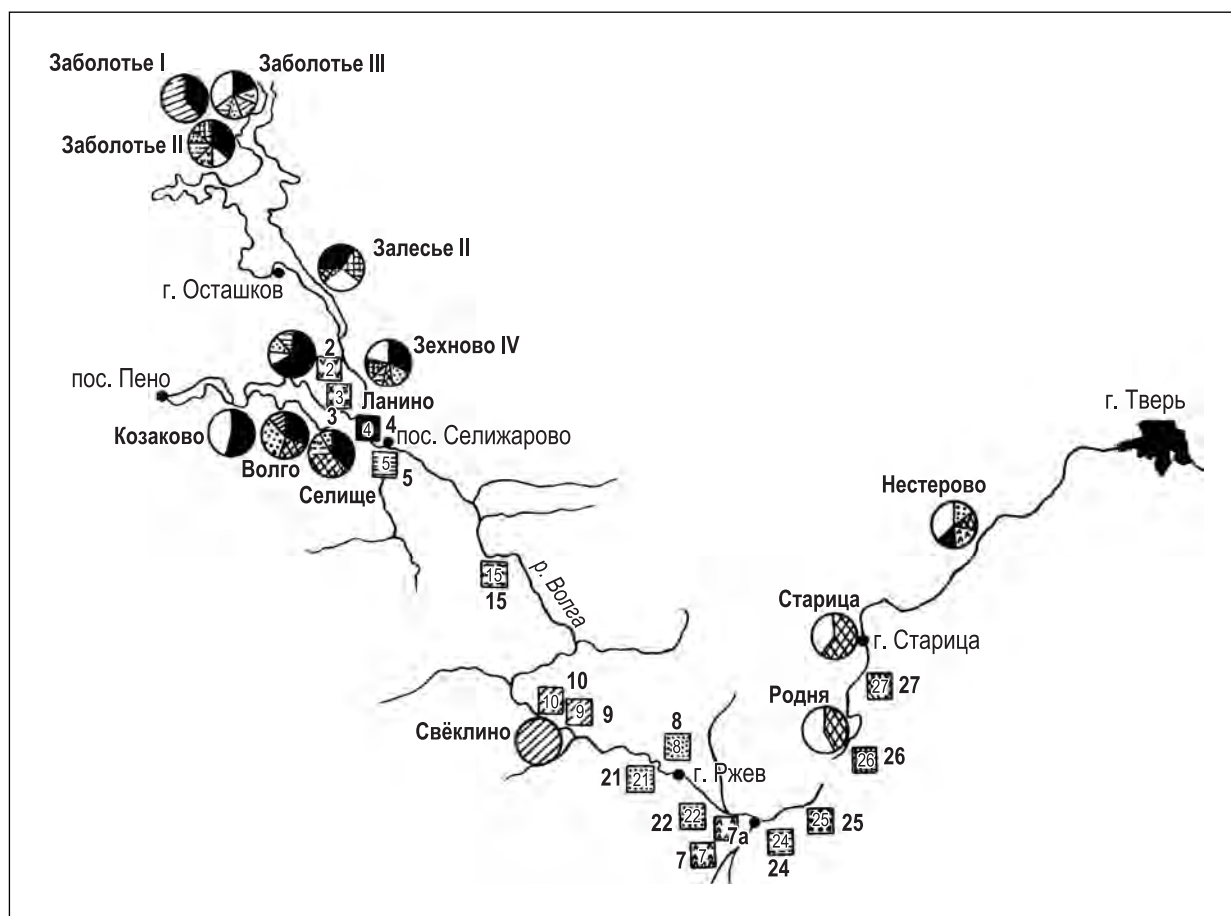

Рис. 2. Распределение сырья из кремнёвых месторождений в памятниках каменного века на территории Верхней Волги по данным геохимической идентификации. Карта-схема (по Н.Б. Селивановой [6]) (Квадратами обозначены месторождения кремня, кружками – памятники каменного века)

Таблица 2. Распространение кремнёвого материала из месторождений Верхней Волги в археологические памятники каменного века
(по Н.Б. Селивановой. Рукописный отдел Научного архива ИИМК РАН, фонд 100)

Название памятника	Название и № месторождения	Количество отщепов кремня, идентичного кремню из месторождения			Название источников кремня, преобладающего на памятнике
		всего	однозначно	неоднозначно	
Селище	Родня № 26	11	5	6	Родня, Волго
	Волго № 4	10	5	5	
	Ржев № 8, № 21, № 22	8	1	7	
	Бенский порог № 15	4	1	3	
Волго	Волго № 4	15	3	12	Равноправно представлен материал из Волго, Ржева, Свёклино и Родни
	Ржев № 8, № 21, № 22	14	4	10	
	Свёклино № 9, № 10	6	2	4	
	Родня № 26	11	4	7	
Казаково	Волго № 4	14	7	7	Волго, неизвестное месторождение
	Родня № 26	2	1	1	
	Бенский порог № 15	1	1	-	
	Неизвестное	7	7	-	
Ланино I	Волго № 4	20	16	4	Волго
	Бенский порог № 15	1	-	1	
	Селижарово № 5	1	1	-	
	Неизвестное	2	2	-	
Свёклино	Свёклино № 9, № 10	30	15	15	Свёклино
	Волго № 4	3	-	3	
	Бенский порог № 15	1	-	1	
Нестерово	Ржев № 8, № 21, № 22	4	3	1	Ржев, Волго, неизвестное месторождение
	Зубцов № 7, № 7а	2	1	1	
	Родня № 26	3	1	2	
	Бенский порог № 15	2	1	1	
	Волго № 4	5	2	3	
	Неизвестное	8	6	2	
Родня	Родня № 26	8	7	1	Родня, неизвестное месторождение
	Ржев № 8, № 21, № 22	3	1	2	
	Селижарово № 5	1	1	-	
	Неизвестное	10	10	-	
Старица	Родня № 26	18	6	12	Родня, неизвестное месторождение
	Волго № 4	4	1	3	
	Ржев № 8, № 21, № 22	3	1	2	
	Неизвестное	4	4	-	
Зехново IV, I горизонт	Ржев № 8, № 21, № 22	13	4	9	Ржев, Волго, неизвестное месторождение
	Волго № 4	13	4	9	
	Бенский порог № 15	6	1	5	
	Селижарово № 5	9	1	-	
	Мемлино № 25	12	-	12	
	Гавриловка № 26	2	-	2	
	Неизвестное	7	6	1	
Зехново IV, 2 горизонт	Волго № 4	14	3	11	Волго, Бенский порог, Мемлино
	Бенский порог № 15	9	2	7	
	Мемлино № 25	12	2	10	
	Ржев № 8, № 21, № 22	11	1	10	
	Неизвестное	4	4	-	

Таблица 2 (окончание)

Название памятника	Название и № месторождения	Количество отщепов кремня, идентичного кремню из месторождения			Название источников кремня, преобладающего на памятнике
		всего	однозначно	неоднозначно	
Зехново IV, 3 горизонт	Волго № 4	17	3	14	Бенский порог, Ржев, Волго, Мемлино, неизвестное месторождение
	Бенский порог № 15	11	5	6	
	Ржев № 8, № 21, № 22	7	5	2	
	Мемлино № 25	11	2	9	
	Родня № 26	10	1	9	
	Неизвестное	4	4	-	
Заболотье I, мезолит	Свёклино № 9, № 10	6	3	3	Свёклино, Волго
	Волго № 4	3	3	-	
Заболотье II, неолит	Волго № 4	21	5	16	Волго, Мемлино, Селижарово, Ржев
	Мемлино № 25	14	2	12	
	Селижарово № 5	8	2	6	
	Ржев № 8, № 21, № 22	6	2	4	
	Бенский порог № 15	3	-	3	
Заболотье III	Волго № 4	22	2	20	Волго, Селижарово, Бенский порог, Свёклино
	Мемлино № 25	10	-	10	
	Селижарово № 5	8	1	7	
	Бенский порог № 15	7	1	6	
	Свёклино № 9, № 10	3	1	-	

С использованием той же самой методики В.А. Галибиным и В.И. Тимофеевым исследования в этом направлении были продолжены, проведены сопоставления кремнёвого сырья из месторождений на Верхней Волге с инвентарём стоянок Ленинградской области, Эстонии и Литвы. На основании сделанных анализов установлен экспорт кремня из месторождений на р. Селижаровке и на Верхней Волге (район г. Ржева) начиная с мезолита и – более широко – в неолитическое время, в бескремнёвые зоны северо-запада Русской равнины (табл. 3) [7].

Таблица 3. Стоянки Восточно-Прибалтийского региона, в которых обнаружен кремь из верхневолжских источников кремнёвого сырья (по [7])

Всего образцов	Памятник	Коренные месторождения верховий Волги					
		Селижарово 2	Ржев			Волго 4	Родня
			№ 8	№ 21	№ 22		№ 4 или № 26
22	Соколок	4	2		2		
15	Сяберская I	6		1			
15	Сяберская III	7		1			
14	Мерево II, I горизонт	6				1	
					1		
16	Мерево II, II горизонт	12		2?			
30	Нарва II	5				1	3
12	Жаймянис	7					

Нами было продолжено исследование по методике, разработанной В.А. Галибиным. В.Г. Колокольцевым описана методика исследования, даны минералого-петрографическая и микроскопическая характеристики сырья, определены микроструктурные дефекты кремнёвого сырья, изучена геохимическая характеристика кремней в верховьях Днепра и Волги, которая базируется на данных, полученных приближённо-количественным спектральным анализом на 44 элемента.

В работе использованы материалы многослойных стоянок-мастерских у выходов кремня. На Верхней Волге за основу взяты материалы многослойной стоянки Подол III/1 и стоянки-мастерской Ланино I (месторождение кремня № 4 на озере Волго у д. Ланино), на Верхнем Днепре – многослойной стоянки Вышего-ра I, расположенной на источниках сырья.

Верхняя Волга

На северном берегу озера Волго, у д. Ланино, близ выходов коренных пород сырья, при исследовании многослойных стоянок Подол III/1, Подол III/2 визуально было отмечено использование различного сырья в разные хронологические периоды. Наличие частично сохранившихся отложений культурных слоёв позволило применить для датирования их данные спорово-пыльцевого, палеомагнитного и геохимического анализов, которые коррелируются с результатами сравнительно-типологического анализа материальной культуры. Возраст отложений был определён временем аллерёда и дриаса III, бореального, атлантического и субатлантического периодов [8]. Инвентарь многослойных стоянок даёт возможность проследить определённые закономерности и связи специфических технических приёмов обработки кремня с употреблением различного сырья в разные периоды каменного века, провести анализ материала с точки зрения того, на какие сырьевые ресурсы были ориентированы традиции на различных исторических этапах [9]. По материалам многослойной стоянки Подол III/1 и памятника многократного заселения Ланино I визуально (цвет, прозрачность, включения) всего было выделено 11 сырьевых групп: I – светло-серый кремь; II – тёмно-серый; III – чёрный; IV – серый с матовым оттенком; V – бордовый, яшмовидный; VI – бело-серый; VII – серо-пестрый; VIII – рыжий, жёлтый; IX – сиреневый; X – жёлто-зелёный; XI – серый, серо-сиреневый [10].

Стоянка-мастерская Подол III располагалась на узкой наклонной площадке между озером Волго и прилегающим коренным склоном, сложенным известняками карбонового возраста, на двух бортах древнего овражка (рис. 3: 1). Она была исследована двумя раскопами, расположенными на расстоянии 50 м друг от друга на правом (Подол III/1) и на левом (Подол III/2) его берегу. Наиболее полно изучена стоянка Подол III/1. В основании раскопа вскрыта толща отложений озёрного прибрежного вала, представленная жёлто-серыми разнородными песками с отчётливо выраженной косой слоистостью, имеющая падение 8–10° в сторону озёрной впадины (слой I). Пески имеют видимую мощность до 0,3 м. Эти отложения фиксируют высокий уровень озёрного водоёма. Перекрыты они погребённой почвой (слой II), которая представлена бурым ожелезненным песком и является, по существу, горизонтом вымывания. Нижний её контакт – типично почвенный, с мелкими клиновидными структурами. В верхней части отмечена концентрация известняковой щебёнки. При этом важно отметить несколько моментов. Первый из них – наличие стратиграфического перерыва между отложениями прибрежного вала и данной почвой. Второй – связан с наличием щебёнки известняка в погребённой почве. Раскоп расположен на слабонаклонной поверхности. В генетическом плане эта поверхность представляет собой небольшой пролювиальный конус выноса из существовавшего ранее оврага, по которому периодически проходили селевые грязевые потоки. Эти выносы способствовали попаданию в почвенный горизонт известняковой щебёнки, подтверждением чего являются скопления глыб известняка на участках, примыкающих непосредственно к раскопу со стороны коренного берега. В генетическом плане данные скопления глыб также принадлежат к отложениям селевого потока на месте его причленения к прибрежному валу. Необходимо отметить ещё один важный момент – формирование почвы происходило при существенно более низком стоянии уровня воды в озёрном водоёме. Выше, на погребённой почве, с резким контактом лежит толща слабогумусированных песков мощностью до 0,4 м (слой III). В песке встречаются мелкая галька, гравий и мелкая щебёнка известняка. Этот горизонт генетически можно отнести к отложениям второго прибрежного вала, фиксировавшего следующее повышение уровня озёрного водоёма. Наличие в песках обломочного материала связано, скорее всего, с волновой деятельностью и перемывом примыкавших к валу пролювиальных отложений. В основании толщ песков найден финальнопалеолитический инвентарь, который по своим технико-типологическим характеристикам близок к инвентарю культуры бромме-лингби. Таким образом, в стратиграфическом плане инвентарь финального палеолита оказывается приуроченным к основанию отложений прибрежного вала и, вероятнее всего, первоначально находился на поверхности отмеченной выше погребённой почвы (слой II). Не исключено, что гумусовый горизонт почвы был смыт селевым потоком. Культурный слой финального палеолита на правом берегу овражка сохранил выраженную планиграфическую структуру в виде ряда бытовых объектов: жилища с углублённым основанием овально-вытянутой формы с коридорообразным входом и очагом в центре, хозяйственных ям, “рабочей площадки”, скопления мелких кальцинированных костей. На раскопанном участке стоянки Подол III/2 аллерёдская почва не сохранилась. Культурные остатки здесь были представлены тремя скоплениями кремнёвого материала. Типологически они близки к инвентарю из аллерёдских отложений стоянки Подол III/1, где все отложения датированы на основании спорово-пыльцевого анализа (рис. 3: 3) [11; 12].

Сырьём для изготовления орудий в обоих случаях служила местная кремнистая порода в виде желвачных плиток крупного размера светло-серого кремня. Важно отметить, что из него были изготовлены почти все орудия этого комплекса, включая наконечники стрел. Технология расщепления жёстким отбойником характерна для обоих периодов. Основной тип заготовки – пластины, полученные в технике жёсткого отбойника, длиной 6–8 см, шириной 2–2,5 см и толщиной до 1 см. В отложениях дриаса III состав сырьевой базы меняется. Сырьё становится разнообразным, а пластины имеют следующие размеры: длина – около 5 см, ширина – 1,5–2 см, толщина – в пределах 0,5–0,7 см. Первичные сколы – треугольного сечения, более массивные, их толщина составляет 1–1,5 см. Одной из характерных черт заготовки этого периода является наличие асимметрии в её сечении. Использование жёсткого отбойника определяется характерными признаками: наличием ударного бугорка с микроотщепком, размерной ударной площадкой, глубокими негативами на остаточных формах нуклеусов [13]. По мнению Ю.А. Лаврушина [14; 15], селевым потоком была

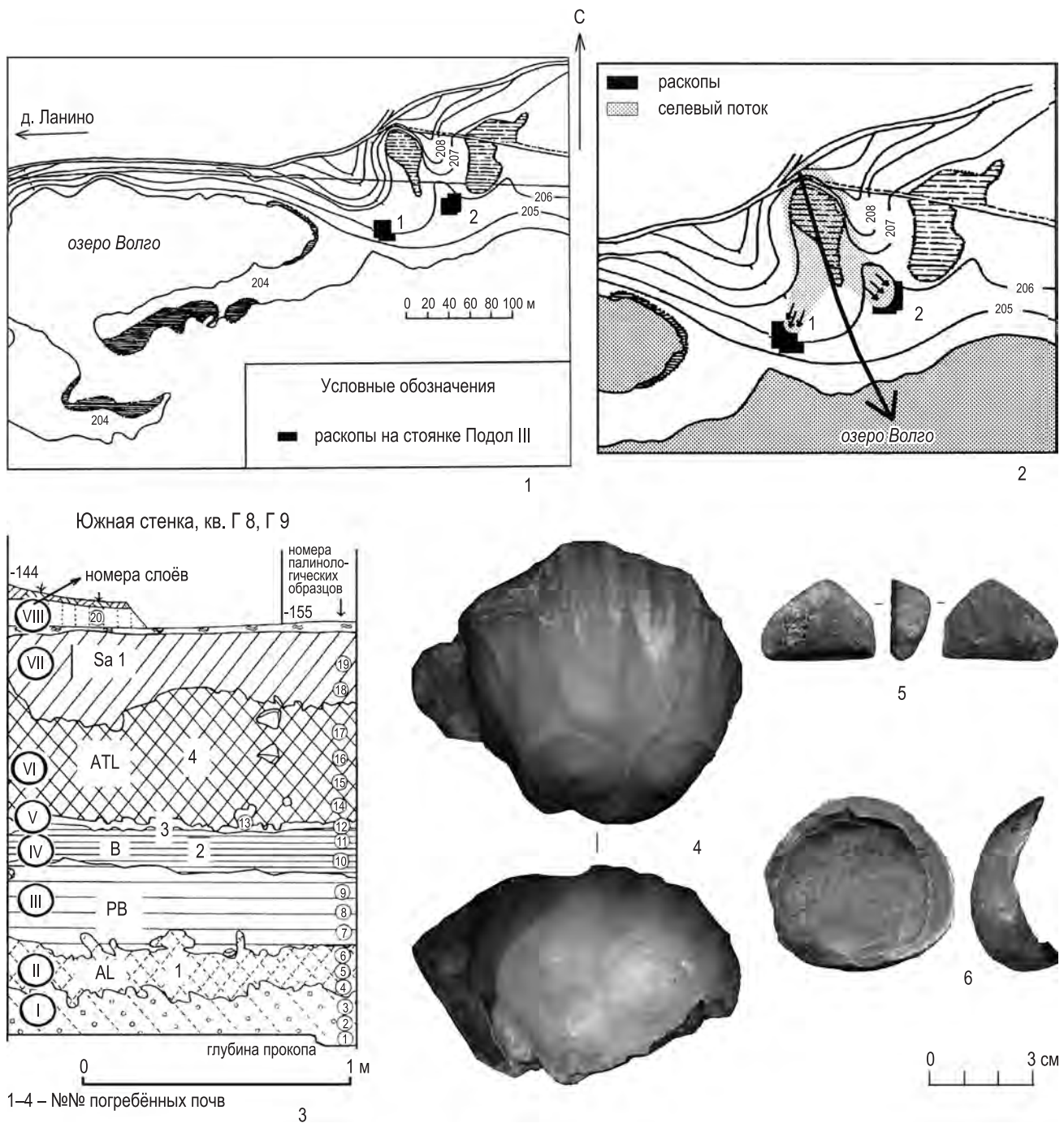

Рис. 3. Стоянка-мастерская Подол III, участки 1 и 2: 1 – топографический план участков 1 и 2 стоянки-мастерской Подол III близ д. Ланино на северном берегу озера Волго (Тверская область, Селижаровский район); 2 – схема схода селевого потока [11, рис. 1]; 3 – разрез южной стенки раскопа на стоянке-мастерской Подол III/1, кв. Г-8, 9; 4 – раковина *Gigantoproductus*; 5 – “мелок” – охристая глина; 6 – каменная чашечка

уничтожена основная часть финальнопалеолитической стоянки Подол III, поэтому артефакты финального палеолита на обоих участках памятника (Подол III/1 и Подол III/2) в целом локализовались вокруг и в языках селевого потока (рис. 3: 2). Почти весь инвентарь финальнопалеолитической стоянки выполнен из местного светло-серого кремня (I сырьевая группа). В заполнении жилищной западины, радиоуглеродная дата по углю из очага жилища составляет 10373 ± 95 Cal BP (по CalPal-09), присутствует орудийный набор, выполненный из такого же светло-серого кремня, – I группа. Также важно отметить, что в заполнении жилища есть инвентарь из тёмно-серого и чёрного кремня (II и III сырьевые группы). Инвентарь из заполнения геологического объекта, ямы селевого потока, отложения которого относятся к периоду дриаса III, выполнен из трёх видов сырья: I – светло-серый кремь, IV – серый с матовым оттенком, XI – пестроцветный, розового тона.

В слое IV многослойного памятника Подол III/1, датированном бореальным периодом, зафиксировано употребление кремня сырьевых групп III, IV, V, VI. Одновременное использование разнообразного сырья подтверждено составом «ранцевого набора» из мезолитического слоя многослойного памятника Баранова Гора [16]. Но на раннеолитической стоянке Котчище II известен «ранцевый набор», где все предметы изготовлены из сырья одного типа [17], более того, представлены крупными ладьевидными нуклеусами и теслами, что может свидетельствовать о намеренной подготовке к транспортировке сырья. Датировка этого «клада» ранним неолитом подтверждается аналогиями с материалами стоянки Ланино II, для которой есть радиоуглеродные даты по углю: 6296 ± 260 BP (JE-3298).

В слоях, датированных поздним мезолитом – ранним неолитом, памятника Подол III/1 преобладал кремь различных оттенков рыжего, коричневого, тёмно-серого цветов, а также высококачественный кремь сиреневого цвета и пестроцветный. Орудийный набор валдайской культуры представлен клиновидными, торцовыми и конусовидными нуклеусами, призматическими пластинками и керамикой котчищенского типа. Данные палинологического анализа свидетельствуют о начальной поре атлантического периода. В западной части раскопа на стоянке Подол III/1 в неолитическом слое зафиксирована локализация инвентаря из яшмовидного кремня бордового цвета и красного полупрозрачного (V сырьевая группа) вокруг неглубокой (15 см) ямки, в заполнении которой обнаружены 2 раковины *Gigantopoductus* (рис. 3: 4), «мелок» – модифицированный кусочек охристой глины треугольной в плане формы, размерами $3,4 \times 2,4 \times 1,2$ см, с затёртыми краями и поверхностью (рис. 3: 5), каменная чашечка ($5,3 \times 5,0 \times 2,5$ см) с углублением до 1,1 см (рис. 3: 6). Крупные окаменелые раковины ($8,2 \times 9,0 \times 4,2$ см) из неолитического слоя стоянки Подол III/1, судя по их намеренному положению и в сочетании с изделиями, относящимися к изобразительной деятельности, связаны с символической активностью [18]. Наиболее близкие аналоги им известны в материалах стоянки Муллино на Южном Урале [19], где аппликации из округлых кусочков перламутра, по мнению Ю.Б. Серикова, превратили раковины в скульптурные изображения сов [20].

Ископаемые раковины *Gigantopoductus* с напоминающими глаза плеченогими выступами встречаются на берегу озера Волго до сих пор. Отряды *Productida* и *Spiriferida* были широко распространены в мелких морях раннего карбона, отложения которого представлены в Волговерховье. Внешне они напоминают личины (голову с глазами и волосами) и не могли не привлекать внимание древнего человека. Нахождение их в комплексе с каменной чашечкой и глинистой охрой свидетельствует о связи ямки с художественной деятельностью и, возможно, действиями обрядового характера. В качестве далёких территориально и хронологически аналогов можно привести экспонаты из экспозиции краеведческого музея г. Ханты-Мансийска, где среди рыболовецких снарядов хантов находится «дух-раковина, приносящий удачу в рыболовстве». Цветовая гамма при использовании кремня играла существенную роль, в ряде случаев можно предположить даже сакральную, о чём свидетельствуют находки кремня красного и бордового цвета вместе с предметами символической деятельности в неолитическом слое стоянки Подол III/1.

Красный полупрозрачный кремь и кремь бордового цвета имеют явно разные сырьевые источники, в культурном слое неолита их объединяет совместное нахождение в одном объекте. Для минералого-петрографической характеристики их необходимо анализировать отдельно.

Самым ярким кремнем из всего состава коллекций является сиреневый, выходы которого находятся в каширском горизонте (Ржевская, Старицкая группы выходов сырья). На стоянке-мастерской Подол III /1 он представлен небольшим количеством изделий, но во всех слоях памятника. Локализация инвентаря из сиреневого кремня зафиксирована в западной части раскопа, где самая большая мощность неолитического слоя. Из всех 223 предметов из сиреневого кремня в коллекции с памятника Подол III/1 199 экземпляров найдены в слоях неолита. В слое финального палеолита найден всего один предмет, изготовленный из такого кремня, – остриё, боковой край которого оформлен встречной крутой ретушью. О транспортировке вверх по течению Волги высококачественного сиреневого кремня могут свидетельствовать его небольшое количество в коллекциях и сильно истощённые нуклеусы.

Методика структурно-вещественного исследования кремнёвого сырья

Для изучения вещественного состава, микроструктурных и геохимических особенностей В.Г. Колокольцевым были использованы образцы кремня из хронологически различных слоёв многослойной стоянки Подол III/1 и стоянки Ланино I на Верхней Волге и многослойного памятника Вышегоро I в верховьях Днепра. Из всех образцов были изготовлены прозрачные петрографические шлифы (толщиной 0,03 мм) и взяты навески на истирание материала для последующего производства приближённо-количественного спектрального анализа на 44 элемента. Петрографические шлифы просматривались под микроскопом Leica DMLP,

позволяющим получать качественное изображение при 1000-кратном увеличении и, кроме того, оснащённым ультрафиолетовой лампой для идентификации люминесцирующих минералов и цифровой камерой Leica DC 200, сопряжённой с ПК Pentium D. Для наблюдения люминесценции в шлифах с последних снималось (при подогреве на спиртовке) покровное стекло. Если нужный объект находился на краю шлифа, то покровное стекло не снималось, а осторожно отодвигалось в противоположную сторону.

При микроскопическом изучении основное внимание уделялось текстурным и структурным свойствам кремня, минеральному составу (в пределах возможностей оптической микроскопии), последовательности образования кремнезёмных минералов, вторичным процессам, в их числе образованию патины. Пристально отслеживались микротрещиноватость, последовательность её возникновения, интенсивность, выяснялось вероятное влияние разнообразных структурно-вещественных неоднородностей (включая различные типы трещин) на механическую прочность, хрупкость и пластичность сырья. Предпринимались попытки определить причинно-следственные связи цветовой характеристики кремня с его структурно-вещественными свойствами.

Минералого-петрографическая характеристика сырья

Первая группа сырья (светло-серый кремень – рис. 4) представлена тремя образцами: два – из финально-палеолитического слоя стоянки Подол III/1, кв. 3-4: шлифы №№ Г-12, Г-21 – и один образец из стоянки Ланино I/раскоп IV, шлиф № Г-17, где типологически также выделены артефакты финального палеолита. Для всех кремней этой группы характерны реликтовая детритовая структура с преимущественно халцедоновым составом основной массы и халцедон-кварцевым или кварц-халцедоновым замещением зоогенного детрита. Максимальный размер узнаваемых скелетных остатков, замещённых кремнезёмом, достигает 1 мм по длинной оси и около 0,005–0,01 мм в поперечнике. Структура основной массы халцедонового состава неравномерно-зернистая. На фоне тонкозернистого (около 0,01–0,02 мм) халцедона равномерно распределены пятна микрозернистой и скрыто-зернистой структуры (возможно, с примесью опала). Агрегаты (до 0,1–0,2 мм) тонкозернистого кварца, выполняющие центральные зоны микрофауны, распределены в шлифе равномерно и составляют не больше 3–5 % площади шлифа.

В целом для сырья первой группы характерна слабая пятнистая импрегнация гидрооксидами железа. Преимущественно мономинеральный (халцедоновый) состав, равномерное распределение пятен микрозернистой структуры на фоне тонкозернистой и малое количество мелких (до 0,1–0,2 мм) равномерно рассеянных агрегатов тонкозернистого кварца свидетельствуют о слабой физико-механической анизотропии кремня, что обеспечивает гладкую поверхность раковистого излома и его высокую пластичность при расщеплении. Представленные образцы кремней обладают и индивидуальными отличительными характеристиками, степень влияния которых на технологические свойства неясна. Так, к примеру, в образце Г-21, кроме слабой пятнистой пропитки гидрооксидами Fe, наблюдается ещё и другая форма их агрегатов в виде мелких (около 0,01 мм) правильных сфероидов. Это могут быть реликты водорослей, но не исключено, что эти сфероиды являются продуктами окисления пиритовых фрамбоидов. В шлифе Г-12 наряду с микрофауной, характерной для других кремней этой группы (фораминиферы, лингулы, пеллециподы), встречаются обломки коралловых полипов. В шлифе Г-12 хорошо видны криволинейные микротрещины, которые контролируют морфологию и пространственное размещение зон с повышенной микропористостью. Эти трещины негативно влияют на технологическое качество сырья и затрудняют изготовление тонких пластинок нужной конфигурации (рис. 4).

Вторая группа (тёмно-серый кремень – рис. 5) сырья представлена одним образцом из стоянки Ланино I, раскоп IV: шлиф № Г-6. Структура кремня – реликтовая детритовая, мало отличающаяся от структуры кремней предыдущей группы. С предыдущей сырьевой группой данный образец сближает халцедоновый состав. Отличительным признаком является меньшее количество кварца – его концентрация не достигает 0,5 % площади шлифа, – а также большее количество кальцита, при выщелачивании которого образуются каверны до 0,8 мм по длинной оси. Судя по характеру люминесценции, в зоодетрите, не полностью замещённом халцедоном, присутствует небольшая примесь фосфатных минералов. При расщеплении кремня этой сырьевой группы на поверхности скола могут появляться мелкие каверны.

Третья группа (чёрный кремень – рис. 6). Третья группа визуально отличается хорошим качеством, из него выполнены скребки из заполнения жилища. В шлифах представлена двумя образцами, которые отличаются лишь количеством кальцита. Структура кремня – реликтовая детритовая (до 2 мм), состав преимущественно халцедоновый с кальцитом и гидрооксидами железа. В шлифе выделяются четыре структурно-морфологических модификации халцедона: а) с мозаичным погасением зёрен около 0,01 мм в поперечнике; эта разновидность составляет больше 70 % объёма породы; б) с радиально-лучистым погасением зёрен (около 10 %); в) с агрегатным погасением (халцедоно-кварц) реагирующих на поляризованный свет мелких индивидов (около 5 %); г) с волокнистым погасением в обломках раковин (около 1–2 %). Кальцит (до 1,5 %) присутствует в осевой части удлинённых обломков толстостенных раковин, что даёт основание для предположения о его остаточной природе. Тонкораспылённые гидрооксиды железа образуют светло-бурые сложной морфологии просвечивающие пятна.

Несмотря на мономинеральный состав, сырьё этой группы не отличается высоким качеством. Наличие четырёх структурно-морфологических модификаций халцедона обуславливает довольно высокую физико-механическую анизотропию кремня и пониженную пластичность при расщеплении.

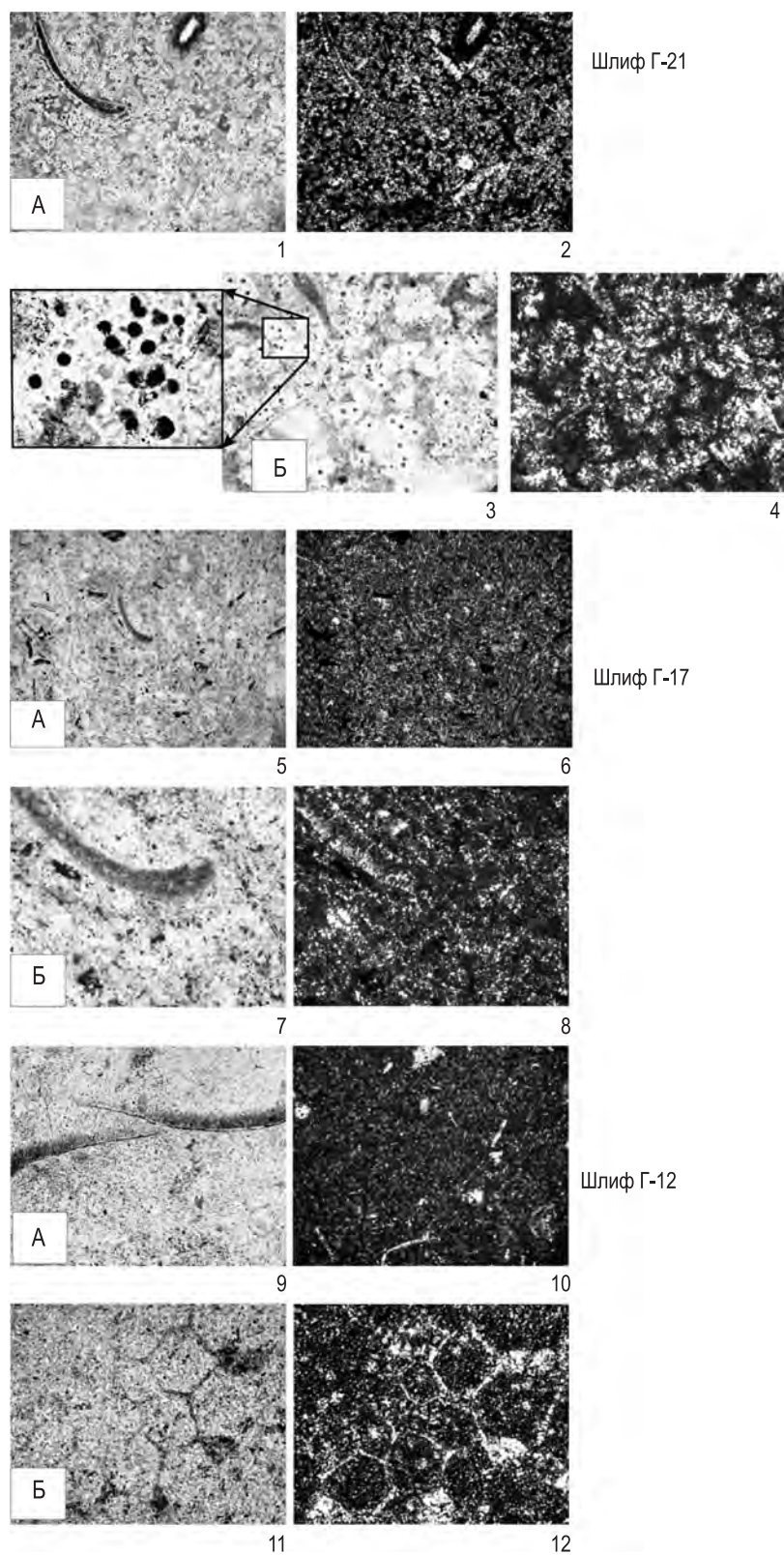

Рис. 4. Подол III/1 (шлифы Г-21, Г-12), Ланино I/раскоп IV (шлиф Г-17).
 Петрографические шлифы первой сырьевой группы. Длинная сторона поля: А – 4,8 мм; Б – 1,2 мм.
 1, 3, 5, 7, 9, 11 – без анализатора; 2, 4, 6, 8, 10, 12 – с анализатором

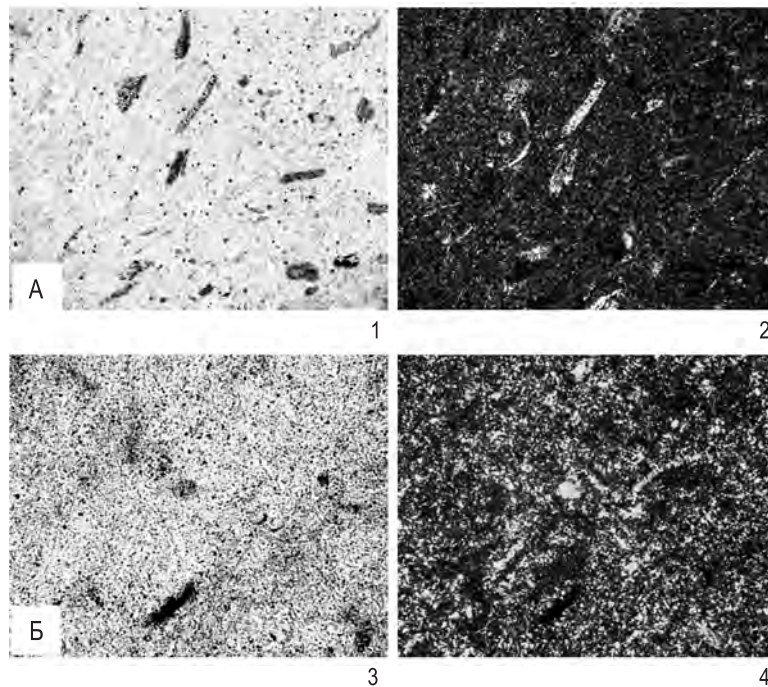

Рис. 5. Ланино I. Петрографические шлифы второй сырьевой группы. Длинная сторона поля: А – 4,8 мм; Б – 1,2 мм. 1, 3 – без анализатора; 2, 4 – с анализатором

Четвёртая группа (серый с матовым оттенком – рис. 7) представлена двумя образцами. Кремень этой группы контрастно отличается от предыдущих равномерно зернистой структурой кварцево-халцедоновой матрицы и отсутствием остатков зоогенного детрита. Размер реагирующих на поляризованный свет кварц-халцедоновых индивидов составляет 0,01–0,02 мм. О былой детритовой структуре исходных («материнских») известняков, замещённых минералами кремнезёма, свидетельствуют трудно улавливаемые в равномерно зернистой основе участки, которые лишь по форме и размерам напоминают детрит, характерный для предыдущих видов кремня. Равномерно зернистая структура обуславливает крайне низкую физико-механическую анизотропию кремня и довольно хорошую пластичность при расщеплении. Сравнительно крупные (0,01–0,02 мм) зёрна кварц-халцедонового агрегата являются причиной матового блеска на поверхности излома, который, к тому же, может быть шероховатым. Из этого вида сырья затруднительно изготавливать очень тонкие пластины.

Сравнение двух образцов позволяет судить о степени неоднородности сырья, выделенного в четвёртую группу. В шлифе Г-2 в кремне при больших увеличениях обнаруживаются мелкие (около 0,005–0,01 мм) пустоты кубической формы, видимые без анализатора. В кремне, представленном шлифом Г-18, лучше видны органические остатки, замещённые халцедоном с лучистым погасанием, и фосфатные остатки ихтиофауны. Пока что сложно определить, как эти структурно-вещественные неоднородности влияют на технологические свойства каменного сырья.

Пятая группа (бордовый, яшмовидный – рис. 8) представлена двумя образцами. Микроскопически эта группа существенно отличается от всех остальных высокими концентрациями оксидов и гидроксидов железа, являющимися причиной красной окраски и яшмовидного облика кремней. Но и внутри группы два представленных образца контрастно отличаются друг от друга по структурным признакам и, скорее всего, по технологическим свойствам.

В шлифе Г-16 кремень имеет ярко выраженную реликтовую детритовую структуру. Размер обломков скелетных остатков морской фауны составляет около 1 мм. Наряду с фораминиферами, пеллециподами, лингулами и, возможно, радиоляриями (с их круглыми сечениями диаметром около 0,2 мм) в больших количествах присутствует мшанковый детрит. Основная масса (около 70 %) представлена микрозернистым агрегатом халцедона, интенсивно пропитанного оксидами железа. На фоне этой массы красновато-коричневого (в проходящем свете) цвета контрастно выделяются «чистые» халцедоновые зооморфозы (около 10 % площади шлифа). Халцедон в них имеет лучистое погасание. Другие зооморфозы (около 20 %) имеют аналогичное халцедоновое выполнение, но в них кремнезём интенсивно пропитан оксидами железа. В мшанковых зооморфозах халцедон практически всегда содержит оксиды железа, которые, проникая по ослабленным зо-

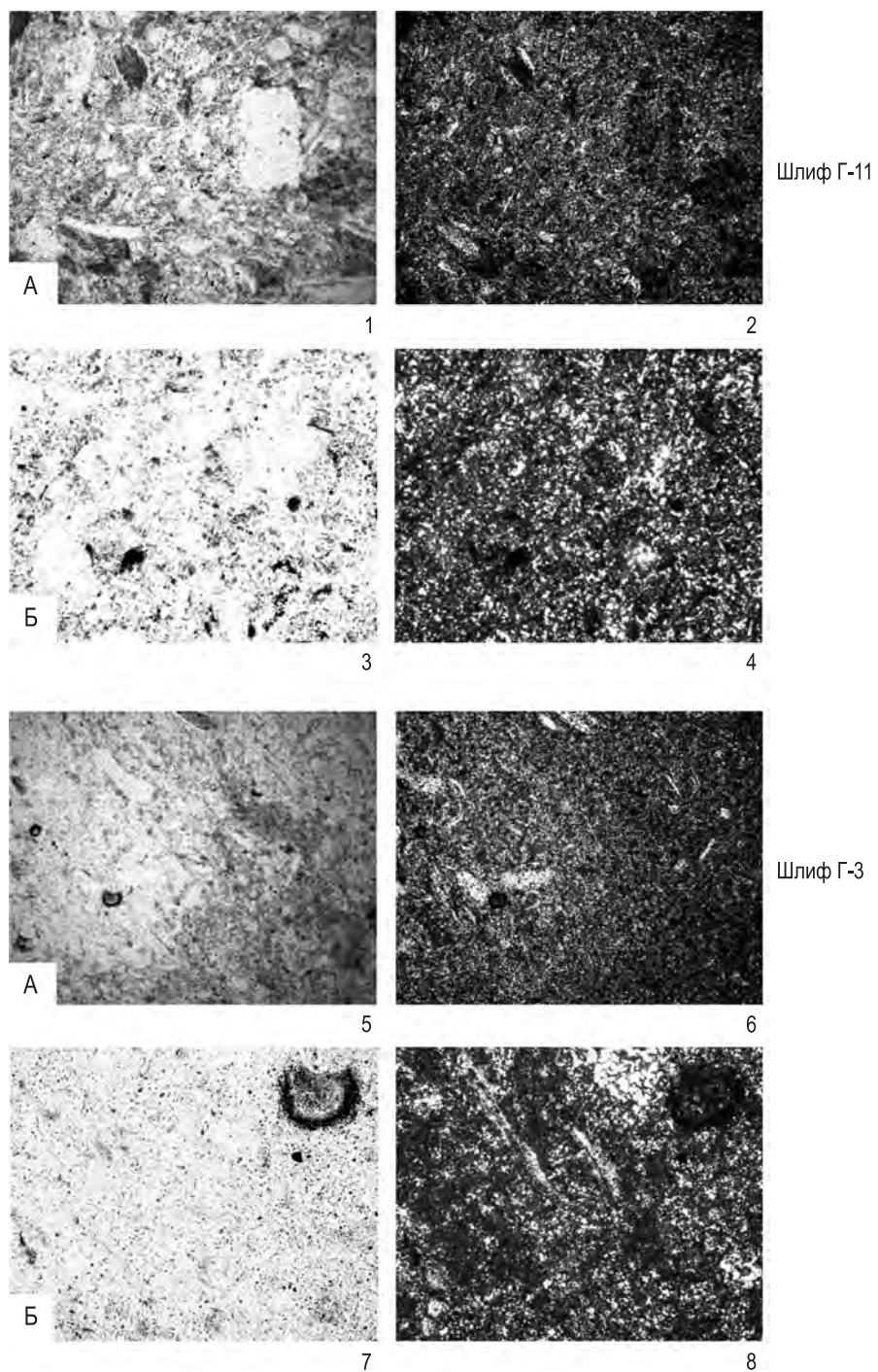

Рис. 6. Подол III/1. Петрографические шлифы третьей сырьевой группы.
 Длинная сторона поля: А – 4,8 мм; Б – 1,2 мм. 1, 3, 5, 7 – без анализатора; 2, 4, 6, 8 – с анализатором

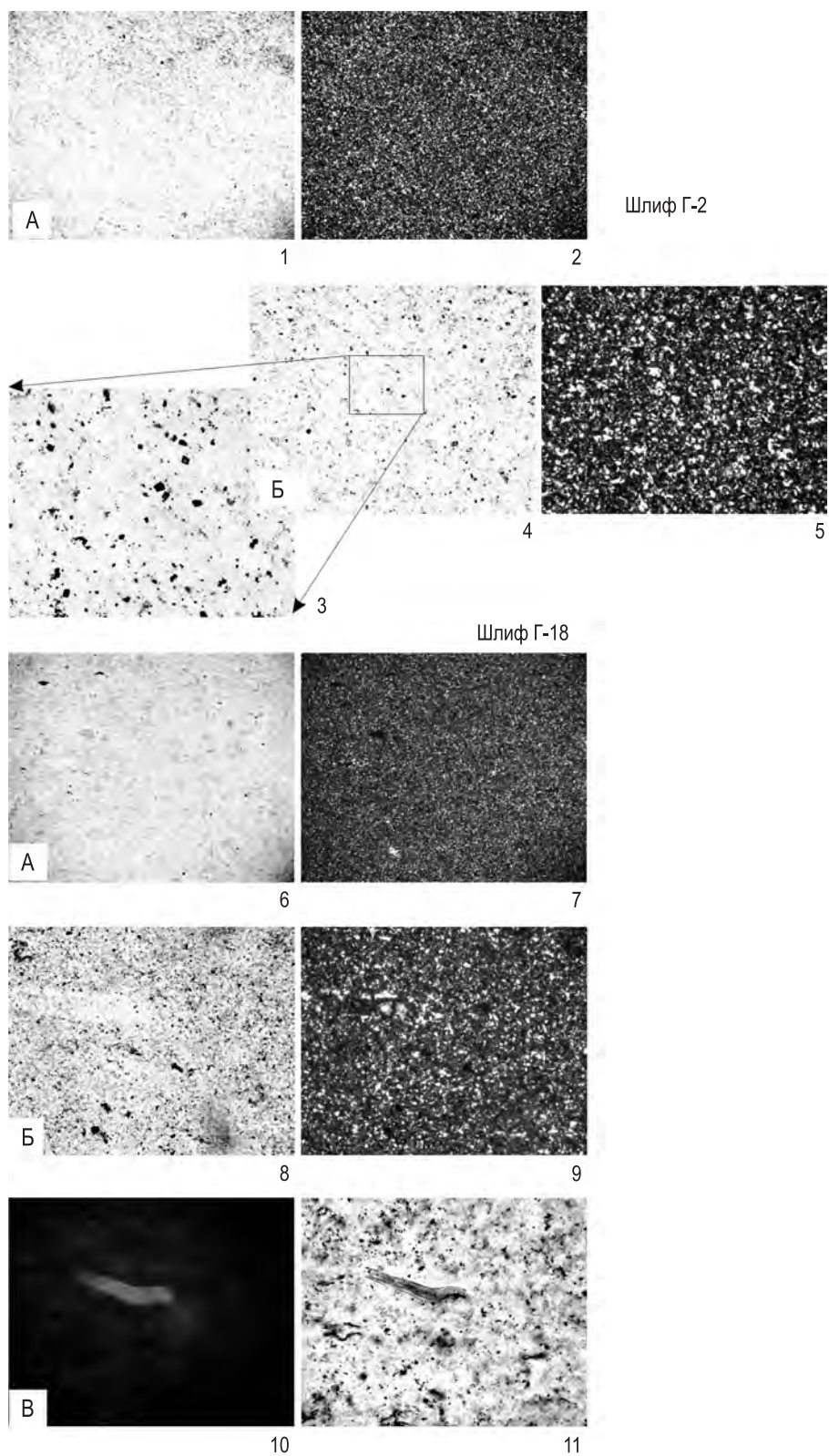

Рис. 7. Подол Ш/1. Петрографические шлифы четвёртой сырьевой группы.
 Длинная сторона поля: А – 4,8 мм; Б – 1,2 мм. В 10 – в ультрафиолетовом отражённом свете.
 1, 3, 4, 6, 8, 11 – без анализатора; 2, 5, 7, 9 – с анализатором

Шлиф Г-16

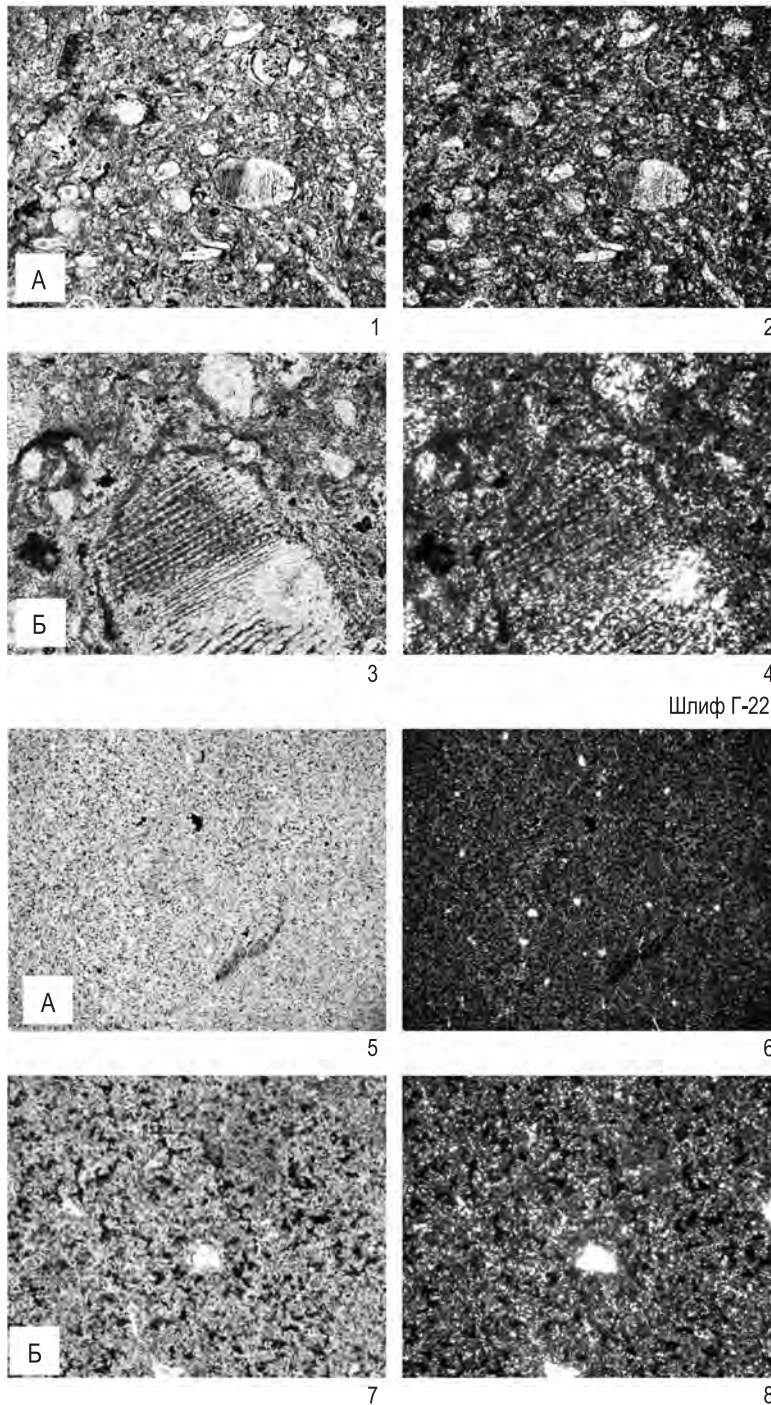

Рис. 8. Подол III/1. Петрографические шлифы пятой сырьевой группы.
Длинная сторона поля: А – 4,8 мм; Б – 1,2 мм. 1, 3, 5, 7 – без анализатора; 2, 4, 6, 8 – с анализатором

нам, подчёркивают тончайшие детали структуры органических тканей. Оксиды железа ярко-красного цвета инкрустируют периферийные зоны фаунистических остатков, выполняют пустоты в раковинках и в микротрещинках и избирательно замещают отдельные элементы скелетных остатков. В качестве небольшой примеси присутствует реликтовый кальцит.

Характер структурно-вещественных неоднородностей позволяет предположить, что этот кремнь обладает довольно существенной физико-механической анизотропией и не очень высокой пластичностью при расщеплении. Изготовленные из этого сырья изделия вряд ли обладали очень острой режущей кромкой и, скорее всего, характеризовались сравнительно быстрой «изнашиваемостью», требующей «подновления».

Кремнь, представленный шлифом Г-22, характеризуется равномерно микрозернистой структурой основной массы, представленной халцедоном со значительной примесью оксидов железа (рис. 8). Последние в виде автономных пятен от 0,01 до 0,05 мм равномерно рассеяны в породе. Встречаются единичные агрегаты оксидов до 0,2 мм. Этот кремнь резко отличается от всех остальных наличием, хотя и небольшой (около 1 %), примеси кластогенных зёрен кварца алевритовой размерности (около 0,05 мм). Эта примесь кварца, скорее всего, не влияет на технологические свойства сырья, но свидетельствует о том, что кремненоносные коренные породы отличались повышенной песчаностью. Этот кремнь обладает лучшими в сравнении с предыдущими группами технологическими качествами, поскольку характеризуется меньшей физико-механической анизотропностью и, следовательно, более высокой пластичностью.

Источником очень разнородного сырья пятой группы, скорее всего, служили аллювиальные отложения, в которых концентрировался длительно подвергавшийся гипергенной обработке в окислительных условиях материал из разных источников сноса. Для повышения достоверности этого вывода следует дополнительно изучить два-три других образца из этой же выборки.

Шестая группа (бело-серый – рис. 9) представлена опал-кварц-халцедоновым кремнем с детритовой реликтовой структурой. На фоне реагирующего на поляризованный свет микрозернистого опал-халцедонового матрикса контрастно выделяются замещённые халцедон-кварцевым агрегатом фаунистические остатки с зональным строением: их центральная зона выполнена мелкозернистым (около 0,05 мм в поперечнике) кварцем, который к периферии сменяется халцедоном и затем переходит в опал-халцедоновую массу. Без анализатора видны тёмные пятна с повышенной микропористостью. Эти пятна чаще окружают фаунистические остатки. Реликтовые очень мелкие зёрна кальцита чаще приурочены к центральным зонам раковин. Изредка встречаются мелкие (менее 0,01 мм по длинной оси) иголки рутила.

Преимущественно трёхкомпонентный минеральный состав (халцедон, опал, кварц) обуславливают физико-механическую неоднородность сырья, его пониженную пластичность при расщеплении.

Седьмая группа (серо-пятнистый кремнь – рис. 10) представлена халцедон-кварцевым кремнем с равномерно-зернистой структурой (размер зёрен 0,01–0,02 мм), пятнистой текстурой, с редкими равномерно распределёнными изометричными сферолитоподобными агрегатами кальцита 0,02–0,05 мм в поперечнике. Пятнистая текстура обусловлена наличием участков, резко отличающихся микропористостью. Иногда на границе таких участков развит тонкая полоска халцедона, имеющего сферолитовое сложение. Наблюдаются единичные тела эллипсоидальной формы (1×3 мм), выполненные аналогичными сферолитовыми агрегатами халцедона, которые в ультрафиолетовом отражённом свете обнаруживают концентрически зональное строение.

В другом шлифе (Г-13) кремнь с аналогичной структурой основной массы содержит участки с реликтовой детритовой структурой. В этом образце лучше видны дефекты сырья, негативно сказывающиеся на его технологическом качестве. Кремнь изобилует сравнительно крупными (до 1,5 мм) кавернами, стенки которых инкрустированы мелкозернистым кварцем, а полости частично заполнены микрозернистым кальцитом.

В целом данная сырьевая группа характеризуется низким качеством. Сырьё обладает невысокой пластичностью, имеет шероховатую и даже мелкокавернозную поверхность излома. Процент выхода блоков, пригодных для изготовления инвентаря, невелик, и его производство сопровождается большим количеством отходов. Такое сырьё энергетически не выгодно доставлять на большие расстояния, и его месторождения, скорее всего, находятся в непосредственной близости к мастерским. Техника расщепления представлена остаточными формами призматических нуклеусов.

Восьмая группа (рыжий, жёлтый – рис. 11) представлена двумя образцами со сходными петрографическими характеристиками. Кремни – опал-кварц-халцедоновые с детритовой текстурой и неравномерно зернистой структурой. На фоне микрозернистой халцедоновой (с примесью опала) основной массы выделяется зоогенный детрит (до 2 мм), замещённый кварцем и халцедоном. Окремнение округлых раковин – зональное: по периферии развит халцедон с радиально-лучистым погасанием, реже – волокнистый халцедон, а центральная часть выполнена зернистым кварцем с размером зёрен около 0,1 мм, а в относительно крупных раковинках – 0,8 мм. Жёлтая окраска обусловлена тонкой неравномерно рассеянной сыпью гидроксидов железа. Более интенсивная пропитка гидроксидами железа зон повышенной микротрещиноватости приводит к появлению пятен более яркой буровато-жёлтой окраски.

Неравномерно-зернистая структура со значительным количеством кварцевых зооморфов и наличие мелких каверн в фаунистических остатках обуславливают невысокую пластичность и шероховатую поверхность излома при расщеплении сырья этой группы. Орудия из кремня этого цвета доминируют наравне с серым кремнем в коллекциях стоянок валдайской культуры, поскольку рядом находится месторождение данного вида кремня.

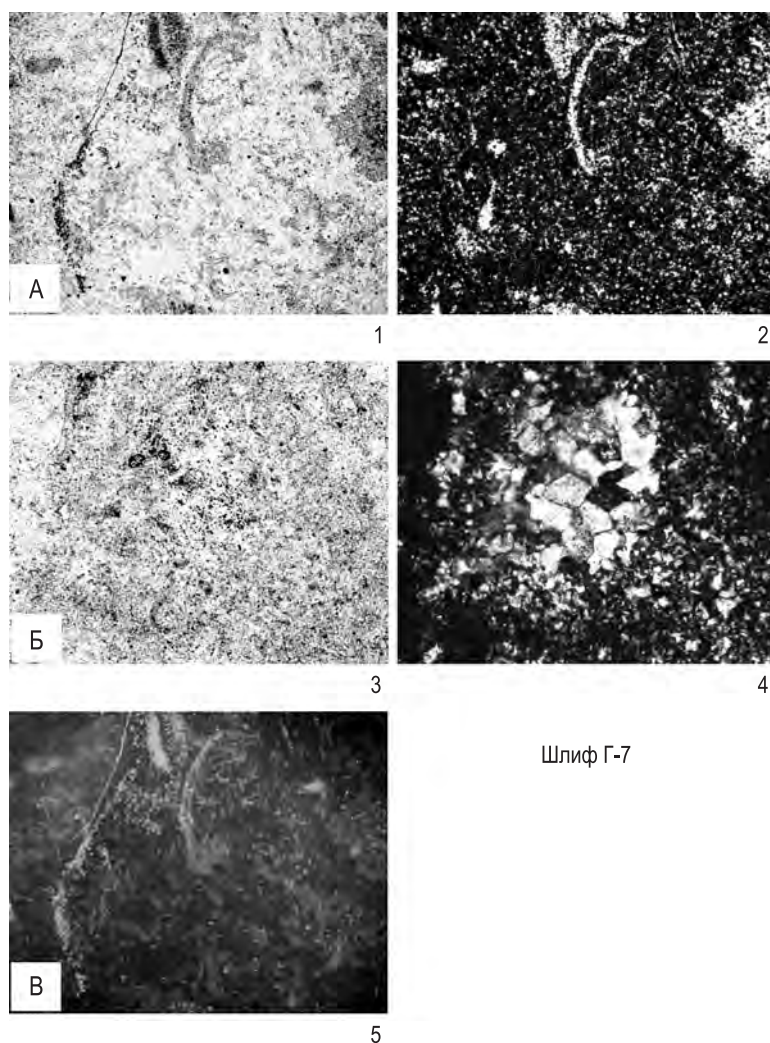
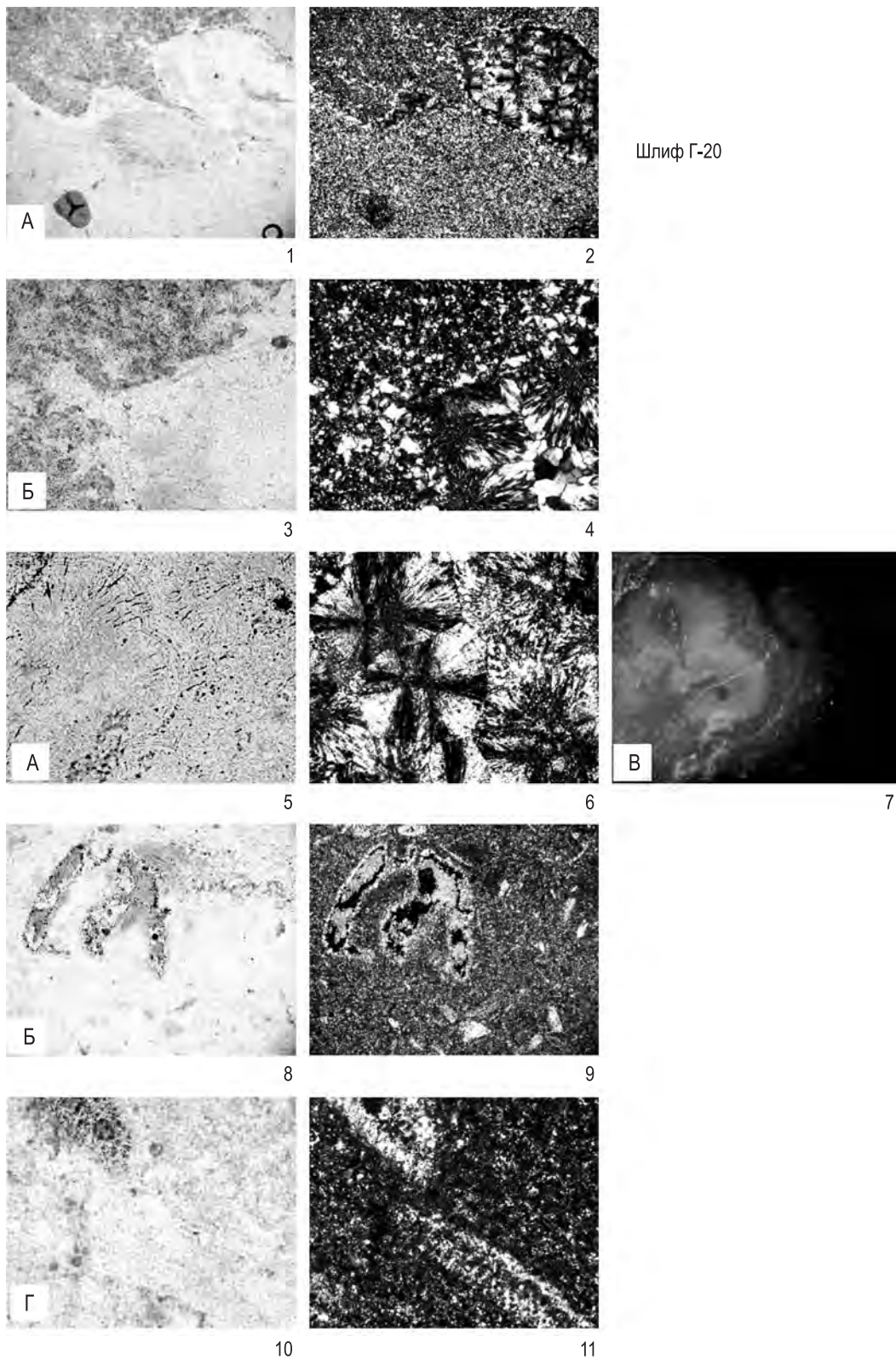

Рис. 9. Подол III/1. Петрографические шлифы шестой сырьевой группы. Длинная сторона поля: А – 4,8 мм; Б – 1,2 мм. В 5 – в ультрафиолетовом отражённом свете. 1, 3 – без анализатора; 2, 4 – с анализатором

Девятая группа (сиреневый – рис. 12) представлена двумя образцами кремней, сходных по минеральному составу и структуре. Состав – кварц-халцедоновый, структура – неравномерно-зернистая. Около 80 % объёма породы составляет микрозернистый (0,01–0,02 мм) халцедон и менее 20 % приходится на долю крупнозернистого (0,05–0,1 мм) халцедона с редкими зёрнами кварца. Агрегаты крупнозернистого халцедона в виде мелких (около 0,1–0,2 мм) изометричных и редких более крупных (до 0,4 мм) удлинённых пятен распределены на площади шлифа равномерно. Однородный минеральный состав свидетельствует о низкой механической анизотропии этого вида сырья и довольно высокой пластичности при расщеплении.

Десятая группа (жёлто-зелёный – рис. 13) представлена двумя образцами кремней, по структуре и составу мало отличающихся друг от друга. Это преимущественно халцедоновые разности с детритовой текстурой и микрозернистой структурой основной массы. По размеру зёрен основная масса (0,01–0,02 мм) и зооморфозы (0,02–0,04 мм) мало отличаются. Равномерное распределение зёрен разного размера, но обладающих очень близкой твёрдостью, обуславливает очень низкую физико-механическую анизотропию этого вида сырья и довольно высокую его пластичность при расщеплении. Индивидуальные отличия сводятся к тому, что в шлифе Г-19 присутствуют редкие фосфатизированные остатки ихтиофауны (до 0,05 мм), редкие агрегаты (до 0,1 мм) халцедона с лучистым погасанием и очень редкие зёрна (до 0,08 мм) кластогенного кварца, которых нет в шлифе Г-10.

Одиннадцатая группа (серый, серо-сиреневый – рис. 14) представлена тремя образцами кремней, несущих следы гипергенных преобразований различной интенсивности – от слабой до очень высокой, свидетельствующей о длительном пребывании в водной среде (река, ручей). По качеству кремни этой группы

Шлиф Г-20

Рис. 10. Подол III/1. Петрографические шлифы седьмой сырьевой группы. Длинная сторона поля: А – 4,8 мм; Б – 1,2 мм. В 7 – в ультрафиолетовом отражённом свете. Г – в увеличенном масштабе: длинная сторона поля – 0,6 мм. 1, 3, 5, 8, 10 – без анализатора; 2, 4, 6, 9, 11 – с анализатором

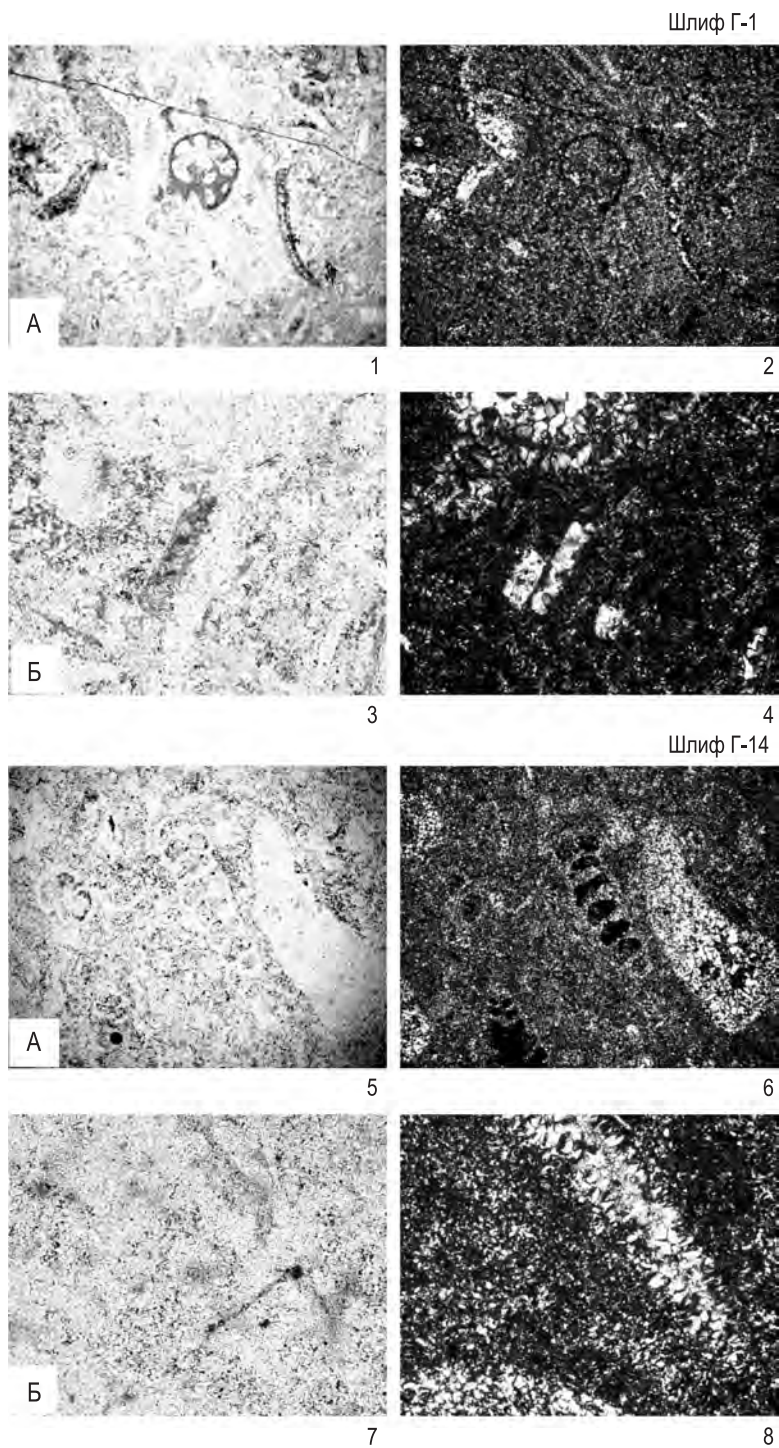

Рис. 11. Подол III/1. Петрографические шлифы восьмой сырьевой группы.
 Длинная сторона поля: А – 4,8 мм; Б – 1,2 мм. 1, 3, 5, 7 – без анализатора; 2, 4, 6, 8 – с анализатором

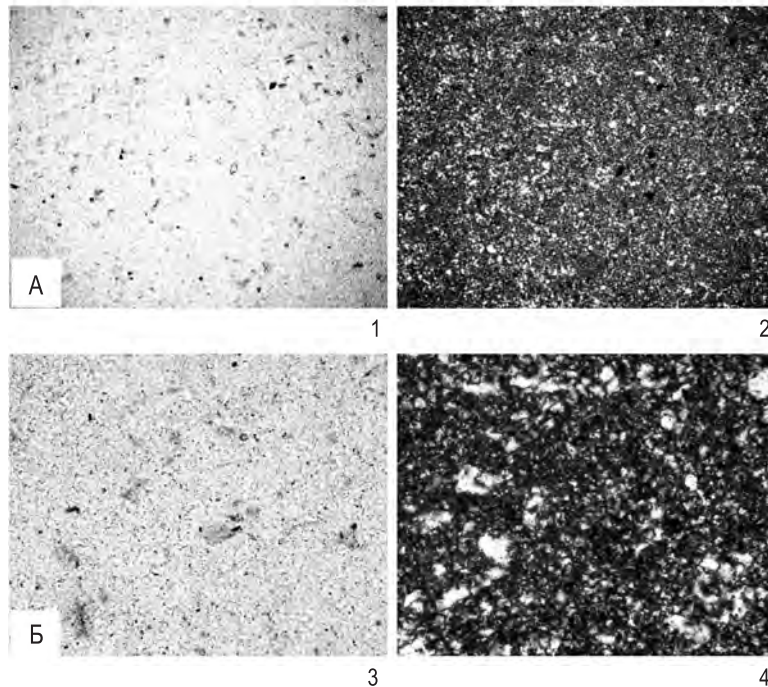

Рис. 12. Подол III/1. Петрографические шлифы девятой сырьевой группы. Длинная сторона поля: А – 4,8 мм; Б – 1,2 мм. 1, 3 – без анализатора; 2, 4 – с анализатором

разнородны, хотя в целом оно довольно высокое. Самыми высокими технологическими свойствами обладает кремнь, представленный шлифом Г-5, имеющий халцедоновый состав и равномерно-зернистую структуру. Малый размер зёрен (0,02–0,03 мм) обеспечивает высокую пластичность сырья и гладкую поверхность излома. Этот кремнь несёт следы слабых гипергенных преобразований. Наиболее интенсивное воздействие окислительных обстановок заметно в кремне, представленном шлифом Г-9. Эта разновидность отличается пятнистой прокраской гидроксидами железа, проникающими в него по капиллярно-пористой системе, а также детритовой структурой, обуславливающей появление структурно-вещественных неоднородностей, снижающих его производственную ценность.

Следует отметить, что первоначально сырьевые группы были выделены с целью ремонтажа, характеристики структуры культурных слоёв по материалам валдайской культуры на памятнике Ланино I [10; 1]. Визуальное выделение групп кремня следует признать целесообразным, поскольку, по данным минералогическо-петрографической характеристики, только в одной группе IV представлены образцы из различного сырья.

Биостратиграфическая характеристика верхневолжских кремней

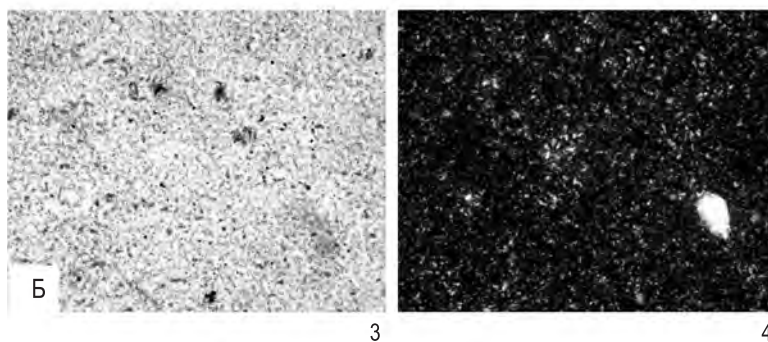
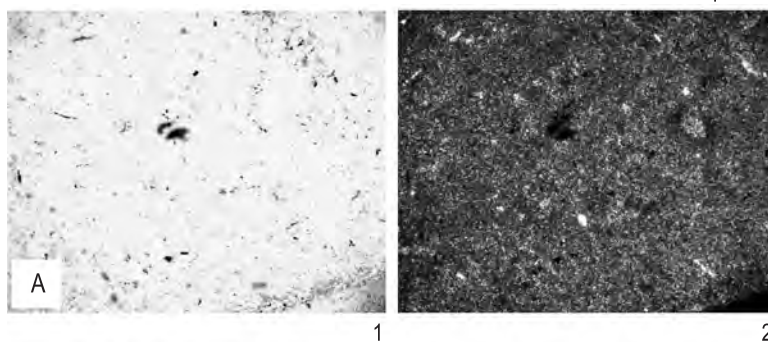
Петрографическое изучение кремней показало присутствие в них большого количества минерализованных (замещённых опалом и халцедоном) остатков микрофауны с довольно хорошей сохранностью структуры скелетных элементов. При наличии в шлифах определяемых руководящих фоссилий представляется возможность детальной геологической датировки вмещающих известняков. Поскольку геологические реконструкции площадей размещения коренных выходов таких известняков на дочетвертичной поверхности существуют, то биостратиграфическая характеристика может способствовать уточнению источника кремнёвого сырья на древних стоянках.

С целью определения эффективности биостратиграфических методов при решении конкретной задачи шлифы из верхневолжских кремней в количестве 20 штук были переданы специалисту по фораминиферам научному сотруднику ВНИГРИ Я.А. Вевель.

Она отметила, что при определении фораминифер первостепенное значение имеет строение стенки, но при окремнении изначально кальцитовых раковин происходит существенное изменение структуры стенки. Из-за потери этой важной информации остаётся только предполагать родовую принадлежность изучаемой фоссилии по внешней форме раковины, навиванию оборотов, характеру септации.

Ниже приводятся списки фауны и сделанное Я.А. Вевель на их основании определение возраста по шести наиболее информативным шлифам.

Шлиф Г-19

Шлиф Г-10

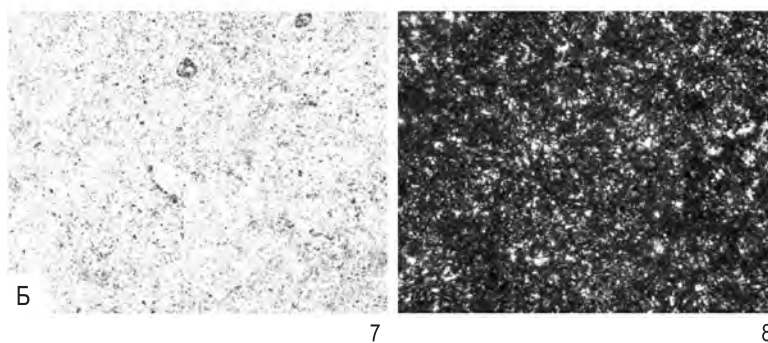
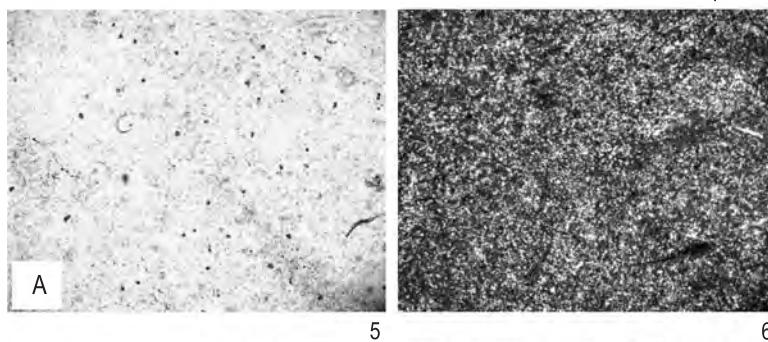

Рис. 13. Подол III/1. Петрографические шлифы десятой сырьевой группы.
Длинная сторона поля: А – 4,8 мм; Б – 1,2 мм. 1, 3, 5, 7 – без анализатора; 2, 4, 6, 8 – с анализатором

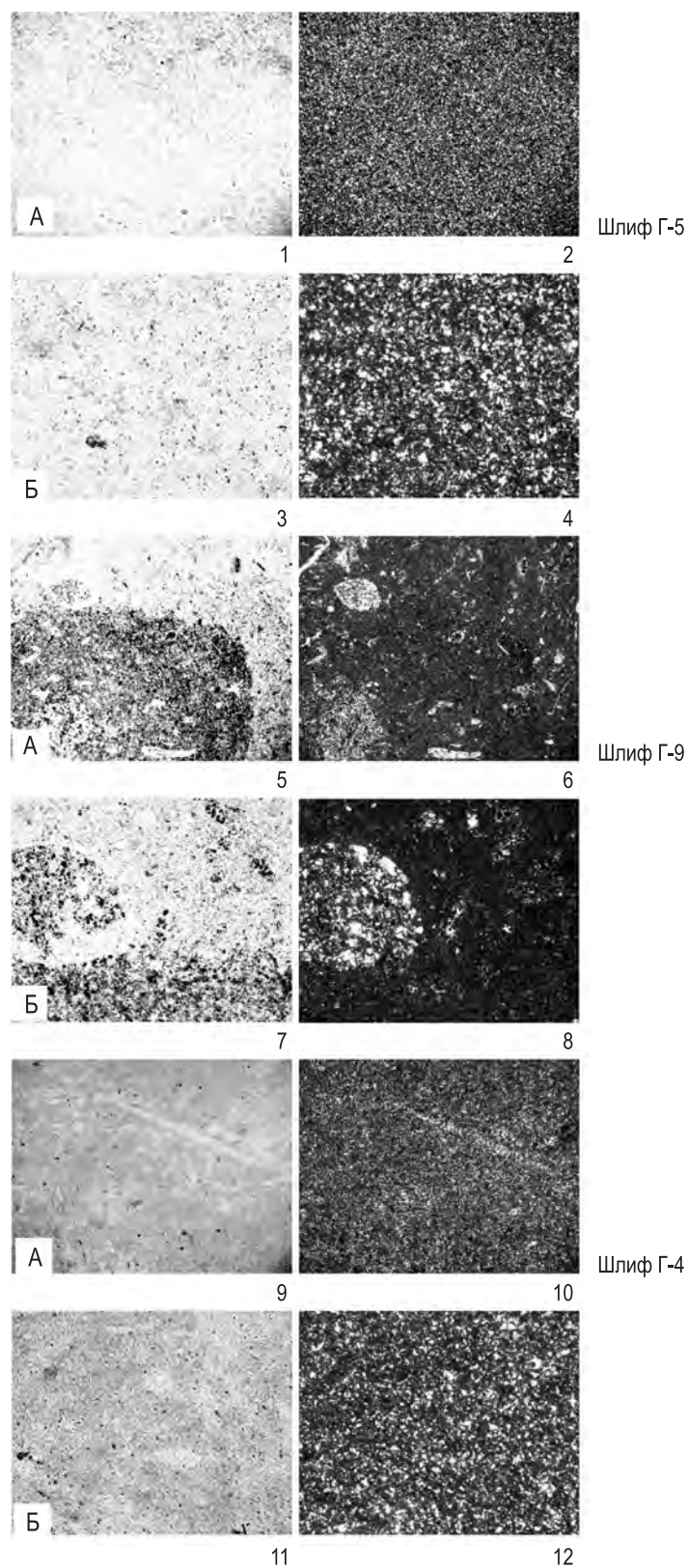

Рис. 14. Подол Ш/1. Петрографические шлифы одиннадцатой сырьевой группы.
 Длинная сторона поля: А – 4,8 мм; Б – 1,2 мм. 1, 3, 5, 7, 9, 11 – без анализатора; 2, 4, 6, 8, 10, 12 – с анализатором

Шлиф Г-1. *Endothyra* ?; *Endothyranopsis* ??; *Pseudoammodiscus* ?; подсемейства *Archaediscacea* – *Archaediscus*? *Bradyina*? *Eostaffella-Pseudjendothyra*?; *gacmponoda*, *ocmpakody*, *Palfeotextularia*. Возраст – не древнее визе (C_{1v}).

Шлиф Г-21. *Palaeotextularia* – *Climacammina*? Возраст – визе – средний карбон (C_{1v} – C₂).

Шлиф Г-16. *Tetrataxis*? Возраст – визе – средний карбон (C_{1v} – C₂).

Шлиф Г-14. *Fusulina*?; *Pseudostafella*? – *Neostafella*?; *Archaediscus*. Возраст – не древнее верхнемосковско-го подъяруса среднего карбона (C_{2m}).

Шлиф Г-15. *Palaeotextularia*?; *Archaedis*?. Возраст – визе – средний карбон (C_{1v} – C₂).

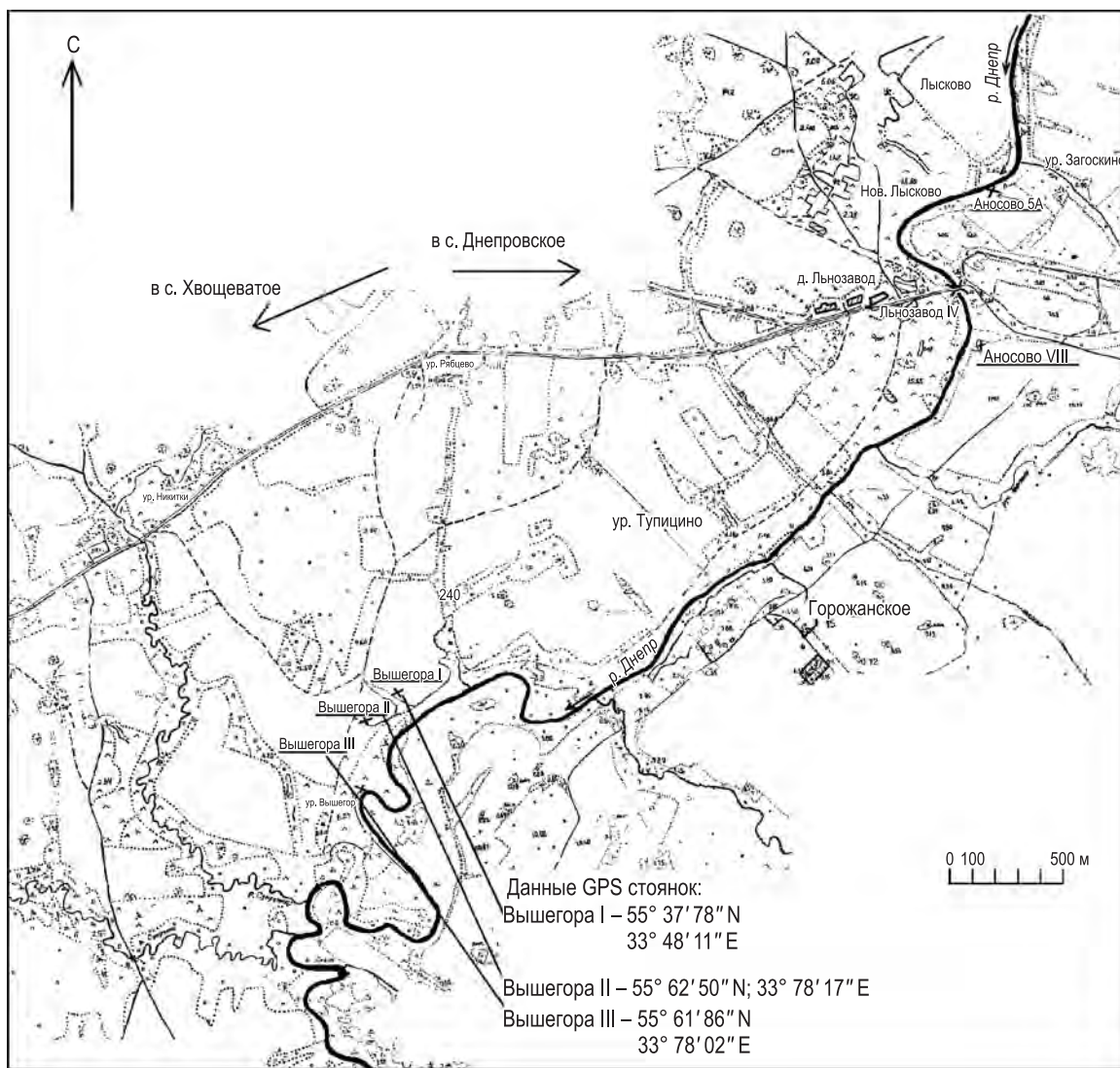
Шлиф Г-18. *Palaeotextularia*?; *Archaedis*?. Возраст – визе – средний карбон (C_{1v} – C₂).

Заклучения о возрасте по пяти шлифам не содержат новой информации. Они лишь не противоречат существующим представлениям о вероятном нижнекаменноугольном возрасте известняков, вмещающих эти кремни. Однако биостратиграфические исследования заставляют обратить особое внимание на образец, представленный шлифом Г-14. В этом кремне определён биокомплекс, который позволяет довольно уверенно утверждать, что его возраст не может быть древнее верхнемосковского подъяруса среднего карбона, то есть он значительно моложе всех остальных кремней. Важно то, что близ стоянки коренные выходы пород верхнемосковского возраста отсутствуют, они появляются на дочетвертичной поверхности примерно в 20 км восточнее оз. Волго. Кремьень, представленный образцом Г-14 (VIII сырьевая группа, кремьень рыжего цвета), скорее всего, был перенесён поверхностными водотоками с востока. Отсюда следует вывод, что в составе сырья верхневолжских стоянок финального палеолита, кроме нижнекаменноугольных, присутствуют и более молодые среднекаменноугольные кремни. Палеогеологические реконструкции подтверждают большую вероятность латерального перемещения среднекаменноугольных кремней геологическими процессами. Однако полностью исключить их транспортировку древним населением нельзя.

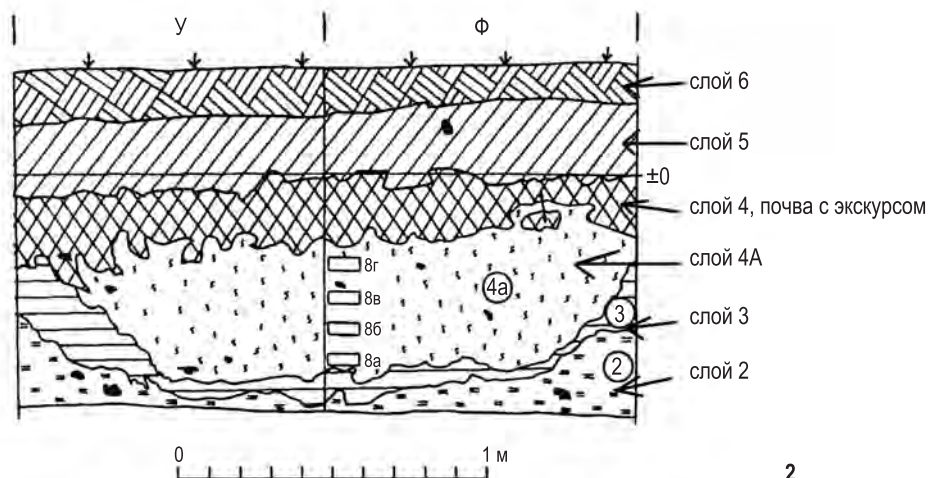
В верховьях Днепра из восьми обследованных пунктов на обоих берегах Днепра наиболее перспективным оказалось местонахождение Вышегора I (рис. 15: 1), где было установлено наличие шести различных литологических слоёв, вмещающих артефакты каменного века. Принципиальное значение на этом памятнике имеет обнаруженный палеомагнитный экскурс в погребённой почве, слой 4 [8]. По мнению Ю.А. Лаврушина, стоянка Вышегора I расположена на плоском днище гляциодепрессии калининского ледникового покрова, которое прорезано руслом Днепра. Сравнительно невдалеке, западнее гляциодепрессия причленяется к конечноморенной гряде калининского оледенения. На днище гляциодепрессии хорошо виден реликтовый мерзлотно-полигональный рельеф, хотя и частично заплывший. Обнаруженный полигональный рельеф в районе стоянки Вышегора I, по классификации мерзлотоведов, следует рассматривать как реликтовый [15]. Как известно из многочисленных публикаций, последняя фаза распространения вечной мерзлоты в центральных районах Русской равнины была приурочена к дриасу III, климатические условия которого отличались значительной суровостью, что способствовало распространению криозоны в позднеледниковье в верховьях Днепра. Возникновение мерзлоты создавало условия выжимания по границам полигонов валунного материала, конкреций кремня из подстилающих палеозойских пород. Выдавленные из морены на дневную поверхность кремнёвые конкреции были легко доступны для первобытного человека для изготовления орудий.

На стоянке-мастерской Вышегора I выделены 6 литологических слоёв (рис. 15: 2). Под дёрном и современной почвой (слой 6) мощностью 10–20 см залегает серая слабогумусированная супесь мощностью 15–45 см (слой 5) – отложения вторичного обводнения; ниже идёт погребённая почва мощностью 10–14 см (слой 4), представленная тёмно-серой слабогумусированной супесью, верхняя граница её – мелко вспученная, почва фиксирует осушение полигона. Слой 4а представлен плотной коричневатого-бурой супесью (заполнение полигональной трещины). Ниже залегает слой 3 – карбонатной лёссовидной палевой супеси. Слой 3 отражает более полное обводнение полигона, мощность слоя достигает 17 см. Верхний контакт – резкий, мелкоососковистый, почвенный. Инвентарь локализуется тремя скоплениями внутри полигональной трещины и на её бортах. По мнению Ю.А. Лаврушина, это – начальная стадия образования мерзлотно-полигона. В нижележащем слое 2, плотном суглинке коричневатого-бурого цвета мощностью 5–18 см, было найдено небольшое количество переотложенного расщепленного кремня, часто торчащего из слоя. В слое 1, суглинке лимонного цвета с большим количеством щебёнки известняка и кремнёвых желваков, мощностью около 10 см артефакты не обнаружены. Слой распространён локальными линзами. Суглинок лимонного цвета представляет собой элювий известняков. Во всех слоях памятника, содержащих артефакты, использовано местное сырьё, которое в виде массивных конкреций в настоящее время встречается на пашне. В районе Вышегоры доминирует сырьё от жёлтого до тёмно-коричневого цвета. Типологический анализ инвентаря всех слоёв свидетельствует о сохранении традиции использования этого сырья в материальной культуре на протяжении всего периода существования стоянки-мастерской. Техника расщепления кремня в слое 3 представлена конусовидными и двухплощадочными призматическими нуклеусами, с которых получали в основном пластинчатые заготовки в технике жёсткого и мягкого отбойников, а также с помощью посредника типа рога. Материальная культура этого (нижнего из содержащих не переотложенные артефакты) слоя Вышегоры I имеет свою специфику в инвентаре и может быть определена как гренская, что проявляется, в первую очередь, в морфологии наконечников стрел, аналоги которых им известны в стоянке финального палеолита Умрышинка III, где использовано близкое по цвету и структуре сырьё.

Для анализа были отобраны образцы из 3 слоя, возраст которых древнее аллерёда, поскольку они залегают под почвой с экскурсом гётенбург (слой 4), и образцы из слоя 5, который залегал над слоем 4.

1

2

Рис. 15. Стоянки-мастерские в верховьях Днепра: 1 – карта стоянок-мастерских в верховьях Днепра (Новодугинский район, Смоленская область); 2 – Вышегора I. Разрез по северо-западной стенке раскопа 1996 г.

Микроскопические характеристики верхнеднепровского кремня

Кремень из слоя 3 (палевой супеси)

Коричневый кремень с патиной мелкими белыми точками. Шлиф С-01-06 (слой 3, кв. П-28). Кремень – опал-халцедоновый с реликтовой зоодегритовой текстурой и равномерно тонкозернистой структурой основной массы, в которой присутствуют остатки тонкостенных раковин и обломки члеников криноидей. Остатки криноидей сложены крупнозернистым (до 0,2 мм) пористым кварцевым агрегатом и потому контрастно выделяются на фоне тонкозернистой основной массы. Кремень характеризуется довольно интенсивной разнотипной трещиноватостью, детальная характеристика которой приведена в разделе «Микроструктурные дефекты кремнёвого сырья» (рис. 16).

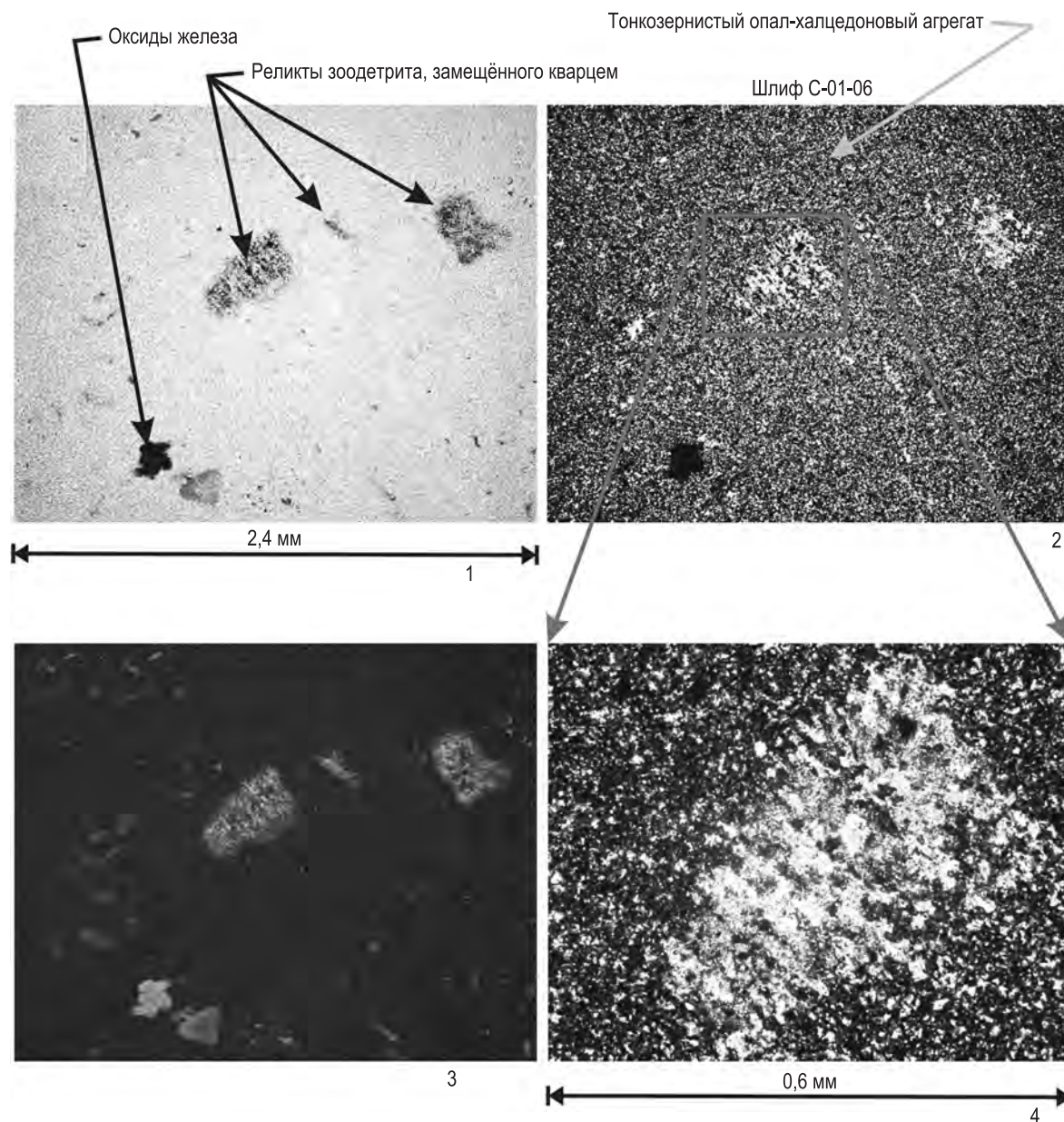

Рис. 16. Вышегора I. Петрографический шлиф С-01-06. Кремень коричневый с патиной мелкими белыми точками. Слой 3, кв. П-28. Кремень – опал-халцедоновый с реликтовой зоодегритовой текстурой и равномерно тонкозернистой структурой основной массы, в которой присутствуют остатки тонкостенных раковин и обломки члеников криноидей. 1 – без анализатора; 2 – с анализатором; 3 – в косом свете; 4 – обломок криноидеи, замещённый среднезернистым кварцем

Кремень коричневого цвета, полупрозрачный. Шлиф С-02-06 (слой 3, кв. П-28). Кремень – равномерно тонкозернистый (около 0,005 мм) опал-халцедоновый с редким раковинным детритом, замещённым мелкозернистым халцедоновым, редко – кварц-халцедоновым агрегатом (рис. 17). Последний характеризуется интенсивной микропористостью. По структурно-вещественным показателям сырьё – высокого качества.

Кремень коричневый. Шлиф С-07-06 (слой 3, кв. Т-26). Кремень – преимущественно опал-халцедоновый с реликтовой биоморфной текстурой. Основная масса сложена равномерно тонкозернистым (около 0,1 мм) опал-халцедоновым агрегатом со скелетными остатками морской фауны (фораминиферы, криноидеи, остракоды и др.), замещёнными кремнекислотой. Скелетные остатки фораминифер чаще замещены практически изотропным опалом, а членики криноидей – опал-кварц-халцедоновым более крупнозернистым (около 0,05 мм) агрегатом, отличающимся повышенной микропористостью (рис. 18). Кремень покрыт толстой (до 3 мм) коркой выветривания (рис. 18: 4–6). Корка выветривания имеет зональное строение: внешние зоны отличаются крупными порами выщелачивания, заполненными окислами железа, а для внутренних – характерны мелкие поры, выполненные гидроокислами железа. Иногда тончайшие плёнки гидрооксидов железа проникают в опал-халцедоновый агрегат более чем на 5 мм. Редкие прямолинейные параллельно ориенти-

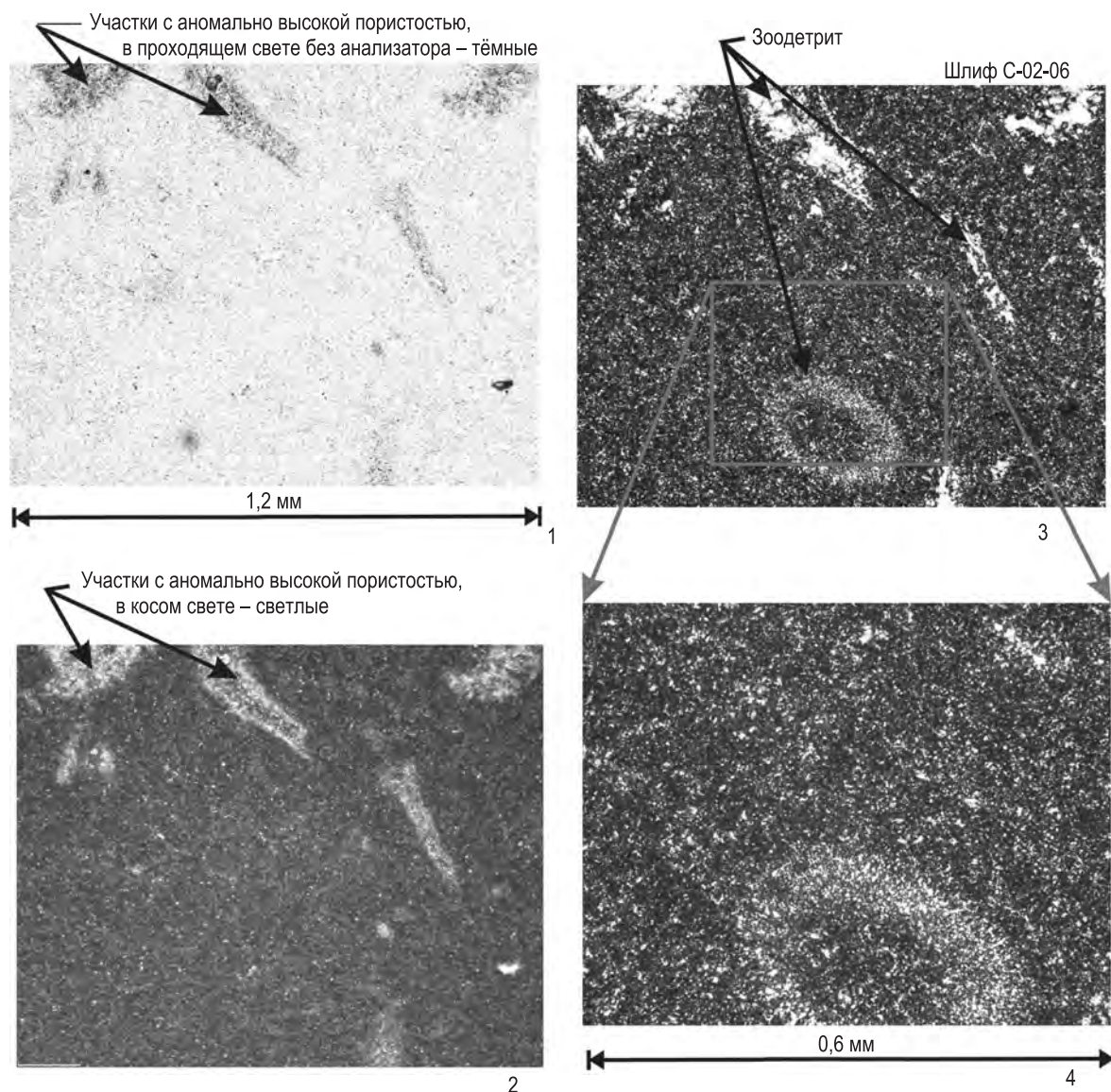

Рис. 17. Вышегора I. Петрографический шлиф С-02-06. Кремень коричневый, полупрозрачный. Слой 3, кв. П-28. Кремень – опал-халцедоновый, равномерно тонкозернистый с редким раковинным детритом. 1 – без анализатора; 2 – в косом свете; 3 – с анализатором; 4 – деталь шлифа

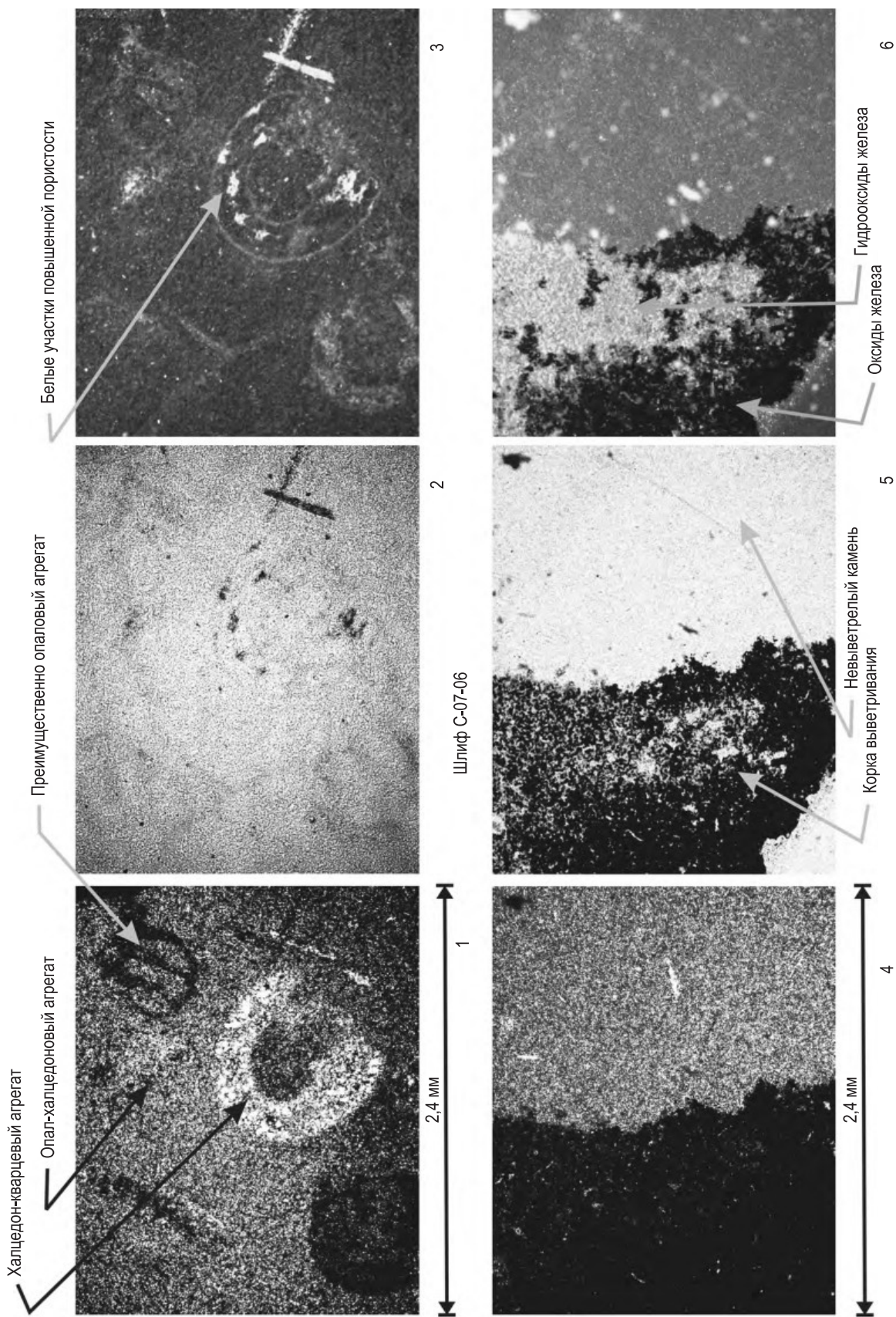

Рис. 18. Вышегора I. Петрографический шлиф С-07-06. Кремьен коричневый. Слой 3, кв. Т-26. Кремьен – опал-халцедоновый с толстой коркой выветривания. 1, 4 – с анализатором; 2, 5 – без анализатора; 3, 6 – в косом свете

рованные скрытые микропрототрещины не препятствуют получению однородных моноблоков. Размеры моноблоков позволяют изготавливать мелкие и средние по размерам изделия. Структурно-вещественные характеристики не противоречат представлению о высоком качестве этого вида сырья, обладающего хорошей пластичностью.

Кремень красный, полупрозрачный. Шлиф С-13-06 (слой 3, кв. У-29). Кремень – халцедон-кварцевый, сложен на 60 % тонкозернистым (меньше 0,01 мм) преимущественно халцедоновым с примесью опала агрегатом и на 40 % раковинным детритом, замещённым крупнозернистым кварцевым и халцедон-кварцевым агрегатом (рис. 19). Порода разбита сетью длинных извилистых затухающих трещин, которые, скорее всего, появились в результате природной транспортировки каменного материала от коренного залегания. Наличие вдоль трещин вторичных пор свидетельствует о растворении кремнезёма в водной (речной?) среде после возникновения трещины. Размеры межтрещинных блоков не превышают 5–8 мм. Этим обусловлено низкое качество данной разновидности сырья.

Кремень жёлтый, полупрозрачный. Шлиф С-19-06 (слой 3, кв. Т-26). Кремень – преимущественно халцедоновый с разнозернистой (от мелкой до средней) структурой основной массы. Для него характерно большое количество обломков криноидей, замещённых пористым агрегатом крупнозернистого кварца, и мшанок, выполненных среднезернистым агрегатом халцедона (рис. 20). Отсутствие трещиноватости позволяет сделать вывод об удовлетворительном технологическом качестве данной разновидности кремня.

Кремень светло-серый. Шлиф С-22-06 (слой 3, кв. Т-26). Кремень – кварц-опал-халцедоновый разнозернистый с единичными кластогенными зёрнами кварца и редкими реликтами раковинного детрита, замещённого среднезернистым агрегатом халцедона (рис. 21: 1–3). Примечательна микроструктура опал-халцедоновой основной массы: на фоне тонкозернистого опал-халцедонового агрегата отчётливо выделяются древовидные «каналы» опала (рис. 21: 4–5). Их толщина около 0,05 мм. Они отличаются от вмещающей халцедоновой матрицы меньшей твёрдостью, но как влияют на технологические свойства сырья, остаётся неясным. Можно лишь предполагать, что прихотливая форма таких каналов и незначительные размеры не оказывают существенного негативного влияния на эту разновидность сырья. Отсутствие блоков с резко отличающейся крупностью зёрен позволяет предполагать довольно высокое технологическое качество сырья.

Наличие кластогенных зёрен кварца свидетельствует о существенной терригенной примеси в исходных известняках, когда-то вмещающих этот кремень.

Кремень светло-серый. Шлиф С-24-06 (слой 3, кв. П-26, дно полигональной трещины). Кремень – опал-халцедоновый неравномерно тонкозернистый (около 0,01 мм) с равномерно распределёнными мелкими (около 0,05 мм) округлыми и древовидными (аналогичными шлифу С-22-06) включениями опалового агрегата. Единичные обломки мелких (около 1,5 мм в поперечнике) члеников криноидей выделяются на фоне тонкозернистого кремнезёма относительно более крупными (около 0,1 мм) зёрнами халцедона и крупными порами.

С края образца – зубчатый контакт с ожелезнённым алевролитом, фрагмент которого в поперечнике – около 0,5 мм (рис. 22). Данный кремень образовался за счёт замещения известняка в зоне контакта последнего с глинистым алевролитом.

Кремень из слоя 5 (серой слабогумусированной супеси)

Кремень жёлтый, полупрозрачный. Шлиф С-16-06 (слой 5, кв. Ф-27). Кремень – кварц-халцедон-опаловый с биоморфной текстурой (рис. 23: 1–3) и разнозернистой (от скрытой до мелкой) структурой основной массы. Среди фаунистических остатков преобладают обломки члеников криноидей, замещённых пористым агрегатом крупнозернистого (до 0,1 мм) кварца. Наблюдается сложное пространственное взаимоотношение всех трёх минералов (кварца, халцедона, опала) и их смесей (рис. 23: 4). Халцедон в одних случаях имеет волокнистое строение, замещая органические остатки, в других – тонкозернистые смеси с опалом. Присутствие большого количества разнородных по минеральному составу и механическим свойствам блоков позволяет сделать вывод о низком качестве сырья.

Кремень коричнево-серый с голубой патиной. Шлиф С-25-06 (слой 5, кв. Ф-30). Структура и микротекстура основной массы аналогичны шлифу С-24-06, но отличаются большим количеством зоодетрита (рис. 24). Тонкорачковинный детрит замещён «чистым» халцедоновым агрегатом, а обломки крупных раковин – пористым агрегатом среднезернистого кварца. Изредка встречаются полураскрытые трещины по линейным зонам аномально высокой пористости. По минеральному составу и структуре основной массы сырьё – хорошего качества.

Кремень чёрно-коричневый. Шлиф С-28-06 (слой 5, кв. Ф-28). Кремень – преимущественно халцедоновый тонкозернистый интенсивно пропитанный гидроксидами железа и содержащий равномерно распределённые мелкие (0,01–0,04 мм) включения гетита. Изредка наблюдаются линейные зоны аномально высокой пористости (рис. 25). По структурно-вещественным признакам является сырьём высокого качества.

Кремень чёрно-коричневый, полупрозрачный. Шлиф С-29-06 (слой 5, кв. Ф-27). Кремень – опал-халцедоновый с редкими остатками тонкостенных раковин и тонкозернистой структурой основной массы. Выделяются сравнительно крупные (2–3 мм) остроугольные блоки, сложенные преимущественно опалом с примесью халцедона. Наблюдаются редкие щеповидные кристаллы (до 0,05×0,005 мм) рудного минерала люминесцирующего голубым цветом (рис. 26). По форме они напоминают кристаллы гетита. Порода пятнисто пропитана гидроксидами железа. Сырьё по структурно-вещественным показателям, скорее всего, среднего качества.

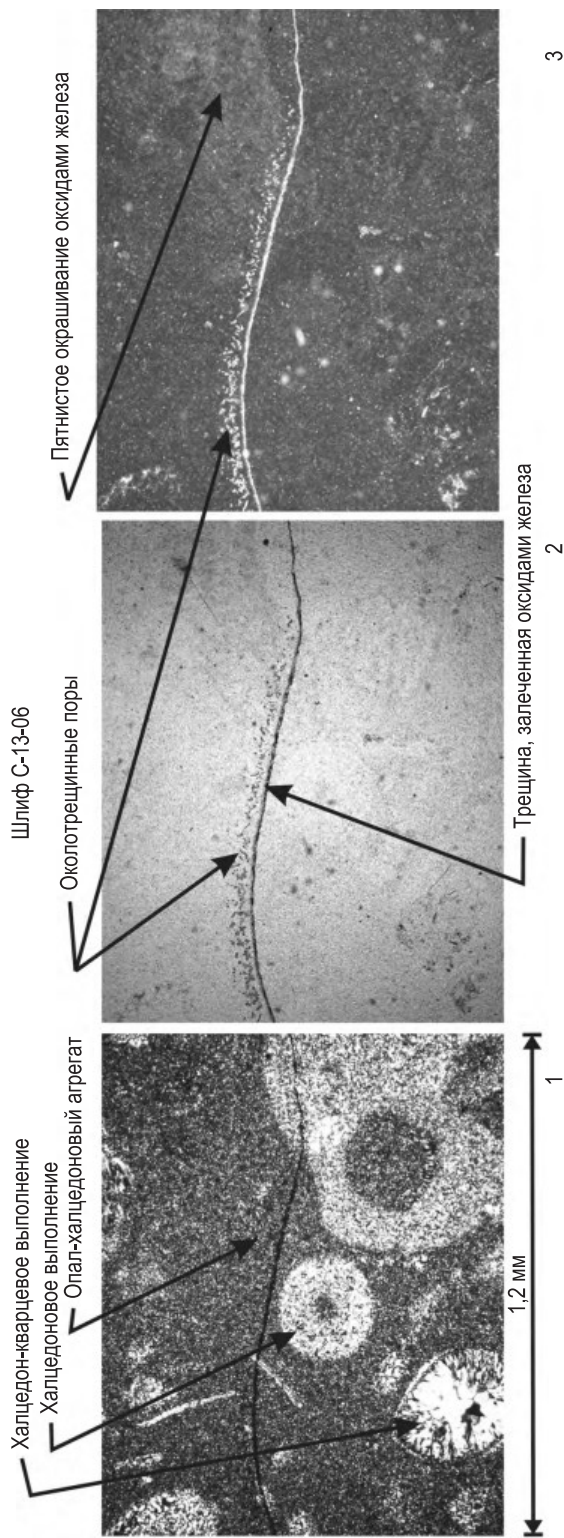

Рис. 19. Вышегора I. Петрографический шлиф С-13-06. Кремьень красный, полупрозрачный. Слой 3, кв. У-29. Кремьень – халцедон-кварцевый с биоморфной структурой. 1 – с анализатором; 2 – без анализатора; 3 – в косом свете

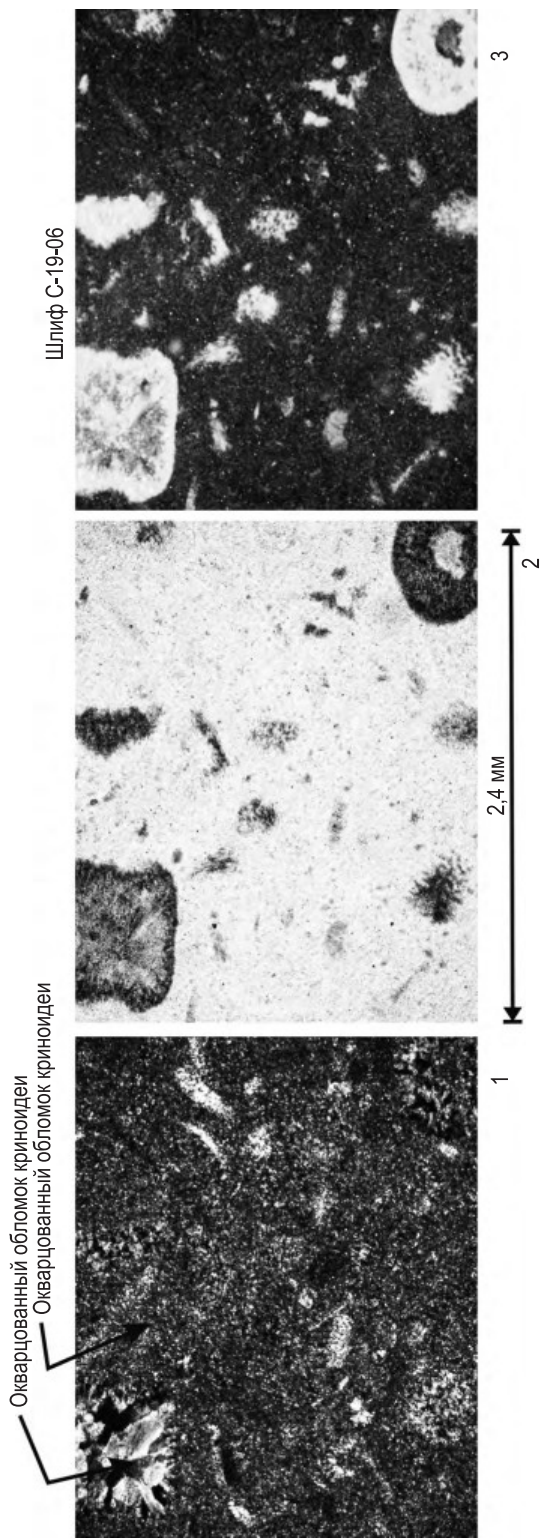

Рис. 20. Вышегора I. Петрографический шлиф С-19-06. Кремьень жёлтый, полупрозрачный. Слой 3, кв. Т-26. Кремьень – халцедоновый с остатками криноидеи. 1 – с анализатором; 2 – без анализатора; 3 – в косом свете

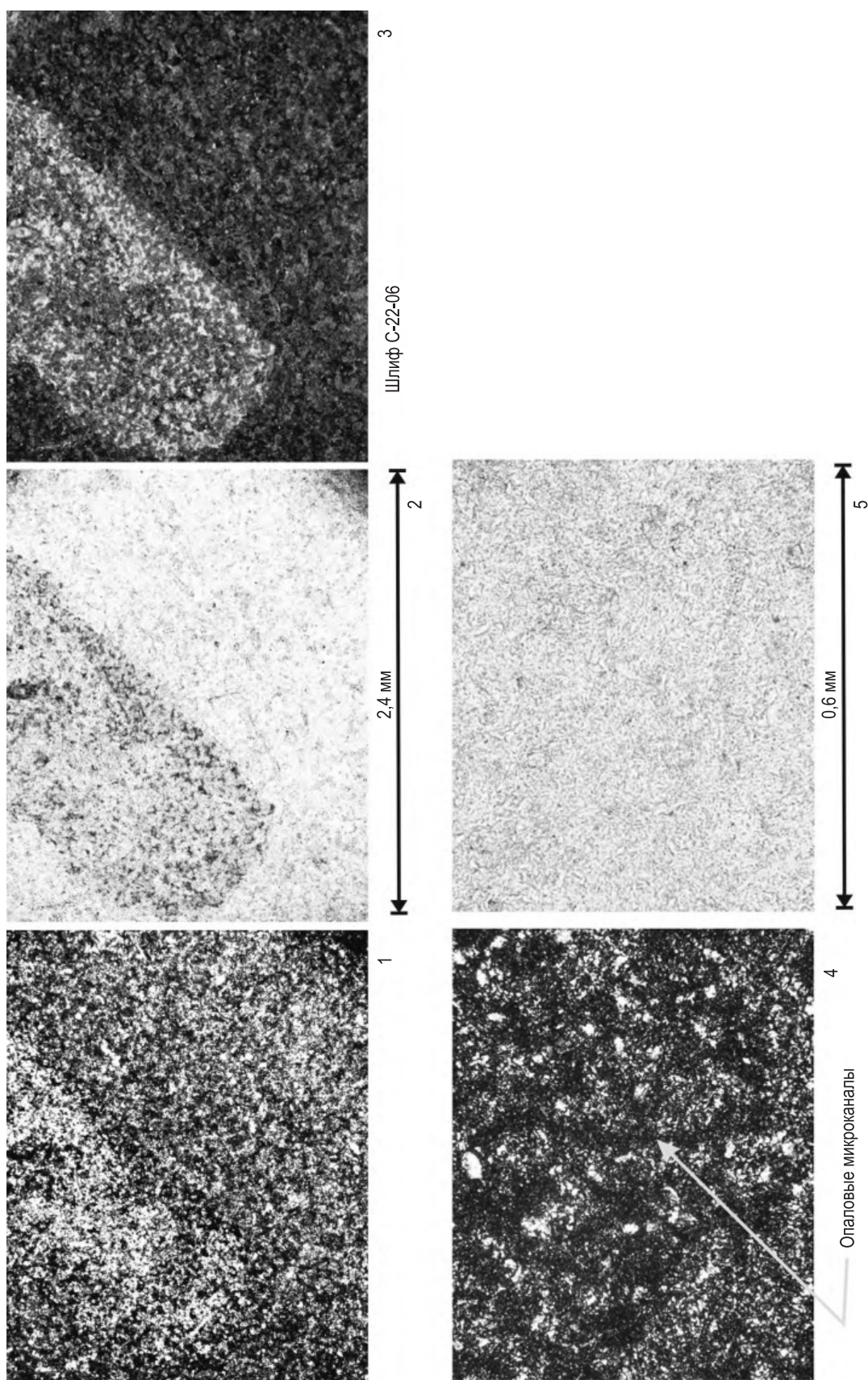

Рис. 21. Вышегора I. Петрографический шлиф С-22-06. Кремьень светло-серый. Слой 3, кв. Т-26. Кремьень – кварц-опал-халцедоновый с единичными кластогенными зёрнами кварца. 1 – с анализатором; 2 – без анализатором; 3 – в косом свете. На фото 4, 5 – “древовидная” микроструктура кремня в скрещённых николях; 4 – с анализатором; 5 – однородная, без анализатора

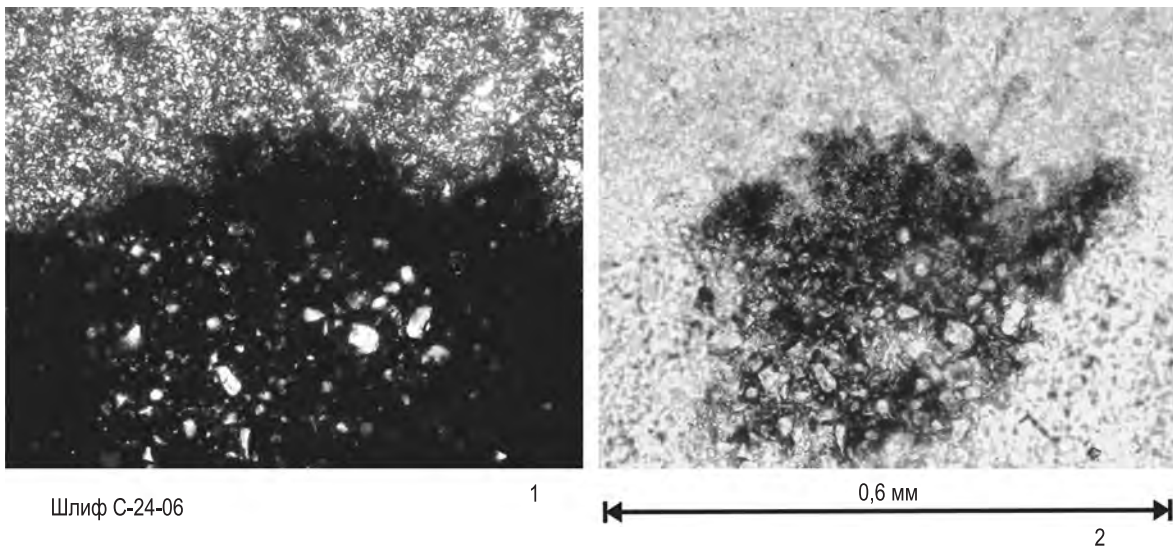

Рис. 22. Вышегора I. Петрографический шлиф С-24-06. Кремень светло-серый. Слой 3, кв. П-26, дно полигональной трещины. Кремень – опал-халцедоновый неравномерно тонкозернистый. 1 – с анализатором; 2 – без анализатора

Микроструктурные дефекты кремнёвого сырья (Шлиф С-01-06)

Основными микроструктурными дефектами кремня, влияющими на технологические свойства сырья, являются структурно-вещественные неоднородности двух типов. К первому типу относятся разнообразные виды скрытой трещиноватости. Ко второму – включение различных по размеру и форме микроблоков, отличающихся от основной массы или соприкасающихся соседних блоков минеральным составом и микроструктурой.

Наблюдаются три вида микротрещин:

1) дугообразные микропрототрещины длиной до 0,2 мм. В шлифах они фиксируются тёмно-бурыми или чёрными (за счёт большого количества микропор) полосками толщиной 1–3 микрона. Такие микропротрещины часто образуют зоны сгущений, в пределах которых имеют субпараллельную ориентировку (рис. 27: А) или формируют сетчатую зону из двух пересекающихся систем (рис. 27: Б);

2) линейные прототрещины длиной до 1–2 мм, ориентированные параллельно или под небольшим углом друг к другу (рис. 27: А, В). В случае их сонахождения с прототрещинами первого типа можно с довольно высокой достоверностью утверждать их более позднее происхождение;

3) линейные зоны микропор, фиксируемые в виде цепочки сравнительно крупных изолированных пор (рис. 27: Г). При критических механических нагрузках такими зонами контролируется плоскость скола.

Морфологические особенности дугообразных микротрещин не противоречат гипотезе об их генетической связи с процессами старения кремнезёмного геля, его дегидратации с переходом многоводного опала в безводный халцедон, затем в кварц. Поскольку этот процесс сопровождается уменьшением объёма новообразованных минеральных фаз, возникает пустотное пространство в виде микротрещин. Часто встречающиеся комбинации трёх дугообразных трещин, исходящих из одной точки, морфологически тождественны трещинам синерезиса, что подтверждает высказанную генетическую модель их формирования.

Линейные трещины и прототрещины, скорее всего, возникли в результате тектонических напряжений в зоне сжатия.

На рис. 28 демонстрируются дефекты поверхности скола, обусловленные микротрещиноватостью сырья, возникшие в процессе изготовления из него изделия. На примере этого образца (шлиф С-01-06) можно наглядно ознакомиться с тем, к чему привело стремление древнего мастера исправить возникшие (из-за плохого качества сырья) дефекты. Его попытки получить новую поверхность скола привели к спонтанному раскрытию двух систем скрытых трещин (прототрещин), как дугообразных (рис. 29, а1), так и линейных (рис. 29, А2). После этого мастер пришёл к выводу о непригодности сырья и оставил попытки довести изделие до кондиции. Опико-микроскопические наблюдения показывают, что его решение было единственно верным. Дальнейшие попытки получить новую поверхность скола приведут к раскрытию новых трещин (рис. 29, Б1) в линейных зонах аномально высоких концентраций микропор.

Охарактеризованные структурно-вещественные неоднородности обуславливают низкую пластичность сырья, его повышенную хрупкость. При расщеплении такого кремня на поверхности скола образуются многочисленные разноориентированные (в прямой зависимости от направления микропрототрещин) микросколы, которые видны в шлифах и демонстрируются на фотографиях.

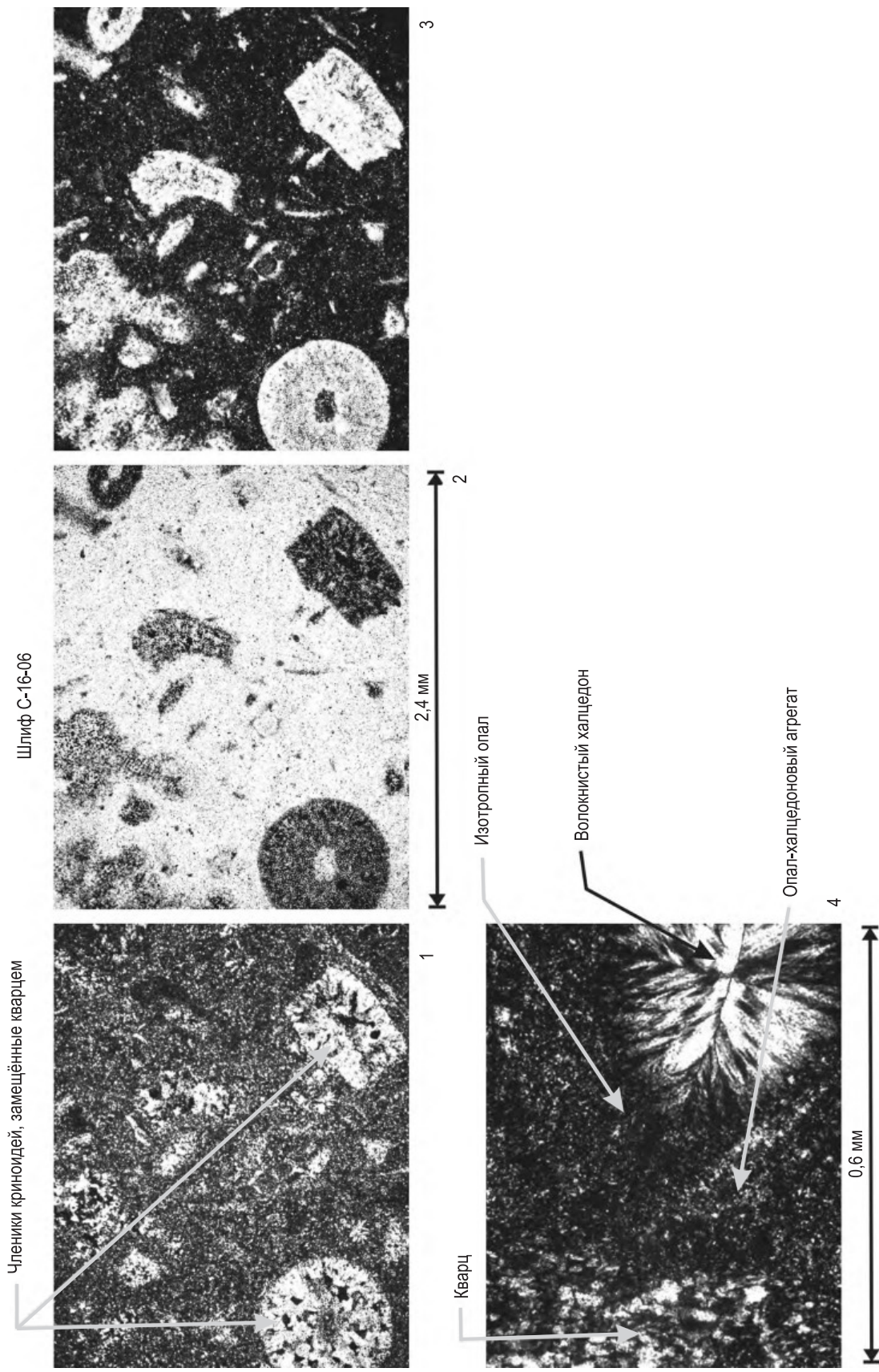

Рис. 23. Вышегора I. Петрографический шлиф С-16-06. Кремнь жёлтый, полупрозрачный. Слой 5, кв. Ф-27. Кварц-халцедон-опаловый кремнь с биоморфной текстурой. 1 – с анализатором; 2 – без анализатора; 3 – в косом свете; 4 – фрагмент шлифа, иллюстрирующий сложное взаимоотношение кварца, халцедона, опала и их смесей с анализатором

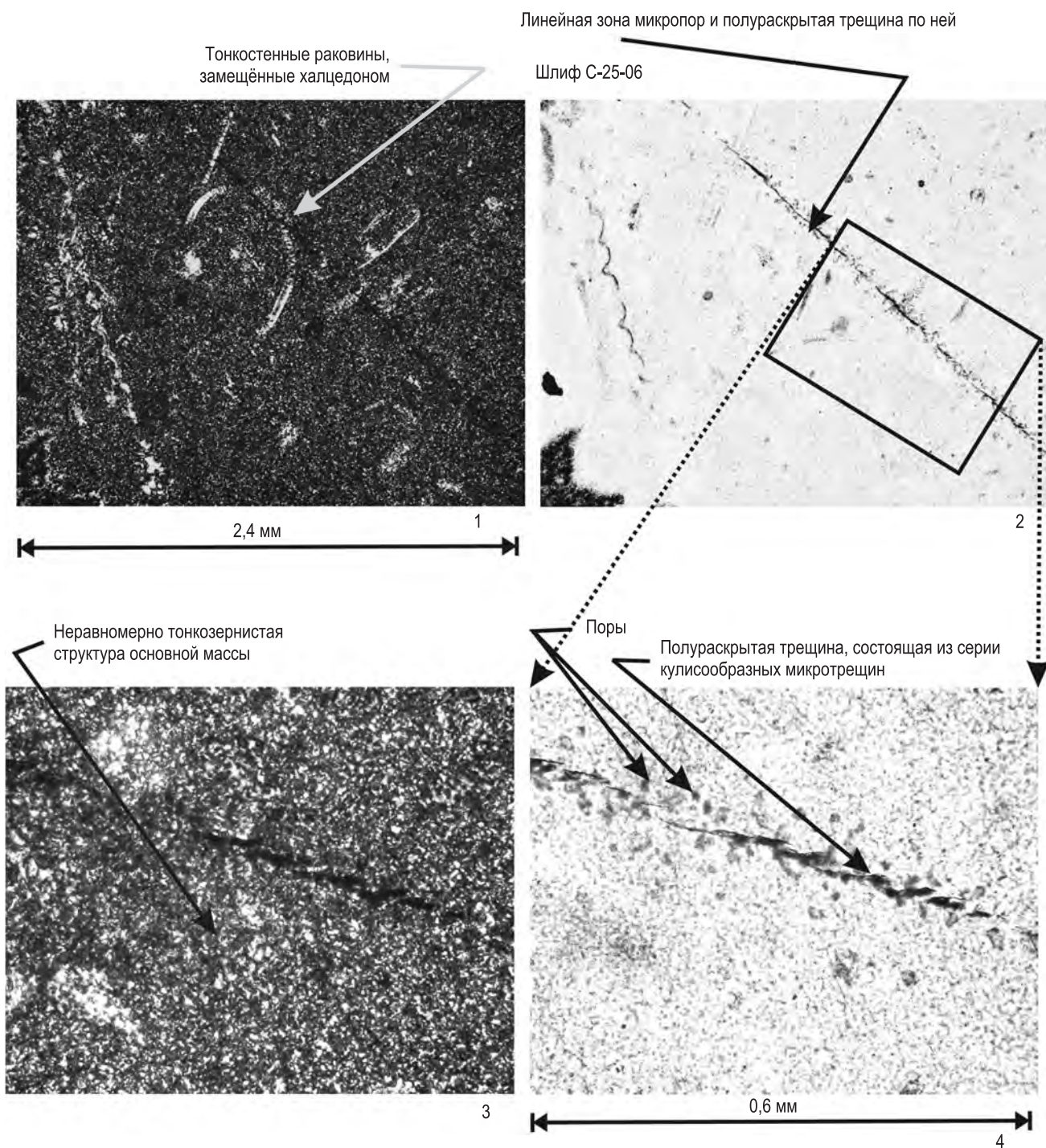

Рис. 24. Вышегора I. Петрографический шлиф С-25-06. Кремьен коричнево-серый с голубой патиной. Слой 5, кв. Ф-30. Опал-халцедоновый биоморфный кремьен с полураскрытой трещиной по линейной зоне, повышенной пористости. 1, 3 – с анализатором; 2, 4 – без анализатора

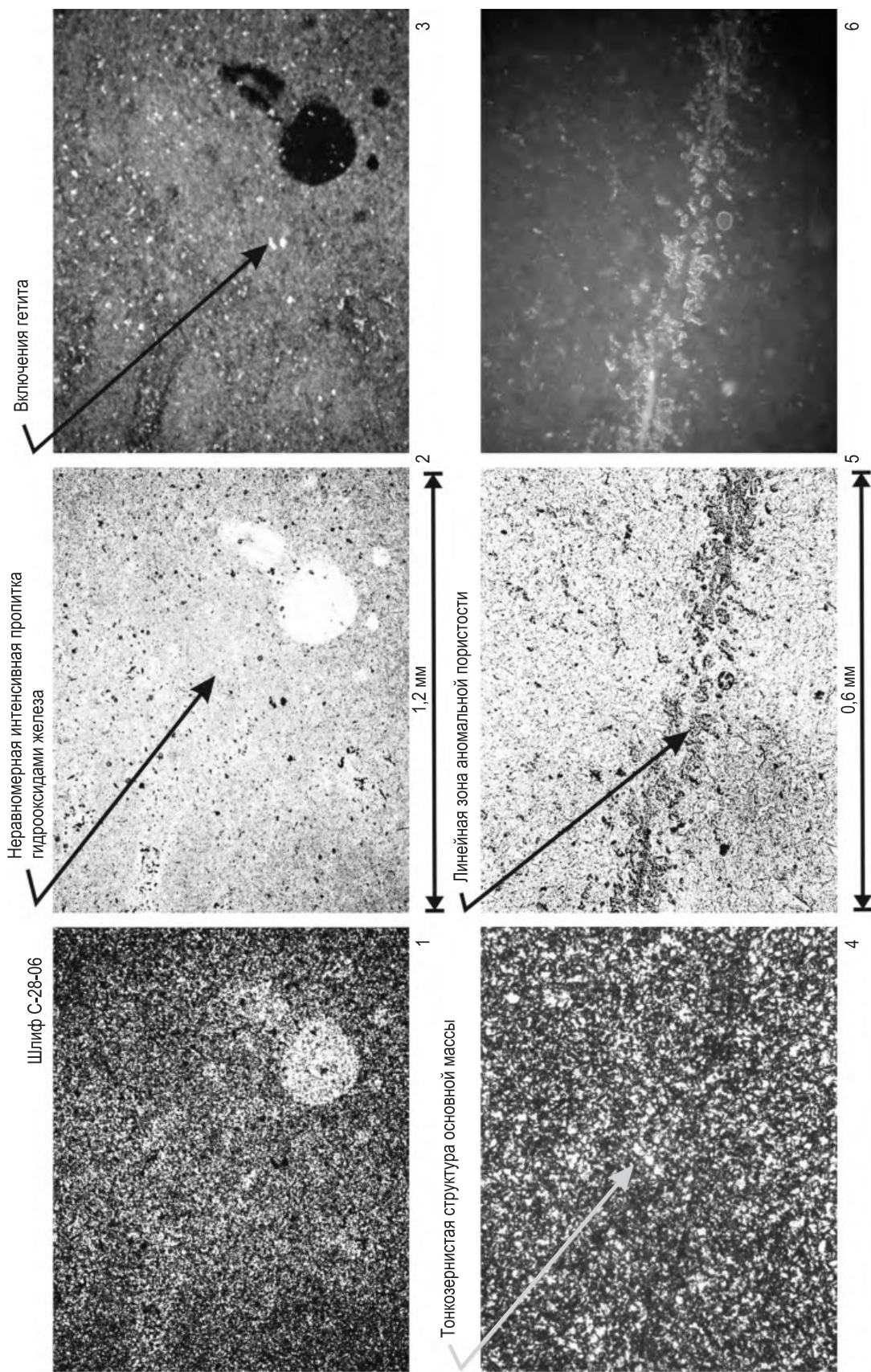

Рис. 25. Вышегора I. Петрографический шлиф С-28-06. Кремьень чёрно-коричневый. Слой 5, кв. Ф-28. Кремьень – халцедоновый с равномерно распределёнными включениями гетита. 1, 4 – с анализатором; 2, 5 – без анализатора; 3 – в косом свете; 6 – в ультрафиолетовом свете

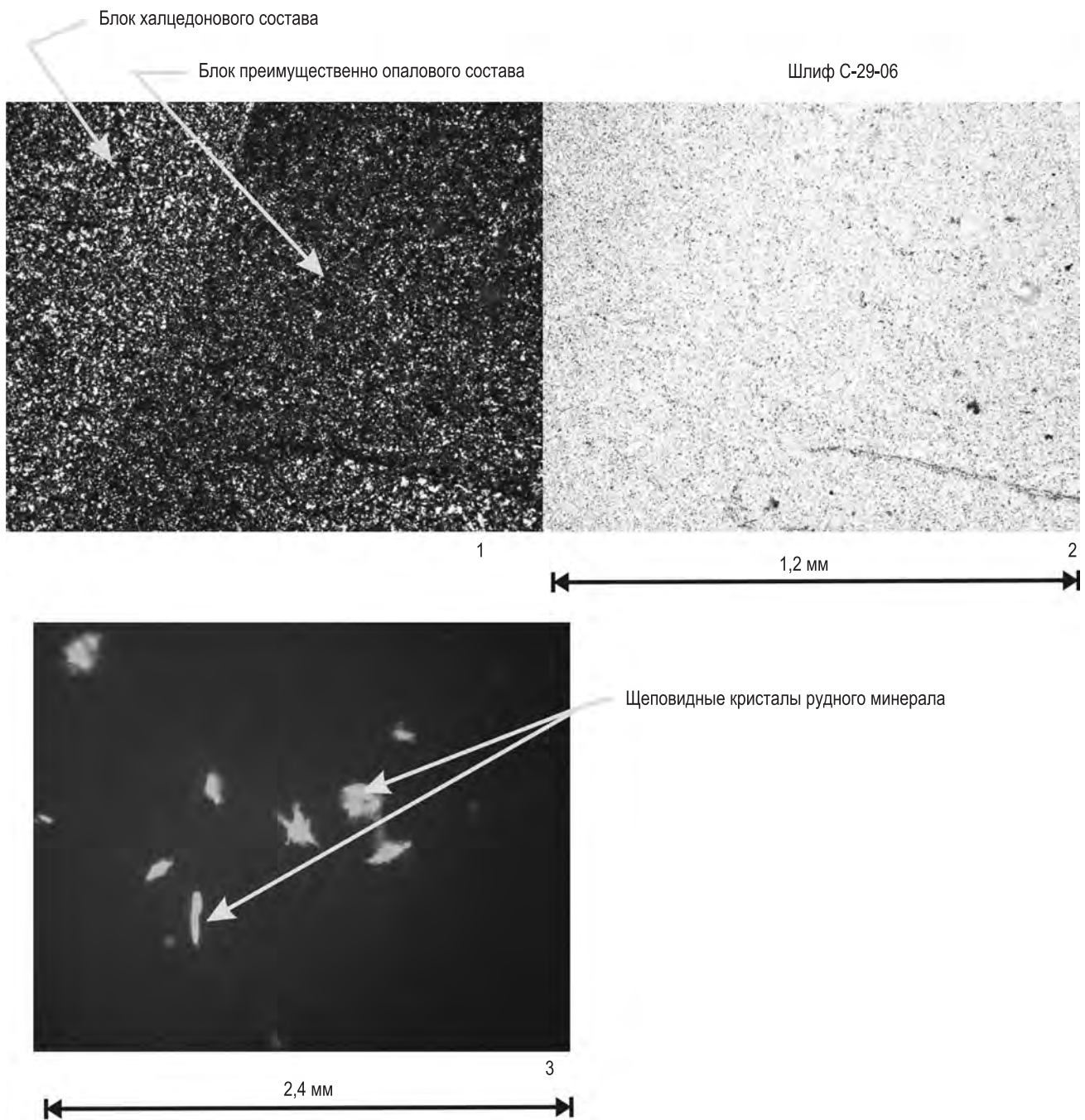

Рис. 26. Вышегора I. Петрографический шлиф С-29-06. Кремьнь чёрно-коричневый, полупрозрачный. Слой 5, кв. Ф-27. Кремьнь – опал-халцедоновый с редкими остатками тонкостенных раковин и тонкозернистой структурой основной массы. 1 – с анализатором; 2 – без анализатора; 3 – в ультрафиолетовом свете

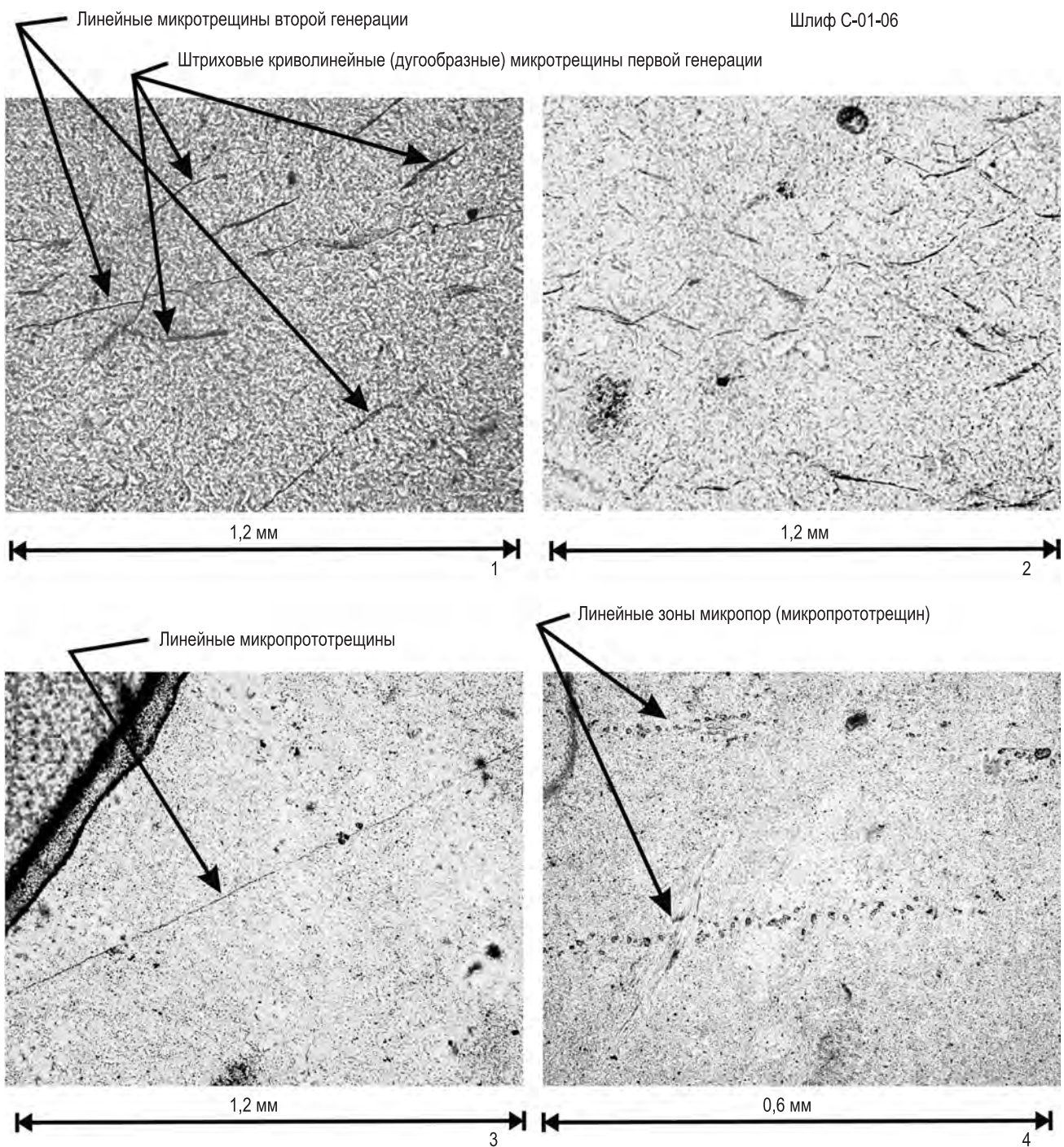

Рис. 27. Вышегора I. Петрографический шлиф С-01-06. Кремьень коричневый с лёгкой патиной. Слой 3, кв. П-28. Без анализатора. Микроструктурные дефекты кремня. 1 – две разновозрастные генерации микротрещин; 2 – две системы диагональных штриховых криволинейных микротрещин; 3 – линейные микропрототрещины; 4 – линейные зоны микропор – механически ослабленные зоны

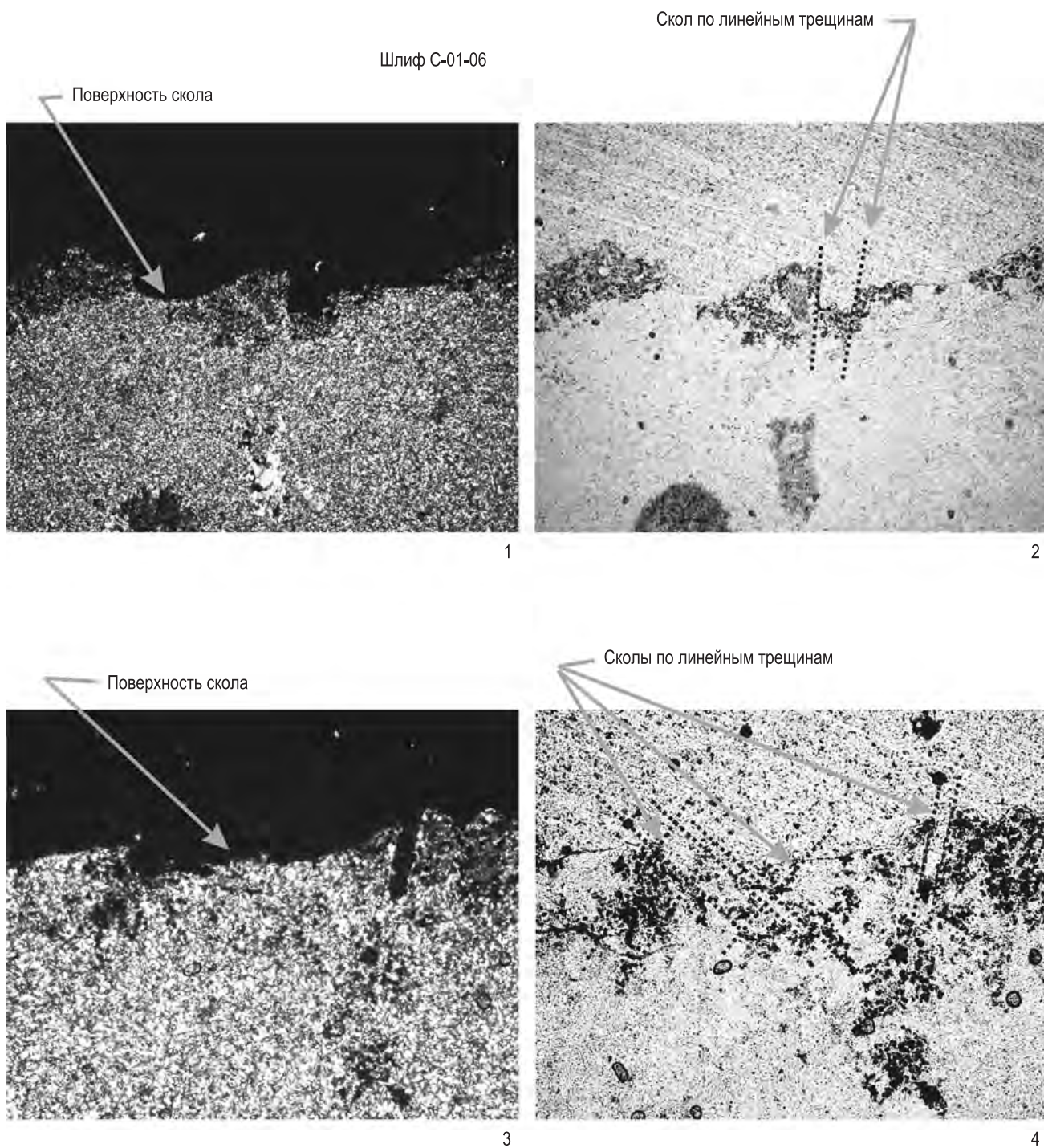

Рис. 28. Вышегора I. Петрографический шлиф С-01-06. Дефекты поверхности скола, обусловленные микроструктурной неоднородностью каменного сырья. 1, 3 – с анализатором; 2, 4 – без анализатора, с результатами микродешифрирования микротрещиноватости

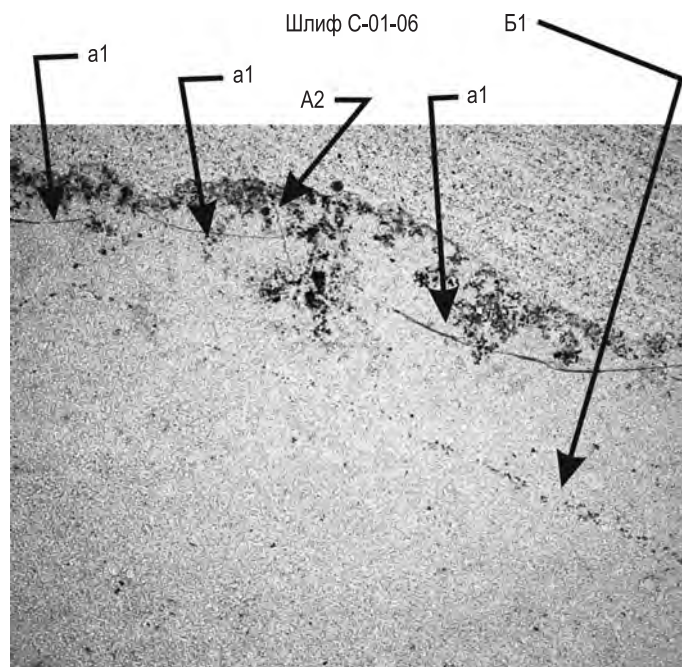

Рис. 29. Вышегора I. Петрографический шлиф С-01-06. Характер трещиноватости сырья.
 Спонтанное раскрытие трещин в процессе изготовления орудия.
 a1 – криволинейные трещины, раскрытые; A2 – прямая трещина, раскрытая;
 Б1 – прямая прототрещина, готовая раскрыться при следующей механической нагрузке

Геохимическая характеристика кремнёвого сырья

Геохимическая характеристика кремней из стоянок-мастерских в верховьях рек Днепра и Волги базируется на данных, полученных приближённо-количественным спектральным анализом на 44 элемента. Верхнеднепровская выборка насчитывает 36 проб, верхневолжская – 23 пробы. Из этих 44 наиболее информативными являются 21 элемент, по которым приведена описательная статистика (табл. 4, 5), определены парные коэффициенты корреляции (табл. 6, 7).

Сравнение двух выборок (верхневолжской и верхнеднепровской) указывает на их существенное геохимическое различие (табл. 4 и 5) по 12 элементам. В верхнеднепровских кремнях определены более высокие концентрации алюминия, магния, титана, марганца, никеля, скандия, иттербия, меди, свинца, серебра, галлия. При этом, модальные концентрации алюминия отличаются в 10 раз, магния почти в 5 раз, концентрации бария отличаются на четыре порядка (!), титана, марганца, скандия – в 3 раза, ванадия, никеля, циркония, иттербия – в два раза.

Концентрации лантана, напротив, в верхнеднепровских кремнях значительно ниже, чем в кремнях с верховьев Волги. Во всех верхнеднепровских пробах содержание лантана не достигает порога чувствительности метода. Поскольку порог чувствительности составляет 10 граммов на тонну (г/т), то при статистической обработке массива данных условно было принято, что концентрации La в верхнеднепровских пробах составляют величину, в 2 раза меньшую порога чувствительности, то есть 5 г/т.

Анализ матрицы парных коэффициентов корреляции элементов в верхнеднепровских кремнях (табл. 4) показывает, что положительные корреляционные связи между элементами выражены более отчётливо, нежели отрицательные. Алюминий имеет высокий положительный коэффициент корреляции с магнием (+0,76), с титаном (+0,70), со скандием (+0,64), магний – со скандием (+0,58), медь – с серебром (+0,82). Никель имеет невысокие, но значимые положительные коэффициенты корреляции с железом (+0,49), с натрием (+0,48), с фосфором (+0,42). Обратим особое внимание на положительную корреляцию натрия не только с никелем, но ещё и со свинцом (+0,45). Мы ещё вернемся к этой геохимической особенности.

Матрица парных коэффициентов корреляции верхневолжских кремней (табл. 7) существенно отличается от верхнеднепровских. В ней, кроме положительных, отчётливо проявлены и отрицательные коэффициенты корреляции. В отличие от верхнеднепровских в верхневолжских кремнях алюминий не коррелирует с титаном, но имеет высокий положительный коэффициент корреляции с марганцем (+0,81). Этот элемент имеет невысокий, но значимый коэффициент корреляции с ванадием (+0,44), лантаном (+0,41). Магний положительно коррелирует с марганцем (+0,95), галием (+0,44) и отрицательно – с лантаном (-0,46). Лантан, имея отрицательные коэффициенты корреляции с алюминием (-0,41), магнием (-0,46), железом (-0,53), ванади-

Таблица 4. Геохимическая характеристика кремнёвого сырья с верховьев р. Днепра
(выборка из 36 проб; в граммах на тонну)

Компонент	Среднее	Минимум	Максимум	Стандартная ошибка	Мода	Стандартное отклонение	Дисперсия выборки
Al ₂ O ₃	5166,7	2000	12000	285,91	5000	1715,48	2942857,1
MgO	371,39	120	2000	53,463	500	320,777	102898,0
CaO	651,39	150	2000	77,881	500	467,285	218355,1
Fe ₂ O ₃	3297,22	1200	20000	560,48	2000	3362,86	11308849
Na ₂ O	289,72	100	1000	35,054	150	210,326	44237,06
P ₂ O ₅	1888,89	1500	2500	40,391	2000	242,343	58730,16
Ba	0,006	0,005	0,01	0,0003	0,005	0,00201	4,027
TiO ₂	205,83	100	500	14,378	150	86,2679	7442,14
MnO	70,69	25	600	16,801	40	100,805	10161,65
V	9,86	5	15	0,4475	10	2,68491	7,208
Ni	6,94	1	15	0,5239	5	3,14365	9,88
Zr	16,22	10	100	2,4808	12	14,8845	221,55
Nb	10	8	12	0,2254	10	1,35225	1,83
Sc	1,11	0,5	2,5	0,0751	1,5	0,45049	0,20
La	5	5	5	0	5	0	0
Yb	1,27	1	2	0,0494	1	0,29647	0,088
Mo	0,87	0,25	1	0,033	1	0,19826	0,039
Cu	43,53	3	500	15,023	10	90,141	8125,4
Pb	44,14	2	500	16,1	10	96,6029	9332,1
Ag	0,54	0,05	5	0,1449	0,2	0,86918	0,76
Ga	2,40	2	5	0,0972	2	0,58333	0,34

Таблица 5. Геохимическая характеристика кремнёвого сырья с верховьев р. Волги
(выборка из 23 проб; в граммах на тонну)

Компонент	Среднее	Минимум	Максимум	Стандартная ошибка	Мода	Стандартное отклонение	Дисперсия выборки
Al ₂ O ₃	1132,61	200	5000	259,27	500	1243,4	1546047,4
MgO	192,61	100	1500	60,854	120	291,847	85174,7
CaO	400	150	1000	41,703	400	200	40000
Fe ₂ O ₃	4417,39	500	50000	2319,2	1000	11122,6	123711502
Na ₂ O	250,44	100	1000	38,9	200	186,559	34804,3
P ₂ O ₅	1791,30	200	2000	87,998	2000	422,022	178102,8
Ba	110,87	50	500	18,425	100	88,3646	7808,3
TiO ₂	141,30	50	300	17,255	50	82,754	6848,2
MnO	28	10	200	8,1495	15	39,0838	1527,5
V	10,13	2	25	1,1564	6	5,54571	30,8
Ni	4,83	1	10	0,575	3	2,75767	7,6
Zr	17,48	5	100	4,9972	5	23,9656	574,4
Nb	10,26	8	12	0,2286	10	1,09617	1,2
Sc	0,75	0,5	1,2	0,0558	0,5	0,26777	0,07
La	8,70	5	10	0,4681	10	2,24489	5,03
Yb	0,59	0,2	1	0,0478	0,5	0,22945	0,05
Mo	1,41	0,6	5	0,1805	1,2	0,86566	0,75
Cu	9,74	2	50	1,9923	10	9,55471	91,29
Pb	2,02	2	2,5	0,0217	2	0,10426	0,01
Ag	0,14	0,06	0,25	0,011	0,15	0,0529	0,003
Ga	1,28	1	3	0,121	1	0,58048	0,34

Таблица 6. Матрица парных коэффициентов корреляции химических элементов в верхнеднепровских кремнях

	Al ₂ O ₃	MgO	CaO	Fe ₂ O ₃	Na ₂ O	P ₂ O ₅	Ba	TiO ₂	MnO	V	Ni	Zr	Nb	Sc	La	Yb	Mo	Cu	Pb	Ag	Ga	
Al ₂ O ₃	1																					
MgO	0,760	1																				
CaO	0,231	0,266	1																			
Fe ₂ O ₃	0,238	0,439	0,077	1																		
Na ₂ O	-0,033	0,102	0,481	0,089	1																	
P ₂ O ₅	0,011	0,288	0,424	0,257	0,49	1																
Ba	0,325	0,344	-0,123	0,104	-0,104	-0,065	1															
TiO ₂	0,704	0,703	0,216	0,324	-0,004	0,134	0,420	1														
MnO	0,139	0,180	0,032	0,132	-0,126	0,021	-0,053	0,256	1													
V	0,322	0,267	-0,256	0,210	-0,155	-0,134	0,344	0,384	0,158	1												
Ni	-0,019	0,137	0,022	0,487	0,485	0,423	-0,127	0,141	0,023	-0,031	1											
Zr	-0,016	0,161	-0,029	0,0131	-0,005	0,078	0,002	0,106	0,063	0,098	0,227	1										
Nb	0,271	0,096	-0,091	0,129	-0,323	-0,087	0,211	0,333	0,025	0	-0,108	-0,174	1									
Sc	0,640	0,577	0,211	0,294	0,017	0,106	0,332	0,655	0,073	0,356	0,047	-0,131	0,375	1								
La	Д/0!	#Д/0!	#Д/0!	#Д/0!	#Д/0!	#Д/0!	#Д/0!	#Д/0!	#Д/0!	#Д/0!	#Д/0!	#Д/0!	#Д/0!	#Д/0!	1							
Yb	0,083	-0,059	0,472	-0,199	0,237	0,170	0,123	0,069	-0,239	-0,088	0,004	-0,149	0,099	0,298	#Д/0!	1						
Mo	-0,198	-0,10	-0,404	0,044	-0,129	-0,031	-0,099	-0,242	-0,203	0,142	0,068	0,041	0,160	-0,014	#Д/0!	-0,195	1					
Cu	-0,038	0,041	0,122	0,163	-0,040	0,072	-0,083	0,251	-0,135	-0,036	0,139	0,266	0,093	0,087	#Д/0!	-0,001	-0,131	1				
Pb	-0,11	-0,116	-0,144	-0,1171	0,453	-0,074	-0,080	-0,145	-0,092	0,011	0,244	-0,016	-0,151	-0,142	#Д/0!	-0,028	0,119	-0,074	1			
Ag	0,126	0,138	0,285	0,065	0,107	0,194	-0,087	0,348	-0,141	-0,076	0,040	0,052	0,120	0,120	#Д/0!	0,123	-0,198	0,818	-0,043	1		
Ga	0,145	0,149	-0,262	-0,025	-0,255	-0,079	0,144	0,222	0,270	0,229	0,239	0,778	-0,036	-0,022	#Д/0!	-0,199	0,176	0,118	-0,190	-0,119	1	

Выделены значимые коэффициенты корреляции

Таблица 7. Матрица парных коэффициентов корреляции химических элементов в верхневоловжских кремнях

	Al ₂ O ₃	Al ₂ O ₅	MgO	CaO	Fe ₂ O ₃	Na ₂ O	P ₂ O ₅	Ba	TiO ₂	MnO	V	Ni	Zr	Nb	Sc	La	Yb	Mo	Cu	Pb	Ag	Ga	
Al ₂ O ₃	1																						
MgO	0,728	1																					
CaO	-0,127	-0,151	1																				
Fe ₂ O ₃	0,318	0,164	-0,263	1																			
Na ₂ O	0,087	-0,118	-0,131	0,082	1																		
P ₂ O ₅	0,332	0,143	-0,268	0,183	0,107	1																	
Ba	0,213	0,095	-0,121	0,105	-0,240	0,163	1																
TiO ₂	0,297	0,143	-0,325	0,468	0,215	0,077	0,483	1															
MnO	0,813	0,946	-0,142	0,045	-0,165	0,156	0,110	0,100	1														
V	0,441	0,227	-0,096	0,740	0,506	0,257	-0,026	0,491	0,114	1													
Ni	0,183	0,201	0,551	-0,179	0,236	-0,111	-0,092	-0,214	0,181	0,086	1												
Zr	-0,163	-0,038	0,028	0,133	0,133	0,064	0,129	-0,227	0,062	-0,146	0,214	-0,201	1										
Nb	-0,177	-0,096	-0,477	-0,088	-0,088	-0,134	-0,037	-0,107	-0,184	-0,040	-0,380	-0,210	-0,053	1									
Sc	-0,225	-0,250	-0,212	-0,276	-0,276	0,303	-0,005	0,345	0,212	-0,272	-0,262	0,148	-0,019	0,389	1								
La	-0,407	-0,456	2,46E-17	-0,528	-0,362	-0,327	-0,008	-0,211	-0,334	-0,334	-0,716	-0,091	-0,208	0,514	0,373	1							
Yb	-0,381	0,007	0,115	-0,147	-0,147	-0,055	0,098	0,202	-0,012	-0,142	-0,144	-0,059	0,144	-0,226	-0,049	-0,168	1						
Mo	0,139	-0,013	-0,172	0,188	0,845	0,334	-0,118	0,123	-0,077	0,527	0,116	0,073	-0,215	0,127	-0,588	0,029	1						
Cu	0,054	-0,070	0,050	-0,025	0,851	0,105	-0,315	-0,086	-0,139	0,363	0,216	0,106	-0,228	0,163	-0,419	-0,009	0,860	1					
Pb	-0,146	-0,054	-0,164	-0,063	-0,117	0,118	0,238	0,155	-0,017	-0,320	-0,133	-0,050	0,346	0,206	0,127	0,202	0,022	-0,177	1				
Ag	-0,073	-0,148	0,161	-0,169	-0,141	-0,134	0,214	-0,105	-0,114	-0,219	-0,272	-0,325	0,009	0,160	0,151	-0,078	-0,202	-0,004	-0,267	1			
Ga	0,289	0,437	-0,261	0,057	-0,082	-0,078	-0,037	0,230	0,465	0,150	-0,125	0,414	0,141	-0,050	-0,149	-0,241	-0,038	-0,192	-0,110	-0,245	1		

Выделены значимые коэффициенты корреляции

ем (-0,72), обнаруживает прямую корреляцию с ниобием (+0,51). Интересно, что если в верхнеднепровских кремнях натрия имел слабые положительные корреляционные связи с фосфором (+0,49), никелем (+0,49) и свинцом (+0,45), то в верхневолжских кремнях проявлены очень высокие положительные коэффициенты корреляции этого элемента с медью (+0,85), молибденом (+0,84) и ванадием (+0,51).

С целью определения возможности использования геохимических данных для установления источника сырья нами проведён факторный анализ всего массива данных (включающего пробы по верхневолжским и верхнеднепровским кремням). Ему предшествовала подготовка исходных данных, заключающаяся в том, что вместо нулевых значений концентраций элементов (эти нулевые значения в действительности соответствуют концентрациям, которые находятся ниже порога чувствительности применённого аналитического метода) проставлялись концентрации, вдвое меньшие порога чувствительности метода. К примеру, если спектральным анализом в какой-то пробе не обнаружился цинк, а нижний предел определения цинка составляет 20 г/т, то в исходной матрице для статистической обработки проставлялась его концентрация в два раза меньшая, то есть 10 г/т.

При включении в факторный анализ всех элементов, определённых полуколичественным спектральным анализом, не удалось выявить преобладающие факторы, которые кардинально влияют на изменчивость системы. Поэтому следующий этап подготовки к этому виду статистической обработки заключался в отборе наиболее информативных элементов. Отбор производился методом проб и ошибок в процессе обработки трёх вариантов факторного анализа. В первом варианте участвовали 5 элементов, во втором – 18 и в третьем – 21 элемент. Во втором и третьем вариантах получены сходные результаты. Ниже приводится описание второго варианта.

В этом варианте в факторном анализе участвовали 18 признаков (Al, Mg, Ca, Fe, Na, P, Ba, Ti, Mn, V, Ni, Zr, Nb, La, Yb, Mo, Cu, Ag). В результате анализа выявлены три наиболее весомых фактора, которые в значительной мере определяют изменчивость системы. Структура первого фактора описывается положительными нагрузками шести элементов (далее приведены символы элементов и числовые значения их нагрузок в факторе): La 35,3; Mo 14,8; Yb 7,43; Zr 6,9; Mn 6,09; Cu 5,78 – и отрицательными нагрузками трёх элементов: Ti 17,61; Nb 9,64; V 7,79. Структура второго фактора выражается положительными: Yb 5,65; V 2,78; Ti 2,32; Nb 1,20 – и отрицательными: La 2,74; Mo 2,69; Zr 2,57; Mn 1,10 значениями. В структуре третьего фактора положительными нагрузками характеризуются Ti 2,81; Nb 1,97; Ni 1,85, а отрицательными – La 8,15; Yb 7,08; Mn 2,08; Cu 2,04. Эти факторы отражают сложные многостадийные геолого-геохимические процессы на протяжении всей истории кремня. Генетическая интерпретация подобных факторов даже при решении специальных геолого-геохимических задач чаще оказывается неоднозначной. Для наших целей важно то, что на графиках в координатах некоторых факторов (независимо от их природы) верхневолжские и верхнеднепровские пробы обособляются в автономные поля. Наиболее отчётливо эти две совокупности обособились в координатах первого и второго факторов (рис. 30). Для верхнеднепровских кремней характерны положительные значения того и другого факторов, а для верхневолжских – отрицательные. Одна проба верхневолжских кремней с положительными значениями первого фактора не нарушает картины, поскольку имеет самые низкие значения второго фактора. Менее строгая, хотя и довольно отчётливая, дифференциация двух выборок наблюдается в координатах второго и третьего факторов (рис. 31). Практически не разделились (за исключением нескольких точек с экстремальными значениями факторов) эти две выборки в координатах первого и третьего факторов (рис. 32).

Здесь ещё раз подчеркнём, что факторный анализ концентраций восемнадцати элементов (полученных полуколичественным спектральным анализом) наглядно демонстрирует геохимическое различие верхнеднепровских и верхневолжских кремней. И это показывает принципиальную возможность эффективного использования геохимических данных для решения локальных задач по определению источника каменного сырья. Успех в решении таких задач во многом зависит от правильного выбора и рационального комплексования приёмов статистической обработки геохимических данных.

Возникает вопрос: чем обусловлено геохимическое различие верхневолжских и верхнеднепровских кремней, образовавшихся в известняках единого обширного неглубокого раннекаменноугольного моря? По общепринятым представлениям, эти кремни являются производными диагенетического преобразования морского, преимущественно карбонатного, осадка. Если исходить из этой синседиментогенной модели образования кремней, то причинами их геохимического различия могут являться и фациальная неоднородность бассейна седиментации, и специфика гетерогенных областей сноса, и др. Геохимический облик кремней, особенно с верховьев Днепра, позволяет предположить что в их формировании принимали участие не только экзогенные, но и эндогенные геологические процессы. И тогда причиной разнородности латерально разобшённых кремней выступает геохимическая специализация восходящих тепломассопотоков.

Не менее правдоподобна и другая модель, в соответствии с которой геохимические различия являются результатом проработки каменноугольных известняков и содержащихся в них диагенетических кремней более поздними (эпигенетическими) процессами, связанными с постпалеозойскими тектоническими активизациями и локальными внедрениями не одинаковых по геохимической специализации восходящих флюидов. Участие глубинного вещества в образовании каменноугольных кремней подтверждается и геохимическими, и минералогическими данными. Содержащийся в кремнях барит обычно ассоциируется с гидротермальными процессами, а обнаруженный в образце М-1 самородный тантал является показателем того, что восходящие тепломассопотоки характеризовались сильно восстановительными свойствами. Если последняя гипотеза верна, то её следствием является важный для геологов вывод, подсказывающий новый

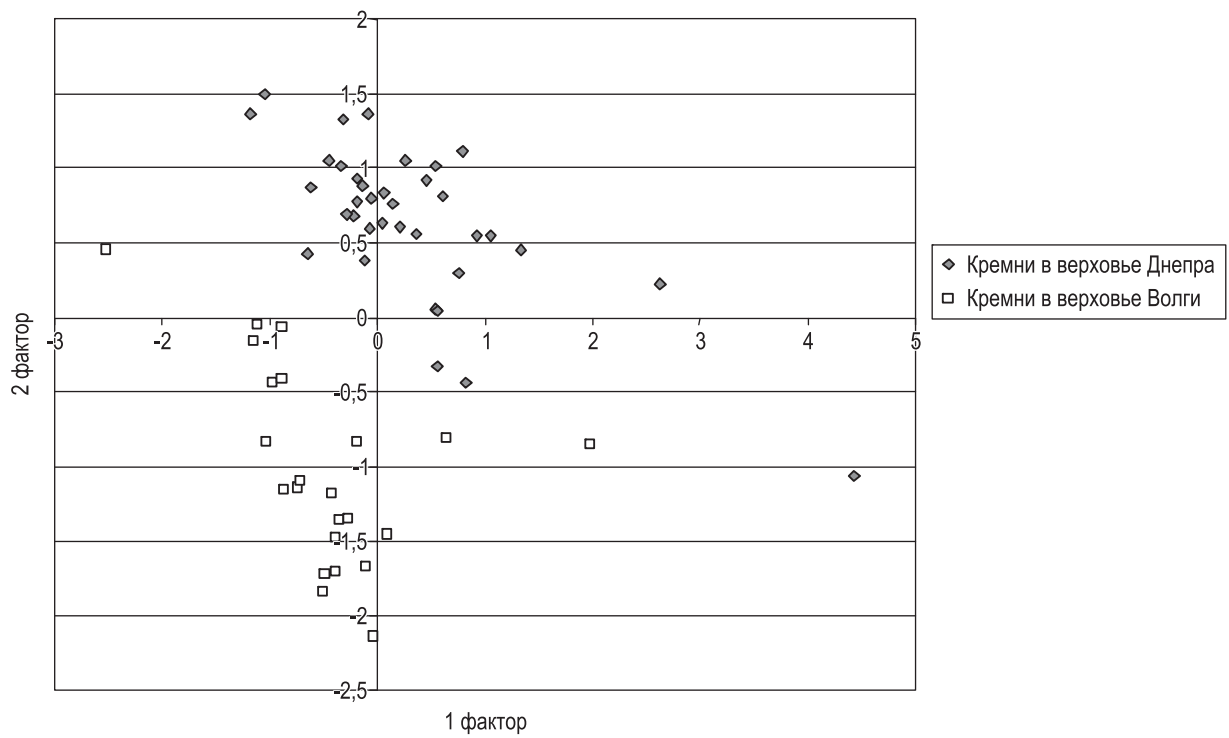

Рис. 30. Факторный анализ. Высокая степень обособления полей размещения верхневолжских и верхнеднепровских кремней в координатах первого и второго факторов

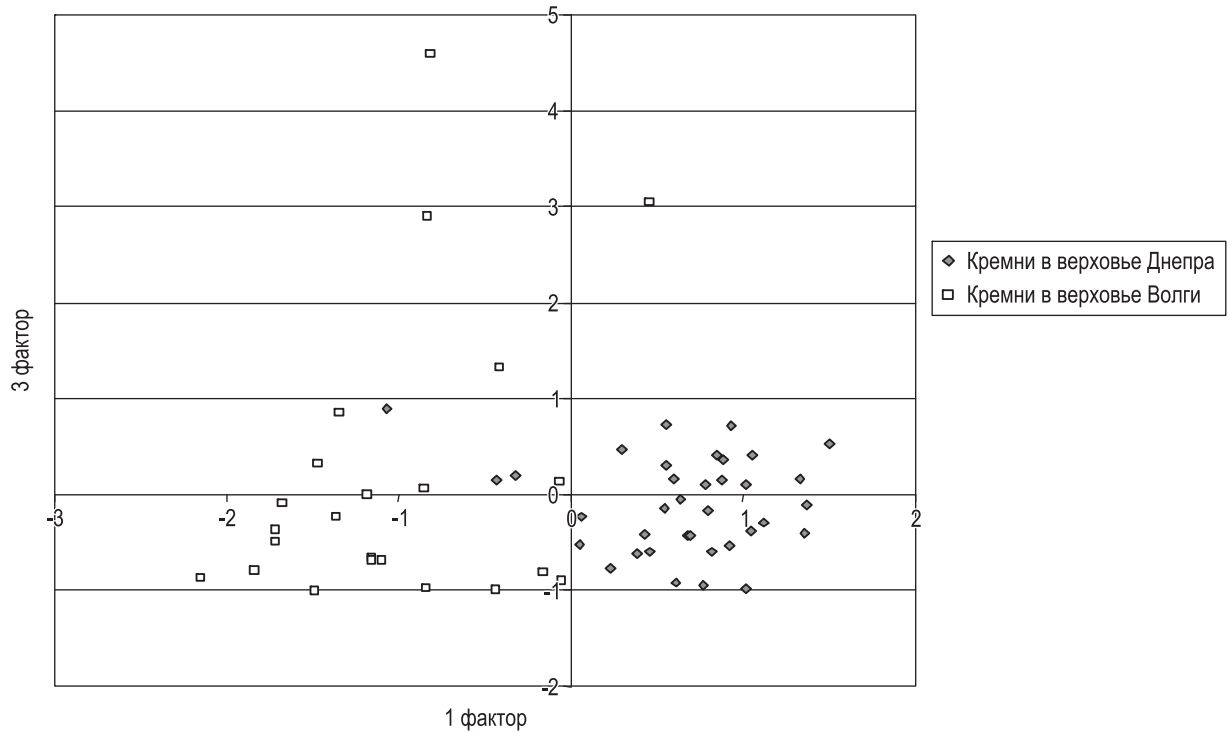

Рис. 31. Факторный анализ. Пробы верхневолжских и верхнеднепровских кремней в координатах второго и третьего факторов

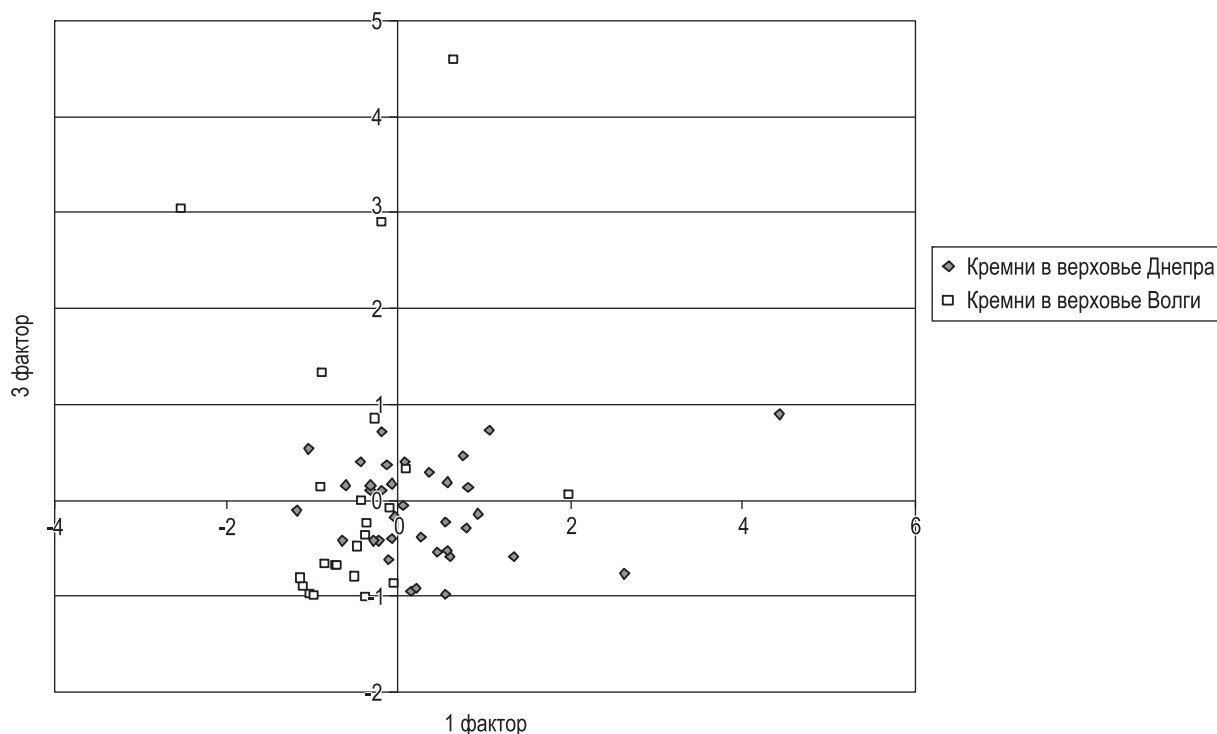

Рис. 32. Факторный анализ. Пробы верхневолжских и верхнеднепровских кремней в координатах первого и третьего факторов

подход к металлогеническим построениям на территории Русской плиты и нацеливающий металлогенистов на использование кремнёвых конкреций при картировании сквозных флюидопроводных рудоконцентрирующих систем.

Заключение

Начатые работы по определению минералого-петрографической и геохимической характеристик сырья в верховьях Волги и истоках Днепра показали перспективность их дальнейшего исследования с целью определения ориентации (или специализации) населения на избирательное использование доступных ресурсов. Бесспорно, что выявление сырьевых источников является значимым признаком привязки выделяемых археологических культур к определённым видам кремнёвого сырья в условиях широких возможностей его выбора и для определения относительной хронологии, но решение этих вопросов находится только на стадии формирования.

Сложность применения метода спектрального анализа состоит в сохранности предметов, особенно если орудия единичны. Дело в том, что применение данного метода приводит к порче или полной утрате орудия, что в принципе не допускает возможности анализа. Нередко именно единичные орудия в коллекции являются теми маркерами, по которым можно предполагать происхождение кремня. Так, в инвентаре из ранне-мезолитического слоя многослойной верхнеднепровской стоянки Вышегора I присутствует резец, выполненный из сиреневого верхневолжского кремня, выходы которого находятся на расстоянии 100–150 км, вблизи Ржева. Во всей коллекции это единственный предмет из такого сырья. Такое орудие-маркер может свидетельствовать о контактах между населением верхневолжского и верхнеднепровского регионов, однако следует отметить, что в верхневолжских коллекциях визуально верхнеднепровское сырьё не выявлено. Другим примером являются 5 орудий (наконечник стрелы, черешок наконечника стрелы и три скребка), аналогичные свидерским, изготовленные из мелового кремня. Они были найдены в пребореальных отложениях многослойной стоянки Баранова гора, вместе с инвентарём, выполненным из местного карбонового кремня. Меловой кремень этих орудий показывает не только направление контактов с белорусскими выходами мелового кремня в раннем мезолите, но даёт основания рассматривать вопросы генезиса культур мезолита на территории Верхней Волги [21].

На основании классификации, предложенной Н.Н. Гуриной, памятники в бассейнах Верхней Волги и Верхнего Днепра относятся к местам, где производили массовый сбор сырья на поверхности и последующую его обработку. Места специализированных разработок коренных пород в каменном веке здесь пока не зафиксированы, наличие стационарных нуклеусов документально не описано, хотя существование таковых

могло быть. Со времён каменного века ландшафты претерпели существенные изменения, прежде всего, за счёт антропогенного воздействия.

Картграфирование показывает, что обмен был достаточно широким, никаких природных топографических препятствий для контактов не было. Несмотря на низкую плотность населения, контакты между группами могли проходить по удобным речным маршрутам. Наличие Великого водораздела Волги, Западной Двины, Ловати и Днепра объединяли все направления возможных контактов. Транспортировка заготовок в виде нуклеусов, отщепов, двустороннеоббитых изделий и полуфабрикатов, реже – желваков в качестве «ранцевых наборов» показывает как типологический состав, так и состав одновременно используемого сырья. «Ранцевые наборы» также являются прямым свидетельством широкого распространения сырья с Валдайской возвышенности в северо-западном и северном направлениях в пределах 500–600 км, южном – в пределах 150 км (Верхний Днепр). Предварительно валдайский центр кремнеобработки можно трактовать как сырьевой источник для бескремнёвых регионов северо-запада Русской равнины.

З. Сульгостовска [22] высказала предположение о существовании специализации в транспортировке сырьевой продукции уже в финальном палеолите. Переноской сырья, по её мнению, занимались специальные люди, знающие пути передвижения, обмена на довольно значительные расстояния, превышающие 200 км. Самая дальняя стоянка, куда принесли кремнёвые артефакты из шоколадного кремня, – это Саласпилс Лаукскола, недалеко от Риги, в 700 км к северо-востоку от месторождения такого кремня возле Варшавы. Один из маршрутов, по которому распространялось сырьё, проходил вдоль берегов Балтийского моря и по бассейнам рек, в том числе на восток, вглубь материка, определяя территории “сырьевых контактов” между группами древнего населения. Сырьё распространяли не только в бессырьевые зоны. На Рыдно в нескольких скоплениях зафиксирован деснинский кремь, вероятно, оставленный в качестве продуктов обмена, как предполагает З. Сульгостовска, на гематит (охру) [22]. Л.Я. Крижевская предполагала, что продуктами обмена могли быть шкуры – кремнёвые заготовки [23]. Эта тема требует специального изучения. Контакты в южном направлении не изучены, но на территории Верхнего Днепра в финальном палеолите – раннем мезолите также существовал центр кремнеобработки, о чём свидетельствует богатый состав археологических коллекций, но пути распространения кремня из него не изучены.*

* Работа выполнена по проекту РФФИ № 17-06-00319.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Синицына Г.В., Колокольцев В.Г.* Разновидности кремневого сырья как хронологический показатель стоянок каменного века Валдая // *Археологические Вести.* № 14. СПб., 2007.
2. *Крижевская Л.Я.* Неолитические мастерские Верхнего Поволжья // *МИА.* Вып. 13. М.; Л., 1950.
3. *Касымов М.Р., Крижевская Л.Я.* О классификации кремнеобрабатывающих мастерских // *СА.* 1969. № 1.
4. *Гурина Н.Н.* Древние кремнедобывающие шахты на территории СССР. Л., 1976.
5. *Селиванова Н.Б., Галибин В.А.* Определение источников кремня для памятников каменного века на территории Верхней Волги: Тезисы докладов XI конгресса ИНКВА. Т. 3. М., 1982.
6. *Селиванова Н.Б.* Методика определения источников кремня для археологических памятников // *III Seminar on petroarchaeology.* Plovdiv, 1984.
7. *Галибин В.А., Тимофеев В.И.* Новый подход к разработке проблемы выявления источников кремневого сырья для культур каменного века Восточной Прибалтики // *Археологические Вести.* № 2. СПб., 1993.
8. Проблемы хронологии памятников рубежа плейстоцена – начала голоцена северо-запада Русской равнины / *Г.В. Синицына, Е.Г. Гуськова, О.М. Распопов, А.Г. Иосифиди, М.А. Кулькова* // Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы). СПб., 2013.
9. *Синицына Г.В.* Сырьё как показатель определения возраста стоянок каменного века Валдая // *Археологические Вести.* № 13. СПб., 2006.
10. *Синицына Г.В.* Ланино I – памятник каменного века // *Каменный век Верхневолжского региона.* Вып. 2. СПб., 1997.
11. *Синицына Г.В.* Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб., 1996. (Археологические изыскания. Вып. 39)
12. *Спиридонова Е.А., Алешинская А.С.* Опыт применения палинологического анализа для периодизации мезолита Волго-Окского междуречья // *ТГИМ.* Вып. 103. М., 1999.
13. *Sinityna, G.V.* Blade Technology of Eastern Bromme (Podol Culture, Valdai Upland, Allerød–Dryas III, 11.8–10.2 ka) // *Prehistoric Technology (40 Years Later). Functional Studies.* British Archaeological Reports (BAR). Int. series 1783. Oxford, 2008.
14. *Синицына Г.В., Спиридонова Е.А., Лаврушин Ю.А.* Природная среда и возможные миграции первобытного человека на рубеже плейстоцена – голоцена на севере Русской Равнины и Скандинавии // *Первые Скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты.* СПб., 1997.
15. *Синицына Г.В., Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А.* Геоархеологические объекты финального палеолита: Баранова гора, Подол III/1, Вышегора I на Великом водоразделе Волги и Днепра // *Феномен геоархеологической многослойности Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня открытия Б.Э. Петри Улан-Хады.* Иркутск, 2012. (Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 1)
16. *Синицына Г.В., Зарецкая Н.Е.* О новой дате валдайской культуры // *ТАС.* Вып. 5. Тверь, 2002.
17. *Гурина Н.Н.* Верхневолжские макролиты в свете новых исследований // *Studia archaeologica in memoriam Harri Moora.* Tallinn, 1970.
18. *Синицына Г.В.* Предметы символической деятельности на стоянках каменного века северного берега озера Волго в Тверской области // *Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Лепенка.* Липецк, 2006.

19. Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. М., 1982.
 20. Сериков Ю.Б. Использование древним человеком окаменелостей и костей вымерших животных // Эволюция жизни на Земле: материалы международного симпозиума. Томск, 2005.
 21. Синицына Г.В., Спиридонова Е.А. О хронологии и распространении свидерской культуры в бассейне Верхневолжских озер // Stratum plus. № 1. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест. 2017.
 22. Sulgostowska, Z. Kontakty społeczności późnopleistoceny i mezolitycznych między Odrą, Dźwinią i Górnym Dniestrem. Studium dystrykcji wytworów ze skał krzemionkowych. Warszawa, 2005.
 23. Крижевская Л.Я. К вопросу о назначении неолитических поселений, расположенных у мест добычи кремневого сырья: [По поводу: Вrayан К. Flint-quarries-the sources of tools at the same time the factories of the American Indians. – Cambridge Mass, 1950. (Papers of the Peabody Museum. Т. 17. № 3)] // СА. 1950. № 1.

*ФГБУН «Институт истории материальной культуры РАН»,
Санкт-Петербург*

*ФГБУН «Всероссийский научно-исследовательский геологический институт им. А.П. Карпинского»,
Санкт-Петербург*

G. V. Sinitsyna, V.G. Kolokol'tsev

**LITHIC RAW MATERIALS AT THE MULTI-LAYERED SITES PODOL III/1 AND VYSHEGORA I
ON THE WATERSHED OF THE VOLGA AND THE DNIEPER**

Summary

The paper provides a geochemical characteristic of lithic raw materials from the multilayered workshop/occupation sites of Podol III/1 and Vyshgora I. The characteristic is based on the results of semi-quantitative spectral analyses of 44 chemical elements. The comparative study of the sources of raw materials in the Upper Volga and Upper Dnieper basins has revealed differences in their composition.

The study of raw materials helps to reveal inter-group contacts over the territory of 100–200–600 km. There are grounds to think that the Valdai Upland became an area where a flint working centre formed in the Mesolithic. The raw material strategy predetermined the economic and cultural peculiarities and importance of the region. The workshop/occupation sites situated close to the sources of raw materials are dominated by local rocks. Single tools made of Cretaceous flint appear on the Valdai Upland in the Early Mesolithic. They mark the direction and distance of inter-group contacts. The Valdai flint working centre served as the main source of raw materials for the flint-free areas of the Northwestern Russian Plain.

*Federal State Budgetary Institution of Sciences
“The Institute for the History of Material Culture,
Russian Academy of Sciences”,
18, Dvortsovaya Emb., Saint-Petersburg, 191065,
Russia
G. V. Sinitsyna – E-mail: gv-sinitsyna@yandex.ru*

*Federal State Budgetary Institution of Sciences
“All-Russian Scientific Research Geological Institution named after A.P. Karpinsky”,
74, Sredniy Av. of Vasilyevsky island, Saint-Petersburg, 199106,
Russia
V.G. Kolokol'tsev – E-mail: kolokoltsev@rambler.ru*

**Л.Л. Косинская, Е.Н. Дубовцева, И.В. Усачёва, Е.А. Юдина,
А.А. Остроушко, М.О. Тонкушина, Н.А. Кулеш**

ОХРА В ПАМЯТНИКАХ КАМЕННОГО ВЕКА ТАЁЖНОЙ ЗОНЫ ЗАУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Опираясь на данные археологии, можно говорить о достаточно широком распространении с глубокой древности традиции использования минеральных пигментов для окрашивания различных объектов и предметов, создания изображений. Среди красок значительную долю составляли пигменты красной части спектра, условно объединяемые термином «охра».

Несколько лет коллектив специалистов: археологов и естественников Уральского федерального университета, Института истории и археологии УрО РАН, Института проблем освоения Севера СО РАН – изучает охру на памятниках таёжной зоны Западной Сибири и Зауралья. Акцент сделан на физико-химические свойства пигментов и технологию их изготовления, что обусловило необходимость привлечения физико-химических методов и методов экспериментальной археологии.

Долгое время полноценная публикация находок охры из археологических раскопок была не особенно распространена. Сведения подавались выборочно, обычно исследователи ограничивались семантической трактовкой конкретных археологических контекстов. В результате сопоставлять данные разных памятников оказалось непросто, а попытки обобщения таких материалов на рассматриваемой территории вообще не предпринимались. Чтобы конкретизировать представление об объекте данного исследования, требовалось ответить на два вопроса: что такое охра наших источников (технологический аспект); каково культурное и функциональное содержание этого явления.

Для ответа на второй вопрос пришлось собирать базу данных по фактам обнаружения охры на памятниках Зауралья и Западной Сибири, опираясь на публикации и доступные архивные материалы. На данный момент она насчитывает 117 позиций. С другой стороны, нами начато формирование коллекции археологических образцов (более 150 с 25 памятников), а также коллекции образцов предполагаемого железосодержащего сырья и вмещающих слоёв (почвенные колонки) (свыше 290). Они обеспечили исходную выборку источников, на которых решались поставленные задачи: изучение химического состава охры, способов её изготовления и применения, сырьевых предпочтений, привязка к вероятным источникам сырья. Важной методологической задачей было определение набора физико-химических методов анализа, оптимального для решения поставленных вопросов.

Представляем на суд коллег первые предварительные результаты.

Территориально-хронологические рамки нашего исследования включают Зауралье и Западную Сибирь. Сбор данных о памятниках, где встречена охра, показал, что наибольший объём информации относится к памятникам неолита – энеолита таёжной зоны. Выяснилось, что наиболее массово и разнообразно охра представлена в Сургутском Приобье, Кондинской низменности, в Северном Зауралье начиная с мезолита, сохраняясь также в бронзовом, раннем железном веках и даже в Средневековье (рис. 1). В подтаёжной и лесостепной зонах (Южное, отчасти – и Среднее Зауралье, Тымско-Томско-Нарымское и Верхнее Приобье, Обь-Иртышье, Тоболо-Иртышье) упоминания охры на памятниках гораздо более редки, верхняя граница традиции её использования, как правило, не выходит за рамки энеолита. Мы сосредоточили своё внимание на памятниках каменного века таёжной зоны.

Культурно-хронологические вариации явления. В каменном веке исследуемого региона различия по формам проявления и масштабам (массовости) применения охры прослеживаются не только между памятниками разных природно-ландшафтных зон, как показано выше, но и между памятниками отдельных районов таёжной зоны, синхронными в пределах археологических периодов, то есть речь может идти уже о различиях культурных традиций.

Археологические контексты. На памятниках охра встречается в виде окрашенных прослоев и линз рыхлого, чаще песчаного грунта, в виде крошки и мелких кусочков в культурных отложениях, иногда в сопровождении кусков сырья (лимонита), а также на поверхности изделий. Функциональные группы объектов, содержащих охру, можно подразделить на бытовые, культовые, объекты неясного назначения (часть из них, возможно, имели производственный характер), а также изделия (керамика, предметы из кости и камня).

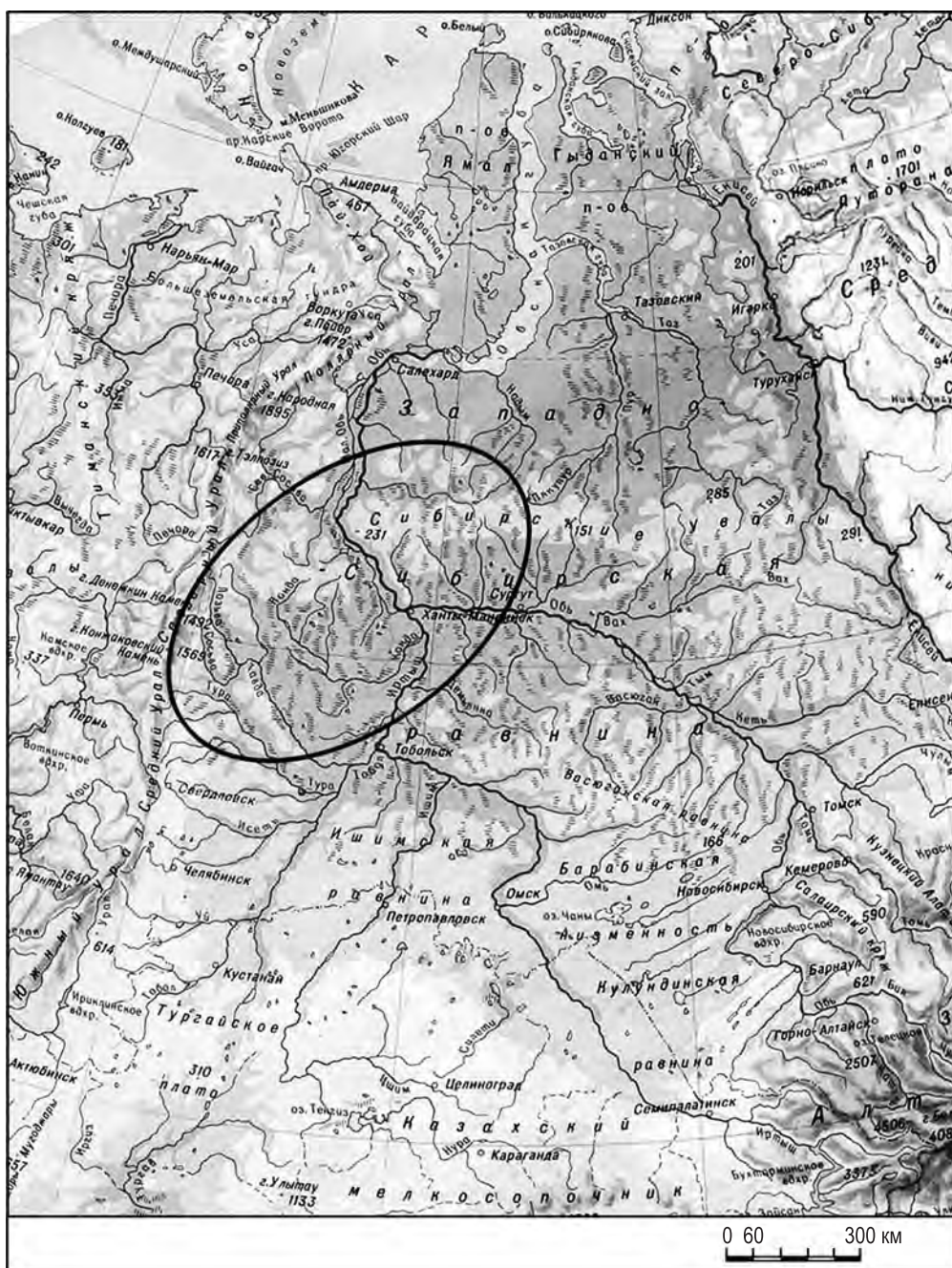

Рис. 1. Районы максимального распространения традиции использования охры

Наиболее распространённой группой в таёжных районах оказались бытовые объекты – жилища (рис. 2). Здесь выявлены следующие варианты локализации охры в жилищах и на поселениях:

- котлован: окрашенный слой заполнения;
- пол: полная посыпка дна котлована (прослойка мощностью 2–20 см), посыпка привходовой части; пятна вокруг очага, под очагом, вдоль стен, в углах, в канавках;
- нары: сплошная посыпка, пятна. На поселении Чэстыйяг на полу и на нарах жилищ прослежена охра разного цвета [1, с. 297];
- ямы в жилищах (в том числе столбовые): заполнение или прослойки на дне;
- вокруг котлована: пятна на древней дневной поверхности под обваловкой, по внешнему краю обваловки; пятна и включения (крошка) в культурном слое межжилищного пространства, во рвах и ямах.

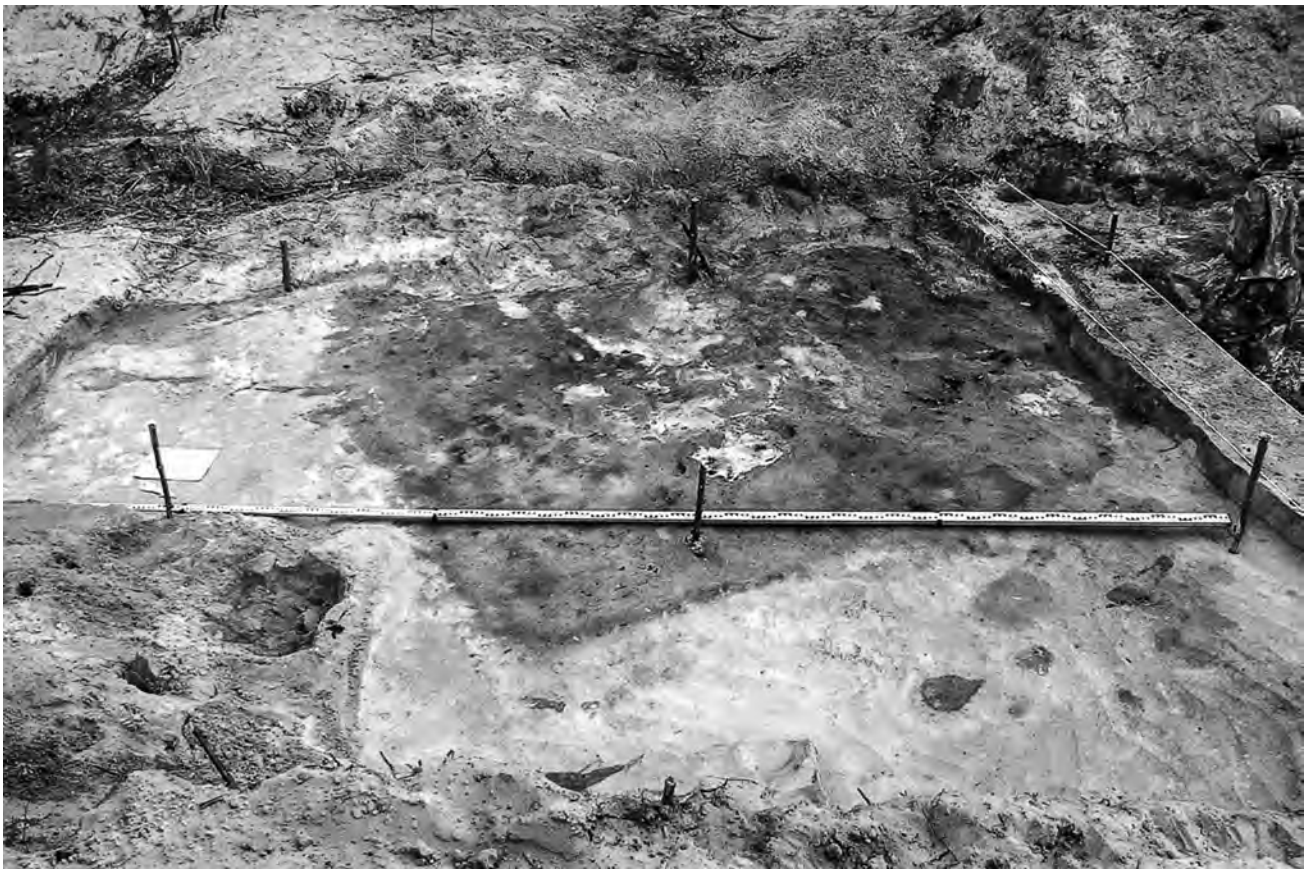

Рис. 2. Селище Барсова Гора II/42, объект 6. Пол котлована жилища, полностью покрытый охрой
(Фото Е.Н. Дубовцевой)

В северных районах случаи фиксации охры отмечены уже в мезолите – жилища на поселениях Геологическое III, Леуши III [2, с. 26, 30]. Она типична для поселений амнинского [3, с. 147–153] и егтовского [4, с. 5; 5, с. 240] культурных типов раннего неолита, быстринской [6, с. 241–242; 7, с. 58], сумпаньинской [8, с. 32; 9; 10; 11, с. 151–152, 159] культур и барсовогорского культурного типа [12, с. 23] среднего и позднего неолита, атымьинского и волончинского культурных типов энеолита [13, с. 59; 14, с. 47]. В эпоху металла традиции угасает либо видоизменяется: примазки, крошка, кусочки охры и лимонита, гальки-тёрочки со следами охры – скорее указывают лишь на сам факт её изготовления в жилищах вплоть до кулайского времени раннего железного века [15; 12, с. 51].

В подтаёжном и лесостепном Зауралье, Прииртышье, в Барабинской лесостепи в материалах исследований неолитических жилищ изредка упоминаются только отдельные пятна охры, в том числе у очагов, либо кусочки (крошка) у стен, в ямах. Изредка охрой окрашено заполнение ям, которые часто трактуются как культовые [16, с. 50; 17, с. 63, 103; 18, с. 98–100, 113].

Культовые комплексы (погребения, святилища, писаницы, прочие сооружения) в тайге и лесостепи Зауралья содержат охру вплоть до эпохи бронзы, в тайге Западной Сибири – включая бронзовый и ранний железный века, но детальный анализ погребений мы пока не проводили. Частое присутствие охры, наряду со следами огня, отмечают исследователи культовых холмов – своеобразных святилищ неолита в Северном Зауралье и Нижнем Приобье – Усть-Вагильского и Чёртовой Горы [19, с. 144; 20, с. 155–156].

В последние годы в лесной зоне открыты уникальные сооружения. Это памятник Чепкуль 21а – полихромный культовый комплекс неолитической козловской культуры, в котором охра была одним из важнейших пигментов [21; 22; 23]. На многослойном и многокомпонентном памятнике Барсова Гора II/42 в Сургутском Приобье зафиксирован необычный объект 5: слой охристого песка, в плане выглядевший как дуговидная дорожка. Длина сохранившейся части около 20 м, ширина 3–4 м, толщина охристого слоя дорожки – до 30 см. Цвет варьировал от желтовато-красного до насыщенного тёмно-красного, почти бордового, в зависимости от концентрации пигмента (рис. 3). В основании охристого слоя прослежены пять крупных ям (до 1,5 м в поперечнике) с аналогичным заполнением, а также глубокая (0,46 м) столбовая яма диаметром 0,3 м. Единичные мелкие фрагменты керамики позволяют ориентировочно датировать этот объ-

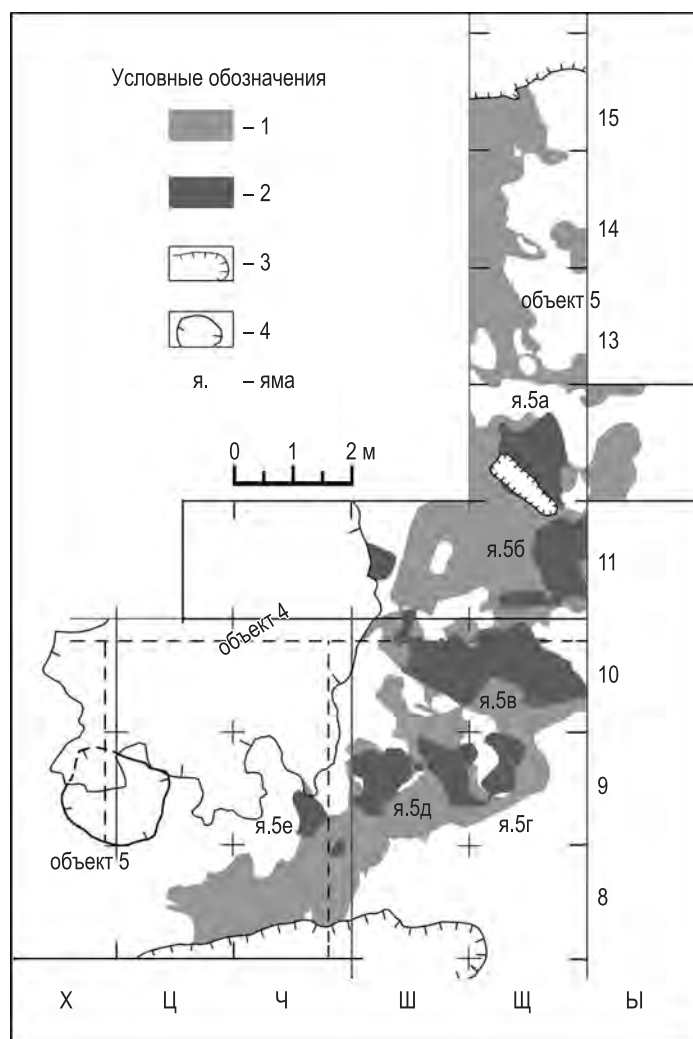

Рис. 3. Селище Барсова Гора II/42, объект 5. План. Условные обозначения: 1 – охристый слой; 2 – ямы в основании охристого слоя; 3 – современные нарушения; 4 – прочие объекты

ект неолитом – энеолитом [24]. Недалеко от него располагался другой уникальный объект 12 (рис. 4): яма с полихромным охристым заполнением, условно обозначенным как «палитра» [25]. Судя по стратиграфической ситуации, яма 12 старше объекта 5: последний частично перекрывал прослойку погребённого подзола над объектом 4 (углублённая постройка неолита или энеолита), которым, в свою очередь, был нарушен край ямы 12. К сожалению, яма-«палитра» находок не содержала. Аналогии ей нам неизвестны.

Изделия. Чаще всего охра встречается на керамике. Установлены серийные случаи окрашивания внешней и внутренней поверхностей сосудов, а также добавления охристой крошки в тесто [26]. Эта традиция выявлена в тех же районах и культурах, что и жилища с охрой (неолит – энеолит – ранняя бронза Сургутского Приобья и Кондинской низменности). К мезолиту относится значительное число костяных наконечников стрел из культовой пещеры Камень Дыроватый на Среднем Урале. Часть из них покрыта гравировками, закрашенными охрой [27, с. 104]. В Среднем Зауралье известны находки фрагментов берестяных изделий, орнаментированных охрой, которые предположительно датированы началом эпохи бронзы [28, с. 45].

Приведённый перечень случаев присутствия охры в археологических памятниках не претендует на полноту, но даже он демонстрирует богатый информационный потенциал этого источника. Уже простой обзор (первый уровень формализации – упорядочение материала) выявил новые данные об ареале, формах использования охры, культурно-хронологических особенностях, отражающих, вероятно, разницу традиций.

Как уже упоминалось выше, на основе собранной коллекции образцов решался ряд конкретных вопросов: определение химического состава, привязка к возможным типам сырья, технология изготовления охры; критерии различения природных окрашенных грунтов, прокалов и намеренно окрашенных охрой отложений (подсыпок). Программа включала серии экспериментов: изготовление охры из лимонитов, орт-

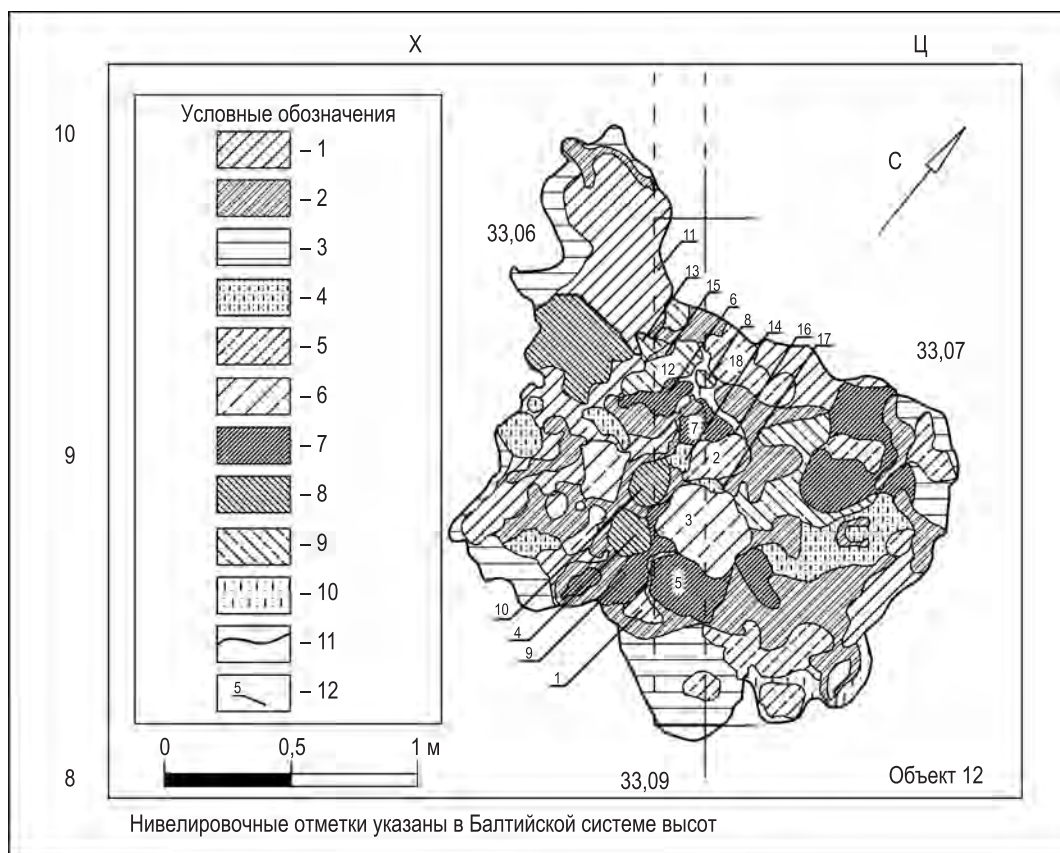

Рис. 4. Селище Барсова Гора II/42, объект 12. Придонное заполнение (по: [25, с. 60])

Условные обозначения: 1 – плотный однородный густо-коричневый, жёлто-коричневый, желтовато-красноватый песок с угольками – заполнение объекта 4; 2 – оподзоленный серый, коричнево-серый углистый песок – культурный слой, следы органики в объектах; 3 – пятнистый («рваный») коричневый, красный, бледный песок – культурный слой, перемешанный с материком; 4–9 – охристое заполнение объекта 12, песок: 4 – бежевый, серовато-бежевый; 5 – оранжевый; 6 – бледно-оранжевый; 7 – кирпично-красный; 8 – буровато-жёлтый; 9 – бледно-оранжево-красноватый; 10 – пятнистый красно-серо-бледно-жёлтый песок – затёки охры и угля в материк; 11 – границы объектов (объекта 12 и выклинивающихся слоёв объекта 4); 12 – места и номера забора почвенных образцов

зандов и прочих типов природных ожелезнений, сопоставление экспериментальных и археологических образцов по внешнему виду, химическому составу и свойствам; окраска охрой рыхлых грунтов, деревянных конструкций, использование охры в керамическом производстве и в составе композитных клеящих материалов.

Одной из важнейших задач была отработка методики пробоподготовки и анализа различными физико-химическими методами, а также оценка их эффективности. Полнота и уровень точности результатов анализов напрямую зависели от количества и характера имеющихся проб, а потому сильно различались от территории к территории. Наиболее представительные и надёжные выборки, включающие серию образцов археологического пигмента, пробы вмещающего грунта (в некоторых случаях – всей естественной почвенной колонки и неокрашенных участков культурных слоёв), а также образцы предполагаемого сырья, удалось сделать для двух территорий: урочища Барсова Гора (Сургутский район ХМАО-Югры, Тюменская область) и урочища Уыр-пай (Надымский район ЯНАО, Тюменская область). Они и послужили полигоном для решения основных задач исследования.

Элементный состав образцов определялся методом рентгенофлуоресцентной спектроскопии [29], который позволяет проводить качественный и количественный элементный анализ твердофазных образцов и растворов. Поскольку элементный состав не претерпевает изменений при механических и термических воздействиях, он пригоден для сравнения образцов охристой краски с вероятным сырьём. Элементный анализ не даёт ответов на вопросы о температуре и длительности термического воздействия на будущий краситель, окислительном или восстановительном режимах обжига, степени измельчённости обжигаемого сырья и т.д. Конкретные химические соединения, в которые входят элементы, также остаются за пределами анализа.

Сопоставительный анализ образцов с разных памятников Барсовой Горы выявил близкий как качественный, так и количественный элементный состав сырья (лимонита) и охры в пределах указанного района. Относительное количество железа и кремния в проанализированных образцах соответствует показателям, характеризующим охру, полученную из железной руды. В связи с этим в качестве одного из вероятных вариантов рудного сырья можно предположить местный лимонит, часто встречающийся на территории урочища.

Анализ образцов методом оптической микроскопии позволил установить, что большинство рыхлых образцов охры имеют в своём составе две части – частицы песка и ярко окрашенную мелкодисперсную охру. В ряде случаев мелкими частицами охры покрыты значительно более крупные частицы песка размером от 20 до 600 мкм (рис. 5). Кроме того, выявилась характерная окраска охристых частиц, благодаря которой данный метод оказался эффективным для обнаружения следов охры в подсыпках полов жилищ и на керамических изделиях даже в тех случаях, когда визуально она не фиксировалась. Иногда таким методом удаётся отличить охру от естественно ожелезнённых песков и глин.

Отметим, что для систематизации полученных данных, унификации результатов визуальных и микроскопических исследований, повышения их воспроизводимости и возможности полноценного обмена данными между разными группами учёных мы использовали для оценки цветовой гаммы охры стандартизованную цветовую шкалу (система Манселла).

Методом сканирующей электронной микроскопии была изучена морфология частиц охры, которые оказались сложными наноструктурированными агрегатами. Реализованная в электронном сканирующем микроскопе функция точечного элементного анализа позволяет достоверно отличать частицы охры от примесей песка, угля и т.д. На микроскопическом уровне образцы археологической охры, как и охры, полученной экспериментально путём обжига лимонита, представляют собой характерные пористые агрегаты, содержащие преимущественно соединения железа, а также кремний и небольшие примеси других элементов. Они имеют иерархическое строение: состоят из более мелких округлых или слегка уплощённых, иногда игольчатых, также пористых частиц размером порядка 0,3–1 мкм, а те, в свою очередь, – из частиц от 20–30 до 100 (иногда 200) нм. Таким образом, морфология охры может служить дополнительным подтверждением её антропогенного происхождения.

На материалах памятников Ет-то I и Ет-то II был отработан алгоритм определения природы пигментации слоёв на песчаных типах почв (естественное ожелезнение либо окрашивание) путём привлечения вышеописанного «пакета» апробированных методов. Анализу подверглась серия из 50 образцов, отобранных для выявления признаков, отличающих оксидную охру антропогенного происхождения от других образований. Образцы включали пробы ожелезнённого иллювиального горизонта естественной почвенной колонки, визуально неотличимые от образцов запесоченной охры, экспериментальные, обожжённые на костре пробы природного элювиального почвенного горизонта и ортзанда, а также образцы культурных отложений красновато-розового оттенка памятника Ет-то II. Для последних удалось показать, что цветность об-

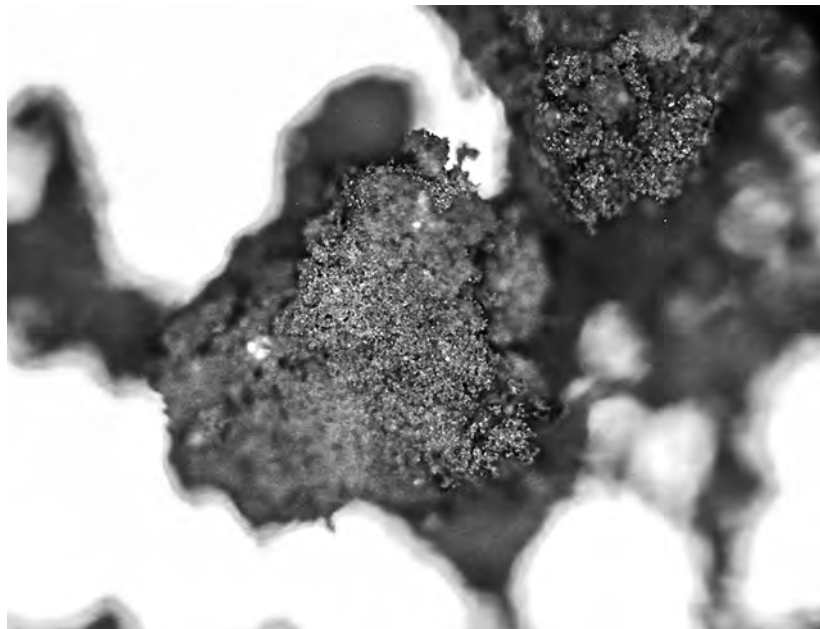

Рис. 5. Частицы охры на песчинках. Увеличение $\times 5$. Селище Барсова Гора II/42, объект 6. Проба песка из охристой прослойки пола на дне котлована жилища (Фото М.О. Тонкушиной)

разцов в ряде случаев связана с природным ожелезнением. Обоженные почвенные пробы элювия и ортзанда даже в случае содержания железа, количественно сопоставимого с аналогичными показателями для запесоченной охры, имеют принципиально иную морфологию. В единственном случае (образец обожженной почвенной элювиальной пробы) были обнаружены частицы ожелезнений, близкие по составу и морфологии к частицам охры.

Применение метода лазерного светорассеяния к образцам окрашенных природных песков, охры с памятников, а также к экспериментальным образцам показало, что, с одной стороны, по размерным показателям «археологические» охристые частицы близки к таковым экспериментальных образцов, которые перетирались в ступке в течение 45–60 минут. С другой стороны, распределение размера частиц охры оказалось отличным от такового в образцах ожелезненного песка из естественной почвенной колонки.

Отметим, что в ходе исследований были использованы и некоторые другие физико-химические методы: такие как термический анализ (термогравиметрия в сочетании с дифференциальной сканирующей калориметрией и масс-спектрометрией). Данный метод, так же как описанные выше, позволяет выявить особенности, сходство и различие исследуемых материалов. В частности, это относится к определению наличия фазовых переходов кварцевых частиц, которое может указывать на то, подвергались ли они до этого воздействию высокой температуры. В некоторых случаях полезно определение и сравнение степени гидратированности образцов, температуры их дегидратации и т.п. Гидратирование и дегидратация, помимо прочих факторов, способны влиять на окраску охры.

Как показали наши эксперименты с костровым обжигом, обжигом в муфельной печи и анализ опубликованных данных, по цвету образца можно примерно судить о режиме обжига (диапазон температур, окислительная или восстановительная среда), принимая во внимание элементный состав образца, а именно те элементы, которые, помимо железа, могут влиять на его цвет. Ярко-красная охра получается при окислительном обжиге до температуры порядка 800–900°C; при более высоких температурах за счёт спекания частиц либо при восстановительном режиме охра приобретает бурые и коричневые цвета. В составе охры в условиях восстановительной среды (засыпка углями или органическим материалом типа листьев, хвои, мелких веток) возникает фаза твёрдых растворов на основе магнетита Fe_3O_4 (содержит восстановленное железо), тогда как основным железосодержащим компонентом ярко-красной охры являются твёрдые растворы на основе гематита Fe_2O_3 . Это подтверждают данные рентгенофазового анализа образцов, сопоставленные с результатами магнитного анализа. Последний даёт возможность количественно оценить содержание магнетита.

Благодаря представительности выборки на территории урочища Барсова Гора удалось выявить локальные маркерные элементы, что повлияло на функциональную атрибуцию одного из неолитических комплексов – упоминавшегося выше объекта 12 селища Барсова Гора П/42, так называемые палитры [30]. Результаты анализов позволили говорить о том, что образцы состоят из светлого песка, облепленного мелкодисперсными частицами охры. Качественный элементный состав разноцветных охр оказался практически одинаковым. Полученные данные были сопоставлены с элементным составом местного сырья (конкретный лимонит), а также проб с других объектов и памятников урочища Барсова Гора. Результатом послужил доказательством того, что для изготовления цветного заполнения всех линз объекта 12 было использовано идентичное сырьё: все образцы содержали галлий (Ga), не встреченный в аналогичной концентрации ни в одном другом образце, включая пробы с остальных объектов селища Барсова Гора П/42, для которых логично было бы предположить тяготение к территориально близким сырьевым источникам. Вероятно, для изготовления пигментов объекта 12 была использована руда, взятая буквально на одном небольшом участке, где наблюдался локальный всплеск редкого химического элемента. Это, в свою очередь, позволяет предполагать, что сырьё для всех пигментов было получено в весьма краткий (относительно времени формирования объекта) временной период – для создания комплекса ямы 12. Единство сырья при цветовом разнообразии заполнения ямы косвенно подтвердило предположение о зависимости цветности пигмента от различий в условиях термообработки, иными словами – о возможности сознательного изготовления пигмента разных цветов и оттенков.

В ходе обработки методики комплексного анализа были проведены и другие исследования, позволившие решить некоторые частные вопросы. Например: определение характера окрашивания поверхностей глиняных изделий (намеренное либо случайное окрашивание от вмещающих слоёв, конкретные методы нанесения пигмента, вероятные составы «красок»); определение характера охры (естественная либо искусственная примесь) в составе глиняного теста древних керамических изделий [31; 32]; выявление наличия окрашенного слоя на поверхности изделий в условиях «выцветания» охристого пигмента; отработка методики выявления следов термического воздействия на пигмент (по морфологии микрочастиц, методом электронной микроскопии). В настоящее время проводится анализ серии мезолитических костяных наконечников стрел из пещерного святилища Камень Дыроватый (коллекция Нижнетагильского музея). Мы рассматриваем и проверяем гипотезу об использовании в мезолите Зауралья охры как наполнителя композитного клея на основе смол местных растений (ель, сосна). Подобные добавки могли служить для регулирования скорости плавления и застывания клея, придания составу большей пластичности на стадии изготовления изделия и большей его прочности после завершения. Наконец, анализ нескольких десятков образцов археологического пигмента на указанных территориях (речь идёт о порошковидном красителе, использовавшемся для «подсыпок» полов жилищ, открытых площадок и т.д.) позволил в большинстве случаев предположить в качестве наиболее вероятного сырья повсеместно доступный в этих местах лимонит. Экстраполировать результаты

анализов двух небольших микрорайонов на весь регион пока ещё рано. Но не исключено, что в случае увеличения выборки данных это может стать одной из характеристик развития традиции именно Западносибирского региона и, возможно, его отличием, например от Зауралья, где, по мнению исследователей, спектр использовавшегося сырья мог быть куда шире (гематит, силикатная охра и т.д.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васильев Е.А.* Раскопки неолитического поселения Чэс-Тый-Яг на Приполярном Урале // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого: сборник статей. Вып. 2 / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск, 2004.
2. *Беспрозванный Е.М.* Мезолит таежной зоны Западной Сибири. (Предварительные итоги изучения) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1: сборник статей. Екатеринбург, 1997.
3. *Морозов В.М., Стефанов В.И.* Амня I – древнейшее городище Северной Евразии? // Вопросы археологии Урала: сборник научных трудов. Вып. 21 / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург, 1993.
4. *Косинская Л.Л.* Поселение Ет-то I и некоторые проблемы неолита севера Западной Сибири // Ямал между прошлым и будущим: приоритеты развития: Материалы Всероссийской научной конференции. Салехард, апрель 2005. Екатеринбург; Салехард, 2005.
5. *Косинская Л.Л.* Неолит Надым-Пуровского водораздела: источники и проблематика // Вестник Томского государственного университета. История. № 3 (23). Томск, 2013.
6. *Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А.* Неолитические комплексы селища Барсова Гора II/19 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сборник статей. Вып. 9 / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск, 2012.
7. Поселение Быстрый Кульёган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья / Коллективная монография под ред. Л.Л. Косинской и А.Я. Труфанова. Екатеринбург; Сургут, 2006.
8. *Ковалева В.Т., Устинова Е.А., Хлобыстин Л.П.* Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне Конды // Древние поселения Урала и Западной Сибири: сборник научных трудов / Отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск, 1984.
9. *Гаджиева Е.А., Кокшаров С.Ф.* О раскопках поселения Геологическое VII // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар, 1989.
10. *Клементьева Т.Ю., Круземент С.А., Погодин А.А.* Поселения эпохи неолита на севере Западной Сибири (бассейн Конды): полевые исследования 2007–2011 гг. // Первобытные древности Евразии: к 60-летию Алексея Николаевича Сорокина / Отв. ред. С.В. Ошибкина. М., 2012.
11. *Погодин А.А.* Поселение Большая Умытья 9: результаты полевых исследований 2007–2008 гг. в Советском районе ХМАО-Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 8 / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск, 2010.
12. *Чемякин Ю.П.* Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Сургут; Омск, 2008.
13. *Стефанов В.И., Кокшаров С.Ф.* Северное Зауралье накануне бронзового века // СА. 1990. № 3.
14. *Кокшаров С.Ф.* Памятники энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург, 2009.
15. *Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А.* Раскопки объектов кульёганского типа селища Барсова Гора II/19 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сборник статей. Вып. 8 / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск, 2010.
16. *Кернер В.Ф.* Поселение Исетское Правобережное // Неолитические памятники Урала: сборник научных трудов / Отв. ред. Л.Я. Крижевская. Свердловск, 1991.
17. *Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю.* Неолит Среднего Зауралья: Боборькинская культура. Екатеринбург, 2010.
18. *Петров А.И.* Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье: монография. Омск, 2014.
19. *Панина С.Н.* Археологические исследования на Усть-Вагильском холме // Вопросы археологии Урала: сборник научных трудов. Вып. 25 / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург; Сургут, 2008.
20. *Сладкова Л.Н.* Чертова Гора – неолитический памятник в бассейне Конды // Вопросы археологии Урала: сборник научных трудов. Вып. 25 / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург, 2008.
21. *Усачева И.В.* Чепкуль 21а – ритуальный комплекс? // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Вып. 1. Екатеринбург, 2009.
22. *Усачева И.В.* Чепкуль 21а. Происхождение розового слоя: наблюдение и эксперимент // Шестые Берсовские чтения: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 2011.
23. *Усачева И.В., Ларина Н.С.* Цветные почвы неолитического ритуального комплекса Чепкуль 21а: состав и происхождение // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 1. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011.
24. *Дубовцева Е.Н.* Отчет о НИР. Археологические спасательные работы (раскопки) селища Барсова Гора II/42 в Сургутском районе ХМАО-Югры в 2011 г. Т. I. Текст отчета. Сургут, 2012 // БИИКФ Сургутского района. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 513.
25. Опыт комплексного анализа уникального объекта (“хранилище охры”) селища Барсова Гора II/42 / Л.Л. Косинская, А.А. Остроушко, М.О. Тонкушина, Е.А. Юдина, Н.А. Кулеш // Материалы Всероссийской научной конференции по археологическому почвоведению / Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН. Пушкино, 2014.
26. *Дубовцева Е.Н.* Использование охры в керамическом производстве севера Западной Сибири // Самарский научный вестник. 2015. № 4 (13).
27. *Сериков Ю.Б.* Очерки по первобытному искусству Урала. Нижний Тагил, 2014.
28. *Кашина Е.А., Чаиркина Н.М.* Орнаментированные берестяные изделия из VI разреза Горбуновского торфяника // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2012. № 1 (49).
29. Элементный анализ археологической охры: методика и возможности применения рентгенофлуоресцентной спектроскопии (по материалам неолитических и энеолитических памятников Среднего Зауралья и Западной Сибири) / Е.А. Юдина, М.О. Тонкушина, Н.А. Кулеш, А.А. Остроушко // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2016. № 3 (34).
30. Элементный анализ археологических находок охры с территории урочища Барсова Гора (Сургутский р-н, ХМАО Тюменской обл.): методический аспект / Е.А. Юдина, М.О. Тонкушина, Н.А. Кулеш, Л.Л. Косинская, А.А. Остроушко, И.В. Усачева // Известия Иркутского государственного университета. (Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология»). Т. 19. Иркутск, 2017. В печати.
31. Результаты экспериментальных исследований охры (природный фактор формирования источника) / Е.Н. Дубовцева, М.О. Тонкушина, Е.А. Юдина, И.В. Усачева, Т.Ю. Клементьева, Л.Л. Косинская, А.А. Остроушко, Н.А. Кулеш // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы всероссийской конференции, г. Тюмень, 6–10 апреля 2015 г. Вып. 3 / Отв. ред. А.Н. Багашев. Тюмень, 2015.

32. Новые данные по первому погребению Барсовского II могильника (опыт комплексного анализа) / Е.Н. Дубовцева, М.О. Тонкушина, Е.А. Юдина, Л.Л. Косинская, А.А. Остроушко, Н.А. Кулеш // Седьмые Берсовские чтения: сборник статей Всероссийской археологической научно-практической конференции / Отв. ред. В.Д. Викторова. Екатеринбург, 2016.

Л.Л. Косинская, Е.А. Юдина, А.А. Остроушко, М.О. Тонкушина, Н.А. Кулеш – Уральский федеральный университет, Центр археологических исследований, Екатеринбург

Е.Н. Дубовцева – Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург

И.В. Усачёва – Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень

**L.L. Kosinskaya, E.N. Dubovtseva, I.V. Usachyeva, E.A. Yudina,
A.A. Ostroushko, M.O. Tonkushina, N.A. Kulesh**

**OCHRE IN STONE AGE MONUMENTS OF THE TAIGA ZONE
OF THE TRANS-URALS AND WESTERN SIBERIA**

Summary

In the Trans-Urals and Western Siberia, the ochre (pigments of the red part of spectrum) is often found at archaeological sites starting from the Mesolithic until the Late Iron Age. The Neolithic sites of the taiga areas in the region (Surgut Ob' area, Kondinskaya plain, Northern Trans-Urals) are specially noted for extensive use of ochre and variety of its forms. Ochre here is presented in variety of archaeological contexts: in sanctuary and household complexes, in the form of painted objects (pottery, bone, stone) and composed materials (ceramic paste, adhesive resin). The most common are household complexes with ochre covered floors and pits. Identified cultural and chronological features of the ochre use, probably, reflect the difference in traditions. The team of specialists in archaeology, chemistry, physics executed research program to study the chemical composition of archaeological ochre samples, ochre-production technology, and sources of raw materials. The focus on the functional aspect of technology study and application of ochre (physicochemical and experimental methods) can provide additional data for the interpretation of specific archaeological situations and to clarify their semantic context, revealing the unity of sacred and profane in ancient cultures.

*The Urals Federal University,
51, Lenina St., Ekatherinburg, 620000,
Russia*

L.L. Kosinskaya – E-mail: ver2142@yandex.ru

E.A. Yudina – E-mail: kveten@gmail.com

A.A. Ostroushko – E-mail: alexandre.ostroushko@usu.ru

M.O. Tonkushina – E-mail: rita-zar@yandex.ru

N.A. Kulesh – E-mail: nikita.kulesh@urfu.ru

*The Institute of History and Archaeology, Urals Branch,
Russian Academy of Sciences,
16, Kovalevskaya St., Ekatherinburg, 620990,
Russia*

E.N. Dubovtseva – E-mail: ket1980@yandex.ru

*Institute of the Problems of Developmen, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences,
86, Malygina St., Tyumen', 625003, p.o. box 2774,
Russia*

I.V. Usachyeva – E-mail: i.usachova@gmail.com

**А.С. Сыроватко, А.А. Трошина, А.А. Гольева,
Н.С. Семеняк, Н.С. Жеребцова**

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОЛЬЗЕ КОМПЛЕКСНОГО ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Настоящая работа посвящена всего одному объекту – материковой яме. Помимо собственно участия археолога при исследовании данной ямы, использовались методы палеоботаники, почвоведения, геохронологии и анализа керамики. Не в первый раз изучение небольших объектов становится результатом работы целого коллектива, есть такой опыт и у нас [1], и не в первый раз можно констатировать, что выводы не всегда однозначны. Поэтому опыт применения разных методов и сопоставления данных нескольких направлений сам по себе является результатом нашей работы; что же касается решения конкретной археологической задачи, то наш результат – предмет для дискуссии, и его мы хотели бы обсудить.

Почему эта яма?

Общеизвестно значение археологических комплексов для выработки хронологии культур и групп памятников. Общеизвестно и то, что для изучения дьяковских и позднедьяковских памятников отсутствие таких комплексов представляет огромную проблему: окское и москворецкое население раннего железного века (РЖВ) и эпохи Великого переселения народов не оставило погребений с ярким инвентарём и, вероятно, испытывало трудности с шанцевым инструментом, поскольку не выкапывало хозяйственных ям. Именно отсутствие комплексов является главной причиной невнятной культурной стратификации дьяковской и позднедьяковской культур. На Щуровском селище мы наблюдаем существенные разрывы в заселении, периоды 2-й четв. и 3-й четв. I тыс. н.э. разнятся между собой, отличаясь не только материальной культурой, но и топографией поселений и могильников, погребальным обрядом, климатическими условиями, в которых населению этих периодов пришлось прожить [2]. Однако данных для историко-культурных построений остро не хватает, привлечение их с других памятников – ввиду всё того же отсутствия комплексов – затруднено. Вот почему обнаружение двух ям на Щуровском селище, заполненных позднедьяковским материалом, мы посчитали большой удачей. У нас возникла надежда, что мы получим чистый керамический комплекс.

Специфика любого позднедьяковского селища – тонкий слой. Это является главным препятствием в работе палеоботаников всех направлений – открытая нами яма № 2 изначально выглядела как перспективный разрез, способный дополнить наши представления о динамике климата и ландшафтов вокруг селища и могильников.

Яма 2 на раскопе 7, исследованная за два сезона в 2014–2015 гг. на Щуровском селище, представляла собой довольно крупный – размерами ок. 3×4 м – объект, глубиной до 0,9 м (рис. 1–2). Разрез этой ямы, полученный по западной стенке участка 2 раскопа 7 (рис. 1: А, Б), стал базовым для палинологических и микробиоморфных исследований [3; 4].

Особенностью стратификации ямы следует считать наклон верхних прослоек с юга на север, хотя в настоящее время яма располагается на юго-западном склоне холма (рис. 1). Это крайне важная деталь, она показывает, что в процессе заполнения ямы **южнее неё существовало некое возвышение (курган?)**, в настоящее время срезанное. Скорее всего, этот срез стал результатом тех же событий, которые привели к образованию седловины и уничтожению кургана 5 [2, с. 55]. Все верхние прослойки обрезаны поздней распашкой, и очевидно, что борта ямы изначально были выше. В центральной части ямы, на стыке кв. 29–30 и в кв. 29 последовательно, сверху вниз, залегали линзы (рис. 1): пестроцветного песка (слой 1) – смеси жёлтого, тёмно-серого и коричневого – толщиной до 15 см; чёрного углистого песка (слой 2) толщиной до 15 см, жёлтого и светло-серого песка толщиной также до 15 см (слой 3). По образцам из слоя углистого песка получены две радиоуглеродные даты ГИН-15240 1370±30 л.н.¹ и ГИН-15430 1190±60 л.н.², причём более молодой образец происходит из «языка», частично перекрытого слоем 3 (рис. 1). Очевидно, что для этой прослойки

¹ Калиброванный возраст 644–669 гг. н.э., калибровано Calib 5.0.

² Калиброванный возраст 771–896 гг. н.э. при вероятности 0,86714, калибровано Calib 5.0.

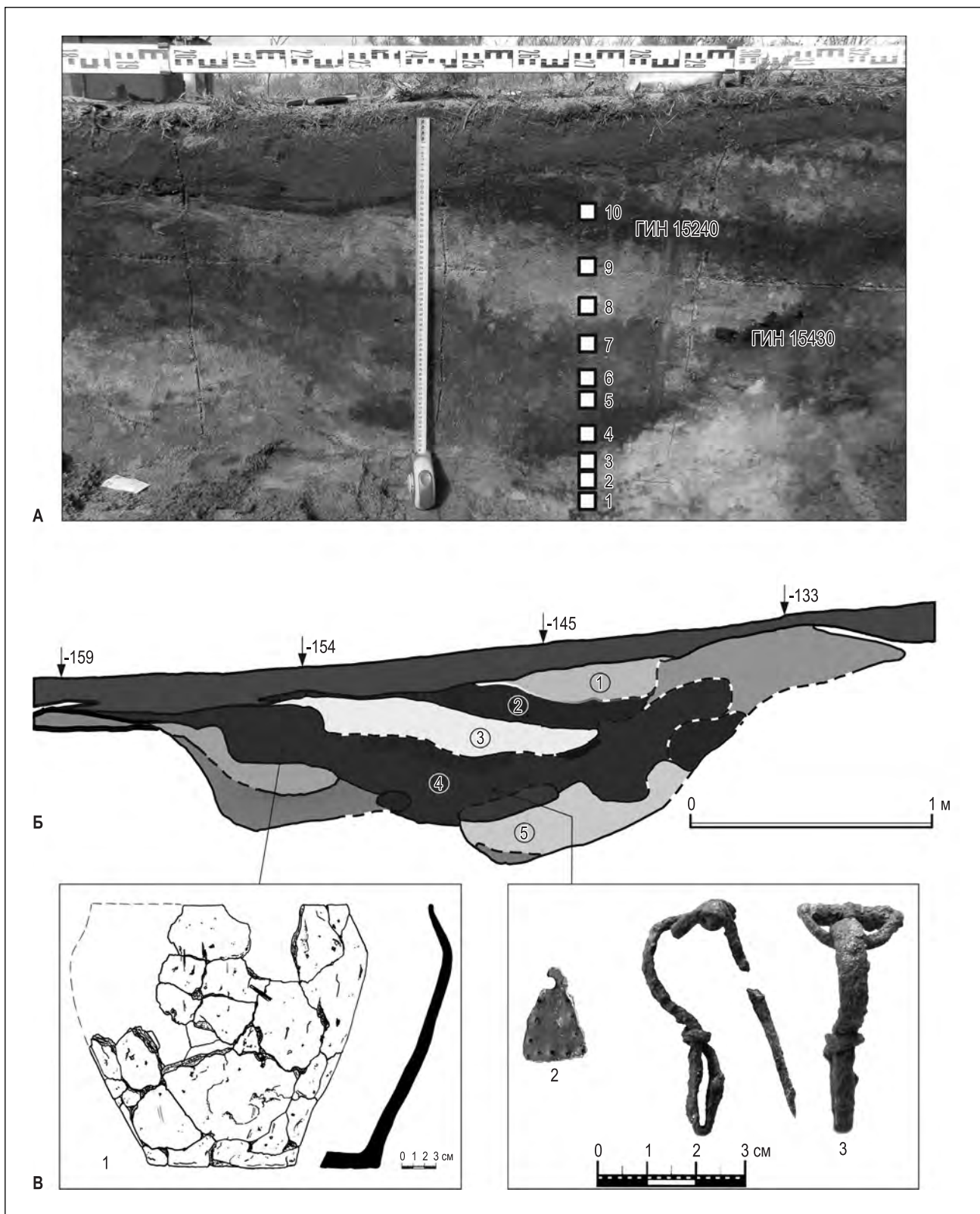

Рис. 1. Щуровское селище. Яма 2: А – фотография разреза. 1–10 – места отбора проб на спорово-пыльцевой и фитолитный анализы; Б – чертёж разреза (цифры в кружках соответствуют номерам слоёв); В – находки из слоя 4

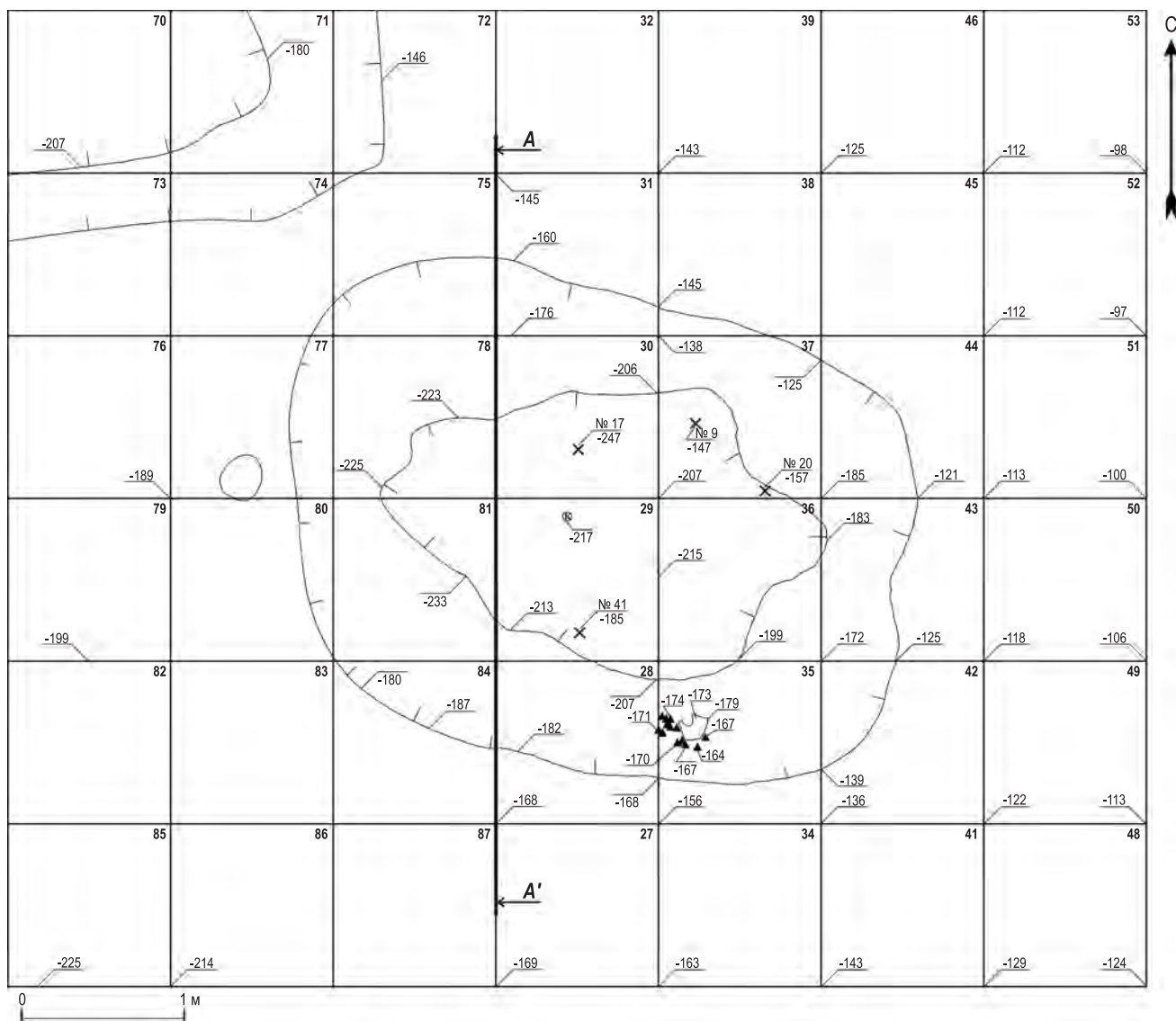

Рис. 2. Щуровское селище. Яма 2. План

следует принимать более поздний возраст, и он соответствует грунтовому могильнику с кремациями. Таким образом, яма была не до конца оплывшей к началу функционирования грунтового могильника. Такая деталь чрезвычайно схожа со стратиграфией рвов «домиков мёртвых», или «курганов» Щурово. Под всеми этими прослойками на всём протяжении разреза ямы, понижаясь в центральной части, залегал слой тёмного серо-коричневого песка (слой 4) с примесью светло-серого песка. По интенсивности окраски эта линза не однородна: верх её темнее, низ – бледнее. В центральной части ямы, где эта линза стыкуется с материком, толщина её достигает 35 см, к краям разреза линза выклинивается. В основании этого слоя найдена железная фибула (рис. 1: В: 3) – двучленная прогнутая подвязная с вертикальной пластиной для оси и узкой ножкой, датирующаяся IV в. [5, с. 61 и сл.; табл. 11; 6], из этого же слоя происходит развал сосуда (рис. 1: В: 1) (он располагался на ступени у южного борта, хорошо заметной на рис. 1–2; подробнее этот сосуд мы опишем ниже). В центре ямы под слоем серо-коричневого песка залегала линза светло-серого песка (слой 5).

В чёрном слое 4, помимо фибулы и сосуда, из опознаваемых и выразительных предметов найдены нашивная бляшка с кантиком и треугольная подвеска с пуансонным орнаментом (рис. 1: В: 2). Именно треугольная подвеска стала первой находкой, которая заставила задуматься, всё ли так просто с этим якобы стратифицированным комплексом. Правда, точных аналогов этому экземпляру – с рядом пуансонных насечек по периметру – немного³ [7, рис. 6; 8]. Похожие подвески особенно характерны для 3-й четв. I тыс. н.э.

³ Предмет сильно повреждён, и мы не исключаем, что рядов точек вдоль краёв было два.

[7, с. 29]; на Дьяковом городище похожие трапециевидные подвески отнесены к V–VI вв. [8, с. 141–142], а вот то, что такая вещь могла существовать в IV в. н.э., – сомнительно. Комплексом, где похожие подвески обнаружены в контексте, можно также считать яму 372 Ростиславльского городища, связанную со слоем пожара V в. [9, с. 29]. Ещё один яркий пример – Велегожское городище, погибшее, вероятно, в те же годы, что и Ростиславль, трапециевидные подвески на нём тоже обнаружены [10, с. 16], но найденные на этих городищах подвески не орнаментированы. Если же принять за более близкие аналоги подвески, орнаментированные двумя рядами точек в основании, то дата щуровского экземпляра омолаживается ещё сильнее – до 3-й или даже 4-й четв. I тыс. н.э. [11]. С другой стороны, как уже отмечено выше, «проклятием» дьяковской археологии является отсутствие комплексов. Даже эталонное Дьяково городище, в ходе исследования которого отсутствие комплексов компенсировалось мощным стратифицированным слоем, не даёт ответа на вопрос, как должен выглядеть эталонный вещевой набор – как для третьей, так и для второй четвертей I тыс. н.э. Может ли быть так, что наша треугольная или трапециевидная подвеска и подобные ей датируются более ранним, чем 3-я четв. I тыс. н.э., временем, особенно с учётом того, что в упоминавшейся уже яме 372 на Ростиславле есть вещи III в. н.э. [9, с. 29–30]? Не исключено, но такой вывод требует дополнительных доказательств.

Мнение почвоведов

Ввиду того, что для этой ямы образцы на лабораторные исследования не отбирались, мы приводим только визуальное морфологическое описание прослоев.

Яма имеет не естественный, а искусственный характер заполнения. Это выражается в отсутствии каких-либо горизонтов (горизонтально вытянутых протяжённых слоёв). Заполнение представлено линзами, прослойками и слоями разного цвета, мощности, простираения, т.е. разного генезиса. С точки зрения почвоведения, нет логики в залегании прослоев: белёная линза на дне (слой 5) фрагментарно перекрывается чёрной угольной линзой, на которой, в свою очередь, лежит серый материал (слой 4, «нижний чёрный»). Нет и единой мощности у прослоев. Так, слой жёлтого песка (слой 3) имеет мощность от 10 до 20 см. Более того, нижняя граница этой линзы (или верхняя граница слоя 4) имеет чётко выраженный ступенчатый характер, чего не бывает у природных объектов – почв.

Вне зависимости от цвета все линзы и прослои состоят из комочков разных оттенков. Это указывает на перемешанный характер грунта в каждом из прослоев или линз. При этом границы между слоями преимущественно не линейны – проработаны многочисленными ходами червей. То есть процесс засыпки ямы был дискретный (с перерывами) – периоды засыпки грунта чередовались с периодами «покоя», когда на участке поселялась почвенная мезофауна, прорабатывая заполнение.

Анализ стратиграфии ямы позволяет заключить, что только слой 5 является автохтонным, сформировавшимся в процессе функционирования ямы. Слой 4 по ряду особенностей структуры (комковатость и т.п.) является, по-видимому, результатом преднамеренной засыпки ямы⁴. При этом верхняя граница этого слоя имеет признаки некоего настила, облицовки – в левой части профиля, а ступенчатая форма линзы в разрезе указывает на то, что ступень существовала и была облицована/перекрыта этим настилом. Верхняя граница слоя в правой части профиля, напротив, не имела перекрытия и была впоследствии продавлена вышележащим грунтом. Присутствие облицовки/настила объясняет отсутствие признаков почвообразования по границам слоёв. Стерильная прослойка (слой 3) также является преднамеренным забросом, только другим грунтом и, возможно, в другое время. Это наблюдение находится в прямом противоречии с нашим опытом исследования подобных объектов – светлая середина заполнения крупных ям особенно характерна для рвов курганов.

Слой 2 – на основании ровной толщины и большого количества угля – можно считать однократным образованием, больше напоминающем рухнувшую стену, сгоревшую подпорку, либо сгоревший *in situ* настил.

Таким образом, если обобщить наблюдения за морфологией прослоев ямы, то можно заключить, что только нижняя прослойка 5 может быть сильно повреждёнными остатками слоя, остальные являлись результатом преднамеренной засыпки ямы. В таком случае неизбежен вопрос – откуда на памятнике, типичном селище со сравнительно тонким слоем, можно было взять чёрный углистый песок в количестве, достаточном для образования слоя 4? Такие «запасы» на памятнике есть только в одном месте – в основании насыпей «домиков мёртвых» или «курганов». Следовательно, слой 4 мог быть слоем разрушения такого объекта, а на то, что он существовал, дополнительно указывает упоминавшееся выше направление уклона верхних прослоев, да и самого слоя 4, его верхней границы. Есть и ещё одно объяснение: ранее мы предполагали, что грунт с культурными остатками в основании насыпей «домиков мёртвых» мог привноситься со стороны, с места сожжения, например на «нижней площадке» (см. статьи А.С. Сыроватко и Н.С. Жеребцовой в данном сборнике). Возможно, отложение слоя 4 – это не разрушение «домика мёртвых» (которому можно присвоить № 0), а момент его сооружения. Эта версия объясняет наличие некой «ступени с перекрытием» на контакте слоёв 4 и 5, увиденной почвоведом.

⁴ В пользу такой трактовки дополнительно свидетельствует развал сосуда, стоявшего на ступени дном вниз. Да и трудно допустить, что такой мощный слой мог отложиться в период функционирования объекта – в данном вопросе мы полностью солидарны с В.Ю. Ковалем [12, с. 64 и сл.].

Технологические особенности изготовления керамики

Что нам известно о позднеяковской керамике Щурово? Упрощённо, представления о ней, приведённые в работе Н.С. Жеребцовой и А.С. Сыроватко в данном сборнике, сводятся к тому, что для 2-й четверти I тыс. н.э. характерно использование дресвы в качестве основной добавки в тесто сосуда; для третьей четверти характернее применение шамота – как единственной примеси, так и в сочетании с дресвой. Однако к настоящему времени не выявлено исключительно чистого комплекса или участка слоя, и керамика с шамотом в тесте есть в комплексах, предположительно датируемых 2-й четвертью, и, наоборот, керамика с дресвой присутствует там, где доминируют шамотосодержащие рецептуры. Иными словами, технологическое исследование керамики памятника в целом выявило общий тренд, но говорить о некоем «эталоне культурной чистоты» в комплексах преждевременно. Не стала исключением и яма 2 – один из редчайших комплексов на памятнике.

Рассмотрим сосуд, развал которого обнаружен на «ступени» слоя 5, в толще слоя 4 (рис. 1: В: 1). Высота сосуда составляла 215 мм, диаметр ок. 180–190 мм. Венчик его почти не отогнут, покатые плечики «завалены» внутрь. Переход от тулова к плечу выражен довольно отчётливым ребром. Сосуд изготовлен из ожелезнённой красножгущейся пластичной глины. В качестве искусственной примеси добавлена дресва. Дресва – гранитно-гнейсовая, некалиброванная (размер включений от 1 до 4 мм), концентрация 1:4/3. Также отмечена примесь органики – растительные отпечатки (отпечатки травинок и чешуек злаков (?) 2–8 мм) и округлые полости с тёмным налётом 0,5–2 мм. С долей осторожности можно предположить, что это специально введённые в формовочную массу отходы молотьбы.

Нами было принято решение провести пофрагментный анализ всей керамики из объекта, всего из ямы происходит около 300 фрагментов. Однако материал сильно измельчён, и для наблюдений отбирались фрагменты размером не менее 4–5 кв. см. Акцент был сделан на выяснении состава рецептов без учёта особенностей исходного сырья.

В итоге были осмотрены 73 фрагмента. Доминирующим оказался рецепт глина + дресва (ГД) – 57 фрагментов (76 %). Рецепт глина + шамот (ГШ) отмечен в 9 фрагментах (12 %), глина + дресва + шамот (ГДШ) – также в 9 (12 %). Следует отметить, что керамика с шамотосодержащими рецептами зафиксирована во всех слоях заполнения ямы. Помимо фрагментов стенок был проанализирован и венчик сосуда. Венчик изготовлен из ожелезнённой красножгущейся пластичной глины. В качестве искусственной примеси также добавлена дресва, гранитно-гнейсовая, некалиброванная (размер включений – от 0,5 до 4 мм), концентрация 1:4. В формовочной массе зафиксирована примесь органики в виде округлых и вытянутых тёмных полостей (0,5–1 мм). Тип органики нуждается в уточнении.

Отметим, что анализ состава керамики по отдельным прослоям показал сходное соотношение фрагментов с разными рецептурами во всех слоях, а керамика с шамотом присутствует даже в слое 5.

Как интерпретировать этот результат?

Как обычно, можно предложить несколько версий: шамотосодержащие рецептуры применялись в «эпоху доминирования дресвы» либо соседями⁵, либо самими обитателями Щурово. Наконец, нельзя исключить, что заполнение ямы было произведено тогда, когда керамика с шамотом в тесте начала массово изготавливаться на памятнике, хотя основной массив грунта взят из слоя «эпохи дресвы». Однако заметим, что отдельные участки и открытые комплексы на остальных участках памятника⁶ дают примерно такую же картину – доминирование дресвы в сосудах при устойчивой встречаемости сосудов с шамотом в тесте. Как видим, однозначного ответа нет, но тем не менее с долей осторожности, можно заключить, что комплекс керамики в яме 2 сформировался всё-таки в пределах 2-й четв. I тыс. н.э. – на это указывают состав формовочной массы развала сосуда и общее доминирование керамики с примесью дресвы.

Комплекс ямы 2 в сравнении с остальными (статьи А.С. Сыроватко и Н.С. Жеребцовой в данном сборнике) укладывается в общую тенденцию – он близок к составу керамики в основании «кургана» 1, но сказанное не означает, что он сформировался в самой яме – он мог быть перемещён вместе с вмещающим грунтом.

Палинологический аспект

Перспективность исследования ямы спорово-пыльцевым методом подкреплялась уже имеющимся опытом изучения подобных объектов [13; 14], а также относительной разработанностью вопроса динамики ландшафтов вокруг памятника. С одной стороны, данные спорово-пыльцевого анализа могли расширить наши представления об этой динамике, с другой – у нас имелась возможность сравнить реконструкции, полученные из других разрезов Щурово, и синхронизировать их с данными из ямы⁷. На спорово-пыльцевой анализ было отобрано 10 образцов из четырёх слоёв заполнения ямы (рис. 1). Обработка образцов проводилась стандартным сепарационным методом с применением тяжёлой жидкости (смесь йодистого калия и йодис-

⁵ У нас есть хорошие примеры: керамика с городища Ростиславль и селища Соколова Пустынь – этого же времени, но с доминированием шамотосодержащей рецептуры.

⁶ Речь, конечно, идёт о т.н. верхней площадке, где, собственно, и открыта яма 2; на «нижней площадке» преобладают сосуды с примесью шамота.

⁷ Стоит отметить, что при отборе образцов не учитывались данные почвоведения, которые были получены позднее. В связи с тем, что стратиграфия ямы сходна со стратиграфией рва, на тот момент была принята гипотеза о постепенном естественном заполнении объекта.

того кадмия) с удельным весом 2,3 и добавлением таблеток с маркерами (споры *Lycoperidium*) для вычисления концентрации пыльцы в образце. В каждом образце было подсчитано от 430 до 660 пыльцевых зёрен. По результатам анализа⁸ были построены несколько спорово-пыльцевых диаграмм, в том числе диаграмма абсолютной концентрации пыльцевых зёрен в образцах (рис. 3). Согласно этой диаграмме пиковые значения концентраций приходятся на образцы №№ 4, 7 и 10, уровни которых, по всей видимости, соответствуют стабильным поверхностям, существовавшим на разных этапах формирования заполнения ямы⁹. В придонной части ямы отложился материал, синхронный времени её появления, а также несколько более позднего времени (обр. 1–3). Таким образом, мы исключили из рассмотрения образцы из средней части слоя 4 (обр. 5, 6) и образцы 8–9 из линзы жёлтого песка (слой 2), поскольку они содержали пыльцу в низкой концентрации и, вероятно, происходят из переотложенного грунта с перемешанным материалом, следовательно, реконструкции по ним невозможны.

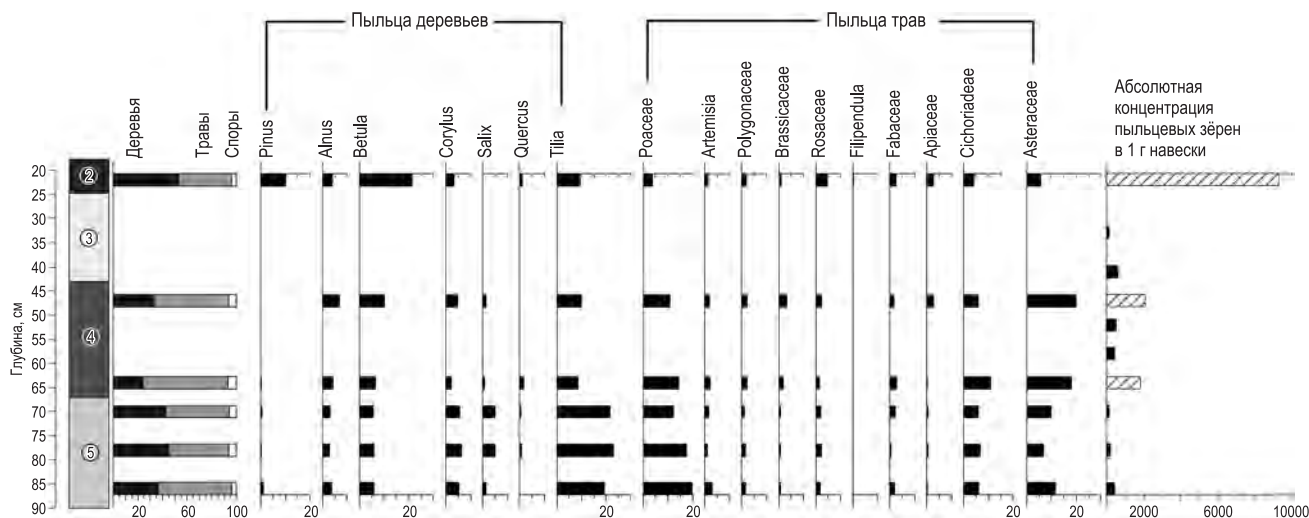

Рис. 3. Щуровское селище. Яма 2. Сводная спорово-пыльцевая диаграмма разреза ямы (с сокращениями). Участие всех таксонов рассчитано от общей суммы пыльцы и спор в образце. Номера слоёв соответствуют чертежу на рис. 1: Б

Итак, можно выделить три группы образцов, характеризующие разные этапы истории формирования заполнения ямы.

1. Состав спорово-пыльцевых спектров образцов 1–3 из придонной части ямы характеризуется высоким содержанием пыльцы травянистых растений, главным образом пыльцы семейства злаковых (*Poaceae*), а также сложноцветных (*Asteraceae*). В группе древесных пород преобладает пыльца липы (*Tilia*), в меньшем количестве представлена пыльца берёзы (*Betula*), орешника (*Corylus*) и ивы (*Salix*).

2. Вторая группа образцов связана с образцами 4 и 7 из нижней и верхней частей так называемого нижнего чёрного слоя 4 с относительно высокими показателями по концентрации. Эти образцы имеют схожий состав спорово-пыльцевых спектров, сформировавшийся, видимо, в одно и то же время: доля трав ещё выше, чем в предыдущей группе, количество пыльцы липы (*Tilia*) и берёзы (*Betula*) примерно одинаково, по-прежнему высока доля пыльцы злаков (*Poaceae*) и сложноцветных (*Asteraceae*).

3. Последняя группа описана по верхнему образцу 10 из чёрного углистого слоя, из которого получена радиоуглеродная дата ГИН-15430 1190 ± 60 л.н. Спорово-пыльцевой спектр этого образца отличается от предыдущих ростом кривой участия пыльцы древесной растительности, в первую очередь за счёт пыльцы берёзы (*Betula*). Также возрастает присутствие пыльцы сосны (*Pinus*), доля пыльцы злаков (*Poaceae*) снижается.

Спорово-пыльцевой анализ отложений ямы 2 и сравнение его результатов с другими палинологическими материалами могильника позволяет предположить следующую историю формирования её заполнения. По всей видимости, яма была выкопана в 3-й четв. I тыс. н.э. Состав спорово-пыльцевого комплекса из придонной части ямы схож (хотя и не во всём) с верхней частью разрезов 2011 и 2013 гг. Кроме того, можно уверенно утверждать, что данный объект не имеет отношения к 1-й пол. I тыс. н.э., поскольку здесь не

⁸ Результаты палинологического анализа образцов из этой ямы уже были представлены к публикации [3], однако на тот момент мы не располагали ни данными почвоведения, ни, что важнее, 14C-датой (ГИН 15430). Результаты анализа в итоге остались прежними, а вот интерпретация сменилась радикально.

⁹ Для границы слоёв 3 и 4 наличие стабильной поверхности подтверждается и морфологическим описанием прослоев почвоведом.

встречена в достаточном количестве пыльца орешника, составляющая значительную долю спектров этого времени. Концентрация пыльцевых зёрен в образцах из «нижнего чёрного» слоя указывает на то, что этот слой был перемещён. Состав пыльцы из нижней и верхней частей этого слоя схож со спорово-пыльцевыми спектрами VII столетия. Время насыпки жёлтой прослойки (слой 3) нам не известно, однако мы можем предполагать, что это произошло в эпоху викингов. Во всяком случае, имел место временной интервал между отложением «нижнего чёрного» и жёлтого песка. Основанием для этого служат данные по концентрации пыльцы. Верхний образец (обр. 10) из углистого слоя по своему составу схож с образцами VII в., в то время как радиоуглеродные даты указывают на VIII–IX вв. Можно предположить, что данный состав спектра отражает этап сукцессии, на котором липовые леса ещё не восстановили окончательное господство, характерное для IX в., и берёза ещё сохраняла своё участие в древостое. Учитывая присутствие пыльцы сосны в комплексе, можно предположить, что этот участок углистого слоя скорее датируется VIII в. н.э., что созвучно идее распространения Щуровского грунтового могильника с юга на север.

Анализ фитолитов

Фитолитный анализ на Щуровском могильнике использовался нами и ранее [4]. Опыт совместного применения двух методов показывает, что они способны взаимодополнять реконструкции ландшафтов, поскольку содержат информацию о различных уровнях растительности. Результаты анализа, выполненного по тем же, что и спорово-пыльцевой, образцам (рис. 1), приведены в таблице и в гистограмме на рис. 4. В

Таблица. Щуровское селище. Яма 2. Состав фитолитов в образцах

Образец №	Всего шт.	Спикулы губок (%)	Двудольные травы (%)	Луговые злаки (%)	Лесные злаки (%)	Хвойные (%)	Сорные (%)	Н/О (%)
10	79	1	51	10	15	3	0	20
9	191	0	60	6	13	3	0	18
8	93	0	51	5	12	12	2	18
7	203	0	66	4	11	2	1	16
6	189	0	62	4	14	1	0	19
5	152	0	57	9	9	7	0	18
4	225	1	73	6	7	4	1	8
3	115	1	57	9	14	3	2	14
2	106	0	66	4	13	5	0	12
1	167	0	43	7	9	10	0	31

Н/О – Неопределимые

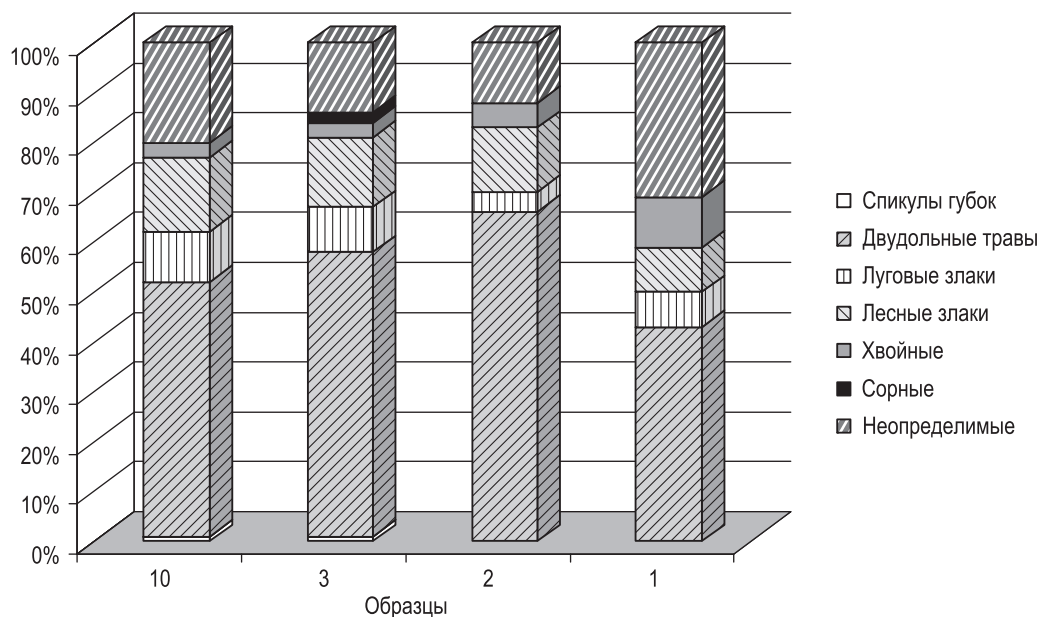

Рис. 4. Щуровское селище. Яма 2. Гистограмма распределения фитолитов в образцах из ямы

слое 5 (придонная часть, образцы 1–3) заметно явное доминирование древесных форм. В образце № 3 самое максимальное значение фитолитов хвойных. Но стоит отметить, что в том же образце зафиксированы формы, которые принадлежат крапиве, т.е. был промежуток времени, когда яма стояла открытой как минимум с весны до осени (чтобы растение выросло и сформировало фитолиты, которые должны в дальнейшем депонироваться).

Из остальных образцов стоит остановиться только на образце 10 из слоя 1, поскольку, как было замечено, данный образец соответствует времени существования стабильной поверхности. Фитолиты показывают, что участие древесных форм в данном образце чуть больше, нежели луговых злаков, что хорошо коррелирует с данными палинологии. Формы, относящиеся к сорной флоре, здесь отсутствуют.

Подведём итоги

Как видим, непротиворечивую картину из мнений специалистов по столь разным направлениям в науке создать не просто, и не случайно написание этой работы сильно затянулось, а окончательные выводы не соответствуют тем, что были озвучены в ходе доклада на 19-м заседании Тверского семинара в 2016 г. Мы можем предложить следующую интерпретацию объекта, причём окончательной и надёжной её нельзя считать, это всего лишь осторожное предположение.

Яма, вероятнее всего, **является частью курганного рва** (т.е. погребального объекта 3-й четв. I тыс. н.э.) – на это указывают общий характер стратиграфии и состав пыльцы в придонной части. То, что керамика и вещевые находки из слоя 4 этой ямы больше соответствуют 2-й четв. I тыс. н.э., может быть объяснено перемещением этого слоя – на это прямо указывают данные почвоведения, косвенно – палинологии. Кроме того, такая версия снимает противоречие между возрастом трапециевидной подвески и фибулы и подтверждает, хотя и, опять же, косвенно, высказанную ранее версию о попадании керамики и других изделий вместе со слоем кремации с места её совершения (см. статью А.С. Сыроватко и Н.С. Жеребцовой в данном сборнике). Слой 4 либо сброшен в яму с некогда существовавшего некоего «домика мёртвых» № 0¹⁰ (скорее всего), либо отложился при его возведении (что возможно, но противоречит автохтонному характеру придонного слоя 5).

Как видим, это сложное объяснение. Оно включает в себя даже реконструкцию ещё одного «домика мёртвых» на южной оконечности памятника, вероятнее всего, подмытого Окой. Причём если бы мы не привлекали специалистов разных направлений к интерпретации объекта, то и сложностей в работе не возникло бы. На каком-то этапе работы мы даже были готовы признать, что яма не поддаётся интерпретации вообще. И, конечно, высказанная нами версия истории формирования объекта **не делает его надёжным комплексом** – ни вещей, ни керамики, ни пыльцы с фитолитами. И сразу за этим возникает следующий, более важный вопрос: а как быть с другими ямами, которые в археологии являются традиционным источником комплексов? Не стоит ли все подобные объекты верифицировать естественно-научными методами, прежде чем объявлять комплексами, и не разочаруют ли эти дорогостоящие в общем-то работы?

Вывод, который мы сделали для самих себя, заключается в том, что не стоит умиляться многообещающими результатами работы **только с одним** специалистом-«смежником»: весьма вероятно, что попытка перепроверить выводы другими методами только испортит настроение...

¹⁰ К настоящему времени открыто пять с нумерацией от 1 до 5.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сыроватко А.С., Трошина А.А., Антипина Е.Е. К вопросу об облике культур финальной бронзы (по материалам стоянки Зарудня) // Тверской археологический сборник. Вып. 9. Тверь, 2013.
2. Роль палеотопографии и ландшафтно-климатических изменений в формировании Щуровского археологического комплекса / А.С. Сыроватко, А.В. Панин, А.А. Трошина, Н.С. Семеняк // Археологические исследования в Подмосковье: материалы научного семинара. Вып. 12. М., 2016.
3. Трошина А.А., Сыроватко А.С. Палеоландшафты округа Щуровского могильника в I тысячелетии н.э. (по данным споропыльцевого анализа культурного слоя) // РА. В печати.
4. Семеняк Н.С., Трошина А.А., Сыроватко А.С. Опыт применения микробиоморфного анализа при изучении слоя Щуровского могильника и селищ (Московская область, I тыс. н.э.) // Динамика окружающей среды и глобальные изменения климата. Ханты-Мансийск, 2016. Вып. 1 (13).
5. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР. II в. до н.э. – IV в. н.э. М., 1966. (САИ. Вып. Д1-30)
6. Гавритухин И.О., Воронцов А.М. Фибулы Верхнеокско-Донского водораздела: двучленные прогнутые подвязные и со сплошным приемником // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула, 2008.
7. Розенфельдт И.Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М., 1982.
8. Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. н.э. М., 2011.
9. Тавлицева Е.Ю. Городище Ростиславль – горизонт пожара середины I тыс. н.э. // Археологические исследования в Подмосковье: материалы научного семинара. Вып. 6. М., 2010.
10. Воронцов А.М., Столяров Е.В. Городище Велегож на правом берегу Верхней Оки // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Часть 1. / ред. А.М. Воронцова, И.О. Гавритухина. Тула, 2015.
11. Гавритухин И.О. Маленькие трапециевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 12. Мінск, 1997.

12. Коваль В.Ю. Проблемы изучения планировки и застройки поселений средневековой Руси // Археологические исследования в Подмоскowie: материалы научного семинара. Вып. 3. М., 2007.
13. Трошина А.А. Изучение динамики природной среды Юго-Восточного Подмоскowie в VII–IX вв. (по данным палинологического изучения Щуровского могильника) // Новые исследования по археологии стран СНГ и Балтии: Материалы Школы молодых археологов. Кириллов, 3–12 сентября 2011 г. М., 2011.
14. Сыроватко А.С., Трошина А.А. Применение палинологического метода для стратификации Щуровского могильника // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 4. Тюмень, 2011.

*Муниципальное бюджетное учреждение «Коломенский археологический центр»,
Коломна*

*Институт географии РАН,
Москва*

A.S. Syrovatko, A.A. Troshina, A.A. Golyeva, N.S. Semenyak, N.S. Zhrebtsova

SPECULATIONS ON THE USEFULNESS OF COMPLEX SCIENTIFIC INVESTIGATIONS

Summary

The article deals with the results of investigations performed at the ancient village (selishche) and burial Shchurovo belonging to the second quarter – the end of I millennium AD. A combination of soil-science analysis, the study of phytoliths, the palynological analysis, the technological study of the ceramics, were correlated with the traditional analysis of material artifacts, the results of the radio-carbon analysis and stratigraphic observations of the archaeologist. The authors concluded, that every single methods in some respect contradicts other methods, which complicates creation of a non-contradictory interpretation of the object under study.

As a working hypothesis it was suggested that the studied pit is a part of the ditch leading from the so called mortuary house, or a barrow with a fence in the mound belonging to the third quarter of I millennium AD, into which the cultural layer from the foundation of the “barrow” was removed, with finds of the second quarter – the middle of I millennium AD (layer 4 at fig. 1). Later the pit was off and on filled up with earth, as layers 1 – 3 already refer to the era of Vikings, when a ground burial place with cremation is put into practice.

The author concludes that the use of different methods deprived the interpretation of orderliness and unambiguity, as the complex of finds and biomorphs cannot be considered a reliable source. Had the authors not undertaken such a check, the pit complex would have made a basis for historic interpretations.

*Municipal Budgetary Institution “Kolomna Archaeological Centre”,
5, Kremlyevskaya St., Kolomna, Moscow Region, 140400, Russia*

*A.S. Syrovatko – E-mail: arxeolog-net@rambler.ru
sasha.syr@rambler.ru*

A.A. Troshina – E-mail: alla-troshina89@rambler.ru

N.S. Zhrebtsova – E-mail: natashanatasha2110@mail.ru

*Federal State Budgetary Institution of Sciences
“Institute of Geography,*

Russian Academy of Sciences”,

27, Staromonetny Lane, Moscow, 119017, Russia

*A.A. Golyeva – E-mail: golyevaaa@yandex.ru
N.S. Semenyak – E-mail: nadejda-sport@yandex.ru*

А.В. Колесник

СОПРЯЖЁННАЯ ГРУППА МЕТОДОВ РАСЩЕПЛЕНИЯ НУКЛЕУСОВ В МАСТЕРСКИХ ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ДОНБАССА

Производственным базисом экономики позднего палеолита являются широко распространённые технологии расщепления камня, обработки кости и других материалов. Приёмы расщепления камня входили в группу технологий обработки кости, дерева и мягких пород камня при помощи резания, сверления, шлифовки и т.д. Использовалось вымачивание, изменение температурного режима и др. Технологический уровень позднего палеолита позволял производить широкую модуляцию обрабатываемых материалов, нередко до пределов физической способности материалов раскалываться и менять форму. Спектр технологий обработки кремнистых пород камня при помощи достаточно сложного набора инструментов (отбойники, абразивы, посредники из разных материалов) базировался на нескольких ударных техниках скалывания. Наиболее сложные технологии расщепления камня, как известно, практиковались при изготовлении и расщеплении нуклеусов для пластин и при изготовлении тонких бифасов. Представления о технологии расщепления нуклеусов в Донецком регионе базируются на материалах нескольких стоянок и мастерских. Наиболее важные данные получены при анализе кремнёвых индустрий двух мастерских, расположенных на правом берегу Северского Донца у с. Сидорово (Висла Балка) и у с. Богородичного (урочище Выдылыха) на Славянщине. Культурные слои этих памятников имеют удовлетворительную сохранность.

Мастерская Висла Балка раскопана в 1992, 1994, 1996–1997 гг. на площади более 100 кв. м [1]. Собрана коллекция, превышающая 17 тысяч расщеплённых кремней. Комплекс датируется заключительной фазой похолодания позднего ледникового периода.

Мастерская Выдылыха раскопана в 2004–2005 гг. [2]. Коллекция каменных изделий содержит около 1 тысячи расщеплённых кремней. Памятник датируется дофинновской фазой потепления позднего ледникового периода.

Данная заметка посвящена детальному дистрибутивному и сравнительному анализу технологии изготовления пластин в указанных мастерских, расположенных в среднем течении Северского Донца.

Атлас палеотехнологий обработки камня изоморфных пород позднего палеолита региона базируется на двух классических блоках – нуклеусном расщеплении и производстве изделий «с сохранением основы» (бифасы-орудия и бифасиальные заготовки нуклеусов), с размытой внутренней границей между ними. В рамках такого технологического габитуса выделяются различные версии пластинчатого скалывания с торцовых, слабовыпуклых полуобъёмных и объёмных рабочих поверхностей. Отщеповые технологии получения сколов-заготовок с нуклеусов занимали подчинённое положение. Наиболее обильными остатками представлены различные технологии получения пластин в качестве базовой заготовки для орудий. Очевидно, что позднепалеолитическая стратегия производства пластинчатых заготовок может быть реализована в рамках нескольких версий, которые различаются по способам управления системой снятий, параметрам целевых сколов и т.д. Близкие по характеру версии позволяют понять основные методы первичного расщепления в позднем палеолите Донбасса.

Под методом первичного расщепления следует понимать устойчивую совокупность специфических приёмов, направленных на создание рабочего фронта на нуклеусе и поддержание его свойств. Как правило, методы расщепления образуют сопряжённые группы технологий производства определённого целевого продукта при помощи близких приёмов обработки камня. В кремнёвых индустриях позднего палеолита Донбасса статистическое значение имеют нуклеусные технологии, включённые в несколько сопряжённых групп методов первичного расщепления. Как правило, они имеют широкий территориальный, хронологический и культурный контекст. Выделение каждой из этих групп подтверждается разнообразными служебными сколами, которые отражают специфические приёмы управления поверхностями скалывания. Понятно, что образцы кремнёвой продукции из мастерских наглядно демонстрируют характер изменения формы предмета расщепления на начальных и средних этапах трансформации нуклеусов и заготовок, в материалах стоянок сохраняются в основном рудименты этих поверхностей.

Сопряжённая группа методов торцового или слабовыпуклого расщепления базировалась на эксплуатации нуклеусов разной конструкции. Существовало несколько самостоятельных путей, ведущих к формированию относительно узкого торцового или слабовыпуклого продольного рабочего фронта для скалывания пластин. Эта группа методов расщепления обеспечивала основные потребности кремнёвого хозяйства в пластинчатых заготовках, поэтому представлена большим количеством нуклеусов на различных стадиях подготовки и утилизации. Статистическое значение в кремнёвых индустриях стоянок и мастерских Донбасса имеют следующие версии торцового и слабовыпуклого расщепления.

В наиболее рафинированном виде тяготение к торцовому скалыванию заметно на примере нуклеусов из крупных отщепов, в основном первичных. Естественная конфигурация массивных первичных отщепов определила клиновидное горизонтальное сечение нуклеусов и узкий рабочий фронт на одном из боковых участков. В качестве заготовок использовались как тонкие, так и весьма массивные отщепы. Боковой участок часто выравнивался ретушью со стороны брющка заготовки. Образовывался односторонний ребристый край со стандартной заданной кривизной. Скол по этому ребру определял направленность и форму последующей огранки рабочего фронта на торце нуклеуса. После снятия первой ребристой пластины получался длинный негатив, неизбежно развёрнутый в большей или меньшей степени в сторону брющка отщепа-заготовки. Площадки на таких нуклеусах двоякие. Первые – ретушированные, сформированы ударами с вентральной стороны заготовки. Вторые образованы крупным сколом со стороны клиновидного тыла нуклеуса. В отличие от первой разновидности ударные площадки этих ядрищ образовывались сильным ударом с торца. Площадки получались гладкими, длинными, ориентированы под острым углом к торцовому фронту. Очевидно, что все нуклеусы данной подгруппы одноплощадочные. Двояковыпуклая форма первичного отщепа исключала дополнительную подправку боковых плоскостей нуклеуса. Относительно ровные боковые грани изначально ограничивали размер и выпуклость рабочего фронта, определяли его треугольную конфигурацию и торцовый характер. Вторые площадки, как правило, возникали ситуационно по мере истощения нуклеуса. Негативы целевых снятий характеризуются небольшими размерами и несколько аморфными очертаниями. Нуклеусы на отщепах второй подгруппы имеют принципиально ту же торцовую конструкцию. Нуклеусы этой разновидности срабатывались до остаточных форм, сохраняя свои основные атрибуты. Данный вариант торцового расщепления широко представлен в материалах из Вислой Балки, в комплексе С-2 из мастерской у пос. Черкасский. Метод торцового расщепления на основе крупных первичных сколов характерен для позднего-финального палеолита региона и, видимо, в Донецком регионе не выходит за его хронологические рамки.

Вторая операционная последовательность, ведущая к формированию и эксплуатации торцового или слабовыпуклого фронта для скалывания пластин, документирована технологией изготовления одноплощадочных призматических нуклеусов в форме параболического бифаса. Для их изготовления более всего подходили уплощённые конкреции или крупные куски плиток. Базовые конструктивные элементы в виде широкой поперечной площадки и двух конвергентно сходящихся продольных краёв придавали заготовкам нуклеусов вид рассечённого надвое крупного овального бифаса. Продольные рёбра формировались поперечными сколами, ориентированными на две стороны. Рёбра соединялись в обработанном таким же образом основании. При системном расщеплении заготовки нуклеуса с такой морфологией один из продольных ребристых краёв с двусторонней обработкой модулировался в торцовый рабочий фронт, второй сохранял функцию клиновидного тыла. Принципиальная конструкция одноплощадочного призматического клиновидного нуклеуса сохранялась вплоть до остаточной формы за счёт простоты управления фронтом, что отражает устойчивость и продуктивность этого метода первичного расщепления. Поддержание рабочих свойств торцового фронта осуществлялось сколами с клиновидного торца, боковыми-угловыми сколами с площадки, сколами по устранению заломов с основания. Последние приводили к появлению вторых вспомогательных площадок на остаточной стадии утилизации нуклеусов. Такие нуклеусы известны в основном на стоянках и в ограниченном количестве встречаются в мастерских. За счёт клиновидного поперечного сечения корпуса происходило самовоспроизведение рабочих свойств нуклеуса. Дополнительного подъёма фронта с боков не требовалось. По мере истощения нуклеуса нарастал угол заострения площадки, что ассоциируется с ударной техникой скола. Видимо, этим же обстоятельством объясняется и сохранение клиновидного тыльного ребра на всём протяжении эксплуатации нуклеусов. При отжимной технике скола второе продольное ребро с двусторонней обработкой использовалось как предпосылка создания самостоятельного рабочего фронта, что вскоре приводило к появлению нуклеуса в призматической огранкой. Такая динамика метода расщепления нуклеусов в форме частичного параболического бифаса имела место после широкого распространения отжимной техники в неолите. Эталон техники впервые описан в материалах позднего неолита Северной Африки [3; 4]. Неолитические нуклеусы изначально предназначались для отжимной техники, поэтому отличаются большей массивностью корпуса и особыми площадками, которые не меняли поперечную ориентацию. Сохранение клиновидной конструкции на всех стадиях подготовки и утилизации характерно именно для позднепалеолитической техники скола целевых пластин. В рафинированном виде метод расщепления отмечен в материалах мастерской Висла Балка. Показателен в этом плане складень № 3 из квадрата НО-30. Системное расщепление нуклеусов такой конструкции в конечном счёте приводило к появлению классических клиновидных нуклеусов с выраженным килевидным основанием. Разумеется, нуклеусы с такой морфологией могли образовываться не только при системном расщеплении заготовок в форме параболических бифасов.

Третья операционная последовательность начиналась с эксплуатации весьма крупных бифасов, имеющих неправильный листовидно-овальный облик. Двусторонней или (ситуационно) односторонней оббивкой заготовке придавался вид удлинённого изделия с массивным линзовидным поперечным сечением и выпуклыми продольными краями. Преобладала двусторонняя обработка продольных краёв. Крупный скол с вершины заготовки вдоль одного из ребристых краёв создавал длинную заострённую ударную площадку, идеально приспособленную для скалывания крупной ребристой пластины вдоль другого края. Таким образом, формировались базовые элементы специфического торцового фронта. Локализация элементов «площадка-скол» определялась ситуационно, исходя из геометрии вершины заготовки. В начальной стадии эксплуатации нуклеус приобретал вид огромного срединного резца. Классический широко известный пример такой технологии – один из гигантолитов из Новгород-Северска [5]. Технология широко развита в граветтских индустриях Западной и Центральной Европы, в комплексах восточного граветта Восточной Европы [6; 7]. Эксплуатация этих весьма крупных нуклеусов, предназначенных для скалывания крупных и средних пластин и распространённых в различных по культурной принадлежности индустриях европейского позднего палеолита, скорее всего, велась двояким способом в зависимости от предполагаемой морфологии конечной продукции. Скалывание крупных пластин со слегка изогнутым профилем допускало расщепление нуклеуса с одной площадкой. Формировались клиновидные нуклеусы, у которых вторая площадка в основании фронта возникала ситуационно по мере накопления заломов на «зрелой» стадии расщепления. Изогнутые «хвосты» крупных пластин отсекались, получались планируемые крупные сегменты с прямым профилем, поэтому одноплощадочное скалывание вполне соответствовало технической задаче. Если ставилась задача получить пластину с прямым профилем по всей длине корпуса, включая дистальный участок, на нуклеусе специально готовилась вторая, полярная, площадка. Технически это несложно – достаточно было сформировать вторую площадку и зону расщепления на второй вершине бифасиальной заготовки с ориентацией фронта в одной плоскости. Получение крупных пластин (рис. 1: 1, 9) сопровождалось образованием значительного количества служебных пластин, скелотых при формировании необходимой параллельной огранки в зоне расщепления. Такие пластины серийно представлены в коллекции из Выдыльхи (рис. 1: 2–8). Метод расщепления был рассчитан на получение крупных и средних пластин особой техникой скола и не выходит за хронологические рамки позднего палеолита.

Особая система управления поверхностями скалывания просматривается также на специфических объёмных двухплощадочных нуклеусах с торцовым выпуклым или полуобъёмным рабочим фронтом и двумя боковыми рёбрами. Они являются самыми высокоорганизованными с технологической точки зрения. Данные нуклеусы обладают морфологией, которая вполне отчётливо просматривается уже на стадии заготовки. Начальная конструкция нуклеусов сохраняется вплоть до остаточных форм. Рафинированную модель такого нуклеуса в начальной стадии сработанности можно представить в виде объёмного трёхрёберного изделия, у которого центральное ребро составляет основу рабочего фронта, а два боковых – ограничивают боковые грани, переходящие в торцовый фронт. Фактически это очень крупные массивные бифасы с выраженной продольной «пяткой» или выраженным асимметричным поперечным профилем со смещением толщины к одному из краёв. Заготовки – удлинённые, с искривлённым ребром на месте будущего рабочего фронта и массивным (часто уплощённым) изогнутым «тыльным» краем. Таковым является один из гигантолитов из Новгород-Северска [5]. Асимметричная форма весьма крупных (более 30 см в длину) двусторонне обработанных заготовок нуклеусов арочной формы (*grand nucléus arquée*) [10; 11; 12] определяла дальнейший алгоритм расщепления. В доступных для анализа образцах не прослеживается корреляция между функциональным назначением продольного края заготовок (тыл или рабочий фронт) и степенью его выпуклости. В ряде случаев на более выпуклой дуге заготовки формировалась площадка (площадки) и уплощённый тыл; менее выпуклая дуга после скалывания ребристых и полуребристых пластин становилась рабочим фронтом. Обоюдоострый в плане контур заготовки изначально допускал формирование двух равнозначных полярных площадок. Таким образом, в заготовках изначально закладывалась уплощённая тыльная сторона особой конструкции, сопряжённая с одной или двумя полярными ударными площадками. Яркими образцами подобных заготовок являются полностью подготовленные к целевому расщеплению крупные заготовки кремнёвых нуклеусов из ряда местонахождений Франции [13] и Германии [14, Tafel 18]. Значительное количество нуклеусов мадленской стоянки Этиоль имеют конструкцию с подготовленным плоским тылом и продольным торцовым или слабывыпуклым рабочим фронтом [15; 16]. Специфическим элементом нуклеусов такой конструкции является устройство двух отбивных площадок, которые на сработанных нуклеусах плавно переходят в плоский тыл и образуют с ним одно целое. Изометрически это сильно вытянутый овал, дугообразно искривлённый в профиле. Оконечности этой плоскости могут быть заострёнными, параболическими. Конечные точки овала (функциональные участки потенциальных площадок торцового фронта) соединены между собой продольным ребром, снятие которого начинало функциональную огранку торцового фронта. Боковые элементы нуклеуса целенаправленно создавались либо поперечными сколами от боковых продольных рёбер, либо продольными сколами с боковых участков площадок. Первый способ формовки боков представлен как будто бы шире. Искусственно созданные боковые плоскости выполняли двоякую функцию: во-первых, они изначально ограничивали ширину рабочего фронта нуклеуса, во-вторых, обеспечивали подъём выпуклости фронта при оживлении. Предпосылкой формирования таких нуклеусов часто служил плитчатый характер кремнёвого сырья. В таких случаях торец плитки трансформировался в тыльную сторону нуклеуса. Сработанные нуклеусы подобной конструкции широко распространены в позднем палеолите Западной Европы [9]. Технология серийно представлена в позднем и финальном палеолите Поль-

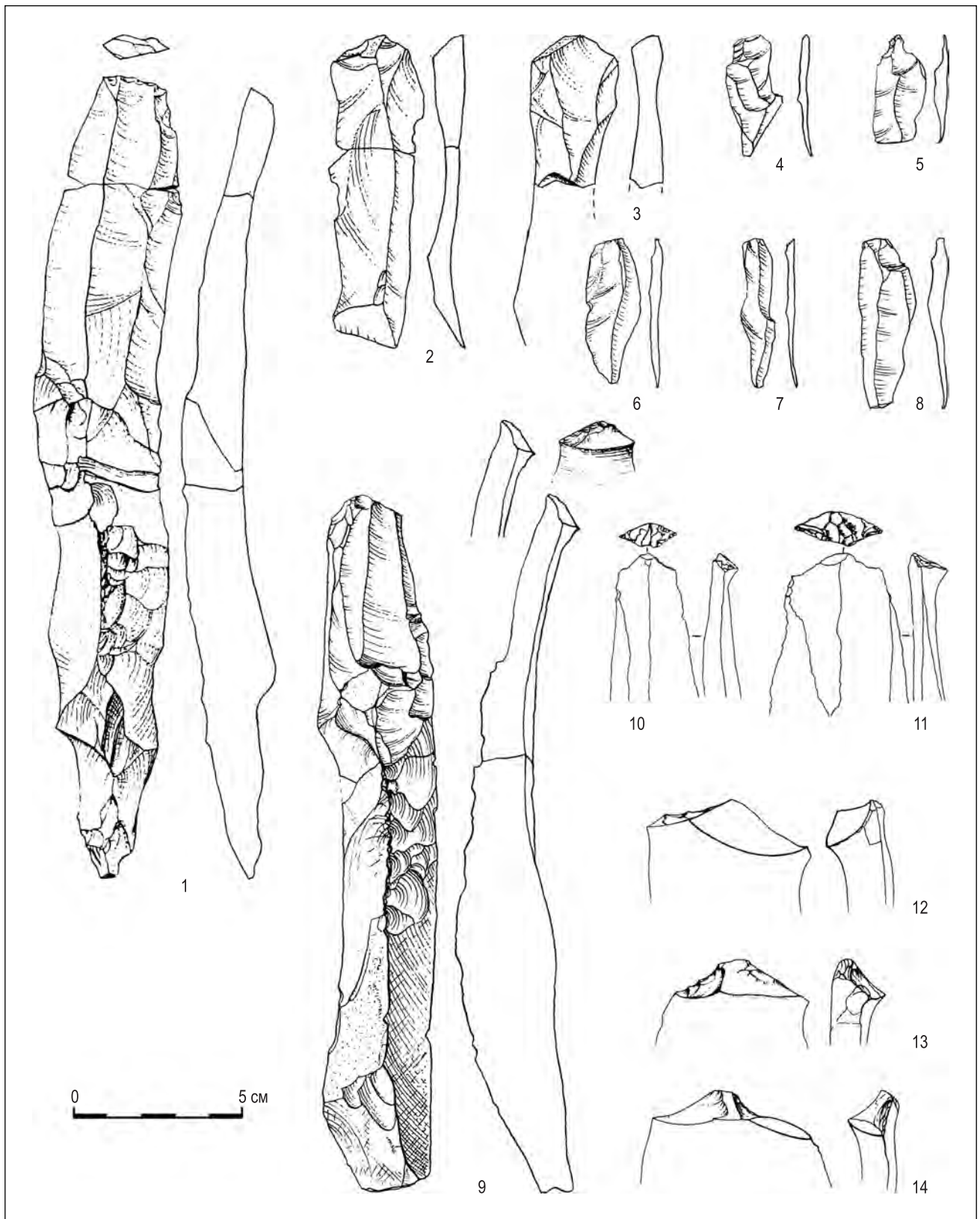

Рис. 1. Кремнёвые пластины из мастерской Выдылыха (1–9), аналоги ударным площадкам (10–11 – по [8]; 12–14 – по [9])

ши [17]. Рабочий фронт нуклеусов при общей торцовой конструкции отличался значительной шириной и на заключительной стадии эксплуатации постепенно трансформировался в широкий слабовыпуклый или уплощённый фронт. На одном из остаточных нуклеусов Выдыльхи видно активное использование продольного ребра для подправки фронта на заключительной стадии работы. Рабочий фронт нуклеусов часто имеет заметную выпуклость в профиле, своеобразный излом. Это связано со скалыванием пластин, длина которых незначительно перекрывала середину фронта. Утончение пластины к дистальному концу приводило к сохранению массы кремня в области середины фронта и, соответственно, к нарастанию выпуклости. Ремонт сколов показывает, что пластины скалывались попеременно с двух полярных площадок и в блоках совмещались дистальными концами. Такой эффект возникал при площадках с выраженным тупым углом наклона к уплощённой тыльной стороне нуклеуса. Остаточные формы двухплощадочных нуклеусов с площадками, расположенными в плоскостях, близких к параллельным, приобретают вид, напоминающий так называемые челновидные нуклеусы свидерского круга памятников. В отличие от двухплощадочных ядрищ Вислой Балки остаточные двухплощадочные нуклеусы свидерского типа, как правило, имеют уплощённый интенсивно обработанный тыл и уплощённый рабочий фронт. Отличия касаются, в первую очередь, уплощённости рабочего фронта, что отражает отличия в геометрии «целевых» (сколотых преднамеренно) пластин. Технология широко представлена в индустрии Вислой Балки и в комплексах финального палеолита бассейна р. Евсуг. К стандартам свидерского метода расщепления нуклеусов челновидного типа более всего приближаются сработанные двухплощадочные нуклеусы финального палеолита Роголикско-Передельского района. По наблюдениям М.Н. Желтовой, свидерские челновидные нуклеусы предназначались для получения пластин с прямым профилем, что было обусловлено необходимостью изготовления наконечников из цельных (нефрагментированных) пластин. Умелое скалывание пластин с двух встречных площадок приводило к заметному уплощению фронта. В этом плане свидерские челновидные нуклеусы для пластин являются дальнейшим развитием мадленских двухплощадочных нуклеусов для пластин, предназначенных для получения заготовок цельнопластинчатых наконечников с прямым профилем.

Заготовки нуклеусов-гигантолитов с уплощённым тылом и торцовым рабочим фронтом конструировались также с одной площадкой. У таких заготовок часто заметно килевидное основание [16, Fig. 3], которое, впрочем, не мешало появлению здесь вспомогательных площадок по мере истощения нуклеуса. С килевидным основанием одноплощадочного нуклеуса-гигантолита связан ремонт дисковидного нуклеуса стоянки Радомысль [18]. Характерные следы данной технологии фиксируются в коллекции кремнёвых изделий из мастерских Выдыльхи (раскоп II). Складень № 1 демонстрирует базовые элементы метода в виде инициального продольного двустороннего ребра, предвещающего призматическую огранку фронта. Примечательно, что исходная заготовка имела выпуклые асимметричные очертания. В плане эти заготовки имеют неправильные листовидные очертания. Один из продольных краёв оформлен в виде ребра с двусторонней оббивкой, второй, массивный, приближается к плоскости, расположенной перпендикулярно к основной плоскости заготовки.

Перечисленные варианты торцового и полуобъёмного расщепления нуклеусов для пластин не исчерпывают всего многообразия тактики расщепления и продиктованы особенностями местной сырьевой базы.

В связи с характеристикой сопряжённой группы технологий торцового расщепления нельзя пройти мимо проблемы скалывания пластин с двухплощадочного рабочего фронта. Подавляющее большинство вторых площадок на нуклеусах Вислой Балки возникли ситуационно при формовке торцового рабочего фронта, а также (в основном) при устранении дефектов целевого скалывания или возобновлении скалывания со вспомогательной площадки по мере срабатывания ядрища. Не удивительно, что большинство двухплощадочных нуклеусов относятся к остаточным формам. Вместе с тем, расщепление в рамках метода с использованием нуклеусов с плоским тылом изначально базировалось на использовании двух взаимосвязанных ударных площадок. Двухплощадочная конструкция нуклеусов принципиально не менялась на всём протяжении их эксплуатации. Заготовок и сработанных нуклеусов такой конструкции достаточно много в коллекциях из мастерских позднего палеолита (Висла Балка) и стоянок финального палеолита (Роголикско-Передельский район) [19]. В коллекциях со стоянок и из мастерских стабильно высок процент пластин со встречной огранкой, доходящей до середины корпуса.

В целом эта сопряжённая группа методов первичного расщепления по многим характеристикам сопоставима с мадленским технокомплексом. В строгом смысле слова, европейский мадлен как культурный феномен не распространяется на восток дальше территории современной Польши [20]. Вместе с тем именно на основе мадлена развивается свита европейских культур финального палеолита с цельнопластинчатыми наконечниками, в том числе культур Восточной Европы [21]. Приведённый сравнительный анализ нуклеусных технологий показывает, что технологические идеи могут распространяться шире культурных (стилистических) стандартов и относительно независимо от них. В группу торцовых технологий получения пластин позднего палеолита входит также специфическая технология изготовления нуклеусов из крупных отщепов; эта технология редко встречается в синхронных европейских индустриях, но тем не менее обязательно дополняет классический набор мадленских технологий первичного расщепления.

Сопряжённая группа методов объёмного расщепления включает тривиальные и специфические операционные последовательности, хорошо документированные материалами кремнёвых индустрий позднего и финального палеолита Большого Донбасса.

Самостоятельный метод подготовки и расщепления нуклеусов с объёмным (выпуклым, круговым) рабочим фронтом связан с подготовкой и утилизацией нуклеусов «донецкого типа», впервые описанными в ре-

гиональных материалах на примере Краматорской неолитической мастерской. В ограниченном количестве следы такой технологии первичного расщепления сохраняются в материалах нескольких мастерских, поскольку характерные именно для этой технологии приёмы подготовки нуклеусов на стоянках почти полностью нивелируются. Стадиальной формой этого метода расщепления являются массивные заготовки в виде конвергентных скрёбел с гладкой или ретушированной площадкой-перемычкой. В качестве заготовок, как правило, использовались массивные первичные отщепы или крупные куски конкреций с широкой плоской гранью-трещиной. Плоские поверхности служили площадками при формировании двух смежных рёбер. Они образовывались серией поперечных сколов, придающих краям характер скребловидного лезвия. Поперечное сечение заготовок плоско-выпуклое. Поперечные площадки на широком конце образовывались одним сколом или ретушировались. Сколы продольных слегка изогнутых рёбер с односторонней огранкой, ориентированные на плоскую сторону заготовки, придавали корпусу нуклеуса первоначальную параллельную огранку, которая последовательно развивалась при систематическом отделении пластин и приводила в конечном счёте к формированию одноплощадочного призматического нуклеуса. Эта простая и универсальная технология широко использовалась на протяжении длительного времени от позднего палеолита вплоть до энеолита и имеет три хронологические версии, связанные с различными техниками скола. В позднем палеолите в основном применялась ударная техника скола, в мезолите и неолите – простая отжимная техника, в энеолите использовался рычаговый отжим.

В группу методов расщепления нуклеусов с объёмным рабочим фронтом входит технология обработки нуклеусов, изготовленных простым способом из удлиненных массивных конкреций или цилиндрических фрагментов. Геометрия кусков породы допускала скалывание пластин и пластинчатых отщепов после несложной подправки поперечной круговой площадки (площадок) без операций по форматированию корпуса, рабочего фронта и тыла нуклеуса. Площадками становились поперечные торцы-сломы или специально созданные поверхности. Такому же простому, с точки зрения технологического оформления, расщеплению подвергались также угловатые куски кремня. Применение метода обусловило появление на стоянках и в мастерских простых по конструкции нуклеусов пирамидальных очертаний. В ряде случаев требовалось формирование небольших по протяжённости ребристых участков. Чаще всего в этом нуждались участки в основании рабочего фронта. Ребристые участки несут явно вспомогательный, ситуационный характер и не влияли на общую конструкцию нуклеуса. Простота метода не требовала значительных усилий по предварительной подготовке. Возможно, поэтому в материалах мастерских метод расщепления нуклеусов без предварительной подготовки фронта и тыла документирован весьма слабо, зато хорошо представлен на стоянках.

В складне № 1 из скопления в раскопе V местонахождения Выдылыха (гипсовая отливка) отражена морфология одноплощадочного нуклеуса с тремя рёбрами жёсткости, образованными двумя смежными плоскостями; третье ребро – соединение под острым углом вершин негативов поперечных сколов, направленных от тыльных рёбер. Именно это ребро было центральным и целевым при формировании рабочего фронта. Данная версия подготовки-расщепления призматических нуклеусов предполагала круговую огранку тела нуклеуса и представлена определённым количеством пластин с двусторонней поперечной огранкой «на ребро», что может свидетельствовать о статистическом значении такого метода.

В материалах мастерских значительные серии составляют одноплощадочные нуклеусы с уплощённым рабочим фронтом, выполненные из уплощённых и округлых кремнёвых конкреций. Форма исходного сырья хорошо прослеживается по остаткам корковой поверхности на тыльной стороне изделий. Подработка тыла осуществлялась в основном изначально, так как негативы тыльных сколов сохранились на большинстве этих нуклеусов в усечённом виде. У остаточных нуклеусов тыл переоформлялся на последней стадии расщепления. Конструктивно и по характеру оформления площадки он очень близок к среднепалеолитическим нуклеусам с боковыми сколами подъёма фронта. Краевые участки площадок на большинстве ядрищ этой разновидности типично позднепалеолитические, редуцированные. Поверхность площадок преимущественно гладкая. Негативы огранки рабочих фронтов в основном нестрогие, хотя весьма крупные и удлиненные. В зависимости от характера исходной заготовки, тыльная сторона нуклеусов с уплощённым рабочим фронтом могла сохранять естественную корковую поверхность. Не исключается возможность перемещения торцового рабочего фронта на боковую поверхность нуклеуса по мере его систематического расщепления. Метод расщепления широко практиковался в позднем и финальном палеолите региона.

Сопряжённая группа методов примитивного расщепления (радиальное, кубовидное) представлена ограниченным количеством изделий, происходящих преимущественно из мастерских. Эти нуклеусы – массивные, без системно подготовленных площадок, имеют нестрогие очертания и огранку, близкую к продольно-поперечной. Это придаёт “дисковидным” нуклеусам некий чопперовидный облик. Назвать систему скалывания с таких ядрищ радиальной можно весьма условно. Не исключено, что радиальные нуклеидные формы являются отбракованными заготовками со следами оформления продольных рёбер, однако нет ни одного случая ремонта нуклеуса с дисковидной стадией обработки. Наоборот, складни примитивных радиальных нуклеусов с отщепами известны в мастерской Висла Балка. Кубовидное расщепление прослежено и в материалах стоянок, и в материалах мастерских, что демонстрирует стабильность этого технологического простого метода расщепления куска каменной породы на отдельные отщепы и фрагменты. Примитивное расщепление было рассчитано на получение отщепов, достаточно широко востребованных при производстве каменных орудий с вторичной обработкой. Судя по следам технологии, специально направленной

на получение отщеповых заготовок, сколы-отбросы, образуемые при расщеплении нуклеусов для пластин, не удовлетворяли полностью потребность в этом типе заготовок.

При подготовке и расщеплении нуклеусов в рамках описанных методов использовались два класса отбойников – «жёсткие» и «мягкие». Типичной является ситуация, когда смена инструмента происходила при переходе к скалыванию пластин с подготовленного рабочего фронта.

Широкое распространение в местных индустриях позднего палеолита, в равной степени на стоянках и в мастерских, получили особые технологии скалывания пластин «мягким» отбойником со специально подготовленной площадки. Они выразились в специальной подготовке зон расщепления на ударных площадках нуклеусов. Как хорошо известно, наиболее массовой была технология скалывания пластин «мягким» отбойником с редуцированных и пришлифованных площадок. Сама по себе эта технология является достаточно сложной и вариативной и включает операции по фасетированию, перебору карниза, редуцированию, пришлифовке и т.д. Сформированные такими приёмами зоны расщепления были довольно крупными, до 1 кв. см. При скалывании образовывались специфические ударные бугорки, оконтуренные узким валиком со стороны площадки. Площадки с такой морфологией уверенно диагностируются на многих «целевых» пластинах из донецких мастерских. В редких случаях редуцированные площадки отмечены на самих нуклеусах, происходящих из мастерских. В мастерских этот приём использовался не только при отделении пластин, но и при формировании продольных ребристых поверхностей на корпусе нуклеусов, например в Вислой Балке. Ряд пластин с односторонней поперечной ребристой огранкой из этой мастерской отличаются интенсивной пришлифовкой продольного ребра. Нет оснований утверждать, что между стоянками и мастерскими регионального позднего палеолита, в отличие от стоянок и мастерских неолитической эпохи, лежит резкая технологическая грань, связанная с изменением техники скола. Приём редуцирования площадок представлен в региональных материалах образцами, близкими к эталонным. Поэтому возможны обоснованные параллели между кремнёвыми индустриями из донецких мастерских и удалённых от них стоянок Русской равнины.

С наиболее сложной версией технологии скалывания пластин связаны особые выпуклые ударные площадки, известные в материалах комплекса из Выдылыхи. В частности, такая площадка отмечена на крупной ребристой пластине, сохранившейся в двух фрагментах (рис. 1: 9). В русскоязычной литературе такие площадки описаны как «костёнковские шпоры» по эпонимному памятнику (Костёнки I, верхний слой) с большим количеством подобных образцов или как площадки, полученные приёмом «изолирования и освобождения» [6]. Угол наклона плоскости площадки к центральной плоскости пластины из Выдылыхи составляет 115 градусов. Признаки такой площадки отмечаются также на крупной пластине из складня № 1. Примечательно, что из всего набора технологий первичного расщепления кремня позднего палеолита Донбасса именно комплекс из Выдылыхи наиболее близок к восточно-граветским комплексам центра Русской равнины. Детальное исследование классических костёнковских технологий расщепления камня Среднего Дона [22] и материалов Северо-Западного Донбасса позволяет проводить обоснованные технологические параллели. Примечательно, что этот специфический приём расщепления применялся и при подготовке рабочего фронта нуклеуса, и при скалывании «целевых» пластин.

Специфические шиповидные площадки (*talons de lames facettés et en éperon*), «шпоры», являются одной из основных форм ударных площадок пластин позднего палеолита Западной Европы. Они ассоциируются с граветской в широком смысле слова технологией нуклеусного расщепления, широко представлены также в протомадлене [13] и мадлене Западной Европы [23]. В комплексах мадлена Парижского бассейна выделяются как минимум три версии шиповидных площадок в зависимости от характера начала скалывающей трещины [8, Fig. 180]. У этих площадок, помимо ясно оформленного выступа на краевом участке широкой площадки («шпоры»), отмечается также специфическая морфология начала скалывающей трещины (рис. 1: 10–14). В целом характерен растянутый по всей ширине площадки ударный бугорок. Начало трещины напоминает морфологию дистальной части ударного бугорка при отсутствии видимой точки приложения скалывающего импульса, т.е. начала ударного бугорка. Удар наносился по шиповидному выступу, собственно по «шпоре». Скалывающая трещина закладывалась на некотором расстоянии от точки приложения удара, поэтому импульс успевал рассредоточиться по сферической поверхности, что и определяло геометрию базальной части скола. Вероятно применение «мягкого» отбойника (рогового?) при скалывании таких пластин.

Зона расщепления включала не только площадки, но и прилегающие к ним участки рабочего фронта нуклеуса. Геометрия верхней части рабочего фронта непосредственно влияла на характер трещины и, таким образом, на размеры и форму скалываемой пластины.

Особое внимание следует обратить на характер огранки верхней части крупных ребристых пластин (рис. 1: 1) из складня № 1 из мастерской Выдылыха. Эти примыкающие к площадке участки фронта получали параллельную огранку. Данный приём понижал рельеф поверхности в зоне расщепления и делал базальную часть пластины более тонкой и широкой по сравнению со средней частью, что сохраняло высокое и узкое бифасиальное ребро. Таким образом, удавалось обеспечить управляемое затухание ударного импульса и сколоть ребро по всей высоте рабочего фронта. Образующие при этом средние и мелкие пластины (рис. 1: 4–8) явно относятся к категории технических сколов, хотя по морфологии часть из них близка к так называемым целевым пластинам. По крайней мере, две из них (рис. 1: 2–3), судя по их топографии в складне, определённо выполняли функцию параллельной огранки верхнего участка рабочего фронта и одновременно понижения высоты фронта в зоне расщепления. Видимо, практически все пластины из мастерской Выдылыха являются такими техническими сколами. Расточительное расходование кремнёвого материала

в мастерских позволяло пренебрегать техническими сколами, включая крупные пластины, которые вполне нашли бы применение на удалённых от источников каменного сырья стоянках.

Примечательно, что краевые ребристые пластины не снимались на всю длину, по крайней мере в индустрии мастерской Выдылыхи. В подавляющем большинстве они относительно короткие и затрагивают верхнюю часть торцового рабочего фронта приблизительно на одну треть. Скалывание этих ребристых участков выполняло ту же функцию, что и скалывание относительно коротких пластин с неустойчивой огранкой, – функцию параллельной огранки базальной части большой первичной пластины.

Описанные выше продукты подготовки и расщепления нуклеусов для пластин «мягким» отбойником охарактеризованы преимущественно по материалам мастерских Донецкого региона. Репрезентативные выборки со стоянок представлены фракцией, связанной с получением пластин средней величины, то есть с «развитым» этапом технологической цепочки. В комплексах стояночного типа ожидаемо искажён баланс огранки дорсальной поверхности пластин, более выражен индекс редуцированных площадок, «утерян» ряд служебных сколов начальных этапов расщепления; комплексы отягощены различными по топографии техническими сколами глубокой переработки сырья.

Следы отжимной техники получения пластин содержатся в ограниченном количестве на изделиях из мастерской Висла Балка. Признаки отжимной техники получения пластин в настоящее время изучены на широком сравнительном материале. На клиновидном нуклеусе из скопления в кв. НО-30 сформирован рабочий фронт с негативами регулярных параллельных пластин. Незначительная часть пластин из этой мастерской (7 штук) имеют площадки, заметно «заваленные» на дорсальную плоскость под тупым углом. При этом в стояночных сериях региона сами пластины, полученные отжимным способом, не отмечены или спорны.

Для диагностики техники скола пластин с применением посредника данных нет, вернее, материал не рассматривался под таким углом зрения.

Выводы

Описанные технологии были рассчитаны на получение при помощи ударной техники скола крупных и средних по величине пластин. Решение этой задачи возможно при эксплуатации весьма крупных уплощённых заготовок нуклеусов специфической конструкции, а также при использовании особой техники скола. В наиболее рафинированном виде эта технология реализована в случае с подготовкой-расщеплением особых нуклеусов-гигантолитов в форме асимметричных бифасов с утолщённым (уплощённым в поперечной плоскости) краем. Маркёрами такой технологии являются крупные ребристые пластины со специфической огранкой базальной части, ударные площадки в виде «костёнкоской шпоры» (или: «talons de lames facettés et en éरण»), сколы формирования бифасиальных поверхностей и другие технические сколы. Эта технология, несмотря на объективные технологические ограничения, имеет ярко выраженный стилистический контекст, т.е. отражает определённую культурную норму.

Привлечённые аналогии методов первичного расщепления кремня в целом затрагивают в основном круг памятников мадленского типа Западной и Центральной Европы. Это сходство имеет двоякую природу. С одной стороны, над восприятием материала, происходящего из Восточной Европы, в значительной степени довлеют стандарты французской типологической школы. С другой стороны, генетическая связь среднего и позднего палеолита Восточной Европы и западных регионов континента давно приобрела статус официальной концепции. Проведённый детальный анализ технологии первичного расщепления кремнёвых индустрий Донецкого региона наглядно демонстрирует технологические стандарты, характерные для классических памятников позднего палеолита центра Русской равнины. Наиболее близкие параллели возможны с памятниками Костёнковско-Авдеевской группы. В археологической литературе происхождение памятников так называемого восточного граветта связывают с миграцией части населения Центральной Европы в восточном направлении около 30 тысяч лет назад. Возможно, изложенные материалы будут способствовать реанимации интереса к проблеме сырьевой базы Костёнковского палеолита.

Сохранение культурной традиции, в том числе в области технологии расщепления камня, основано на системном тиражировании образцов. Поэтому вероятно открытие в Восточной Европе новых памятников кремнеобработки с особыми технологиями получения крупных и средних пластин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Висла Балка – позднепалеолитический памятник на Северском Донце / Под ред. А.В. Колесника // Археологический альманах. № 1. Донецк, 2002.
2. Новая позднепалеолитическая мастерская в ур. Выдылыха на Северском Донце (предварительное сообщение) / А.В. Колесник, О.Л. Вотякова, Н.П. Герасименко, И.А. Снежко // Дослідження первісної археології в Україні (До 50-річчя відкриття палеолітичної стоянки Радомишль). Київ, 2008.
3. *Pelegrin, J.* Approche technologique expérimentale de la mise en forme de nucléus pour la débitage systématique par pression // Préhistoire de la pierre taillée. 2: Economie du débitage laminaire. – Cercle de Recherches et Edites Préhistoriques. Paris, 1984.
4. *Inizan, L.* Nouveaux études d'industries lithiques du Cypsien // Thèse de 3e cycle, Paris, X Nanterre. Paris, 1982.
5. *Борисковский П.И.* Палеолит Украины. М.; Л., 1953. (МИА. № 40)
6. *Гиря Е.Ю.* Технологический анализ каменных индустрий // Методика микро- и макроанализа древних орудий труда. Ч. 2. СПб., 1997.
7. *Giria, Y., Bradley, B.* Blade Technology at Kostenki 1/1, Avdevo and Zaraysk // Восточный граветт. М., 1998.
8. *Leroi-Gourhan, A., Brézillon, M.* Fouilles de Pincevent. Essai d'analyse ethnographique d'une habitat magdalénien (la section 36) // VIIe supplément à «Gallia préhistoire». CNRS. 1972.

9. Vermeersch, H., Lauwers, R., Van Peer, Ph. Un site magdalénien à Kanne (Limbourg) // *Archeologia Belgica*. 1. 1985.
10. Chambord, E. Une grande pièce arquée à Verlet, La Roche-Posay (Vienne) // *Bulletin de la Société Préhistorique Française*. T. 66. № 2. 1969.
11. Foucher, P., San-Juan, C. Les Genets (Leigné-Les-Bois, Vienne), atelier des taille magdalénien dans son contexte régional // *Revue Archéologique du Centre de la France*. T. 30. 1991.
12. Morala, A. «Grandes pièces arquées du Magdalénien supérieur»: une nouvelle préforme de grand nucléus a lames découverte en Lot-et-Garonne // *Paléo*. 1999. № 11.
13. Surmely, F., Alix, Ph. Note sur les talons en éperon du protomagdalénien // *Paléo*. 2002. № 4.
14. Bosinski, G., Hanh, J. Der Magdalénien-Fundplatz Andenach (Martinsberg) // *Beitrag zum Paleolithicum im Rheinland. Rheinische Ausgrabungen*. Band 11. Bonn, 1972.
15. Olive, M. Une habitation Magdalénienne d'Etiolles. L'Unité P15 // *Mémoires de la Société Préhistorique Française*. T. 20. 1988.
16. Pegiot, N. Magdaléniens d'Etiolles. Economie de débitage et organisation social // XXVe supplément à «Gallia préhistoire». CNRS. 1987.
17. Fiedorczuk, J. Processing Workshops and Habitation Sites of the Final Palaeolithic Mazowian Complex. A View from the Perspective of Flint Artefacts Refitting // *Man and flint. Proceeding of the VIIth International Flint Symposium*. Warszawa – Ostrowiec Swietokrzyski. September 1995. Warszawa, 1997.
18. Усик В.И. К вопросу о «гигантолитах», топорах и формах мустьерских нуклеусов в позднепалеолитических комплексах (по материалам ремонта коллекции комплекса 2 стоянки Королева 2 Радомышль) // *Vita antiqua*. 3–4. Київ, 2001.
19. Горелик А.Ф. Памятники Роголико-Передельского района. Проблемы финального палеолита Юго-Восточной Украины. Луганск, 2001.
20. Kozłowski, J.K. Le Magdalénien en Polone // *Le Magdalénien en Europe*. ERAUL 38. Liege, 1989.
21. Залізняк Л.Л. Фінальний палеоліт і мезоліт Східної Європи // *Кам'яна доба України*. Вип. 12. Київ, 2005.
22. Лев С.Ю., Кларик Л., Гуря Е.Ю. О причинах разнообразия ножей костенковского типа // *РА*. 2009. № 4.
23. Otte, M. Le Magdalénien de Belgique: un aperçu // *Le Magdalénien en Europe*. ERAUL 38. Liege, 1989.

*Донецкий национальный университет,
Донецк*

A.V. Kolesnik

INTEGRATED GROUP OF METHODS FOR KNAPPING CORES IN THE WORKSHOPS OF THE LATE PALAEOOLITHIC IN DONBASS

Summary

A number of workshops for cores and blades production have been studied in the middle part of the Seversky Donets River basin. Among them, the main ones are sites in the Vislaja Balka and the Vydylkha tract on the right bank of the river, in areas where there are rich sources of the high-quality flint formed during the Upper Cretaceous period. An analysis of flint knapping techniques used at these sites demonstrates their similarity to techniques for producing large and medium size flint blades in the lithic industries of Western Europe. Traditionally, they are considered as the Gravettien and the Magdalénien technocomplexes. Close parallels to them can be found in the industries of the so-called Eastern Gravettien in the central part of the Russian Plain (Kostyonki, Avdeev, and others).

*Donetsk National University,
24, Universitetskaya St., Donetsk, 830001
E-mail: akolesnik2007@mail.ru*

Е.А. Кашина

ЛУК В ЭНЕОЛИТЕ ЦЕНТРА РУССКОЙ РАВНИНЫ

Объектом изучения в данной работе стала одна категория костяных предметов неизвестного назначения, которая встречается в материалах энеолитических поселений (преимущественно волосовской культуры, около 3300–2700 BC cal) и уже неоднократно попадала в поле зрения исследователей. В.В. Сидоров трактовал их как свистульки-манки, А.В. Уткин – как детали масок, изображающие птичьи клювы, Е.Л. Костылёва – как орудия для плетения сетей [1, с. 209; 2; 3].

Цель работы состоит в попытке переизучить серию этих костяных предметов, подробно рассмотрев их морфологические особенности, тем более что подавляющее большинство предметов хранится в коллекциях Государственного исторического музея и доступно для изучения.

Ко времени написания статьи автору был известен 41 подобный артефакт с пятнадцати памятников. Все эти памятники примечательны обширными коллекциями костяных изделий: Языково I, Николо-Перевоз II, Маслово Болото IV и V, Великодворье I, Шагара II, озеро Шагара (сборы), Владычино, Одоевские Фермы, Чёрная Гора, Сахтыш I и II, Волосовские стоянки, Володары, Усвяты IV (рис. 1).

Морфология предметов

Предметы найдены как целыми, так и во фрагментах, причём последних большинство. Все предметы, изученные мной непосредственно в Историческом музее, сделаны из трубчатой кости крупного млекопитающего (вероятно, лося), отшлифованы, часто отполированы. Размеры целых форм – 9–12 см.

Каждый предмет можно условно разделить на три части: окончание, зона отверстий, уплощённая часть (рис. 2). Окончание обычно приотстрённое, в семи случаях – трёхгранное (№№ 9–11, 15, 29, 31, 32) и по одному – четырёхгранное, овальное и сложной формы (№№ 41, 30, 38) (приведённые в тексте и на рисунках номера соответствуют порядковым номерам изделий в каталоге).

У ряда предметов (№№ 1, 10, 11, 15, 16, 18) есть орнамент на внешней стороне в виде групп насечек ёлочкой и в виде коротких насечек на гранях острия (Усвяты IV, Шагара II, оз. Шагара (сборы), Одоевские Фермы).

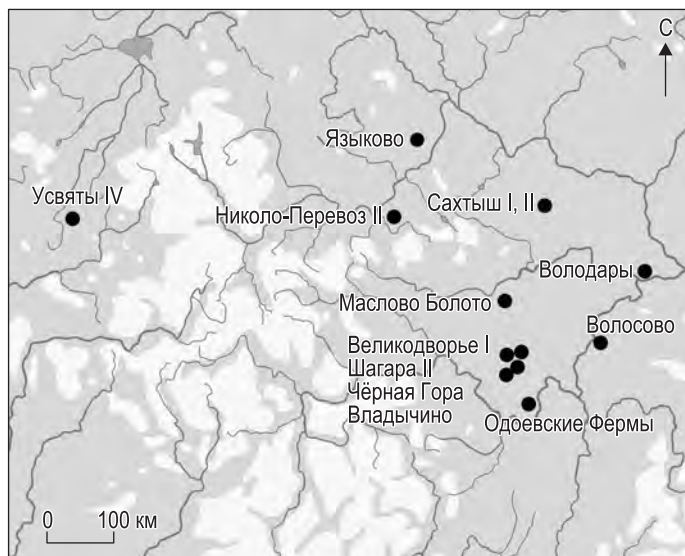

Рис. 1. Территория распространения исследуемых костяных предметов

Каталог находок костяных деталей составных луков энеолита центра Русской равнины

№	Памятник	Фрагмент	Отверстия	Желобок между отверстиями	«Расчёсы»	«Порожек»	Орнамент
1	Усвяты IV		Вдоль	+		+	+
2	Языково I	+	Вдоль	+			
3	Николо-Перевоз II		Поперёк	–	+	–	–
4	Маслово Болото IV		Вдоль	–	+	+	–
5	Маслово Болото V		Вдоль	–		+	–
6	Великодворье I		Вдоль	+	+	+	–
7	Великодворье I	+	Вдоль	–	+		–
8	Великодворье I	+	Поперёк				–
9	Шагара II		Вдоль	–	+	–	–
10	Шагара II	+	Поперёк	–			+
11	Шагара II	+	Наискось	–			+
12	Шагара II	+	–	–			–
13	Шагара II	+	Поперёк	–			–
14	Шагара II	+	Поперёк	–			–
15	Шагара II (?)	+					+
16	Оз. Шагара (сборы)	+	Вдоль	+	+		+
17	Оз. Шагара (сборы)	+	Вдоль	–			
18	Одоевские Фермы	+	Вдоль	–			+
19	Чёрная Гора		Поперёк	–		+	–
20	Чёрная Гора	+	Вдоль	+	+	+	
21	Чёрная Гора	+	Вдоль		+	+	
22	Чёрная Гора	+	Вдоль	+			
23	Владычино		Наискось	+	+	–	–
24	Владычино	+	Вдоль	–			–
25	Владычино	+	Наискось		+	–	
26	Сахтыш I		Вдоль	+	+	+	–
27	Сахтыш II	+	Вдоль	+	+	+	
28	Сахтыш II. «Клад» 3		Вдоль	+		+	–
29	Сахтыш II. «Клад» 8	+	Вдоль	+			
30	Сахтыш II. «Клад» 8	+	Вдоль	–			
31	Сахтыш II. «Клад» 10		Одно			+	–
32	Сахтыш II. «Клад» 10		Одно			+	–
33	Володары		Вдоль	–	–	+	–
34	Володары	+	Вдоль	–	–	+	
35	Володары	+	Вдоль	–	–	+	
36	Володары	+	Вдоль	–	–		–
37	Волосовские стоянки		Вдоль	–		–	–
38	Волосовские стоянки	+	Вдоль	+			–
39	Волосовские стоянки	+	Вдоль	–			–
40	Волосовские стоянки	+	Вдоль	–	+	+	
41	Волосовские стоянки	+					–

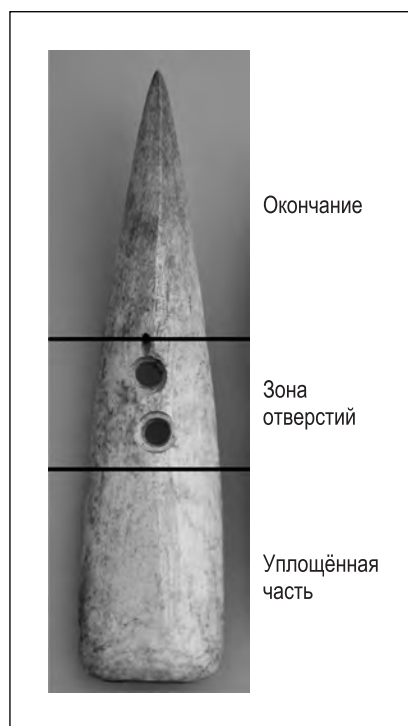

Рис. 2. Морфологическая схема костяного предмета (№ 9)

Отверстия на предметах в подавляющем большинстве случаев парные (одиночные встречены только у двух предметов из «клада» 10 на стоянке Сахтыш II – №№ 31, 32). Парные отверстия чаще расположены по продольной оси изделия, но в шести случаях встречены и поперёк (№№ 3, 8, 10, 13, 23, 25), а в трёх случаях – даже наискось (№№ 11, 23, 25).

Желобок между отверстиями с внешней стороны изделия достоверно наблюдается у двенадцати предметов (№№ 1, 2, 6, 16, 20, 22, 23, 26–29, 38).

Уплощённая часть предмета имеет подпрямоугольное, редко – овальное завершение. На тринадцати изделиях видны продольные «расчёсы» на внутренней стороне (№№ 3, 4, 6, 7, 9, 16, 20, 21, 23, 25–27, 40).

«Порожек» на торце с внешней стороны есть у пятнадцати предметов (№№ 1, 4–6, 19–21, 26–28, 31–35, 40) и достоверно отсутствует у пяти (№№ 3, 9, 23, 25, 37) (рис. 3).

Один предмет (№ 12), возможно, является незаконченным, так как не имеет сверлин. Другой (№ 24), – вероятно, брак: одна сверлина – несквозная, а уплощённая часть намеренно отпилена. Подобная практика распиливания пополам целых костяных предметов известна и неоднократно наблюдается у предметов в окских волосовских коллекциях ГИМ. Вероятно, речь может идти о ритуальных действиях, однако этот вопрос находится за пределами данного исследования и требует отдельного тщательного изучения.

Один предмет (№ 14) имеет очень тонкое заострение, возможно, после слома он был подработан для использования в качестве шила.

Характер сломов на предметах (там, где они наблюдаются) практически одинаков – около половины всех учтённых изделий обломано именно в зоне отверстий. Предметы из «кладов» на стоянке Сахтыш II здесь не учтены, так как сильно пострадали от огня.

В целом нужно отметить, что изделия с выделенными морфологическими особенностями не образуют выраженных территориальных групп и встречаются спорадически на различных памятниках.

Анализ морфологии предметов и поиск аналогов

Гипотеза о том, что эти предметы являлись накладками на концы рогов лука, имеет много доказательств. Их можно уверенно назвать часто встречаемыми, серийными, отсюда можно предположить их повседневное бытовое употребление. Наблюдение за отдельными частями предмета показывает, что их взаиморасположение не случайно, что все они так или иначе функциональны.

Моё внимание привлёк контекст ряда находок. В частности, предметы были найдены по два в ритуальных «кладах» 8 и 10, сопровождавших погребения на стоянке Сахтыш II (№№ 29–32) (рис. 4), и в одном экземпляре – в «кладе» 3 (№ 28) [3]. Отсюда возникает умозрительное предположение об их использовании всё-таки в паре. Ознакомившись с литературой по древним лукам и описанием экспериментальных работ по их воссозданию, я обнаружила несколько подтверждений своей гипотезы.

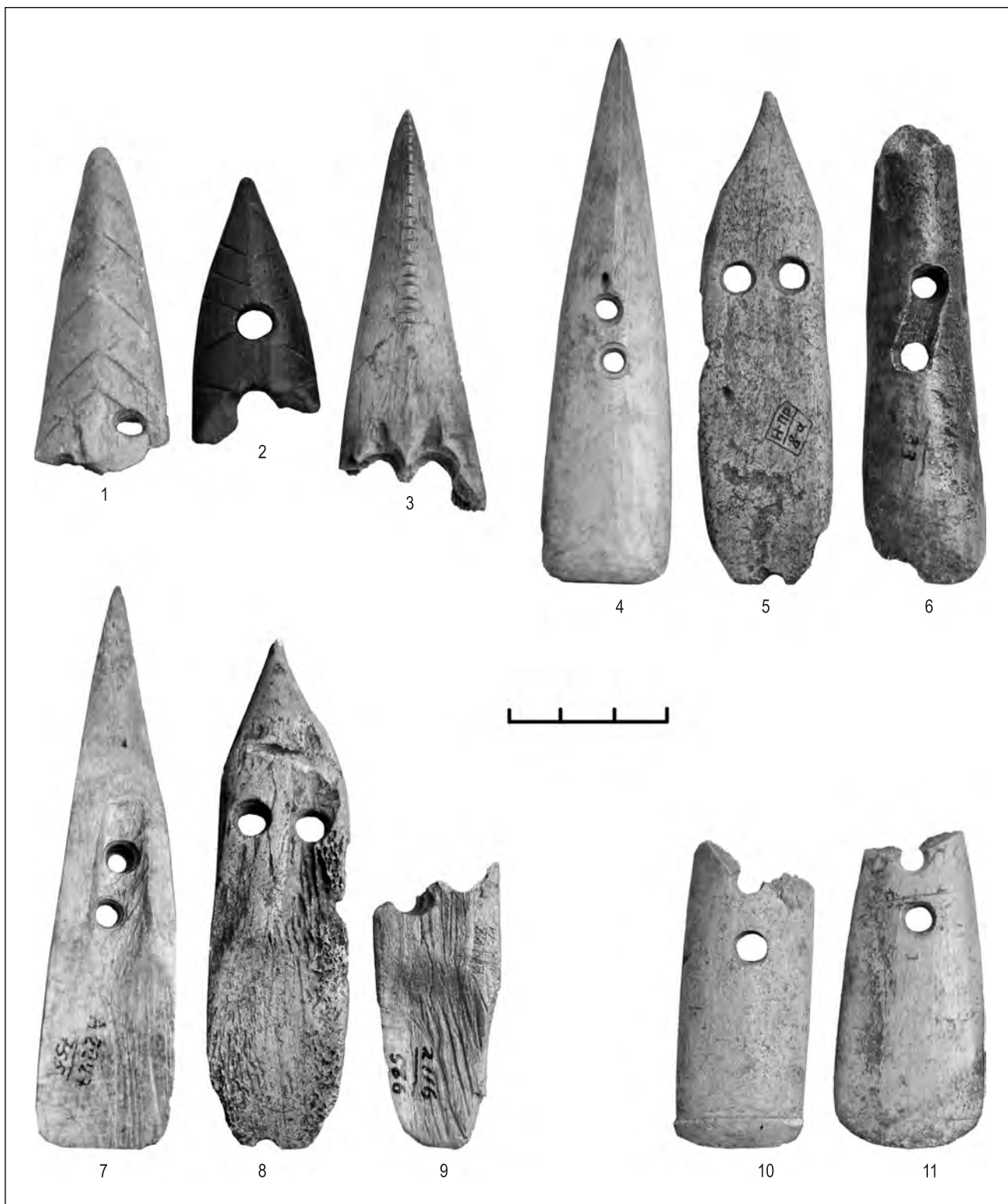

Рис. 3. Примеры морфологических особенностей костяных предметов:
 1-3 – орнаментация (1 – № 11; 2 – № 16; 3 – № 10); 4-6 – расположение отверстий (4 – № 9; 5 – № 3; 6 – № 23);
 7-9 – «расчёсы» (7 – № 9; 8 – № 3; 9 – № 25); 10-11 – «порожек» (10 – № 40; 11 – № 34)

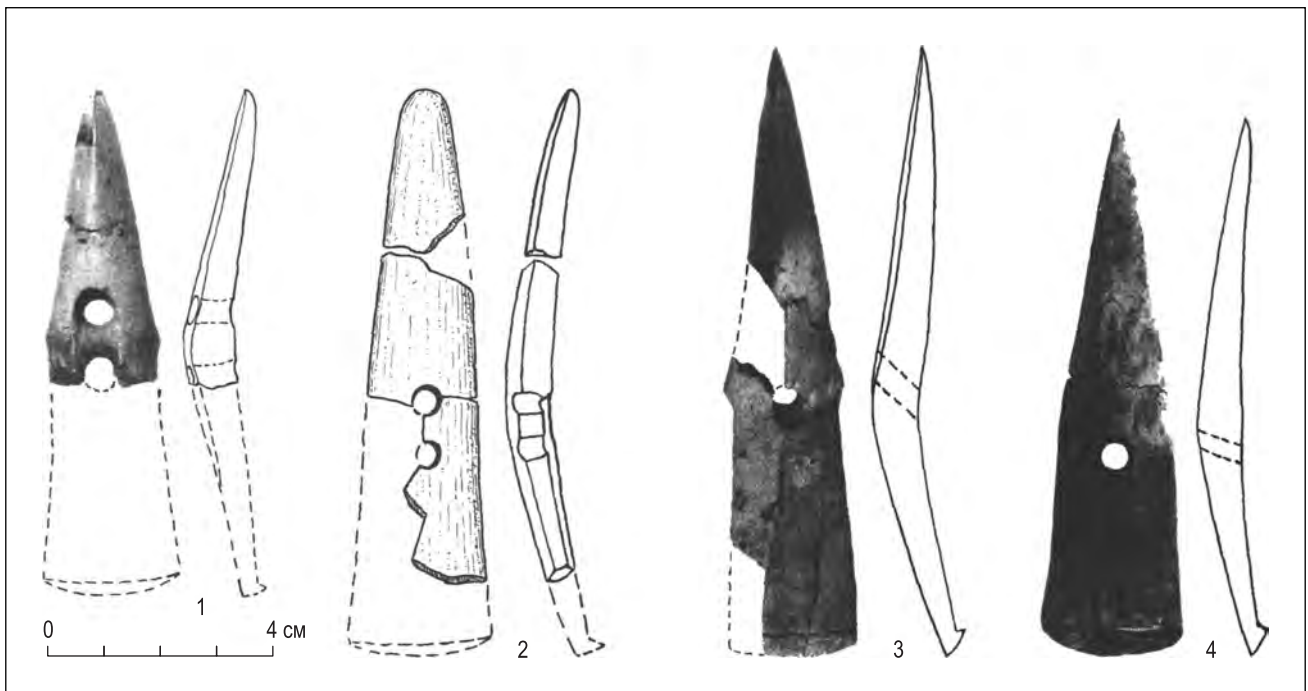

Рис. 4. Парные костяные предметы из «кладов» на стоянке Сахтыш II (Ивановская область):
 1–2 – «клад» 8 (1 – № 28; 2 – № 29); 3–4 – «клад» 10 (3 – № 31; 4 – № 32) (по: [3, рис. 9, 12, 15])

В первую очередь, на уплощённой части изделий изнутри часто встречаются нарезные «расчёсы» – это могло быть участком, который склеивался с деревянной частью. Подобная деталь характерна для накладок луков из погребений серовской неолитической культуры Прибайкалья (4000–3000 ВС), согласно описанию А.П. Окладникова [4; 5], а также целого ряда сложносоставных луков раннего железного века и раннего Средневековья [6; 7; 8; 9]. Есть устное сообщение С.А. Стефутина о находке накладки на поселении Горналь (автор благодарит С.А. Стефутину за эту информацию).

Внимательное изучение предмета (№ 6) с поселения Великодворье I (раскопки 2005 г.) показало, что по-верх участка, предположительно склеенного с деревянной частью, делалась обмотка (возможно, из сухожилий, кожи или бересты), так как механические следы от неё хорошо заметны на поверхности с внешней стороны и на ребре (рис. 5).

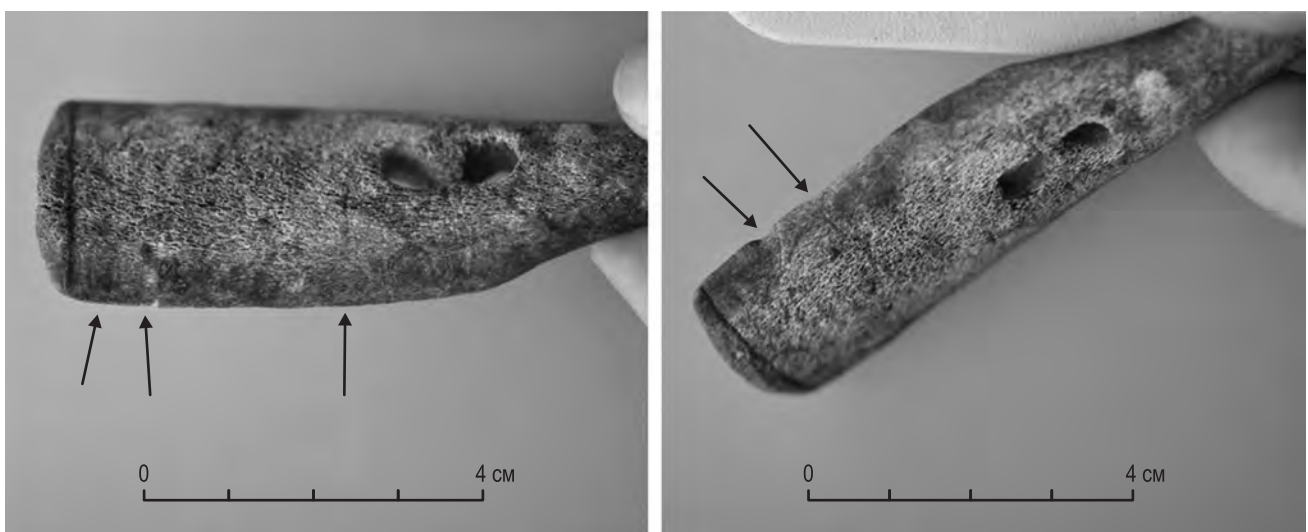

Рис. 5. Следы обмотки на костяном предмете (№ 6). Поселение Великодворье I (Московская область)

«Порожки», выделенные на ряде изделий, по-видимому, маркируют границы этой обмотки. Они делались, вероятно, для того, чтобы препятствовать её сползанию с нужного места. И «расчёсы», и «порожки» встречаются не у всех изделий: они, вероятно, облегчали склеивание и удержание костяной и деревянной частей, но не были обязательны.

Отверстия служили, очевидно, для продевания тетивы. Расположение отверстий поперечно или продольно, видимо, не было принципиальным моментом при изготовлении. Слом большинства изделий по нижней или верхней сверлине (или по обоим сразу при поперечном расположении отверстий) свидетельствует о том, что оно испытывало в этом месте очень сильную нагрузку. Диаметр отверстий в целом соответствует диаметрам выемки для тетивы у раннесредневековых луков и луков XIX века из Башкирии, которые мне удалось осмотреть в Отделе оружия Государственного исторического музея (автор выражает благодарность С.Ю. Каинову за помощь в этом исследовании).

Присутствующий у целого ряда предметов желобок между отверстиями, вероятно, служил для снижения трения и порчи выступающего участка тетивы, но, по всей видимости, тоже не был необходим. Возможно, крепление через два отверстия служило для того, чтобы подтянуть крепче тетиву при сырой погоде, но это предположение – чисто умозрительное. В связи с этим любопытны уникальные парные предметы из «клада» 10 на стоянке Сахтыш II, у которых было сделано всего по одному отверстию (рис. 4: 2). Но в принципе и через одно отверстие можно было продеть и закрепить тетиву. Достоверные накладки на лук как с одним, так и с двумя отверстиями известны в раннем Средневековье [9, рис. 5], а также найдены (эпоха раннего металла) на территории Ямала [10; 11, рис. 3] (рис. 6).

Роль окончания-острия у обсуждаемых предметов остаётся неясной (впрочем, встречено и овальное завершение конца). Вероятнее всего, эта часть была не функциональной, а декоративной и/или семантически значимой. Тем более, что именно в этой части предмета встречается орнамент. Заострённость концов костяных накладок у серовских луков отмечал и А.П. Окладников [5]. Прямых аналогов именно таким (приостроённым) завершениям рогов лука мне найти не удалось. В мезолите, неолите и раннем Средневековье в Западной, Восточной и Северной (Скандинавия) Европе широко использовались цельнодеревянные луки, а для крепления тетивы делалось утолщение на кончиках [12; 13; 14; 15; 16].

Однако для луков культур позднего этапа эпохи бронзы, раннего железного века и раннего Средневековья Евразии, культуры эскимосов, саамов использование костяных накладок на концах рогов лука как раз очень характерно. Конструкция этих луков сложная: это в большинстве своём так называемые рекурсивные луки (которые без тетивы выгнуты в обратную сторону), сделанные с использованием разных пород дерева, сухожилий, костяных накладок на внутреннюю поверхность, обмотки по всей длине.

У нас нет данных о существовании рекурсивных луков в энеолите Русской равнины. Никакие серийные костяные накладки на плечи лука ещё не найдены. Поэтому пока можно лишь говорить об использовании простейшего составного лука – с костяными накладками оригинальной формы на концах цельнодеревянной основы (рис. 7).

Ещё А.П. Окладников в своей работе 1950 г. отмечал, что лукам, где наряду с деревом в конструкции использована кость, «в чисто типологическом смысле... должно принадлежать место непосредственного переходного звена технической эволюции лука, соединяющего всю группу усиленных луков с настоящими сложными, т.н. тюркскими, сделанными из разных пород дерева» с использованием глубоко функциональных, а не декоративных костяных накладок. Он далее справедливо полагал, что в условиях высокоразвитой культуры лесных племён и усовершенствования охотничьих приёмов и вооружения лук как раз и достигает своего «столь эффектного расцвета» [5].

Подведение итогов и перспективы

Следует отметить, что материальная культура лесного энеолитического населения Волго-Окского междуречья поражает исследователя не только своим «богатством» на памятниках, но и большими морфологически выдержанными сериями разнообразных бытовых орудий. Благодаря хорошей сохранности кости и раскопкам большими площадями мы располагаем коллекциями-«гигантами» с таких поселений, как Сахтышские, Шагарские и Волосовские стоянки, поселения Великодворье I, Чёрная Гора и Владычино. Возникает ощущение, что в Волго-Очье, и особенно на Оке, в энеолите плотность населения была довольно высокой, в связи с чем хозяйственная жизнь могла быть более «напряжённой», чем на севере и северо-западе Русской равнины или на территории Циркумбалтии. В связи с этим, возможно, и конструкция лука здесь могла несколько отличаться от простой и общепринятой для эпохи камня. Эта территория граничит также со степью и лесостепью, где могли быть созданы более совершенные формы лука – ведь, судя по публикациям, костяные накладки известны и в срубной культуре, а возможно, и чуть раньше [17], и у них могли быть более примитивные модели-предшественники, не дошедшие до нас. Особое внимание привлекает подобный предмет с поселения Усвяты IV, указывающий на то, что территория распространения этих изделий вовсе не ограничивалась Волго-Окским междуречьем.

Проведение в будущем трасологического исследования этих предметов является перспективным, однако потребует значительных усилий, поскольку практически все изделия прошли консервацию и/или реставрацию, а единственный «чистый» предмет с поселения Великодворье I выполнен из кости с пористыми участками, что существенно затрудняет интерпретацию полученных микрофотографий (автор выражает свою искреннюю благодарность А.А. Симоненко (ГИМ) и Е.Ю. Гире (ИИМК РАН) за проведённое предварительное исследование). Тщательному изучению должны быть подвергнуты прежде всего зона сверлин

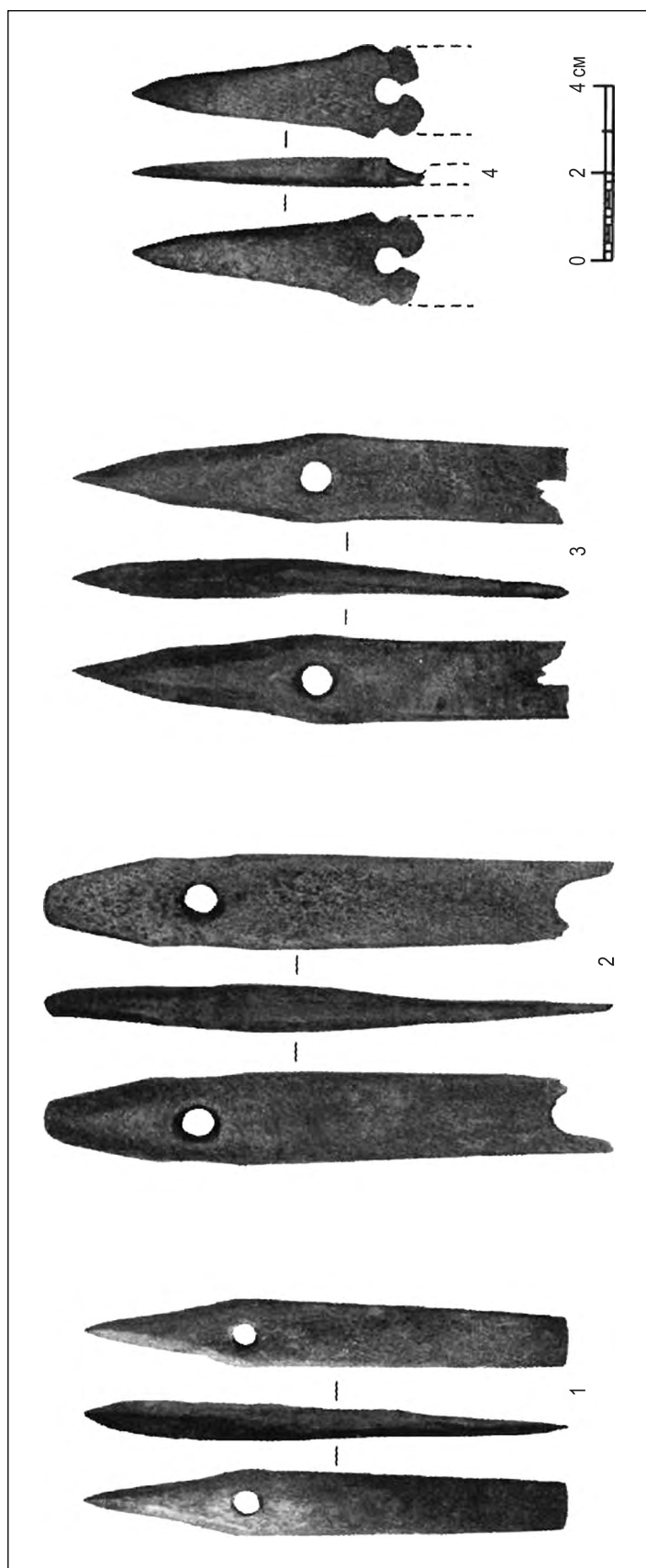

Рис. 6. Концевые накладки составных луков. Городище Усть-Полуй (Ямало-Ненецкий автономный округ) (по: [11, с. 46])

Рис. 7. Реконструкция неолитического составного лука центра Русской равнины

и участок между ними (с желобком или без) – именно там можно ожидать фиксацию следов протягивания тетивы. Экспериментальное изготовление лука с подобными накладками возможно, но не будет являться доказательной базой для предложенных выводов; изделие будет стрелять, возможно, будет ломаться по сверлинам, но добавление данной накладки на цельнодеревянный лук не улучшит и не ухудшит функциональных свойств такого оружия (автор благодарит Я.С. Внукова за устное сообщение об этом). Собственно, выводы В.В. Сидорова, А.В. Уткина и Е.Л. Костылёвой, касающиеся этих костяных предметов, также не могут быть оспорены: в экспериментах эти предметы могут свистеть, надеваться на лицо, ими можно сплести рыболовную сеть. Точку в исследовании может поставить только находка такой детали лука в сочетании с деревянной частью *in situ* в культурных отложениях торфяникового памятника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сидоров В.В. Реконструкции в первобытной археологии. М., 2009.
2. Костылёва Е.А., Уткин А.В. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья. Планиграфические и хронологические структуры. М., 2010.
3. Костылёва Е.А., Уткин А.В. Волосовские ритуальные клады в составе погребальных комплексов (хронология и типология) // ТАС. Вып. 8. Т. I. Тверь, 2011.
4. Окладников А.П. К вопросу о происхождении и месте лука в истории культуры // КСИИМК. Вып. V. М., 1940.
5. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. Ч. I. Неолит Прибайкалья. М.; Л., 1950. (МИА. № 18)
6. Литвинский Б.А. Сложносоставной лук в древней Средней Азии // СА. 1966. № 4.
7. Ковычев Е.И. Лук и стрелы восточно-забайкальских племен I тысячелетия н.э. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981.
8. Савинов Д.Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири и Центральной Азии // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981.
9. Круглов В.Е. Сложносоставные луки Восточной Европы хазарского времени // II Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003 г. / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М., 2005. (Труды ГИМ. Вып. 145)
10. Алексащенко Н.А. Лук и стрелы Усть-Полуя // Предметы вооружения и искусства из кости в древних культурах Северной Евразии (технологический и функциональный аспекты). СПб., 2011. (Замятнинский сборник. Вып. 2)
11. Гусев А.В., Федорова Н.В. Древнее святилище Усть-Полуй: конструкции, действия, артефакты. Салехард, 2012.
12. Ошибкина С.В. Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье. Тула, 2006.
13. Буров Г.М. Рыбная ловля в эпоху мезолита на европейском севере России // РА. 2011. № 2.
14. Ванкина Л.В. Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига, 1970.
15. Rimantiene, R. Die Steinzeitfischer an der Ostseeelagune in Litauen. Forschungen in Sventoji und Butinge. Vilnius, 2005.
16. Paulsen, H. Pfeil und Bogen in Haithabu // K. Schietzel (Herausgeber) Das archaologische Fundmaterial VI. Bericht Ausgräber. Haithabu 33. Neumünster, 1999.
17. Шишлина Н.И. О сложном луке срубной культуры // Проблемы археологии Евразии. М., 1990. (Труды ГИМ. Вып. 74)

**ФГБУК «Государственный исторический музей»,
Москва**

E.A. Kashina

ENEOLITHIC BOWS IN RUSSIAN PLAIN CENTRE

Summary

The paper focuses on a considerably small group of bone finds of particular form (41 pieces, 9–12 cm long), which are hypothetically believed to be the end parts of the composite wooden bows. All finds come from settlements of the Volga–Oka interfluvium and only one – from the Western Dvina basin, dated circa 3300–2700 BC cal. The morphological analysis of the given group of finds reveals the diversity of those items' upper, middle and bottom parts modeling. Some analogues of resembling bow bone parts are described, dated to the Bronze Age, Early Iron Age and Early Medieval epoch. Probably the items in question could have been reflecting the new phase of bow construction, which could be placed between the simple wooden bow and the complicated recurved one. Though, there is still not enough data to assume that these bone items were definitely the bow parts.

**Federal State Budgetary Institution of Culture
“The State Historical Museum”,
1, Krasnaya Square, Moscow, 109012,
Russia
E-mail: eakashina@mail.ru**

Ю.Б. Сериков

БИКОНИЧЕСКИЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ С ТОКАРНОЙ ОБРАБОТКОЙ В НЕОЛИТЕ УРАЛА

Исследование пещерного святилища на Камне Дыроватом позволило выделить серию биконических наконечников, биконические головки которых представляют собой тела вращения. Получить такие головки можно только при помощи токарной обработки заготовки. Впоследствии подобные биконические наконечники были обнаружены и в других пещерных и торфяниковых памятниках Урала. Но самая крупная коллекция наконечников с токарной обработкой происходит из святилища на Камне Дыроватом.

Камень Дыроватый находится на левом берегу р. Чусовой в 17 км к западу от с. Усть-Утка (Пригородный район Свердловской области). Скальный массив высотой от 50 до 80 м протянулся на целый километр. Святилище находится на северо-восточной оконечности отвесной скалы, имеющей в этом месте высоту 60 м. От подножия скалы пещера находится на высоте 20 м, от уровня воды – на высоте 33 м. В туристических путеводителях эта пещера известна под названием «Пещера скалолазов» [1, с. 59], так как подняться в неё без специального снаряжения практически невозможно. Вход в пещеру размерами 8×5 м экспонирован на юго-восток.

Немецким путешественником И.Г. Георги это святилище упомянуто ещё в 1776 г. [2]. Первые археологические раскопки в пещере провёл ленинградский археолог Н.А. Прокошев в 1932, 1933 и 1937 гг. [3]. В результате этих работ была вскрыта практически вся площадь входного грота пещеры – около 160 кв. м. Коллекция находок в количестве 6755 экз. хранится в Государственном Эрмитаже. В 1981 г. исследование святилища начинает автор данной статьи. Оно велось на протяжении 10 лет до 2000 г. (с перерывами). Промывка отвалов из раскопок Н.А. Прокошева дала 14 тысяч находок. Раскопки у подножия скалы под пещерой добавили ещё 4200 экз. В результате работ автора была получена коллекция из 18762 предметов (не считая мелких обломков наконечников и костей животных).

Суммарное количество находок составляет 25531 единицу. Наконечников стрел из них – 21781 экз. По материалу наконечники стрел распределяются следующим образом: железных наконечников – 540, бронзовых (медных) – 1493, каменных – 9342, костяных – 10406 экз. Кроме наконечников в коллекции присутствуют 81 геометрический микролит, 3589 микропластинок-вкладышей, 20 галек и 60 артефактов, которые можно отнести к изделиям неутилитарного характера [4, с. 68–73].

Биконических наконечников стрел в коллекции 780 экз. (457 из раскопок автора и 323 – из раскопок Н.А. Прокошева, хранящихся в Государственном Эрмитаже)¹.

Преобладают среди них мезолитические и неолитические изделия. К мезолиту относятся 328 (192 + 136) наконечников так называемого шигирского типа, с биконической головкой и длинным стержнем. Представлены они разными вариантами (рис. 1: 1–18).

Неолитических биконических наконечников в коллекции 383 экз. (230 + 153). Все они имеют биконическую головку, переходящую в клиновидный насад. Длина наконечников – от 3 до 8 см. Преобладают изделия длиной 3,5–5 см (рис. 2: 1–27). Большая их часть представлена двумя типами.

К первому типу отнесены наконечники с биконической головкой и уплощённым на две грани насадом. Обычно в месте соединения конусов находится слабо выраженный уступ. Верхний конус наконечника имеет огранку на 5–8 граней, а нижний – циркульный орнамент в виде резьбы (2: 4, 9–12, 15–18, 20–27). Таких наконечников в коллекции камня Дыроватого 246 экз. (132 + 114). Часто «резьба» сделана под большим углом по отношению к верхнему конусу, иногда почти перпендикулярно. Один наконечник данного типа орнаментирован, на соединении конусов вырезаны неглубокие ямки. Гранёные острия часто расколоты от прямого удара о скалу. Иногда, при касательном попадании в скалу, отломаны только кончики острий.

Верхний конус наконечников второго типа также имеет огранку и короткий уплощённый на две грани насад. Уступ в месте соединения конусов выражен более рельефно. Нижняя часть верхнего конуса, примыкающая к уступу, имеет циркульный или спиральный орнамент (рис. 2: 5–8, 13–14, 19). Наконечников второго типа в коллекции всего 24 экз. (17 + 7).

¹ Пользуюсь случаем высказать глубокую благодарность И.В. Калининой за предоставленную возможность ознакомиться с коллекцией костяных наконечников стрел Камня Дыроватого из раскопок Н.А. Прокошева.

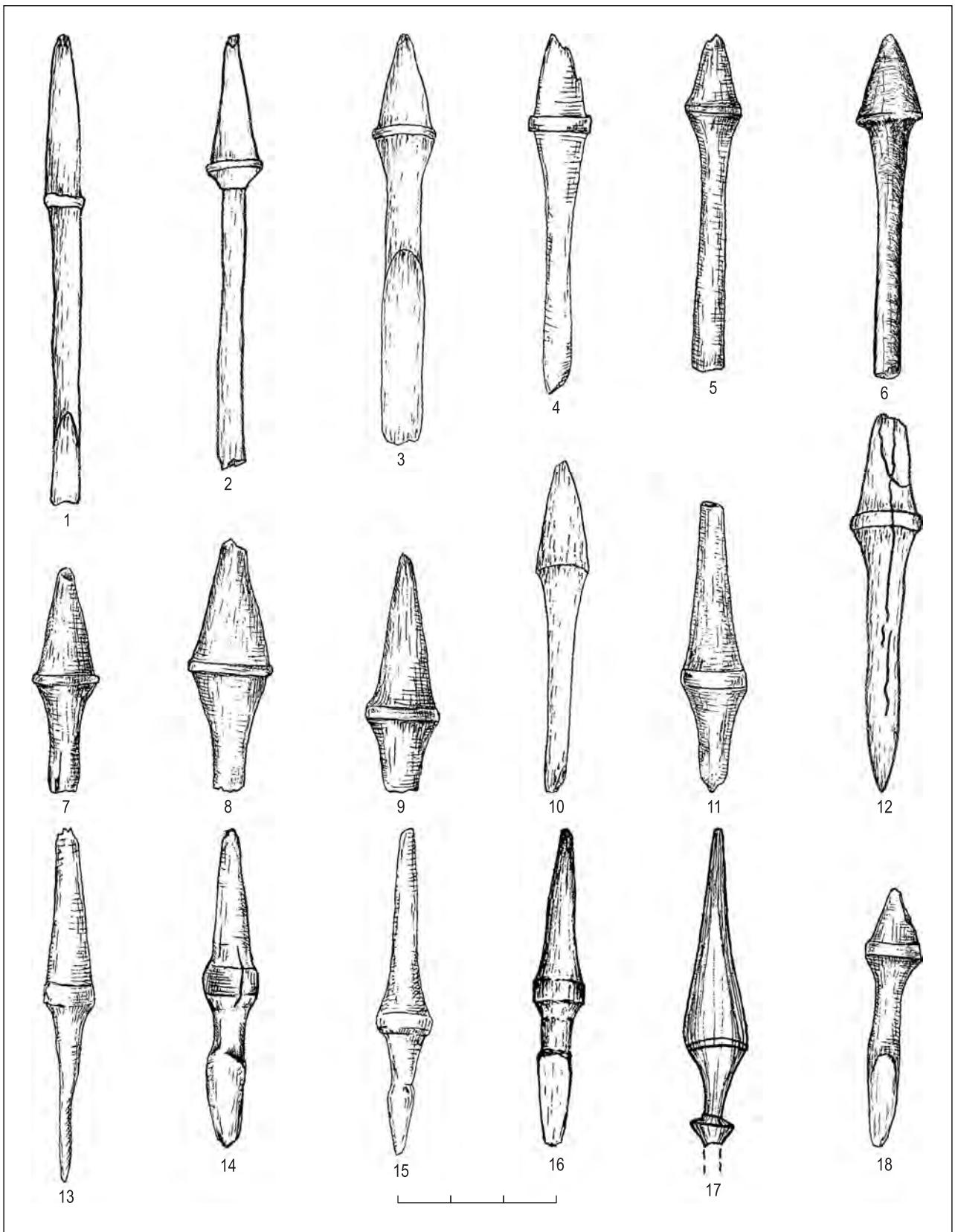

Рис. 1. Камень Дыроватый. Биконические наконечники стрел мезолита

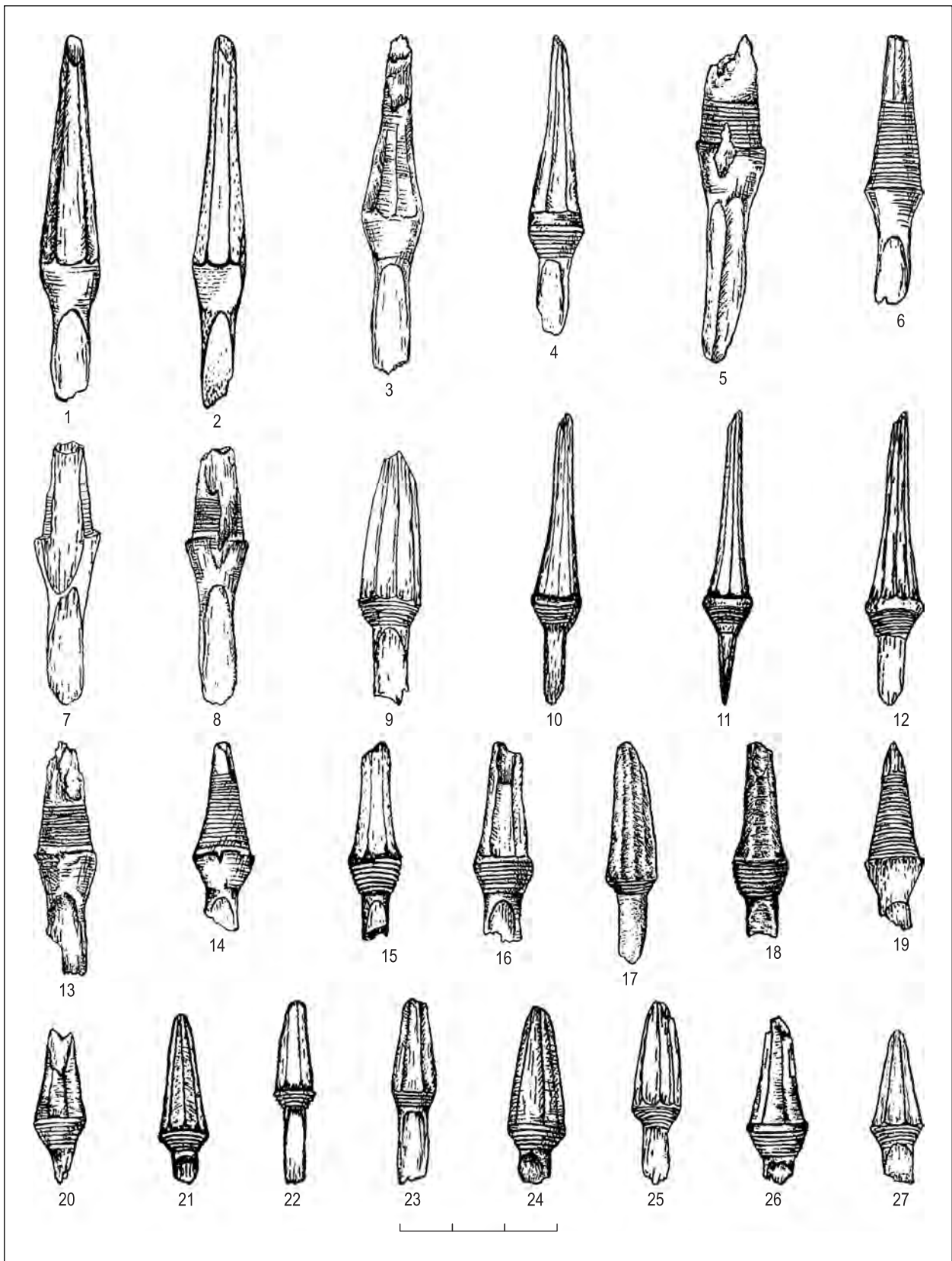

Рис. 2. Камень Дыроватый. Биконические наконечники стрел неолита

Четырнадцать наконечников не имеют циркульного орнамента, но на них присутствуют следы точения. Причём они фиксируются не только на нижнем конусе, но переходят и на короткий стержень (рис. 2: 1–3). Среди них имеются наконечники как с гранёным верхним конусом, так и с конусом округлого сечения. Интересен один наконечник длиной 3,6 см. У него немного повреждены кончик острия и край насада. Насад короткий (1,1 см), уплощён на две грани. Верхний конус не гранёный, имеет правильное круглое сечение. От нижнего конуса он отделяется уступом, как на мезолитических наконечниках. Следы точения присутствуют на обоих конусах и на насаде. Это единственный в коллекции наконечник, полностью выточенный на токарном станке.

В отдельный тип выделены биконические наконечники с гравированным орнаментом – 13 экз. (6 + 7). Почти все они представлены расколотыми вдоль изделиями или обломками. Их длина колеблется от 3,3 до 5 см. Верхний конус всегда длиннее нижнего. Он имеет округлое сечение. Следы точения на нём не выявлены. От нижнего конуса он отделяется уступом. Нижний конус выточен на станке. Следы точения заходят и на насад наконечника. Насад длиной 1–1,3 см уплощён на две грани. На нижний конус нанесены частые тонкие нарезки, параллельные друг другу и продольной оси наконечника. Длина нарезок – 5–7 мм (рис. 3: 5–6). Если на наконечник смотреть от насада, можно увидеть, что нарезки располагаются по кругу, центром которого выступает насад. Такое расположение нарезок воспринимается как солярный орнамент.

Присутствуют в коллекции наконечники без следов токарной обработки – 9 экз. И биконическая головка, и насад изготовлены строганием. Но типологически они ничем не отличаются от наконечников, выточенных на токарном станке: такой же гранёный верхний конус, сильно укороченный нижний конус и уплощённый на две грани насад. Среди них выделяется наконечник длиной 8 см. Его верхний конус имеет только три грани, причём их рёбра сильно скруглены. Возможно, струганные наконечники изготовлены не в месте проживания, а в походе.

Следует отметить, что только восемь неолитических наконечников обуглены от пребывания в огне. Следы абразивной обработки на всех типах биконических наконечников не отмечены.

Вопрос о датировке разных типов биконических наконечников решается довольно уверенно, но только в рамках эпохи. Раскопки под пещерой в Камне Дыроватом показали, что мощность культурного слоя в среднем составляет 1,3 м (но местами доходит до 1,7 м). Все биконические наконечники с длинным стержнем, разделительным пояском и уступом на головке залегали в самом низу культурного слоя совместно с игловидными и вкладышевыми наконечниками стрел, а также с микропластинками-вкладышами [4, с. 71–72].

Данные типы наконечников имеют хорошие аналоги в материалах стратифицированных торфяниковых памятников Среднего Зауралья. В мезолитических слоях Кокшаровско-Юрьинской I и II стоянок найдены соответственно девять и восемь биконических наконечников данных типов [5, с. 143–144, рис. 8: 14–19; 6, с. 45–46, рис. 24: 16–18, 20, 23–24; 27: 1–2; с. 88–89, рис. 44: 3, 10]. Мезолитический слой Кокшаровско-Юрьинской II стоянки имеет две AMS-даты: по кости – 8635±40 (KIA-42078/2) лет назад (калиброванное значение интервала: общий интервал 7734–7585 cal BC (лет до н.э.), 95,4 % вероятности), по смоле из паза – 8520±35 (KIA-42078/1) лет назад (калиброванное значение интервала: общий интервал 7593–7528 cal BC (лет до н.э.), 95,4 % вероятности) [6, с. 96]. Биконический наконечник с рельефным пояском и утолщением на стержне обнаружен в слое позднего мезолита на торфяниковой Береговой II стоянке Горбуновского торфяника [7, с. 343, рис. 2: 6].

К этому можно добавить 42 биконических наконечника из случайных находок на Шигирском торфянике, типологический анализ которых показал их большое сходство с аналогичными наконечниками восточноевропейских мезолитических памятников (Кунда, Звейниекы 2, Веретье I, Окаёмово 4, Становое 4, Озерки 16, Нижнее Веретье и др.) [8, с. 253–273].

Отложения с неолитическими наконечниками разных типов, прежде всего, со следами точения и с циркульным орнаментом, в слоях под пещерой перекрывали мезолитический слой с игловидными, вкладышевыми и биконическими наконечниками. В неолитическом погребении недалеко от Камня Дыроватого – в гроте на Камне Дождевом – в захоронении мужчины находились четыре биконических наконечника [4, с. 24, рис. 8: 2–5]. Верхние конусы трёх из них имели циркульный орнамент (рис. 3: 2–4). Их длина колеблется от 4,5 до 5,2 см. Четвёртый наконечник не имел токарной обработки, а был выстроган каменным орудием (рис. 3: 1). По костям женщины получена калиброванная радиоуглеродная дата – 4510–4302 cal BC (COAN-5154) [4, с. 29].

Неолитические наконечники без стержня и с циркульным орнаментом известны на ряде памятников Урала. Единичные биконические наконечники выявлены в Кумышанской пещере на р. Чусовой [4, с. 142] и на Шигирском городище (Шигирский торфяник) [9, рис. 18: 4]. Нижний конус обоих наконечников имел циркульный орнамент.

Среди 1200 костяных наконечников из случайных сборов на Шигирском торфянике выявлены всего 15 биконических наконечников с токарной обработкой². Из них 13 наконечников имеют на нижнем конусе циркульный орнамент. Интересно отметить, что наконечников с орнаментом на верхнем конусе в коллекции нет. Но имеется один наконечник, у которого циркульный орнамент нанесён на стыке конусов: в основании верхнего конуса всего в четыре витка, а в основании нижнего конуса – в три витка. К сожалению, при

² Приношу глубокую благодарность хранителю Шигирской коллекции С.Н. Савченко за предоставленную возможность ознакомиться с неолитическими наконечниками Шигирского торфяника.

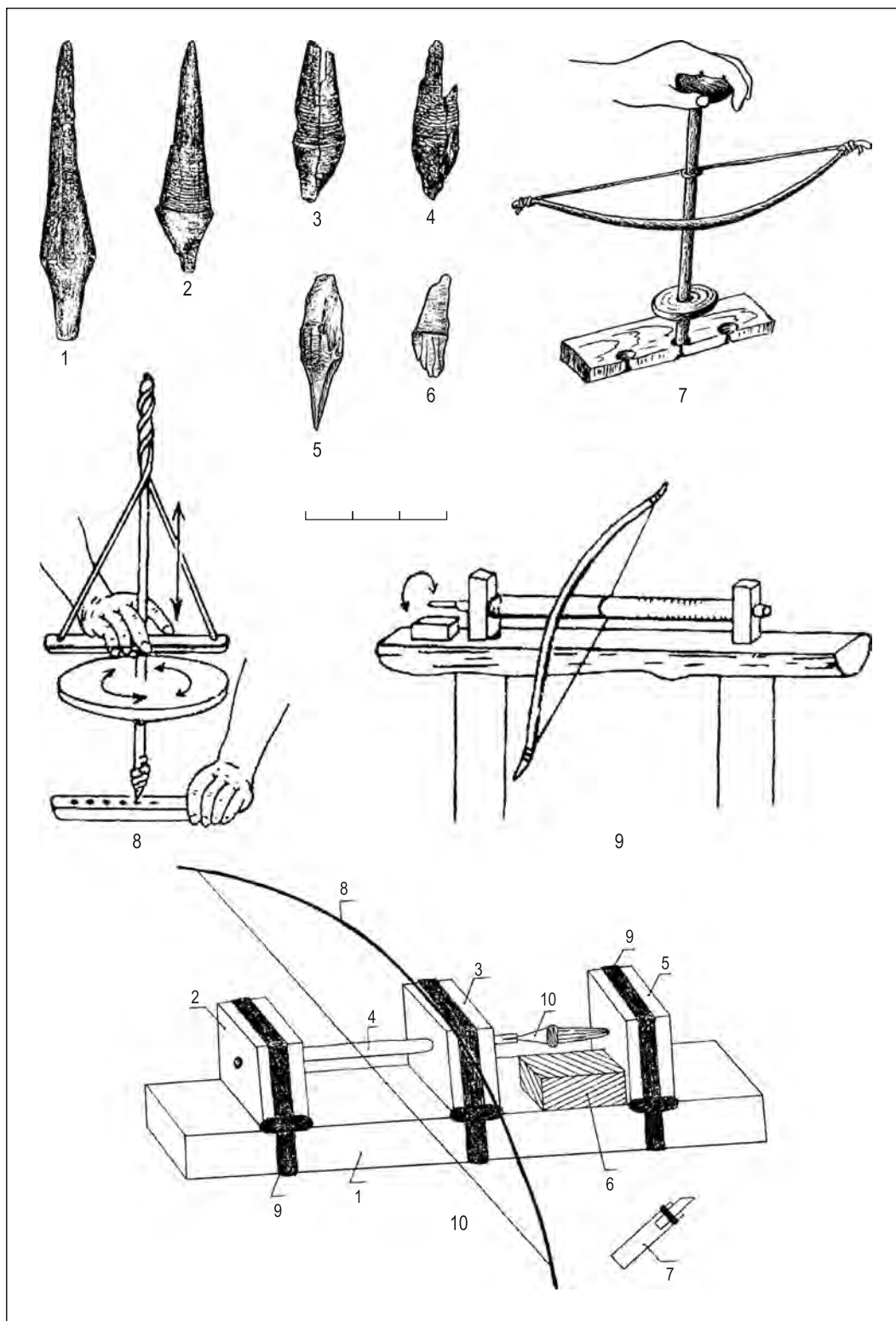

Рис. 3. Камень Дыроватый. Биконические наконечники стрел неолита (1–6) и реконструкции технических приспособлений каменного века (7–10):

1–4 – наконечники стрел из мужского погребения в гроте Камня Дождевого; 5–6 – орнаментированные наконечники стрел с Камня Дыроватого; 7 – лучковый станок для добывания огня и сверления; 8 – дисковый сверлильный станок; 9 – станок для сверления длинных цилиндрических отверстий; 10 – горизонтальный токарный станок с лучковым приводом

изучении знаменитой Шигирской коллекции большое внимание в настоящее время уделяется только мезолитическим костяным изделиям [8; 10; 11; 12; 13; 14; 15], более поздние артефакты пока остаются не изученными.

Нужно добавить, что минимум два биконических наконечника с циркульным орнаментом на нижнем конусе из сборов на Шигирском торфянике имеются и в коллекции Музея естественной истории в Париже.

Ещё 13 биконических наконечников с токарной обработкой присутствуют среди 42 наконечников с коротким стержнем из Лобвинской пещеры (р. Лобва, Северный Урал). Автор раскопок не только даёт общую характеристику коллекции, но и публикует иллюстрации всех наконечников [16, с. 28, рис. 17]. Нижний конус 12 наконечников – с циркульным орнаментом. Среди орнаментированных наконечников имеются изделия длиной всего 2,9–3,1 см. Такие наконечники следует относить к вотивным артефактам.

В коллекции неолитических наконечников особый интерес представляют биконические наконечники, имеющие правильную форму тел вращения, именно они несут циркульный или спиральный орнамент. Следы обработки в виде очень частых тонких строго параллельных друг другу линий опоясывают биконическую головку наконечника и часть стержня. Наиболее чётко они выражены на выступающих участках наконечников. Такие линейные следы могли появиться только в результате токарной обработки изделия. Следы работы на биконических наконечниках неопровержимо доказывают, что неолитический человек на территории Среднего Зауралья уже использовал токарный станок. Однако М.Г. Жилиным токарная обработка игловидных и биконических наконечников стрел на территории Верхнего Поволжья зафиксирована на ряде стоянок ещё среднего периода мезолита [17, с. 19–20]. Этот факт требует пересмотра вопросов о времени появления различных технических приспособлений в сторону их удревления.

Экспериментальный станок был изготовлен автором данной статьи, и его работа продемонстрирована на международной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения С.А. Семёнова [18].

Изобретение лука в конце верхнего палеолита дало в руки первобытного человека орудие убийства высокой эффективности. С появлением лука значительно улучшилась техника охоты. С его совершенствованием увеличились сила и скорость полёта стрелы, её дальность и точность попадания [19, с. 323].

Однако в дальнейшем лук стал использоваться не только для охоты. Именно лук стал своеобразным «двигателем» для простейших технических приспособлений каменного века.

Прежде всего, лук использовался для добывания огня при помощи сверления. Лучковый станок для добывания огня состоит из зажигательной планки (плоской сухой дощечки из сосны, по краю которой прорезаны треугольные выемки), зажигательной палочки (желательно не круглого, а многогранного сечения – для лучшего сцепления с тетивой лучка), подпятника (плитка камня или кость с выемкой посередине), лучка (в нашем случае из можжевельника) и тетивы (из сыромятного ремешка) (рис. 3: 7).

Лучковый станок для добывания огня можно использовать и для сверления. Для этого деревянный стержень нужно оснастить каменным сверлом. Каменные свёрла, использовавшиеся в лучковом приборе, хорошо известны в неолитических комплексах Среднего Зауралья [20, с. 158–160]. С.А. Семёнов появление лучкового способа сверления относил к неолиту [19, с. 62]. Однако мной использовано лучкового станка для сверления на территории Среднего Зауралья зафиксировано уже для мезолита [21, с. 104].

Также в мезолите применялся и дисковый сверлильный станок. Действие этого станка основано на преобразовании вертикальных толчков в круговращательные движения [19, с. 65]. Его устройство несколько сложнее обычного лучкового прибора. Он состоит из деревянного стержня круглого сечения с встроенным в нижней части каменным сверлом. Сверло можно крепить в расщеп стержня, но лучше сделать специальную прорезь для крепления. Для более жёсткого крепления сверло следует поместить в кусочек кожи, вставить в прорезь и обмотать узким сыромятным ремешком. На стержень надевается «лучок». Он претерпел сильные изменения и представляет собой плоскую планку с просверлённым посередине отверстием. В это отверстие и вставляется стержень со сверлом. К концам планки привязана тетива из узкого сыромятного ремешка. Крепится она очень свободно, без какого-либо натяжения. Средняя часть тетивы привязана к верхней части стержня. Натяжение тетивы подбирается таким образом, чтобы планка находилась примерно посередине стержня. Кроме планки на стержень надевается деревянный диск диаметром 15–20 см. Это своеобразный маховик – инерционид, который помогает сохранять полученное при толчке планки круговращательное движение. Находиться он должен ниже планки, примерно на трети длины стержня (считая от каменного сверла) (рис. 3: 8). Готовя прибор к действию, следует проследить, чтобы диск не мешал движению планки. При нажатии на планку вниз тетива закручивается вокруг стержня со сверлом и приводит его во вращение. При освобождении планки от нажатия тетива раскручивается в противоположную сторону. Поскольку маховик сохраняет инерцию вращения, тетива, пройдя нейтральную точку провисания, опять закручивается вокруг стержня. При следующем нажатии на планку процесс вращения сверла повторяется. В этом и состоит сущность дискового сверления. Обычно оно применялось для сверления тонких изделий. Его преимуществом являлось то, что прибор позволял работать одной рукой. Возможность контролировать процесс работы и менять скорость сверления сохранили дисковый станок в ювелирном производстве вплоть до настоящего времени.

Ещё более сложным техническим приспособлением является станок для сверления длинных цилиндрических отверстий. По мнению С.А. Семёнова, такое сверление рациональней всего было выполнять на простейшем горизонтальном станке [19, с. 65]. Такой станок должен иметь достаточно массивную станину, на которую устанавливаются две опорные плашки. Причём передняя плашка имеет сквозное отверстие, а задняя – глухая. В отверстия плашек крепится рабочий стержень с каменным сверлом на конце. На стержень

натягивается тетива лучка, и станок готов к работе (рис. 3: 9). При вращении рабочего стержня его жёсткое крепление позволяло сохранять центровку сверла и давало возможность сверлить длинные цилиндрические отверстия. Поскольку само сверло не совершало поступательных движений, сверление производилось путём «надевания» на сверло просверливаемого предмета. В качестве примера цилиндрического сверления С.А. Семёнов приводил зеленокаменные цилиндрические бусы (пронизки) с поселения на полуострове Песчаный близ Владивостока [19, с. 65]. Кстати, технический приём «надевания» каменных бус на сверло до сих пор используется современными камнерезами.

Все рассмотренные выше технические приспособления достаточно хорошо известны в экспериментальной археологии, но лучше всего они представлены в работах С.А. Семёнова [19; 22; 23]. На основании уже известных технических приспособлений мне удалось реконструировать ещё одно – горизонтальный токарный станок с лучковым приводом.

Упрощая известные реконструкции средневековых токарных станков [24, рис. 101], удалось определить минимальное количество деталей, необходимых для работы токарного станка. Таких деталей оказалось девять (рис. 3: 10). Основа приспособления – станина, к ней крепятся три опорные плашки. Две из них с рабочим стержнем составляют переднюю бабку, а третья выполняет роль задней. Все детали между собой скрепляются ремёнными вязками. Действует станок с помощью лучка, которым вращается рабочий стержень. Работа производится каменным резцом, закреплённым в деревянной рукояти.

Самой крупной частью токарного станка является станина, которая служит площадкой для крепления остальных деталей (рис. 3: 10:1). Её длина должна быть больше суммарной длины передней и задней бабок и предполагаемого размера наконечника. В ширину станина должна быть не шире всех крепящихся к ней деталей, это необходимо для прочного привязывания деталей к станине. Следует также подчеркнуть, что поверхность, к которой крепятся опорные плашки, должна быть ровной. Это обеспечивает крепление всех опорных плашек на одном уровне.

Самой сложной частью работы над токарным станком в древности, по всей вероятности, являлось изготовление опорных плашек, так как их качество и точность подгонки во многом определяют успех точения. Две из опор передней бабки должны иметь одинаковые размеры (рис. 3: 10:2, 3), а третья опора (задняя бабка) (рис. 3: 10:5) обязательно должна быть выше центра закреплённого рабочего стержня. Отверстия в опорных плашках передней бабки должны быть одного диаметра и располагаться на одном уровне относительно станины. При развитой технике сверления в неолите это были выполнимые задачи.

Детали станка в древности скреплялись, скорее всего, с помощью ремённых вязок. Для этой цели лучше всего подходят ремни из сыромятной кожи. Одним из простых является способ, использованный нами при изготовлении станка. Каждая опорная плашка крепится со станиной двумя ремнями. Первый ремень стягивает плашку по направлению движения лучка. Второй, с целью обеспечения неподвижности конструкции, пропускается под каждой опорой так, что образует кожаную прокладку на станине и стягивает первый ремень (рис. 3: 10:9). Для прочного скрепления желательнее, чтобы ремни были одинаковой толщины.

Рабочий стержень в средней своей части имеет расширение, благодаря которому фиксируется между опорными плашками (рис. 3: 10:4). Это препятствует его скольжению вдоль станины. При изготовлении рабочего стержня должна быть использована прямая заготовка, выполненная из прямослойной древесины. Небольшое искривление стержня делает работу неточной. Тонкие участки стержня обрабатываются таким образом, чтобы обеспечить его свободное скольжение в отверстиях опор. Возможно, в древности для уменьшения силы трения применялась смазка, в качестве которой мог использоваться жир животных. Рабочий стержень должен иметь такую длину, которая позволяла бы в специально сделанной на его конце прорези крепить заготовку наконечника стрелы. Для этого он должен выступать за вторую опорную плашку станка. Поверхность стержня, с которой соприкасается тетива лучка, для лучшего сцепления целесообразно сделать гранёной.

Резец состоит из двух частей: каменной режущей пластины и деревянной рукояти (рис. 3: 10:7). Пластина с резцовым сколом или без него заклинивается в прорези рукояти. Необходимо подчеркнуть, что для выполнения разных видов работ использовались разные типы резцов. Для придания заготовке формы тела вращения достаточно неострого резца с плоской режущей поверхностью (резца на углу сломанной пластинки), а для нанесения циркульного или спирального орнамента требуется резец с узкой рабочей кромкой (угловой срединный резец).

Подставка под резец (рис. 3: 10:6) служит для создания дополнительной точки опоры, которая нужна для преодоления колебаний резца, вызванных вращением заготовки. Это позволяет выполнять точение более качественно. Что касается высоты подставки, то наиболее удобно сделать её равной расстоянию от станины до середины закреплённой заготовки наконечника.

Лучок для вращения рабочего стержня (рис. 3: 10:8) нами был сделан из можжевельника. Следует внимательно отнестись к креплению тетивы на лучке. При напряжении тетива может ослабнуть, вследствие чего сразу уменьшается сцепление с рабочим стержнем. Ремень начинает проскальзывать на оси, из-за чего работа затормаживается. Во избежание этого тетива должна завязываться вокруг лучка в специальных прорезях. Каждый раз перед началом работы нужно проверять степень её натяжения.

Необходимо также отметить, что все деревянные детали нашей экспериментальной модели токарного станка выполнены из сосны. Сосна является самым распространённым деревом на восточном склоне Среднего Урала, и именно из неё изготовлена большая часть археологических изделий из дерева (луки, стрелы, посуда, скульптуры, идолы и др.).

Ещё при освоении токарного станка путём эксперимента было выяснено, что на нём можно свободно точить дерево, рог, кость. Особенности процесса точения были определены экспериментально в ходе проведения опытов по изучению возможностей токарного станка. В работе участвуют минимум два человека. Если станок предварительно не закрепляется, то требуется и третий человек, который прижимает станину к плоскости. Но основные функции выполняют работающий лучком и токарь. Движения лучка при точении должны быть резкими, это даёт возможность более эффективно выполнять работу за счёт увеличения скорости вращения заготовки. Для точения используется движение заготовки в сторону работающего, т.е. заготовка должна вращаться на токаря. Резец лучше всего держать двумя руками. Сначала обрабатывается вся поверхность заготовки с целью придания ей формы тела вращения. Затем вытачиваются оба конуса наконечника и его стержень. После этого наносится циркульный или спиральный орнамент. Это самая сложная и ответственная операция, так как при точении требуется соблюсти равное расстояние между витками орнамента. Для более точной работы на подставке под резец можно сделать засечки, которые ограничивали бы его передвижение. Гранение готового наконечника, скорее всего, производилось прямо в станке. После этого оставалось удалить части, с помощью которых крепилась заготовка. При большом опыте работы все операции точения могут производиться и одним человеком.

Подводя итоги реконструкции, можно предположить, что токарный станок появился в результате длительного использования различных приспособлений для сверления. Во-первых, в основе как сверления, так и точения лежит вращение рабочего стержня. Во-вторых, при сверлении твёрдых материалов рабочая часть сверла срабатывается так, что представляет собой правильный конус, круглый в сечении, что могло навести человека на мысль об использовании вращения для точения. Можно также добавить, что неолит – это время появления горизонтальных станков. Выше уже описано техническое приспособление, которое использовалось для сверления длинных цилиндрических отверстий, когда длина канала в десятки раз превосходила его диаметр. Необходимо подчеркнуть, что появление горизонтального станка для цилиндрического сверления является всего лишь очередной эволюционной ступенькой в сверлении, в то время как токарный станок с лучковым приводом свидетельствует о зарождении новой, гораздо более сложной производственной операции [25].

Эксперименты по изготовлению биконических наконечников, а также их трасологический анализ отчётливо показали, что кость, из которой вытачивали наконечники, предварительно была сильно размягчена. Причём путём распаривания кости такой степени размягчения достичь было невозможно. Грани острия и уплощённый насад наконечников вырезались вручную. Следы срезов на них очень ровные и длинные. Таких срезов при работе каменным ножом не достичь даже на распаренной кости. Также невозможно нанести на сухую или распаренную заготовку циркульный орнамент, так как при точении требуется соблюсти равное расстояние между витками орнамента. Распаривание размягчает поверхность кости в лучшем случае на полмиллиметра, тогда как глубина врезания резца в кость при нанесении орнамента доходила до 1 мм. Следует подчеркнуть, что циркульный орнамент выполнен очень чётко, одинаково по глубине и без малейших следов съезжания резца, что непременно произошло бы при недостаточном размягчении кости.

Опыты по химическому размягчению кости проводились неоднократно многими археологами. Успех пришёл к польскому археологу К. Журовскому, который размягчал кость и рог сначала в щавелевой кислоте, а затем в кислом молоке. Можно предполагать, что секреты химического размягчения кости, рога и бивня были известны людям ещё в глубокой древности – ведь кость наряду с камнем являлась самым распространённым и самым используемым материалом для изготовления орудий, приспособлений, произведений искусства, украшений. Поэтому вполне естественно, что способы обработки кости постоянно совершенствовались.

Автору совместно с его студентом также удалось достичь хорошего результата. Нами был найден состав вещества, который можно было использовать в течение всего года. Ведь в лесной зоне Урала щавель и ягоды (животноводства ещё не было) можно получить только летом и осенью, а необходимость обработки кости существовала во все сезоны. Таким составом оказались вода и зола (т.е. щёлок). С его помощью кость после двухмесячного пребывания в нём размягчилась до состояния древесины. Она легко поддавалась строганию и даже изгибалась [26, с. 32–33]. По всей видимости, рецептов размягчения кости с использованием элементов растительного или животного происхождения древние люди знали гораздо больше, чем представляется в настоящее время. Важно другое: изобретение рецептов химического размягчения кости является одним из важных аспектов адаптации древнего человека к природной среде.

Таким образом, изучение неолитических биконических наконечников стрел из пещерного святилища на Камне Дыроватом позволило значительно расширить наши знания в области техники и технологии обработки кости в каменном веке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Постоногов Ю.И., Постоногов Е.И.* По Чусовой. Свердловск, 1980.
2. *Георги И.Г.* Описание всех в Российском Государстве обитающих народов. Ч. I. СПб., 1776.
3. *Прокошев Н.А.* Район реки Чусовой // Известия ГАИМК. Вып. 109. 1935.
4. *Сериков Ю.Б.* Пещерные святилища реки Чусовой. Нижний Тагил, 2009.
5. *Сериков Ю.Б.* Кокшаровско-Юрьинская торфяниковая стоянка в Среднем Зауралье // РА. 1992. № 4.

6. Мезолитические памятники Кокшаровского торфяника / М.Г. Жилин, С.Н. Савченко, Ю.Б. Сериков, Л.Л. Косинская, П.А. Кошницев. М., 2012.
7. Савченко С.Н., Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолитических стоянок Горбуновского торфяника // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I. Казань, 2014.
8. Савченко С.Н. Костяные наконечники стрел «шигирского типа» с утолщенной головкой и длинным стержнем в собрании Свердловского областного краеведческого музея // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене. М., 2007.
9. Археологические памятники Шигирского торфяника / Н.М. Чаиркина, С.Н. Савченко, Ю.Б. Сериков, А.С. Литвяк. Екатеринбург, 2001.
10. Савченко С.Н. Кинжалы и ножи из кости и рога в Шигирской коллекции Свердловского областного краеведческого музея // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М., 2005.
11. Савченко С.Н. Мезолитические наконечники стрел восточноевропейских типов в Шигирской коллекции Свердловского областного краеведческого музея // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. I. Тверь, 2006.
12. Савченко С.Н. Наконечники гарпунов из кости в коллекции шигирских древностей Свердловского областного краеведческого музея // Пятое Берсовское чтения: сборник научных статей. Екатеринбург, 2006.
13. Савченко С.Н. Костяные наконечники стрел с пазами в Среднем Зауралье // РА. 2011. № 1.
14. Савченко С.Н. Костяные наконечники стрел в мезолите Урала // Предметы вооружения и искусства в древних культурах Северной Евразии (технологический и функциональный аспекты) // Замятнинский сборник. Вып. 2. СПб., 2011.
15. Савченко С.Н. Костяные цельные рыболовные крючки в каменном веке Среднего Зауралья // Тверской археологический сборник. Вып. 9. Тверь, 2013.
16. Чаиркин С.Е. Пещеры Урала: общий обзор // Культурные памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.
17. Жилин М.Г. Костяное вооружение древнейшего населения Верхнего Поволжья. М., 1993.
18. Данилов Д.Б., Сериков Ю.Б. Реконструкция токарного станка каменного века // Современные экспериментально-трассологические и технико-технологические разработки в археологии. Первые Семеновские чтения: Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.А. Семенова. СПб., 1999.
19. Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.
20. Сериков Ю.Б. Каменные сверла неолитических памятников лесного Зауралья // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.
21. Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил, 2000.
22. Семенов С.А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л., 1957. (МИА. № 54)
23. Семенов С.А. Экспериментальные исследования первобытной техники // СА. 1959. № 2.
24. Колчин Б.А. Ремесло // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. (Археология СССР)
25. Сериков Ю.Б. Реконструкция технических приспособлений каменного века // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции: международная научно-практическая конференция: сборник научных статей и докладов. Соловки, 2006.
26. Сериков Ю.Б., Туников И.Н. К вопросу о химическом размягчении кости в древности // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. I: Материалы V Тверской археологической конференции и 16-го и 17-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» / Под ред. И.Н. Черных. Тверь, 2015.

*Российский государственный профессионально-педагогический университет
(филиал в Нижнем Тагиле),
Нижний Тагил*

Yu.B. Serikov

BICONICAL ARROWHEADS WITH TURNING TREATMENT IN NEOLITHIC OF URALS

Summary

In the article based on materials from the sanctuary cave in Kamen' Dyrovaty (river the Chusovaja) biconical arrowheads of the Neolithic are analyzed. Five different types of arrowheads are picked out all in all. Among them there are 4 types of arrowheads which have regular form of revolving bodies. Such form could be created only as a result of turning work. Biconical arrowheads of 2 types have extra decorations as circular and spiral ornament which was impossible to cut out by hand. The traces of work on biconical arrowheads incontrovertibly prove that the Neolithic man on the territory of Middle Trans-Urals already used a turning lathe. Based on the already known technical devices the author could reconstruct one more tool – a horizontal turning lathe with a bow driver. Also, he managed to prove that the bone arrowheads were made of bone softened in advance by chemicals.

*The Nizhny Tagil Branch of the Russian State Professional-Pedagogical University,
57, Krasnogvardeyskaya St., Nizhny Tagil, Sverdlovk Region, 622031,
Russia
E-mail: u.b.serikov@mail.ru
serikov2@yandex.ru*

С.Н. Савченко

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ И ГАРПУНОВ РАННЕГО МЕЗОЛИТА СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ¹

Относительно недавно памятники раннего мезолита в Среднем Зауралье не были известны. Но благодаря раскопкам стратифицированных мезолитических культурных слоёв ряда торфяниковых и пещерных стоянок и святилищ, осуществлённым за последние десятилетия [1; 2; 3], появились материалы, дающие представление о материальной культуре этого периода, в том числе об охотничьем вооружении.

Раскопки этих памятников показали, что в раннем мезолите кость, наряду с камнем, являлась основным сырьём для производства различных изделий, в том числе наконечников метательного вооружения. Среднее Зауралье относится к районам, бедным качественными кремнёвыми породами, для которых особа значима была роль костяной индустрии. Несмотря на малочисленность памятников, где сохранились костяные предметы, эти находки показывают, что изделия из кости и рога были на Урале широко распространены [4]. Отсутствие привычных пород камня заставляло приспособляться к новым видам сырья, следствием чего могло быть изменение морфологии и технологии изготовления каменных изделий. Кость как сырьё, в отличие от камня, имела у охотников повсеместно, обладала схожими физическими характеристиками независимо от территории и не требовала радикальных изменений технологии обработки и морфологии производимых предметов. Именно в костяном инвентаре культурные традиции фиксировались наиболее устойчиво.

Ранний мезолит охватывает время от конца позднего дриаса до конца пребореального периода около 10500–9000 некалиброванных радиоуглеродных лет назад. Данные естественных наук свидетельствуют о мозаичности среднезауральского раннемезолитического ландшафта. В пыльцевых спектрах пребореального периода, в отличие от предшествующего периода позднего дриаса, преобладает пыльца древесных растений. Пыльцевые спектры первой половины пребореала отражают растительность редкостойных лиственнично-берёзовых лесов с примесью ели. Значителен и разнообразен комплекс пыльцы травянистых растений. Климатические условия – умеренно холодные, сухие, близкие к лесотундровым. Во второй половине пребореала климат становится более мягким и влажным, в спектрах увеличивается количество пыльцы берёзы, достигая максимума к концу периода на рубеже пребореала и бореала, для этого же времени фиксируется и первое появление в голоцене пыльцы сосны [5; 6; 7].

Согласно остеологическим определениям в культурных слоях памятников раннего мезолита преобладают кости лося, наличествуют также кости бобра, северного оленя, изюбря – сибирской разновидности благородного оленя, сайги, бурого медведя, волка, лисицы, песца, донского зайца, белки, куницы, соболя, единично встречены кости шерстистого носорога, множество костей водоплавающих, лесных и луговых птиц. Состав костей птиц свидетельствует о мозаичности ландшафта при весьма значительной площади открытых пространств [8, с. 128–129]. На прибрежной торфяниковой части Береговой II стоянки найдены кости рыб: щуки, карася, окуня, плотвы, карповых [9, с. 220]. Все эти данные свидетельствуют о начале формирования на территории Урала в этот период лесных сообществ при сохранении значительной доли открытых пространств. В фауне представлены все основные виды животных лесного териокомплекса, но при этом сохраняются элементы позднеплейстоценового комплекса открытых пространств – шерстистый носорог, северный олень, сайга, песец, донской заяц, которые в дальнейшем исчезают [10].

Костяные наконечники метательного вооружения, судя по отдельным находкам, появились на Урале уже в позднем палеолите. В гроте Безымянном на реке Пышме обнаружен обломок колющего орудия – кинжала или наконечника копья, сделанного из крупной трубчатой кости. Слой датирован по костям животных 19240±265 (СОАН-2212) некалиброванных радиоуглеродных лет назад [11, с. 48; 12, с. 84]. Массивный костяной наконечник метательного орудия с двумя пазами найден в Приуралье на стоянке Талицкого [13]. Один из наиболее ранних известных на Урале костяных наконечников стрел происходит со стоянки Сюнь II в Южном Приуралье. Это массивный игловидный наконечник округлого сечения с двумя длинными пазами. По пыльцевым спектрам культурный слой памятника соотносится с периодом раннего или среднего дриаса [14, с. 133].

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00096.

Рис. 1. Карта-схема местонахождения памятников раннего мезолита Урала:

1 – Сюнь II; 2 – Шигирский торфяник; 3 – Горбуновский торфяник (Береговая I и II); 4 – Лобвинская пещера; 5 – Шайтанская пещера

В Среднем Зауралье и прилегающей части Северного Зауралья метательное оружие раннего мезолита представлено наконечниками стрел и гарпунов. Все они изготовлены из кости, каменные наконечники этого периода пока не найдены. Такие артефакты обнаружены при раскопках нижних культурных слоёв прибрежных заторфованных частей стоянок Береговая I и II на Горбуновском торфянике, в Лобвинской и Шайтанской пещерах (рис. 1).

Описание материала

В раннем мезолите в связи с изменением климата на рубеже плейстоцена и голоцена, приведшим к формированию лесов и лесной фауны, лук со стрелами становится основным видом охотничьего метательного оружия. В настоящее время в рассматриваемом регионе известны 54 раннемезолитических наконечника стрел. Они относятся к трём типологическим группам – игловидные, узкие плоские и однокрылые. Первыми появляются игловидные массивные наконечники, которые были универсальными и служили для охоты на разную дичь. Составные орудия колюще-режущего действия, оснащённые кремнёвыми микро-

пластинками-вкладышами, наносили глубокие широкие раны, ведущие к большой кровопотере, и позволяли легко добить ослабевшее животное. Цельные игловидные наконечники колющего действия глубоко пронзали добычу, пробивая шкуру и плоские кости, иногда проходя навылет. О применении их для охоты на крупных зверей свидетельствует фрагмент черепа лося из раннемезолитического слоя поселения Сахтыш 14 в Верхнем Поволжье, пробитый насквозь игловидным массивным наконечником округлого сечения (рис. 2: 1) [15, с. 40].

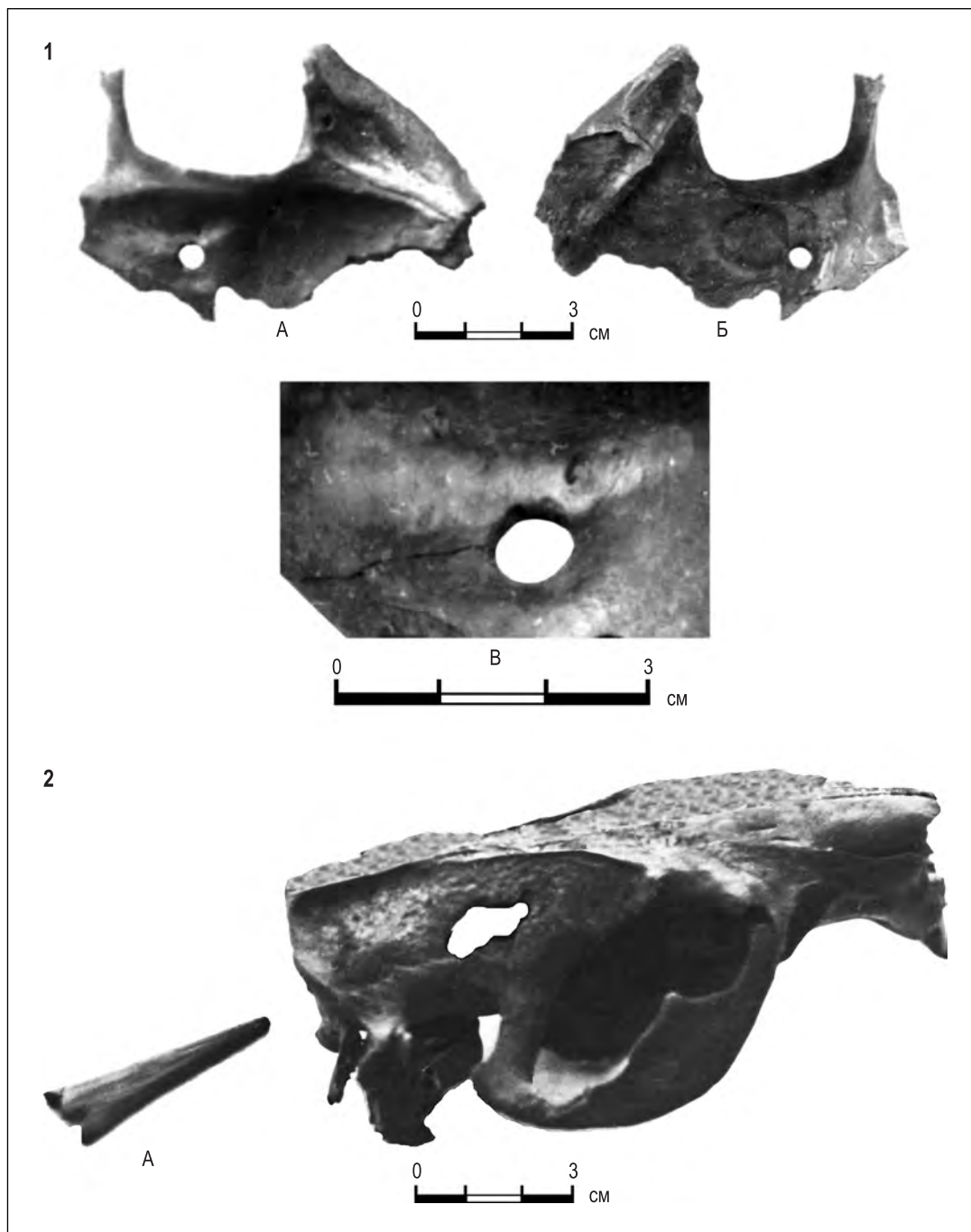

Рис. 2. Примеры использования метательного вооружения с костяными наконечниками для промысла:

1 – фрагмент черепа лося, пробитый цельным игловидным массивным наконечником стрелы округлого сечения: А – вид снаружи, Б – вид изнутри, В – увеличенное фото отверстия, вид снаружи (Сахтыш 14, ранний мезолит, культурный слой IV); 2 – череп бобра, пробитый гарпуном и (А) обломок наконечника гарпуна, застрявший в черепе (Сахтыш I, неолит) (по М.Г. Жилину, 2004 [15]).

Вероятно, наиболее ранними являются наконечники стрел из Шайтанской пещеры в Северном Зауралье (рис. 1: 5). К сожалению, радиоуглеродные даты для этого памятника отсутствуют, но авторы публикации, основываясь на анализе стратиграфических наблюдений, полученных артефактов и состава фаунистических остатков из культурного слоя, предположительно датируют его первой половиной пребореального периода [3, с. 269–270]. Все найденные в Шайтанской пещере наконечники стрел – игловидные. Это массивные составные вкладышевые орудия округлого сечения или уплощённые с одним длинным пазом, коническим остриём и коническим насадом. Соотношение толщины и ширины наконечников округлого сечения – в пределах 1:1–1:1,19, уплощённых – 1:1,2–1:1,4. От наконечника округлого сечения диаметром 7 мм сохранилась лишь верхняя часть (рис. 3: 4). Орудие имело коническое остриё, в 10 мм от конца которого начинался паз трапецевидного сечения шириной 2 и глубиной 4 мм. На стенках паза видны остатки клеящего вещества тёмного цвета. Кончик острия наконечника смят и раскрошен, противоположный конец расщеплён, что является результатом сильного удара в твёрдую поверхность, очевидно, в стену пещеры. Сохранился целый массивный уплощённый наконечник размерами 220×8×6 мм с пазом, прорезанным от колющего конца острия и почти до самого конца насада (рис. 3: 5). Сечение паза – V-образное, ширина паза – 1,5 мм, глубина – до 5 мм. Ещё найдены мелкие обломки средней части и острия двух уплощённых игловидных наконечников (рис. 3: 1). У последнего паз U-образного сечения начинается от колющего конца, конец острия подправлен продольным строганием, вероятно, после слома, смятость и выкрошенность на острие отсутствуют, под микроскопом видны следы втыкания в землю. Кроме того, был найден короткий массивный наконечник округлого сечения без паза для вкладышей (рис. 3: 2). Максимальный диаметр стержня орудия – 7 мм. Остриё – коническое, кончик острия смят и выкрошен от удара в твёрдый материал. Насад наконечника клиновидный длиной 25 мм [3, с. 265–269].

Серединой пребореального периода датируется игловидный вкладышевый наконечник стрелы с одним длинным пазом и коническим насадом (рис. 3: 6) из коллекции случайных находок, собранной в конце XIX – начале XX века на Шигирском торфянике (рис. 1: 2). Орудие является переходной формой от массивных игловидных наконечников округлого сечения к уплощённым. Оно имеет округлое сечение в нижней части и подовальное – в верхней. Конец острия разбит от удара в твёрдый материал. На одном крае изделия прорезан длинный паз трапецевидного сечения шириной 2 мм, глубиной 4 мм. Паз завершается на середине насада. Насад – конический, средней длины. Для наконечника получена радиоуглеродная дата 9470±45 (ОхА-22282) лет назад [16, с. 51].

К середине – началу второй половины пребореала относится короткий массивный игловидный наконечник стрелы без паза с расширенным уплощённым остриём и пирамидальным насадом квадратного сечения (рис. 3: 3) из V культурного слоя торфяниковой части стоянки Береговая I на Горбуновском торфянике (рис. 1: 3). По углю и древесине из слоя получены даты 9590±70 (ГИН-14776) и 9320±60 (ГИН-14774) лет назад [2, с. 258].

Во второй половине пребореального периода типы наконечников стрел становятся более разнообразными. Помимо игловидных появляются узкие плоские симметричные и асимметричные наконечники, а также однокрылье наконечники стрел. Орудия этого времени были получены при раскопках святилища в Лобвинской пещере в Среднем Зауралье (рис. 1: 4). В раннем мезолите на Урале появляются пещерные святилища, где практиковался обряд стрельбы извне во внутрь пещеры. Следы такого обряда зафиксированы также в Шайтанской пещере, но там пещера была использована одновременно и для кратковременной остановки охотников, и для проведения ритуальных действий [3, с. 269]. Пещерные святилища функционировали на протяжении длительного времени вплоть до позднего железного века. По результатам спорово-пыльцевого анализа мезолитический слой Лобвинской пещеры отнесён ко второй половине пребореала – началу бореального периода, что подтверждает дата по костям лося 9265±255 (ИЭРЖ-92) радиоуглеродных лет назад. В мезолитическом слое святилища найдены 62 обломка 47 костяных наконечников стрел. Трасологический анализ повреждений показывает, что наконечники были разбиты при ударе с большой силой в твёрдый материал, то есть при попадании в стены пещеры [3, с. 259–260].

Обнаружены 14 обломков длинных массивных игловидных вкладышевых наконечников с одним пазом. Два из них имеют округлое сечение. Первый – обломок верхней части наконечника с трёхгранным остриём, конец которого смят и раскрошен от удара, паз начинается в 25 мм от конца острия (рис. 4: 1). Второй наконечник представлен обломком нижней части с коническим насадом, его паз завершается на стержне на расстоянии около 60 мм от начала насада (рис. 4: 2). 12 фрагментов принадлежат уплощённым игловидным наконечникам с одним длинным пазом (рис. 4: 3–7). Острия наконечников не найдены. Насады у четырёх изделий короткие, уплощённо-конические (рис. 4: 3–4, 6), у одного – насад короткий, клиновидный, прямоуглового сечения (рис. 4: 5). Пазы заканчиваются на стержне на расстоянии 30–70 мм от насада.

Кроме игловидных в Лобвинской пещере найдены узкие плоские наконечники стрел – симметричные и асимметричные. Симметричные наконечники представлены обломками двух вкладышевых орудий линзовидного сечения с двумя пазами (рис. 4: 8–9) и обломком наконечника без паза подовального сечения.

Большую часть находок (обломки не менее 26 орудий) составляют узкие плоские асимметричные вкладышевые наконечники стрел с одним длинным пазом с прямым обухом и выпуклым у острия дугообразным режущим краем (рис. 4: 10–14). Асимметрия орудий выражена только в верхней части у острия (рис. 4: 11), ниже они симметричны. Поперечное сечение наконечников – линзовидное, реже – овальное, единично – ромбическое (рис. 4: 14). Соотношение толщины и ширины – в пределах 1:1,5–1:2. Паз начинается от острия или на небольшом расстоянии от него и завершается на стержне на расстоянии 20–70 мм от насада. Сече-

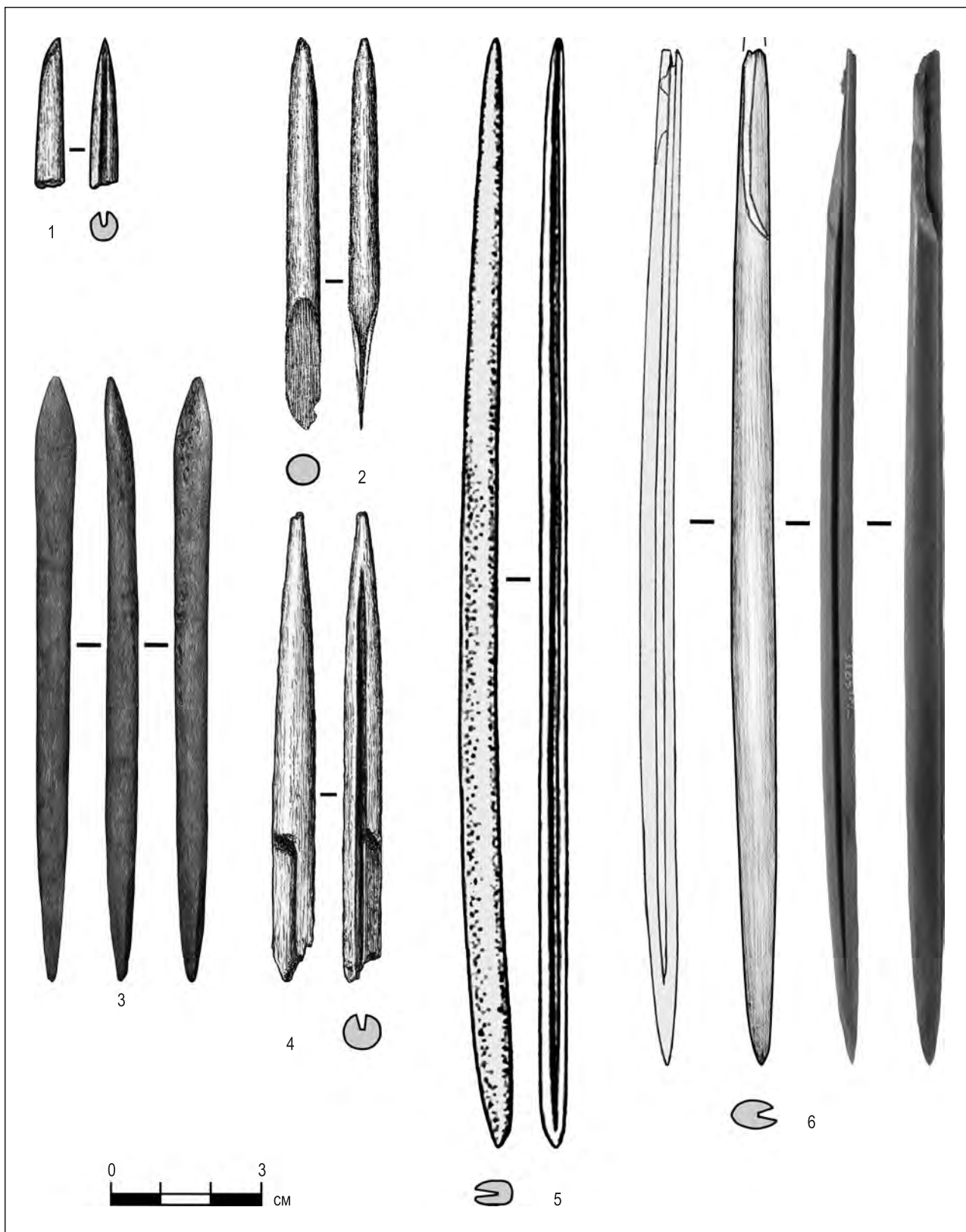

Рис. 3. Костяные игловидные наконечники стрел первой половины – середины пребореального периода:
 1, 2, 4, 5 – Шайтанская пещера; 3 – Береговая I, V культурный слой; 6 – Шигирский торфяник

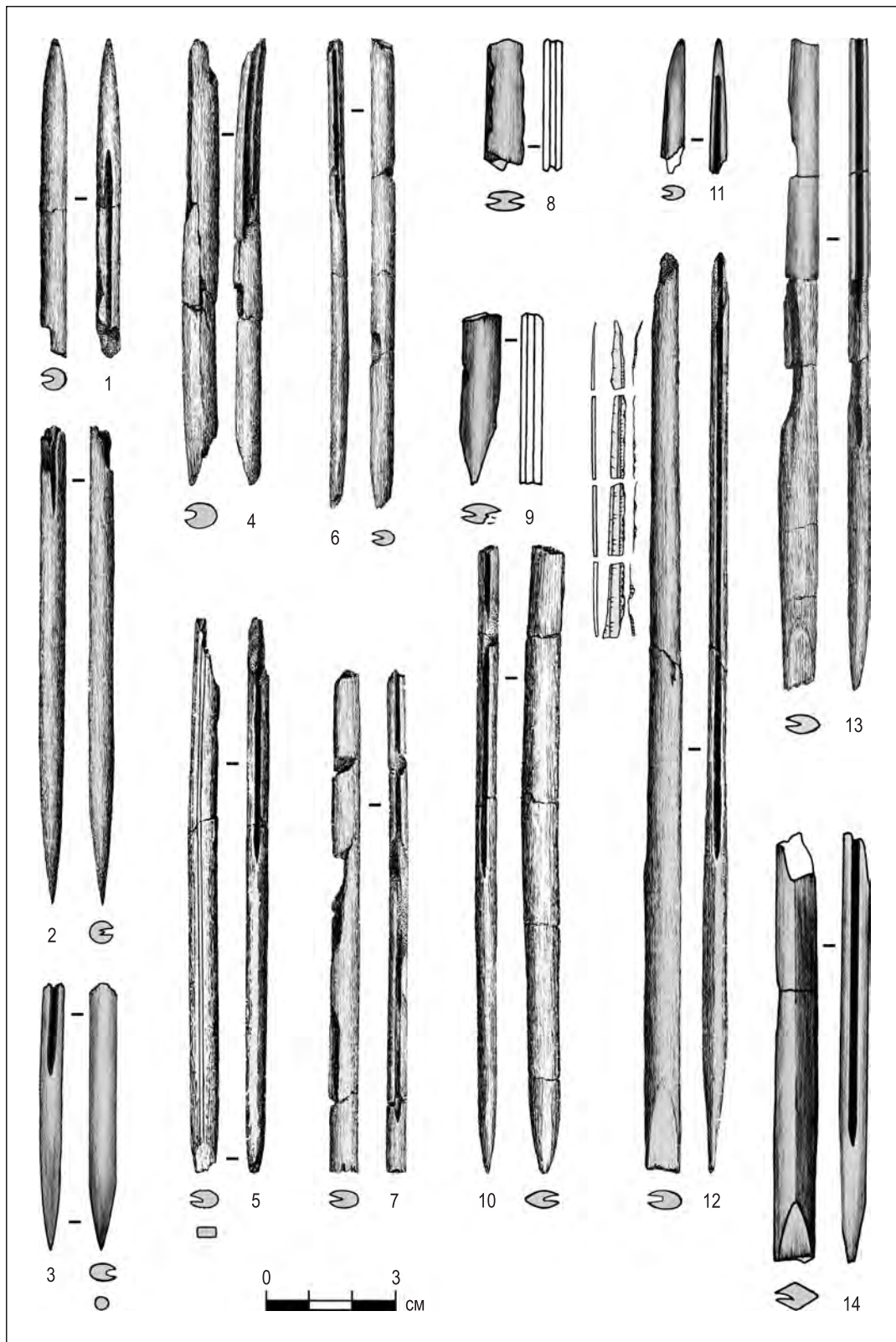

Рис. 4. Костяные наконечники стрел второй половины пребореального периода:
 1-7 – игловидные; 8-9 – узкие плоские симметричные; 10-14 – узкие плоские асимметричные. Лобвинская пещера,
 мезолитический культурный слой

ние пазов U-образное, реже V-образное. Насады короткие, у подавляющего большинства изделий – клиновидные (рис. 4: 12–14), но встречаются и уплощённо-конические (рис. 4: 10) [3, с. 260]. Узкие плоские асимметричные наконечники с одним длинным пазом являются специфическим местным типом наконечников стрел, за пределами Урала подобные наконечники не найдены.

Среди игловидных и узких плоских наконечников стрел в небольшом количестве присутствуют орудия, орнаментированные с двух сторон по центру гравированными линиями – одинарной, двойной или тройной (рис. 4: 5). Под микроскопом на наконечниках хорошо видна красная краска (охра?), втёртая в линии орнамента [3, с. 260].

В культурном слое Лобвинской пещеры также были найдены четыре цельных однокрылых наконечника. Один наконечник без шипа на конце крыла имеет перо средней длины – несколько меньше половины длины изделия – и стержень между пером и насадом (рис. 5: 2). Конец крыла пера завершается чётко выраженным уступом. Сечение пера – линзовидное, стержень овального сечения уплощён, насад короткий уплощённо-конический. Три обломка принадлежат наконечникам с шипом на конце крыла. Первый – с узким пером каплевидного сечения, крыло – низкое, завершается коротким шипом (рис. 5: 3). Стержень – уплощённый длинный, овального сечения, сломан на переходе в конический насад. От второго наконечника сохранился небольшой фрагмент средней части, где перо переходит в стержень (рис. 5: 1). Шип на конце крыла сломан, но видно, что он отходил от стержня под острым углом. От третьего наконечника сохранился уплощённый стержень овального сечения с коротким коническим насадом (рис. 5: 4). Перо сломано по основанию шипа, которое хорошо видно [3, с. 261].

В Среднем Зауралье в пребореальном периоде наряду с наконечниками стрел использовались однорядные наконечники гарпунов. Такие орудия были найдены в раннемезолитическом V культурном слое торфяниковой части Береговой II стоянки на Горбуновском торфянике (рис. 1: 3) [17, с. 137]. Пыльцевые спектры V культурного слоя стоянки соответствуют пребореальному периоду. Серия из 12 радиоуглеродных дат распалась на две группы. Группа ранних дат по костяным и деревянным артефактам, найденным ближе к берегу, даёт интервал $10060 \pm 80 - 9800 \pm 40$ лет назад (кал. значение $9400 - 9200$ лет до н.э.). Поздние даты, полученные по образцам, отобраным на значительном удалении от берега, в основном по деревянным колам, вбитым в минеральное дно, укладываются в интервал $9230 \pm 60 - 8980 \pm 90$ лет назад (кал. $8600 - 8200$ лет до н.э.) [7, с. 96]. Это свидетельствует о двух эпизодах освоения территории стоянки, связанных с раннемезолитическим культурным слоем. Таким образом, найденные в этом слое наконечники могут либо быть раннепребореальными, либо относиться ко второй половине – концу пребореального периода.

Обнаружены четыре обломка достаточно массивных костяных зубчатых наконечников, предназначенных для соединения с древками диаметром не менее 20 мм. Три из них принадлежат наконечникам гарпунов (рис. 5: 5, 6, 8). Все орудия – однорядные с расширенным со стороны зубцов насадом с поперечной выемкой. Перо прямо переходит в насад, стержень между пером и насадом отсутствует. Первый относительно короткий наконечник имел два зубца (рис. 5: 8). От верхнего зубца сохранилось только основание, второй зубец – крупный, длинный, клювовидной формы, примыкает к верхнему. На расширенном крае насада поперечно выпилен широкая выемка. Второй предмет является обломком нижней части наконечника гарпуна с фигурной M-образной выемкой на насаде (рис. 5: 5). На фрагменте сохранилось основание нижнего зубца пера. Третий наконечник – с тремя редкими зубцами (рис. 5: 6). Верхний зубец был низкий треугольный, два нижних – высокие клювовидные. В верхней части насада на расширенном крае выпилен узкая поперечная выемка.

Четвёртый – обломок верхней части однорядного наконечника с частыми высокими зубцами клювовидной формы, расположенными на небольшом расстоянии друг от друга (рис. 5: 7). Насад наконечника утрачен, следовательно, невозможно установить, является он фрагментом наконечника гарпуна или зубчатого острия.

Гарпуны служили для охоты на воде. Их наконечники имели подвижное соединение с древком при помощи линя, для чего насады были снабжены приспособлениями в виде выемок, зубов, отверстий и др. Один конец линя крепился к наконечнику, другой – к древку, находившемуся в руках гарпунщика. Наконечник вставлялся в паз на конце древка или соединялся с древком с помощью посредника. При попадании наконечник отделялся от древка, а линь позволял извлечь ушедшую под воду добычу. Гарпунами в Среднем Зауралье, очевидно, добывали прежде всего бобра, кости которого на мезолитических стоянках по количеству занимают второе место после костей лося, а также выдру и крупную рыбу. В неолитическом слое поселения Сахтыш I в Верхнем Поволжье найден череп бобра с застрявшим обломком острия костяного наконечника гарпуна (рис. 2: 2) [15, с. 44].

Зубчатые острия использовались в качестве наконечников острог и рыболовных копий, а также как наконечники дротиков при сухопутной охоте. Насады их приспособлены для неподвижного жёсткого закрепления в древках. Основное отличие друг от друга наконечников гарпунов и зубчатых острий заключается в оформлении насада, который и определяет функциональное назначение орудия. Когда насад обломан, разделить наконечники гарпунов и зубчатые острия сложно.

Технология изготовления

Необходимо отметить, что все приёмы обработки кости – ударная ретушь, скобление, строгание, шлифовка, пиление, прорезание пазов/каналов резцом и резчиком, гравировка, полировка – фиксируются на Урале уже для позднего палеолита [11, с. 44–46; 18]. Однако из-за отсутствия стратифицированных датиро-

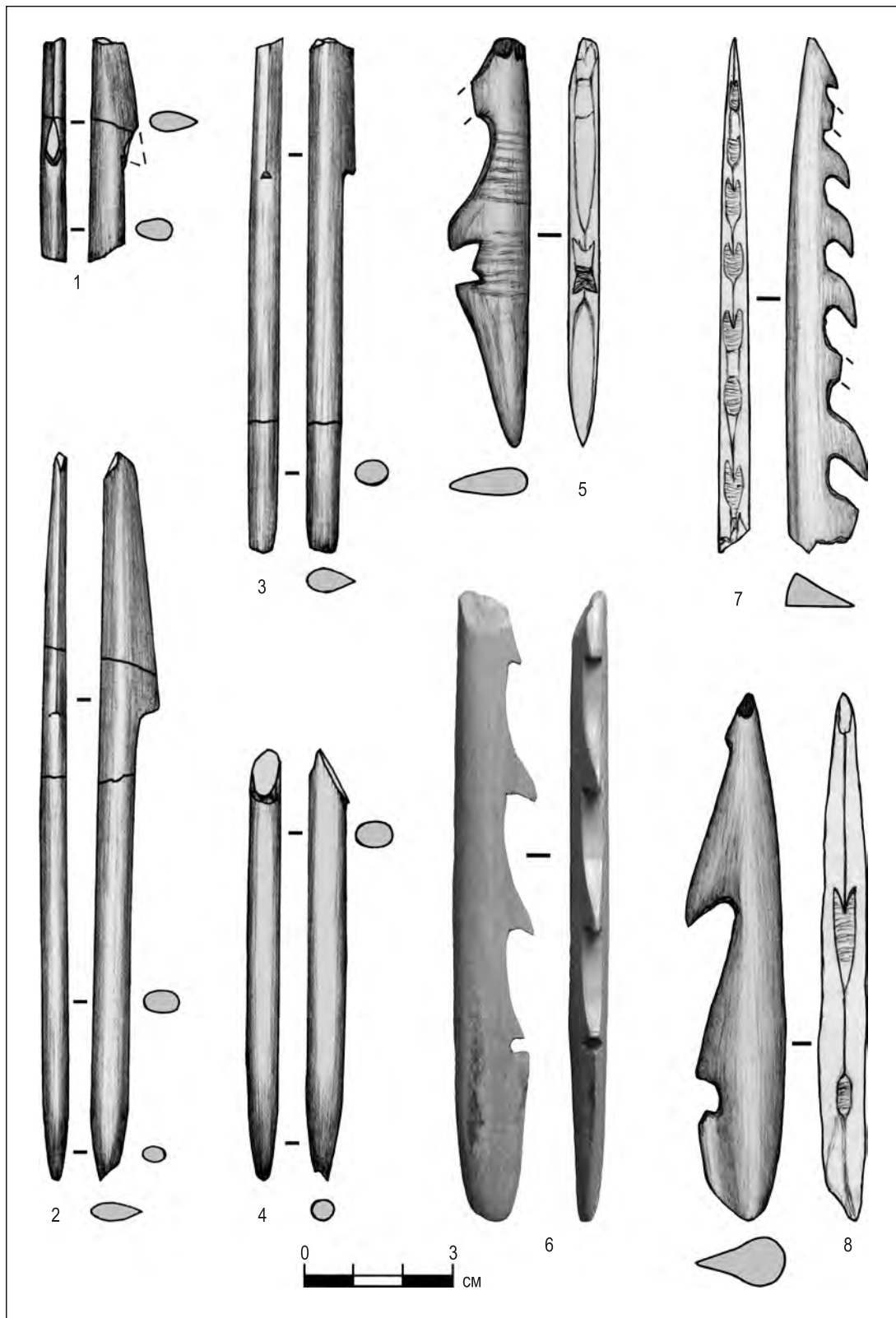

Рис. 5. Костяные наконечники метательного вооружения:

1–4 – однокрылые наконечники стрел (Лобвинская пещера, мезолитический культурный слой, вторая половина пребореального периода); 5–8 – зубчатые наконечники (Береговая II, V культурный слой, пребореальный период)

ванных радиоуглеродным методом финальнопалеолитических памятников вопрос о происхождении мезолита Зауралья и его связи с предшествующими позднепалеолитическими памятниками пока остаётся открытым.

В раннем мезолите для изготовления наконечников в качестве сырья использовались крупные трубчатые кости копытных, вероятно прежде всего лося и северного оленя. Их продольно надрезали от 1/2 до 2/3 толщины стенки, а затем раскалывали по надрезам с помощью клина на пластины-заготовки. Остатки таких пазов частично сохранились на некоторых изделиях. Наконечники гарпунов изготавливали в основном из заготовок, полученных из наиболее массивной части диафиза с продольным ребром.

Основными зафиксированными приёмами черновой обработки преформ были скобление и строгание, реже – грубая шлифовка на крупнозернистом абразиве. Чаще всего в первую очередь применялось грубое скобление, обычно продольное, но на поверхности одного наконечника гарпуна отмечены следы разнонаправленного скобления, предшествовавшего продольному строганию (рис. 5: 6). Скобление эффективно и достаточно быстро убирало лишнюю массу кости. Следующими приёмами обработки обычно были продольное строгание и/или грубая шлифовка. Стругание использовалось и как один из основных формообразующих приёмов, и для чистового выравнивания поверхности изделия. Применение грубой шлифовки в качестве формообразующего способа обработки кости является отличительной чертой уральской костяной индустрии.

Черновая обработка орудий из Лобвинской пещеры выполнена только скоблением, строгание было лишь чистовым, что, возможно, является особенностью микрорегиона. Один однокрылый наконечник стрелы (рис. 5: 2) после строгания обработан грубой шлифовкой на крупнозернистом абразиве, затем – тонкой поперечной шлифовкой и заполирован [3, с. 261]. Как показал эксперимент, в качестве скобелей и строгальных ножей могли использовать отщепы или пластины без вторичной обработки с удобным острым краем [19].

После того как оформление общей конфигурации изделия было завершено, прорабатывались детали. На вкладышевых орудиях прорезались пазы. Для прорезания пазов продольным строганием на краю оформлялась площадка паза – плоскость шириной 2–3 мм, нужной длины. Согласно эксперименту, вероятно, сначала на площадке острым углом пластины движениями вперёд, как штихелем, намечалась линия паза, а затем по намётке краем неретушированной пластинки делался пропилен глубиной 1–1,5 мм. Пропил выравнивал неровности, оставшиеся от разметки паза, и обеспечивал его прямизну. Далее паз прорезался на нужную глубину [19]. В разрезе пазы имеют разную форму, что связано с формой кромки резчика или резца, которым выполнялся паз. В качестве этих инструментов использовались сечения тонких кремнёвых пластин. Точечным лезвием служил угол слома пластины. Если кость была сильно размягчена, лезвие резчика почти не выкрашивалось, и поперечное сечение паза получалось V-образным (рис. 3: 5; 4: 6–9, 13, 14). Так как сечение пластинки из-за огранки асимметрично, то и сечение паза тоже было асимметричным. V-образное сечение свидетельствует о движении резчика в одном направлении. Если в процессе резания паза направление движения менялось на противоположное, сечение паза становилось W-образным (рис. 4: 2). Пазы U-образного сечения прорезаны инструментом с затупившейся кромкой (рис. 3: 1; 4: 1, 3, 4, 10, 11). Если паз выполнялся резцом, кромка которого всегда оформлена резцовым сколом, паз приобретал трапециевидное сечение (рис. 3: 4, 6; 4: 12) [3, с. 261–262]. Преобладают пазы U-образного сечения, далее следуют пазы V-образного и трапециевидного сечения, W-образные пазы единичны.

Зубцы у наконечников гарпунов продольно выстругивались по направлению к острию орудия с подрезанием стружки во встречном направлении или выпиливались поперечно и наискось, выемки на насадах гарпунов выпилены поперечно. У обломка верхней части зубчатого наконечника (рис. 5: 7) зубцы выпилены, а затем их край скошен шлифовкой, что превратило их из ромбических в клювовидные.

Шипы и уступы однокрылых наконечников стрел оформлены разными способами. У наконечника с уступом на конце крыла (рис. 5: 2) после обработки грубой шлифовкой основание уступа подправлено тонкой поперечной шлифовкой мелкозернистым абразивом. У обломка наконечника с шипом, отходящим от стержня под острым углом (рис. 5: 1), основание зубца вырезано наискось с двух сторон, у орудия с низким крылом (рис. 5: 3) – поперечно. У обломка с сохранившимся основанием зубца (рис. 5: 4) зубец был оформлен несколькими плоскими срезами по периметру [3, с. 262].

Чистовое выравнивание поверхности изделий выполнялось строгальным ножом. После этого поверхность обрабатывалась тонкой шлифовкой на мелкозернистом абразиве и в некоторых случаях полировалась. Линейный гравированный орнамент, встреченный на нескольких вкладышевых наконечниках из Лобвинской пещеры (рис. 4: 5), прорезан углом сломанной пластинки после чистового строгания перед тонкой шлифовкой и полировкой, что подтверждается характерной сглаженностью краёв линий орнамента. Клиновидные насады наконечников из Лобвинской пещеры оформлялись строганием в последнюю очередь, на их выпуклых боковых краях видны следы тонкой шлифовки, убранные строганием на плоскостях насада [3, с. 262]. Впазах нескольких наконечников стрел сохранились остатки тёмного клеящего вещества. Такой же способ крепления вкладышей использовался в мезолите лесной зоны Восточной Европы [20, с. 63].

Выявленная «технологическая стратиграфия» – перекрытие следов одной операции следами следующих – позволила установить последовательность использования приёмов обработки и реконструировать этапы изготовления наконечников. Нужно отметить, что в раннем мезолите уже сложился определённый порядок применения приёмов обработки, характерный для уральской костяной индустрии на протяжении всего каменного века. Технологическая схема изготовления наконечников очень близка к той, что выявля-

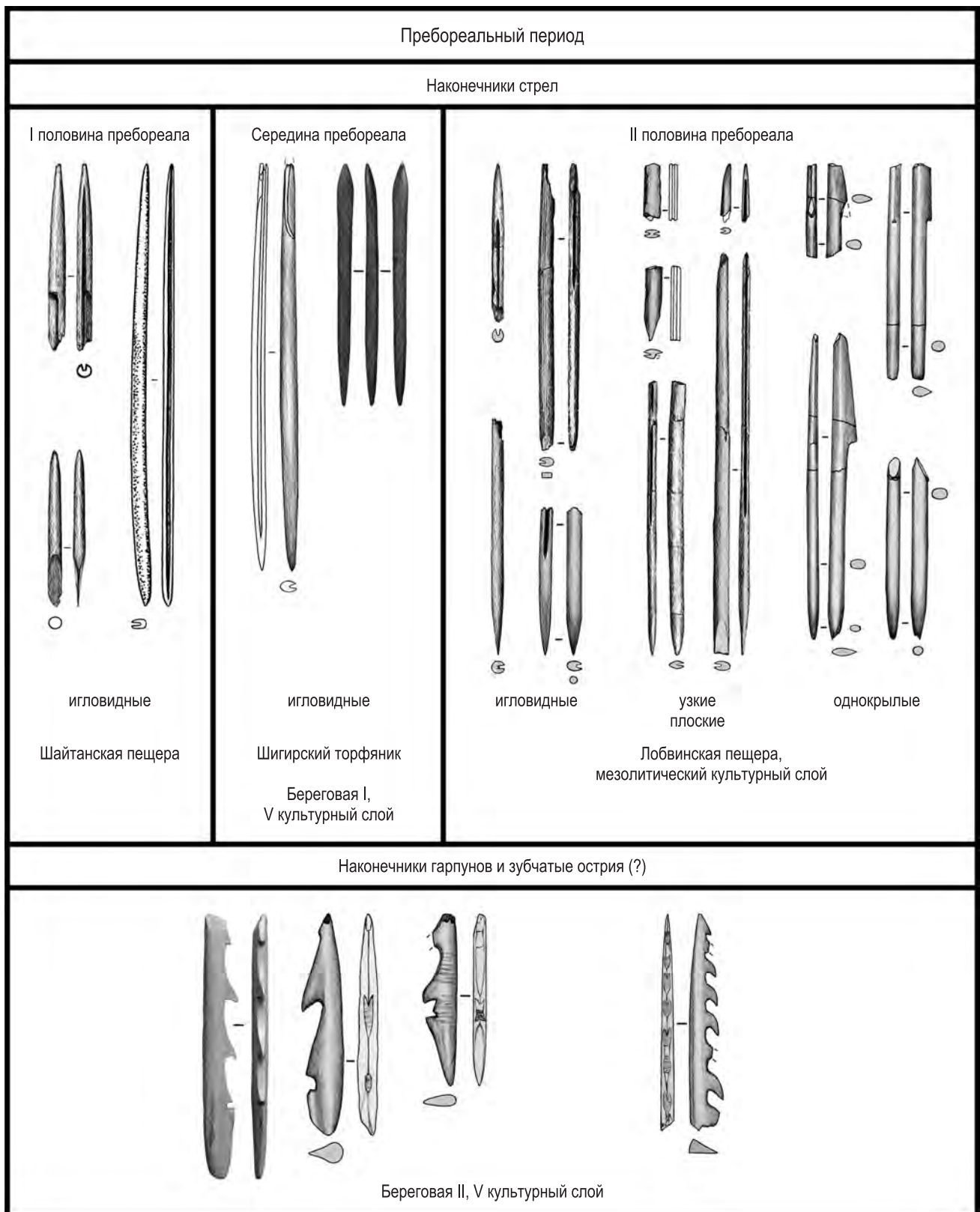

Рис. 6. Схема периодов бытования наконечников метательного вооружения раннего мезолита горно-лесного Зауралья

на на восточноевропейских материалах [20], отличительной местной чертой являлась абразивная обработка, которая в Восточной Европе практически не употреблялась.

Аналогии

Игловидные наконечники стрел массивные составные вкладышевые и цельные без пазов округлого сечения и уплощённые имели широкое распространение в финальном палеолите и мезолите лесной зоны Евразии. Цельные наконечники с клиновидным насадом (тип Гумбинен), сделанные из рога, известны в Восточной Прибалтике [21]. В раннем мезолите Восточной Европы были распространены длинные массивные игловидные наконечники округлого сечения и уплощённые цельные и вкладышевые с одним длинным пазом и коническим или пирамидальным насадом [20, с. 225–226].

Узкие плоские симметричные наконечники стрел цельные без пазов и вкладышевые с двумя пазами находят аналоги в материалах раннемезолитических памятников Восточной Европы, самые ранние из них – из IV культурного слоя поселения Становое 4 в Верхнем Поволжье – датируются концом позднего дриаса – началом пребореала [20, с. 228]. Специфический уральский тип – *узкие плоские асимметричные наконечники стрел* – за пределами Урала неизвестен.

Однокрылые наконечники стрел с шипом на конце крыла имеют аналоги в более поздних восточноевропейских материалах среднего мезолита – раннего неолита. Единичные однокрылые наконечники стрел без шипа в Восточной Европе связаны с памятниками позднего мезолита [20, с. 230]. На Урале, как показали материалы, полученные при исследовании мезолитического слоя Лобвинской пещеры, оба типа однокрылых наконечников возникают раньше: в раннем мезолите, во второй половине пребореала – начале бо-реального периода.

Наконечники гарпунов появляются в лесной зоне Евразии ещё в верхнем палеолите. Тем не менее найти близкие аналоги уральским раннемезолитическим наконечникам оказалось затруднительно. Отдельные похожие однорядные наконечники с редкими и частыми зубцами с расширенным со стороны зубцов насадом с поперечной выемкой имеются в Эстонии среди находок со стоянки Кунда-Ламмасяги, содержащей смешанные материалы разных периодов мезолита и неолита [20, с. 100–101; 22], и в Латвии в Лубанской коллекции случайных находок [23, р. 53].

Заключение

В раннем мезолите в Среднем Зауралье уже сложилась высокоразвитая костяная индустрия. Изделия из кости были широко распространены и играли важную роль в жизни населения. Набор изделий был разнообразен и включал основные функциональные группы орудий. Для изготовления костяных артефактов применялись все известные приёмы обработки кости и рога. Метательное охотничье вооружение оснащалось костяными наконечниками. Каменные наконечники этого периода пока не найдены. С распространением лесов, постепенно сменяющих открытые пространства позднего дриаса, лук со стрелами становится на Урале основным видом охотничьего вооружения. В мезолите лесной зоны Урала, как и в мезолите Восточной Европы, костяные наконечники стрел играли главную роль в оснащении охотничьего вооружения, что отличает эти территории от Западной и Центральной Европы [20].

Раннемезолитические наконечники стрел относятся к трём типологическим группам – игловидные, узкие плоские и однокрылые (рис. 6). Первыми в первой половине пребореального периода появляются игло-видные наконечники. Они представлены длинными массивными вкладышевыми изделиями с одним длинным пазом округлого сечения и уплощёнными (Шайтанская пещера, Шигирский торфяник) и цельным коротким наконечником с клиновидным насадом (Шайтанская пещера). Для середины пребореала отмечается наличие цельных игловидных наконечников с расширенным уплощённым остриём и пирамидальным насадом (V культурный слой Береговой I стоянки). Во второй половине пребореала наконечники стрел становятся разнообразнее. Наряду с игловидными используются цельные и вкладышевые узкие плоские симметричные и асимметричные наконечники стрел, появляются однокрылые орудия цельные без шипа и с шипом на конце крыла (Лобвинская пещера). Обращает на себя внимание, что игловидные и узкие плоские наконечники составляют единый типологический ряд. Вероятно, узкие плоские симметричные наконечники могли быть производными от игловидных уплощённых. А на их основе, в свою очередь, мог сформироваться специфический уральский тип – узкие плоские асимметричные с одним длинным пазом.

Ещё одной разновидностью костяных наконечников метательного вооружения, бытовавших в раннем мезолите Среднего Зауралья наряду с наконечниками стрел, являются наконечники гарпунов и, возможно, зубчатые острия, представленные артефактами из V культурного слоя Береговой II стоянки (рис. 5: 5–8; 6). Гарпуны использовались для промысла на воде. Ими добывали прежде всего бобра, а также выдру и крупную рыбу. Появляются зубчатые наконечники в первой или во второй половине пребореального периода, вопрос пока остаётся открытым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жилин М.Г., Савченко С.Н. Торфяниковые памятники мезолита и раннего неолита Зауралья: опыт и перспективы комплексного исследования // Тагильский вестник: историко-краеведческий альманах. Вып. 6. Нижний Тагил, 2010.
2. Жилин М.Г., Савченко С.Н. Многослойные мезолитические стоянки Горбуновского торфяника // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. Казань, 2014.
3. Чаиркин С.Е., Жилин М.Г. Мезолитические материалы из пещерных памятников лесного Зауралья // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М., 2005.
4. Савченко С.Н. Преемственность и инновации в развитии костяной индустрии мезолита горнолесного Зауралья // Stratum plus. СПб.; Кишинёв; Одесса; Бухарест. 2014. № 1.
5. Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. М., 1977.
6. Панова Н.К., Антипина Т.Г., Зарецкая Н.Е. Новые данные по палинологии, геохронологии и стратиграфии озерно-болотных отложений на Среднем Урале // Палинология: стратиграфия и геоэкология: сборник научных трудов XII Всероссийской палинологической конференции. Т. 2. СПб., 2008.
7. Геохронология, стратиграфия и история развития торфяных болот Среднего Урала в голоцене (на примере Шигирского и Горбуновского торфяников) / Н.Е. Зарецкая, Н.К. Панова, М.Г. Жилин, Т.Г. Антипина, О.Н. Успенская, С.Н. Савченко // Стратиграфия. Геологическая корреляция. Т. 22. № 6. 2014.
8. Некрасов А.Е. Птицы из отложений Лобвинской пещеры // Материалы по истории современной биоты Среднего Урала. Екатеринбург, 1995.
9. Савченко С.Н. Костяные цельные рыболовные крючки в каменном веке Среднего Зауралья // Тверской археологический сборник. Вып. 9. Тверь, 2013.
10. Косинцев П.А. Остатки крупных млекопитающих из Лобвинской пещеры // Материалы по истории современной биоты Среднего Урала. Екатеринбург, 1995.
11. Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил, 2000.
12. Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992.
13. Гвоздовер М.Д. Вкладышевый наконечник с палеолитической стоянки Талицкого // Ученые записки МГУ. Т. 158. М., 1952.
14. Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976.
15. Жилин М.Г. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М., 2004.
16. Савченко С.Н., Лилли М., Жилин М.Г. Новые AMS-даты предметов вооружения из кости и рога Шигирской коллекции Свердловского областного краеведческого музея // Шестые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2011.
17. Савченко С.Н. Изделия из кости и рога торфяниковой части стоянки Вторая Береговая на Горбуновском торфянике // III Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2010.
18. Волков Р.Б., Широков В.Н., Улитко А.И. Изделия из кости, бивня и рога с верхнепалеолитической стоянки в гроте Бобылек // РА. 2007. № 4.
19. Savchenko, S. Experiments on Manufacturing Techniques of Mesolithic and Early Neolithic Slotted Bone Projectile Points from Eastern Urals // Ancient and Modern Bone Artefacts from America to Russia: Cultural, Technological and Functional Signature. BAR IS. № 2136. Oxford, 2010.
20. Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М., 2001.
21. Gross, H. Die Renntierjager-kulturen Ostpreussens // Prahistorische Zeitschrift. Bd. XXX–XXXI. 1940.
22. Indreko, R. Die mittlere Steinzeit in Estland. Stockholm, 1948.
23. Vankina, L. The Collection of Stone Age Bone and Antler Artefacts from Lake Lubāna. Catalogue. Rīga, 1999.

*Свердловский областной краеведческий музей,
Екатеринбург*

S.N. Savchenko

ARROWHEADS AND HARPOONS OF EARLY MESOLITHIC OF THE MIDDLE TRANS-URALS

Summary

Thanks to the excavations of peat and cave monuments there are received materials, giving an idea of the tips of hunting throwing weapons in the Early Mesolithic of the Middle Trans-Urals. To date, these artifacts are some bone arrowheads and harpoons; stone arrowheads of this period are not found.

The main hunting weapons in the Early Mesolithic were a bow with arrows. The Early Mesolithic arrowheads were discovered in the Middle Trans-Urals and the adjacent part of the Northern Trans-Urals at the peaty coastal part of the settlement Beregovaya (Coastal) I at the Gorbunovsky peat, as well as at Lobvinsky and Shaitansky caves. 54 Early Mesolithic arrowheads are known. They belong to three typological groups: needlelike, narrow flat and one-wing arrowheads. The first to appear were massive needlelike arrowheads. In the first half – the middle of the Preboreal period, there were needlelike-shaped arrowheads with one long groove of rounded cross-section and flattened, as well as solid short ones with a tapered or pyramidal stem. In the second half of the Preboreal arrowheads became more diverse. Along with the needlelike arrowheads there were used one-piece and inserted narrow flat symmetric and asymmetric arrowheads. The latter are specific of the Urals type not known in other areas. Also there appear one-wing one-piece arrowheads without a spike and with a spike on the end of the wing.

Another variety of the Early Mesolithic tips for throwing weapons in the Middle Trans-Urals were harpoon heads for hunting in the water. The harpoons were used to hunt beaver and otters, as well as large fish. Single-row harpoon heads with extended teeth-oriented stem with a cross notch were found in the cultural layer V of the Beregovaya (Coastal) II settlement at the Gorbunovsky peat-bog. Whether such tips were used in the first or in the second half of Preboreal period, is still unknown.

In the Early Mesolithic of the Trans-Urals there had already developed a technological scheme of manufacture of the tips almost similar to the one identified for the Eastern European materials. Most of the Urals tips, except for specific local types, find analogies in the Mesolithic – Neolithic of Eastern Europe.

*The Sverdlovsk Regional Local Museum,
46, Malysheva St., Ekatherinburg, 620014,
Russia
E-mail: sv-sav@yandex.ru*

Г.Т. Ленц, И.В. Калинина, В.И. Дейкун

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ТИПОЛОГИИ КОСТЯНЫХ НАКОНЕЧНИКОВ ИЗ ПЕЩЕРЫ КАМЕНЬ ДЫРОВАТЫЙ (МЕЗОЛИТ, СРЕДНЕВЕКОВЬЕ)

В Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа хранятся две коллекции (опись хранения ДК/1-5925; инвентарь 592/1–843) наконечников стрел из культовой пещеры Камень Дыроватый, раскопки которой производились отрядом Камской археологической экспедиции ГАИМК под руководством Н.А. Прокошева в течение двух полевых сезонов в 1933 и 1937 годах. Коллекции состоят из серий разновременных, датируемых от мезолита до Средневековья, наконечников стрел из кости, камня, бронзы и железа.

Ранее И.В. Калининой и Г.Т. Ленц предлагалось разделить костяных наконечников по функции на пять отделов: ударные, колющие, режущие, колюще-ударные и колюще-режущие [1, с. 15]. Г.Т. Ленц с этих позиций классифицировала средневековые наконечники [2, с. 208–210]. Подготовка к публикации раннего комплекса костяных наконечников из пещеры Камень Дыроватый с учётом имеющейся в настоящее время классификации вызвала у В.И. Дейкун ряд вопросов, потребовавших более углублённого анализа функции наконечника и, как следствие, уточнения исследовательских задач функционально-технологического подхода.

В функционально-технологическом подходе *функция* понимается как способ действия наконечника. Название функции определяет результат действия наконечника: *ударная* – оглушение, сбивание зверя; *колющая* – прокалывание шкуры; *колюще-ударная* – прокалывание и оглушение; *режущая* – нанесение резаных ран; *колюще-режущая* – прокалывание и разрезание шкуры; *пробивающая* – пробивание толстой шкуры или брони. Непосредственно с функцией связаны рабочая часть или части наконечника: *остриё*, «*головка*» (*утяжелитель*), *лезвие*, «*заточенная грань*» (табл.). Функция жёстко не связана с формой рабочей части наконечника – возможны по форме разные рабочие части наконечников, тем не менее выполняющие одну функцию (рис. 1).

Выделение функциональных отделов позволяет отойти от формально-морфологической классификации наконечников. Во-первых, группировка их внутри отделов по типам унифицирует названия типов. К примеру, среди мезолитических наконечников выделяются наконечники с биконической головкой, однолезвийные, двулезвийные, однолезвийно-вкладышевые, двулезвийно-вкладышевые вместо «веретёнообразных», «однокрылых», «двукрылых» и тому подобных названий наконечников. Во-вторых, внимание сосредотачивается на признаках, отражающих особенности рабочей части орудий. Так, для задержания наконечника в ране, у средневековых наконечников – для притока воздуха в рану лезвия могли быть снабжены зубцами (шипам), а упоры использовались для обмотки, утяжеляющей наконечник (рис. 1: 4, 8, 10).

Таблица. Функции наконечников

	Функции	Способ действия	Рабочая часть
1	Ударная	Оглушение, сбивание	«Головка»
2	Колющая	Прокалывание	Остриё
3	Колюще-ударная	Прокалывание и удар	Остриё + «головка» или остриё с утолщением
4	Режущая	Разрезание	Лезвие
5	Колюще-режущая	Прокалывание и разрезание	Остриё + лезвие
6	Пробивающая	Пробивание	Гранёное остриё («заточенная грань»)
7	Ударно-пробивающая	Удар и пробивание	Гранёное остриё с утолщением («утяжелителем»)

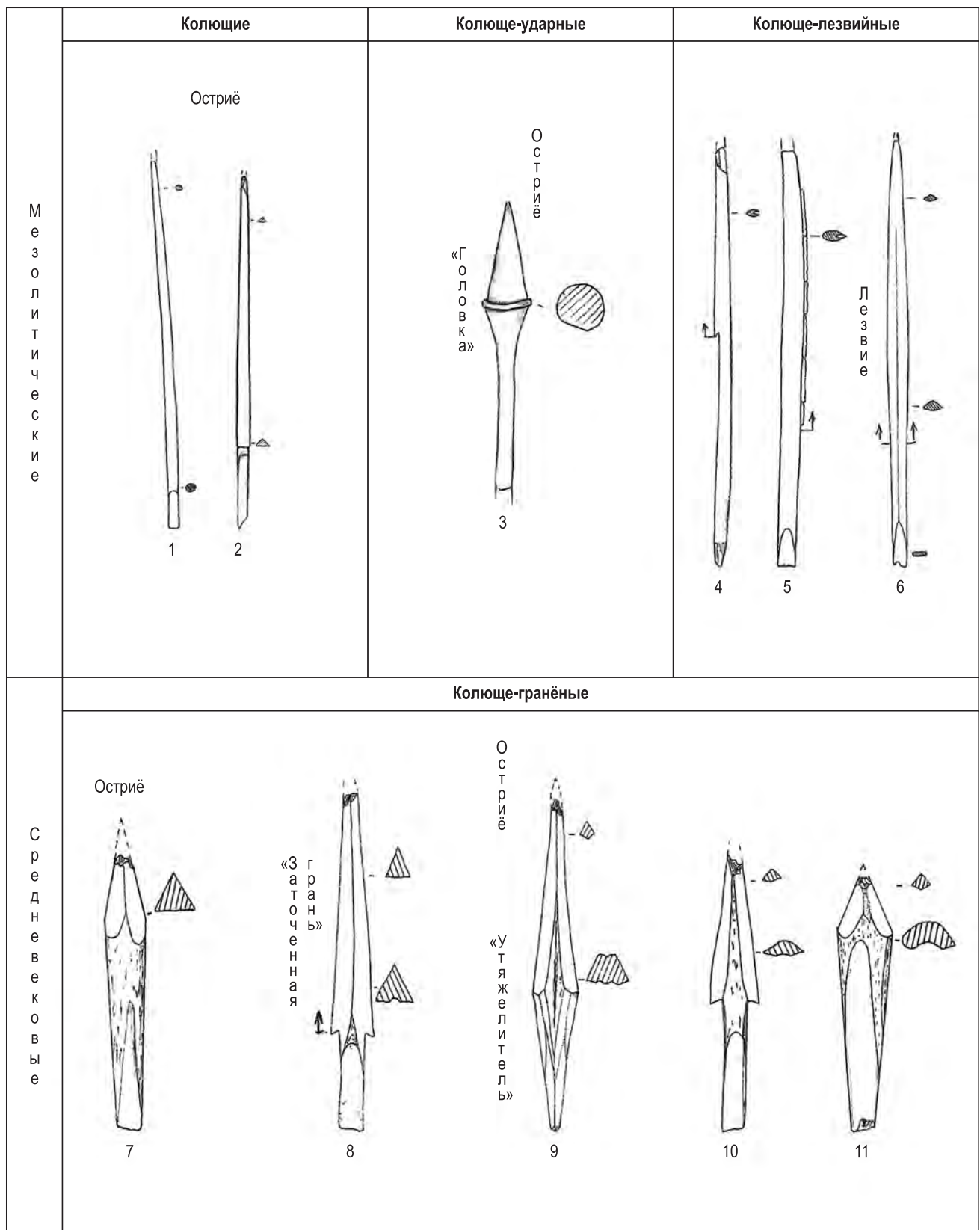

Рис. 1. Рабочие части наконечников

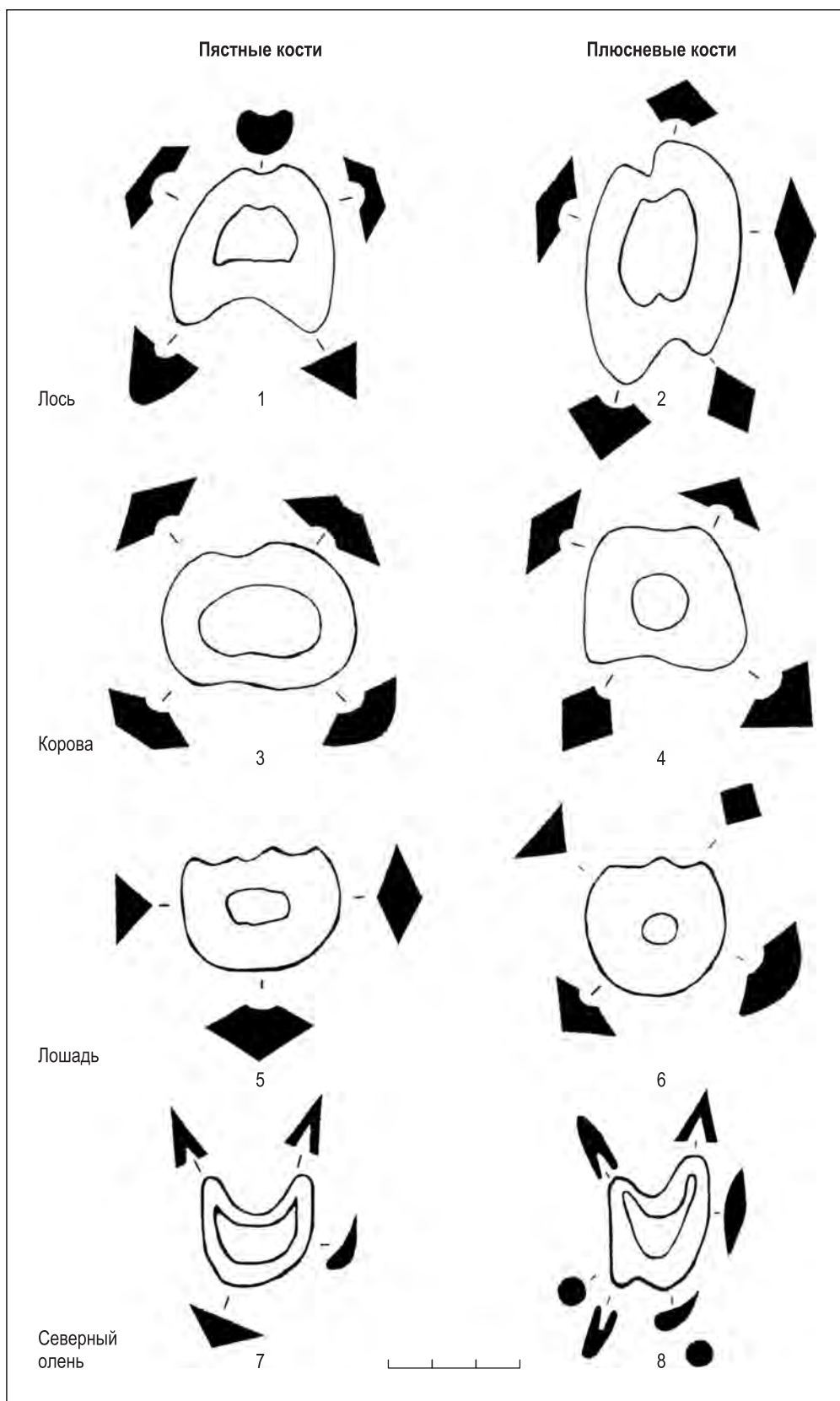

Рис. 2. Сечения наконечников из пястных и плюсневых костей

Функциональная классификация позволяет с новых позиций подойти к вопросу об изменениях форм костяных наконечников на всём протяжении их бытования от мезолита до Средневековья. Удалось выяснить, что принципиальное изменение форм костяных наконечников связано с переходом к эпохе металла, появлением бронебойных металлических наконечников. В отличие от древних колющих и колюще-лезвийных костяных наконечников у колюще-гранёных остриё или лезвие имеют искусственное ребро жёсткости («заточенную грань»). У мезолитических наконечников может быть и трёхгранная форма сечения острия (рис. 1: 2), но вызвано это естественной формой кости с ребром жёсткости, из которой сделан наконечник.

Формы наконечников зависят от анатомических особенностей заготовок – костей разных видов животных, толщины, формы используемых участков кости. Наконечники изготовлялись в основном из плюсневых или пястных костей лося, северного оленя, лошади, коровы (быка). Плюсневая кость лося достигает длины около 34 см, северного оленя – 22–23 см, лошади – 20–21 см; длина пястной кости лося около 30 см, северного оленя – 15–16 см, лошади – 16–18 см. Длина трубчатой части кости была максимальным пределом длины наконечника. Пястные и плюсневые кости обладают неодинаковой плотностью дистального и проксимального концов, различаются по толщине стенок. Наибольшая толщина у трубчатых костей со стороны дорсальной и боковых участков вентральной поверхностей. Из них изготовлялись преимущественно наконечники колюще-ударного и ударно-пробивающего действия. Из латеральных и медиальных частей чаще делали наконечники режущего и колюще-режущего действия, а из эпифизов – ударного действия. То есть наконечники разных отделов могли быть изготовлены из одной и той же кости, но из разных её частей (рис. 2).

Полная утилизация костяной трубки наиболее характерна для поздних эпох, что объясняет наличие серий уплощённых форм наконечников (рис. 1: 10, 11). По общим очертаниям, но не по сечению, эти наконечники близки к массивным формам. Остаётся в рамках функционально-технологического подхода не решаемый вопрос: могут ли уплощённые формы наконечников быть объединены в один тип с массивными наконечниками?

Функционально-технологический подход позволяет изучение некоторых тенденций в развитии форм костяных наконечников. Однако в формально-типологических классификациях, которые являются определяющими для публикаций костяных наконечников, возможности применения принципов функционально-технологического подхода ограничены.

Для понимания вариабельности форм наконечников недостаточно изучения наконечников стрел в рамках только функционально-технологического подхода. Необходимо учитывать также стадийные (эпохальные) изменения в жизнедеятельности и мировоззрении древних социумов (см. статью И.В. Калининой и А.В. Пантелеева в настоящем сборнике).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Калинина И.В., Ленц Г.Т. Принципы функционально-технологической классификации костяных наконечников (по материалам из пещеры Камень Дыроватый) // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Доклады республиканской научной конференции. Часть вторая. Омск, 1992.
2. Ленц Г.Т. Классификация костяных средневековых наконечников пещеры Камень Дыроватый (из коллекции Прокошева Н.А., 1937 г.) // Международное (XVI Уральское) совещание: Материалы международной научной конференции 6–10 октября 2003 г. Пермь, 2003.

Г.Т. Ленц – Вологодская область

*И.В. Калинина – ФГБУК «Государственный Эрмитаж»,
Санкт-Петербург*

*В.И. Дейкун – ФГБУК «Государственный музей истории религии»,
Санкт-Петербург*

G.T. Lents, I.V. Kalinina, V.I. Deykun

**FUNCTIONAL-TECHNOLOGICAL APPROACH TO THE TYPOLOGY OF THE BONE TIPS
FROM “KAMEN’ DYROVATY” CAVE
(THE MESOLITHIC, THE MIDDLE AGES)**

Summary

The functional-technological approach allows to break away from the formal-morphological classifications of bone tips, and to address the question of their form change throughout the period of their existence from the Mesolithic to the Middle Ages, from new positions. The authors managed to discover that the principal change in the form of the bone tips was caused by the transition to the Metal Epoch, and the emergence of the armor-piercing metal tips.

*Vologda Region,
Russia*

G.T. Lents – E-mail: gala.lencz2013@yandex.ru

*State Hermitage,
34, Dvortsovaya Emb., Saint-Petersburg, 190000,
Russia*

I.V. Kalinina – E-mail: irkalinina@yandex.ru

*State Museum of the History of Religion,
14/5, Pochtampetskaya St., Saint-Petersburg, 190000,
Russia*

V.I. Deykun – E-mail: wallentina@mail.ru

И.В. Калинина, А.В. Пантелеев

ПЕРО НАКОНЕЧНИКА СТРЕЛЫ И ОБРАЗ СТРЕЛЫ-ПТИЦЫ (МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ НАКОНЕЧНИКИ ИЗ ПЕЩЕРЫ КАМЕНЬ ДЫРОВАТЫЙ)

В коллекции из Шигирского торфяника, хранящейся в Свердловском областном краеведческом музее, С.Н. Савченко выделила два костяных наконечника стрел с миниатюрными скульптурными изображениями голов водоплавающих птиц на острие [1]. Обломок костяного наконечника со скульптурным изображением водоплавающей птицы на острие был обнаружен в 2000 г. В.И. Юриным на Южном Урале в пещере Сикияз-Тамак I [2]. В скульптурных изображениях на наконечниках при всей условности в передаче образов угадываются определённые виды птиц. Признаками, передающими их видовые особенности, являются силуэт головы и форма клюва. На наконечниках стрел из Шигирского торфяника «изображённая птица напоминает некоторые разновидности рода лебединых, ... лебедя-кликун и, возможно, малого (тундрового) лебедя или, может быть, гагару», а на наконечнике стрелы из пещеры Сикияз-Тамак I, судя по характерному загибающемуся вниз концу клюва, «изображена голова крохалея» [2, с. 454]. Отмечается также, что кроме этих наконечников, «в настоящее время не известно ни одно скульптурное изображение водоплавающей птицы, которое было бы связано с метательным охотничьим вооружением» [2, с. 459]. Эта статья напомнила, что три наконечника из культовой пещеры Камень Дыроватый (раскопки Н.А. Прокошева 1937 г.), изготовленные, по определению С.А. Кузьминой, из стенок трубчатых костей лося, уже при первом знакомстве с ними вызвали ассоциации с перьями водоплавающих птиц (рис. 1).

На экземплярах из пещеры Камень Дыроватый внимание привлекает намеренно выполненный на стержнях наконечников бугорок, явно не имеющий функционального или декоративного назначения. Предположение, что объяснение семантики этого бугорка, возможно, кроется в морфологических особенностях костей крыльев птиц, побудило к изучению их строения. В результате проделанной работы выяснилось, что локтевые кости птиц имеют характерные естественные утолщения, образующиеся в местах крепления перьев. Разной формы и размеров утолщения-бугорки («сосочки» – *Papillae remigales caudales*, *Papillae remigales ventrales*) у некоторых видов птиц едва заметны и переходят в следы-отпечатки (рис. 2). На наконечниках встречаются продольные ряды углублений, относимые археологами к орнаментам (рис. 3, 4). В древности искусственно моделируемые углубления и «бугорки» могли восприниматься как знаки крыла птицы. В формах мезолитических наконечников, имеющих дугообразно скошенное остриё, плавные очертания и длинный черешок, угадываются асимметричные маховые (крыловые) перья, либо симметричные рулевые (хвостовые) перья птиц (рис. 5, 6). На перо, возможно, также указывает и едва заметная зубчатость, преднамеренно выполненная по краю пера наконечника (рис. 1: 1; 3: 3; 4: 3).

В мировом фольклоре сохранились многочисленные свидетельства семантической связи стрелы с образом птицы. В Ригведе о стреле говорится: «Птицей одета она, а зверь – её зуб» [3, с. 73]. По этнографическим материалам известно, что коряки «стрелы оснащали перьями с крыльев орлана или лебедя» [4, с. 65]; «нганасаны использовали перья куропатки, долганы – гусиное перо, гиляки – хвостовые перья морского орла, ханты – перья орла и ястреба» [5, с. 51]; «у селькупов лучшими считались перья старого орла или филина, ... ханты предпочитали перья орла и ястреба». Ульчи делали оперенье стрел «из перьев орла, филина, коршуна» [6, с. 39]. По сообщению С.К. Патканова, остяки использовали «перья от орлов и филинов как совершенно прямые» [7, с. 114]. Согласно Д.Н. Анучину, в «России и у соседних тюркских народов употреблялось перьё орловое (беркуше), белохвоста (орла-белохвоста), кречетье, лебязье» [8, с. 379]. Михалон Литвин, путешествуя по юго-западной Руси в первой половине XVI в., записал: «Орлят запирают в клетки для перьев к стрелам» [9, с. 6–7]. В материалах хантыйского фольклора упоминаются перья глухаря [10, с. 30–31]. В грузинском эпосе стрела: «узкоперая», «орлинокрылая» [11, с. 159]. По Гезиоду, «стрелы Геракла были оперены перьями горного орла» [8, с. 379]. Былое уподобление стрелы птице сохранило образной лексикой: «перо наконечника», «оперение стрелы». В конце XIX – начале XX века представлялось очевидным, что «генезис оперенья кроется не в понимании законов полета, а в анимистическом представлении,

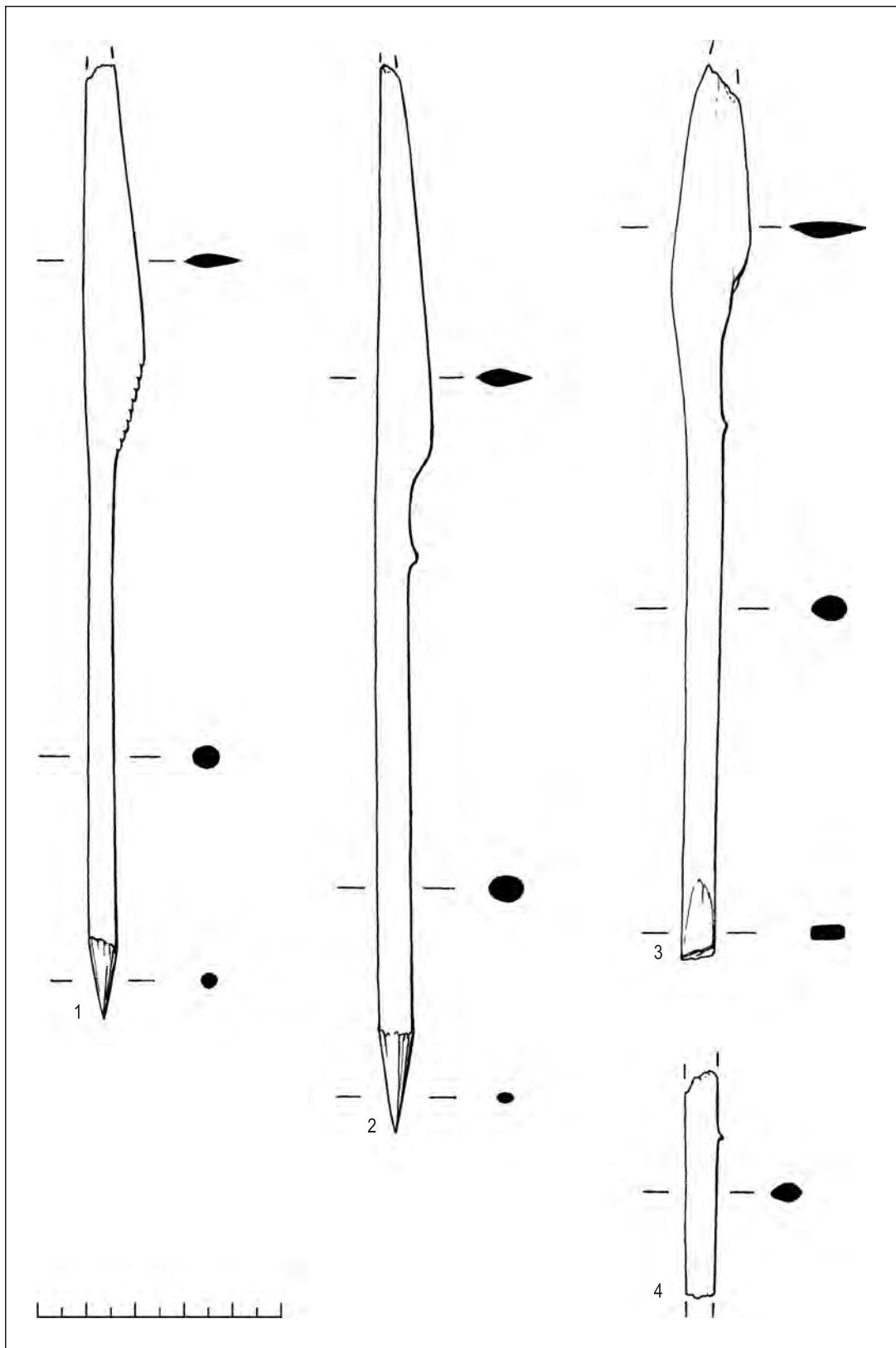

Рис. 1. Наконечники стрел из пещеры Камень Дыроватый:
 1 – ДК-5542; 2 – ДК-5104; 3 – ДК-5717; 4 – ДК-612

Рис. 2. Локтевые кости птиц:

- 1 – серая ворона (*Corvus cornix*); 2 – чёрный коршун (*Milvus migrans*); 3 – луговой лунь (*Circus pygargus*);
 4 – мохноногий канюк (*Buteo lagopus*); 5 – гусь-гуменник (*Anser fabalis*); 6 – серый журавль (*Grus grus*);
 7 – лебедь (кликун?) (*Cygnus cygnus*?)

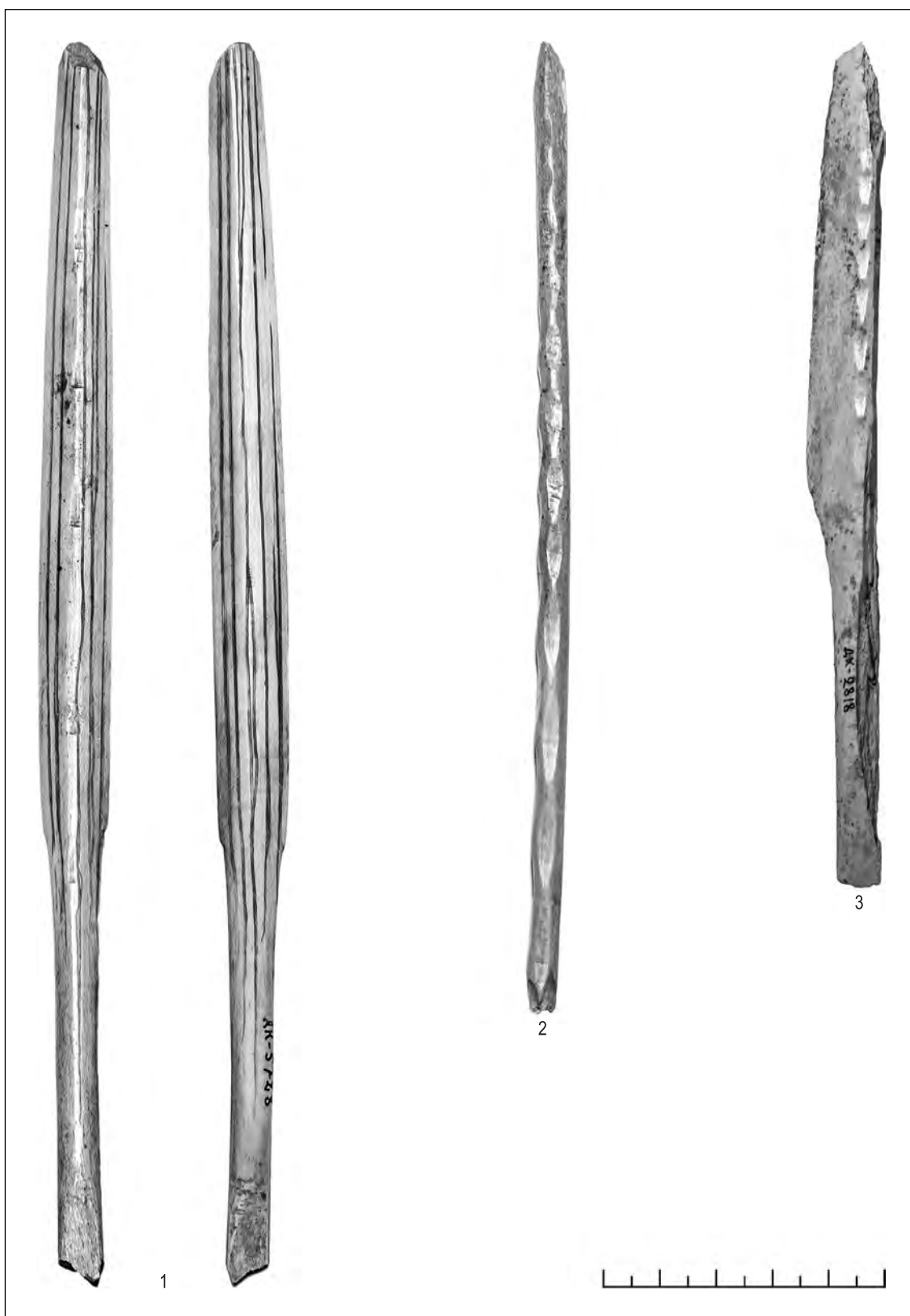

Рис. 3. Наконечники стрел из пещеры Камень Дыроватый:
1 – ДК-5728; 2 – ДК-4227; 3 – ДК-2818

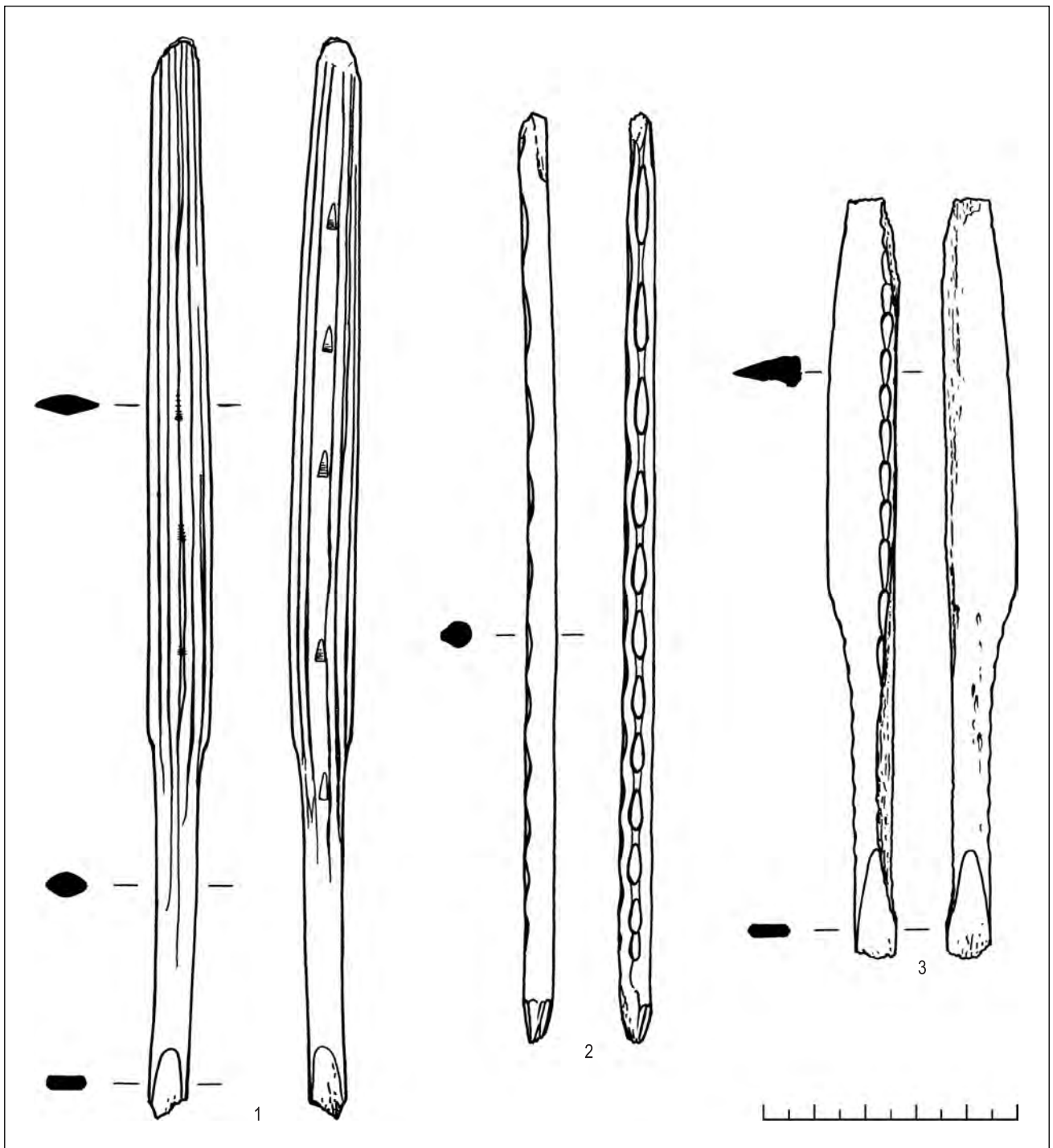

Рис. 4. Наконечники стрел из пещеры Камень Дыроватый:
 1 – ДК-5728; 2 – ДК-4227; 3 – ДК-2818

Рис. 5. Перья птиц:
1–5 маховые; 6, 7 – рулевые

Рис. 6. Наконечники стрел из пещеры Камень Дыроватый:
1 – ДК-5542; 2 – ДК-5104; 3 – ДК-5717; 4 – ДК-3343; 5 – ДК-3596

что оперенье придает стреле свойства птицы» [12, с. 843]. А.Н. Афанасьев полагал, что «Стреле придает эпитет пернатый – не только потому, что нижний конец ее оперялся... но и в смысле прямого уподобления птице; Гомер называет стрелу крылатою, а русская народная загадка... изображает ее так: “Летит птица крылата”» [13, с. 490–491].

Авторы статьи о наконечниках стрел со скульптурно оформленным остриём относят их ко времени неолита – раннего металла, исходя из того, что «уральский тип игловидных наконечников стрел, массивных в нижней половине, с очень длинным тонким коническим остриём, к которому относятся оба наконечника из Шигирской коллекции, пока не датирован», а в пещере Сикияз-Тамак I «помимо позднепалеолитических находок... при проведении исследований были получены материалы неолита – энеолита, позднего этапа бронзового века и Средневековья» [2, с. 459]. Заметим, что, по мнению В.И. Юрина, в пещеру Сикияз-Тамак I «наконечник был принесен. Он был обнаружен в дальней тёмной низкой части пещеры, далеко от входа... <...> пролежал там тысячелетия, от чего произошла минерализация кости» [2, с. 459]. Ранее С.Н. Савченко предполагала, что «наконечники стрел со скульптурным изображением на острие предшествовали появлению наконечников с простым утолщением «шишечкой» на острие... скульптурные изображения могли со временем трансформироваться в простое утолщение» [2, с. 460]. «Небольшие утолщения в виде шишечек имеются на острие у некоторых биконических наконечников стрел с длинным стержнем, которые... являются древнейшим типом наконечника, бытовавшим, по крайней мере, с эпохи мезолита» [1, с. 273]. Наконечники с утолщённой головкой и «шишечкой» на острие, как показали полученные за последние годы материалы, появляются на Урале ещё в среднем мезолите [2, с. 460]. Наконечники стрел из Шигирского торфяника со скульптурным изображением головы водоплавающей птицы на острие были отнесены, таким образом, к мезолиту. В настоящее время нет, полагаем, оснований отрицать мезолитический возраст наконечников.

Находки костей птиц известны в мезолитических и неолитических погребениях Северной Европы. Прослеживается тенденция к дифференциации костей определённых видов птиц в погребениях детей и взрослых: в погребениях детей встречаются кости водоплавающих и связанных с водой птиц, а в погребениях мужчин – хищных птиц. В могильнике «позднего мезолита Vedbæk Bøgebakken в Дании... захоронены молодая женщина и новорожденный ребенок, уложенный на крыле лебедя-кликлуна». В неолитическом погребении VII в Тамуле (Юго-Западная Эстония) обнаружено «захоронение ребенка, около рук которого лежали необработанные локтевые кости серого журавля». В этом же могильнике была найдена «лучевая кость беркута между позвоночником и левой рукой взрослого мужчины» [14, с. 174].

Относительно наконечников со скульптурно оформленным остриём было высказано предположение, что они «имели сакральное значение и, вероятно, могли быть связаны с определёнными обрядовыми действиями» [2, с. 459]. А.В. Пантелеев разделяет мнение Н.А. Алексашенко, которая полагает, что «в жизни древних людей значение лука и стрел было так велико, что они становились сакральными предметами. От их “удачливости” зависело благополучие охотника и его семьи. Особая роль стрел, возможно боевых и охотничьих, установлена в обрядовых действиях людей, посещавших святилище раннего железного века в устье реки Полуя. Стрелы зафиксированы в слое в положении воткнутых в землю под разным углом наконечников. Некоторые из них орнаментированы» [15, с. 37]. На святилище Усть-Полуй имеются также и изображения птиц, в том числе водоплавающих [16, с. 398–399]. Утки присутствуют либо в виде объёмных фигур (шея-голова-клюв) в качестве ручек сосудов, ложек, лопаточек, либо в виде плоских профильных изображений сидящих на воде птиц, которые, как положено водоплавающим, не тонут – сделаны из дерева. В видовом отношении преобладают морянки, единичны гага-гребенушка и чёрная казарка (или гагара?).

С точки зрения И.В. Калининой, во времена мезолита ещё не было разделения сферы деятельности на бытовую и обрядовую. Семантическая связь стрелы с образом птицы находит объяснение не в самом по себе ассоциативном уподоблении стрелы птице или в представлениях о сакральности стрелы, а в глубинной связи образа птицы с архаической мировоззренческой концепцией «смерти-жизни». По высказанной ею гипотезе, концепция «смерти-жизни», определяющая первую семантическую систему, исторически предшествует мировоззренческой «картине мира» второй семантической системы. Доминантным образом в первой семантической системе выступает зверь-тотем [17, с. 32–46]. Жизнь и смерть тотема мыслились неотделимыми от человеческого коллектива. На Среднем Урале тотемические представления о лосе-тотеме отражены в орнаментальных композициях с «линией жизни» на массивных с кремнёвыми вкладышами мезолитических наконечниках стрел из пещеры Камень Дыроватый, которые служили для охоты на лосей, ежегодно мигрирующих с западных склонов Урала на восточные [18, с. 393–402]. Наконечники, рассматриваемой серии, связанные с образом птицы, использовались, скорее всего, для охоты на водоплавающую птицу. Одновременное бытование разных серий наконечников ставит вопрос об их семантическом соотношении.

Генезис образных представлений о водоплавающей птице, судя по изобразительным памятникам, восходит к палеолиту. В мезолите образ птицы, как выясняется, сосуществовал с образом зверя-тотема в рамках первой семантической системы. Эти образы формировали мировоззренческую концепцию «смерти-жизни». Птица, как и зверь-тотем, связана в архаической образной концепции с ‘жизненной силой’ (‘душой’, ‘ребёнком рода’), однако в архаическом мировоззренческом универсуме семантические функции их различны. Птица в отличие от зверя-тотема является demiургом, задающим пространственные координаты мироздания – будущей вертикальной трёхчастной модели мира. Другими словами, образ зверя определяет генезис концепции смерти-жизни, а образ птицы – генезис модели мира, то есть, системы представлений о трёх мирах: Верхнем (небо) – Среднем (земля) – Нижнем (вода). В тотемической системе образов [17, с. 36–

40] рождение ребёнка мыслилось как ‘возрождение’ зверя-тотема. Водоплавающая или связанная с водой птица ‘приносит’ ребёнка в мир, который представляет собой ‘тело тотема’ или образуется ‘из тела тотема’.

В космологической системе образов [17, с. 40–46] хищные птицы – это небесные (Солнечные) птицы. У многих народов существовал культ орла. Орёл, так или иначе, ассоциировался с солнцем, то отождествляясь с ним, то представляясь его хозяином и в качестве такового – творцом, верховным божеством либо священной птицей верховного божества, и являлся благодетелем и покровителем как отдельных людей, так и целых родов, “птицей счастья” [19, с. 718]. У целого ряда сибирских народов солнечная птица Карс (орёл) являлась важнейшей частью обряда, посвящённого ‘верхнему’ небесному миру [19; 20; 21; 22]. Водоплавающие птицы в космологических мифах связаны с двумя сюжетами о возникновении земли: появлением земли, неба и светил из яйца птицы и образованием суши из комка земли, которую водоплавающая птица достаёт, ныряя на дно первичного океана [23, с. 5–6]. «Согласно карело-финскому эпосу, вселенная происходит из яйца утки» [2, с. 454]. В русских сказках известен мотив яйца, уроненного уткой в воду [24, с. 681]. В угорском космологическом мифе повествуется о «ныряющей водоплавающей птице, создающей сушу из ила, поднятого со дна первичного океана» [2, с. 454]. У ненцев это гагара, которая ныряет и приносит ком глины [23, с. 208].

С эпохи металла формы костяных наконечников стрел существенно изменяются. Соответственно, в рамках второй семантической системы претерпевают изменения и образные представления о стреле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Савченко С.Н.* Генезис костяных наконечников стрел с утолщением на острие // Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. 9–14 сентября 2002 г. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2002.
2. *Савченко С.Н., Юрин В.И., Жилин М.Г.* Летящая стрела – летящая птица (костяные наконечники стрел со скульптурными изображениями на острие) // ТАС. Вып. 10. Т. I. Тверь, 2015.
3. *Иванов Вяч.Вс.* Семантическая категория малости – величины в некоторых языках Африки и типологические параллели в других языках мира // Проблемы африканского языкознания. М., 1972.
4. *Вдовин И.С.* Очерки этнической истории коряков. Л., 1973.
5. *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) XIII–XIV вв. М., 1966. (САИ. Вып. E1-36)
6. *Смоляк А.В.* Ульчи: хозяйство культура и быт в прошлом и настоящем. М., 1966.
7. *Патканов С.К.* Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб., 1891.
8. *Анучин Д.Н.* О древнем луке и стрелах // Труды V Археологического съезда в Тифлисе. М., 1887.
9. *Аристов Н.* Промышленность Древней Руси. СПб., 1866.
10. *Соловьев А.И.* Военное дело коренного населения Западной Сибири. Новосибирск, 1987.
11. *Вирсаладзе Е.Б.* Грузинский охотничий миф и поэзия. М., 1976.
12. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXI-а. СПб., 1901.
13. *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. I. М., 1865.
14. *Маннермаа К., Пантелеев А.В., Саблин М.В.* Птицы в мезолитических и неолитических погребениях Северной Европы. Что говорят эти находки о людях и среде их обитания? // Хронология, периодизация и кросскультурные связи в каменном веке. СПб., 2008. (Замятнинский сборник. Вып. 1)
15. *Алексащенко Н.А.* Хозяйство Усть-Полуя // Усть-Полуй – древнее святилище на Полярном круге. Салехард, 2008. (Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. Вып. № 9 (61))
16. *Федорова Н.В., Пантелеев А.В.* Птицы в искусстве древнего святилища Усть-Полуй // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса, 2011 г. Т. 1. СПб., 2011.
17. *Калинина И.В.* Очерки по исторической семантике. СПб., 2009.
18. *Калинина И.В.* Орнаментальные композиции на мезолитических наконечниках стрел в связи с культовым характером пещеры Камень Дыроватый // ТАС. Вып. 6. Т. I. Тверь, 2006.
19. *Штернберг Л.Я.* Культ орла у сибирских народов // Сборник МАЭ. Т. V. Вып. 2. Л., 1925.
20. *Чернецов В.Н.* К вопросу о происхождении восточного серебра в Приобье // Труды Института этнографии. Вып. 1. М., 1947.
21. *Пантелеев А.В., Потапова О.Р.* Птицы в культуре жителей Усть-Полуйского городища // Животные и растения в мифоритуальных системах. Материалы научной конференции. СПб., 1996.
22. *Пантелеев А.В., Потапова О.Р.* Позднеголоценовые птицы из археологической стоянки окрестностей г. Салехарда (север Западной Сибири) // Русский орнитологический журнал. Экспресс-выпуск. № 106. СПб., 2000.
23. *Напольских В.В.* Древнейшие финно-угорские мифы о возникновении земли // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990.
24. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах. Второе издание. Т. 2. М., 1992.
25. *Хомич Л.В.* Ненцы: очерки традиционной культуры. СПб., 1995.

**ФГБУК «Государственный Эрмитаж»,
Санкт-Петербург**

**ФГБУН «Зоологический институт РАН»,
Санкт-Петербург**

I.V. Kalinina, A.V. Pantelev

**FEATHER OF AN ARROWHEAD AND IMAGE OF AN ARROW BIRD
(MESOLITHIC TIPS FROM A CAVE THE KAMEN' DYROVATY)**

Summary

An intentionally manufactured bulb detected on cores of arrowheads found in the Kamen' Dyrovaty cave, which obviously doesn't have any functional or decorative purpose, has drawn the researchers' attention. The assumption that the explanation of semantics of this bulb, perhaps, is lying in morphological features of bird wings' bones, has induced the study of their structure.

Elbow bones of birds have distinctive natural thickenings (Papillae remigales caudales, Papillae remigales ventrales) which are formed in places of fastening of feathers. At some bird species they are hardly noticeable and are merely turn into imprinted traces. Some arrowheads bear longitudinal rows of deepenings. In the ancient times artificially modeled deepenings and bulb could be perceived as signs of a wing of a bird. The Mesolithic arrowheads having an arcuately slanted edge, smooth outlines and a long scape, seem to resemble asymmetric swing (alary) feathers, or symmetric steering (tail) feathers of a bird. Hardly noticeable notched surface, which is purposely executed on the edge of a feather of a tip, is probably pointing at a bird's feather.

The arrowheads resembling the image of a bird were used, most likely, for hunting the waterfowl. In the collection from the Kamen' Dyrovaty cave a series of massive arrowheads with flint bashes, which served for hunting the elk annually migrating eastwards from the western slopes of the Urals, has been earlier identified. Simultaneous existence of different series of tips raises the question of their semantic correspondence.

The image of a bird, as it becomes clear, in the Mesolithic coexisted with the image of an animal totem. These images formed the philosophic concept of "death-life" within the first semantic system.

*Federal State Budgetary Institution of Culture
"The State Hermitage",
34, Dvortsovaya Emb., Saint-Petersburg, 190000,
Russia
I.V. Kalinina – E-mail: irkalinina@yandex.ru*

*Federal State Budgetary Institution of Sciences
"Zoological Institute, Russian Academy of Sciences",
1, University Emb., Saint-Petersburg, 199034,
Russia
A.V. Pantelev – E-mail: pav001@list.ru*

Ю.Б. Сериков

КЛАДЫ КАМЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ НА ТЕРРИТОРИИ УРАЛА (ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ, ХРОНОЛОГИИ И СЕМАНТИКИ)

Клады до сих пор являются одним из самых загадочных видов археологических источников. Большая их часть обнаружена случайно. Исследователи по-разному интерпретируют и классифицируют клады: «клады-сокровища», «клады литейщика», «торговые клады», «ранцевый набор», «культовые клады», «вотивные клады» и т.д. [1, с. 7–8]. Определённые сложности имеются и в датировании находок, особенно кладов каменных изделий, относящихся к разным периодам каменного века.

На территории Урала выявлены уже 11 кладов каменных изделий. Палеолитические клады на Урале не найдены. Хотя на соседних территориях они известны. Возможно, это свидетельствует о слабой заселённости территории Урала в палеолите.

С мезолитом связаны три клада. Все они происходят со Среднего Урала. Первый клад обнаружен автором в 1975 г. на мезолитическом поселении Выйка II (Свердловская область). Он выглядел в виде скопления диаметром около 15 см, в котором находились 17 пластин, 17 отщепов и 9 поперечных сколов с нуклеуса. Все изделия были в вертикальном или почти вертикальном положении и плотно прилегали друг к другу. Залегали они в культурном слое (следы ямки отсутствуют) на глубине 8–28 см от современной поверхности на границе с очагом и имели следы термического воздействия [2, с. 24].

Среди пластин присутствуют семь отсечённых верхних и три нижних части, две пластины с отсечёнными нижними частями и пять сечений (рис. 1: 1–16, 25). Только два сечения, обработанные по обоим краям крутой ретушью на спинке, имеют правильное гранение (рис. 1: 1). Остальные пластины – неправильных очертаний и фактически являются отходами производства. Длина пластин – от 1,3 до 3,9 см. Ширина колеблется от 1,1 до 2,3 см, преобладают пластины шириной 1,1–1,6 см (13 экз.). Ширину свыше 2 см имеют четыре пластины. Следует отметить, что состав клада не соответствует статистическим показателям пластинчатого комплекса поселения. На поселении чаще всего использовались пластины шириной 0,5–0,7 см – 53 %. А пластины шириной свыше 1 см составляют чуть более 7 % [2, с. 25]. Из орудий в кладах присутствуют срединный резец (рис. 1: 3), резчик с двумя клювовидными рабочими краями (рис. 1: 2) и две упомянутые выше пластины с ретушью на спинке. Эти пластины склеились между собой в торец (рис. 1: 1). Ещё две пластины из клада склеились внакладку (рис. 1: 5, 12), а к одной пластине подклеился небольшой обломок, найденный не в кладах, а на поселении (рис. 1: 7). Это свидетельствует о том, что скалывание пластин происходило непосредственно на поселении.

Поперечные сколы (за исключением одного) являются массивными экземплярами длиной от 4 до 7,5 см (рис. 1: 18–21, 23, 24). Если измерять сколы по оси скалывания, то их длина почти в 1,5–2,3 раза меньше их ширины. К одному поперечному сколу приклеился небольшой отщеп (рис. 1: 23). Большая часть отщепов имеет длину от 1,5 до 3,5 см, и только у двух длина превышает 5 см. На поверхности всех отщепов присутствуют белые пятна, которые появились, скорее всего, в результате термического воздействия.

Все изделия сколоты с одного нуклеуса, который был изготовлен из массивной плитки зеленоватой слабокремневой породы типа алевротуфа. Следы плиточной корки сохранились на девяти пластинах, трёх отщепах и четырёх поперечных сколах. Вне клада найдены пять изделий из такого же сырья: два поперечных скола (рис. 1: 17), пластина (рис. 1: 16) и два обломка пластин. Интересно отметить, что оба поперечных скола и один обломок пластины также имеют следы пребывания в огне, а пластина и второй обломок в огне не были [3, с. 157–159].

Компактное расположение артефактов, их плотное и вертикальное залегание, нахождение рядом с очагом позволяют предположить, что данное скопление не является кладом в полном смысле слова. По всей видимости, это – содержимое мешочка («ранцевый набор»), которое вместе с ним по какой-то причине попало в очаг и впоследствии было в нём захоронено. Обычно в «ранцевый набор» входили изделия, которые древний охотник носил с собой – запасные орудия и заготовки, в том числе пластины и отщепы. Аналогичные «ранцевые наборы» известны и на других территориях. Три клада – «ранцевые наборы», относящиеся к финальному палеолиту, позднему мезолиту и раннему неолиту, – выявлены на памятниках валдайской культуры в Тверской области (Баранова гора, Котчище II, озеро Пудоро, стоянка № 17) [4, с. 69–71].

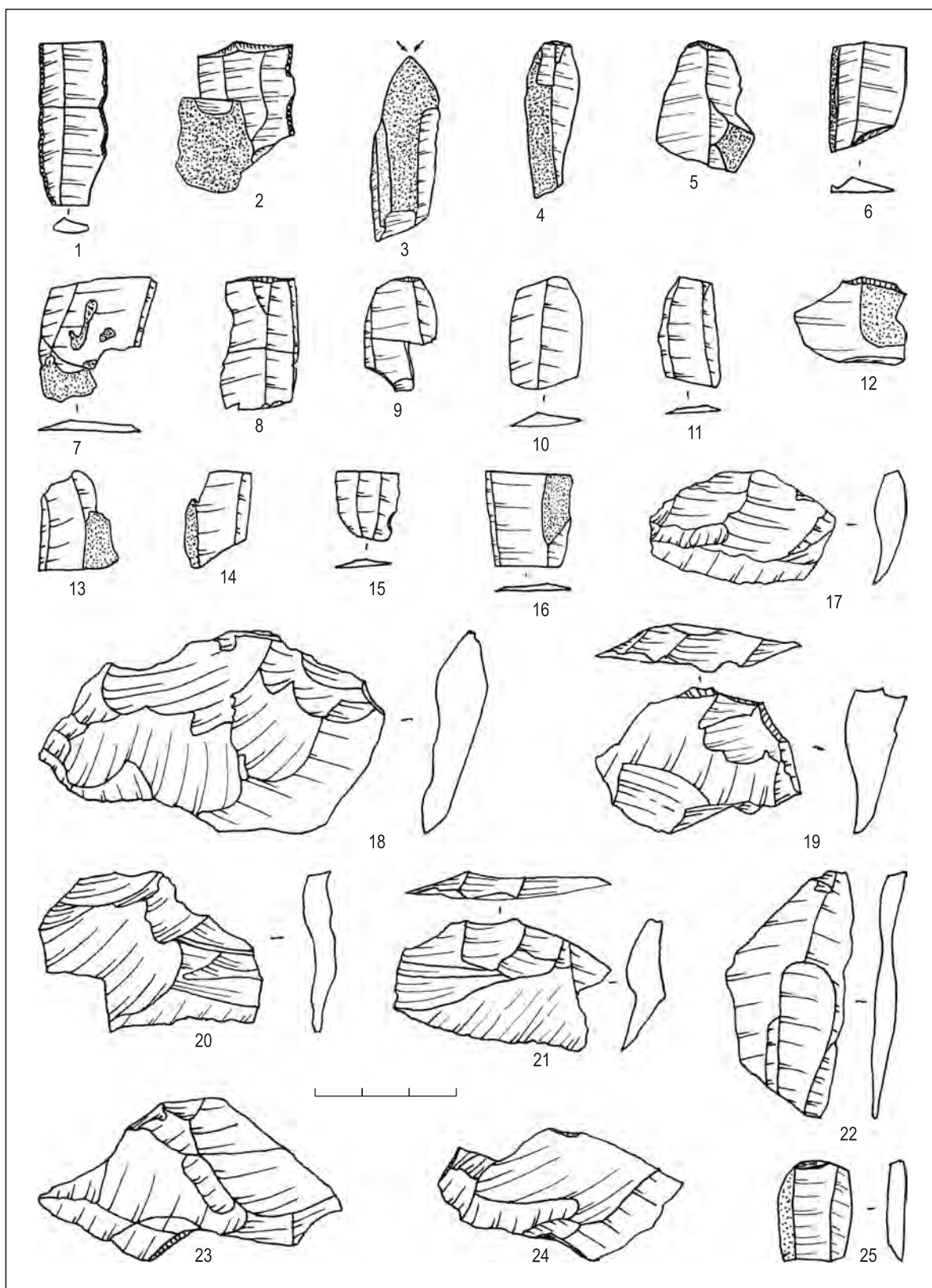

Рис. 1. Выйка II. Клад каменных изделий (1–15, 18–25) и инвентарь поселения (16, 17):
 1–16, 25 – пластины; 18–21, 23–24 – поперечные сколы с нуклеусов; 22 – пластинчатый отщеп

Второй клад обнаружен в 1993 г. во время мониторинга известного мезолитического памятника западного склона Урала – поселения Огурдино (Пермский край). Клад залегал на периферии памятника в неглубокой ямке на самом краю второй надпойменной боровой террасы Камы. Состоит из шести топоров среднего и крупного размера. Их длина составляет 12,4, 13,4, 14,7, 18,5, 19,0, 19,7 см. Ширина лезвий колеблется от 5,4 до 6,2 см, и только одно лезвие имеет ширину 3,6 см (рис. 2: 1–6). Сырьём для их изготовления послужили продолговатые гальки местной зернистой породы серого или зеленоватого цветов. Топоры обработаны оббивкой и техникой пикетажа с последующей частичной шлифовкой поверхности. За исключением одного, все топоры имеют характерные следы использования. Авторы находки относят клад к мезолиту [5, с. 267–272].

Следует отметить, что клад рубящих и долбящих орудий (топоров и тёсел) являются самыми распространёнными в России. Они зафиксированы как к западу, так и к востоку от Урала: Кисловский клад топоров в Винницкой области [6, с. 208–212], Новогеоргиевский клад топоров в Орловской области [7, с. 242–245], Денежниковский клад тёсел в Луганской области [8, с. 203–206]. Топоры присутствовали в Игренском кладе около Днепропетровска [9, с. 246], в кладе у села Коропово в Харьковской области [10, с. 63–66]. Тёсла найдены в Чепкульском кладе в Тюменской области [11, с. 4–5], Сергушкинском кладе в Красноярском крае [12, с. 150–160], в кладе на памятнике Артёмовский-Птицефабрика в Приморье [13, с. 168–174] и в кладе Аксу в Притоболье [14, с. 242].

Третий клад найден случайно при строительстве дороги в 2006 г. Находился он на склоне небольшой горы Трёхскалка, в 320–330 м от её вершины (окраина г. Нижний Тагил) [15, с. 113–116]. Артефакты в виде скопления длиной около 40 см и шириной до 10 см располагались сразу под дёрном на глубине 8–10 см в слое серо-коричневого супесчаного суглинка. Мощность залегания – не более 6–8 см. Никаких следов ямы не обнаружено. Материком является более плотный светло-коричневый суглинок с примесью камней. Тщательное обследование территории вокруг клада показало полное отсутствие культурного слоя. Таким образом, данное скопление каменных изделий можно считать кладом. Всего в скоплении найдены 104 изделия: пять нуклеусов, отбойник, два скребка и 96 микропластинок.

Один нуклеус изготовлен из красно-зелёной яшмы хорошего качества. Он имеет форму правильного конуса высотой 5,4 см, на котором сохранились негативы десяти снятий пластинок. Ширина негативов в средней части нуклеуса равна 0,4–0,5 см, только один негатив имеет ширину 0,75 см (рис. 3: 1). Ударная площадка имеет овальную форму, её диаметр – 1,6–1,9 см. В коллекции присутствуют одиннадцать пластинок, сколотых с этого нуклеуса.

Второй нуклеус склеен из двух расслоившихся фрагментов (рис. 3: 4). Его высота 2,2 см. По всей вероятности, это только часть более крупного нуклеуса. В коллекции имеется ещё один нуклеус из такого же сырья – яшмовидной породы кремового цвета. Ударная площадка на нуклеусе одна, но по расположению ударной волны на негативах сколотых пластинок видно, что их было две. Нуклеус имеет призматическую форму и предельную степень сработанности: диаметр ударной площадки составляет 0,7–0,9 см, а диаметр в месте слома – 0,6–0,9 см.

Третий нуклеус изготовлен также из кремовой яшмы и, по-видимому, составлял с вышеописанным нуклеусом единое изделие (рис. 3: 5). Высота его – 1,4 см. Он также имеет призматическую форму и предельную сработанность. В коллекции находок присутствуют 54 пластинки, сколотые с этих нуклеусов. Анализ пластин показывает, что заготовкой для нуклеуса служила плитка кремовой яшмы. Первоначально с него скальвали пластины шириной 1,0–1,3 см и длиной свыше 5,5 см. Позднее его раскололи на две или три части и приспособили для скальвания пластин шириной 0,4–0,5 см.

Четвёртый нуклеус изготовлен из гальки прозрачного горного хрусталя (рис. 3: 2). Ударная площадка образована одним сколом, слегка скошена. Одна боковая плоскость с двух сторон обработана средними сколами до образования выступающего ребра. Продольный скол по этому ребру должен был привести к получению ребристой пластины. Противоположная боковая плоскость также обработана сколами, но с одной стороны. Высота нуклеуса 4,5 см, ширина – 2,7 см, толщина – 2 см.

Для изготовления пятого нуклеуса (пренуклеус) также использована галька чистейшего горного хрусталя (рис. 3: 3). Ударная площадка образована одним сколом. С неё произведено снятие одного первичного отщепы. Высота нуклеуса 2,5 см, ширина – 2,9 см, толщина – 2 см.

Отбойник представляет собой плоскую овальную гальку молочного кварца (рис. 3: 8). Её размеры – 4,4×2,7×1,6 см. Зауженные концы гальки несут следы забитости. Для чего мог служить такой небольшой отбойник (его вес составляет всего 30,5 г), остаётся неясным.

Оба скребка изготовлены на пластинах яшмы – полосчатой (красно-зелёной) и бурой. Скребок из полосчатой яшмы сделан таким образом, что одна грань пластины оказалась бурой, а вторая – зелёной. Лезвие скребка оформлено приостряющей ретушью, угол заострения лезвия – около 60°. На боковых краях пластины присутствует ретушь утилизации. Высота скребка 2,9 см, ширина – 1,4 см (рис. 3: 7). Скребок из бурой яшмы изготовлен из первичной пластины, имеет высоту 3 см, ширину 1,1 см, угол заострения лезвия – около 65° (рис. 3: 6). Он активно использовался для обработки кожи: лезвие скребка, место слома и боковые края сильно стёрты и заглажены от долгого употребления. На правом краю скребка присутствует резцовый скол длиной 3,5 мм. От кромки скола по месту слома идут чёткие линейные следы. Изделие служило ещё и угловым резцом.

96 микропластинок по сырью происходят минимум от одиннадцати нуклеусов (рис. 3: 9–36; 4: 1–65). Первичную корку имеют 28 пластинок (29,2 %). Ретушь отсутствует только на семи пластинках. Обычно

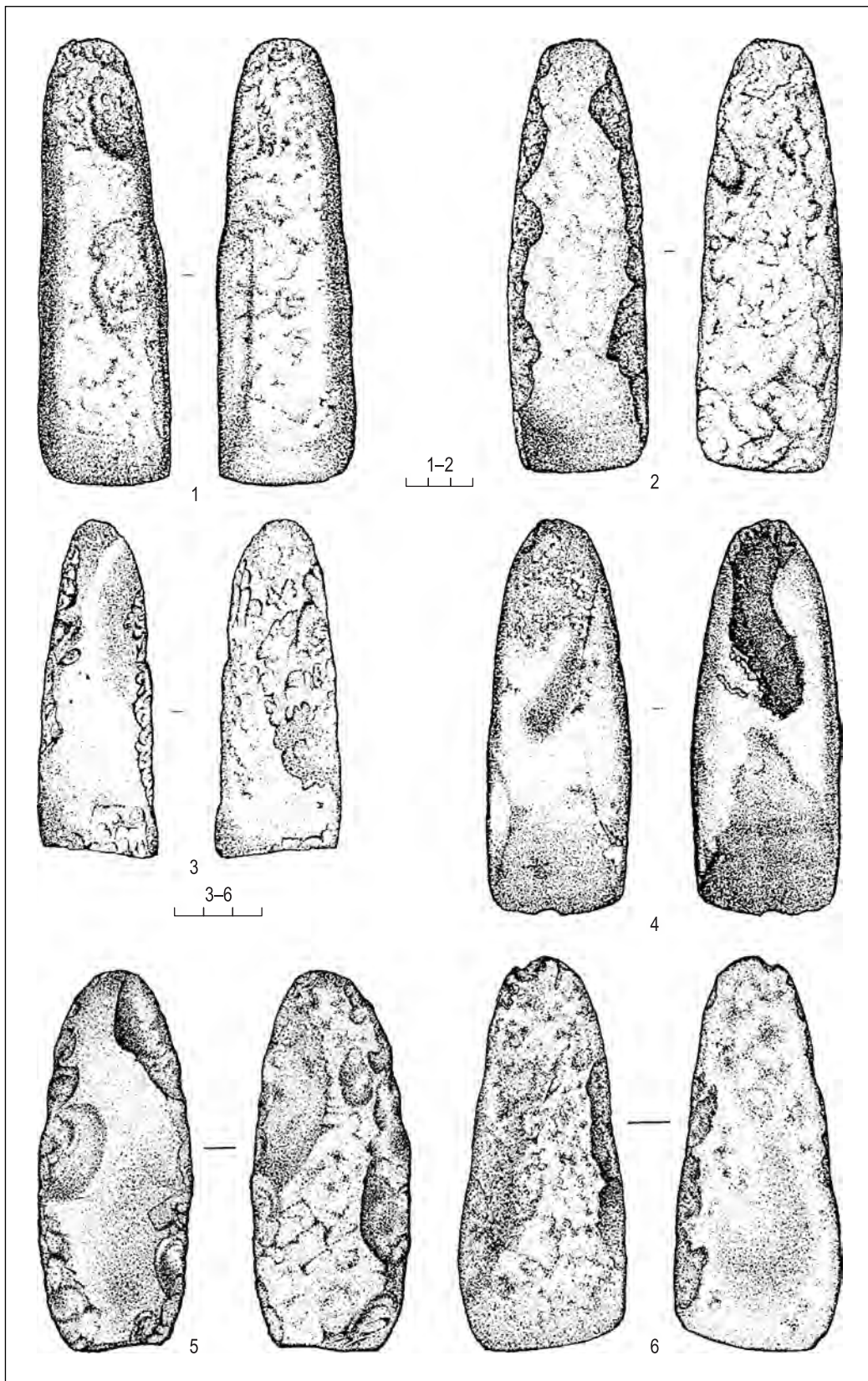

Рис. 2. Огурдино. Клад каменных топоров (по [5])

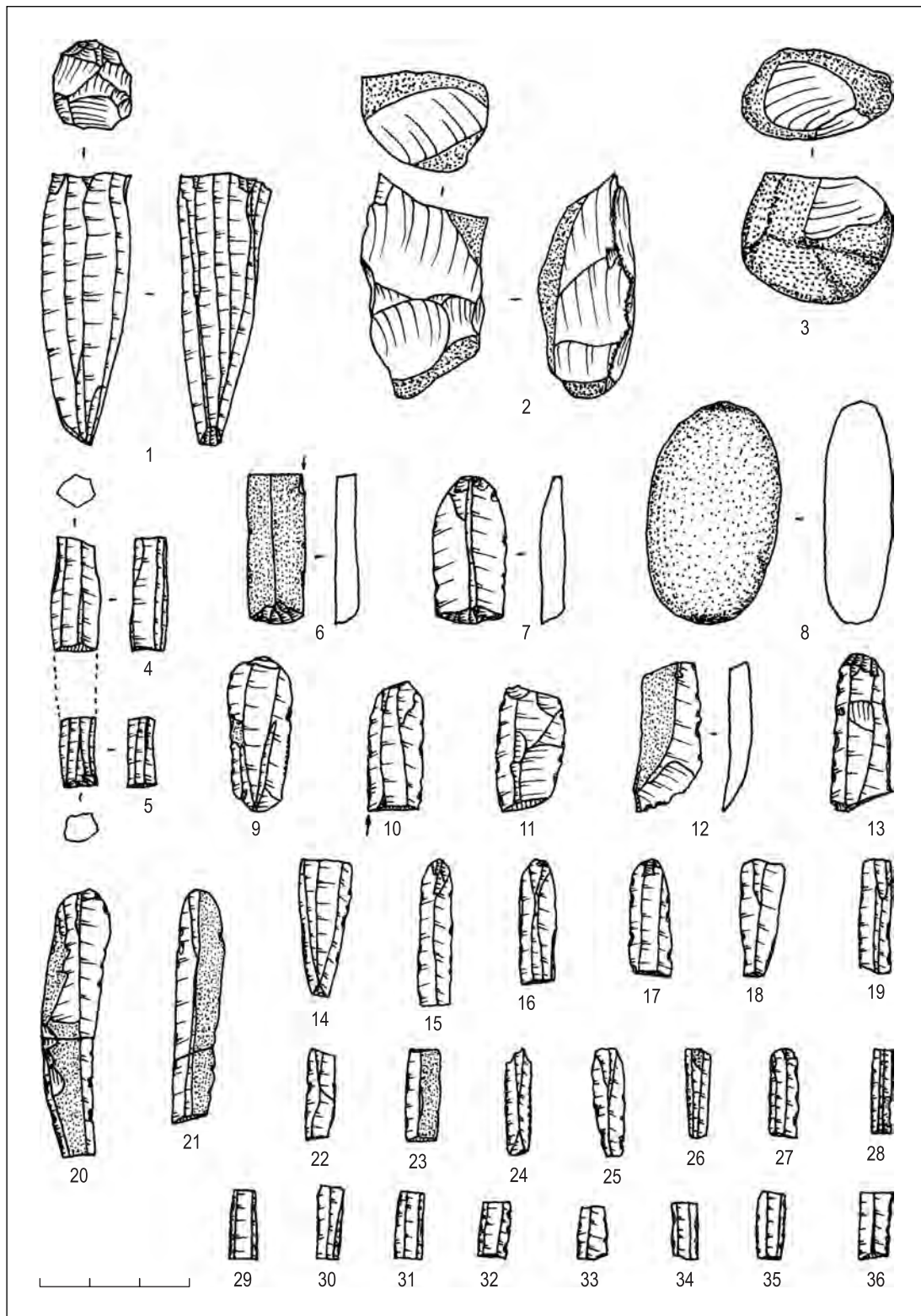

Рис. 3. Трёхскалка. Клад каменных изделий:
 1-5 – нуклеусы; 6-7 – скребки; 8 – отбойник; 9-36 – микропластинки

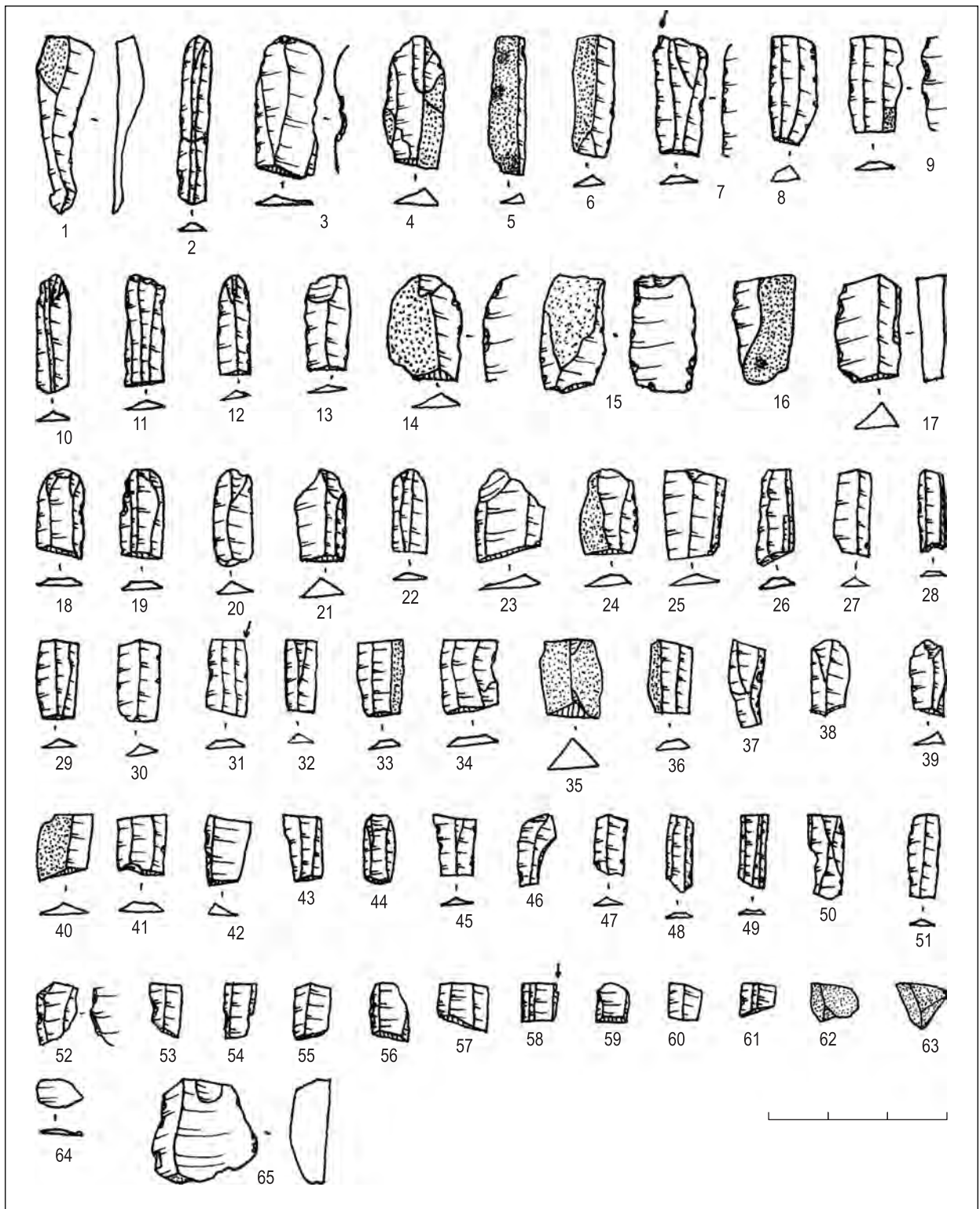

Рис. 4. Трёхскалка. Клад каменных изделий. Микропластинки и пластинки

это толстые пластинки с коркой по одной или двум граням. На 86 пластинках по двум краям присутствует ретушь утилизации. Ретушью обработаны 13 пластинок (на большинстве из них имеется и ретушь утилизации). У четырёх из них один край обработан мелкой ретушью на спинке, ещё у четырёх ретушью на спинке оформлены небольшие выемки. Три пластинки имеют отретушированный со спинки или с брюшка конец. Ещё на двух изготовлены резчики с клювовидным рабочим краем. Всего в коллекции 89 пластинок (92,7 %) несут на себе следы использования. Ширина пластинок колеблется от 0,4 до 1,7 см. Преобладают пластинки шириной 0,5–0,7 см – 59 экз. (61,5 %). Пластинок шириной до 0,8 см в комплексе 71 (74 %), шириной до 1 см – 84 (87,5 %). Пластинки имеют в длину от 0,6 до 3,5 см. С учётом того, что 12 пластинок склеились между собой (попарно), их максимальная длина увеличилась до 5,3 см. Преобладают пластинки длиной до 1,5 см – 40 (41,7 %). Пластинок длиной до 2 см в коллекции 77 (80,2 %). Суммарная длина всех пластинок составляет 152,3 см.

Из разных видов яшмы (зелёной, серой, серо-зелёной, кремовой) изготовлены 88 пластин (91,7 %). Преобладают изделия из кремовой яшмы неместного происхождения – 56,3 %. Следует отметить, что похожая кремовая яшма в небольшом количестве встречена только на одном мезолитическом памятнике – Крутяки I, расположенном на Черноисточинском пруду в 21 км к югу от Нижнего Тагила [16, с. 78–79]. Из кремня (чёрного и полосатого) и кремнистого сланца (чёрного) изготовлены по четыре пластинки – по 4,15 %.

В коллекции представлены все части пластин: сечения – 52 (54,2 %), отсечённые проксимальные – 16 и дистальные – 9 концы, с отсечённым проксимальным – 3 и дистальным – 14 концами. Целых пластин всего две.

Особенностью данного комплекса является полное отсутствие в нём отходов обработки нуклеусов и отщепов. Учитывая, что свыше 90 % пластинок имеют ретушь утилизации, их все можно отнести к вкладышам составных орудий. Принимая во внимание компактное залегание каменных изделий, можно предположить, что в кладе кроме нуклеусов, скребков и отбойника находилось несколько вкладышевых изделий. Их костяные оправы не сохранились, но по оставшимся вкладышам можно попытаться реконструировать их вид и количество. С учётом ширины и толщины пластин, а также минерального сырья, автор предполагает, что в кладе могли находиться вкладышевые двулезвийный кинжал, однолезвийный нож и несколько наконечников стрел.

Длина рядов вкладышей в двулезвийном кинжале составляла 19,4 и 19,5 см. В одном ряду могло быть восемь пластин, в другом – десять. Их ширина равнялась 1,0–1,3 см. Оба ряда заканчивались резко сужающимся книзу и изогнутыми вправо и влево пластинами. Второе изделие также являлось кинжалом или ножом, но уже однолезвийным. Длина ряда вкладышей составляла 19,3 см. Десять пластин из этого ряда имели ширину 0,8–1,0 см. Последний вкладыш также сильно сужается книзу и загибается влево. Кроме кинжалов в состав клада могли входить шесть вкладышевых однолезвийных наконечников стрел. Если часть из них была двулезвийными, то число их может сократиться до четырёх. Длина ряда вкладышей у первого наконечника равнялась 14,4 см. В нём находилось десять пластин шириной 0,7–0,9 см. Оправа второго наконечника включала восемь достаточно толстых пластин шириной 0,6–0,7 см. Их длина составляла 15 см. Все вкладыши (как и в первом наконечнике) были изготовлены из тёмных пород камня. В оправу третьего наконечника входили двенадцать пластинок кремовой яшмы шириной 0,5–0,7 см (в основном – 0,5 см). Общая длина вкладышей – 17,3 см. Также из кремовой яшмы изготовлены вкладыши четвёртого наконечника. Их 15 экземпляров шириной 0,6–0,7 см. Длина ряда – 16,5 см. В оправу пятого наконечника были вставлены двенадцать пластинок зелёной и серой яшмы. Ширина вкладышей – 0,5–0,6 см, длина ряда – 14,5 см. В оправу шестого наконечника были собраны самые узкие пластинки шириной 0,35–0,5 см. Их количество – 10 экз., все из разного сырья. Длина ряда вкладышей – 12,8 см. Безусловно, эта реконструкция представляет один из возможных вариантов [15, с. 113–116].

Если сравнивать данный пластинчатый комплекс с материалами пещерного святилища на Камне Дыроватом, где найдены 3,6 тысячи вкладышей, то поражает их полное несоответствие. То, что пластинки из клада являлись вкладышами, сомневаться не приходится – 92,7 % пластинок имеют следы использования. Но в отличие от вкладышей Камня Дыроватого пластинки из клада, часто изогнутые, толстые, с первичной коркой, имеют неправильную форму и непараллельные края, тогда как среди вкладышей Камня Дыроватого преобладают микропластинки правильного гранения, ширина которых составляет 0,4–0,5 см (70,7 %), а сечений среди них – 97,4 % [17, с. 82–86]. Чем можно объяснить такие заметные различия в оформлении вкладышевых орудий, пока неясно. Вряд ли они связаны с разной хронологией памятников. Даже палеолитические вкладыши со стоянок Талицкого и Черноозерье II имеют гораздо более правильные очертания и стандартные размеры, чем вкладыши из клада Трёхскалки. Не исключено, что в клад поместили изделия, специально подготовленные для жертвоприношения. Наличие в скоплении сильно сработанных нуклеусов из качественного сырья, подготовленных для обработки хрустальных пренуклеусов и нестандартного комплекса пластин-вкладышей, подчёркивает неординарный характер данного клада.

Единственный неолитический клад найден в 2003 г. на западном берегу Шайтанского озера (Свердловская область). Обнаружен он случайно при рытье помойной ямы. Располагался клад на границе с болотом у северной кромки мыса, на котором расположен культовый озёрный центр Шайтанское озеро I [18, с. 11–59]. Высота залегания клада над уровнем болота – 1,06 м. От клада до границы болота (к северу) – 5,5 м, а до продольной осевой линии мыса (к югу) – 38 м. От кромки воды клад находился в 92,5 м к западу. Залегал он на глубине около 20 см и был накрыт небольшой каменной плиткой размерами примерно 30×20 см. В состав клада входили нуклеус, шлифованный топорик, нешлифованное тесло и заготовка утюжка.

Нуклеус высотой 16,7 см изготовлен из плитки светло-серой слабокремневой породы (рис. 5: 1). Относится он к типу торцовых трёхфронтальных двухплощадочных. Одна ударная площадка прямая, вторая – скошенная. Размеры ударных площадок соответственно – 5,5×3,3 см и 6×5 см. С площадок путём встречного скалывания снимались пластины шириной от 1,8 до 3,2 см (преобладают – 2,3–2,5 см). Такие крупные нуклеусы на территории Среднего Зауралья встречаются крайне редко.

Топорик имеет треугольную форму, его высота 8,3 см, ширина дугообразного лезвия 5,7 см (рис. 5: 3), боковые стороны обработаны двусторонней оббивкой, лезвие и часть боковых поверхностей отшлифованы.

Тесло изготовлено из плитки камня путём двусторонней оббивки. На боковых поверхностях частично сохранилась первичная корка. Высота тесла 12,7 см, ширина 5,4 см. Оно асимметрично в профиле (рис. 5: 2). И топорик, и тесло несут на себе следы использования в работе. Оба изделия изготовлены из зеленоватого туфопопфирита.

Утюжок выполнен из куска талька техникой пикетажа. Длина утюжка 12,5 см, высота 5,2 см, ширина в основании 4,7 см. Поперечный желобок, типичный для законченных изделий, в нём отсутствует (рис. 5: 4) [19, с. 47–50].

Ещё один клад каменных изделий датируется каменным веком, но в широком хронологическом диапазоне – от мезолита до энеолита. Найден он в 2008 г. при застройке дачного участка на территории г. Миасса Челябинской области [20]. Никаких следов культурного слоя на месте обнаружения клада не выявлено. В его состав входят десять рубящих и долбящих орудий (восемь топоров и два тесла), два нуклеуса и состоящий из двух частей абразив (рис. 6: 1–14). Все рубящие орудия имеют широкое лезвие и зауженный обухок. Среди них присутствуют орудия, обработанные сколами, с частичной пришлифовкой и полностью шлифованные. Изготовлены они из светло-серого туфоалевролита.

Среди топоров своими размерами и обработкой выделяются два изделия. Один топор имеет в длину 24 см, ширина лезвия – 11 см. Его поверхность тщательно отшлифована со всех сторон (рис. 6: 9). Вторым топором немного меньше – его длина 20 см, ширина лезвия 9 см. Он также полностью отшлифован (рис. 6: 7). Остальные топоры имеют меньшие размеры – от 9 до 15 см (рис. 6: 1–5, 8).

Тесло (длина 14 см, ширина лезвия 6,5 см) по всей поверхности обработано сколами, пришлифовку имеет лишь лезвие (рис. 6: 10). Второе тесло длиной 10 см также обработано сколами, но с одной стороны пришлифовано (рис. 6: 6).

Оба нуклеуса достаточно крупные, их размеры – 10×6×4 см и 7×5×2 см. У них слегка скошенные ударные площадки и негативы снятий микропластинок. Один нуклеус относится к типу призматических, второй – торцовый. Они имеют по одной ударной площадке (рис. 6: 11–12). Изготовлены из зелёной яшмы (по определению авторов первой публикации – из фтаноида).

Редкой находкой является составной абразив из песчаника длиной 21 см и шириной 4 см. Он состоит из двух частей, имеющих прямоугольную форму с закруглёнными углами. По внутренней стороне каждой из частей проделан неглубокий продольный желобок (рис. 6: 13–14) [20, с. 152–154].

Трудно датируемый клад каменных изделий обнаружен также случайно на останце террасы вблизи д. Чишма (Республика Башкортостан). В компактном скоплении на глубине 35–40 см от современной дневной поверхности находились 20 целых и 13 сломанных наконечников стрел, тесло, обломок песта и 10 сколов (рис. 7: 1–29). Наконечники имели листовидную форму с округлым и заострённым основанием, обработаны сплошной двусторонней ретушью. Изготовлены они из зелёной и сургучной яшмы и кремня тёмных оттенков. Длина наконечников – от 4 до 9,5 см (рис. 7: 1–22, 24–29). Тесло тщательно зашлифовано, относится к типу желобчатых. Его длина 8 см, ширина лезвия 3,5 см (рис. 7: 23) [21, с. 214–215]. Другой информации о кладе нет.

О трёх кладах имеются неполные сведения, иллюстрации изделий до сих пор не опубликованы. Два клада найдены Е.М. Берс на острове Макуша, расположенном среди болот у посёлка Палкино в окрестностях Екатеринбурга. Первый клад находился на дне энеолитического жилища поселения Нижняя Макуша, расположенного на нижней площадке острова. В небольшой ямке на дне жилища лежали каменные топор и тесло, сверху прикрытые сланцевой плиткой [22, с. 42]. Другой информации об этом кладе нет. Предметы хранятся в фондах Свердловского областного краеведческого музея, но после переезда фондов найти их пока не удалось.

Второй клад выявлен под остатками сгоревшего энеолитического жилища на поселении Верхняя Макуша. Поселение расположено на вершине большого и широкого скального образования – «каменной палатки». При раскопках «жилища» были обнаружены три больших камня, которые перекрывали яму с кладом каменных изделий. Порядок залегания находок подробно описан Е.М. Берс: «под камнями лежала большая, в несколько килограмм весом, заготовка зеленокаменной породы со следами отпила каменной пилой. Наклонно к ней приставлена плитка сланца, а у заготовки и под плитой лежали орудия: большой, сделанный из зеленого камня полированный топор, тесло, скребок и 43 каменные стрелы различной величины и формы» [22, с. 46]. По мнению Е.М. Берс, орудия были приготовлены для обмена. Клад также хранится в Свердловском областном краеведческом музее.

Некоторое представление о кладе даёт В.М. Раушенбах. В своей монографии 1956 г. она приводит рисунки четырёх наконечников стрел и трёх шлифованных рубящих орудий [23, рис. 16: 1–5, 16–17]. Наконечники из клада имеют длину от 5 до 11,5 см, ширину до 1 см. Изготовлены они в виде узких, сильно вытянутых треугольников с прямым, слегка закруглённым или слабовыемчатым основанием. Три наконечника имеют листовидную форму. Все изделия обработаны двусторонней ретушью, причём три из них – хорошо выра-

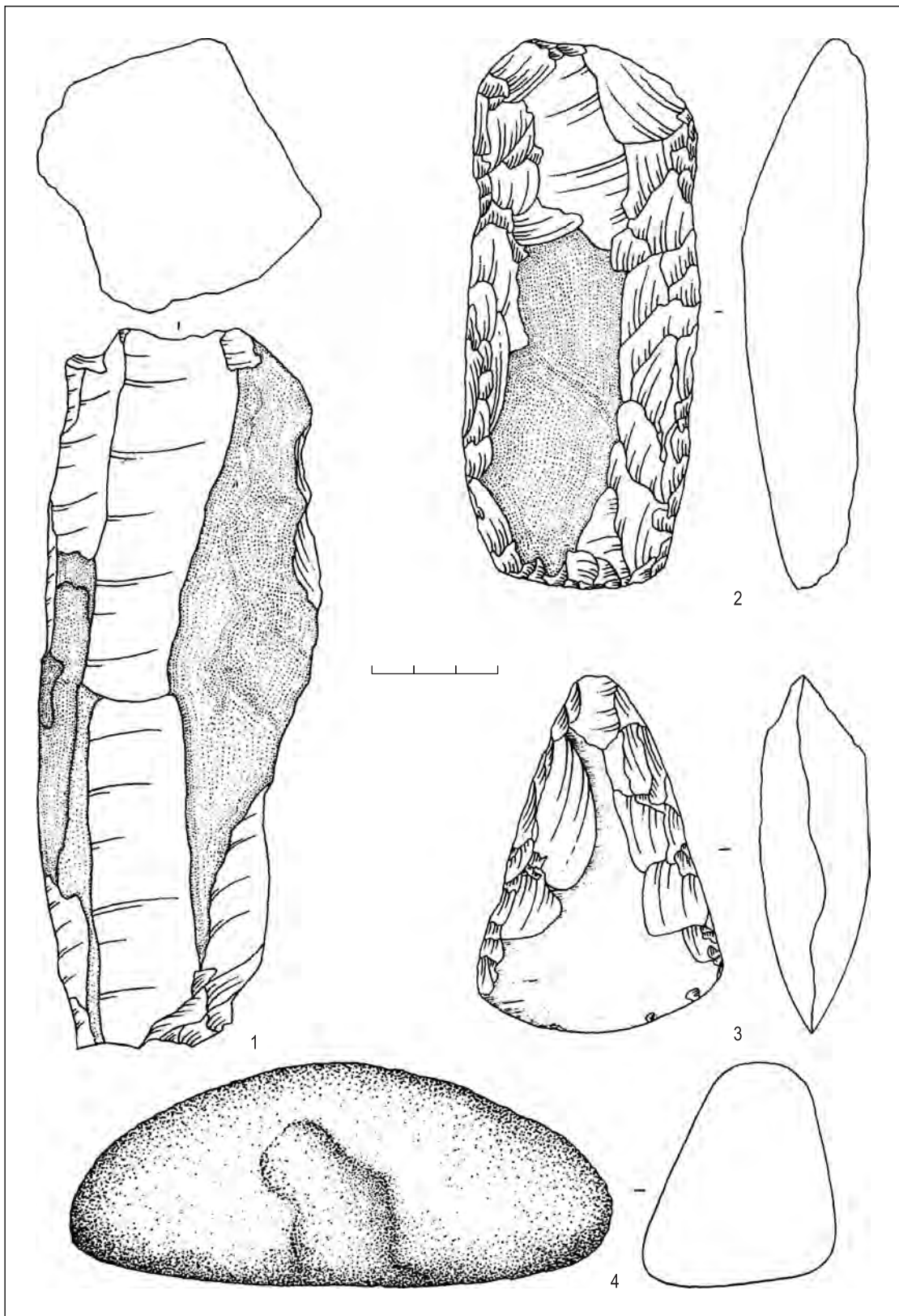

Рис. 5. Шайтанское озеро I. Клад каменных изделий:
1 – нуклеус; 2 – тесло; 3 – шлифованный топорик; 4 – заготовка «утюжка»

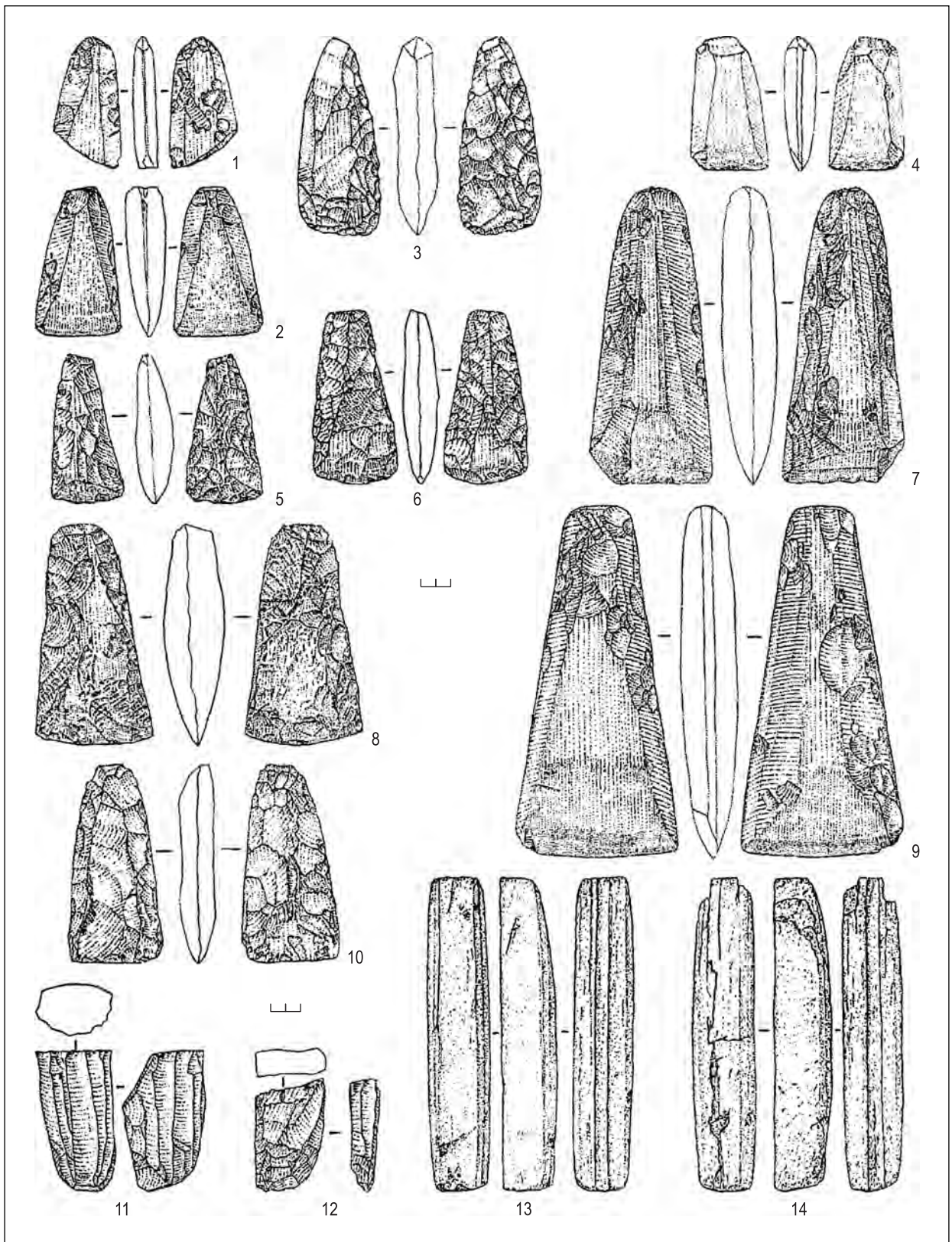

Рис. 6. Миасс. Клад каменных изделий:
 1-5, 7-9 – топоры; 6, 10 – тёсла; 11-12 – нуклеусы; 13-14 – двусторчатый абразив (по [20])

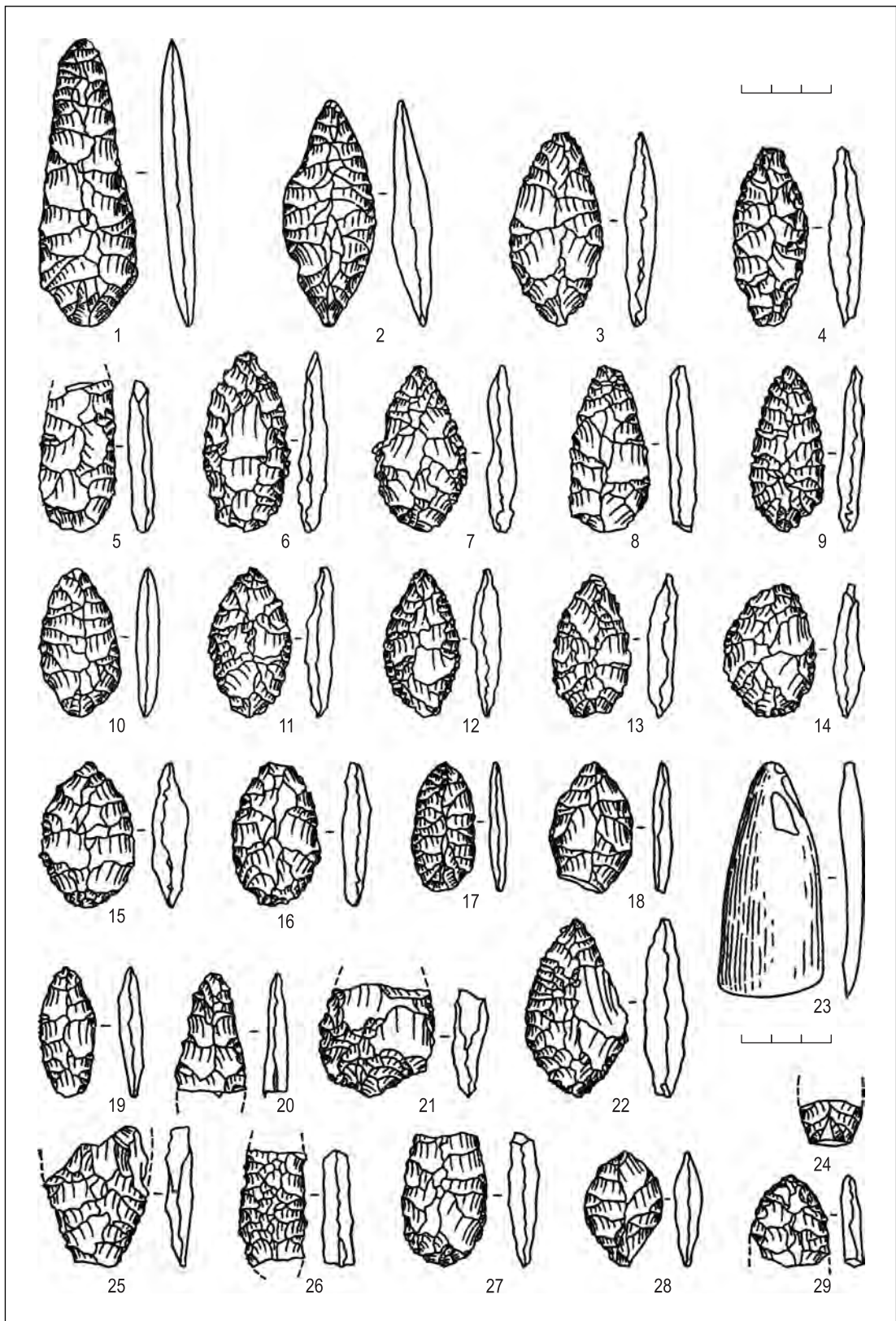

Рис. 7. Чишма. Клад каменных изделий:
 1–22, 24–29 – наконечники стрел; 23 – тесло (по [21])

женной пильчатой ретушью. Выполнены наконечники в основном из шиферного сланца (по В.М. Раушенбах; на самом деле из кремнистого сланца), серой яшмы (листовидные) и молочного кварца (2 экз.).

Шлифованные рубящие орудия (топоры-тёсла по В.М. Раушенбах) представлены двумя крупными изделиями длиной до 15 см. Одно орудие пятигранного сечения, второе – четырёхгранного. Первое орудие имеет форму сильно вытянутой трапеции с лезвием шириной 7 см. Второе – форму прямоугольника. Судя по профилю, оба орудия являлись топорами. Третье орудие – небольшого размера (длиной 5,5 см), шестигранное в профиль, со слегка расширенным рабочим лезвием служило теслом. Все изделия тщательно отполированы, изготовлены из кремнистого сланца [23, с. 47]. Здесь, по-видимому, опять неточность: в Среднем Зауралье для изготовления шлифованных рубящих орудий практически всегда применялся туфопорфирит зеленоватого цвета. Последнее орудие из клада В.М. Раушенбах определяет как массивное скребло (у Е.М. Берс – скребок) из кремнистого сланца.

Третий клад найден С.Н. Паниной в 1978 г. на многослойном поселении Палатки II, расположенном в верховьях р. Исети недалеко от Екатеринбурга. В яме подпрямоугольной формы размерами 1,6×0,6 м, глубиной 16 см от уровня дневной поверхности проживания населения аятской энеолитической культуры залегали 27 массивных заготовок изделий из чёрного слоистого сланца. Яма была заполнена углистым слоем и перекрыта прослойкой золы. Автор раскопок считает, что клад был просто забыт после того, как посёлок уничтожил пожар [24, с. 27]. Клад хранится в Свердловском областном краеведческом музее, восемь предметов из клада представлены в экспозиции. Автор смог познакомиться с частью клада, причём две плитки удалось склеить в одну, более крупную.

Клад каменных изделий, изготовленных также из углистого сланца, обнаружен на многослойном памятнике Палатки I, который находится на острове Каменные палатки в окрестностях г. Екатеринбурга [25, с. 144–151]. В щели скального выхода было выявлено скопление каменных изделий. Данная щель между гранитными плитами имела ширину 15 см и на глубину до 30 см была забита изделиями и заготовками из плиток углистого сланца (60 экз.). Учитывая изолированное местонахождение данного комплекса, его можно трактовать как клад.

Всего в скоплении находились два орудия, два незаконченных изделия (наконечник и остриё), 43 плитки сланца со следами обработки, десять необработанных плиток и три отщеп (рис. 8: 1–10).

К орудиям отнесена трёхгранная ножевидная пластина длиной 5,5 см, шириной 1,4 см и толщиной до 0,35 см (рис. 8: 4). Она сколота с плитки сланца углисто-чёрного цвета. На брюшке присутствуют рельефно выраженный ударный бугорок и такая же рельефная ударная волна.

Второе орудие изготовлено на продольном сколе углистого сланца (рис. 8: 1). Причём сланец – плотный и в отличие от плиточного сырья – неслоистый. Орудие имеет вытянутую треугольную форму, длина – 8,2 см, ширина – до 3 см и толщина – до 0,8 см. Один из длинных краёв скола обработан двусторонней краевой ретушью, которая образовала прямое режущее лезвие длиной 7 см. Зауженный конец изделия мелкой ретушью на спинке преобразован в остриё. На противоположном продольном крае скола присутствуют две выемки. Одна выемка шириной 1,2 см образована выломом и дополнительно подработана ретушью на спинке. Вторая выемка шириной 2,1 см оформлена среднефасеточной ретушью на спинке. Обе выемки могли использоваться для упора указательного пальца при резании. Однако следы использования орудия в качестве ножа не обнаружены. Край с выемками долгое время использовался в качестве скребка по коже. Рабочая кромка сильно заглажена и закруглена. Позднее этот край был переоформлен для резания. Ретушь, образующая выемки, уничтожила скребковые следы использования. Интересно отметить, что зауженная часть ножа, на которой присутствует только несистематическая ретушь, также долгое время использовалась для скобления шкур.

Одна заготовка выполнена из фрагмента плитки длиной 5,4 см, шириной 2,1 см и толщиной до 0,45 см. Один продольный край плитки прямой, второй – дугообразный. Эта дугообразность лезвия получена после двусторонней оббивки края. Прямой край оббит частично и только с одной стороны (рис. 8: 2). Судя по форме заготовки и характеру обработки, из неё пытались сделать наконечник стрелы.

Вторая заготовка представлена плиткой углистого сланца вытянутой прямоугольной формы. Её длина 6,7 см, ширина – 1,2 см, толщина – 0,75 см. Один конец плитки обломан, второй имеет естественное заострение. Кончик острия по одному краю дополнительно подработан мелкой ретушью на длину всего 0,6 см (рис. 8: 3). Оба края, образующих остриё (с ретушью и без неё), кратковременно использовались для скобления. Рабочие кромки слегка заглажены и закруглены. Однако линейные следы работы не просматриваются.

Остальные находки – это плитки углистого сланца с незначительной обработкой и без неё.

Плитки сланца без обработки (10 экз.) в основном имеют вытянутую подпрямоугольную форму (рис. 8: 6). Но есть плитки и с конвергентными краями. Со всех сторон (кроме одной или двух торцовых поверхностей) присутствует плиточная корка серого цвета. Длина плиток колеблется от 3,7 до 9,9 см, ширина составляет от 1 до 2,6 см, а толщина – от 0,35 до 0,7 см.

Плитки со сколами можно подразделить на несколько подтипов. 43 плитки расщеплены вдоль по спайности сильным ударом в торец. Три плитки расколоты ударом в боковую поверхность и несут на себе все признаки отщепы – прежде всего, ударную волну на брюшке. 19 плиток сохранили естественную поверхность, но имеют следы обработки боковых краёв или торцевых концов.

Подобрать и склеить между собой плитки не удалось. Это может свидетельствовать о большом количестве данного сырья на памятнике или интенсивном его использовании.

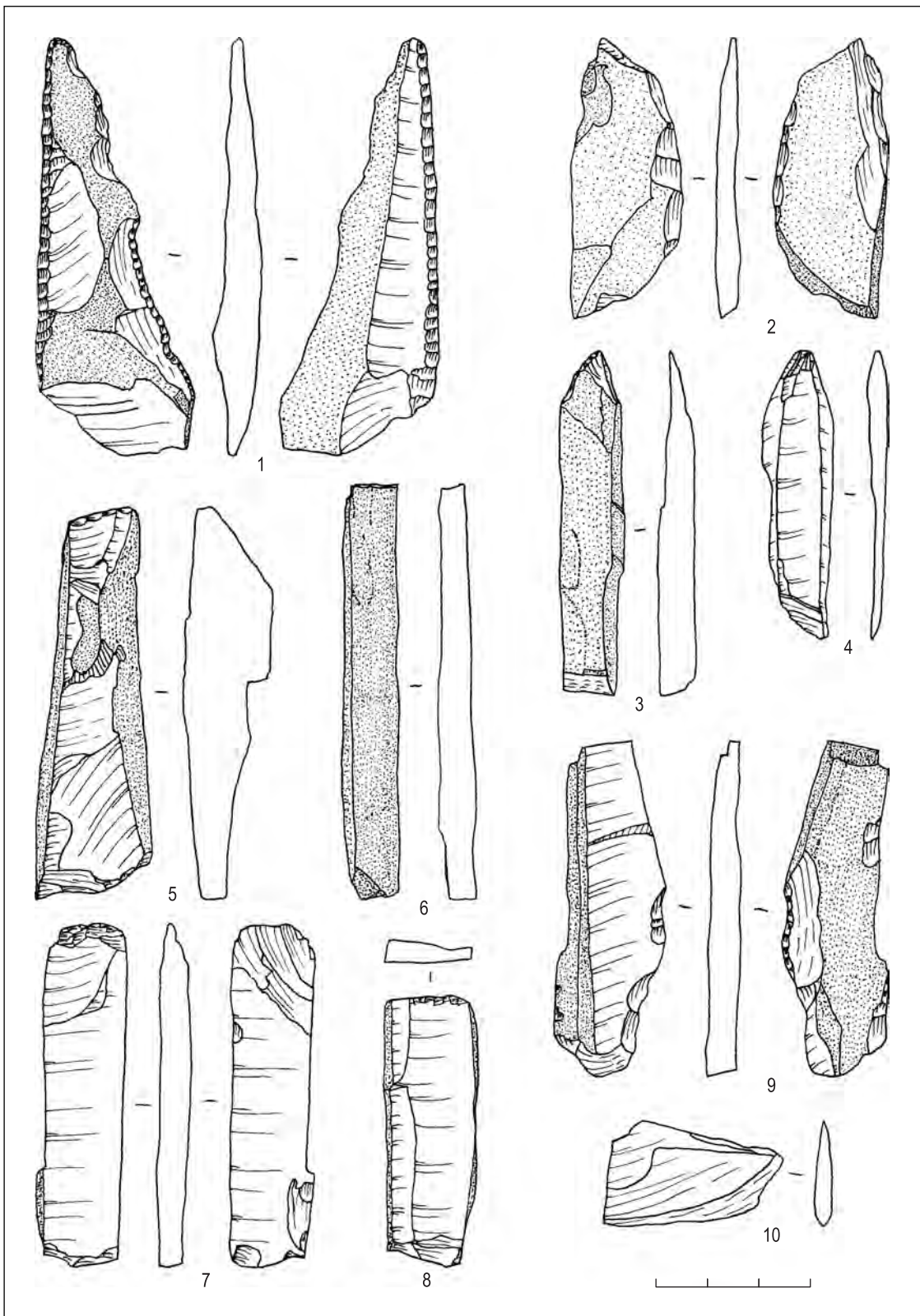

Рис. 8. Палатки I. Клад каменных изделий:

1 – нож-боковой скребок; 2–3 – заготовки орудий; 4 – пластина; 5, 7–8 – расщеплённые плитки сланца с обработкой с торца; 6 – плитка сланца без обработки; 9 – расщеплённая плитка сланца с обработкой боковых сторон; 10 – отщеп

На всех трёх отщепках присутствуют следы частичной оббивки боковых краёв (рис. 8: 10). Длина отщепов 5, 3,5, 3,2 см, ширина соответственно – 2,2, 2,6, 2,0 см. Толщина всех отщепов одинакова – 0,4 см.

Среди цельных плиток с обработкой у двенадцати обработаны торцы (только в одном случае с двух сторон). У семи плиток несколькими сколами подправлены один или два (в пяти случаях) боковых края. Эту обработку можно считать пробой на качество сырья.

Одиннадцать расщеплённых вдоль плиток не имеют следов дополнительной обработки. Их длина колеблется от 2,8 до 5,6 см, ширина – от 1 до 1,7 см, толщина – от 0,15 до 0,65 см.

Шестнадцать расщеплённых плиток обработаны с торца. Обработка представлена несколькими ничем не образующими сколами (11 экз.). Их длина составляет от 3,1 до 7,6 см, ширина – 1,2–3,5 см, толщина – 0,3–2,1 см. В эту группу входит самая массивная плитка размерами 6,4×3,5×2,1 см. В пяти случаях в результате оббивки образованы своеобразные, очень узкие (1–1,7 см) «стамесочные» лезвия (рис. 8: 7–8). Обычно обработке подвергался только один конец плитки (за двумя исключениями). Плитка длиной 6,6 см с двумя обработанными концами имеет дополнительную обработку и на боковом краю. Массивная плитка размерами 7,6×2,2×1,8 см имеет слегка скошенный конец, оббитый с одной стороны (рис. 8: 5). Полученное лезвие шириной 1,4 см использовалось для скобления твёрдого материала (кость, дерево). Размеры «стамесок» – длина: 4,8, 5,1, 5,6, 6,7, 7,6 см; ширина: 1,5, 1,8, 2,2, 2,2, 2,3 см; толщина: 0,5, 0,7, 1,0, 1,25, 1,8 см.

Ещё шестнадцать расщеплённых плиток имеют дополнительную обработку по одному (9 экз.) или двум (7 экз.) краям. Эта обработка представлена в виде нанесения нескольких несистематических сколов (рис. 8: 9). Она не является формообразующей, скорее, – это пробные сколы. Длина плиток колеблется от 3,8 до 7,1 см, ширина 1,4–2,6 см, толщина 0,3–0,7 см.

Учитывая состав минерального сырья и характер его обработки, а также тот факт, что на памятнике зафиксированы следы семи мастерских по изготовлению орудий из углистого сланца, можно предположить, что данный комплекс имел производственный характер и представлял собой запас сырья одного из мастеров [26, с. 415–417].

На поселении бронзового века Балакино I, расположенном на берегу р. Тагил в селе Балакино (окрестности г. Нижний Тагил), в 1973 г. выявлен клад пестов. Это второй на Урале однокомпонентный (состоящий из изделий одного типа) клад каменных изделий и пока единственный, относящийся к бронзовому веку. В кладе находились девять пестов (рис. 9: 1–9), которые залежали компактно тремя рядами друг над другом на глубине от 6 до 18 см. Кроме девяти пестов в кладе, ещё четырнадцать пестов найдены на площади поселения.

Длина пестов колеблется от 26,5 до 35 см, преобладают изделия длиной 31–35 см – 7 экз. Вес пестов имеет значительный разброс – от 1,2 до 2,7 кг. Но вес шести орудий укладывается в 1,9–2,7 кг. Для изготовления пестов использовались различные типы исходного сырья – куски камня (7 экз.), гальки и плитки (по 1 экз.). Выполнены песты из зеленоватой породы типа туфоалевролита (5 экз.) и сланцев (4 экз.) [27, с. 37–42].

Самыми выразительными и массивными изделиями являются три песта длиной 35,4, 35,0, 33,2 см и весом соответственно 2,4, 2,5, 2,7 кг (рис. 9: 1–3).

Первый пест изготовлен из плитки зеленоватой породы. Боковые стороны обработаны в технике пикетажа. В этой же технике чётко выделена рукоять длиной 10,5 см, шириной 5,6 см и толщиной 3,5 см. Толщина ударной части – 4,2 см (рис. 9: 1). На длинных рёбрах ударной части присутствуют признаки сработанности в виде слабого залощения и линейных следов, идущих под прямым углом к рёбрам. Следы очень чёткие, заметны невооружённым глазом.

Второй пест длиной 35 см имеет ширину 8,6 см, толщину 6,3 см (рис. 9: 3). Изготовлен он из куса зеленоватой породы. Одна плоскость гладкая со следами сильного ожелезнения, другая – неровная. К одному из концов камень имеет естественное сужение, для оформления рукояти оно подработано пикетажем. Боковые рёбра также обработаны точечной ретушью. Кроме этого, выпуклое ребро песта дополнительно сточено абразивом. Длина рукояти 9,5 см, ширина 5,0 см, толщина 3,9 см. Поверхность рукояти сильно залощена. Толщина ударной части орудия – 4,8 см. Рабочая поверхность песта сильно заглажена (стёрты вмятины от ударов) и залощена. Следы залощения смещаются от ударной поверхности вверх на 2–2,5 см. На залощённых участках присутствуют линейные следы, аналогичные вышеописанным.

Третий пест изготовлен из окатанной плоской гальки туфоалевролита. Его длина 33,2 см, ширина в средней части 7,8 см, толщина ударной части 5,6 см. Сечение песта прямоугольное, с раздутыми боковыми сторонами, которые обработаны в технике пикетажа. Средняя часть песта с одной стороны сточена абразивом. Особенно тщательно пикетажем обработана рукоять. Её длина 12,5 см, ширина 5,9 см и толщина 3,2 см (рис. 9: 2).

Остальные песты менее выразительны по форме и технике обработки (рис. 9: 4–9).

Следует упомянуть ещё один клад бронзового века (№ 6), в котором кроме каменных изделий находились и бронзовые [28, с. 157–160]. Найден он на южной окраине памятника Шайтанское озеро II. Залегал клад в культурном слое на глубине около 40 см. В нём найден бронзовый кельт со сломанным лезвием, который лежал на острие пластинчатого ножа. Рядом с ножом находились два каменных изделия: крупный скребок и отщеп халцедона (рис. 10: 1–4).

Скребок длиной 5 и шириной 3,4 см имеет подовальную форму (рис. 10: 3), изготовлен из отщепки пятнистого (жёлто-красно-чёрного) полупрозрачного халцедона. Изделия из такого минерала на территории Тагильского Зауралья не встречаются. Это явно неместное минеральное сырьё. Единственным исключени-

Рис. 9. Балакино I. Клад каменных пестов

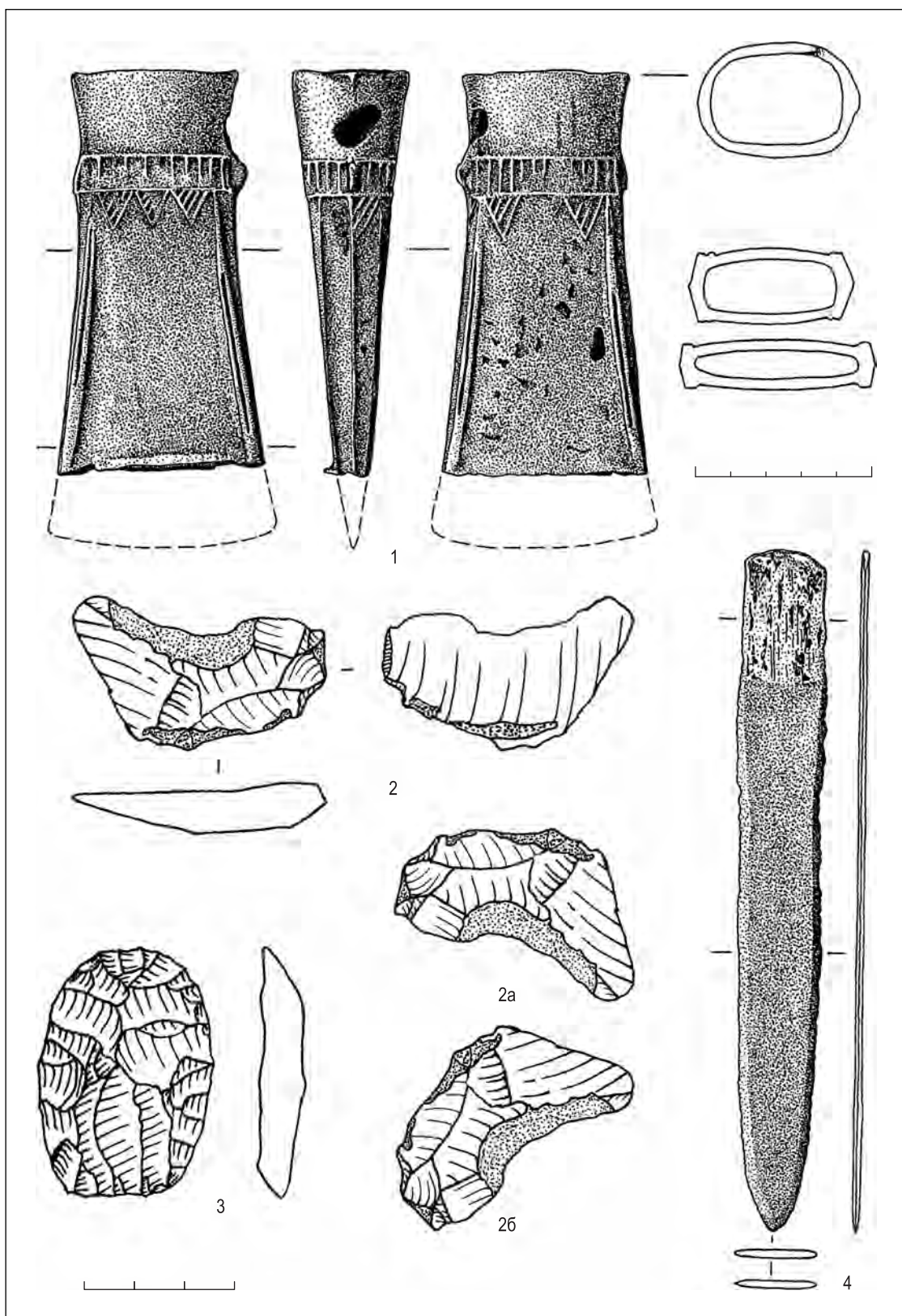

Рис. 10. Шайтанское озеро II. Клад № 6. Бронзовые (1, 4) и каменные (2, 3) изделия:
 1 – кельт; 2 – фигурный кремль; 3 – скребок; 4 – нож

ем является скребок, найденный на соседнем памятнике Шайтанское озеро I. Изготовлен он из абсолютно идентичного материала, возможно, даже из одного куска минерала.

Отщеп выполнен из однотонного тёмно-коричневого халцедона. На спинке отщепа местами сохранилась желвачная корка бежевого цвета. Отщеп имеет коленчатую форму без всяких следов дополнительной обработки. Его длина 5,2 см, ширина в средней части 2,4 см, толщина – до 0,8 см (рис. 10: 2). Ещё в процессе расчистки клада было замечено, что отщеп своими очертаниями напоминает голову животного. Зауженный конец отщепа, обращённый вправо, вызывает ассоциации с головой медведя (рис. 10: 2б). Если отщеп повернуть на 90° по часовой стрелке, то в закруглённом конце отщепа можно увидеть голову лося (рис. 10: 2а). Если же отщеп развернуть ещё на 180° по часовой стрелке, то он ассоциируется с птицей с вытянутой кверху шеей (рис. 10: 2). Таким образом, можно предположить, что перед нами полиэйконическая скульптура, в которой «зашифрован» образ мирового дерева. С каждым из миров мирового дерева соотносится определённое животное: символом верхнего мира является птица, среднего – лось, а нижнего – медведь. Подобная полиэйконическая скульптура, изображающая лося, медведя и бобра, известна на стоянке Юрьино VII (Юрьинское озеро). Как и скульптура из клада, она имеет «Г»-образную форму, заострённый конец и изготовлена также из коричневого халцедона [29, с. 221].

Ещё один клад с каменными изделиями обнаружен на северной окраине этого же памятника – Шайтанское озеро II [28, с. 153–157]. Находился он рядом с крупным плавильным очагом под каменной вымосткой размерами 0,75×0,5 м. После снятия камней под ними обнаружилось овальное слабоокрашенное углистое пятно. Разрез пятна показал, что оно представляет неглубокую (до 8 см) ямку с довольно плоским дном. В ней обнаружены два фрагмента венчика и шесть обломков стенок двух сосудов раннего железного века, а также две заготовки орудий из алевротуфа. Два фрагмента венчика происходят от одного сосуда, но между собой не склеиваются (рис. 11: 1, 2а). Зато к одному из них подклеился фрагмент венчика, найденный у очага на стыке квадратов 12 и 17 (рис. 11: 2б). Это свидетельствует о том, что плавильный очаг и яма, перекрытая каменной вымосткой, существовали в одном и том же промежутке времени [28, с. 153–157].

Следует отметить, что до сих пор не выработаны чёткие критерии, на основании которых определённый комплекс находок можно интерпретировать как клад. С одной стороны, наличие ямки и какого-либо перекрытия, безусловно, свидетельствует о намеренном сокрытии определённого комплекса. С другой стороны, если ямка не прорезает материк, а её границы не отмечены углём или охрой, то следы ямки фиксироваться не будут. Поэтому иногда наиболее интересные предметы вырываются из общего контекста находок и определяются как клад. К заведомо ложнымкладам относится «клады», состоящие из каменных рыболовных грузил. На самом деле это остатки свёрнутой сети. К сожалению, не все уральские клады каменных изделий опубликованы. Некоторые опубликованы выборочно. О некоторых имеется только устная информация.

Кроме того, определённые сомнения вызывают комплексы, опубликованные как клад. Скучные сведения о кладе на стоянке Мурат (Южный Урал) приводит Г.Н. Матюшин. Скопление артефактов найдено в бровке раскопа. Все вещи лежали в щелке (?), плотно прилегая друг к другу по линии север–юг. Среди находок 12 двусторонне обработанных наконечников стрел, топор, скребок, пластина, несколько отщепов и кусков кремня, а также три фрагмента керамики с гребенчатым орнаментом [30, с. 40]. Дополнительная информация отсутствует. Иллюстрации находок не опубликованы. Набор изделий в «кладе» очень необычен по составу. А наличие в нём фрагментов керамики вызывает недоверие к интерпретации.

Второй сомнительный клад найден в 1998 г. на северной окраине памятника Шайтанское озеро II. Здесь в корнях упавшей берёзы А.В. Шаманаев выявил скопление из 102 артефактов. В нём находились 54 отщепа, 45 плиток и сколов с них, пластина, галька и фрагмент керамики.

Керамика представлена мелким фрагментом без орнамента. Кварцитовая галька яйцевидной формы и длиной около 6 см служила отбойником: на одном из концов зафиксированы следы забитости. Все каменные изделия изготовлены из зеленоватой кремнистой породы типа алевротуфа. Длина плиток колеблется от 3,5 до 10,5 см, ширина – от 2 до 3,5 см. На некоторых из них присутствуют краевые сколы. Автору находки удалось склеить две плитки из двух и четырёх фрагментов. Отходы производства в кладе представлены чешуйками (3 экз.), отщепами мелкими (39 экз.), средними (11 экз.) и крупными (8 экз.). По мнению А.В. Шаманаева, данные изделия являются результатами пробы сырья. Учитывая отсутствие в данном месте культурного слоя, А.В. Шаманаев интерпретировал скопление каменных изделий как клад [31, с. 19–24; 32, с. 40–43; 33, с. 197–200].

Наличие в составе клада каменных изделий одиночного фрагмента керамики – ситуация для кладов абсолютно нехарактерная. Поэтому в 2004–2005 гг. вокруг «клада» А.В. Шаманаева автором были заложены два раскопа общей площадью 45 кв. м. Всего раскопками были получены 213 изделий, которые относятся к разным археологическим эпохам. Полная расчистка (с промывкой) корней берёзы позволила дополнительно обнаружить заготовку рубящего орудия (рис. 11: 5), два куска со сколами (рис. 11: 7–8) и с десяток отщепов алевротуфа. Раскопки показали наличие культурного слоя, отсутствие которого неоднократно подчёркивал А.В. Шаманаев. По всей видимости, именно из слоя в «клад» и попала керамика, так как кроме корней берёзы был расчищен и участок вокруг выворотня длиной около 2 м и шириной 0,5–0,7 м. Вряд ли «клад» залегал в мешке, как предполагает А.В. Шаманаев. Никаких следов ямы, в которой мог бы находиться «клад», в раскопе не выявлено. Следовательно, каменные изделия залегали в культурном слое. План раскопа (а на план наносились все находки, в том числе и отщепы) не показал изолированности «клада» среди других артефактов. Наличие в комплексе находок отщепов с первичной коркой, большого количества мелких отщепов (85 %), склеившихся между собой отщепов и плиток, а также отбойника свидетельствуют о том, что в

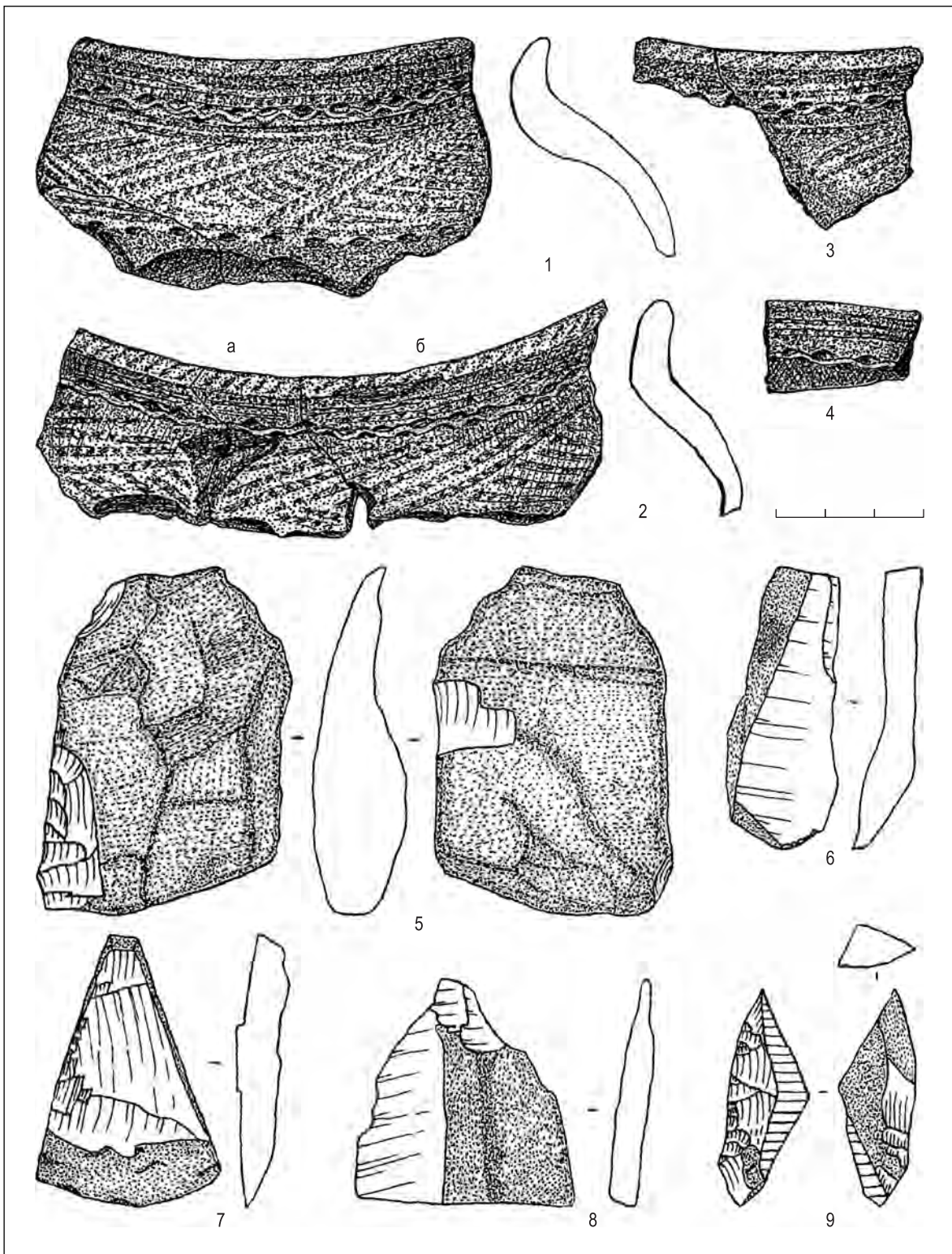

Рис. 11. Шайтанское озеро II. Клад под каменной вымосткой и изделия с поселения.
Керамика (1–4) и каменные изделия (5–9):

1, 2а – фрагменты венчика сосуда из клада; 2б – фрагмент венчика сосуда из плавильного очага;
3–4 – фрагменты венчика сосуда из раскопа № 2; 5 – заготовка рубящего орудия; 6 – пластинчатый отщеп из раскопа № 2;
7–8 – куски со сколами из выворотня; 9 – заготовка орудия с раскопа № 2

данном месте происходила первичная обработка минерального сырья. Характер каменных изделий в «кладе» и вокруг него с большой долей достоверности позволяет предполагать, что перед нами не клад, а место работы мастера, расположенное на периферии памятника.

Таким образом, на территории Урала в настоящее время известны 11 кладов каменных изделий плюс два клада смешанных (полисырьевых). На Северном Урале клады с камнем пока не обнаружены, на Южном – найдены всего два клада. Больше всего кладов зафиксировано на Среднем Урале – девять. Причём за исключением одного все выявлены на восточном склоне Среднего Урала.

Классификация кладов. С учётом характеристики сырья все клады можно подразделить на две большие группы – моно- и полисырьевые клады. В моносырьевых кладах изделия выполнены из одного вида сырья: камня, кости, глины, металла. В полисырьевых кладах представлены изделия из двух и более видов сырья. Клады с Шайтанского озера II относятся к полисырьевым, все остальные являются моносырьевыми.

Далее классификацию кладов предлагается производить по технологическому принципу.

1 тип – клады технические, представлены заготовками, отщепами, пластинами, нуклеусами, сколами и т.д. Таким кладом, по-видимому, является клад с Палаток II. Уточнить это можно только после полной обработки комплекса.

2 тип – клады орудийные, представлены законченными изделиями (наконечники стрел, дротиков, копий, топоры, тѣсла, отбойники и др.). К этой категории отнесены клады из Огурдино, Верхней и Нижней Макуши, Балакино.

3 тип – клады орудийно-технические. В них находятся как законченные орудия, так и отходы производства. Это клады с Выйки II, Трёхскалки, Миасса, Чишмы, Палаток I.

К 4 типу отнесены клады утилитарно-неутилитарного характера. Клад с Шайтанского озера I, с одной стороны, можно считать орудийным, а с другой – утилитарно-неутилитарным.

Теоретически могут существовать и клады неутилитарного характера, но автору такие не известны.

Хронология кладов. Датировать клады каменного века без наличия органики или хотя бы керамики чрезвычайно сложно. Предварительно к мезолиту отнесены три клада. Клад с Выйки II обнаружен в очажном комплексе однослойного мезолитического поселения. Поэтому сомнений в его мезолитическом возрасте нет. Клад с Трёхскалки по своим статистико-типологическим характеристикам полностью соответствует мезолитическим комплексам Среднего Зауралья. По этим признакам отнесение его к мезолиту достаточно правомерно. Клад с Огурдино найден на памятнике, на котором действительно преобладают мезолитические артефакты. Но присутствуют изделия и более поздних эпох, в частности – неолитического времени. Авторы обнаружения клада, основываясь на технике изготовления топоров (прежде всего, на частичной их пришлифовке) и отсутствии поздних предметов вблизи клада, датируют его мезолитом.

Вопрос о хронологии клада с Шайтанского озера I решается довольно уверенно. Слабоокремненные сланцы светло-серых оттенков широко использовались в развитом неолите Среднего Зауралья. В связи с открытием новых источников минерального сырья в это же время происходит и развитие крупнопластинчатой техники. На эталонных памятниках неолита Кокшаровском холме и Юрьинском поселении преобладают пластины шириной 1,8–2,5 см, встречаются также шириной до 3 см и более. А вот находки целых нуклеусов развитого неолита очень редки: видимо, происходила их полная утилизация. Но поперечные сколы и сколотые ударные площадки нуклеусов диаметром 5–7 см в неолитических комплексах хорошо известны. Утюжок из клада в плане и профиле имеет округлые очертания. Это значительно отличает его от утюжков энеолита и эпохи бронзы, для которых характерны резко очерченные угловатые формы, полученные обычно при помощи шлифовки. Утюжки округлых очертаний, только выполненные из глины, в количестве шести изделий представлены на культовом памятнике неолита – Кокшаровском холме [34, рис. 9: 1–4].

Оба клада с Макуши, по свидетельству автора их обнаружения, находились на дне энеолитических жилищ. Судя по форме наконечников стрел и технике их изготовления (пильчатая ретушь), их вполне можно отнести к энеолиту. Вопрос о хронологической принадлежности кладов с Палаток I и II осложняется многослойностью памятников. Но, учитывая широкое использование плиток углистого сланца в энеолите, клады также можно отнести именно к этому времени.

По мнению авторов публикаций, имеющиеся материалы кладов в Миассе и Чишме не дают возможности определить их точную хронологическую привязку. По форме наконечников стрел и тѣсла клад в Чишме предварительно можно отнести к энеолиту. Изделия из Миасса могли бытовать в широком хронологическом диапазоне от неолита до энеолита.

Клад пестов с Балакино найден на территории однослойного памятника бронзового века, поэтому проблем с его датированием нет. Также уверенно датируются полисырьевые клады с Шайтанского озера II. Клад с бронзовыми изделиями найден на южной окраине памятника, где 93 % артефактов относятся к коптяковской культуре позднебронзового века. Керамика во втором кладе относится к иткульской культуре раннего железного века, которая датируется VII–III вв. до нашей эры.

Семантика кладов. Причины сокрытия кладов у разных народов и в разные эпохи, безусловно, были различны. В настоящее время клады делят на «возвратные», которые считались сокровищем и закапывались с целью сохранения, и «безвозвратные» («культовые»), которые являлись жертвами (приношениями).

В мифопоэтической традиции охрана освоенного пространства решалась путём обхода территории по периметру, созданием одного или нескольких основных центров, а также освящением ключевых точек нового пространства. Эти точки маркируются помещением в них разнообразных сакральных ценностей или же охранителей границ пространства [35, с. 82–86].

Анализ топографии и условий залегания выявленных кладов вполне обоснованно позволяет считать их жертвенными комплексами, которые являлись культовыми маркерами и охранителями на границе освоенного и неосвоенного пространства [36, с. 224–233]. Клад топоров в Огурдино, как и клад пестов в Балакино, находился на кромке берега реки, клад Шайтанского озера I найден на границе с болотом, то есть во всех случаях на символической границе между мирами, так как мир воды считался чужим миром. Клад на энеолитическом поселении Палатки II, наоборот, был закопан в napольной части мыса в нескольких десятках метров от береговой линии и соответственно маркировал границу между своим (освоенным) и чужим (неосвоенным) мирами. Клад на Палатках I залегал в щели северо-восточного скального выступа (а северо-восточная часть культовых памятников являлась наиболее сакральной). Данная топография позволяет допускать также охранительное назначение этого комплекса. Клад на Верхней Макуше был спрятан на скальном выходе озёрного острова, то есть на границе между верхним и средним мирами. Клады медных изделий на вершинах гор и скал хорошо известны на территории Среднего Зауралья, но характерны уже для раннего железного века [37, с. 158–173.]. Условия местонахождения южноуральских кладов (Миасс и Чишма) автору не известны, поэтому их интерпретация пока преждевременна. Клады с Шайтанского озера II находились на периферийных участках памятника в северной и южной его частях.

Сложнее с семантикой клада с горы Трёхскалки. Обычно клады находят на территории памятника или вблизи него, но этот клад не привязан ни к стоянке, ни к поселению, ни к святилищу. Ритуальный характер клада с Трёхскалки подчёркивается наличием в нём двух хрустальных нуклеусов. С одной стороны, он может определять символическую границу между верхним и средним мирами (находится на горе), а с другой – являться маркером освоенного пространства, но не поселения, а территории определённой группы. И тогда данный клад может представлять редкий случай обнаружения своеобразного «пограничного столба», найти который специальными поисками вряд ли возможно, но которые теоретически вполне вероятны [35, с. 82–86].

Таким образом, по мнению автора, за исключением «ранцевого набора» с Выйки II можно предполагать сакральное (жертвенное) назначение практически всех уральских кладов каменных изделий. Вполне вероятно, что они маркировали символическую границу между мирами, между освоенным и неосвоенным пространством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г. СПб., 2002.
2. Сериков Ю.Б. Выйка II – опорный памятник эпохи мезолита в Среднем Зауралье // СА. 1988. № 1.
3. Сериков Ю.Б. Клады эпохи мезолита на Среднем Урале // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. М., 2008.
4. Синецына Г.В. «Клады» валдайской культуры и их хронология // Хронология неолита Восточной Европы: Тезисы докладов международной конференции, посвященной памяти д.и.н. Н.Н. Гуриной. СПб., 2000.
5. Мельничук А.Ф., Чурилов Э.В. «Клад» топоров из мезолитического поселения Огурдино // Человек, адаптация, культура. М., 2008.
6. Макаревич М.Л. Клад крем'яных сокир // Археологія. Т. XVI. Київ, 1964.
7. Тихонов Б.Г. Новогоргиевский клад клиновидных топоров // СА. 1968. № 2.
8. Шестаков В.И. «Клад» кремневых тесел у села Денежниково Новоайдарского района Луганской области и его научное значение // История глазами молодых исследователей. Сборник научных работ международной научной конференции. Т. I. Донецк, 1999.
9. Ковалева Н.Ф. Клад кремневых орудий из окрестностей г. Днепропетровска // СА. 1961. № 4.
10. Бородулін В.Г. Скарб крем'яних знарядь з с. Коропове на Харківщині // Археологія. Вип. 35. 1980.
11. Скочина С.Н. Клады каменных изделий на памятниках Нижнего Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 8. Тюмень, 2007.
12. Привалихин В. Клад каменных артефактов эпохи неолита стоянки и могильника Сергушкин-1, пункта «А» // Второй век подвижничества. Красноярск, 2011.
13. Бродянский Д.Л., Попов А.Н. Клад раннезайсановских артефактов на памятнике Артемовский-Птицефабрика в Приморье // Вестник НГУ. Серия: История, философия. Т. 10. Вып. 5: Археология и этнография. Новосибирск, 2011.
14. Калиева С.С. Клад Аксу в степном Притоболье // СА. 1988. № 2.
15. Сериков Ю.Б. Клад эпохи мезолита с окраины Нижнего Тагила // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции. Екатеринбург, 2007.
16. Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил, 2000.
17. Сериков Ю.Б. Пещерные святилища реки Чусовой. Нижний Тагил, 2009.
18. Сериков Ю.Б. Шайтанское озеро – священное озеро древности. Нижний Тагил, 2013.
19. Сериков Ю.Б. Случайная находка с Шайтанского озера // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. Материалы тематической научной конференции. СПб., 2008.
20. Мосин В.С., Зайцев И.А. Клад рубящих орудий с Южного Урала // РА. 2012. № 1.
21. Морозов Ю.А. Клад каменных орудий на р. Уршак // СА. 1982. № 4.
22. Берс Е.М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963.
23. Раушенбах В.М. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. М., 1956. (Труды ГИМ. Вып. 29)
24. Панина С.Н. Палатки II – поселение аятской культуры на р. Исеть // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988.
25. Викторова В.Д. Культовые озерные памятники // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.

26. *Викторова В.Д., Сериков Ю.Б.* Клад каменных изделий с многослойного памятника Палатки I // Экономико-правовые, социально-политические и культурно-исторические аспекты развития регионов. Материалы Международной научно-практической конференции. Березники, 2011.
27. *Сериков Ю.Б.* Клад пестов со стоянки бронзового века Балакино I (окрестности Нижнего Тагила) // Уфимский археологический вестник. № 12. 2012.
28. *Сериков Ю.Б.* Клады Шайтанского озера // Вопросы археологии Урала. Вып. 26. Екатеринбург; Сургут, 2011.
29. *Литвиненко Ю.П., Сериков Ю.Б.* Новые находки произведений первобытного искусства на территории Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. Вып. 23. Екатеринбург, 1998.
30. *Матюшин Г.Н.* Энеолит Южного Урала. М., 1982.
31. *Шаманаев А.В.* Клад каменного сырья и заготовок с оз. Шайтанского // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. Ч. 2. Новейшие открытия уральских археологов. Материалы конференции. Екатеринбург, 1999.
32. *Шаманаев А.В.* Клады каменного сырья и изделий: проблемы интерпретации // Документ. Архив. История. Современность: материалы научно-практической конференции, посвященной 30-летию историко-архивной специальности в УрГУ. Ч. 1. Екатеринбург, 2000.
33. *Шаманаев А.В.* Клад каменного сырья с озера Шайтанского (горно-лесная часть Среднего Зауралья) // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. СПб., 2002.
34. *Шорин А.Ф.* Кокшаровский холм – новый тип культовых комплексов в Северной Евразии // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург, 2003.
35. *Байбурун А.К.* Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989.
36. *Сериков Ю.Б.* Культовые объекты и памятники как маркеры освоенного пространства (по материалам Среднего Зауралья) // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург; Сургут, 2007.
37. *Викторова В.Д.* Клады на вершинах гор // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.

*Российский государственный профессионально-педагогический университет (филиал в Нижнем Тагиле),
Нижний Тагил*

Yu.B. Serikov

**HOARDS OF STONE ARTIFACTS ON THE TERRITORY OF THE URALS
(QUESTIONS OF CLASSIFICATION, CHRONOLOGY AND SEMANTICS)**

Summary

In this article the author gives characteristics of 11 hoards of stone artifacts which were found on the territory of the Urals. On the basis of technological approach all hoards are divided into technical, instrumental, instrumental-technical and utilitarian-non-utilitarian. The chronology of the hoards will always evoke some doubts. Nevertheless, taking into consideration the conditions of stratification and the compositions of findings three of the hoards may relate to the Mesolithic, one – to the Neolithic, four – to the Copper Age, one – to the Bronze age. Two of the hoards could be dated in the range of Neolithic – Eneolithic. The composition of the hoards is rather diverse – arrowheads, instruments for felling and hammering (axes and adzes), cores, blades, flakes, transverse breaks, warps, stone-hammer, pestles. The most rare findings are an «utyuzhok» and a double abrasive. Arrowheads and tools for felling are the most numerous findings. In four hoards only instruments were found, in the rest of them tools were found, as well as warps and debris. The analysis of topography, conditions of location and composition of the hoards let us suppose its sacred character. In the author's opinion the most probable version is the usage of the hoards for peculiar markers of symbolic border between the worlds, between assimilated and non-assimilated space.

*The Russian State Professional-Pedagogical University, Branch in Nizhny Tagil,
57, Krasnogvardeyskaya St., Nizhny Tagil, Sverdlovk Region, 622031,
Russia*

*E-mail: u.b.serikov@mail.ru
serikov2@yandex.ru*

М.В. Иванищева

ДРЕВНЕЙШИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА СЕВЕРЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ*

Река Сухона является крупнейшим левым истоком Северной Двины, имеет на своём протяжении 555 км. Геоморфология четвертичных отложений связана с этапами функционирования приледниковых водоёмов последнего оледенения. Формирование речного русла Верхней и Средней Сухоны происходит при осушении Верхнесухонских средне- и поздневалдайских озёр, связанных с Верхневолжской системой приледниковых водоёмов [1, с. 75]. Речная структура Нижней Сухоны формируется в раннем валдае, в поздневалдайское время связана с Гамским бассейном при Северодвинской ледниковой лопасти [2, с. 51].

Находки плейстоценовой фауны и отдельные артефакты из сборов М.Я. Рудинского и А.М. Иванищева свидетельствуют об освоении Нижней Сухоны древнейшими охотниками на мамонта не позднее раннего этапа верхнего палеолита (30–25 тысяч лет назад) во время Молого-Шекснинского межледниковья (брянский интерстадиал) [3, с. 6–7; 4, с. 25–28; 5, с. 56]. Возраст слоя финальнопалеолитической стоянки на Нижней Сухоне подтверждается геохимией и палинологией предматерикового горизонта отложений на многослойном поселении Берёзовая Слободка II–III в Нюксенском районе Вологодской области [6]. Поселение расположено на восточном склоне останца на левом берегу р. Сухоны при впадении р. Уфтюги в 750 м к югу от одноимённой деревни (рис. 1), занимает пологую площадку надпойменной террасы высотой 8–13 м над меженным уровнем воды (91–96 м абсолютной (абс.) высоты) у основания третьей террасы высотой 24–26 м (106–108 м абс. высоты). Раскопами 1995–2014 гг. общей площадью 507 кв. м исследованы два мезолитических

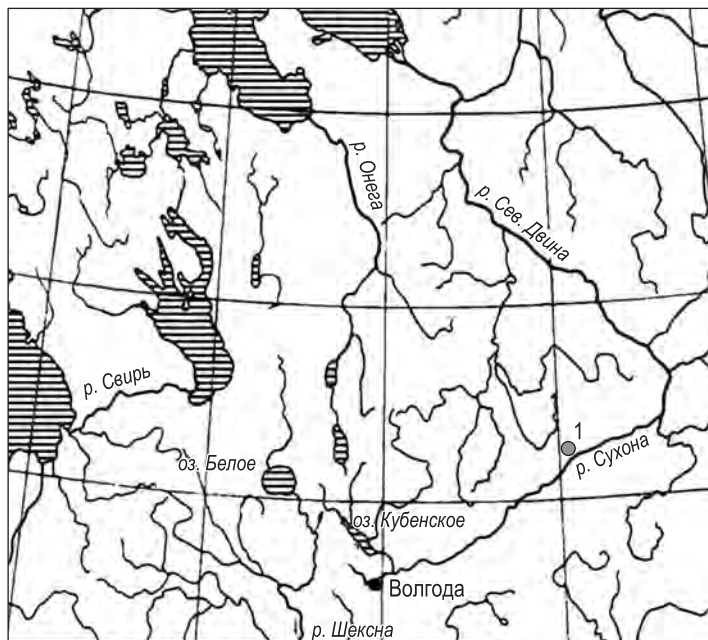

Рис. 1. Месторасположение поселения Берёзовая Слободка II–III (1)

* Работа выполнена в рамках научного проекта РФФИ № 14-06-98807 р-север-а «Междисциплинарные исследования многослойных стратифицированных памятников в Онежско-Сухонском регионе» при совместной финансовой поддержке РФФИ и Правительства Вологодской области.

ких слоя (C^{14} в диапазоне 9570–7800 ВР), слои раннего неолита (C^{14} в диапазоне 7300–6200 ВР), энеолита – эпохи бронзы и отдельные объекты раннего железного века в почвенном слое [7, с. 15, табл. 2]. Материковая поверхность представляет собой склон озёрной террасы приледникового водоёма, перекрытой галечным горизонтом. В прибрежной части памятника культурный слой финального палеолита – тёмная глина – подстилается жёлтой материковой глиной остаточного поздневалдайского водоёма. Мощность культурных напластований – 0,7 м у основания третьей террасы и 2,2 м в прирусловой части.

К уникальным объектам, исследованным в прибрежной части памятника в 2001–2003 гг., относятся отдельные кости и скопления человеческих костей (условные погребения 1, 2, 3, 4, 7, 8, 9), а также погребения в ямах или естественных углублениях (погребения 1, 5, 6), отнесённые ранее к мезолитическому времени. Все находки костей, за исключением погребения 1, связаны со слоем интенсивно-тёмной глины, лежащей непосредственно над материком. Залегание их на карбонатной морене с большим включением известняка определило относительно хорошую сохранность антропологического материала. Полученные в 2016 г. C^{14} определения¹ позволяют датировать часть погребений поздним дриасом и рассматривать их как древнейшие на севере Восточной Европы.

Из разрушенного погребения, скорее всего, происходят две части ножа оленеостровского типа, найденные в напольной части памятника среди скопления материала мезолитического облика на уступе первой озёрной террасы, рядом с очагом, датированным по углю 8810 ВР. Останки не менее чем 17 индивидов² [7, с. 11, 18] концентрировались в наиболее пониженной части древнего рельефа на площади 11×4 м на глубине 1,6–2,5 м от дневной поверхности (90–91 м абс. высоты) и связаны со слоем интенсивно-тёмной глины (рис. 2).

В центральной, наиболее пониженной части площадки, по краям которой выявлены отдельные скопления костей, исследованы погребения 1, 5, 6. Лучшая их сохранность связана с более глубоким уровнем залегания и глинистой прослойкой, отделявшей погребения от вышележащего культурного слоя.

Погребение 1 (рис. 2) выявлено в прибрежной части в верхнем уровне затемнённого суглинка. Рядом с ним, частично перекрывая яму погребения, зафиксированы два объекта – предположительно остатки лёгких построек или местá обработки каменного сырья. Они представляли собой округлые пятна диаметром 2,8 м, выделявшиеся интенсивно-тёмным заполнением, насыщенным кальцинированными и обожжёнными костями животных, берестой, отходами камнеобработки. Места концентрации костей животных с участками прокалённого грунта являлись, возможно, кострищами. В заполнении “кострища” 1 отмечена также глиняная крошка. Даты C^{14} и различия в заполнении “кострищ” указывают на значительный хронологический разрыв между объектами и свидетельствуют о перекрытии захоронений более поздними поселенческими конструкциями. “Кострище” 1 по обугленной бересте датировано 8280±90 ВР (JE-6705) или 6270–6060 – 6270–5980 cal BC и соотносится с объектами раннеолитического слоя: “кострищем” и очагом, имеющими близкие радиоуглеродные определения – около 7300 ВР. Дата по бересте второго “кострища” – 9570±110 ВР (JE-6704) или 9160–8790 – 9250–8600 cal BC – указывает на более древний этап освоения участка. Учитывая, что погребения верхнего палеолита совершаются, как правило, вне поселений [4, с. 32], “кострище” 2 могло носить ритуальный характер.

В погребении 1 (рис. 3) костные останки **субъектов 1 и 1а** обнаружены на глубине 196 см от дневной поверхности (90,53 м абс. высоты). Они концентрировались на площади 1,4×0,7 м с северо-востока от края ямы 1, которой была нарушена верхняя часть скелета субъекта 1. По мнению антропологов, кости **субъекта 1** принадлежали мужчине в возрасте 20–35 лет, анатомический порядок останков нарушен незначительно. По расположению костей можно предположить помещения умершего «в позе эмбриона» с согнутыми в коленях и подтянутыми к голове ногами. Останки другого взрослого индивида в возрасте 35–40 лет (**субъект 1а**) в переотложенном состоянии выявлены севернее погребения 1. Среди костей нижних конечностей взрослого индивида обнаружен зуб ребёнка. Скорее всего, именно ему принадлежали детские кости нижних конечностей (**субъект 9**) на противоположном юго-восточном склоне ямы 1, а также кости черепа, залегавшие в 1,4 м к югу от края ямы. Яма вытянута вдоль русла реки по линии северо-восток – юго-запад, имела размеры 1,65×0,8×0,3–0,5 м. Постройки 1 и 2 частично перекрывали с севера и юга яму 1, нарушив её содержимое. Совершение погребений следует отнести ко времени, предшествующему поселенческим комплексам, и с опорой на дату “кострища” 2 определить рубежом X–IX – 1-й четв. IX тыс. до н.э.

“Кострище” 2 частично перекрывало яму 2 подпрямоугольной формы размерами 1,65×1,0×0,4 м (рис. 2), заполненную жёлтой материковой глиной. На её поверхности найден кусочек охры. Отсутствие в яме антропологического материала требует особого объяснения. Возможно, она также была ритуальной.

Погребение 5 (рис. 4) совершено в яме/западине неправильной формы размерами 1,5×0,6×0,15–0,2 м. Костные останки трёх индивидов, в расположении которых не наблюдалось антропологического порядка, находились на площади 1,2×1,0 м на глубине 220–242 см от дневной поверхности (90,68–90,58 м абс. высоты) в юго-восточной части ямы. В центральной её части пятно охры перекрывало костные останки людей. Яма погребения имела внешнее и внутреннее сооружения, остатки которых сохранились в виде колооб-

¹ Даты C^{14} по костям человека получены М.А. Кульковой в лаборатории изотопных исследований Центра коллективного пользования «Геоэкология» РГПУ им. Герцена, Санкт-Петербург.

² Определение костей и половозрастного состава погребённых выполнено сотрудником ВГАХМЗ Т.А. Пантелеевой и заведующим Отделом антропологии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН В.И. Хартановичем.

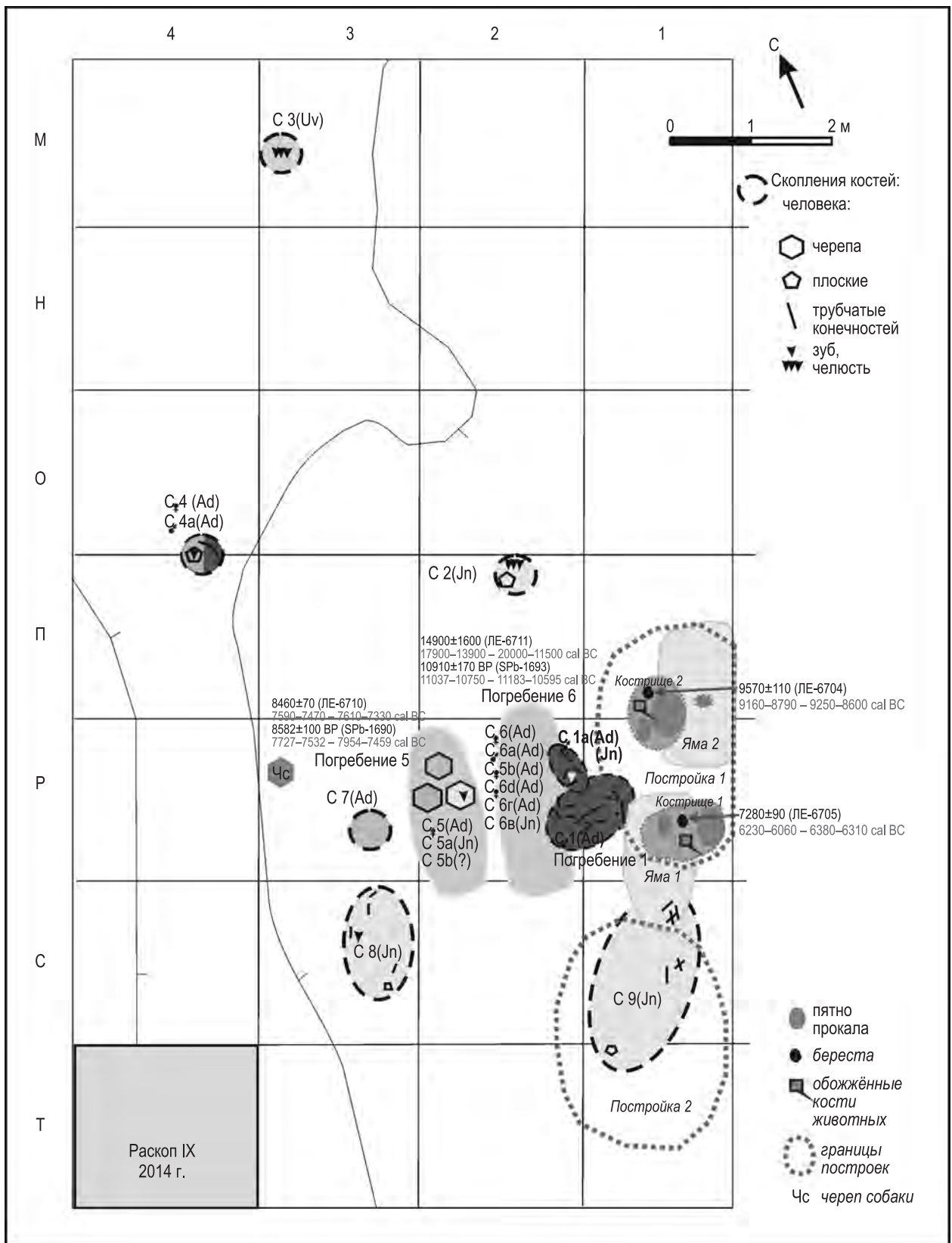

Рис. 2. Погребения эпохи камня Берёзовая Слободка II–III. План

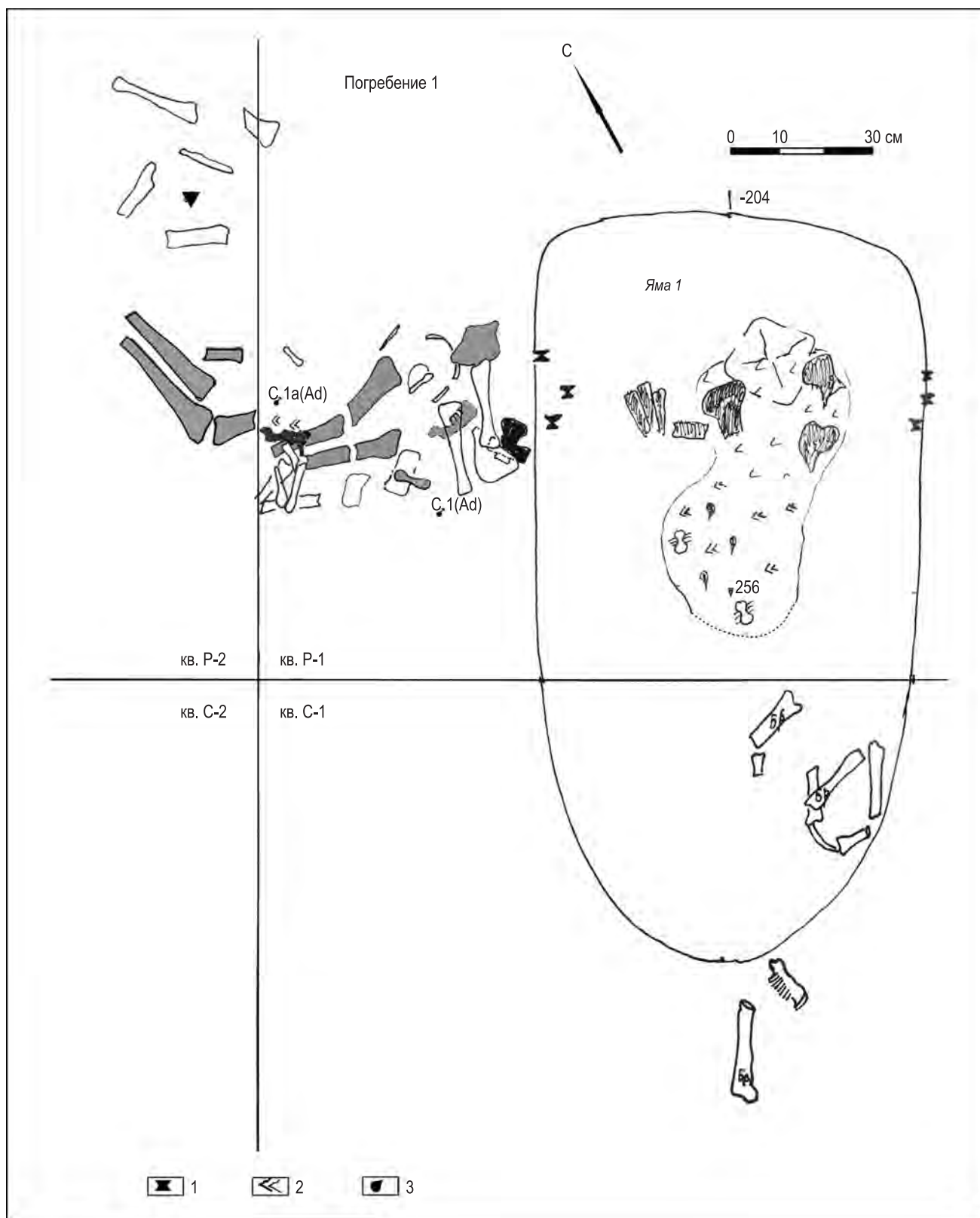

Рис. 3. Погребения эпохи камня Берёзовая Слободка II–III. План погребения 1:
 1 – глиняная крошка; 2 – береста; 3 – обожжённые кости животных

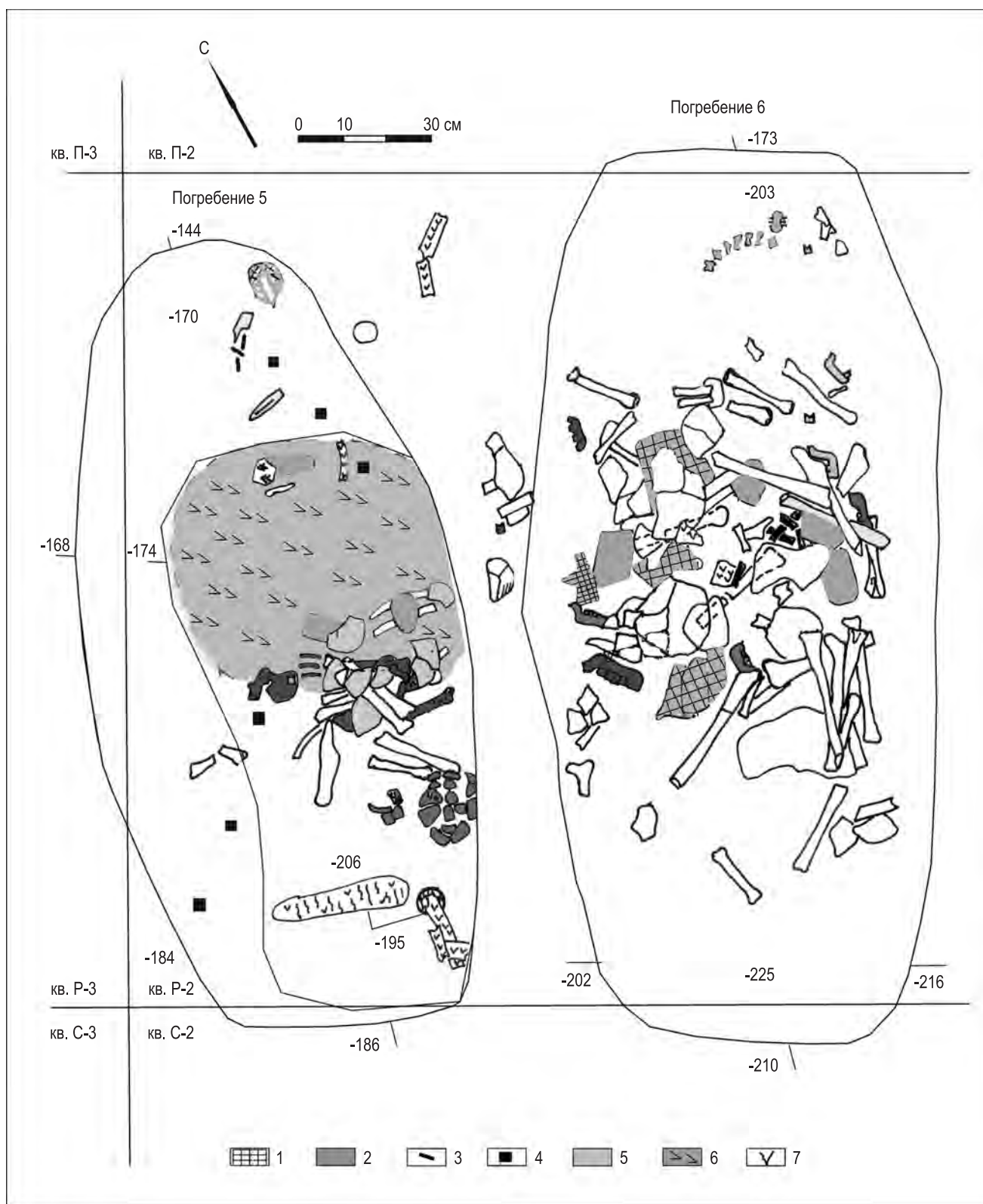

Рис. 4. Погребения эпохи камня Берёзовая Слободка II–III. План погребений 5, 6:
 1 – кости животных; 2 орудия из сланца; 3–4 – орудия из кремня: 3 – вкладыши; 4 – скребки;
 5 – обработанная кость; 6 – охра; 7 – уголь

разных ямок диаметром 0,1 м с углистым заполнением и полос обугленного древесного тлена внутри и по внешнему периметру ямы. Поверх останков людей расчищена гранитная галька миндалевидной формы с гладкой поверхностью и следами забитости на узком конце, вокруг неё концентрировались фрагменты детского черепа. Одна сланцевая плитка располагалась под костями черепа, другая – рядом с черепом ещё одного индивида, пол и возраст которого не определены (**субъект 5б**). Среди останков погребённых определены кости взрослой женщины (**субъект 5**) и ребёнка 7–14 лет (**субъект 5а**). Даты: 8460 ± 70 (ЛЕ-6710) ВР (7590–7470 – 7610–7330 cal BC) по углистой плашке; 8582 ± 100 (SPb-1690) ВР (7737–7532 – 7954–7459 cal BC), 8612 ± 100 (SPb-1689) ВР (7752–7542 – 7967–7482 cal BC) по костям человека – позволяют отнести погребение к 1-й пол. VIII тыс. до н.э.

В погребении 6 (рис. 4) в яме/естественной западине овальной формы, вытянутой по линии север – юг, размерами 2,15×1,0×0,20 м на глубине 220–252 см (90,6–90,37 м абс. высоты) костные останки людей концентрировались в центральной части на площади 1,4×0,8 м. Поверх человеческих останков выявлены фрагменты обожжённых костей животного, обгорелые плашки и кусочки бересты. Под костями найдены сланцевые плитки, массивный сланцевый отщеп, удлинённая кремнёвая конкреция; среди останков людей обнаружена обработанная длинная трубчатая кость (орудие?) и другие кости крупного животного. В расположении костных останков людей анатомический порядок не прослежен. Обращает на себя внимание концентрация длинных трубчатых костей, в основном нижних конечностей взрослых индивидов, располагавшихся двумя скоплениями с восточной стороны. Центральная часть скопления представлена фрагментами черепов трёх или четырёх индивидов. Челюсти как минимум 5 разных индивидов (5 правых половин нижних челюстей и 1 левая половина верхней челюсти) располагались по периметру основного скопления костей. При таком порядке костных останков вероятным является помещение тел в скорченном/сидячем положении либо захоронение тел умерших после частичного распада мягких тканей. Важно, что антропологами не отмечено искусственное расчленение костей. В числе погребённых определены не менее шести субъектов, среди которых мужчина в возрасте около 30 лет (**субъект 6а**), ребенок в возрасте 2–3 лет (**субъект 6в**), 3 взрослые женщины в возрасте 20–25 лет (**субъект 6б**), 25–30 лет (**субъект 6**) и около 25 лет (**субъект 6д**), а также взрослый индивид, пол и возраст которого не определены (**субъект 6г**). Даты: по обожжённым костям животного – 14900 ± 1600 ВР (ЛЕ-6711) (17900–13900 – 20000–11500 cal BC) и по костям человека – 10910 ± 170 ВР (SPb-1693) (11037–10750 – 11183–10595 cal BC) – указывают на палеолитический возраст захоронений в диапазоне рубежа XII–XI – 1-й пол. XI тыс. до н.э.

Анализ приведённых данных позволяет сделать ряд предварительных наблюдений, в том числе и о древнейшей погребальной традиции на севере Восточной Европы.

1. Площадка, занятая памятником, использовалась для совершения погребений в различные хронологические периоды, о чём свидетельствуют различия в погребальном обряде и C^{14} даты, а также переотложенный характер ряда погребений, нарушенных ещё в древности.

2. Погребения совершались вне поселений.

3. Время совершения погребений относится к финальному палеолиту – раннему мезолиту (поздний дриас – рубеж пребореала-бореала).

4. Характер расположения костей указывает на возможность помещения умершего в скорченном/сидячем положении или в позе «эмбриона», что в целом характерно для позднепалеолитических погребений.

5. Антропологи не отмечают следы искусственных воздействий на костных останках.

6. Общим для финальнопалеолитических и раннемезолитических погребений Берёзовой Слободки II–III является коллективный характер погребений по способу труположения.

7. Мезолитические погребения отличает наличие выраженных погребальных ям, использование охры, визуализация погребений внешними конструкциями, воздействие на тела погребяемых с предохранительной целью, связанное с культом предков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Квасов Д.Д. Позднечетвертичная история крупных озёр и внутренних морей Восточной Европы. Л., 1975.
2. Кичигин А.Н., Борсук О.А. Роль покровных оледений в формировании долины Сухоны в позднем плейстоцене и в голоцене // Эколого-географические исследования в речных бассейнах: материалы третьей международной научно-практической конференции (Воронеж, 15–17 октября 2009 г.) / ред. кол.; В.И. Шмыков (отв. ред.). Воронеж, 2009.
3. Башенькин А.Н. Вологодская область в древности и средневековье // Краеведческий альманах «Вологда». Вып. 2. Вологда, 1997.
4. Замятнин С.Н. Очерки по палеолиту. М.; Л., 1961.
5. Праслов Н.Д., Недомолкина Н.Г., Желтова М.Н. Древнейшее заселение Вологодского края // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. I / Под ред. И.Н. Черных. Тверь, 2011.
6. Верхний палеолит на Нижней Сухоне / М.В. Иванничева, М.В. Канин, Е.В. Козак, Л.С. Андрианова, М.А. Кулькова, Т.В. Сапелко, Е.Н. Соколова, Е.А. Иванничева, А.А. Иванничева // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Пермь 8–12 февраля 2016 г.). Пермь, 2016.
7. Иванничева М.В. Погребения каменного века в Нижнем Посухонье // Русская культура нового столетия: проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007.

M.V. Ianishcheva

THE MOST ANCIENT BURIALS IN THE NORTHEASTERN EUROPE

Summary

New data on the burials belonging to the Stone Age starting from the Final Palaeolithic at site Beryezovaya Slobodka II-III at the Lower Sukhona river basin are presented in the article.

*Ap. 10, 10-A, Vologodskaya St., Vologda, 160010, Russia
E-mail: marin-ivanishev@yandex.ru*

А. Мацане

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ В СРЕДНЕМ ГОЛОЦЕНЕ ЦИРКУМБАЛТИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ ЗВЕЙНИЕКИ И СКОТЕХОЛЬМ)

Материалы могильников охотников-собирателей позднего каменного века Циркумбалтийского региона привлекают к себе внимание исследователей уже на протяжении десятилетий [1; 2; 3; 4]. Особенности погребальных обрядов, остеологических, палеозоологических материалов и инвентаря, прослеживаемые археологически, указывают на несомненное присутствие в ту эпоху сложных, комплексных ритуальных действий, производимых в процессе захоронения. Проблема расшифровки, хотя бы частичной, тех смыслов, которые были заложены создателями в погребальный инвентарь, находящийся в могиле, является одной из ключевых при исследовании любого доисторического погребения, но одновременно и одной из сложнейших и самых неоднозначных в научном исследовании.

В этой небольшой статье мной заявлена проблема взаимоотношений человека и животных в среднем голоцене Циркумбалтии, которую я намерена раскрыть в своей диссертационной работе на материалах подвесок из зубов животных и фаунистических остатков из погребений двух могильников: Звейниеки (Северная Латвия, 7500–2600 cal BC) и Скотехольм (Южная Швеция, 5630–4520 cal BC) (рис. 1). Отправной точкой моего исследования является тезис о том, что «сознательный» выбор (отбор) определённых украшений-подвесок и вероятное символическое сочетание в этом наборе разных видов животных, а также различные помертвые манипуляции в пределах мест захоронения имели чрезвычайно важное значение при совершении погребальных обрядов [5].

Группа памятников Звейниеки (в переводе на русский – «Рыбачье») изучалась в 1960-х и начале 1970-х годов латышским археологом Францисом Загорским. Это – два поселения и более 300 погребений, из ко-

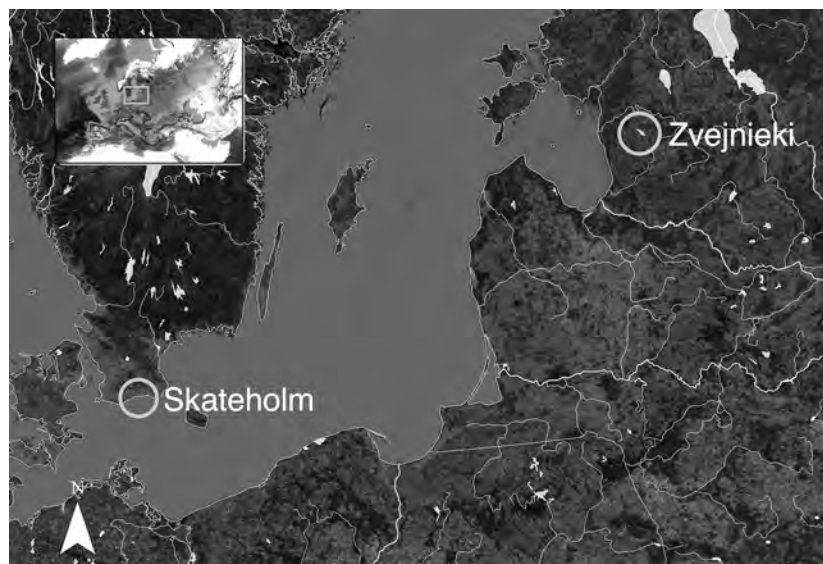

Рис. 1. Расположение могильников Скотехольм и Звейниеки

торых подавляющее большинство относится к мезолиту и неолиту [2; 3]. В 1990-е годы латышский археолог Илга Загорска (жена Ф. Загорскиса, старший научный сотрудник Института Истории Латвии при Университете Латвии) и шведский археолог Ларс Ларссон (профессор кафедры археологии и Древней истории, Университет Лунда, Швеция) начали сотрудничать, что в конечном итоге привело к объединению ряда исследователей разных дисциплин и публикации сборника статей по новым исследованиям материалов Звейниекы с точки зрения археологии, палеозоологии, остеологии, истории искусства, археотанатологии (тафономии) и т.д. Данный сборник является выдающимся вкладом в до- и переизучение этого знаменитого и богатого поселенческого и погребального памятника [6]. Ещё во время подготовки к публикации этого сборника статей в рамках этой совместной научно-исследовательской работы возник новый комплексный проект (археология, палеоэкология, антропология), посвящённый новым раскопкам погребений Звейниекы (2005–2009 гг.). В центре внимания стоял вопрос о соотношении могильника и поселений между собой, так как оно до сих пор остаётся не совсем ясным. Были исследованы несколько нетронутых ранее участков на обоих поселениях, а также на территории могильника с целью найти и изучить новые погребения, что было невозможно осуществить в прежние годы, поскольку в 1960-х–1970-х гг. на этом участке стоял жилой дом. Новые погребения – около двадцати – действительно были обнаружены и досконально изучены. Среди них были как одиночные, так и коллективные и разрушенные погребения [7, p. 1019]. Самым интересным оказалось парное погребение, обнаруженное у самой стены жилого дома, которое удалось полностью докопать только через два года, когда раскопки были продолжены под каменным фундаментом старого дома. Захоронены были взрослые мужчина и женщина, у женщины на груди находились два янтарных кольца и ниже – 135 янтарных подвесок, возможно, украшавших фартук. На мужском костяке янтарные подвески были найдены в области головы и ног. Кроме того, в области ног были найдены костяные подвески (одна – в форме кольца, из оленьего рога) и пронизки из птичьих костей. Около правой плечевой кости был также найден костяной кинжал.

В это же время (2005–2009 гг.) в Звейниекы была организована летняя интернациональная полевая школа, и мне удалось принять в ней участие. Тогда и зародился мой интерес к материальной культуре охотников-собирателей и появилось желание найти ответ на вопрос, почему и зачем в погребениях помещён различный инвентарь – украшения и орудия, каким образом их можно глубже изучить и какую информацию о жизни и смерти в каменном веке эти предметы могут нам дать.

Новые перспективы в выработке подхода к изучению взаимоотношений человека и его природного окружения, на мой взгляд, можно найти в рамках одного из современных теоретических постпроцессуальных философских подходов (которые сейчас нередко применяются и в археологии) под названием постгуманизм. Им декларируется равная позиция человека и животного, отсутствие доминирования человека над животным, их плотное взаимодействие [8; 9; 10; 11; 12; 13]. Это более целостный и прогрессивный взгляд, нежели принятый в науке XX в. Согласно такому исследовательскому подходу животные были не только источником пищи и сырья. Они могли быть частью ландшафта, рассматриваться спутниками, возможно, друзьями или врагами, и воплощать в себе для человека некие идеалы, вызывать страх или уважение.

Погребальный обряд (с точки зрения постгуманистического подхода) является не только ярким отражением верований охотников-собирателей, но и демонстрацией взаимоотношений человека и природного окружения. С этой точки зрения люди были как бы частью ландшафта мезолита и неолита, где они вели сосуществование с флорой и фауной. В данном случае при изучении погребений в фокусе находится социальный аспект жизни и смерти охотников-собирателей: то как животные и человеческий мир сосуществовали, стлкнувались и взаимодействовали между собой в каменном веке и как эти взаимоотношения могли быть выражены через практику захоронений в Скотехольме (юг Швеции) и Звейниекы (север Латвии).

Количественное сочетание особей, видов и отдельных частей тела животных в погребениях является одним из вопросов, который я исследую. Меня интересуют причины выбора тех или иных «сочетаний животных», останки которых в том или ином виде были найдены в погребениях. Варианты расположения останков животных в погребениях могут свидетельствовать о символическом объединении образов животных, пребывающих в разных стихиях, в разных местах обитания. В погребении 121 в Звейниекы (рис. 2) фаланга пальца нерпы, возможно, символизировала воду (водную стихию), кости птиц – воздух (воздушную стихию), а подвески из зубов лося и дикого кабана – землю (земной мир). Некоторые элементы, такие как бобровый астрагал, могли бы представлять собой животное, переступающее эти границы, – живущее одновременно в воде и на суше. То же самое можно сказать о некоторых видах птиц [14, s. 175; 15, p. 83].

Существуют не только примеры из погребений охотников-собирателей, где различные части животных были помещены в могилу, но и примеры (в частности, в могильнике Скотехольм), где есть погребения животных, которые были организованы таким же образом, как и человеческие. Захороненной отдельно собаке (погребение XXI) были положены «человеческие» погребальные дары: рог благородного оленя, четыре кремнёвых ножа и орнаментированный молот из рога оленя [16, s. 69]. Здесь, возможно, мы видим некий переход границы между биологическими видами, можно сказать, «очеловечивание» собаки.

Ещё один аспект исследования, над которым я работаю, связан с изучением тех манипуляций, которые производились над останками животных в погребениях. В процессе совершения ритуальных практик, связанных с погребением, люди могли пытаться управлять процессом некоего «изменения» символического значения различных животных. Например, животные, которые являются соперниками или врагами в природе, могли быть объединены в контексте погребения и как бы сосуществовать вместе – в наборах украшений [14, s. 175]. В погребении 190 в Звейниекы украшения умершего состояли из подвесок из зубов

нескольких видов животных. Представляет интерес тот факт, что здесь объединены вместе зубы благородного оленя и волка. В природе эти животные являются жертвой и охотником, в то время как в этой могиле они сосуществуют [15, p. 84].

Захоронение сразу нескольких рогов в погребениях в Скотехольме могли иметь символическое значение, отражая взаимосвязи между людьми и животными. Пример из захоронения XI (рис. 3) – олени рога в человеческом погребении, которые перекрывали нижние части ног покойного. Возможно, их разместили в могиле, чтобы способствовать перерождению или возрождению покойного, но, возможно, это был символ превращения существа одного вида в существо другого вида [17, s. 31].

Отбор и предпочтение частей туш животных, которые были использованы в ритуальной практике и помещены в погребения, могут рассматриваться в аспекте особенностей разделки убитых животных. Зубы животных (в основном резцы и клыки) использовались наиболее часто, в то же время использовались челюсти, фаланги, астрагалы, рога, когти и другие части тела и головы животных. Представляется, что в погребениях могильника Скотехольм наблюдается большее разнообразие этих частей, чем в погребениях могильника Звейниэки. Вероятно, эстетические свойства (например, цвет или форма) также вызывали интерес древних людей и могли определять выбор той или иной части животного. Замечательным примером из Звейниэки является нахождение в одном захоронении сразу сорока двух костей крыльев сойки. Osteологический анализ, проведённый и опубликованный финской исследовательницей Кристииной Маннермаа,

Рис. 3. Погребение XI могильника Скотехольм

показал, что эти кости принадлежали крыльям по крайней мере семнадцати особей [18, p. 292]. Возможно, яркий синий цвет перьев на этих крыльях сойки определил выбор этой части тела птицы для помещения в погребение.

Таким образом, причины, которые могли стоять за выбором и предпочтениями тех или иных видов животных или частей животных для захоронения, а также их конкретное расположение внутри погребения могут и будут являться предметом дальнейших исследований. Новые этапы моей исследовательской работы будут включать детальное изучение останков животных из погребений и их соотношений, включая обработку новых материалов, полученных при недавних раскопках в Звейниекки. Данные о механизмах создания захоронений, а также обо всём имеющемся погребальном инвентаре целиком необходимо иметь в виду, чтобы попытаться глубже понять суть ритуальных практик охотников-собирателей. Также можно попробовать применить к этим материалам теории из области философии постгуманизма. В дальнейшем я собираюсь обобщить материалы Звейниекки и сравнить их с погребальными материалами с других территорий лесной зоны, как Скандинавии, так и России. Участие в Тверском семинаре помогло мне начать сотрудничество в области исследования фаунистических останков (изделий из костей и зубов млекопитающих) могильников и поселений Сахтышского микрорегиона (Ивановская область) и микрорегиона Озёрной Мещёры (Московская и Рязанская области). Эта плодотворная работа будет продолжена в ближайшее время. В результате целого ряда исследований планируется прояснить проблемы социальной коммуникации древних обществ, а также взаимодействия человека, животного мира и окружающей среды на уровнях как отдельных памятников, так и районов и целых регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Гурина Н.Н.* Оленеостровский могильник. М.; Л., 1956. (МИА. № 47)
2. *Zagorskis, F.A.* Zvejnieku akmens laikmeta kapulauks. Rīga, 1987.
3. *Zagorskis, F.A.* Zvejnieki (Northern Latvia) Stone Age Cemetery. Oxford, 2004. (BAR international series 1292)
4. *Larsson, L.* Ett fångstasamhälle för 7000 år sedan. Boplatz och gravar i Skateholm. Lund, 1988.
5. *Larsson, L.* A Tooth for a Tooth. Tooth Ornaments from the Graves at the Cemeteries of Zvejnieki // Larsson, L. and Zagorska, I. (eds.). Back to the Origin. New Research in the Mesolithic-Neolithic Zvejnieki Cemetery and Environment, Northern Latvia. Lund, 2006. (Acta Archaeologica Lundensia. Series in 8. No. 52)
6. *Larsson, L., Zagorska, I.* (eds.). Back to the Origin. New Research in the Mesolithic-Neolithic Zvejnieki Cemetery and Environment, Northern Latvia. Lund, 2006. (Acta Archaeologica Lundensia. Series in 8. No. 52)
7. *Nilsson Stutz, L., Larsson, L., Zagorska, I.* The Persistent Presence of the Dead: Recent Excavations at the Hunter-gatherer Cemetery at Zvejnieki (Latvia) // *Antiquity*. Vol. 87. Issue 338. 2013.
8. *Haraway, D.J.* The Companion Species Manifesto: Dogs, People and Significant Otherness. Prickly Paradigm. Chicago, 2003.
9. *Haraway, D.J.* When Species Meet. University of Minnesota Press, Minneapolis, 2008.
10. *Barad, K.M.* Posthumanist Performativity: Toward an Understanding of How Matter Comes to Matter // *Signs*. Vol. 28 (3). The University of Chicago Press, 2003.
11. *Barad, K.M.* Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning. Durham & London, Duke University Press, 2007.
12. *Conneller, C.* An Archaeology of Materials. Substantial Transformations in Early Prehistoric Europe. Routledge, 2011.
13. *Fredengren, C.* Posthumanism, the Transcorporeal and Biomolecular Archaeology // *Current Swedish Archaeology*. Vol. 21. 2012.
14. *Larsson, L.* Tänder tänder tankar. Lämningar från en utmativ transformation // F. Ekengren, L. Nilsson Stutz (red.), I tillvarons gränsland. Perspektiv på kroppens mellan liv och död. Lund, 2009. (Acta Archaeologica Lundensia. Series altera in 80. Nr. 60)
15. *Lõugas, L.* Animals as Subsistence and Bones as Raw Material for Settlers of Prehistoric Zvejnieki // Larsson, L., Zagorska, I. (eds.). Back to the Origin. New Research in the Mesolithic-Neolithic Zvejnieki Cemetery and Environment, Northern Latvia. Lund, 2006. (Acta Archaeologica Lundensia. Series in 8. No. 52)
16. *Larsson, L.* Skateholmsprojektet: På spåren efter gravsedsförändringar, ceremoniplatser och tama råvar // *Limhamniana* 1984. Malmö, 1984.
17. *Larsson, L.* Skateholmsprojektet: Jägare-fiskare-bönder // *Limhamniana* 1983. Malmö, 1983.
18. *Mannermaa, K.* Bird Remains in the Human Burials at Zvejnieki, Latvia. Introduction to Bird Finds and a Proposal for Interpretation // Larsson, L., Zagorska, I. (eds.). Back to the Origin. New Research in the Mesolithic-Neolithic Zvejnieki Cemetery and Environment, Northern Latvia. Lund, 2006. (Acta Archaeologica Lundensia. Series in 8. No. 52)

*Университет Гётеборга,
Гётеборг, Швеция*

A. Macane

**PROBLEMS OF THE HUMAN-ANIMAL INTERRELATIONS
IN THE MIDDLE HOLOCENE IN CIRCUM-BALTIC AREA
(ON MATERIALS OF ZVEJNIEKI AND SKATEHOLM BURIAL GROUNDS)**

Summary

The hunter-gatherer cemeteries around the Baltic Sea reveal complex burial practices. This paper explores how human-animal relationships were expressed and given form in the burial practices of hunter-gatherers. The approach used in this study is based on a perspective of materiality and post-humanism, and it questions the dominant position of humans and offers possibilities for new interpretations. This study is part of a PhD project that examines how animal and human worlds co-existed, confronted, and affected each other during the Stone Age in the Baltic Sea region. The choice of personal adornments, combination of animal species, and fragmentation of body parts appear to have had significant importance when burying the dead in Zvejnieki and Skateholm. In contrast to previous research on hunter-gather burials, which concentrated solely on humans, this project provides a complementary perspective that stresses a more holistic view by looking at the animal remains. This study will develop a deeper understanding of the relationship between humans and animals in the Stone Age.

*University of Gothenburg,
Department of Historical Studies,
Rennströmsgatan 6,
Box 200, 405 30 Göteborg,
Sweden
E-mail: ajja.macane@gu.se*

Е.Л. Костылёва, А.В. Уткин, А. Мацане

«ВОСТОЧНЫЙ СЛЕД» В ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ЗАХОРОНЕНИЯХ САХТЫШСКИХ МОГИЛЬНИКОВ

Вблизи озера Сахтыш (Ивановская область, Тейковский район) раскопками Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР (РАН) под руководством Д.А. Крайнова в 1960-е–1990-е годы исследованы 149 захоронений неолита – энеолита, относящихся к льяловской и волосовской культурам (IV–III тыс. до н.э. в некалиброванных датах). Материалы их всесторонне изучались и неоднократно публиковались [1–22]. Несмотря на это, сахтышские могильники в части как археологических, так и антропологических данных позволяют ставить всё новые проблемы, требующие своего разрешения. Одной из них является проблема контактов, а ещё шире – проблема происхождения и развития волосовской культуры, в решении которой немалую роль должны сыграть именно материалы захоронений.

Волосовская культура не была единым культурным массивом, остававшимся неизменным на всём протяжении своего существования. Ещё в 70-е годы прошлого столетия А.Л. Никитин предлагал выделять две разные культуры: «волосово-I» и «волосово-II» [23]. В первой из них, относящейся к неолиту (III тыс. до н.э.), он усматривал северо-западные истоки, идущие из Прибалтики и с верховьев Днепра, вторую связывал со Средним Поволжьем и относил к эпохе бронзы (II тыс. до н.э.) [23, с. 30–32]. Однако некоторые положения статьи не обладали достаточной аргументацией, что вызвало весьма критический отклик со стороны В.П. Третьякова [24]. Вместе с тем мы согласны, что истоки культуры «волосово-I», в которой можно видеть раннюю стадию развития волосовской культуры в Волго-Окском междуречье, следует искать в восточно-прибалтийском неолите. “Рождение” волосовской культуры мы также связываем с приходом из Восточной Прибалтики отдельных групп населения (преимущественно мужского), оставившего погребения с янтарём [12; 25]. В то же время мы должны констатировать, что на поздней и финальной стадии развития волосовской культуры в ней проявляются заметные «восточные веяния».

Не касаясь сейчас керамики, где эти “веяния” также нашли отражение, остановимся лишь на материалах захоронений.

Прежде всего это подвески из серпентина, резцы сурка (*Marmota bobak*) и горный хрусталь.

Горный хрусталь

Явным «восточным следом», связанным с Уралом, являются кристаллы горного хрусталя. Один кристалл был обнаружен на территории могильника Сахтыш II рядом со второй ритуальной площадкой недалеко (в соседнем квадрате) от разрушенного волосовского погребения № 3, с которым могла быть также связана и найденная там же подвеска из серпентина (рис. 1). Высота кристалла 67 мм, диаметр – 10 мм (рис. 2). Второй – в раскопе того же года. Высота кристалла 35 мм, диаметр – 13 мм¹.

Третий кусочек горного хрусталя был найден на Сахтыше VIII в пределах жилища III, обитатели которого, как мы показали в одной из своих статей, могли хоронить своих умерших на могильнике Сахтыш II (рис. 3) [19]².

Подвески из серпентина

Серпентин распространён во многих районах Евразии, в том числе на Урале, Северном Кавказе, в Армении, Сибири, Казахстане. Значительные месторождения серпентина имеются в Южном Приуралье (современные Оренбургская и Челябинская области) [26; 27]. Скорее всего, именно из уральского камня делались подвески, найденные в погребениях сахтышских могильников.

¹ Первый кристалл зафиксирован только в полевом дневнике О.С. Гадзяцкой за 1963 г. с указанием его местонахождения (кв. 20, гл. 20–40 см), сопровождавшимся карандашным рисунком. Второй был обнаружен нами в коллекции каменных предметов из раскопок 1963 г., имел номер по описи 1635-а. Однако опись была утеряна, поэтому конкретное местонахождение его неизвестно. Упоминания об этих находках нет ни в отчёте, ни в публикациях.

² Этот кусочек хрусталя нашёл отражение лишь в описи находок из раскопа I, кв. 115–116, гл. – 50 см, за номером 1011.

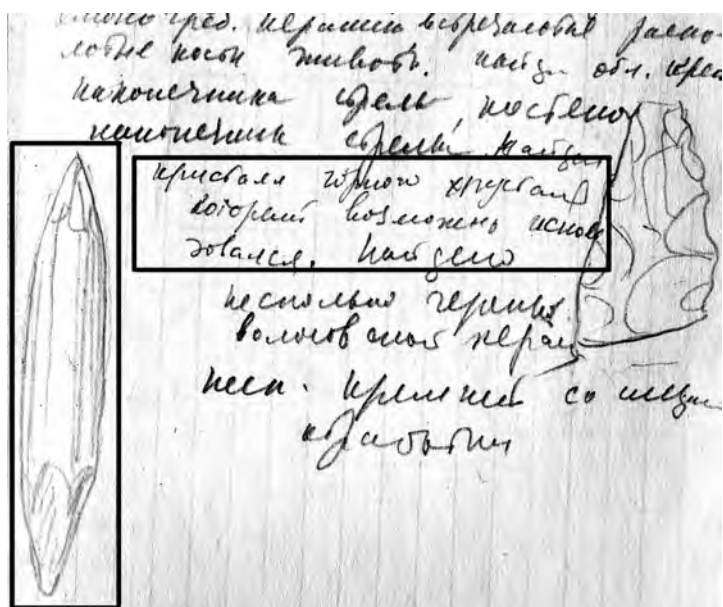

Рис. 2. Сахтыш II. Фрагмент страницы полевого дневника О.С. Гадзяцкой 1963 г. с упоминанием и рисунком кристалла горного хрусталя (обработка Е.Л. Костылёвой)

Коллекция подвесок из погребений могильников Сахтыш II, Па и VIII насчитывает 79 экз. Почти все подвески покрыты белой патиной. Размеры их – 15–65 мм. Они плоские или слегка выпуклые с внешней стороны. Тщательно отшлифованы. По форме подвески чаще всего подовальные, реже – подпрямоугольные или подтреугольные, иногда – аморфны. Отверстия для подвешивания и нашивания обычно располагаются в верхней части и в большинстве случаев сильно расточены от длительного ношения, некоторые экземпляры сломаны по отверстиям, и взамен их просверлены новые [16, рис. 11: 12; 16: 30; 49: 22–37; 51: 12; 55: 4–10, 12–15, 21–23; 59: 7, 8; 75: 2, 4–9; 76: 2–4, 7, 8–11; 77: 2–21].

Условия нахождения подвесок из серпентина

Сахтыш II

На Сахтыше II серпентиновые подвески были найдены в количестве 11 экз. в двух женских захоронениях: в разрушенном одиночном – № 18 (1 экз.) и в ярусном коллективном – № 15 (костяк V – 9 экз.) (рис. 1). В последнем подвески располагались по всему костяку [16, с. 20, 22, 31–33, рис. 11, 16]. Кроме подвесок из серпентина в 18-м погребении были найдены 2 пронизки из птичьих костей, 7 подвесок из зубов животных, 1 сланцевая подвеска, а на костяке V в погребении 15 – янтарная шайба и каменная подвеска.

1 серпентиновая подвеска была обнаружена в культурном слое недалеко (в соседнем квадрате) от разрушенного погребения взрослого человека № 3³.

Сахтыш Па

На Сахтыше Па были найдены 33 подвески из серпентина. 31 из них была обнаружена среди погребального инвентаря пяти захоронений: №№ 7, 13, 19, 21 и 24 (рис. 4) [16, рис. 49: 22–37; 51: 12; 55: 4–10, 12–15, 21–23; 59: 7, 8]. Больше всего их было в парном (ярусном) погребении № 7 (верхний костяк А) – 16 экз. Подвески достаточно равномерно располагались по костяку – от грудной клетки до колен (рис. 5). 11 подвесок обнаружены в одиночном захоронении № 24. Они концентрировались в районе таза (рис. 6). По одной подвеске было найдено в парном (ярусном) погребении № 13 (верхний костяк А) и в одиночной могиле № 21, 2 штуки – также в одиночном захоронении № 19. Все костяки принадлежали женщинам⁴ [8; 16, с. 50–51]. Наряду с подвесками из серпентина в могилах были обнаружены украшения из зубов животных и сланца. Первые найдены в захоронениях 7 (2), 19 (4), 21 (1), 24 (3), а вторые – в 13А (5) и 24 (1)⁵. Помимо них, в погребении № 24 были обнаружены резцы сурка, о чём речь пойдёт ниже.

³ Полевой дневник О.С. Гадзяцкой за 1963 г. Подвеска хранится в фондах Ивановского государственного историко-краеведческого музея им. Д.Г. Бурлыгина. Не опубликована.

⁴ Пол погребённого № 21 не определён в силу сильной разрушенности костяка.

⁵ В скобках указано количество подвесок.

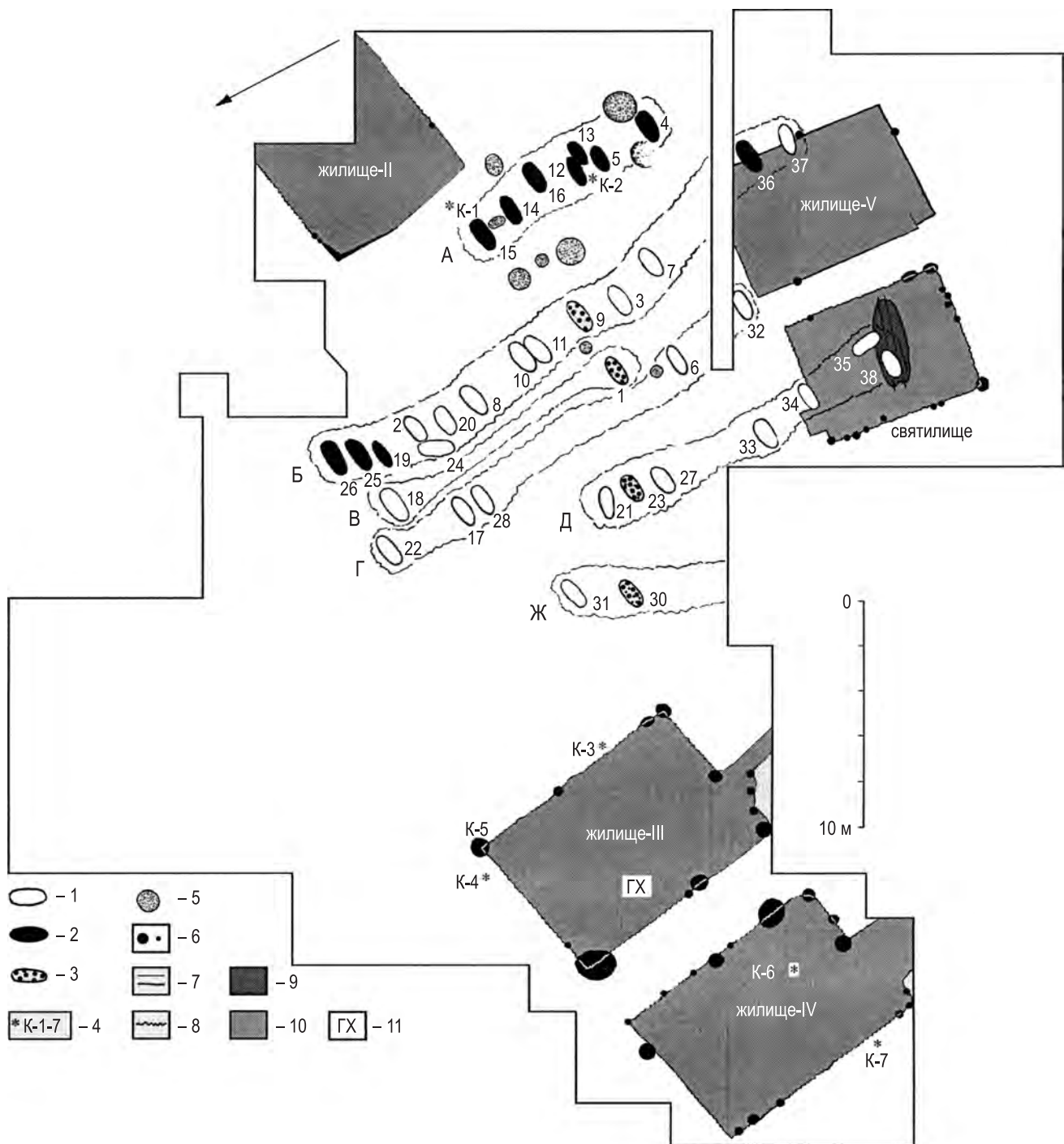

Рис. 3. Сахтыш VIII. План могильников волосовской культуры:

- 1 – захоронения без янтаря и серпентиновых подвесок; 2 – захоронения с янтарём;
 3 – захоронения с серпентиновыми подвесками; 4 – ритуальные «клады»;
 5 – кострища; 6 – столбовые ямки; 7 – условные очертания жилищ;
 8 – условные границы рядов захоронений; 9 – яма «святилища»;
 10 – волосовские жилища; 11 – горный хрусталь
 (рис. А.В. Уткина, Е.Л. Костылёвой)

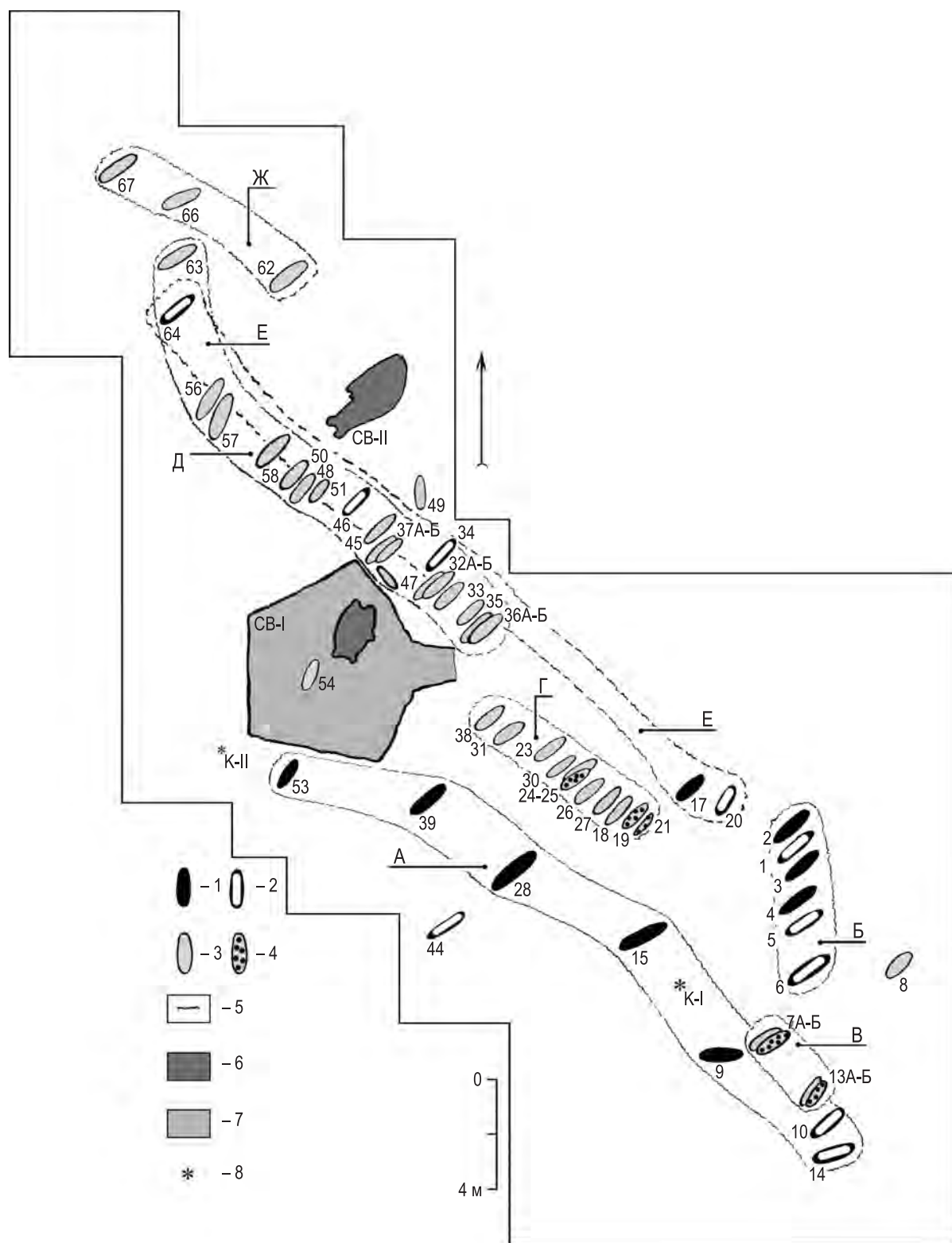

Рис. 4. Сахтыш III. План могильника волосовской культуры:

1 – ранние захоронения с янтарём; 2 – ранние захоронения без янтаря; 3 – поздние захоронения; 4 – поздние захоронения с серпентиновыми подвесками; 5 – условные границы рядов захоронений; 6 – ямы «святилищ»; 7 – условные очертания постройки над «святилищем» I; 8 – ритуальные «клады» (рис. А.В. Уткина, Е.Л. Костылёвой)

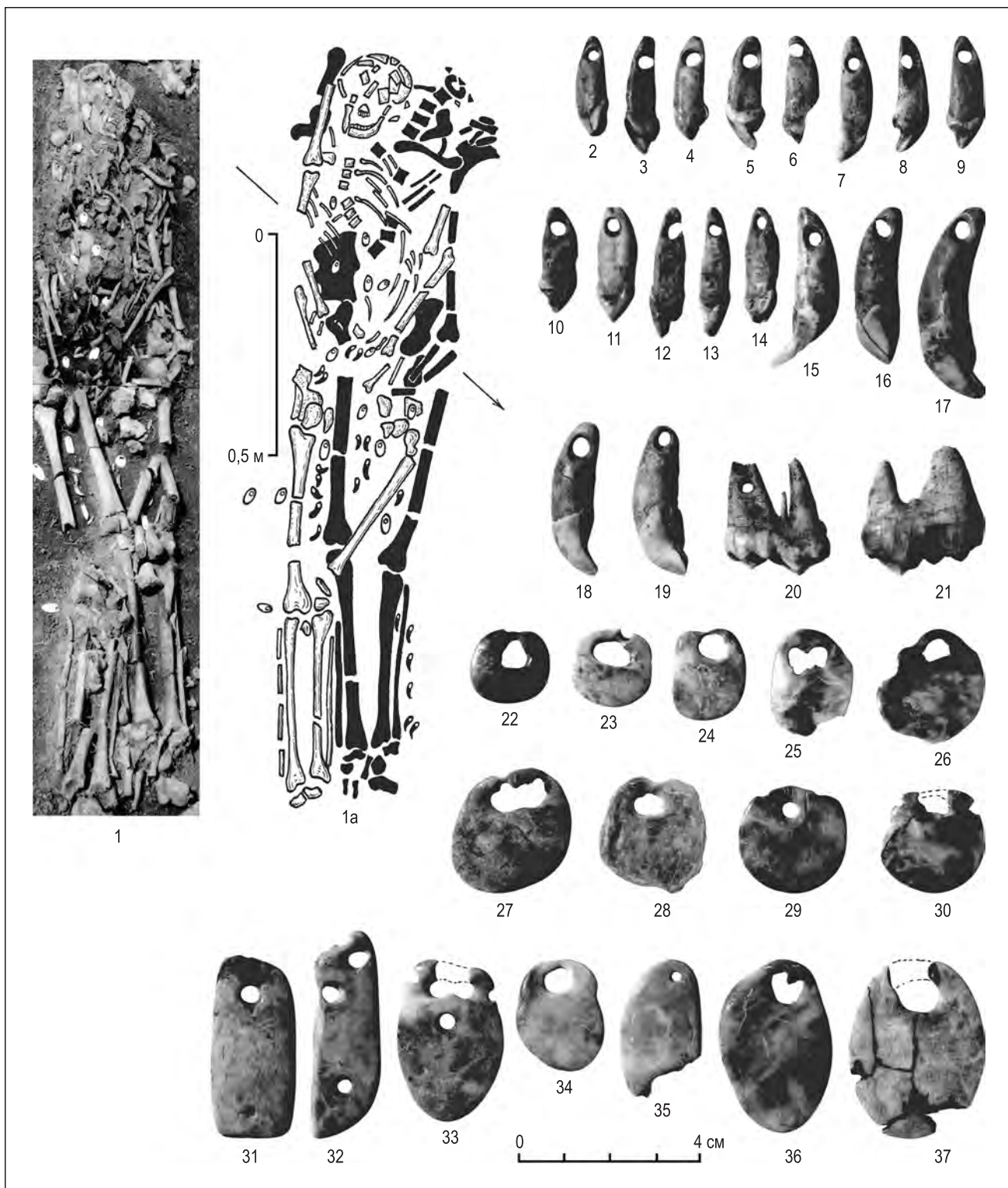

Рис. 5. Сахтыш Па. Погребение № 7:

1, 1а – фото и прорисовка захоронения; 2–21 – подвески из зубов животных из нижнего захоронения;
 22–37 – подвески из серпентина из верхнего захоронения
 (фото Л.Н. Нескверновой, Е.Л. Костылёвой, рисунки – Е.Л. Костылёвой, А.В. Уткина)

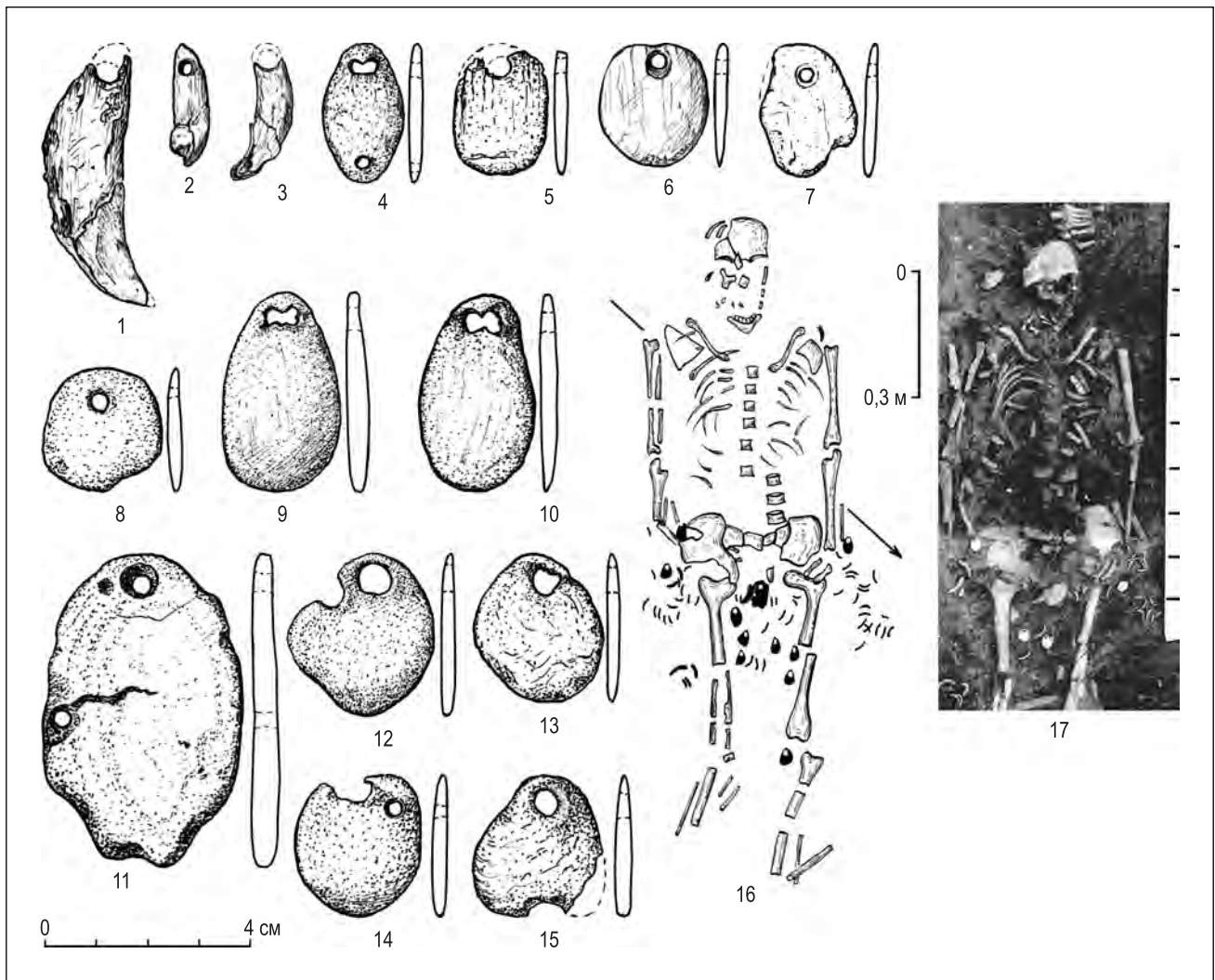

Рис. 6. Сахтыш II. Погребение № 24:

1–3 – подвески из зубов животных; 4–10, 12–15 – подвески из серпентина; 11 – каменная подвеска;
16, 17 – прорисовка и фото захоронения
(фото Е.Л. Костылёвой, рисунки – Е.Л. Костылёвой, М.Н. Михайловой, А.В. Уткина)

Кроме того, 2 серпентиновые подвески были найдены в районе разрушенного погребения № 44, однако установить достоверную связь их с этим захоронением невозможно, так же как и найденной в том же контексте янтарной пуговицы.

Сахтыш VIII

Наибольшее число подвесок из серпентина дал могильник Сахтыш VIII – 36 экз. Они найдены в четырёх одиночных захоронениях: №№ 1, 9, 23 и 30 – 1, 4, 6 и 25 подвесок соответственно (рис. 3) [16, с. 59, 64–66, рис. 76, 77]. Среди украшений из погребений № 9 и № 30 есть также подвески из мелкозернистых сланцев зелёного цвета – 2 и 5 экз. соответственно. Подвески располагались в основном в районе таза и верхней части бедренных костей (рис. 7).

Отметим также, что самое представительное по каменным украшениям захоронение № 30 имело интенсивную засыпку охрой. Оно, кстати, было единственным из 37 энеолитических захоронений могильника Сахтыш VIII засыпанным охрой. Засыпка охрой энеолитических погребений не отмечена и ни на одном из других Сахтышских могильников.

Половозрастные определения погребённых не проводились, однако, учитывая то, что на Сахтыше II и IIa подобные подвески были найдены в женских захоронениях, можно также предположить, что указанные погребения относятся к женским.

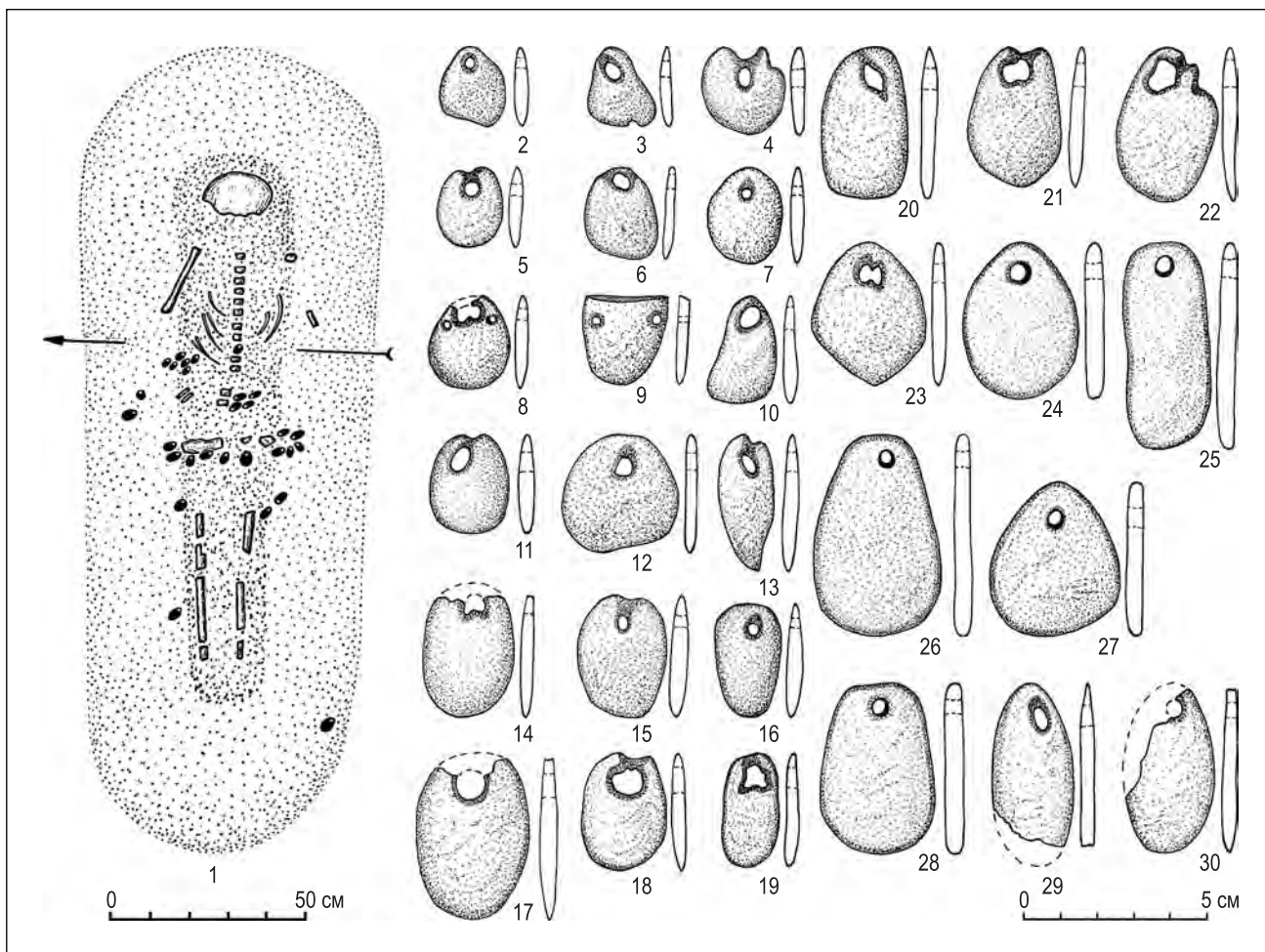

Рис. 7. Сахтыш VIII. 1 – прорисовка захоронения № 30; 2–23, 29, 30 – подвески из серпентина; 24–28 – подвески из сланца (рис. Е.Н. Ерофеевой, А.В. Уткина)

Хронология погребений

В литературе уже обосновывалась хронология сахтышских захоронений, основанная на данных радиоуглеродного датирования, планиграфических структур кладбищ, связанных с последовательностью их формирования, находках следов меди [14; 15; 16, с. 30, 36, 48, 50, 67]. Поэтому, не вдаваясь в излишние подробности, мы отметим лишь, что энеолитический бессистемный могильник Сахтыш II относится к финалу развития волосовской культуры. Основные аргументы в пользу этого: находка окислов меди на черепе погребённого № 7, радиоуглеродные даты, полученные по древесному углю из кострищ на ритуальной площадке кладбища: 3820 ± 40 (Je-2617), 3900 ± 40 (Je-2613) и 4190 ± 50 (Je-2615) ВР⁶. И, наконец, дата по костям грудной клетки погребённой № 18, в составе украшений которой была найдена и серпентиновая подвеска, – 4080 ± 60 ВР (ГИН-5239) [16, с. 36].

К несколько более раннему времени можно отнести захоронения с серпентином, совершённые на Сахтыше Па. В отличие от бессистемного расположения захоронений могильника Сахтыш II на Сахтыше Па была выявлена достаточно строгая рядовая структура, позволившая установить относительную хронологию совершения захоронений. Здесь первые два ряда захоронений (А и Б) относились к ранневолосовскому времени, и большинство их содержали янтарные украшения. Пять радиоуглеродных дат по костям из этих захоронений относят ранние погребения к интервалу 4800 ± 200 – 4540 ± 150 ВР [16, с. 48]. Погребения с серпентиновыми подвесками находились в следующих по хронологии рядах: В (№№ 7 и 13А) и Г (№№ 19, 21 и 24).

⁶ Все приводимые в статье даты не калиброваны.

По костям одного из погребений с серпентином из ряда В (№ 13А) была получена дата 4200 ± 240 ВР (ГИН-7189). К сожалению, попытка продатировать кости из захоронений ряда Г оказалась безуспешной [15, с. 35]. Однако, если валидной является дата погребения № 35 из следующего по хронологии ряда Д – 4080 ± 180 ВР (ГИН-7273) [15, с. 35], то совершение захоронений в ряду Г можно поместить в интервал 4200 ± 240 – 4080 ± 180 ВР, то есть фактически они предшествуют времени совершения захоронений на Сахтыше II. Возможно, с погребениями с серпентиновыми подвесками связано и «Святылище» № 2, которое, судя по углю со дна святилищной ямы, было сооружено около 4240 ± 160 ВР (ГИН-6787) [15, с. 35].

На Сахтыше VIII погребения с серпентином, возможно, были близки по времени к таковым на Сахтыше IIа или даже предшествовали им. Они располагались на участках могильника, относящихся к позднему (№№ 1, 9) и заключительному (№№ 23, 30) этапам его формирования [16, рис. 71]. Ни один костяк этого могильника не подвергался радиоуглеродному датированию, однако абсолютный возраст поздних захоронений можно определить по косвенным данным: они были совершены уже после того, как было заброшено жилище № V. Случилось это, по данным радиоуглеродного анализа углей, взятых из очажной ямы жилища, 4400 ± 60 л.н. (Le-1327). Жилище частично перекрывается могилами ряда Б, в котором находилось погребение № 9. Поэтому рассматриваемые нами захоронения можно датировать временем 4300 – 4200 ВР [16, с. 67].

Таким образом, погребения с серпентиновыми подвесками можно относить ко времени 4300 – 3800 ВР, то есть к кон. III – нач. II тыс. до н.э. (по традиционной хронологии – без учёта калиброванных значений).

Резцы сурка (Marmota bobak)

Одной из самых интересных и неожиданных находок являются резцы сурка. Они были обнаружены только на Сахтыше IIа в захоронениях №№ 21, 24 и 26. В 21-м и 26-м полуразрушенных захоронениях были найдены лишь единичные их экземпляры. Возможно, они были перемещены сюда грызунами с расположенного неподалёку 24-го костяка. Погребение № 24 – единственное, где в погребальном инвентаре присутствовали одновременно и серпентиновые подвески, и резцы сурка.

Резцы располагались в районе таза и верха бедренных костей (рис. 6). Всего были идентифицированы 40 достаточно хорошо сохранившихся резцов, а также более 20 сравнительно мелких фрагментов. В ходе анализа выделялись резцы из нижней и верхней челюстей, а также определялась их принадлежность к правой или левой стороне челюсти, чтобы можно было подсчитать индивидуальное число особей. Зубы из нижней челюсти были крупнее, чем верхние. Было довольно точно определено количество зубов с левой и правой сторон как из нижней, так и из верхней челюстей (15 dex -; 14 sin -; 5 sin +; 6 dex +) (рис. 8). Таким образом, минимальное количество особей может быть оценено до 15. Количество особей могло быть выше, но плохое состояние зубов не позволяет дать более точную оценку. Были попытки выявить резцы с левой и правой сторон, принадлежащие одной особи, но из-за плохого состояния материала это оказалось невозможным. Возраст и пол сурков оценить не удалось.

Принимая во внимание чётное количество зубов, происходящих из нижней и верхней челюстей, можно предположить, что зубы прикреплялись к одежде попарно. Однако на зубах сурков не было обнаружено

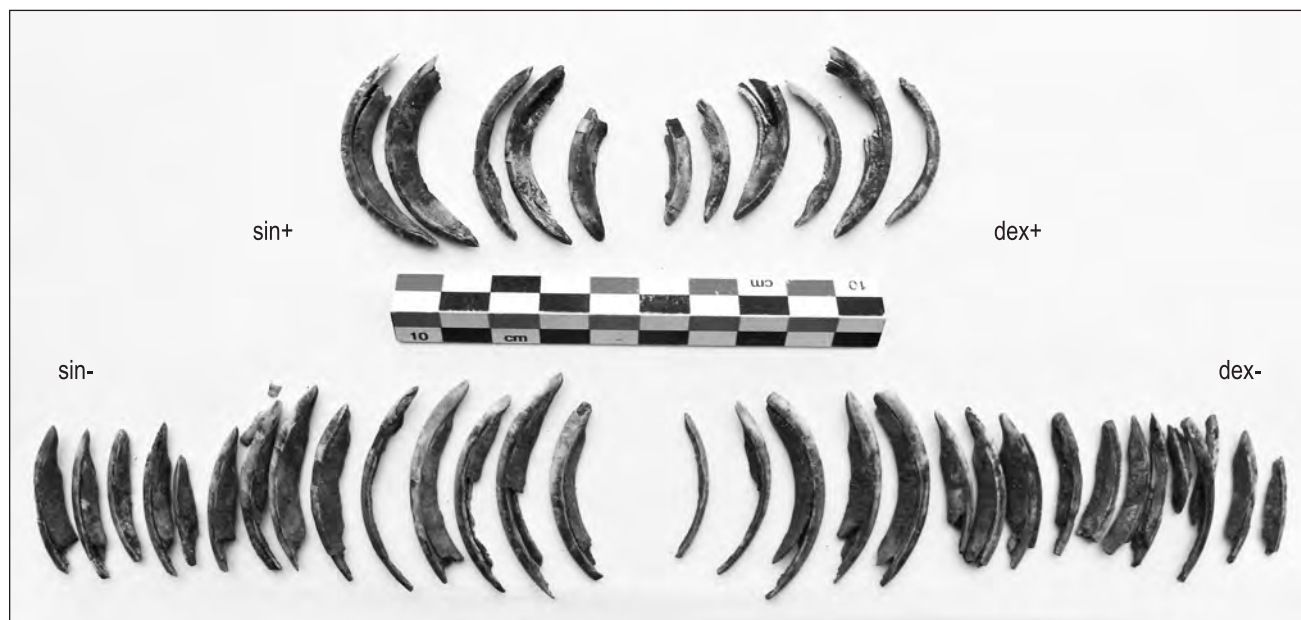

Рис. 8. Сахтыш IIа. Погребение № 24. Резцы сурка из захоронения (фото А. Мацане)

перфорации или рабочих меток, указывающих на возможность шивания зубов с одеждой. Возможно, они крепились с помощью какого-то клеящего вещества, следы которого видны на их поверхности.

Декоративные свойства зубов сурка (форма и оранжевый/красноватый цвет) могли быть одной из причин их использования. Отсутствие находок других костей сурка аргументирует декоративный аспект их применения⁷. Вероятно, мех сурка был достаточно ценен, и использование резцов сурка в одежде могло быть свидетельством навыков охотника. На сурков охотились не только из-за шкурки, они могли быть и источником пищи.

Основная территория обитания сурка – степи и лесостепи Евразии. Он также встречается в Беларуси. Сейчас наиболее часто этот вид обитает в разбросанных колониях по рекам Дон и Донец, а также на Среднем и Южном Урале, в степях Северного Казахстана. Однако современный ареал составляет лишь часть обширной территории, ранее населённой М. bobak [28; 29].

Охота на сурка распространена с древних времён и практикуется до сих пор. Однако сурок, наряду с чёрной крысой, является природным носителем возбудителя бубонной чумы. Случаи заражения чумой от сурков известны и в настоящее время. Так, в 2013 г. в Киргизии от бубонной чумы умер заразившийся от сурка 15-летний подросток. В 2015–2016 гг. в Республике Алтай были зарегистрированы два случая заболевания бубонной чумой в результате разделки туш сурков [30].

В своё время нами отмечалась как возможная причина исчезновения волосовской культуры привнесение пришедшими на территорию волосовцев племенами фатьяновской культуры какой-то инфекции, вызвавшей эпидемию и массовую гибель населения, которая отмечена появлением коллективных захоронений [12; 31]. Это могла быть и чума, учитывая то, что присутствие бубонной чумы, начиная от 5000 лет назад, было зафиксировано на материалах погребений культуры шнуровой керамики, унетичкой, афанасьевской, андроновской, синташтинской культур на обширных пространствах Евразии – от Восточной Прибалтики до Зауралья [32].

Однако в свете вышеизложенного мы можем также предположить, что бубонная чума могла быть привнесена на заключительных этапах развития волосовской культуры из полустепных и степных регионов. А фатьяновцы пришли на уже в значительной мере освободившуюся от волосовского населения территорию. Конечно, это предположение может быть подтверждено или опровергнуто лишь проведением специальных исследований (ДНК-диагностики) на предмет выявления причин смерти волосовцев, погребённых в коллективных могилах.

Аналоги

Ближайшие аналоги инвентарю рассмотренных сахтышских захоронений мы находим в могильниках Республики Татарстан. Прежде всего, это Тенишевский и II Мурзихинский могильники. Первый из них мы рассматриваем как погребальный памятник поздней стадии развития культур с пористой керамикой лесной зоны Восточной Европы, относящийся к гаринско-борской группировке лесного энеолита. Его можно датировать временем посл. четв. III тыс. до н.э. (по традиционной хронологии, без учёта калиброванных дат) [33, с. 103–104]. Среди погребального инвентаря Тенишевского могильника присутствуют многочисленные подвески из серпентина [34–36]⁸. Эти подвески, среди которых преобладают аморфные с протёртыми от длительного ношения, иногда сломанными или переформленными отверстиями, ближе всего напоминают подвески из сахтышских захоронений. Вместе с тем, на Сахтыше, как и в Тенишеве, присутствуют подвески хорошо выраженных форм: каплевидные, округлые с отверстием в центре, удлинённые с двумя отверстиями на концах.

Подвески из серпентина (95 экз.) были обнаружены также в энеолитических погребениях II Мурзихинского могильника, хотя сама погребальная обрядность отличается от таковой в культурах с пористой керамикой. Серия радиоуглеродных дат по костям погребённых уводит его в сер. – 2-ю пол. IV тыс. до н.э. [37, с. 370, 371]⁹.

Кроме того, серпентиновые подвески были найдены в одиночных пещерных могилах Южного Урала: в захоронении мужчины в Бурановской пещере (35 экз.) и в женском погребении в навесе Старичный Гребень (15 экз.). Они все чёткой каплевидной формы с небольшим просверлённым отверстием, не имеющем, в отличие от сахтышских украшений, следов протёртости от длительного ношения [38]. Видимо, они были изготовлены незадолго до совершения захоронений. Не совсем ясным остаётся время совершения этих захоронений. В литературе представлены разные точки зрения на их хронологию: мезолит [39, с. 44; 40, с. 131], поздний неолит – энеолит [38, с. 131–137; 41; 42]. Более убедительным нам кажется отнесение подобных погребений к позднему неолиту/энеолиту.

И, наконец, единичные серпентиновые подвески были найдены в захоронениях Южного Зауралья: в погребении Березки Vг и в Кумышанской пещере [43; 44, с. 136, рис. 4: 10; с. 139, 140; 45, с. 7, рис. 2: 4].

⁷ В остеологических коллекциях с Сахтышских стоянок отсутствуют кости сурка. Определения выполнялись В.П. Данильченко и представлены в отчётах по результатам исследований Сахтышских стоянок, хранящихся в научном архиве ИА РАН.

⁸ Общее число каменных подвесок, включая серпентиновые, около 150 экз.

⁹ Лишь 1 дата из 10, а именно – по костям из захоронения № 90 (4000±200 BP), близка к датам волосовских погребений с серпентиновыми подвесками с Сахтыша.

Необходимо также отметить, что подвески из серпентина время от времени обнаруживались и на поселениях. Так, небольшая серия их была найдена в культурном слое стоянки Водыш (Костромская область), куда они, вероятнее всего, попали из разрушенных в древности захоронений [46]¹⁰. Единичные подвески были найдены на поселениях Марийского Поволжья: Сутырское Па, Мазарское, Баркужерское III, Кривое озеро, Большая гора, – а также на Майданской стоянке¹¹. Известна подобная подвеска на поселении Муллино III на Южном Урале [47, с. 56].

Резцы сурка были обнаружены в ряде захоронений Татарстана и Южного Урала. Так, они были найдены в погребениях V Меллятамакского и Русско-Шуганского могильников на территории Татарстана [48; 49]¹². На V Меллятамакском могильнике единичные и немногочисленные резцы сурка были обнаружены в инвентаре трёх погребений каменного века (№№ 9, 14, 15). Сам погребальный ритуал сопровождался приношением “даров”, созданием жертвенных ям, возжиганием огня, в котором сгорали приносимые дары. Заметим, что это очень напоминает погребальную обрядность населения волосовской культуры на финальной стадии её развития, зафиксированную в могильниках Верхнего Поволжья и Поочья Сахтыш II и Володары [16].

В одиночном Русско-Шуганском захоронении находились более 50 резцов байбака [49, с. 173, рис. 8].

Два десятка резцов сурка были найдены в одиночном детском захоронении II Усть-Катавской пещеры на Южном Урале [38, с. 116].

Что касается датировки вышеупомянутых захоронений, необходимо отметить отсутствие единого мнения. Так, О.Н. Бадер склонен был относить одиночные погребения южноуральских пещер к позднему неолиту или энеолиту [41, с. 108]. Е.П. Казаков первоначально не исключал возможность датирования Русско-Шуганского захоронения развитым неолитом [49, с. 176]. Впоследствии эта датировка была им пересмотрена в сторону удревления, и погребение было отнесено к раннему неолиту [48, с. 46].

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что появление восточных элементов в захоронениях Сахтышских могильников можно связать с инфильтрацией в пределы волосовской культуры Волго-Окского междуречья на заключительных этапах её развития определённой части населения из районов, расположенных к востоку от Сахтыша (Среднее Поволжье, Приуралье). Зачем шли в Волго-Окское междуречье люди, среди украшений которых были серпентиновые подвески, нашивки из резцов сурка, горный хрусталь? Это могло быть связано и с экзогамными браками, и с эпидемиями, от которых люди вынуждены были бежать, и с поиском пропитания из-за сокращения пищевых ресурсов в зоне их обитания, а возможно, и с какими-то иными причинами.

¹⁰ Коллекция из раскопок И.В. Гавриловой не опубликована, хранится в ИИМК РАН.

¹¹ Сообщение В.В. Никитина.

¹² Имеется упоминание о костях сурка в погребениях II Мурзихинского могильника, однако неясно, были ли среди них резцы [37, с. 367].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крайнов Д.А. Стоянка и могильник Сахтыш VIII // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
2. Крайнов Д.А., Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Льяловские погребения на стоянке Сахтыш II // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 4. Иваново, 1990.
3. Крайнов Д.А., Уткин А.В. Погребения на стоянке Сахтыш I // КСИА. Вып. 203. 1991.
4. Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Уткин А.В. Погребения и ритуальные комплексы на стоянке Сахтыш Па // Археологические вести. № 2. СПб., 1993.
5. Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Уткин А.В. Могильник и «святилище» на стоянке Сахтыш ПА // РА. 1994. № 2.
6. Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Краткая характеристика антропологических типов эпохи первобытности на территории Ивановской области // Проблемы отечественной и зарубежной истории: Тезисы докладов. Иваново, 1998.
7. Неолит лесной полосы Восточной Европы (Антропология Сахтышских стоянок) / Т.И. Алексеева, Р.Я. Денисова, М.В. Козловская, Е.Л. Костылева, Д.А. Крайнов, Г.В. Лебединская, А.В. Уткин, В.Н. Федосова. М., 1997.
8. Уткин А.В., Костылёва Е.Л. Волосовские погребальные «святилища» Сахтышских стоянок // Каменный век европейских равнин: Объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры. Сергиев Посад. 1–5 июля 1997 г. Сергиев Посад, 2001.
9. Костылева Е.Л., Уткин А.В. Археологическая периодизация Сахтышских краниологических серий эпохи нео-энеолита // III Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. М., 1999.
10. Костылева Е.Л., Уткин А.В. Волосовские погребения с янтарем могильника Сахтыш ПА // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.
11. Уткин А.В., Костылёва Е.Л. «Рождение» и «гибель» волосовской культуры // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка (13–16 ноября 2006 г.). Липецк, 2006.
12. Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Погребальные комплексы эпохи первобытности на Сахтышском торфянике // Вестник Ивановского государственного университета. Иваново, 2008. Вып. 4.
13. Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Хронология погребального обряда волосовской культуры на территории Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. М., 2008.
14. Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Радиоуглеродная хронология нео-энеолитических погребений на стоянке Сахтыш-ПА // Вестник Ивановского государственного университета. Иваново, 2009. Вып. 4.
15. Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: Планиграфические и хронологические структуры. М., 2010.

17. Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Волосовские ритуальные клады в составе погребальных комплексов (хронология и типология) // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. I. Тверь, 2011.
18. Piezonka, H., Kostyleva, E., Zhilin, M., Dobrovolskaya, M., Terberger, T. Flesh or Fish? First Results of Archaeometric Research of Prehistoric Burials from Sakhtysh Iа, Upper Volga Region, Russia // Documenta Praehistorica. Vol. XL. 2013.
19. Костылева Е.Л., Уткин А.В. Проблема пространственно-хронологического соотношения поселений и могильников волосовской культуры (по материалам поселений Сахтыш II, IIА и VIII) // Археология озерных поселений IV–II тыс. до н.э.: хронология культур и природно-климатические ритмы. СПб., 2014.
20. Костылева Е.Л., Уткин А.В. История и основные результаты изучения поселения и могильника Сахтыш IIА // Самарский научный вестник. Самара, 2014. № 4 (9).
21. Костылёва Е.Л., Трейло Ж. (Treuillot J.), Уткин А.В. Костяной инвентарь льяловских захоронений могильника Сахтыш IIа (Из фондов археологического музея ИВГУ) // Вестник Ивановского государственного университета. Иваново, 2015. Вып. 4 (15).
22. Эгватова А.В., Добровольская М.В., Костылева Е.Л. Изотопные характеристики индивидов из погребений неолитического могильника Сахтыш-2а: данные к реконструкции питания // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 11. М., 2015.
23. Никитин А.Л. Существовала ли «волосовская культура»? // СА. 1974. № 2.
24. Третьяков В.П. В защиту единства волосовских древностей (По поводу статьи А.Л. Никитина «Существовала ли волосовская культура?») // СА. 1975. № 4.
25. Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Керамика восточно-прибалтийского типа на поселении Ивановское VII // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново, 1998.
26. Каталог минералов // <http://www.catalogmineralov.ru>.
27. Минералы и горные породы России и СССР // <http://www.ecosystema.ru/08nature/min>
28. Ognev, S. Mammals of U.S.S.R. and Adjacent Countries-Rodents. Volume 5. Jerusalem: Israel Program for Scientific Translations. 1963.
29. Nowak, R. Walkers Mammals of the World. Baltimore and London, 1999.
30. Рыкова А. Бубонная чума на Алтае. Кому ещё угрожает чёрная смерть? // <http://www.grso.ru/articles/bubonnaya-chuma-nal-tae.-komu.html>
31. Уткин А.В., Костылева Е.Л. К вопросу о волосовских коллективных погребениях // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
32. Rasmussen, S., Allentoft, M.E., Nielsen, K., Orlando, L., Sikora, M., Sjögren, K.-G., Pedersen, A.G., Schubert, M., Van Dam, A., Kapel, S.M.O., Nielsen, H.B., Brunak, S., Avetisyan, P., Epimakhov, A., Khalyapin, M.V., Gnani, A., Kriiska, A., Lasak, I., Metspalu, M., Moiseyev, V., Gromov, A., Pokutta, D., Saag, L., Varul, L., Yepiskoposyan, L., Sicheritz-Pontén, T., Foley, R.A., Mirazón Lahr, M., Nielsen, R., Kristiansen, K., Willerslev, E. Early Divergent Strains of Yersinia Pestis in Eurasia 5,000 Years Ago. Cell. 2015. 163 (3).
33. Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Тенишевский могильник: Хронология и культурная принадлежность // Материалы по истории и археологии России. Т. I. Рязань, 2010.
34. Габяшев Р.С., Беговатов Е.А. Тенишевский («Сорокин Бугор») энеолитический могильник (предварительная публикация) // Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1984. (Археология и этнография Марийского края. Вып. 8)
35. Габяшев Р.С. Новые материалы с Тенишевского могильника // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань, 1992.
36. Габяшев Р.С. Энеолит Нижнего Прикамья // Очерки археологии Татарстана: Учебное пособие для студентов вузов и учителей истории. Казань, 2001.
37. Чижевский А.А. Погребения эпохи энеолита Мурзихинского II могильника // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. М., 2008.
38. Бибииков С.Н. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала // СА. Т. XIII. 1950.
39. Сериков Ю.Б. Шаманские погребения Зауралья // Вопросы археологии Урала. Вып. 23. Екатеринбург, 1998.
40. Сериков Ю.Б. Очерки по первобытному искусству Урала. Нижний Тагил, 2014.
41. Бадер О.Н. Неолитическое погребение в гроте у Каменного Кольца и его аналоги // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
42. Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург, 1999.
43. Шорин А.Ф. Доандроновское погребение могильника Березки Vг в горно-лесном Зауралье // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991.
44. Сериков Ю.Б. Произведения первобытного искусства с восточного склона Урала // Вопросы археологии Урала. Вып. 24. Екатеринбург, 2002.
45. Сериков Ю.Б. Необычное коллективное погребение эпохи неолита в Кумышанской пещере (Средний Урал) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2013. № 2 (21).
46. Уткин А.В. Ещё раз о погребениях на стоянке Водыш // Вестник Костромской археологической экспедиции. Вып. 1. Кострома, 2001.
47. Матюшин Г.Н. Поселение Муллино III в Приуралье // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.
48. Казаков Е.П. Памятники эпохи камня в Закамье. Казань, 2011.
49. Казаков Е.П. Неолитические погребения в восточных районах Татарии // СА. 1978. № 2.

**ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»,
Иваново**

**Гётеборгский университет,
Гётеборг, Швеция**

E.L. Kostylyeva, A.V. Utkin, A. Macane

“ORIENTAL TRACE” IN ENEOLITHIC GRAVES AT SAHTYSH BURIAL GROUNDS

Summary

In materials from the tombs belonging to the Volosovo culture, namely the burial grounds of Sahtysh II, IIa and VIII, the “Eastern trail” can be traced in the form of pendants made of serpentine, the incisors of the steppe marmot (*Marmota bobak*) and mountain crystal. The authors believe that the appearance of these elements is associated with infiltration (at the late and final stages of development of the Volosovo culture) of the population from the areas located to the East of the Volga-Oka interfluvium (the Middle Volga region, the Urals). The collective graves relate to the final stages of the development of the culture; they are probably connected with the spread of the epidemic of bubonic plague. The natural host of the pathogen of this disease is the steppe marmot (*Marmota bobak*). However, to substantiate this hypothesis it is necessary to conduct the deoxyribonucleic acid (DNA) test to identify the cause of death of the buried.

*Ivanovo State University,
39, Ermaka St., Ivanovo, 153025,
Russia*

*E.L. Kostylyeva – E-mail: elkos-ty-le-va@mail.ru
A.V. Utkin – E-mail: u-two55@mail.ru*

*University of Gothenburg,
Department of Historical Studies,
Rennströmsgatan 6,
Box 200, 405 30 Göteborg,
Sweden*

A. Macane – E-mail: aija.macane@gu.se

А.С. Желудков, Р.В. Смольянинов, А.А. Свиридов

ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ ВАСИЛЬЕВСКИЙ КОРДОН 1 НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

Грунтовые погребения эпохи бронзы – достаточно редкий вид археологических памятников. Всего на территории Верхнего Подонья известны 15 грунтовых могильников (около 30 погребений) [1]. Одним из них является могильник на поселении Васильевский Кордон 1 (рис. 1). Ему и посвящена данная публикация.

Памятник Васильевский Кордон 1 обнаружен осенью 2005 г. Р.В. Смольяниновым на пойменном останце правого берега реки Воронеж (левый приток р. Дон) в Добровском районе Липецкой области [2]. Он многослойный, содержит материалы от неолита до XVII–XVIII вв. н.э. К сожалению, из-за тонкости и супесчаной основы культурного слоя на нём не выявлены стратиграфически выраженные напластования, с которыми можно было бы соотнести материальные остатки различных культур. К настоящему времени исследованная площадь на поселении составляет 258 кв. м [2; 3], в её пределах изучены шесть погребений, однако нами будут рассмотрены только пять из них (рис. 2). Погребение 2 предположительно относится к русскому времени и в данном случае выходит за рамки темы нашего исследования.

Погребение 1 находилось в неглубокой овальной яме размерами 1,0×0,7 м, вытянутой по линии восток – запад (рис. 3:1). Мы считаем, что к этому погребению имеют отношение два сосуда. Первый из них (сосуд 1 – рис. 3: 3) – миниатюрный, баночной формы, с округлым, слегка уплощённым дном. Поверхность его – тёмно-коричневая, тщательно залощена. Он орнаментирован слабопрочерченными линиями, сформированными в вертикальную ёлочку, и вдавлениями торцевой части размочаленной палочки, композиция которых напоминает полуфестоны. В его тесте присутствуют как примесь песок и незначительное количество органики. Он был выявлен на 23 см выше уровня могильной ямы, у её восточной части. В свою очередь, над этим сосудом зафиксировано пятно охры диаметром около 10 см.

Верхняя часть второго сосуда (сосуд 2 – рис. 3: 2) возвышалась над уровнем заполнения ямы в её юго-восточной части. Однако в отличие от первого он был поставлен на дно могильной ямы. Горшок – с плавно отогнутым невысоким горлом и небольшим плоским дном. Край венчика закруглён, под ним нанесён горизонтальный ряд отпечатков короткого гребенчатого штампа. Тулово – яйцевидное, украшено шестью рядами отпечатков узкого длинного гребенчатого штампа, образующих горизонтальную ёлочку. По форме и орнаментации сосуд соотносится со среднедонской катакомбной культурой.

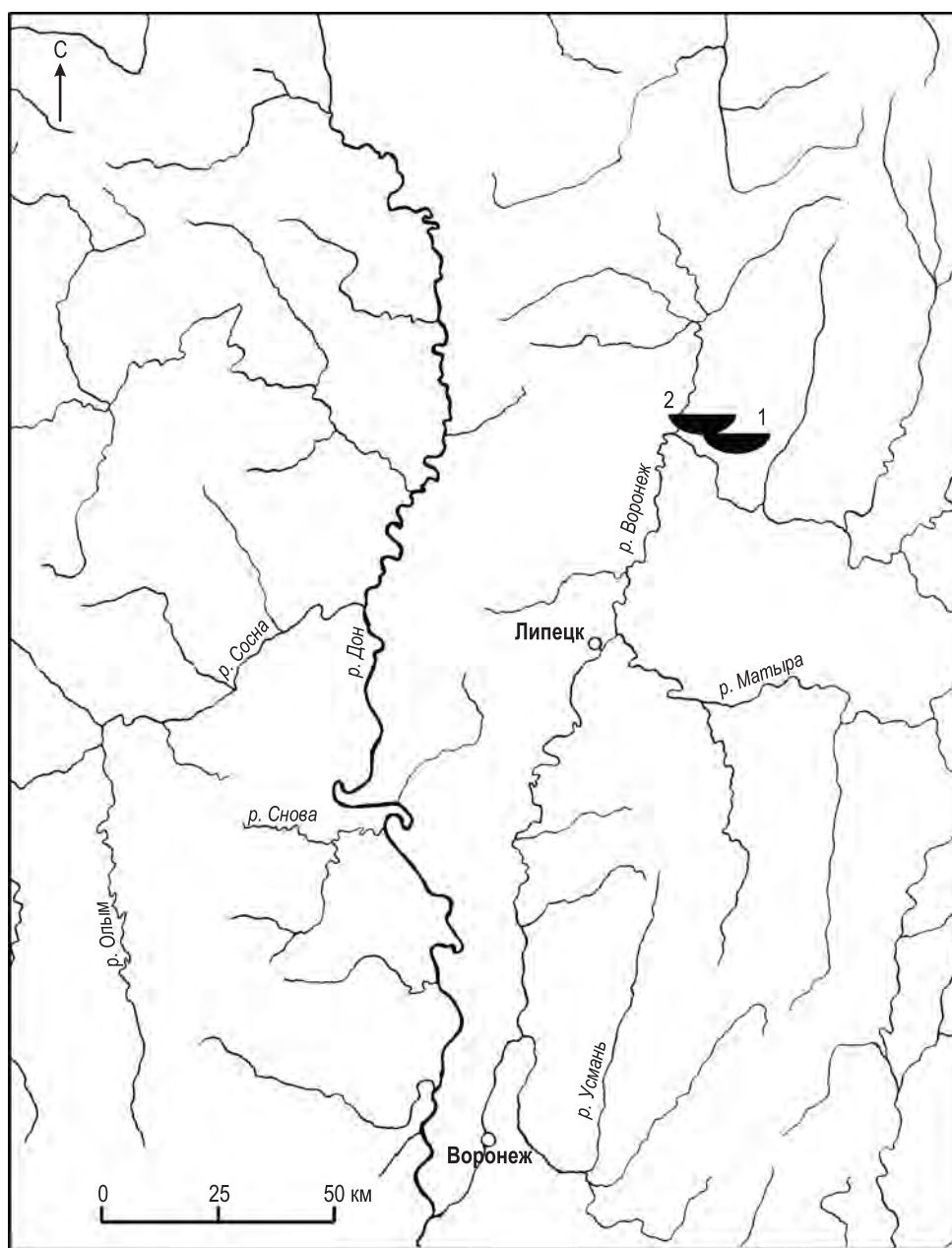
Сохранность костей плохая. По эмали зубов возраст индивида определён в 16–20 лет. Судя по месту выявления их и фрагментов костей, погребённый был ориентирован головой на восток.

Погребение 6 находилось в полутора метрах южнее погребения 1 (рис. 2). Нами был обнаружен развал сосуда, имеющий отношение к погребению, изначально не прослеженному. Кости скелета не сохранились, а яма практически не была заглублена в материк, вследствие чего не фиксировалась. Сосуд имеет вытянутые пропорции, он профилированный, с коническим округлым дном (рис. 3: 4). Внешняя поверхность его серо-коричневого цвета, хорошо залощена, внутренняя также подлощена и имеет следы расчёсов. Шейка сосуда орнаментирована поясом из горизонтальной ёлочкой, составленной из отпечатков короткого гребенчатого штампа, по плечу идёт опоясывающий ряд вдавлений, выполненных полой костью. Ниже – ещё один пояс из горизонтальной ёлочкой, завершают орнаментальную композицию четыре параллельных ряда вдавлений короткого гребенчатого штампа, доходящих до середины тулова.

Технико-технологический анализ показал, что сосуд выполнен в фатьяновской технике на форме-основе. В качестве строительных элементов использовались небольшие лоскуты 2×2, 2×3 см, которые накладывались по траектории, близкой к спиралевидной. В тесте имеется примесь навоза жвачных животных и «шамота» из намеренно обожжённой для этой цели глины.¹

Миниатюрный сосуд из погребения 1 не подвергался технико-технологическому анализу из-за невозможности сделать это неразрушающим его способом. Тем не менее важно отметить, что по внешним признакам (цвет поверхностей, лощение, следы заглаживания на внутренней поверхности) он схож с сосудом из погребения 6. Кроме того погребения 1 и 6 расположены в непосредственной близости друг от друга, и,

¹ Все определения сделаны научным сотрудником Липецкого областного краеведческого музея А.А. Куличковым.

Грунтовые могильники с фатьяновско-балановскими элементами обрядности:
 1 – Васильевский Кордон 1; 2 – Буховое 9

Рис. 1. Карта грунтовых могильников с фатьяновско-балановскими элементами обрядности на Верхнем Дону

судя по всему, могильные ямы были одинаково ориентированы (запад – восток) и впушены с одного уровня [2, рис. 178]. На этом основании мы можем предположить синхронность этих погребений, а результаты технико-технологического анализа свидетельствуют о фатьяновско-балановском влиянии на население, оставившее эти захоронения. Вопрос же об их абсолютной датировке остаётся открытым.

Погребение 3 – среднедонской катакомбной культуры. Выявлено в овальной яме, неравномерно углублённой в материк: в северной части на 17 см, в южной – на 2–5 см. Оно ориентировано почти по линии северо-восток – юго-запад. В восточной части яму перекрывала аморфная в плане линза охры размерами 50×52 см, толщиной 4 см (рис. 4). Костяк сильно разрушен, по сохранившимся костям можно определить, что погребённый – мужчина 40–50 лет, лежал на правом боку, головой на юго-запад, ноги согнуты в коленях. В районе живота, у несохранившихся рук, находился развал сосуда (рис. 5: 4). Сосуд плоскодонный, горш-

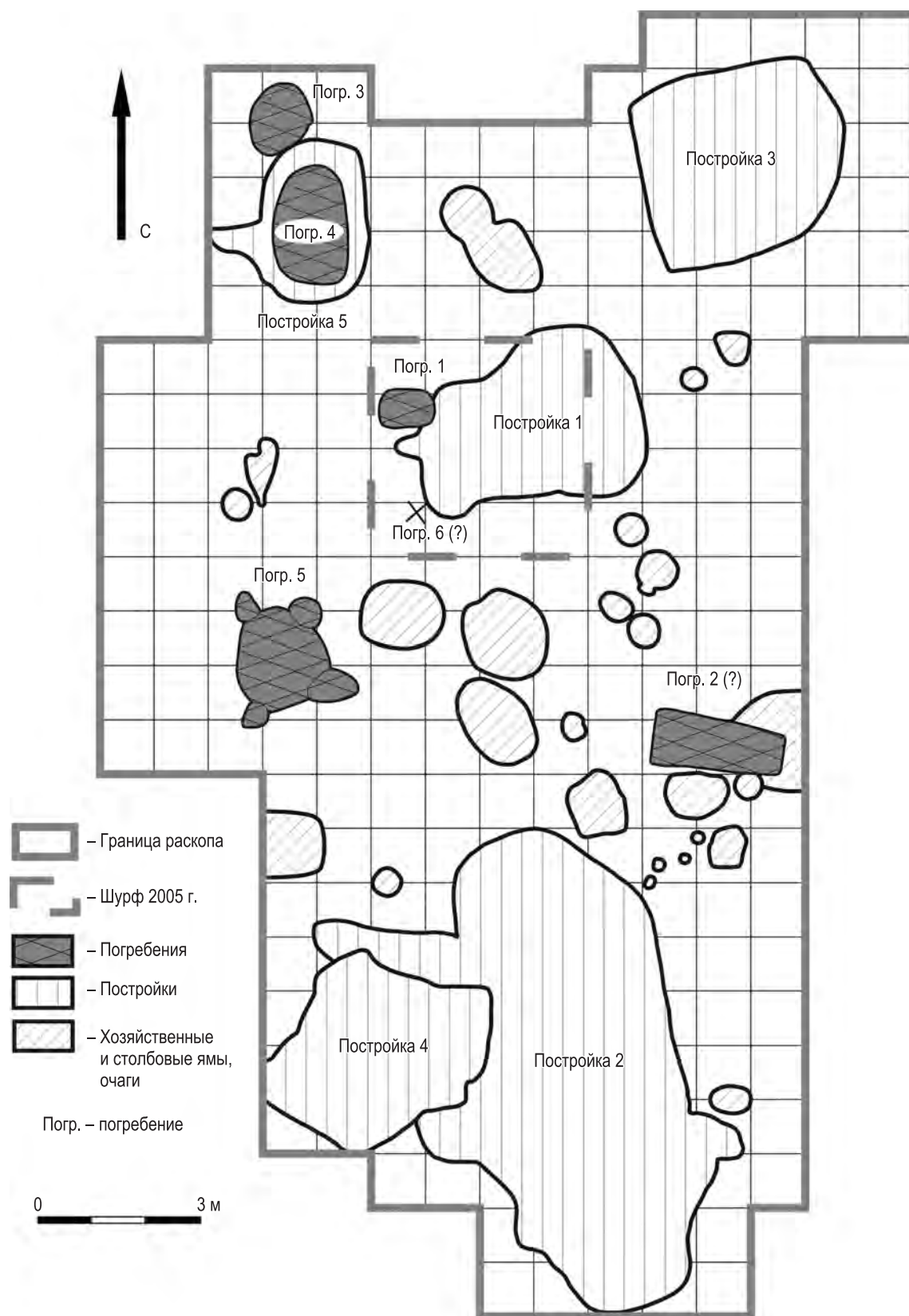

Рис. 2. Общий план памятника Васильевский Кордон 1. Месторасположение погребений в раскопе

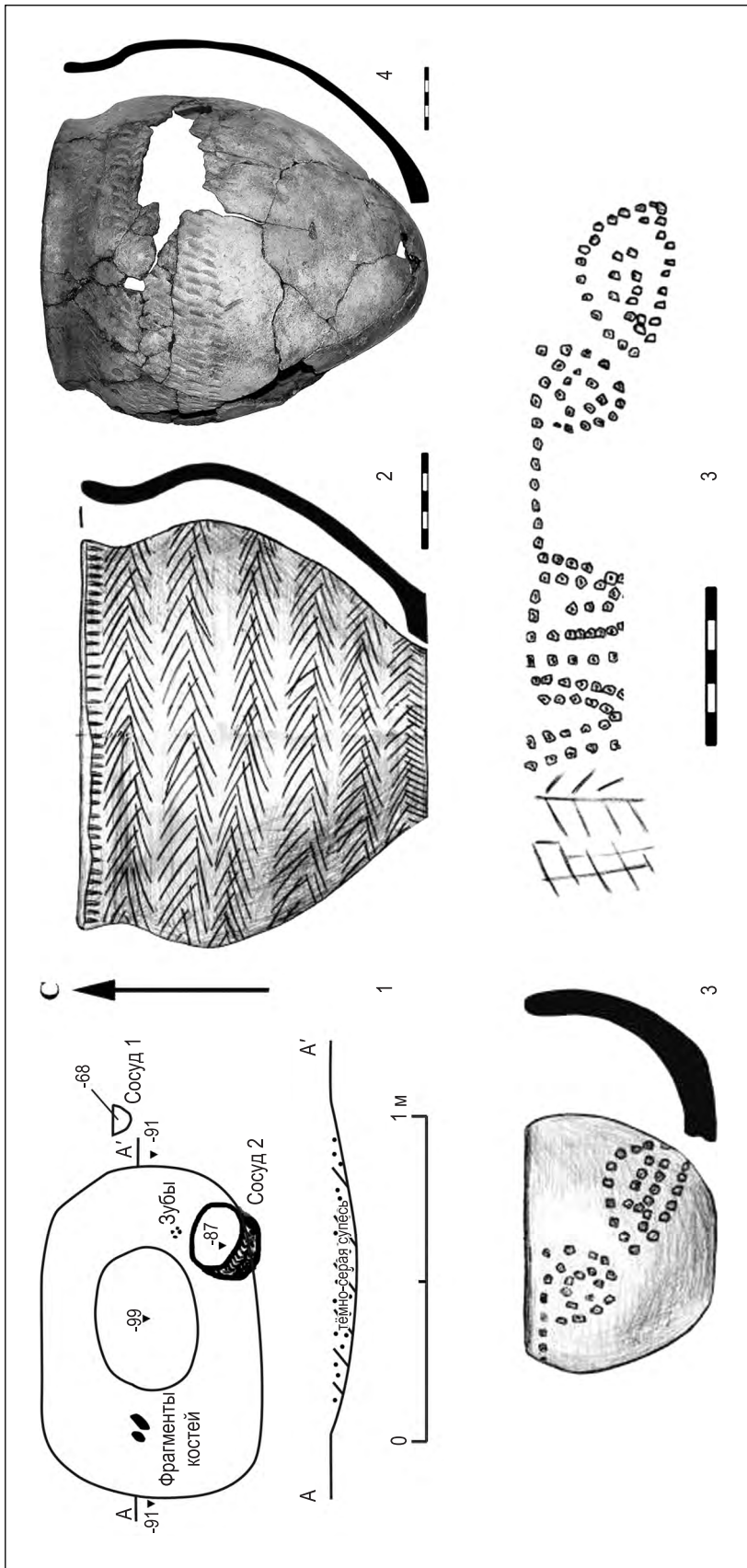

Рис. 3. Памятник Васильевский Кордон 1. 1 – план и разрез погребения 1; 2 – сосуд 2 из погребения 1 и прорисовка орнамента на нём; 3 – сосуд 1 из погребения 1 и прорисовка орнамента на нём; 4 – сосуд из погребения 6

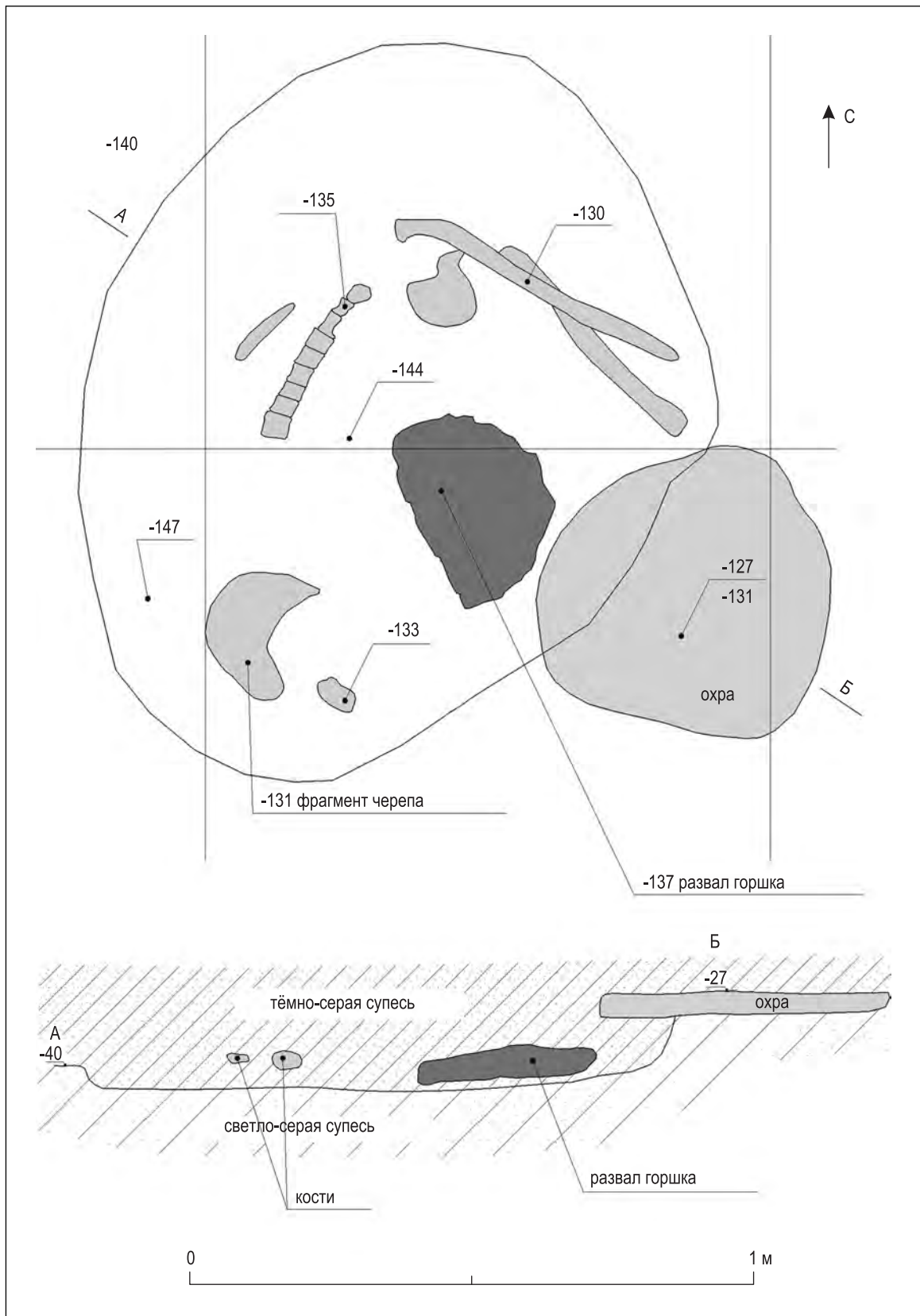

Рис. 4. Памятник Васильевский Кordon 1. Погребение 3: план и разрез

ковидной формы, с невысоким поддоном, с небольшой, почти прямой шейкой и яйцевидным туловом. По краю венчика он украшен горизонтальным рядом оттисков слегка наклонённого вертикального трёхзубого гребенчатого штампа. Ниже, по венчику и шейке, нанесены три горизонтальных ряда отпечатков верёвочки, в некоторых местах визуальнo почти не фиксируемых. Возможно, орнамент наносился по уже подсушенному тесту. Верхняя часть тулова также декорирована верёвочкой, но составленные попарно оттиски длиной 3,5–5 см расположены вертикальнo. Средняя и нижняя части тулова орнаментированы отпечатками узкого длинного гребенчатого штампа, сформированными в ёлочную композицию (4 ряда). Придонная часть украшена рядом оттисков длинного узкого гребенчатого штампа, поставленного вертикальнo с незначительным наклоном. Поверхности – светло-коричневые, в тесте прослежена примесь песка и мелкого шмота. Снаружи горшок хорошо заглажен, тогда как изнутри отчётливо видны гребенчатые расчёсы.

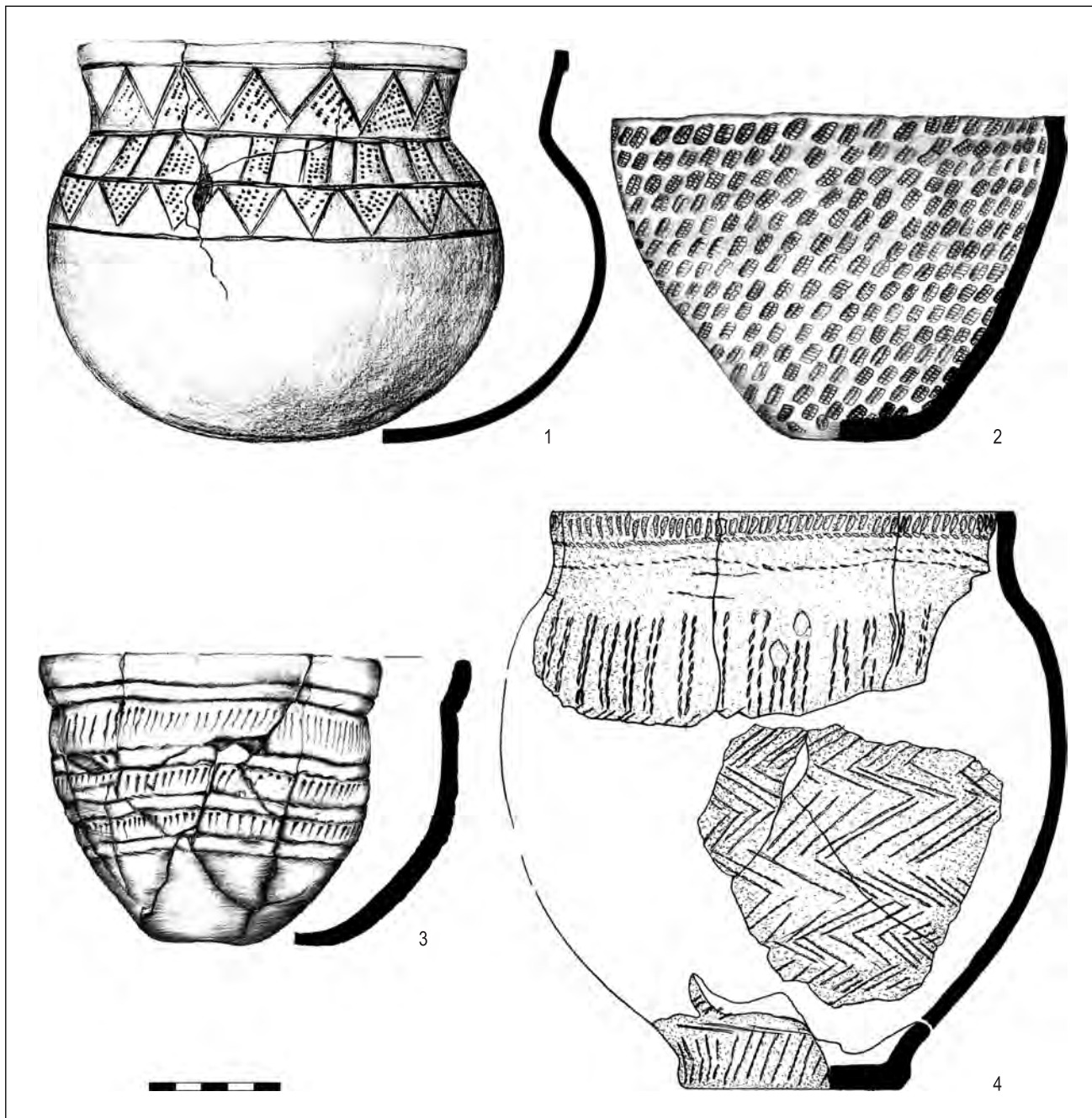

Рис. 5. Памятник Васильевский Кордон 1.
1–3 – сосуды из погребения 4; 4 – сосуд из погребения 3

По костям человека из погребения была получена радиоуглеродная дата – 4245±70 BP (3023–2621 cal BC; OxCal-4.2) (SPb-2073), что не противоречит тем немногим датам, которые получены по древностям среднедонской катакомбной культуры к настоящему моменту [4; 5, с. 7–8; 6, с. 158–159].

Погребение 4 представляет особый интерес. Оно перерезало в центральной части неолитическую постройку 5 льяловской культуры и ориентировано по линии север – юг. Нами прослежены остатки ямы размерами 2,15×1,36 м, глубина её составляла 0,5 м (рис. 6). На дне ямы в юго-восточной части находился небольшой сосуд высотой 10,5 см, диаметром венчика и днища 13 и 4 см соответственно. Он вылеплен достаточно грубо, форма асимметрична (рис. 5: 3). Цвет его – коричневый, снаружи и изнутри поверхности тщательно заглажены. Орнаментирован восемью горизонтальными рядами верёвочных отпечатков, составленных попарно, между которыми нанесены три горизонтальных ряда вертикальных оттисков гладкого штампа. Точные аналоги ему нам не известны, но интересен тот факт, что способ его конструирования напоминает фатьяновский. Его элементы – более крупные, не накладывались на форму-основу, а примазывались от венчика ко дну (ёмкостно-донный способ). Сырьё сильно запесоченное, без примесей. На наш взгляд, он, подобно сосуду из погребения 6, представляет некий гибрид, ведь ни его форма, ни состав теста не характерны для керамики фатьяновско-балановского типа, при том что способ конструирования схож с фатьяновским.

Сверху над северо-западной частью могильной ямы находился сосуд фатьяновско-балановского облика (рис. 5: 1) высотой 17 см, максимальным диаметром тулова 19,5 см, диаметром верха 16,5 см, с высокой, плавно отведённой от шарообразного тулова шейкой и округлым днищем. Сосуд в верхней части (венчик, шейка и верхняя часть тулова) разделён на 3 зоны, орнаментированные четырьмя прочерченными горизонтальными линиями. Между двумя верхними и двумя нижними линиями прочерками нанесены разнонаправленные вершинами треугольники-фестоны, заполненные точками, составленными в косо-вертикальные ряды по 4–8 точек в каждом. По шейке сосуда треугольники расположены вершинами вверх, а по тулову – вниз. Между средними горизонтальными линиями были нанесены вертикальные прочерки, которые образывали прямоугольники. В свою очередь, прямоугольники также были заполнены точками, составленными в вертикальные ряды. Поверхности сосуда тёмно-коричневые, залощены, изнутри видны крупные гребенчатые заглаживающие расчёсы, в тесте – примесь шамота. Толщина стенок – 6–8 мм. Сосуд располагался над могильной ямой и, возможно, связан с тризной, совершённой после погребения покойного.

Третий горшок по ряду признаков соотносится с иванобугорской культурой. Он яйцевидной формы со слегка уплощённым дном (рис. 5: 2). Диаметр его по венчику 15,4 см, высота 10,5 см, толщина стенок от венчика к днищу увеличивается от 0,6 до 0,8 см. Тесто сосуда плотное, содержит примесь песка и органики. Срез венчика уплощён. Поверхности снаружи и изнутри хорошо заглажены. Он украшен горизонтальными рядами отпечатков слегка наклонённого рамчатого штампа. Внутри горшка сохранилось небольшое количество нагара. Исходя из того, что этот сосуд находился у южного края могильной ямы и постройки 5, принадлежность его к данному захоронению не бесспорна. С другой стороны, нельзя исключать и того, что он был частью тризны. Подтверждением этого является тот факт, что все выявленные на памятнике целые сосуды соотносятся с каким-либо погребением.

Кости погребённого сохранились фрагментарно и не могут дать представления ни о положении его в могильной яме, ни о возрасте и поле. По ним была получена радиоуглеродная дата – 3563±55 BP (2037–1747 cal BC; OxCal-4.2) (SPb-2098).

Ближайшим аналогом этого погребения может рассматриваться исследованное в 1990 г. Б.А. Фоломеевым «захоронение с сосудами» на поселении Буховое 9, находящемся на пойменном острове правого берега р. Воронеж в 1 км к северу от поселения Васильевский Кордон 1 [7]. В шурфе была расчищена овальная яма (1,95×1,0 м), ориентированная по линии север – юг. В юго-восточном углу её обнаружен сосуд, орнаментированный нарезными линиями, с короткой, слегка отогнутой шейкой с отбитым краем венчика, биконическим туловом и плоским дном (рис. 7: 3). Внутри него находился неорнаментированный баночной формы сосуд 2, также с обломанным краем венчика (рис. 7: 2). К северу от сосуда 1 находился сосуд 3, который был перевёрнут вверх дном (рис. 7: 4). Он имеет слабоотогнутую шейку, яйцевидное тулово и уплощённое дно. Орнаментирован в верхней части 3 параллельными горизонтальными оттисками шнура, ниже – оттиски зубчатого штампа в горизонтальной «ёлочной» композиции. Сосуд 3 относится к балановскому типу. Б.А. Фоломеев считал правомерным соотносить этот комплекс с грунтовым погребением, хотя костные останки в яме не обнаружены, что он объяснял их плохой сохраняемостью в песчаной почве. Следует отметить, что при раскопках данного памятника в 2006 г. следы других погребений не выявлены [8].

Погребение 5 в плане представляет собой аморфное зольное пятно, ориентированное по линии север – юг (рис. 8). В северо-западной, северо-восточной, юго-восточной и юго-западной частях могильной ямы к ней примыкают четыре небольшие ямки, возможно, столбовые. Все они неправильной овальной формы. Столбы, если таковые имелись, были установлены уже после прогорания костра, вследствие чего и заполнены не золой, а светло-серой супесью. Кости – очень плохой сохранности: обгоревшие и фрагментированные. По расположению их отдельных обломков видно, что погребённый ориентирован головой на северо-восток. Скелет однозначно не вытянутый, однако точно позу определить невозможно. Мы предполагаем, что он лежал скорченно на левом боку, так как левая сторона черепа подверглась меньшему воздействию высокой температуры и, соответственно, менее обгорела в процессе кремации. Умерший лежал на бересте, которой была застлана центральная часть ямы. Предположительно с погребением связаны два фрагмента вторично обожжённой керамики среднедонской катакомбной культуры (рис. 9: 2). Возможно, сосуд был

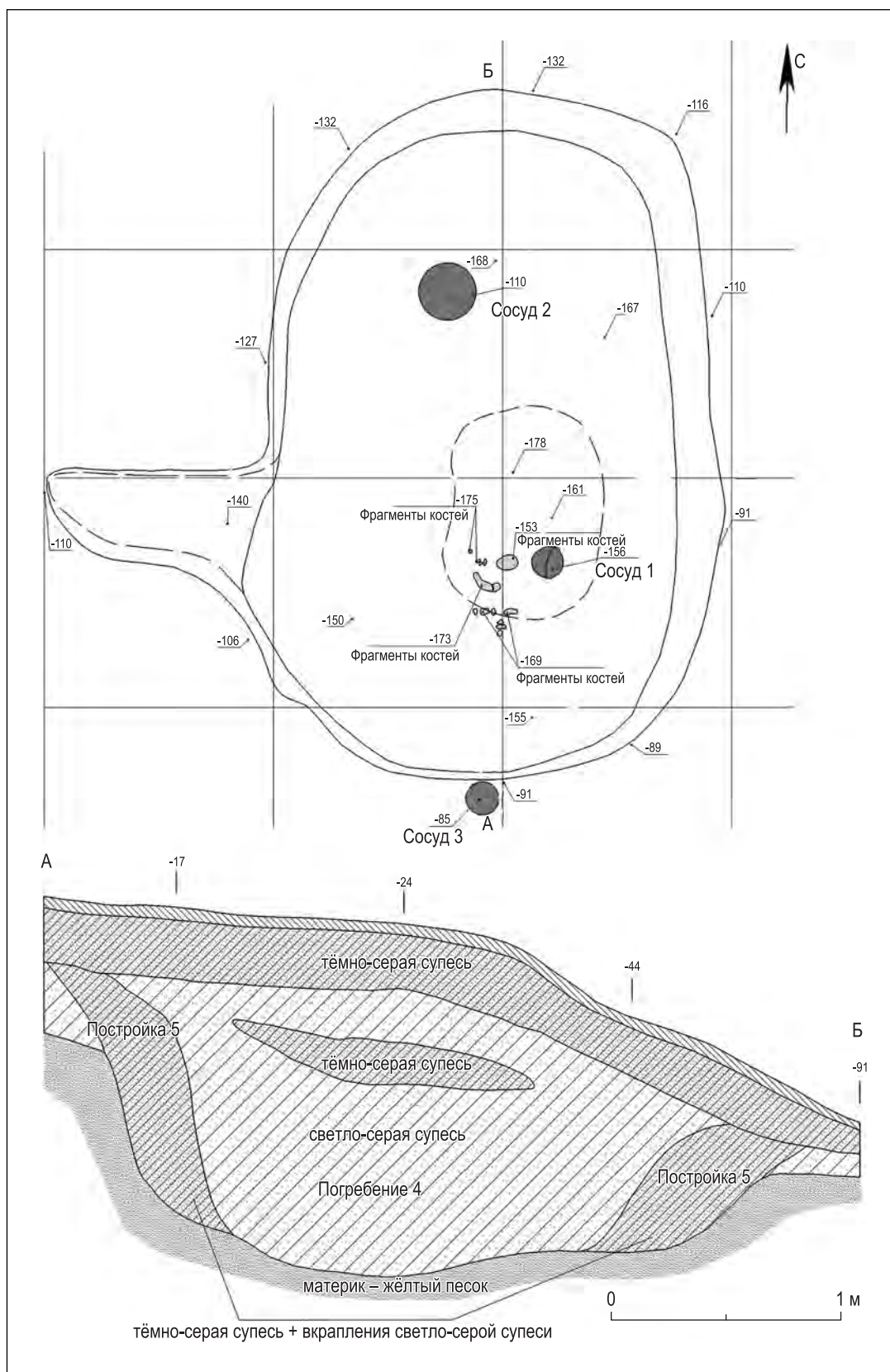

Рис. 6. Памятник Васильевский Кордон 1. Погребение 4: план и разрез

Рис. 7. Памятник Буховое 9. «Захоронение с сосудами»:
 1 – сосуды in situ; 2 – сосуд 2; 3 – сосуд 1; 4 – сосуд 3 (по Б.А. Фоломееву [7])

поставлен на погребальный костёр, разведённый на перекрытии могилы. По реконструированному фрагменту черепа (рис. 9: 1) удалось установить, что череп был искусственно деформирован, что характерно для представителей племён среднедонской катакомбной культуры. Возраст погребённого – 40–50 лет. Пол определить проблематично из-за деформации и фрагментированности черепа.

Реконструкция обряда погребения 5.

1. Вначале была выкопана могильная яма.

2. В неё на берестяную подстилку помещено тело (возможно, погребённый весь был обёрнут в бересту).

3. Яма была перекрыта, после чего на перекрытии был разожжён костёр. Возможно, сосуд был поставлен на перекрытие.

4. После прогорания костра могильная яма не была закопана, доказательством этого, по нашему мнению, является то, что края зольного пятна погребения сложены из золы, а в центре фиксируется слой тёмно-серой супеси с вкраплениями золы.

5. По углам могилы установлены столбы.

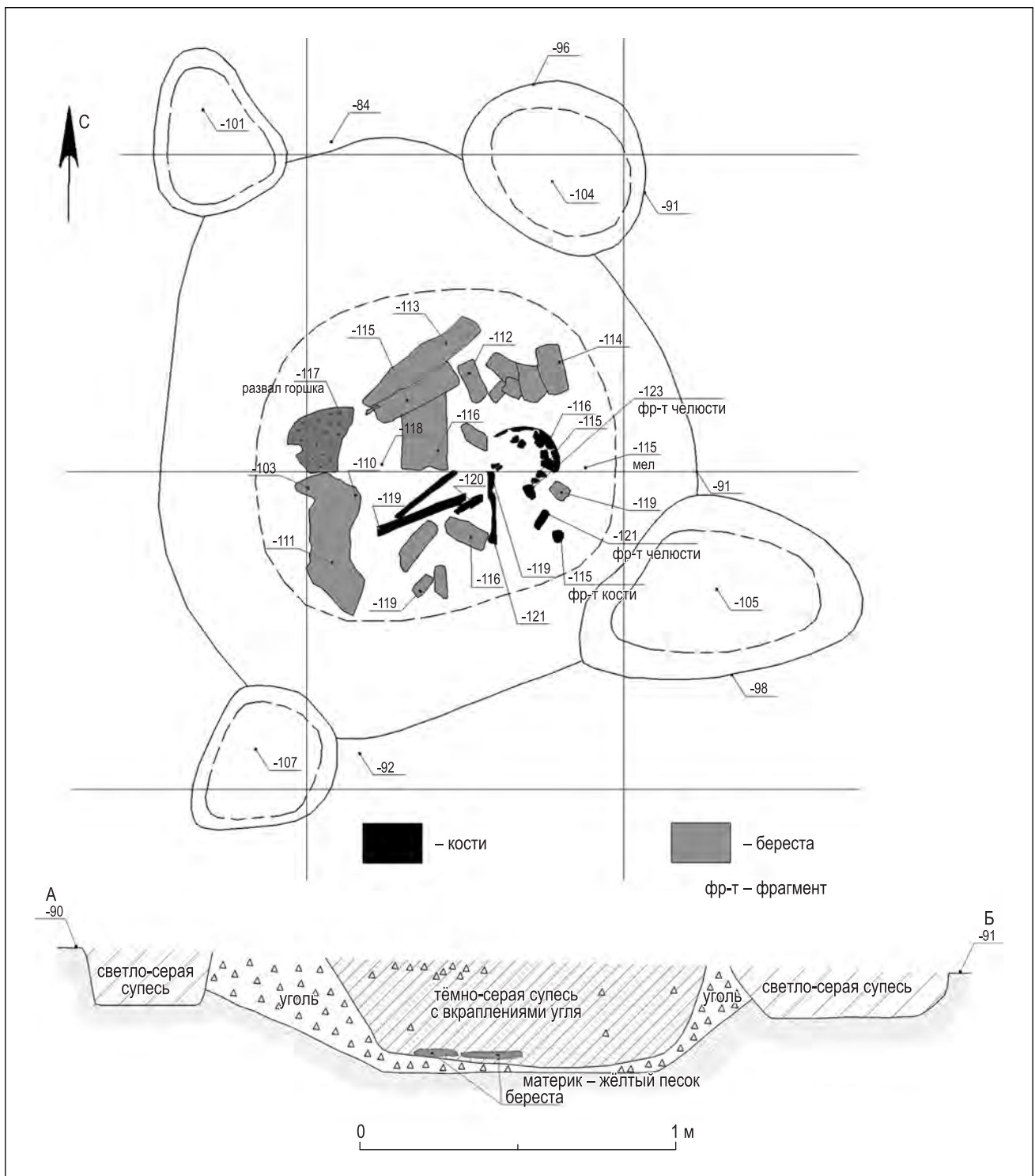

Рис. 8. Памятник Васильевский Кордон 1. Погребение 5: план и разрез

На наш взгляд, погребение 5 имеет ряд аналогов в кругу фатьяновско-балановских древностей. Использование в ритуале погребения бересты характерно для подавляющего большинства их могильников. Бересту применяли в конструкции погребального сооружения либо полностью оборачивали ею тело покойного. Эта традиция прослеживается не только у фатьяновских племён, но и у представителей полтавкинской

Рис. 9. Памятник Васильевский Кордон 1. Погребение 5:

1 – фрагмент черепа с искусственной деформацией; 2 – фрагмент сосуда среднедонской катакомбной культуры из погребения

культуры. Этот же обычай встречается в среде волосовских, а позднее у финских и славянских племён на той же территории, где обитали фатьяновцы [9, с. 192].

Характерным для погребальных сооружений фатьяновцев считается, что верх погребальных сооружений зачастую накрывался лёгким настилом. Возможно, они не закапывались. Существование настилов доказывается характерными «воронками», прослеженными при раскопках могил. Особенно показателен профиль могилы 6 Ханевского могильника, где ясно видно, как рухнуло перекрытие [9, рис. 59]. Также перекрытия могильных ям зафиксированы в могильниках Новинки 1 и 2 [10, с. 192].

Кремация также отсылает нас к фатьяновско-балановским древностям.

Д.А. Крайновым в погребальном обряде фатьяновцев была отмечена особая роль огня, угля, золы и красной краски. Угли встречаются над погребением, в засыпке могильных ям. Свидетельства активного использования огня представлены целыми кострищами, отдельными угольками и скоплениями. Примечателен тот факт, что угли в обряде погребения прослеживаются во всех без исключения могильниках фатьяновской культуры, но при этом не во всех могилах. Кострища над погребениями зафиксированы в Вауловском, Тимофеевском, Скомороховском, Кузьминском, Истринском, Тургиновском, Ошурковском, Волосово-Даниловском, Никульцинском, Воронковском, Новинки 2 и других могильниках. Кроме того, необходимо упомянуть и о ритуальных кострищах вне могил, ограждающих могильники [9, с. 199]. В частности, иногда встречаются мощные надмогильные кострища, глубоко проникающие в могилы. К примеру, над двумя погребениями Вауловского могильника костры прослеживаются с самого верха. В погребении 7 сверху по

всему пятну могильной ямы наблюдался углисто-золистый слой до 1 м, имеющий вид воронки. Кострище меньшей величины замечено и в погребении 9. О.Н. Бадером над могилой № 5 Кузьминского могильника прослежено кострище «котлообразной формы» размерами 1,2×1,4 метра. Подобные большие кострища фиксировались на Скомороховском и Истринском могильниках [9, с. 199].

Последний обряд в некотором роде схож с обрядом, исполненным в ритуале погребения 5 могильника Васильевский Кордон 1. Правда, до конца остаётся невыясненной судьба погребённых в этих могилах. Подверглись ли они воздействию огня или же были изолированы от него прослойкой грунта? В нашем случае этой прослойки не наблюдается и всё свидетельствует о кремации, возможно непреднамеренной, когда традиционный костёр был устроен прямо на перекрытии незасыпанной могилы. Так были объединены две эти традиции. Сведения же о полноценных кремациях отрывочны и не бесспорны. Так, по мнению Д.А. Крайнова, трупосожжение прослеживается в Истринском, Ошурковском и Тургиновском могильниках. Этот обряд соотносится им с позднефатьяновскими могильниками московско-клязьминской группы и считается привнесённым со Среднего Днепра, где в днепро-деснинских памятниках встречается достаточно часто [9, с. 189].

Что касается столбов, расположенных по углам погребения 5 могильника Васильевский Кордон 1, – схожие погребальные сооружения выявлены в некоторых могилах Вауловского могильника, на углах которых также прослеживались подобные пятна [9, с. 187]. Интересен фатьяновский погребальный комплекс, раскопанный Е.В. Волковой в 1994 г. на втором участке могильника Новинки 2 в Тверской области, состоящий из двух подпрямоугольных могильных ям, окружённых семью ямами меньшего диаметра (рис. 10). Шесть из них – округлые, а седьмая, имевшая в плане форму восьмёрки, состояла из двух частично слившихся округлых ям [10, с. 194]. Судя по форме и заполнению, все эти ямы – столбовые. Интерпретировать их можно двояко: они могли быть остатками наземной столбовой конструкции, либо просто столбами, маркирующими погребение, или идолами для жертвоприношений. Остатки столбов в единственном числе прослеживаются на многих могильниках фатьяновцев и, по мнению Д.А. Крайнова, обязательно входят в комплекс погребального обряда для представителей верхушки рода – вождей, наряду с кострами и остатками сосудов-тризн над могилами и пр. [9, с. 204]. В пользу гипотезы «обозначения-ограничения» места погребения свидетельствует фатьяновский могильный комплекс, исследованный В.В. Сидоровым на поселении Никольское Правое [11, с. 77]. Он состоял из четырёх могильных ям, ориентированных по линии север – юг и расположенных параллельно друг другу. Округлая площадка с погребениями диаметром около девяти метров была огорожена частоколом из столбиков. Похожие погребальные памятники фиксируются в могильниках, оставленных среднеднепровскими племенами на территории современной Белоруссии [12] (рис. 11: 1–4).

Выше мы уже писали о том, что из-за недостатка остеологического материала пол индивида из погребения 5 определить невозможно. Единственное же сохранившееся надбровье сильно изменено из-за прижизненной деформации черепа. Но, принимая во внимание все перечисленные аналоги погребального ритуала из фатьяновских могильников, и по некоторым косвенным признакам мы можем предположить, что это – женское погребение.

По мнению Д.А. Крайнова и О.С. Гадзяцкой, женщин фатьяновцы хоронили на левом боку, а мужчин – на правом, причём головой в противоположных направлениях [13, с. 11–13]. В погребении 5 индивид захоронен скорченно на левом боку головой на северо-восток.

Е.В. Волкова проанализировала 58 так называемых эталонных погребений. 11 из них – женские, и все захороненные лежали на левом боку. Также после обобщения всех имеющихся ориентировок погребённых по сторонам света она пришла к выводу, что для фатьяновской культуры в целом наиболее характерно погребение мужчин головой на ЮЗ, а женщин – в одном из восточных направлений [14, с. 199].

Во-вторых, кроме фрагментов сосуда, соотносимых с погребением, в нём отсутствует какой-либо инвентарь, что также может косвенно свидетельствовать о его принадлежности женщине.

Обугленная береста из погребения 5 была продатирована – 3499±60 BP (1976–1682 cal BC; OxCal-4.2) (SPb-2072). Эта датировка близка к датировке погребения № 4 нашего могильника. Помимо этого, могильные ямы этих захоронений ориентированы одинаково (север – юг), и некоторыми деталями они связаны с фатьяновско-балановскими традициями. Сопоставляя эти радиоуглеродные даты с датировками фатьяновской культуры, необходимо упомянуть, что в настоящее время последних известно чуть более двух десятков [15; 16]. Н.А. Кренке с соавторами датирует фатьяновские материалы в рамках сер. – 2-й пол. III тыс. до н.э. [15, с. 19], при этом они приходят к выводу, что продатированные памятники (ЗБС-4, ЗБС-5 и РАНИС-пойма) относятся к начальному этапу фатьяновской культуры [15, с. 23–27]. Е.Н. Черных с соавторами предлагает более широкую датировку: в диапазоне 2700–1700 гг. до н.э. [16, с. 32]. При этом ими учитываются четыре даты в пределах 2600–1750 гг. до н.э., две из которых, полученные в Радиоуглеродной лаборатории Института геохимии окружающей среды Национальной Академии наук Украины (Киев), относятся к памятнику РАНИС-пойма; достоверность их ставилась под сомнение Н.А. Кренке и его соавторами [15, с. 19]. Другие две даты связаны с Волосовско-Даниловским и Тургиновским могильниками, были получены в 1980-е годы в лаборатории ЛО ИА АН СССР [16, с. 62].

Таким образом, даты погребений 4 и 5 могильника Васильевский Кордон 1 укладываются в верхний хронологический рубеж фатьяновской культуры и могут свидетельствовать о существовании гибридного населения катакомбной и фатьяновско-балановской культурно-исторических общностей (далее КИО) на Верхнем Дону в 1-й четв. II тыс. до н.э.

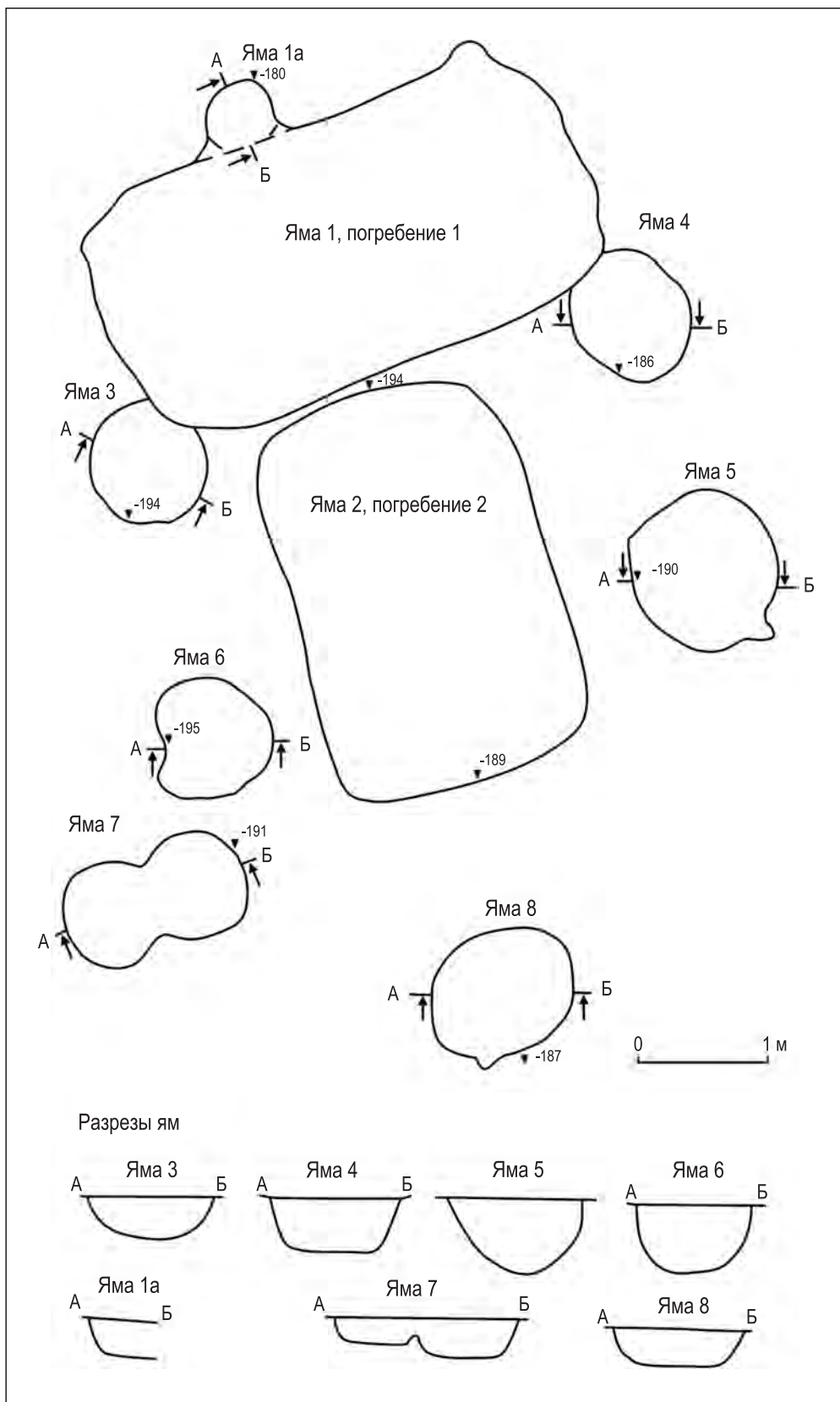

Рис. 10. Могильник Новинки 2. Участок 2. План ям (по Е.В. Волковой [10])

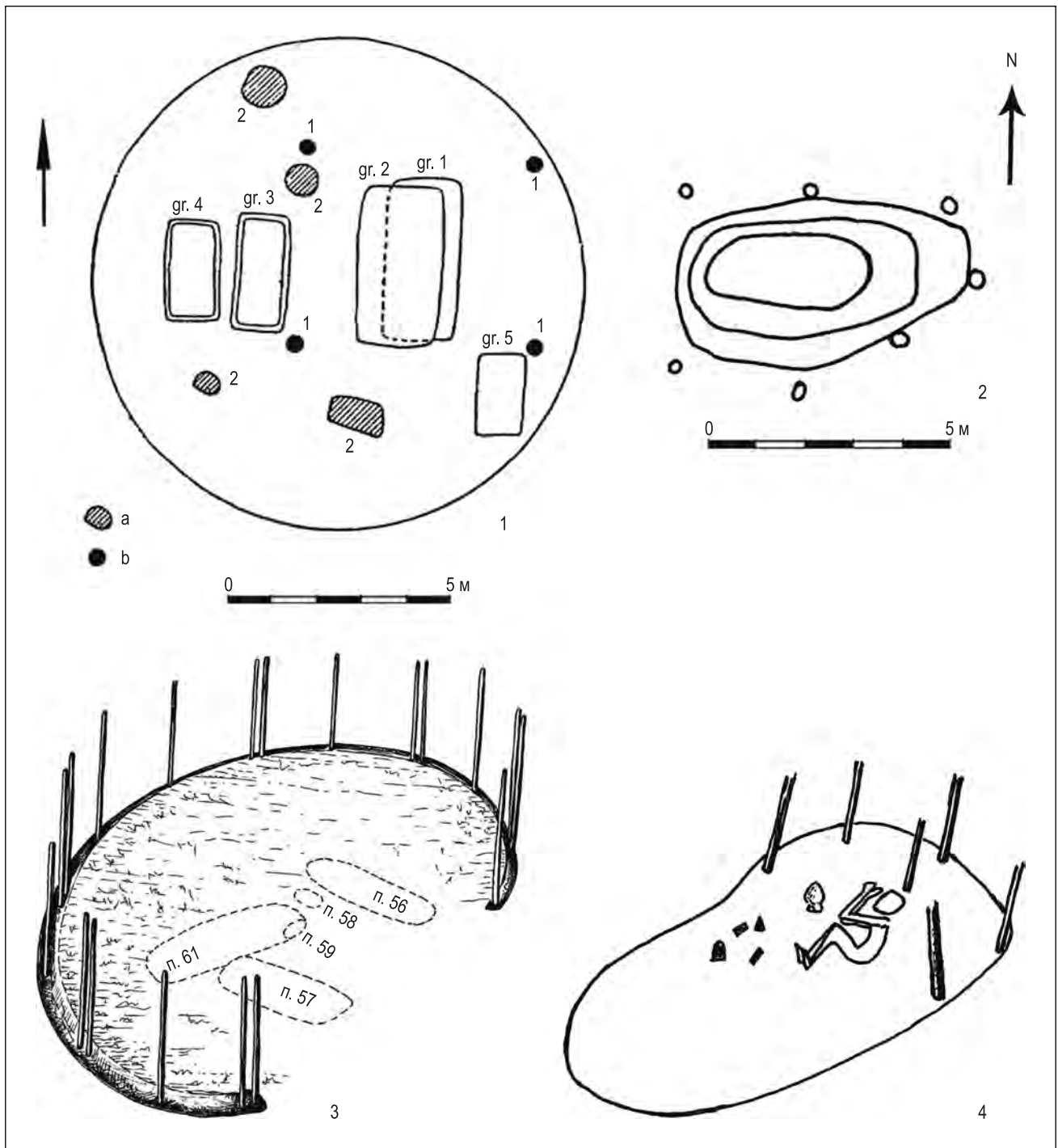

Рис. 11. Примеры погребальных сооружений среднеднепровской культуры с территории Беларуси:
 1 – курган 3 Ходосовичи-Сергеева Грива, план кургана: а – кострища, б – столбовые ямы, gr. – grave (могила);
 2 – план погребения 25 со столбовой оградой на могильнике Сябровичи-Липовый Брод;
 3 – столбовая ограда в ровике вокруг группы погребений на могильнике Рудня Шлягино-Стрелица, реконструкция (п. – погребение);
 4 – могильник Прорва 1, столбовая конструкция в яме погребения 15, реконструкция (всё – по М.М. Кривальцевичу [12])

Учитывая всё вышесказанное, мы склонны утверждать, что погребения 1, 4, 5 и 6 могильника Васильевский Кордон 1 были оставлены этим смешанным населением, а данный могильник является одним из примеров контактов фатьяновско-балановской КИО с катакомбными племенами лесостепного Подонья. На Среднем Дону есть ещё одно яркое свидетельство подобного взаимодействия – погребение 2 из кургана 1 Второго Богучарского могильника, где в яме с подбоем выявлено парное захоронение на правом боку, ориентированное по линии запад–юго-запад – восток–северо-восток, с сосудами катакомбной и фатьяновской культур. Т.Ю. Березуцкая считала, что это захоронение вряд ли может служить показателем каких-либо широких связей с лесными фатьяновско-балановскими племенами, но может стать хронологическим репером и свидетельством определённого рода взаимоотношений (в том числе экзогамных браков) племён леса и степи [17]. Кроме того, фрагменты фатьяновско-балановской посуды и каменные топоры, которые неко-

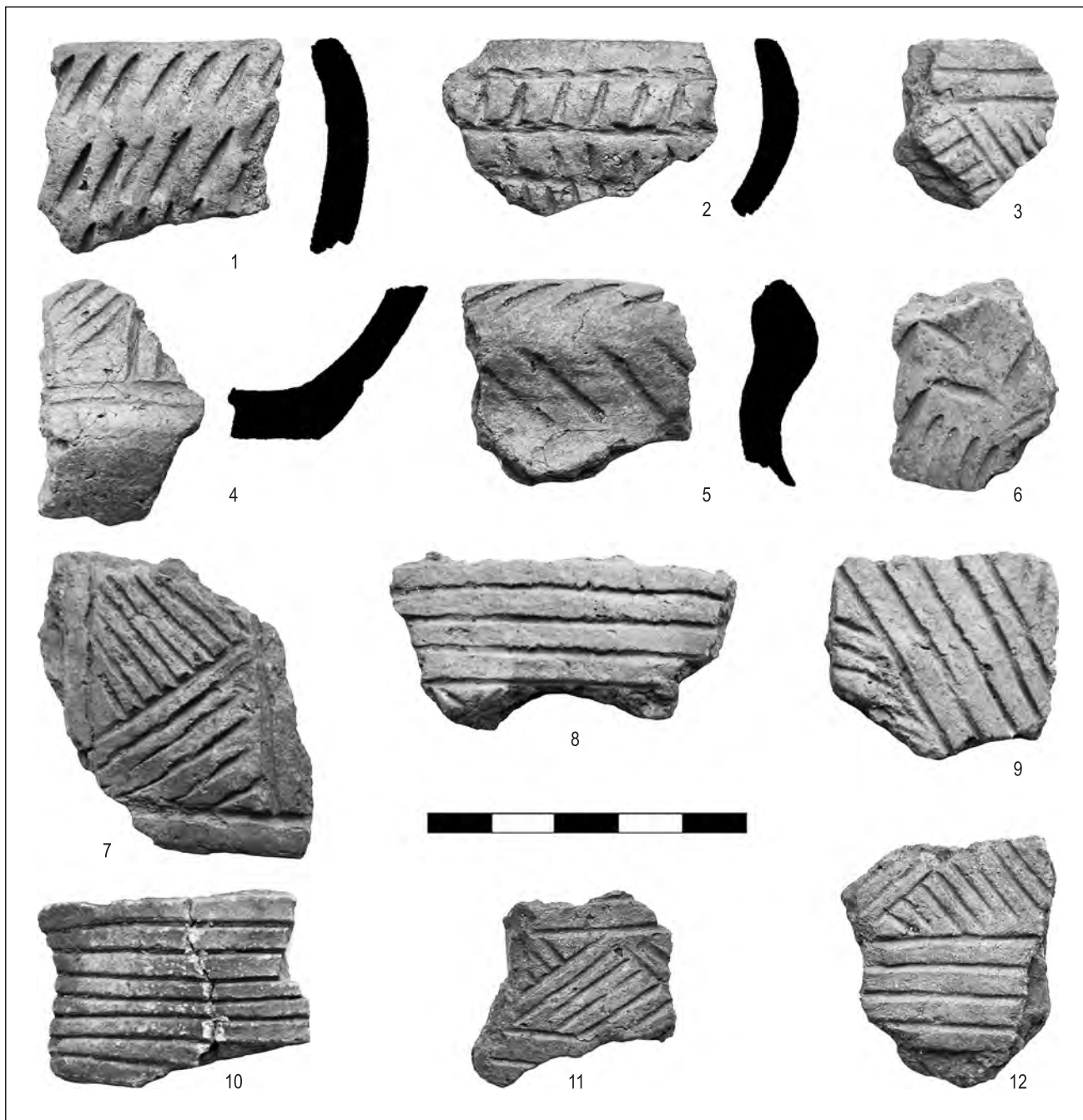

Рис. 12. Памятник Васильевский Кордон 1. Гибридная керамика

торые исследователи относят к данной КИО, достаточно часто встречаются на Верхнем Дону [18; 19]. Фатьяновско-балановская керамика выявлена в шести грунтовых и курганных могильниках и в культурном слое 13 поселений лесостепного Подонья. В подавляющем большинстве случаев на этих памятниках прослеживается совместное залегание керамики фатьяновско-балановского облика и среднедонской катакомбной культуры. Кроме того, на четырёх памятниках в верхнем течении р. Воронеж нами было отмечено смешение катакомбных и фатьяновских традиций изготовления керамики, результатом чего стало появление гибридной посуды. Подобные материалы выявлены, в том числе, и на памятнике Васильевский Кордон 1 (рис. 12).

Все эти факты свидетельствуют о сосуществовании и взаимодействии вышеназванных культур на территории лесостепного Подонья в конце III – первой четверти II тыс. до н.э.

На основе двух радиоуглеродных дат, полученных по человеческим костям из погребений могильника Васильевский Кордон 1, период бытования этого населения на Верхнем Дону определяется в рамках первой четверти II тыс. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Ивашов М.В., Мельников Е.Н.* Грунтовые захоронения эпохи бронзы на территории Верхнего Подонья // РА. 2009. № 2.
2. *Смольянинов Р.В.* Отчёт об археологических исследованиях в Липецкой области в 2005 году // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 27145–27148.
3. *Смольянинов Р.В.* Отчёт об археологических исследованиях в Липецкой области в 2009 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 27214.
4. *Ивашов М.В.* Памятники катакомбного времени на Верхнем Дону: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2015.
5. *Гей А.Н.* Спорные вопросы и перспективы изучения катакомбной культурно-исторической общности // КСИА. Вып. 225. 2011.
6. *Гак Е.И.* Поселение Рыкань 3 в контексте памятников катакомбной общности восточноевропейской лесостепи // КСИА. Вып. 230. 2013.
7. *Фоломеев Б.А.* Отчет о работе Окско-Донской археологической экспедиции в 1991 году в Чаплыгинском районе // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 16450, 16451.
8. *Ивашов М.В.* Отчет к Открытому листу № 859 о проведении археологических исследований на многослойном поселении Буховое 9 в Добровском районе Липецкой области в 2006 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 27152.
9. *Крайнов Д.А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья (Фатьяновская культура. II тысячелетие до н.э.). М., 1972.
10. *Волкова Е.В.* Погребальные комплексы фатьяновских могильников Новинки 1 и 2 // ТАС. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.
11. *Сидоров В.В., Балинский И.М.* Раскопки на Тростинском озере и Масловом болоте // АО – 1973. М., 1974.
12. *Крывальцевич М.М.* Драўляныя збудаванні ў пахавальных комплексах сярэднядняпроўскай культуры // Супольнасці каменнага і бронзавага вякоў міжрэчча Віслы і Дняпра. Мінск, 2015.
13. *Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С.* Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье. М., 1987. (САИ. Вып. В1-22)
14. *Волкова Е.В.* Опыт реконструкции пола и возраста погребённых из фатьяновских могильников Новинки 1 и 2 // ТАС. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.
15. Поселенческие объекты круга культур шнуrowой керамики в долине Москвы-реки / *Н.А. Кренке, И.Н. Ершов, А.В. Лазукин, А.А. Войцук, Р.А. Раева, Н.И. Рожанская* // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 9. М., 2013.
16. *Черных Е.Н., Кузминых С.В., Орловская Л.Б.* Металлоносные культуры лесной зоны вне системы Циркумпонтийской провинции: проблемы радиоуглеродной хронологии IV–III тыс. до н.э. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2. М., 2011.
17. *Березуцкая Т.Ю.* Погребение среднедонской катакомбной культуры с сосудом фатьяновско-балановского облика // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк, 1999.
18. *Челяпов В.П.* Памятники эпохи бронзы центральной части юга Рязанской области // Елец и его окрестности. Тезисы научной конференции. Елец, 1991.
19. *Екимов Ю.Г.* Фатьяновские древности в северной части Верхнего Подонья // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Т. 1. Тула, 2004.

*Липецкая областная научная общественная организация «Археолог»,
Липецк*

*ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского»,
Липецк*

*ФГБУН «Институт этнологии и антропологии РАН»,
Москва*

A.S. Zheludkov, R.V. Smolyaninov, A.A. Sviridov

BURIAL GROUND OF THE BRONZE AGE VASILYEVSKY KORDON 1 AT THE UPPER DON

Summary

The article deals with the materials from the Vasilyevsky Kordon 1 burial ground of the Bronze Age. 5 graves are analysed. One of those belongs to the early stage of the Middle Don Catacomb culture (1st half of the III millennium BC), while the remaining four are interpreted as burials left by representatives of the hybrid population belonging to both Catacomb and Fatyanovo-Balanovo cultural and historical communities. This hypothesis is proved by numerous finds of Fatyanovo-Balanovo type ceramic at multilayer sites and in burial grounds of the forest-steppe Don, where it is located chiefly alongside with the materials from the Middle Don Catacomb culture. In addition the materials from four archaeological monuments found in the Upper Voronezh river basin show the mix of Catacomb and Fatyanovo traditions of making pottery, which led to the appearance of the hybrid type ceramics.

Two radio-carbon datings of human bones from the graves of the Vasilyevsky Kordon 1 burial ground helped to define the period of habitation of this population at the Upper Don as the first quarter of the II millennium BC.

*Lipetsk Regional Scientific Social Organization "Archaeologist",
Office 312, 42, Lenina St., Lipetsk, 398020, Russia
A.S. Zheludkov – E-mail: aszheludkov@mail.com*

*Lipetsk State Pedagogical University of P.P. Semenov-Tyan-Shansky,
Office 312, 42, Lenina St., Lipetsk, 398020, Russia
R.V. Smolyaninov – E-mail: rws17@rambler.ru*

*Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences,
32A, Leninsky Av., Moscow, 119991, Russia
A.A. Sviridov – E-mail: sviridovrh@rambler.ru*

Е.А. Клещенко, Н.Г. Свиркина

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ПРИ ИЗУЧЕНИИ КРЕМИРОВАННЫХ КОСТНЫХ ОСТАНКОВ ИЗ КОЛЛЕКТИВНЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ МОГИЛЬНИКОВ РУССКОГО СЕВЕРА I ТЫС. Н.Э.)

Работая с материалами кремаций из археологических памятников, исследователь сталкивается с большими трудностями в реконструкции и интерпретации деталей погребального обряда, чем при работе с погребениями, совершёнными по обряду ингумации. Захоронение кремированных останков является завершающей частью сложного погребального ритуала, многие важные детали которого остаются «за кадром»: подготовка и проведение сжигания тела умершего и сопровождающего его инвентаря, сбор праха с погребального костра и последующие манипуляции, совершённые до предания останков земле. Деформация и частичная утрата вещевого материала, нарушение порядка и сохранности инвентаря вследствие воздействия на него огня и высоких температур существенно ограничивают исследователя в построении исторических реконструкций, тем ценнее становятся кремированные костные останки в качестве объекта изучения.

Кремированные костные останки, являясь массовым археологическим материалом, требуют универсального, формализованного методического подхода. Стоит отметить, что наиболее удачным и максимально информативным направлением изучения материалов кремаций является обращение к методам судебно-медицинской экспертизы и адаптирование их в рамках историко-археологических задач. Из опыта как зарубежных, так и российских исследователей известно, что визуальная экспертиза кремированных останков позволяет установить видовую и половозрастную принадлежность погребённых, по цвету, размеру и деформационным трещинам – частично реконструировать детали проведения сжигания, его интенсивность и продолжительность [например, 1, с. 3–17; 2; 3; 4, р. 150; 5; 6, с. 85–97; 7, с. 178–193; 8, с. 71–79; 9, с. 323–331; 10, с. 141–153; 11, с. 194–205]. Не менее важными являются планиграфическая и стратиграфическая фиксация останков, их сбор и шифровка в момент проведения раскопок: тщательность составления документации и сбора фрагментов кремированных костей из погребений, проведённые в полевых условиях, в дальнейшем позволяют получить ценную информацию для построения исторических реконструкций (к примеру, определить местонахождение идентифицируемых человеческих костей, выявить концентрацию останков разных индивидов в пространстве могильника, сравнить их расположение относительно друг друга и погребального инвентаря) [8, с. 71–79; 12, с. 84–90; 13, с. 260–266; 14, с. 147–154].

В различных культурных традициях захоронение кремированных останков производилось в форме индивидуальных или коллективных погребений [15]. Как показывает практика, подавляющее большинство кремаций раннего железного века и раннего Средневековья представляют собой коллективные захоронения, что методически значительно усложняет работу с ними [13; 15; 16; 17, с. 93].

Коллективное погребение по обряду кремации – это захоронение останков двух и более индивидов, совершённое одновременно или в течение функционирования погребального объекта. Маркёрами для определения коллективных погребений является количество погребённых индивидов, а также одновременность процедуры сожжения и захоронения [15].

Определение минимального количества погребённых индивидов

Обязательным этапом работы с коллективными захоронениями следует считать выявление числа индивидов. Заключение выносится на основании весовых параметров, выявления «участков-дубликатов», которые с уверенностью позволяют идентифицировать парные и коллективные погребения. Также при установлении минимального числа индивидов принимаются во внимание и половозрастные определения. Так, если в одном скоплении присутствуют фрагменты, характеризующиеся ювенильной структурой и размерностью, наряду со сходными фрагментами с проявлениями взрослого статуса или признаками явных пост-

дефинитивных изменений (остеопороз, истончение диплоэ, краевые разрастания на суставах и пр.) [6, с. 92], следует фиксировать присутствие останков минимум двух индивидов (ребёнка и взрослого человека). Очевидно, что метод подразумевает возможность занижения числа погребённых, однако совмещение учёта весовых и морфологических характеристик минимизирует количество ошибок.

Примером может послужить исследование кремаций из «домиков мёртвых», обнаруженных на территории Молого-Шекснинского междуречья в Вологодской области и в разные годы исследованных А.Н. Башенькиным. Это могильники Чагода I (кон. I тыс. до н.э. – IV–V вв. н.э.) [18], Куреваниха XIV (кон. I тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э.) [19, с. 32], Куреваниха XVII (кон. I тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э.) [20, с. 17] и Куреваниха XX (кон. I тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э.) [20, с. 23], Пугино (2-я пол. I тыс. н.э.) [21] и Никольское VI (X–XI вв. н.э.) [22]. Сами «домики мёртвых» представляли собой погребальные сооружения подквадратной формы, имеющие остатки деревянных конструкций. Заполнение объектов включало в себя остатки кремаций, совершенных на стороне: уголь, золу, фрагменты костных останков и сопровождающего погребального инвентаря.

Для определения минимального количества индивидов в одном «домике мёртвых» в первую очередь учитывались дублирующие части скелета, фрагменты с явными отличительными признаками пола, возраста. Определение разных индивидов в погребении производилось также по наличию или отсутствию патологий на костных останках (рис. 1).

В «домиках мёртвых» были определены останки людей разного пола и возраста. В исследованных погребальных объектах минимальное количество погребённых составило от 2 (Никольское VI) до 16 (Куреваниха XX) индивидов.

Примечательно, что средний вес останков одного индивида из «домика мёртвых» был от 300 до 600 граммов с учётом неопределимых фрагментов костей. Минимальные показатели веса – из «домика мёртвых» Никольское VI, где вес останков одного человека составляет предположительно всего 60 граммов. Для сравнения, небольшие показатели веса останков одного индивида из коллективного захоронения выявлены в более поздних грунтовых погребениях (поверхностных рассыпаниях) могильников Кладовка I (кон. IX–X в.) и Кладовка II (кон. X – 1-я пол. XI в.), исследованных С.Д. Захаровым [23; 24, с. 32–33; 25, с. 14–29]. Здесь вес останков одного индивида составляет примерно от 60 до 160 граммов, что, вероятно, зависит от самого характера коллективного захоронения.

Очевидно, что на место «предания земле» подавляющего числа коллективных кремаций I тыс. н.э. попадала лишь незначительная часть кремированных останков, что чрезвычайно важно для использования весовых показателей в реконструкции количества погребённых в коллективной кремации. Исследование показывает, что вес останков коллективного захоронения напрямую зависит от количества погребённых индивидов. При этом, учитывая неустойчивость практики частичного депонирования останков, использование весовых показателей для определения минимального количества индивидов в погребении на практике невозможно.

Установление одномоментности или разновременности процедуры сожжения и захоронения останков

Вопросы одномоментности или разновременности сожжения и захоронения останков индивидов в коллективной кремации методически являются трудноразрешимыми, поскольку почти все известные захоронения подобного рода относятся к категории погребений на стороне (то есть после сожжения в погребальном костре остатки кремации были перемещены на место захоронения). Решение же вопроса о проведении процедуры кремации в одном или разных погребальных кострах теоретически возможно при фиксации видимых различий цвета, размера и характера деформационных трещин на фрагментах костей разных индивидов из одного коллективного захоронения. Зафиксировать это практически невозможно, учитывая, что горение на открытом воздухе может давать широкий температурный диапазон и, следовательно, различные изменения свойств костной ткани в одном погребении [11, с. 194–205].

Ещё одним косвенным доказательством разновременности захоронения может являться результат сопоставления определимых фрагментов костей разных индивидов с их планиграфической и стратиграфической привязкой. Примерами могут служить коллективные захоронения с кремациями, фиксация фрагментов костей из которых на этапе проведения полевых работ происходила при использовании различных методических подходов. Так, фиксация кремированных костных останков из раскопок «домиков мёртвых» (Чагода, Куреваниха XIV, Куреваниха XVII, Куреваниха XX, Пугино, Никольское VI) производилась по квадратам 2×2 метра, пластинами по 10 см [18–22]. В случаях, когда исследователями было зафиксировано отдельное скопление костей, сбор останков производился с привязкой к данному скоплению, обозначенному на плане. Сопоставление полученных антропологических определений с квадратами плана раскопок позволило выявить локализацию некоторых отдельных захоронений внутри одного погребального объекта. Так, по анализу кремации из «домика мёртвых» могильника Чагода I (раскоп 7, работы 1993 г.) [18] было установлено присутствие останков 9 индивидов разных половозрастных групп (рис. 2а) [26, р. 160]. Останки трёх индивидов (человека старше 50 лет, ребёнка 7–13 лет, мужчины 30–40 лет) были зафиксированы на площади всего погребального объекта (рис. 2в). Останки двух индивидов (взрослого мужчины и ребёнка до 1 года) локализованы в кв. Г4, в центре «домика мёртвых» (рис. 2г). Останки двух индивидов (взрослых женщин) локализованы в границах кв. Г 4-5, Д 4-5 в юго-восточной части погребального сооружения (рис. 2д). Останки двух других взрослых женщин удалось привязать к скоплению в кв. Г 5, зафиксирован-

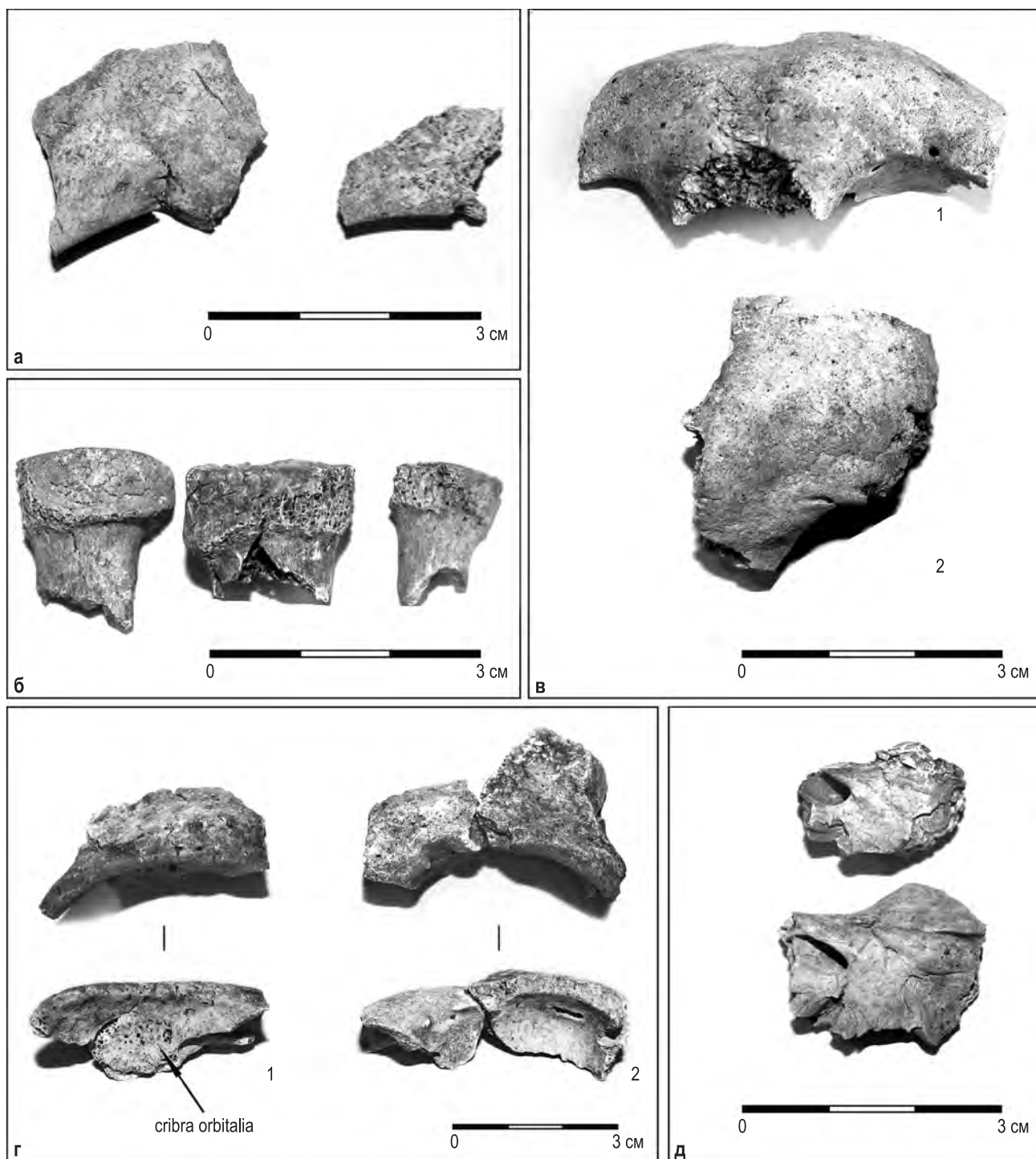
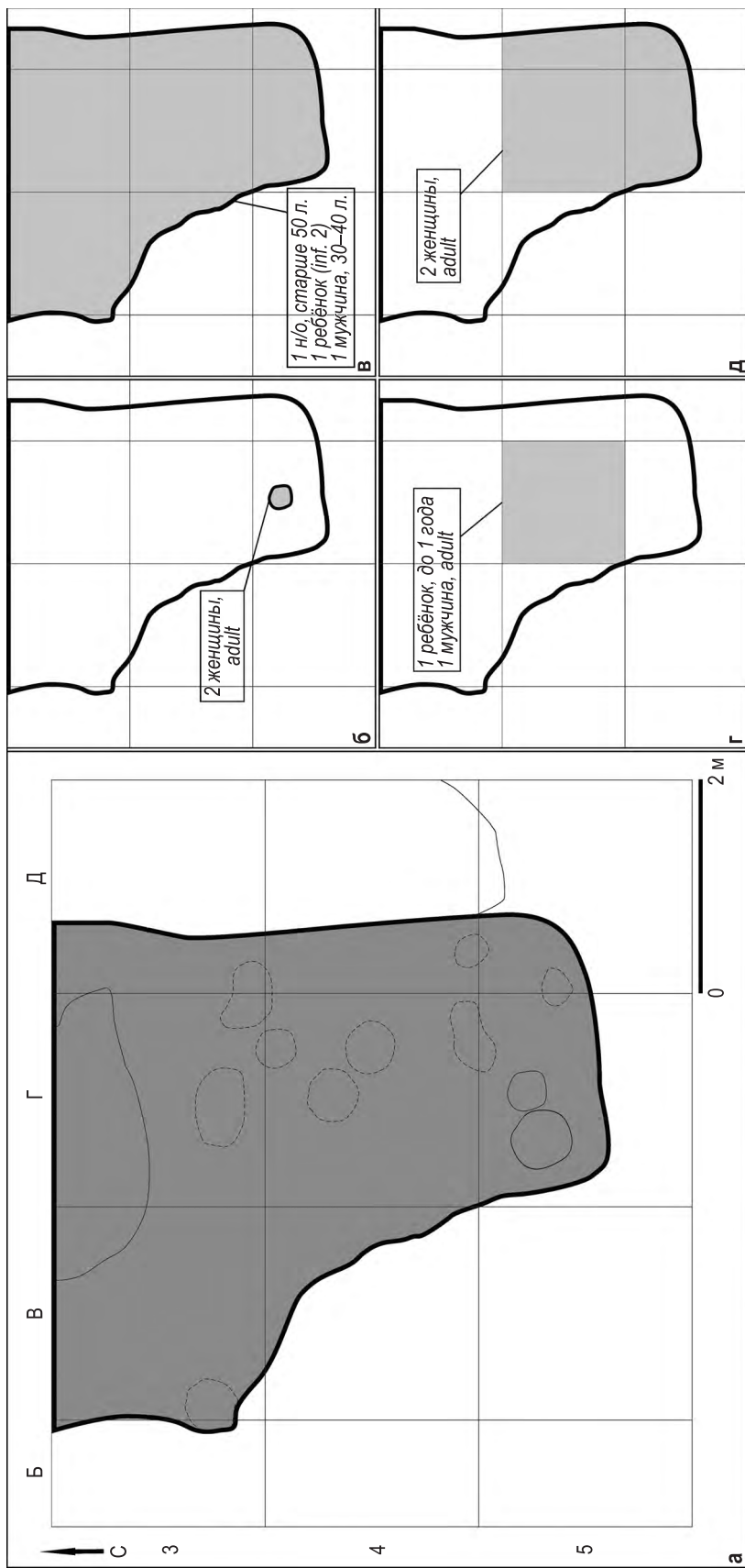

Рис. 1. Примеры определимых фрагментов человеческих костей-«дубликатов» из коллективных захоронений с кремациями:

- а – Чагода I, раскоп 9, 1993 г., «домик мёртвых», фрагменты правых глазниц двух разных индивидов; б – Куреваниха XIV, 1990 г., «домик мёртвых», фрагменты верхних эпифизов лучевых костей трёх разных индивидов; в – Куреваниха XX, 1990 г., «домик мёртвых», фрагменты лобных костей (лицевая часть): 1 – из кв. В-5, пласт 2; 2 – из кв. В-3, чёрный слой; г – Пугино, 1995 г., «домик мёртвых», фрагменты правой и левой глазниц, принадлежащие двум разным индивидам: 1 – имеет следы болезненных изменений (т.н. *cribra orbitalia*); 2 – без следов патологических изменений, внешне гораздо массивнее фрагмента 1; д – Куреваниха XX, 1990 г., «домик мёртвых», фрагменты правых височных костей (каменистой части) двух разных индивидов

н/о – неопределённый; л. – лет; inf. – infantilis

Рис. 2. Могильник Чагода I (раскоп 7, работы А.Н. Башенькина 1993 г.). Планиграфия «домика мёртвых» и локализация останков разных индивидов в границах погребального объекта:

а – распространение кремированных останков в границах «домика мёртвых»; б – останки двух индивидов, локализованные в отдельном скоплении в кв. Г 5, зафиксированном при проведении полевых работ; в – останки трех индивидов, локализованные в границах всего «домика мёртвых»; г – останки двух индивидов, локализованные в границах кв. Г 4, в центре погребального сооружения; д – останки двух индивидов, локализованные в границах кв. Г 4-5, Д 4-5 в юго-восточной части погребального сооружения

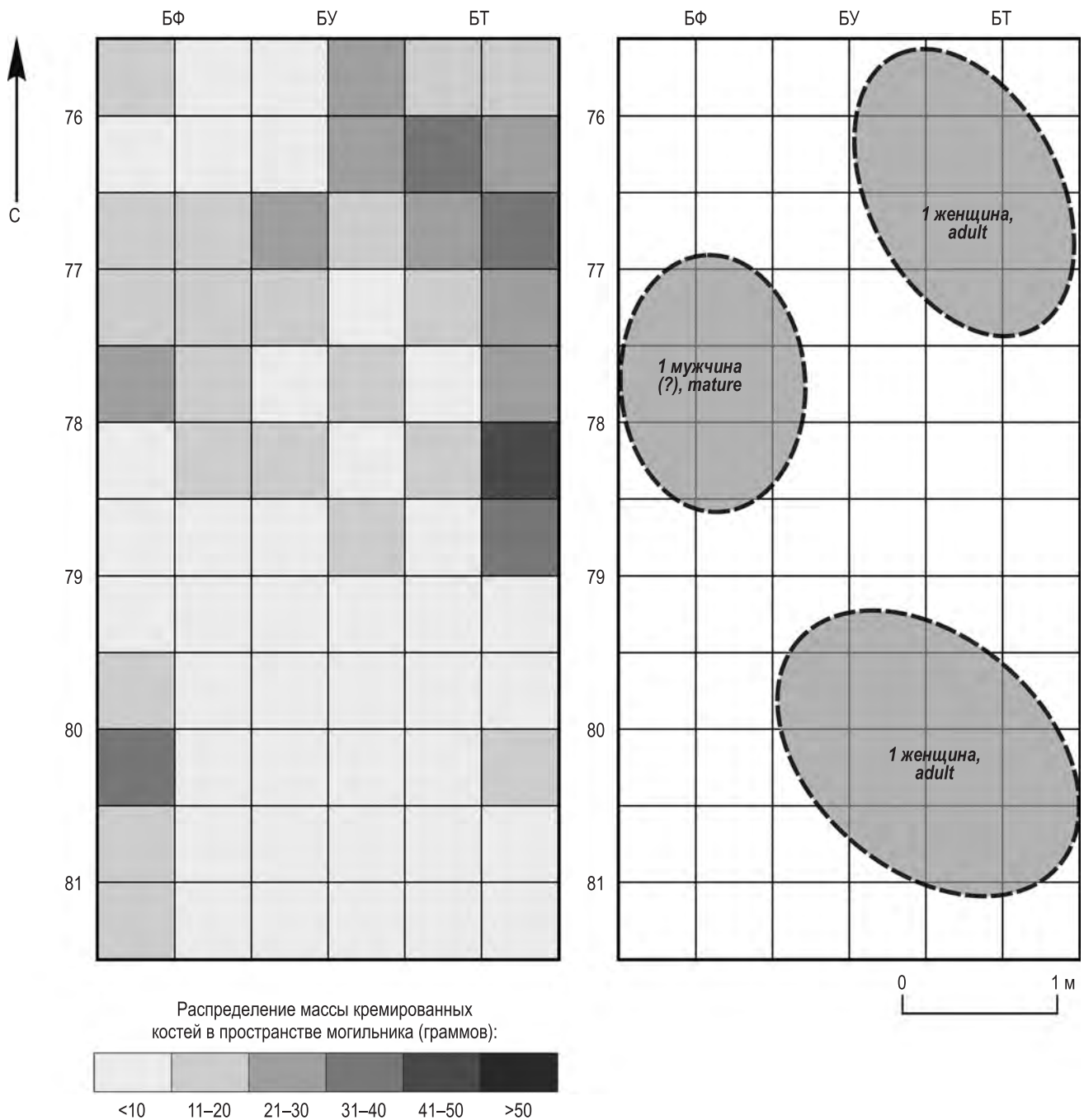

Рис. 3. Могильник Кладовка I (участок 2, работы С.Д. Захарова 2009 г.). Планиграфия грунтового могильника и локализация останков разных индивидов в границах погребального пространства

ному исследователями ещё при проведении полевых работ (рис. 26). Результат сопоставления антропологических данных с планиграфией «домика мёртвых», а именно: «тяготение» останков отдельных индивидов к разным частям погребального сооружения, фиксация отдельных компактных скоплений внутри сооружения и корреляция половозрастных определений с одним из них, на наш взгляд, достоверно показывают, что данное коллективное захоронение не было произведено одновременно.

Ещё одним примером может послужить опыт работы с материалами коллективных кремаций могильника Кладовка I, упомянутого выше. Погребальное пространство могильника Кладовка I представляло собой место поверхностных рассыпаний мелких фрагментов кремированных костей и погребального инвентаря

разной степени оплавленности, не образующих отдельных видимых скоплений. Находки были обнаружены в верхних пластах раскопов (5–20 см от дневной поверхности) [23–25]. Полевые исследования могильника были проведены с использованием методики тонкой разборки культурного слоя по пластикам 5 см, квадратам 1×1 м, сопровождаемой тотальной промывкой культурного слоя и фиксацией материала по секторам квадрата, размерами 50×50 см [23, с. 12]. Тщательность полевой методики исследований наряду с учётом весовых показателей массы кремированных костей по микроквадратам позволили выделить места наибольшей концентрации останков в планиграфии (рис. 3). Сопоставление полученных половозрастных определений с микроквадратами плана раскопок позволили выделить отдельные захоронения, что невозможно было сделать при исследовании такого типа могильника на этапе полевых работ. Так же, как и в случае с «домиком мёртвых», проведённый анализ доказывает разновременность попадания кремированных останков на место захоронения.

Подводя итоги, можно сказать, что изучение коллективных захоронений с кремированными останками является сложным и вместе с тем перспективным направлением исследований, которое может дать много информации для реконструкции деталей погребальной обрядности. Методы исследования сожжённых останков работают в тесной связке с современными методиками их археологических раскопок для получения исторически достоверных данных. Сама методика археологических раскопок должна корректироваться в зависимости от типа погребального объекта с кремацией, учитывая при этом тот факт, что подобные захоронения могут быть индивидуальными или коллективными, одномоментными или производившимися на одном месте в течение некоторого времени. Принимая во внимание, что данные характеристики погребения являются принципиальными для дальнейшей интерпретаций сопровождающего инвентаря и построения исторических реконструкций, выбранная исследователем методика археологических раскопок могильника с кремациями должна учитывать следующие требования к сбору и фиксации кремированных костных останков.

1. Во время проведения раскопок исследователем должен производиться тщательный (тотальный) сбор всех фрагментов кремированных костей (включая самые мелкие). Это необходимо как для учёта всех определимых костей (среди мелких фрагментов могут оказаться весьма информативные, – например, корни зубов или фаланги пальцев), так и с целью учёта весовых показателей массы кремированных останков для выявления наибольшей их концентрации в плане раскопа.

2. Все фрагменты костей (как отдельные, так и в скоплениях) должны быть хорошо зашифрованы и задокументированы. Привязка должна быть максимально формализованной и подробной (особенно в случаях, если кремированные останки не образуют скопления или границы скопления чётко не фиксируются). Чем точнее полевая привязка (минимальный размер квадратов и толщина пластов; фиксация каждого фрагмента кости с помощью тахеометра и т.д.), тем результативнее будут дальнейшие исследования кремированных останков уже в лабораторных условиях.

Верный методический подход к проведению фиксации и сбора в поле такого массового археологического источника, как кремированные костные останки, позволит получить данные о количестве и половозрастном составе погребённых индивидов, выявить отдельные скопления останков в составе коллективного захоронения, реконструировать некоторые детали достаточно вариативного погребального обряда кремации, бытовавшего у древних обществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Doklädal, M.* Ergebnisse experimenteuer Verbrennungen zur Feststellung von Form- und Größenveränderungen von Menschenknochen unter Einfluß von hohen Temperaturen // *Anthropologie*. 8. Brno, 1970.
2. *Holck, P.* Cremated Bones. A Medical-Anthropological Study of an Archaeological Material on Cremation Burials. Oslo, 1997.
3. *Großkopf, B.* Leichenbrand Biologisches und kulturhistorisches Quellenmaterial zur Rekonstruktion vor- und frühgeschichtlicher Populationen und ihrer Funeralpraktiken // *Dissertation Zur Erlangung des akademischen Grades Doctor Philosophiae*. Leipzig, 2004.
4. *Walker, P.L., Miller, K.P.* Time, Temperature and Oxygen Availability: an Experimental Study of the Effect of Environmental Condition on Color and Organic Content of Cremated Bone // *American Journal of Physical Anthropology*. Vol. 40. 2005.
5. *Zipp, K.* Anthropologische Untersuchung der Körper- und Brandbestattungen des römischen Gräberfeldes Mainz-Kurfürstenstraße: mit einem Beitrag zu den Bauchlagenbestattungen in der römischen Antike // *Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Grades Doktor der Naturwissenschaften*. Gießen, 2010.
6. *Добровольская М.В.* К методике изучения материалов кремации // *КСИА*. Вып. 224. 2010.
7. *Звягин В.Н., Анушкина Е.С.* Установление видовой принадлежности костных останков // *Российское полицейское право*. М., 2014. № 1.
8. *Широбоков И.Г., Юшкова М.А.* Антропологические материалы из коллективных захоронений по обряду кремации и ингумации каменного могильника с оградками Малм (по результатам раскопок 2010 г.) // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. Тюмень, 2014. № 2 (25).
9. Опыт применения изотопных исследований в изучении погребальных кремаций / *М.В. Добровольская, Е.А. Клещенко, Е.С. Богомолов, С.Д. Захаров* // *КСИА*. Вып. 236. 2014.
10. Воинские погребения по обряду трупосожжения биритуального могильника Кедровая Роща / *П.С. Успенский, М.В. Добровольская, Е.А. Клещенко, А.В. Шишлов, Н.В. Федоренко* // *КСИА*. Вып. 231. 2013.
11. *Клещенко Е.А., Сыроватко А.С., Добровольская М.В.* Об информативной значимости описания костных кремированных фрагментов. Опыт эксперимента в полевых условиях // *Тверской археологический сборник*. Вып. 10. Т. II. Тверь, 2015.
12. *Цоль-Адамикова Х.* Наземные погребения с трупосожжениями у славян в свете письменных и археологических источников // *РА*. 1998. № 1.

13. Потемкина О.Ю., Сыроватко А.С., Клещенко Е.А. Соколова Пустынь – новый погребальный памятник позднелевобережного времени // КСИА. Вып. 230. 2013.
14. Грунтовые кремации Щурово: к вопросу о первоначальной форме погребений / А.С. Сыроватко, Е.А. Клещенко, Н.Г. Свиркина, А.А. Трошина // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 11. М., 2015.
15. Клещенко Е.А. Историческая динамика погребальной обрядности населения Молого-Шекснинского междуречья в I тыс. н.э. (опыт применения биоархеологического подхода при изучении материалов кремаций) // КСИА. Вып. 245. 2016.
16. Клещенко Е.А. Кремационные погребения могильника раннего железного века Чагода I: предварительные итоги исследования // Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы II Международной научной конференции молодых ученых. М., 2013.
17. Сыроватко А.С., Клещенко Е.А., Свиркина Н.Г. Типы кремаций некрополя Щурово (вторая половина I тыс. н.э.) // Человек в окружающей среде: этапы взаимодействия. Тезисы 5-й международной конференции «Алексеевские чтения» памяти академиков Т.И. Алексеевой и В.П. Алексеева. М., 2013.
18. Башенькин А.Н. Отчет о раскопках могильника Чагода I Чагодощенского района и поселения Куреваниха XVI Устюженского района и разведках в Бабаевском, Устюженском и Чагодощенском районах Вологодской области в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 17714–17715.
19. Башенькин А.Н. Отчет по открытому листу № 823 о раскопках поселений Куреваниха IV и Куреваниха XIV в Устюженском районе, городища у д. Бабушкино Чагодощенского района и разведках в Бабаевском районе Вологодской области в 2007 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 26634.
20. Башенькин А.Н. Отчет о раскопках могильников и поселения у д. Падун Чагодощенского района и у д. Куреваниха Устюженского района Вологодской области, а также разведках в Чагодощенском, Устюженском и Бабаевском районах Вологодской области и Бокситогорском районе Ленинградской области в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14943.
21. Башенькин А.Н. Отчет Северорусской археологической экспедиции о раскопках поселения и могильника у д. Пугино Кадуйского района и разведках в Бабаевском и Сокольском районах Вологодской области в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19417.
22. Башенькин А.Н. Отчет Северорусской археологической экспедиции о работах в Вологодской области в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11418.
23. Захаров С.Д., Меснянкина С.В. Отчет о работах Онежско-Сухонской экспедиции в 2011 г.: раскопки комплекса средневековых памятников «Крутик – Кладовка» у д. Городище в Кирилловском р-не Вологодской обл.; разведочные обследования окрестностей этого комплекса и окрестностей поселения Васютино на р. Мегре в Белозерском р-не Вологодской обл. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 34541, 34542.
24. Захаров С.Д., Меснянкина С.В. Крутик – новые открытия // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011.
25. Захаров С.Д., Меснянкина С.В. Могильники поселения Крутик: первые результаты исследований // Археология Владимирской области: материалы научного семинара / Ред. Н.А. Макаров. Вып. 4. М.; СПб., 2012.
26. Kleshchenko, E. Folk from “Lodges of the Dead” (on the Burial Sites of the Russian North in First Millennium AD) / 22th Annual Meeting of the European Association of Archaeologists, Vilnius, 31st August – 4th September 2016. Abstracts. Vilnius, 2016.

*Институт археологии РАН,
Москва*

E.A. Kleshchenko, N.G. Svirkina

**METHODOLOGICAL APPROACHES IN THE STUDY OF CREMATED BONE REMAINS
FROM COLLECTIVE BURIALS (ON THE EXAMPLE THE MATERIALS OF CEMETERIES
OF THE RUSSIAN NORTH OF I MILLENNIUM AD)**

Summary

The study of cremation is a relevant research area that develops on the basis of the application of new methodological approaches. The efficiency of the studies of cremated remains from collective graves is directly dependent on the thoroughness of the archaeological excavations. The article presents the results of the comparison of anthropological and planigraphic analyses of the collective cremations in the cemeteries of the first Millennium AD, studied by using different methodology of excavation. Guidelines for collecting and fixing cremated bone remains from archaeological sites are proposed.

*Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences,
19, Dm. Ulyanova St., Moscow, 117036,
Russia*

*E.A. Kleshchenko – E-mail: malzeva-ekaterina@mail.ru
N.G. Svirkina – E-mail: natasha260793@mail.ru*

А.С. Сыроватко, Н.Г. Свиркина, Н.С. Жеребцова

ОПЫТ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КРЕМАЦИЙ ФИНАЛА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА: ЕДИНСТВЕННОЕ УЦЕЛЕВШЕЕ ПОГРЕБЕНИЕ В КУРГАНАХ ЩУРОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Селище Щурово и расположенный на нём могильник стационарно исследуются свыше 10 лет. Поселение было открыто в 1986 г. Р.Л. Розенфельдтом, а В.Ю. Коваль при шурфовке памятника в 1993 г. обнаружил на нём первое погребение, интерпретированное им как сожжение на стороне с помещением костей в ямку [1; 2]. Позднее было установлено, что на селище позднелевосточского времени располагается курганный могильник. Открытие курганов на поселении стало неожиданностью: во-первых, в данном регионе Подмосковья до этого момента не были известны трупосожжения в курганах, а во-вторых – на данной территории были почти не известны и поселения и погребения 2-й пол. I тыс. н.э.

В период с 2001 по 2010 год были обнаружены и исследованы 5 курганов. Все они в целом демонстрируют единство обряда. Во всех сооружениях, за исключением кургана 4, были зафиксированы канавка под насыпью, а также внешний ров, охватывающий двумя полукольцами насыпь. Предположительно курганы являются остатками сооружений типа «домиков мёртвых» – деревянных конструкций, содержащих внутри остатки погребального костра [3, с. 302–303]¹.

Локализация остатков погребального костра, в частности кремированных фрагментов скелета, в курганах разнообразна. В кургане 1 погребение представляло собой компактное скопление кальцинированных костей диаметром около 1 м (исследовано В.Ю. Ковалем в 1993 г. [2]). Погребение в кургане 2 – «рассеянного» типа, кости были распространены на значительной площади, включая внешний ров, и не образовывали скоплений. Материалы исследования кургана 4 опубликованы [4], погребений в нём было несколько, ров в плане не имел формы кольца, а внутренняя канавка (оградка?) отсутствовала. О погребении в кургане 5 что-либо сказать сложно, так как этот объект был практически полностью разрушен в XX веке и единственные уцелевшие кости в нём находились в придонной части рва.

В настоящей работе мы представили курган 3. Долгие годы мы возлагали надежды на антропологическую коллекцию из него, поскольку только в нём были обнаружены «полная щуровская конструкция», то есть и оградка, и кольцевой ров, а также скопление костей внутри оградки.

Курган 3 имел насыпь высотой ок. 0,4 м и диаметром 7–8 м (рис. 2). Точно её измерить невозможно, поскольку вся её северо-восточная часть разрушена глубокой ямой (на рис. 1 обозначена штриховкой) – то ли грабительской, то ли миникарьером по добыче песка. Рвы, вероятнее всего, испытали на себе воздействие сноса (смыва) слоя. Наиболее сохранным оставался участок с северной стороны, его ширина составляла 2,5 м, а глубина достигала 0,9 м. Этот же ров с восточной стороны имел в ширину всего чуть более 1 м и в глубину всего 20–30 см. Скорее всего, как и у кургана 1, с восточной стороны участок рва был смыт весенними паводками, случившимися, вероятно, во 2-й пол. XVII – 1-й четв. XVIII в. Подрез грунта пощадил только придонные отложения. Ров состоял из двух частей (или двух отдельных канавок). Одна часть охватывала чуть более половины диаметра, обрываясь на западе и на юге (яма 1 на рис. 1, участок заполнения виден также на рис. 3). К юго-западу от центра располагался ещё один небольшой отрезок (участок) рва длиной ок. 5,5 м и шириной 2,2 м (на рис. 1 это яма 11; участок заполнения её виден также на рис. 4). Таким образом, рвы образовывали два прохода – с юга шириной ок. 4 м и с запада, шириной чуть больше 1 метра. В основе кургана – чёрный углистый песок (рис. 5). Перекрывающей его насыпи не было, или она не сохранилась. В насыпи располагалась канавка глубиной (от уровня материка) до 0,5 м и шириной ок. 0,4–0,5 м, “читавшаяся” практически уже под дёрном (рис. 1–5). Диаметр её – ок. 8 м.

¹ Сама идея такой интерпретации основана на исключительно малом интервале между кольцом оградки и рвом, что хорошо заметно на рис. 1. Поскольку весь объект сложен рыхлым крупнозернистым песком, насыпь этого состава просто не удержалась бы на таком небольшом пространстве и неизбежно сползла бы в ров. По этой причине мы предположили, что оградка удерживала насыпь внутри себя, и назвали эти объекты «домиками мёртвых». Однако в публикации мы продолжаем пользоваться термином курган.

Вопрос о характере погребения в этом кургане пока остаётся открытым. В процессе исследования кургана были выявлены два участка с высокой концентрацией кальцинированных костей (рис. 1). Первый был зафиксирован в северной части рва кургана (раскопки 2004 г.). Только несколько лет спустя стало понятно, что эти кости залегали несколько ниже слоя грунтового могильника (но значительно выше придонной части), что сильно осложняет интерпретацию этого факта. М.В. Добровольской кости определены как принадлежащие человеку не старше 20 лет и мелкому млекопитающему, молодому животному [5, с. 103–104]. Связь этих скоплений с курганом хотя и возможна, но недоказуема, в то время как соотнесение их с грунтовыми погребениями логичнее.

Второй участок, на котором кости стали довольно часто встречаться, был зафиксирован в ходе раскопок 2006 г. в южной части кургана, в пределах канавки (квадраты 56–58, частично 67–68 участка 2 раскопа 3 2006 г.). Повышенная концентрация костей наблюдалась в кв. 56, 67 (рис. 1; рис. 6–8). В пределах кв. 56 был обнаружен объект – компактное скопление костей, выделявшееся на фоне вмещавшего их более свет-

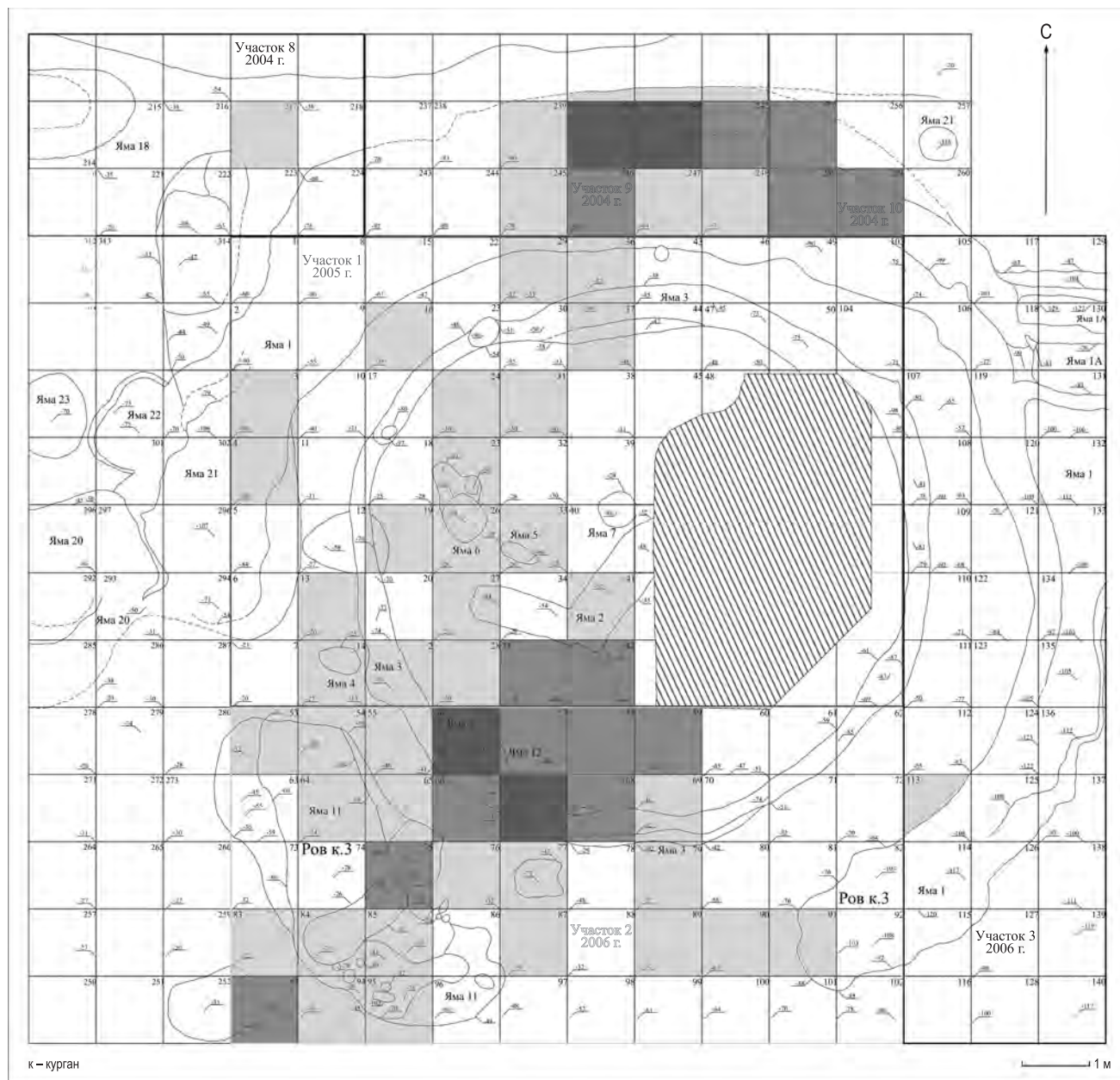

Рис. 1. Курган 3. Контуры материковых объектов («канавка» и рвы). Градациями серого цвета обозначена концентрация кальцинированных костей в объекте

Рис. 2. Курган 3 до начала исследования его южной половины. 2006 г. Вид с ЮЗ (Девушка с рейкой стоит на самой высокой его части, теодолит установлен у западного борта раскопа. За теодолитом виден засыпанный раскоп – северная часть объекта, исследованная в 2005 г.)

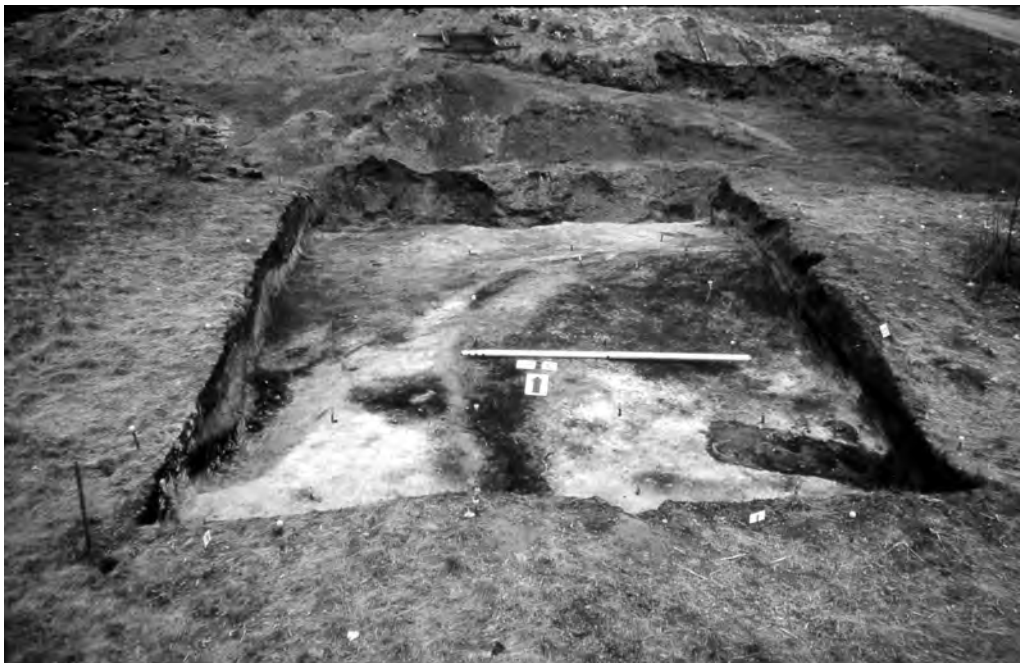

Рис. 3. Курган 3. Северо-западная часть. Раскоп 2005 г. Вид с юга, с опоры ЛЭП (В центре заметен северо-западный сегмент канавки (ямы 3), слой внутри неё ещё не разобран. За канавкой, в северо-западной части раскопа – тёмное заполнение рва)

Рис. 4. Курган 3. Южная часть кургана, участок 3 2006 г. Снимок сделан с опоры ЛЭП (Южный сегмент канавки оконтурен на фоне материка, но не разобран; в нижней части снимка – заполнение рва)

Рис. 5. Курган 3. Единственный разрез центральной части, её западной половины – профиль южной стенки раскопа 2005 г. (Хорошо виден разрез канавки, левее её (чёрный углистый песок) – заполнение центральной части)

Рис. 6. Курган 3. Компактное скопление костей в кв. 56, уровень зачистки 1

Рис. 7. Курган 3. Компактное скопление костей в кв. 56, уровень 2

Рис. 8. Курган 3. Компактное скопление костей в кв. 5б, уровень 3

лого слоя. Обломки костей располагались линзой, скорее под слоем чёрного песка, чем в нём самом, и были довольно крупными, что отличало этот объект от грунтовых погребений (рис. 6–8). При этом тёмно-серый песок, заполнявший промежутки между костями, был значительно темнее окружающих участков надматерикового, слабогумусированного песка, и само скопление выглядело как округлое в плане пятно размерами ок. 20×30 см. Это компактное скопление не было плоским, кости располагались приблизительно в 3 ряда, перепад по глубине составлял примерно 15 см. Находки в скоплении отсутствовали, но на фото на рис. 6–8 хорошо заметны мелкие фрагменты керамики, что, вероятно, свидетельствует о том, что кости эти находились в “порции” культурного слоя.

Стоит отметить, что небольшое количество кальцинированных костей было обнаружено также в южной (юго-западной) части кургана, но уже за пределами канавки: в пространстве между канавкой и рвом, во рву и за пределами рва (рис. 1). Остальная часть кургана оказалась пустой. Неясным оставался вопрос: можно ли считать эти кости частью погребения кургана, или они являются частью грунтовых захоронений?

Таким образом, появилась необходимость в получении дополнительных сведений для прояснения возникших вопросов. В данном случае неоценимым источником могли стать антропологические материалы. Прежде всего, мы можем определить минимальное количество индивидов и видовую принадлежность останков. Кроме того, на основании оценки таких характеристик, как цвет, размер, характер деформационных трещин, теоретически можно выявить различия в проведении обряда кремации, то есть выяснить: все ли собранные кости были сожжены на одном погребальном костре. Однако на практике это сделать трудно [6].

Нами была проведена визуальная экспертиза костного материала, собранного в процессе раскопок кургана 3. Общий вес кальцинированных костей составил 1405 граммов. Для костей характерно единообразие в цветности и размере. Фрагменты – размером преимущественно 1–1,5 см, светло-серого цвета со значительными термическими деформациями. Подобные характеристики дают основание предполагать, что сожжение осуществлялось на открытом воздухе при температуре свыше 700°C [7]. На костях полностью или практически полностью отсутствовали следы золы (за исключением костей из скопления в кв. 5б). Более чем для 90 % фрагментов установить принадлежность их к человеку или животному не было возможно.

Фрагменты костей, достоверно принадлежащих человеку, были выявлены в северной части рва, там же были обнаружены кости животных [5, с. 103–104]. При повторном просмотре были уточнены некоторые определения для фрагментов скелетов представителей фауны. Например, выявлены фрагменты рёбер, фрагмент позвоночного отростка и одного метаподия мелкого рогатого скота (МРС)² (рис. 9: 3).

² Уточняющие определения предполагаемых костей животных осуществила к.б.н. Е.В. Добровольская (Институт проблем экологии и эволюции РАН).

Особое внимание мы уделили материалам из объекта в кв. 56, так как кости располагались компактно, а фрагменты костей в среднем были крупнее (рис. 6–9). Однако и здесь визуальная экспертиза не выявила присутствие костей человека. Два фрагмента из этого скопления были идентифицированы как кости животного: фрагмент основания черепа, фрагмент хвостового отдела позвоночника (рис. 9: 2). Общий вес костей – около 153 гр. Цветность – от светло-серого до чёрного. Деформационные трещины ярко выражены. Температура сожжения превышала 700°C. Разнообразие в цветовом диапазоне, вероятно, связано с тем, что некоторые фрагменты костей, формирующие скопление, находились во время сожжения на периферии костра.

Кости человека не обнаружены среди кальцинированных фрагментов, сосредоточенных в ЮЮЗ части насыпи (кв. 57–58, частично 67–68 участка 2 раскопа 3 2006 г.; вес около 253 гр.). Однако были выявлены несколько фрагментов костей животных, один из которых является частью хвостового отдела позвоночника (предположительно свиньи).

Не оказалось фрагментов человеческого скелета и среди костей, найденных за пределами канавки. Кроме неопределимых фрагментов встречались кости животных. Более точные определения удалось дать для фрагментов, зафиксированных в ЮЗ части рва кургана: фрагмент эпифиза локтевой кости представителя крупного рогатого скота (КРС) (кв. 75) (рис. 9: 1), фрагмент нижней челюсти животного (кв. 53).

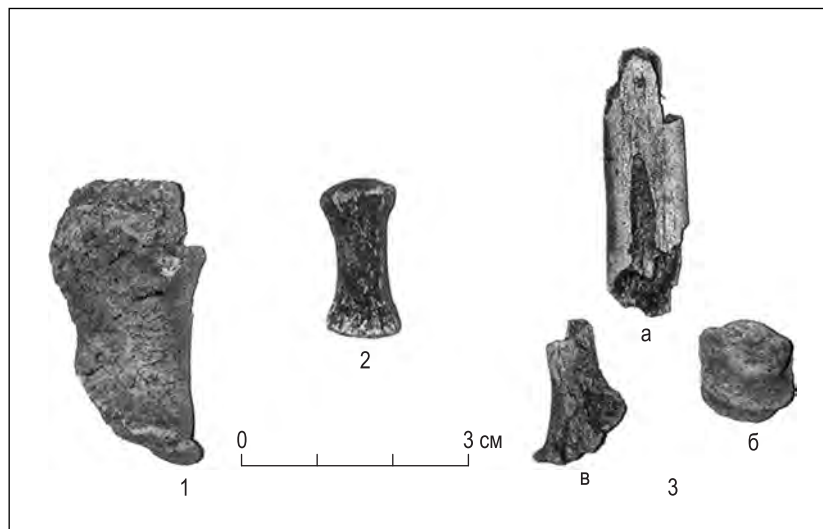

Рис. 9. Курган 3. Образцы костей:

1 – раскоп 3, кв. 75, пласт 5, кость животного (КРС); 2 – кв. 56, пласт 4 (скопление костей), кость животного (свиньи?), хвостовой отдел позвоночника; 3 – кости животных (МРС) из заполнения рва (ямы 1) в раскопе 2004 г. – фрагменты: а – ребра; б – метаподия; в – хвостового отдела

Результаты проведённой работы неоднозначны. Нам не удалось получить данные, с помощью которых мы смогли бы восстановить облик погребения. Единственное скопление, в котором были обнаружены кости человека, скорее всего, связано с грунтовыми погребениями. Вероятно, кости за пределами канавки тоже могут быть частью грунтового погребения. Доказать обратное в данном случае сложно. К тому же размеры фрагментов, их цвет и характер растрескиваний не сильно отличаются от таковых в большинстве грунтовых погребений могильника.

С большей уверенностью можно предположить, что связаны с погребением кургана 3 кремнированные кости, обнаруженные в южной части насыпи и в канавке. Визуальная экспертиза не позволила вычлнить фрагменты костей человека. Но как показывает практика, кремнированные кости животных сохраняются лучше костей человека.

Какие находки были сделаны в кургане и какие из них можно соотнести со временем его сооружения? Сразу оговоримся, что публикуемый “курган” позднедьяковского времени располагается на месте позднедьяковского поселения; специфика погребального обряда такова, что погребение в пределах объекта не имеет чётких границ; объект сильно разрушен. В результате мы имеем некий набор вещей, в основном бытового характера, возраст которых и положение в слое почти не дают оснований для соотнесения их с погребальным сооружением или со слоем поселения. Нам остаётся только перечислить эти вещи по так называемым зонам достоверности, то есть начать с площади, очерченной «оградкой», далее назвать предметы в пространстве между рвом и оградкой и, наконец, предметы из рвов. В первую очередь, это обломки сольгамы (рис. 10: 12), изготовленной из прямоугольного в сечении дрота, без язычка, происходящие из кв. 56, то есть обнаруженные внутри кольца оградки, в том же квадрате, где были найдены как отдельные кальци-

нированные кости, так и рассмотренное выше компактное скопление. К сожалению, повреждена и корродированна сьюльгама так сильно, что уточнить детали затруднительно. Если верно то, что завернутые концы сьюльгамы не выступают за пределы кольца, то это довольно простое изделие, от которого вряд ли стоит ожидать узкой датировки, – сьюльгамы этого типа есть в погребении 35 Андреевского кургана, датирующегося кон. I – нач. II в. н.э. [8, с. 61, рис. 82: 8] и в погребении 1125 Шокшинского могильника, относящегося к так называемой стадии 10 по В.И. Вихляеву с соавторами, датирующейся 2-й пол. VIII–IX в. н.э. [8, с. 144–145, 349]. Но нам кажется уместным сопоставить находку с кремациями могильника Соколова Пустынь 1, где они, такие же простые по устройству, датируются V–VII вв. н.э. [9, рис. XVI, XVIII].

Помимо сьюльгамы, в пределах канавки найдены предметы, типичные для позднедьяковского поселения: нож с округлой спинкой (рис. 10: 11, найден в современном перекопе, на контакте с надматериковым слоем), оселок (рис. 10: 13), биконические пряслица – целое и фрагмент (рис. 10: 1, 5; на целый предмет по сырой глине нанесён знак в виде ряда из трёх точек³), железный стержень (рис. 10: 7), рыболовный крючок (рис. 10: 9), капля белого металла (рис. 10: 10), фрагмент льячки (рис. 10: 2), железная игла (рис. 10: 8). Часть находок сделана в заполнении самой канавки (яме 3 раскопа 3) – это фрагмент пряслица (рис. 10: 3), керамическая бусина (рис. 10: 4), фрагмент костяного изделия (бусины ? – рис. 10: 14) и обломок литейной формы (рис. 10: 6). Литейная форма была раздроблена на 7 маленьких осколков, из которых удалось склеить крупную часть оборотной створки, на которой были вырезаны негативы петель для подвешивания с двумя литниками и каналом для стержня-вставки в петлю. Формочки для изготовления украшений из легкоплавких металлов известны в большом количестве в Восточной Европе, керамические более характерны для памятников позднедьяковского круга [11; 12]. Подобные предметы имеют сравнительно узкую дату – V–VII вв. н.э. [12, с. 105–106], но поселение и могильник в Щурово по датам могут следовать один за другим. Датировка формочки не даёт ответа, к какому из памятников она относится (хотя логичнее отнести её всё же к поселению). В целом все предметы, включая сьюльгаму, могут быть отнесены к периоду существования поселения, просто сьюльгама залежала совсем близко к костям. Конечно, погребальный обряд мог предполагать использование бытовых предметов, но в нашем случае доказать это невозможно. И, конечно, большинство изделий – и ножи, и шилья, и иглы, и пряслица – встречались не только в центральной части “кургана”, но и на всём памятнике. Бесформенный слиток металла типичен для грунтовых сожжений, хотя условия его обнаружения как будто бы исключают его связь с поздним могильником.

В пространстве между канавкой и рвом, в кв. 88, в верхнем слое найден плоский железный наконечник стрелы с вытянутым ромбическим пером и сломанным плоским черешком (рис. 11: 6). Похожие, хотя и не идентичные наконечники есть в древностях типа Луки-Райковецкой, на боршевских памятниках [13, табл. XXIV: 25, XL: 1], подобные экземпляры можно найти и в финно-угорских древностях [14, табл. XLIV: 3, XIX: 18], но точные аналоги нам неизвестны. К кургану он, вероятнее всего, не имеет отношения – либо он попал в насыпь с переотложенным грунтом при рытье канавки и рвов, либо в ещё более позднее время. Ещё один железный наконечник стрелы, черешковый, трёхлопастный (рис. 11: 7), найден в кв. 77, сразу за канавкой. Полных аналогов экземпляру, по нашим представлениям, в лесной зоне сравнительно немного, поскольку гуннские, в общем-то, традиции трёхлопастных наконечников стрел предполагают, как правило, и ромбическое перо. Довольно близкие аналоги щуровскому наконечнику стрелы есть в позднедьяковском Ратьковском могильнике [15, рис. 1: 1, аналоги – в этой же работе]. Из более южных аналогов отметим наконечники из погребений цебельдинской культуры, где они датируются сер. IV – сер. V в. н.э., а также из раннесредневековых могильников Крыма, в частности Дюрсо и Борисово [16, табл. 86: 9; 78: 1–10; 17, табл. 2: 29; 18, табл. 136: 11]. Широкое распространение наконечники стрел этого типа имели и в салтовское время, из узко датированных комплексов упомянем камеру 36 Даргавского могильника [19, с. 164]. Любопытное мнение о находках наконечников стрел такого типа в лесной зоне высказано А.М. Воронцовым, который связывает их с военными рейдами кочевников в кон. IV – 1-й пол. V в. и 1-й пол. – сер. VII в. н.э. [20, с. 230–231]⁴.

Помимо наконечников, есть серия находок «поселенческого» облика: целое и фрагментированное пряслица (рис. 11: 2, 4), язычок пряжки (рис. 11: 5), керамическое изделие-«хлебец» (рис. 11: 1), фрагмент керамической бусины (рис. 11: 3). Форма её уплощённо-цилиндрическая, хотя толщина её неодинакова и колеблется в пределах 4,5–7 мм. Диаметр – ок. 13 мм, диаметр отверстия – ок. 4 мм. Ещё один фрагмент бусины (рис. 11: 8) изготовлен из красного пастового стекла (?). Упомянем также два фрагмента тонких пластин белого металла. Похожие фрагменты часто встречались в грунтовых кремациях.

Объективности ради назовём также артефакты, обнаруженные во рвах или возле них с внешней стороны: это всё те же тонкие пластины белого металла и медного сплава (рис. 12: 4–5), нож с «округлой» спинкой (рис. 12: 6), фрагмент ножа (рис. 12: 7), фрагмент синей бусины (рис. 12: 3) и обломок биконического пряслица (рис. 12: 2). Все они сходны с обнаруживаемыми в промежутке между оградкой (канавкой) и рвом артефактами как в этом кургане, так и в прочих.

Помимо вещей в насыпи, как и во всех остальных, обнаружено большое количество фрагментов керамических сосудов позднедьяковского облика (рис. 13). Многообразие рецептур глиняного теста на этом памятнике описано нами в отдельной статье в настоящем сборнике, но на гистограммах на рис. 14–15 для удобс-

³ По классификации О.А. Лопатиной (Шаровой) [10] его можно соотнести с типом «Г».

⁴ Середина I тыс. н.э. и рубеж 3-й–4-й четв. I тыс. н.э. для Щурово – также значимые рубежи: на них приходится исчезновение поселения на «верхней» площадке и появление на ней могильника, а также исчезновение могильника вместе с поселением на «нижней» площадке.

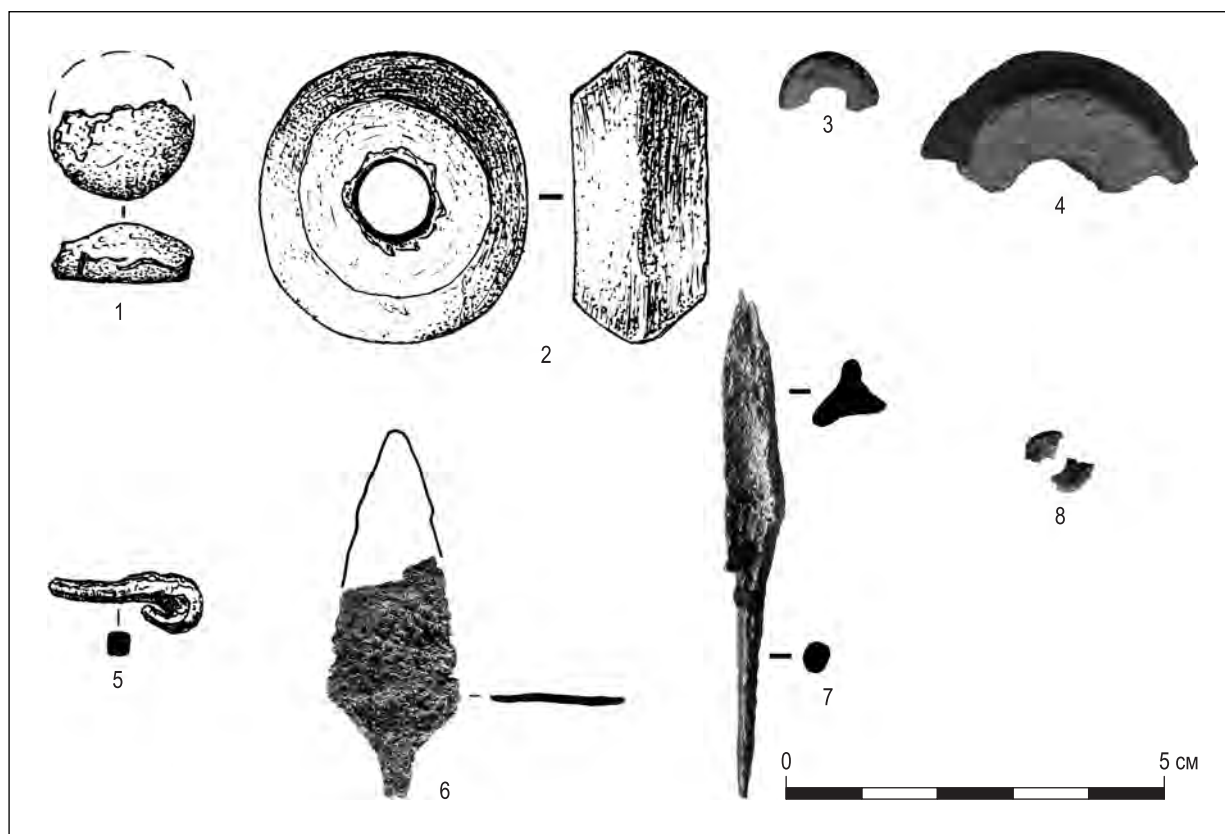

Рис. 11. Курган 3. Состав находок в слое между канавкой и рвами:

1 – «хлебец» керамический – № 12 (Щур. 05, р. 3, кв. 14, яма 4, гл./-37); 2 – пряслице керамическое биконическое – № 18 (Щур. 05, р. 3, кв. 36, пл. III, гл./+3); 3 – бусины керамической фрагмент – № 9 (Щур. 06, р. 3, пл. IV, кв. 78, 79 или 54, просеивание грунта); 4 – пряслица биконического фрагмент – № 16 (Щур. 06, р. 3, пл. V, кв. 76, гл./-25); 5 – пряжки железной язычок – № 4 (Щур. 05, р. 3, пл. IV, кв. 13, гл./-2); 6 – наконечник стрелы плоский железный – № 2 (острие предмета утрачено при выполнении металлографического анализа) (Щур. 06, р. 3, пл. III, кв. 88, гл./-275); 7 – наконечник стрелы трёхлопастный железный – № 3 (Щур. 06, р. 3, пл. III, кв. 77, гл./-2); 8 – бусины красного стекла фрагменты – № 10 (Щур. 06, р. 3, пл. IV, кв. 78, 79, 80, просеивание грунта)

тва анализа выделены три основных рецепта – глина + дресва (ГД), глина + шамот (ГШ) и глина с дресвой и с шамотом (ГДШ) в тесте. Мы уже высказывали мысль о том, что рецептура ГД является преобладающей для «верхней» площадки, на которой, собственно, и находится публикуемый объект. Доля шамотосодержащих рецептов в керамике, обнаруженной в кургане 3, составляет в целом ок. 30 % (рис. 15, табл. 1). Много это или мало? Это заметно больше, чем в яме 2, основание заполнения которой датируется нами 2-й четв. – сер. I тыс. н.э. (см. статью А.С. Сыроватко с соавторами в настоящем сборнике). Если же сравнить курган 3 с остальными (рис. 15, табл. 2), то получается любопытная картина – доля керамики с рецептами ГШ и ГДШ меньше всего в расположенном на южном окончании холма кургане 1⁵, в кургане 2 (занимающем центральное место на площадке) её ок. $\frac{1}{4}$, в кургане 3 – ещё больше и, наконец, в кургане 4 её около $\frac{1}{3}$. Если наша гипотеза о том, что керамика с шамотом в тесте (в том числе в сочетании с дресвой, ГШ и ГДШ) более поздняя, чем керамика с дресвой (ГД), и относится к периоду сооружения «домиков мёртвых», верна, то не исключено, что такое нарастание доли этой керамики в насыпях может быть отражением последовательности сооружения данных объектов. Это может быть как следствием того, что культурный слой с вещами и керамикой 3-й четв. I тыс. н.э. мог продолжаться формироваться на площадке, постепенно занимаемой погребальными конструкциями, так и результатом переноса этих вещей и керамики с места кремации, на котором также постепенно формировался этот слой (обратим ещё раз внимание читателя на мелкие фрагменты керамики среди костей в скоплении в кв. 56 – рис. 6–8).

Из гистограммы на рис. 15 и таблицы 2 можно сделать и такое наблюдение, не имеющее, впрочем, объяснения: рост доли керамики с рецептом ГШ соотносится с уменьшением доли керамики с рецептом ГДШ.

⁵ Гистограмма построена на основании данных автора раскопок кургана 1 В.Ю. Ковалёва [21].

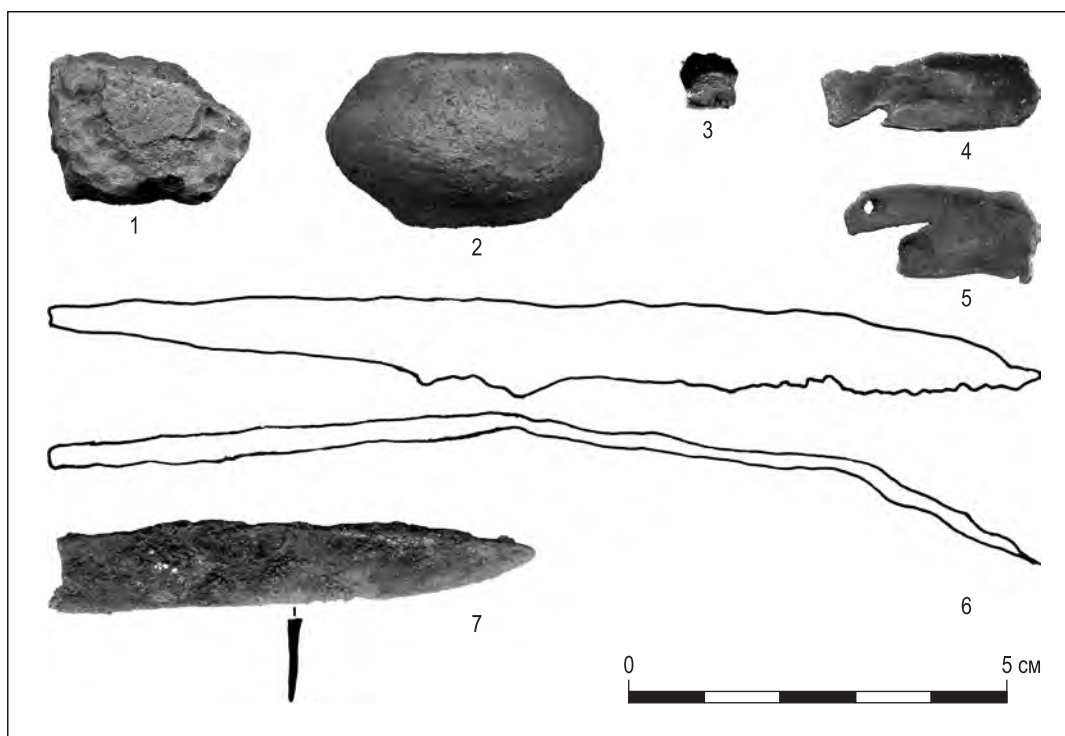

Рис. 12. Курган 3. Состав находок во рвах и за их пределами:

1 – керамическое изделие с штампом (литейной формы фрагмент) – № 33 (Щур. 05, кв. 5, пл. V); 2 – пряслица керамического фрагмент – № 43 (Щур. 06, р. 3, кв. 125, гл./-70); 3 – бусины синего стекла фрагмент – № 67 (Щур. 06, р. 3, пл. III, кв. 119, 130, 131, просеивание грунта); 4 – пластины белого металла фрагмент – № 7 (Щур. 06, р. 3, пл. IV, кв. 94, гл./-39); 5 – пластины цветного металла фрагмент – № 14 (Щур. 06, р. 3, кв. 95, гл./-42); 6 – нож железный – № 26 (Щур. 06, р. 3, кв. 63, дно ямы 11а); 7 – ножа железного фрагмент – № 62 (Щур. 06, р. 3, пл. III, кв. 130, гл./-62)

Существует ещё ряд деталей, присущих всем подобным сооружениям могильника:

1. Позднелдыжковский слой под ними или в них самих насыщеннее находками, чем в межкурганном пространстве.

2. Часто встречаются следы литейного производства – формы, куски тиглей, выплески, что в совокупности с некоторыми другими находками обнаруживает сходство с линзами позднелдыжковского слоя в низкой пойме, у подножия могильника.

Последнее обстоятельство может быть дополнительным, косвенным свидетельством того, что керамика и вещи могли попасть в насыпь “кургана” 3, как и остальных, путём переноса с места сожжения (где занимались также и ювелирным производством?), которое располагалось где-то ещё (в пойме?)⁶.

О возрасте объекта можно, тем не менее, судить по радиоуглеродной дате 1460 ± 40 л.н. (ГИН-13292), калиброванный возраст приходится на интервал 575–639 гг., что практически совпадает с датами из кургана 1. Образец извлечён из кв. 18 (глубина /-18, пласт 5), это скопление угольков на контакте чёрного углисто-го песка и подстилающего слоя слабогумусированного песка⁷. Даты из курганов 1 и 4 чрезвычайно близки и также указывают на 3-ю четв. I тыс. н.э. [22].

Настоящая работа является всего лишь публикацией. Курганы с кремациями или «домики мёртвых» Щурово уже получили определённую известность, но отдельной публикации этих объектов до настоящего времени не было, и нами двигало, в первую очередь, желание «рассказать, как всё было». Однако стоит отметить, что объекты эти остались не понятыми до конца, и курган № 3 типичен в этом отношении – он, как и прочие, сильно разрушен, а погребение в нём, по существу, не найдено. Мы возлагали надежды на скопление костей в кв. 56 публикуемого кургана, но работа антрополога эти надежды разрушила. Каков же итог?

⁶ Это предположение, хоть и является в настоящий момент только догадкой, многое объясняет: стратифицированность керамики в насыпях; обилие поселенческого материала; присутствие разрозненных костей в слое в качестве фона и, наконец, упоминавшиеся уже фрагменты керамики среди костей, например в скоплениях в кв. 56.

⁷ В отчёте 2006 г. упоминается ещё образец ГИН-13542а возрастом 910 ± 100 л.н. Однако теперь очевидно, что этот образец, найденный на небольшой глубине, в проходе между рвами, к кургану не имеет отношения – это угли периода совершения на памятнике грунтовых погребений-кремаций.

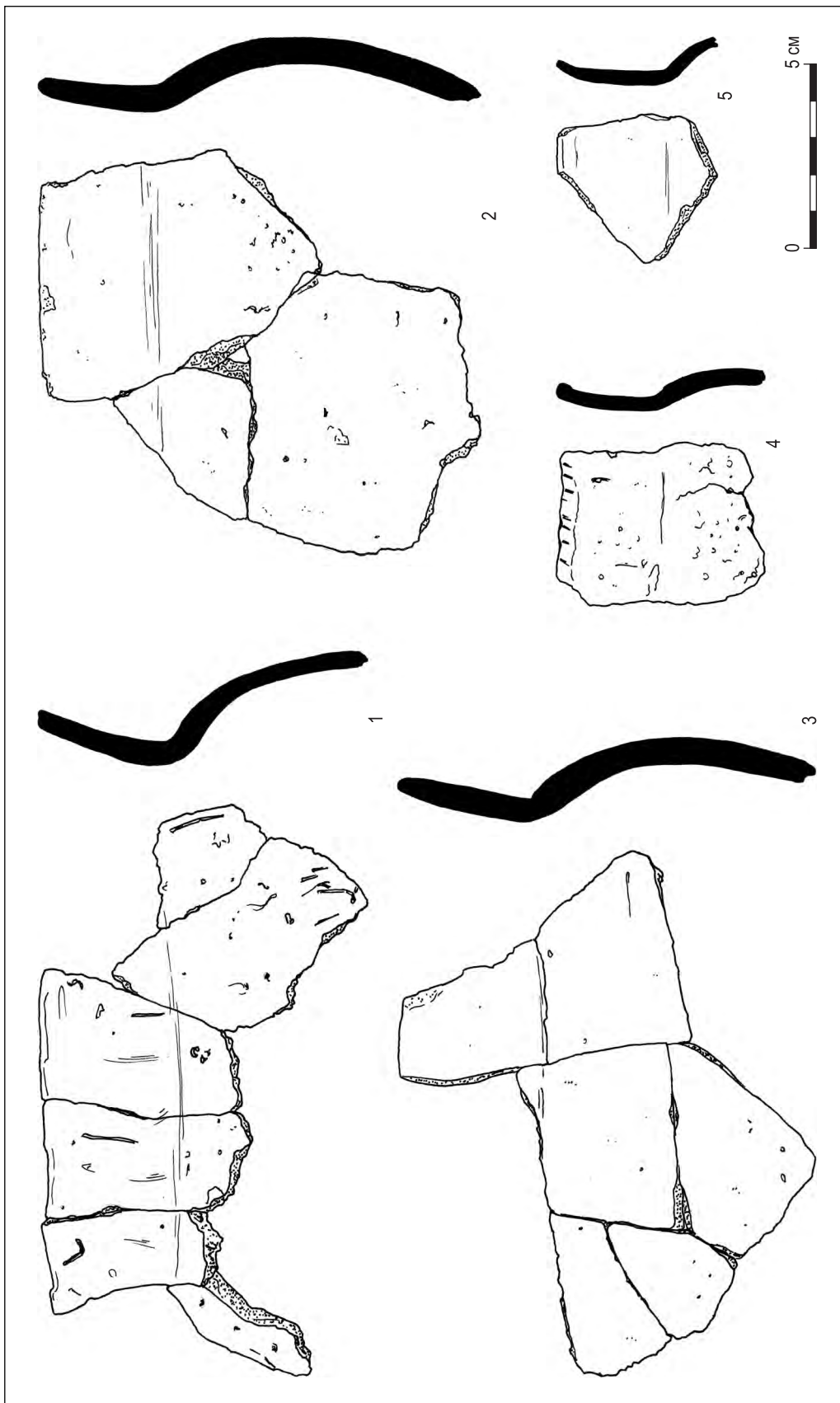

Рис. 13. Курган 3. Верхние части керамических сосудов из слоя

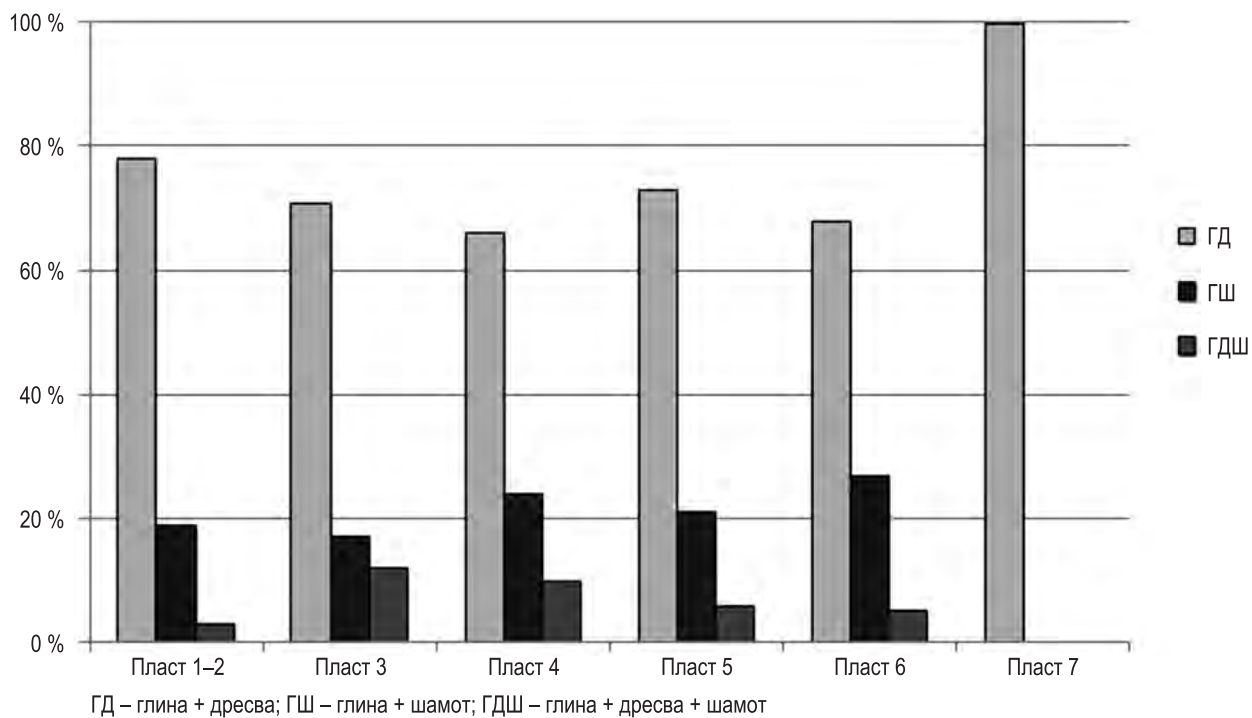

Рис. 14. Курган 3. Распределение керамики с различными рецептурами теста в насыпи

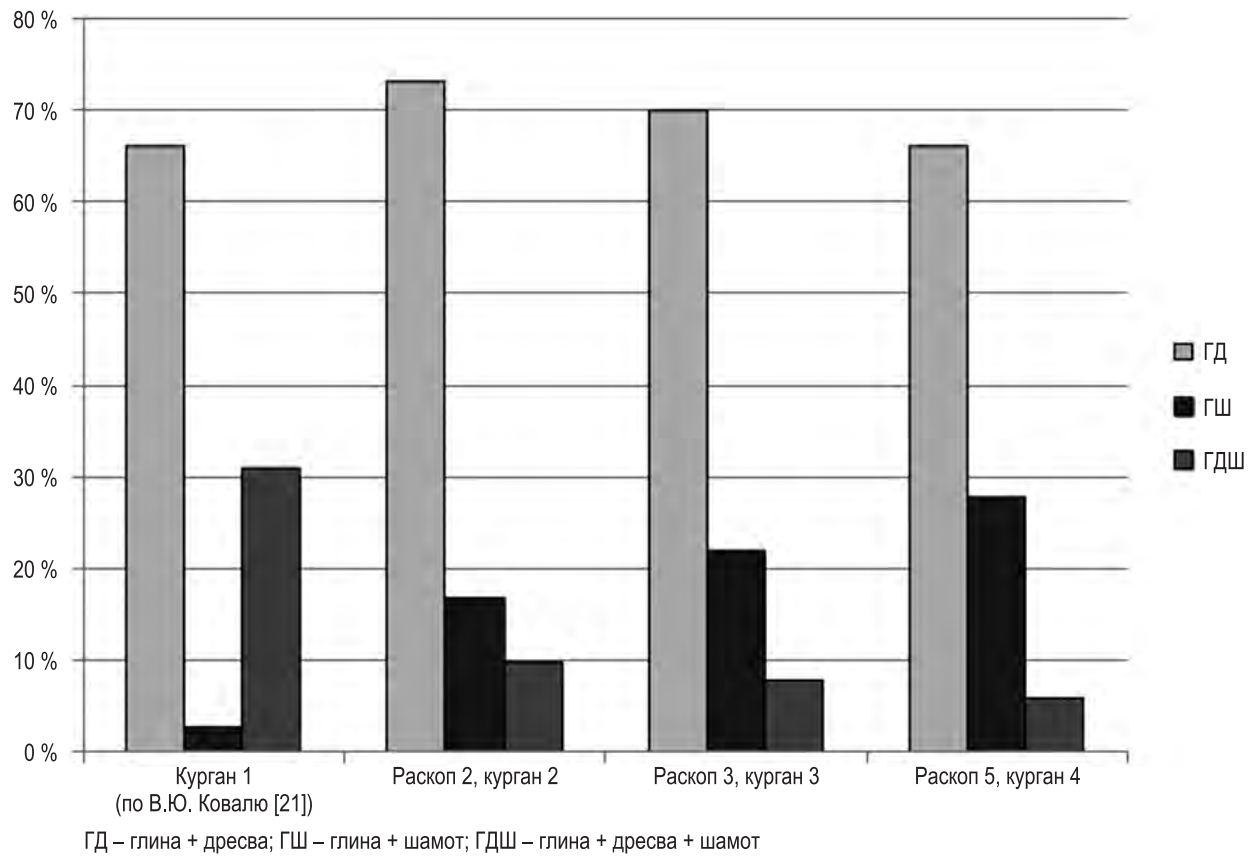

Рис. 15. Состав керамики с различными рецептурами теста в Щуровских курганах

Таблица 1. Курган 3. Распределение керамики по пластам

Объект	ГД		ГШ		ГДШ		Всего	
Пласт 1–2	21	77,8 %	5	18,5 %	1	3,7 %	27	100 %
Пласт 3	29	70,7 %	7	17,1 %	5	12,2 %	41	100 %
Пласт 4	61	66,3 %	22	23,9 %	9	9,8 %	92	100 %
Пласт 5	38	73,1 %	11	21,1 %	3	5,8 %	52	100 %
Пласт 6	15	68,2 %	6	27,3 %	1	4,5 %	22	100 %
Пласт 7	2	100 %	–	–	–	–	2	100 %

ГД – глина + дресва; ГШ – глина + шамот; ГДШ – глина + дресва + шамот

Таблица 2. Распределение керамики различных традиций в насыпях курганов

Объект	ГД		ГШ		ГДШ		Всего	
Курган 1 (по В.Ю. Ковалю [21])	546	66,4 %	18	2,2 %	258	31,4 %	822	100 %
Раскоп 2, курган 2	97	73,5 %	22	16,7 %	13	9,8 %	132	100 %
Раскоп 3, курган 3	166	70,3 %	51	21,6 %	19	8,1 %	236	100 %
Раскоп 5, курган 4	101	66 %	43	28,1 %	9	5,9 %	153	100 %

ГД – глина + дресва; ГШ – глина + шамот; ГДШ – глина + дресва + шамот

Для всех “курганов”, так же как и для “кургана” 3, не существует достоверного вещевого комплекса, нет достоверно выделенных погребений, исследованных антропологом (за исключением, пожалуй, кургана 4 [4]); неизвестна природа костей во рвах, под слоем могильника⁸; непонятными остаются многие детали погребального обряда (роль в нём кремации животных, место сожжения и т.п.). Более-менее определённо известен только возраст этих объектов благодаря радиоуглеродному методу – 3-я четв. I тыс. н.э. Но все препятствия, затрудняющие их понимание, не отменяют исключительной важности этой уникальной пока находки.

⁸ Можем в качестве предположения высказать мысль, что погребение могло располагаться на вершине погребальной конструкции и при её разрушении “сползти” в ров. Такая версия объясняет наличие костей во рвах *под* слоем грунтового могильника в курганах 3 и 5.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Розенфельдт Р.Л. Отчет об археологических разведках на территории Московской области в 1986 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 11831.
2. Тавлицева Е.Ю. Литейные формы для изготовления слитков с территории Москвы и Подмосковья // ТАС. Вып. 4. Т. II / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь, 2001.
3. Сыроватко А.С. Реконструкция погребальных сооружений Щуровского могильника // КСИА. Вып. 224. 2010.
4. Погребальный обряд Щуровского могильника: новые результаты междисциплинарных исследований / А.С. Сыроватко, М.В. Добровольская, Е.А. Мальцева, А.А. Трошина // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 3 / Отв. ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула, 2012.
5. Опыт междисциплинарных исследований погребального комплекса Щурово / А.С. Сыроватко, М.В. Добровольская, А.А. Клочко, Д.Л. Шишков // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 8 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М., 2008.
6. Клещенко Е.А., Сыроватко А.С., Добровольская М.В. Об информативной значимости описания костных кремированных фрагментов. Опыт эксперимента в полевых условиях // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. II / Под ред. И.Н. Черных. Тверь, 2015.
7. Walker, P.L., Miller, K.P. Time, Temperature and Oxygen Availability: an Experimental Study of the Effect of Environmental Condition on Color and Organic Content of Cremated Bone // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 40. 2005.
8. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья / В.И. Вихляев, А.А. Беговаткин, О.В. Зеленцова, В.Н. Шитов. Саранск, 2008.
9. Потемкина О.Ю., Сыроватко А.С., Клещенко Е.А. Соколова Пустынь – новый погребальный памятник позднетьяковского времени // КСИА. Вып. 230. М., 2013.
10. Шарова О.А. Две традиции изготовления пряслиц Верхнего Поднепровья и прилегающих территорий в I-м тыс. н.э. // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья. Калуга, 2004.
11. Тавлицева Е.Ю., Лопатина О.А. Тигли и литейные формы Ростиславльского городища // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 5 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М., 2009.
12. Кренке Н.А., Тавлицева Е.Ю. Литейные формы финального этапа существования Дьяково городища // Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. н.э. М., 2011.
13. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. (Археология СССР)
14. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. (Археология СССР)
15. Вишневецкий В.И. Финно-угорский раннесредневековый могильник на Ратьковском городище в верховьях р. Дубны // ТАС. Вып. 5. Тверь, 2002.

16. *Дмитриев А.В.* Могильник Дюро – эталонный памятник древностей V–IX вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М., 2003.
17. *Гей О.А., Бажан И.А.* Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.
18. *Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф.* Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. (Археология СССР)
19. *Дзаттиаты Р.Г., Успенский П.С.* Катакомба хазарского времени из Даргавосского могильника в Северной Осетии // РА. 2016. № 2.
20. *Воронцов А.М.* Памятники мощинской культуры в третьей четверти I тыс. н.э. // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). М., 2016. (Раннеславянский мир. Вып. 17)
21. *Коваль В.Ю.* Отчет об археологических разведках в Озерском и Луховицком районах Московской области в 1993 году // Архив ИА РАН. 1994. Р-1. № 17732.
22. *Syrovatko, A., Zaretskaya, N., Troshina, A., Panin, A.* Radiocarbon Chronology of the Schurovo Burial Mound Cremation Complex (the Viking Times, Middle Oka River, Russia) // Radiocarbon. Vol. 54. Nr. 3–4. Tucson, 2012.

*МБУ «Коломенский археологический центр»,
Коломна*

*Институт археологии РАН,
Москва*

A.S. Syrovatko, N.G. Svirkina, N.S. Zhrebtsova

**ON THE ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS OF CREMATION IN THE FINAL OF THE EARLY IRON AGE:
THE ONLY SURVIVING GRAVE IN THE BARROWS OF THE SHCHUROVSKY CEMETERY**

Summary

The article presents the results of the study of a burial construction – “mortuary house” No. 3 of the Shchurovsky burial (Moscow region, right bank of the river Oka at Kolomna). This object, according to the author's reconstruction, originally was a wooden structure containing the soil with the remains of the funeral pile, and the soil taken from the ditches that surrounded it. Over time, the object took on the form of a low barrow, the central part of which was destroyed by major earthworks in Soviet times.

The analysis of the cremated bones revealed that there were no authentic human bones in the central part of the structure, however, those were found in the filling of the ditch on the northern side. No human bones were found within a small hoard of bones in the square 56. Numerous artifacts belong to the second – the third quarters of the I millennium AD, but there is no evidence of their connection with the burial. On the basis of radiocarbon dating the object can also be attributed to the third quarter of the I millennium AD, but it is built on the site of the settlement of the second quarter – the middle of I millennium AD. The analysis of the manufacturing technology of ceramics showed that the pottery found in the mound contains a trace elements of crushed stone in the clay paste, typical for the second quarter of the 1 millennium AD, as well as the ceramics with an admixture of shamotti, which is characteristic for the third quarter of this millennium. The authors suggest that during the burial ceremony ceramics and objects associated with jewelry production, synchronic to the time of the rite, were brought along to add to funeral pile at the burial place where humans and animals were burned.

*Municipal Budgetary Institution
“Kolomna Archaeological Centre”,
5, Kremlyevskaya St., Kolomna, 140400,
Russia*

*A.S. Syrovatko – E-mail: arxeolog-net@rambler.ru
Sasha.syr@rambler.ru*

N.S. Zhrebtsova – E-mail: natashanatasha2110@rambler.ru

*Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences,
19, Dm. Ulyanova St., Moscow, 117036,
Russia*

N.G. Svirkina – E-mail: natasha260793@mail.ru

С.В. Горячёв

КУЛЬТ ВЕДИЧЕСКИХ БОГОВ В ПЕТРОГЛИФАХ ВОСТОЧНОГО БЕРЕГА ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА*

Изображения, относящиеся к различным религиозным культам, как правило, имеют устойчивые традиционные элементы, которые сохраняются на протяжении всего времени существования религиозного культа и различаются только технологией их исполнения.

Способ создания таких изображений непосредственно связан с технологическим уровнем цивилизации и эволюцией мастерства художника. Возможное соответствие некоторых наскальных изображений на территории Фенноскандии культу ведических богов может быть определено по совпадению традиционных элементов изображений. Одним из наиболее известных на территории России петроглифов неолита является изображение на мысе Бесов Нос Онежского озера, которое, с позиций христианства, принято именовать Бесом (рис. 1) [1, с. 136].

На совпадение главных атрибутов «Беса» с каноническим изображением бога Брахмы я уже обращал внимание в своём исследовании «Атрибуты ведических богов в петроглифах Фенноскандии» [2]. Повторю самое главное: данное изображение имеет канонические элементы изображения Брахмы, а именно – красный цвет изображения, поза с поднятыми в благословении руками и, главное, четырёхликость Брахмы, выраженная неолитическим художником в виде квадратной головы этой антропоморфной фигуры. Обратим внимание на фрагмент текста Махабхагавата-пураны [3, гл. 3 «Миропроявление»], где речь идёт о создании Брахмой материального мира:

«... После этого Брахма разделил на две части собственное тело,
И из левой половины была рождена прелестная обликом женщина по имени Шатарупа,
А из правой половины возник Сваямбхува Ману (Самосозданный Мужчина – *авт.*).
Он взял в жены ту обворожительно улыбающуюся красавицу,
Пронзенную пятью цветочными стрелами Камы.».

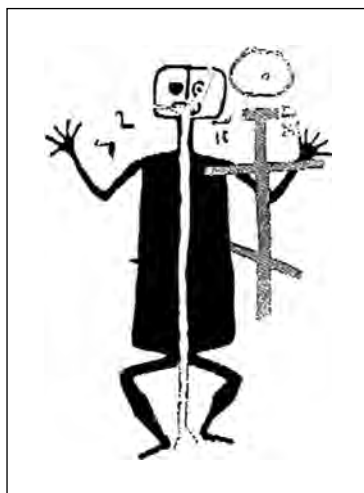

Рис. 1. Изображение Брахмы на мысе Бесов Нос

* Публикация доклада, сделанного 26.03.2015 г. на 18-м заседании научно-методического семинара с международным участием «Тверская земля и сопредельные территории в древности».

Но и антропоморфная фигура на мысе Бесов Нос выполнена так, что трещина в скале является осью симметрии фигуры божества, при этом на уровне рта трещина меняет своё направление таким образом, что правая часть трещины (правая относительно фигуры) проходит перпендикулярно оси лица, а левая, изгибаясь, проходит под глазом, изображая подобие улыбки. При этом правый – «мужской» – глаз изображён сплошным кругом, а левый – «женский» – кругом и окружностью, которую предположительно можно связать с древним макияжем.

Кроме изображения Брахмы на мысе Бесов Нос существовали изображения Брахмы на мысе Пери Нос, на куске скалы, находящейся теперь в Эрмитаже: Брахма на лебеде (рис. 2:а) и четырёхликий Брахма с бородами правого и левого лица (рис. 2:б). При изучении Махабхараты [4], Шива махапураны [5], Вишну пураны [6], других ведических текстов и иконографии индуизма было обнаружено, что среди наскальных рисунков на территории Фенноскандии имеются изображения, сюжет которых по основным признакам может относиться к культам богов Вишну и Шивы.

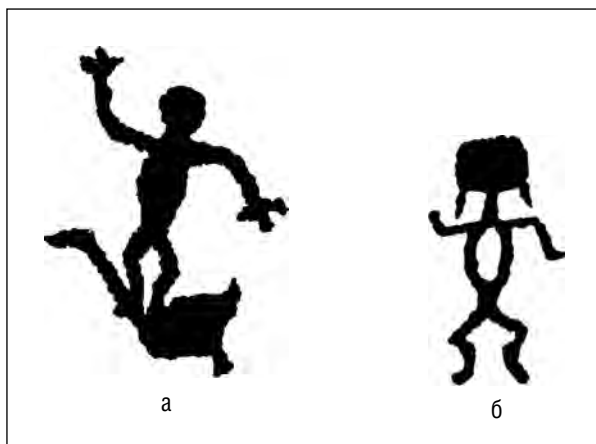

Рис. 2. Изображение Брахмы на мысе Пери Нос [1, с. 28]

Согласно тексту книги первой Вишну пураны бог Вишну воплощался в материальном мире в виде аватар: Вишну-Матсья (Рыба), Вишну-Курма (Черепаша), Вишну-Вараха (Вепрь), Вишну-Нарасимха (Лев), а также в телах людей.

В аватаре Матсья (Рыба) Вишну предупреждает мудреца Ману о грядущем потопе и даёт ему указание построить большую лодку, взять на неё близких ему людей и семена всего живого. Во время потопа Вишну-Матсья тащит привязанную к его рогу на голове лодку Ману на север, и когда вода начинает спадать, лодку привязывают к горе, которую так и называют «ной бхандана», что в переводе с санскрита – «лодочная привязь». Наскальное изображение, относящееся к культуре бога Вишну в аватаре Матсья (Рыба), находится на небольшой площадке, относящейся к острову Ерпин Пудас в русле реки Выг, в районе города Беломорска (рис. 3). На рис. 3:а – фотография петроглифа с изображением рыбы, имеющей голову и конечности, возможно, человека, сделанная мной в 2013 г. [2]. На рис. 3:б – прорисовка того же петроглифа [7]. На рис. 3:в – Вишну-Матсья – барельеф на стене храма севернее Тикри, Индия, Джамма и Кашмир [8]. На рис. 3:г – современная икона (автор – Shri Monohar Saihi) Вишну в аватаре Матсья [9].

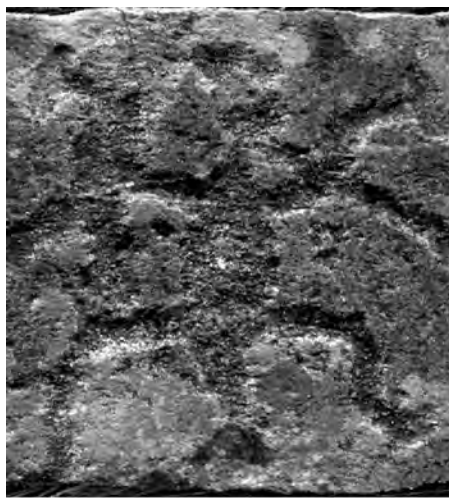
Очевидно, что различия между современными и неолитическими изображениями Вишну-Матсья обусловлены, во-первых, технологией создания изображения, во-вторых – развитием религиозных представлений, что могло произойти уже на территории Индостана, и в-третьих – появлением художественного приёма, при котором многорукость или многоголовость позволяют в изображении одной фигуры показать множество функций божества.

Следует обратить внимание на то, что петроглиф Матсья (рис. 3:а) изначально был расположен настолько близко к уровню воды в реке Выг, что при весеннем разливе, вероятно, затоплялся водой, а при снижении уровня воды оказывался на суше. Возможно, это символизировало «потоп» и последующий уход воды. Согласно тексту Вишну пураны [6] следующим воплощением Вишну был Курма – Черепаша.

Обратим внимание на петроглиф (рис. 4:а), выбитый в устье реки Водлы на скале мыса Кочконаволоок.

По рис. 4:в [12], г [13] видно, что имеются совпадения с петроглифом по форме тела и расположению конечностей, то есть можно предположить, что петроглиф является изображением черепахи. В свою очередь, сравнительно большой размер его, превышающий 1 метр, явно доминирует над размерами других фигур на мысе Кочконаволоок, что делает изображение черепахи главенствующим. Учитывая место расположения – Шала, которое может являться местом поклонения Вишну – Шалаграмой, можно предположить, что петроглиф на рис. 4:а является изображением бога Вишну в аватаре Курма (черепаха).

Кратко о возможном соответствии местности Шала Шалаграме из текста Махабхараты:

а

б

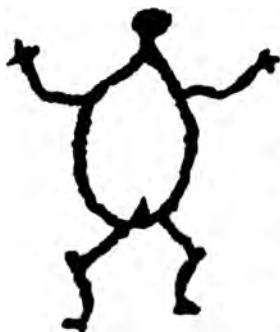
в

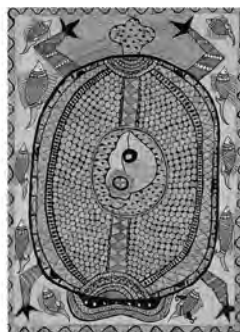
г

Рис. 3. Изображения Вишну-Матся:

а, б – предположительно изображение Вишну-Матся на камне в районе острова Ерпин Пудас; в – Вишну-Матся, барельеф на стене храма севернее Тикри, Индия, Джамма и Кашмир (5–8 вв. н.э.; фото Man Munshi Ji [8]); г – современная икона Вишну-Матся

а

б

в

г

Рис. 4. Изображения бога Вишну в аватаре Черепаха и фото современных черепах:

а – прорисовка петроглифа с мыса Кочконоволок в устье р. Водла, район Шалы [10, рис. 7; рис. 12:г]; б – индийский народный рисунок с изображением Вишну в аватаре Курма (черепаха) [11]; в, г – фото черепах [12; 13]

- в слове Шалаграма корень «грама» переводится с санскрита как «деревня»;
- кроме того, топоним «Шала» может происходить от древнего названия ели.

В словаре санскрита В.А. Кочергиной [14] «шала» имеет такие варианты перевода на русский, как: «палка, посох», «жезл». Тем не менее для предположения, что слово «шала» могло обозначать дерево «ель», есть следующее основание – корень «шал-» входит в состав таких слов, как:

- «шала бха» = «саранча» (яйцеклад саранчи можно сравнить с иглой);
- «шалала» = «игла дикобраза»;
- «шалаакаа» = «заноза» (один из вариантов);
- «шалья» = «остриё стрелы, шип, колючка»;
- «шальяка» = «дикобраз» (дословно «колючий шар»).

То есть корень «шал-» входит в состав слов, так или иначе связанных с иглой или колючкой. Таким образом, описанные в Махабхарате «исполиньские» деревья «шала» должны быть хвойными. Учитывая, что «со-сна» на санскрите звучит как «деодар», то «шала» может быть «елью». Надо обратить внимание и на то, что взрослые ели, растущие на открытых местах, сохраняют хвою на нижних ветвях, которые опускают свои концы к земле (особенно под весом снега), образуя в приствольной зоне свободный объём, который можно использовать как импровизированное жилище – на санскрите «ашрам». Кроме того, зимой в лесной зоне при отсутствии тростника еловые ветви являются наилучшим природным материалом для кровли шалаша. Возможно, слово «шалаш» является сохранившейся формой от «шала ашрам» – дословно «еловое жилище».

По тексту Вишну пураны [6], в аватаре Курма (черепаха) бог Вишну проявляет себя в эпизоде получения напитка бессмертия – амриты. Этот эпизод также известен под названием «пахтание океана». Это действие происходило на северном берегу «молочного» океана, в который светлые боги (суры) и тёмные боги (асуры) бросили множество лекарственных растений. Используя в качестве мутовки гору Мандару, а в роли верёвки змея Васуки, суры и асуры, натягивая попеременно верёвку, вращали гору Мандару, пахтая (взбивая) «молочный» океан. Сначала гора Мандара была установлена непосредственно на дне океана вершиной вниз и при вращении постепенно начала погружаться в грунт. Это могло закончиться тем, что Мандара могла бы провалиться в Нараку (Ад). Чтобы предотвратить это, бог Вишну принял образ черепахи, нырнул под воду и лёг под гору Мандару, не давая ей провалиться в землю. Иллюстрацией к этому эпизоду Вишну пураны может послужить петроглиф, прорисовка которого дана на рис. 5 [10]. По крайней мере, в нём имеются элементы, совпадающие с описанием процесса пахтания океана.

Рис. 5. Петроглиф мыса Кочков Наволок, предположительно изображающий сюжет Вишну пураны «пахтание океана»

На петроглифе изображено некое сооружение или устройство, состоящее из подобия ствола с симметрично расположенными ветками. В нижней части композиции – четыре антропоморфные фигуры и изображение лебедя, при этом две человеческие фигуры по краям петроглифа изображены в позах, по которым можно понять, что они оттягивают верх сооружения каждый в свою сторону. Именно тянут, а не толкают, иначе они просто потеряют равновесие. Изображённый на петроглифе лебедь может быть воплощением бога Брахмы. Но по тексту Вишну пураны [6] именно Брахма привёл светлых богов к Вишну, прося его о помощи в получении напитка бессмертия – амриты. Петроглиф (рис. 4:а), изображающий Вишну в облике черепахи, расположен рядом, на расстоянии менее 2,5 м, но не входит непосредственно в состав петроглифа на рис. 5. Тем не менее изображение выбито так, что голова черепахи-Вишну направлена в сторону воды и

этого петроглифа, то есть, в совокупности из петроглифов, воспроизведённых на рис. 4:а и 5, складывается композиция, соответствующая сюжету эпизода Вишну пураны, известного как «пахтание океана». Расстояние более 2 м между петроглифами этой композиции обусловлено тем, что в промежутке между ними по поверхности скалы проходят несколько трещин.

На индуистском рисунке кон. XVIII в. сюжет пахтания океана изображён несколько иначе (рис. 6:б [15]).

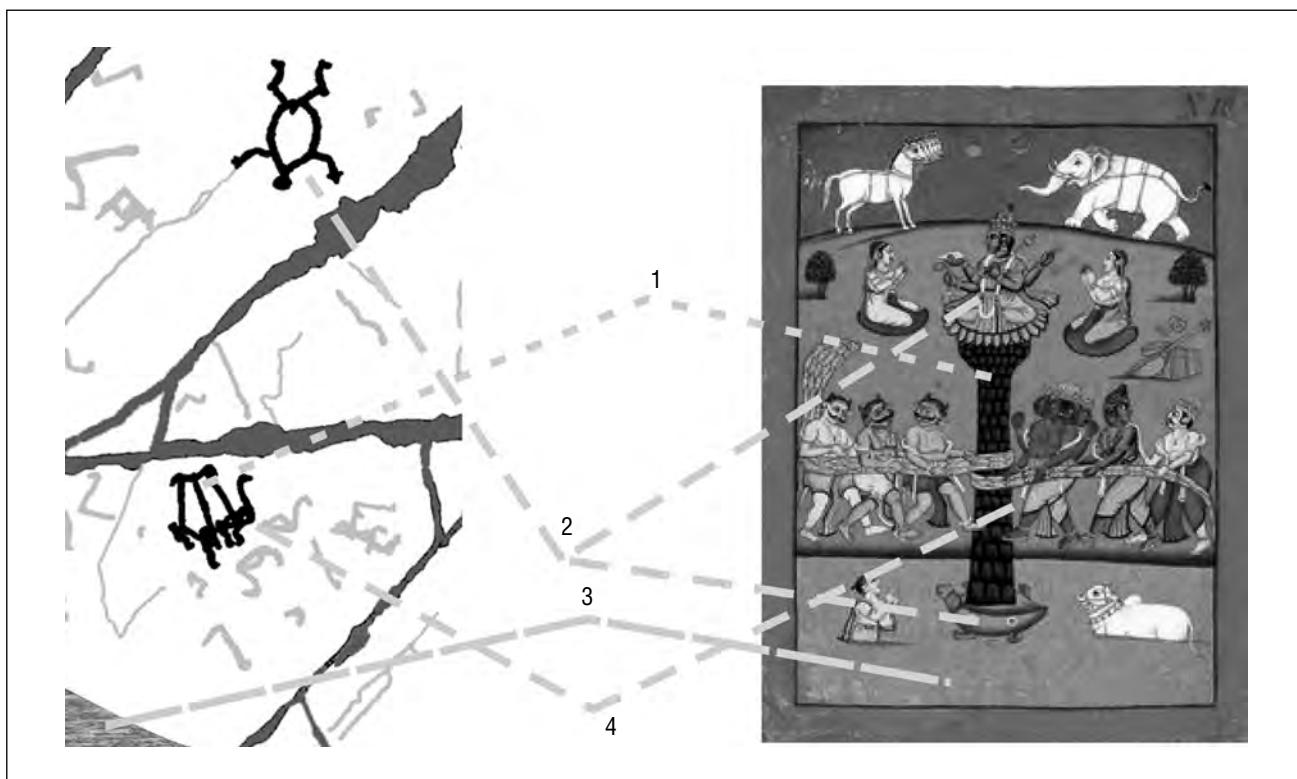

Рис. 6. Сюжет «пахтание океана»:

а – взаимное расположение петроглифов, предположительно составляющих композицию «пахтание океана»;
б – рисунок «пахтание океана» [15]

Сравним композицию петроглифов мыса Кочконаволок с индуистским рисунком, на котором изображён эпизод Вишну пураны – «пахтание океана».

Композиция петроглифов (рис. 6:а)	Рисунок «пахтание океана» (рис. 6:б)
Совпадение элементов	
Черепашка (2)	Вишну в аватаре Курма (черепашка) и в антропоморфном воплощении
Сооружение, похожее на мутовку, но значительно превышающее рост человека (1)	Гора Мандара, которую перевернули и использовали в качестве мутовки
Вода (3)	Вода
Брахма в аватаре лебедя (4)	Брахма четырёхликий
Антропоморфные фигуры, оттягивающие «мутовку» в противоположные стороны	Демоны (слева) и боги (справа), тянущие обёрнутого вокруг горы Мандары змея Васуки в противоположные стороны

То, что на петроглифе черепаха изображена рядом с «мутовкой», а на рисунке – под «мутовкой» (Мандарой), не является принципиальным различием, так как обе композиции относятся к двум последовательным фазам одного сюжета Вишну пураны.

В следующем эпизоде Вишну пураны **бог Вишну принимает облик вепря**, что на санскрите звучит как «**Вараха**». Вот как этот эпизод представлен в книге «Мифы Древней Индии» [16]:

23. Воплощения Вишну

«Когда в давние времена умножились бесчисленно живые существа, Земля изнемогла под бременем гор и лесов и расплывшихся на ней тварей. Она не вынесла этого бремени и, провалившись в недра Паталы, погрузилась там в воду. Тогда ради ее спасения Вишну обратился в огромного вепря с телом, подобным темной грозовой туче, и глазами, сверкавшими словно звезды. Он спустился в Паталу и, поддев Землю клыком, вытащил ее из воды и вознес ввысь. Могучий асур Хираньякша, сын Дити, пребывал в ту пору в Патале; он увидел гигантского вепря, несущего на клыке землю, с которой стекали потоки воды, затопляя подземные чертоги асуров и нагов. И Хираньякша напал на вепря, чтобы отобрать у него землю и завладеть ею. Вишну в облике вепря сразил в бою великого асура. Потом он вынес землю из Паталы и утвердил ее посреди океана так, чтобы она уже никогда больше не проваливалась».

Теперь обратим внимание на петроглиф из северной группы мыса Бесов Нос, прорисовка которого дана на рис. 7:б [17].

Рассматривая рис. 7, сравним петроглиф (рис. 7:б) с индийским рисунком (рис. 7:а) и средневековым барельефом на стене храма в одной из пещер Бадами (Индия) (рис. 7:в), совпадающими атрибутами которых являются:

- 1 – человеческая фигура с головой зверя (вероятно, вепря);
- 2 – жезл или дубинка;

а

- 1 – Земля, которую Вишну-Вараха достаёт из вод Паталы
- 2 – Вишну в аватаре Вараха, человеческая фигура с головой вепря
- 3 – жезл, дубинка “гада”
- 4 – ложе Вишну – мировой змей Шеша
- 5 – мировой океан, воды Паталы

воды Онежского озера

б

в

- Притхиви – богиня Земли
- Вишну-Вараха
- Земля
- Шеша – мировой змей
- Мировой океан

Рис. 7. Вишну-Вараха в сюжете Вишну пураны:

а – индийский рисунок [18]; б – петроглиф из северной группы мыса Бесов Нос [1, с. 130]; в – средневековый настенный барельеф в пещерах Бадами (Индия) [19]

3 – Земля, которая на барельефе изображена в виде богини Земли Притхиви, сидящей на руке Вишну-Варахи, а на петроглифе изображена дважды – в виде круга (диска, шара), который держит двумя руками Вишну-Вараха, и, возможно, в виде оленихи (лосихи);

4 – змей Шеша, на которого опирается Вишну-Вараха;

5 – воды Мирового океана, из которого Вишну-Вараха поднимает Землю.

Нужно отметить, что в Ведах богиня Земли встречается в образе коровы, а не оленихи, но это можно объяснить тем, что после перехода части народов – носителей ведического мировоззрения с севера Европы на территорию Индостана – сменился хозяйственный уклад, обусловленный природно-климатическими условиями, и не олениха, а корова стала кормилицей, которую боготворили.

Что касается непропорционально длинных рук Вишну-Варахи, изображённого на петроглифе, то это такой художественный приём – на петроглифе со сценой родов руки у женщины ещё длиннее (рис. 8) [1, с. 28].

Петроглиф (рис. 7:б) имеет элементы, по которым эти изображения можно отнести к эпизоду Вишну пураны, где Вишну, приняв облик вепря, поднимает Землю из вод Паталы.

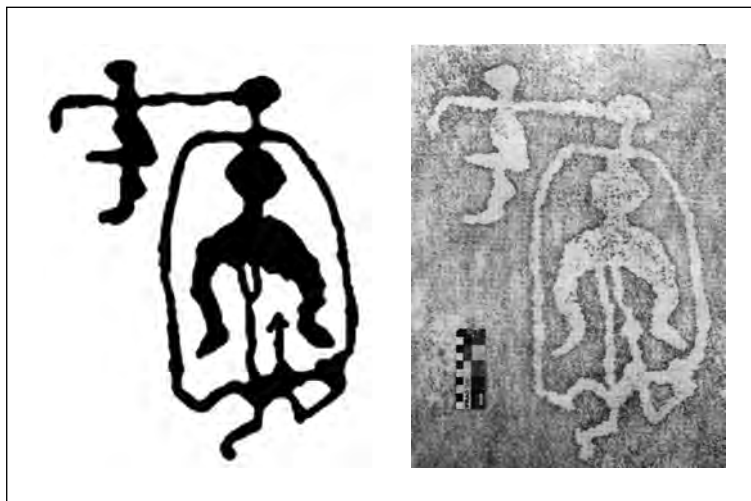

Рис. 8. Прорисовки петроглифа, изображающего сцену родов

Согласно тексту Девибхагавата пураны [20] Вишну принимал облик и Хаягрива («лошадиная шея») – с телом человека, но с головой и шеей лошади. В аватаре Хаягрива Вишну побеждает демона Хаягриву, то есть тоже с лошадиной шеей и головой. В буддизме Хаягрива является «дхармапала», то есть «закона покровитель» [14], и изображается как человек, но с одной или тремя лошадиными головами поверх головы человеческой [21]. Кроме того, в буддизме атрибутом Хаягривы являются змеи, в частности свисающие с его плеч [22]. Вероятно, Хаягрива изображён на скале Пери VI (рис. 9:д), но кто именно: Вишну-Хаягрива, или демон Хаягрива, или Хаягрива-дхармапала? Обратим внимание на детали. Антропоморфная фигура на рис. 9:д имеет две шеи – человеческую от уровня плеч, продолжением которой является лошадиная шея и голова. От уровня плеч и груди выходят две линии – предположительно руки. В таком случае зигзагообразная линия от конца руки до места, где соединяются человеческая и лошадиная шеи, может быть изображением змеи – атрибутом дхармапалы, то есть изображён всё-таки Хаягрива-бог, а не демон. Теперь о том, что изображено на конце рук петроглифа Хаягрива – это сегмент круга, подобием хорды которого является волнистая линия, приблизительно эквидистантная береговой черте вблизи петроглифа. Вероятно, что сегмент является изображением океана, аналогично изображению океана в композиции петроглифа Вишну-Вараха северной группы мыса Бесов Нос (рис. 7:б). В энциклопедии «Мифы народов мира» о Хаягриве написано: «Хаягрива (др.-инд. *Hayagrīva*, «имеющий шею лошади»). В индийской мифологии Хаягрива – дайтья, который выкрал из уст Брахмы, когда тот спал в конце кальпы, четыре веды. Это грозило новому творению мира, и Вишну в своём аватаре рыбы убил Хаягриву и возвратил Веды Брахме [21]. **В более поздних мифах Хаягрива, напротив, сам становится воплощением Вишну и спасает Веды, украденные дайтьями Мадху и Кайтабхой** (здесь и далее выделено мною – *авт.*) (Бхагавата-пурана II 7, 11; «Брахманда-пурана» II 6, 10; Ваю-пурана 68, 10).» [21].

Можно предположить, что петроглиф (рис. 9:г, д) отражает базовые представления о Хаягриве, получившие своё развитие в индуизме и буддизме. В таком случае наличие на петроглифе изображения змеи, которая является атрибутом бога Хаягривы, может послужить основанием для предположения, что сюжетом петроглифа является эпизод, в котором **Вишну-Хаягрива достаёт из вод океана четыре Веды**, возможно, изображённые в виде волны с четырьмя гребнями (рис. 9:г: 5).

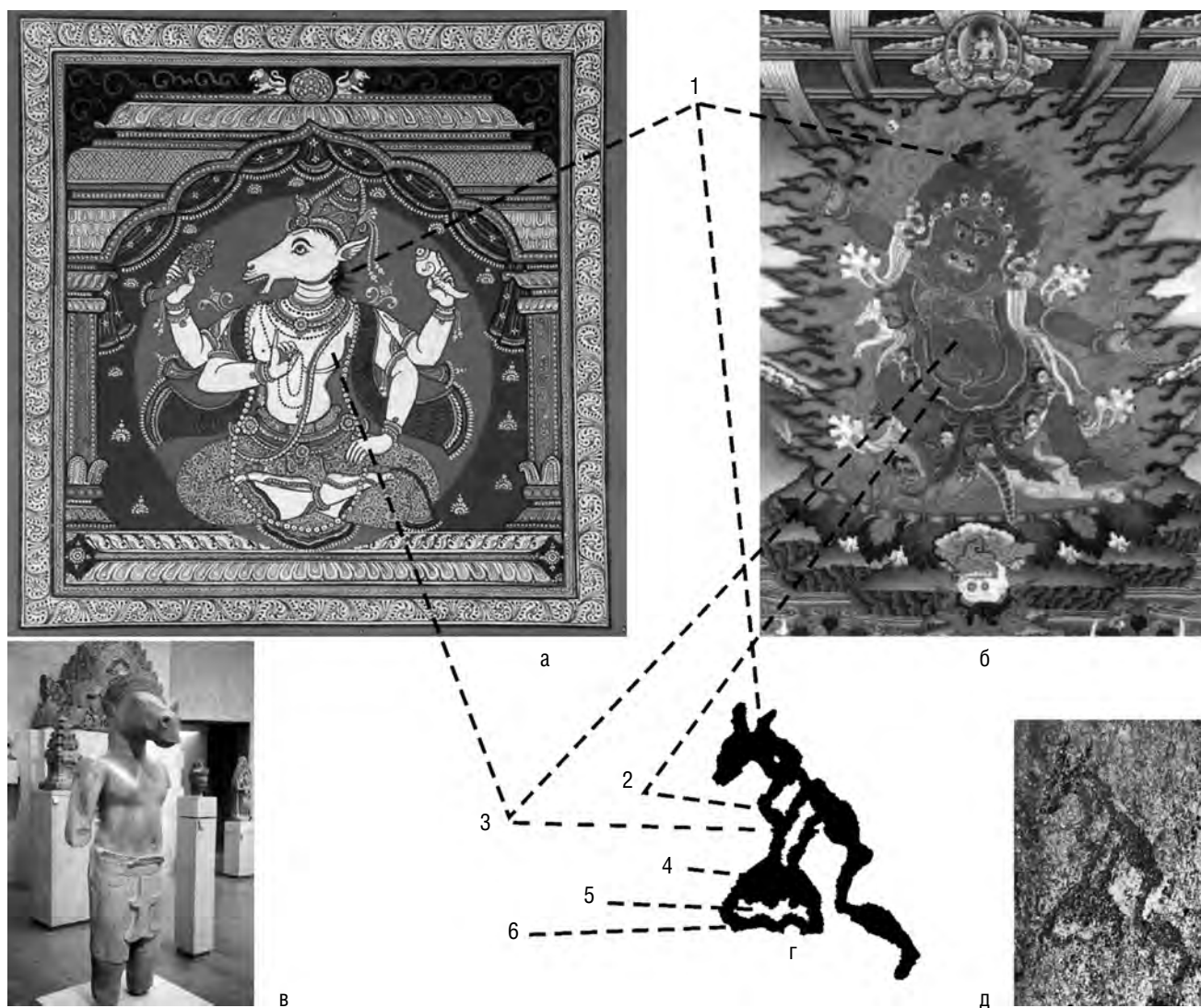

Рис. 9. Изображения Вишну-Хаягрива:

а – изображение Вишну-Хаягрива современным художником Rabi Behera [23]; б – буддийская тханка Хаягрива дхармапала (закона защитник) [24]; в – скульптура Вишну-Хаягрива [25]; г – прорисовка петроглифа, имеющего атрибуты Вишну-Хаягрива [1, с. 178]; д – фото автора статьи петроглифа Вишну-Хаягрива

В состав индуистской тримурти – ведической тройцы главных богов, – кроме Брахмы и Вишну, входит **Шива**. Но есть ли свидетельства существования культа Шивы на территории Северной Европы, и в частности в Карелии? Да, есть. Для начала – гидронимы, то есть названия водоёмов: по территории Карелии протекает небольшая река бассейна Кеми Шиваоя, где «оя» переводится на русский как река, то есть Шиваоя – «Шивы река». Шиваоя впадает в озеро Шуоярви, где «Шуа» – одно из 180 имён Шивы, встречающихся, в том числе, в гидронимах Швеции, а «ярве» – озеро в переводе с финского на русский. То есть Шуоярве – «Шивы озеро».

Кроме гидронимов, связанных с культом Шивы, есть и материальные свидетельства существования этого культа в каменном веке на территории Северной Европы. Этими свидетельствами являются наскальные рисунки.

Ещё Г. Хельстрем [26] сделал прорисовку изображения всадника, выполненного охрой на береговой скале озера Хестскочерн (Hästskotjärn) на территории шведского лена Емтланд (Jämtlands län) (рис. 10: а). О том, что изображение «всадника» имеет почти все канонические атрибуты изображения Шивы, я уже писал в статье «Атрибуты Ведических Богов в петроглифах Фенноскандии и Карелии» [2]. При дальнейшем изучении вопроса о возможных изображениях Шивы в петроглифах Фенноскандии было обнаружено, что к культу Шивы может быть отнесено не только изображение «всадника» на скале озера Hästskotjärn, но большая

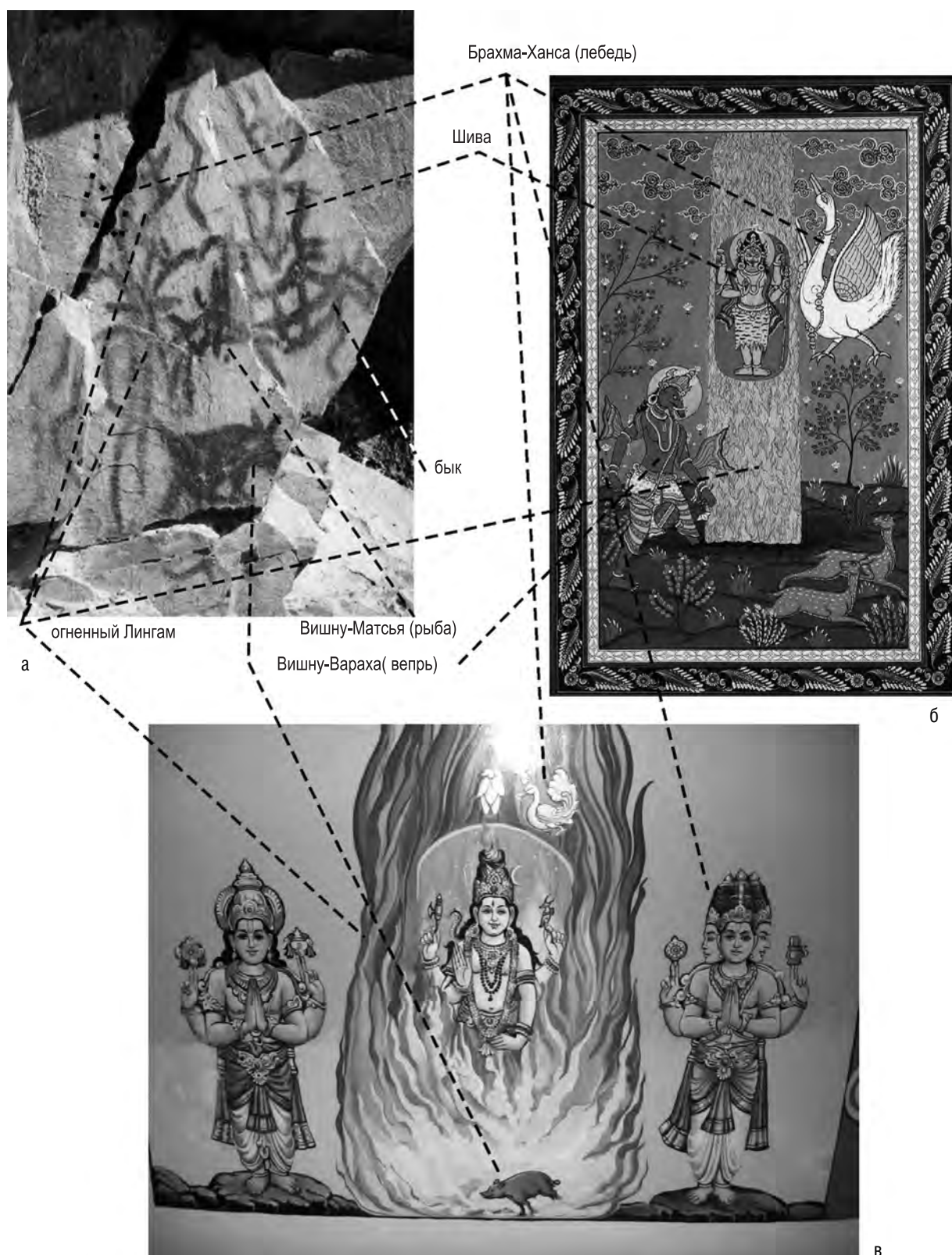

Рис. 10. Рисунки, являющиеся иллюстрациями к эпизоду Шива пураны «Спор Брахмы и Вишну»:
 а – рисунок охрой на береговой скале озера Hästskotjärn (Швеция, лен Емтланд) [26]; б – рисунок Раби Бехера [28];
 в – фото рисунка [29]

часть рисунков на этой скале (рис. 10:а [27]). В правом нижнем углу композиции находится изображение животного, наиболее вероятно, – кабана. Выше – изображение рыбы с большим спинным плавником в виде прямого рога, при этом слева и выше хвоста рыбы прочерчена горизонтальная линия, расположенная таким образом, что туловище рыбы находится ниже этой линии, а верхняя часть плавника-рога – выше неё. Горизонтальную линию вертикально пересекают несколько линий, часть которых сверху разветвляется, а часть изгибается вниз вправо и влево, принимая волнистую форму. Одна левая линия заканчивается ромбом, продолжением которого является отрезок линии, направленный вверх (точечным пунктиром выделено мною – *авт.*). Предполагаю, что выделенный контур изображает Брахму в аватаре лебеда. Справа от верхних разветвляющихся линий расположено изображение змеи. Справа от него нарисован всадник, имеющий атрибуты канонического изображения Шивы на быке [2]. При этом круп «быка» находится на уровне горизонтальной линии. Цвет наскального рисунка – красный, что соответствует традиции изображения тела Шивы в эпизодах, предшествующих самосожжению жены Шивы Сати, а также традиции изображения Шивы, тождественного Рудре. Теперь обратим внимание на текст Шива махапураны, в котором между спорящими Брахмой и Вишну появляется огненный столб: «... Тем временем гигантский Лингам возник перед нами ради того, чтобы образумить нас и положить конец нашему спору. 48. Он не имел ни начала, ни середины, ни конца. Он ни увеличивался, ни уменьшался. Он полыхал, пылал как сотни огней смерти тысячами взметающихся языков пламени.» [5]. Брахма и Вишну договариваются исследовать сущность огненного столба – Лингама. Вишну принимает образ вепря и отправляется под землю искать нижнее основание лингама, а Брахма принимает образ лебеда и взлетает, чтобы найти верхнюю границу лингама. Не найдя ни верхних, ни нижних пределов лингама, Брахма и Вишну возвращаются назад, и тут перед ними появляется сам Шива. Форма и расположение линий, создающих в совокупности изображение «огненного лингама», дают основание предположить, что его прообразом стало извержение вулкана. Рисунок охрой всадника на быке на скале озера Hästskotjärn соответствует канонам изображения Шивы, что было показано в статье «Атрибуты ведических богов в петроглифах Фенноскандии» [2]. То, что Вишну изображён дважды: и в аватаре Матсья (рыба) и в аватаре Вараха (вепрь) – не противоречит традиции. Брахма и Вишну изображаются на картинах современных, XX–XXI вв., авторов и в антропоморфном, и в зооморфном аватарах, расположенных рядом. Для сравнения, на рис. 10:б, в представлены репродукции картин современных художников. Мною штриховыми линиями указаны только основные совпадающие элементы композиции «Спор Брахмы и Вишну».

Рис. 11. Явление Шивы из огненного лингама. Барельеф. Комплекс пещерных храмов Эллары, Индия, выбит в скалах в период с середины VI по X век н.э. [30]

Огненный столб-лингам стал основой особой традиции культа бога Шивы, сочетающего ритуалы поклонения не только антропоморфному изображению Шивы, но и его лингаму-фаллосу, как правило, установленному на подставке, символизирующей женский половой орган – йони. Изображения лингама и йони могут лишь отдалённо напоминать соответствующие органы и часто изображаются достаточно абстрактно. Традиции шиваизма предусматривают как стационарные, так и переносные лингамы, причём и те и другие могут быть как природного происхождения (саморождённые – Сваямбху-Лингам или Бана-Лингам), так и созданные человеком (мануш-лингамы).

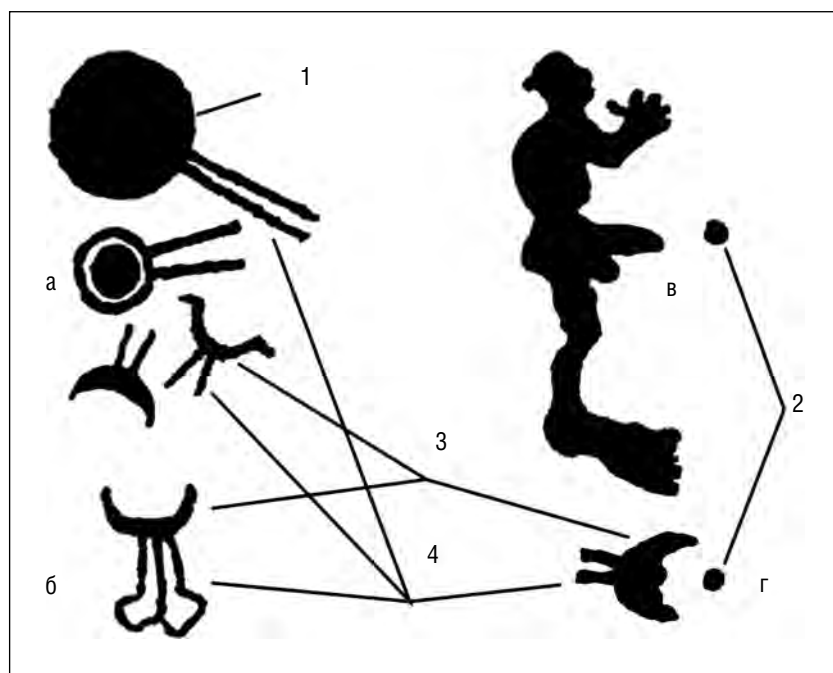

Рис. 12. Петроглифы, предположительно относящиеся к репродуктивной функции человека: а, г – петроглифы мыса Пери Нос; б – петроглиф мыса Карецкий Нос; в – петроглиф на скале на р. Выг

А теперь обратим внимание на многочисленные петроглифы, выбитые в основном на скалах мыса Пери Нос, но подобные которым встречаются и на других скалах восточного побережья Онежского озера. На рис. 12:а, б, г представлены наиболее типичные из этой группы петроглифов.

В этих петроглифах (рис. 11:а, б, г) [10, с. 95, 156, 184] советский исследователь А.М. Линевский [31] предполагал устройства для охоты, вроде древних капканов, а археолог В.И. Равдоникас [17] видел систему лунарных и солярных астрономических знаков. Конечно, в версиях обоих этих авторитетных исследователей есть своя логика, но есть и слабые стороны, о которых очень кратко – «солярно-лунарные» символы северо-восточной направленности невозможно реально использовать для наблюдения восходов солнца и луны, так как этот сектор надёжно закрыт высокой дюной. Использование «лучей», исходящих из «лунарных и солярных» символов, для определения дня календаря возможно только на теоретическом уровне, и вот почему. Видимая точка захода солнца в районе мыса Пери Нос в весеннее и осеннее равноденствие смещается за сутки менее чем на 1° , что при использовании «лучей лунарно-солярных петроглифов» длиной 15–20 см в качестве прицельной линии даёт линейное смещение не более 3 мм, то есть, чтобы гарантировано отличить один день календаря от другого, нужно смотреть на солнце и определить его смещение на 3 мм. Без светофильтра задача невыполнима. Смещение точки захода солнца за сутки в дни летнего и зимнего солнцестояния ещё меньше: менее $0,1^\circ$, потому этот период солнцестоянием и называется. Для определения дня календаря и соответствующего ему религиозного праздника реально использовать только прицельные линии большой величины, – например, линии между наблюдателем на мысе Пери Нос и островами Большой и Малый Голец или другими ориентирами на линии горизонта, при этом суточное смещение точки захода солнца будет соизмеримо с его видимыми размерами. В периоды весеннего и осеннего равноденствия суточное смещение точки захода солнца может доходить до двойной величины видимого размера солнечного диска. «Капканную» версию А.М. Линева можно было бы подтвердить либо преэссенцией конструкций современных капканов, либо реконструкцией капканов на основе наскальных изображений с применением технологий, доступных в неолите. Но, увы, в неолите не было материалов, являющихся достойными прототипами пружинной стали. Деревянный лук, как упругий элемент конструкции, слишком громоздок, чтобы капкан, сделанный на его основе, можно было бы надёжно замаскировать. Кроме того, если бы «лунарные знаки» действительно были бы изображениями капканов, то вполне логично было бы наличие их на скале Залавруги, где многие петроглифы посвящены охоте, но «лунарных» капканов нет. И главное, версии А.М. Линева и В.И. Равдоникаса не объясняют полное отсутствие петроглифов на одной из скал мыса Пери Нос, которую в археологии принято называть «Пери Нос V».

Но вернёмся к петроглифам мысов Пери Нос и Карецкий Нос. Предположим, что «лунарно-солярные» двумерные изображения могли быть исполнены трёхмерными, но в последующее время и в другом месте, например, на полуострове Индостан. Сравним некоторые петроглифы мысов Пери Нос и Карецкий Нос с лингамами Шивы полуострова Индостан.

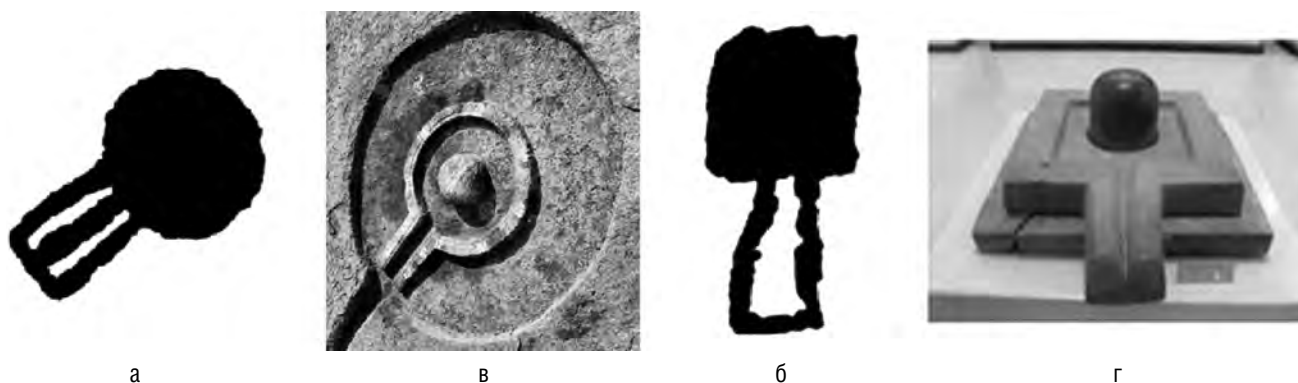

Рис. 13. Визуальное подобие трёхмерных изображений йони петроглифам:

а – [10, с. 78]; б – [10, с. 199]; в – [32]; г – [33]

На рис. 13 видно визуальное подобие средневековых линга-йони Индостана и Индокитая петроглифам. Следует обратить внимание на то, что элементы петроглифов, визуальное подобие канавкам для стока воды, расположены на скалах тоже в направлении стока воды. Не исключено, что петроглифы рис. 13:а, б изображают только йони, а лингам устанавливался на них только при проведении религиозных обрядов. Изображение на рис. 12:а:1 состоит из круга и двух отрезков линий, перпендикулярных к окружности. В данном случае нужно обратить внимание на фактический размер петроглифа – круг имеет диаметр около 25 см, что совпадает с размером матки перед родами. Предположительно круг изображает матку, а два отрезка линий являются незамкнутым контуром, изображающим фаллос-лингам. Само слово «матка», вероятно, происходит от «матх ка», что в переводе с санскрита – «жилище шар». Анатомически при сексуальном контакте не происходит проникновения фаллоса-лингама в матку, и в данном случае соединение лингама и «матх ка» просто символизирует зачатие. Предположение, что отрезки линий на петроглифе на рис. 12 изображают питхику – канавку для стока ритуальной воды с йони, не найдёт своего подтверждения, так как на скалах Пери Нос эти отрезки линий, изображающих фаллос-лингам, на различных петроглифах располагаются в произвольных направлениях без учёта наклона поверхности.

Теперь перейдём к группе петроглифов, у которых один из элементов изображения, обозначенный цифрой 3, имеет форму полумесяца (рис. 12: а, б, г).

Своеобразными ключами для расшифровки этих изображений стали их размер и петроглиф из комплекса Бесовы Следки на реке Выг (район Беломорска) (рис. 12:в) [1, с. 232, 234]. Обратим внимание на пятно круглой формы (обозначено цифрой 2), расположенное по линии в продолжение фаллоса мужской фигуры. Это пятно можно трактовать как выброс семенной жидкости – эякулят. Логично предположить, что и пятно круглой формы на рис. 12:г: 2 также изображает эякулят.

А теперь о размере «полумесяцев», выбитых на скалах мысов Пери Нос и Карецкий Нос, – большинство из них по форме и размеру совпадают с зоной роста волос на лобке взрослой женщины. Конкретным подтверждением этой версии может быть петроглиф со скалы Карецкий Нос (рис. 12:б), на котором мужские и женские гениталии изображены в натуральных размерах.

Общее количество изображений лингамов и йони на скалах восточного побережья Онежского озера исчисляется десятками, при этом многие из них выбиты почти вплотную друг к другу, и такое расположение, вероятно, неудобно для проведения обрядов поклонения Шиве. Возможно, что процесс выбивания изображений лингамов и других сюжетов, относящихся к теме зачатия, послужили прообразом современных шиваистских обрядов, способствующих рождению ребёнка, и в первую очередь мальчиков. Эта традиция – радоваться рождению мальчика – присуща не только шиваитам-индусам, но и представителям других религий и народов, в том числе русским. Для продления рода человеческого в равной степени важно рождение и мальчиков, и девочек, но рождение первенца-мальчика, – это гордость для его родителей, но, собственно, почему? Первое, что приходит в голову, это то, что мальчик как носитель фамилии отца передаст её своим потомкам. Это так, но для большинства населения России этой традиции меньше ста лет – крестьянскому большинству населения в царской России фамилии в метриках не полагались, их стали записывать только при советской власти. И тем не менее традиция радоваться рождению мальчика – очень древняя, возникшая ещё раньше, чем были выбиты петроглифы на Онежском озере, и вот в чём её смысл. По религиозным представлениям тех времён, в случае прерывания рода по мужской линии души предков – праведников из ведического рая – Нирваны низвергались в пекло – Паталу. Такое представление о посмертной судьбе души человека, не оставившего потомства, было сильным стимулом рожать детей, и, в первую очередь, мальчиков. В шиваизме существуют обряды, способствующие рождению сына. Эти обряды описаны ещё в Шива махапуране. Закладываются они в изготовлении лингамов Шивы и поклонении им. Такой обряд предполагает, что если из глины слепить 55 тысяч лингамов, то это гарантирует рождение сына, а чтобы родился второй сын, достаточно 1,5 тысячи глиняных лингамов. В Шива махапуране нет информации о необходи-

мом количестве лингамов, выбитых на камне, как об эквиваленте глиняных. Возможно, считалось, что для достижения того же эффекта было достаточно выбить на камне одно изображение линга-йони.

Обряд выбивания изображения или изготовление лингама, являясь по сути действием религиозного характера, фактически мог оказывать положительное психотерапевтическое воздействие на репродуктивную функцию. Какая традиция в изображениях лингамов на скалах восточного побережья Онежского озера старше – та, где изображаются лингам и йони в виде полумесяца, или та, где символическое зачатие изображено в виде лингама, соединяющегося с маткой в виде круга, – определить сложно. Не исключено, что обе традиции существовали в одно и то же время, при этом выбивали изображение йони в виде полумесяца, вероятней всего, женщины, потому что только женщина может видеть процесс сокоупления так, как это изображено на петроглифе (рис. 12:б). Такое предположение вовсе не утверждает, что изображения в виде круга с входящим в него стержнем могли выбивать только мужчины. И конечно, нельзя не обратить внимание на петроглифы, изображающие сцены родов. На петроглифе (рис. 8) мужчина отвернулся от рожавшей женщины, это свидетельствует о том, что существовала традиция, по которой мужчина не должен видеть процесс родов. К сожалению, этот петроглиф безвозвратно утрачен.

Представляется, что **многие из изображений мысов Пери Нос и Карецкий Нос составляют комплекс, относящийся к репродуктивной функции человека.** Петроглиф мыса Пери Нос на рис. 14:а [10, с. 167] предположительно является изображением семилепесткового лотоса, которое в натх-йоге символизирует низ живота или конкретно матку [34].

В шиваизме наряду с традицией поклонения линга-йони существует традиция поклонения лингаму Шивы, установленному на изображение лотоса. Возможно, на петроглифах мыса Пери Нос (рис. 14:б) [10, с. 120, 121] изображён лингам Шивы на восьмилепестковом лотосе. В тексте Шива пураны (Рудра-самхита. Часть I. Творение. Глава 11. Порядок поклонения Шиве) сказано: «... Следует очистить лингам и установить его с различными мантрами, начиная с пранавы и заканчивая «намаХ» (почтение). Следует с пранавой установить подставку в виде свастики или лотоса. Восемь лепестков отождествляются с восемью сторонами света и восемью йогическими совершенствами. Восточный лепесток есть анима (способность уменьшаться до очень малых размеров); южный – лагхима (способность становиться необыкновенно легким); западный – махима (способность принимать огромные размеры); северный – прапти (способность получить любую вещь); юго-восточный – пракамья (способность осуществить любое желание); юго-западный – ишитва (способность к господству над другими); северо-западный – вашитва (способность удерживать других под контролем); северо-восточный – сарваджнятва (всеведение) и околплодник – луна (Сома).» [35].

Обратив внимание на то, что петроглифы мыса Пери Нос (рис. 14:б) образуют композицию, в которой на одной оси расположены изображения восьмилепесткового лотоса, лингама и птицы, можно предположить, что автор петроглифа, поместив лингам и птицу юго-восточнее изображения восьмилепесткового лотоса, желал успешной охоты на птиц (судя по изображению, – водоплавающих).

Рис. 14. Петроглифы мыса Пери Нос – предположительно символические изображения лотоса (белой кувшинки):

а – по Н.В. Лобановой [10, рис. 108]; б – по Н.В. Лобановой [10, рис. 71]

А теперь вернёмся к вопросу: почему на скале Пери Нос V нет никаких петроглифов? Ответ содержится в самой форме скалы Пери Нос V (рис. 15).

Вероятно, скала Пери Нос V есть созданный природой (Сваямбху-Лингам или Бана-Лингам) трёхмерный лингам Шивы, что хорошо видно и на снимке из космоса (рис. 16 [36]).

а

б

Рис. 15. Скала Пери Нос V. Фото автора статьи, 2014 г.:

а – вид с юга; б – вид с юго-востока

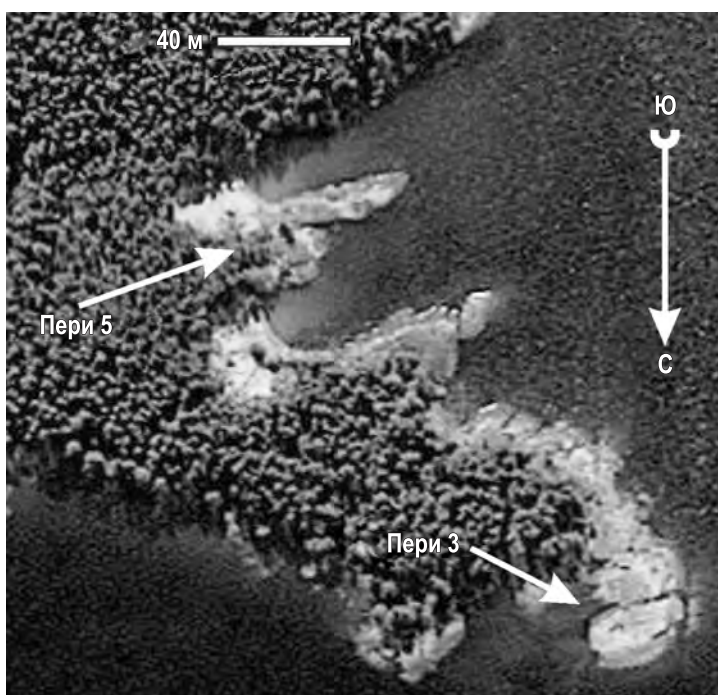

Рис. 16. Мыс Пери Нос V. Вид сверху

Следует обратить внимание и на некоторые подробности «анатомии» лингама-скалы Пери Нос V:

- скала Пери Нос V образована чёрным гранитом с довольно шершавой поверхностью, но её оконечность, имитирующая головку лингама, отполирована волнами прибой и имеет поверхность красного цвета;
- гранитный выступ, имитирующий мошонку, имеет мохнатую поверхность, образованную чёрным лишайником;
- контуры береговой черты в совокупности со скалой Пери Нос V напоминают женские гениталии, что создаёт канонический комплекс линга-йони.

Лингам-скала Пери Нос V сам являлся главным объектом религиозного поклонения, относящегося к культу Шивы, и был самодостаточным. Этим объясняется отсутствие на этой скале каких-либо изображений.

В санскрите слово, означающее фаллос, звучит как «пару» [14]. От него, вероятно, происходит слово «парень» – дословно «фаллос имеющий». Возможно, что и название мыса Пери происходит от более древнего «пару» = «фаллос».

Не исключено существование поверья, что нанесение каких-либо изображений на эту скалу – на лингам Шивы – оскверняло его и вместо ожидаемого рождения желанного мальчика могло привести к импотенции или женскому бесплодию. Возможно, этот лингам Шивы был не только объектом религиозного поклонения, но и местом, где проводилось лечение методами физиотерапии. Дело в том, что скала Пери Нос V освещается солнцем максимальное время в течение светового дня, находясь в тени от деревьев и берега только в ранние утренние часы. При температуре наружного воздуха 22–23°C скала-лингам прогревается до безусловно комфортной температуры 36–37°C. Вполне вероятно, что наши далёкие предки лечили репродуктивные органы садясь или ложась обнажёнными на тёплую поверхность скалы-лингама.

Теперь обратим внимание на некоторые элементы современных шиваитских обрядов поклонения лингаму Шивы. В храмах Шивы на его лингам постоянно, хотя бы по каплям, льют воду, а головку лингама периодически посыпают красным порошком. Традиции поклонения Шиве предписывают, что поклоняющийся лингаму должен располагаться южнее или юго-западнее лингама [37], при этом питхика – элемент йони, символизирующий щель, – должна располагаться в направлении поклоняющегося лингаму, либо по линии запад – восток. То, каким можно было видеть лингам-мыс Пери Нос V с юга и юго-запада, понятно по рис. 15:а, б. Как уже было сказано, сам залив, в который вдаётся мыс Пери Нос V, своей формой напоминает питхикку, хотя несколько асимметричную, но ориентированную тоже примерно «запад – восток». Если поклоняющийся лингаму Шивы (скала Пери Нос V) подойдёт к его основанию, то элемент контура залива, символизирующий питхикку, окажется перед поклоняющимся в полном соответствии с шиваитской традицией. А вот что написано об установлении традиции поклонения лингаму Шивы в Брахманда пуране (кн. 1): *«После гибели своей верной супруги Сати, мрачный Шива, великий отшельник, совсем отдалился от богов и предался в уединении суровому подвижничеству. Провидя будущее, Вишну предсказал, что Сати вновь родится на земле в ином образе и вновь соединится с Шивой. Но Шива был неутешен. Горюя о возлюбленной супруге, он бродил по горам, как безумный, не находя облегчения скорби; и однажды он пришел в священный сосновый лес на вершине Химавата, где жили, исполняя благочестивые обеты, мудрые Владыки созданий, сыновья Брахмы со своими женами. Шива появился близ обители божественных мудрецов нагой, с телом, покрытым пеплом, с распущенными и всклокоченными волосами; глаза его были налиты кровью; в руках он держал тлеющие головни. Он то смеялся ужасным смехом, то пел, то раздражался устрашающими криками. И на глазах добродетельных жен мудрецов, вышедших из своих жилищ, он пустился в дикую и бесстыдную пляску. И он то кричал по-ослиному, то ревел, как бык. Его пляска зачаровала жен мудрецов; и куда бы он ни шел, приплясывая, они шли за ним следом, не сводя с него глаз. Великий гнев охватил небесных мудрецов. Никто из них не узнал Шиву. «Кто это? Демон или иное существо, вознамерившееся нарушить наш покой и соблазнить наших жен?» – спрашивали они друг у друга. И они проклинали его: «О ты, кричащий ослом, обрати же в осла!». Но как ни велика была сила их подвижничества, ее не стало, чтобы проклятие это поразило Шиву; так звезды не могут затмить солнце. Однако еще больше разгневались мудрецы, что жены их, зачарованные, следуют за пляшущим безумцем. И, соединив все свои силы, дарованные им подвижничеством, они проклинали незнакомца за его бесстыдство: «О уродливое создание, да лишишься ты мужества своего!». И тотчас детородный член его отпал, а сам Шива исчез.*

И сразу изменилось и смешалось все вокруг. И увидели мудрецы, что померк свет и солнце уже не дает тепла, не горят жертвенные костры, а планеты и созвездия сдвинулись со своих извечных мест на небосводе и перепутали свои пути. Тогда нарушилась череда времен года. И мудрецы, хотя и продолжали исполнять свои обеты, колебались в суждениях о священном законе дхармы, ослабили духом и телом и утратили свою мужскую природу. В смятении прибегли они к Брахме. Они рассказали Прародителю о приходе диковинного незнакомца, о своем гневе на него и о проклятии. «Вы не узнали великого бога Шиву, – сказал Брахма. – Теперь забудьте о своем гневе и постарайтесь умиливать грозного Владыку. Вы должны извлекать лингам Шивы и поклоняться ему. Отныне в образе лингама вы будете почитать могучего Шиву.»

Мудрецы вернулись в свой сосновый лес и сделали так, как повелел Брахма. Целый год они почитали Шиву в образе лингама, и когда наступила весна и сладостное пение кокилы (кукушки) огласило благоухающие, распустившимися цветами кущи на склонах высокого Химавата, великий бог появился опять в обители мудрецов. Они распростерлись перед ним и воздали ему хвалу; он же простил им их заблуждение. Он объяснил им тогда, что и нагота и умащение тела пеплом нужны ради очищения от грехов, ради подавления страстей и обретения высшего могущества. И божественные мудрецы признали его превосходство. С тех пор повсеместно Лингам почитают как образ Шивы.» [38].

Место действия этого сюжета Брахмананда пураны – *«священный сосновый лес на вершине Химавата»*. Значение слова «химават», равно как и «химавант», в словаре санскрита В.А. Кочергиной связано с зимой и холодом: холодный, ледяной, богатый снегами, снежная гора, Гималаи (от Хималая – зимы обитель), то есть местность с холодным климатом, где находится *«священный сосновый лес»*, а таким критериям соответствует и территория Карелии. Индийский исследователь Девдат Паттанайс в своей статье «Шива», глава *«Установление поклонения лингаму»*, написал: *«Вамана Пурана утверждает, что это сам Шива настаивал, чтобы ему поклонялись как лингаму. Приняв форму слона, он установил первый лингам рядом с озером в лесу деодар (сосновый лес), под большим баньяновым деревом. Он стал местом первичного паломничества, тиртха (священная купель).» [39].*

Культ лингама Шивы согласно ведическим источникам и современным шиваистским традициям:	Скала Пери Нос V, внешне похожая на лингам Шивы:
– Шива установил первый наземный лингам в сосновом лесу, рядом с озером, в местности с холодным климатом;	– расположена в местности с холодным климатом, на берегу озера и примыкает к сосновому лесу;
– традиционно головка лингама должна периодически посыпаться порошком красной краски и поливаться водой;	– оконечность скалы-лингама имеет поверхность красного цвета и постоянно омывается водой озера;
– поклоняющийся лингаму Шивы должен располагаться во время обряда южнее или юго-западнее лингама;	– скала Пери Нос V в наибольшей степени похожа на лингам, если смотреть на неё с юга или юго-запада;
– питхика – желобок йони, должна располагаться по линии запад – восток или в направлении поклоняющегося лингаму.	– контуры залива вокруг скалы Пери Нос V внешне похожи на йони, охватывающую лингам, при этом элемент контура, который можно воспринимать как питхикку, сориентирован по линии запад – восток.

Таким образом, комплекс: скала Пери Нос V (лингам) вместе с контуром залива – имеет не менее четырёх атрибутов, совпадающих с традицией установки лингама Шивы и поклонения ему, что даёт основание для предположения, что именно скала Пери Нос V является первым природным объектом, которому стали поклоняться как лингаму Шивы. Эту версию подтверждает наличие на скалах мыса Пери Нос и Карецкий Нос петроглифов, изображающих лингамы и йони, как свидетельства проводившихся здесь обрядов, относящихся к культу бога Шивы.

Современные последователи культа Шивы поклоняются лингамам, изготовленным из различных материалов, включая металлы. Объект поклонения линга-йони может быть переносным и стационарным. Всё многообразие конструктивного исполнения линга-йони и обрядов поклонения выходит за пределы темы петроглифов Онежского озера и должно быть объектом отдельного исследования. Но, тем не менее, нужно обратить внимание на комплекс линга-йони, называемый Сахасралинга (Sahasralinga – множество лингамов), расположенный на реке Шалмали в Индии, штат Карнатака (рис. 17) [40].

Рис. 17. Сахасралинга – комплекс линга-йони, выбитых на камнях в русле реки Шалмали

В комплексе Сахасралинги множество линга-йони выбиты на скалах, образующих перепад на реке Шалмали; ритуальное возлияние воды на лингамы производится не только поклоняющимися, но и самой природой аналогично омовению волнами лингама-мыса Пери Нос V. Эти особенности комплекса линга-йони Сахасралинги делают его наиболее близким к функциональным аналогам комплекса петроглифов, изобра-

жающих линга-йони на скалах Онежского озера. Название реки Шалмали можно перевести с санскрита на русский как «Шала маленькая» или «Шала грязная» [14], возможно, это случайное совпадение, но петроглифы мыса Пери Нос тоже расположены сравнительно недалеко от Шалы.

При исследовании темы о принадлежности комплекса петроглифов восточного побережья Онежского озера культу ведических богов был проведён поиск аналога этой местности по описанию священных мест, имеющихся в Ведах, пуранах и Махабхарате. По нескольким признакам наибольшее сходство обнаружено в описании священной тиртхи (месте религиозных омовений) Пушкары. Из текста Махабхараты, книги «Лесная» [4], видно, что Пушкара-тиртха – это озеро. С тиртхой Пушкарой связаны имена трёх главных ведических богов: Бога Богов Шивы (с позиций шиваизма), Праотца Брахмы, Губителя Мадху Вишну, а также царя полубогов Индры. Поэтому можно предположить, что на **берегах озера Пушкара** должны находиться святилища, посвящённые этим Богам. В тексте Вишну пураны (книга вторая) описывается география обитаемых земель, и вот что там сказано о Пушкаре как о суше: «*Пушкара окружен морем пресной воды, которое омывает континент в равной степени с его размерами*» [41]. Но вода может окружать участок суши «*в равной степени с его размерами*» **только по побережью**.

Таким образом, совокупность информации из Махабхараты (книга Лесная) и Вишну пураны (книга вторая) даёт основание предположить, что Пушкара – это берег моря с пресной водой, и на этом берегу расположены святилища богов Вишну, Шивы, Брахмы и, возможно, Индры. То есть, по крайней мере до начала третьего тысячелетия до нашей эры (период, описанный в Махабхарате), восточное побережье Онежского озера могли называть «Пушкара», а само озеро могло иметь три названия: Пушкара; Падмесарас (кувшиник, лотосов озеро) и Брахмасарас (Брахмы озеро).

Но что означает слово «пушкара»? Ответ дают словарь санскрита В.А. Кочергиной и полоса прибой вдоль песчаного пляжа восточного берега Онежского озера:

पुष्कर puṣkara n. 1) голубой лотос; 2) углубление ложки; 3) кожа барабана; 4) барабан; 5) воздушное пространство, небо; 6) кончик хобота слона; 7) название озера – места паломничества; 8) вид журавля [14, с. 400].

Как видно, здесь присутствуют и вариант «пушкара – голубой лотос», и непосредственно название озера «Пушкара», и «Пушкара» как небесный аналог земного святого места, но обратим внимание на другие варианты перевода слова «пушкара»: углубление ложки; кожа барабана, барабан; кончик хобота слона; вид журавля. На первый взгляд, четыре последних варианта перевода не имеют ничего общего друг с другом. Но слон, шумно выдыхая через кончик хобота, издаёт звук, который буквами можно записать как «пушшш». В таком случае есть основание предположить, что слово «пуш кара», как «кончик хобота слона», состоит из звукоподражания «пуш» и слова «кара», один из вариантов перевода которого звучит как «издавать», то есть «пушкара», как «кончик хобота слона», означает «пуш издающий». В зависимости от акустических особенностей и барабан может издавать звук, подобный «пуш». У в общем-то безголосого белого аиста, который на журавля похож, но им не является, птенец тоже издаёт шипение, которое можно записать как «пушшш». Если в ложке горячая пища, то мы тоже в неё дуем – «пуш» – с целью быстрого охлаждения.

Но и прибой в полосе пляжей восточного берега Онежского озера каждой своей волной издаёт звук «пуш». Поэтому древним названием полосы пляжей восточного берега Онежского озера могло быть «Пушкара», происходящее от звукоподражания шуму волн – «пуш-кара» = «пуш – издавать».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Савватеев Ю.А. Вечные письмена (наскальные изображения Карелии). Петрозаводск, 2007.
2. Горячев С.В. Атрибуты ведических богов в петроглифах Фенноскандии и Карелии // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. I. Тверь, 2015.
3. Махабхагавата-пурана, главы 1–14 / Перевод с санскрита, предисловие и комментарий А.А. Игнатъева. Калининград, 2016.
4. Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва) / Перевод с санскрита, предисловие и комментарий Я.В. Василькова и С.Л. Невелевой. М., 1987. (Памятники письменности Востока. LXXX)
5. Шива махапурана. Перевод на русский – Лобанов С.В. <http://shaivism-kriyayog.ru/sample-page>.
6. Вишну пурана. Книга первая. Перевод с санскрита Т.К. Посовой. СПб., 1995.
7. Лобанова Н.В. Антропоморфные образы в наскальном искусстве Северной Фенноскандии // Труды Карельского научного центра РАН. Петрозаводск, 2013. № 4.
8. <http://3.bp.blogspot.com/-17tb18WUOLM/Tcuab8RESBI/AAAAAAAAAHQ/Dbb5K4IyTys/s1600/Lord+Vishnu+and+Brahama.jpg>
9. <http://www.exoticindiaart.com/product/paintings/matsya-avatar-of-lord-vishnu-holding-four-vedas-WL97/>
10. Лобанова Н.В. Петроглифы Онежского озера. М., 2015.
11. <http://www.exoticindiaart.com/product/paintings/kurma-avatara-tortoise-incarnation-of-lord-vishnu-DK55/> Kurma Avatara – Tortoise Incarnation of Lord Vishnu
12. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/637224>. Европейская болотная черепаха
13. «Липецкая семья поймала редкую болотную европейскую черепаху» // http://old.lipetsktime.ru/photo/news/1_17564.html
14. Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь: около 30 000 слов / Под ред. В.И. Кальянова. С приложением «Грамматическое очерка санскрита» А.А. Зализняка. 3-е изд. М., 2005.
15. Kūrma, tortoise avatar of Vishnu at the churning of ocean of milk, with caption. Gouache on paper. Inscribed. Museum number 1880,0.2201. British Museum. Date 1790–1810. http://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details.aspx?objectId=182692&partId=1&searchText=Vishnu&page=1 Painting.
16. Темкин Э.Н., Эрман В.Г. Мифы Древней Индии. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. М., 1982.
17. Равдоникас В.И. Наскальные изображения Онежского озера. Л., 1936.

18. http://kalarte.com/exhibition-tarble/orissa_patachitra/orissa_patachitra.html Jagannath Mahapatra studio. Raghurajpur, Orissa. Varaha avatar (Vishnu's Boar Incarnation) 1990s
19. Carving of Vishnu as Varaha in Badami Caves. https://66.media.tumblr.com/feefa71af6ab2e855245be1d49a63f27/tumblr_o9nbgk2EYc1qmevdjol_1280.jpg
20. Девибхагавата пурана. Перевод выполнен по изданию Devibhagavata-puranam. New Delhi, 1986. <http://dogend.ru/docs/index-413734.html>
21. Мифы народов мира. Энциклопедия / Гл. ред. С.А. Токарев. М., 1980.
22. Хаягрива – Энциклопедия буддизма // <http://vbuddisme.ru/wiki/>
23. <http://www.exoticindiaart.com/product/paintings/hayagriva-avatar-horse-incarnation-of-vishnu-PF74/>
24. <http://www.thoughtchenling.net/wp-content/data/images/tankas/hayagriva-02-full.jpg>
25. <http://users.clas.ufl.edu/vasu/cambodia/museeguimet/hayagriva.htm>.
26. Hallstrom, G. Rock-art Localities in North Western Russia // Monumental Art of Northern Sweden from the Stone Age. Stockholm, 1960.
27. <http://www.ismluukkonen.net/kallioitaide/piirros/hastskotjarn/hastskotjarn.html>
28. <http://www.exoticindiaart.com/product/paintings/shiva-supreme-lord-with-brahma-as-swan-and-lord-vishnu-episode-from-shiva-purana-PM18/>
29. <http://mesosyn.com/hindu-6.html>. Фото Navin Kumar
30. <http://in-trips.ru/sites/default/files/pictures/blog/aurangabad-8760.jpg>
31. Линевацкий А.М. Листы каменной книги. Петрозаводск, 1965.
32. photodune.net/item/lingam/10814032 traditional India lingam at Hampi, Karnataka, India
33. <https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Linga-Yoni.jpg>. Национальный музей истории Вьетнама
34. http://nathi.ru/materials/pudzhi/ajara_jara.php?sphrase_id=3253.
35. <http://indosfera.ru/?p=51-glava-11-poryadok-pokloneniya-shive>
36. Яндекс, карты. Восточный берег Онежского озера. Мыс Пери Нос 61°40'51,60" с.ш. 36°02'20,00" в.д.
37. <http://wiki.shayvam.org/%D0%9B%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B0%D0%BC>
38. <http://vaikuntha.ru/blog/shiwalingam/409.html>
39. *Девдатт Паттанайс*. Шива / Пер. Бхайравананда Авадхута // Практико-мировоззренческий журнал АПОКРИФ. Приложение № 18. Сентябрь 2011. Калининград, 2011. <http://apokrif93.com/apokrif/supplement-18-devdatt-natanais-shiva.pdf>
40. Shalmali river. Sahasralinga. Автор снимка Tushar Jadhav. <http://mw2.google.com/mw-panoramio/photos/medium/99947850.jpg>.
41. Вишну пурана. Книга вторая / Перевод с санскрита (Horace Hayman Wilson, 1840) Русский перевод: <http://www.theosophy.ru/lib/vishnu2.htm>

Тверь

S.V. Goryachyev

CULT OF VEDIC GODS IN PETROGLYPHS OF EAST COAST LAKE ONEGA

Summary

On the basis of coincidence of the main attributes of some rock carvings to the attributes described in Vedic texts, the author assumes that in the territory of Fennoscandia there are neolithic rock carvings of Vedic gods, namely: representations of Brahma (fig. 1, 2), Vishnu-Matsya (fig. 3:a, b), Vishnu-Kurma (fig. 4:a), Vishnu-Varakha (fig. 7:b), Vishnu-Hayagriva (fig. 8:g, e). Imagery in fig. 6:a are an illustration to a plot “a churning of the ocean and receiving an amrita”.

The drawing with ochre on the rock of the Swedish lake Hästskotjärn (fig. 9:a) is an illustration to an episode Shiva of a purana “Brakhma and Vishnu’s dispute”. A considerable part of petroglyphs of the cape of Perry Nos and the cape Karetsky Nos are representation of the lingam-yoni, at the same time Perry Nos V rock is a self-created lingam by Shiva, possibly the second after a fiery lingam.

Considering geographical features of the coast and the fact that on capes of this coast there are petroglyphs relating to cults of Brahma, Vishnu and Shiva, an assumption can be made that the east coast of Lake Onega in a strip from the cape of Kochkov Navolok to the cape Gazhy Nos in the Neolithic was the place of a religious pilgrimage and is a prototype of a tirtha of Pushkara and puranic “continent” Púshkara Dvipa.

*Ap. 84, 1b, Artyukhinoy St., Tver, 170036,
Russia
E-mail: let-s-gor@mail.ru*

С.В. Горячёв

СОВПАДЕНИЕ СЮЖЕТОВ НЕСКОЛЬКИХ НЕОЛИТИЧЕСКИХ НАСКАЛЬНЫХ РИСУНКОВ ФЕННОСКАНДИИ С ЭПИЗОДАМИ МАХАБХАРАТЫ*

«Махабхарата» – это древний эпос, оригинальный текст которого пересказывался «из уст в уста» языком санскрит и его предшествующими формами на протяжении более 2 тысячелетий.

С шестого века до нашей эры традиция устной передачи ведических текстов, и в том числе Махабхараты, была дополнена слоговым письмом «брахми», дальнейшим развитием которого, включая промежуточные формы, стало письмо «деванагари».

Многоплановый сюжет Махабхараты отражает события, которые могли произойти ранее 2900 года до нашей эры. Кульминацией Махабхараты является битва на Курукшетре, которую брахманы Индии датируют 3102 годом до нашей эры, и эта дата может быть основой для определения времени, когда происходили другие события сюжета Махабхараты.

Традиционно считается, что события Махабхараты происходили на полуострове Индостан и прилегающих территориях. Но вместе с тем в ведических текстах есть упоминания о проживании народов ведической культуры на других территориях до их прихода на земли Индостана.

Свидетельством того, что народы ведической культуры пришли на Индостан с севера, могут быть совпадения элементов в языке, культуре народов и в топонимике территорий, преимущественно Северо-Восточной Европы. На эту тему уже опубликованы работы Б.Г. Тилака [1], Н.Р. Гусевой [2], С.В. Жарниковой [3] и других исследователей.

Свои собственные исследования Махабхараты и других ведических текстов я провожу с целью обнаружения возможных совпадений описаний географических объектов вед с объектами на территории Северо-Восточной Европы. Поиск проводится по следующим признакам:

- совпадение топонимов;
- взаимное расположение объектов;
- географическое и геологическое описание.

Первые результаты этих исследований изложены в статье «Древняя Индия в Верхневолжье» [4].

Последующее изучение темы географических и топонимических совпадений текстов Махабхараты, Вишну пураны, Шива пураны с географией Северо-Восточной Европы дали основание для гипотезы, что **основой сюжета** Махабхараты могли стать реальные события, произошедшие на территории Северо-Восточной Европы до начала третьего тысячелетия до нашей эры. Информация об этих событиях могла распространяться на другие территории, в том числе и Индостана, начиная с третьего тысячелетия до нашей эры. Носителями информации могли быть брахманы, которые после битвы на поле Курукшетра остались без основных своих кормильцев – кшатриев (воинов). Перемещение части брахманов на юг могло не иметь материальных свидетельств, таких как керамика, оружие, орудия труда, так как производство материальных ценностей противоречило статусу брахманов. Перемещение брахманов в южном направлении можно зафиксировать по факту возникновения религиозных культов, аналогичных ведическим. Например, Р.Н. Дандекар предполагает возникновение культа Шивы как протодравидийского в долине Инда в третьем тысячелетии до нашей эры [5]. К материальному свидетельству протодравидийского культа Шивы этого времени он относит печать с изображением Шивы (рис. 1) [6].

Р.Н. Дандекар не говорит о северных истоках культа Шивы. Но, основываясь на том, что среди петроглифов Фенноскандии есть изображения, датированные четвёртым тысячелетием до нашей эры [7] и имеющие атрибуты ведических богов [8], осмелюсь предположить, что культ Шивы был принесён в долину Инда группой брахманов с севера и распространился среди дравидийских племён ещё в третьем тысячелетии до нашей эры. Можно также предположить, что вместе с культом Шивы в долину Инда могла попасть инфор-

* Публикация доклада, сделанного 26.03.2015 г. на 18-м заседании научно-методического семинара с международным участием «Тверская земля и сопредельные территории в древности».

Рис. 1. Печать из долины реки Инд

мация о культах других ведических богов и о событиях, ставших основой сюжета Махабхараты, который развивался и адаптировался применительно к новым условиям вплоть до Средневековья с его железным оружием, колесницами и дворцами.

Помимо географических и топонимических совпадений, наиболее важными находками, подтверждающими гипотезу о том, что основой сюжета Махабхараты могли оказаться реальные события, произошедшие на территории Северо-Восточной Европы, оказались петроглифы и писаницы Фенноскандии. Это и изображения, относящиеся к культу ведических богов, и, главное, – некоторые писаницы и петроглифы Фенноскандии, сюжеты которых в значительной степени или полностью соответствуют некоторым эпизодам Махабхараты.

Придерживаясь хронологии событий Махабхараты, наиболее ранним эпизодом, отражённым в писаницах Финляндии, является «Сказание о жительстве Арджуны в лесу» [9]. Арджуна, третий из братьев Пандавов, отправился в добровольное изгнание на 12 лет, исполняя условия договора с братьями. Когда он находился у «Врат Ганги», что может соответствовать современному устью реки Вуокса (район Выборга), с ним произошли следующие события: пользуясь, возможно, своими гипнотическими способностями, его очаровала, доведя до беспомощного состояния, и увлекла в своё жилище женщина по имени Улуппи из местного народа нагов, считавших своими прародителями змей. Улуппи хотела, чтобы Арджуна стал её мужем, но в результате только смогла уговорить его стать отцом её ребенка.

Возможно, именно это событие отражено в наскальном рисунке охрой на прибрежной скале Mertakallio (Mertavuori) озера Märkjärvi, расположенного на территории Йитти (фин. Iitti) – общины в провинции Кюменлааксо в Финляндии (рис. 2) [10]. На этом рисунке изображены лежащий человек и «стоящая змея».

Рис. 2. Предполагается Улуппи очаровывает Арджуну (охра)

Очень важным является то, что «змея» изображена со стороны правой руки лежащего человека, так как в ведической традиции рукопожатие правыми руками между мужчиной и женщиной означало брачный союз или согласие на интимную близость.

В результате близости Улуппи и Арджуны родился сын Ираван. Используя хронологию событий Махабхараты, можно предположить, что эта композиция могла быть нарисована охрой не ранее 3135 года до нашей эры. Далее Арджуна проследовал через лес Камьяка, что соответствует бассейну реки Кеми-йоки, через местность Хираньябинду – «золотые капли», что геологически может соответствовать месторождениям золота на севере Финляндии, дошёл до страны Анга, вероятно, бассейн реки Йоканга, и, повернув на юг, вдоль берега моря дошёл до Манипура – «богатый город», где, по тексту Махабхараты, «всегда было прохладно». Далее по текстам Махабхараты становится очевидным, что Манипур мог находиться на территории, известной теперь как Залавруга. В Манипуре Арджуна женится на Читрангаде – дочери местного вождя, но это событие, возможно, не нашло своего отражения в виде петроглифа. Через три года Арджуна уходит в страну Анарту, которая имела выход к берегу «Западного океана», вероятно, Балтийского моря. Там он женится на Субхадре, сестре Кришны Васудевы. До конца своего изгнания, то есть около шести-семи лет, Арджуна с Субхадрой прожил в Пушкаре – местности, которая, по описанию (Махабхарата, книга «Лесная» [11] и Вишну пурана, книга вторая [12]), может соответствовать восточному побережью Онежского озера, имевшему в те времена у ведических народов название Падмесарас (Лотосов озеро) и Брахмасарас (Брахмы озеро) (подробно – в [13]). По окончании срока добровольного «изгнания» Арджуна с четвёртой женой Субхадрой возвращается к братьям в Индрапрастху. В названии этого населённого пункта «прастха» в переводе с санскрита – «поселение». Это поселение, по тексту Махабхараты, находилось на берегу реки Ямуна, которая по ряду совпадений признаков соответствует реке Даугава. Наличие притока Даугавы Индрица (Стирнупе) может подсказать место расположения Индрапрастхи – на тот момент столицы «царства» братьев Пандавов. Не исключено, что Индрапрастхе соответствует комплекс неолитических стоянок в районе современной Краславы.

За время странствий Арджуны царство Пандавов под руководством их старшего брата Юдхишхиры продолжало крепнуть, и появились предпосылки для того, чтобы Юдхишхира возглавил союз племён. Традиционно такое объединение могло происходить при жертвоприношении «раджасуя» (Сабхапарва (Сказание о совещании) [14]), фактически являвшимся большим пиром, на котором приглашённые вожди соглашались стать подчинёнными союзниками вождя, проводившего жертвоприношение. В обсуждении возможности проведения жертвоприношения «раджасуя» вместе с братьями Пандавами принимал участие их двоюродный брат Кришна Васудева. Кришна Васудева был согласен с проведением жертвоприношения Юдхишхирой, но предостерег Пандавов, сказав, что этому жертвоприношению может помешать вождь страны Магадхи Джарасандха. Кришна рассказал Юдхишхире историю вражды между его племенем вришниеи и их дальним родственником царём страны Магадха. Кришна вложил в свой рассказ смысл, что без победы над вождём Магадхи Джарасандхой Юдхишхира не сможет собрать на жертвоприношение «раджасуя» вождей других племён. В результате совещания, на котором, кроме Кришны Васудевы и Юдхишхиры, присутствовали и другие братья Пандавы, было принято решение, что в обстановке, когда войско Юдхишхиры с союзниками всё-таки слабее войска Джарасандхи, рискованно, но возможно вызвать Джарасандху на поединок и в случае победы освободить 86 вождей, которых Джарасандха удерживает в плену с целью принести их в жертву Шиве, культ которого доминировал в Магадхе. По тексту совещания можно понять, что для большинства народов времени событий Махабхараты человеческие жертвоприношения были неприемлемы.

В город Гиривраджа ходили не все братья Пандавы, а только Арджуна и Бхима. Вместе с ними был Кришна Васудева, который и являлся инициатором этого путешествия. В Гириврадже Бхима в поединке убивает царя Магадхи Джарасандху, после чего Пандавы освобождают 86 пленённых царей, которые обещают прибыть на жертвоприношение «раджасуя», устраиваемое Юдхишхирой, и стать его союзниками. Кришна передаёт власть над царством Магадха сыну Джарасандхи Сахадеве, а тот кладёт к ногам Кришны много драгоценных камней. Но главным трофеем, который получили Пандавы, стала «грохочущая колесница», которую, как считалось, бог Индра подарил царю Васу – древнему родоначальнику племён матсьев и ядавов.

Маршрут Арджуны, Бхимы и Кришны из Индрапрастхи в столицу Магадхи Гиривраджу описан в Махабхарате в «Сказании об убиении Джарасандхи» [14]. Там же дано и довольно подробное описание географии и природы Магадхи. Из перечисленных в Махабхарате топонимов по этому маршруту достаточно однозначно соотносятся с современной географией:

- Куруджангале – «Куру перешеек» – как Карельский перешеек;
- озеро Падмасарас – «лотосов озеро» – как Онежское озеро;
- река Сарая, название которой складывается из двух одинаковых составляющих: «сара» = река на санскрите и «ю» = река на языке коми – и географически определяется как река Северная Двина, в устье которой в неолите мог располагаться город Айодхья, что в переводе с санскрита – «прилив идёт»;
- столичный центр Магадхи – Гиривраджа, как долина реки Шугер на Северном Урале.

В тексте Махабхараты нет указаний на то, что Арджуна, Бхима и Кришна Васудева во время этого путешествия заходили в Манипур на прямом или обратном пути, но обратим внимание на два сюжета петроглифов Залавруги (рис. 3 – прорисовка с использованием материалов Ю.А. Савватеева [15]).

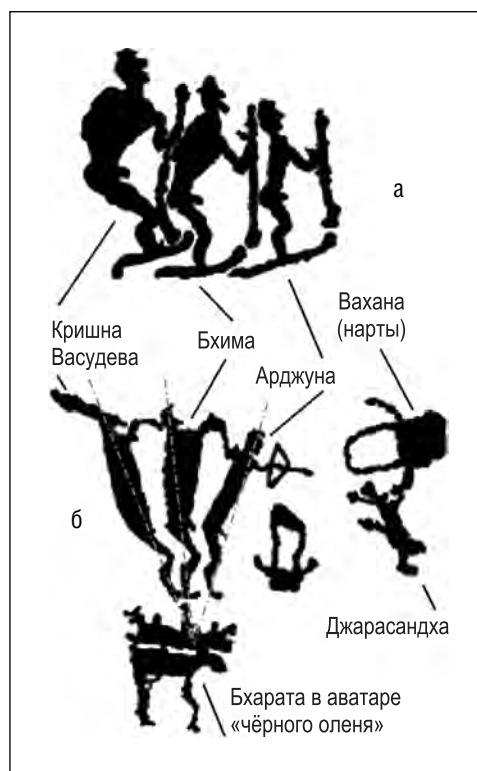

Рис. 3. Петроглифы, предположительно изображающие эпизоды Махабхараты:
 а – Арджуна, Бхима, Кришна приходят в Манипур [15, с. 128];
 б – Арджуна, Бхима, Кришна убивают Джарасандху [15, с. 136]

Реально на скалах Залавруги оба эти петроглифа разделяют десятки метров, и люди на изображении на рис. 3:а обращены головами к головам людей на изображении рис. 3:б, при этом направление “движения” группы «б» соответствует примерно 120°, а группа «а» “движется” в противоположном направлении. На изображениях «а» и «б» по трое идущих мужчин, причём, идущий первым изображён ростом меньше изображения среднего мужчины, а замыкает процессию человек большего роста. Странно, что лидером идёт человек меньшего роста, а на петроглифе на рис. 3:б он – ещё и главное действующее лицо сюжета, именно он выстрелом из лука убивает противника, который традиционно изображён ростом меньше победителя. Вероятно, распределение по росту в этих тройках людей связано либо с фактической антропометрией прототипов персонажей, либо всё-таки в этих тройках рост показывает социальный статус каждого. Обратим внимание и на то, как оба петроглифа сориентированы по странам света – на петроглифе на рис. 3:б трое мужчин идут, в общем-то, на восток и там убивают противника. При этом петроглиф так расположен на скале Залавруги (рис. 4), что направление, в котором изображён побеждённый, довольно точно совпадает с направлением на территорию предполагаемой страны Магадхи, по тексту Махабхараты [14].

Рис. 4. Взаимное расположение долины реки Шугер и петроглифа, предположительно изображающего убийство Джарасандхи Арджуной, Бхимой и Кришной (Беломорск, Залавруга)

Теперь проверим сюжет петроглифа рис. 3:б на его возможное соответствие эпизоду Махабхараты – «Сказание об убийении Джарасандхи».

Элементы сюжета петроглифа	Эпизод Махабхараты
Совпадения	
Количество персонажей: – три победителя, один побеждённый	Количество основных персонажей: – три победителя, один побеждённый
В составе троих победителей: – стрелок из лука; – мужчина атлетического телосложения; – мужчина с высокой причёской	Арджуна – лучший стрелок из лука; Бхима – атлетического телосложения, с невероятной силой и выносливостью; Кришна Васудева – старше Арджуны и Бхимы по возрасту, вождь племени вришниеи, брюнет с вьющимися волосами, за что имел и другое имя «Кешава», что в переводе с санскрита «Пышноволосый»
Расположение фигур победителей: фигуры расположены веером радиально, причём общий центр радиусов совпадает с головой лося, расположенного ниже фигур победителей. В данном сюжете фигура лося является пиктограммой, свидетельствующей о том, что эти трое мужчин являются «бхаратами», то есть потомками вожды Бхарата	Общий предок победителей – вождь Бхарата, власть которого распространялась на большую часть северо-востока Европы. После смерти Бхарата воплотился в теле «чёрного оленя» – лося [16, с. 145]
Трофей – средство передвижения: «вахана» – нарты (на рис. 9 – реконструкция возможного устройства нарт, изготовленных из расщеплённого ствола сосны)	Трофей – средство передвижения: «вахана» – «грохочущая колесница Индры»
Принципиальные несовпадения	
Явный победитель – стрелок из лука	Победителем является не лучший стрелок из лука Арджуна, а его брат атлет Бхима

Теперь обратимся к петроглифу на рис. 3:а. Персонажи размещены по статусу, так же как и на петроглифе на рис. 3:б, но идут в строго противоположном направлении, и это событие происходит явно зимой – на ногах лыжи или снегоступы, причёски не такие пышные, волосы, вероятно, прикрыты головными уборами. Явно, что сюжет рис. 3:а менее информативен, чем сюжет рис. 3:б. Возможно, что петроглиф на рис. 3:а создан ранее, чем петроглиф на рис. 3:б, так как для автора или заказчика петроглифа был важен сам факт прихода в Манипур (Залавруга) трёх воинов – Арджуны, Бхимы и Кришны Васудевы.

В соответствии с хронологией событий Махабхараты приход Арджуны, Бхимы и Кришны Васудевы в Манипур мог произойти между 3122 и 3117 годами до нашей эры, и петроглиф с тремя «лыжниками» мог быть выбит практически в то же время. Позднее, когда автор или заказчик узнали о результате похода, был выбит второй петроглиф (рис. 3:б).

В Махабхарате есть ещё интересная информация, относящаяся к стране Магадхи и конкретно к истории рождения вожды Джарасандхи. По тексту Махабхараты («Сказание об убийстве Джарасандхи. Главы 18–22» [14]), младенец, будущий вождь Джарасандха, был рождён двумя сёстрами-близнецами, причём каждая родила в одно и то же время только половину ребёнка, разделённого точно по оси симметрии. В ужасе от случившегося матери оставили на дороге то, что они родили. Половинки младенца нашла ракшаси Джара (в переводе на русский с санскрита – «старуха»), демоническое существо, способное принимать любое обличье. Когда Джара сложила вместе две половинки тела, они моментально срослись, и ребёнок ожил. Джара, приняв образ красивой женщины с золотым телом, отдала младенца Джарасандху (Джарасандха – «Джарой соединённый») его отцу Бхригадратхе – вождю Магадхи и двум его матерям. В честь рождения долгожданного наследника и в благодарность Джаре за её поступок Бхригадратха учредил ежегодный праздник чествования Джары. Эти события могли быть основой для возникновения культа «Золотой Бабы», который, с развитием технологий литья золота, мог быть дополнен скульптурным изображением женщины с ребёнком.

Отражённые в петроглифах на рис. 3:а, б эпизоды Махабхараты были не последними, произошедшими на территории Манипура. Когда братья Пандавы вместе с их общей женой Кришной Драупади после проигрыша своего царства двенадцать лет находились в изгнании в лесу Камьяка (бассейн реки Кеми-Йоки), они посещали святые места и купели и могли в том числе посетить Манипур. Но на скалах Залавруги нет петроглифов, которые с достаточной вероятностью могли бы относиться к визиту всех Пандавов в Манипур.

После кровавой победы в битве на поле Курукшетра в 3102 году до нашей эры Юдхистхира проводит жертвоприношение «ашвамедха» [17], и Арджуна вновь приходит в Манипур. Суть жертвоприношения

«ашвамедха» состояла в том, что жертвенное животное (в современном тексте Махабхараты это «чёрный конь») после совершения некоторых ритуальных действий отпускали на свободу. Считалось, что все территории, по которым пройдёт жертвенный конь в течение года, принадлежат вождю, проводящему это жертвоприношение. Вожди соседних племён могли либо пропустить коня и оказывались в подчинении или теряли право на свою территорию, либо прогоняли коня. Поэтому жертвенное животное сопровождали воины вождя, проводившего жертвоприношение.

Обратим внимание на то, что в тексте Махабхараты «Ашвамедха» [17] фигурирует жертвенный «чёрный конь», но вождь, проводящий это жертвоприношение, на время ритуала надевает на себя шкуру «чёрного оленя» – символ перевоплощения вождя Бхараты [16, глава 5.8. «Перевоплощение Бхараты оленем»]. **Вероятно, первоначально на территории северо-востока Европы жертвенным животным в обряде был лось («чёрный олень»), символизирующий вождя Бхарату,** который, по тексту Бхагавата Пураны [16], ежегодно обходил свои земли по пути, подобному тому, как обходит Землю Солнце, то есть по кругу, по часовой стрелке. Начальные и финальные ритуалы «ашвамедхи» вождя Юдхишхиры проводились в окрестностях Хастинапура. Традиционно Хастинапур переводят с санскрита как «слона город», где «Хастин» – «слон», а «пур» – «город». Подобное название города Сингапур переводят аналогично «Льва город». Расположен город Сингапур на одноимённом острове. Существует легенда [18], что, находясь на этом острове, принц Суматры увидел в море животное, похожее на льва. Океан, море, озеро – это всё «водный простор», что на санскрите звучит как «ап ур», а «лев на водном просторе» – «синха ап ур». Так может, первичный смысл названия острова Сингапур – «лев на водном просторе»?

Вернёмся к названию города Хастинапур – при переводе «слон город» («хастин пурА»), выделенная буква «А» – не на своём месте, но такое встречается нередко. А если «Хастин ап ур» – то получается «слон на водном просторе». Однако современный индийский Хастинапур не лежит на берегу океана, моря или хотя бы большого озера, зато на озере Селигер расположен самый большой его остров Хачин, северная часть которого, длинный выступ, удивительно похожа на хобот слона, при этом Хастин (Хачин) происходит от «хаста – ин», что в переводе с санскрита дословно «хобот имеющий». Не только по топонимическому сходству, но и по результатам сравнительных исследований текста Махабхараты с географией Северо-Восточной Европы, Хастинапур столица племени кауравов, а затем рода Пандавов, мог находиться на острове Хачин, что расположен на озере Селигер в современной Тверской области. В 1980 г. А.Д. Максимов при археологической разведке открыл несколько неолитических стоянок на острове Хачин [19].

В тексте Махабхараты «Ашвамедха» подробно описываются маршрут передвижения жертвенного коня (лося) и произошедшие события. Вероятно, в районе устья реки Кемь-йоки произошло событие, предшествующее приходу Арджуны с воинами и жертвенным животным в Манипур (Залавруга). Проход жертвенному животному преградили воины сайндхавы, состоялся бой, который прекратился по просьбе двоюродной сестры Арджуны Духшалы, прибывшей к месту боя с маленьким внуком, формальным вождём страны Синдху. Далее Арджуна с воинами, сопровождающая жертвенное животное, приходит в Манипур. В этот период правителем Манипура был Бабхрувахана – сын Арджуны и его третьей жены Читрангады. Произошедшие в Манипуре дальнейшие события описываются в тексте «Книга о жертвоприношении коня» [17] Махабхараты (главы с 77 по 82). Бабхрувахана встретил своего отца Арджуну с подобающим почётом, но этим, наоборот, вызвал гнев Арджуны, который обвинил своего сына в невыполнении долга царя-кшатрия защищать свою страну. Говоря современным языком, Арджуна устроил «скандал». Слово «скандал» содержит два корня: «сканда» – имя ведического бога войны, и «ал» – в переводе с санскрита «исток, начало». То есть, **Арджуна стал инициатором боя со своим сыном Бабхруваханой.** В то же время присутствующая там вторая жена Арджуны Улуппи подстрекала Бабхрувахану к бою с отцом. Во время боя Бабхрувахана поразил стрелой Арджуну в правое плечо, вторая стрела пробила грудь Арджуны, и он упал на землю. Третья жена Арджуны Читрангада (мать Бабхруваханы) бросилась к ногам поверженного Арджуны и, оплакивая его, потеряла сознание. Очнувшись, она увидела Улуппи, вторую жену Арджуны, и обратилась к ней:

«Посмотри, Улуппи, – вот лежит супруг (твой), победоносный в сражениях, из-за тебя пал он в битве от рук моего юного сына. Знаешь ли ты свою дхарму (закон), достойная, верно ли служишь супругу, если из-за тебя пал, поверженный в битве, супруг твой! Даже если Завоеватель богатств (Арджуна) всячески виноват пред тобой, я прошу: прости и верни к жизни Завоевателя богатств.» [17].

Улуппи передала Бабхрувахане «чудесную жемчужину», которую он положил на грудь своего отца, и Арджуна вернулся к жизни. На современной иллюстрации к Махабхарате изображена Улуппи, вызвавшая «чудесную жемчужину» (рис. 5) [20].

Обратим внимание, что на рисунке Улуппи расположена со стороны правой руки Арджуны, а это символ супружества.

Теперь сравним описание этих событий Махабхараты с двумя композициями петроглифов Залавруги. Петроглиф на рис. 6 [15, с. 143] изображает поединок двух лучников, между которыми лежит птица, поражённая стрелой. Сразу обращает на себя внимание, что побеждённый, в котором торчат две стрелы, поражён ростом больше, чем победитель, который не получил ранения. Такое различие в передаче роста может быть либо в случае, когда побеждённый действительно значительно превосходил ростом победителя, либо в том случае, если побеждённый имел более высокий социальный статус, чем победитель. Обратим внимание и на птицу, лежащую между лучниками. Высоко поднятый хвост птицы более характерен для те-

терева или глухаря. Птица поражена стрелой со стороны побеждённого. Если сюжет петроглифа с поединком двух лучников соотнести с поединком Арджуны и Бабхруваханы, то сразу возникает вопрос: какое отношение имеет птица, поражённая стрелой, к поединку Арджуны и Бабхруваханы? И тут нужно учесть, что ваханой бога войны Сканды является в современном индуизме павлин. Логично предположить, что до исхода с северных территорий на территорию Индостана ваханой Сканды мог быть глухарь. Самцы глухаря отличаются боевым характером, имеют хвост пышный, но более короткий, чем у павлина. И, наконец, слово «ГЛУХАРь» созвучно другому имени Сканды – «ГУХА». Возможно, что в результате поединка птица не пострадала, а её изображение является пиктограммой, поясняющей, что побеждённый был инициатором поединка, и это аллегорически изображено как вахана бога войны (глухарь), поражённая стрелой со стороны побеждённого.

Рис. 5. Улуппи оживляет Арджуну при помощи «чудесной жемчужины»

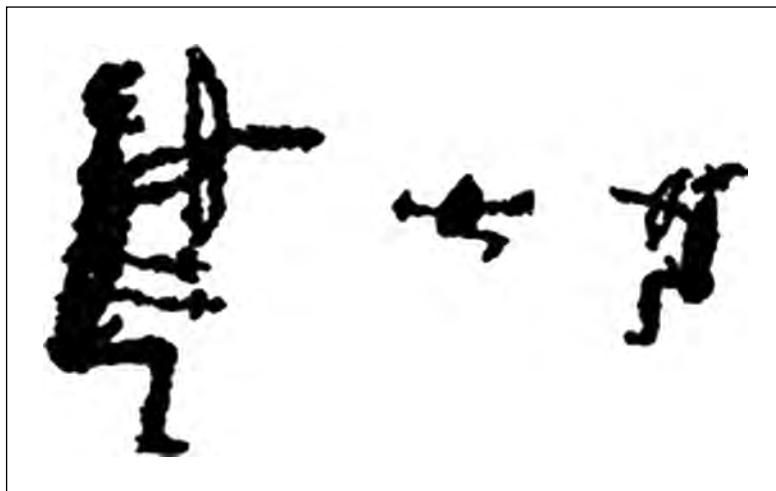

Рис. 6. Петроглифы, предположительно изображающие поединок Арджуны (слева) с его сыном Бабхруваханой (по [15, с. 143])

А теперь сравним сюжет петроглифа на рис. 6 с эпизодом поединка Арджуны и Бабхруваханы.

Элементы сюжета петроглифа	Эпизод Ашвамедхи Махабхараты – поединок Арджуны и Бабхруваханы
Совпадения	
Побеждённый изображён бóльшим по росту, чем победитель	Побеждённый Арджуна, как отец Бабхруваханы, имел более высокий социальный статус
Побеждённый поражён одной стрелой в живот, другой – в грудь	Арджуна был поражён первой стрелой не в живот, а в правое плечо, но при попытке изобразить эту стрелу в технике петроглифа она неизбежно сольётся с изображением руки, натягивающей тетиву. Вторая стрела попала Арджуне в грудь
Побеждённый изображён западнее победителя	Арджуна пришёл в Манипур с запада
Глухарь – вахана бога войны – поражён стрелой со стороны побеждённого, что, возможно, является пиктограммой, поясняющей, что побеждённый был инициатором поединка	Арджуна был инициатором поединка

Следует обратить внимание и на то, что причёска побеждённого Арджуны на петроглифе на рис. 6 соответствует причёске лучника на петроглифе на рис. 3:б, то есть тоже Арджуны.

Продолжением сюжета поединка является сюжет петроглифа на рис. 7 [15, с. 126], где изображён лежащий мужчина атлетического телосложения. Со стороны правой руки мужчины изображена женщина, которая правой рукой почти касается правой руки мужчины, что является символом супружества. Нижняя часть тела женщины изображена асимметрично – выпуклость в сторону фигуры мужчины выполнена несколько большей. Это возможно в том случае, если женщина согнула ноги и повернула колени в сторону фигуры мужчины, при этом длиннополая одежда полностью скрывает ноги женщины – именно поэтому у данной фигуры женщины не изображены ноги. Несмотря на то, что эта женщина ростом явно меньше мужчины, её голова изображена в виде круга, размер которого больше размера головы мужчины. Такая пропорция в размерах может быть либо в случае если на голову женщины надет капюшон, либо в том случае, если она расплела косы, и большой размер изображения головы соответствует распущенным волосам. Далее, со стороны правой руки мужчины расположено изображение змеи. Петроглиф выбит на практически горизонтальном участке скалы. Сюжет этой композиции в целом соответствует эпизоду Ашвамедхи Махабхараты, в котором третья жена Арджуны Читрангада оплакивает его, а затем вторая его жена Улуппи оживляет Арджуну. Улуппи, как женщина народа нагов, изображена в виде змеи. Также надо отметить, что в период, соответствующий событиям Махабхараты, существовала традиция, по которой женщины в знак траура расплетали косы [21, с. 534].

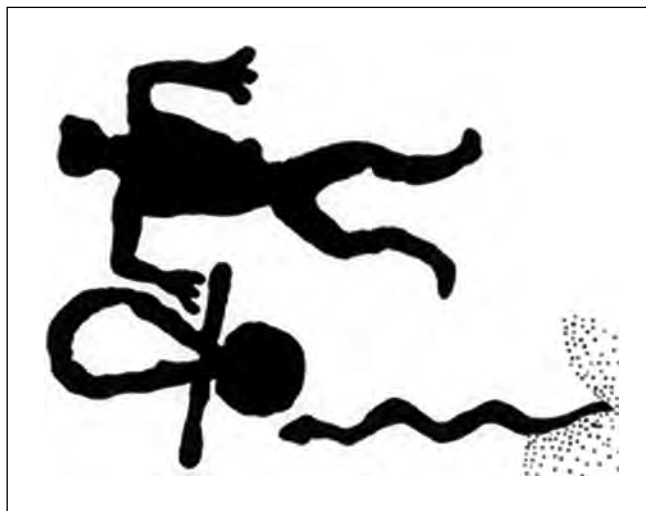

Рис. 7. Петроглиф (Залавруга), на котором предположительно Читрангада оплакивает поверженного Арджуну, рядом Улуппи, изображённая в виде змеи

Рассмотренные композиции петроглифов, кроме возможного отношения их сюжета к эпизодам Махабхараты, объединяет ещё и техника исполнения. Человеческие фигуры выполнены с тщательной пробивкой поверхности камня, несмотря на не идеально ровную поверхность скалы. Масштаб человеческих фигур отличается: например, размер по росту фигуры Арджуны в разных композициях находится в диапазоне от 20 до 50 см, но при этом он везде изображён довольно стройным мужчиной с характерным «чубом» над лбом.

Три композиции петроглифов сориентированы на скале так, что взаимное расположение человеческих фигур довольно точно совпадает с направлением их передвижения по тексту Махабхараты, что даёт основание предположить, что и фигура, изображающая лежащего Арджуну, выбита именно на том месте, где он лежал после боя с Бабхруваханой, и, вероятно, в том же положении.

То обстоятельство, что перечисленные петроглифы довольно точно сориентированы по направлению и при этом нанесены на наклонную поверхность скал так, что головы изображённых людей находятся выше ног, позволяет предположить, что у автора была возможность выбора, то есть эти петроглифы нанесены на скалы Залавруги одними из первых.

Кто мог заказать или выбить сам на скале Залавруги эти композиции? Наиболее вероятно в их появлении были заинтересованы участники этих событий. Но не все они изображены во всех этих сюжетах. Только один персонаж присутствует во всех четырёх композициях петроглифов – это Арджуна. Но у него практически не было возможности выбивать эти петроглифы, так как он не заходил в Манипур после возвращения из Магадхи, а после боя с Бабхруваханой практически сразу ушёл, сопровождая жертвенное животное.

Из известных по тексту Махабхараты персонажей ещё один человек практически постоянно жил в этот период в Манипуре (Залавруга) и был в курсе событий, отражённых в петроглифах, – это третья жена Арджуны Читрангада. Для Читрангады было очень престижно быть женой такого известного воина, как Ард-

жуна. Она была заинтересована в прославлении и увековечивании в петроглифах как самого Арджуны, так и себя. Видимо, этим можно объяснить то, что победителем Джарасандхи изображён Арджуна, а не его брат Бхима. И этим же объясняется изображение по центру композиции Читрангады в сюжете с лежащим Арджуной, хотя Читрангада была только в роли плакальщицы, а ключевую роль в оживлении Арджуны сыграла его вторая жена Улуппи, что и изображается на более современных рисунках по этому эпизоду (рис. 5).

Выбивал ли кто-то эти петроглифы по заданию Читрангады, или она сама это сделала? Ответ содер­жится в имени Читрангады, которое в переводе с санскрита дословно – «рисующая дубинкой» [22], что соответствует археологической реконструкции технологии выбивания петроглифов. Впрочем у слова «гада» – «дубинка» существуют и другие переводы – «булава, палица» и «изречение» (от последнего, вероятно, происходит слово «гадать»), но это не отрицает возможного авторства **Читрангады Чайтравахини** (отчество Читрангады) рассмотренных петроглифов.

По хронологии Махабхараты поединок между Арджуной и Бабхруваханой произошёл в 3101 году до нашей эры, не ранее апреля. Бабхрувахана, а также его матери Читрангада (биологическая мать) и Улуппи обязаны были прибыть в Хастинапур для участия в «ашвамедхе» не позднее начала марта 3100 года до нашей эры. Поэтому, если **Читрангада** была автором петроглифов со сценой поединка Арджуны и Бабхруваханы, а также сцены оплакивания и оживления Арджуны, то, наиболее вероятно, она **могла выбить эти петроглифы весной – летом 3101 года до нашей эры.** Имея основания предполагать, что автором некоторых петроглифов Залавруги могла быть Читрангада Читравахини, обратим внимание на две композиции петроглифов, выбитых на скале мыса Пери Нос 3 (рис. 8:а, б).

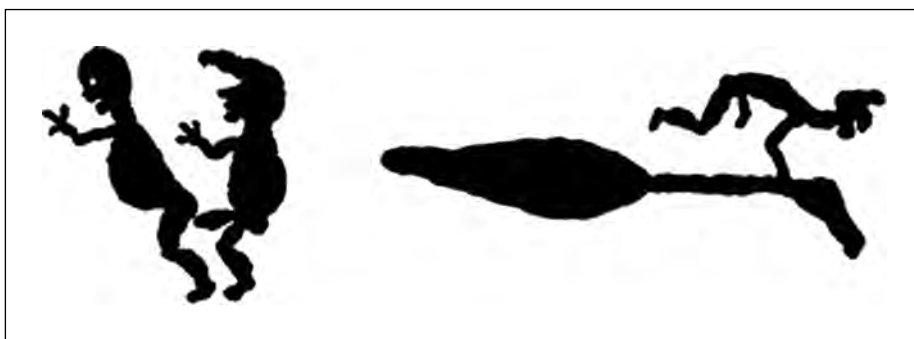

Рис. 8. Петроглифы, предположительно выбитые Читрангадой для ворожбы:
а – на несчастье своей соперницы Субхадры; б – на возвращение своего мужа Арджуны
(прорисовки с фото, сделанных автором статьи в 2014 г.)

Примечательно, что на обоих петроглифах изображён мужчина с такой же причёской, как у изображений Арджуны на скалах Залавруги.

Другим важным элементом является то, что петроглиф с эротической сценой на рис. 8:а выполнен на пятне практически чёрного цвета. При этом женщина изображена явно карикатурно: с выпучеными глазами, широко открытым ртом, без причёски и, главное, с отвисшим животом, что может быть признаком беременности. Из Вед известно, что существовал запрет на совокупление с женщиной, имеющей явные признаки беременности. Кроме того, композиция размещена на скале так, что мужчина и женщина повернуты спиной к главному объекту религиозного поклонения мыса Пери Нос – к скале Пери 5, которая сама является созданным природой лингамом Шивы и поэтому не имеет на своей поверхности никаких петроглифов. На расстоянии около 23 метров от петроглифа с рис. 8:а выбит петроглиф с рис. 8:б, на котором изображён лебедь, за шею которого держится мужчина. Направление, в котором, возможно, “движется” лебедь, примерно совпадает с направлением на город Повенец, от которого водный путь на север продолжается до острова Залавруга, при этом угол доворота маршрута вправо приблизительно совпадает с величиной угла, на который повернут клюв лебеда относительно линии шеи. Петроглиф выбит на скале красноватого цвета – символа жизни.

Выше уже было сказано, что побережье, где выбиты эти два петроглифа, в период событий Махабхараты называлось Пушкара, и там после ухода от своей третьей жены Читрангады Арджуна около шести лет прожил со своей четвёртой женой Субхадрой. Наверняка, информация, что Арджуна с Субхадрой живут в Пушкаре, дошла и до Читрангады, вызвав бурю отрицательных эмоций. Ревнуя Арджуну к Субхадре, Читрангада могла прибегнуть к ворожбе – «чёрному заговору», изобразив на пятне чёрного цвета Субхадру в карикатурном виде, чтобы та не была счастлива с их общим мужем Арджуной. Кроме того, на красном фоне именно Читрангада могла выбить изображение лебеда, который вернёт ей Арджуну в Манипур (Залавруга). Лебедь мог быть представлен как воплощение бога Брахмы и, возможно, уже в неолите был символом супружеской верности. То есть, изображая Арджуну на лебеде, Читрангада тоже ворожила, но уже на своё счастье с Арджуной. **Следует отметить, что в Махабхарате не сказано о ворожбе Читрангады в**

Пушкаре с выбиванием петроглифов, и я выдвигаю эту версию на основе косвенных аргументов. Используя хронологию событий Махабхараты, можно предположить, что Читрангада Чайтравахини выбила две эти композиции на мысе Пери Нос 3 не ранее 3130 года до нашей эры.

Выводы

1. Сюжеты рассмотренных наскальных изображений по нескольким признакам или полностью соответствуют некоторым эпизодам Махабхараты, что является основанием предполагать, что события, ставшие основой сюжета Махабхараты, произошли на территории Восточной Европы.

2. Автором петроглифов могла быть дочь вождя (раджи) Манипура (остров Залавруга, район Беломорска) по имени Читрангада и отчеству Чайтравахини.

3. Изображения на скалах выбивались с ориентацией на направления, соответствующие действительным событиям.

4. Изображение Кришны Васудевы на лыжах, возможно, является древнейшим изображением этого бога на лыжах.

5. По крайней мере уже в четвёртом тысячелетии до нашей эры для передвижения использовался прообраз нарт (рис. 9).

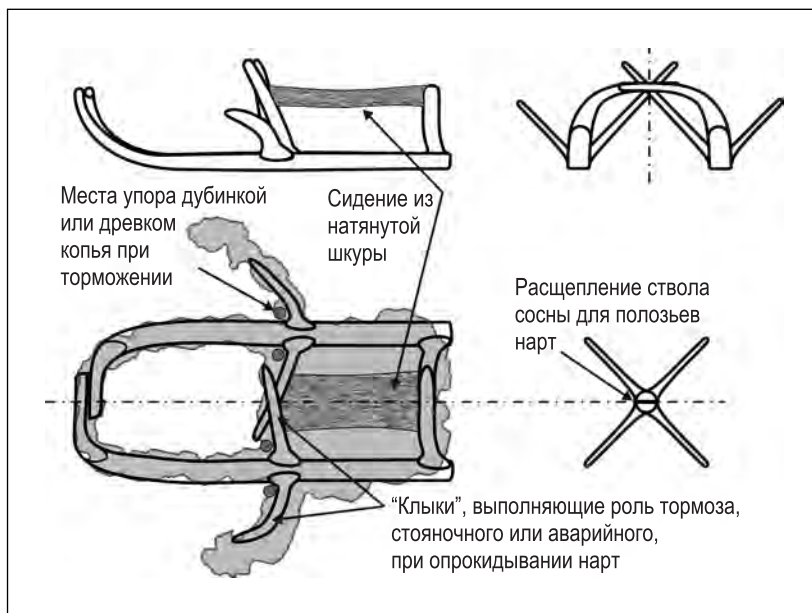

Рис. 9. Реконструкция неолитического прототипа нарт

Реконструкция неолитического прототипа нарт (рис. 9)

Предположительно нарты изготавливались из ствола сосны возраста 10–20 лет. После продольного расщепления ствола сучья изгибались с использованием тепла от костра. После подгонки двух частей нарт друг к другу они могли быть зафиксированы с помощью предварительно размоченного кожного ремня с последующей сушкой. Часть стыков в конструкции таких нарт уже были созданы природой, что упрощало технологию изготовления нарт и делало их более жёсткими и надёжными. Возможно, поверхность полозьев “шлифовали” о камни уже в процессе эксплуатации.

Фактическим прообразом «грохочущей колесницы Индры», подаренной предку Джарасандхи вождю Васу, могли быть нарты, полозья которых могли быть усилены накладкой, например из костей, что делало такие нарты более шумными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Тилак Б.Г. Арктическая родина в ведах. Перевод, разделы «От переводчика», «Словник», сноски – Н.Р. Гусева. М., 2001.
2. Гусева Н.Р. Русский Север – прародина индославов. М., 2010.
3. Жарникова С.В. Золотая нить. Вологда, 2003.
4. Горячев С.В. «Древняя Индия в Верхневолжье» // www.comet-taraka.ru
5. Дандекар Р.Н. От вед к индуизму: Эволюционирующая мифология / Р.Н. Дандекар; Сост., [вступительная статья, комментарии] Я.В. Васильков; Отв. ред. Г.М. Бонгард-Левин; Перевод с английского К.П. Лукьяненко. М., 2002.
6. <http://www.liveinternet.ru/users/3603576/post291324402/>

7. Лобанова Н.В. К вопросу о хронологии и периодизации наскальных изображений Онежского озера // РА. 2014. № 3.
8. Горячев С.В. Атрибуты Ведических Богов в петроглифах Фенноскандии и Карелии // ТАС. Вып. 10. Т. I. Тверь, 2015.
9. Махабхарата. Адипарва. Книга первая. Сказание о жительстве Арджуны в лесу. Главы 200–210. Перевод с санскрита и комментарии В.И. Кальянова, под ред. академика А.П. Баранникова. М.; Л., 1950.
10. Lahelma, Antti. A Touch of Red. Archaeological and Ethnographic Approaches to Interpreting Finnish Rock Paintings. Helsinki, 2008.
11. Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва). Сказание о паломничестве к тиртхам. Глава 80. Перевод с санскрита, предисловие и комментарий Я.В. Василькова и С.Л. Невелевой. М., 1987.
12. Вишну пурана. Книга вторая. Главы 1–3. Перевод с санскрита (Hogase Hayman Wilson, 1840) // <http://www.theosophy.ru/lib/vishnu2.htm>
13. Горячев С.В. Культ ведических богов в петроглифах восточного побережья Онежского озера // В данном сборнике.
14. Махабхарата. Книга вторая. Сабхапарва или Книга о собрании. Перевод с санскрита и комментарии В.И. Кальянова. М.; Л., 1962.
15. Савватеев Ю.А. Наскальные рисунки Карелии. Петрозаводск, 1983.
16. Сурендра Мохан дас (Неаполитанский С.М.) Мистерии Бхагавата Пураны (Песни 1–12). СПб., 2001.
17. Махабхарата. Книга четырнадцатая. Ашвамедхикапарва или Книга о жертвоприношении коня. Глава 72. Издание подготовили Я.В. Васильков и С.Л. Невелева. СПб., 2003.
18. <http://www.dopotopa.com/forum/viewtopic.php?f=196&t=718>
19. Максимов А.Д. Отчет о раскопках городища Орлов городок и разведках на оз. Селигер в 1980 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 8477.
20. [http://www.babyoye.com/h/Comics/All-products/Amar-chitra-katha-Uloopi-\(629\)/p_ВРАСК00401?ref=RECENTLY_VIEWED](http://www.babyoye.com/h/Comics/All-products/Amar-chitra-katha-Uloopi-(629)/p_ВРАСК00401?ref=RECENTLY_VIEWED)
21. Три великих сказания древней Индии. Литературное изложение и предисловие Э.Н. Темкина и В.Г. Эрмана. М., 1978.
22. Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь: около 30 000 слов / Под. ред. В.И. Кальянова. С приложением «Грамматическое очерка санскрита» А.А. Зализняка. 3-е изд. М., 2005.

Тверь

S.V. Goryachyev

COINCIDENCE OF PLOTS OF SEVERAL NEOLYTHIC ROCK CARVINGS OF FENNOSCANDIA TO MAHABHARATA EPISODES

Summary

On the basis of coincidence of the main attributes of plots of some compositions of petroglyphs of Zalavruga (Russia, Karelia, Belomorsk) with Mahabharata episodes the author assumes that a basis of a plot of the Mahabharata are the real events which happened on the territory of the North-East of Europe in the IV millennium BC. Information on these events, perhaps, was transferred by brahmen in the southern direction including the territory of Hindustan after 3102 years BC, and in development of technological level of society in the text of the Mahabharata there were some changes in the description of constructions, clothes, weapon, etc.

The author assumes that some rock carvings of Fennoscandia correspond to the following episodes of the Mahabharata:

Fig. 2 – Uloopi fascinates Arjuna;

Fig. 3:b – Arjuna, Bhima, Krishna kill Jarasandha;

Fig. 6 – Arjuna's duel with his son Babhruvahana;

Fig. 7 – after the duel Chitrangada mourns the prostrate husband Arjuna, there is Uloopi represented in the form of a snake.

According to the author, the fact that the third wife of Arjuna Chitrangada knew about the events represented in fig. 2 and fig. 3 and was present personally at the episodes represented in fig. 6 and fig. 7 and also the fact that the name “Chitrangada” can be translated from Sanskrit as “drawing a bludgeon” [23], gives the grounds to assume that Chitrangada could beat out images of fig. 3:a, b and fig. 6, fig. 7. At the same time the composition of fig. 7 could be beaten out by Chitrangada in spring – summer of 3101 BC.

*Ap. 84, 1b, Artyukhinoy St., Tver, 170036,
Russia
E-mail: let-s-gor@mail.ru*

С.В. Горячёв

БОГ ИНДРА И ПЕТРОГЛИФЫ МЫСА ПЕРИ НОС VI*

В Ведах бога Индру называют «царём богов», но при этом он не входит в состав высших богов, к которым относятся Брахма, Вишну, Шива, то есть статус Индры, как царя, аналогичен статусу царя в системе варн (каст), где варна царей-воинов имеет статус на ступень ниже, чем варна брахманов. Различные деяния Индры описаны в Ригведе [1; 2; 3], Вишну пуране [4; 5], в притчах, входящих в состав Махабхараты [6; 7; 8; 9], и некоторых других текстах.

Элементы изображений ведических богов непосредственно связаны с деяниями этих богов, отражёнными в ведических текстах. В частности, сюжет изображения позволяет определить, какой именно ведический бог изображён в рассматриваемой сцене.

Каждый ведический бог имеет вахану – животное для передвижения, и только у Куберы – бога богатства и подземного царства – вахана – человек. Вахана также позволяет идентифицировать изображённого бога. В одиночном изображении ведического бога можно опознать по признакам, присущим только этому богу. Например: только Шива изображается с «Гангой» в волосах. Классически только Вишну изображается с чакрой (дискон) в руке.

Что касается бога Индры, то сложность его идентификации на изображениях, выполненных по любой технологии, заключается в том, что он может изображаться без атрибута, принадлежащего только ему, а именно без ваханы – белого слона Айраваты, имеющего четыре бивня. При этом других, присущих только ему, атрибутов Индра не имеет, в частности, ваджра – основное оружие Индры – в некоторых эпизодах была и у Шивы.

Перечисленные варианты идентификации применимы вне зависимости от технологии, по которой было выполнено изображение ведического бога, будь то рисунок, скульптура или костюм для театрализованного действия.

Возможность нахождения изображения Индры среди наскальных изображений Северо-Восточной Европы, в частности среди петроглифов Онежского озера, допустима по следующим обстоятельствам:

- наличие гидронимов, связанных с именем «Индра» на территории Северо-Восточной Европы и Западной Сибири;
- схожесть некоторых традиций и религиозных представлений народов, проживающих на указанных территориях, с традициями, описанными в ведических текстах, и в частности в Махабхарате;
- соответствие по произношению и смыслу некоторых слов не только славянских, но и финно-угорских языков с санскритом;
- наличие на территории Северо-Восточной Европы наскальных изображений, имеющих атрибуты ведических богов.

С именем «Индра» на территории Северо-Восточной Европы и Западной Сибири связаны следующие гидронимы:

- озеро «Большая Индра» (Свердловская область, 58°27'55.23" с.ш., 65°15'03.34" в.д.);
- озеро «Малая Индра» (Свердловская область, 58°30'05.46" с.ш., 65°08'45.66" в.д.);
- на территории Латвии (Латвийская Республика. Latvijas Republika) город «Индра» (55°52'37.25" с.ш., 27°32'22.53" в.д.) и река Стирнупе, прежнее название «Индрица», (координаты устья 55°50'54.82" с.ш., 27°31'59.88" в.д.) Учитывая, что в санскрите «-ца» или «-ча» означает «место», то перевод с санскрита слова «Индрица» – «Индры место».

Ввиду того, что данное исследование посвящено изображениям бога Индры, а не теме совпадения элементов религиозных представлений и традиций народов северо-востока Европы с ведическими, приведу только отдельные примеры подобных совпадений.

У русских примитивный рисунок, выполненный маленьким ребёнком, состоящий, как правило, из хаотичных кривых линий, напоминающих спутанные нитки или спутанные волосы, называется «каляка маляка». Но в переводе с санскрита «кала ка – мала ка» – это «грязная голова – плохая голова». Так, может быть,

* Публикация доклада, сделанного 25.03.2016 г. на 19-м заседании научно-методического семинара с международным участием «Тверская земля и сопредельные территории в древности».

«каляка маляка» – это «обрусевший» вариант древней ведической поговорки, показывающий негативное отношение к грязной голове?

Ещё в XIX веке у русских было неприемлемым рукопожатие правыми руками между мужчиной и женщиной, не являющимися супругами, а при сватовстве жених обращался к родителям невесты со словами: «Прошу руки вашей дочери». Это, вероятно, является отголоском ведической традиции, согласно которой рукопожатие правыми руками между мужчиной и женщиной означало согласие на интимную близость или супружество.

В Рамае от бога ветра Вайю беременеют сразу сто дочерей Кушанабхи [10], и до сих пор старушки могут съязвить над женщиной, забеременевшей вне брака, что мол «ветром надуло».

Непристойно домогаться женщины до сих пор называется «охлаждать», и это слово, вероятно, сохранилось от вошедшего в состав Рамааны древнего сказания, в котором бог Индра домогается близости Ахальи – жены мудреца Гаутамы [10].

У ненцев ещё в XIX веке у стариков сохранялась традиция добровольного ухода из жизни [11], что соответствует ведической традиции «вана прастха» – «лесное поселение», то есть жизнь в лесу перед смертью. Эта традиция была присуща даже вождям – старики уходили из племени и умирали от голода, холода или из-за нападения животных.

Традиция траура ненецких женщин по погибшему мужу – расплетание кос [11] – полностью совпадает с аналогичной ведической традицией [6]. У ненцев идола, выполненные в виде деревянных столбиков, заточенных сверху, называются «садява», но на санскрите «се дева» – «подобие бога». Средство передвижения нарты ненцы называют «хан», слова «создавать движение» на санскрите звучат «ва хана». На языке хантов «сярас» – море, а на санскрите «сарас» – озеро.

В словаре санскрита В.А. Кочергиной [12] имя бога «Индра» не имеет перевода на русский язык, хотя корень «ра» встречается в словах, так или иначе связанных с «блеском, сиянием». Например: «раджа» переводится как «царь», «серебро», но «джа» – «рождать», и слово «радж» переводится как «блестеть, сверкать». То есть, санскритский корень «ра» является основой слов, означающих блеск, сверкание, драгоценные камни.

Корень «инд» является названием реки Инд и не имеет перевода на русский. Но в ненецком языке «инд» это дух, в современном смысле относящийся к дыханию.

С учётом приведённых примеров возможного взаимовлияния ведических и финно-угорских культур имя бога Индра может означать «дух блистающий», «дух сияющий». Для получения возможной информации об Индре мною были изучены тексты Ригведы [1; 2; 3] и Махабхараты [3; 6; 7; 8], некоторые фрагменты Рамааны [10], Вишну пураны [4; 5], Бхагавата пураны [13], в которых отражены деяния Индры. Кроме того, по теме противостояния Индры и Вритры были изучены специальные работы: «Мифы Древней Индии» [14], «Мифология древнеиндийского эпоса (пантеон)» [15], «Битва Индры и Вритры: хронология катастрофы» [16].

В отношении битвы Индры и Вритры А.Г. Виноградов [16] пишет: «Можно предположить, что в мифе о битве Индры и Вритры описывается взаимодействие ледника с неким космическим телом». Соглашаясь с А.Г. Виноградовым в главном, что ваджра Индры, разбившая Вритру, является космическим телом (крупным метеоритом или ядром кометы), упавшим на ледник, я не согласен с автором в таких деталях, как траектория и место падения, так как А.Г. Виноградов предполагает, что космический объект прилетел с юго-запада и своим ударом разрушил ледниковый покров Печорской низменности. Свою версию я основываю, прежде всего, на текстах Ригведы и Махабхараты как наиболее ранних источниках, основа которых, судя по сюжету и географии, могла быть создана до 3000 года до н.э. на территории Европы. Из этих источников можно понять, что самым значительным деянием Индры было убийство змея Вритры.

В чём же заключалось зло Вритры, если его убийство – главная заслуга Индры? Гигантский змей Вритра лёг на горы и в русла рек, остановив их течение. Над Вритрой грохочут грозы, он окутан туманом, из-за чего люди не видят солнце. Этот обобщённый образ Вритры складывается на основании текста Ригведы.

Метеорологические явления, такие как непрекращающийся туман, да ещё с грозами, возможны, как правило, тогда, когда на холодную подстилающую поверхность натекает масса тёплого и влажного воздуха. Кроме того, если холодная поверхность, например ледник, имеет относительную высоту более 200 метров, то выдавливание тёплого влажного воздуха вверх по склону приводит к соприкосновению с более холодной массой воздуха, что является дополнительным фактором, вызывающим конденсацию водяных паров. Образовавшиеся таким образом туман или облачность могут переноситься потоками воздуха через ледник и сохраняться на достаточном большом расстоянии. То есть в приледниковой зоне может очень долго сохраняться пасмурная погода, без просветов солнца. Учитывая, что на севере Европы происходит основной перенос воздушных масс с запада на восток, можно предположить, что источником тёплого и влажного воздуха является поверхность океана в зоне воздействия тёплого Северо-атлантического течения, а холодной подстилающей поверхностью мог быть Скандинавский ледниковый щит [17].

«Пришло время, и Твайтар создал из сомы и огня страшное чудовище – гигантского дракона Вритру. Беззубый и безрукый, возле огромный змей на горах, свернувшись в девяносто девять колец. Он закрыл пути течению рек, поглотил все их воды и заключил их в своем чреве. «Расти», – сказал ему Твайтар, и он стал расти с необычайной быстротой, оттесняя Западный и Восточный океаны (здесь и далее выделено мной – авт.) и пожирая несметное количество пищи; за день он вырос в каждую сторону на длину полета стрелы и грозил поглотить всю вселенную, и богов, и все живые существа.» [14].

Ригведа – это веда хвалебных гимнов, а не простое повествование о битве Индры с Вритрой, поэтому сведения о персонажах, а также о колеснице Индры и его оружии – ваджре в тексте Ригведы фрагментарны. Обобщая сведения о ваджре Индры, его конях и колеснице, можно сказать, что это был не электрический атмосферный разряд, а космическое тело, вошедшее в атмосферу Земли с большой скоростью, которая даже к моменту удара в ледник превышала скорость звука минимум в пять раз, так как «ваджра» – самый большой фрагмент небесного тела – в полёте имела цвет золота, что, возможно, было следствием свечения водяных паров при температуре свыше 1500°С.

«Два буланных коня Индры» – это два фрагмента падающего тела, которые, вероятно, имели меньшую массу или плотность, вследствие чего быстрее потеряли скорость из-за аэродинамического сопротивления и, соответственно, в нижних слоях атмосферы светились цветом оранжевым с переходом к красному. Отставание от основного фрагмента было, но к моменту удара, в масштабах Скандинавского ледника, величина этого отставания была незначительной. Разброс фрагментов относительно оси траектории вправо и влево был ещё меньше.

Пролёт «ваджры Индры» оставил в небе конденсационный след, что отражено в тексте Ригведы: «... У тебя, жаждавшего убить змея, о Индра, **Запечатлелась мощь на небе.**» [1, Мандала I, 80].

Столкновение космического объекта с массой льда вызвало взрыв водяных паров, что значительно увеличило масштабы разрушения ледника. Кроме того, звуковая волна, возникшая от удара, распространяясь в массе льда со скоростью более 3500 метров в секунду, вызвала дробление ледника на значительном расстоянии от места удара.

Направление полёта «ваджры Индры» в связке с его «конями» можно предположить на основании текста Ригведы [1, Мандала II, 15], в котором говорится: «Ваджрой он (Индра – *авт.*) разбил повозку Ушас» – богини зари. Реальным прообразом этого эпизода могло быть сверхъяркое свечение при пролёте космического тела в атмосфере, на фоне которого краски зари просто не воспринимались глазом. Вероятно, что космический объект пролетел в атмосфере в направлении с востока на запад.

Пролёт с востока на запад, возможно, подтверждается текстом из Ригведы [1, Мандала IV, 28]: «3. *Убил Индра, спалил Агни, о капля, Дасью еще до полудня в решающей схватке.*» (по текстам Ригведы можно предположить, что Вритра под именем Дасью является божеством племени «даса», «дасью», а в Махабхарате второе имя Вритры – Данавы [7], как божество данавов).

Теперь рассмотрим информацию о «ваджре» – оружии Индры, которым он разбил Вритру. В тексте Ригведы «ваджра» называется «**дубина** грома», «**железная дубина**», «небесный метательный камень»; «раскалённый дротик»; «ваджра ... пронзающая, золотая»; «ваджра с сотней сочленений»; «железная Ваджра с тысячей зубцов»; «**дубина**, хорошо сделанная, Золотая, тысячезубая»; «Ваджра громкогласная».

То, что «ваджра Индры» ассоциировалась в наибольшей степени с «**дубиной**», видно из текста Ригведы [1, Мандала II, 11]:

«9. Индра толкнул колдовского Вритру, Лежавшего на великой реке.

Задрожали два мира, испуганные Ревущей ваджрой этого быка.

10. Громко зарычала дубина этого быка (о том,) Что, действуя в пользу человека, надо уничтожить нечеловеческого (врага)».

Но в Ригведе [1, Мандала I, 61] есть и такие строки:

*«6. Это ему Твайштар выточил **ваджру**, Самую искусную, со свистом (**рвущуюся**) в бой, С помощью которой он нашел уязвимое место даже у Вритры, ...».*

Тут возникает вопрос, так рычала или свистела ваджра-дубина Индры? Вероятно и то и другое, но только сначала свистела, а потом рычала. В принципе, полёт болида-ваджры со сверхзвуковой скоростью сопровождался движущейся по поверхности земли зоной повышенного давления, созданной скачком уплотнения, который воспринимался как сверхмощный удар грома. Тот, кто выжил после такого звукового удара и не потерял слух и сознание, мог услышать звук пролетающего болида. При этом звук сначала был высокого тона, затем – период среднего тона с переходом на низкие тона. Это связано с тем, что при приближении источника звука фактическая длина звуковой волны сокращается на величину, пройденную источником за одно колебание, а при удалении длина волны, соответственно, увеличивается на величину пройденного расстояния за одно колебание, и только при минимальном расстоянии от источника звука можно услышать его настоящую тональность. Возможно, такое восприятие звука пролетающей ваджры-болида стало основой названия – «вАДЖРа», где высокочастотное «ААА» – в зоне приближения, среднечастотное «ЖЖЖ» – в секторе минимального расстояния и низкочастотное «РРР» – в зоне удаляющегося источника звука.

Итак, при воспроизведении каким-либо художественным способом сюжета победы Индры над Вритрой должны быть минимум два персонажа – победитель Индра и побеждённый змей Вритра, и этим минимальным требованиям соответствует петроглиф на мысе Пери Нос VI (фото 1, рис. 1).

Петроглиф изображает человеческую фигуру (фото 1:а; рис. 1: а), у которой в правой руке дубина (фото 1:б; рис. 1: б), от верхней части которой в направлении востока тянется желобок (фото 1: в, г; рис. 1: в, г), при этом под правой ногой человеческой фигуры изображена неровная изогнутая линия (фото 1:д; рис. 1: д). Так как живую змею традиционно изображают в виде синусоиды (ползущую) или спирали (спящую или готовую к атаке), то изогнутую линию под ногой человеческой фигуры можно воспринимать как скорчившуюся мёртвую змею.

Итак, петроглиф на фото имеет минимум четыре элемента, соответствующих сюжету победы Индры над змеем Вритрой. Кроме того, изображение желобка-шлейфа показывает направление полёта «ваджры»-

Фото 1. Петроглиф на мысе Пери Нос VI, изображающий бой Индры с Вритрой

дубины Индры с востока на запад и форму траектории, которая похожа на пологую параболу. Нужно обратить внимание на то, что Индра ещё не ударил лежащего внизу Вритру, а только замахнулся, на основании чего можно предположить, что удар был нанесён не на территории мыса Пери Нос, а дальше на запад. При построении возможной траектории, изображённой на петроглифе в виде шлейфа за дубиной, получилось, что реальная траектория полёта ваджры-болида могла проходить через южную часть Онежского озера в направлении на жёлоб, по которому, по данным геологии, произошёл прорыв Балтийского ледникового озера с последующим образованием Йольдиева моря, что, возможно, случилось до 8300 года до нашей эры [17, с. 11]. Эти события, вероятно, отражены в тексте Ригvedы [1, Мандала I, 32]:

*«... 8. Через (него), безжизненно лежащего, как раскрошенный тростник,
Текут, вздымаясь, воды Ману.
(Те,) кого Вритра (некогда) с силой сковывал,
У их ног лежал теперь змей.
9. Поникла жизненная сила у той, чей сын – Вритра.
Индра сбросил на неё смертельное оружие.
Сверху – родительница, внизу был сын.
Дану лежит, как корова с теленком».*

Обратим внимание, что «Дану» в этом тексте – богиня влаги и мать Вритры, а место разрушения ледника близко к современной Дании, и, возможно, это не случайное совпадение. После разрушения ледника Вритры, по тексту Ригvedы [1, Мандала I, 52. «К Индре»], происходит следующее:

«11. Так как, о Индра, земля (увеличилась) в десять раз, (И) все дни распространялись народы,...».

Но и это совпадает с реальными событиями – в результате сброса воды из Балтийского ледникового озера освободились значительные территории, которые в последующем стали осваиваться людьми. Нужно обратить внимание на слова: «Текут, вздымаясь, воды Ману». Может быть, «Ману» – это действительно название водоёма, который принято называть Балтийским ледниковым озером?

Рис. 1. Группа петроглифов на мысе Пери Нос VI

Разрушение ледника на территории Средней Швеции является самым значительным последствием падения космического тела, но не единственной зоной разрушений. Любое движущееся в воздухе тело сопровождается турбулентная струя воздуха, называемая в аэродинамике спутной струей. Особенностью движения спутной струи раскалённого воздуха является то, что она следует не повторяя в точности траекторию движения тела, а из-за разницы температур поднимается несколько выше, вследствие чего воздействует на поверхность земли несколько дальше точки падения. Скорость спутной струи в зоне непосредственно за движущимся в воздухе телом соизмерима с его скоростью. При скоростях движения более трёх скоростей звука мощность воздействия спутной струи превосходит мощность холостого выстрела артиллерийского орудия в упор, и при падении крупного метеорита или ядра кометы зона разрушительного воздействия может составлять несколько десятков километров в направлении продолжения линии траектории падения. То есть в данном случае под разрушающее воздействие спутной струи должны были попасть часть южного берега Северного моря (в настоящее время затопленная морем) и часть прилегающей акватории. В виде ура-

ганного ветра спутная струя могла достигнуть островов Британии. Возможно, именно последствия спутной струи отражены и в тексте Ригведы [1, Мандала I, 33]:

«4. Ведь ты убил дубиной богатого дасью, Один, выступая с помощниками, о Индра.

С высокого берега разлетелись они у тебя во все стороны:

Не приносящие жертв Санаки отправились в (последний) путь.

5. Ведь они у тебя обратились в бегство, о Индра,

Не приносящие жертв, соревнуясь с приносящими жертвы.

Когда ты (кинулся) с неба, о повелитель буланных коней, о возница, о грозный,

Ты из двух миров сдул (врагов,) лишенных обета».

В более поздней по сравнению с Ригведой Махабхарате демоническое племя, поклонявшееся Вритре, называется не дасью, а данава, дайтьи. Вот, что сказано в книге «Лесная», глава 99 Махабхараты о битве Индры с Вритрой:

«15–18. Когда пал величайший из дайтьев, Шакра (Индра), гонимый страхом, бежал, чтоб укрыться в озере; не мог он от страха поверить, что ваджра вылетела из его руки и что Вритра сражен (ею). Боги же с великими мудрецами, веселясь и ликуя, вознося хвалы Индре, соединились и принялись спешно истреблять, потрясенных гибелью Вритры, дайтьев. Тогда, избиваемые Тридесатью (богами), терзаемые страхом, ушли (данава) в океан и погрузились в неизмеримые его глубины» [7]. То, что «ушли (данава) в океан и погрузились в неизмеримые его глубины», можно понять как то, что территория, на которой обитало это племя, ушла под воду. Но часть суши, расположенная западнее полуострова Ютландия, действительно стала частью дна Северного моря в течение нескольких столетий после прорыва Балтийского ледникового озера [17].

Как видно, события, связанные с победой Индры над Вритрой, сопоставимы с геологическими событиями на территории Северной Европы, произошедшими в IX тысячелетии до нашей эры, и, вероятно, являются эпическим свидетельством прорыва Балтийского ледникового озера на территории Средней Швеции. **Но это вовсе не означает, что и петроглиф на мысе Пери Нос, возможно, изображающий Индру, замахнувшегося громовой дубиной на змея Вритру, был выбит в IX тысячелетии до нашей эры.** Образ бога Индры и посвящённый ему сюжет Ригведы складывались не только на основании разрушения ледника упавшим болидом, но и на основании последствий этого падения, которые развивались на протяжении длительного времени.

По имеющейся информации [18; 19], поверхность мыса Пери Нос VI в IX тысячелетии до нашей эры была скрыта водой, что исключало возможность создания петроглифов. В своём исследовании «К вопросу о хронологии и периодизации наскальных изображений Онежского озера» [20] Н.В. Лобанова обосновывает возможный временной период, в течение которого были выбиты петроглифы на мысах восточного берега Онежского озера: «... согласно палеогеографическим данным, наиболее благоприятные условия для создания Онежских петроглифов сложились во второй половине атлантического времени (6,5–5,1 тысячи лет назад), поскольку еще в начале V тыс. до н.э. (здесь и далее приведены некалиброванные данные) уровень воды в Онежском озере был выше современного на 4 м и постепенно снижался (Девятова, 1986)».

То есть не ранее второй половины пятого тысячелетия до н.э. от воды освободилась скала Пери Нос VI, на поверхности которой мог быть создан комплекс петроглифов, относящихся к сформировавшемуся культу бога Индры, а именно:

– сюжет победы Индры над Вритрой (рис. 1: а, б, в, г, д);

– изображение летящего болида (рис. 1: е) и змея Вритры (рис. 1: ж), которому болид-ваджра срубает голову (рис. 1: з), соответствует тексту Ригведы, Мандала II, 11:

«Само грозное небо из-за рева этого змея

Отступило от страха, когда твоя ваджра, о Индра,

В опьянении выжатым (сомой) с силой разрубила голову Вритры, угнетавшего оба мира».

«18. ... Дасью рухнул слева, о Индра» [1].

В состав культа поклонения Индре со времён одного из древних вождей по имени Васу вошёл обряд установки украшенного шеста [8, глава 57]. Украшение (рис. 1: и) могло быть добавлено на восточную оконечность линии (рис. 1: е).

Возможно, несколько позднее рядом был выбит петроглиф (рис. 1: к), изображающий шест или жезл с украшением наверху (на санскрите – «шала») и с изображением головы лося, что может свидетельствовать о том, что данный жезл установлен вождём, одним из потомков вождя Бхараты, который после смерти переплодился в оленя.

С перевоплощением Бхараты в оленя связан и петроглиф (рис. 1: л), который, возможно, изображает потомка Бхараты на жертвоприношении «аххамедха», при котором вождь, проводящий это жертвоприношение, надевал на себя шкуру чёрного оленя (вероятно, лося) [8].

Теперь о возможной причине, почему на схеме петроглифов Пери Нос VI В.И. Равдоникаса [21] не обозначены «громовая дубина» и ближайшая к ней часть «шлейфа». Вероятно, сглаженность микрорельефа на этом участке была воспринята не как искусственно нанесённое изображение, а как природная неровность (на рис. 1 элементы «б» и «в») добавлены мною на основе моей фотосъёмки – авт.).

Но обратим внимание на фрагмент текста Махабхараты: *«Некогда для могучего Индры был создан перун для убийства Вритры, он разлетелся на десятки и сотни кусков на голове Вритры. И отколовшаяся часть перуна почитается богами.» [8, Адипарва, глава 158].*

Изображение главного оружия царя богов, бога воинов Индры **могло стать объектом почитания**. Изображение «громовой дубины» Индры могли гладить рукой и даже тереть об него в ритуальных целях своё оружие, например дубины. Со временем изображение дубины сгладилось (рис. 1: б, в).

На основании вышесказанного предполагаю, что:

– **на мысе Пери Нос VI изображён сюжет из Ригведы, а именно убийство Вритры Индрой «Громовой Дубиной»;**

– разрушение ледника с образованием жёлоба, по которому произошёл сброс воды из Балтийского ледникового озера в Атлантический океан с последующим образованием Иольдиева моря, случилось из-за падения на ледник крупного небесного тела (вероятно, ядра кометы), а само это событие послужило основой для создания сюжета Ригведы – «Битва Индры с Вритрой»;

– разрушение препятствия на пути движения влажных воздушных масс с запада на восток значительно уменьшило в этом регионе количество туманов и пасмурных дней, что послужило основой сюжета Ригведы, по которому после победы над Вритрой Индра помещает над Землёй солнце.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ригведа. Мандалы I–IV. Издание второе, исправленное. Издание подготовила Т.Я. Елизаренкова. М., 1999.
2. Ригведа. Мандалы V–VIII. Издание второе, исправленное. Издание подготовила Т.Я. Елизаренкова. М., 1999.
3. Ригведа. Мандалы IX–X. Издание подготовила Т.Я. Елизаренкова. М., 1999.
4. Вишну пурана. Книга первая. Перевод с санскрита Т.К. Посовой. СПб., 1995.
5. Вишну пурана. Книга вторая. Перевод с санскрита (Horace Nauman Wilson, 1840). Русский перевод: <http://www.theosophy.ru/lib/vishnu2.htm>
6. *Кришна-Двайпаяна Вьясадева* Махабхарата – Сабхапарва (Книга о собрании). Академическое издание. М.; Л., 1962.
7. Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва). Перевод с санскрита, предисловие и комментарий Я.В. Василькова и С.Л. Невелевой. М., 1987 (Памятники письменности Востока, LXXX).
8. Махабхарата. Адипарва. Книга первая. Перевод с санскрита и комментарии В.И. Кальянова; под редакцией академика А.П. Баранникова. М.; Л., 1950.
9. Махабхарата. Книга четырнадцатая. Ашвамедхикапарва или «Книга о жертвоприношении коня». Издание подготовили Я.В. Васильков и С.Л. Невелева. СПб., 2003.
10. Рамаяна. Перевод с санскрита П.А. Гринцера. М., 2006.
11. *Лар Л.А.* Представления о смерти и погребальные обряды ненцев в XVIII – начале XX в. // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. № 49. Вып. 13. Екатеринбург, 2007.
12. *Кочергина В.А.* Санскритско-русский словарь: около 30 000 слов / Под ред. В.И. Кальянова. С приложением «Грамматического очерка санскрита» А.А. Зализняка. 3-е изд. М., 2005.
13. *Сурендра Мохан дас (Неаполитанский С.М.)*. Мистерии Бхагаваты Пураны (Песни 1–12). СПб., 2001.
14. *Темкин Э.Н., Эрман В.Г.* Мифы Древней Индии. Издание 2-е, переработанное и дополненное. М., 1980.
15. *Невелева С.Л.* Мифология древнеиндийского эпоса (Пантеон). М., 1975.
16. *Виноградов А.Г.* Битва Индры и Вритры: хронология катастрофы. 2012 // <http://www.yperboreia.org/indra.asp>
17. Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет (Атлас-монография). М., 1982.
18. Палеорекострукции Онежского озера в позднеледниковые геоинформационными методами / *Д.А. Субетто, М.Б. Зобков, М.С. Потахин, А.Ю. Тарасов* // <http://www.arcgis.com/apps/MapJournal/index.html?appid=47d76ba2004e463d96eba1d8a1825fe1>
19. Формирование побережья Онежского озера в голоцене. Опыт графической визуализации / *А.Ю. Тарасов, М.Б. Зобков, М.С. Потахин, Д.А. Субетто*: Доклад А.Ю. Тарасова на 19-м заседании научно-методического семинара с международным участием «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь, 25.03.2016.
20. *Лобанова Н.В.* К вопросу о хронологии и периодизации наскальных изображений Онежского озера // РА. 2014. № 3.
21. *Равдоникас В.И.* Наскальные изображения Онежского озера. М.; Л., 1936.

Тверь

S.V. Goryachyev

GOD INDRA AND PETROGLYPHS OF THE CAPE OF PERY NOS VI

Summary

On the basis of geology and paleogeography of water areas of the Baltic, Northern seas and the land adjoining to them and also on the basis of Rigveda's texts and the Mahabharata, the author suggests that a part of petroglyphs of the cape of Pery Nos VI (east coast of Lake Onega) belongs to a cult of god of Indra.

*Ap. 84, 1b, Artyukhinoy St., Tver, 170036,
Russia
E-mail: let-s-gor@mail.ru*

Т.М. Гусенцова

НЕОЛИТ И ЕГО ИССЛЕДОВАТЕЛИ НА ТВЕРСКИХ СЕМИНАРЕ И КОНФЕРЕНЦИЯХ (1993–2016 ГГ.)

С начала работы Тверского научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» (1994 г.) круг обсуждаемых проблем, связанных с неолитом, претерпел существенные изменения. Большинство докладов первых лет было посвящено результатам исследований памятников Верхнего Поволжья или ближайших, смежных территорий. Уже через два года география участников значительно расширилась до Волго-Камья, Приуралья, европейского Северо-Востока и Западной Сибири, Беларуси, Восточной Прибалтики и Финляндии. Основной состав исследователей, выступающих с докладами по неолиту, превышает 20 человек. С каждым годом в работе семинара увеличивается число иностранных специалистов по неолиту – Т. Остраускас (Литва), И.А. Лозе (Латвия), А. Крийска (Эстония), К. Нордквист, К. Карпеллан, М. Лавенто, Т. Мёккёнен (Финляндия), Х. Пицонка (Германия), М. Решель (Польша), А. Мадане (Швеция), В.Н. Лакиза, В.В. Гриб, И.Н. Езепенко (Беларусь). Круг участников семинара постоянно расширяется за счёт молодёжи. Пожалуй, наиболее активным в привлечении к работе в семинаре молодых археологов является А.А. Выборнов, который привозит своих аспирантов для апробации материалов их диссертаций (А.А. Шалапинин, К.М. Андреев и др.). В рамках семинара проходила апробация кандидатских и докторских диссертаций по неолитической тематике (А.А. Выборнов, В.В. Ставицкий, А.В. Вискалин, А.И. Королёв, Н.Г. Недомолкина, Е.А. Кашина, Р.В. Смольянинов, К.Э. Герман, Д.В. Герасимов, Т.А. Хоршун и многие другие).

Многие годы (1994–2004) основным руководителем неолитического направления семинара был В.И. Тимофеев, способствовавший планированию тем семинара, обобщению и распространению результатов естественно-научных исследований неолитических памятников.

С самого начала работы семинара установилась и остаётся неизменной традиция демонстрации и широкого обсуждения новейших открытий и материалов, которые во многом помогают изменить устоявшиеся представления и понятия. Именно возможность неформально обсудить материалы, получить отзывы и выслушать иногда диаметрально противоположные точки зрения, на мой взгляд, и привлекает исследователей, участвующих в Тверских семинаре и конференциях.

Основополагающая источниковая база неолита – керамика и каменный инвентарь, структура поселений и жилищ, погребений, без всестороннего анализа которых не обходится ни одно заседание семинара или конференция. Современные подходы к изучению неолитических комплексов, базирующиеся на типологии, трасологии и эксперименте в изготовлении глиняной посуды и каменного, костяного и др. инвентаря, способствуют созданию моделей хозяйственной деятельности, выявлению специфики материальной и духовной культуры. В рамках семинара постоянно происходят обсуждения и острые дискуссии по различным аспектам изучения керамики и в особенности технологии её изготовления, представляемым в докладах Ю.Б. Цетлина, И.В. Калининой, Е.Н. Дубовцевой, О.В. Яншиной, Е.В. Долбуновой, Г.Н. Поплевко, М.А. Холкиной и др. Среди последних достижений в исследовании глиняной посуды были представлены результаты применения методов рентгеновской микротомографии (Кульков А.М., Кулькова М.А.). Внимание исследователей каменного инвентаря привлекают, прежде всего, проблемы взаимосвязи индустрии позднего мезолита и раннего неолита, технология производства и трасология отдельных категорий орудий, экспериментальные исследования – Л.Л. Косинская, Т.М. Гусенцова, Н.А. Цветкова, Е.Л. Лычагина, К.Э. Истомин, Г.Н. Поплевко и др. Среди работ, посвящённых экспериментальным исследованиям, одним из наиболее интересных был доклад А.Я. Мартынова, посвящённый результатам эксперимента по строительству лодок и плаванию на них по Белому морю.

Вместе с тем, на каждом заседании семинара и на конференциях обсуждаются фундаментальные проблемы неолита, касающиеся начала и процесса неолитизации территории Евразии, методики обработки полученных материалов, периодизации, радиоуглеродного датирования, новейших междисциплинарных исследований, палеомоделирования и реконструкций, способствующих полноте знаний об этом периоде каменного века.

Одной из ведущих тем семинара является изучение ранне-неолитических культур и их региональных особенностей. Теоретические аспекты проблемы неоднократно рассматривались в докладах В.И. Тимофе-

ева, который указывал на возможность диффузного характера распространения навыков керамического производства в лесной зоне Восточной Европы, не повлекшего за собой резких изменений в экономике, сохраняющей присваивающий характер. По его мнению, складывание раннеолитических культур могло произойти в результате инфильтрации небольших групп населения разного происхождения, их взаимодействия между собой и с аборигенным позднемезолитическим населением.

На протяжении всех лет работы семинара происходили обсуждения и трансформация взглядов на происхождение, содержание, периодизацию и хронологию верхневолжской культуры, опорные памятники которой приурочены к торфяникам. Результатам изучения культуры были посвящены доклады Е.Л. Костылёвой, А.В. Энговатовой, Ю.Б. Цетлина, Н.А. Цветковой, А.В. Авериной и В.А. Аверина и др. С результатами исследований торфяниковых, озёрных, морских лагунных и других мезолитических и неолитических памятников с сохранившимися деревянными конструкциями – Вёкса и Караваиха 4 в Вологодской области, Сертейские стоянки на р. Западная Двина, Замостье 2 в Московской области, Охта 1 в Санкт-Петербурге, Подолье 1 в Южном Приладожье – участников семинара неоднократно знакомили Н.Г. Недомолкина, Н.В. Косорукова, Т.М. Гусенцова, И.Ю. Хрусталёва, Е.В. Долбунова, О.В. Лозовская и В.М. Лозовский.

Проблемы перехода к неолиту в лесных и лесостепных районах Поволжья и Приуралья рассматривали Р.С. Габышев, И.В. Калинина, Т.М. Гусенцова, В.В. Никитин, А.А. Выборнов, А.В. Вискалин, В.В. Ставицкий. Основные дискуссии разворачивались по поводу происхождения, периодизации и сосуществования на этих территориях памятников с гребенчатой и накольчато-прочерченной керамикой. Благодаря новым материалам и полученной серии радиоуглеродных дат доказан раннеолитический возраст памятников с накольчато-прочерченной керамикой Среднего Поволжья и Волго-Камья (В.В. Никитин, А.А. Выборнов, Т.М. Гусенцова, Е.Л. Лычагина, Н.Е. Зарецкая). Получены данные по раннему неолиту с гребенчатой керамикой для территории Прикамья (Е.Л. Лычагина, А.А. Выборнов). Для поиска путей распространения керамических традиций в раннем неолите важными являются результаты изучения памятников елшанской культуры Волго-Уральского междуречья, материалы которых представлялись А.А. Выборновым, А.В. Вискалиным, В.В. Ставицким и др.

Значительные изменения произошли в изучении раннеолитических культур Карелии и Вологодской области. На юге Онежского озера, где в раннем неолите существовала культура сперрингс, открыт памятник (Тудозеро V) с оригинальной раннеолитической гребенчатой керамикой, имеющей аналогии с верхневолжской культурой (М.В. Иванищева, А.М. Иванищев). Остаются не до конца решёнными вопросы происхождения культуры сперрингс в Прионежье. В настоящее время для этой культуры разработана локальная характеристика материалов и хронология её отдельных этапов (К.Э. Герман). Выявлена специфика памятников культуры сперрингс на территории между Ладожским и Онежским озёрами в Ленинградской области и на Карельском перешейке (Т.М. Гусенцова, В.И. Тимофеев, Д.В. Герасимов). Сложную и многообразную картину формирования раннеолитических культур демонстрируют материалы многослойных памятников Вёкса II и Вёкса III в бассейне р. Сухоны, которые неоднократно представляла Н.Г. Недомолкина.

В.Н. Кармановым и А.В. Волокитиным прослежены этапы сложного процесса формирования представлений, генезиса и хронологии неолита европейского Северо-Востока. Соответственно новым открытиям и данным радиоуглеродного анализа изменились взгляды на хронологию неолита региона. В частности, обосновано выделение группы своеобразных раннеолитических памятников, подтверждающих разные пути освоения этой территории в неолите. Впервые получены радиоуглеродные даты, позволяющие удревнить время появления на этой территории носителей камской неолитической культуры.

Актуальные проблемы неолита европейского Северо-Востока, Урала и Зауралья, Западной Сибири, касающиеся происхождения и хронологии культур, миграции и адаптации населения, неоднократно рассматривала в своих докладах Л.Л. Косинская.

Не перестают привлекать внимание исследователей материалы культуры ямочно-гребенчатой керамики Волго-Окского междуречья и смежных территорий, к которым в разное время обращались В.В. Сидоров, А.В. Энговатова, Е.Л. Костылёва, Л.С. Андрианова, Н.Г. Недомолкина, В.В. Ставицкий, В.В. Никитин и др. Ю.Б. Цетлиным были прослежены локальные и хронологические особенности развития орнаментальных традиций в гончарстве носителей культуры с ямочно-гребенчатой керамикой в Верхнем Поволжье. Полученные в последние годы радиоуглеродные датировки позволили уточнить существующую периодизацию памятников льяловской культуры (Е.Л. Костылёва, Н.Е. Зарецкая). Проведённый сравнительный анализ комплексов с ямочно-гребенчатой керамикой позволил Е.Л. Костылёвой и А.В. Уткину отметить присутствие на памятниках Волго-Окского междуречья керамики «северных типов», характерных для европейского Северо-Востока.

Определены характерные черты и хронология многочисленных стоянок карельской культуры ямочно-гребенчатой керамики, происхождение и датировка которых вызывала дискуссии. В настоящее время возраст выделенной Н.В. Лобановой ранней группы памятников подтверждён серией радиоуглеродных дат.

В.В. Никитиным обобщены материалы с памятников с ямочно-гребенчатой керамикой Среднего Поволжья, которые он в целом относит к балахнинской неолитической культуре. Интересны данные о возможности сосуществования памятников ранних этапов этой культуры с комплексами, содержащими накольчатую керамику. Новые аспекты изучения культуры ямочно-гребенчатой керамики Самарского Поволжья представили А.А. Выборнов и С.А. Кондратьев.

Наряду с тематикой раннего и развитого неолита значительное внимание уделяется переходному периоду от позднего неолита к раннему энеолиту. Материалы и вопросы происхождения памятников финаль-

ного неолита культур ямочно-гребенчатой и ромбоямочной керамики Прионежья докладывались И.Ф. Витенковой и Т.А. Хорошун. Характеристика и соотношение поздненеолитических и раннеэнеолитических культур для лесных и лесостепных зон обширного региона Поволжья представляли В.В. Никитин, А.И. Королёв, В.В. Ставицкий, Н.В. Овчинникова (Лебедева). Специфика материалов неолита–энеолита лесостепного Подонья и Донской степи обсуждались в докладах А.Н. Бессуднова, Р.В. Смольянинова, А.В. Суркова, А.М. Скоробогатова.

Практически на всех заседаниях семинара и конференциях рассматривались вопросы, связанные с духовной культурой древности и её материальными проявлениями (И.В. Калинина, Е.Л. Костылёва и А.В. Уткин, Е.А. Кашина, Ю.Б. Сериков, В.В. Никитин, А.М. Жульников, И.Ф. Витенкова, М.В. Иванищева, И.Н. Черных, А.В. Шипилов, Т.М. Гусенцова, О.А. Печурина, С.Н. Панина, С.Н. Савченко, В.В. Сидоров и др.).

Большое внимание уделялось рассмотрению особенностей формирования, обрядности и погребального инвентаря нео-, энеолитических могильников и захоронений, находимых на поселениях (Е.Л. Костылёва, А.В. Уткин, М.П. Зимица, Н.Г. Недомолкина, Н.В. Лебедева). На основе материалов Сахтышских могильников А.В. Уткиным и Е.Л. Костылёвой был выявлен линейно-рядовой принцип формирования древних кладбищ, разработана хронология захоронений льяловской и волосовской культур, нашедшие подтверждение при анализе захоронений и других могильников (Языково I, Куккаркоски, Тенишево).

Другой важной составляющей теоретического и практического вклада участников семинара в изучение неолита являются вопросы адаптации неолитического населения к окружающей среде. Среди спланированных тем семинара одной из интересных была тема стратегии поселений неолита отдельных регионов, представленных «чистыми» и многослойными памятниками, культурный слой которых сложен песчаными отложениями, и система расселения на торфяниках, таких как Сахтыш в Верхнем Поволжье, Горбуновский на Урале. Вместе с поселениями рассматривались и структура неолитических жилищ, методика их изучения и примеры реконструкции. Параллельно проходили дискуссии об оценке численности обитателей жилищ и поселения в целом (А.В. Энговатова, М.Г. Жилин, В.В. Сидоров, С.Н. Савченко, В.В. Никитин, Т.М. Гусенцова, Н.Г. Недомолкина, Л.Л. Косинская, В.Н. Карманов и др.). Неоднократно обсуждалась важнейшая тема использования различных этнографических источников для интерпретации артефактов и реконструкции объектов археологических исследований (И.В. Калинина, Л.Л. Косинская, В.В. Сидоров и др.).

В числе проблем адаптации рассматривались вопросы добычи и обмена населением природными ресурсами (кремь, асбест) или готовыми изделиями (янтарь, сланцевые рубящие орудия) (А.М. Жульников, А.Ю. Тарасов, Е.Л. Костылёва). В рамках семинара была предложена тема исследования минералогического состава и путей распространения каменного сырья из Верхневолжского бассейна в северо-западный регион лесной зоны Восточной Европы (В.И. Тимофеев).

Становление производящей экономики в Прибалтике, на севере Европы, в таёжной зоне Среднего Приуралья и скотоводства в лесостепи Волго-Уралья рассматривалось на заседании «за круглым столом», проведённом в рамках семинара в 2015 г. совместно с Институтом археологии РАН (А.В. Энговатова, А. Крийска, К. Нордквист, М. Лавенто, В.Я. Шумкин, А.Ф. Мельничук, М.Л. Перескоков, С.Н. Коренюк, Н.Л. Моргунова и др.).

Многое в проблематике неолита не могло быть решено без плодотворного сотрудничества археологов с представителями естественно-научных дисциплин. В совместных выступлениях археологов, геологов, геоморфологов, геохимиков и палеогеографов излагались результаты междисциплинарных исследований по широкому кругу проблем, связанных с каменным веком. К наиболее дискуссионным относится проблема начала земледелия в лесной зоне, следы которого прослеживаются в неолите Восточной Прибалтики и Южной Карелии, поднятая в докладах А. Крийски (Эстония) и К. Нордквиста, М. Лавенто (Финляндия). Наибольший интерес и обсуждение вызывают предложенные схемы хронологии памятников или культур, полученные по радиоуглеродному датированию образцов керамики, включая AMS-даты, повлиявшие на более чёткое определение временных рамок ряда неолитических культур (Г.И. Зайцева, М.А. Кулькова, Н.Е. Зарецкая, Е.Л. Костылёва, А.В. Энговатова, А.А. Выборнов, Е.Л. Лычагина, Е.Г. Лаптева и др.), материалов неолита – энеолита Северо-Запада России (К. Нордквист, Т. Мёккёнен, К.Э. Герман).

Другой ведущий темой последних лет на заседаниях семинара являются результаты комплексных исследований по корреляции культурных отложений памятников на основе геохимических, спорово-пыльцевых, диатомовых, радиоуглеродных, дендрохронологических анализов. Мультидисциплинарные исследования позволили выполнить ряд палеогеографических реконструкций для Балтийско-Ладожского региона, европейского Северо-Востока, Пермского Приуралья и Зауралья (М.А. Кулькова, Т.В. Сапелко, А.В. Лудикова, Д.В. Герасимов, С.Н. Лисицын, Т.М. Гусенцова, Н.Г. Недомолкина, Х. Пицонка, Н.Е. Зарецкая, Е.Л. Лычагина, В.Н. Карманов, Л.Л. Косинская). Геоархеологические исследования, способствующие выявлению изменений древних береговых линий и последовательности образования террас, хронологии найденных памятников, особенно в районах существенных изменений крупных рек (рр. Средняя Вычегда, Кама – Н.Е. Зарецкая, В.Н. Карманов, А.В. Панин, А.В. Волокитин, Е.Л. Лычагина), регионах морских и озёрных трансгрессий Восточной Балтики и Приладожья и Прионежья, были представлены в докладах А. Крийски, А. Росентау, Д.В. Герасимова, К. Нордквиста, Т.М. Гусенцовой, Д.В. Рябчук, А.Ю. Сергеева, М.А. Кульковой.

В представленном обзоре указаны лишь основная тематика заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» и имена освещавших её исследователей. Мно-

гоплановость неолитической тематики и постоянно расширяющийся круг участников семинара и конференций, регулярные публикации их материалов показывают насущную необходимость в продолжении деятельности семинара для научного сообщества России и зарубежных стран.

*АНО «НИИ культурного и природного наследия»,
Санкт-Петербург*

T.M. Gusentsova

THE NEOLITHIC AND ITS STUDIES AT TVER SEMINARS AND CONFERENCES (1993–2016)

Summary

The article deals with the urgent problems of the Neolithic at the Eurasian territories, discussed by over sixty participants of seminars and conferences in 1993–2016. Most interesting for the participants of the discussions were the questions of the emergence of the Early Neolithic cultures, the monuments of the transitional period from the Neolithic to the Eneolithic, the ceramics production in the Neolithic, the sources and technologies of the raw stone working, ancient routs of the material exchange, radio-carbon dating, palaeogeographic reconstruction based on the results of archaeological and scientific studies, the formation of production economy.

*Autonomous non-profit organization
“Research Institute of Cultural and Natural Heritage”,
5/17, Dekabristov Lane, Saint-Petersburg, 199155, Russia
E-mail: ddat@mail.ru*

Ю.Б. Цетлин

ДРЕВНЯЯ КЕРАМИКА НА ТВЕРСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ СЕМИНАРЕ

Научно-методический семинар «Тверская земля и сопредельные территории в древности», организованный заместителем генерального директора ТГОМ И.Н. Черных в 1994 г. по решению, принятому на I Тверской археологической конференции (1993 г.), в 2017 г. провёл своё 20-е заседание. Один раз в пять лет между заседаниями семинара проходили Тверские археологические конференции (1999, 2003, 2008, 2013 гг.). Хронологические рамки семинара – от палеолита до начала Средневековья. Официальные территориальные рамки – Тверская земля и сопредельные территории (на самом деле они неизмеримо шире и охватывают тундровую, лесную и лесостепную зоны Северной, Центральной и Восточной Европы и Западной Сибири – до Забайкалья). Со временем семинар и конференции приняли международный характер. В них в разные годы принимали непосредственное и опосредованное (соавторы докладов) участие археологи и специалисты смежных дисциплин из 10 стран ближнего и дальнего зарубежья: Украины, Беларуси, Латвии, Литвы, Эстонии, Финляндии, Швеции, Польши, Германии, Великобритании.

Научная специфика Тверского археологического семинара состоит в следующем: во-первых, он предполагает всесторонний обзор всех видов археологических источников, которые относятся к указанным периодам и оказались доступными для исследователей, во-вторых, каждое заседание наряду с разнообразной тематикой докладов включает концентрированное обсуждение в форме докладов и дискуссий 1–2 основополагающих научных проблем, перечень которых намечается на предыдущем заседании, в-третьих, основным правилом работы семинара, которое было сформулировано его организаторами и неизменно выдерживается на практике, является подробнейшее (и часто весьма длительное) обсуждение всех научных докладов, вызвавших интерес участников, в-четвёртых, систематически публикуются все представленные авторами доклады (в настоящее время вышло уже 10 выпусков трудов семинара в 14 томах объёмом каждого в среднем около 25–30 усл. п.л.).

Все эти обстоятельства сделали Тверской археологический семинар одним из важнейших научных собраний для большого числа профессиональных археологов Российской Федерации, а также ближнего и дальнего зарубежья.

Настоящий краткий обзор **публикаций** докладов на Тверском семинаре посвящён одному из наиболее массовых и информативных видов археологических источников – *древней керамике*. Именно в силу своей массовости и информативности этот вид источников в той или иной форме рассматривается практически в каждой статье, касающейся материалов неолитической и последующих исторических эпох. Для того чтобы предпринятый обзор оказался в принципе осуществимым, из всех статей была сделана достаточно объёмная выборка. В основу её мною положены два критерия: первый – статья посвящена специально керамике, второй – в статье достаточно подробно и глубоко анализируются керамические материалы конкретного памятника или культуры.

Рассмотрев публикации под этим углом зрения, выделим 8 направлений, по которым авторы рассматривают древнюю керамику как источник исторической информации. Эти направления, как будет показано далее, весьма неравноценны по своей представительности. Рассмотрим каждое из них, начав с наиболее широко обсуждаемых.

Первое направление – анализ керамики отдельных памятников и археологических культур (отображено 36 публикаций, хотя на самом деле их много больше). Они могут быть разделены на две группы.

К одной из них отнесены публикации, где представлено описание, часто с использованием количественных данных, керамических материалов отдельных памятников [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8]. Особо следует отметить три публикации Е.В. Волковой, где с позиций историко-культурного подхода проводится сравнительный анализ гончарных традиций фатьяновского и балановского населения [9] и исследуются некоторые технологические и орнаментальные традиции фатьяновцев по материалам могильников Новинки 1 и 2 в Тверской области [10; 11]. В первом случае автор приходит к выводу о глубоком культурном родстве двух групп населения, во втором – о наличии наряду с несмешанными смешанных гончарных традиций, которые характеризуют сложный “культурный” состав погребённых.

Другая группа включает публикации, где анализ керамических материалов проведён на более широкой историко-культурной основе. В частности, рассматриваются раннеолитическая керамика Среднего [12] и Чувашского [13] Поволжья и Волго-Камья [14], керамика среднего и позднего неолита бассейна Онежского озера [15; 16] и среднего неолита – энеолита лесостепной зоны [17; 18], позднего неолита Сурско-Мокшанского междуречья [19] и керамика раннего железного века и раннего Средневековья в Тверском Поволжье и на сопредельных территориях [20–27; 28–35]. В статье Л.Л. Косинской на основе изучения обширного керамического материала реконструируется этнокультурная история неолитического населения лесного Зауралья и Западной Сибири [36].

Второе направление изучения древней керамики – анализ орнаментации на посуде – также вызывает широкий интерес исследователей (21 публикация). Ряд статей посвящён анализу неординарных видов изображений на отдельных сосудах – это описание волосовского сосуда со стоянки Сахтыш II с календарной символикой [37], небольшие статьи Ю.Н. Урбана о предположительно знаке «письменности» на сосуде [38] и Т.М. Гусенцовой о сосуде с изображениями птиц [39] и обобщающая статья А.М. Жульникова о скульптурных изображениях на керамике Северной Европы [40].

Большое число статей касаются различных аспектов изучения орнаментов на древней керамике. Сюда относятся многочисленные публикации И.В. Калининой, посвящённые сначала различным вопросам технологии и орнаментальной семантики [41–44], которые позднее обобщены в её обширной статье «Антропология движения и технологическая традиция» [45]. В ряде статей авторами обсуждаются вопросы о применении различных орудий для нанесения орнамента на глиняной посуде [46–48]. В серии статей Ю.Б. Цетлина рассматривается ряд общих проблем описания и изучения орнамента. К ним относятся принципы декорирования глиняной посуды, критерии отнесения орнамента от неорнамента, происхождение и система описания графического орнамента [49–52]. Статьи И.В. Болдина и В.Е. Трофимова, а также самого И.В. Болдина посвящены экспериментальному выяснению технологического значения глубокого ямочного орнамента, который объективно способствует лучшей прокалённости черепка ямочно-гребенчатых сосудов [53; 54]. Публикации Т.А. Хорошун и М. Хлодницки посвящены некоторым вопросам технологии нанесения орнамента и его стилистики на посуде. В одном случае объектом изучения служит ромбоямочная керамика западного побережья Онежского озера [55], во втором – неолитическая керамика одного из поселений в Судане [56]. Важно отметить исследование И.В. Палагуты, которое посвящено очень сложной научной проблеме – анализу развития стилистических композиций и семантики орнаментов трипольско-кукутенской культурно-исторической общности [57].

Третье направление включает 8 статей, где древняя керамика служит источником для построения **периодизации, хронологии и датировки памятников и культур**. В некоторых статьях при решении этих проблем авторы опираются на стратиграфические и типологические данные [58–62]. К наиболее существенным во многих случаях относятся обоснованные авторами заключения о сосуществовании керамических комплексов, которые раньше рассматривались как сменяющие друг друга во времени. Наряду с этим, ряд публикаций посвящён как традиционным [63], так и новым, получившим в последнее время распространение, методам абсолютного датирования керамических комплексов [64; 65]. К сожалению, в публикациях материалов Тверского семинара почти не нашла отражение многолетняя работа А.А. Выборнова по организации и проведению в Киевской радиоуглеродной лаборатории (руководитель Н.Н. Ковалюх) датировки непосредственно по керамике большого количества неолитических комплексов, главным образом Среднего Поволжья, хотя её результаты и были представлены в докладах на семинаре.

Четвёртое направление – изучение некоторых аспектов технологии керамического производства – представлено небольшим числом публикаций (8 статей). Здесь выделяются две группы исследований: одна содержит конкретные данные о технологических особенностях древней керамики отдельных памятников или культур, использованные для историко-культурных выводов [66; 28; 67], другая – важные статьи методического плана [68; 69; 70; 71]. Одна из статей Е.В. Волковой [69] посвящена фундаментальной научной проблеме – разработке методики выделения по археологическим материалам посуды, сделанной одним мастером. Особо хочется отметить новаторский характер статьи С.Н. Скочиной [71], где изложены результаты экспериментального и трасологического изучения орудий, использовавшихся древними гончарами для конструирования сосудов и обработки их поверхности.

Остальные направления исследования древней керамики представлены либо очень небольшим числом статей, либо единичными публикациями.

Так, три статьи посвящены опытам изучения **сферы использования глиняных сосудов в культовой практике и в быту**. Первые результаты палинологического анализа заполнения сосудов из фатьяновского могильника Новинки I приведены в исследовании Г.М. Левковской, И.Н. Черных и Е.В. Волковой [72]. Они позволили предположить, что в сосудах могли находиться органические вещества, как попавшие из заполнения могильной ямы, так и помещённые в сосуды специально. Большой интерес представляет статья Ю.Б. Серикова об использовании неолитическим и более поздним населением обломков вышедших из употребления сосудов – это керамические скребки, диски, штампы и другие предметы, которые раньше очень редко становились объектом внимания исследователей [73]. В статье А.В. Энговатовой анализируется содержание и состав нагара на стенках неолитических сосудов верхневолжской культуры, что позволило сделать вывод о варке в сосудах ягод калины вместе с мясом, костями и кровью животных [74].

Статья А.С. Сыроватко и А.Я. Елистратова излагает крайне редкий в отечественной литературе опыт *исследования отпечатков пальцев древнего человека* на сосудах и изделиях из глины [75]. В.Ю. Луньков делится с читателями своим опытом графической реконструкции сосудов позднего этапа эпохи бронзы по фрагментам [76].

В заключение необходимо отметить несколько статей, посвящённых исследованию *общих проблем изучения древней керамики как источника исторической информации*. Здесь следует назвать две статьи Ю.Б. Цетлина, одна – о том, как культурные контакты между разными группами древнего населения отражаются в формах сосудов, технологии их изготовления и орнаментальных традициях [77], вторая – об общей структуре древнего гончарства как особым образом организованной системе трудовой человеческой деятельности [78]. В.В. Сидоров в специальной статье кратко обобщил свои взгляды на природные и антропогенные факторы, препятствующие сохранению древней керамики в культурном слое и, соответственно, отрицательно влияющие на возможность её служить источником информации, в тексте также приводятся рекомендации по работе с фрагментированным керамическим материалом [79]. Следует также обратить внимание на обзор неолитической керамики Финляндии, сделанный К. Нордквистом [80]. Автор подробно характеризует керамические материалы с конца VI до начала II тыс. до н.э. и, что особенно важно, высказывает своё мнение по широкому кругу теоретических и методических вопросов изучения древней керамики.

Выводы. Участвуя в заседаниях Тверского археологического семинара и в конференциях ежегодно на протяжении всего периода их функционирования, я могу достаточно обоснованно судить об основных тенденциях, проявившихся за прошедшие 25 лет. Во-первых, это роль семинара как школы молодых археологов. После нескольких первых лет работы семинара проявилась устойчивая тенденция, когда более старшие исследователи начали привозить с собой своих учеников и даже студентов, сначала как слушателей, потом со стендовыми докладами и, наконец, в роли самостоятельных исследователей. Поэтому многие археологи среднего поколения фактически выросли как учёные в атмосфере Тверского семинара. Во-вторых, с течением времени наблюдалось постепенное расширение тематики докладов, что отражало общие потребности в исследовании как самой керамики, так и культурно-исторических проблем на базе этого источника. В-третьих, в качестве одного из важнейших результатов работы Тверского семинара можно назвать значительный рост научного уровня докладов, в частности касающихся изучения древней керамики как исторического источника.

Таким образом, Тверской археологический семинар в ходе многолетней работы продемонстрировал свою научную эффективность не только как «трибуна» для общения специалистов-археологов разного возраста и квалификации, но и как особая научная школа, где происходит систематическая подготовка исследователей самого высокого научного уровня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрианова Л.С., Иванничева М.В. Сетчатая керамика поселения Березовая Слободка II-III на Нижней Сухоне // ТАС. Вып. 3. Тверь, 1998. С. 324–332.
2. Иванничева М.В., Иваннищев А.М. Жилище с пористой и асбестовой керамикой на поселении Тудозеро VII в Южном Прионежье // ТАС. Вып. 8. Т. I. Тверь, 2011. С. 258–262.
3. Исланова И.В. Керамика городища Дулёво (Козлово) // ТАС. Вып. 5. Тверь, 2002. С. 508–519.
4. Бессуднов А.Н., Смольянинов Р.В., Надов К.О. Неолитическая керамика с накольчатой орнаментацией поселения Карамышево 9 на Верхнем Дону // ТАС. Вып. 6. Т. I. Тверь, 2006. С. 266–271.
5. Смольянинов Р.В., Бессуднов А.Н. Поселение Васильевский Кордон 21 в Добровском районе Липецкой области // ТАС. Вып. 10. Т. I. Тверь, 2015. С. 174–183.
6. Юдина Е.А. Планиграфический анализ распределения фрагментов керамических изделий (применительно к изучению древних жилых построек) // ТАС. Вып. 9. Тверь, 2013. С. 96–102.
7. Лычагина Е.Л., Митрошин Е.Н., Батуева Н.С. Чашкинское озеро Ша – новый неолитический памятник на восточном берегу Чашкинского озера // ТАС. Вып. 10. Т. I. Тверь, 2015. С. 154–167.
8. Сурков А.В. Стоянка Ступино – новый раннеолитический памятник на Верхнем Дону // ТАС. Вып. 10. Т. I. Тверь, 2015. С. 168–173.
9. Волкова Е.В. Керамика Волосово-Даниловского и Балановского могильников. Сравнительное изучение культурных традиций // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996. С. 333–338.
10. Волкова Е.В. Керамика могильника Новинки 1 (по материалам раскопок 1990–92 гг.) // ТАС. Вып. 1. Тверь, 1994. С. 94–100.
11. Волкова Е.В. Культурные традиции в гончарстве фатьяновского населения (по материалам могильников Новинки 1-2) // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996. С. 339–346.
12. Никитин В.В. Культура носителей посуды с накольчатым орнаментом в лесной полосе Среднего Поволжья (к проблеме происхождения) // ТАС. Вып. 5. Тверь, 2002. С. 293–303.
13. Березина Н.С. Ранний неолит Чувашского Поволжья // ТАС. Вып. 8. Т. I. Тверь, 2011. С. 184–191.
14. Вискалин А.В. Ранние группы накольчатой и гребенчатой керамики Волго-Камья: проблемы выделения и происхождения // ТАС. Вып. 5. Тверь, 2002. С. 284–292.
15. Герман К.Э. Ранняя гребенчатая керамика в бассейне Онежского озера // ТАС. Вып. 3. Тверь, 1998. С. 266–272.
16. Хорошун Т.А. К проблеме выделения ромбоямочной керамики на памятниках западного побережья Онежского озера // ТАС. Вып. 9. Тверь, 2013. С. 322–328.
17. Ставицкий В.В. Ямочно-гребенчатая керамика лесостепной зоны // ТАС. Вып. 6. Т. I. Тверь, 2006. С. 307–315.
18. Смольянинов Р.В. Керамика с ромбоямочной орнаментацией лесостепного Подонья в системе ромбоямочных керамических древностей Восточной Европы // ТАС. Вып. 7. Тверь, 2009. С. 257–268.
19. Королёв А.И. Волосовская керамика Сурско-Мокшанского междуречья // ТАС. Вып. 5. Тверь, 2002. С. 332–341.

20. *Исланова И.В.* Опыт классификации керамики поселений дьякова типа // ТАС. Вып. 4. Т. II. Тверь, 2001. С. 61–66.
21. *Исланова И.В.* Керамический комплекс городища Отмичи (по материалам раскопок 1968–1970 гг.) // ТАС. Вып. 6. Т. II. Тверь, 2007. С. 94–103.
22. *Исланова И.В.* Керамика городища Борки // ТАС. Вып. 6. Т. II. Тверь, 2007. С. 104–111.
23. *Исланова И.В.* Керамика городища Орлов Городок (Молоковский район Тверской области) // ТАС. Вып. 8. Т. II. Тверь, 2011. С. 81–120.
24. *Исланова И.В.* Верхневолжский керамический набор (к вопросу о культурной ситуации на Верхней Волге в середине третьей четверти I тыс. н.э.) // ТАС. Вып. 10. Т. II. Тверь, 2015. С. 149–155.
25. *Кунгурцева С.А., Степанова Ю.В., Жукова Е.Н.* Поселение раннего железного века Беседы в Тверской области // ТАС. Вып. 7. Тверь, 2009. С. 474–483.
26. *Синицына Г.В., Исланова И.В.* Раннесредневековые материалы с северного берега озера Волго в Тверской области // ТАС. Вып. 7. Тверь, 2009. С. 484–495.
27. *Олейников О.М.* Лепная керамика населения Тверского Поволжья второй половины I тысячелетия н.э. // ТАС. Вып. 5. Тверь, 2002. С. 520–549.
28. *Лопатина О.А.* Некоторые особенности технологии керамического производства населения городища дьяковской культуры Настасыно // ТАС. Вып. 5. Тверь, 2002. С. 494–502.
29. *Сыроватко А.С.* Сетчатая керамика стоянки Сахтыш II (по материалам раскопок Д.А. Крайнова) // ТАС. Вып. 6. Т. II. Тверь, 2007. С. 75–80.
30. *Сыроватко А.С.* Сетчатая керамика дьяковских поселений г. Зарайска // ТАС. Вып. 6. Т. II. Тверь, 2007. С. 81–84.
31. *Сыроватко А.С.* Дьяковские этнокультурные трансформации и керамика: возможности реконструкции // ТАС. Вып. 8. Т. II. Тверь, 2011. С. 75–80.
32. *Вишневецкий В.И.* Комплекс керамической посуды Кикинского городища // ТАС. Вып. 6. Т. II. Тверь, 2007. С. 85–93.
33. *Конецкий В.Я.* Древности раннего железного века на селище Заозерье под Окуловкой // ТАС. Вып. 8. Т. II. Тверь, 2011. С. 121–133.
34. *Новиков А.В.* Памятники с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века в бассейне Галичского озера // ТАС. Вып. 10. Т. II. Тверь, 2015. С. 50–68.
35. *Новиков А.В.* Керамический комплекс поселения Ватажка (по материалам раскопок В.И. Смирнова 1925–1927 гг.) // ТАС. Вып. 10. Т. II. Тверь, 2015. С. 69–86.
36. *Косинская Л.Л.* О характере культурогенеза в неолите лесного Зауралья и Западной Сибири: источники и интерпретации (к постановке проблемы) // ТАС. Вып. 10. Т. I. Тверь, 2015. С. 24–33.
37. *Костылева Е.Л., Уткин А.В.* Календарная символика волосовского сосуда со стоянки Сахтыш II // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996. С. 299–304.
38. *Урбан Ю.Н.* Открытие древней письменности на Северо-Западе России (предварительное сообщение) // ТАС. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000. С. 367–370.
39. *Гусенцова Т.М.* Сосуд с плоскостными изображениями птиц со стоянки Падань I (северо-восток Ленинградской области) // ТАС. Вып. 6. Т. I. Тверь, 2006. С. 403–405.
40. *Жульников А.М.* Скульптурные изображения на керамической посуде в культуре древнего населения Северной Европы // ТАС. Вып. 8. Т. I. Тверь, 2011. С. 317–330.
41. *Калинина И.В.* Орнаментация сосуда с поселения Скрабы III // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996. С. 293–298.
42. *Калинина И.В.* Семантика и технология древних орнаментов // ТАС. Вып. 3. Тверь, 1998. С. 116–124.
43. *Калинина И.В.* Веревоочный орнамент в неолите (о соотношении понятий археологическая культура и технологическая традиция) // ТАС. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000. С. 263–268.
44. *Калинина И.В.* Морфология декора неолитических сосудов и стилистические особенности деревянной зоо-антропоморфной скульптуры // ТАС. Вып. 5. Тверь, 2002. С. 241–247.
45. *Калинина И.В.* Антропология движения и технологическая традиция // ТАС. Вып. 10. Т. I. Тверь, 2015. С. 219–234.
46. *Костылева Е.Л., Калинина И.В.* Использование костей животных для орнаментации ямочно-гребенчатой керамики // ТАС. Вып. 5. Тверь, 2002. С. 248–256.
47. *Дубовцева Е.Н.* Культурные традиции в орнаментации неолитической керамики Западной Сибири (историографический аспект) // ТАС. Вып. 8. Т. I. Тверь, 2011. С. 197–201.
48. *Сидоров В.В.* Орнаменты и орнаментыры льяловской керамики // ТАС. Вып. 8. Т. I. Тверь, 2011. С. 202–208.
49. *Цетлин Ю.Б.* Общие принципы декорирования древней глиняной посуды (к постановке проблемы) // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996. С. 39–49.
50. *Цетлин Ю.Б.* Критерии отделения орнамента от неорнамента на глиняной посуде // ТАС. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000. С. 251–259.
51. *Цетлин Ю.Б.* Происхождение графических способов декорирования глиняной посуды (постановка проблемы) // ТАС. Вып. 5. Тверь, 2002. С. 231–240.
52. *Цетлин Ю.Б.* К разработке системы описания графического орнамента на керамике // ТАС. Вып. 6. Т. I. Тверь, 2006. С. 316–327.
53. *Болдин И.В., Трофимов В.Е.* К вопросу о причинах глубокой орнаментации неолитической керамики // ТАС. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000. С. 260–262.
54. *Болдин И.В.* Технологический аспект орнаментации глубокого профиля неолитической керамики по результатам экспериментов // ТАС. Вып. 8. Т. I. Тверь, 2011. С. 209–212.
55. *Хорошун Т.А.* Об изучении орнамента на ромбоямочной керамике (по материалам памятников западного побережья Онежского озера) // ТАС. Вып. 10. Т. I. Тверь, 2015. С. 275–281.
56. *Хлодницки М.* Неолитическая керамика из памятника Кадеро (Судан) // ТАС. Вып. 10. Т. I. Тверь, 2015. С. 235–248.
57. *Палагута И.В.* Явление обратимости и основные направления развития композиций орнаментов трипольско-кукутенской керамики // ТАС. Вып. 7. Тверь, 2009. С. 411–418.
58. *Костылева Е.Л.* Раннеолитическая керамика Верхнего Поволжья // ТАС. Вып. 1. Тверь, 1994. С. 53–57.
59. *Цетлин Ю.Б.* Периодизация истории населения Верхнего Поволжья в эпоху раннего неолита (по данным изучения керамики) // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996. С. 155–163.
60. *Вискалин А.В.* К вопросу о датировке раннеолитической керамики елшанского типа // ТАС. Вып. 6. Т. I. Тверь, 2006. С. 260–265.

61. *Лычагина Е.Л.* О двух хронологических группах накольчатой керамики на территории Пермского Предуралья // ТАС. Вып. 7. Тверь, 2009. С. 154–158.
62. *Хорошун Т.А.* К вопросу о хронологии и периодизации памятников с ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой западного побережья Онежского озера // ТАС. Вып. 10. Т. I. Тверь, 2015. С. 34–41.
63. *Зарецкая Н.Е., Костылёва Е.Л.* Новые данные по абсолютной хронологии льяловской культуры // ТАС. Вып. 8. Т. I. Тверь, 2011. С. 175–183.
64. *Пищонка Х.* Ранняя керамика к востоку от Балтийского моря: новые АМС радиоуглеродные даты // ТАС. Вып. 8. Т. I. Тверь, 2011. С. 159–174.
65. *Лавенто М.* Новые АМС-датировки текстильной керамики Среднего и Верхнего Поволжья // ТАС. Вып. 8. Т. I. Тверь, 2011. С. 263–272.
66. *Гусенцова Т.М., Андреева Н.А.* Некоторые особенности изготовления раннеолитической керамики Междозерья (Юго-Восточное Приладожье и Прионежье) // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996. С. 226–234.
67. *Жульников А.М.* Асбест как показатель связей древнего населения Карелии // ТАС. Вып. 6. Т. I. Тверь, 2006. С. 330–333.
68. *Волкова Е.В.* Роль эксперимента в реконструкции фатьяновской гончарной технологии // ТАС. Вып. 3. Тверь, 1998. С. 125–134.
69. *Волкова Е.В.* Древняя глиняная посуда, изготовленная одним мастером (методика выделения и анализ) // ТАС. Вып. 3. Тверь, 1998. С. 135–146.
70. *Болдин И.В.* О форме днищ неолитических сосудов // ТАС. Вып. 6. Т. I. Тверь, 2006. С. 328–329.
71. *Скочина С.Н.* Экспериментально-трассологический анализ орудий керамического производства // ТАС. Вып. 10. Т. I. Тверь, 2015. С. 282–290.
72. *Левковская Г.М., Черных И.Н., Волкова Е.В.* Палинологические исследования заполнения сосудов из могильника фатьяновской культуры Новинки 1 // ТАС. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000. С. 205–209.
73. *Сериков Ю.Б.* Использование фрагментов керамики в хозяйстве и ритуале // ТАС. Вып. 8. Т. I. Тверь, 2011. С. 296–316.
74. *Энговатова А.В.* О характере использования керамических сосудов населением Волго-Окского междуречья в неолите // ТАС. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000. С. 210–212.
75. *Сыроватко А.С., Елистратов А.Я.* Об опыте определения отпечатков пальцев на дьяковской керамике и мелкой глиняной пластике // ТАС. Вып. 5. Тверь, 2002. С. 503–507.
76. *Луньков В.Ю.* Опыт графической реконструкции сосудов эпохи поздней бронзы // ТАС. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000. С. 269–272.
77. *Цетлин Ю.Б.* Культурные контакты в древности (общая систематика и отражение их в культурных традициях гончаров) // ТАС. Вып. 3. Тверь, 1998. С. 50–63.
78. *Цетлин Ю.Б.* Гончарство как система // ТАС. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000. С. 245–250.
79. *Сидоров В.В.* «Эфемерная керамика» и особенности её учета // ТАС. Вып. 10. Т. I. Тверь, 2015. С. 213–218.
80. *Нордквист К.* Неолитическая керамика в Финляндии: терминология, хронология, распространение // ТАС. Вып. 10. Т. I. Тверь, 2015. С. 249–265.

*Институт археологии РАН,
Москва*

Yu.B. Tsetlin

ANCIENT CERAMICS IN THE TVER ARCHAEOLOGICAL SEMINAR

Summary

The article is devoted to a brief review of studies of ancient archaeological ceramics in reports made during the period from 1993 to 2015 at the Tver archaeological seminar. Studies cover a very wide range of problems relating to methods of analysis of technologies, forms and patterns on the vessels and historical and cultural interpretation of the results.

*Federal State Budgetary Institution of Sciences
“Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences”,
19, Dm. Ulyanova St., Moscow, 117036,
Russia
E-mail: yu.tsetlin@mail.ru*

Е.А. Кашина

ИЗУЧЕНИЕ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ В РАМКАХ ТВЕРСКОГО СЕМИНАРА

Тематика первобытного искусства палеолита – эпохи раннего металла Северной Евразии постоянно присутствовала на заседаниях научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» и на Тверских археологических конференциях. В её рамках были сделаны доклады более чем двадцатью исследователями. Основное внимание было уделено неолиту и энеолиту европейской части России. Это – та территория, к которой относится вообще большинство исследований, представленных на семинаре и конференциях. Изучение первобытного искусства занимает разную «долю» в общей массе работ каждого из исследователей. Более половины докладов, сделанных за все годы существования Тверского семинара на тему первобытного искусства, посвящены отдельным предметам или малым группам материала (Г.В. Сеницына, А.В. Шипилов, М.В. Иванищева, А.Я. Мартынов, Н.Г. Недомолкина, С.В. Ошибкина, А.В. Гонозов, М.М. Шахнович, С.Н. Панина, И.В. Усачёва, И.Ф. Витенкова, И.Н. Черных, С.Н. Савченко, С.В. Гусев, В.Т. Ковалёва, В.М. Воробьёв). Эти доклады принадлежат (за исключением И.Н. Черных, писавшего дипломную работу по этой тематике на кафедре археологии ЛГУ) исследователям, которые сталкивались с предметами искусства «случайно» – при раскопках, разборе коллекций, в разведках, но собственно работ по искусству никогда не публиковавшим. В них аналитическая сторона (если она наличествует), на мой взгляд, сильно уступает описательной.

Меньшинство составляют исследователи, в научных работах которых тема первобытного искусства встречается постоянно (И.В. Калинина, Ю.Б. Сериков, В.Я. Шумкин, А.В. Уткин и Е.Л. Костылёва, А.М. Жульников, Е.А. Кашина). На семинаре их вклад представлен достаточно обширными сериями докладов. Доклады теоретического плана в области первобытного искусства единичны (Ю.Б. Цетлин, А.Д. Столяр).

В исследовании Ю.Б. Цетлина предпринята попытка рассмотреть палеолитическое искусство по методике, сходной с изучением древнего керамического производства «школы Бобринского». Автор с позиций культурно-исторического подхода предлагает выделять культурные традиции, анализирует их смешанность и приходит к выводам об увеличении со временем доли образного и реалистического начала в палеолитическом искусстве по сравнению с абстрактно-знаковым [1, с. 95–110].

Доклад А.Д. Столяра был посвящён оценке соотношения в позднем каменном веке искусства малых форм лесной полосы (преимущественно кремнёвых антропоморфных изображений) и петроглифов Карелии. Автор поддерживал развиваемую в 1990-е–2000-е годы рядом исследователей гипотезу о миграции носителей волосовской керамики из Волго-Окского бассейна на север и видел в появлении малых антропоморфных фигур на петроглифах отражение идей, присущих носителям традиций кремнёвой скульптуры [2, с. 49–65].

Доклады И.В. Калининой посвящены семантической интерпретации орнаментики (керамика, орудия, скульптура). Исследования автора производятся в русле традиций отечественного и зарубежного структурализма, основной вспомогательный материал для интерпретации – разнообразные этнографические исследования разных лет (статьи И.В. Калининой опубликованы в ТАС. Вып. 2, 3, 5, 6, Т. I, 7, 10, Т. I).

Работы Ю.Б. Серикова [3–6] охватывают разнообразный материал по первобытному искусству Уральского региона. Огромная заслуга автора в том, что он стремится ввести в научный оборот максимальное количество материалов как из современных раскопок, так и из старых собраний. Чувствуется его стремление «догнать и перегнать» европейскую часть России по количеству и научному значению рассматриваемых материалов, хотя целый ряд исследователей (гласно и негласно) ставит под сомнение многие его материалы и выводы, например по теме «природных форм» и выделению предметов искусства малых форм из общей массы артефактов. Это касается также, например, полемики с И.В. Усачёвой по вопросу о функционально-смысловом значении т.н. утюжков [7]. С другой стороны, очень перспективными представляются исследования Ю.Б. Сериковым «культовых мест», пещер Урала, а также заданная недавно тема широкого осмысления сферических каменных артефактов с отверстием (доклад в 2013 г.). Недавно была опубликована сводная работа, в которой можно ознакомиться с основными выводами Ю.Б. Серикова [6].

Серия докладов и статей по искусству малых форм уникальных памятников Сахтышского микрорегиона (Ивановская область) и в целом Восточной Европы принадлежит авторскому «тандему» – Е.Л. Костылёвой и А.В. Уткину. Они ввели в научный оборот большую серию предметов из раскопок Д.А. Крайнова, которые им самим были опубликованы чрезвычайно кратко и выборочно, и своих исследований. Свои выводы по функционально-смысловому значению материалов авторы основывают в целом на структуралистском подходе. Ими созданы публикации-сводки по энеолитической скульптуре лесной зоны Восточной Европы (кремнёвая антропоморфная, изображения змей) и нео-, энеолитическим орнаментированным изделиям Сахтышских стоянок. Некоторые орудия были интерпретированы ими, на мой взгляд, ошибочно, как предметы искусства и культа (так называемые свистки по В.В. Сидорову и роговые Г-образные ретушеры) (статьи опубликованы во многих номерах ТАС, см., например [8–12]).

Серия докладов В.Я. Шумкина об уникальных петроглифах Канозера не нуждается в подробном освещении. Эти материалы, представленные на семинаре, вошли в опубликованную коллективную монографию, целиком посвящённую уникальному комплексу наскальных изображений финала каменного века (Колпаков, Шумкин, 2012 [13]).

Огромным вкладом в изучение первобытного искусства неолита – эпохи бронзы лесной зоны Восточной Европы являются работы А.М. Жульникова. Им были открыты и изучены новые образцы наскальных изображений на Онежском озере, обобщены и проанализированы различные категории наскальных изображений Карелии (лодки, змеи и др.) с привлечением обширных материалов по петроглифам и писаницам Северной Европы и Зауралья. В области изучения искусства малых форм им была проведена большая работа по описанию, анализу и смысловой интерпретации таких сложных и неоднозначных для нашего понимания артефактов, как фигурные топоры-молоты, «фигурные кремни» («неявные» скульптурные (?) изображения энеолита – эпохи раннего металла), фигурные налпы на керамике Севера европейской части России. Подход А.М. Жульникова можно охарактеризовать как контекстуальный и когнитивный. Помимо разнообразных статей, опубликованных в том числе в Тверском археологическом сборнике [14–15], следует отдельно отметить его монографию, посвящённую наскальному искусству Карелии [16].

А.М. Жульниковым в соавторстве с Е.А. Кашиной опубликованы две обобщающие работы, посвящённые соответственно образу птицы и жезлу с головой лося в монументальном и мобильном искусстве. Такое сотрудничество позволило сопоставить эти древности между собой на качественно новом уровне и прийти к целому ряду интересных и важных выводов [17; 18].

Работы Е.А. Кашиной (см., например, [19–21]) посвящены искусству малых форм лесной зоны Восточной Европы и по своей структуре (сводка находок по конкретному сюжету, морфология, функция, смысловая трактовка) достаточно однотипны, продолжая во многом исследования, предпринятые Е.Л. Костылёвой и А.В. Уткиным. Однако Е.А. Кашина полемизирует с последними, приходя к другим выводам при исследовании одних и тех же материалов. В своих выводах о функционально-смысловом значении предметов она, не являясь противником интерпретаций в духе структурализма, всё же придерживается более осторожных выводов и в этом близка к позициям и подходам А.М. Жульникова. В работах обоих исследователей, связанных с первобытным искусством, большое внимание уделяется реконструкции культурно-родственных связей различных регионов и мифологическим универсалиям при построении выводов по семантике. Полные тексты всех работ Е.А. Кашиной, в том числе написанных в соавторстве, можно найти на портале academia.edu (<https://shm.academia.edu/EkaterinaKashina>).

На Тверском семинаре целый ряд археологов (по фамильный список см. выше) сделал доклады о находках предметов искусства в процессе собственных исследований (как полевых, так и музейных). В докладах получили освещение (и многие материалы были затем опубликованы в ТАС): гравировки финального палеолита, глиняная скульптура неолита Севера, кремнёвая скульптура мезолита – эпохи раннего металла, фигурные «топоры-молоты», лабиринты Севера, резная скульптура Зауралья и Крайнего Севера, графические изображения на керамике, использование красящих материалов в древности, в том числе в рамках погребальной обрядности.

Подводя итоги этого обзора, можно с уверенностью говорить о том, что на базе Тверского семинара сложилась и продолжает развиваться качественно и количественно целая группа исследователей с разными подходами, которые продолжают активный обмен мнениями и информацией по различной археологической проблематике, включая сферу искусства и верований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Цетлин Ю.Б.* О древнейших культурных традициях предметной изобразительной деятельности человека // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.
2. *Столяр А.Д.* Трансляция идей как многообразная археологическая реальность // Культурные трансляции и исторический процесс (палеолит–средневековье). СПб., 1994.
3. *Сериков Ю.Б.* Использование природных форм в культовой практике древнего населения Урала // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. I. Тверь, 2006.
4. *Сериков Ю.Б.* Кремнёвая скульптура Урала (вопросы хронологии, происхождения и семантики) // Тверской археологический сборник. Вып. 7. Тверь, 2009.
5. *Сериков Ю.Б.* Украшения населения Урала в каменном веке // Тверской археологический сборник. Вып. 9. Тверь, 2013.
6. *Сериков Ю.Б.* Очерки по первобытному искусству Урала. Нижний Тагил, 2014.
7. *Усачёва И.В.* Выпрямители древков стрел Северной Евразии (неолит – энеолит) // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. I. Тверь, 2015.

8. Уткин А.В., Костылева Е.Л. Антропоморфные изображения волосовской культуры // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
9. Уткин А.В., Костылева Е.Л. Волосовские скульптурные модели фаллоса // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.
10. Уткин А.В., Костылева Е.Л. Орнаментированные костяные изделия Сахтышских стоянок // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.
11. Уткин А.В., Костылева Е.Л. Скульптурные изображения змей в эпоху мезолита–энеолита в лесной зоне Восточной Европы // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.
12. Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Волосовские ритуальные клады в составе погребальных комплексов: хронология и типология // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. I. Тверь, 2011.
13. Колпаков Е.М., Шумкин В.Я. Петроглифы Канозера. СПб., 2012.
14. Жульников А.М. О находке в Прибеломорье фигурного топора-молота с обухом в виде головы медведя // Тверской археологический сборник. Вып. 5. Тверь, 2002.
15. Жульников А.М. Скульптурные изображения на керамической посуде в культуре древнего населения Северной Европы // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. I. Тверь, 2011.
16. Жульников А.М. Петроглифы Карелии. Образ мира и мира образов. Петрозаводск, 2009.
17. Жульников А.М., Кашина Е.А. Образ птицы в искусстве неолита–энеолита лесной зоны Восточной Европы // РА. 2010. № 2.
18. Жульников А.М., Кашина Е.А. «Лосиноголовые жезлы» в культуре древнего населения Зауралья, Северной и Восточной Европы // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2010. № 2 (42).
19. Кашина Е.А. К вопросу об антропоморфных изображениях из кремня в лесной зоне Европейской России // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. I. Тверь, 2006.
20. Кашина Е.А. Кремнёвая антропоморфная скульптура без рук в центре Русской равнины // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. I. Тверь, 2015.
21. Иванищева М.В., Кашина Е.А. Наборы неолитической глиняной скульптуры на памятниках Южного Прионежья // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. I. Тверь, 2015.

**ФГБУК «Государственный исторический музей»,
Москва**

E.A. Kashina

**THE STUDY OF PRIMITIVE ART OF THE NORTHERN EURASIA
IN THE FRAMEWORK OF THE TVER SEMINAR**

Summary

The paper reviews oral presentations and articles, prepared by a large number of scholars in the field of Prehistoric art during Tver annual seminars and conferences. They could be divided into three groups: theoretical, descriptive and analytical studies. In this review the references to monographs, which derived from those studies, can also be found by the reader. During the whole seminar's history a lot of important discoveries were made in the field of Northern Eurasian Prehistoric art.

**Federal State Budgetary Institution of Culture
“The State Historical Museum”,
1, Red Square, Moscow, 109012,
Russia
E-mail: eakashina@mail.ru**

ЛЕВ ВЛАДИМИРОВИЧ КОЛЬЦОВ (07.04.1935 – 03.10.2017)

Российская археологическая наука понесла тяжёлую утрату: 3 октября 2017 г. после продолжительной болезни скончался доктор исторических наук ведущий научный сотрудник Отдела археологии каменного века Института археологии РАН профессор Лев Владимирович Кольцов. Ушёл из жизни человек, заслуживший репутацию одного из лучших специалистов по финальному палеолиту и мезолиту Северной Евразии.

Лев Владимирович Кольцов родился 7 апреля 1935 г. в Москве. После окончания средней школы в 1953 г. поступил на исторический факультет Московского университета, где специализировался по кафедре археологии под руководством О.Н. Бадера. Интерес, проявленный Л.В. Кольцовым к проблемам каменного века в студенческие годы, определил его дальнейшую судьбу. После окончания университета в июне 1958 г. Лев Владимирович поступает на работу в Институт археологии АН СССР в качестве лаборанта, в 1965 г. успешно защищает кандидатскую диссертацию по мезолиту Волго-Окского междуречья. Плодотворная работа по изучению финального палеолита и мезолита Южной и Восточной Прибалтики завершилась в 1977 г. выходом монографии, которая была успешно защищена год спустя как докторская диссертация. В ней Л.В. Кольцов блестяще показал возможность и необходимость работы с европейским материалом для понимания процессов, происходящих в конце плейстоцена – голоцене на территории Восточной Европы.

Со студенческих лет жизнь и работа Л.В. Кольцова были неразрывно связаны с экспедициями по изучению древнейших периодов истории народов Европейской России. В 1954–1956, 1959 и 1960 гг. он работал под руководством О.Н. Бадера в Камской экспедиции, а в 1957–1959, 1963 и 1967 гг. – на раскопках Сунгиря – одной из наиболее интересных стоянок верхнего палеолита. В 1955 г. он принимал участие в работах по изучению палеолита Центра Русской равнины под руководством А.Н. Рогачёва.

Первыми самостоятельными археологическими исследованиями Л.В. Кольцова стали разведки в тогда Калининской, ныне – Тверской области в 1956 г. С тех пор Тверская земля стала постоянным полигоном его научной деятельности.

Наиболее важной в жизни Л.В. Кольцова была работа с 1959 по 1988 г. в Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР под руководством Д.А. Крайнова, в которой Л.В. Кольцов был заместителем начальника и одновременно возглавлял Разведочный отряд. В эти годы им были открыты и раскопаны важнейшие мезолитические стоянки, позволившие выделить в Волго-Окском междуречье бутовскую и иеневскую мезолитические культуры. Помимо этого, большие силы были отданы Львом Владимировичем делу сохранения памятников археологии Верхнего Поволжья. В 1984–1988 гг. он одновременно с работой в Верхневолжской экспедиции возглавлял новообразованную Калининскую экспедицию, в те годы крупнейшую из экспедиций Института археологии. В это же и последующее время Лев Владимирович редактировал Свод памятников археологии Тверской области – наиболее полный из всех областных сводов Российской Федерации.

Л.В. Кольцовым опубликовано более 140 работ по различным проблемам каменного века, в том числе монографии. Это уже упоминавшаяся книга о финальном палеолите и мезолите Южной и Восточной Прибалтики, вышедшая в 1977 г., и монография о финальном палеолите и мезолите Британских островов, опубликованная в 2005 г. Две работы были написаны совместно с М.Г. Жилиным: о бутовской культуре Волго-Окского междуречья (1999 г.) и о финальном палеолите лесной зоны Европы (2008 г.). В многочисленных статьях Л.В. Кольцов затрагивал различные стороны изучения мезолита лесной зоны Европы. Одним из важнейших достижений отечественного мезолитоведения был переход от «эпипалеолита» к конкретным мезолитическим культурам Волго-Окского междуречья, выделенным Л.В. Кольцовым, и его разработка их периодизации. Эти исследования ставили новые проблемы и определяли направления для дальнейшего изучения мезолитической эпохи. Важной работой явилось редактирование тома «Мезолит СССР» в серии

«Археология СССР», вышедшего в свет в 1989 г. Многие разделы тома редактору пришлось писать заново. В последнее время Лев Владимирович, используя свой богатейший опыт, углублённо занимался теоретической разработкой важнейшей проблематики мезолита лесной зоны Европы.

Новые методические подходы, мультидисциплинарные полевые и камеральные исследования неизбежно вносят коррективы в наши знания, сложившиеся ранее представления о древних периодах истории человечества. Но без этих представлений, одним из основных авторов которых был Л.В. Кольцов, не были бы возможны дальнейшие этапы развития науки.

Как ведущий специалист по мезолиту Л.В. Кольцов известен не только в нашей стране, но и за рубежом. В 1973 г. он участвовал в работе симпозиума по мезолиту Европы в Варшаве, в 1976 г. – в конгрессе доисторических и протоисторических наук в Ницце, где был избран членом Комитета по изучению мезолита от Советского Союза. Кроме того, учёным публиковались рецензии на издания западноевропейских коллег. Он, сын дипломата, с детства прекрасно владел двумя иностранными языками – французским и английским, что помогало ему оперативно знакомиться с работами зарубежных исследователей.

Л.В. Кольцов вёл также большую научно-организационную работу. В течение ряда лет он был ответственным секретарём «Кратких сообщений Института археологии» (КСИА), а затем журнала «Советская археология». Более 30 лет был членом Отдела полевых исследований Института археологии, а в 2004 г. исполнял обязанности заведующего этим отделом. Л.В. Кольцов являлся также членом Диссертационного совета ИА РАН, сотрудничал в качестве эксперта с РГНФ.

Много внимания Л.В. Кольцов уделял подготовке квалифицированных специалистов по каменному веку. Под его научным руководством были написаны и успешно защищены 7 кандидатских диссертаций. Он читал спецкурсы на кафедре археологии исторического факультета МГУ и в Самарском педагогическом институте. Будучи человеком многосторонне эрудированным, Лев Владимирович щедро делился знаниями с учениками и коллегами. Обязательность и высокая требовательность к себе сочетались у Л.В. Кольцова с большой доброжелательностью к коллегам, особенно к молодёжи, подбадривая которую к научному общению, он говорил: «Я хотя и Лев, но не кусаюсь». Он всегда был готов помочь разобраться в сложной проблеме, подсказать возможные подходы к её решению. Лев Владимирович не только очень тонко чувствовал научные «заботы» своих учеников, но и живо интересовался и всеми другими событиями и аспектами их жизни. Поэтому он всегда мог дать весьма деликатный, ненавязчивый, но неизменно правильный и очень дельный совет в любой жизненной ситуации и по любому вопросу. И, являясь отличным рассказчиком, проиллюстрировать это историей из своей богатой и насыщенной событиями жизни. Его участие в судьбе учеников было совершенно искренним и абсолютно полным. Если уж человек становился его учеником, к выбору которых Лев Владимирович относился очень ответственно и тщательно, то он всегда был окружён его заботой и участием во всём – от текущих вопросов аспирантуры до сложных жизненных ситуаций.

С ним можно было и поспорить, он хорошо умел аргументировать свою точку зрения, но мог согласиться и с точкой зрения оппонентов, если она была хорошо обоснована.

Работа с ним в экспедициях – на раскопках и в разведках – стала для его учеников неоценимой методической и содержательной научной школой, забываемым прикосновением к уникальной личности.

Широкая эрудированность, обширные знания не только по палеолиту и мезолиту мира, но и по другим периодам эпохи первобытности, а также доброжелательность, корректность в обсуждении и оценке научных разработок ярко проявились на заседаниях научно-методического семинара с международным участием «Тверская земля и сопредельные территории в древности», созданного на базе Тверского государственного объединённого музея в 1994 г., научным руководителем которого многие годы являлся Л.В. Кольцов.

Лев Владимирович был человеком глубоко порядочным, надёжным, лёгким в общении, с большим чувством юмора и душевной теплотой. Таким он и останется в нашей памяти.

*М.Г. Жилин
И.Н. Черных*

*Институт археологии РАН, Москва
Тверской государственный объединённый музей, Тверь*

*И.В. Исланова
В.М. Воробьёв
А.В. Мирецкий
Е.Л. Костылёва
А.В. Уткин
Г.В. Сеницына
М.Н. Желтова
К.Э. Истомин
А.А. Выборнов
А.А. Ластовский
Л.Л. Косинская
С.К. Козловский
А.Ф. Горелик*

*Институт археологии РАН, Москва
Филиал Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина в г. Твери, Тверь
ООО «Терра», Тверь
Ивановский государственный университет, Иваново
Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, Казань
Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
Институт археологии Варшавского университета, Варшава, Польша
Археологический институт при Рурском университете, Бохум, Германия*

LEV VLADIMIROVICH KOL'TSOV
(07.04.1935 – 03.09.2017)

Russian science suffered a heavy loss. On October, 3, 2017 after a long disease the leading researcher of the Stone Age department of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, professor Lev Vladimirovich Kol'tsov died. The man who had a reputation of one of the best specialists on the Final Palaeolithic and Mesolithic of Northern Eurasia left us. Lev Vladimirovich Kol'tsov was born in Moscow on April 7, 1935. In 1953 he entered the History faculty of the Moscow university, and in 1958 – the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR, where he worked till 2016. In 1965 L.V. Kol'tsov defended a PhD on the Mesolithic of the Volga-Oka interfluvium, and in 1977 – a Habilitatus Doctor dissertation on the Final Palaeolithic and Mesolithic of Southern and Eastern Baltic. L.V. Kol'tsov published more than 140 papers on various problems of the Stone Age including three monographs. He singled out Butovo and Ienevo cultures. He is known as a leading specialist on the Mesolithic not only in Russia, but also abroad. L.V. Kol'tsov paid much attention to training qualified specialists on the Stone Age. He was a supervisor of 7 PhDs which were successfully defended. During many years he was a supervisor of scientific-methodical seminar “Tver Land and Neighboring Territories in Ancient Times” (Tver city). Lev Vladimirovich was a scrupulously fair and reliable person, easy in communication, with a good sense of humor and deep spiritual warmth. That is how he remains in our memory.

M.G. Zhilin

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow

I.N. Tchernykh

Tver State United Museum, Tver

I.V. Islanova

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow

V.M. Vorob'yev

The A.N. Kosygin's Russian State University. Branch in Tver, Tver

A.V. Miretsky

“Terra” Ltd, Tver

E.L. Kostlyeva

A.V. Utkin

The Ivanovo State University, Ivanovo

G.V. Sinitsyna

M.N. Zheltova

Institut for the History Material Culture, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg

K.E. Istomin

The A.Kh. Khalikov's Institute of Archaeology, Academy of Sciences of Republic of Tatarstan, Kazan

A.A. Vybornov

A.A. Lastovsky

The Samara State Social-Pedagogical University, Samara

L.L. Kosinskaya

The Urals Federal University, Ekatherinburg

S.K. Kozlovsky

The Institute of Archaeology, University of Warshava, Warshava, Poland

A.F. Gorelic

Archaeological Institute of Rur University, Bokhum, Germany

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

авт.; авт.	– автор, авторы
Авт.-сост.	– автор-составитель (авторы-составители)
автореф.	– автореферат
АГПИ	– Архангельский государственный педагогический институт (Архангельск)
АКР	– Археологическая карта России. Москва
АМС	– ускорительная масс-спектрометрия
АН	– Академия наук
англ.	– английский
АНО	– Автономная некоммерческая организация
АО	– Археологические открытия. Москва
АОКМ	– Архангельский областной краеведческий музей (Архангельск)
АП	– Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Москва
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград
АССР	– Автономная Советская Социалистическая Республика
Б.	– Большая, Большой
ББК	– Библиотечно-библиографическая классификация
БИИКФ	– Библиотечно-информационный историко-культурный фонд Сургутского района (Сургут)
БКИЧП	– Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода в Европе. Москва
бол.	– болото
бр. мог.	– братская могила
В	– восток
в.	– век
ВАУ	– Вопросы археологии Урала. Екатеринбург
ВГАХМЗ	– Вологодский государственный архитектурно-художественный музей-заповедник (Вологда)
ВГПУ	– Воронежский государственный педагогический университет (Воронеж)
в.д.	– восточной долготы
вдхр.	– водохранилище
ВНИГРИ	– Всероссийский нефтяной научно-исследовательский геологоразведочный институт (Санкт-Петербург)
в.н.с.	– ведущий научный сотрудник
ВО	– Высшего образования
вост.	– восточной
ВПО	– Высшего профессионального образования
Вып.; Вип.	– выпуск, випуск
г.	– год; город
г; гр.	– грамм
га	– гектар
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры (Ленинград; Москва)
ГБУК	– Государственное бюджетное учреждение культуры
ГИМ	– Государственный Исторический музей (Москва)
ГИН	– Геологический институт РАН (АН СССР) (Москва). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
ГКБУК	– Государственное краевое бюджетное учреждение культуры
Гл.	– главный; глава
гл.	– глубина
губ.	– губерния
Д	– диаметр
Д.	– дело
д.	– деревня; дом
д.и.н.	– доктор исторических наук
дис.	– диссертация
ДК	– Дыроватый Камень
ДНК	– дизоксирибонуклеиновая кислота
докт.	– доктор

др.	– другое; другие; другими
др.-инд.	– древне-индийский
ед.	– единица
Ед. хр.	– единица хранения
З	– запад
зам.	– заместитель
Зап.	– Западная
ЗБС	– Звенигородская биологическая станция
ИА	– Институт археологии РАН (АН СССР) (Москва)
ИвГУ	– Ивановский государственный университет (Иваново)
ИГАН, ИГ	– Институт географии РАН (АН СССР) (Москва) + лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
ИГЕМ	– Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН (АН СССР) (Москва) + лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
ИД	– серия издательской лицензии
изд.	– издание
ИИАК	– Известия Императорской Археологической комиссии. Санкт-Петербург
ИИМК	– Институт истории материальной культуры АН СССР и РАН (Ленинград; Санкт-Петербург)
Ил.; ил.	– иллюстрация
им.	– имени
ИНКВА (INQUA)	– Международная ассоциация по изучению четвертичного периода
ИПК	– Издательско-полиграфический комбинат
ист.	– исторических
ИЭРЖ	– Институт экологии растений и животных Уральского отделения РАН (Екатеринбург). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
кал.	– калиброванная (дата)
канд.	– кандидат
КАЭЭ	– Камская археолого-этнографическая экспедиция
к.б.н.	– кандидат биологических наук
кв.	– квадрат, квадратный, квадратных и т.п.
К(В)АЭ	– Камско-Вятская археологическая экспедиция
кг	– килограмм
к.г.-м.н.	– кандидат геолого-минералогических наук
к.и.н.	– кандидат исторических наук
км	– километр
КМА	– Краеведческий музей Андреополя (Андреаполь, Тверская область)
КМЗ	– Костромской музей-заповедник (Кострома)
Кн.; кн.	– книга
КОК	– Костромской областной краеведческий (музей)
кол.	– коллекция; коллегия
кон.	– конец
к.с.	– культурный слой
КСИА	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Краткие сообщения Института археологии РАН. Москва. Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Киев
КСИИМК	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
Л.	– Ленинград; лист
л.г.	– литологический горизонт
ЛГНОО	– Липецкая городская научная общественная организация (Липецк)
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет (Ленинград)
ЛЕ, Ле	– Институт истории материальной культуры РАН/АН СССР (Санкт-Петербург/Ленинград). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
л.н.	– лет назад
ЛОИА	– Ленинградское отделение Института археологии АН СССР (Ленинград)
ЛОКМ	– Липецкий областной краеведческий музей (Липецк)
ЛЭП	– линия электропередач

м	– метр
М	– масштаб
М.	– Москва
МарНИИЯЛИ	– Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Йошкар-Ола)
МАЭ	– Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Ленинград; Санкт-Петербург)
	– Марийская археологическая экспедиция
МБС	– микроскоп бинокулярный стереоскопический
МБУ	– Муниципальное бюджетное учреждение
МГУ	– Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
МИГМ	– Музей истории города Москвы (Москва)
мкм	– микрометр
МКУ	– Муниципальное казённое учреждение
мм	– миллиметр
м.н.с.	– младший научный сотрудник
Н.; Ниж.	– Нижний
Наб.; наб.	– набережная
нач.	– начало
НВ	– научно-вспомогательный
НГУ	– Новосибирский государственный университет (Новосибирск)
НИИ	– Научно-исследовательский институт
НИР	– Научно-исследовательская работа
Нов.	– Новое
н.э.	– наша (новая) эра
о., о-в	– остров
обл.	– область, области
обр.	– образец
ОБУК	– Областное бюджетное учреждение культуры
ОГБУК	– Областное государственное бюджетное учреждение культуры
ОГУ	– Оренбургский государственный университет (Оренбург)
оз.	– озеро
ОИАК	– Отчёт Императорской Археологической комиссии. Санкт-Петербург
ок.	– около
ООО	– Общество с ограниченной ответственностью
Оп.	– опись
Отв.; отв.	– ответственный и т.п.
ПГНИУ	– Пермский государственный научно-исследовательский университет (Пермь)
ПГСГА	– Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (Самара)
ПГУ	– Пермский государственный университет (Пермь)
Пер.	– перевод
ПК	– персональный компьютер
пол.	– половина
пос.	– посёлок
посл.	– последний
пр.; проч.	– прочее, прочие, прочего
пр.; пр-т	– проспект
Прил.	– Приложение
прист.	– пристань
проф.	– профессор
Р; Р.	– Раздел; разряд
р.	– река; року, рік (год)
РА	– Российская археология. Москва
РАН	– Российская академия наук
РАНИС	– «Работники науки и искусства»
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд (Москва)

РГППУ	– Российский государственный профессионально-педагогический университет (Москва)
РГПУ	– Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
Ред.; ред.	– редактор, редакция, редакцией, редакционная и т.п.
Рис.; рис.	– рисунок
р-н; р-не	– район, районе
Рук.	– руководитель
РФ	– Российская Федерация
РФФИ	– Российский фонд фундаментальных исследований (Москва)
С	– север
с.	– село; страница
СА	– Советская археология. Москва
САИ	– Свод археологических источников. Москва; Ленинград
Сб.	– сборник
Св.	– связь
СГПУ	– Самарский государственный педагогический университет (Самара)
СГСПУ	– Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара)
сер.	– середина
сл.	– следующая
см	– сантиметр
см.	– смотри
СМИ	– средства массовой информации
СНГ	– Союз Независимых Государств
с.н.с.	– старший научный сотрудник
СОАН	– Институт геологии, геофизики и минералогии Сибирского отделения РАН (Новосибирск). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
Сост.	– составитель, составители
СПб.	– Санкт-Петербург
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
с.ш.	– северной широты
США	– Соединённые Штаты Америки
т	– тонна
Т	– Тверской (авторский знак)
Т.	– том
табл.	– таблица
ТАС	– Тверской археологический сборник. Тверь
ТГИМ	– Труды Государственного исторического музея. Москва
ТГОМ	– Тверской государственный объединённый музей (Тверь)
т.д.	– так далее
т.е.	– то есть
тел.	– телефон
т.н.	– так называемый; тому назад
т.п.	– тому подобное
Тр.	– Труды
т.ч.	– том числе
тыс.	– тысячелетие
УДК	– Универсальная десятичная классификация
УЗ	– Учёные записки
ул.	– улица
ур.	– урочище
УрГУ	– Уральский государственный университет (Свердловск; Екатеринбург)
УрО	– Уральское отделение
усл. п. л.	– условный печатный лист
УССР	– Украинская Советская Социалистическая Республика
Ф.	– фонд
ФГБОУ	– Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
ФГБУК	– Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры

ФГБУН	– Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
фин.	– финский
фр.	– французский
ХМАО	– Ханты-Мансийский автономный округ
Ч.	– часть
четв.	– четверть
Ш.; ш.	– шурф
шт.	– штука
экз.	– экземпляр
Ю	– юг
ЯНАО	– Ямало-Ненецкий автономный округ
AAR	– Aarhus Universitet – Орхусский центр АМС, Университет г. Орхус (Дания). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
abb.	– Abbildung (иллюстрация)
AD=A.D.	– Anno Domini – от Рождества Христова (новая эра)
AMS	– Accelerator Mass Spectrometry (ускорительная масс-спектрометрия)
Ap.	– apartment (комната, квартира)
att.	– attēls (рисунок)
Ave.; Av.	– Avenue (проспект)
B	– band (том)
BAR	– British Archaeological Reports. Oxford
BC=B.C.	– Before Christmas – до Рождества Христова (до новой эры)
bd.	– bundle (связка, пачка)
Beta	– Beta Analytic Ltd (Майами, США). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
Blvd	– boulevard (бульвар)
BP=B.P.	– Before Present (до наших дней)
c	– cirka (около)
©	– copyright (копирайт – знак охраны авторского права)
C ¹⁴ , 14C	– углерод 14 (радиоуглеродный анализ)
°C	– Celsius (градусов по Цельсию)
Cal; cal	– calibrated (date) (калиброванная дата)
CalPal	– Cologne Radiocarbon Calibration and Paleoclimate Researc Package («Кёльнская радиоуглеродная калибровка и палеоклимат» – научно-исследовательский пакет)
cm	– centimetre (сантиметр)
CNRS	– Centre National de la Recherche Scientifique (Национальный центр научных исследований. Франция)
DC	– Defocus Control (с функцией контроля)
DMLP	– Digital Microscopes (лабораторный поляризационный цифровой микроскоп)
E	– East (восток)
ed.; eds.	– editor (редактор), editors (редакторы)
ekr.	– ennen Kristusta (до Рождества Христова); ennen Kristuksen syntymää (до нашей эры)
Emb.	– embankment (набережная)
ERAUL	– Etudes et Recherches archéologiques de l'Université de Liège (Археологические исследования Льежского университета, Бельгия)
etc.	– et cetera (и так далее)
Fig., fig.	– figurine, figure, figur (рисунок)
GIN	– Geological Institute, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
GPS	– Global Positioning System (глобальная система местопределения)
GrA	– Rijkuniversiteit Groningen – Centrum voor Isotopen Onderzoek. Центр изотопных исследований, Гронингский университет (Нидерланды). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
HELA (Hela)	– Radiocarbon Laboratory of Helsinki University (Helsinki, Finland). Лаборатория датирования Финского естественно-исторического музея. Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
i.e.	– id est (то есть)
ill.	– illustration (иллюстрация)

Int.	– International (международная)
IS	– International Series (Международная серия)
ISBN	– International Standard Book Number (Международный стандартный номер книги)
ISKOS (SMFF ISKOS)	– Suomen Muinaismuistoyhdistys Finska Fornminnesföreningen. Helsingfors, Helsinki
ka	– kiloAge (тысяч лет)
Ki	– Institute of Radiogeochemistry of the Environment, Ukrainian National Academy of Sciences (Kiev, Ukraine). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
KIA	– Christian Albrechts Universität zu Kiel, CAU (Университет им. Кристиана Альбрехта. Киль, Германия). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
km.; kms	– kilometre(s) (километр, километры)
LE, Le	– Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
lk.	– lehekülj (страница)
lpp.	– lappuse (страницы)
Ltd	– Limited (Компания) с ограниченной ответственностью)
m	– metre (метр)
m ²	– square metre (квадратный метр)
mm	– millimetre (миллиметр)
N	– North (север)
n.	– neutrum (средний род)
Nr., No	– number (номер)
OxA	– Oxford University Radiocarbon Accelerator Unit (Oxford, Great Britain). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
OxCal	– Oxford University calibration code (калибровочный код (радиоуглеродных дат) Оксфордского университета. Великобритания)
p.	– page; puslapis (страница)
pav.	– paveikslas (рисунок)
PhD	– Philosophia Doctor; Doctor of Philosophy – доктор философии (кандидат наук), учёная степень
P. O.	– Post Office (почтовый)
R	– репер
red.	– redactor (редактор)
S., s.	– Seite, sivu, sida (страница)
SKAS	– Suomen Keskiajan arkeologian seura (Turku, Finland) (Финское общество средневековой археологии. Турку, Финляндия)
Sp.; sp.	– species (вид)
SPb; SPB; Spb	– Лаборатория изотопных исследований, Центр коллективного пользования «Геоэкология», кафедра геологии и геоэкологии, факультет географии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
Sq.	– square (площадь)
T.	– tome, tomas (том, книга, фолиант)
TA; Ta	– Institute of Zoology and Botany. Estonian Academy of Sciences. Tartu ülikooli geoloogia osakonna radiosüsiniku labor. Radiocarbon laboratory of Department of Geology of University of Tartu (Радиоуглеродная лаборатория Отдела геологии Тартуского университета. Тарту, Эстония). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
Tab., tabl.	– Tabelle, tabel, table (таблица)
TUa	– Nasjonallaboratoriene for datering, Norges teknisk-naturvitenskapelige universitet, Trondheim, Norge (Национальная лаборатория радиоуглеродного датирования. Норвежский университет науки и технологии. Трондхейм, Норвегия). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
Ua	– Svedberg Laboratori: Uppsala Tandem Accelerator Laboratory. Университет г. Уппсала, Швеция. Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
uncal	– uncalibrated (не калиброванная)
U.S.S.R., USSR	– The Union of Soviet Socialist Republics (Союз Советских Социалистических Республик)
var.	– varietät (разновидность)
v. Chr.	– vor Christus (до нашей эры)
Vol.	– volume (том, выпуск)
W	– West (запад)

**Государственное бюджетное учреждение культуры
Тверской области «Тверской государственный
объединённый музей» (ГБУК ТГОМ)**

**приглашает посетить филиалы объединения,
в составе стационарных экспозиций которых
имеются археологические разделы, отражающие
древнейшее прошлое конкретных регионов области:**

- 1. Весьегонский краеведческий музей**
171720, Тверская обл., г. Весьегонск, ул. К. Маркса, д. 97.
Тел. (8-48-264) 2-11-11.
Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1992 г.
- 2. Ворошиловский краеведческий музей**
172796, Тверская обл., Пеновский р-н, д. Ворошилово.
Тел. (8-48-230) 3-17-21, 3-17-34.
Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1989, 1995 гг.
- 3. Вышневолоцкий краеведческий музей**
171163, Тверская обл., г. Вышний Волочёк, Казанский пр-т, д. 63–65.
Тел. (8-48-233) 6-13-23.
Авторы археологических разделов экспозиции И.Н. Черных, к.и.н. И.В. Исланова. 2011 г.
- 4. Зубцовский краеведческий музей**
172332, Тверская обл., г. Зубцов, наб. Вазузы, д. 18.
Тел. (8-48-262) 2-12-43.
Авторы археологических разделов экспозиции А.В. Мирецкий, А.Н. Хохлов, И.Н. Черных. 1988 г.
Реэкспозиция – И.Н. Черных. 2010 г.
- 5. Калязинский краеведческий музей**
171571, Тверская обл., г. Калязин, ул. Ногина, д. 1.
Тел. (8-48-249) 2-94-37.
Авторы археологических разделов экспозиции И.Н. Черных, А.Н. Хохлов. 1987, 1991 гг.
- 6. Кимрский краеведческий музей**
171506, Тверская обл., г. Кимры, ул. Урицкого, д. 8.
Тел. (8-48-236) 3-27-43, 3-12-67.
Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1990 г.
- 7. Конаковский краеведческий музей**
171255, Тверская обл., г. Конаково, пр. Ленина, д. 23.
Тел. (8-48-242) 4-14-49.
Авторы археологических разделов экспозиции А.В. Мирецкий, А.Н. Хохлов, И.Н. Черных. 1990 г.
- 8. Краснохолмский краеведческий музей**
171660, Тверская обл., г. Красный Холм, ул. Коммунистическая, д. 21.
Тел. (8-48-237) 2-27-11, 2-52-46.
Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1994 г.
Реэкспозиция – И.Н. Черных, к.и.н. И.В. Исланова. 2011 г.
- 9. Карельский национальный краеведческий музей**
171210, Тверская обл., г. Лихославль, ул. Советская, д. 34.
Тел. (8-48-261) 3-50-56.
Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1995 г.
- 10. Осташковский краеведческий музей**
172735, Тверская обл., г. Осташков, ул. Володарского, д. 19.
Тел. (8-48-235) 5-16-46, 5-10-24.
Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1986, 2009 гг.
- 11. Ржевский краеведческий музей**
172381, Тверская обл., г. Ржев, ул. Красноармейская, д. 24-а.
Тел. (8-48-232) 2-12-22; 2-04-59.
Авторы археологических разделов экспозиции И.Н. Черных, Г.А. Лаврова, С.Е. Андреев, Е.А. Романова,
к.и.н. И.В. Исланова (ИА РАН). 2016–2017 гг.

- 12. Тверской областной краеведческий музей** – головное учреждение объединения (основан в 1866 г. как историко-археологический музей)
170100, г. Тверь, ул. Советская, д. 5.
Тел. (8-4822) 34-51-27 (приёмная генерального директора объединённого музея), факс 34-37-90; тел./факс 35-79-97 (отдел археологии объединённого музея); тел. 34-77-76 (сектор археологии отдела фондов объединённого музея). E-mail: archaeology_tver@mail.ru
В настоящее время музей закрыт в связи с ремонтом и реставрацией здания.
Готовится новая экспозиция музея.
- 13. Удомельский краеведческий музей**
171850, Тверская обл., г. Удомля, ул. Энергетиков, д. 2.
Тел. (8-48-255) 5-04-60.
Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 2002 г.

Экспозиции музеев открыты для посещения ежедневно, кроме понедельника и вторника, с 11 до 17 часов.

Археологические коллекции, в том числе значительные, кроме головного музея объединения, содержащего в своих фондах основные материалы из археологических исследований на территории Тверской области, имеют Вышневолоцкий, Кимрский, Старицкий, Торопецкий, Кашинский, Весьегонский, Краснохолмский, Бежецкий, Калязинский, Конаковский, Осташковский, Ворошиловский музеи – филиалы ТГОМ.

ГБУК Тверской области

«Тверской государственный объединённый музей»

на основе договоров с юридическими и физическими лицами осуществляет различные археологические исследования:

полевые – разведывательные работы, обследование земельных участков, в т.ч. в рамках государственной историко-культурной (археологической) экспертизы, инвентаризация и мониторинг памятников археологии, наблюдения при проведении земляных работ на объектах культурного наследия и в их охранных зонах, раскопки археологических памятников всех эпох как в Тверской области, так и на сопредельных территориях;

полевые и камеральные – разработка планов проведения полевых археологических исследований, разделов по сохранению объектов археологического наследия в составе проектной документации;

камеральные – реставрация археологических керамики и металла;

подготовка и оформление археологических экспозиций.

Адрес отдела археологии ГБУК ТГОМ: 170006, г. Тверь, ул. С. Перовской, д. 15.

Телефоны для справок: (8-4822) 35-79-97 (тел., факс), 34-77-76.

E-mail: archaeology_tver@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Сидоров В.В. Этнические процессы по археологическим источникам	5
Моргунова Н.Л. Становление и развитие скотоводства в Волго-Уральском регионе	10
Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Возникновение и развитие производящей экономики в таёжной зоне Среднего Приуралья (поздний энеолит – начало раннего Средневековья)	18
Нордквист К. Развитие производящего хозяйства на территории Финляндии в каменном, бронзовом и раннем железном веках	31
Нордквист К., Мёккёнен Т. Новые данные по археологической хронологии Северо-Запада России: АМС-датировки неолита – энеолита Карелии	39
Мартынов А.Я. Исследование дохристианских древностей Соловецкого архипелага: некоторые ошибки и заблуждения	69
Трусов А.В. Финальнопалеолитическая стоянка Ростиславль 2 (предварительное сообщение)	80
Жемантаускайте М. «Постсвидер»: концепции и состояние изученности в Литве	91
Мельничук А.Ф., Чурилов Э.В. Памятники финального палеолита и раннего мезолита Пермского Приуралья с геометрическими микролитами	101
Мельничук А.Ф., Коренюк С.Н., Чурилов Э.В. Мезолитические сооружения в Пермском Приуралье	122
Андреев К.М., Выборнов А.А., Васильева И.Н. Стоянка Калмыковка I – новый памятник неолита лесостепного Поволжья	143
Скоробогатов А.М. Черкасская стоянка в Среднем Подонье. Результаты исследований 2009–2010 гг.	161
Сидоров В.В. Полецкая стоянка	196
Цветкова Н.А. Раннеэнеолитическая стоянка Нилова Пустынь (по материалам работ В.И. Тимофеева в Тверской области)	213
Сыроватко А.С. Свиридоново III: памятник-загадка раннего железного века	220
Аверин В.А., Аверина А.В. Результаты разведочных работ на озере Долгое на территории Федерального Клязьминского заказника в 2013 году	228
Исланова И.В. Объекты археологического наследия на территории современного г. Ржева (по материалам инвентаризации 2010 г.)	244
Линкевич В.В. Мониторинг некоторых памятников археологии в бассейне озера Охват (Тверская область, Андреапольский район)	264
Калинина И.В. Метод и интерпретация в исследованиях А.А. Бобринским технологии производства древней керамики	271
Костылёва Е.Л., Уткин А.В., Калинина И.В. Гребенчатые штампы Сахтышских стоянок (условия нахождения и каталог)	276
Калинина И.В., Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Зубчатые орнаменты Сахтышских стоянок (опыт экспериментального исследования)	296
Нордквист К., Мёккёнен Т. Керамика типа Киерикки: датировка и параллели в Северо-Восточной Европе	312
Батуева Н.С., Лычагина Е.Л. Техничко-технологический анализ неолитической керамики камской культуры (по материалам памятников Верхнего и Среднего Прикамья)	318
Смольянинов Р.В., Куличков А.А., Клоков А.Ю. Керамика с поселения Доброе 4 (пункт 385) на Верхнем Дону	326
Ивашов М.В., Куличков А.А., Смольянинов Р.В. Нео-, энеолитическая керамика с поселения Буховое 10 на Верхнем Дону	357
Иванов Д.А. Керамика абашевской культуры с поселения Борок 10 на дюне Ундрих в среднем течении р. Оки	370
Новиков А.В. Гребенчато-шнуровая и шнуровая керамика раннего железного века поселения Шунга Костромского Поволжья (по материалам раскопок Н.Н. Гуриной 1954 г.)	386
Жеребцова Н.С., Сыроватко А.С. Об опыте выделения культурно-хронологических групп позднедьяковского населения (на основании технико-технологического анализа керамики Щуровского археологического комплекса)	395

Сыроватко А.С., Жеребцова Н.С. Распределение позднелазовской керамики разных технологических схем в комплексах Щуровского селища и могильника: новые данные	407
Синицына Г.В., Колокольцев В.Г. Кремнёвое сырьё в материалах стоянок-мастерских Подол III/1 и Вышегора I на водоразделе Волги и Днепра	414
Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Усачёва И.В., Юдина Е.А., Остроушко А.А., Тонкушина М.О., Кулеш Н.А. Охра в памятниках каменного века таёжной зоны Зауралья и Западной Сибири	459
Сыроватко А.С., Трошина А.А., Гольева А.А., Семеняк Н.С., Жеребцова Н.С. Размышления о пользе комплексного естественно-научного исследования	468
Колесник А.В. Сопряжённая группа методов расщепления нуклеусов в мастерских позднего палеолита Донбасса	477
Кашина Е.А. Лук в энеолите центра Русской равнины	486
Сериков Ю.Б. Биконические наконечники стрел с токарной обработкой в неолите Урала	494
Савченко С.Н. Наконечники стрел и гарпунов раннего мезолита Среднего Зауралья	503
Ленц Г.Т., Калинин И.В., Дейкун В.И. Функционально-технологический подход к типологии костяных наконечников из пещеры Камень Дыроватый (мезолит, Средневековье)	516
Калинина И.В., Пантелеев А.В. Перо наконечника стрелы и образ стрелы-птицы (мезолитические наконечники из пещеры Камень Дыроватый)	521
Сериков Ю.Б. Клады каменных изделий на территории Урала (вопросы классификации, хронологии и семантики)	531
Иванищева М.В. Древнейшие погребения на севере Восточной Европы	552
Мацане А. Проблема взаимоотношений человека и животных в среднем голоцене Циркумбалтии (по материалам могильников Звейниекы и Скотехольм)	559
Костылёва Е.Л., Уткин А.В., Мацане А. «Восточный след» в энеолитических захоронениях Сахтышских могильников	565
Желудков А.С., Смольянинов Р.В., Свиридов А.А. Грунтовый могильник эпохи бронзы Васильевский Кордон 1 на Верхнем Дону	578
Клещенко Е.А., Свиркина Н.Г. Методические подходы при изучении кремированных костных останков из коллективных захоронений (на примере материалов могильников Русского Севера I тыс. н.э.)	595
Сыроватко А.С., Свиркина Н.Г., Жеребцова Н.С. Опыт антропологического анализа кремаций финала раннего железного века: единственное уцелевшее погребение в курганах Щуровского могильника	602
Горячёв С.В. Культ ведических богов в петроглифах восточного берега Онежского озера	617
Горячёв С.В. Совпадение сюжетов нескольких неолитических наскальных рисунков Фенноскандии с эпизодами Махабхараты	635
Горячёв С.В. Бог Индра и петроглифы мыса Пери Нос VI	646
Гусенцова Т.М. Неолит и его исследователи на Тверских семинаре и конференциях (1993–2016 гг.)	653
Цетлин Ю.Б. Древняя керамика на Тверском археологическом семинаре	657
Кашина Е.А. Изучение первобытного искусства Северной Евразии в рамках Тверского семинара	662
Лев Владимирович Кольцов (07.04.1935 – 03.10.2017)	665
Список сокращений	668
Государственное бюджетное учреждение культуры Тверской области «Тверской государственный объединённый музей» (ГБУК ТГОМ): археологические экспозиции, исследования	674

CONTENTS

Sidorov V.V. Ethnic processes on archaeological sources.....	5
Morgunova N.L. The formation and development of the cattle breeding in the Volga and Ural region	10
Korenyuk S.N., Melnichuk A.F., Pereskokov M.L. The formation and development of productive economy in the taiga zone of the Middle Urals (late Eneolithic – beginning of Early Middle Ages)	18
Nordqvist K. Development of productive livelihoods in Finland during the Stone, Bronze and Early Iron Ages	31
Nordqvist K., Mökkönen T. New data on archaeological chronology of Northwest Russia: AMS-datings of the Neolithic – Eneolithic in the Karelian Republic.....	39
Martynov A.Ya. Investigations of pre-Christian past of Solovetsky archipelago: some mistakes and delusions.....	69
Trusov A.V. Final Palaeolithic Rostislavl 2 site (a preliminary report)	80
Zhemantauskaite M. “Post-swiderian”: the concept and the state of knowledge in Lithuania.....	91
Melnichuk A.F., Churilov E.V. Monuments of the Final Palaeolithic and Early Mesolithic of the Perm Urals with geometrical microlytes.....	101
Melnichuk A.F., Korenyuk S.N., Churilov E.V. Mesolithic constructions of the Perm Urals.....	122
Andreev K.M., Vybornov A.A., Vasilyeva I.N. Kalmykovka I site – new neolithic settlement in the forest-steppe Volga region	143
Skorobogatov A.M. Site Cherkasskaya in the Middle Don basin. Results of studies 2009–2010.....	161
Sidorov V.V. Poletskaya site.....	196
Tsvetkova N.A. The Early Neolithic site Nilova Pustyn’ (by investigations of V.I. Timofeev in Tver region)	213
Syrovatko A.S. Sviridonovo III: archaeological monument-riddle of the Early Iron Age	220
Averin V.A., Averina A.V. Results of archaeological reconnaissance on the Dolgoe Lake on the territory of the Klyazma Federal Reserve in 2013	228
Islanova I.V. The objects of archaeological heritage on the territory of modern Rzhev (in the results of 2010 inventory).....	244
Linkevich V.V. The monitoring of some archaeological monuments in the basin of Lake Okhvat (Tver Region, Andreapolsky District).....	264
Kalinina I.V. Method and interpretation in A.A. Bobrinsky’s researches on production technology of the most ancient ceramics.....	271
Kostilyeva E.L., Utkin A.V., Kalinina I.V. Comb stamps of Sakhtyshsky sites (conditions of location and catalogue).....	276
Kalinina I.V., Kostilyeva E.L., Utkin A.V. Cogged stamps of Sakhtyshsky sites (results of experimental studies)	296
Nordqvist K., Mökkönen T. Kierikki ware: dating and parallels in Northeastern Europe.....	312
Batueva N.S., Lychagina E.L. Technical and technological analyses of the Neolithic pottery of Kama culture (based on the pottery of sites of the Upper and Middle Kama region).....	318
Smolyaninov R.V., Kulichkov A.A., Klokov A.Yu. Ceramics from the settlement Dobroye 4 (point 385) on the Upper Don.....	326
Ivashov M.V., Kulichkov A.A., Smolyaninov R.V. Neo-Eneolithic ceramics from Bukhoveo 10 settlement at the Upper Don.....	357
Ivanov D.A. Ceramics of the Abashevo culture from the settlement of Borok 10 on a dune in the middle reaches of the river Oka	370
Novikov A.V. Comb-cord and cord ceramics of the Early Iron Age from the settlement Shunga, Kostroma Volga Region (on materials of excavations N.N. Gurina 1954).....	386
Zherebtsova N.S., Syrovatko A.S. On the results of defining the cultural-chronological groups of Late Dyakovo culture population on the basis of technical-technological analysis of ceramics from Shchurovsky archaeological complex.....	395

Syrovatko A.S., Zherebtsova N.S. Distribution of Late Dyakovo culture ceramics of different technological schemes in complexes of the Shchurovsky ancient village and cemetery: new data	407
Sinitsyna G.V., Kolokol'tsev V.G. Lithic raw materials at the multi-layered sites Podol III/1 and Vyshegora I on the watershed of the Volga and the Dnieper	414
Kosinskaya L.L., Dubovtseva E.N., Usachyeva I.V., Yudina E.A., Ostroushko A.A., Tonkushina M.O., Kulesh N.A. Ochre in Stone Age monuments of the taiga zone of the Trans-Urals and Western Siberia.....	459
Syrovatko A.S., Troshina A.A., Golyeva A.A., Semenyak N.S., Zherebzova N.S. Speculations on the usefulness of complex scientific investigations	468
Kolesnik A.V. Integrated group of methods for knapping cores in the workshops of the Late Palaeolithic in Donbass.....	477
Kashina E.A. Eneolithic bows in Russian plain centre	486
Serikov Yu.B. Biconical arrowheads with turning treatment in Neolithic of Urals.....	494
Savchenko S.N. Arrowheads and harpoons of Early Mesolithic of the Middle Trans-Urals	503
Lents G.T., Kalinina I.V., Deykun V.I. Functional-technological approach to the typology of the bone tips from “Kamen’ Dyrovaty” cave (the Mesolithic, the Middle Ages)	516
Kalinina I.V., Panteleev A.V. Feather of an arrowhead and image of an arrow bird (Mesolithic tips from a cave the Kamen’ Dyrovaty).....	521
Serikov Yu.B. Hoards of stone artifacts on the territory of the Urals (questions of classification, chronology and semantics).....	531
Ianishcheva M.V. The most ancient burials in the Northeastern Europe	552
Macane A. Problems of the human-animal interrelations in the Middle Holocene in Circum-Baltic area (on materials of Zvejnieki and Skateholm burial grounds)	559
Kostlyeva E.L., Utkin A.V., Macane A. “Oriental trace” in eneolithic graves at Sahtysh burial grounds.....	565
Zheludkov A.S., Smolyaninov R.V., Sviridov A.A. Burial ground of the Bronze Age Vasilyevsky Kordon 1 at the Upper Don.....	578
Kleshchenko E.A., Svirkina N.G. Methodological approaches in the study of cremated bone remains from collective burials (on the example the materials of cemeteries of the Russian North of I Millennium AD)	595
Syrovatko A.S., Svirkina N.G., Zherebtsova N.S. On the anthropological analysis of cremation in the final of the Early Iron Age: the only surviving grave in the barrows of the Shchurovsky cemetery.....	602
Goryachyev S.V. Cult of Vedic gods in petroglyphs of east coast Lake Onega	617
Goryachyev S.V. Coincidence of plots of several neolithic rock carvings of Fennoscandia to Mahabharata episodes.....	635
Goryachyev S.V. God Indra and petroglyphs of the cape of Pery Nos VI	646
Gusentsova T.M. The Neolithic and its studies at Tver seminars and conferences (1993–2016).....	653
Tsetlin Yu.B. Ancient ceramics in the Tver archaeological seminar.....	657
Kashina E.A. The study of primitive art of the Northern Eurasia in the framework of the Tver seminar	662
Lev Vladimirovich Kol'tsov (07.04.1935 – 03.09.2017)	665
List of Abbreviations	668
The State Budgetary Institution of Culture of the Tver Region «Tver State United Museum»: archaeological expositions and investigations	674

Тверской археологический сборник Выпуск 11

Отв. редактор выпуска И.Н. Черных.

Технический редактор И.Н. Черных.
Корректоры: В.А. Румянцева, И.Н. Черных.
Компьютерный набор, вёрстка: Е.А. Иванова.
Оригинал-макет: Е.А. Иванова, И.Н. Черных.
Перевод на англ. язык, корректура:
В.А. Миловидов, И.Н. Черных.

ООО «Издательство «Трида».
170034, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 9, офис 514.
ИД № 06059 от 16.10.2001 г.

Подписано к печати 28.02.2018 г.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объём 42,5 усл. п. л.

Тираж 500 экз. Заказ № 01993/18. Цена свободная.

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь
www.pareto-print.ru